ВЪ ДЕБРЯХЪ АФРИКИ.

ИСТОРІЯ ПОИСКОВЪ, ОСВОБОЖДЕНІЯ И ОТСТУПЛЕНІЯ

ЭМИНА ПАШИ

ПРАВИТЕЛЯ ЭКВАТОРІИ.

Генри М. СТЭНЛИ.

ТОМЪ I.

Переводъ съ англійскаго Е. Г. Бекетовой.

Подъ редакціею А. Н. Бекетова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія бр. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1892.

Оглавленіе I тома.

Г. М. Стэнли.

ВЪ ДЕБРЯХЪ АФРИКИ.

Поиски за Эминомъ-пашей, его освобожденіе и отступленіе.

Переводъ подъ редакціей Андрея Н. Бекетова.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Письмо къ сэру Уильяму Меккиннону, президенту комитета вспомоществованія.

Любезный сэръ Уильямъ!

Настоящая книга, которую я имѣю удовольствіе вамъ посвятить, содержитъ разсказъ о томъ, что совершила и испытала миссія вспомоществованія, преобразовавшаяся въ миссію освобожденія. Это—оффиціальное донесеніе, вѣрный отчетъ о странствованіяхъ экспедиціи, ввѣренной вами и комитетомъ моимъ заботамъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось выполнить всего того, что я жаждалъ совершить, когда уѣзжалъ изъ Англіи въ январѣ 1887 года. Благодаря полнѣйшему упадку управленія Экваторіи, на моемъ попеченіи осталось такъ много стариковъ и больныхъ, которыхъ я долженъ былъ перевозить въ гамакахъ, столько слабыхъ и дряхлыхъ, столько женщинъ и дѣтей, что нашъ небольшой отрядъ испытанныхъ воиновъ превратился въ походный госпиталь, которому рѣшительно было немыслимо пускаться въ какія либо предпріятія. Полуслѣпой губернаторъ везъ многочисленный багажъ; Казати былъ не въ состояніи идти и 90% эмигрантовъ находились не въ лучшемъ положеніи. Мы не имѣли возможности уклониться ни вправо, ни влѣво отъ кратчайшаго пути къ океану, не пожертвовавъ священною задачею, каковою являлась цѣль нашей экспедиціи. Вы, который во время вашей долгой и разнообразной дѣятельности сохранили вѣру въ Бога, засвидѣтельствовали передъ людьми вашу набожную благодарность за всѣ ниспосланныя свыше милости, вы лучше многихъ другихъ поймете одушевляющія меня чувства—теперь, когда я вновь вижу

себя живымъ и невредимымъ въ цивилизованной странѣ, послѣ всѣхъ испытанныхъ бурь и опасностей. Въ самые мрачные часы жизни, смиренно сознавая свое ничтожество передъ Всевышнимъ, я далъ среди необъятной пустыни лѣсовъ торжественное обѣщаніе громко исповѣдать, что я всѣмъ обязанъ Его помощи. Была полночь; мертвая тишина меня окружала. Ослабѣвшаго, разбитаго усталостью, меня еще сильнѣе терзала тревога. Гдѣ искать пропавшихъ товарищей, черныхъ и бѣлыхъ, судьба которыхъ была для насъ загадкой? Въ глубокой душевной и тѣлесной скорби я молилъ Бога возвратить ихъ мнѣ. Девять часовъ спустя насъ охватила восторженная радость: вдали показалось наше развѣвающееся красное знамя съ полумѣсяцемъ; это шелъ такъ долго отсутствовавшій отрядъ!

Другой примѣръ. Послѣ испытаній, подобныхъ которымъ не запомнятъ въ лѣтописяхъ путешествій по черному материку, мы вышли изъ области лѣсовъ и подходили къ странѣ, гдѣ Эминъ-паша, мой «идеальный» губернаторъ, былъ, какъ говорили, окруженъ со всѣхъ сторонъ. Все что мы узнавали отъ туземцевъ, захваченныхъ развѣдчиками, намъ предсказывало ужасныя стычки съ толпами, о численности которыхъ никто не могъ дать точныхъ свѣдѣній. Дѣйствительно, нѣсколько далѣе жители Ундусумы захотѣли воспротивиться нашему проходу; тысячами и десятками тысячъ они кишѣли на холмахъ. Войска ихъ покрыли всю долину. Мы не знали, что это было за племя и сколь далеко простирались его владѣнія. Мы могли предполагать, что ихъ легіоны блокировали также западный путь „нашему“ пашѣ! Если онъ съ 4.000 солдатъ вопилъ о помощи, то что могъ сдѣлать мой небольшой отрядъ въ 173 ружья.

Въ предшествующую ночь я прочелъ въ своей Библіи обращеніе Моисея къ Іисусу Навину:

„Вотъ Я повелѣваю тебѣ: будь твердъ и мужественъ, не страшись и не ужасайся, ибо съ тобою Господь, Богъ твой, вездѣ, куда ни пойдешь“.

Произвели ли на меня эти прекрасные слова такое сильное впечатлѣніе, или дѣйствительно повторилъ мнѣ ихъ чей-то таинственный голосъ?—я не знаю, но мнѣ казалось я ихъ слышалъ. На слѣдующее утро Мозамбони повелѣлъ своему народу напасть и истребить насъ; но въ нашемъ маленькомъ отрядѣ не оказалось ни одного труса, между тѣмъ не далѣе какъ наканунѣ, при видѣ четверыхъ изъ отряда, обратившихся въ бѣгство передъ однимъ чернымъ, я съ горечью воскликнулъ:—„И съ такою сволочью я долженъ проложить себѣ дорогу къ Эминъ-пашѣ!“

Еще примѣръ. Въ декабрѣ 1888 года, при сліяніи Игуру и Дуи,

150 лучшихъ изъ нашихъ ходаковъ были отправлены на фуражировку; прошла недѣля—они не возвращались. Во время ихъ отсутствія 130 нашихъ носильщиковъ, женщины и дѣти оставались безъ всякой другой пищи, кромѣ ежедневной чашки жидкаго варева—изъ горячей воды, небольшаго куска масла, малаго количества сгущеннаго молока и щепотки муки; этимъ старались елико возможно отдалить голодную смерть. Не сдѣлались ли наши фуражиры, идя наудачу, жертвами карликовъ? Я отправился, взявъ съ собою 66 человѣкъ, которыхъ сопровождали наименѣе ослабѣвшіе изъ ихъ семействъ; болѣе дѣятельные, они сумѣли пополнять свой скудный обѣдъ ягодами фриніума и амома, грибами, которые находили въ сырыхъ мѣстахъ, и хотя сильно исхудали, но сохранили нѣкоторую бодрость. Въ лагерѣ мы оставили 51 носильщика съ остатками каравана и въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что если бы къ нимъ не подошла помощь, то смерть ихъ была бы вопросомъ нѣсколькихъ часовъ. Я ихъ оставилъ подъ охраною одного бѣлаго и 13 солдатъ, снабженныхъ на 10 дней всѣмъ, что мы имѣли изъ провіанта. Съ собой мы рѣшительно нечего не взяли, разсчитывая поддерживать свои силы дикими плодами, которые можно было найти по дорогѣ. Послѣ полудня, мы прошли мимо труповъ въ разной степени разложенія. Видъ мертвыхъ и умирающихъ отнялъ у меня послѣднія силы. Я чувствовалъ себя уничтоженнымъ.

На ночномъ привалѣ голодъ и страданія парализовали всѣхъ моихъ людей; отчаяніе ихъ подавляло. Для меня было утѣшеніемъ то, что я не слышалъ ни ропота, ни упрековъ; не наблюдалъ ни малѣйшаго признака возмущенія. Ничто не отвлекало меня отъ моихъ ужасныхъ думъ, отъ заботы, томившей меня. Ужасъ лѣса, тишина природы подавляли меня; я не могъ спать. Мои мысли постоянно возвращались къ тѣмъ промахамъ, благодаря которымъ насъ постигли такія страшныя бѣдствія. Жестоковыйные люди, неисправимые мятежники, у которыхъ безпрестанно прорывается ихъ звѣрство и грубость! Ихъ природная безпечность, вѣчная забывчивость, постоянно нарушаемыя обѣщанія причинили мнѣ болѣе заботъ, погубили у меня болѣе людей, чѣмъ копья и стрѣлы дикихъ! Дайте мнѣ ихъ только найти... Угроза замерла на моихъ устахъ; я вспомнилъ трупы, лежавшіе по сторонамъ тропинки, умирающихъ, оставленныхъ въ лагерѣ, голодающихъ, окружавшихъ меня; я вспомнилъ тѣхъ 150 человѣкъ, которыхъ мы искали, можетъ быть навсегда погибшихъ въ мрачныхъ лѣсахъ или окруженныхъ свирѣпыми пигмеями. Удивитъ ли васъ послѣ этого, что природная суровость моего сердца смягчилась? Да, скоро я могъ молиться, могъ поручить нашу судьбу Тому, Кто одинъ могъ насъ

спасти. На другое утро, черезъ полчаса послѣ того, какъ мы тронулись въ путь, мы встрѣтили отрядъ; здоровые, невредимые и повеселѣвшіе они несли по крайней мѣрѣ четыре тонны чудныхъ банановъ. Крики радости невольно исторглись изъ груди моихъ людей. Они набросились на припасы, и быстро разложивъ костры, стали ихъ жарить, варить и печь! Утоливъ первый голодъ, мы изъ всѣхъ силъ поспѣшили назадъ, чтобы возвратить къ жизни оставшихся съ Бонни.

Припоминая ужасныя обстоятельства нашего путешествія, когда во время странствованій по мрачнымъ дѣвственнымъ лѣсамъ, мы бывали на волосъ отъ самыхъ ужасныхъ катастрофъ—я могу приписать наше спасеніе только милосердію Провидѣнія; можетъ быть оно насъ спасло для другихъ еще неизвѣстныхъ намъ цѣлей. На печальномъ бивуакѣ между Дуи и Игуру никакія арміи и вооруженіе Европы не могли бы насъ спасти. Сотни развѣдчиковъ не смогли бы сыскать мѣста нашей послѣдней борьбы; и вмѣстѣ съ забвеніемъ, поглотившимъ насъ, вѣтеръ навѣвалъ бы слой за слоемъ прахъ надъ нашими трупами, затерянными среди дѣвственной пустыни.

Въ такомъ духѣ смиренія и благодарности я начинаю повѣствованіе о нашей экспедиціи, съ самаго возникновенія ея проекта и до того момента, когда необъятный Индійскій океанъ, чистый и голубой какъ небо, развернулся передъ нашими глазами и я воскликнулъ:

— Паша, мы пришли!

То что публика имѣла право знать, я описалъ, но есть вещи недоступныя циничной, задорной и скептической толпѣ. Все это я пишу теперь для васъ и для вашихъ друзей, для тѣхъ, которые хотятъ, чтобы свѣтъ проникъ на черный континентъ, для тѣхъ, кому дорого человѣчество.

Моимъ правиломъ было и, надѣюсь, всегда останется—поступать хорошо, мыслить справедливо, говорить правду, руководствоваться лучшими побужденіями. Если мнѣ поручаютъ миссію и моя совѣсть ее находитъ полезной и благородной, я посвящаю ея исполненію мои лучшія силы, придерживаясь буквы и согласно съ духомъ. Въ себѣ самомъ я ношу законъ, которому долженъ повиноваться. Того, кто согласенъ съ моимъ воззрѣніемъ на дѣло, кто подтверждаетъ своимъ образомъ дѣйствія, что это и его законъ, я признаю братомъ. Поэтому я съ радостью отдаю должное неоцѣненнымъ заслугамъ моихъ друзей Стэрса, Нельсона, Джефсона и Парка, самоотверженіе которыхъ при исполненіи возлагавшихся на нихъ обязанностей было настолько безупречно, насколько позволяетъ человѣческая природа. Говорятъ эпитафія не можетъ быть написана прежде чѣмъ человѣкъ

сляжетъ въ могилу, такъ и я рѣдко писалъ во время нашего длиннаго путешествія какъ я цѣнилъ исполнительность Стэрса, всегда сохранявшаго хорошее настроеніе духа, серьезное рвеніе Джефсона, военныя качества храбраго Нельсона и нѣжное попеченіе доктора о больныхъ. Они работали терпѣливо и никогда не роптали. Ихъ странствованія окончились теперь, и я чувствую сколь слабы слова, чтобы выразить мою признательность къ каждому изъ нихъ.

Гораздо труднѣе говорить о погибшихъ или о тѣхъ, которыхъ болѣзни и обстоятельства отклонили отъ нашего пути. Но я могу сказать одно, что пока они были со мною, я всегда былъ увѣренъ, что они способны осуществить всѣ лучшія надежды, на нихъ возлагаемыя, и относительно этого у меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія, пока г. Бонни не передалъ мнѣ печальную исторію арріергарда. Почему маіоръ Бартлотъ не могъ исполнить своихъ обѣщаній? Я имѣю положительныя доказательства, что онъ и г. Джемсонъ были воодушевлены самымъ благороднымъ рвеніемъ... но зачѣмъ они не слѣдовали моимъ указаніямъ? Почему гг. Вардъ, Трупъ и Бонни не представили имъ, что лучше было бы подвигаться мало по малу, короткими переходами, чѣмъ медленно умирать въ теченіи многихъ мѣсяцевъ въ Ямбуѣ, какъ умерли сто изъ нашихъ носильщиковъ? они восемь разъ приходили къ водопаду Стэнли и въ Коссонго, что въ общемъ составляетъ 2.000 километровъ. Ихъ журналы, записныя книжки и письма доказываютъ, что успѣхъ былъ въ ихъ рукахъ. Какъ могло случиться, что эти пять офицеровъ, имѣя возможность двинуться въ путь, горя желаніемъ идти, воодушевленные самыми возвышенными чувствами, не исполнили моихъ приказаній. Зачѣмъ они, зная, что я живъ, отправили внизъ по рѣкѣ Конго принадлежащія мнѣ лично вещи и такимъ образомъ лишили своего начальника столькихъ необходимыхъ припасовъ и принадлежностей? Зачѣмъ они отправили наши консервы и двѣ дюжины бутылокъ мадеры, имѣя у себя въ лагерѣ 33 человѣка больныхъ и множество голодающихъ? Почему г. Бонни допустилъ, чтобы также поступили съ его собственнымъ продовольствіемъ? Зачѣмъ было посылать г. Варда съ депешами внизъ по Конго, и давать ему приказаніе не возвращаться къ миссіи? Вотъ рядъ безпокоющихъ меня вопросовъ, на которые я не могу найти удовлетворительнаго отвѣта. Если бы кто нибудь посторонній меня увѣдомилъ объ этихъ вещахъ, я бы ничему не повѣрилъ; но я основываюсь на оффиціальномъ рапортѣ Бартлота *). Въ телеграммѣ, врученной Варду, они обращались за распоряженіемъ къ Лондонскому комитету, но

*) См. прибавленіе I.

тотъ отвѣчалъ: „Мы предлагаемъ вамъ слѣдовать инструкціямъ г. Стэнли“. Я не могу разгадать этой тайны, пусть каждый изъ моихъ читателей объясняетъ ее по своему. Я лишь прошу о снисходительности къ командовавшимъ арріергардомъ.

Послѣ моей встрѣчи у Баналіи съ г. Бонни, я всегда находилъ, что онъ выказывалъ такое-же мужество и преданность какъ и его товарищи. Онъ былъ храбрымъ изъ храбрыхъ. Всѣ порученія, которыя я ему ввѣрялъ, были исполняемы безукоризненно. Совершенное повиновеніе, выказанное имъ отъ Баналіи до океана, дѣлаетъ еще болѣе непостижимымъ пребываніе въ Ямбуйи. 2.000 человѣкъ такихъ какъ Бонни, подъ предводительствомъ способнаго вождя—и Суданъ былъ бы покоренъ и умиротворенъ.

Но, желая установить, кто былъ причиной несчастій нашего арріергарда, я хочу, чтобы читатель все-таки зналъ, что Бартлотъ и Джемсонъ, находись они на мѣстѣ Джефсона и Стэрса, напримѣръ сопровождай они своихъ товарищей, отличились бы такъ же, какъ и эти послѣдніе. Гдѣ найти еще такихъ преданныхъ, всегда, днемъ и ночью готовыхъ къ труду молодыхъ людей, каковы Бартлотъ, Джемсонъ, Стэрсъ, Нельсонъ, Джефсонъ и Пэркъ. Если бы мнѣ нужно было основать новое африканское государство, такіе храбрые, энергичные, неутомимые люди были бы неоцѣнимы. Вторая колонна своей печальной судьбой обязана рѣшенію, принятому 17 августа—ожидать меня и прибытію арабовъ въ тотъ же или на другой день.

Все сказанное на этихъ страницахъ, по поводу Эмина, не должно низвести его съ той высоты, на которую поставило его мое воображеніе; если дѣйствительность и рисуетъ его нѣсколько инымъ, виной тому не Эминъ-паша. Пока его люди оставались ему вѣрны, онъ былъ достоинъ идеала, созданнаго мною. Разъ его солдаты возстали, онъ не могъ уже справиться со страной, подобно столяру, который съ хорошими инструментами удовлетворительно выполняетъ работу, а съ плохими—ничего не можетъ сдѣлать. Паша на дѣлѣ оказался не такимъ гигантомъ, какимъ я его воображалъ себѣ; но можемъ ли мы порицать его за это? Ему удалось продержаться пять лѣтъ въ своей провинціи; но можетъ ли онъ быть отвѣтственнымъ за всѣ сумасбродства его подчиненныхъ, за эпидемію возмущеній, преобразившихъ въ бунтовщиковъ до тѣхъ поръ вѣрныхъ солдатъ. Въ этомъ повѣствованіи я два раза говорю объ Эминѣ, изображая его при различныхъ обстоятельствахъ и каждый разъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Его несчастіе не уменьшаютъ моего къ нему уваженія, хотя, по моему, онъ былъ слишкомъ снисходителенъ къ возставшему отряду. Какъ администраторъ, онъ обнаружилъ самыя высокія качества; онъ былъ добръ, бла-

городенъ, милостивъ и терпѣливъ съ туземцами, искавшими его покровительства. Нѣтъ лучшаго и высшаго доказательства уваженія, съ какимъ къ нему относились его люди, какъ то, что, благодаря его репутаціи милостиваго и справедливаго человѣка, ему оставили жизнь. Однимъ словомъ, прежде чѣмъ онъ былъ окончательно низложенъ, всѣ часы бодрствованія онъ посвящалъ на насажденіе цивилизаціи и расширеніе научныхъ познаній. Я желалъ бы, чтобы это все вспомнили читатели и приняли въ разсчетъ, что я часто писалъ подъ минутнымъ впечатлѣніемъ. Я долженъ думать, что г. Монтэней Джефсонъ написалъ такой благопріятный отчетъ о событіяхъ, происшедшихъ во время плѣна его и Эмина, единственно подъ вліяніемъ дружбы и симпатіи, которыя онъ чувствовалъ къ своему другу. Онъ такъ ясно выражалъ эти два чувства, что я, смѣясь, называлъ его махдистомъ, арабофиломъ, эминистомъ. Его, кажется, не особенно возмущало, что онъ могъ попасться въ ловушку съ перспективою быть отправленнымъ какъ невольникъ въ Хартумъ. Письма Джефсона, какъ будетъ видно далѣе, были одобрены Эминомъ. Дальнѣйшее, въ концѣ концовъ, показало, что Джефсонъ не безъ основанія сказалъ однажды: „Чувство—главнѣйшій врагъ паши; его никто, кромѣ его самого, неудерживаетъ здѣсь“. Чему я особенно удивляюсь въ нашемъ товарищѣ, это борьбѣ, происходившей въ немъ между чувствомъ долга въ отношеніи меня, его начальника, и дружбой къ правителю.

Конечно, слѣдуетъ сожалѣть, что Эминъ не имѣлъ того вліянія на своихъ людей, которое обезпечило бы ему преданность и вѣрность ихъ и подчинило бы ихъ законамъ и обычаямъ народовъ болѣе образованныхъ, научило уважать туземцевъ и своихъ собратьевъ по оружію, охранять миръ и собственность, безъ которыхъ не можетъ быть настоящей цивилизаціи. Но такъ какъ правитель Экваторіи не былъ въ состояніи выполнить этой задачи, то, пожалуй, и лучше, что событія приняли противоположное направленіе. Туземцы Африки не узнаютъ благодѣяній прогресса, пока край будетъ охраняться такой распущенной и малодушной арміей, хотя бы въ тоже время готовой повиноваться, какъ и всѣ суданцы, какой бы то ни было власти, лишь бы она была сильна.

Привычка смотрѣть на туземцевъ какъ на язычниковъ, *абидовъ* (abid) или рабовъ беретъ свое начало со временъ Ибрагима-паши. Надо, чтобы она исчезла и тогда только мало по малу страна можетъ преобразиться и порядокъ водворится даже и вдали отъ военныхъ постовъ. Когда каждая мѣра хлѣба, каждая курица, коза, баранъ или корова, нужные отряду, будутъ оплачиваемы чистыми деньгами и вымѣниваемы на ходячій товаръ, вліяніе цивилизаціи станетъ

неотразимо. Честность въ сношеніяхъ съ туземцами поможетъ даже успѣху христіанской проповѣди.

Но нѣтъ надежды на распространеніе той и другой до тѣхъ поръ, пока имъ будутъ предшествовать или ихъ сопровождать несправедливость и грабежъ, такъ сильно вкоренившіеся въ нравахъ Судана.

Всѣ тѣ, которые хотя нѣсколько уважаютъ высшую справедливость, утѣшатся, вспомнивъ, что жители экватора насладятся теперь миромъ и сравнительнымъ покоемъ.

Что же касается истинной цивилизаціи, то будетъ достаточно мѣсяца, чтобы тамъ, конечно при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, возстановились хотя наружныя ея формы. Липамъ и померанцамъ потребуется, однакожъ, больше времени, чтобы вновь возрасти.

Если въ теченіи всей экспедиціи я недостаточно выражалъ мое расположеніе и признательность вамъ и прочимъ членамъ комитета вспомоществованія, то причиной этого было отсутствіе случая и сила обстоятельствъ. Напротивъ того, если бы вы и прочіе мои друзья признали, что я, насколько это было въ моей власти, честно и вѣрно выполнилъ свою задачу, въ томъ духѣ и въ томъ же направленіи, какъ если бы вы сами могли физически и нравственно мнѣ сопутствовать, то я бы былъ совершенно доволенъ и высшей для меня похвалой было бы ваше простое—„Спасибо“!

Дорогой сэръ Уильямъ! любить такое благородное и такое великодушное сердце, какъ ваше, совершенно естественно. Повѣрьте, что мое сердце давно вамъ принадлежитъ.

Генрихъ М. Стэнли.

ВЪ ДЕБРЯХЪ АФРИКИ.

Глава I.

ВВЕДЕНІЕ.

Хедивъ и Суданъ.—Араби-паша.—Пораженіе Гикса.—Махди.—Сэръ Эвелинъ Бэрингъ и лордъ Гренвилль.—Валентинъ Бэкеръ-паша.—Генералъ Гордонъ и его труды въ верховьяхъ Нила. — Эдуардъ Шницлеръ (Эминъ-эффенди-Гакимъ) и его провинція. — Гордонъ въ Хартумѣ.—Экспедиція 1884 года подъ начальствомъ лорда Уольсли.—Взятіе Хартума.—Макей, миссіонеръ въ Угандѣ.—Письма Эминъ-бея къ Макей, Аллену и д-ру Фелькину.—Виды Гольмвуда и Макея. — Различные предположенные пути. — Сэръ У. Меккиннонъ и Хуттонъ.—Фондъ экспедиціи.—Приготовленія.—Полковникъ сэръ Ф. Уинтонъ.—Выборъ персонала.—Король Леопольдъ и путь въ Конго.—Отъѣздъ въ Египетъ.

Одинъ только Карлейль, когда онъ, въ полномъ развитіи своего таланта, изображалъ такими мрачными красками ужасные дни французской революціи, могъ бы описать длинный рядъ бѣдствій, которыя послѣдовали за тѣснымъ соединеніемъ Египта и Великобританіи. Вопросъ настолько жгучъ, что англичане не рѣшаются его касаться. Тѣ, которые намъ сообщаютъ эти ужасы, ограничиваются простымъ пересказомъ событій. Нельзя читать объ нихъ безъ содроганія при мысли о тѣхъ опасностяхъ, какимъ подвергались англичане и Англія въ теченіи этого печальнаго періода, когда управленіе страной находилось въ такомъ жалкомъ состояніи. Только однажды мракъ разсѣялся и показалось солнце, освѣтившее безсмертныхъ воиновъ Абу-Клея и Губа, гдѣ на пескахъ пустыни небольшой отрядъ англичанъ сражался грудь съ грудью и упрочилъ себѣ славу, равную славѣ легкой бригады при Балаклавѣ. Это были настоящія битвы, которыя искупили часть ошибокъ, подобныхъ которымъ не встрѣчалось въ исторіи въ теченіи цѣлаго вѣка. Если бы направлявшіе политикою имѣли хотя искру самоотверженной рѣшимости сражавшихся при Абу-Клеѣ—Махди весьма скоро превратился бы въ деко-

ративное лицо, героя романа и годился для красивыхъ метафоръ; онъ не былъ бы геніемъ зла, возникшимъ для уничтоженія молодой цивилизаціи Судана.

Окинемъ бѣглымъ взглядомъ событія, вслѣдствіе коихъ послѣдній изъ офицеровъ Гордона, осажденный въ своей экваторіальной провинціи, взывалъ о помощи.

Слишкомъ смѣлый планъ хедива Измаила былъ первой причиной того, что произошло въ Египтѣ и Суданѣ. Только съ 5 милліонами подданныхъ и казной, съ каждымъ днемъ уменьшавшейся, онъ хотѣлъ преобразовать свое вице-королевство въ огромную имперію, которая заключала бы болѣе чѣмъ $1^1/_2$ милліона квадратныхъ километровъ и простиралась бы отъ маяка Александріи до южной оконечности озера Альбертъ и отъ Массовы до западной границы Дарфура. Изъ Европы, изъ Америки стекались въ его столицу искатели приключеній, представляя ему самые смѣлые проэкты и предлагая стать во главѣ самыхъ безумныхъ предпріятій. Періодъ правильнаго управленія, когда господство Египта оканчивалось у Гондокоро, когда Нилъ былъ естественнымъ посредникомъ торговли, развивавшейся медленно, но вѣрно,—окончился, когда капитаны Спикъ, Грантъ и сэръ Самуель Бэкеръ съ энтузіазмомъ разсказали хедиву о великолѣпныхъ озерахъ юга, о странахъ, съ которыми никакіе другіе не могутъ сравняться плодородіемъ. Война за освобожденіе негровъ только что кончилась; отставные солдаты являлись въ Египетъ, чтобы предложить къ услугамъ современнаго фараона свой геній и осуществить его мечты объ имперіи. Англичане, нѣмцы, итальянцы стремились раздѣлить почести, которыя дождемъ лились на смѣлыхъ и храбрыхъ.

Старательно и безпристрастно прочитывая лѣтопись этого царствованія, удивляясь широтѣ взглядовъ хедива, воодушевленію, которымъ онъ обладалъ, царской щедрости его даровъ, подвигамъ его войскъ, постоянному распространенію его могущества, которое простиралось на югъ, западъ и востокъ, я не могу не приравнять его успѣховъ завоевателя Африки къ завоеваніямъ Александра въ Азіи, но съ нѣкоторой разницею. Македонянинъ велъ свои войска самъ; египтянинъ же наслаждался радостями въ своихъ каирскихъ дворцахъ и ввѣрялъ свой мечъ беямъ и пашамъ.

Поприще побѣдъ кажется хедиву благороднымъ; европейская пресса ему рукоплещетъ; цивилизація на него разсчитываетъ; въ его честь поются гимны; два моря соединены и коммерческія суда величественною вереницею тянутся по морскому каналу; желѣзныя дороги проходятъ къ югу; увѣряютъ, что скоро линія ихъ достигнетъ Берберіи. Но въ теченіи этого блестящаго періода народы новой имперіи инте-

ресовали своего владыку только какъ матеріалъ для налоговъ, какъ средство наполнить его казну. Подати тяжелѣе чѣмъ когда либо: паши жаднѣе; управленіе суровѣе; устанавливаютъ монополію на слоновую кость и въ концѣ концовъ, чтобы еще болѣе увеличить всеобщее недовольство, на всей территоріи уничтожается торговля рабами. Менѣе чѣмъ въ 5 лѣтъ сэръ Самуель Бэкеръ завоевываетъ экваторіальную область, а Мунцингеръ—Сенааръ; Дарфуръ присоединенъ, Баръ-эль-Газаль покоренъ послѣ ужасной рѣзни. Смѣлость этой попытки создать имперію удивляетъ столько же, сколько и отсутствіе въ ней здраваго смысла. На протяженіи почти 1.300 километровъ находятся только три военныя станціи, и это въ странѣ, гдѣ, когда спадаетъ вода Нила, верблюды служатъ единственнымъ средствомъ передвиженія.

Стали находить, что хедивъ слишкомъ часто обращался къ европейскимъ банкамъ. Долгъ Египта возросъ до 3.200 милліоновъ франковъ. Онъ отказалъ въ обезпеченіи, которое у него требовали правительства для тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которыхъ сбереженіе онъ такъ щедро тратилъ. Измаилъ былъ смѣщенъ въ 1879 году, и на его мѣсто возведенъ его сынъ Тевфикъ, нынѣшній вице-король, подъ опекою европейскихъ правительствъ. Вскорѣ послѣ этого разразилось военное возстаніе, подавленное въ Кассасинѣ, въ Тель-эль-Кебирѣ, въ Каирѣ и Кафръ-Дуарѣ англійской арміей въ 13.000 человѣкъ подъ начальствомъ лорда Уольсли.

Въ теченіи своего краткаго правленія Араби-паша, зачинщикъ военнаго возстанія, причинилъ много бѣдствій, отозвавъ изъ Судана всѣ отряды, которыми онъ могъ располагать. Въ то время, какъ англійскій генералъ окончательно разбилъ при Тель-эль-Кебирѣ бунтовщиковъ, Махди Магомедъ-Ахмедъ началъ осаду д'Ель-Обеида. Будучи атакованъ 23 августа при Дуемѣ, онъ потерялъ 4.500 человѣкъ. 14-го онъ былъ отбитъ гарнизономъ д'Обеида, оставивъ на мѣстѣ, какъ говорятъ 10.000 солдатъ. Эти огромныя потери, продолжавшіяся съ 11 августа 1881 года, когда въ первый разъ Махди попытался доказать народонаселенію Судана слабость египетскаго правительства, главнымъ образомъ пали на провинцію верхняго Нила. Равнодушные къ религіи новаго пророка, но обложенные сверхъ силъ податями, которыхъ они не могли уплачивать, такъ какъ торговля неграми была запрещена, суданцы сотнями сбѣгались подъ его знамя, вмѣстѣ съ торговцами неграми, коихъ продажу прекратили энергическія усилія Гордона и его лейтенанта Джесси.

Пораженія египтянъ слѣдуютъ почти непрерывнымъ рядомъ съ 11 августа 1881 года и по 4-е марта 1883 года, когда Гиксъ-паша, бывшій офицеръ индійской арміи, высадился въ Хартумѣ въ качествѣ

начальника главнаго штаба суданскихъ войскъ. Продолжавшие бунтоваться солдаты были распущены и сэръ Эвелинъ Вудъ организовывалъ другую армію, которая не должна была превышать 6000 человѣкъ.

Гиксъ, зная о страшномъ могуществѣ, ненависти и фанатизмѣ, доходившемъ до изступленія, которые овладѣли его полчищами, малую стойкость, отсутствіе дисциплины и трусость своихъ собственныхъ отрядовъ, настойчиво требовалъ подкрѣпленія въ 5000 человѣкъ отъ египетскаго правительства или четыре баталіона новаго корпуса генерала Вуда и мечталъ о покореніи Кордофана. Онъ идетъ на встрѣчу Махди и его ордъ, опьяненныхъ побѣдами подъ Обеидомъ и Барой. Онъ отправляется въ свою послѣднюю экспедицію съ 12.000 человѣкъ, 10 горными орудіями, 6 пушками Норденфельда, 5.500 верблюдами и 500 лошадей. Его офицеры штаба и даже гражданскіе чиновники, которые за нимъ слѣдуютъ, предсказываютъ ему пораженіе. Они знаютъ, что въ его арміи много слабыхъ мѣстъ, что большая часть солдатъ—фелахи, оторванные отъ своихъ полей и насильно зачисленные въ отряды, другіе—махдисты. Разладъ царствуетъ между начальниками; все распадается,—но армія идетъ впередъ и встрѣчается съ легіонами пророка. Армія уничтожена.

Въ это время Англія, вмѣстѣ съ хедивомъ, котораго она возвела на quasi-королевскій престолъ, управляла дѣлами. Она имѣла очевидный интересъ ему покровительствовать. Ея солдаты въ Египтѣ; англійскій генералъ начальствуетъ египетскими войсками, военная полиція подчинена бывшему полковнику англійской кавалеріи, ея дипломатическій агентъ управляетъ иностранными дѣлами; почти всѣ выдающіяся государственныя должности заняты англичанами.

Суданъ былъ театромъ ужасныхъ и кровавыхъ битвъ между плохо организованными отрядами египетскаго правительства и побѣдоносными толпами, собранными подъ знаменами Махди. Многіе въ Англіи понимали, что если съ твердостью не противостать пророку, если не послать въ достаточномъ количествѣ денегъ и войска—обширный плодородный бассейнъ верхняго Нила потерянъ для Египта. Такъ какъ управленіе этими дѣлами находится въ рукахъ Ст.-Джемскаго кабинета, то ему и слѣдуетъ громко высказаться относительно политики, которой онъ намѣренъ держаться. Въ парламентѣ первому министру дѣлается запросъ: составляетъ ли Суданъ часть Египта и предприметъ ли великобританское правительство мѣры къ водворенію порядка. М-ръ Гладстонъ отвѣчалъ, что такъ какъ Суданъ не входитъ въ сферу англійской оккупаціи, то правительство не намѣрено простирать свою отвѣтственность такъ далеко. Какъ политическое заявленіе оно неуязвимо, такова политика Гладстона, это его прин-

ципъ, равно какъ его сторонниковъ и его партіи. Какъ принципъ— онъ достоинъ уваженія.

Пока не знали еще судьбы генерала Гикса, хотя уже ее подозрѣвали, политическій агентъ Англіи въ Египтѣ, сэръ Эвелинъ Бэрингъ повторялъ свои предостереженія англійскому правительству и указывалъ на средства, какъ избѣжать окончательной катастрофы. Онъ написалъ: „если Гиксъ разбитъ,—Хартумъ въ опасности. Паденіе Хартума будетъ угрожать Египту“.

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1883 года, лордъ Гренвилль, въ нѣсколько пріемовъ, даетъ отвѣтъ, что правительство, въ извѣстныхъ границахъ, совѣтуетъ оставленіе Судана. Египетское правительство должно принять на себя отвѣтственность за дѣйствія собственно внѣ Египта, но британское правительство не имѣетъ намѣренія посылать въ Суданъ европейскія или индійскія войска. Тщетныя усилія хедива для удержанія Судана послужили бы только къ усиленію опасности.

Сэръ Эвелинъ Бэрингъ извѣщаетъ лорда Гренвилля, что никакіе совѣты, ниже доказательства, не убѣдятъ египетское министерство оставить Суданъ. Но Шерифъ-паша, первый министръ въ то время, увѣдомляетъ лорда Гренвилля, что, по мнѣнію Валентина Бэкеръ-паши, египетскія силы положительно недостаточны для подавленія суданскаго возстанія.

Лордъ Гренвилль отвѣчаетъ черезъ посредство сэра Эвелина Бэринга, что пока англійскіе солдаты занимаютъ Египетъ, мнѣніе министровъ ея британскаго величества должно имѣть перевѣсъ; онъ настаиваетъ, чтобы оно было принято. 10 января 1884 года мѣняется египетское министерство и Нубаръ дѣлается первымъ министромъ.

17-го декабря Валентинъ Бэкеръ отправляется въ Суакимъ, чтобы начать дѣйствія, имѣя въ виду поддержать сообщеніе между этимъ городомъ и Берберіей и усмирить племена, населяющія эту страну. Въ Англіи никто не сомнѣвался въ судьбѣ маленькой арміи; въ Египтѣ же были ею озабочены. Боясь, чтобы сраженіе не было гибельно для отряда, хедивъ самъ писалъ Бэкеру: „я разсчитываю на вашу осторожность и ваши способности; не дѣлайте нападенія на врага иначе, какъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ“. Конечно, Бэкеръ не имѣлъ недостатка въ опытности и храбрости; что же касается осторожности и такта, то ихъ у него было не болѣе чѣмъ у несчастнаго Гикса.

6 февраля онъ отправился изъ Тринкитата, на берегу Краснаго моря, и двинулся по направленію къ Токару. Въ десяти километрахъ онъ встрѣтилъ передовой отрядъ бунтовщиковъ и черезъ нѣсколько минутъ началось сраженіе. «Нападавшіе показали полное презрѣніе

къ египетскимъ солдатамъ; они ихъ схватывали за горло и перерѣзывали; охваченные страхомъ, правительственныя войска показали тылъ, предпочитая лучше рисковать быть убитыми, чѣмъ защищаться. Они сотнями бросаютъ свои ружья и кидаются на колѣни, простирая руки и прося пощады".

Изъ 3.746 человѣкъ, бывшихъ у паши, погибло 2.373. „Бэкеръ,—прибавляетъ Руаль, превосходный историкъ этихъ кампаній,—зналъ или долженъ былъ знать составъ войска, которымъ онъ начальствовалъ; вести ихъ въ огонь значило призывать пораженіе". Чтобы онъ сказалъ о Гиксѣ?

Съ 1874 по 1876 г. въ верхнемъ Суданѣ работалъ генералъ Гордонъ. Онъ слѣдовалъ по направленію, начертанному сэромъ Самуелемъ Бэкеромъ, покорялъ туземцевъ, разбивалъ караваны работорговцевъ, разрушалъ ихъ станціи и цѣлымъ рядомъ укрѣпленій расширилъ власть хедива до Альбертъ-Ньянса. Послѣ четырехмѣсячнаго отдыха онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Судана, Дарфура и экваторіальныхъ провинцій. Однимъ изъ его помощниковъ былъ Эдуардъ Шницлеръ, нѣмецъ изъ Оппельна, въ Пруссіи, родившійся въ 1840 году 20 мая отъ родителей евреевъ. Онъ служилъ въ Турціи, Арменіи, Сиріи и Аравіи подъ начальствомъ Измаила Гакки-паши, прежняго генералъ-губернатора Скутари и мушира оттоманской имперіи. Послѣ смерти своего патрона, онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Нейссѣ, гдѣ жила его мать, сестра и двоюродные братья; затѣмъ, онъ уѣхалъ въ Египетъ, а потомъ, въ 1875 г., въ Хартумъ, гдѣ былъ у Гордона сперва въ качествѣ врача. Тогда же онъ принялъ имя и титулъ Эминъ-эффенди-Гакимъ—«вѣрный врачъ». Потомъ онъ былъ посланъ въ Ладо охранять магазинъ и ходить за больными и къ королю Мтеса съ дипломатическими порученіями; вызванъ обратно въ Хартумъ и опять отправленъ съ депешами къ Кабба-Рега, королю Уніуро, а затѣмъ, въ 1878 году, возведенъ въ санъ бея и на него было возложено управленіе экваторіальной провинціей, по арабски Хатъ-аль-Астива. Луптонъ, бывшій подшкиперъ одного изъ пароходовъ компаніи Peninsular and Oriental, былъ назначенъ правителемъ провинціи Баръ-эль-Хазалъ, сосѣдней съ Экваторіей, съ вознагражденіемъ въ 1.250 франковъ въ мѣсяцъ.

Получивъ извѣстіе о низложеніи Измаила въ 1879 г., Гордонъ сдалъ свою должность на руки Тевфика, предупредивъ его, что онъ не разсчитываетъ опять ее принять.

Въ 1880 г. онъ вступилъ въ должность секретаря маркиза де-Рипонъ, вице-короля восточной Индіи, но не пробылъ въ ней и мѣсяца. Въ 1881 г. онъ былъ начальникомъ инженеровъ на островѣ св.

Маврикія. Черезъ два мѣсяца послѣ этого онъ явился на помощь капскимъ властямъ въ ихъ затрудненіяхъ съ бассутосами, но въ скоромъ времени, не поладивъ съ колоніальнымъ правительствомъ, возвратился въ Англію.

Въ это время я дѣйствовалъ на рѣкѣ Конго. Мои успѣхи въ этой огромной странѣ на западѣ Африки налагали на меня серьезную отвѣтственность, и я рисковалъ потерять возможность отступленія, потому что въ то время, какъ я былъ въ низовьяхъ Конго, дѣла приняли дурной оборотъ на верховьяхъ рѣки; не успѣлъ я туда пріѣхать, какъ въ мѣстахъ, которыя я только что покинулъ, вспыхивало междоусобіе. Поэтому, уже въ сентябрѣ 1882 года и весною 1883 г., подстрекаемый моимъ живымъ сочувствіемъ къ этой обширной странѣ, быстро становившейся государствомъ, я выяснилъ мое положеніе бельгійскому королю. Мнѣ былъ необходимъ сотрудникъ, человѣкъ достойный, высокаго положенія, преданный нашему дѣлу, какъ напр. Гордонъ, который бы принялъ на себя заботы по управленію половиною страны, по его выбору, верхняго или нижняго Конго, между тѣмъ я бы занялся другою. Я напрасно тратилъ драгоцѣнное время въ разъѣздахъ взадъ и впередъ между двумя частями страны, а молодые офицеры, поставленные во главѣ различныхъ учрежденій, не упускали случая пользоваться моимъ отсутствіемъ. Его величество обѣщалъ переговорить съ генераломъ, но въ теченіи довольно долгаго времени отвѣты послѣдняго не были благопріятны. Наконецъ, весною 1884 года, я получилъ письмо, написанное знакомымъ мнѣ почеркомъ Гордона: онъ увѣдомлялъ меня о своемъ пріѣздѣ на ближайшемъ пароходѣ.

Лишь только онъ отправилъ свое письмо и простился съ королемъ Леопольдомъ, какъ его соотечественники осадили его просьбами; убѣждали спѣшить въ Хартумъ и помочь египетскому правительству, спасти гарнизонъ, со всѣхъ сторонъ окруженный.

Лично я не знаю, что произошло, когда лордъ Уольсли представилъ генерала лорду Гренвиллю, но мнѣ говорили, что Гордонъ ручался, что удачно выполнитъ свое предпріятіе. Въ чемъ же оно состояло на самомъ дѣлѣ? Кажется, есть нѣкоторое противорѣчіе въ выраженіяхъ, его опредѣляющихъ. Египетскія власти желали лишь очищенія осажденнаго города и можетъ быть лордъ Гренвилль желалъ услугъ Гордона только для этой исключительно гуманной задачи; что касается до другихъ гарнизоновъ, то такъ какъ считалось невозможнымъ имъ помочь, ихъ хотѣли предоставить своей судьбѣ. Синія книги, содержащія въ себѣ оффиціальныя депеши, кажется, подтверждаютъ это предположеніе. Но также вѣрно и то, что

лордъ Гренвилль поручилъ генералу отправиться въ Египетъ и доставить ему свѣдѣнія какъ о положеніи Судана, такъ и о мѣрахъ, которыя слѣдовало бы принять, дабы обезпечить безопасность гарнизоновъ и для спасенія европейскаго населенія Хартума. Кромѣ того, онъ долженъ былъ выполнить тѣ обязанности, которыя возложило бы на него правительство хедива и взять съ собой полковника Стюарта.

Сэръ Эвелинъ Бэрингъ, послѣ долгаго разговора съ Гордономъ, далъ ему окончательныя инструкціи англійскаго кабинета; мы приведемъ изъ нихъ слѣдующіе пункты:

1) Обезпечьте отступленіе европейскаго населенія, числомъ отъ 10—15.000 душъ и гарнизона Хартума *).

2) Вамъ предоставляется выборъ времени и способа.

3) Вы должны помнить, что главная цѣль (вашей миссіи) есть очищеніе Судана.

4) Такъ какъ вы считаете это возможнымъ, то попытайтесь образовать союзъ изъ туземныхъ племенъ, который замѣнитъ египетское правительство.

5) Въ казначействѣ вамъ будетъ открытъ кредитъ въ 2.500.000 франковъ.

Гордону удалось немного ободрить египетскихъ министровъ, пораженныхъ паникою и ограничивавшихся просьбою объ очищеніи Хартума. Повидавъ и поговоривъ съ нимъ, они вздохнули свободнѣе и, по его просьбѣ, назначили его генералъ-губернаторомъ. Фирманъ, который онъ получилъ, уполномочилъ его вывести изъ различныхъ территорій Судана войска, гражданскихъ чиновниковъ и другихъ лицъ, которые пожелали бы вернуться въ Египетъ. Затѣмъ, окончивъ эвакуацію, онъ долженъ былъ организовать управленіе, если то возможно—какъ будто это не было дѣло совершенно невозможное!

Лордъ Гренвилль одобрилъ эти инструкціи.

Однако, мнѣ говорили, было условлено, что если окажется невозможнымъ вывести весь гарнизонъ изъ Судана, то Гордонъ, не теряя времени, долженъ былъ очистить Хартумъ. Но объ этомъ ничего нѣтъ ни въ какомъ оффиціальномъ документѣ до 23 марта 1884 года и неизвѣстно достигла ли вообще эта телеграмма до генерала **).

---

*) №№ 1 и 3 не согласуются одинъ съ другимъ. Хартумъ и Суданъ не однозначущія названія. Вывести гарнизонъ изъ Хартума было не трудно. Очистить Суданъ одному генералу безъ арміи невозможно.

**) Эта единственная, вполнѣ ясная, депеша изъ читанныхъ мною въ Синей книгѣ за этотъ періодъ времени.

26 января 1884 года Гордонъ отправился въ Хартумъ, куда онъ прибылъ 18 февраля. Многочисленныя депеши, которыя онъ отправлялъ во время путешествія, свидѣтельствуютъ о его полной увѣренности въ успѣхѣ. Нѣсколько позже „Times“ опубликовалъ слѣдующую телеграмму своего корреспондента, мистера Поттера, исполнявшаго должность англійскаго консула въ Хартумѣ. „Народъ преданъ генералу Гордону: онъ хочетъ спасти гарнизонъ, затѣмъ окончательно предоставить (къ тому онъ принужденъ) суданцамъ Суданъ“.

И вмѣстѣ съ населеніемъ Хартума англійская печать, нѣкогда такая прозорливая по дѣлу Валентина Бэкеръ-паши, воодушевлялась все болѣе и болѣе, предсказывая лишь успѣхъ. Генералъ совершилъ въ Китаѣ такіе блестящіе подвиги! Онъ съ корнемъ уничтожилъ въ Суданѣ торговлю рабами, онъ сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе мрачныхъ суданцевъ! Газеты находили вполнѣ естественнымъ, что онъ при помощи своего бѣлаго жезла и полдюжины слугъ, освободилъ столько людей, уже обреченныхъ на смерть, гарнизоны Сенаара, Баръ-эль-Хазала и Экваторіи: въ общемъ около 29.000 человѣкъ, гражданскихъ чиновниковъ ихъ женъ, дѣтей... и послѣ этого болѣе чѣмъ геркулесовскаго подвига,—такъ онъ былъ невозможенъ,—ему приходилось еще учредить правительство!

Но уже 29 февраля Гордонъ телеграфировалъ: «Мало надежды на лучшее, больше надежды на худшее». И отъ 2 марта: «Оставаться въ Хартумѣ или нѣтъ?—Выборъ уже отъ меня не зависитъ». 16 марта: «Вскорѣ мы будемъ блокированы». Около 30 и 31: «У насъ провизіи на 5 мѣсяцевъ. Врагъ насъ осаждаетъ со всѣхъ сторонъ».

Въ концѣ концовъ надо думать, что существовало большое недоразумѣніе между тѣмъ, что хотѣлъ выразить англійскій уполномоченный, и тѣмъ, какъ это понялъ генералъ, потому то онъ пишетъ сэру Эвелину Бэрингу: «Вы спрашиваете у меня о причинахъ и поводахъ, почему я хочу оставаться въ Хартумѣ; я остаюсь въ Хартумѣ потому, что арабы насъ въ немъ окружили и не хотятъ выпустить».

Въ это самое время въ Англіи общественное мнѣніе настойчиво требовало отъ кабинета, чтобы онъ изыскалъ средство для освобожденія генерала. Но между лордомъ Гренвиллемъ и Гордономъ было условлено, что задача послѣдняго именно избавить правительство отъ необходимости послать войско въ Суданъ: впрочемъ, лордъ Гренвилль заявилъ, что онъ не дастъ ни англійскихъ, ни индійскихъ полковъ. Министерство такимъ образомъ не слишкомъ торопилось уступать требованіямъ страны. Наконецъ, такъ какъ крики усиливались, парламентъ и нація соединились въ сознаніи долга вырвать у смерти храбраго солдата, который такъ великодушно ей себя обрекъ,

и М. Гладстонъ 5 августа, въ засѣданіи палаты общинъ, всталъ и потребовалъ вотированія необходимой суммы для освобожденія Гордона.

Были намѣчены двѣ дороги, по которымъ вспомогательная экспедиція могла бы достигнуть до Хартума: одна—прорѣзаетъ пустыню напрямикъ отъ Суакима до Берберіи; другая—идетъ по теченію Нила. Гордонъ высказался въ пользу послѣдней и начальникъ экспедиціи избралъ также ее.

18 сентября пароходъ «Абассъ», везшій полковника Стюарта, прежняго товарища Гордона, Повера, корреспондента «Times», Эрбина, французскаго консула, многихъ грековъ и египтянъ, всего 44 человѣка, потерпѣлъ крушеніе, пытаясь пройти пороги водопада Абу-Гамида. Арабы предложили экипажу высадиться спокойно и безъ оружія. Стюартъ принялъ предложеніе и сошелъ на берегъ съ Поверомъ, Эрбиномъ и Гассанъ-эффенди; ихъ ввели въ домъ, гдѣ немедленно умертвили.

17 ноября Гордонъ далъ знать лорду Уольсли, находившемуся тогда въ Уадѣ-Гальфа, что онъ можетъ продержаться еще 40 дней, и что махдисты находятся на югѣ, юго-западѣ и востокѣ; но не на сѣверѣ отъ Хартума.

Въ день Рождества Христова 1884 г. большая часть вспомогательнаго отряда была собрана у Корти. Движеніе было настолько быстро, насколько это зависѣло отъ энергіи и опытности начальника. Можетъ быть никогда ни видывали такого многочисленнаго отряда, одушевленнаго такой ревностью, какъ этотъ отрядъ, слѣдовавшій за лордомъ Уольсли на помощь къ храброму солдату, запертому въ Хартумѣ.

30 декабря часть силъ, подъ начальствомъ генерала Герберта Стюарта, отправилась съ 2.099 верблюдами изъ Корти къ колодцамъ Гакдулъ и сдѣлала переходъ въ 46 часовъ 50 минутъ. 11 часовъ спустя, сэръ Гербертъ и всѣ верблюды возвращаются къ Корти и приходятъ туда 5 января. 12-го возвращаются въ Гакдулъ; а 13-го, въ 2 часа пополудни, выходятъ по направленію къ Абу-Клеа. Здѣсь 17-го происходитъ знаменитое сраженіе, результатомъ котораго была дорого купленная побѣда. Изъ 1.800 человѣкъ англійскія войска потеряли 9 офицеровъ и 65 солдатъ; раненыхъ было 85. Передъ каре лежали 1.100 махдистовъ. Если бы этотъ храбрый отрядъ былъ бы подкрѣпленъ 3.000 англичанами, которые слѣдовали дорогою по долинѣ Нила, то походъ въ Хартумъ обратился бы въ прогулку. 19-го новое сраженіе при Меттамеаѣ; англичане потеряли 20 человѣкъ убитыми и 60 ранеными, но они заняли деревню, расположенную на песчаной террасѣ близь Нила; непріятель потерялъ 250 человѣкъ.

21-го они входятъ въ сообщеніе съ 4 пароходами, стоящими подъ

защитою одного острова; они были посланы туда Гордономъ, чтобы ожидать англійскую колонну, и находились тамъ уже нѣсколько недѣль. 22 и 23-го сэръ Чарлзъ Вильсонъ производитъ рекогносцировку, строитъ два маленькіе форта, смѣняетъ экипажъ на пароходахъ и заготовляетъ для нихъ топливо. 24-го два изъ этихъ пароходовъ поднимаются по рѣкѣ, съ какими нибудь двумя десятками европейскихъ солдатъ. 26-го два человѣка всходятъ на корабль; они разсказываютъ, что при Хартумѣ было сраженіе. 27-го имъ кричатъ съ берега, что Хартумъ палъ и Гордонъ погибъ. На другой день, другой туземецъ имъ это подтверждаетъ; Вильсонъ продолжаетъ путь до тѣхъ поръ, пока его суда не дѣлаются мишенью для пушекъ Омдурмана и Хартума, не считая пуль, выпускаемыхъ на разстояніи отъ 70—180 метровъ; онъ не поворачиваетъ, пока не убѣждается въ смерти генерала. Тогда, спустившись на всѣхъ парахъ, онъ вечеромъ бросаетъ якорь у Таманіэ; двое посланныхъ отправлены за новостями. Одинъ изъ нихъ возвратившись, сообщаетъ, что въ ночь на 26 января махдисты проникли въ городъ вслѣдствіе измѣны Фарагъ-паши; Гордонъ былъ убитъ. На другой день былъ въѣздъ пророка, послѣ котораго онъ удалился, совершивъ богослуженіе въ мечети и разрѣшивъ своимъ войскамъ трехдневный грабежъ.

По рапорту маіора Кичнера, убійства въ городѣ продолжались около шести часовъ и стоили жизни по крайней мѣрѣ 4.000 человѣкъ. Башибузуки и регулярныя бѣлыя войска, въ числѣ 3.327 человѣкъ, и иррегулярные шеггіи, въ количествѣ 2.330 человѣкъ, послѣ того, какъ положили оружіе, почти всѣ хладнокровнѣйшимъ образомъ перерѣзаны! Жители, оставшіеся въ живыхъ, принуждены были покинуть городъ; ихъ грабили по мѣрѣ того, какъ они проходили черезъ городскія ворота, потомъ ихъ препроводили въ Омдурманъ, гдѣ женщинъ подѣлили между вождями махдистовъ, а мужчины, раздѣтые до нога, разбѣжались куда попало, какъ кто могъ. Одинъ греческій негоціантъ, которому удалось спастись, говорилъ, что Гордонъ былъ преданъ не Фарагъ-пашою, а купцами города, которые вошли въ переговоры съ непріятелемъ.

Дарфуръ, Кордофанъ, Сенааръ, Баръ-эль-Хазалъ, Хартумъ были во власти махдистовъ; вскорѣ имъ же подпала Кассала и такимъ образомъ на всемъ протяженіи огромнаго египетскаго Судана осталась только экваторіальная провинція, губернаторомъ который былъ „вѣрный врачъ“—Эминъ-бей-Гакимъ.

Англичане сочли своимъ долгомъ помочь своему храброму, доблестному и знаменитому воину - соотечественнику, и потому не удивительно, что ихъ участіе перенесено было отчасти на одного изъ по-

мощниковъ Гордона, который, медля какъ Фабій, могъ избавить своихъ отъ судьбы, постигшей гарнизонъ Судана. Какъ могли они не оказать участія храброму офицеру съ его маленькой арміею, почти потерянной на дальномъ югѣ. И такъ, если бы можно было придти къ нимъ на помощь безъ чрезмѣрныхъ расходовъ—нужный кредитъ былъ бы подписанъ.

16 ноября 1884 г. Эминъ-бей пишетъ А. М. Макею, миссіонеру въ Угандѣ:

„Суданъ сдѣлался театромъ возстанія; въ теченіи 19 мѣсяцевъ я не имѣю никакихъ извѣстій изъ Хартума, и я прихожу къ заключенію, что или городъ во власти бунтовщиковъ, или Нилъ загражденъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавляетъ: „Какъ бы то ни было потрудитесь передать вашимъ корреспондентамъ и, черезъ нихъ, египетскому правительству, что здѣсь все благополучно и что мы рѣшили держаться до прибытія подкрѣпленій, или же пожертвовать своею жизнью".

Въ другомъ письмѣ, тому же миссіонеру и отъ того же числа.

„Такъ какъ провинція Баръ-эль-Хазалъ потеряна и губернаторъ Луптонъ-бей отведенъ въ Кордофанъ, то мы находимся въ невозможности увѣдомить правительство обо всемъ томъ, что здѣсь происходитъ. Въ теченіи 19 мѣсяцевъ мы не имѣемъ никакъ сношеній съ Хартумомъ, я полагаю, что рѣка заграждена.

„Покорнѣйшая просьба: передать, если только возможно, египетскому правительству, что по сіе время все обстоитъ благополучно, но что мы въ высшей степени нуждаемся въ помощи. Надо держаться до прихода подкрѣпленій или погибнуть!"

31 декабря 1885 года изъ Уаделаи къ г. Чарльсу Аллену, секретарю общества отмѣны торговли рабами, онъ пишетъ:

„Съ мая 1883 г. мы совершенно отрѣзаны отъ всего міра. Покинутые и забытые правительствомъ, мы должны были примириться съ тѣмъ, чего измѣнить нельзя. Непріятель атакавалъ насъ послѣ взятія Баръ-эль-Хазала очень энергично и я не могу достаточно восхвалить отважность нашихъ солдатъ-негровъ; въ теченіи долгой войны, для нихъ вполнѣ безполезной, терпя во всемъ лишенія, не получая даже жалованья, они дрались храбро и когда, послѣ 19-дневныхъ безпрерывныхъ и невѣроятныхъ лишеній, ихъ силы были истощены; когда послѣдній кусокъ кожи съ ихъ сапогъ былъ съѣденъ, они накинулись на центръ непріятеля и прорвались. Все это переносили они безъ всякой корысти, безъ надежды на самое скромное вознагражденіе, побуждаемые единственно чувствомъ долга и желаніемъ показать свою храбрость противнику!"

Я помню впечатлѣніе, произведенное на меня и на моихъ друзей, когда въ „Times'ѣ“ появилось это благородное заявленіе начальника о доблести и мужествѣ своихъ солдатъ. Нѣсколько дней спустя, мы обсуждали, какими бы средствами и путями придти на помощь тому, кто написалъ это письмо.

А какое мнѣніе высказать о слѣдующемъ письмѣ отъ того-же числа, адресованномъ доктору Фелькену?

„Вы навѣрное уже знаете изъ газетъ, что бѣдный Лунтонъ, до сихъ поръ храбро защищавшій свою провинцію Баръ-эль-Хазалъ, былъ вынужденъ, благодаря измѣнѣ своихъ людей, сдаться лазутчикамъ прежняго Махди, которые и увели его въ Кордофанъ.

„Благодаря военной хитрости, мнѣ удалось предохранить свою провинцію и самого себя отъ той же участи; бунтовщики все-таки меня атаковали и принесли мнѣ большой уронъ въ людяхъ и боевыхъ запасахъ. Но въ Римо, въ Макрака, я нанесъ имъ такой ударъ, что съ тѣхъ поръ они оставляютъ меня въ покоѣ. Мнѣ сообщили о паденіи Хартума 1 января 1885 г. и о смерти Гордона.

„Все это понудило меня покинуть наши крайнія стоянки и отозвать солдатъ и ихъ семьи, въ надеждѣ получить подкрѣпленіе отъ правительства; однако, я начинаю думать, что надежды мои тщетны, такъ какъ съ апрѣля 1883 г. я не получалъ никакихъ извѣстій съ сѣвера.

„Правительство Хартума дурно поступило съ нами. При эвакуаціи Фашоды, слѣдовало бы вспомнить, что здѣсь, въ экваторіальной провинціи, находятся нѣсколько слугъ государства, исполнившихъ свой долгъ и не заслуживающихъ быть брошенными на произволъ судьбы, безъ всякой церемоніи, по крайней мѣрѣ слѣдовало-бы объявить намъ, что мы исключены изъ службы, такъ какъ тогда бы мы поняли, что на насъ смотрятъ какъ на ни къ чему непригодныхъ людей. . . . .

„Намъ оставалось только искать какого нибудь выхода и прежде всего дать знать въ Египетъ, что мы еще живы; направляясь къ югу, я прибылъ въ Уаделаи, предварительно сдѣлавъ въ Ладо необходимыя распоряженія. . . . .

„Я предполагаю оставаться возможно дольше въ этой странѣ, я надѣюсь, что черезъ семь, восемь мѣсяцевъ мои письма дойдутъ до Египта, и что я получу на нихъ отвѣты черезъ Хартумъ или Занзибаръ. Если Суданъ покинутъ — я поведу свой отрядъ на югъ. Потомъ я отправлю всѣхъ моихъ египтянъ и чиновниковъ, пришедшихъ изъ Хартума, въ Занзибаръ via Уганда, или черезъ Карагуэ;

самъ же останусь у Каба-Рега съ моимъ негритянскимъ войскомъ, впредь до полученія дальнѣйшихъ инструкцій отъ правительства».

Такимъ образомъ, въ это время Эминъ разсчитывалъ избавиться отъ всѣхъ своихъ египтянъ; самъ же онъ думалъ уѣхать тотчасъ по полученіи свѣдѣній о дальнѣйшихъ желаніяхъ правительства, а «*желанія*» эти видимо не могли быть иными, какъ то, чтобы онъ очистилъ провинцію за невозможностью удержать ее за собою, причемъ онъ воспользовался бы конвоемъ, чтобы оставить Африку.

6 Іюля 1886 г. Эминъ писалъ м-ру Макею:

„Вѣрьте мнѣ, что я нисколько не стремлюсь бѣжать отсюда, и удалиться изъ страны, гдѣ я трудился въ продолженіи десяти лѣтъ.

„Всѣ мои люди и, главнѣйшимъ образомъ, негритянское войско съ отвращеніемъ думаютъ о походѣ на югъ и оттуда въ Египетъ, и просятъ остаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока явится возможность перевести ихъ на родину черезъ сѣверъ.

„Что касается меня, то если насъ не застигнетъ какая либо опасность и если нашихъ боевыхъ снарядовъ хватитъ еще на нѣкоторое время, то я послѣдую вашимъ совѣтамъ и останусь здѣсь до прибытія какой либо помощи. Будьте увѣрены, что я никоимъ образомъ не желаю причинить вамъ непріятностей въ Уганда. Я рѣшусь идти къ берегу только вслѣдствіе крайней необходимости. Во всякомъ случаѣ есть еще другія двѣ дороги: первая—идетъ прямо отъ Каба-Рега въ Карагуэ, вторая—via Усангара къ стоянкамъ Танганика. Надѣюсь, что мнѣ не понадобится ни та, ни другая...

„Мои люди теряютъ терпѣніе отъ долгаго и безпокойнаго ожиданія помощи. Желательно бы было, чтобъ какой нибудь вѣстникъ явился къ намъ изъ Европы, хотя бы черезъ страну Массаи, кратчайшаго пути, или же изъ Карагуэ черезъ страну Каба-Рега, чтобъ такимъ образомъ мой отрядъ видѣлъ, что о немъ помнятъ. Расходы на это путешествіе я уплачу слоновою костью.

„Еще разъ повторяю: я готовъ здѣсь остаться, готовъ управлять этими странами, пока это возможно, пока намъ не пришлютъ помощи, но умоляю васъ употребить всѣ усилія, чтобы ускорить присылку. Убѣдите Муанга, что ему нечего бояться ни меня, ни моихъ войскъ, и что я, какъ старый другъ его отца Мтеза, не имѣю никакого намѣренія причинить ему какой либо вредъ».

По этимъ письмамъ мы можемъ судить, что люди Эмина ему еще вѣрны; по крайней мѣрѣ они исполняютъ его приказанія; но за исключеніемъ египтянъ, никто не проситъ вернуться въ Египетъ. Мы видимъ, что онъ изучаетъ всевозможные пути для отступ-

ленія: то онъ надѣется дойти до моря по дорогѣ Монбуту; то мечтаетъ о той, которая пересѣкаетъ Массаи; то предполагаетъ пройти черезъ Уніора; то думаетъ направиться въ Усангара черезъ западную часть Уганды и оттуда къ озеру Танганика! Если бы за нимъ не должны были слѣдовать негритянскія войска, то, конечно, онъ не могъ бы предпринять этого длиннаго путешествія съ одними египетскими чиновниками и ихъ семьями.

Нѣкоторыя выписки изъ писемъ Гольмвудъ, управляющаго генеральнымъ консульствомъ въ Занзибарѣ, сэру Эвелину Бэрингу отъ 25 и 27 сентября, покажутъ намъ взгляды человѣка, который, благодаря своему положенію и своимъ знаніямъ, преимущественно предъ всѣми другими, могъ дать совѣтъ насчетъ мѣръ для освобожденія Эмина.

«Я получалъ отъ Эмина письма вплоть до 27 февраля 1886 г. и въ нихъ онъ предлагаетъ покинуть свою провинцію маленькими отрядами, предполагая отправить первый отрядъ въ концѣ іюля, послѣ періода дождей; д-ръ Юнкеръ и Макей увѣдомляютъ меня оба, что послѣ того Эминъ имъ писалъ. Большая часть 4.000 человѣкъ египтянъ, которые оставались вѣрны Египту и поддерживали губернатора, не смотря на постоянные набѣги махдистовъ и неминуемую опасность умереть съ голоду, отказываются покинуть страну, и потому теперь рѣшено, если только будетъ возможно, оставаться на мѣстѣ и защищать интересы Египта до прибытія помощи. . . . .

„Если бы Уганда была освобождена отъ этого тирана (Муанга), экваторіальная провинція, даже при настоящемъ примитивномъ способѣ сообщеній, находилась бы отъ Занзибара только въ восьминедѣльномъ разстояніи по почтовой дорогѣ, и депо, поставленное на вѣрномъ мѣстѣ на Альбертъ-Ньянса, служило бы базисомъ для операцій, а какихъ именно, было бы рѣшено впослѣдствіи.

„Докторъ Юнкеръ говоритъ, что страна на востокѣ отъ водопада Рипонъ непроходима *), и что Эминъ потерялъ много солдатъ, отъискивая дорогу. Если это такъ, то нельзя разсчитывать обогнуть Уганда и съ востока прилегающую къ ней землю по той дорогѣ, по которой д-ръ Фишеръ пытался идти на помощь Юнкеру и которую онъ, какъ кажется, рекомендуетъ. Хорошо извѣстная дорога черезъ Уганда— единственная, по которой могла бы пройти экспедиція средняго размѣра. . . . .

„Насколько я могу судить и безъ длинныхъ вычисленій, надо бы

*) Дорога эта проходитъ черезъ Массаи.

имѣть по крайней мѣрѣ 1.200 носильщиковъ и стражу изъ хорошо вооруженныхъ туземцевъ въ 500 человѣкъ.

„Генералъ Матьюсъ, съ которымъ я совѣтывался, находитъ послѣднее число черезчуръ малымъ, но обсудивъ показанія многихъ опытныхъ людей и зная Уганду, я полагаю, что 500 негровъ, съ хорошими карабинами новѣйшаго образца, подъ начальствомъ способныхъ начальниковъ, было бы достаточно съ помощью иррегулярныхъ волонтеровъ".

Одинъ американскій офицеръ изъ управленія хедива пишетъ м-ру Порталь, что можно было бы имѣть сообщеніе съ Эминомъ черезъ посредство арабовъ Занзибара, но что отправка ему фуража и боевыхъ снарядовъ представляется дѣломъ невозможнымъ; быть можетъ арабамъ удалось бы открыть ему какой либо путь, но во всякомъ случаѣ вѣрнѣйшая дорога для отступленія была бы западная область, черезъ которую онъ достигъ бы Конго.

„Не угрожай король Уганды",—говоритъ Ф. Гольмвудъ въ телеграммѣ министерству иностранныхъ дѣлъ отъ 23 сентября 1886 г.,— „помощь Эмину была бы простымъ денежнымъ вопросомъ, который можно было рѣшить въ Каирѣ; но въ настоящихъ условіяхъ слѣдуетъ принять въ соображеніе много важныхъ обстоятельствъ, которыя я долженъ представить на обсужденіе правительству ея величества".

Мнѣ хотѣлось бы обратить ваше вниманіе на замѣчанія Макея по поводу второй дороги въ Уаделаи и которую думалъ избрать д-ръ Фишеръ. Если Макей не ошибается, то предпріятіе обогнуть Уганду и ея восточную часть, по этой неизслѣдованной дорогѣ, потерпѣло бы неудачу.

А. Макей писалъ изъ Уганда (14 мая 1886 г.): «Изъ писемъ д-ра Юнкера вамъ, вѣроятно, извѣстно, что Эминъ-бею удалось заставить себѣ повиноваться своихъ подчиненныхъ. Онъ, кажется, пріобрѣлъ отъ Гордона тайну привязывать къ себѣ своихъ подчиненныхъ и мужественно хранить имъ вѣрность. Если бы онъ только хотѣлъ ихъ покинуть, ему стоило бы взять всего нѣсколько сотенъ солдатъ и храбро двигаться къ берегу, прямо черезъ страну Массаи или черезъ наши владѣнія, не испрашивая себѣ разрѣшенія Муанга (короля Уганды) или кого бы то ни было.

„Онъ знаетъ, что никто здѣсь не можетъ преградить ему путь и, какъ онъ о томъ писалъ мнѣ нѣсколько лѣтъ назадъ, ему бы ничего не стоило снести эту ничтожную деревню и перерѣзать ея скотъ.

„Но какова была бы участь многочисленныхъ подданныхъ, оставшихся вѣрными египетскому правительству, вовсе не расположенныхъ покинуть свою плодородную страну, чтобы быть уведенными въ пустыни верхняго Египта?

„Эминъ умный и опытный начальникъ; за нимъ признаютъ это всѣ; но онъ не можетъ остаться навсегда тамъ, гдѣ онъ теперь находится, такъ сказать наслѣдовать самому себѣ, даже еслибъ войска Махди оставили его отнынѣ всегда въ покоѣ. Наше правительство предприняло возвратить на родину суданскій гарнизонъ. Почему-же не извлечь ему своихъ выгодъ изъ исключительнаго положенія Эмина?...

«Поступокъ Муанга съ письмами, которыя ему вручали для передачи Эмину, является крайне неблаговиднымъ относительно правительства Великобританіи, которое было такъ внимательно къ посламъ его отца; мы только и просили его объ одномъ—довезти письма до первой станціи, съ которой Эминъ могъ бы сообщить: пойдетъ ли онъ по этой дорогѣ, но всѣ депеши и по сейчасъ въ его рукахъ!?“

А въ письмѣ сэру Джону Кирку (28 іюня):

„Опасности, перенесенныя д-ромъ Фишеромъ въ его путешествіи, должно быть наступили только послѣ Кавирондо; ему приходилось тогда двигаться по странѣ страшныхъ бакеди; д-ръ Юнкеръ говоритъ намъ, что они избили цѣлые отряды солдатъ, принадлежавшихъ Эмину-пашѣ“.

Д-ръ Фишеръ, если припомнятъ, былъ посланъ отыскивать д-ра Юнкера братомъ этого послѣдняго и избралъ для своего пути восточный берегъ Викторіи-Ньянса. Доѣхавъ до сѣверо-восточной части озера, онъ достигъ вновь морскаго берега.

М-ръ Макей продолжаетъ:

„Д-ръ Юнкеръ съ нами. Онъ доставилъ мнѣ письмо отъ Эмина-паши отъ 27 января 1886 г. Онъ думалъ послать своихъ людей (около 4.000 чел.) по этой самой дорогѣ и маленькими отрядами. Такая мѣра была бы пагубна. Онъ проситъ меня отправиться къ нему на встрѣчу, такъ какъ онъ хотѣлъ бы доставить намъ два парохода, которые безъ того ему пришлось бы бросить: одинъ—былъ бы для короля, другой—для миссіи.

Послѣ того Эминъ, повидимому, открылъ, что его народъ, офицеры и прочіе отказываются покинуть Суданъ; онъ думаетъ поэтому остаться еще на нѣсколько лѣтъ, лишь бы его снабдили запасами бумажныхъ тканей и проч.“.

М-ръ Макей пишетъ очень основательно. Его письма доставили мнѣ много солидныхъ свѣдѣній.

Само собой разумѣется, что онъ вполнѣ вѣрилъ въ преданность войскъ Эмина и всѣ мы раздѣляли его увѣренность. Какъ грубо мы заблуждались! Никогда Эминъ не пробился бы до морскаго берега черезъ Уганду или другія мѣста съ такими солдатами, какъ его невѣжественные и тупые суданцы.

Джозефъ Томсонъ совѣтуетъ въ письмѣ, адресованномъ въ „Times“, пройти черезъ страну Массаи, черезъ которую онъ брался провести безъ всякихъ потерь вспомогательный отрядъ.

Ж. Т. Вильсъ стоялъ за Монбангу и Уэле. Гаррисонъ Смитъ—за Абиссинію.

Другой молодой человѣкъ, акціонеръ общества большихъ озеръ, предлагалъ экспедиціи путь Замбези-Шире-Ньянса, чтобы пройти черезъ Таганику въ Мута-Нцихе и къ озеру Альбертъ. Одинъ миссіонеръ изъ Танганики одобрилъ этотъ проектъ, не менѣе смѣлый чѣмъ и другіе. Д-ръ Фелькинъ, основательно разсмотрѣвшій нѣсколько маршрутовъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Scottish Geographicall Magazine“, высказался за западный путь на озера Викторія Карагуэ и Усангара.

Въ началѣ октября 1886 г. я долго бесѣдовалъ съ сэръ Уильямъ Меккиннонъ и Ж. Ф. Хуттонъ, бывшимъ предсѣдателемъ торговой палаты въ Манчестерѣ, о мѣрахъ, необходимыхъ для снабженія Эмина съѣстными припасами и чтобы дать ему возможность держаться. По нашему мнѣнію, ему недоставало только боевыхъ припасовъ. Эти господа ничего лучшаго не желали, какъ собрать поскорѣе нужную для того сумму денегъ; но за отсутствіемъ своихъ друзей, они не рѣшились дѣйствовать самостоятельно. Мы подробно обсудили бюджетъ пути. М-ръ Хуттонъ увѣдомилъ меня, что набросанная мною смѣта превышаетъ на 12.500 фр. стоимость нашего предпріятія.

Только четыре дороги казались мнѣ относительно равно удобными. Первая—черезъ страну Массаи не могла быть нами избрана именно въ томъ случаѣ, еслибъ по ней надо было конвоировать большіе транспорты провизіи боевыхъ снарядовъ и оружія, которые, какъ мы предполагали, необходимы губернатору.

По этой дорогѣ проходилъ *) уже Томсонъ и разсказъ его о лишеніяхъ, которыя пришлось вынести вслѣдствіе недостатка въ водѣ и зернѣ на обратномъ пути отъ озера Викторія, не говорилъ въ пользу этой дороги. Уже во время его путешествія туда, говоритъ Томсонъ, люди его, объятые паникою, дезертировали въ такомъ большомъ числѣ, что ему пришлось отступить до Килли-Манджара, стать тамъ лагеремъ и оттуда уже пойти къ берегу съ 4 ими 5 челов. для новаго набора pagazi. Между тѣмъ, очень грустно отступать въ самомъ началѣ предпріятія. Привычка занзибарцевъ при каждой удобной оказіи дезертировать наноситъ громадный вредъ экспедиціямъ, выступающимъ съ восточнаго берега, а между тѣмъ съ нѣкоторыхъ поръ, благодаря безнаказанности, побѣги со службы стали крайне часты и для новобранцевъ представилась какъ бы новая профессія —по поступленіи на

*) Au pays des Massai, par Joseph Thomson, Hachette.

службу взять впередъ жалованье, получить сумку, ружье и весело отправиться въ путь, съ тѣмъ, чтобъ при первой возможности потихоньку бѣжать со всѣмъ этимъ. Отсюда ясно, что чѣмъ многочисленнѣе караванъ, тѣмъ значительнѣе потери деньгами, оружіемъ и товаромъ.

Вторая и лучшая дорога черезъ Викторію-Ньянса и Уганда была въ настоящее время невозможна для малочисленнаго отряда по случаю враждебнаго отношенія населенія. Безполезно было думать избѣжать столкновеній посредствомъ переправы черезъ озеро, такъ какъ гдѣ бы мы взяли лодки для переправы?

Третья дорога ведетъ черезъ Мсалалу, Карагуэ и Анкори, и далѣе черезъ Уніоро и озеро Альбертъ. Избраніе этого пути для похода къ восточному берегу, повлекло бы неизбѣжную громадную потерю въ людяхъ и товара, по крайней мѣрѣ до 50%. Кромѣ того, жители Уганды, находясь въ Карагуэ, тревожили бы экспедицію безостановочно. Еслибъ намъ даже и посчастливилось выйти цѣлыми и невредимыми изъ этого округа, намъ все-таки пришлось бы посчитаться съ 200.000 вооруженныхъ дротиками жителей Уаніанкори; не говоря даже объ этомъ, еслибъ имъ стало извѣстно про наши стычки съ туземцами Карагуэ, перспектива отряда нашего была бы печальна. Избрать же другой путь на западъ отъ Карагуэ, въ обходъ Уганды, было невозможно безъ увеличенія денежныхъ издержекъ, что было бы непріятно подписчикамъ.

Вся задача въ деньгахъ. Доставьте больше денегъ и всѣ пути будутъ намъ открыты, а назначенная сумма хватаетъ только на Конго. Этотъ путь представляетъ то большое неудобство, что въ верхней его части очень ограниченное число транспортныхъ судовъ; а потому я бы предложилъ выстроить 15 вельботовъ, которые бы насъ всѣхъ подвинули до 600 километровъ отъ Альбертъ-Ньянса. Переноска же этихъ судовъ вверхъ по рѣкѣ Конго представитъ большія трудности, но можно бы было послать впередъ агентовъ, чтобъ все приготовить. Намъ надо бы имѣть предварительное разрѣшеніе короля Леопольда.

„Не преждевременно ли однако обо всемъ этомъ разсуждать! Мнѣ не безъизвѣстно, что много другихъ проектовъ было представлено, на которые потратилось не мало словъ: больше дыму—чѣмъ огня.—Соберите прежде всего достаточныя средства, а потомъ, если вы во мнѣ еще нуждаетесь, зовите меня.

„Я вамъ высказалъ свое мнѣніе, если оно вамъ не нравится, то пускай Томсонъ направляетъ «*свою*» экспедицію чрезъ Массаи, „а меня запишите на 12.500 франковъ“.

Черезъ нѣсколько дней я отправился въ Америку и изъ Нью-Іорка предпринялъ «tournée» съ лекціями. Не прошло и двухъ не-

дѣль, какъ 11 декабря я получилъ слѣдующую телеграмму: „Вашъ планъ и предложеніе приняты; министерство согласно; фонды готовы; дѣло безотлагательно; пріѣзжайте скорѣе; отвѣчайте".

И вотъ мой отвѣтъ на нее изъ С.-Джонсъ Бюри Вермонтъ, гдѣ я находился для чтенія лекцій:

„Только что получилъ телеграмму. Много благодаренъ. Все обстоитъ благополучно. Если будетъ хорошая погода и ничего не помѣшаетъ, отплываю на „Eider'ѣ" въ среду, въ 8 часовъ вечера. Прибуду 22 декабря въ Соутгамптонъ. Въ концѣ концовъ всего одинъ мѣсяцъ просрочки. Пусть министерство извѣститъ Гольмвуда въ Занзибаръ и сеида Баргаша [1]). Мои лучшія пожеланія".

Мой агентъ пришелъ въ отчаяніе: аудиторіи такъ были восхитительно настроены! Каждое мое появленіе встрѣчалось рукоплесканіемъ. Но представленія и просьбы были одинаково безполезны.

Я пріѣхалъ въ Англію наканунѣ Рождества. Нѣсколько часовъ спустя обсуждалъ мои планы съ сэромъ Уильямъ Меккинономъ.

Я былъ твердо убѣжденъ и не имѣлъ ни малѣйшей тѣни сомнѣнія, что дорога на Конго самая лучшая и безопасная, только бы я получилъ отъ подписчиковъ мою флотилію вельботовъ и отъ короля Леопольда позволеніе перейти его территорію съ вооруженнымъ войскомъ. Я зналъ одну изъ восточныхъ дорогъ, а также и западную. Крайній пунктъ, котораго я достигъ въ 1876 году на первой дорогѣ, отдѣлялъ меня всего на 180 километровъ отъ Альбертъ-Ньянса, на второй-же—отъ водопадовъ Ямбуя разстояніе до того-же озера 600 километровъ, опредѣляя съ высоты птичьяго полета; но все-таки же я предпочиталъ Конго. Мы будемъ имѣть достаточное количество воды, которая такъ рѣдка и такого сквернаго качества попадается на восточной дорогѣ; въ провизіи тоже не будетъ недостатка, такъ какъ замѣчательное плодородіе верховьевъ Конго привлекаетъ массу туземцевъ, а мы знаемъ черезъ Томсона, Фишера и Ханингтона, какъ трудно сыскать себѣ пропитаніе въ странѣ Массаи. Наконецъ, я надѣялся избавиться отъ дезертированій, такъ часто случавшихся на востокѣ.

— Вы можетъ быть и правы,—отвѣчалъ мнѣ комитетъ,—но мы предпочитаемъ восточную дорогу.

— Хорошо, я согласенъ избрать восточную дорогу черезъ Мсалала, Карагуэ, Анкори и Уніоро; но если вы услышите про какія либо стычки, то надѣюсь вы возьмете на себя защиту отсутствующаго Если бъ я могъ съ воздушнаго шара бросить мои пожитки въ лагерь Эмина, я бы такимъ образомъ поспѣшилъ бы себя избавить отъ вся-

---

[1]) Занзибарскій султанъ.

кихъ сношеній съ воинственными туземцами. Впрочемъ, это мнѣ все равно!

Рѣшено, что надо дать пашѣ возможность защищаться; вы мнѣ довѣряете провезти оружіе и боевые снаряды, вы выбираете восточную дорогу... быть по сему!

Фонды были собраны и вотъ имена подписчиковъ:

Sir William Mackinnon, Barronet.	50.000 франк.
Peter Mackinnon, Esq.	25.000 »
Iohn Mackinnon, Esq.	7.500 »
Baronne Burdett Coutts et W. Burdett Coutts, Esq. . .	12.500 »
James S. Jameson, Esq.	25.000 »
Comtesse de Noailles	25.000 »
Peter Denny, Esq., de Dumbarton	25.000 »
Alexander L. Bruce Esq. отъ географическаго общества въ Шотландіи	12.000 »
Henry Johnson Esq. отъ географическаго общества въ Шотландіи	12.500 »
M. M. Gray, Dawes et Cie, de Londres	25.000 »
Duncan Mac Neil, Esq.	17.500 »
James Hutton, Esq. de Manchester	6.250 »
Sir Thomas Fowell Buxton	6.250 »
James Hall, Esq. comté d'Argyle	6.250 »
M. Mac. Michael, Esq. de Glasgow	6.250 »
Лондонское королевское географическое общество .	25.000 »
Египетское правительство	250.000 »
Всего . .	537.500 фр. *)

Съ моей стороны, желая увеличить эту сумму и образовать резервный капиталъ, на неожиданные случаи, желая также пожертвовать изъ моихъ денегъ на расходы экспедиціи, я просилъ комитетъ передавать всѣ мои письма въ редакціи газетъ и вырученныя за нихъ деньги вносить въ кассу.

Нашъ разсчетъ о времени прибытія къ Уаделаи основывался на одномъ изъ моихъ переѣздовъ въ 1874—76 г., когда я въ 300 дней сдѣлалъ 1.160 километровъ. Вотъ результатъ нашихъ разсчетовъ:

Первая дорога—черезъ страну Массаи отъ берега въ Уаделаи и отъ Уаделаи до берега—14 мѣсяцевъ; замедленія, отдыхъ и т. д.—4 мѣсяца. Всего 18 мѣсяцевъ.

*) Въ приложеніи—счеты прихода и расходовъ.

Вторая дорога—къ озеру Альбертъ, черезъ Мсалала, Карагуэ, Анкори и Усангара и обратно — 16 мѣсяцевъ. Замедленія и т. д.—4 мѣсяца. Всего 20 мѣсяцевъ.

Третья дорога—черезъ Конго:

Отъ Занзибара въ Конго	1 мѣс.	1 апр.	1887 г.
Сухимъ путемъ до озера Стэнли	1 »	мая	»
Водою по Конго	$1^1/_2$ »	15 іюля	»
Остановка		25 іюня	»
Отъ Ямбуи до Альбертъ-Ньянса	3 »	25 сент.	»
Остановка		9 янв.	1888 г.
Отъ Альбертъ-Ньянса въ Занзибаръ . .	8 »	8 сент.	»
Опозданіе, замедленіе и т. п.	$3^1/_2$ »		
Всего . .	18 мѣс.		

И вотъ въ дѣйствительности сколько времени заняли наши переходы:

Прибытіе въ Конго	18 марта	1887 г.
„ къ озеру Стэнли	21 апр.	„
„ въ Ямбую	15 іюня	„
Остановка	28 іюня	„
Прибытіе въ Альбертъ-Ньянса	18 декабр.	„
Возвращеніе въ фортъ-Бодо	8 янв.	1888 г.
Остановка для ожиданія выздоравливающихъ .	2 апр.	„
Вторично Альбертъ-Ньянса	18 апр.	„
Остановка	25 мая	„
Фортъ-Бодо	8 іюня	„
Баналія (150 кил. отъ Ямбуи)	17 авг.	„
Въ третій разъ фортъ-Бодо	20 декабр.	„
Въ третій разъ Альбертъ-Ньянса	26 янв.	1889 г.
Остановка у озера до	8 мая	„
Отъ озера до Занзибара, болѣе 2.500 кил. (6 мѣс.)	6 декабр.	„

Другія исчисленія:

Отъ Занзибара до Альбертъ-Ньянса	$10^1/_2$ мѣсяц.
Ньянса, туда и обратно	6 „
Остановка у Альберта	$1^1/_2$ „
	Всего 18 мѣсяц.

31 декабря я получилъ отъ комитета письмо съ оффиціальнымъ разрѣшеніемъ начать приготовленія.

Первая моя депеша, какъ начальника вспомогательной экспедиціи, была адресована моему агенту, м-ру Мэкензи, фирма Смитъ, Мэкензи и К°,

съ просьбою собрать для меня въ Богамою 200 носильщиковъ ouanyamouez, для переноски на станцію миссіи въ Мнапуа около 360 километровъ на западѣ отъ Занзибара 6 тоннъ риса (6.100 килограммъ) стоимостью въ 2.700 рупій (6.615 франковъ). Получивъ согласіе занзибарскаго сэида, я отправилъ 2-ю депешу съ наказомъ: собрать 600 занзибарскихъ носильщиковъ и просилъ купить слѣдующіе товары, для обмѣна ихъ впослѣдствіи, въ пути, на зерно, пататы рисъ, маисъ, простые и фиговые бананы *).

400	штукъ,	большихъ	и малыхъ,	бумажнаго полотна . .	10.970	метр.
865	»	»	»	каники	6.325	»
99	»	»	»	платковъ	724	»
80	»	»	»	такджири	585	»
214	»	»	»	дабезани	1.565	»
107	»	»	»	сохари	782	»
27	»	»	»	субая	197	»
121	»	»	»	барзоти	885	»
58	»	»	»	кенгуру	1.272	»
48	»	»	»	измалли	351	»
119	»	»	»	кикои	870	»
14	»	»	»	даонь	51	»
27	»	»	»	джауа	99	»
4	»	»	»	канга	88	»
4	»	»	»	биндера	88	»
58	»	»	»	цехани	424	»
6	»	»	»	джохо	164	»
24	»	»	»	кикои изъ шелку . .	88	»
24	»	»	»	даоль изъ шелку . .	88	»
24	»	»	»	тонкаго дабуани . . .	88	»
13	»	»	»	сохари тонкаго . . .	78	»
3	»	»	»	полотна тонкаго . . .	86	»
24	»	»	»	рубашекъ длинн. бѣлыхъ	—	»
24	»	»	»	» суровыхъ.	—	»
				Всего	25.838	метр.

Еще 1.630 килогр. бусъ и 1 тонна (115 килогр.) мѣди, желѣза и проволоки.

Въ моей третьей депешѣ было приказано купить 40 ословъ вьючныхъ и 10 верховыхъ съ упряжью, вьюками и т. д., стоимость 10.000 фр.

*) Обыкновенный бананъ — плодъ банана (Musa paradisiaca). Фиговый бананъ, меньше и слаще и принадлежитъ къ породѣ Musa sapienium.

Гг. Форестъ и сынъ получили заказъ на барказъ длиною 8,54 м. шириною 1,83 м. и глубиною 76 сант. Выстроенный изъ сименсовой галванизированной стали, онъ былъ раздѣленъ на 12 частей, каждая вѣсомъ 34 килограмма.

Отдѣленія носа и кормы были палубныя и непроницаемыя, чтобы можно было на нихъ держаться на водѣ въ случаѣ несчастія. Изъ Египта прислали въ Занзибаръ 510 карабиновъ Ремингтона, 2.000 килогр. пороха, 250.000 ударныхъ капсюлей, 100.000 патроновъ для Ремингтона. Въ Лондонѣ военное министерство насъ снабдило 30.000 патроновъ Гатлинга, а Киннохъ и С., изъ Бирмингама, 35.000 спеціальныхъ патроновъ Ремингтона. Ватсонъ и К°., 4, Pall-Mall, присоединили 50 магазинокъ Винчестера, каждая съ 1.000 патронами. Херамъ Максимъ, изобрѣтатель знаменитаго ружья, носящаго его имя, намъ подарилъ одинъ изъ своихъ чудесныхъ снарядовъ—автоматическую митральезу, съ щитомъ, укрѣпленнымъ на легкомъ и крѣпкомъ лафетѣ.

Для памяти: 100 лопатъ, заступовъ для рытья траншей, 100 топоровъ для обнесенія заборомъ лагеря, 100 топоровъ или серповъ для постройки *Zeriba*.

Гг. Бюро и Велькомъ, Snowhill Building изъ Лондона, знаменитые дрогисты и химики, подарили намъ 9 ящиковъ съ лекарствами, заключавшихъ въ себѣ всѣ нужныя средства для леченія эпидемическихъ болѣзней Африки. Каждый пріемъ былъ приготовленъ въ лепешкѣ, для скорѣйшаго растворенія; все это снабжено нужными лекарствами, инструментами для доктора и хирурга. Ничего не было забыто и мы всѣ приносимъ нашу искреннюю признательность этимъ господамъ не за одну только стоимость ящиковъ, но и за всѣ покупки, которыя они сдѣлали въ Лондонѣ, и заботы, которыя они приняли на себя по упаковкѣ: все пришло въ полной сохранности въ Ямбуи. Г. Джонъ Эджингтонъ и К° Duckstreet намъ устроили палатки изъ непромокаемой парусины, которыя намъ служили три года. Во время 300-дневнаго дождя я въ первый разъ обладалъ въ Африкѣ палаткою, которая послѣ нашего возвращенія въ Занзибаръ могла бы перенести 200 такихъ же дождливыхъ дней.

Гг. Фортнумъ и Мезонъ, изъ Пикадилли, приготовили намъ 40 прекрасно упакованныхъ тюковъ самой изысканной провизіи, въ которыхъ чай сохранилъ свой запахъ до послѣдняго листочка, кофе былъ самый лучшей мокка, экстрактъ Либиха перваго сорта. Но къ чему перечислять всѣ мои покупки. Мои четыре экспедиціи въ Африку и мои журнальныя статьи облегчали мою задачу. Сэръ Френсисъ Уинтонъ, капитанъ Грантъ Эліотъ мнѣ указали лучшихъ поставщиковъ и контролировали ихъ поставки.

Полковникъ сэръ Френсисъ Уинтонъ позднѣе меня былъ въ Конго и, по дружескому расположенію, любезно подѣлился со мною своею опытностью: его глубокое познаніе всѣхъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ сослужило мнѣ великую службу и помогло справиться со множествомъ дѣлъ, обступившихъ меня со всѣхъ сторонъ, причемъ однимъ изъ главныхъ затрудненій моихъ было—отвѣчать на письма и выбрать нужныхъ мнѣ шестерыхъ или семерыхъ офицеровъ изъ числа нѣсколькихъ сотъ кандидатовъ, выражавшихъ пламенное желаніе участвовать въ моихъ трудахъ.

Первымъ моимъ избранникомъ былъ лейтенантъ У. Г. Стэрсъ, инженернаго вѣдомства; необыкновенно сжатый стиль письма, въ которомъ онъ безъ всякихъ обиняковъ предлагалъ мнѣ свои услуги, сразу обратилъ на себя мое вниманіе. Повидавшись съ нимъ, я немедленно внесъ его имя въ списокъ моихъ будущихъ сотрудниковъ, съ условіемъ, чтобы онъ испросилъ себѣ отпускъ, на что лордъ Уольсли и далъ свое согласіе.

Затѣмъ явился Уильямъ Бонни: такъ какъ его письменныя заявленія, обращенныя къ начальникамъ предъидущихъ экспедицій, не имѣли ни малѣйшаго успѣха, онъ на сей разъ пришелъ самъ, прося только о томъ, чтобы его взяли, на какую угодно должность. Просилъ онъ неотступно, и притомъ грудь его была увѣшана крестами и медалями, что краснорѣчиво говорило въ его пользу. Такъ какъ онъ выслужилъ свой срокъ въ военномъ госпиталѣ, то я опредѣлилъ его въ фельдшера.

За нимъ слѣдуетъ Джонъ Розъ Трупъ, который служилъ въ Конго: онъ свободно говорилъ на суаильскомъ нарѣчіи, на которомъ говорятъ занзибарцы, работы не боялся, былъ аккуратенъ и отлично зналъ счетную часть.

Маіоръ Эдмундъ Мусгрэвъ Бартлотъ, 7-го стрѣлковаго баталіона, былъ мнѣ представленъ однимъ хорошимъ знакомымъ, который отзывался о немъ съ величайшими похвалами. Я впослѣдствіи разскажу, какъ произошло это свиданіе. Послѣ нѣкоторыхъ пререканій я внесъ въ списокъ и его.

Пятымъ вписанъ капитанъ Р. Г. Нельсонъ, изъ кавалерійскаго полка въ Метуэнѣ. Онъ отличился въ войнѣ съ зулусами. Его физіономія внушала величайшее довѣріе.

Шестымъ—А. Ж. Монтэней Джефсонъ, совсѣмъ новичекъ въ дѣлѣ отдаленныхъ экспедицій, непривычный къ тяжелымъ условіямъ пустынь. Нѣкоторые изъ членовъ комитета полагали, что онъ никуда не будетъ годиться въ экспедиціи такого рода: онъ казался имъ слишкомъ первокласснымъ пассажиромъ. Но тѣ 27.500 франковъ, ко-

торые г-жа Де-Ноаль внесла за него въ нашъ вспомогательный фондъ, послужили въ его пользу неотразимымъ доказательствомъ. Джефсонъ безтрепетной рукою подписалъ всѣ условія, какія отъ него требовались. Бѣдный молодой человѣкъ! его ожидали тяжкія испытанія, но объ этомъ мы разскажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Однимъ изъ послѣднихъ явился Джемсъ С. Джемсонъ. Мы уже читали свой списокъ почти полнымъ. Онъ путешествовалъ въ южной Африкѣ у Мачеона и Матабелэ, изучалъ птицъ и вывезъ много рисунковъ и трофеевъ своей охоты. Мнѣ онъ показался нѣсколько хилымъ, но когда я выразилъ это, онъ началъ горячо защищаться, въ опроверженіе моихъ опасеній приводя то обстоятельство, что онъ провелъ тамъ уже много лѣтъ. Онъ внесъ 25 тысячъ франковъ за удовольствіе сопровождать насъ, обѣщалъ служить намъ вѣрой и правдой и храбро подписалъ всѣ условія договора.

Въ самый разгаръ нашихъ приготовленій къ походу изъ Занзибара къ озеру Викторія-Ньянса я получилъ слѣдующее письмо, которое чуть не перевернуло вверхъ дномъ всѣ планы комитета:

„Брюссельскій дворецъ, 7 января 87 года.

Любезный господинъ Стэнли!

Область Конго ничего не выигрываетъ оттого, что экспедиція пройдетъ ея землями, король совѣтовалъ избрать этотъ путь только для того, чтобы оказать экспедиціи нѣкоторыя услуги, которыхъ онъ не въ состояніи оказывать въ томъ случаѣ, если вы пойдете съ востока. Эта дорога, по вашимъ собственнымъ вычисленіямъ, возьметъ у васъ не менѣе 18 мѣсяцевъ. Его величество считалъ бы себя въ долгу передъ областью Конго, если бы на столь долгій срокъ лишилъ его вашихъ услугъ, въ коихъ область эта, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ нуждаться гораздо скорѣе.

Въ томъ же случаѣ, если экспедиція пойдетъ по рѣкѣ Конго, областное управленіе окажетъ вамъ всевозможное вниманіе: оно предоставляетъ въ ваше распоряженіе всѣ свои суда, насколько это будетъ совмѣстно съ требованіями администраціи, интересы которой оно обязано ставить на первый планъ. *Стэнли* — наибольшій изъ всѣхъ пароходовъ верхняго Конго. Съ почтовымъ пароходомъ 15 января мы отправляемъ еще другой, который постараемся какъ можно скорѣе спустить на озеро Стэнли: это будетъ драгоцѣннымъ и необходимымъ прибавленіемъ къ нашей флотиліи. Тѣмъ временемъ пароходъ *Мирный*, принадлежащій миссіи баптистовъ, вѣроятно, могъ бы безвозмездно послужить вамъ для транспортовъ.

Если экспедиція пожелаетъ, мы могли бы помочь ей въ вербовкѣ рекрутовъ изъ бангалинцевъ: мы ими отмѣнно довольны, такъ какъ

изъ нихъ выходятъ хорошіе солдаты, небоящіеся арабовъ какъ занзибарцы.

По оффиціальнымъ документамъ, опубликованнымъ на этой недѣлѣ въ Берлинѣ, вы усмотрите, что владѣнія Занзибара ограничиваются узкой полосой земли вдоль береговъ. Далѣе этой черты вся страна принадлежитъ Германіи. Если нѣмцы и дозволятъ вамъ пройти по ихъ землѣ, то занзибарцы будутъ тамъ уже на чужой почвѣ совершенно какъ и въ Конго.

Съ чувствомъ искренняго расположенія, любезный господинъ Стэнли

преданный вамъ графъ Борхъ Грабе".

Приходилось серьезно призадуматься, тѣмъ больше, что я получилъ въ то же время письмо отъ сэръ Уильяма Меккиннонъ, такого содержанія:

„Глазго, 4 января 1887 года.

Дорогой Стэнли!

Я только что получилъ отъ короля любезную записку, выражающую желаніе, чтобы вы избрали путь по Конго. Онъ опасается, какъ бы не порвалась ваша связь съ этой страной, считая васъ одною изъ главныхъ опоръ области. Я подробно изложилъ ему все, что до сихъ поръ было сдѣлано и что вы готовитесь предпринять, объяснялъ, какъ трудно вамъ нарушать обязательства уже разъ принятыя и добиться того, чтобы правительство Англіи и Египта, а также султанъ занзибарскій согласились на такую перемѣну фронта. Я упомянулъ также и о громадныхъ издержкахъ, потребныхъ для перевезенія моремъ 600 человѣкъ (если еще султанъ согласится отпустить ихъ изъ Занзибара въ Конго) и для доставки ихъ обратно.

Впрочемъ я обѣщалъ ему разузнать, всѣ ли заинтересованныя лица согласны на маршрутъ по Конго". . . . .

. . . .

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ я былъ занятъ вплоть до отъѣзда экспедиціи, представляю здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ моего дневника:

По просьбѣ Меккиннона, къ которому бельгійскій король писалъ на счетъ пути на Конго, я повидался съ сэръ Перси Андерсономъ и сообщилъ ему о желаніяхъ короля Леопольда. На вопросъ его какія этотъ маршрутъ представляетъ выгоды, я отвѣчалъ:

1) Увѣренъ, что найду Эмина.

2) Пароходы отъ правительства доставятъ насъ вверхъ по рѣкѣ на разстояніи 600 километровъ отъ озера Альберта.

3) Нѣмцы успокоятся и перестанутъ въ каждомъ нашемъ движеніи подозрѣвать политическія цѣли.

4) Удовлетворить французское правительство, которое утверждаетъ, будто наша экспедиція подвергаетъ опасности жизнь французскихъ миссіонеровъ.—Если бы это было справедливо, то, конечно, не меньшей опасности подверглись бы и англійскіе миссіонеры.

5) Меньше будетъ хлопотъ съ занзибарскими рекрутами, которые, подходя къ стоянкамъ арабовъ, всегда наровятъ убѣжать.

Лордъ Иддеслей пишетъ мнѣ, что французскій посланникъ получилъ приказаніе сообщить ему слѣдующее: если экспедиція пойдетъ съ востока отъ Викторія-Ньянса, то жизнь ихъ миссіонеровъ въ Угандѣ несомнѣнно будетъ въ опасности. Онъ совѣтуетъ мнѣ обсудить этотъ вопросъ.

Былъ въ адмиралтействѣ. Спрашивалъ адмирала Сёлливана, не дадутъ ли намъ корабля для доставки экспедиціи въ Конго. Онъ отвѣчалъ: „Если получимъ предписаніе, то нѣтъ ничего легче; а иначе—невозможно".

Написалъ къ королю, прося опредѣлить, какъ далеко можетъ простираться помощь, которую ему угодно будетъ оказать намъ въ плаваніи по верхнему Конго.

8 января. — Письма отъ короля. Пишетъ, что въ скоромъ времени будетъ нуждаться въ моихъ услугахъ. Отдаетъ въ наше распоряженіе всѣ свои суда, за исключеніемъ тѣхъ, которые окажутся необходимы для администраціи. Телеграфировалъ Меккиннону, что эта послѣдняя статья мнѣ не нравится: я считаю ее несовмѣстной съ требуемою быстротой. Въ томъ же смыслѣ пишетъ полковникъ Уинтонъ.

Вещи и запасы экспедиціи приходятъ во множествѣ.

Уинтонъ работалъ со мною до поздней ночи.

9 января. — Полковникъ Грантъ, полковникъ сэръ Ф. Уинтонъ и я обсуждали письмо его величества. Мы просимъ короля точнѣе обозначить количество транспортныхъ судовъ, на которыя мы можемъ разсчитывать, и сроки нашего пользованія ими. Отъ быстроты его отвѣта такъ многое зависитъ: надо еще нанять суданцевъ, достать пароходъ для отправки провіанта и т. д. Мы рѣшаемся послать свое письмо съ особымъ курьеромъ.

10 января. — Уинтонъ былъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и ему обѣщали задержать почтовый пароходъ въ Занзибаръ и тотъ правительственный корабль, который доставитъ насъ на мѣсто черезъ мысъ Доброй Надежды.

Гг. Грэй, Досъ и К° увѣдомили меня, что директоръ путей сооб-

щенія согласенъ задержать почтовый пароходъ изъ Занзибара въ Адэнъ до прибытія *Наварино*, который отходитъ изъ Лондона 20-го числа съ нашими офицерами и провіантомъ. Я догоню *Наварино* въ Суэцѣ, покончивъ съ дѣлами экспедиціи въ Египтѣ.

12 января.—Сегодня вечеромъ пришелъ отвѣтъ. Достопочтенный Гэй Донэй, полковникъ сэръ Люисъ Пель, полковникъ сэръ Ф. Уинтонъ и я собрали комитетъ.—Такъ какъ изъ Брюсселя полученныя свѣдѣнія удовлетворительны, путь на Конго принятъ единогласно.

Лордъ Иддеслей увѣдомилъ меня въ 2 часа, что ожидаетъ меня къ 6 часамъ вечера. Но въ 3 ч. 13 мин. онъ скоропостижно скончался отъ разрыва сердца.

13 января.—Сэръ Д. Паунсфотъ (изъ министерства иностранныхъ дѣлъ) доставилъ намъ телеграмму сэръ Эвелина Бэринга и нѣсколько писемъ, касающихся вопроса о перевозочныхъ средствахъ: адмиралтейство отказало на отрѣзъ.

А тюки продолжаютъ скопляться, скоро они наполнятъ весь домъ.

Былъ въ ратушѣ съ баронессой Бердеттъ Куттсъ. Мы пріѣхали три четверти перваго. Я избранъ почетнымъ гражданиномъ города Лондона, коего я состою теперь младшимъ изъ членовъ.—Завтракалъ у лорда мэра. Избранное общество.—Все обошлось прекрасно.

Телеграфировалъ въ Брюссель съ запросомъ, можетъ ли король принять меня въ пятницу.

Отвѣтъ: «Да, въ 9 ч. 30 м. утра».

14 января.—Переплылъ каналъ. Черезъ Остенде въ Брюссель. Видѣлъ короля и откланялся ему. Онъ былъ очень милостивъ. Возвратился въ Лондонъ въ 8 ч. вечера.

Телеграмма отъ Сандрингама: «Принцъ Уэльскій желаетъ меня видѣть».

15 января.—Сэръ Перси Андерсонъ былъ у меня; Джозефъ Томсонъ порядочно опоздалъ; онъ только теперь увѣдомилъ географическое общество о своемъ желаніи сопровождать экспедицію.

Уговорился съ Ингэмомъ, который взялся набрать для насъ въ Конго носильщиковъ. Онъ скоро выѣзжаетъ.

Телеграфировалъ въ Занзибаръ, чтобы воротили носильщиковъ съ тюками риса, успѣвшихъ дойти до Мнапуа.—Вотъ уже 6.120 франковъ брошенныхъ на вѣтеръ!

На дняхъ я писалъ господину, пожертвовавшему свой пароходъ *Мирный* миссіи баптистовъ на Конго, съ просьбою ссудить намъ этотъ корабль, чтобы скорѣе добраться до Эмина-паши. И вотъ какимъ страннымъ письмомъ онъ мнѣ отвѣтилъ:

„Лидсъ, 15 января 1887 г.

Любезный г. Стэнли!

Васъ лично я чрезвычайно уважаю; но не могу, не смѣю одобрить всѣхъ вашихъ дѣйствій.

Очень сожалѣю, что никакъ не могу согласиться на вашу просьбу. Только вчера удалось мнѣ придти къ этому рѣшенію. Впрочемъ, не думаю, чтобы отказомъ въ нашемъ пароходѣ я могъ нанести вамъ серьезный ущербъ.

Господинъ Бэнсъ (въ Гольборнѣ), членъ миссіонернаго общества баптистовъ, надѣется, что вы дадите ему случай объясниться съ вами, какъ онъ сочтетъ приличнымъ. Если вы еще сохранили благоговѣйное чувство къ Божественному Страстотерпцу, Царю-Миротворцу, да простретъ Онъ Свою милосердную десницу надъ вами и да сохранитъ вашихъ товарищей!

Я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что Эминъ цѣлъ и невредимъ. Если онъ еще и не окончилъ свое дѣло, онъ съ честью выйдетъ изъ этого испытанія. Повидимому Богъ даровалъ вамъ возвышенную душу, но въ настоящее время она погрязла въ грѣхахъ и въ пагубныхъ заблужденіяхъ и я бы такъ желалъ, чтобы вы покаялись и увѣровали въ Евангеліе, искренно увѣровали, дабы отнынѣ и навсегда пребывать въ счастіи, радости и просвѣтленіи. Всякая проволочка на этомъ пути для васъ опаснѣе, чѣмъ всѣ задержки въ помощи Эмину!

Вашъ вѣрный другъ

Робертъ Артингтонъ".

16 января.—Полковникъ Д. А. Грантъ вмѣстѣ съ Д. Е. Кэльти, издателемъ журнала „Nature", обсуждаютъ предложеніе г. Томсона.

Письма приходятъ десятками; всѣ мои товарищи заняты отвѣтами на нихъ.

17 января.—Переписка все увеличивается.

Обсуждали предложеніе г. Джозефа Томсона. Г. Кэльти взялся отъ своего имени увѣдомить его о рѣшеніи комитета.

Уладилъ съ Д. С. Мэкензи нѣсколько вопросовъ, касающихся Занзибара. Онъ послалъ двѣ телеграммы. Генералъ Бракенбёри пишетъ насчетъ угля: безъ позволенія отъ казны они не имѣютъ право давать его.

18 января.—Покончилъ съ утреннимъ дѣломъ. Былъ съ полковникомъ Уинтономъ въ Сандрингамѣ у принца Уэльскаго. Разостлавъ на столѣ карту Африки, я прочелъ ихъ высочествамъ краткую лекцію о предполагаемомъ пути для достиженія Эмина-паши. Слушали очень внимательно.

19 января.—Сэръ Уильямъ Меккиннонъ созвалъ своихъ друзей въ отель Берлингтонъ, гдѣ задалъ мнѣ прощальный банкетъ.

Я простился съ толпою друзей,—до свиданья.

20 января. — Пароходъ *Наварино* снялся съ якоря сегодня послѣ полудня и увезъ пожитки трехъ изъ участниковъ экспедиціи: Стэрса, Нельсона и Монтэней Джефсона. Уильямъ Бонни уѣхалъ сегодня въ 8 часовъ утра съ негритенкомъ Барути и отправился на станцію Фенчорчъ. Пріѣхавъ туда, онъ оставилъ мальчика одного, а самъ отправился обозрѣвать королевскіе брилліанты въ Лондонской Башнѣ. Воротившись къ 2 ч. пополудни на станцію, онъ узналъ, что пароходъ уже снялся съ якоря. Онъ попробовалъ сходить къ гг. Грэю, Досу и К°, коммиссіонерамъ по дѣламъ судоходства, и узнавъ тамъ, что бѣда непоправима, воротился ко мнѣ совсѣмъ сконфуженный. Полковникъ Грантъ розыскалъ на станціи бѣднаго Барути, чуть не умершаго отъ голода и холода.

21 января.—Сегодня утромъ отправилъ Бонни по желѣзной дорогѣ въ Плимутъ, гдѣ онъ еще нагонитъ пароходъ, отправляющійся въ Индію; онъ и Барути будутъ ждать меня въ Суэцѣ.

Выѣхалъ въ Египетъ въ 8 ч. 5 м. вечера. Цѣлая толпа собралась, чтобы еще разъ пожать мнѣ руку. До свиданья!

Глава II.

ЕГИПЕТЪ и ЗАНЗИБАРЪ.

(Съ 27 января до 25 февраля 1887 г.).

Хирургъ Т. Г. Пэркъ.—Разговоръ съ сэръ Эвелиномъ Бэрингомъ, Нубаръ-пашой, профессоромъ Швейнфуртомъ и докторомъ Юнкеромъ о вспомогательной экспедиціи.—Подробности, касающіяся Эмина-паши и провинціи.—Генералъ Гренфелль и его запасы.—Завтракъ у хедива Тевфика.—Письмо къ Эмину-пашѣ. — Отъѣздъ въ Занзибаръ.—Момбаза. — Визитъ занзибарскому султану.—Къ Эмину-пашѣ посылаемъ письмо черезъ Уганду. — Переговоры съ Типпу-Тибомъ.—Слоновая кость Эмина-паши.—Услуги, оказанныя экспедиціи гг. Мэкензи, сэръ Джономъ Пэндеръ и сэръ Джемсомъ Андерсонъ.

27 января 1887 г. — Прибылъ въ Александрію въ 6 час. утра. Т. Г. Пэркъ, военный хирургъ, пришелъ ко мнѣ въ отель предложить свои услуги въ качествѣ врача при экспедиціи. Такъ какъ я не успѣлъ еще опредѣлить на это мѣсто человѣка по моему вкусу, то очень обрадовался этому предложенію; однако, въ Лондонѣ я претерпѣлъ столько непріятныхъ хлопотъ съ двумя его коллегами, престранными чудаками, что сначала повелъ себя съ этимъ кандидатомъ весьма осторожно; очень красивый юноша, немного застѣнчивый, но симпатичный. Точно ли онъ имѣетъ серьезныя намѣренія? Чтобы испытать его, я сказалъ: „Если вамъ угодно будетъ пожаловать ко мнѣ въ Каирѣ, мы поговоримъ объ этомъ на досугѣ; здѣсь мнѣ рѣшительно некогда“.

Въ 10 ч. утра выѣхалъ въ Каиръ. Сэръ Эвелинъ Бэрингъ выѣхалъ ко мнѣ на станцію: я былъ уже съ нимъ нѣсколько знакомъ по журналу Гордона. Онъ повезъ меня къ себѣ и съ свойственной ему прямотою и откровенностью предупредилъ, что тутъ будутъ мнѣ ставить палки въ колеса. И хедивъ, и его первый министръ Нубаръ-паша косо смотрятъ на маршрутъ по Конго. Профессоръ Швейнфуртъ

и докторъ Юнкеръ въ отчаяніи: очевидно, они находятъ нашъ проектъ никуда не годнымъ.

— Что-жь, сэръ Эвелинъ,—сказалъ я,—развѣ въ Англіи нѣтъ авторитетовъ, равносильныхъ господамъ Швейнфурту и Юнкеру? Въ комитетѣ вспомоществованія у насъ полковникъ Джемсъ Августъ Грантъ, бывшій спутникомъ Спика; полковникъ сэръ Френсисъ Уинтонъ, бывшій намѣстникомъ въ Конго; полковникъ Люисъ Пелли, бывшій политическимъ агентомъ въ Занзибарѣ; изъ военнаго министерства достопочтенный Гэй Донэй; сэръ Джонъ Киркъ, еще недавно бывшій генеральнымъ консуломъ въ Занзибарѣ; Горасъ Уоллеръ и мало ли еще значительныхъ и недюжинныхъ людей. Мы ничего не рѣшали безъ содѣйствія и одобренія министерства иностранныхъ дѣлъ. Мы тщательно взвѣсили каждое возраженіе и я твердо рѣшился выполнить тотъ планъ, на которомъ мы съ комитетомъ вполнѣ остановились.

Затѣмъ я изложилъ ему всѣ шансы за и противъ каждой изъ дорогъ и онъ убѣдился въ правотѣ моего взгляда. Онъ повезъ меня къ Нубару-пашѣ, гдѣ мнѣ пришлось съизнова излагать свои объясненія. Первый министръ съ благосклонною улыбкой согласился съ доводами сэръ Эвелина Бэринга; онъ призналъ премудрость и дальновидность нашего новаго проэкта и въ награду пригласилъ меня къ завтраку на слѣдующій день.

28 января.—Завтракалъ у Нубаръ-паши; онъ представилъ меня Мезонъ-бэю (который въ 1877 году плавалъ вдоль всѣхъ береговъ озера Альберта), г-жѣ Нубаръ и ея тремъ дочерямъ, Тиграну-пашѣ, своему зятю и г. Фэну, прежнему секретарю посольства въ Брюсселѣ. Во время завтрака паша много разговаривалъ, преимущественно объ Египтѣ, о Суданѣ, объ Африкѣ и о Гордонѣ; сего послѣдняго Нубаръ очевидно недолюбливаетъ, обвиняя его въ томъ, что онъ погубилъ Суданъ; вотъ Бэкеръ, хоть и драчунъ, но настоящій пылкій Біонеръ и очень умный человѣкъ.

Послѣ завтрака мы развернули карты. Нубаръ внимательно разсматриваетъ маршруты и объявляетъ, что всего лучше идти по Конго. Онъ напишетъ Эмину, чтобы онъ возвращался въ Египетъ, такъ какъ при настоящихъ обстоятельствахъ правительство не можетъ больше заниматься Суданомъ. Онъ позволяетъ намъ выставить египетское знамя, какъ значекъ нашей миссіи; ему бы хотѣлось, чтобы Эминъ увелъ своихъ макараковъ и привезъ бы какъ можно больше слоновой кости. Часть ея можно бы продать въ пользу казны, такъ какъ она уже выдала намъ авансъ въ 250.000 франковъ. Для Эмина

и главныхъ его сотрудниковъ онъ заказалъ мундиры, впрочемъ на нашъ счетъ. Чины и оклады всѣхъ офицеровъ утверждены.

Видѣлъ я Швейнфурта и Юнкера, а съ ними и всѣхъ, кого здѣсь считаютъ компетентными въ нашемъ вопросѣ. Разговоры были длинные, интересные, но я изъ нихъ приведу лишь главные пункты.

Швейнфуртъ и Юнкеръ вообразили себѣ, что такъ какъ въ составъ нашего багажа вошли нѣсколько сотень карабиновъ и одна митральеза новѣйшей конструкціи, то слѣдовательно я поведу и отрядъ солдатъ по всѣмъ правиламъ строжайшей воинской дисциплины. Уже одно названіе нашей экспедиціи, а пуще всего репутація лицъ, пожертвовавшихъ большую часть нашего вспомогательнаго фонда, должны бы были предупредить ихъ, что они ошибаются. Наша миссія имѣетъ только одну цѣль—подать помощь Эмину; въ числѣ средствъ къ поданію помощи есть, конечно, и оружіе и боевые снаряды въ достаточномъ количествѣ, для того, чтобы паша могъ безопасно выбраться изъ центральной Африки или держаться въ своей провинціи насколько сочтетъ возможнымъ.

Правда, что судя по качеству нашихъ новобранцевъ, большею частью занзибарцевъ или отпущенныхъ на волю рабовъ, на нихъ нельзя много разсчитывать. Въ Занзибарѣ уже извѣстно, что Уганда относится къ намъ враждебно; что Муанга велѣлъ умертвить человѣкъ 60 новообращенныхъ епископомъ Аннингтономъ; что путь черезъ Массаи крайне опасенъ; что племя Карагуэ платитъ дань Муангѣ; что Уаха многочисленны и воинственны; что ни одному европейцу еще не удавалось проникнуть въ Руанду; и что одинаково опасно идти какъ черезъ страну Массаи, такъ и черезъ Карагуэ. Покуда здѣсь, въ Занзибарѣ, *Пагази* похваляются своею храбростью и увѣряютъ, что готовы драться съ кѣмъ угодно; однако африканскимъ путешественникамъ довольно извѣстно, какъ эти храбрецы поджимаютъ хвостъ въ минуту опасности. Если даже предположить, что всѣ 600 человѣкъ завербованныхъ останутся намъ вѣрны, то надо взять въ разсчетъ ихъ неопытность въ употребленіи нашего усовершенствованнаго оружія: вѣдь они стрѣляютъ наудачу, безъ цѣли, безъ толку; къ тому же они вялы, не знаютъ никакой дисциплины и совершенно теряются при видѣ крови. Это не солдаты, а носильщики оружія, совершенно неспособные сохранить боевые снаряды и все-таки противустоять непріятелю. Когда Типпу-Тибъ, нынѣ столь знаменитый, бросилъ меня въ центральной Африкѣ и предпринялъ дерзновенное изслѣдованіе того, куда ведетъ большая рѣка, берегами которой мы шли, мои занзибарцы только потому помогли мнѣ уйти отъ дикаго Убуйрэ, что не видѣли другихъ средствъ къ спасенію. Въ

виду неминучей смерти они, пожалуй, позволятъ вамъ распорядиться собой, чтобы имъ же спасти жизнь, но было бы слишкомъ наивно думать, что покинувъ для васъ всѣ прелести Занзибара или Уніямуази, они храбро пойдутъ навстрѣчу случайностямъ войны. Эта экспедиція не то, что ученое путешествіе: мы не можемъ, не имѣемъ права, встрѣчая непріязненныя племена, свернуть въ сторону и искать болѣе спокойныхъ мѣстъ: нужно побѣждать препятствія, нужно придти къ цѣли и сложить боевые снаряды къ ногамъ Эмина-паши! Стало быть мало того, чтобы вооружить этихъ людей ремингтонами и митральезами; надо отрѣзать имъ отступленіе, лишить ихъ малѣйшей возможности улизнуть; только тогда они будутъ дѣйствовать какъ слѣдуетъ, тогда мы выполнимъ нашу задачу, даже если бы пришлось повременамъ повстрѣчать непріятельскія стрѣлы, копья или ружья!

Объ Эминѣ-пашѣ показанія даются различныя: докторъ Юнкеръ говоритъ, что это человѣкъ высокаго роста *), худощавый, очень близорукій; онъ знаетъ множество языковъ, говоритъ по-арабски, по-турецки, по-нѣмецки, по-итальянски, по-англійски и еще на нѣсколькихъ африканскихъ нарѣчіяхъ. О его военныхъ способностяхъ Юнкеръ, кажется, не высокаго мнѣнія, считая его скорѣе администраторомъ, мудрымъ, осторожнымъ и ловкимъ. Продолжительное одиночество лишило его значительной доли бодрости: „Египту до насъ дѣла нѣтъ, говоритъ онъ, насъ тамъ позабыли; да и Европа также объ насъ не думаетъ“.

Эминъ по происхожденію нѣмецъ и ему 47 лѣтъ.

Его солдаты распредѣлены на восемь отрядовъ, расположенныхъ по стоянкамъ въ 200 или 300 человѣкъ; всего значитъ 1.800 чел. По послѣднимъ извѣстіямъ, гарнизоны четырехъ стоянокъ сѣверной части уже пробовали бунтовать. На распоряженія паши они отвѣчали упреками, а когда зашла рѣчь о томъ, чтобы очистить провинцію и воротиться въ Египетъ черезъ Занзибаръ, они кричали, что Эминъ только о томъ и думаетъ, чтобы распродать ихъ по дорогѣ и сдѣлать невольниками.

Впрочемъ, Юнкеръ не знаетъ въ точности числа ни солдатъ, ни египтянъ, гражданскихъ чиновниковъ изъ Донголы, оставшихся съ Эминомъ. По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, мы съ нимъ пришли къ слѣдующему заключенію касательно численности людей, которыхъ экспедиціи придется оттуда увести съ собою:

Офицеровъ египтянъ (бѣлыхъ) 10; унтеръ-офицеровъ (черноко-

*) Согласно этимъ показаніямъ я и дѣлалъ заказъ портному. Эмину потомъ пришлось укорачивать свои панталоны больше чѣмъ на 15 сентиметровъ.

жихъ) 15; чиновниковъ бѣлыхъ (коптовъ) 20; чернокожихъ изъ Донголы и Уади-Гальфа 300, итого мужчинъ 345. Женщинъ бѣлыхъ 22; негритянокъ 137,=159 женщинъ. Дѣтей офицерскихъ 40; солдатскихъ 60,=100. Всего 604.

Можетъ случиться также, что при видѣ этого «исхода» своихъ друзей и товарищей, солдаты изъ туземцевъ захотятъ послѣдовать за ними въ Египетъ. Невозможно предусмотрѣть какое впечатлѣніе произведетъ прибытіе нашей миссіи. Уходить ли имъ, или оставаться? Вѣроятно они во всемъ послѣдуютъ примѣру паши.

Сегодня къ вечеру ожидаю людей, набранныхъ въ Уади-Гальфа; ихъ одѣнутъ, вооружатъ и прокормятъ въ цитадели; въ четвергъ выѣдимъ съ ними въ Суэцъ, куда *Наварино* придетъ въ пятницу; а тамъ на корабль и въ путь!

Телеграммы изъ Лондона: журналы печатаютъ со словъ «лица весьма извѣстнаго къ Каирѣ», что Эминъ послѣ отчаянныхъ стычекъ, прошелъ Уганду, а египетское правительство воздвигаетъ намъ всяческія препятствія. Нечего сказать, точныя свѣдѣнія!

1 февраля. — Сегодня утромъ въ 10³/₄ ч. былъ у сэръ Эвелина Бэринга и сопровождалъ его во дворецъ. Тевфикъ-паша былъ очень любезенъ; мнѣ нравится его наружность. — Великолѣпное помѣщеніе, большой просторъ и цѣлый полкъ прислуги. Хедивъ пригласилъ меня на завтракъ завтра въ полдень.

Послѣ полудня сэръ Эвелинъ повезъ меня въ канцелярію генерала Гренфелля. Вчера вечеромъ у генерала Стифенсона Валентинъ Бэкеръ-паша совѣтовалъ мнѣ тщательно испробовать качество тѣхъ патроновъ, которые египетское правительство отпустило мнѣ для ремингстоновскихъ ружей; онъ говоритъ, что ему поставили на 50 процентовъ негодныхъ.

— Если же вы съ мѣста повезете снаряды плохаго качества, то на что они будутъ годиться черезъ годъ, когда вы ихъ представите Эмину насквозь пропитанными тропическою сыростью?

Генералъ Гренфелль уже распорядился провѣркою снарядовъ, но со словъ Валентина Бэкеръ-паши хочетъ самъ еще провѣрить.

2 февраля. — Завтракалъ у хедива. Онъ выказываетъ большой патріотизмъ, любитъ свою страну; говоритъ просто и безъ аффектаціи. Къ концу аудіенціи онъ приказалъ вручить мнѣ слѣдующій фирманъ, незапечатанный и съ приложеніемъ копіи въ англійскомъ переводѣ:

«Копія высочайшихъ повелѣній, данныхъ на арабскомъ языкѣ Эмину-пашѣ.

8 Гамадъ Ауаль, 1304. (1 февраля 1887 года) № 3.

Мы уже благодарили тебя и твоихъ офицеровъ за храбрость и за

успѣшную оборону экваторіальныхъ провинцій, вамъ порученныхъ, а также за твердость твою и подчиненныхъ тебѣ офицеровъ.

За это мы награждаемъ тебя чиномъ Леуа-паши *). Также утверждаемъ всѣ повышенія въ чинахъ, какія ты сочелъ приличнымъ даровать своимъ офицерамъ. Я уже писалъ тебѣ отъ 29 ноября 1886 года подъ № 31 и ты, безъ сомнѣнія, получилъ мое письмо, вмѣстѣ въ другими документами, посланными тебѣ его превосходительствомъ Нубаръ-пашей, президентомъ совѣта министровъ.

И такъ какъ мы искренно желаемъ избавить тебя, твоихъ офицеровъ и солдатъ отъ труднаго поста, на которомъ вы пребываете, правительство наше озаботилось отысканіемъ способовъ вывести тебя, твоихъ офицеровъ и солдатъ изъ этого опаснаго положенія.

И образовалась миссія вспомоществованія подъ начальствомъ господина Стэнли, знаменитаго и опытнаго изслѣдователя, извѣстнаго всему міру; онъ отправляется въ путь, имѣя съ собою все, что можетъ вамъ понадобиться, дабы привести обратно тебя, твоихъ офицеровъ и людей, тѣмъ путемъ, какой найдетъ наилучшимъ. Того ради повелѣлъ я написать сіе мое высочайшіе повелѣніе; вышеупомянутый господинъ Стэнли передастъ тебѣ оное собственноручно, дабы ты узналъ, что для тебя сдѣлано; и когда ты все узнаешь, приглашаю тебя выразить мои благія пожеланія офицерамъ и людямъ.

И я говорю тебѣ: возвращайся въ Каиръ или оставайся на мѣстѣ съ твоими офицерами и людьми: предоставляю тебѣ полную свободу выбора.

Правительство наше рѣшило уплатить вамъ жалованье, тебѣ, твоимъ офицерамъ и людямъ.

Офицеры и люди, которые пожелаютъ остаться, пусть остаются на свой страхъ: правительство не окажетъ имъ впредь никакого вспомоществованія.

Вникай прилежно въ содержаніе сего и извѣсти о томъ всѣхъ офицеровъ и всѣхъ людей, дабы они знали, что имъ дѣлать.

Подписалъ: Мегеметъ Тевфикъ".

Вечеромъ Тигранъ-паша привезъ мнѣ письмо, которымъ первый министръ отзываетъ Эмина: мнѣ его прочли, потомъ запечатали.

И такъ, положеніе представляется намъ въ такомъ видѣ: Юнкеръ полагаетъ, что Эминъ не захочетъ покинуть свою провинцію. Англійскіе подписчики разсчитываютъ, что онъ останется на своемъ посту, но не выражаютъ на этотъ счетъ своихъ желаній, предоставляя ему рѣшать самому. Британское правительство хочетъ, чтобы онъ возвратился, потому что, при существующихъ условіяхъ, Экваторія пред

*) Бригадный генералъ.

ставляется почти недостижимою и Эминъ, запертый тамъ въ такой дали, служитъ предметомъ постоянныхъ опасеній. Хедивъ предписываетъ ему принять насъ въ провожатые, а впрочемъ какъ ему угодно: если онъ отклонитъ предложеніе и захочетъ остаться тамъ, пусть не ждетъ больше никакой помощи отъ правительства. Въ письмѣ Нубаръ-паши выражены желанія египетскаго министерства, которыя оказываются согласными съ желаніями британскаго кабинета въ томъ видѣ, какъ передаетъ ихъ сэръ Эвелинъ Бэрингъ.

3 февраля.—Отъѣзжаю въ Суэцъ. На станціи, для пожеланія мнѣ успѣховъ, ожидаютъ сэръ Эвелинъ и леди Бэрингъ, генералы Стифенсонъ, Грэнфелль, Валентинъ Бэкеръ, Аббатэ-паша, профессоръ Швейнфуртъ и докторъ Юнкеръ. Послѣдній сопутствуетъ мнѣ, а также 61 солдатъ, суданцевъ изъ Уади-Гальфа. Въ Загазигѣ присоединяется къ намъ вновь прикомандированный хирургъ Т. Г. Пэркъ; дальше, въ Измаиліи, Гиглеръ-паша. Въ Суэцѣ ожидалъ насъ также нашъ натуралистъ Джемсъ Джемсонъ. Завтра на пароходѣ *Горонна* подъѣдутъ фельдшеръ Бонни и Барути.

6 февраля.—Завтракалъ у капитана Бейтса, агента пароходства англо-индійской компаніи. Въ 2 ч. мы съ нимъ садимся на пароходъ *Робъ-Рой*, только что построенный, и выходимъ изъ Суэцскаго порта къ *Наварино*, который сталъ на якорѣ нѣсколько поодаль. Въ 5 ч. вечера, еще разъ пожавъ руку капитану Бейтсу и доктору Юнкеру, высокія качества котораго меня искренно къ нему привязали, мы отплыли въ Адэнъ.

8 февраля.—Становится жарко. Въ 8 ч. утра въ каютѣ капитана 100-градусный термометръ показываетъ 24°. Мой европейскій камердинеръ недоволенъ: „Они говорятъ, что мы на Красномъ морѣ. Это-то Красное море?! Это Черное море!"

12 февраля.—Адэнъ. Переходимъ на пароходъ *Оріанталь*, гдѣ находимъ маіора Бартлота; *Наварино* идетъ въ Бомбей. Посылаю слѣдующую депешу:

„Въ Занзибаръ. Господину Мэкензи.

Очень доволенъ телеграммой. Прошу нанять 20 мальчиковъ для прислуги офицерамъ, дешевле взрослыхъ. При мнѣ 8 европейцевъ, 62 суданца, 2 сирійца, 13 сомали. Приготовьте соотвѣтственный провіантъ для корабля.

Пассажиры 1-го класса: я, Бартлотъ, Стэрсъ, Джефсонъ, Нельсонъ, Пэркъ, Бонни, графъ Пфейль и при немъ два нѣмца, отправляющіеся на рѣку Руфиджи".

19 февраля.—Въ 3 ч. пополудни въ водахъ Ламу. Пришелъ пароходъ *Багдадъ*: на немъ докторъ Ленцъ, австрійскій путешествен-

никъ, который также отправлялся разыскивать Эминъ-бэя, но не успѣвъ въ этомъ, побывалъ въ Занзибарѣ и возвращается въ Европу. Свою неудачу онъ навѣрное припишетъ Африкѣ и особенно Конго. Всѣ мы таковы!

20 февраля.—Момбаза. Увѣряютъ, что произошло большое сраженіе между племенамиГалла и Сомали: первые—сторонники нѣмцевъ, вторые—ихъ открытые враги. Слышно, что Португалія воюетъ съ Занзибаромъ или что-то въ этомъ родѣ.

Отлично было бы устроить товарные склады по правую руку сѣвернаго прохода, на первомъ мысу, вдающемся въ гавань, потому что берегъ тутъ отвѣсный и вода очень глубока; если у самого его подножія утвердить помостъ, а на вершинѣ поставить журавль съ длиннымъ рычагомъ, то было бы чрезвычайно удобно грузить и разгружать суда у самаго входа въ склады.—Множество кокосовыхъ пальмъ, великолѣпный видъ на океанъ. Если Момбаза будетъ англійскимъ портомъ,—а я надѣюсь, что это скоро случится,—надо будетъ строить новый городъ насупротивъ этого мыса, на островѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде португальскій портъ; для перевозки товаровъ достаточно будетъ проложить рельсы, а вагоны возить на мулахъ.

22 февраля.—Занзибаръ. Генеральный консулъ Гольмвудъ принялъ меня съ распростертыми объятіями.

Я приказалъ офицерамъ отправиться на наше транспортное судно (пароходъ *Мадура* англо-индійской компаніи) и размѣстить тамъ нашихъ сомали и суданцевъ; велѣлъ Мэкензи убрать оттуда 40 ословъ, со всѣми ихъ принадлежностями: измѣненіе маршрута дозволяетъ намъ избавиться отъ этого лишняго груза.

Султанъ Занзибарскій прислалъ привѣтствіе. Ко мнѣ явились съ визитами Типпу-Тибъ, Джіофаръ, сынъ его агента Таріи-Топана, и Канджи, вэкель Таріи.

Занзибаръ порядкомъ измѣнился въ тѣ 8 лѣтъ, что я его не видалъ: онъ успѣлъ обзавестись подводнымъ телеграфомъ, громадной башней съ часами, новымъ дворцомъ, высокими укрѣпленіями, которыя всѣ на виду, обширными верандами; таможню расширили, военную полицію генерала Ллойдъ Матьюсъ перевели въ новыя казармы; дорогу къ могилѣ Фидлера выправили и по ней теперь можно ѣздить даже по ту сторону Мбуэнни, вплоть до дачной резиденціи султана. Для освѣщенія пути, когда его высочество возвращается во дворецъ изъ своихъ сельскихъ прогулокъ, по всей дорогѣ размѣщены столбы съ подвѣшанными къ нимъ масляными лампами.

Въ гавани 6 военныхъ германскихъ судовъ, подъ начальствомъ

адмирала Кнорра; *Тюркуазъ* и *Рейдиръ* — пароходы ея британскаго величества, торговыя суда, нѣсколько десятковъ арабскихъ *дуа*, еще баггали, конджи и разныя другія суда.

23 февраля.—Парадный визитъ къ его высочеству. Въ знакъ особаго почета, войска подъ начальствомъ браваго генерала Ллойда Матьюса выстроены по обѣимъ сторонамъ пути, на протяженіи по крайней мѣрѣ 250 метровъ. Генеральный консулъ сопутствовалъ мнѣ. Насъ привѣтствовали воинственными звуками очень порядочной военной музыки; сотни любопытныхъ, сдерживаемыхъ солдатами, сбѣгались со всѣхъ сторонъ и я безпрестанно слышалъ, проѣзжая: „да, это онъ!“ Въ толпѣ, очевидно, мои прежніе подчиненные показывали меня своимъ друзьямъ.

Эти торжественные пріемы всѣ на одинъ покрой: генералъ Матьюсъ командуетъ „на-пле-чо!“. Музыканты трубятъ, предъ главнымъ подъѣздомъ группируются арабскіе высшіе сановники; я подымаюсь по ступенямъ величественной лѣстницы: на верхней площадкѣ стоитъ султанъ; онъ важно склоняетъ голову, горячо жметъ мнѣ руку, произноситъ краткое привѣтствіе и учтивымъ знакомъ проситъ меня войти; медленными шагами идемъ мы къ трону; султанъ дѣлаетъ общій поклонъ всему собранію и садится: это знакъ, что и мы можемъ сѣсть; подаютъ кофе, шербетъ; султанъ заговариваетъ о Европѣ, освѣдомляется о нашемъ здоровьѣ. При нашемъ уходѣ такія же почести: опять трубятъ музыканты, снова раздается зычный голосъ генерала „на-пле-чо!“, и мы отправляемся восвояси, снимаемъ торжественныя одежды, аккуратно ихъ складываемъ, пересыпаемъ камфорой: Богъ вѣсть сколько времени они пролежатъ въ своихъ чехлахъ, судя по тому, годы или мѣсяцы продлятся наши странствія „черезъ таинственный материкъ“ и „въ дебряхъ Африки“.

Послѣ полудня дѣловой визитъ, и прежде всего врученіе султану слѣдующаго письма:

„Его высочеству Сэидъ Баргашъ Бэнъ Саиду султану Занзибарскому.

Отель Берлингтонъ, Лондонъ, 28 января 1887 года.

Выше высочество!

Спѣшу съ этою же почтою выразить вамъ мою признательность за благосклонный отвѣтъ на телеграмму касательно миссіи, которая, подъ предводительствомъ г. Стэнли, отправляется на помощь Эмину-пашѣ. Готовность, съ goторою вы изволили повелѣть своимъ офицерамъ содѣйствовать миссіи къ отысканію благонадежныхъ носильщиковъ, была намъ весьма полезна, а въ Англіи произвела самое благопріятное впечатлѣніе. Господинъ Стэнли преисполненъ усердіемъ

къ своему предпріятію и будетъ въ Занзибарѣ черезъ 4 недѣли; онъ избираетъ путь на Конго по многимъ причинамъ, и главное вотъ почему: люди, которыхъ ваше высочество помогли намъ набрать, не подвергаясь ни опасностямъ, ни изнуренію, будутъ доставлены моремъ до устьевъ Конго: затѣмъ, сравнительно безъ особыхъ страданій отправятся вверхъ по рѣкѣ на судахъ, и будутъ высажены на разстояніи 600 километровъ отъ своего назначенія, въ полномъ обладаніи своихъ силъ и здоровья, вмѣсто того, чтобы истомляться трудами длиннаго перехода. Г. Стэнли всецѣло посвящаетъ свои силы предстоящей экспедиціи и, пока не выполнитъ своей миссіи, никоимъ образомъ не будетъ сворачивать съ начертаннаго пути и не станетъ заниматься дѣлами Конго.

Очень вѣроятно, что на обратномъ пути онъ направится прямо на востокъ и, такъ какъ для него весьма важны процвѣтаніе и благополучіе вашего высочества, я не сомнѣваюсь, что если, приближаясь къ берегу, онъ будетъ имѣть возможность оказать вамъ какую нибудь услугу, онъ съ величайшимъ удовольствіемъ это сдѣлаетъ. Во время частыхъ съ нимъ разговоровъ я замѣтилъ въ немъ всегдашнюю готовность дѣйствовать въ вашу пользу и вы можете вполнѣ довѣрять нашему общему другу. Въ настоящемъ случаѣ прошу васъ быть съ г. Стэнли вполнѣ откровеннымъ, какъ бы я самъ имѣлъ честь находиться передъ вами и выслушивать ваши сообщенія. Пользуюсь случаемъ возобновить выраженія искренняго моего сочувствія ко всѣмъ дѣламъ, касающимся процвѣтанія вашего высочества и остаюсь Вашъ покорный слуга и другъ У. Меккиннонъ".

Затѣмъ мы серьезно принимаемся за дѣло: было совершенно необходимо устроить соглашеніе между султаномъ и англичанами, въ предѣлахъ, обозначенныхъ англо-германскимъ трактатомъ. Было бы излишне излагать нашъ разговоръ во всей подробности; но Сеидъ Баргашъ заключилъ его такими словами:

— Богъ дастъ, сговоримся. Какъ только вы представите мнѣ бумаги, мы ихъ прочтемъ и подпишемъ безъ дальнѣйшихъ проволочекъ, и дѣло будетъ сдѣлано.

Вечеромъ я написалъ Эмину-пашѣ слѣдующее письмо; оно пойдетъ завтра утромъ съ гонцами, которые втайнѣ должны проѣхать Уганду и Уніоро.

„Его превосходительству Эмину-пашѣ, губернатору экваторіальныхъ провинцій.

Занзибаръ, консульство Е. Б. В. 23 февраля 1887 г.

Милостивый государь!

Честь имѣю извѣстить васъ, что вслѣдъ за полученіемъ отъ васъ

писемъ, настоятельно требовавшихъ скорой помощи и содѣйствія, правительство его высочества хедива египетскаго сочло за благо возложить на меня заботу о снаряженіи экспедиціи, для доставленія въ Уаделаи всего, что оно находитъ для васъ нужнымъ, и для оказанія вамъ помощи, сообразно письменной инструкціи, врученной мнѣ для передачи вамъ.

Такъ какъ изъ писемъ вашихъ каирскому правительству ясно видно свойство вашихъ нуждъ, наша экспедиція захватила съ собою все, что можетъ потребоваться. Изъ писемъ его высочества и перваго министра, которыя мнѣ поручено передать вамъ, вы увидите, что сдѣлано все возможное, и сдѣлано отъ всего сердца. Я читалъ переводъ этихъ писемъ и могу васъ увѣрить, что вы ими останетесь вполнѣ довольны. Я привезу вамъ десятковъ шесть солдатъ, выбранныхъ изъ числа войскъ, расположенныхъ въ Уади-Гальфа; они поднимутъ духъ тѣхъ, которыми вы командуете и подтвердятъ имъ содержаніе писемъ. Мы идемъ подъ египетскимъ флагомъ.

600 занзибарцевъ уже вошли въ составъ моего каравана; вѣроятно столько же мы еще наберемъ людей изъ арабскихъ селеній центральной Африки.

Завтра мы отправляемся въ Конго; около 18 іюня надѣюсь достигнуть крайней цѣли нашего плаванія по верхнему теченію этой рѣки. Оттуда до южной оконечности озера Альберта, близь Кавалли, насчитывается 600 километровъ по птичьему полету, въ дѣйствительности же вѣроятно 900, что возьметъ у насъ по крайней мѣрѣ 50 дней.

Если ваши пароходы ходятъ въ этой мѣстности, вамъ не трудно будетъ написать мнѣ нѣсколько словъ въ Кавалли, чтобы я зналъ, гдѣ васъ найти.

Причины, заставляющія меня избрать именно этотъ путь для доставленія вамъ оружія и снарядовъ, весьма различны, но главныя относятся къ области политики. Впрочемъ этотъ путь и вѣрнѣе: онъ представляетъ болѣе вѣроятности успѣха, меньше утомленія для экспедиціи, меньше затрудненій съ туземцами. Съ юга и юго-востока отъ озера—Муанга опасный противникъ; къ востоку отъ Фатико—Уакэди и другія воинственныя племена составляютъ серьезную преграду; чрезъ владѣнія Кишукка и Руанда дикари никогда не пропускали ни одного иноземца. Нашимъ же центральнымъ путемъ я пройду безъ особенныхъ хлопотъ, такъ какъ во всемъ бассейнѣ Конго нѣтъ ни одного вождя настолько сильнаго, чтобы остановить насъ.

Кромѣ обилія снарядовъ, офиціальныхъ депешъ египетскаго правительства и массы писемъ отъ вашихъ многочисленныхъ друзей и

почитателей, я везу для васъ и вашихъ офицеровъ мундиры, изготовленные сообразно чину каждаго изъ васъ.

Льщу себя надеждою, что застану васъ всѣхъ живыми и здоровыми, что вы не станете безумно рисковать жизнью и свободой въ окрестностяхъ Уганды прежде, чѣмъ я доставлю вамъ способы обезпечить неприкосновенность вашу и вашихъ подчиненныхъ. Прошу васъ вѣрить преданности вашего покорнаго слуги

Генри М. Стэнли».

24 и 25 февраля.—Нашъ агентъ г. Мэкензи не терялъ времени: пароходъ *Мадура* оказался на мѣстѣ, вполнѣ снабженный провіантомъ и водою. Нашлось мѣсто вьючнымъ животнымъ и товарамъ для мѣновой торговли. Но меня еще задержали нѣкоторыя дѣла и прежде всего надо было сговориться съ Типпу-Тибомъ насчетъ нашихъ будущихъ взаимныхъ отношеній. Типпу-Тибъ нынче гораздо болѣе важное лицо, чѣмъ въ 1877 году, когда онъ провожалъ нашъ караванъ до спуска по Конго.

Деньги, добытыя такимъ тяжелымъ трудомъ, употребилъ онъ на покупку ружей и пороху; множество арабовъ, искателей приключеній, собралось подъ его начальствомъ и въ настоящее время онъ царь—некоронованный, но безспорный—всей страны, простирающейся отъ пороговъ Стэнли до озера Танганика; онъ повелѣваетъ тысячами воиновъ, опытныхъ въ битвѣ и приспособленныхъ къ жизни дикарей подъ экваторомъ. Если бы я подмѣтилъ, что онъ намъ враждебенъ, я бы, конечно, не сунулся въ его владѣнія, такъ какъ, если бы онъ овладѣлъ снарядами, которыя я везу Эмину, и обратилъ бы ихъ противъ насъ, это могло бы подорвать самое существованіе молодой области Конго и экспедиція наша не достигла бы цѣли. Съ одной стороны Типпу-Тибъ, съ другой Муанга, король Уганды—это все равно что изъ огня да въ полымя. Въ бассейнѣ Конго Типпу играетъ ту же роль, что Зобэръ въ Суданѣ, и если нажить въ немъ врага, онъ окажется не менѣе опаснымъ, чѣмъ суданскій царекъ во главѣ своихъ невольниковъ; къ счастью, я нахожусь совсѣмъ не въ такомъ положеніи относительно моего Зобэра, въ какомъ былъ Гордонъ относительно своего: мой еще не имѣетъ никакихъ причинъ меня ненавидѣть, руки у меня свободны и ноги не связаны. И такъ, съ самаго перваго свиданія, я со всевозможною осторожностью постарался сблизиться съ Типпу-Тиба и нашелъ, что онъ готовъ на что угодно: или ограбить экспедицію, или поступить ко мнѣ на службу. Я предпочелъ послѣднее и вступилъ въ переговоры. Мнѣ собственно нѣтъ никакой надобности въ этомъ новомъ союзникѣ, ни для того, чтобы добраться до Эмина, ни даже, чтобы указать мнѣ дорогу; отъ Уаделаи до Конго

возможно пройти четырьмя путями: одинъ изъ нихъ во власти Типпу, три остальные еще свободны. Но я узналъ отъ доктора Юнкера, что Эминъ-паша добылъ 75 тоннъ слоновой кости (76.125 килограммовъ); если продать ее даже дешевле 20 франковъ за килограммъ, получится 1.500.000 франковъ. Сумма, отсчитанная Египтомъ нашему вспомогательному фонду, до крайности истощила скудную египетскую казну. Такое громадное количество слоновой кости дало бы намъ возможность поправить финансы хедива; оно, конечно, покрыло бы всѣ наши издержки и кромѣ того, изъ остатковъ, можно бы щедро наградить тѣхъ занзибарцевъ, которые останутся въ живыхъ.

Но для того, чтобы перетащить эту драгоцѣнность отъ Уаделаи до Конго, мнѣ необходимо содѣйствіе Типпу-Тиба и его людей. Сначала они должны помочь намъ доставить снаряды въ Экваторію; а потомъ воротятся на Конго, навьюченные товаромъ, добытымъ Эминомъ-пашею. Мы долго торговались и, наконецъ, подписали условіе, которымъ онъ обязывается поставить мнѣ 600 носильщиковъ по 150 франковъ за каждаго нагруженнаго человѣка, отъ Стэнлеевыхъ пороговъ до озера Альберта и отъ озера обратно до пороговъ. Если каждый человѣкъ понесетъ не менѣе 32 килограммовъ, то этотъ небольшой отрядъ сдастъ на станцію на 310.000 франковъ слоновой кости въ одинъ конецъ.

Скрѣпивъ этотъ договоръ моею подписью въ присутствіи англійскаго генеральнаго консула, я тотчасъ же приступаю къ другому вопросу, именемъ короля Леопольда. Въ декабрѣ 1883 года я построилъ заводъ на Стэнлеевыхъ порогахъ; послѣ меня перебывало тамъ еще нѣсколько европейцевъ. Г. Бинни и лейтенанту шведской службы господину Вестеру удалось основать тамъ очень порядочное и хорошо устроенное поселеніе. Но капитанъ Динъ, пришедшій послѣ Вестера, поссорился съ арабами, вынужденъ былъ очистить мѣстечко и передъ своимъ уходомъ поджегъ его. Между тѣмъ мы устраивали эту стоянку именно съ тою цѣлью, чтобы помѣшать арабамъ—болѣе силою убѣжденія, нежели вооруженною силой, или даже удачнымъ сочетаніемъ той и другой—производить свои разрушительные набѣги на страну ниже пороговъ. Съ уходомъ казенныхъ чиновниковъ плотина прорвалась и рѣка хлынула черезъ пороги. Предстояло узнать, согласится ли Типпу-Тибъ, настоящій хозяинъ мѣстности къ западу отъ Танганики, остановить наводненіе? Произошли долгія пренія; я обмѣнялся нѣсколькими телеграммами съ Брюсселемъ и, въ концѣ концовъ, на третій день по прибытіи въ Занзибаръ, заключилъ условіе, въ силу котораго Типпу назначается губернаторомъ на Стэнлеевыхъ порогахъ и будетъ ежемѣсячно получать жалованье въ Занзи-

барѣ, чрезъ посредство англійскаго генеральнаго консула. Съ своей стороны онъ обязался защищать тамошнее поселеніе какъ отъ арабовъ, такъ и отъ туземцевъ, въ интересахъ управленія областью Конго. Онъ долженъ водрузить на своемъ жилищѣ государственный флагъ. Обязуется побивать и брать въ плѣнъ всякаго, кто попадетъ на территорію съ цѣлью ловить невольниковъ; будетъ разгонять шайки, которыя подозрѣваются въ злыхъ умыслахъ. Обѣщаетъ самъ не торговать рабами ниже пороговъ и всячески препятствовать своимъ подчиненнымъ производить торговлю человѣческимъ мясомъ. Въ обезпеченіе точныхъ исполненій сего договора съ правительствомъ, у пороговъ, въ качествѣ резидента, будетъ назначаться и жить европейскій чиновникъ. Выдача жалованья прекращается, какъ только губернаторъ нарушитъ какое либо условіе настоящаго договора.

Покуда я велъ переговоры, мои подчиненные съ утра до вечера хлопотали надъ упаковкой снарядовъ, предназначенныхъ для паши Мэкензи выдавалъ за 4 мѣсяца впередъ жалованье шестистамъ двадцати человѣкамъ и мальчикамъ, поступившимъ на службу экспедиціи,—всего 62.315 франковъ. По мѣрѣ того какъ получившихъ жалованье набиралось пятьдесятъ человѣкъ, большая баржа подходила къ набережной, люди садились и паровой буксиръ отвозилъ ихъ на транспортное судно. Къ пяти часамъ вечера посадка людей была окончена и пароходъ отошелъ подальше отъ берега. Въ полночь Типпу-Тибъ со своими людьми и всѣ члены экспедиціи взошли на корабль. 25 февраля, на зарѣ, пароходъ *Мадура* развелъ пары и миссія направилась къ мысу Доброй Надежды.

До сихъ поръ все удалось какъ нельзя лучше, всѣ препятствія исчезали какимъ-то чудомъ; всякій выражалъ намъ живѣйшее сочувствіе и никто не отказался помочь. Заканчивая эту часть моего разсказа, я желалъ бы возблагодарить за щедрое и быстрое содѣйствіе какъ сэръ Джона Пэндера, такъ равно и восточную компанію телеграфныхъ сообщеній. Мои депеши изъ Египта, Адэна и Занзибара навѣрное заключаютъ въ себѣ не одну сотню словъ, а изъ Занзибара въ Европу каждое слово по таксѣ обходится въ 10 франковъ! И на возвратномъ пути я пользовался тою же привиллегіею. А такъ какъ вначалѣ я получалъ ежедневно многіе десятки телеграммъ и, конечно, долженъ былъ отвѣчать на нихъ, то счастливое спасеніе Эмина обошлось бы мнѣ такъ дорого, что по всей вѣроятности моя бурная карьера кончилась бы полнымъ банкротствомъ, не будь на свѣтѣ сэръ Джона Пэндера и сэръ Джемса Андерсона, пришедшихъ мнѣ на помощь. По справедливости слѣдовало бы, вписавъ ихъ въ число жертвователей на наше предпріятіе, выставить круп-

ную сумму противъ именъ этихъ господъ, дѣйствовавшихъ во имя своихъ довѣрителей. Мало того, они приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы въ мое распоряженіе предоставленъ былъ пароходъ ихъ компаніи, стоявшій въ Занзибарѣ на тотъ случай, если бы возникло малѣйшее затрудненіе насчетъ *Мадуры*, которая должна была перевезти нашу миссію въ Конго.

Глава III.

МОРЕМЪ ДО КОНГО.

(Съ 25 февраля по 20 марта 1887 г.).

Султанъ занзибарскій.—Типпу-Тибъ отправляется съ нами.—Стычка между суданцами и занзибарцами.—Мои офицеры.—Типпу-Тибъ на мысѣ Доброй Надежды.—Прибытіе къ устью Конго.—Вверхъ по теченію Конго.—Посѣщеніе двухъ членовъ исполнительнаго комитета Свободнаго Штата.—Непріятныя размышленія.

Слѣдующее письмо къ другу разъяснитъ нѣкоторыя обстоятельства, имѣющія общій интересъ:

„На пароходѣ *Мадура*. 9 марта 1887 года, близъ мыса Доброй Надежды.

Любезный ***!

Изъ писемъ, появляющихся въ журналахъ въ пользу нашего вспомогательнаго фонда, публика получитъ всѣ свѣдѣнія, на которыя она въ правѣ разсчитывать; но вамъ и нѣкоторымъ друзьямъ мнѣ хочется сказать болѣе.

Султанъ занзибарскій принялъ меня съ чрезвычайною благосклонностью, чтò я приписываю преимущественно письмамъ г. Уильяма Меккиннонъ и сэръ Джона Кирка. Онъ подарилъ мнѣ великолѣпный перстень съ брильянтами, созерцаніе которыхъ вызываетъ слезы изъ глазъ Типпу-Тиба, и отличную саблю или, собственно говоря, шпагу тончайшей ширазской работы въ золотой оправѣ; его высочество присоединилъ къ этому свою собственную портупею, тоже золотую, съ его именемъ, отчеканеннымъ на пряжкѣ арабскими буквами. Это мнѣ будетъ очень полезно въ глазахъ мусульманъ, какъ доказательство добраго согласія моего съ принцемъ, а египтянамъ Эмина-паши, изъ которыхъ многіе, конечно, и читать не умѣютъ, эта сабля докажетъ, что мы не торгаши какіе нибудь.

Вы, конечно, прочли въ журналахъ, что я увожу 61 суданца. Я

это дѣлаю единственно ради вразумленія ихъ соотчичей: если они вздумаютъ усомниться въ подлинности фирмановъ, или не признаютъ руку Нубара, мнѣ стоитъ только показать имъ этихъ свидѣтелей.

Кромѣ того, я взялся устроить два дѣльца, которыя мнѣ удалось привесть къ благополучному концу. Во-первыхъ, стараніями моими султанъ подписалъ договоръ на уступку всего, чего такъ давно добивался Меккиннонъ. Нѣмцы владѣютъ уже великолѣпными участками къ западу отъ Занзибара; справедливость требуетъ дать что нибудь и англичанамъ за то покровительство, которое они оказывали султанамъ съ 1841 года; повидимому и нѣмцы сознаютъ это, доказательствомъ чему служитъ ихъ недавнее соглашеніе съ англійскимъ министерствомъ. Франція уже заняла громадныя пространства въ западной Африкѣ. Кажется, весь міръ собрался устраивать независимую область Конго на тѣхъ земляхъ, на которыя король Леопольдъ потратилъ до 25 милліоновъ франковъ. Европейскія правительства выказываютъ всяческую деликатность относительно Португаліи, которая съ своей стороны только ворчитъ, дѣлаетъ очень мало, да и то свысока, и нельзя сказать, чтобы въ либеральномъ духѣ. Одна Англія до сихъ поръ ничего не получила, а между тѣмъ, если я не ошибаюсь, ни одна нація не была на столько заинтересована этимъ материкомъ, и не приносила болѣе жертвъ въ пользу чернокожихъ. Ливингстонъ, Бёртонъ, Спэкъ, Грантъ, Бэкеръ, Кейтъ, Джонсонъ, Томсонъ, Эльтонъ и проч. и проч. изслѣдовали внутренность страны; англійскія суда въ теченіи 20 лѣтъ крейсируютъ у береговъ ради уничтоженія торговли неграми; Англія построила 22 миссіи отъ востока до запада Африки. Она просила уступить ей ту часть береговъ, гдѣ главными городами являются Момбаза и Мелинди. Вотъ уже 8 лѣтъ, какъ статьи этого договора были представлены его высочеству, но султанъ, какъ видно, не спѣшитъ скрѣпить ихъ своею подписью.

Когда я прибылъ въ Занзибаръ, султанъ показался мнѣ сильно постарѣвшимъ: ясно было, что онъ долго не проживетъ *). Прежде чѣмъ договоръ былъ подписанъ и вошелъ въ силу, англичанамъ невыгодно было рисковать своими капиталами въ той области, которая подлежала его вліянію.

— Богъ дастъ сговоримся,—сказалъ мнѣ султанъ,—какъ только вы представите мнѣ бумаги, мы ихъ прочтемъ и подпишемъ безъ дальнѣйшихъ проволочекъ; дѣло будетъ сдѣлано.

Но въ самомъ дѣлѣ, политическія заботы такъ подтачиваютъ его силы, что если не поспѣшить, то пожалуй опоздаешь.

---

*) Сеидъ Баргашъ скончался полгода спустя.

Во-вторыхъ, нужно было умаслить Типпу-Тиба. Онъ теперь ужасно занятъ тремя крупповскими бомбами,—конечно разряженными: онъ ихъ притащилъ въ Занзибаръ съ пороговъ Стэнли, чтобъ показать, какими снарядами бельгійцы пытались разрушить его поселеніе. Онъ мнѣ ихъ показывалъ и распалялся гнѣвомъ, придумывая мѣры къ отмщенью. Не вдругъ удалось мнѣ успокоить его припадки мрачнаго озлобленія; надо было сперва дать ему хорошенько излить свою злобу. Когда прошли бурныя потоки его негодованія, я спокойно спросилъ, все ли онъ высказалъ? и потомъ, самымъ ласковымъ голосомъ, сталъ его ублажать:

Стоитъ ли ему, такому сильному и могущественному, гнѣваться на всѣхъ европейцевъ и на короля Леопольда за то, что какой-то чиновникъ у Стэнлеевыхъ пороговъ салютовалъ ему нѣсколькими крупповскими бомбами? Есть изъ за-чего хлопотать! Изъ преувеличеннаго усердія чиновникъ заступился за невольницу, прибѣжавшую просить его защиты! Ясно, что онъ увлекся порывомъ великодушія, также какъ племянникъ его, Рушидъ, увлекся своею молодостью: правитель страны находился тогда за 2.400 километровъ, въ нижнемъ Конго, а Типпу-Тибъ, хозяинъ поселенія, былъ въ восточныхъ провинціяхъ, по дорогѣ въ Занзибаръ. И выходитъ, что просто повздорили между собою молодой европеецъ съ молодымъ арабомъ. Стариковъ-то не было дома, чтобы уладить ссору, а молодежь, самъ ты знаешь, какова: ей лестно потягаться силами, только и думаютъ какъ бы подраться.

— Ахъ, бѣдовая это станція! сколько хлопотъ ужь она намъ стоила. Помнишь, туда назначенъ былъ Амело? Никого не спросясь, онъ оттуда ушелъ и умеръ гдѣ-то около Ніангуэ; потомъ Глэрупъ, изъ шведовъ, тоже бѣжалъ и отправился путешествовать по Африкѣ; затѣмъ Динъ для разнообразія пошелъ воевать съ арабами. Виноватъ ли во всемъ этомъ король Леопольдъ? Ты думаешь легко найти людей, истинно мудрыхъ и всегда хорошо понимающихъ то, что имъ приказываютъ? Еслибъ король Леопольдъ приказалъ Дину съ вами воевать, ужь, конечно, онъ бы далъ ему подъ команду больше 30 солдатъ... А теперь слушай: король поручилъ мнѣ предложить тебѣ, не хочешь-ли самъ управлять поселеніемъ у Стэнлеевыхъ пороговъ? Будешь получать жалованье каждый мѣсяцъ, какъ чиновникъ изъ европейцевъ.

— Я?!—воскликнулъ Тибъ, таращa глаза и затѣмъ быстро моргая, по своему обыкновенію.

— Да, ты! Ты любишь деньги? Я тебѣ дамъ денегъ. Ты недоволенъ, что около тебя такъ много европейцевъ? Ну, такъ ты ихъ не

увидишь больше у пороговъ, исключая того, котораго намъ все-таки придется назначить,—онъ будетъ ниже тебя, конечно,—для наблюденія за выполненіемъ всѣхъ условій; само собою разумѣется, что ты долженъ будешь согласиться на нѣкоторыя условія, прежде чѣмъ станешь губернаторомъ.

— А какія условія?

— Поднять нашъ государственный флагъ. Поселить у себя нашего резидента, который возьмется писать твои донесенія королю. Не торговать невольниками и не дозволять торговлю ими по сю сторону пороговъ. Покупайте, продавайте все, что угодно: слоновую кость, смолу, каучукъ, скотъ; но, чуръ, не грабить и ничего не отымать у туземцевъ. Каждый мѣсяцъ нашъ агентъ въ Занзибарѣ будетъ выдавать тебѣ жалованье. Поразмысли о нашихъ обѣщаніяхъ; обсуди ихъ съ твоими родными. Корабль отходитъ черезъ три дня: завтра я жду отъ тебя отвѣтъ.

На другой день онъ на все согласился; въ присутствіи генеральнаго консула мы составили договоръ и оба подписали его.

Кромѣ того, я заключилъ съ нимъ еще условіе, а именно, чтобы онъ нанималъ мнѣ носильщиковъ для отправки припасовъ съ Конго на озеро Альбертъ. Если мы тамъ не найдемъ слоновой кости, даромъ пропадутъ 90 тысячъ франковъ; но и докторъ Юнкеръ, и Эминъ-паша увѣряли, что тамъ неисчислимое количество слоновой кости. Какъ бы то ни было, я изъ пустяковъ не рѣшился бы рисковать судьбами нашего предпріятія.

Ради важныхъ услугъ, которыя Типпу торжественно обязался оказать намъ, я принялъ его на свой корабль вмѣстѣ съ 96 человѣками его людей и взялся даже прокормить ихъ въ пути. Кромѣ того, я обѣщалъ доставить ихъ живыми и здоровыми къ Стэнлеевымъ порогамъ, что, конечно, будетъ дорого стоить, но несомнѣнно должно окупиться выгодными статьями нашего договора. Присутствіе Типпу обезпечиваетъ намъ свободный проходъ по его землямъ, что безъ его согласія было бы невозможно: шайки его негодяевъ разсыпаны повсюду въ этой мѣстности; эти разбойники еще, конечно, не успѣли позабыть свой послѣдней стычки съ Диномъ. И наконецъ, имѣя при себѣ Типпу-Тиба, я больше не мучусь опасеніями, что мои занзибарцы разбѣгутся. Когда мимо нашихъ стоянокъ будутъ проходить караваны, арабы уже не посмѣютъ переманивать моихъ носильщиковъ, по своему обыкновенію. Теперь Типпу не осмѣлится имъ этого дозволить.

Намъ было слишкомъ тѣсно на *Navarino* и *Oriental*: *Мадура* гораздо удобнѣе. Моя команда не любитъ нижней палубы, находя-

щейся въ пріятномъ сосѣдствѣ съ обѣими камерами кочегара и машиниста; но небо ясно и люди предпочитаютъ спать въ шлюпкахъ, либо между ослами на верхней палубѣ, лишь бы не поджариваться около паровика.

Въ разстояніи 2-хъ часовъ отъ Занзибара произошла баталія между суданцами и занзибарцами. Была минута, когда я думалъ. что придется повернуть назадъ и воротиться въ Занзибаръ съ кучей мертвыхъ и умирающихъ. Сначала солдаты и носильщики были помѣщены вмѣстѣ на нижней палубѣ: занзибарцевъ въ десять разъ больше чѣмъ суданцевъ и они стали ворчать, что тѣ отнимаютъ у нихъ мѣсто и дышать не даютъ. Суданцы одной вѣры съ занзибарцами, но на ту пору ни тѣ, ни другіе не вспомнили своего Магомета: ухвативъ, кто обломокъ доски, кто полѣно изъ кучи дровъ, приготовленныхъ на топливо, они изо всѣхъ силъ тузили другъ друга. Нѣсколько минутъ уже продолжалась эта свалка, а я ничего не зналъ о ней. Когда же я заглянулъ въ люкъ, зрѣлище было ужасное: кровь лилась по лицамъ и крупныя полѣнья такъ и летали взадъ и впередъ. Шумъ и гамъ былъ такой, что отдавать приказанія не было возможности. Нѣкоторые изъ насъ, вооружившись громадными дубинами, бросились на самыхъ разъяренныхъ. Наконецъ, съ помощью крѣпкихъ колотушекъ и словесныхъ увѣщаній намъ удалось возстановить миръ между враждующими; всего труднѣе было успокоить суданскихъ богатырей, однако имъ-то и пришлось сдаться, предоставивъ поле сраженія занзибарцамъ, а самимъ отступить на кормовую часть. Отеревъ потъ и попавшія на меня кровяныя брызги, я обратился съ похвальною рѣчью къ моимъ офицерамъ: особенно отличились Джефсонъ, Нельсонъ и Бонни. Результатомъ стычки оказались десять сломанныхъ рукъ, 15 серьзныхъ ранъ пикой въ лицо и въ голову, безчисленныя контузіи, исцарапанныя ноги и т. д.

Докторъ Пэркъ привилъ оспу всей командѣ. Наученный горькимъ опытомъ, я захватилъ съ собою достаточное количество оспенной лимфы.

Мы распредѣлили людей на семь отрядовъ, каждый около 90 человѣкъ.

Я оставилъ моему агенту приказъ выслать въ октябрѣ 1887 года 200 тюковъ съ товарами къ югу отъ озера Викторія, въ Мсалалу, куда они должны придти въ февралѣ или мартѣ 1888 года. Если все пойдетъ благополучно, я и самъ около этого времени надѣюсь быть въ этихъ мѣстахъ. . . . .

. . . .

Съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Адэна, я успѣлъ довольно

близко узнать моихъ офицеровъ и вотъ, въ короткихъ словахъ, что я объ этомъ думаю:

Бартлотъ слишкомъ горячъ, надо держать его въ рукахъ; онъ уже немножко отвыкъ отъ дисциплины и я замѣчаю въ немъ излишнюю наклонность къ дракѣ, которая можетъ повести къ серьезной ссорѣ, если какая нибудь африканская лихорадка не угомонитъ его въ скоромъ времени. У него большая способность къ труду, что было бы превосходно, если бы онъ всегда дѣлалъ то, что ему велятъ. Какой безцѣнный вышелъ бы изъ него помощникъ, если бы при его пылкости и рѣшимости онъ обладалъ еще разсудительностью, доброй волей, почтительностью,—словомъ, если бы ему угодно было справляться, въ данную минуту, соотвѣтствуетъ ли то или другое дѣйствіе видамъ его начальника?

Монтэней Джефсонъ, котораго мы считали бѣлоручкой, далеко не дюжинный человѣкъ. Въ возбужденномъ состояніи онъ становится почти свирѣпъ и тогда лицо его леденѣетъ, а черты лица становятся неподвижными: надо было видѣть, какъ онъ дѣйствовалъ во время описанной свалки на кораблѣ! я все кричалъ ему „браво Джефсонъ!" а самъ продолжалъ размахивать своей палицей, про которую занзибарцы говорятъ, что она толщиной съ мачту. Джефсонъ очень отважный, смѣлый человѣкъ, и эта экспедиція можетъ или окончательно сформировать его, или испортить въ конецъ.

Капитанъ Нельсонъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходный офицеръ, я не замѣчаю въ немъ ни малѣйшихъ недостатковъ: онъ всегда одинаковъ и всегда хорошъ.

Стэрсъ инженеръ, замѣчательный человѣкъ: усердный, разсудительный, трудолюбивый, исполнительный, онъ для нашего штаба представляетъ неоцѣненную находку.

Джэмсонъ все тотъ же: любезный, добродушный, порядочный человѣкъ.

Бонни просто солдатъ, впрочемъ, не безъ иниціативы. Онъ прошелъ хорошую школу". . . . .

. . . .

16 марта 1887 года. — На Капѣ Типпу-Тибъ, видя оживленіе и цвѣтущее состояніе города, исторію котораго я ему только что разсказалъ, объявилъ мнѣ:

— А я прежде думалъ, что всѣ бѣлые дураки.

— Въ самъ дѣлѣ,—это почему же?

— Такое было мое мнѣніе.

— Хорошо, а теперь что же ты о нихъ думаешь

— Думаю, что и въ нихъ есть кое-что хорошее; они предпріимчивѣе арабовъ.

— Что же тебя сегодня навело на такія мысли.

— А, вотъ: я и мои братья хорошенько поглядѣли на этотъ городъ, на большія суда, пристани. И намъ показалось здѣсь все гораздо лучше, чѣмъ въ Занзибарѣ. Однакожь Занзибаръ отняли у португальцевъ за долго до того, какъ построили этотъ городъ; вотъ я и думаю, отчего же мы не сумѣли устроить все такъ хорошо, какъ вы, бѣлые? Должно быть вы ужь очень искусны.

— Браво Типпу, ты на пути къ истинной мудрости. Чтобы понять бѣлыхъ, видишь ли, ихъ надо долго изучать. Какая жалость право, что ты не видалъ Англіи.

— Я еще надѣюсь дожить и до этого.

— Ты будь только вѣренъ намъ, во все время этого длиннаго путешествія и я самъ свезу тебя въ Англію; ты тамъ на яву увидишь больше того, чѣмъ теперь тебѣ можетъ во снѣ пригрезиться.

— Иншаллахъ! поѣдемъ вмѣстѣ, коли на то будетъ воля Божія.

. . . .

18 марта пароходъ *Мадура* вступилъ въ воды рѣки Конго и сталъ на якорѣ на разстояніи около 180 метровъ отъ берега, противъ песчаной косы, называемой Банана.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже явился къ г. Лафонтэнъ-Фернэю, главному агенту голландской компаніи, которой принадлежитъ *Мадура*. Общее изумленіе: насъ ожидали не раньше 25-го. Къ счастью такая поспѣшность, достигнутая благодаря превосходству нашего судна и искусству капитана, не помѣшала намъ тотчасъ же найти другой пароходъ той же компаніи, а именно *К. Л. Ниманъ* (названный въ честь одного замѣчательнаго молодаго человѣка, недавно умершаго съ Сенъ-Поль-де-Лоанда); на немъ можно было на другой же день отправить въ Матади 230 человѣкъ моихъ наемниковъ.

Когда я возвратился на пароходъ *Мадуру*, я засталъ моихъ офицеровъ въ сообществѣ двухъ англійскихъ купцовъ, принадлежащихъ къ британской компаніи на Бананѣ. Эти господа разсказывали диковинныя вещи насчетъ пароходовъ здѣшнихъ областей. — Посмотрите-ка тамъ на берегу одно изъ судовъ *Стэнли!* Это вамъ покажетъ, что изъ нихъ осталось: однѣ щепки. Какъ вы будете возвращаться съ озера Стэнли? Тамъ не осталось ни одного парохода отъ правительства, всѣ поставлены въ доки для починокъ, которыя возьмутъ нѣсколько мѣсяцевъ. Видите, вонъ тамъ, на пескахъ, корабль, у котораго въ килѣ торчатъ багры другого парохода: онъ только что пришелъ изъ Европы. Сумасшедшій капитанъ

не захотѣлъ дожидаться лоцмана, да и нарѣзался на берегъ. Двумъ правительственнымъ пароходамъ *Цапль* и *Бельгіи* предстоитъ сперва стащить его съ мели. Запаситесь терпѣніемъ, вамъ придется порядочно подождать!

Натурально, мои бѣдные офицеры повѣсили носы: двое изъ нихъ поспѣшили обрадовать меня этими любезными свѣдѣніями. Но такого стараго служаку, какъ я, трудно провести подобными рѣчами: не очень-то я довѣряю старожиламъ нижняго Конго.—Какъ?—отвѣчалъ я,—они еще не пригласили васъ прогуляться съ ними на кладбище? Удивляюсь, какъ они себѣ не доставили наслажденія показать вамъ всѣ крашеныя дощечки, на которыхъ начертаны имена и возрастъ множества прекрасныхъ юношей. Ихъ будущность сулила имъ также много благъ, какъ и вамъ!

Агентъ британской компаніи безъ всякихъ затрудненій отдалъ мнѣ въ наймы пароходъ *Альбукэркъ*, на которомъ я отправилъ 140 человѣкъ и 60 тоннъ багажа. Онъ былъ настолько любезенъ, что съ помощью одного пріятеля помогъ мнѣ выхлопотать также большой пароходъ *Серпа-Пинто*. Старанія ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ и къ вечеру все было готово къ отправкѣ на слѣдующій день 680 человѣкъ и 160 тоннъ различнаго багажа. Правительственный пароходъ *Цапля* могъ пуститься въ путь не ранѣе 20-го.

19-го *Ниманъ*, *Альбукэркъ* и *Серпа-Пинто* снялись съ якоря и до наступленія ночи пришли къ Понто-да-Лена. 20-го два первые пошли дальше къ Матади. У Бомы *Серпа-Пинто* подошелъ къ пристани, чтобы дать мнѣ время оффиціально заявить мѣстнымъ властямъ присутствіе на кораблѣ новаго губернатора Стэнлеевыхъ пороговъ и принять поспѣшный визитъ двухъ членовъ исполнительнаго комитета, заправляющаго областью Конго.

Мы едва имѣли время обмѣняться съ ними нѣсколькими фразами, однакожъ они успѣли сообщить мнѣ, что во всемъ краѣ свирѣпствуетъ голодъ. Что на пути къ озеру Стэнли всѣ селенія опустѣли; что пароходъ *Стэнли* претерпѣлъ серьезныя аваріи; что *Мирный* и *Генри-Ридъ*, пароходы миссіи баптистовъ, неизвѣстно куда дѣвались и плаваютъ, вѣроятно, въ водахъ верхняго Конго; что *Впередъ*, вытащенный на берегъ, валяется безъ машины и тендера; *А. I. А.* находится за 950 километровъ выше Стэнли-пуля; *Ройалъ* совершенно сгнилъ и уже годъ, какъ не плаваетъ; словомъ сказать, всѣ эти суда, такъ любезно намъ обѣщанныя, существуютъ лишь въ воображеніи брюссельскихъ чиновниковъ...

—Впрочемъ,—съ важностью прибавилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, очевидно играющій значительную роль въ комитетѣ,—впрочемъ, суда

отдавались въ ваше распоряженіе лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы государство не притерпѣвало отъ того никакихъ убытковъ!

Зычный голосъ португальскаго командира *Серпа-Пинто* пригласилъ этихъ господъ убраться восвояси и мы отправились дальше. Размышленія мои были далеко не изъ пріятныхъ; будь у меня тѣ 15 китоловныхъ судовъ, о которыхъ я хлопоталъ вначалѣ, я былъ бы совершенно свободенъ въ своихъ движеніяхъ; но я долженъ былъ отказаться отъ ихъ постройки, потому что меня не хотѣли пускать по Конго.

Какъ только рѣшили избрать путь съ востока, король Леопольдъ предложилъ возвратиться къ первоначальному маршруту: нѣмцы-де ропщутъ, французское правительство протестуетъ. Комитетъ разрѣшаетъ идти по Конго, но оказывается уже поздно заказывать суда господамъ Форесту и сыну. Тогда мы заручаемся формальнымъ условіемъ: доставить экспедицію къ нижнему Конго, перевезти всѣ грузы до Стэнли-пуля, а на верхнемъ Конго предоставить намъ пользованіе правительственными пароходами. И что же оказывается? обѣщанныя суда то затонули, то сгнили, валяются безъ машинъ и котловъ, либо разсѣяны по такимъ мѣстамъ, до которыхъ не доберешься! И въ то же время въ ушахъ моихъ раздаются крики Англіи: „Скорѣе или будетъ слишкомъ поздно!" Слова Юнкера: „Эминъ пропалъ, если вы опоздаете!" И призывъ самого Эмина: „Приходи, или для насъ все кончено!"

Перспектива мрачная! Но мы дали слово сдѣлать все, что можемъ, стало быть нечего тужить: нужно дѣйствовать, бороться, идти впередъ. Мы взяли на себя отвѣтственность. Стало быть за дѣло и въ путь!

Не стану затягивать этого разсказа описаніемъ нашего пѣшеходнаго странствія до озера Стэнли или верхняго Конго съ его берегами. Тѣхъ читателей, которые этимъ интересуются, прошу обратиться къ моимъ сочиненіямъ: „*Черезъ таинственный материкъ*" и „*Конго и основаніе его вольной области*". Не буду распространяться также о подробностяхъ нашего путешествія до Ямбуи, откуда началось наше плаваніе по Арухуими.

Глава IV.

ОТЪ МАТАДИ ДО ОЗЕРА СТЭНЛИ.

(Съ 21 марта по 30 апрѣля 1887 г.)

На пути къ Стэнли-пулю.—Суданцы и сомали.—Встрѣча съ Гербертомъ Уардомъ.—Привалъ у Конго-ля-Лемба.—Радушный пріемъ у мистера и миссисъ Ричардсъ.—Письма съ верховьевъ.—Письмо къ мистеру Бентли и другимъ, съ просьбой о помощи.—Прибытіе въ Муэмби.—Необходимо поддерживать дисциплину.—Переходъ до Вомбо.—Случай въ посёлкѣ Люкунгу.—Занзибарцы.—Столкновеніе между Джефсономъ и Селимомъ у рѣки Люкисси.—Цѣлый рядъ жалобъ.—Достопочтенный мистеръ Бентли и пароходъ *Мирный*.—Прибытіе въ деревню Макоко.—Леопольдвиль.—Трудно воспользоваться пароходами миссіи. - Г. Либрехтсъ повидался съ г. Биллингтономъ.—Суинбёрнъ посѣщаетъ Кинчассу.—Офицеры получаютъ приказанія.

21 марта миссія достигла Матади, въ 165 километрахъ отъ океана, и сошла на берегъ у факторіи синьора Хода Ферьеръ де-Абреу. Пароходы сдали грузъ и тотчасъ направились обратно въ Банану или въ какой-то другой портъ нижняго Конго.

Въ полдень показалась португальская канонерка *Каконго*, съ маіоромъ Бартлотомъ, г. Джефсономъ, суданцами и занзибарцами, а вскорѣ за ними и *Цапля*, правительственный корабль, нагруженный остальнымъ багажемъ нашимъ.

Разставляютъ палатки, въ которыя мы стаскиваемъ по порядку свои громадные запасы риса, сухарей, пшена, сѣна, соли и т. д., храбро принимаясь за работу, въ виду массы тюковъ и кулей, возвышающихся передъ нами. Офицеры стараются изо всѣхъ силъ, а усердіе занзибарцевъ доказываетъ, какъ они счастливы, что, наконецъ, попали на твердую землю.—Изъ бѣлыхъ въ составъ нашей компаніи вошли слѣдующія лица: господа Бартлотъ, Стэрсъ, Нельсонъ, Джефсонъ, Пэркъ, Бонни, прибывшіе вмѣстѣ со мною изъ Адэна; машинистъ Уокеръ, взятый на Капѣ; бывшій гвардеецъ г. Ингэмъ и Джонъ-Розъ Трупъ, нашъ агентъ по вербованію носильщиковъ въ

(До слѣд. №).

Конго (онъ же будетъ завѣдывать переноскою тяжестей между озеромъ Стэнли и Маніангой), и одинъ слуга европеецъ.

22 марта.—Со станціи Матади отправились 171 «пагази», нагруженные семью ящиками сухарей, вѣсомъ до 190 килограммовъ, бусами и 157 мѣшками риса, вѣсомъ въ 4600 килограммовъ; все это они тащутъ въ Люкунгу, гдѣ будутъ ожидать насъ.—13860 килограммовъ клади мы распредѣлили въ тюки, чтобы отправлять ихъ, по мѣрѣ пріисканія носильщиковъ, къ Стэнли-Пулю или въ другіе пункты, впереди каравана или вслѣдъ за нами. Я послалъ гонцовъ въ Леопольдвиль, съ просьбою къ коменданту, чтобы поспѣшили исправленіемъ паровыхъ судовъ.

23 марта.—Мистеру Ингэму удалось нанять къ озеру 220 человѣкъ носильщиковъ, по 25 франковъ за каждаго. Лейтенантъ Стэрсъ. пріучаясь дѣйствовать митральезой, дошелъ до того, что выпускаетъ до 330 пуль въ минуту; Типпу-Тибъ и компанія внѣ себя отъ изумленія.

25 марта.—Суданскіе трубачи подняли лагерь въ $5^1/_4$ часовъ утра; въ 6 часовъ палатки убраны, люди разставлены отрядами, каждый отрядъ подъ командой своего начальника, имѣя передъ собою ту часть багажа, которую ему предстояло нести. Въ $6^1/_4$ часовъ я выступилъ съ авангардомъ, за мною, въ небольшомъ разстояніи, весь караванъ, вытянувшійся гуськомъ. Въ 466 вьюкахъ заключались боевые снаряды, ткани, стеклянныя бусы, желѣзная проволока, мѣдные прутья, консервы, рисъ и смазочное масло. Выступили въ отличномъ порядкѣ; но послѣ перваго часа подъемы показались уже такъ каменисты и круты, ноши такъ тяжелы, солнце такъ знойно; люди, откормленные на пароходѣ «Мадура», такъ отвыкли отъ труда, да и мы сами настолько облѣнились, что караванъ разбрелся самымъ безсовѣстнымъ образомъ, приводя въ отчаяніе молодыхъ офицеровъ, не привыкшихъ къ такимъ порядкамъ. Наше разборное стальное судно «Авансъ», крѣпко свинченное и вполнѣ готовое, послужило для переправы черезъ рѣку Мпозо: мы сажали на него заразъ по 50 человѣкъ и, перебравшись на другой берегъ, тамъ заночевали.

Суданцы представляли плачевное зрѣлище: усталость, тропическій зной, накопляющійся подъ ихъ бурнусами, тысячи мелкихъ неудобствъ пути, все способствовало къ увеличенію ихъ вѣчнаго недовольства. Сомали крѣпко жаловались, что имъ не достаютъ верблюдовъ; но на видъ они были гораздо бодрѣе.

На слѣдующій день мы добрались до Палабалы и шли землями, принадлежащими обществу среднеафриканскихъ миссій, основанныхъ въ память Ливингстона. Главноуправляющій, г. Кларкъ, и мѣстныя

дамы приняли насъ очень радушно и оказали полное гостепріимство. Наши люди, совсѣмъ новички въ своемъ дѣлѣ, чрезвычайно нуждались въ отдыхѣ: я далъ имъ цѣлыя сутки на передышку. Съ отъѣзда изъ Занзибара у меня умерло уже 9 человѣкъ, а 17 оказались настолько больны, что я принужденъ былъ оставить ихъ при миссіи, для поправленія здоровья.

28 марта.—Прибыли въ Маза-Манкенги. На пути встрѣтили мистера Герберта Уарда, который просилъ позволенія войти въ составъ экспедиціи. Я немедленно прикомандировалъ его и отрядилъ въ Матади, помогать Пнгэму въ организаціи транспортовъ на людяхъ. Мистеръ Уардъ нѣсколько лѣтъ служилъ въ области Конго, побывалъ на Борнео и въ Новой Зеландіи. Я и прежде былъ съ нимъ знакомъ и предсказывалъ ему блестящую карьеру.

29 марта.—Въ полдень располагаемся въ Конго-ля-Лемба, селеніи, которое я самъ видѣлъ когда-то въ цвѣтущемъ состояніи. Его старшина благоденствовалъ и безспорно считался полнымъ хозяиномъ въ своемъ околодкѣ. Но счастье сбило его съ толку: ему вздумалось устроить у себя заставу и брать пошлину съ казенныхъ обозовъ. Тогда пришла партія бенгалинцевъ, состоявшихъ на государственной службѣ, изловила его и отрубила ему голову. Селеніе сожгли, жители разбѣжались. Теперь на мѣстѣ домиковъ выросли высокія травы, а плантаціи гойявы, лимонныхъ деревъ и пальмъ заглушаются камышами.

Сегодня караванъ шелъ нѣсколько лучше; впрочемъ, всякая экспедиція начинается съ пробныхъ переходовъ. Каждый изъ занзибарцевъ несетъ около тридцати килограммовъ патроновъ, карабинъ, вѣсомъ по крайней мѣрѣ 4 килограмма, запасъ риса на 4 дня, и свой мѣшокъ, который, вмѣстѣ съ походною постелью, вѣситъ отъ 2 до 5 килограммовъ. Когда онъ попривыкнетъ, эта ноша не будетъ ему казаться такъ тяжела; но покамѣстъ, нужно относиться къ нему со всевозможнымъ терпѣніемъ и не принуждать его къ слишкомъ длиннымъ переходамъ.

30 марта.—Проливной дождь задержалъ насъ въ лагерѣ на цѣлое утро; въ 9 часовъ мы тронулись къ рѣкѣ Люфу. Переходъ былъ жестокій. Наши люди, измученные, съ окровавленными ногами, то и дѣло отставали по дорогѣ; послѣдніе изъ отсталыхъ пришли только къ полночи. Офицеры ночевали въ моей палаткѣ, поужинавъ сухарями и рисомъ.

Около лѣса Мазамба мы перегнали барона Роткирха, который, съ кучкой дикарей изъ племени Кабинда, тянетъ на бичевѣ мачту для своей «Флориды». Если они будутъ идти все тѣмъ же шагомъ, то прежде августа не доберутся до озера Стэнли. У переправы черезъ

Бембези встрѣтили французскаго купца: онъ плыветъ внизъ по теченію съ богатою добычей слоновой кости.

31 марта.—Переправа черезъ рѣку Мангола. Въ Конго-ля-Лемба я слишкомъ увлекся плодами гойявы и готъ этого довольно серьезно захворалъ.

1 апрѣля.—Караванъ пришелъ въ Банза-Мантека. Члены средне-африканской миссіи, мистеръ и миссисъ Ричардсъ, приняли насъ очень привѣтливо. Въ нѣсколько лѣтъ, пребываніе миссіонеровъ произвело здѣсь существенныя перемѣны. Большинство туземцевъ приняло христіанство; они присутствуютъ при богослуженіи и выказываютъ такое же страстное усердіе, какъ и наши новообращенные на митингахъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, которыхъ я знавалъ за горькихъ пьяницъ, нынче смирны, трезвы и примѣрнаго поведенія.

Отъ г. Трупа изъ Маніанги, Суинберна изъ Кинчассы и Глева изъ Экваторвиля я получаю съ верхняго Конго самыя печальныя вѣсти на счетъ пароходовъ «Стэнли», «Мирный», «Генри-Ридъ» и «Впередъ». Первый, повидимому, основательно испорченъ; да и миссіонерскіе корабли не многимъ лучше: «Впередъ» представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ обыкновенной барки. Трупъ совѣтуетъ захватить съ собою въ Маніангѣ одинъ или два плашкота, но это совершенно невыполнимо: у насъ и такъ уже слишкомъ много вьюковъ, принимая во вниманіе количество риса, необходимаго для нашихъ 800 человѣкъ, идущихъ по странѣ, опустошенной неурожаемъ. Чтобы хоть нѣсколько облегчить нашихъ «пагази» и уменьшить грузъ, я иначе распорядился стальнымъ баркасомъ «Авансъ», поручивъ господамъ Джефсону и Уокеру отвесть его водою вверхъ по теченію, до Маніанги.

3 апрѣля.—Идемъ близь рѣки Луніонзо, а слѣдующій день располагаемся лагеремъ на мѣстѣ опустѣвшаго селенія Килоло. Во время перехода я видѣлъ какъ одинъ изъ суданцевъ едва не задушилъ занзибарца за то, что этотъ бѣднякъ, сильно уставшій, слегка задѣлъ его плечо ящикомъ, который тащилъ на себѣ. Вспыльчивость этихъ суданцевъ приводитъ меня въ отчаяніе, но что дѣлать? Нужно еще потерпѣть.

Еще три часа ходьбы приводять насъ къ рѣкѣ Куилу. Нашъ караванъ только и дѣлалъ, что перелѣзалъ съ горы на гору и потому совсѣмъ сбился съ ногъ. На берегу рѣки, шириною въ девяносто метровъ и очень быстрой, на мое счастье оказалась лодка, при томъ безъ хозяина. На ней мы и устроили переправу, по десяти человѣкъ заразъ.

Я воспользовался этой задержкой, чтобы написать необходимыя письма: одно къ командиру Стэнли-Пуля съ настоятельною просьбой

о томъ, чтобы онъ истолковалъ депешу г. Штрауха (бельгійскаго министра внутреннихъ дѣлъ) въ томъ великодушномъ смыслѣ, какой далъ ей король Леопольдъ, пригласившій насъ черезъ Конго достигать Эмина. Другое письмо къ достопочтенному мистеру Бентли. Напомнивъ ему объ услугахъ, оказанныхъ мною съ 1880 до 1884 года миссіямъ баптистовъ, я просилъ его какъ можно скорѣе привесть въ порядокъ корабль «Мирный», дабы я могъ съ достаточною быстротой увезти экспедицію изъ этихъ мѣстъ, истощенныхъ голодомъ. Въ третьемъ письмѣ, къ мистеру Биллингтону, я почти въ тѣхъ же выраженіяхъ просилъ его ссудить мнѣ пароходъ «Генри-Ридъ». Не я ли, въ былое время, уступилъ имъ тѣ самыя земли, которыя они занимаютъ теперь? Четвертымъ письмомъ обратился я къ завѣдующему станціею Люкунчу, поручая ему набрать человѣкъ 400 носильщиковъ, дабы нѣсколько облегчить моихъ.

6 апрѣля.—Подходя къ Муэмби, я былъ пораженъ распущенностью моего каравана, которая постоянно растетъ. До сихъ поръ я опасался налегать на своихъ подчиненныхъ и держался въ сторонѣ, предоставляя моимъ младшимъ товарищамъ подгонять отсталыхъ: мнѣ хотѣлось исподоволь пріучать ихъ къ обычнымъ невзгодамъ всякой африканской экспедиціи. Но на этомъ переходѣ убѣдился, что пора подтянуть мою команду и держать построже. Занзибарцы, придя на мѣсто и едва успѣвъ поставить палатки своихъ начальниковъ, какъ полоумные разбѣжались по сосѣднимъ селеніямъ и давай грабить жилища: пока они этимъ занимались, одинъ изъ нихъ, по имени Хамисъ-бенъ-Атманъ, былъ убитъ туземцемъ, оказавшемся побойчѣе другихъ. Это еще разъ доказываетъ, что дисциплина гораздо полезнѣе постоянныхъ поблажекъ: долго ли можетъ продержаться войско, если оно состоитъ изъ людей непослушныхъ, распущенныхъ и непризнающихъ надъ собою никакой власти?

Мои молодцы вообразили, что ужъ я состарился и не въ силахъ болѣе присматривать за ними, какъ въ былые годы; однако на переходѣ къ Вомбо, 7 апрѣля, они убѣдились въ противномъ. Къ одиннадцати часамъ утра носильщики всѣ до единаго были уже на мѣстѣ; въ полдень офицеры сѣли за завтракъ, со спокойною совѣстью: дневный трудъ конченъ, все сдѣлано во время, можно почитать, поѣсть, выспаться, или такъ помечтать, да на досугѣ обдумать завтрашнюю задачу. Но какъ только отпустишь поводья—картина мѣняется: длинная вереница «пагази», пробираясь по едва замѣтной тропинкѣ, заглушаемой высокими травами, плетется, обливаясь пòтомъ и задыхаясь подъ жгучимъ солнцемъ, отъ котораго кожа на тѣлѣ вздувается пузырями; постепенно растягиваясь все дальше, вереница вскорѣ разби-

вается на отдѣльные куски; по дорогѣ — ни капли воды, а жажда томитъ; ни признака древесной тѣни; вьюки разбросаны на протяженіи десятка километровъ и на вечерней провѣркѣ мы навѣрное нѣсколькихъ не досчитаемся; носильщики застряли по камышамъ, или ищутъ прохлады въ лѣсу; тѣмъ временемъ, офицеры видятъ, что уже вечерѣетъ: они проголодались, и съ отчаяніемъ думаютъ о томъ, что все тоже будетъ и завтра, и во всѣ слѣдующіе дни. Если бы кто встрѣтился намъ по дорогѣ, быть можетъ обвинилъ бы меня въ безполезной жестокости; однако, нѣсколько ударовъ плетью по спинамъ отсталыхъ обезпечиваютъ восемнадцать часовъ отдыха восьмиста подчиненнымъ и ихъ начальникамъ, предупреждаютъ потерю вьюковъ, потому что нерѣдко люди нарочно сбиваются въ сторону или отстаютъ, только для того, чтобы ихъ похитить; день кончается благополучно для всѣхъ и завтрашній день никого больше не пугаетъ.

8 апрѣля.—На станціи Люкунгу, гг. Франки и Дессауеръ принимаютъ насъ съ распростертыми объятіями. Эти почтенные бельгійцы по собственному почину приготовили для нашихъ восьмисотъ человѣкъ картофеля, банановъ, кукурузы и пальмовыхъ орѣховъ,—на четверо сутокъ пропитанія.

Тутъ наши суданцы явились цѣлой толпой просить прибавки провіанта: они не притронулись къ маису и овощамъ, которые только что были розданы, и даже не обратили на нихъ вниманія; но грозились немедленно воротиться къ низовьямъ Конго, если я не прикажу немедленно увеличить ихъ суточную порцію. А между тѣмъ, въ теченіи двухъ недѣль каждый изъ нихъ потребилъ болѣе восемнадцати килограммовъ риса и сухарей. Я твердо рѣшился сдерживаться до времени: рано еще было показывать имъ хотя бы возможность перемѣны обращенія. Поэтому, я приказалъ удовлетворить ихъ.

Къ счастью, у меня были превосходные товарищи, въ большинствѣ случаевъ избавлявшіе меня отъ неизбѣжныхъ столкновеній съ этими упрямцами: самъ я старался главнымъ образомъ играть роль миротворца между бѣлыми, приходившими въ раздраженіе, и неграми, отличавшимися распущенностью и упорствомъ. Пока я не былъ измученъ необходимостью кричать цѣлый день на своихъ безмозглыхъ богатырей, мнѣ не тяжело было усмирять ссоры и разбирать обиды. Конечно, необходилось безъ того, что одни уходили съ ворчаніемъ на мое пристрастіе, а другіе роптали, что я не обращаю вниманія на ихъ жалобы; но выборные знали въ чемъ дѣло, и всѣ понимали, что иначе нельзя въ нашемъ ремеслѣ. Впрочемъ, желая въ предѣлахъ возможнаго предотвратить бури, постоянно угрожавшія подыматься

между занзибарцами и суданцами, я попросилъ маіора Бартлота идти съ его отрядомъ на сутки впереди насъ.

Врядъ ли покажется удивительнымъ, что всѣ наши симпатіи были на сторонѣ занзибарцевъ. Главныя тяготы каждаго дня почти цѣликомъ выпадали на долю нашихъ носильщиковъ, которые, кромѣ того, еще обязаны были разставлять палатки и снабжать лагерь водою и топливомъ. Безъ ихъ содѣйствія, европейцы и суданцы, будь они хоть вдесятеро многочисленнѣе, никогда не добрались бы до Эмина. Солдаты несли только свои ружья, суточный провіантъ и свои личные пожитки. Долженъ былъ пройти цѣлый годъ, такъ, по крайней мѣрѣ—мы надѣялись,—прежде чѣмъ они дѣйствительно намъ понадобятся; а до тѣхъ поръ, чего добраго, они еще и разбѣгутся. Но въ настоящую минуту всего необходимѣе было продолжать путь, стараясь, чтобы какъ можно меньше было ссоръ между нами и ими, между суданцами и занзибарцами. Они доставили-таки не мало хлопотъ маіору; и если случалось ему прибѣгать къ расправѣ, то нужно и то сказать: они вели себя такъ невыносимо, что самого Іова заставили бы выйти изъ терпѣнія и проклинать небо и человѣчество.

10 апрѣля.—Въ день Пасхи, мы выступили изъ Люкунгу. Жара смертельная; люди такъ и валились по дорогѣ: нѣсколько человѣкъ умерло. Мы нагнали суданцевъ, что вызвало новыя стычки и потоки ругани.

11 апрѣля.—У большинства солдатъ лихорадка: общія жалобы. Всѣ сомали, за исключеніемъ двухъ человѣкъ, заболѣли. Бартлотъ, со злости на свой злополучный отрядъ, кричалъ: «зачѣмъ я не на «Авансѣ», на мѣстѣ Джефсона?» А отъ Джефсона я въ тотъ же вечеръ получилъ письмо, въ которомъ онъ сообщалъ о крайнемъ своемъ желаніи быть съ нами «или гдѣ угодно, только не на этой бурливой и предательской рѣкѣ Конго».

На другой день нашъ караванъ, еле живой, медленно тащился къ мѣсту стоянки и дошелъ съ большимъ трудомъ. Суданцы отставали на цѣлые километры, самали всѣ больны. Пришлось распаковать консервы и приготовить достаточное количество мяснаго супу, чтобы каждый изъ бѣдняковъ могъ выпить хоть по одной чашкѣ, когда, едва держась на ногахъ, онъ добирался до лагеря.

На другой день такой же переходъ и мы достигаемъ Лютэтэ. Всякій день потеря въ людяхъ: одни дезертируютъ, другіе болѣютъ, третьи мрутъ; пропажа ружей, консервовъ и снарядовъ.

У селенія Нсэло, на р. Нкисси, встрѣчаемъ Джефсона. Плавая вверхъ по быстринамъ Конго до Маніанги, онъ тоже узналъ жизнь съ другой стороны!

Солнце окрасило наши лица великолѣпнымъ пурпуровымъ цвѣтомъ. Щеки офицеровъ представляютъ сплошной кружокъ ярко краснаго оттѣнка, что придаетъ особый блескъ ихъ глазамъ. Ради вящей живописности, а также для того, чтобы точнѣе приблизиться къ типу идеальнаго изслѣдователя, иные предоставляютъ вліянію дневнаго свѣтила свои руки, и купаютъ ихъ въ этой палящей стихіи.

16 апрѣля.—Весь день перетаскивали миссію на противуположный берегъ Инкисси: въ $5^1/_2$ часовъ пополудни весь караванъ былъ переправленъ, въ томъ числѣ двадцать ословъ и стадо козъ съ мыса Доброй Надежды.

Во время переправы—обмѣнъ крѣпкихъ словъ между Селимомъ, сыномъ Массуда (зятемъ Типпу-Тиба) и господиномъ Монтэней Джефсономъ, командиромъ судна «Авансъ». Съ тѣхъ поръ какъ онъ женился на сестрѣ верховнаго откупщика, Селимъ не можетъ перенести ни малѣйшаго знака неодобренія, и претензіи его становятся невыносимыми. Въ Матади онъ училъ уму-разуму лейтенанта Стэрса, теперь дошла очередь до Джефсона, который на какое-то его замѣчаніе сказалъ Селиму:—не суйся не въ свое дѣло, не то я тебя кину въ воду.— Надо было видѣть, въ какую онъ пришелъ африканскую ярость! Чтобы унять его, пришлось прибѣгнуть къ вмѣшательству Типпу-Тиба.

На слѣдующей стоянкѣ я получилъ новыя вѣсти съ озера Стэнли. Лейтенантъ Либрехтсъ, начальникъ этого округа, пишетъ, что къ моимъ услугамъ готовы пароходъ «Стэнли» и еще одинъ плашкотъ. Пароходъ «Впередъ» будетъ готовъ только черезъ шесть недѣль. А г. Биллингтонъ положительнѣйшимъ образомъ не даетъ мнѣ «Генри-Рида».

По вечерамъ, послѣ каждаго перехода, мое главное занятіе состоитъ въ судебныхъ разбирательствахъ; я выслушиваю всевозможныя жалобы. Въ этотъ день ихъ было не меньше прежняго. Одинъ туземецъ билъ челомъ на занзибарца, который утащилъ у него лепешку изъ кассавы. Погонщикъ нашихъ козъ, по имени Бинза, считалъ себя обиженнымъ потому, что ему не дали порціи „тушеной требухи", и просилъ меня отнынѣ предоставить ему право постоянно пользоваться ею; тощій занзибарецъ, считавшій, что онъ умираетъ съ голоду въ отрядѣ, гдѣ до сихъ поръ выдавались изрядныя порціи риса, умолялъ меня взглянуть на его бѣдный сморщенный животъ и позаботиться о томъ, чтобы жадный начальникъ отдавалъ ему сполна то, что ему слѣдуетъ. Селимъ, нижайшій рабъ Типпу-Тиба, жаловался на офицеровъ, что они не достаточно его почитаютъ.

— Они думаютъ, я все еще царицы слуга (онъ былъ прежде переводчикомъ на одномъ изъ англійскихъ крейсеровъ); нѣтъ! я теперь

зять Типпу-Тиба!—У другихъ покражи: у одного стащили ножикъ, у другого бритву или точилку...

18 апрѣля.—Въ лагерѣ при рѣкѣ Нкалямa, гонецъ привезъ мнѣ письмо достопочтеннаго мистера Бентли: касательно просьбы нашей одолжить на нѣкоторое время пароходъ миссіи баптистовъ «Мирный» на этотъ счетъ онъ не получалъ отъ комитета запрещенія; такъ что, если я поручусь, что занзибарцы не учинятъ ничего такого, что могло бы повредить репутаціи оной миссіи,—а сію репутацію онъ, въ качествѣ миссіонера, обязанъ содержать въ неприкосновенности, — то онъ съ своей стороны будетъ весьма счастливъ предоставить свой корабль къ услугамъ нашей экспедиціи. Хотя я и восчувствовалъ должную признательность за такую великодушную уступку, однако неожиданное упоминаніе о занзибарцахъ и довольно прозрачный намекъ на то, что мы должны отвѣчать за ихъ поведеніе, достаточно показываютъ, какъ тяжела ему была эта жертва. А между тѣмъ, не лишнее было бы ему припомнить, что если онъ и его сотоварищи получили возможность основать свои поселенія въ Леопольдвилѣ, въ Кинчассѣ, въ Люколеля, то эта возможность добыта пòтомъ и кровью этихъ самыхъ занзибарцевъ, которые, правда, подчасъ, ведутъ себя очень скверно, но однакожъ такъ, что мѣстное населеніе всегда предпочитаетъ ихъ племенамъ Хусса, Кабинда, Круманцамъ и Бангальцамъ.

19 апрѣля.—Короткій переходъ; какъ и въ предъидущіе дни; проливной дождь; рѣчка Люйля, у которой мы ночуемъ, бурлитъ не на шутку.

20 апрѣля.—Приходимъ въ деревню Макоко. Занзибарцы совсѣмъ выбиваются изъ силъ. Нѣсколько дней тому назадъ пришлось сократить имъ выдачу риса и они старались вознаградить себя тѣмъ, что вырывали и поѣдали шишки маніока *). 450 граммовъ риса въ день, правда, маловато для чернорабочаго; но если бы они рискнули еще немного похудѣть и держаться только этой пищи, скудной, но здоровой, они не были бы такъ истрепаны болѣзнью. Съ выступленія изъ Матади у насъ вышло 12450 килограммовъ риса, т. е. около 13 тоннъ, для переноски которыхъ я истощилъ весь контингентъ носильщиковъ, какой можно было добыть въ этой области. Туземцы разбѣжались въ сторону отъ торныхъ дорогъ; своимъ занзибарцамъ мы не позволяли отлучаться за провизіей подальше, опасаясь какъ

*) *Satropha manihot*, растеніе изъ семейства молочайныхъ. Подземные клубни въ свѣжемъ состояніи содержатъ питательную мякоть, но также и ядовитый сокъ, который отъ просушиванія исчезаетъ. Высушенная и толченая мякоть даетъ муку, называемую кассавой. Изъ нея же приготовляется извѣстное *manioka* или бѣлое *саго*.

бы они не вздумали грабить; вотъ они и накинулись на ядовитыя шишки маніока. Отъ этого вскорѣ до ста человѣкъ оказались окончательно неспособными къ труду; въ томъ числѣ были и солдаты, и носильщики.

Въ Леопольдвилѣ, куда мы прибыли 21-го числа, къ великой радости всего каравана, меня ожидало новое затрудненіе: для передвиженія экспедиціи по верхнему Конго приходилось разсчитывать только на «Стэнли», съ нашимъ маленькимъ стальнымъ баркасомъ «Авансъ», да на пароходъ «Мирный» съ небольшимъ плашкотомъ. Извлекаю изъ своего дневника слѣдующія замѣтки:

Леопольдвиль, 22 апрѣля.—Мы находимся въ 550 километрахъ отъ моря, въ виду озера Стэнли; слѣдовательно, миновавъ всѣ пороги, мы имѣемъ впереди 1800 километровъ пути вверхъ по рѣкѣ до Ямбуйи и Арухуими, а тамъ я предполагаю сухимъ путемъ дойти до озера Альберта.

Были съ визитомъ гг. Бентли и Уитли. Увѣряютъ, что «Мирный» сильно нуждается въ починкѣ. Я сильно настаиваю на неотложной необходимости проворнѣе покончить съ этимъ дѣломъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, согласились, чтобы 30-го числа все было въ исправности.

Послѣ полудня откровенно разъяснилъ эти непріятности маіору Бартлоту и г. Монтэнею Джефсону; я упомянулъ о томъ, чѣмъ миссіонеры намъ обязаны и выразилъ мнѣніе, что для насъ существеннѣе всего какъ можно скорѣе выбраться изъ округа, истощеннаго голодомъ. Здѣсь такъ мало теперь питательныхъ средствъ, что правительство принуждено 60 дневныхъ порцій распредѣлять на 146 человѣкъ; такъ что мѣстные офицеры ходятъ на охоту за носорогами, водящимися въ озерѣ; да и намъ придется дѣлать тоже самое, чтобы сколько нибудь поберечь свой рисъ. Если же правительство на 146 человѣкъ своихъ людей можетъ распорядиться только шестидесятью порціями, то чего же ожидать отъ нихъ намъ, съ нашими 750 наемниками? По этому я просилъ товарищей сходить къ мистеру Биллингтону и доктору Симсу, налегая преимущественно на перваго изъ нихъ (потому что второй, несостоя членомъ нашего главнаго штаба, можетъ быть слишкомъ на насъ дуется за это), и откровенно выяснить ему наше положеніе.

Часа черезъ полтора они воротились, съ вытянутыми лицами. Полная неудача. Бѣдный маіоръ! Бѣдный Джефсонъ!

Въ настоящее время управляетъ округомъ г. Либрехтсъ, который былъ моимъ сослуживцемъ на Конго, въ Болобо. Мы съ нимъ обѣдали сегодня и маіоръ, вмѣстѣ съ Джефсономъ, разсказалъ ему въ

подробности исторію ихъ утренняго визита. Мы ничего не утаили отъ него, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ зналъ все это не хуже нашего. Онъ вполнѣ согласенъ съ нами. Неотложность всѣми признана.—Я предлагаю,—сказалъ Джефсонъ,—требовать немедленной выдачи «Генри-Рида»!

— Нѣтъ, другъ Джефсонъ, неосторожностей не нужно! Дадимъ время мистеру Биллингтону одуматься. Онъ вѣроятно неоткажется признать, что его миссія многимъ мнѣ обязана и не затруднится уступить мнѣ свой пароходъ за цѣну, вдвое большую той, которую платитъ ему областное начальство. Кто существуетъ по милости другихъ, тотъ обязанъ быть милостивымъ. Завтра я къ нимъ обращусь оффиціальнымъ порядкомъ, и предложу имъ самыя выгодныя условія. Если же они и тогда не согласятся—подумаемъ о другихъ способахъ.

23 апрѣля.—Все утро былъ сильно занятъ. Сосѣдніе туземцы приходили возобновить знакомство; только въ 10 часовъ я освободился.

Нгальима разсказывалъ очень пространно и скучно, сколько всякихъ обидъ онъ терпѣливо перенесъ и какъ онъ никогда не жаловался на наносимыя ему оскорбленія. Съ нѣкотораго времени бѣлые очень перемѣнились, они стали гораздо повелительнѣе; полагая, что это не предвѣщаетъ ничего добраго, онъ и другіе старшины ушли подальше отъ станцій и на базары больше не являются; отъ этого и провіанту стало мало, и все вздорожало.

Послѣ такой сочувственной бесѣды со старыми пріятелями, я прочелъ Бартлоту и Джефсону записку касательно моихъ прежнихъ заслугъ передъ внутренней миссіей: — Напомните все это господамъ миссіонерамъ и, потомъ, во имя доброй пріязни, христіанскаго милосердія и человѣколюбія, просите мистера Биллингтона дозволить мнѣ мѣсяца на два нанять у него «Генри-Ридъ» на самыхъ выгодныхъ для него условіяхъ.

Бартлотъ все еще не могъ переварить мысли, что его краснорѣчіе пропало даромъ. Онъ попросилъ позволенія попытаться еще разъ.

— Сдѣлайте одолженіе, маіоръ! И дай вамъ Богъ успѣха.

Онъ отправился въ миссію, и съ нимъ Джефсонъ, въ качествѣ свидѣтеля. Вскорѣ я получилъ записку, совершенно въ духѣ маіора: всѣ его доводы ни къ чему не привели; онъ, впрочемъ, спорилъ преимущественно съ Биллингтономъ, а докторъ Симсъ, сидя въ креслахъ, по временамъ только вставлялъ кое-какія замѣчанія.

Лейтенантъ Либрехтсъ, извѣщенный объ этомъ, поспѣшилъ ко мнѣ: — Это дѣло,—сказалъ онъ,—затрогиваетъ государственные интересы, и правительство обязано вмѣшаться! Этотъ чиновникъ, одинъ изъ лучшихъ въ Конго, вполнѣ оправдываетъ то высокое мнѣніе, которое я

выражалъ о немъ въ одномъ изъ прежнихъ моихъ сочиненій.—Онъ, со всевозможнымъ рвеніемъ принялся улаживать это дѣло и вмѣнилъ себѣ въ обязанность доказать мистеру Биллингтону, какъ онъ неосновательно поступаетъ, отказывая намъ въ содѣйствіи въ такую трудную для насъ минуту и притомъ при такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы рѣшительно не вольны. Весь день г. Либрехтсъ сновалъ между той и другой партіей, разспрашивалъ, объяснялъ, доказывалъ и, наконецъ, послѣ двѣнадцати-часовыхъ усилій, добился того, что Биллингтонъ согласился получить за наемъ парохода по двѣ съ половиною тысячи франковъ въ мѣсяцъ.

24 апрѣля.—Дѣлалъ смотръ своему воинству. На лицо 737 человѣкъ и 496 карабиновъ; при перекличкѣ не оказалось 57 человѣкъ и 38 ремингтоновскихъ ружей. Что касается до топоровъ, сѣкиръ, заступовъ, погребцовъ, копій, то, въ теченіи двадцатидневнаго перехода, мы растеряли ихъ болѣе чѣмъ на пятьдесятъ процентовъ!

Нѣкоторые изъ людей, отставшихъ по болѣзни, еще можетъ быть придутъ; но если столько народу не побоялось убѣжать, находясь почти за 5000 километровъ отъ своей родины, то что было бы, если бы мы пошли съ востока? — Твоя экспедиція растаяла бы по дорогѣ,— говорятъ мнѣ на это съ горькимъ цинизмомъ погонщики моего каравана. — Эти люди, взятые изъ Занзибара съ плантацій корицы и гвоздики, настоящіе скоты: въ нихъ ничего нѣтъ мужественнаго, они терпѣть не могутъ труда и не знаютъ цѣны деньгамъ; у нихъ нѣтъ ни родныхъ, ни жилищъ. У кого есть семья, тотъ ни за что не сбѣжитъ, потому что послѣ этого ему будетъ стыдно показаться сосѣдямъ.—Все это очень вѣрно, въ нашемъ караванѣ есть сотни «пагази», у которыхъ нѣтъ другаго ремесла, какъ забрать свое жалованье за четыре мѣсяца впередъ, да и улизнуть при малѣйшемъ благопріятномъ случаѣ. На сегодняшнемъ смотру мнѣ удалось насчитать у насъ никакъ не больше ста пятидесяти человѣкъ вольныхъ людей, всѣ остальные—либо осужденные преступники, либо невольники.

Д. С. Джемсонъ предложилъ свои услуги, чтобы настрѣлять гиппопотамовъ; ихъ мясо сколько нибудь поможетъ намъ поддержать людей на полу-порціи, они получаютъ въ сутки только по 450 граммовъ рису. Для офицеровъ и для моихъ гостей-арабовъ у меня еще есть въ запасѣ штукъ тридцать козъ. Сосѣдніе старшины навезли мнѣ въ подарокъ пятьсотъ суточныхъ порцій провіанта. И за то спасибо!

Капитанъ Нельсонъ со своими дровосѣками заготовляетъ топливо для пароходовъ. Завтра отправляю на пароходѣ «Стэнли» маіора Барттлота и доктора Пэркъ съ ихъ отрядами, которые они высадятъ повыше Уампоко, а оттуда пойдутъ на Мсуату. Нужно всѣми мѣрами стараться

удалять съ озера моихъ людей, покуда голодъ окончательно не вывелъ ихъ изъ повиновенія.

25 апрѣля.—«Стэнли» отплылъ, увозя 153 человѣка команды и двухъ командировъ.

Я былъ въ Кинчассѣ, навѣстилъ своего бывшаго секретаря Суинберна, нынѣ агента компаніи Сандфорда, основанной съ цѣлью добычи слоновой кости. Такъ какъ остовъ ихъ маленькаго корабля «Флориды» почти готовъ, г. Суинбернъ очень любезно предложилъ мнѣ имъ воспользоваться; самъ онъ, впрочемъ, не думалъ пускать его въ ходъ до конца іюля, потому что тогда только долженъ пріѣхать баронъ Роткирхъ, съ винтомъ и машинами. Я спѣшу принять его предложеніе и высылаю въ Кинчассу часть своихъ людей, чтобы ускорить постройку деревяннаго спуска на воду.

Нашъ механикъ, Джонъ Уокеръ, чиститъ и готовитъ «Генри-Рида» къ плаванію по верхнему Конго.

Сегодня умерли одинъ занзибарецъ и одинъ суданецъ.

27 апрѣля.—Тринадцать занзибарцевъ и одинъ суданецъ, отставшіе на пути, воротились къ отряду; но они распродали свои ружья и почти всю свою утварь!

28 апрѣля.—Тронулись изъ лагеря. Сухимъ путемъ идемъ въ Кинчассу, гдѣ я хочу лично распорядиться спускомъ на воду «Флориды», которая послѣ завтра будетъ готова. Гг. Антоній Грешофъ, членъ голландской компаніи, и Суинбернъ отъ компаніи Сандфорда, оказываютъ намъ широкое гостепріимство.

29 апрѣля.—Въ Кинчассѣ. Лагерь расположился подъ тѣнью баобабовъ. Пришли пароходы «Стэнли» и «Генри-Ридъ», приведшій на буксирѣ «Впередъ».

30 апрѣля.—Спустили «Флориду». 200 человѣкъ отлично протащили ее по наклонному помосту, а спустивъ на воду, отвели къ пристани голландской факторіи и тамъ прицѣпили къ «Стэнли», который поведетъ ее на буксирѣ.

Я вручилъ каждому изъ моихъ офицеровъ инструкцію, сообразно которой они должны распредѣлять посадку людей на нашей маленькой флотиліи.

Э. М. Бартлотъ, маіоръ	Отрядъ	1. Суданцы.
У. Д. Стэрсъ, капитанъ	»	2. Занзибарцы.
Р. Г. Нельсонъ, капитанъ	»	3. Занзибарцы.
А. Д. Монтэней Джефсонъ, капитанъ	»	4. Занзибарцы.
Д. С. Джемсонъ, капитанъ	»	5. Занзибарцы.
Джонъ Розъ Трупъ, капитанъ . .	»	6. Занзибарцы.
Т. Г. Пэркъ, капитанъ и хирургъ .	»	7. Сомали и занзибарцы.

Далѣе въ инструкціи стояло слѣдующее:

«Г. У. Бонни поручаю надзоръ за вьючнымъ скотомъ и за козами; кромѣ того, онъ будетъ ассистентомъ доктора Пэрка, по каждому требованію послѣдняго.

«Каждый изъ офицеровъ лично отвѣчаетъ какъ за поведеніе своего отряда, такъ и за исправность оружія и снарядовъ.

«Офицеры приглашаются почаще осматривать патронташи и записывать ихъ содержимое въ памятную книжку, чтобы люди не смѣли продавать боевыхъ снарядовъ туземцамъ и арабамъ.

За легкіе проступки дозволяется подвергать самому легкому тѣлесному наказанію, и то какъ можно рѣже. Предоставляю это на совѣсть каждаго; и предлагаю всемѣрно стараться не раздражать людей, избѣгать мелочныхъ придирокъ или излишней требовательности.

«Я, съ своей стороны, всегда былъ снисходителенъ: примите за правило, чтобы на каждое наказаніе приходилось три прощенія. Прошу господъ офицеровъ постоянно имѣть въ виду, что наши люди исполняютъ трудъ крайне тяжелый: климатъ чрезвычайно зноенъ, вьюки тяжелы, переходы утомительны, а пища однообразна и часто недостаточна. Въ подобныхъ условіяхъ человѣку свойственно становиться раздражительнымъ; по этому наказанія должны быть налагаемы съ крайнею осмотрительностью и только въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣра терпѣнія переполняется. Тѣмъ не менѣе дисциплину необходимо соблюдать, особенно въ интересахъ общаго благосостоянія.

«О важныхъ провинностяхъ, могущихъ вліять на судьбу экспедиціи, прошу доводить до моего свѣдѣнія и буду судить самъ.

«Во время плаванія каждый изъ офицеровъ своимъ чередомъ будетъ исполнять ежедневныя обязанности: онъ имѣетъ надзоръ за раздачей пищи, за чисткой корабля; наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы не было ссоръ и драки, за которой могутъ послѣдовать и удары ножемъ; присмотритъ за правильной раздачей корма животнымъ и за ежедневнымъ ихъ пойломъ. За болѣе подробными инструкціями рекомендую обращаться къ маіору Бартлоту».

Глава V.

ОТЪ ОЗЕРА СТЭНЛИ ДО ЯМБУЙИ.

(Съ 1 мая по 15 іюня 1887 года).

Виды верхняго Конго.—Новыя хлопоты съ «Мирнымъ».—Пароходы заходятъ въ Кимпоко.—Сборъ топлива.—«Мирный» съ норовомъ.—Случай съ пароходомъ «Стэнли».—Экспедиція дѣлится на двѣ колонны.—Маіору Бартлоту и г. Джемсону поручается арріергардъ.—Прибытіе въ Экваторвиль и къ станціи Бангала.—Селенія племени Бассоко.—Барути насъ покидаетъ.—Прибытіе въ Ямбуйю.

Въ одной изъ предыдущихъ работъ я довольно обстоятельно описывалъ берега Конго; по этому, да позволено мнѣ будетъ на этотъ разъ умолчать о путевыхъ впечатлѣніяхъ, испытанныхъ мною на протяженіи 1770 километровъ, между озеромъ Стэнли и Ямбуйей; тѣмъ болѣе что эти впечатлѣнія въ значительной мѣрѣ зависѣли отъ личнаго расположенія духа.

Дни проходили довольно быстро. Съ ранняго утра передъ глазами тянулись лѣса, тысячи островковъ, поросшихъ деревьями, и громадные каналы стоячей воды, блестѣвшей на солнцѣ словно потоки ртути. Мы приближались то къ правому берегу, то къ лѣвому, то вступали въ русло болѣе глубокихъ водъ, и такимъ образомъ избѣгали однообразія, которое было бы неминуемо, если бы мы шли ровно посреди рѣки, т. е. въ такомъ разстояніи отъ береговъ, чтобы нельзя было разсмотрѣть подробностей. Я спокойно сидѣлъ на креслѣ-качалкѣ, въ какихъ нибудь двѣнадцати метрахъ отъ берега, и съ каждымъ поворотомъ винта глазамъ моимъ представлялись все новыя безконечныя сочетанія этихъ деревьевъ, кустовъ, все новыя массы зелени, ліанъ, цвѣтовъ и бутоновъ. Правда, свойства и особенности этихъ растеній большею частію не были мнѣ извѣстны; тѣ или другія части береговъ, казались не интересными;—но часы пролетали незамѣтно, а по временамъ вниманіе развлекалось появленіемъ какого нибудь обитателя воздуха или воды. Эта чудная панорама ярко-зеленыхъ лѣсовъ съ неподвижными вѣтвями и листьями,

эта почти непрерывная кайма роскошныхъ, густолиственныхъ кустарниковъ, усѣянныхъ крупными мотыльками, бабочками, всевозможными насѣкомыми;—эти громадныя пространства воды, блестящей и совершенно спокойной,—гораздо дольше останутся въ памяти, нежели картины той же природы подъ ударами тропической грозы, которая налетала почти каждый вечеръ и нарушала ея мирную прелесть.

Дождливый сезонъ длится здѣсь два мѣсяца, съ 15 марта до 15 мая. Всякій день послѣ двухъ часовъ пополудни небо начинало хмуриться, солнце пряталось за черныя тучи, молніи бороздили наступившую тьму, громъ разрывалъ облака, дождь обрушивался и лился въ тропическомъ изобиліи; и въ этомъ печальномъ туманѣ природа мало по малу исчезала въ ночныхъ потемкахъ. Невозможно было бы выбрать время, болѣе благопріятное для нашего плаванія по великой рѣкѣ. Воды были какъ разъ ни слишкомъ низки, ни чрезмѣрно высоки; нечего было опасаться, что суда попадутъ на затопленный материкъ, или сядутъ на мель. Мы почти постоянно держались въ разстояніи двѣнадцати метровъ отъ лѣваго берега и на протяженіи 1600 километровъ намъ довелось безпрерывно любоваться растительностью, съ которою по густотѣ листвы, по разнообразію оттѣнковъ, по обилію и благоуханію цвѣтовъ, не можетъ равняться ни одна флора въ мірѣ. Бури налетали большею частію уже вечеромъ или къ ночи, когда наша флотилія давно стояла на якорѣ. Москиты, таоны, мухи-цэцэ и прочія несносныя насѣкомыя на этотъ разъ казались мнѣ далеко не такъ докучливы какъ во время прежнихъ моихъ путешествій: большая часть нашего пути была уже пройдена, прежде чѣмъ появились—и то въ маломъ количествѣ—представители этихъ проклятыхъ полчищъ. Даже гиппопотамы и крокодилы вели себя безукоризненно; даже туземцы оказались скромны, умѣренны и охотно отдавали намъ своихъ козъ, куръ и яйца, бананы простые и фиговые, а мы имъ за это выдавали „векселя“, по которымъ они должны были получать деньги съ г. Трупа, плывшаго вслѣдъ за мною въ разстояніи двухъ-трехъ дней. Здоровье мое было хорошо и даже превосходно, по сравненію съ прошлыми походами; а мои товарищи,—потому ли что они дѣйствительно были увлечены дѣломъ, или потому, что не хотѣли обращать вниманіе на мелочи,—гораздо рѣже жаловались, чѣмъ спутники моихъ прежнихъ экспедицій.

1 мая.—«Генри-Ридъ», имѣя на буксирѣ два меньшихъ судна, отплылъ во главѣ флотиліи, увозя Типпу-Тиба, 96 человѣкъ его свиты и родственниковъ и 35 человѣкъ нашихъ людей. За нимъ тронулся «Стэнли», ведя на буксирѣ «Флориду»; на нихъ 336 человѣкъ, шесть ословъ и множество всякой поклажи. Полчаса спустя

«Мирный» со 135 поссажирами весело тронулся въ путь; но едва наши друзья успѣли прокричать намъ до свиданья!—едва наша корма вступила въ борьбу съ быстрою волной, какъ руль сломался. Капитанъ скомандовалъ остановиться: якори упали въ очень неровное дно, а теченіе въ этомъ мѣстѣ сильное,—до шести узловъ въ часъ. Пароходъ весь задрожалъ, до верхушекъ своихъ мачтъ; якорныя цѣпи стали щепить палубу, и такъ какъ не было никакой возможности вытащить якорей, завязшихъ между глыбами камня, пришлось рубить канаты и возвращаться къ пристани въ Кинчассу. Капитанъ Уитли и нашъ механихъ, Дэвидъ Чартерсъ, немедленно принялись за работу и въ 8 часовъ вечера руль былъ исправленъ.

На другой день все сошло благополучно и мы догнали нашъ остальной флотъ у Кимпоко, въ верхнемъ углу озера Стэнли.

3 мая.—Впереди пошелъ «Мирный», но «Стэнли» не преминулъ перегнать насъ и пришелъ къ мѣсту условленной стоянки на полтора часа раньше нашего. «Генри-Ридъ» явился позже всѣхъ, благодаря ошибкѣ капитана.

Нашъ «Мирный» положительно съ нòровомъ: идетъ онъ прекрасно въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, и вдругъ начнетъ какъ будто задыхаться; а чрезъ полчаса опять старается. Паровикъ у него замѣненъ системой змѣевиковъ; а двигатели, помѣщенные въ цилиндрическихъ барабанахъ у кормовой части, должны вращаться неистово, прежде чѣмъ успѣютъ сдвинуть его съ мѣста. Онъ доставитъ намъ не мало хлопотъ.

Какъ только мы останавливаемся на ночь, что почти всегда бываетъ въ пять часовъ вечера, каждый изъ офицеровъ дѣлаетъ перекличку своимъ людямъ и посылаетъ ихъ за дровами на завтрашній день; эта работа очень трудная и длится она иногда до поздней ночи. Нѣкоторая часть «пагази» (для «Стэнли» 50 человѣкъ) отправляется на поиски за сухимъ лѣсомъ, который они перетаскиваютъ къ пристани, и тутъ еще двѣнадцать человѣкъ ихъ товарищей рубятъ эти бревна на полѣнья въ 75 сентиметровъ длины. Для «Мирнаго» и «Генри-Рида» достаточно половины этого числа рабочихъ. Затѣмъ полѣнья переносятся на корабль и такимъ образомъ на слѣдующее утро ни что уже не задерживаетъ отплытія. Проходитъ нѣсколько часовъ прежде чѣмъ „ночная тишина“ водворяется вкругъ насъ: на берегу горятъ костры; трескъ ломающихся деревьевъ, удары топоровъ, скрипъ расщепляемыхъ полѣньевъ оживляютъ первую вечернюю вахту.

4 мая. — Нашъ негодяй-пароходъ продолжаетъ насъ озадачивать. Это, конечно, одинъ изъ самыхъ медлительныхъ кораблей, какіе

когда либо осмѣливался сдавать строитель. Мы на цѣлые километры отстаемъ отъ другихъ. Каждыя три четверти часа мы должны останавливаться, чтобы смазывать его, иногда также для прочистки цилиндровъ, или чтобы вызвать давленіе, вымести съ рѣшетокъ остатки угля и золу; едва только удастся намъ поднять давленіе до одной атмосферы, какъ черезъ пять минутъ она ужь упала до одной трети, потомъ до четверти, а потомъ всѣ наши усилія клонятся ужь къ тому, чтобы помѣшать этой старой калошѣ идти внизъ по теченію со скоростью одного узла въ часъ. Семь дней мы изъ-за нея потеряли на озерѣ Стэнли, и еще восьмой провозились изъ-за сломаннаго руля. Право, это очень скучно.

5 *мая.*—Становимся у пристани Мсуата, гдѣ маіоръ и докторъ Пэркъ ждутъ насъ уже четыре дня. На берегу возвышаются кучи заготовленнаго для насъ топлива, они накупили кукурузы и лепешекъ изъ кассавы.

6 мая.—Маіоръ Бартлотъ получаетъ приказаніе отвести свой отрядъ къ устью Куа, гдѣ онъ дождется парохода «Стэнли»; а этотъ послѣдній сначала посылается въ Болобо, высадить тамъ своихъ пассажировъ и опять вернется къ устью Куа, гдѣ и подберетъ маіора съ его людьми, а я пока буду въ Болобо организовать экспедицію съизнова.

Но 7 мая я издали увидѣлъ «Стэнли», неподвижно стоящимъ у лѣваго берега, неподалеку отъ Чумбири, и немедленно поспѣшилъ къ нему; оказалось, что онъ наткнулся на подводный камень и потерпѣлъ серьезныя аваріи. Нижняя обшивка была пробита въ четырехъ мѣстахъ; нѣсколько заклепокъ выскочило, другія расшатались. Тотчасъ мы созвали машинистовъ съ остальныхъ пароходовъ; наши шотландцы, господа Чартерсъ и Уокеръ оказали при этомъ случаѣ важныя услуги; пришлось болтами прикрѣплять къ наружной стѣнкѣ корабля деревянныя пластинки или заплаты, вырѣзывая ихъ изъ старыхъ маслянныхъ бочекъ,—работа чрезвычайно трудная и потребовавшая столько же терпѣнія, сколько искусства. Сначала изготовляли пластинки, промазывали ихъ cурикомъ, обтягивали кускомъ грубаго полотна, которое также промазывали сурикомъ. Вода въ трюмѣ поднялась уже на шестьдесятъ сантиметровъ, а въ обшивкѣ пришлось буравить отверстія для пропуска болтовъ, машинистъ стоялъ по поясъ въ водѣ, что ослабляло удары рѣзцовъ. Когда все было готово для задѣлки отверстія, въ рѣку спускали водолаза, у котораго въ одной рукѣ была пластинка изъ толя, подбитаго полотномъ и пропитаннаго сурикомъ, а въ другой—конецъ бичевы, пропущенной чрезъ скважину обшивки. Онъ ощупью отыскивалъ про-

боину, продѣвалъ въ нее конецъ бичевки, а машинистъ старался поймать ее изнутри. Захвативъ конецъ бичевки, машинистъ осторожно тянулъ ее до тѣхъ поръ, пока заплата становилась на мѣсто; тогда въ отверстія вставлялись винты и машинистъ закрѣплялъ ихъ гайками. Многіе часы провели мы надъ этой длинной и скучной работой; къ вечеру того же дня удалось исправить главную аварію стальнаго киля; но прошло 8 и 9 мая, прежде чѣмъ корабль могъ отправиться въ дальнѣйшее плаваніе.

10 мая.—«Стэнли» догналъ нашего убогаго лѣнивца, потомъ догналъ и «Генри-Рида»; нѣсколько часовъ спустя «Мирный» опять задумался и вскорѣ ничѣмъ нельзя было сдвинуть его съ мѣста; давленіе падало все ниже; волей неволей пришлось стать. Въ эту минуту выраженіе лица г. Чартерса было для насъ интереснѣе всего въ мірѣ, и мы ожидали изъ его устъ какъ бы рѣшенія своей судьбы. Чартерсъ человѣкъ небольшого роста, очень веселый, никогда не отчаявается:—Ничего, не пугайтесь, все пойдетъ ладно!—говорилъ онъ, пока я бѣсился, видя себя прикованнымъ къ берегу.

На слѣдующій день мы трогаемся въ путь раннимъ утромъ, твердо рѣшившись на сей разъ отличиться. Съ часъ времени «Мирный» оправдываетъ наше довѣріе, потомъ начинаетъ проявлять утомленіе. Пары быстро истощаются и приходится бросить якорь. Въ 10 часовъ очевидно, что дѣло непоправимое и я посылаю Уарда на вельботѣ къ «Генри-Риду», пригласить его на помощь. Пароходъ приходитъ къ 8 часамъ вечера и становится въ 50 метрахъ отъ насъ. Цѣлый день мы только и дѣлали, что глядѣли въ бурыя воды протока, въ которомъ застряли,—какъ разъ посрединѣ русла, на 450 метровъ между берегомъ и островкомъ. По временамъ изъ воды выглядывали носороги, бревна, поросшія мохомъ, травы, обломки деревьевъ.

12 мая.—«Генри-Ридъ» привелъ насъ на буксирѣ въ Болобо. Нечего сказать,—тріумфальное шествіе!

Въ области Уянзи о голодѣ почти не слыхивали, а Болобо— одна изъ лучшихъ пристаней на рѣкѣ, какъ по обилію съѣстныхъ припасовъ, такъ и по ихъ разнообразію. Въ этой-то мѣстности, гдѣ наши люди позабывали свои скудныя порціи, до крайности сокращенныя съ отъѣзда изъ Люкунгу, я рѣшился исполнить свое намѣреніе—раздѣлить наши силы на двѣ колонны.

Наша флотилія не въ силахъ была заразъ перевезть экспедицію къ верхнему Конго; я разсудилъ, что нужно сначала перевозить наиболѣе крѣпкихъ и надежныхъ людей; остальные пусть останутся въ Болобо подъ командой гг. Уарда и Бонни, до тѣхъ поръ, пока «Стэнли» воротится изъ Ямбуйи. «Скорѣе! Скорѣе!» понукаетъ Англія, и нужно

идти впередъ со всею поспѣшностью, какую допустятъ обстоятельства. Я разсчитывалъ, что арріергардъ можетъ послѣдовать за мною много что черезъ шесть или семь недѣль.

Итакъ, я выбралъ 125 человѣкъ наиболѣе слабыхъ изъ нашей команды, и рѣшилъ оставить ихъ въ Болобо вдоволь откармливаться превосходнымъ мѣстнымъ хлѣбомъ и рыбой, которую здѣсь легко добывать. Пароходъ «Стэнли» отправился обратно къ устью Куа, за маіоромъ Бартлотомъ, докторомъ Пэркомъ и 153 людьми.

Кому же поручить командованіе второй колонной?.. Кто могъ занять этотъ постъ, значительнѣйшій изъ всѣхъ, послѣ моего? Общее мнѣніе указывало на маіора Бартлота. По слухамъ, онъ уже предводительствовалъ отрядомъ въ тысячу человѣкъ и проводилъ его отъ Коссэира на Красномъ морѣ до Кэнэ, что на берегу Нила; онъ отличился и въ Афганистанѣ, и во время суданской кампаніи. Если эти слухи были справедливы, то врядъ ли я могъ бы избрать офицера, болѣе его пригоднаго для такого порученія. Впрочемъ, будь у меня на лицо другой офицеръ, равный ему по чину, я бы не назначилъ на это мѣсто Бартлота, страстно желавшаго идти въ первой колоннѣ. Тѣмъ не менѣе, когда я достаточно обдумалъ и взвѣсилъ способности и степень опытности остальныхъ его товарищей, юношеская отвага которыхъ была слишкомъ хорошо мнѣ извѣстна, я былъ вынужденъ предупредить Бартлота, что по совѣсти не могу поручить ни одному изъ нашихъ юнцовъ этого поста, принадлежавшаго ему по праву старшинства, личной репутаціи и опытности.

— Будь у насъ другое транспортное судно, такое какъ «Стэнли», вы непремѣнно пошли бы съ нами, маіоръ!—говорилъ я ему, стараясь какъ нибудь приободрить его, потому что молодой человѣкъ очень пріунылъ.—Я вамъ оставлю всего 125 человѣкъ и какъ можно меньше поклажи. Все остальное пойдетъ водой. Если вы знаете кого нибудь, кто бы лучше вашего годился на это дѣло, я бы съ удовольствіемъ назначилъ его. Я надѣюсь, что вы не слишкомъ будете принимать къ сердцу эту непріятность? Да и что-жь тутъ такого? Провести арріергардъ къ намѣченной цѣли точно такая же заслуга, какъ идти впереди всѣхъ. Если Типпу-Тибъ выполнитъ свои обязанности, вы можете выступить черезъ шесть недѣль и, конечно, догоните насъ; силою обстоятельствъ, мы будемъ подвигаться очень тихо: намъ предстоитъ идти на проломъ чрезъ столько препятствій! По дорогѣ, проторенной нами, вы легко можете идти вдвое скорѣе нашего. Если же Типпу-Тибъ обманетъ, вы тѣмъ свободнѣе можете распоряжаться своими движеніями. У васъ будетъ столько дѣла, что время пролетитъ незамѣтно. А въ утѣшеніе, помните, маіоръ! Впереди вамъ будетъ

еще довольно возни, могу васъ увѣрить: и для васъ я приберегу самое важное. Но поговоримъ о настоящемъ: кого вы желаете взять себѣ въ помощники?

— Кого вамъ угодно.

— Нѣтъ, сами выбирайте кого нибудь, съ кѣмъ вы могли бы обмѣниваться мыслями и надеждами. У всякаго свой вкусъ, знаете ли.

— Ну, такъ я выбираю мистера Джемсона.

— Джемсона,—отлично. Я вамъ дамъ еще г. Розъ-Трупа,—славный малый, насколько я понимаю,—а также Уарда и Бонни. Трупъ и Уардъ говорятъ по суахильски, они вамъ будутъ очень полезны.

И такъ, 15 мая мы покинули Болобо со всѣмъ нашимъ флотомъ, и съ нами 511 человѣкъ изъ состава экспедиціи, да Типпу-Тибъ и 90 душъ его родни и подчиненныхъ.

Недавняя починка «Мирнаго» замѣтно улучшила его ходъ и мы 19 мая прибыли въ миссію баптистовъ въ Люколеля. «Стэнли» пришелъ нѣсколькими часами позднѣе. Миссіонеры оказываютъ намъ благодушное гостепріимство, за которое мы имъ глубоко признательны. Мы провели здѣсь цѣлый день и занимались покупкой съѣстныхъ припасовъ.

24 мая.—Экваторвиль—станція, принадлежащая компаніи Сандфордъ, представитель которой г. Глэвъ, очень умный молодой англичанинъ, родомъ изъ графства Іоркъ. Тутъ же мы видѣли капитана фанъ Геля, только что воротившагося изъ неудачной экспедиціи: онъ съ пятью солдатами изъ племени Хусса, пытался пробраться вверхъ по теченію Мобанги дальше, чѣмъ это удалось сдѣлать миссіонеру Гренфелю, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

30 мая.—Достигаемъ цвѣтущаго поселенія Бангала, съ гарнизономъ изъ 60 солдатъ и двумя крупповскими пушками. Здѣсь устроенъ кирпичный заводъ, который до нашего проѣзда успѣлъ уже изготовить 40000 кирпичей превосходнаго качества. Эта станція дѣлаетъ величайшую честь центральной Африкѣ. Комендантъ, фанъ Керкховенъ былъ въ Лянга-Лянга. Недавно ему удалось избавить отъ неволи 29 солдатъ Хусса. Когда Динъ бѣжалъ со Стэнлеевыхъ пороговъ, эти солдаты бросились въ лодку, которая понесла ихъ по теченію до Упото, гдѣ туземцы захватили ихъ въ плѣнъ.

Въ Бангалѣ еще не было голодовки. Поселеніе владѣетъ 130 козами и двумя сотнями куръ; офицеры во всякое время достаютъ свѣжія яйца. Рисовыя поля зеленѣютъ на пространствѣ пяти гектаровъ *). Служащіе пьютъ пальмовое вино, настойку изъ банановъ и

*) Около 5 десятинъ.

пиво, приготовляемое изъ тростника и притомъ чрезвычайно крѣпкое, какъ я узналъ по собственному опыту.

Я приказалъ маіору отправиться съ Типпу-Тибомъ и его людьми прямо къ Стэнлеевымъ порогамъ, предварительно распорядившись высадкою съ судовъ тридцати пяти занзибарцевъ и замѣною ихъ суданцами, чтобы ни одинъ изъ носильщиковъ не узналъ, что водопады всего въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Ямбуйи.

Если не считать нѣкоторыхъ странностей въ поведеніи парохода «Стэнли», который отъ времени до времени таинственно исчезалъ въ извилинахъ протоковъ, подъ предлогомъ удобнѣйшей добычи топлива, мы безъ всякихъ задержекъ шли до впаденія Арухуими въ Конго и 12 іюня очутились на моей старой стоянкѣ, насупротивъ селенія бассоковъ.

Племя Бассоко то самое, къ которому принадлежалъ нашъ Баpути, по прозванію «Порохъ»; въ 1883 году Карема взялъ его въ плѣнъ еще ребенкомъ. Сэръ Френсисъ Уинтонъ привезъ его въ Англію, чтобы хорошенько привить ему цивилизованныя привычки. Изъ рукъ сэръ Френсиса, попавъ ко мнѣ, онъ очутился теперь, послѣ шестилѣтнихъ странствій, въ виду своей деревни и своихъ соплеменниковъ. Замѣтивъ какъ онъ пристально и внимательно засматривается на родныя мѣста, я уговаривалъ его подать голосъ бассокамъ и пригласить ихъ къ намъ. Въ прежнія времена я не мало старался расположить къ себѣ этихъ дѣтей лѣсовъ, но мнѣ это никогда не удавалось; хотя со временемъ, я считаю, это вполнѣ достижимо. Я долго раздумывалъ: почему лѣсные жители всегда бываютъ дичѣе, трусливѣе тѣхъ, что живутъ на открытыхъ мѣстахъ? Приступаешь къ нимъ одинаково; показываешь какія нибудь блестящія бездѣлушки самыхъ яркихъ цвѣтовъ, или бусы ослѣпительныхъ оттѣнковъ; по цѣлымъ часамъ расточаешь имъ любезности, улыбаешься имъ ласково, всячески ободряешь; и все понапрасну! Приходится укладывать все это добро въ тюки и убирать до болѣе благопріятнаго времени. Это отъ того, что лѣсъ—единственное прибѣжище своихъ сыновъ. Противъ подозрѣній, возбуждаемыхъ чужестранцемъ, противъ всѣхъ опасностей и золъ, имъ приносимыхъ, у туземца одна защита—лѣсъ, съ его неизвѣданными глубинами. Когда дикарь отваживается переступить за предѣлы лѣсовъ, одинъ видъ приближающагося «чужого» заставляетъ его пятиться до тѣхъ поръ, пока онъ не очутится подъ родимой тѣнью: тутъ онъ въ послѣдній разъ оглянется на непрошенаго гостя и пропадетъ въ чащѣ, какъ бы желая этимъ сказать: ну, теперь прощайте, я дома! На открытыхъ равнинахъ туземецъ всегда отыщетъ какой нибудь холмикъ, дерево, наконецъ курганъ термитовъ,

съ вершины которыхъ онъ можетъ высмотрѣть пришельца и составить себѣ понятіе о его свойствахъ. Въ лѣсу, напротивъ того, только и возможны случайныя встрѣчи: каждый встрѣчный незнакомецъ—вѣроятный врагъ, и цѣль его во всякомъ случаѣ остается тайной; на лицѣ одного изображается изумленіе; лицо другого искажается ужасомъ.

Барути долго звалъ своихъ земляковъ; ихъ челноки зашевелились и направились къ намъ съ несносной медлительностью; наконецъ они приблизились. Нашъ негритенокъ узналъ нѣкоторыхъ гребцовъ и закричалъ имъ, что бояться нечего. Онъ сталъ разспрашивать ихъ объ одномъ изъ сосѣдей, котораго назвалъ по имени. Дикари позвали этого человѣка, крича изо всѣхъ силъ своихъ здоровенныхъ легкихъ: тотъ отозвался съ другого берега и мы видѣли, какъ онъ сѣлъ въ челнокъ и поплылъ въ нашу сторону. То былъ старшій братъ Барути; послѣдній освѣдомился, какъ онъ поживалъ за эти годы, что они невидѣлись. Братъ таращилъ на него глаза и, не узнавая его, бормоталъ свои сомнѣнія.

Тогда Барути назвалъ ему имя ихъ отца, потомъ имя матери. Физіономія дикаря оживилась сильнѣйшимъ любопытствомъ и онъ очень ловко подвелъ свой челнокъ къ пароходу.

— Коли ты мнѣ братъ, скажи мнѣ что нибудь, чтобы я узналъ тебя!

— У тебя на правой рукѣ шрамъ. Помнишь крокодила?

Этого было довольно. Широкоплечій молодой дикарь испустилъ радостный крикъ и зычнымъ голосомъ оповѣстилъ свою находку всѣмъ соплеменникамъ на отдаленномъ берегу. Въ первый разъ мы увидѣли, какъ Барути заплакалъ. Его братъ, позабывъ свои страхи и опасенія, причалилъ къ кораблю и принялся сжимать негра въ своихъ могучихъ объятіяхъ. Видя такую радость и другіе челноки подплыли поближе.

Вечеромъ я предоставилъ Барути на выборъ, оставаться у своихъ или слѣдовать за нами; по моему мнѣнію, ему слѣдовало сопровождать насъ, такъ какъ его существованіе далеко не было безопасно въ такомъ близкомъ разстояніи отъ арабовъ, находившихся у Стэнлеевыхъ пороговъ.

Мальчикъ повидимому былъ того же мнѣнія: онъ отказался воротиться къ родителямъ и къ своему племени; и дня черезъ два по прибытіи нашемъ въ Ямбуйю, онъ забрался ночью въ мою палатку, стащилъ мое винчестерское ружье, пару револьверовъ Смита и Уэссона, изрядный запасъ патроновъ къ нимъ; кромѣ того, онъ захватилъ съ собою серебряные дорожные часы, педометръ, также сере-

бряный, небольшую сумму денегъ и превосходный кожанный поясъ со внутренними карманами; забравъ все это, онъ сползъ въ челнокъ и поплылъ внизъ по теченію, вѣроятно къ своимъ родственникамъ. Мы больше никогда его не видѣли и даже не слыхали о немъ. Миръ ему!

15 іюня.—Мы поровнялись съ Ямбуйей, деревушками, расположенными по лѣвому берегу Арухуими, на 145 километровъ выше сліянія этой рѣки съ Конго.

Глава VI.

ЯМБУЙЯ.

(Отъ 15 до 27 іюня 1887 г.).

Мы высаживаемся у поселеній Ямбуйи.— «Стэнли» возвращается къ станціи Экваторвиль.—Опасенія насчетъ маіора Бартлота и парохода «Генри-Ридъ».—Благополучное прибытіе.—Инструкціи маіору Бартлоту и г. Джемсону касательно арріергардной колонны. — Маіоръ Бартлотъ сомнѣвается въ честности Типпу-Тиба.—Долгая бесѣда съ маіоромъ Бартлотомъ.—Меморандумъ для офицеровъ первой колонны. — Болѣзнь лейтенанта Стэрса.— Послѣдняя ночь въ Ямбуйѣ.—Перечень нашихъ военныхъ силъ.

2100 километровъ отдѣляютъ насъ отъ моря. Мы имѣемъ прямо передъ собою тѣ селенія, въ которыхъ намѣреваемся размѣстить людей и поклажу, ожидаемыхъ изъ Болобо и Леопольдвиля: 125 человѣкъ и около 600 вьюковъ громоздкихъ вещей. Мы охотно и хорошо заплатимъ за позволеніе расположиться тутъ; но въ случаѣ нужды готовы водвориться и насильно, если не получимъ позволенія.

Въ 1883 году, посѣтивъ этотъ край для изслѣдованій, я понапрасну старался расположить къ себѣ туземцевъ. Нынѣ мы преслѣдуемъ цѣль въ высшей степени важную. Думая о будущемъ, мы обращаемъ мысленные взоры къ отдаленнымъ портамъ на Нилѣ и на Альбертъ-Ньянсѣ, гдѣ люди тревожно всматриваются во всѣ пункты горизонта, ожидая обѣщанной имъ помощи. Гонцы изъ Занзибара, конечно, оповѣстили уже ихъ о нашемъ прибытіи. Но между ими и нами простирается громадная страна, которую и наилучшія географическія карты обозначаютъ лишь пустымъ мѣстомъ. Глядя на эти темные лѣса (начиная отъ Болобо громадныя деревья тянутся непрерывной стѣной, за исключеніемъ только тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ могучую рѣку вливаются ея притоки), каждый изъ насъ думаетъ свои собственныя думы. Мнѣ все представляется мой „идеальный правитель“: онъ ободряетъ свой гарнизонъ, поощряетъ свое храброе воинство; его рука простерта въ ту сторону, откуда, съ Божіею помощью, придетъ подкрѣпленіе. Вдали

чудятся мнѣ также полчища Махди: они идутъ съ дикими воплями, съ восторженными криками—«Іалла! Іалла!» И батальоны воиновъ, пылкихъ и фанатическихъ повторяютъ этотъ крикъ другимъ воинамъ, а потомъ онъ передается несмѣтной толпѣ дикарей, жаждущихъ крови. А между ими и нами разстилается огромное неизвѣстное пространство, безъ дорогъ и безъ тропинокъ.

Капитаны каждаго боеваго отряда раздаютъ боевые снаряды и получаютъ приказъ развесть пары на своихъ судахъ, мы приступаемъ къ первому и важнѣйшему подготовленію нашего похода къ Альбертъ-Ньянсѣ.

15 іюня.—Въ 6 часовъ утра, «Мирный» безшумно снялся съ мѣста и сталъ рядомъ со «Стэнли»; когда онъ совсѣмъ приблизился, я попросилъ офицеровъ подождать моихъ сигналовъ, и медленно переплывъ рѣку поперекъ, попробовалъ успокоить туземцевъ и разсѣять ихъ опасенія, ставъ неподвижно у берега, между тѣмъ какъ толпа, собравшаяся въ кучу надъ высокимъ обрывомъ, метровъ на 15 выше насъ, глазѣла на насъ съ изумленіемъ и любопытствомъ. Нашъ переводчикъ объяснялся съ ними совершенно свободно, такъ какъ все населеніе нижняго Архуими говоритъ на одномъ языкѣ. Обмѣнявшись съ нами въ теченіи цѣлаго часа разными привѣтствіями и дружелюбными фразами, нѣсколько смѣльчаковъ согласились сбѣжать съ высокаго побережья къ самой водѣ. Едва замѣтный поворотъ руля толкнулъ нашъ пароходъ къ берегу и мы провели еще часъ въ уговорахъ и любезностяхъ съ одной стороны, и въ отказѣ и отговоркахъ съ другой. Наконецъ намъ удалось вымѣнять ножикъ на кучку стекляшекъ. Ободренный этимъ первымъ успѣхомъ, я попросилъ позволенія остановиться у нихъ въ деревнѣ на нѣсколько недѣль: мы предлагали вознаградить ихъ за такую уступку тканями, бисеромъ, желѣзомъ и проволокой; за этими переговорами они продержали насъ еще часъ.

Было 9 часовъ, горло у меня пересохло, солнце палило. Я далъ знакъ пароходу «Стэнли» подходить вмѣстѣ со мною. При второмъ сигналѣ, какъ между нами было условлено, пароходъ внезапно далъ сильнѣйшій свистокъ, который, между двойными стѣнами высокаго лѣса, произвелъ величайшій эффектъ. Оба корабля подошли къ пристани, занзибарцы и суданцы съ проворствомъ обезьянъ вскарабкались по крутому обрыву, но они не успѣли еще достигнуть его вершины, какъ всѣ обитатели деревни скрылись.

Ямбуйя есть ничто иное какъ нѣсколько деревушекъ, образовавшихъ цѣлую улицу коническихъ шалашей, построенныхъ надъ высокимъ обрывомъ, откуда открывается далекій видъ на рѣку Арухуими, какъ внизъ, такъ и вверхъ по теченію. Наши отряды разошлись по

назначеннымъ имъ квартирамъ и поставили часовыхъ у выхода каждой тропинки. Часть людей послана за матеріаломъ для деревяннаго частокола и за дровами для лагерныхъ костровъ; другіе отправлены осмотрѣть мѣстность и освидѣтельствовать, какъ велики обработанныя пространства.

Послѣ полудня двое дикарей изъ селенія ниже Ямбуйи явились къ намъ съ такимъ довѣріемъ, которое ясно говорило въ нашу пользу. То были Бабуру, къ которымъ относятся всѣ мелкія племена, расположенныя между низовьями Арухуими и порогами Стэнли. Они продали намъ банановъ, получили за нихъ хорошую цѣну и приглашеніе приходить опять и вполнѣ довѣрять намъ.

На другой день разослали людей въ поле накопать маніоку, другихъ нарядили ставить ограду; начертили линію рва, вырыли канаву для укрѣпленія кольевъ частокола; дровосѣковъ послали за горючимъ матеріаломъ для пароходовъ, съ тѣмъ, чтобы экипажъ, очень значительно сокращенный, былъ гарантированъ отъ непріятныхъ случайностей на обратномъ пути. Вездѣ кипѣла оживленная дѣятельность.

Въ лѣсахъ наши люди захватили нѣсколькихъ туземцевъ, и поводивъ ихъ нѣкоторое время по лагерю, отпустили во свояси, подаривъ имъ на прощанье по пригоршнѣ бусъ и постаравшись увѣрить въ нашемъ добромъ расположеніи.

19 іюня.—На «Стэнли» оказалось достаточно топлива на шесть дней обратнаго плаванія къ Экваторвилю. Я подписалъ чекъ въ 1250 франковъ на банкирскій домъ Рансома, Буври К°, на имя капитана и другой такой-же на имя машиниста, и въ ихъ присутствіи вручилъ ихъ мистеру Джемсону, съ приказаніемъ выдать имъ эти чеки по возвращеніи со Стэнли-Пуля, съ тѣмъ, однако же, чтобы въ половинѣ августа они побывали въ Ямбуйѣ, въ исправномъ видѣ. Я послалъ г. Либрехтсу цѣнный подарокъ, на память о моемъ глубокомъ къ нему уваженіи. На слѣдующіе утро «Стэнли» отплылъ, увозя мои письма къ комитету вспомоществованія.

Намъ остался еще «Мирный» и мы съ часу на часъ ожидали со Стэнлеевыхъ пороговъ «Генри-Рида», который долженъ былъ его конвоировать; по смыслу инструкцій, данныхъ маіору Бартлоту, ему слѣдовало придти 19-го числа.

Въ такой странѣ, въ лѣсахъ которой бродятъ людоѣды, а по близости водопадовъ Стэнли тысячами рыщутъ рабопромышленники, можно предполагать Богъ знаетъ какія несчастія въ тѣхъ случаяхъ, когда по долгу не получаешь извѣстій о событіяхъ, подлежащихъ скорому и точному исполненію. Маіоръ Бартлотъ прошелъ мѣсто впа-

денія Арухуими въ Конго 11-го числа; подъ его начальствомъ «Генри-Ридъ» повезъ Типпу-Тиба и его свиту въ такой пунктъ, изъ котораго горнизонъ, подъ командою англичанина, былъ недавно насильственно вытѣсненъ. Правда, что арабскій вождь велъ себя до сихъ поръ прилично и повидимому чистосердечно обѣщалъ, тотчасъ по пріѣздѣ къ Стэнлеевымъ порогамъ, доставить въ Ямбуйю 600 человѣкъ носильщиковъ; мнѣ не хотѣлось думать, чтобы онъ былъ причиною опозданія нашего товарища. Однако же маіоръ долженъ былъ придти къ порогамъ 13-го, а къ вечеру 14-го числа вступить въ воды Арухуими, чтобы 16-го прибыть къ намъ въ Ямбуйю,—предполагая, конечно, что онъ не позволилъ себѣ иначе распредѣлить свое время и вообще какъ либо поступить вопреки моимъ приказаніямъ. Между тѣмъ, настало уже 21-е число! Мои офицеры утѣшали себя мыслью, что случилась какая нибудь пустяшная задержка—въ африканскомъ быту ихъ такъ много!—но я то и дѣло выходилъ на крутой берегъ и съ зрительной трубою въ рукахъ вглядывался въ дальніе пункты низовья.

22 іюня.—Безпокойство мое на столько усилилось, что я отдалъ лейтенанту Стэрсу письменное приказаніе посадить на «Мирный» 50 человѣкъ его лучшихъ людей, взять съ собою митральезу Максима и съ утра 23-го числа отправиться на поиски за «Генри-Ридомъ», а въ случаѣ если не оправдаются различныя предположенія, тутъ же мною изложенныя, плыть дальше до самыхъ Стэнлеевыхъ пороговъ. По достиженіи этой станціи, если онъ увидитъ нашъ корабль у пристыни—опросить его сигналами; если же онъ на таковые не отвѣтитъ, попытаться овладѣть имъ, а если и это не удастся, поспѣшить возвращеніемъ ко мнѣ въ Ямбуйю.

Но въ 5 часовъ вечера занзибарцы подняли радостные крики «огэ! огэ!» Ничего дурнаго не случилось. Бартлотъ живъ и здоровъ, Типпу-Тибъ не овладѣвалъ пароходомъ, суданцы не бунтовали, туземцы не нападали на лагерь врасплохъ, «Генри-Ридъ»—за который мы были отвѣтственны передъ миссіей—не напоролся ни на какое подводное бревно, не затонулъ, и находится вообще въ такомъ же исправномъ состояніи какъ и въ моментъ отплытія съ озера Стэнли. Но нужно сознаться, что подобныя тревоги дѣйствуютъ на человѣка изнурительно, особенно въ Африкѣ.

Маіора задерживали самыя простыя случайности: несогласія съ туземцами, пререканія съ Типпу-Тибомъ и его людьми, и т. д. Черезъ два дня пароходы «Мирный» и «Генри-Ридъ» набрались топлива и отосланы обратно, и мы на долгіе мѣсяцы порвали послѣднее звено, соединявшее насъ съ цивилизованнымъ міромъ.

Въ тотъ же день я вручилъ маіору Бартлоту слѣдующее письмо, съ котораго мистеръ Джемсонъ, его помощникъ, снялъ копію.

«Маіору Бартлоту и пр. и пр.

24 іюня 1887 года.

Милостивый государь!

Такъ какъ вы старшій изъ офицеровъ нашей экспедиціи, то вамъ по праву принадлежитъ командованіе важнымъ постомъ въ Ямбуйѣ. Общая польза требуетъ, чтобы вы приняли на себя этотъ постъ, тѣмъ болѣе, что отрядъ вашъ состоитъ изъ суданскихъ солдатъ, болѣе пригодныхъ для гарнизонной службы, чѣмъ занзибарцы, которые въ пути могутъ быть полезнѣе.

Пароходъ «Стэнли» отплылъ изъ Ямбуйи 22 іюля, направляясь къ озеру Стэнли. Если ничего особеннаго не случится, онъ 2 іюля будетъ въ Леопольдвилѣ. Въ теченіи двухъ дней онъ успѣетъ принять грузъ пятисотъ тюковъ, оставленныхъ на попеченіе г. Д. Розъ-Трупа, который будетъ ихъ конвоировать. Полагаю, что 4-го «Стэнли» тронется въ путь вверхъ по теченію и прибудетъ въ Болобо 9-го числа. Такъ какъ топливо будетъ заготовлено заранѣе, тѣ 125 человѣкъ, что поручены гг. Уарду и Бонни, и находятся теперь въ Болобо, сядутъ на пароходъ и могутъ тотчасъ слѣдовать далѣе; 19-го пароходъ зайдетъ въ Бангалу, а 31-го прибудетъ сюда. За обмелѣніемъ рѣки онъ можетъ нѣсколько задержаться въ пути, но я питаю величайшее довѣріе къ искусству его капитана и потому полагаю, что вы навѣрное можете разсчитывать на его прибытіе раньше 10 августа *).

Неприбытіе людей и поклажи есть именно причина, заставляющая меня назначить васъ командиромъ поста. Но такъ какъ я вскорѣ ожидаю сильнаго подкрѣпленія **), несравненно болѣе многочисленнаго, чѣмъ та передовая колонна, которая во что бы то ни стало должна идти впередъ на помощь Эмину-пашѣ, я надѣюсь, что вы будете задержаны не болѣе нѣсколькихъ дней послѣ послѣдней отправки парохода «Стэнли» къ Стэнли-Пулю, въ августѣ.

До прибытія людей и поклажи вы посвятите свою дѣятельность, свою опытность на командованіе постомъ. Хотя мѣсто стоянки избрано удачно и лагерь защищенъ достаточно, но непріятелю смѣлому и отважному не будетъ очень трудно овладѣть имъ, если командующій отрядомъ допуститъ послабленіе дисциплины, или не выкажетъ должной бдительности и энергіи. По этому, ввѣряя вамъ охрану нашихъ интересовъ, я питаю убѣжденіе, что не ошибся въ своемъ выборѣ.

*) Онъ прибылъ только 14 августа; напоролся на подводный чурбанъ, оттого и запоздалъ.

**) 600 носильщиковъ отъ Туппу-Тиба.

Данное вамъ порученіе имѣетъ для нашей экспедиціи существенное значеніе. Люди, находящіеся подъ вашимъ начальствомъ, представляютъ болѣе третьей доли всего нашего воинства. Товары, которые вамъ привезутъ, послужатъ намъ для мѣновой торговли въ области между - озерной; не менѣе драгоцѣнны для насъ и боевые снаряды, и съѣстные припасы. Потеря этихъ людей и этого багажа была бы для насъ убійственна: лишая насъ средствъ подать помощь другимъ, она принудила бы насъ самихъ взывать о помощи; по этому, надѣюсь, вы не пожалѣете трудовъ на поддержаніе порядка и дисциплины, и на охрану вашихъ оборонительныхъ средствъ въ такомъ видѣ, чтобы непріятель не имѣлъ возможности прорваться, какъ бы онъ ни былъ отваженъ. Совѣтую вамъ окопаться рвомъ въ 180 сантиметровъ (2½ аршина) шириною и 90 сантиметровъ въ глубину, который, начинаясь у ложбины близь колодца, огибалъ бы весь частоколъ. Лагерь будетъ укрѣпленъ еще надежнѣе, если къ воротамъ съ востока и запада вы придѣлаете такія же платформы, какая уже есть у южныхъ воротъ. Не забывайте, что опасаться осады слѣдуетъ не только со стороны туземцевъ, но также и арабовъ, съ ихъ приверженцами, которые могутъ воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы затѣять ссору, а потомъ и подраться.

Отсюда мы выступимъ прямо на востокъ и по компасу будемъ по возможности направляться къ юго-востоку. Нѣтъ сомнѣнія, что на нѣкоторыхъ переходахъ мы будемъ вынуждены отклониться отъ прямаго пути. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ въ виду попасть въ Кавалли или его окрестности, къ юго-западному углу озера Альберта. Тотчасъ по прибытіи, мы устраиваемъ укрѣпленный лагерь и, спустивъ нашъ катеръ на воду, направимся къ Киберо, въ округѣ Уніоро дабы синьоръ Казати—если онъ еще тамъ—указалъ намъ, гдѣ Эминъ. Если паша живъ и не далеко отъ озера, мы завяжемъ сношенія съ нимъ; дальнѣйшія наши дѣйствія и движенія будутъ зависѣть уже отъ его намѣреній. По всей вѣроятности мы останемся при немъ недѣли двѣ и воротимся въ лагерь тѣмъ же путемъ.

Обдирая кору съ деревьевъ и обрѣзывая вѣтки, мы оставимъ по себѣ довольно слѣдовъ пройденнаго нами пути. При равенствѣ остальныхъ условій, мы пойдемъ тѣми дорогами, которыя направляются къ востоку. На перекресткахъ мы будемъ перерывать заступомъ ямы въ нѣсколько дюймовъ глубиной, поперекъ тѣхъ дорогъ, которыми *не* пойдемъ. На сколько окажется возможнымъ, я буду прибѣгать къ рытымъ значкамъ.

Если Типпу-Тибъ вышлетъ сполна всѣхъ людей, которыхъ онъ мнѣ обѣщалъ, т. е. 600 носильщиковъ, и если «Стэнли» благополучно

доставитъ тѣхъ 120 человѣкъ, что остались въ Болобо, полагаю, что вы сочтете себя въ силахъ вести колонну со всѣми пожитками, которые привезетъ «Стэнли», и съ тѣми, что я оставляю въ Ямбуйѣ. Весьма желательно, чтобы вы двигались неукоснительно по нашимъ слѣдамъ. Тогда вы навѣрное нагоните насъ. Не сомнѣваюсь, что вы будете находить наши «бомы» нетронутыми: постарайтесь такъ направлять вашу колонну, чтобы вамъ можно было воспользоваться ими по пути. Лучшихъ значковъ вамъ нечего желать; и если случится, что въ теченіи двухъ дней вы не встрѣтите ни одной, это будетъ означать, что вы сбились съ дороги.

Можетъ случиться и то, что Типпу-Тибъ пришлетъ людей не въ достаточномъ количествѣ для перенесенія всѣхъ имѣющихся тяжестей. Тогда придется вамъ рѣшать, которыми изъ вещей лучше пожертвовать. Если такъ, то изучите внимательно слѣдующее росписаніе:

1) прежде всего необходимо сохранить боевые снаряды, и въ особенности патроны;

2) во-вторыхъ—бусы, проволоку, звонкую монету, ткани;

3) личные пожитки;

4) порохъ и капсюли;

5) европейскіе консервы;

6) мѣдные прутья, употребляемые въ Конго;

7) сухую провизію: рисъ, бобы, горохъ, просо, сухари.

Сначала разрѣшивъ вопросъ на счетъ веревокъ, мѣшковъ, инструментовъ (напримѣръ, заступовъ и т. п.), безъ которыхъ нельзя обойтись,—между прочимъ, наблюдайте, чтобы у васъ никогда не было недостатка въ топорахъ и серпахъ,—разочтите, сколько люди въ состояніи захватить мѣшковъ съ провіантомъ. Быть можетъ довольно будетъ половиннаго количества мѣдныхъ прутьевъ? Впрочемъ, чтобы не лишать себя слишкомъ многихъ вещей, лучше совершать ежедневно половинные переходы и возвращаться каждый разъ за остальной поклажей.

Когда пароходъ «Стенли» окончательно будетъ уходить изъ Ямбуйи, незабудьте написать рапортъ обо всемъ, что произойдетъ въ лагерѣ въ мое отсутствіе и адресуйте его на имя мистера Уильяма Мэккиннона, черезъ фирму Грэй, Досъ и К°. 13, Остенъ-Фрайерсъ, Лондонъ. Вы упомянете, когда я выступилъ къ востоку, и къ этому прибавьте все, что вамъ случится услышать обо мнѣ, и ваши собственные предположенія на мой счетъ, и что вы сами намѣрены предпринять. Пошлите ему точную копію съ этого приказа, дабы комитетъ вспомоществованія могъ судить, на сколько ваши дѣйствія и проекты правильны и благоразумны.

Вашъ теперешній гарнизонъ состоитъ изъ 80 ружей и отъ 40 до 50 сверхштатныхъ носильщиковъ. Чрезъ нѣсколько недѣль «Стэнли» привезетъ вамъ еще 50 ружей и 75 носильщиковъ, подъ командой гг. Трупа, Уарда и Бонни.

Я даю вамъ въ помощники мистера Джемсона. Что касается господъ Трупа, Уарда и Бонни,—они вамъ подчиняются. Въ обыкновенныхъ вопросахъ защиты, управленія лагеремъ или передвиженіями,—вы единственный начальникъ. Но когда дѣло коснется разрѣшенія болѣе важныхъ и существенныхъ вопросовъ, прошу васъ совѣтоваться съ мистеромъ Джемсономъ. По прибытіи гг. Трупа и Уарда, благоволите и ихъ почтить вашимъ довѣріемъ и предоставьте имъ свободно выражать свои мнѣнія.

Полагаю, что ясно выразился на счетъ всего, что считаю полезнымъ. Съ туземцами поступайте сообразно тому, какъ они поведутъ себя относительно васъ. Пусть они спокойно возвратятся въ свои жилища. Если посредствомъ мягкаго обхожденія и любезности, съ помощью мелкихъ подарковъ мѣдью и проч., вамъ удастся войти съ ними въ дружескія сношенія, тѣмъ лучше. Не упускайте случаевъ пріобрѣтать свѣдѣнія касательно мѣстнаго населенія, топографіи окрестностей и т. д., и т. д.

Честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою

Генри М. Стэнли,

Начальникъ экспедиціи».

Маіоръ удалился, чтобы прочесть эту инструкцію, потомъ попросилъ мистера Джемсона снять съ нея нѣсколько копій.

Въ 2 часа г. Бартлотъ попросилъ у меня свиданія: ему хотѣлось со мной переговорить касательно Типпу-Тиба.

— Я желалъ бы, сэръ, узнать побольше объ этомъ арабѣ. На дняхъ, пока я былъ у пороговъ, вы отдали лейтенанту Стэрсу довольно рѣшительныя приказанія. По всему видно, что вы питаете серьезныя подозрѣнія по отношенію къ Типпу, а если такъ, то я не понимаю, зачѣмъ вы съ нимъ дружите?

— Хорошо, сэръ, съ удовольствіемъ объясню вамъ это дѣло, какъ и всякое другое, если пожелаете. Слушайте же. За три дня до того, какъ мы завидѣли ваше приближеніе вверхъ по рѣкѣ, признаюсь, я сильно о васъ тревожился. Вы командовали кораблемъ, который мы обязаны были возвратить по принадлежности по истеченіи извѣстнаго срока. Васъ сопровождалъ отрядъ изъ сорока солдатъ-суданцевъ. Пароходъ вашъ былъ въ хорошемъ состояніи и въ отличномъ порядкѣ. Мы довольно точно знали, сколько вамъ потребуется времени, лишь бы не случилось съ вами ничего особеннаго. Вы

получили опредѣленныя инструкціи касательно отплытія съ пороговъ: вамъ слѣдовало тронуться въ путь, какъ только нашъ пріятель Нгаліэма доставитъ на пароходъ обѣщанную корову, а если къ назначенному часу онъ не доставитъ ее, вы должны были все-таки отплыть внизъ по рѣкѣ. Вамъ надлежало явиться сюда 16-го вечеромъ, много что 17-го. А вы прибыли 22-го, въ 5 часовъ вечера.

У насъ здѣсь нѣтъ ни почтъ, ни телеграфовъ. Извѣстій объ васъ не было; неизвѣстность пробудила опасенія, которыя, съ каждымъ днемъ усиливаясь, обратились въ тревогу: съ вами должно было случиться нѣчто непредвидѣнное. Наткнулся ли вашъ корабль на корягу? Не образовалась ли течь, какъ случилось съ «Ройялемъ», со «Стэнли» и почти со всѣми остальными пароходами? Не напали ли на васъ ночью дикари, какъ было въ Бунгѣ съ Диномъ на кораблѣ «A. J. A.»? Не взбунтовались ли ваши суданцы, какъ то едва не приключилось въ Люкунгу? Не попала ли въ васъ шальная пуля, какъ было съ тѣми европейскими офицерами, отъ которыхъ нѣкій полкъ суданцевъ такимъ способомъ разомъ избавился? Не задерживаютъ ли васъ у пороговъ насильно? Не дѣлаетъ ли этого Типпу-Тибъ въ угоду своимъ разбойникамъ-арабамъ? Не поссорились ли вы съ тѣми двумя молодыми людьми, Селимами, съ которыми Стэрсъ и Джефсонъ повздорили за Стэнли-Пулемъ? А если нѣтъ, то что же наконецъ случилось? И что̀ я могъ, что̀ было возможно придумать?

— Но я былъ вынужденъ...

— Довольно, мой милый маіоръ, ни слова больше объ этомъ. Не нужно никакихъ оправданій. Я упомянулъ обо всемъ этомъ вовсе не съ цѣлью попрекнуть васъ, а просто въ отвѣтъ на вашъ вопросъ. Все хорошо, что хорошо кончилось.

Теперь поговоримъ о Типпу-Тибѣ. Я бы вовсе не связывался съ нимъ, если бы это не было необходимо какъ для васъ, такъ и для меня. Типпу-Тибъ утверждаетъ, что весь здѣшній край ему принадлежитъ. Мы же тутъ въ качествѣ его друзей. Предположите, что мы съ нимъ не поладили; какъ вы думаете, сколько времени потребовалось бы намъ для подготовленія къ походу на Альбертово озеро? И долго ли пришлось бы вамъ пожить въ этихъ мѣстахъ, пока васъ спросятъ: по какому праву вы попираете чужія земли?—А я, зная на что способны эти народы, развѣ оставилъ бы васъ тутъ одного? Одного, съ восьмидесятью ружьями противъ трехъ, а можетъ быть и четырехъ тысячъ? Удивляюсь, маіоръ, какъ вы можете задавать мнѣ такой вопросъ, послѣ того какъ вы сами побывали у Стэнлеевыхъ пороговъ и видѣли тамъ множество арабовъ!

Съ самого Занзибара мы пребывали въ обществѣ Типпу-Тиба и

сотни его прислужниковъ. Видали вы, съ какимъ восторгомъ эти рослые молодцы относятся къ своимъ ружьямъ, къ двуствольнымъ карабинамъ и вообще къ своему отличному оружію. Вамъ извѣстно, что Типпу мстителенъ, а его головорѣзы-племянники всегда предпочтутъ миру войну. Вы знаете, что онъ замышлялъ напасть на область Конго, а мнѣ приходится вести экспедицію вспомоществованія частью по его землямъ. Какъ же вы; дослужившись до маіорскаго чина, можете задавать такіе вопросы? Чего тутъ объяснять, когда и безъ того дѣло ясно, какъ день!.

Наше транспортное судно «Мадура» стояло въ Занзибарской гавани. Владѣтель здѣшняго округа, какъ онъ любитъ себя величать, оказался тамъ же: онъ пріѣхалъ запастись боевыми снарядами противъ бѣлыхъ, живущихъ въ Конго; онъ былъ въ ту пору очень сердитъ и раздосадованъ. Былъ ли какой смыслъ оставлять его въ подобномъ настроеніи духа? Мнѣ, пожалуй, не было дѣла до того, что онъ готовился къ войнѣ съ областнымъ управленіемъ; но для меня было въ высшей степени важно, чтобы онъ не воевалъ именно въ то время, когда я пойду съ своей миссіей по его землямъ и по сосѣдству съ ними. По этому мнѣ было особенно выгодно заключить миръ между Типпу-Тибомъ и королемъ Леопольдомъ, выгоднѣе даже чѣмъ самому королю.

Вы можетъ быть спросите, чѣмъ же все это касается лично васъ? Не вы ли мнѣ сказали, и повторили, что пламенно желаете идти съ нами и что вамъ гораздо пріятнѣе сопровождать насъ, нежели оставаться и ждать? И не условились-ли мы съ вами (припомните письменную инструкцію), что если Типпу-Тибъ не явится съ шестью сотнями носильщиковъ, то вы по два и по три раза будете совершать одинъ и тотъ же переходъ, лишь бы не киснуть въ Ямбуйѣ?

Взгляните на эти цифры, набросанныя карандашемъ: возьмите эту записку и сохраните ее, пожалуста. На ней вычислено, что вы можете сдѣлать съ помощью только своихъ людей, или же съ помощью носильщиковъ отъ Типпу, на случай что онъ окажется вѣренъ своимъ обязательствамъ.

Признаюсь, я составилъ эту инструкцію на основаніи пылкаго отвѣта, даннаго мнѣ вами въ Болобо: «Увѣряю васъ, что какъ только моя колонна соберется, я ни одного лишняго дня не пробуду въ Ямбуйѣ!»

Вы посмотрите; въ инструкціи сказано: „Можетъ случиться, что Типпу-Тибъ пришлетъ людей не въ достаточномъ количествѣ для перенесенія всѣхъ имѣющихся тяжестей и тогда придется рѣшать,

которыми изъ вещей лучше пожертвовать.... тогда обойдетесь безъ № 7, безъ провизіи, т. е. безъ риса, бобовъ, гороха, проса и сухарей". Сообразите, сколько мѣшковъ съ припасами вы можете перетащить своими людьми; а припасы истощатся довольно быстро, въ этомъ могу васъ увѣрить.

Далѣе въ инструкціи говорится, что если нельзя сразу всего унести, то лучше сокращать переходы на половину и возвращаться за вторичной ношей; этапъ въ десять километровъ раздѣлить на два прогона, иначе говоря,—подвигаться только на 5 километровъ въ день, съ однимъ грузомъ, и каждый разъ возвращаться за другимъ. Такъ именно я сдѣлалъ на Конго, когда съ 68 человѣками мы 33 раза прошли пространство въ 96 километровъ длины, и перетащили на себѣ 2000 вьюковъ, 5 громадныхъ вагоновъ, да еще сами проложили порядочную колесную дорогу, построили мосты и проч. Набросанный планъ, которой вы теперь держите въ рукѣ, покажетъ вамъ, на сколько километровъ вы можете уйти такимъ способомъ, въ теченіи шести мѣсяцевъ.

А вотъ чѣмъ мой договоръ съ Типпу-Тибомъ касается васъ лично. Если Типпу честно исполнитъ свои обѣщанія, то какъ только пароходъ «Стэнли» привезетъ сюда гг. Уарда, Трупа и Бонни съ ихъ командой, то вы можете выступить изъ Ямбуйи дня черезъ два, и нагоните насъ. Въ противномъ случаѣ, возвращаясь съ Альбертова озера, мы съ вами неминуемо встрѣтимся.

Что же вы предпочитаете? Выступить тотчасъ и отъ одной стоянки до другой возвращаться по два и по три раза за кладью? Или дождетесь Типпу-Тиба съ шестью сотнями носильщиковъ, которые должны облегчить труды вашихъ двухъ сотенъ, и съ ними скорымъ шагомъ пойдете по нашимъ слѣдамъ черезъ лѣса, прямо къ озеру Альбертъ-Ньянса?

— О, я-то знаю, что для меня лучше... Выступить поскорѣе и до тѣхъ поръ идти впередъ, покуда нагоню васъ. Это само собою разумѣется.

— Ну, такъ теперь вы, надѣюсь, понимаете, зачѣмъ я старался быть такъ обходителенъ, вѣжливъ и гостепріименъ относительно Типпу-Тиба? Зачѣмъ я на свой счетъ провезъ его со всей свитой отъ Занзибара до Стэнлеевыхъ пороговъ, и даромъ угощалъ ихъ бараниной и козлятами?

— Понимаю.

— Можетъ быть еще не совсѣмъ, маіоръ. Но есть еще одна причина, и притомъ очень серьезная. Предположимъ, что я не привозилъ сюда Типпу-Тиба; что арабы у Стэнлеевыхъ пороговъ

не обозлились на бѣлыхъ за продѣлку Дина; положимъ даже, что они побоятся напасть на васъ. Но стоитъ имъ притвориться въ дружелюбномъ къ вамъ расположеніи, придти продать вамъ козлятъ и другіе припасы, а при этомъ случаѣ сообщить вашимъ занзибарцамъ, что ихъ поселенія отсюда всего за шесть или семь дней ходьбы, что у нихъ тамъ вдоволь рису, масла, рыбы,—и этого будетъ совершенно достаточно, чтобы три четверти вашихъ людей успѣла сбѣжать, покуда вы станете безмятежно дожидаться подкрѣпленія изъ Болобо. А по прибытіи этого подкрѣпленія, какъ только новоприбывшіе узнаютъ, что ихъ товарищи убѣжали къ Порогамъ, начнутъ дезертировать и они, поодиночкѣ, по два, по три, по шести, и по десяти заразъ. Тогда ваша погибель неизбѣжна. Этого-то я и опасался пуще всего, и главное изъ-за того выбралъ путь на Конго. Заручившись дружбою и признательностью Типпу-Тиба, я застраховалъ экспедицію отъ повальнаго дезертирства.

Продумайте хорошенько мои доводы, маіоръ, дорогой мой товарищъ! Смотрите въ оба, какъ бы вашу колонну не истребили, и потому будьте чрезвычайно осторожны. Запаситесь терпѣніемъ, и снисходительностью, потому что это все народъ пугливый и недовѣрчивый, какъ молодые жеребята. А между тѣмъ съ этими самыми людьми, или имъ подобными, я прошелъ всю Африку, прослѣдилъ все теченіе Конго, наконецъ, основалъ государство Конго.

— Хорошо. Какъ же вы думаете, Типпу-Тибъ выполнитъ свои обязательства и приведетъ шестьсотъ носильщиковъ? — спросилъ маіоръ.

— Вамъ это должно быть извѣстно не хуже моего. Что онъ вамъ говорилъ, когда вы уѣзжали?

— Онъ сказалъ, что будетъ здѣсь черезъ девять дней, какъ обѣщалъ вамъ въ Бангалѣ: «Иншаллахъ!»—прибавилъ маіоръ, подражая жесту араба.

— Ну, если Типпу-Тибъ точно будетъ здѣсь черезъ девять дней, это будетъ поистинѣ величайшее чудо!

— Почему же?—спросилъ маіоръ, глядя на меня съ изумленіемъ.

— Потому что набрать шестьсотъ носильщиковъ дѣло не шуточное. Типпу явится не прежде, какъ черезъ пятнадцать и даже черезъ двадцать дней. Съ этимъ человѣкомъ надо быть благоразумнымъ: вѣдь онъ не европеецъ, его не учили въ точности сдерживать свои обѣщанія. «Иншаллахъ», сказалъ онъ? Это значитъ, завтра или послѣ завтра, или черезъ пять дней, а то и черезъ десять. Но что за дѣло хотя бы и черезъ двадцать? «Стэнли» не придетъ сюда раньше 10-го, а вѣрнѣе что послѣ 15 августа; онъ придетъ недѣль черезъ шесть

или семь. Къ чему вамъ такъ долго держать въ лагерѣ шестьсотъ тунеядцевъ? Праздность мать всѣхъ пороковъ. Нѣтъ, дождитесь терпѣливо покуда придетъ «Стэнли;» а если и тогда Типпу не придетъ, это будетъ значить, что онъ совсѣмъ не явится.

— Но какъ трудно намъ будетъ справляться, если онъ не явится. Всего двѣсти «пагази» на пять или шестьсотъ вьюковъ, взадъ и впередъ изо дня въ день!

— Безъ сомнѣнія, дорогой маіоръ, задача будетъ не легкая. Но что же для васъ лучше: оставаться здѣсь до нашего возвращенія съ Альберта, или понемногу двигаться впередъ и проводя день въ трудахъ, съ каждымъ днемъ приближаться къ цѣли?

— О, Боже мой! По моему, застрянуть здѣсь на цѣлые мѣсяцы во всякомъ случаѣ хуже всего.

— Тоже и я думаю. И потому-то я для васъ набросалъ вотъ эти вычисленія. Повѣрьте, маіоръ, что если бы я былъ увѣренъ, что вы найдете дорогу къ Альберту, я непрочь бы самъ взяться за то дѣло, которое вамъ поручаю. Я охотнѣе передалъ бы вамъ командованіе походною колонной, чѣмъ оставлять васъ тутъ и все время о васъ тревожиться.

— Но скажите, мистеръ Стэнли, когда же мы, по вашему мнѣнію, можемъ соединиться?

— Это Богъ вѣдаетъ. Никому неизвѣстно, что насъ ждетъ впереди, мы не знаемъ даже, какъ далеко простираются эти лѣса внутрь страны. И есть ли тамъ какая нибудь дорога? И кѣмъ эти мѣста заселены? Людоѣдами, неисправимыми дикарями, карликами, гориллами? я почему знаю! Хотѣлось бы мнѣ это знать и я бы дорого далъ за такія свѣдѣнія. Но разсчетъ, который я сейчасъ отдалъ вамъ, и по которому вычислилъ, во сколько времени можно добраться до Альбертъ-Ньянса, составленъ не на вѣтеръ. Въ 1874 и 1875 годахъ я прошелъ 1325 километровъ въ 103 дня. Отсюда до озера Альбертъ-Ньянса по прямой линіи будетъ около 855 километровъ. Въ тѣже 1874—1875 годы я прошелъ такое же разстояніе, именно отъ Багамойо до Виніаты, въ провинціи Итуру, въ 64 дня, а отъ озера Уимба до Уджиджи—опять такое же разстояніе—въ 54 дня. Впрочемъ, нужно прибавить, что тамъ я шелъ открытыми мѣстами, по изряднымъ дорогамъ; здѣсь же мы въ неизвѣстномъ краю. Если все придется идти лѣсомъ, это будетъ ужасающая работа. На сколько этотъ лѣсъ тянется внутрь материка? На 200, 400, 600 километровъ? Мы не знаемъ. Положимъ, что мы употребимъ три мѣсяца на дорогу до Альберта, что тамъ я пробуду недѣли двѣ, да обратный путь возьметъ еще три мѣсяца. Значитъ, если вы пойдете намъ на встрѣчу,

мы сойдемся съ вами въ концѣ октября, въ томъ случаѣ, если Типпу обманетъ наши ожиданія. Все это предвидѣно и вычислено тутъ на бумагѣ.

Но вопросъ не въ томъ. Нужно идти во всѣхъ случаяхъ. Мы пойдемъ впередъ и, дѣлая зарубки на деревьяхъ, проложимъ свой слѣдъ по лѣсу. Постараемся воспользоваться чѣмъ можно, пойдемъ по всякой дорогѣ, направляющейся на востокъ, покуда увидимъ конецъ ея и дойдемъ до полей и луговъ. А гдѣ мы пройдемъ, тамъ и вы пройдете. Если же представится невозможность почему либо пройти, я вамъ подамъ вѣсть. Довольно вамъ этого?

— Совершенно! Все это записано тутъ,—сказалъ маіоръ, постукивая себѣ по лбу.—А ваша инструкція и цифровыя замѣтки помогутъ мнѣ освѣжать свою память. Но я желалъ бы задать вамъ вопросъ относительно одной фразы, сказанной мнѣ вами въ Лондонѣ.

— Вотъ удивительно! Развѣ я говорилъ что нибудь особенное?—спросилъ я.

— Видите ли...—онъ немного замялся, — помните какъ М., въ департаментѣ по индійскимъ дѣламъ, представилъ меня вамъ? Вы тогда сказали словечко, которое меня удивило и я подумалъ, что навѣрное кто нибудь возстановилъ васъ противъ меня.

— Любезный другъ, могу васъ увѣрить, что до этого представленія я не помню, чтобы слыхивалъ имя Бартлота. Но что же могъ я сказать такого интереснаго, что вы сохранили объ этомъ столь долгое воспоминаніе? Обстоятельства этого свиданія я и самъ хорошо помню.

— Вы говорили нѣчто по поводу «выдержки», а я вспомнилъ тогда, что генералъ X. употребилъ то же выраженіе, когда дѣлалъ мнѣ выговоръ за то, что я наказалъ бунтовщика, во время суданской кампаніи, въ пустынѣ. Я былъ совершенно одинъ въ толпѣ сомали, когда они возмутились противъ меня: я бросился на зачинщика—что же мнѣ было больше дѣлать?—и выстрѣломъ изъ пистолета убилъ его наповалъ; остальные въ туже минуту усмирились и стали кротки, какъ овечки. Мнѣ пришло въ голову, что генералъ X., который меня крѣпко недолюбливаетъ, воспользовался случаемъ разсказать вамъ эту исторію.

— Увѣряю васъ, что я о ней ничего не слыхалъ; и генералу X. не съ чего было разсказывать, потому что ему не было извѣстно, что вы намѣрены проситься ко мнѣ. Памятное вамъ слово вызвано было вашею собственной физіономіей. Вашъ пріятель рекомендовалъ васъ, какъ отличнаго офицера, отважнаго и храбраго. А я на это сказалъ, что въ средѣ англійскихъ офицеровъ такія качества не рѣдки, и я былъ бы болѣе доволенъ, если бы вамъ приписывались другія, го-

раздо болѣе нужныя на службѣ въ Африкѣ, а именно терпѣніе и выдержка. Вы извините меня, если я скажу, что прочелъ на вашемъ лицѣ выраженіе необычной рѣшительности; вы слишкомъ легко приходите въ возбужденное состояніе. Въ иныхъ случаяхъ рубака бываетъ очень полезенъ; но въ такой экспедиціи какъ наша, и въ этой атмосферѣ постоянныхъ раздраженій, полезнѣе будетъ тотъ, кто, умѣя драться какъ слѣдуетъ, умѣетъ и воздерживаться отъ этого въ случаѣ нужды. Какъ быть, когда здѣсь тысячи причинъ раздергиваютъ наши нервы! Мало ли всевозможныхъ столкновеній между офицерами, солдатами, туземцами, и даже на самого себя нерѣдко досадуешь. И притомъ, то плохая пища, то совсѣмъ ѣсть нечего, силъ подкрѣпить нечѣмъ; утомленіе непрерывное, то и дѣло надоѣдаютъ, постоянныя лишенія, мускулы разслаблены, трудъ безъ конца, скука безъ перемежки; изнуреніе, граничащее съ уничтоженіемъ, и въ довершеніе всего—страшныя лихорадки, настолько мучительныя, что заставляютъ проклинать тотъ день, когда задумалъ отправляться въ Африку. У драчуна обыкновенно характеръ бываетъ неудобный: если онъ не сдерживается и не умѣетъ забирать себя въ руки, онъ то и дѣло горячится и натыкается на непріятности. Умѣя перенести непріятность, имѣя извѣстную выдержку, привычку прислушиваться къ голосу разсудка и долга, человѣкъ съумѣетъ подавить въ себѣ и горькое чувство, и эта драгоцѣнная способность не мѣшаетъ быть очень храбрымъ; но она предупреждаетъ напрасную растрату силъ. Однако мнѣ вовсе не хочется ирослыть проповѣдникомъ, а мысль мою вы конечно вполнѣ поняли.

Еще нѣсколько словъ о Типпу-Тибѣ. Видите, вонъ тамъ, нашу митральезу, съ громадной пастью? Я уподобляю ее Типпу: это мощное орудіе обороны; можно заставить его изрыгать потоки картечи. Но механизмъ его можетъ испортиться,—заржавѣть или сломаться, если во время не смажутъ масломъ. Тогда придется удовольствоваться нашими ремингтонами, револьверами и двуствольными карабинами. Такъ, если Типпу-Тибъ поможетъ, онъ намъ будетъ драгоцѣннымъ союзникомъ, мы навѣрное добьемся всего, чего хотимъ, и дѣло будетъ отлично сдѣлано. Но если онъ раздумаетъ,—чтожь, справимся своими средствами; и пусть наше усердіе прикрываетъ множество нашихъ грѣховъ.

Вспомните, что въ 1876 году Типпу-Тибъ нарушилъ свой договоръ со мною и воротился въ Ніангуэ, покинувъ меня середи дороги. Это однако же не помѣшало тому, что я, со своими 130 людьми и невзирая на его насмѣшки, прошелъ изъ конца въ конецъ по всему Конго. Вы встрѣтили въ Ляму австрійскаго путешественника, доктора Ленца, который возвращался не дойдя до Эмина-паши. А почему

не дошелъ? Потому что полагался единственно на Типпу-Тиба, а другихъ средствъ у него не было. Вы же располагаете 50 солдатами и двумя. стами носильщиковъ, кромѣ слугъ и другихъ помощниковъ. Для моей экспедиціи въ Конго мнѣ обѣщали дать конвой изъ туземцевъ. Вмѣсто того едва набрали нѣсколькихъ человѣкъ, да и тѣ вскорѣ разбѣжались. Но при мнѣ было 68 человѣкъ своихъ, вѣрныхъ; и это полчище помогло мнѣ основать государство Конго.

Вы помните мое письмо въ «Times», въ которомъ я говорилъ: «Намъ нѣтъ надобности въ Типпу-Тибѣ, чтобы отыскать Эмина-пашу, онъ нуженъ намъ только для переноски багажа туда и назадъ и слоновой кости, которая окупитъ наши издержки. И, какъ послѣднее доказательство моего довѣрія къ Типпу-Тибу, припомните приказъ, данный мною на дняхъ лейтенанту Стэрсу. При малѣйшемъ признакѣ измѣны, пускайте въ ходъ митральезу и сотрите съ лица земли всѣ его заведенія!—Вы читали депешу? Надо же понять, что испытанному другу такъ не бросаютъ перчатки.

И такъ маіоръ, дорогой другъ мой, не дѣлайте глупостей! Я знаю, что вамъ до смерти хочется въ авангардъ и вы боитесь пропустить какую нибудь военную суматоху. Не бойтесь, ничего не потеряете. Со временъ царя Давида *) тѣ, что остаются въ обозѣ, и тѣ, что участвуютъ въ бою, пользуются одинаковымъ почетомъ. И мнѣ, признаюсь, ненравится такая погоня за знаками отличія: она дѣйствуетъ на подобіе шампанскаго; очень хорошо получить крестикъ Викторіи или медаль Альберта; но стоитъ хоть мѣсяцъ повоевать въ Африкѣ, и это шампанское больше не пѣнится, не поджигаетъ васъ, какъ подмоченная ракета. Маіоръ, припомните-ка лучше строки вашего Теннисона:

«Въ исторіи нашего прекраснаго острова не было двухъ примѣровъ и даже не было ни одного,—чтобы стезя долга была путемъ къ славѣ».

Ну, вашу руку, дорогой маіоръ! И пусть нашимъ девизомъ будетъ: прямо впередъ! а вашимъ—терпѣніе и выдержка! Но мнѣ пора, напиться чаю: горло у меня пересохло отъ такихъ длинныхъ рѣчей.

25 іюня.—Весь лагерь обнесенъ частоколомъ и почти весь ровъ уже вырытъ. На одномъ концѣ надзиралъ за рабочими Бартлотъ, на другомъ Джефсонъ, безъ сюртука. Нельсонъ раздавалъ европейскіе припасы съ рѣдкимъ безпристрастіемъ. Пэркъ, нашъ веселый докторъ, съ улыбкой и съ такимъ-же тщаніемъ, какъ бы дѣло шло о хирургической операціи, мастерилъ дверь; вечеромъ, я занесъ въ свой дневникъ: «вотъ навѣрное самый лучшій товарищъ». — Джемсонъ

*) Самуила XXX. 24, 25.

прилежно снималъ копіи съ депешъ, а Стэрсъ лежалъ въ постели, больной желчною лихорадкой.

Одинъ изъ суданскихъ солдатъ—невинный какъ баранъ, щиплющій травку передъ норой лисицы,—переступилъ за предѣлы нашихъ укрѣпленій, съ намѣреніемъ пошарить по окрестностямъ, и ему распороли животъ копьемъ. Вотъ уже второй смертный случай изъ-за мародерства, и конечно этотъ случай не послѣдній. Поставишь суданца на часы, а къ нему подойдетъ товарищъ, попроситъ хорошенько, онъ и пропуститъ его куда угодно; а тотъ, съ своей стороны, отправляется на всѣ четыре стороны, не подозрѣвая ни малѣйшей опасности; и если его не положатъ на мѣстѣ, онъ возвращается съ распоротымъ животомъ и съ печатью блѣдной смерти на лицѣ. Или занзибарца пошлютъ рубить деревья, либо копать маніокъ: поработавъ сколько нибудь, онъ бросаетъ инструментъ, проситъ позволенія на минуту отлучиться,—въ эту минуту въ его пустой головѣ мелькнетъ какая нибудь фантазія, онъ отлучается не на шутку; а по списку придется его вычеркнуть, какъ убылого.

26 іюня.—Я составилъ для офицеровъ авангарда слѣдующую памятную записку.

«Послѣ завтра, 28 іюня 1887 года, мы намѣреваемся выступить въ походъ. Отсюда до цѣли нашего странствія насчитывается 885 километровъ, по птичьему полету. Проходя ежедневно по 15 километровъ, мы черезъ два мѣсяца достигнемъ озера Альберта.

Въ 1871 году, во время поисковъ за Ливингстономъ, экспедиція моя въ 54 дня прошла пространство въ 579 километровъ, слѣдовательно она шла по десяти съ половиною километровъ въ день.

Въ 1874 году моя экспедиція поперекъ Африки прошла такое же разстояніе—579 километровъ—отъ Багамойо до Виніаты въ 64 дня, дѣлая въ день по 9 километровъ.

Въ 1874—1875 гг. таже экспедиція прошла отъ Багамойо до озера Викторіи 1158 километровъ въ 103 дня; по 11 километровъ на каждый этапъ.

Въ 1876 году таже экспедиція, отъ озера Уимба до Уджиджи, 579 километровъ прошла въ 59 дней, то есть по 9,8 километровъ въ день.

Слѣдовательно, если отсюда до Кавалли, на протяженіи 885 километровъ, идти по 9,6 килом. въ день, мы придемъ на мѣсто 30 сентября.

По всей вѣроятности на предстоящемъ намъ пути, страна на половину,—или болѣе того,—представляется такою же, какъ и здѣшняя мѣстность: валежникъ, лѣса, изборожденные извилистыми тропинками, посредствомъ которыхъ сообщаются между собою разбросанныя колѣна

туземныхъ племенъ; а между ними проходятъ другія, соединительныя тропы, сообщающія сѣверные отдѣлы съ южными.

Туземцы будутъ вооружены копьями, ножами, луками, стрѣлами и щитами.

Такъ какъ намъ придется проходить быстро, большую часть дикарей мы будемъ заставать врасплохъ. Они не будутъ имѣть возможности сплотиться и выставлять противъ насъ значительныя силы, не имѣя на то времени. Мы будемъ имѣть дѣло съ такими противниками, которые будутъ дѣйствовать лишь подъ вліяніемъ непосредственнаго гнѣва. На такія нападенія офицеры могутъ живо давать отпоръ, наблюдая, чтобы ружья всегда были заряжены, а носильщики чтобы не отходили въ стороны. Ни подъ какимъ предлогомъ не допускать снимать оружія, носимое на боку.

Порядокъ выступленія назначается слѣдующій:

На разсвѣтѣ бьютъ „зорю".

Первымъ подаетъ сигналъ трубачъ суданскаго отряда № 1.

Вторымъ подаетъ сигналъ на рожкѣ горнистъ № 2-го, подъ командой капитана Стэрса.

Третьимъ трубитъ трубачъ отряда № 3, капитана Нельсона.

Четвертымъ, барабанщикъ отряда № 4, капитана Джефсона.

Офицеры позавтракаютъ кофеемъ съ сухарями пораньше, и присмотрятъ за тѣмъ, чтобы люди хорошенько поѣли передъ походомъ.

Въ 6 часовъ утра выступаютъ впередъ 50 піонеровъ, вооруженныхъ карабинами, топорами и сѣчками, подъ моимъ личнымъ предводительствомъ.

За нами слѣдуетъ, въ 15-ти минутахъ разстоянія, главный корпусъ, подъ начальствомъ дежурнаго офицера; онъ будетъ строго придерживаться тропы, проложенной нами и отмѣченной значками на деревьяхъ, зеркалами, царапинами и иными примѣтами.

Колонна составится изъ пагази и всѣхъ вообще людей, какъ больныхъ, такъ и здоровыхъ, не назначенныхъ въ составъ арріергарда. Шествіе замыкаетъ очередной офицеръ, наблюдавшій за неуклонною правильностью колонны.

Арріергардъ составится изъ 30 человѣкъ подъ начальствомъ офицера, особо назначаемаго на каждый день. Онъ защищаетъ колонну отъ нападеній съ тыла. Люди арріергарда несутъ только свои личные пожитки. Они наблюдаютъ, чтобы не было отсталыхъ. Отстающихъ нужно гнать впередъ во что бы то ни стало, ибо каждый, оставленный позади, неминуемо погибнетъ.

Впереди главнаго корпуса люди, несущіе палатки и личные пожитки штаба, непосредственно слѣдуютъ за командующимъ офице-

ромъ. Этотъ офицеръ обязанъ быть постоянно на сторожѣ, дабы подавать сигналы идущимъ позади; онъ во всякое время долженъ быть готовъ къ принятію приказаній съ фронта и къ передачѣ ихъ слѣдующимъ.

Авангардъ освѣщаетъ пролагаемую имъ дорогу посредствомъ зеркалъ; онъ рубитъ мѣшающія проходу ліаны, а по прибытіи въ лагерь, не теряя времени, приступаетъ къ устройству «бомы», то есть ограды изъ валежника и колючихъ растеній. По мѣрѣ прибытія на мѣсто, каждый изъ отрядовъ способствуетъ устройству этого важнаго оборонительнаго средства. Лагерь только тогда считается готовымъ, когда обнесенъ древесными стволами и валежникомъ. Люди, незанятые устройствомъ бомы, приступятъ къ постановкѣ палатокъ.

Бома должна образовать кругъ съ двумя входами, тщательно замаскированными грядою кустарника въ 5 метровъ длины.

Нормальный діаметръ лагеря долженъ равняться 75 метрамъ. Палатки и багажъ располагаются внутри круга, имѣющаго въ поперечникѣ шестьдесятъ метровъ.

Означенныя указанія относятся къ переходамъ по мѣстамъ опаснымъ и имѣютъ въ виду лишь обычныя затрудненія, могущія возникнуть при внезапномъ нападеніи со стороны дикарей.

Авангардъ зорко наблюдаетъ за настроеніемъ края. Если съ фронта видны будутъ серьезныя затрудненія, имѣющія значеніе болѣе важное, чѣмъ обычныя демонстраціи враждебныхъ туземцевъ, особые гонцы предупредятъ главный корпусъ объ угрожающей опасности.

Каждый разъ какъ на то представится возможность, мы будемъ занимать покинутыя селенія, дабы запастись свѣжими припасами; но и такія селенія предварительно будемъ укрѣплять. Офицерамъ рекомендуется постоянно имѣть въ виду, что всѣ чернокожіе солдаты, суданцы, сомали и занзибарцы отъ природы склонны къ легкомыслію и беззаботности и потому любятъ идти въ разбродъ, что столь же неосторожно какъ и безразсудно. Я утверждаю, что этимъ путемъ теряется по крайней мѣрѣ столько же народу, какъ и въ открытой войнѣ. По этому офицеры отвѣчаютъ за жизнь своихъ людей. Тотъ изъ офицеровъ, который посвятитъ себя строжайшему выполненію правилъ и станетъ наблюдать, чтобы и ночью все совершалось согласно предписаніямъ, окажетъ мнѣ наиболѣе важныя услуги.

Прибывъ на мѣсто стоянки, если это окажется брошенная деревня, офицеръ озаботится прежде всего о квартирахъ и постарается, чтобы всѣ отряды были размѣщены въ одинаковыхъ условіяхъ; затѣмъ онъ приступитъ къ истребленію всѣхъ жилищъ, которыя окажутся внѣ занятаго лагеремъ круга. Онъ употребитъ деревянные и всякіе другіе матеріалы, добытые поблизости, для защиты своего участка противъ

ночныхъ нападеній, противъ копій или огня. Вначалѣ нѣкоторыя указанія дастъ авангардъ, но и каждый изъ офицеровъ не упуститъ лично удостовѣриться въ положеніи дѣлъ, не ожидая отдѣльныхъ приказаній касательно мелочей. Онъ долженъ считать себя какъ бы отцомъ своего отряда и дѣйствовать изо дня въ день, какъ прилично разумному вожаку.

Во всѣхъ такихъ стоянкахъ по деревнямъ, лейтенантъ Стэрсъ озаботится разстановкою часовыхъ на ночь у каждаго входнаго пункта; каждый отрядъ самъ удовлетворяетъ своимъ частнымъ потребностямъ.

Въ первую недѣлю мы не будемъ совершать слишкомъ длинныхъ переходовъ; пусть офицеры и люди постепенно втягиваются въ дѣло; но пройдя одну четвертую долю пути, разстоянія будутъ ежедневно увеличиваться и на половинѣ дороги я надѣюсь, что мы будемъ совершать удивительные переходы.

Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ будутъ издаваться дальнѣйшія инструкціи.

Подписалъ: Генри Стэнли, Начальникъ экспедиціи.

Ямбуйя, 26 іюня 1887 года».

Завершаю эту главу выпискою изъ моего дневника.

27 іюня. Ямбуйя. — Наши люди просили дать имъ обѣщанный суточный отдыхъ, который пришлось откладывать до тѣхъ поръ, пока пароходы уйдутъ, а лагерь окончательно укрѣпится. Впрочемъ, оставалось еще много и другихъ дѣлъ, и понадобилось перестроить отряды.

Послѣ стоянки въ Болобо у насъ перебывало много больныхъ и слѣдовало отобрать наиболѣе слабыхъ, чтобы всѣ четыре дѣйствующихъ отряда выступили въ наилучшихъ условіяхъ. Понадобилось также пронумеровать піонерскіе инструменты. Изъ сотни сѣчекъ у насъ осталось только 26, изъ сотни топоровъ — 22, изъ сотни ломовъ —61, изъ сотни заступовъ—67. Все остальное раскрадено, распродано, или просто закинуто по дорогѣ.—Какая скука присматривать за этимъ небрежнымъ народомъ!

Завтра выступаемъ въ числѣ 389 человѣкъ — коли Богу угодно будетъ—и устремляемся въ неизвѣстное пространство. Одинъ туземецъ назвалъ мнѣ нѣсколько племенъ или колѣнъ, — но касательно ихъ численности, силъ, расположенія, я въ полнѣйшемъ невѣдѣніи. Вчера мы продѣлали церемонію «обмѣна крови» съ однимъ изъ старшинъ Ямбуйи. Такъ какъ командиромъ поста остается маіоръ, ему и пришлось это сдѣлать; по правдѣ сказать, это чрезвычайно противная операція, но маіоръ выдержалъ ее молодцомъ. На кровь, льющую отъ порѣза, насыпаютъ щепотку грязной соли, и все это надо слизнуть. Старшина исполнилъ это какъ пріятнѣйшую обязанность.

Маіоръ, оглянувшись на насъ, замѣтилъ насмѣшливыя лица товарищей, и поморщился.

— Ради обезпеченія мира, маіоръ!..—сказалъ я.

— Хорошо,—молвилъ Бартлотъ,—и преодолѣлъ свою брезгливость.

Эти сыны лѣсовъ не возбуждаютъ моихъ симпатій. Они подлы и злы, а лгутъ еще охотнѣе чѣмъ обитатели открытой равнины. Я не вѣрю ни единому ихъ слову, не могу положиться ни на какія ихъ увѣренія; впрочемъ, все еще надѣюсь, что узнавъ ихъ поближе, съ ними можно сойтись. Маіоръ сдѣлалъ хорошій подарокъ старшинѣ и за то получилъ въ даръ отъ своего «новаго брата» двухнедѣльнаго цыпленка и колпакъ, сплетенный изъ мочалы и украшенный перьями.— Такъ часто обѣщанныхъ десяти цыплятъ и козы мы еще не видали. А между тѣмъ пролилась кровь одного изъ нашихъ суданцевъ, и объ этомъ никто не проронилъ ни слова. Такъ мало въ насъ темперамента или такъ мы равнодушны къ потерѣ человѣка, что когда у насъ убили крѣпкаго, здороваго молодца, стоющаго десяти туземцевъ, мы и не помышляемъ о возмездіи; напротивъ того, ласкаемъ убійцъ. Вѣдь у нихъ и козы, и рыба, цыплята и яйца, и мало ли еще разныхъ вещей, которыя намъ хотѣлось бы купить! И еще сколько недѣль продлится такое положеніе дѣлъ!..

Сегодня въ ночь идетъ дождь и завтрашній походъ будетъ утомителенъ. Стэрсъ такъ разболѣлся, что не можетъ двигаться; а все-таки ему хочется сопровождать насъ. Не безопасно брать съ собою человѣка въ такомъ положеніи; правда, что если дѣло кончится смертью, то умирать въ джонглѣ не тяжелѣе чѣмъ въ лагерѣ. Докторъ Пэркъ очень встревожилъ меня, назвавъ его болѣзнь энтералгіею. По моему, это скорѣе желтуха. Мы понесемъ его въ гамакѣ и я надѣюсь, что онъ еще поправится

Нашъ экспедиціонный корпусъ составленъ такъ:

Отрядъ № 1	113	взрослыхъ и мальчиковъ,	99	карабиновъ.
„ № 2 . . .	90	„ „	85	„
„ № 3	90	„ „	87	„
„ № 4	90	„ „	86	„
Офицеры: Я	1	„		
Стэрсъ . .	1	„		
Нельсонъ .	1	„		
Джефсонъ .	1	„		
Пэркъ . .	1	„		
Слуга европеецъ . .	1	„		
Итого . .	389	взрослыхъ и мальчиковъ,	357	карабиновъ.

Гарнизонъ, оставленный въ Ямбуйѣ:

Суданцевъ	44 человѣка,	44 карабина.
Занзибарцевъ	71 „	38 „
Слугъ Бартлота	3 „	— „
„ Джемсона	2 „	— „
Сомали	5 „	— „
Больныхъ	2 „	— „
Бартлотъ	1 „	3 „
Джемсонъ	1 „	2 „
Итого	129 человѣкъ,	87 карабин.

Ожидаемыхъ изъ Болобо на подкрѣпленіе Ямбуйскаго гарнизона:

Занзибарцевъ	128 взрослыхъ и мальчиковъ,	52 карабина.
Дж. Розъ Трупъ	1 „	
Робертъ Уардъ	1 „	
Уильямъ Бонни	1 „	
Итого	131 взрослыхъ и мальчиковъ,	52 карабина.

Общій итогъ.

Экспедиціонный корпусъ	389 человѣкъ,	357 карабиновъ.
Ямбуйскій гарнизонъ	129 „	87 „
Въ Болобо, Кинчассѣ, и т. д.	131 „	52 „
	649 человѣкъ,	496 карабиновъ.
Отъ Занзибара до Ямбуйи мы потеряли	57 „	28 „
	706 человѣкъ,	524 карабиновъ.

Глава VII.

ОТЪ ЯМБУЙИ ДО ВОДОПАДОВЪ ПАНГА

(съ 28 іюня по 6 августа 1887 г.).

Африканская дорога.—Какъ мы пробираемся по лѣсу.—Прощаніе съ Джемсономъ и маіоромъ.—160 дней въ лѣсу.—Ямбуйскіе пороги.—Обитатели Янкондэ.—Отдыхъ въ селеніи Бахунга.—Описаніе перехода. — Отравленныя палочки.—Поимка шестерыхъ Бабали.—Пэркъ и пчелы.—Гроза въ лѣсу.—Флотилія дикарей.—Джефсонъ устанавливаетъ стальную лодку.—Деревня Буканда.—Остатки деревень.—Пейзажи по Арухуими.—Селенія Бакути и Бакока.—Пороги Гуэнгуэрэ.—Бакуля. — Котлетка и кофе.—Острова близь Банданги.—Карлики бабуру.—Направленіе рѣки.—Сомали.—Марири и Мупэ.—Арухуими у Мупэ.—Племя Бабэ, ихъ обычаи и одежда.—Два приключенія съ Джефсономъ.—Пороги Осъ.—Старшина племени Буамбури.—Нашъ лагерь въ Мэй-Юй.—Случай съ челнокомъ.—Покинутая деревня.—Прибытіе къ водопадамъ Панга.—Водопады.

Въ африканскихъ странахъ дорогою считается въ большинствѣ случаевъ трона, которая отъ давнишняго употребленія становится гладкою и твердою какъ асфальтъ. Вслѣдствіе туземнаго обычая ходить всегда «гуськомъ», эта тропа почти никогда не бываетъ шире тридцати сантиметровъ, и если она давно проложена, то похожа на извилистый и глубокій желобъ, такъ какъ посрединѣ она чаще топчется чѣмъ по бокамъ: мало по малу, съ накопленіемъ пыли и навоза, бока приподнимаются, пѣшеходы еще накидываютъ въ нихъ вѣтокъ и камешковъ, а въ дождивое время года дождевые потоки еще глубже бороздятъ колею. Всякая проселочная дорога нашихъ странъ, въ среднемъ выводѣ, бываетъ на треть короче этихъ тропинокъ, которыя извиваются подобно ручью на равнинѣ. Какъ бы то ни было, мы не теряемъ надежды тотчасъ по выступленіи изъ лагеря напасть на такую тропу, такъ какъ во время моихъ четырехъ предыдущихъ экспедицій въ Африкѣ мнѣ удавалось слѣдовать подобными дорожками на протяженіи нѣсколькихъ сотъ километровъ. Отчего бы имъ не быть и здѣсь?—Ямбуйя образуетъ скопище маленькихъ

деревушекъ; а у мѣстныхъ жителей могутъ быть сосѣди и съ восточной стороны, также какъ съ западной и южной.

Мы выступаемъ изъ ограды. Отряды за отрядами по порядку вытягиваются вдоль пути, по одному человѣку въ рядъ. Впереди каждаго отряда свой вожатый, свой барабанщикъ, свой трубачъ и пятьдесятъ человѣкъ передовыхъ, обязанныхъ дѣйствовать сѣчкой и топоромъ, рубить прутья, срѣзывать кору на древесныхъ стволахъ, для обозначенія пути, сшибать тростникъ, устранять или обрубать вѣтки. могущія мѣшать проходу нашихъ сотенъ нагруженныхъ носильщиковъ; валить цѣлыя деревья и накладывать ихъ поперекъ ручьевъ, сооружать насыпи и бомы изъ вѣтвей и валежника вокругъ каждой импровизованной ставки, въ которой мы ночуемъ послѣ дневнаго перехода. Если не окажется тропинки, авангардъ самъ прокладываетъ ее, выбирая мѣста, гдѣ заросли менѣе густы и поспѣшно врѣзываясь въ нихъ, такъ какъ ничего нѣтъ утомительнѣе какъ стоять на мѣстѣ подъ жгучимъ солнцемъ, съ тяжелою ношей на головѣ. Если кустарникъ неудобный, сплошной, непроницаемый, сквозь него прорубаютъ туннель. Проворнѣе! «чапъ а чапъ»! какъ у нихъ говорится, не то какъ разъ, въ рядахъ терпѣливыхъ «пагази» раздастся зловѣщій ропотъ. Ловкій и смышленый народъ долженъ у насъ идти въ дровосѣки: въ ихъ рядахъ несдобровать лѣнивому или розинѣ: лучше будетъ, если такой «гой-гой» броситъ свою сѣчку и взвалитъ себѣ на плечи ящикъ или тюкъ. Да и то, ему надо держать ухо востро: три сотни выжидающихъ тотчасъ выйдутъ изъ терпѣнія.— имъ некогда стоять и нужно притомъ каждый мигъ быть настороже, оглядываясь то вправо, то влѣво; потому что стрѣлы бываютъ отравленныя, а удары копьемъ часто смертельны! Они глазами должны рыться въ лѣсной мглѣ, всѣми чувствами прислушиваться. Но мнѣ нечего бояться ротозѣевъ или «гой-гоевъ», я выбралъ людей все молодыхъ, сильныхъ; ихъ члены гибки, тѣло подвижно. Мои триста наемниковъ питаютъ величайшее презрѣніе къ старикамъ и толстякамъ; этимъ послѣднимъ таки порядочно достается отъ насмѣшливыхъ товарищей:—Ты чего посматриваешь на того молодца? Не видишь развѣ, что у него спина выкроена изъ бревна?—Нѣтъ, это его большая голова виновата: она перетягиваетъ животъ. — Онъ только и годится землю копать? На что намъ здѣсь землекопы? Да это вѣрно невольникъ изъ Баніаны?—Это отпущенникъ изъ консульства. — Что ты, онъ просто бѣжалъ отъ миссіонеровъ!—Языки пронзаютъ какъ шпаги; и опасаясь такихъ насмѣшекъ, всякій норовитъ какъ можно бодрѣе взмахнуть наточенной сѣчкой; острый топоръ такъ и сверкаетъ въ воздухѣ, подрѣзая деревья или стесовая со ствола широкую полосу

коры; прорубаются чрезъ кустарникъ, косятъ тростникъ и слѣдомъ за ними поспѣшаетъ караванъ, вьющійся на протяженіи полутора километровъ.

— Ну, дорогой маіоръ, разстанемся тутъ. Все или ничего, — не забывайте нашего обѣщанія и мы скоро увидимся опять!

— Будьте спокойны, я здѣсь не застряну! Только бы мнѣ дождаться нашихъ людей изъ Болобо, тогда ничто меня не задержитъ.

— Отлично! Да сохранитъ васъ Богъ! Не падайте духомъ! Теперь съ вами, другъ Джемсонъ!

Капитанъ Нельсонъ также подходитъ и обнимается съ ними на прощанье; послѣ этого я иду на свое мѣсто впереди колонны, а капитанъ становится въ арріергардѣ.

Линія остановилась въ концѣ поселеній или, лучше сказать, на рубежѣ дороги, на дняхъ намѣченной Нельсономъ.

— Куда теперь пойдемъ, вожатый?—спрашиваю я у этого сановника, сердце котораго въ эту минуту переполнилось радостной гордостью, такъ какъ идущій впереди каравана у нихъ всегда считается главнымъ начальникомъ. На немъ костюмъ въ родѣ древне-греческаго и на головѣ каска легконогаго Ахиллеса.

— Туда, прямо, къ восходящему солнцу.

— А сколько часовъ до ближайшаго селенія?

— Одному Богу извѣстно.

— Ты знаешь эти мѣста? Бывалъ въ другихъ деревняхъ?

— Нѣтъ. Зачѣмъ мнѣ бывать?

Вотъ и все, что извѣстно наиболѣе свѣдущему изъ насъ.

— Ладно! Трогаемся въ путь во имя Божіе. Господи, благослови! Иди какой нибудь тропинкой вдоль рѣки, покуда не нападемъ на настоящую дорогу.

— «Висмилляхъ»—восклицаютъ піонеры; нубійскіе трубачи играютъ «въ походъ» и черезъ нѣсколько минутъ голова колонны исчезаетъ въ чащѣ густой поросли, за предѣлами послѣдней лужайки ямбуйскихъ поселеній.

Это было 28 іюня 1887 года и вплоть до 5 декабря, то есть въ продолженіи ста шестидесяти дней кряду, мы шли лѣсами, кустарниками, джонглями, и не видѣли ни одного мѣстечка, поросшаго зеленой травой, хотя бы величиною съ полъ небольшой комнаты. Одна миля за другой, въ неправильной связи безконечныхъ лѣсовъ, съ тою лишь перемѣной декораціи, что мѣстами кусты и деревья пониже, мѣстами повыше и толще, смотря по возрасту деревьевъ, по силѣ и свойству подлѣска, и наконецъ, смотря по степени отѣненія отъ гигантскихъ шатровъ, превышающихъ своими размѣрами осталь-

ную растительность. Я долженъ посвятить нѣсколько главъ описанію этого длиннаго похода и сопровождавшихъ его событій, ибо онъ впервые представилъ взорамъ цивилизованнаго человѣка громадную страну, совершенно неизвѣстную съ тѣхъ поръ какъ «воды собрались въ одно мѣсто и образовалась суша». Обѣщаю читателю быть краткимъ, хотя до весны настоящаго 1890 года ни одинъ папирусъ, ни одна рукопись, книга или брошюра не сообщали ни малѣйшей подробности объ этой «Странѣ Ужасовъ».

При температурѣ +30° въ тѣни, караванъ нашъ подвигался по тропѣ едва замѣтной и часто терявшейся въ густой тѣни кустарниковъ. Мы шли очень медленно, черезъ каждыя три или четыре минуты останавливаясь изъ-за перепутанныхъ ліанъ; сѣкиры и топоры пятидесяти піонеровъ безпрерывно были въ дѣлѣ, постоянно то рубя, то срѣзывая. На каждые сто метровъ порядочной дороги приходилось среднимъ числомъ сто метровъ затруднительнаго пути.

Въ полдень, миновавъ ямбуйскіе пороги, мы пришли къ тому изгибу р. Арухуими, который видѣнъ былъ съ нашей стоянки; отсюда, за 6 или за 7 километровъ выше насъ, виднѣется другой порогъ, кипучія волны котораго сверкаютъ на солнцѣ. Ниже ихъ на рѣкѣ показалась цѣлая флотилія плывущихъ челноковъ. Жители Ямбуйи очевидно всполошили своихъ сосѣдей. Когда, около четырехъ часовъ пополудни, мы подошли ближе, то увидѣли, что на островкахъ по сю сторону водопада тѣснятся женщины и дѣти племени Янкондэ. Дѣти, которыхъ мы видѣли въ первый разъ, расположили свои челноки среди рѣки въ полномъ порядкѣ, приблизились на нихъ къ нашему берегу, и слѣдя за всѣми движеніями нашего каравана, по мѣрѣ того какъ онъ мелькалъ въ просѣкахъ или скрывался въ чащахъ, стали издѣваться надъ путниками, осыпая ихъ насмѣшками и вызовами.

Вдругъ передовой отрядъ вышелъ на широкую просѣку или аллею, метровъ шести въ поперечникѣ и 280 метровъ длиной, въ концѣ которой показалось сотни три туземцевъ Янкондэ: они что-то показывали жестами, кричали и у всѣхъ въ рукахъ было по натянутому луку. Мнѣ никогда еще не случалось въ Африкѣ встрѣтить что-либо подобное. Піонеры остановились. — Что это значитъ? Эти язычники прорубили намъ прямую и широкую дорогу къ своему поселку, а сами очевидно приготовились драться! Не зѣвать!

Хворостомъ и вѣтвями, срубленными для расчистки дороги, туземцы завалили съ обѣихъ сторонъ входы въ лѣсъ такъ, чтобы принудить насъ непремѣнно проходить по этой аллеѣ. Вскорѣ пятьдесятъ паръ глазъ разсмотрѣли, что эта великолѣпная дорога густо усажена палочками, длиною въ 15 сантиметровъ, заостренными съ обоихъ концовъ

и на половину воткнутыми въ землю, но такъ искусно прикрытыми зеленью, что мы приняли ихъ сначала за обрѣзки вѣтокъ, срѣзанныхъ для расширенія пути.

Я велѣлъ выстроить поперекъ дороги 24 человѣка въ два ряда: переднему ряду приказалъ вырывать палочки, а заднему прикрывать работающихъ и стрѣлять, какъ только непріятель спуститъ свой первый зарядъ стрѣлъ. Затѣмъ еще двѣнадцать піонеровъ послали мы лѣсомъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, и велѣли имъ проникнуть въ селеніе. Едва мы подвинулись на двадцать метровъ по очищенной отъ палочекъ дорогѣ, какъ въ деревнѣ показались столбы дыма, а по направленію къ намъ посыпался дождь стрѣлъ, ни въ кого, впрочемъ, не попавшихъ. Наши стрѣлки отвѣтили. Передовые поспѣшили повыдергать остальныя палочки, мы пошли скорымъ шагомъ и вступили въ деревню единовременно съ фланговыми. Весь караванъ бросается въ аттаку, пробѣгаетъ насквозь черезъ всю деревню, объятую пламенемъ, и продолжая отстрѣливаться, останавливается въ какомъ-то предмѣстьѣ, въ восточномъ концѣ мѣстечка, которое еще не успѣли поджечь.

У рѣки была схватка болѣе ожесточенная. Одного залпа изъ нашихъ ружей было бы достаточно для устрашенія непріятеля, потому что дикари вообще очень чувствительны къ шуму; къ несчастію, на сей разъ шумъ не только напугалъ ихъ, но имѣлъ и роковыя послѣдствія, потому что нѣсколько туземцевъ едва ли не поплатились жизнію за свои глупыя насмѣшки. Я виню въ этомъ ямбуйцевъ: навѣрное они наговорили своимъ сосѣдямъ какого нибудь ужаснаго вздора, если эти несчастные рѣшились задержать военную силу въ 400 карабиновъ.

Было девять часовъ вечера когда арріергардъ вошелъ наконецъ въ лагерь. Дикари прибѣгли къ своей обычной тактикѣ и всю ночь старались тревожить насъ на разные лады. То они закидывали къ намъ отравленныя стрѣлы и копья, которыя, вертикально падая, втыкались внутри нашей ограды; то раздавались внезапные крики, вой, рычаніе, угрозы; по временамъ съ разныхъ сторонъ трубили въ рога, какъ бы собираясь учинить генеральную аттаку.

Человѣкъ, незнакомый съ хитростями лѣсныхъ сатировъ, могъ бы подумать, что восходящее солнце озаритъ полную нашу погибель. Во время прежнихъ моихъ путешествій я уже познакомился съ нѣкоторыми изъ ихъ пріемовъ, но эти язычники показали мнѣ новыя хитрости. Я окружилъ лагерь часовыми, приказавъ имъ хранить абсолютное молчаніе и смотрѣть въ оба.

Утромъ оказалось, что одинъ изъ нашихъ людей едва не погибъ

Его одѣяло и циновка съ обѣихъ сторонъ были насквозь пробиты копьями, которыя, воткнувшись въ землю, не задѣли его самого, но пригвоздили къ постели. Двое другихъ слегка ранены стрѣлами.

Поискавъ минутъ десять, мы нашли тропинку, которая сначала вывела насъ на широкую поляну, заключавшую по меньшей мѣрѣ двѣсти гектаровъ обработанной земли, засаженной маніокомъ; а потомъ къ небольшой деревнѣ Бахунга, расположенной въ семи километрахъ къ юго-востоку отъ Янкондэ; тутъ мы могли наконецъ отдохнуть. Мнѣ не хотѣлось изнурять людей; они еще не привыкли къ ходьбѣ и послѣ такого длиннаго переѣзда водою я предпочелъ исподоволь пріучить ихъ къ переходамъ, имѣя въ виду какъ много и долго еще имъ предстоитъ идти.

30 іюня.—Мы попали на дорожку, соединяющую четырнадцать отдѣльныхъ селеній, расположенныхъ однако же въ рядъ. Всѣ они окружены плантаціями маніока, превосходно обработанными; но не смотря на то, легко было замѣтить слѣды недавняго бѣдствія. Жилища конической формы, въ родѣ тушильника или скорѣе четвероугольной, заостренной вверху колокольни. Обгорѣлые столбы, разрушенныя жилища, а мѣстами помѣтки на деревьяхъ несомнѣнно доказывали, что тутъ проходили арабы или Маньуэма,—можетъ быть, братъ Типпу-Тиба.

На слѣдующій день мы прошли черезъ другія деревни въ томъ же родѣ, соединенныя между собою очень хорошо проложенной дорогой. Между ними уцѣлѣли участки первобытнаго лѣса. Вдоль дороги видны были рытыя ямы, употребляемыя для ловли крупныхъ звѣрей, ловушки и западни на разную мелкую дичь, на кроликовъ, бѣлокъ, обезьянъ, крысъ. Въ ближайшихъ окрестностяхъ каждой деревни натыканы были колышки, на подобіе уже описанныхъ мною, требовавшіе величайшей осторожности со стороны всѣхъ, кромѣ европейцевъ, обутыхъ въ длинные сапоги. Да и намъ приходилось оберегаться, такъ какъ иногда эти колышки, воткнутые вкось, могутъ проткнуть самую прочную кожу и занозить ногу своими ужасными колючками, что̀ очень опасно и слѣдуетъ ихъ всемѣрно избѣгать.

Въ тотъ день намъ суждено было познакомиться съ еще однимъ важнымъ неудобствомъ путешествія по лѣсамъ. Черезъ каждые 50 метровъ поперекъ пути валялись старыя, толстыя деревья; такъ какъ діаметръ такого дерева приходился намъ по плечо, намъ было чрезвычайно трудно переваливать черезъ него нашихъ ословъ, и многіе изъ людей тяготились этой новой церемоніей, такъ что, повторивъ ее отъ двадцати до пятидесяти разъ, люди, непривычные къ лѣснымъ походамъ, начинали роптать.

Въ 3 часа пополудни мы сдѣлали привалъ у небольшихъ боло-

тистыхъ прудовъ, покрытыхъ кувшинками; на этотъ разъ мы расположились нарочно подальше отъ населенныхъ мѣстъ, потому что трое изъ нашихъ людей получили уже раны на ногахъ отъ вышеописанныхъ ловушекъ.

На слѣдующее утро, за три часа до разсвѣта, лагерь былъ разбуженъ зловѣщимъ вытьемъ; съ разныхъ сторонъ по лѣсу раздавались звуки роговъ. Мало по малу эти звуки смолкли и послышались голоса двухъ человѣкъ: они переговаривались между собою такъ явственно и громко, что многіе—въ томъ числѣ и я—старались вглядѣться въ окружавшую насъ глубокую тьму и разсмотрѣть ночнаго оратора и того, другого, который изображалъ его отголосокъ.

Первый говорилъ: Чужеземцы, куда вы идете?

А наперсникъ подхватывалъ: Куда вы идете?

Первый: Эта страна не хочетъ принять васъ.

Второй: Не хочетъ принять васъ.

Первый: Всѣ будутъ противъ васъ.

Второй: Противъ васъ.

Первый: И всѣ будете убиты.

Второй: Будете убиты.

Первый: Ах—ах—ах—ах—аа!

Второй: Ах—ах—аа!

Первый: Оох—оох—оох—оох—оо!

Второй: Оох—оох—оо!

Это было выполнено такъ смѣшно и такъ удачно, что въ лагерѣ всѣ разразились неудержимымъ хохотомъ, и при томъ такимъ дружнымъ, что голоса въ лѣсу сконфузились и замолчали. Все снова погрузилось въ ночную тьму.

Вполнѣ убѣдившись въ томъ, что тропинка, ведшая къ прудамъ, проложена вовсе не людьми, а слонами; и зная при томъ, что на завтра нашимъ людямъ нечего ѣсть, я сильно былъ озабоченъ и тѣмъ, и другимъ, а потому 2 іюля съ разсвѣтомъ послалъ 200 человѣкъ піонеровъ за маніокомъ въ тѣ селенія, въ которыхъ мы побывали третьяго дня. Они исполнили это порученіе такъ, что еще разъ убѣдили меня въ своей совершенной умственной несостоятельности; и я напередъ предвидѣлъ, что изъ 389 человѣкъ, меня сопровождавшихъ, врядъ ли половина воротится въ восточную Африку. Они теперь въ полной силѣ молодости, владѣютъ усовершенствованнымъ оружіемъ, экипированы за-ново, каждому дано по десяти патроновъ. Будь они хоть сколько нибудь осторожны и осмотрительны, всѣ почти могли бы живыми и здоровыми завершить кампанію; но они до такой степени ненадежны, безразсудны и легкомысленны, что не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія

на приказы и распоряженія начальства, если за этимъ не присматривать постоянно; а для такого присмотра мнѣ понадобилась бы сотня англійскихъ офицеровъ, не менѣе умныхъ и преданныхъ чѣмъ мои четыре товарища. Эти дикари самымъ безсмысленнымъ образомъ разбредаются по сторонамъ, рискуютъ жизнью изъ-за сущихъ пустяковъ и пока какое нибудь исключительное бѣдствіе не проучитъ ихъ, никакими доводами не убѣдишь ихъ въ томъ, что они поступаютъ какъ безумные.

Въ одно время съ фуражирами воротился въ лагерь отрядъ піонеровъ, посланныхъ мною по тропинкѣ съ цѣлью узнать ея общее направленіе; они пришли, захвативъ въ лѣсу шестерыхъ туземцевъ, разставлявшихъ силки для дичи. Они принадлежали къ племени Бабали; кожа ихъ была свѣтлошоколаднаго цвѣта.

Мы попытались вывѣдать отъ нихъ, куда собственно ведетъ тропинка; но они говорили: „у насъ только одно сердце, пусть и у васъ не будетъ по два“, — что означало: Не любезничайте съ нами, коли вы намѣрены причинить намъ недоброе; какъ и всѣ туземцы, они настоятельно увѣряли насъ, что не ѣдятъ человѣческаго мяса, не то что племена Бабанда, Бабали, Бабукуа, занимающія берега Арухуими выше Якондэ и слывущія людоѣдами.

Вскорѣ послѣ того докторъ Пэркъ, наблюдая летавшихъ вокругъ него пчелъ, разсказывалъ другому офицеру, что онѣ здѣсь вполнѣ безобидны; въ эту самую минуту одна изъ нихъ сѣла къ нему на шею и жестоко его ужалила, въ наказаніе за клевету. Онъ шутя сталъ разсказывать мнѣ этотъ случай, но тутъ другая пчела ужалила его чуть ли не въ то же самое мѣсто, такъ что онъ вскрикнулъ отъ боли:—Клянусь Юпитеромъ, кусаются, да еще какъ.—Вотъ видите-ли,—отвѣчалъ я,—и выходитъ, что—вѣкъ живи, вѣкъ учись!

Раздавъ маніокъ и приказавъ отварить клубни непремѣнно въ трехъ водахъ, я назначилъ ровно въ часъ дня снова выступить въ походъ. Въ четыре часа мы расположились на ночлегъ.

На другой день мы покинули тропинку и съ помощью компаса пошли черезъ кустарникъ подъ тѣнью исполинскаго лѣса. Я шелъ въ колоннѣ въ третьемъ ряду, вслѣдъ за проводникомъ, и такимъ образомъ имѣлъ возможность руководить людьми. Дабы идти по возможности ровнѣе, хотя бы и медленно, я приказалъ саперамъ, чтобы каждый изъ нихъ на ходу быстрымъ взмахомъ отрубалъ ту ліану или тотъ кустъ, который мѣшалъ ему пройти, и тотчасъ шелъ бы дальше. Дежурные начальники каравана обязаны были только дѣлать помѣтки на деревьяхъ, какъ можно явственнѣе: для этого они почти черезъ каждые 10 метровъ срѣзывали кору на древесныхъ стволахъ, притомъ

всегда на одинаковой высотѣ; а такъ какъ по всей вѣроятности арріергардъ пойдетъ по нашимъ слѣдамъ только черезъ два мѣсяца, я велѣлъ дѣлать помѣтки по крайней мѣрѣ въ ладонь шириною.

Мы чуть не въ тактъ погребальнаго марша вступали впервые въ неизвѣданныя дебри этихъ дремучихъ лѣсовъ. По инымъ мѣстамъ мы подвигались не болѣе 400 метровъ въ часъ; въ другихъ, болѣе открытыхъ или менѣе густыхъ, могли проходить до 1500 метровъ; Съ 6½ часовъ утра до 4 ч. пополудни, то есть въ шесть или семь часовъ ходьбы (такъ какъ нужно же было употребить хоть одинъ часъ на полдникъ и отдыхъ), мы дѣлали почти 9 километровъ; между тѣмъ, въ другихъ мѣстностяхъ Африки, по обыкновеннымъ торнымъ тропамъ, можно въ этотъ срокъ пройти отъ 22 до 29 километровъ. По этому для насъ было очень важно по возможности придерживаться селеній, не только для того, чтобы запасаться съѣстнымъ, но также за тѣмъ, чтобы воспользоваться мѣстными тропами. Впослѣдствіи увидимъ, на сколько это удалось.

Въ четыре часа пополудни мы все еще шли, во весь день встрѣчая на пути болото и рѣчные притоки, бухты и тинистыя отмели, топи и трясины, лужи, подернутыя зеленою плѣсенью, глубиною по колѣна и такія вонючія, что насъ тошнило; узкія запруды, заросшія водорослями и длинныя, какъ канавы. Только что мы миновали эти вредоносныя мѣста, какъ въ лѣсу внезапно такъ стемнѣло, что я съ трудомъ могъ различать литеры на своемъ компасѣ. Вѣтеръ, сначала издалека шуршавшій въ вершинахъ, перешелъ въ глухой ревъ и, быстро приближаясь, разразился наконецъ громовыми раскатами бури, которая гнула, вертѣла и ломала сучья и потрясала гигантскіе стволы. Не желая останавливаться въ болотѣ, мы спѣшили дальше, не взирая на возраставшую темноту; но когда хлынулъ дождь, поневолѣ пришлось остановиться, наскоро разставить палатки на колючемъ валежникѣ и поспѣшить, съ помощью топоровъ и сѣчекъ, расчистить почву для ночлега. Холодный дождь падалъ тяжелыми каплями и каждая капля расходилась по легкой бумажной одеждѣ нашихъ людей широкимъ пятномъ, величиною въ пятифранковую монету. Они дрожали отъ холода, зубы ихъ стучали. Громъ гремѣлъ, молнія пламенными зигзагами врѣзывалась въ темноту. Было уже съ лишнимъ девять часовъ вечера когда весь караванъ собрался на мѣсто ночлега, но развести огни невозможно было изъ-за дождя; мы жались другъ къ другу, сидя на корточкахъ, озябшіе, промокшіе, брызги проливного дождя обдавали насъ, и мы дышали ядовитыми испареніями, подымавшимися изъ почвы. Наконецъ въ три часа ночи, можно было зажечь нѣсколько десятковъ костровъ, люди

ожили отъ тепла и съ радостью расположились вокругъ пылающихъ пирамидъ, чтобы напечь горькихъ корней маніока и положить конецъ своему продолжительному посту.

4 іюля.—Мы направляемся къ сѣверо-востоку; черезъ часъ ходьбы слышимъ вдалекѣ хоръ поющихъ туземцевъ. Передовые бѣгутъ разузнать, въ чемъ дѣло; вскорѣ раздаются ружейные выстрѣлы и шумъ какъ будто приближается. Я поспѣшно собираю людей 1 отряда: они складываютъ въ кучу свои вьюки и строятся въ качествѣ стрѣлковъ. Прибѣгаютъ гонцы отъ нашихъ развѣдчиковъ и разсказываютъ, что придя на берегъ рѣки, они увидѣли подплывающую большую пирóгу, а въ ней толпу стоящихъ дикарей съ натянутыми луками: дикари обдали градомъ стрѣлъ, а наши отвѣчали залпомъ изъ ружей. Мы снова пустились въ путь и къ 8 часамъ достигли береговъ Арухуими въ ту самую минуту, какъ длинная цѣпь челноковъ обогнула мысъ противуположнаго берега и скрылась за нимъ. Они второпяхъ позабыли захватить одну маленькую пирóгу, привязанную у берега, а въ ней живую козу.

Рѣка была спокойна, пороговъ не видать; желая хоть немного поберечь силы моихъ людей, я велѣлъ принесть составныя части нашего стальнаго вельбота и мистеръ Джефсонъ со своимъ отрядомъ, спеціально завѣдывающій имъ, тотчасъ приступили къ работѣ. Черезъ часъ «Авансъ» былъ свинченъ и спущенъ на воду. Кромѣ всего экипажа, онъ принялъ десять человѣкъ больныхъ и 50 вьюковъ. Разобранный по частямъ, онъ занимаетъ 44 носильщиковъ. Слѣдовательно, такимъ образомъ у насъ освободились 94 человѣка на подмогу остальнымъ, да еще четверо тѣхъ, которые должны были постоянно нести лейтенанта Стэрса, все еще очень хвораго. Джефсонъ со своими матросами переплыли рѣку, взяли козу и привезли ее къ намъ.

«Авансъ» поплылъ вверхъ по теченію Арухуими и колонна должна была придерживаться береговъ, какъ для прикрытія вельбота, такъ и для сокращенія работы. Отсутствіе правильной и разнообразной пищи, малая питательность той, которая доставалась намъ съ такимъ трудомъ, крайняя необходимость подвигаться быстро, невзирая ни на какія препятствія,—все это неминуемо должно было подрывать силы даже наиболѣе крѣпкихъ людей. Нужно было всемѣрно стараться избавлять ихъ отъ излишняго труда и по возможности облегчать его.

5 іюля.—Идя рядомъ съ вельботомъ, мы прошли $10^1/_2$ километровъ. Ширина рѣки въ этой части отъ 500 до 600 метровъ, побережье нѣсколько болѣе открыто чѣмъ внутри лѣса, но все-таки приходилось иногда пробираться сквозь непроходимыя чащи джонгля и прору-

бать тоннели чрезъ ліаны, перепутанныя вѣтви, бамбуки и тростники. Въ $2\frac{1}{2}$ часа пришли на расчищенное поле Букандовъ. Никакая тропинка насъ туда не вывела, просто мы попали изъ лѣсу въ молодую рощу, въ которой туземцы сдѣлали просѣку. Хижины построены посрединѣ поля, близь рѣки, изъ чего я заключилъ, что не имѣя дорогъ и не вѣдая еще воздушныхъ шаровъ, здѣшніе обыватели сообщаются другъ съ другомъ только водою.

Не удивительно, что мы такъ обрадывались этому селенію: съ самого 2 числа караванъ исключительно питался маніокомъ, нарытымъ въ тотъ день на сосѣднихъ плантаціяхъ. Еще нѣсколько часовъ такого воздержанія, и намъ пришлось бы совсѣмъ плохо.

Вельботъ пришелъ только къ вечеру. Онъ былъ задержанъ во-первыхъ порогами, а во-вторыхъ встрѣчей одиннадцати челноковъ; само собою разумѣется, что хозяева ихъ не остались побѣдителями и бѣжали, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько пирòгъ, которыя Джемсонъ озаботился привесть къ сосѣднему острову и тамъ укрѣпить. Онъ говорилъ, что одна изъ этихъ пирòгъ, выдолбленная изъ громаднаго дерева, вмѣстимостью не уступитъ нашему вельботу: почему бы въ этомъ не подражать туземцамъ и не воспользоваться рѣчнымъ путемъ для перевозки возможно большаго числа людей и вещей? И съѣстныхъ припасовъ также; ибо что же какъ не трудность перетаскиванія провизіи подвергала насъ вчера настоящей голодовкѣ; въ этой чужой странѣ мы всѣмъ чужіе и лишь ощупью пробираемся въ этихъ дебряхъ! По этому Джефсонъ отправляется съ двойнымъ числомъ матросовъ, изъ которыхъ половина должна привести пирòгу.

Нечего и говорить, что задолго до нашего прибытія жители покинули Буканду: ихъ остроконечныя хижины были къ нашимъ услугамъ, равно какъ и поля маніока. Это было не похоже на то, что я испыталъ во времена прежнихъ странствій по Африкѣ: обыкновенно женщины скрывались подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ мужчинъ, а воины оставались по мѣстамъ, вооруженные копьями и щитами, которые служатъ эмблемою собственности.

Здѣсь же и куры всѣ до одной обратились въ бѣгство. Очевидно, изучать этнологію въ этомъ краю будетъ затруднительно.

6 іюля.—Въ полдень караванъ, обильно снабженный съѣстными припасами, выступилъ изъ Буканды и черезъ два часа снова приступилъ къ устройству лагеря. Первая половина дня была посвящена чисткѣ и починкѣ ружей, такъ какъ у многихъ уже сломался курокъ.

Мы понемногу освоились съ дремучимъ лѣсомъ. Знаемъ, что въ

туманныя, сырыя утра люди иззябли и потому унылы; нужна нравственная бодрость, чтобы заставить ихъ сняться съ лагеря, преодолѣвать холодъ, сырость, идти въ туманъ по вязкой почвѣ, погружаться то въ тину, то въ воду по поясъ, и пересиливать тоскливое чувство, возбуждаемое сумрачной мглой, отсутствіемъ свѣта, тепла и почти постояннымъ исчезновеніемъ солнца. Небо заволокло густыми облаками, рѣка тускло-сѣрая, печальная. Температура понижается до +22°, даже до +20° Цельсія, а если судить по общему впечатлѣнію, можно бы думать, что она еще на 10° ниже.

Нечистотъ въ этихъ деревушкахъ бываетъ очень много и онѣ сваливаются по берегу рѣки. Въ этихъ грудахъ скопляются и навозъ, и разный соръ, сметаемый съ улицъ и изъ жилищъ, кожура маніока, иногда кожа фиговыхъ банановъ, и цѣлыя кучи устричныхъ раковинъ. Не будь у меня другихъ, болѣе важныхъ предметовъ для описанія, я бы охотно написалъ главу объ этихъ компостахъ, а также о нравахъ и обычаяхъ туземцевъ; подобно Оуэну, который по нѣсколькимъ костямъ могъ нарисовать цѣлаго мамонта, жителя давно прошедшихъ вѣковъ, такъ и я взялся бы разсказать исторію даннаго племени, изучивъ его кухонные остатки. Вонючія кучи привлекали представителей многихъ семействъ насѣкомыхъ. Отряды муравьевъ сновали взадъ и впередъ въ стройномъ стратегическомъ порядкѣ, которому могли бы позавидовать мѣстные дикари; мухи жужжали миріадами; безчисленныя бабочки, при видѣ которыхъ Джемсонъ пришелъ бы въ умиленіе, гонялись одна за другою, восхищая взоръ своими чудными оттѣнками; надъ ними цѣлыми тучами вились фалены.

7 іюля.—Колонна вступаетъ въ селеніе Бакути послѣ семичасоваго медленнаго перехода и цѣною безпрерывной работы піонеровъ. Я сѣлъ на вельботъ; съ обѣихъ сторонъ берега возвышаются надъ водою на 2 метра и выше; повсюду замѣтны слѣды прежнихъ поселковъ, которые легко распознать, не смотря на пышную лѣсную растительность, замѣнившую деревни и нивы. Очевидно, что лѣтъ двадцать тому назадъ война или какія нибудь повальныя болѣзни истребили жителей. Мнѣ кажется, что въ этомъ краю вовсе не водятся травы: до сихъ поръ, по части крупныхъ травоядныхъ, мы встрѣтили одного единого крокодила и одного гиппопотама.

Наши гребцы съ такою легкостью идутъ вверхъ по теченію Арухуими, что слушая съ рѣки какъ наши дровосѣки выбиваются изъ силъ, медленно протаскивая нашъ караванъ сухимъ путемъ, я еще пуще сожалѣю о моихъ 15 вельботахъ! Сколькихъ трудовъ, сколькихъ мученій избѣгли бы мы, съ ихъ помощью!

9 іюля.—Послѣ семи часовъ такого же изнурительнаго пути, приходимъ въ область поселеній племени Бакока. Люди имѣютъ видъ измученный и постарѣвшій. У многихъ ноги поранены этими отвратительными колышками и отъ занозъ начинаютъ образовываться гнойные нарывы, крайне мучительные; другіе жалуются на странную ломоту въ членахъ. Стэрсъ поправляется медленно.

Мы проходимъ черезъ множество заброшенныхъ полей. Экспедиція могла бы цѣлыя недѣли питаться маніокомъ, на котораго никакіе хозяева не заявили бы претензій. Такія переселенія вызваны очевидно междоусобными войнами. Бакокскія деревни окружены заборами съ очень низкими проходами.

На другой день проходимъ мимо четырехъ деревень, сильно укрѣпленныхъ частоколомъ, а 10-го караванъ подходитъ къ порогамъ Гуэнгуэрэ. Семь обширныхъ селеній тянутся вдоль уступовъ, захватывая нѣкоторое пространство берега и по сю, и по ту сторону водопадовъ. Все населеніе бѣжало внутрь страны на противуположный берегъ, или попрятались по островамъ, унеся съ собою свои богатства, за исключеніемъ самой обыкновенной посуды, табуретовъ, скамеекъ, стульевъ съ спинками и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ второстепенной важности. Ограды и хижины въ исправномъ видѣ. Одно изъ этихъ поселеній состоитъ изъ 210 остроконечныхъ хижинъ и двухъ квадратныхъ сараевъ, гдѣ происходятъ общественныя сборища и помѣщаются кузнецы. Поселокъ выстроенъ на высокомъ мысу, на двадцать метровъ возвышающемся подъ уровнемъ рѣки. Отсюда чудный видъ на широкую рѣку, темное серебро которой выступаетъ особенно рельефно между ярко-зелеными стѣнами высокихъ, лѣсистыхъ береговъ.

Лейтенантъ Стэрсъ почти выздоровѣлъ отъ своей желтухи; остальные товарищи совершенно здоровы, не смотря на то, что мы питаемся листьями отъ маніока и нѣкоторыхъ овощей, болѣе или менѣе дикорастущихъ, мелко изрубленныхъ и превращенныхъ въ хлѣбцы или печенье. Но сегодня докторъ угостилъ насъ блюдомъ мелкихъ птичекъ, которыя тысячами гнѣздятся по громаднымъ деревьямъ вдоль селенія.

11 іюля.—Прошли всего 1½ километра, чтобы дать время матросамъ втащить обѣ лодки черезъ пороги до верхняго водопада и предоставить нѣкоторый отдыхъ колоннѣ. На другой день мы сдѣлали 11 километровъ; рѣка повернула на востокъ, что было для меня особенно выгодно, и прошли благополучно нѣсколько поселковъ.—Удаляясь отъ Гуэнгуэрэ, мы видѣли какъ туземцы спѣшили по домамъ, съизнова занимая свои деревни. Такой способъ дѣйствій былъ для меня во

всѣхъ отношеніяхъ пріятенъ: мы не потеряли времени на переговоры и безполезныя пререканія; туземцевъ мы побезпокоили всего на однѣ сутки. И если бы всѣ караваны, идущіе этими мѣстами, вели себя также миролюбиво какъ мой, очень вѣроятно, что туземцы, подстрекаемые между прочимъ и естественнымъ любопытствомъ, не бѣгали бы отъ чужеземцевъ, а спѣшили бы съ ними познакомиться.

Наши люди нашли чѣмъ поживиться и съ собою захватили порядочно. Обработаныхъ земель здѣсь довольно много. Особенно хороши здѣсь разсаженные вдоль всѣхъ заборовъ бананы (*Musa sapientum*); близь деревень повсюду садики, наполненные огородными травами. Наши люди натащили въ лагерь курительнаго табаку, десертныхъ тыквъ и немного кукурузы. Но говядина, увы! продолжала блистать своимъ отсутствіемъ.

Водяныхъ птицъ мало, только нырки, орлы-рыболовы, да зимородки. Издали до насъ доносился пискъ пары ибисовъ. Стаи попугаевъ свистѣли и кричали на всѣ лады, точно желали пробудить дремучій лѣсъ отъ тяготѣющаго надъ нимъ безмолвія; въ этомъ помогали имъ козодои, цапли *) и мелкія ткачики. Насѣкомыхъ, мухъ и мотыльковъ было безчисленное множество.

12 іюля.—Пустились въ путь въ $6^1/_2$ часовъ утра; караванъ по обыкновенію опередилъ вельботъ и конвоирующую его пирогу. Но какъ ни тихо мы шли водою (не болѣе 3-хъ километровъ въ часъ), мы все-таки вскорѣ перегнали сухопутный караванъ. Въ 10 часовъ утра мы встрѣтили молодаго туземца, спускавшагося внизъ по рѣкѣ на какомъ-то обломкѣ пироги. Онъ съ большою легкостью перепрыгнулъ къ намъ на вельботъ и началъ болтать очень мило. Онъ сказалъ, что ему пятнадцать лѣтъ, а зовутъ его Бакуля. Черезъ часъ времени мы вступили въ нижнюю оконечность длиннаго изгиба рѣки; по обоимъ берегамъ ея разсыпано множество деревень; юный проводникъ, свалившійся точно съ неба, мимоходомъ называлъ намъ ихъ по очередно: Банданги, гдѣ мы остановились для полдника,—и отплыли дальше въ 2 часа пополудни; Ндумба; затѣмъ длинный рядъ деревень, обитаемыхъ племенемъ баналійцевъ. Всѣ хижины были пусты. Въ теченіи одного часа гребцы довезли насъ до другого конца рѣчного изгиба. Мы вышли на берегъ въ числѣ сорока человѣкъ, но все-таки чувствовали себя ничтожной горстью людей въ этомъ пространномъ и безмолвномъ городкѣ. Я насчиталъ тутъ до 13 селеній, изъ которыхъ въ одномъ оказалось 180 хижинъ; положимъ на все протяженіе рѣчнаго изгиба 1300 хижинъ: если въ каждомъ жилищѣ предположить

*) *Ardea helias.*

только по 4 обитателя, и то составитъ населеніе въ 5200 человѣкъ.

Авангардъ нашихъ пѣшеходовъ пришелъ въ 5 ч. 30 минутъ и вслѣдъ затѣмъ разразилась сильнѣйшая гроза, съ молніей и страшными раскатами грома, какъ и слѣдуетъ ожидать въ этой атмосферѣ, до того насыщенной парами, что даже солнца почти не видать изъ-за вѣчнаго сѣроватаго тумана. И въ небесахъ, и повсюду кругомъ, на лѣса, на деревни, на рѣку стремглавъ летѣли пламенныя стрѣлы молніи, бороздившей густыя, тяжелыя, медлительныя тучи, которыя такъ давно скоплялись надъ нашими головами, и вотъ наконецъ, разразились дождемъ. Однако, этой бѣшеной энергіи сосредоточеннаго электричества было недостаточно для того, чтобы очистить атмосферу и дать людямъ полюбоваться синевой небесъ и наслаждаться благодѣтельными лучами солнца. Мы четыре часа кряду были свидѣтелями этой ужасной суматохи, но мы сами были въ безопасности въ жилищахъ баналійцевъ, и о судьбахъ каравана не безпокоились: наши люди занимали Банданги, на другомъ концѣ изгиба, и каждую минуту стрѣляли, чтобы дать намъ знать, что все благополучно; мы же, болѣе бережливые на средства, отвѣчали имъ только звуками роговъ.

Такое многочисленное народонаселеніе конечно не можетъ обойтись безъ обработанныхъ полей; и точно, мы нашли маніокъ, бананы обыкновенные и фиговые, кукурузу, сахарный тростникъ и огороды. Я велѣлъ стоять тутъ лагерямъ до 15-го, тѣмъ болѣе, что грозовымъ ливнемъ слишкомъ вымочило почву.

Въ 9 часовъ вечера я услышалъ голосъ Нельсона, который заказывалъ: «котлетку и кофе!» и заключилъ изъ этого, что арріергардъ присоединился къ намъ. Котлетами на сей разъ послужили намъ лепешки изъ кассавы, пара печеныхъ банановъ, блюдо вареныхъ овощей, да чай или кофе. Невозможно было достать ни козы, ни курицы, ни какой дичи,—четвероногой или пернатой. Мы видѣли до сихъ поръ двухъ крокодиловъ, одного гиппопотама, но ни слона, ни буйвола или антилопы, ни даже кабановъ, хотя пометъ ихъ встрѣчается очень часто. Иначе и быть не могло при томъ шумѣ и гамѣ, которые производилъ караванъ: піонеры кричали, перекликались, топоры стучали, листва шелестила, сучья хрустѣли, падающія деревья ломились съ трескомъ и грохотомъ, а люди на ходу голосили на всѣ лады,—разговоры, росказни, хохотъ, споры, жалобы и восклицанія не прекращались ни на минуту. Въ густомъ подлѣскѣ шагу нельзя было ступить безъ борьбы съ ліанами и всякой растительной путаницей, которую подрѣзывали ножами, рубили топорами и сѣчками, такъ что если бы даже люди шли молча, одного шума, производи-

маго истребительными инструментами, было бы достаточно, чтобы напугать и разогнать звѣрей. Впрочемъ лѣсная чаща была такъ густа, что если бы они и были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, мы не могли бы разглядѣть ихъ въ непроницаемой массѣ зелени.

Я воспользовался досугомъ, чтобы посѣтить небольшой архипелагъ по близости отъ Банданги. На одномъ изъ острововъ оказались громадныя кучи устричныхъ раковинъ, изъ нихъ одна имѣетъ 18 метровъ длины, 3 метра ширины и 1 метръ высоты. Можно себѣ представить, какіе здѣсь пикники задавали себѣ древніе туземцы и сколько же времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ тутъ вскрыли первую устрицу! На обратномъ пути я замѣтилъ подъ сорною насыпью среди береговаго извива слой такихъ раковинъ уже на цѣлый метръ затянутый наносною землей.

Юный Бакуля повѣдалъ мнѣ много интереснаго: внутри материка къ сѣверу живутъ Бабуру, рѣзко отличающіеся отъ другихъ племенъ. Вверхъ по рѣкѣ, на разстояніи 30 дней ходьбы, обитаютъ карлики, вышиною въ 60 сантиметровъ и съ длинными бородами; Бакуля побывалъ однажды у пороговъ Панга, гдѣ рѣка образуетъ водопады вышиною съ самыя высокія деревья; племена лѣваго берега называютъ Арухуими «Люи», между тѣмъ какъ у Бабуру праваго берега рѣка извѣстна подъ именемъ «Люали» и т. д., и т. д. Бакуля оказался необыкновенно хитрымъ мальчикомъ: онъ чистокровный людоѣдъ и съ величайшимъ наслажденіемъ поѣлъ бы человѣчьяго мяса. Но онъ превосходно игралъ свою роль и по врожденному гаерству сумѣлъ вести себя вполнѣ прилично въ новой средѣ, куда попалъ совершенно случайно; если бы всѣ туземцы придерживались политики этого мальчика, наше путешествіе въ этой странѣ могло бы быть очень легко и пріятно. Я полагаю, что они всѣ вообще также искусны и хитры какъ Бакуля, но такихъ отважныхъ между ними мало.

Изъ столицы старшины Бамби, племени Баналійцевъ, мы трогаемся въ путь 15-го числа, водою и сухимъ путемъ и направляемся къ селеніямъ Бунгангетовъ. Утро туманно и пасмурно, тяжелыя облака нависли низко. Я смотрѣлъ на темную рѣку, безшумно катившую свои воды между двухъ зеленыхъ стѣнъ, служившихъ ей высокими и неприступными оградами, и думалъ, что эта мѣстность благоговѣйно ожидаетъ трубнаго гласа цивилизаціи, которая и ее призоветъ въ свою очередь послужить общему дѣлу человѣчества. Я сравнивалъ выжидательный характеръ этого момента съ той глубокой тишиной, которая предшествуетъ разсвѣту, когда вся природа спитъ, когда теряешь сознаніе времени, когда бурныя страсти кажутся потухшими, а безмолвіе такъ полно, что кажется будто слышишь біеніе собственнаго сердца,

и мысли самыя сокровенныя какъ будто слишкомъ громко звучатъ въ душѣ. Когда на востокѣ начинаетъ сѣрѣть и бѣлѣть, заря занимается и въ воздухѣ чуется дыханіе невидимой жизни, все тогда проникается свѣтомъ, все пробуждается, дышетъ, поетъ и вся природа выходитъ изъ своего оцѣпенѣнія. Но здѣсь еще ничто не шевелится: дремучій лѣсъ остается недвижимъ и рѣка все также беззвучно протекаетъ мимо. Подобно «Спящей Красавицѣ», африканская природа спитъ съ незапамятныхъ временъ, но не старѣется; она стара, невѣроятно стара, а все-таки она спящая красавица-дѣва.

Трудно себѣ представить, какія громадныя пространства плодородной земли могла бы эта страна предоставить обработкѣ. Правда, по берегамъ рѣки населеніе довольно густое, но они далеко не вездѣ обработаны. Лѣсъ немного расчищенъ въ ближайшихъ окрестностяхъ поселковъ, насажено нѣсколько десятинъ маніока; иногда въ лѣсу сдѣлана просѣка, въ видѣ кратера болѣе или менѣе обширнаго, среди котораго ютятся дрянныя хижины, обитаемыя дикарями,—и только.

Плывя на вельботѣ, я только и могъ развлекаться нанесеніемъ на бумагу верхняго теченія Арухуими, направленіе котораго до тѣхъ поръ не было извѣстно, а наводить объ этомъ справки не было никакой возможности, такъ какъ туземцы при нашемъ приближеніи спасались бѣгствомъ на подобіе крысъ, залѣзающихъ въ норы. До какихъ поръ позволительно было отклоняться отъ намѣченнаго пути? Слѣдуя теченію рѣки, удобно было перевозить больныхъ и слабосильныхъ и облегчать трудъ здоровыхъ; можно было водою перевозить наши пожитки и съѣстные припасы, изобилующіе по берегамъ; но всѣ эти выгоды вознаградятъ ли насъ за громадный крюкъ, обусловленный длиннымъ изгибомъ рѣки? Дѣлая многочисленные зигзаги, она отклоняется отъ 70 до 90 километровъ къ сѣверу отъ нашей настоящей дороги Это много; но принимая во вниманіе количество заболѣвшихъ людей и всеобщее изнуреніе, я подумалъ, что если бы даже рѣка зашла до 2° сѣверной широты, все же несравненно лучше идти ея извивами, чѣмъ опять углубляться въ лѣсъ.

Температура воздуха въ туманныя утра была около +24° С., а надъ поверхностью воды +25°. Какое счастье, дышать чистымъ воздухомъ рѣки послѣ душной и спертой атмосферы нашихъ лагерныхъ стоянокъ по лѣсамъ!

16 іюля.—Наша флотилія, состоящая изъ «Аванса», большой пироги и четырехъ челноковъ, подобранныхъ въ разныхъ мѣстахъ по пути, приняла 74 человѣка и 120 вьюковъ. Теперь половина нашихъ пагази избавлена отъ ноши тяжестей, какъ вначалѣ я ихъ уволилъ отъ таскания составныхъ частей стальнаго вельбота; такимъ образомъ они

служатъ носильщиками только черезъ день, а въ остальное время идутъ съ пустыми руками. Мы проходимъ мимо устья одного большого притока и, пройдя еще два километра, останавливаемся на ночлегъ.

Температура повысилась до +34,5°; вслѣдствіе чего вскорѣ пошелъ проливной дождь, по обыкновенію предшествуемый громомъ и молніею. Хотѣлось бы мнѣ знать, сколько сантиметровъ воды упало на землю въ эти девятнадцать часовъ непрерывнаго ливня? Немногіе изъ насъ могли уснуть. Наконецъ, 17-го, въ часъ пополудни, наши люди принялись выжимать одѣяла и одежду для просушки и веселое оживленіе снова воротилось къ намъ. А туземцы по сосѣдству должно быть натерпѣлись страху, зная что мы отъ нихъ такъ близко; если бы они знали какими мы обладаемъ сокровищами, какъ выгодно они могли бы сбыть своихъ козъ и куръ.

Въ 3 часа пополудни пѣшая колонна расположилась лагеремъ насупротивъ поселенія на низовьяхъ Марири. Не довольствуясь своими огромными деревянными барабанами, распространявшими тревогу на 16 километровъ, туземцы подняли такой крикъ, что мы разслышали ихъ еще за два километра до стоянки. Отсутствіе всякихъ другихъ звуковъ придавало ихъ голосамъ особую силу.

Сомали, исправные и полезные слуги въ такихъ краяхъ какъ Массаи или выжженный солнцемъ Суданъ, никуда не годятся въ сырыхъ мѣстностяхъ. Пять человѣкъ отказались оставаться гарнизономъ въ Ямбуйѣ и настоятельно хотѣли идти со мною. Съ тѣхъ поръ какъ мы пошли водою, я приказалъ имъ поступить въ гребцы, насколько они съумѣютъ владѣть баграми и веслами; но въ самомъ скоромъ времени они начали изнуряться и подъ конецъ плыли ужь въ качествѣ простыхъ пассажировъ. Высадившись на сушу, послѣ двухчасоваго плаванія вверхъ по теченію, они до того устаютъ, что неспособны даже устроить себѣ шалашъ для защиты отъ сырости и дождя. А такъ какъ они отъявленные воры, то занзибарцы не подпускаютъ ихъ къ своимъ хижинамъ. Всякій день приходится позаботиться о томъ, чтобы имъ выдали порцію съѣстного; сами они такъ лѣнивы, что лучше будутъ голодать, чѣмъ потрудятся протянуть руки за фиговыми бананами, которые ростутъ надъ ихъ головами.

18 іюля.—Мы остановились на 16 километровъ выше устья верхняго Марири; суда прошли все разстояніе въ $4^1/_4$ часа, а сухопутная колонна не пришла и вечеромъ.

19 іюля.—Наши матросы въ теченіе $2^1/_2$ часовъ прорубаютъ дорогу до верхняго уступа пороговъ верхняго Марири. На возвращеніе въ лагерь имъ понадобилось всего 45 минутъ. Расчищая дорогу, мы шли вдоль берега приблизительно тѣмъ же шагомъ, какимъ идетъ обыкно-

венно нашъ караванъ, изъ чего я заключилъ, что по лѣсу можно бы подвигаться почти на 10 километровъ въ день. Возвратясь къ мѣсту привала, я велѣлъ колоннѣ построиться съизнова и провелъ ее до конца проложенной нами тропы. Вельботъ и челноки благополучно проведены на верхъ пороговъ; развѣдчики добыли съѣстныхъ припасовъ въ деревнѣ, на три километра выше лагеря, а на другой день авангардъ занялъ ее.

Два часа спустя, двое туземцевъ Марири подплыли въ челнокѣ и предложили намъ купить провизіи. Бакуля служилъ переводчикомъ. Мы купили двухъ куръ, а къ вечеру они привезли еще трехъ: то была первая наша торговая сдѣлка на Арухуими, кончившаяся удачно. Марири довольно важный пунктъ, богатый бананами; расположенъ насупротивъ той деревни, гдѣ мы остановились. Двое изъ нашихъ людей, Чарли № 1 и Мусса-бенъ Джума не вернулись на ночевку. Съ самого выступленія изъ Ямбуйи, мы еще ни одного человѣка не теряли.

Никакихъ особенныхъ событій не произошло, но съ того дня начался для насъ рядъ неудачъ. Полагая, что эти двое пропавшихъ попали въ руки къ туземцамъ, по утру на перекличкѣ я обратился къ людямъ съ увѣщаніями и сказалъ имъ цѣлую проповѣдь на этотъ счетъ. Черезъ тринадцать мѣсяцевъ послѣ того мы узнали, что они просто бѣжали и имъ удалось добраться до Ямбуйи: тамъ они сплели цѣлую исторію о претерпѣваемыхъ нами войнахъ и несчастіяхъ, офицеры передали эти слухи письменно комитету и наши друзья въ Европѣ переполошились. Если бы я зналъ, что двумъ гонцамъ можетъ удасться такой контрмаршъ, я конечно поспѣшилъ бы доставить маіору Барттлоту самыя точныя свѣдѣнія, а также послалъ бы ему карту того маршрута, которымъ, какъ мы полагали, онъ долженъ былъ воспользоваться черезъ мѣсяцъ.

За порогами Марири первый переходъ привелъ насъ къ обширному поселенію южнаго Мупэ,—нѣсколько деревень, расположенныхъ среди живописныхъ плантацій. Имена мѣстныхъ старшинъ: Мбаду, Алимба и Мангруди.

22 іюля.—Дежурный офицеръ докторъ Пэркъ имѣлъ несчастіе отклониться отъ рѣки и направиться по лѣсу не въ ту сторону. Напавъ на тропинку, онъ пошелъ по ней и тутъ они встрѣтили женщину съ дѣвочкой, у которой были большіе глаза и темная кожа. Она указала имъ дорогу къ рѣкѣ и ее отпустили. Очевидно подъ ея вліяніемъ, жители сѣвернаго Мупэ, на правомъ берегу, согласились вступить въ сношеніе съ нами и продали намъ два яйца и дюжину куръ.

(До слѣд. №).

Въ этомъ мѣстѣ рѣчное русло состоитъ изъ сплошнаго твердаго камня кирпичнаго цвѣта; пороговъ много, но они довольно мелки и не очень затрудняли передвиженіе. Берега иногда возвышаются надъ водою на 12 метровъ и выше, и на обнаженныхъ обрывахъ рѣзко были выражены горизонтальные пласты, мѣстами похожіе на обвалившіяся плиты.

У здѣшнихъ прибрежныхъ жителей повидимому существуетъ обычай, въ знакъ миролюбія лить на голову гостя воду пригоршнями. Подходя къ лагерю они издали начинали кричать:—«О, *мономопотэ*! (сынъ океана) мы голодаемъ и нѣтъ у насъ съѣстнаго, но вы найдете много припасовъ, если пойдете дальше, вверхъ по рѣкѣ».—На это мы отвѣчали:—Мы тоже голодаемъ и не можемъ идти дальше, пока вы не накормите насъ.—Послѣ чего они кидали намъ початковъ отличной кукурузы, бананонъ и сахарнаго тростнику. Эта церемонія послужила прологомъ къ дальнѣйшимъ сношеніямъ, во время которыхъ эти невинные дикари оказались такими же ворами и мошенниками, какъ и самые плутоватые уянзи на Конго. Здѣшніе принадлежатъ къ племени Бабэ.

Мы очень легко обмѣнивали на сахарный тростникъ и на табакъ старыя коробки отъ сардинокъ, отъ патроновъ или изъ подъ консервовъ сгущеннаго молока и варенья. За курицу мы давали бумажный платокъ. Они показывали намъ козъ, но продать ихъ отказались; козы чуть ли не составляютъ исключительной собственности старшинъ. По части тканей, имъ только и нравились бумажныя матеріи ярко-краснаго цвѣта. Мы видѣли въ ихъ рукахъ мѣдныя монеты, а на днѣ одного челнока замѣтили обломокъ шпаги, длиною 22 сантиметра, такого образца, какіе носятъ пѣхотные офицеры. Интересно бы узнать исторію этой шпаги и прослѣдить, черезъ сколько рукъ она прошла, съ тѣхъ поръ какъ вышла изъ оружейнаго завода въ Бирмингэмѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ или иначе сосѣди здѣшнихъ дикарей имѣли сношенія съ суданцами. Но наше незнаніе мѣстнаго языка и крайняя пугливость нашихъ новыхъ пріятелей ограничили наши разговоры нѣсколькими знаками привѣтственнаго и торговаго характера.

Нравы и одежда здѣшнихъ жителей мало отличаются отъ племенъ, населяющихъ область верхняго Конго. Головной уборъ состоитъ изъ сплетеныхъ прутьевъ, украшенныхъ перьями краснаго попугая, или представляетъ шапочку изъ обезьяньей шкурки сѣраго или чернаго цвѣта, съ висящимъ позади хвостомъ. Украшенія на шеѣ, на рукахъ и вокругъ щиколодки большею частію изъ гладкаго желѣза, рѣже мѣдныя; изъ латуни совсѣмъ не встрѣчаются. «*Сэнненэ*» выражаетъ

у нихъ дружелюбное привѣтствіе, также какъ у Маньюима, Урегга и Уссонгора, за Стэнлеевыми порогами. Очень изящны ихъ весла, имѣющія форму продолговатаго листка и тонко отдѣланныя.

Цвѣтъ ихъ кожи скорѣе желтый нежели черный. Когда видишь ихъ толпу на противуположномъ берегу, ихъ даже трудно отличить отъ красноватой почвы, что зависитъ впрочемъ и отъ кампешеваго порошка, который они мѣшаютъ съ масломъ и употребляютъ для украшенія своего тѣла; но отчасти этотъ свѣтлый оттѣнокъ опредѣляется и тѣмъ, что они живутъ въ тѣни. Бакуля никогда не натирается этимъ порошкомъ, а кожа у него гораздо свѣтлѣе чѣмъ у большинства нашихъ занзибарцевъ.

24-го авангардъ, подъ предводительствомъ Джефсона, сдѣлалъ великолѣпный переходъ въ 14 километровъ, на протяженіи которыхъ они прошли черезъ 17 потоковъ и заливовъ. Въ такихъ случаяхъ Джефсонъ проявляетъ необычайную силу. Во многихъ отношеніяхъ онъ мнѣ напоминаетъ меня самого въ молодые годы, пока старость и сотни лихорадокъ не расхолодили мою кровь. Онъ какъ разъ моего роста, одинаковаго со мной вѣса, тѣлосложенія и темперамента. Онъ горячъ, преисполненъ вѣры въ свои силы, необычайно выносливъ и совсѣмъ не вѣдаетъ утомленія. Онъ безъ малѣйшаго колебанія идетъ въ тинистую лужу, въ вонючую трясину, влѣзаетъ туда по колѣна, по поясъ, по шею,—весь уйдетъ, коли нужно; въ цивилизованной странѣ онъ сибаритъ, брезгливый, изнѣженный баловень; въ Африкѣ неутомимый работникъ, котораго приходится только сдерживать и направлять, для его же пользы. Его товарищи, Стэрсъ, Нельсонъ и Пэркъ во многомъ сходны съ нимъ. Стэрсъ, дѣятельный и интелигентный воинъ, понимающій мигомъ, съ полслова; онъ на лету схватываетъ указанія и выполняетъ ихъ въ совершенствѣ. Нельсонъ—центуріонъ древняго Рима: онъ можетъ совершить многое, только потому что такъ приказано; онъ не теряетъ времени на выясненіе причинъ: довольно того, что начальникъ распорядился, а его дѣло повиноваться; и всѣ его силы, вся энергія, рѣшительность и здравомысліе къ моимъ услугамъ: во всякое время онъ готовъ дѣйствовать, пострадать, умереть. А Пэркъ, благородный и добрый, терпѣливый и преданный, такой кроткій съ больными и въ то же время какой энергическій человѣкъ! Онъ всегда забудетъ о себѣ ради другихъ и распространяетъ вокругъ себя утѣшенія въ нашей атмосферѣ тяжелыхъ заботъ и страданій. Конечно никогда еще не бывало на африканской землѣ четырехъ товарищей лучше этихъ. И ни одинъ начальникъ экспедиціи не имѣлъ большихъ причинъ чѣмъ я благодарить за нихъ свою судьбу.

Въ этотъ день съ Джефсономъ было два приключенія. Шелъ онъ

весело и бодро впередъ, согласно побужденію своей прямолинейной натуры, и направляя піонеровъ шагалъ черезъ колючій джонгль, не опасаясь уколоться или порвать свое платье; какъ вдругъ онъ провалился и исчезъ въ слоновой ямѣ, какъ могло бы случиться и съ юнымъ толстокожимъ, который, рѣзвясь и играя, пролагалъ бы себѣ путь черезъ лѣсъ, давя, ломая и сокрушая на ходу бамбуки и древесные побѣги, и вдругъ исчезъ бы изъ глазъ своей заботливой мамаши. Къ счастью, Джефсонъ очень ловокъ: онъ такъ хорошо вывернулся и такъ быстро подоспѣли къ нему на помощь, что это паденіе не причинило ему никакого вреда. Это приключеніе только позабавило насъ въ лагерѣ и самъ Джефсонъ охотно надъ нимъ смѣялся.

Пустившись снова по лѣсу впереди всѣхъ, для проложенія тропинки, онъ внезапно очутился лицомъ къ лицу съ туземцемъ высокаго роста и съ копьемъ въ рукѣ. Они оба такъ были поражены неожиданностью своей встрѣчи, что остановились и не произнесли ни звука; опомнившись, другъ нашъ съ воинственной отвагой древняго богатыря бросился на дикаря; но тотъ, вырвавшись изъ его рукъ, побѣжалъ прочь, какъ бы спасаясь отъ льва, и устремился съ крутого обрыва къ маленькой бухтѣ, а Джефсонъ за нимъ. Глинистая почва тутъ мокрая и скользкая и храбрый командиръ «Аванса» съ разбѣга упалъ, головой внизъ: сила паденія была такъ велика, что онъ въ одно мгновеніе сползъ въ этомъ видѣ до самого края воды. Когда ему удалось вскочить на ноги, онъ увидѣлъ, что сынъ лѣсовъ уже переплылъ рѣку, на противуположномъ берегу остановился и съ изумленіемъ взиралъ на «бѣлолицаго», явившагося передъ нимъ такъ неожиданно, когда онъ только о томъ и думалъ, чтобы добыть дичи изъ разставленныхъ силковъ.

Мѣсто, выбранное нами для ночлега, съ незапамятныхъ временъ должно было служить любимымъ мѣстопребываніемъ слоновъ. Оно находится у поворота рѣки, гдѣ встрѣча быстрыхъ теченій производитъ сильнѣйшій водоворотъ. Выше этого пункта рѣка течетъ широко, спокойно, величаво; ниже—нѣсколько острововъ дѣлятъ ее на причудливую сѣть протоковъ.

25-го капитанъ Нельсонъ повелъ караванъ. Я удержалъ Джефсона при себѣ, дабы онъ помогъ провести черезъ эти опасные проливы длинныя и узкія пироги, нагруженныя нашими сокровищами, и присмотрѣлъ бы за увальнями, входившими въ составъ экипажа. «Авансъ» пошелъ первымъ и сталъ на якорѣ выше водоворота; его матросы бросили съ борта конецъ каната гребцамъ, которые, ухватившись за него, понемногу притянулись къ вельботу и такимъ образомъ привели

пирòги въ болѣе спокойныя воды. Послѣ этого мы гребемъ изо всѣхъ силъ, чтобы выбраться вверхъ по бурному теченію. Въ 11 часовъ утра «Авансъ» сталъ рядомъ съ авангардомъ каравана, поджидавшаго насъ на высокомъ берегу Ренди, широкой бухты съ лѣнивыми и темными водами, которыя какъ бы не хотя выступаютъ изъ мрачной глубины лѣса. Въ часъ дня перетаскиваніе волокомъ кончено и караванъ вновь пустился въ путь; между тѣмъ мы приготовляемся къ новой борьбѣ съ утесами и съ быстриной ужасныхъ пороговъ, извѣстныхъ у насъ подъ названіемъ «Осиныхъ пороговъ» со времени слѣдующаго происшествія.

Эти пороги растянулись на протяженіи болѣе трехъ километровъ. Выше ихъ расположены деревни, ставшія знаменитыми изъ-за трагическихъ происшествій, о которыхъ будетъ сказано ниже; въ настоящее время мы стремились туда въ надеждѣ найти тамъ пріютъ и съѣстные припасы.

Въ продолженіи первыхъ 30 минутъ все шло хорошо. Теченіе быстрое и опасное, перебивалось мѣстами крупными волнами. Я былъ на рулѣ. Съ праваго борта гребцы работали изо всѣхъ силъ; съ лѣваго матросы хватались за нависшія вѣтви; двое отталкивались шестами; двое другихъ, стоя на передней палубѣ, держали на готовѣ багры, чтобы хвататься за стволы молодыхъ деревьевъ, мимо которыхъ мы плыли. Мы подвигались медленно, пробираясь между берегомъ и островками по узкому рукаву, загроможденному громаднымъ подводнымъ утесомъ, выставлявшимся изъ воды множествомъ вершинъ около одного метра въ поперечникѣ; но мы твердо рѣшились переплыть его, будучи увѣрены, что въ случаѣ крушенія тутъ меньше шансовъ потонуть. Горячо взявшись за дѣло, мы уже вступили въ самый опасный протокъ, протянувъ руки къ вѣтвямъ, за которыя была возможность ухватиться; но какъ только мы взялись за нихъ, на насъ накинулся цѣлый рой обозленныхъ осъ, со всѣхъ сторонъ облѣпившихъ насъ: онѣ жалили въ лицо, руки, шею, словомъ всюду, куда могли проникнуть. Внѣ себя отъ бѣшенства и отъ боли, тщетно отбиваясь отъ этого легіона враговъ, окруженные предательскими утесами, отбрасываемые бурными волнами, увлекаемые въ водовороты, мы такъ работали руками и ногами, „когтями и зубами“, что въ нѣсколько минутъ очутились за 100 метровъ отъ ужаснаго мѣста и прикрѣпили суда къ деревьямъ; тутъ мы остановились отдохнуть, собраться съ мыслями, пожаловаться на боль, порадоваться своему избавленію и обмѣняться воспоминаніями и мнѣніями объ относительныхъ достоинствахъ разныхъ жалящихъ насѣкомыхъ, пчелъ, слѣпней и осъ.

Одинъ острякъ, обращаясь къ моему слугѣ, нѣмцу, сказалъ:—Вы

надняхъ увѣряли, что въ этихъ гнѣздахъ изъ сѣрой бумаги должно быть много меда,—ну, какъ же вамъ понравился сегодняшній медъ? Горьковатъ, не правда ли?—Всѣ разсмѣялись; веселое расположеніе духа снова вступало въ свои права. Опять принялись за работу и черезъ часъ приплыли къ деревнѣ, только что занятой караваномъ. Люди на челнокахъ, слѣдовавшихъ за нами, издали видѣли баталію, происшедшую между нами и осами и изъ предосторожности переплывъ рѣку поперекъ, пошли вдоль праваго берега. Сомали и суданцы, поручивъ себя Аллаху, вошли въ протокъ и были страшно искусаны осами. Они вознаградили себя тѣмъ, что потѣшались надъ занзибарцами, которыми командовалъ Уледи,—тотъ самый Уледи, о которомъ говорено въ моей книгѣ «Таинственный Материкъ».

— Что-жь это, Уледи!—сказалъ я ему,—ты сегодня осрамился, развѣ достойно храбраго быть побѣжденному осами?

— О, господинъ!—отвѣчалъ онъ,—храбрость тутъ не причемъ, Осы злѣе самыхъ жестокихъ людей.

Здѣшнее поселеніе на лѣвомъ берегу называется Бандейя; насупротивъ его живетъ племя Буамбури. Къ сѣверу отъ Буамбури, на одинъ день пути, обитаютъ Абабуа и Мабодэ, у которыхъ хижины строются уже не коническія, какъ у прирѣчныхъ племенъ; по слухамъ, они строютъ себѣ дома квадратные, со щипцомъ на крышѣ, стѣны тщательно замазываютъ, а къ переднему фасаду придѣлываютъ глиняныя веранды.

26-го—мы дневали, чтобъ отдохнуть и оправиться отъ лихорадочнаго припадка, причиненнаго ужаленіемъ осъ; командиръ вельбота особенно пострадалъ отъ нихъ. На слѣдующій день насъ посѣтилъ старшина Буамбури. Онъ принесъ въ даръ цыпленка, которому отроду не минуло еще и одного мѣсяца: мы отказались отъ такого подарка со стороны человѣка, который жаловался на свою бѣдность. На немъ было ожерелье изъ травъ, къ которому подвѣшены два небольшіе клыка, тщательно сточенные и полированные, а головнымъ уборомъ служила шкурка обезьяны съ длинною шерстью. Мы съ нимъ обмѣнялись дружелюбными привѣтствіями и караванъ выступилъ дальше. 28-го—стали лагеремъ противъ Мукупи, мѣстечка, состоявшаго изъ восьми дикарскихъ деревень.

Захватили въ плѣнъ двухъ туземныхъ геркулесовъ, которые разудивили насъ слѣдующими сообщеніями: къ востоку отъ мѣста, называемаго Панга, къ которому мы скоро придемъ, есть большая вода. по имени Но-Ума, окружность которой равняется нѣсколькимъ днямъ пути. Среди этой воды виднѣется островъ, населенный такимъ множествомъ змѣй, что туземцы боятся туда ходить. Изъ этого озера

береть начало Нэпоко, притокъ рѣки Нуэллэ,—какъ называютъ здѣсь Аруxуими. Я вскорѣ однако же догадался, что озеро это фантастическое, а Нэпоко впадаетъ въ большую рѣку съ западнаго, т. е. праваго берега.

29-го.—Располагаемся лагеремъ насупротивъ Май-Юи, цѣлаго ряда селеній, окруженныхъ бананами, на правомъ берегу. Жители не очень дичились насъ. Должно быть они получили на нашъ счетъ благопріятныя свѣдѣнія. Торговля началась самымъ любезнымъ образомъ; у нашихъ людей было достаточное количество мѣдной монеты, бусъ, мѣдной проволоки и разной другой заморской дряни. Но съ прибытіемъ колонны цѣны поднялись, потому что спросъ на мѣстные товары былъ великъ. Насъ предупредили, что другихъ поселеній не будетъ вплоть до Панги, которая отсюда за девять дней пути по лѣсу.

На другой день у насъ опять базаръ; для облегченія покупокъ мы роздали своимъ людямъ нѣкоторое количество мелкихъ вещей, служащихъ здѣсь вмѣсто денегъ. Но цѣнность этихъ предметовъ значительно понизилась въ теченіи ночи: за прутъ изъ желтой мѣди, длиною въ аршинъ, а толщиною въ телеграфную проволоку, давали всего только три початка кукурузы. Въ Бангалѣ за этотъ самый прутъ можно купить провіанту на пять дней. А здѣсь, въ этой глуши, за четыре прута насилу уступали одного плохого цыпленка. Ни мѣдныхъ монетъ, ни бусъ совсѣмъ больше не принимали. Наши люди отощали, но не взирая на перспективу девятидневнаго поста, никто и не думалъ воротиться чрезъ Осиные пороги для добыванія провизіи. Какъ мы не уговаривали туземцевъ, они оставались глухи къ нашимъ увѣщаніямъ. Тогда наши стали втихомолку сбывать свои патронташи за пару фиговыхъ банановъ. За одинъ патронъ имъ давали початокъ кукурузы, за жестяную коробку—два початка. Туда же пошли сѣчки, топорики, ножи. Намъ угрожало полное разореніе. Я погналъ прочь всѣхъ туземцевъ и приказалъ одному изъ своихъ занзибарскихъ великановъ взять живьемъ изъ челнока одного изъ главныхъ невольниковъ старшины Мугуйе, а дикарямъ объявилъ, что если они не хотятъ честно торговать, какъ въ первый день нашего прибытія, мы уведемъ плѣнника съ собою, а за провіантомъ сами отправимся за рѣку.

Прождавъ понапрасну отвѣта на этотъ ультиматумъ цѣлый вечеръ, на разсвѣтѣ, 31-го числа, мы сѣли на суда въ сопровожденіи двухъ отрядовъ и высадились въ Май-Юи; фуражиры, разосланные во всѣ стороны, набрали съѣстныхъ припасовъ на десять дней.

Вечеромъ, 1 августа, авангардъ расположился противъ Мамбанги. Матросы претерпѣли нѣсколько неудачъ. По неосторожности суданцевъ ихъ пирóга опрокинулась. Одинъ изъ рулевыхъ, занзибарецъ, вопреки

моимъ формальнымъ приказаніямъ, направилъ свой челнокъ подъ самый берегъ, намѣреваясь проскочить подъ громадными древесными вѣтвями, которыя нависли надъ рѣкою на пятнадцать метровъ. Увлекаемый быстриной, онъ задѣлъ челнокомъ за подводную вѣтку и лодка перевернулась, погубивъ при этомъ много дорогихъ вещей, между прочимъ шесть ружей и цѣлый тюкъ съ ожерельями, изъ которыхъ каждое обошлось намъ въ 5 франковъ.

2 августа у насъ былъ смертный случай,—первый съ выступленія изъ Ямбуйи за 36 дней предъ тѣмъ. Принимая во вниманіе всѣ лишенія и непосильные труды, доставшіеся намъ на долю, я еще дивился тому, что наше положеніе не хуже. Всѣ мы давно нуждались въ отдыхѣ, но караванъ спѣшилъ впередъ, въ надеждѣ найти на томъ или другомъ берегу какой нибудь поселокъ, достаточно снабженный съѣстными припасами, чтобы прокормить насъ дней пять.

Достигнувъ большой деревни, по всѣмъ признакамъ заброшенной по крайней мѣрѣ полгода назадъ, мы располагали тутъ проночевать, какъ вдругъ я услышалъ какія-то крики и необычайное движеніе. Въ одной изъ хижинъ нашли человѣческій трупъ, уже въ значительной степени разложившійся; потомъ нашли другой, третій... Мы поспѣшили снова собрать свои пожитки и поскорѣе вышли изъ этого селенія мертвецовъ, изъ боязни захватить ту странную болѣзнь, которая повидимому принудила жителей разбѣжаться изъ своихъ зачумленныхъ жилищъ.

Одинъ изъ нашихъ несчастныхъ ословъ, не находившій корма въ этой странѣ деревьевъ и джонглей, легъ на землю и околѣлъ. Остальные тоже очень страдаютъ отъ недостатка травы въ нескончаемыхъ лѣсахъ.

Устье р. Нгулы, сѣвернаго притока, который въ этомъ мѣстѣ казался до 16 метровъ шириною, приходилось какъ разъ противъ нашей вечерней стоянки.

3-го на горизонтѣ показались два холма, одинъ на востокъ-юговостокъ, другой еще немного восточнѣе. Мы остановились у нижней оконечности рѣчнаго изгиба, внутри котораго находятся два острова. На одномъ изъ нихъ, о радость! мы нашли двухъ козъ и конечно тотчасъ же предали ихъ закланію, одну—для офицерскаго стола, а другую—на бульонъ для больныхъ. Будь у меня сотня козъ, сколько бы сохранилось человѣческихъ жизней, которыя постепенно погасали.

4-го достигли наконецъ пороговъ Панга или Нэпанга, о которыхъ столько наслышались отъ юнаго туземца, Бакуля.

Эти пороги въ десять метровъ вышиною, но они кажутся вдвое выше по причинѣ чрезвычайно отлогой покатости, начинающейся далеко выше уступовъ. Весь водопадъ имѣетъ до $1^1/_2$ километра про-

тяженія и представляетъ первое дѣйствительно серьезное препятствіе на пути нашей флотиліи; онъ низвергается по гнейсовымъ утесамъ четырьмя отдѣльными каскадами, изъ которыхъ наибольшій имѣетъ 60 метровъ ширины. Эти пороги служатъ естественною охраной туземцевъ, населяющихъ большой островъ, называемый Нэпанга, имѣющій 1650 метровъ длины, 300 метровъ ширины, и расположенный въ 600 метрахъ ниже водопадовъ. На островѣ 3 деревни, заключающія до 250 хижинъ коническаго типа. Туземцы владѣютъ и другими поселеніями внутри страны, и къ сѣверу, и къ югу отсюда. Они питаются почти исключительно бананами, хотя у нихъ есть и маніоковыя поля.

Одинъ злополучный занзибарецъ, должно быть предпринявшій какъ можно больше способствовать нашему разоренію, опрокинулъ свой челнокъ приближаясь къ Нэпангѣ и потопилъ два ящика снарядовъ отъ митральезы, пять ящиковъ мѣдной монеты, три ящика съ бѣлилами, одинъ съ бусами, одинъ съ тонкою мѣдною проволокой, нѣсколько патронташей и семь карабиновъ.

Въ этой мѣстности все дико: одинокій гиппопотамъ, завидѣвъ насъ, погнался за нами и чуть не настигъ; за это онъ получилъ рану, вѣроятно смертельную. При нашемъ приближеніи куры разлетались во всѣ стороны и попрятались въ джонглѣ. Козы также оказались крайне дикими. Впрочемъ намъ удалось таки изловить двѣнадцать козъ, что подало мнѣ надежду спасти нѣсколькихъ больныхъ. Невода и верши туземцевъ доставили намъ также немножко рыбы.

Три дня сряду фуражиры шарили по островамъ и по деревнямъ обоихъ береговъ и въ концѣ концовъ набрали 110 килограммовъ кукурузы, 18 козъ, столько же куръ и нѣсколько банановъ. И это все, что они могли достать на 383 человѣка! Они исходили множество поселковъ, но видно было что и у самихъ туземцевъ немного запасовъ. По слухамъ, они теперь воюютъ съ другимъ племенемъ — Энгуеддэ. Вмѣсто того, чтобы обработывать свои поля, они питаются грибами, корнями, травами, рыбой, улитками, гусеницами, стеблями банановъ, изрѣдка разнообразя эту странную діэту кушаньемъ изъ человѣческаго мяса, когда удается поразить копьемъ врага. Дальнѣйшее пребываніе въ такомъ мѣстѣ не представляло никакого удовольствія и потому мы немедленно занялись переноскою судовъ. Для этой цѣли отряду Стэрса поручено было проложить дорогу и для большаго удобства наложить поперекъ пути круглыхъ обрубковъ; отряды № 3 и № 4 тянули бичевой челноки; отрядъ № 1 перенесъ «Авансъ» цѣликомъ, не разбирая его, и шествовалъ въ тактъ подъ звуки дикой музыки и пѣсенъ. Вечеромъ 6 августа, послѣ утомительной работы, мы стали лагеремъ по ту сторону большихъ водопадовъ Панга.

Глава VIII.

ОТЪ ВОДОПАДОВЪ ПАНГА ДО ЛАГЕРЯ УГАРРУЭ.

(Съ 7 августа по 19 сентября 1887 г.).

Еще приключенія на порогахъ.—Селеніе Утири.—Мѣстечко Ависсиба.—Слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ въ Ависсибѣ.—Туземцы нападаютъ.—Лейтенантъ Стэрсъ раненъ.—Преслѣдованіе непріятеля.—Отравленныя стрѣлы.—Неосторожность занзибарцевъ.—Отрядъ Джефсона не возвращается.—Наши раненые.—Постоянные дожди.—Смерть Хальфана, Саади и другихъ.—Отрядъ воротился.—Пороги Мабенгу.—Ревизія имущества.—Нэпоко.—Разсужденія Бинзы.—Наши запасы.—Напрасная растрата боевыхъ снарядовъ.—На полдорогѣ къ озеру Альберта.—Встрѣча съ людьми Угарруэ.—Бѣглецы.—Стоянки у раздолья гиппопотамовъ и у пороговъ Авакуби.—Разрушенное селеніе Наваби.—Слоны у Мемберри.—Опять дезертиры.—Угарруэ, арабскій старшина,—онъ снабжаетъ насъ свѣдѣніями.—Я посѣщаю арабскую ставку.—Первый образчикъ племени пигмеевъ.—Уговоръ съ Угарруэ.

За три километра отъ послѣдняго ночлега мы замѣтили на островкѣ, посреди рѣки, нѣчто въ родѣ маленькой крѣпости и деревню, стоявшую такъ низко, что она казалась намъ совсѣмъ вровень съ водою.

7-го мы отправились осматривать это мѣстечко, что оказалось очень труднымъ предпріятіемъ, по причинѣ чрезвычайной быстрины теченія, стремящагося къ Пангѣ по довольно крутому и опасному склону. Островокъ этотъ первоначально былъ вѣроятно подводнымъ рифомъ, который лишь нѣсколькими плоскими вершинами выставлялся изъ уровня самыхъ высокихъ водъ; впослѣдствіи всѣ неровности поверхности засыпаны землей, очевидно привезенной съ береговъ. Длина островка—60 метровъ, ширина—отъ 28 до 30 метровъ. Рыбаки выстроили на немъ десятковъ шесть коническихъ хижинъ, окруженныхъ заборомъ изъ досокъ очень легкаго дерева, добываемаго въ лѣсу, и изъ сломанныхъ челноковъ. Въ настоящее время уровень воды былъ всего на 15 сантиметровъ ниже самого низкаго пункта острова.

Въ этотъ день, во время перехода отъ водопадовъ Панга къ по-

рогамъ Неджамби, случилось непріятное происшествіе. Безтолковый лоцманъ такъ глупо направилъ пирôгу подъ нависшія вѣтви прибрежныхъ деревьевъ, что она опрокинулась на самой быстринѣ протока. Такимъ образомъ мы лишились еще двухъ ружей и ящиковъ съ порохомъ. Эти занзибарцы до того небрежны, такъ спустя рукава относятся къ переваламъ черезъ пороги, что я просто чувствую какъ старѣю подъ бременемъ всѣхъ этихъ тревогъ. Всѣ неудачи, всѣ утраты, нами понесенныя, коренятся единственно лишь въ упорномъ пренебреженіи этихъ людей къ исполненію отдаваемыхъ мною приказаній. На сушѣ они отбиваются отъ товарищей, разбредутся по лѣсу и больше не возвращаются; значитъ, либо убѣжали, либо туземцы подстрѣлили ихъ. У насъ не достаетъ уже восьми человѣкъ и семнадцати карабиновъ.

8-го караванъ перетащилъ челноки черезъ пороги Неджамби и сталъ лагеремъ въ нѣсколькихъ километрахъ ниже Утири. На другой день мы пришли въ селенія, построенныя совсѣмъ иначе нежели принято на нижнемъ Арухуими. Хижины очень низкія, но крыши у нихъ со щипцомъ; каждый домикъ окруженъ прочной и высокой оградой, изъ стволовъ одного дерева, принадлежащаго къ семейству Мареновыхъ и грубо разщепленныхъ на доски длиною въ 180 сантиметровъ, шириною въ 23 и толщиною въ 10 сантиметровъ. Между двумя рядами такихъ домовъ идетъ улица, шириною по меньшей мѣрѣ въ 6 метровъ. Если бы человѣкъ двѣнадцать отважныхъ людей, вооруженныхъ ядовитыми стрѣлами, засѣли въ оградахъ этихъ хижинъ, они надѣлали бы много бѣдъ непріятелю, хотя бы вооруженному карабинами.

10 августа мы дневали; но фуражиры, разосланные по тремъ направленіямъ, достали пищи только на два дня. Одинъ изъ нихъ, Хальфанъ по имени, раненъ въ горло деревянною стрѣлой. Самое мѣсто раны еще разъ доказало, что наши люди и не думаютъ беречься: онъ шелъ и зѣвалъ по верхамъ, разыскивая банановъ; а дикарь, не потрудившись даже спрятаться, на разстояніи шести метровъ всадилъ ему въ горло отравленную стрѣлу.

Уколъ былъ самый маленькій, какъ будто отъ иголки; однако, не смотря на всѣ старанія доктора, черезъ нѣсколько дней послѣдствія этой раны оказались смертельными.

11-го числа наши матросы провели весь день въ борьбѣ съ быстриной на страшныхъ порогахъ, растянувшихся на восемь километровъ: тутъ вода кипитъ вокругъ рифовъ и бурлитъ между множествомъ скалистыхъ островковъ. Пѣшая колонна шла по торной тропинкѣ до Энгуэддэ, куда и мы прибыли 12-го числа. Такъ какъ пе-

ревалъ черезъ эти пороги занялъ у насъ цѣлый день, пришлось опять разсылать фуражировъ, которымъ на этотъ разъ удалось достать изрядное количество фиговыхъ банановъ. 13-го мы направились къ Ависибба или Эвичиба—слободѣ, состоящей изъ пяти большихъ деревень, изъ которыхъ двѣ расположены у верхняго конца мелкаго притока Руку.

Флотилія пришла первою. Широкая, прямая улица тянется между двумя рядами низкихъ хижинъ, обнесенныхъ деревяннымъ частоколомъ. Рощи бананниковъ (Musa Sapientum) обѣщаютъ богатую поживу. За ними высится все тотъ же нетронутый дремучій лѣсъ. Отъ устья притока до конца просѣки этотъ первобытный лѣсъ образуетъ стѣну, толщиною въ сто метровъ; другая стѣна высокоствольныхъ деревьевъ, не болѣе 50 метровъ ширины, отдѣляетъ селеніе отъ водъ Арухуими. Покуда люди направлялись въ челнокахъ на другой берегъ мелкаго притока, наши матросы тщательно осматривали окрестность, ища по дворикамъ и хижинамъ не укрылись ли гдѣ дикари, либо съ карабиномъ на плечѣ фуражировали на плантаціяхъ.

На бивакѣ намъ пришлось произвесть дознаніе объ убійствѣ. Наканунѣ, въ Энгуеддэ, одинъ изъ занзибарцевъ палъ отъ пули, которую можетъ быть пустилъ въ него одинъ изъ товарищей. Передъ началомъ судьбища я просилъ двоихъ офицеровъ съ 40 человѣками команды снова переправиться черезъ притокъ и изслѣдовать юго-западный его берегъ, чтобы узнать, нельзя ли достать тамъ припасовъ на завтрашній день.

Мой маленькій военный совѣтъ собрался и мы уже снимали допросъ со свидѣтеля, какъ вдругъ насъ поразили звуки необыкновенно усердной пальбы. Лейтенантъ Стэрсъ взялъ 50 человѣкъ и отправился въ ту сторону скорымъ шагомъ. Мнѣ казалось, что девяноста усовершенствованныхъ ружей будетъ вполнѣ достаточно, и я снова занялъ свое судейское мѣсто. Однако пальба продолжалась съ ожесточеніемъ и слышался непрерывный ружейный огонь нашихъ развѣдчиковъ.

Тогда докторъ, Нельсонъ и я поспѣшили къ берегу. Первый, попадающійся мнѣ на глаза, лейтенантъ Стэрсъ, въ разодранной рубашкѣ: кровь ручьями льется у него изъ раны на лѣвой груди, въ области сердца. Подлѣ меня слышится шумъ, какъ бы отъ дождя, попадающаго на листья: это все стрѣлы, осыпающія насъ какъ градомъ. Я поручаю нашего бѣднаго друга заботамъ Пэрка и бѣгу присоединиться къ своимъ. Я засталъ ихъ лежащими во всевозможныхъ положеніяхъ и безъ всякаго толку стрѣляющими въ какіе-то подозрительные кусты на противуположномъ берегу; очевидно, тамъ и скрываются искусные непріятельскіе стрѣлки, но ни одного изъ нихъ не видать. Въ то время,

какъ наши люди на пирогѣ переплывали притокъ, туземцы, наиболѣе отважные изъ всѣхъ, до сихъ поръ нами встрѣченныхъ, внезапно осыпали ихъ стрѣлами. Чтобы по мѣрѣ возможности избѣгнуть ихъ ядовитыхъ уколовъ, наши люди постарались укрыться въ пирогѣ и въ тоже время изо всѣхъ силъ гребли назадъ, къ нашему берегу. Достигнувъ его, они схватили ружья и принялись стрѣлять какъ попало. Лейтенантъ Стэрсъ, подоспѣвшій на помощь, организовалъ болѣе правильную пальбу, но тутъ въ него самого попала стрѣла, которую онъ выдернулъ, командуя отступленіе. Пятеро другихъ изъ нашихъ также ранены. Пока я выслушивалъ это донесеніе, какая-то тѣнь мелькнула между двумя кустами. Я выстрѣлилъ: въ отвѣтъ на это послышался не то стонъ, не то какое-то завываніе. Минуты черезъ двѣ стрѣлы перестали летать. Я поручилъ отряду нашихъ наилучшихъ часовыхъ наблюдать противный берегъ и привести обратно въ лагерь остальныхъ людей.

Вечеромъ развѣдчики привели намъ семь козъ, найденныхъ въ лѣсу. Они отыскали бродъ черезъ притокъ и стрѣляли по небольшой толпѣ дикарей, шедшихъ на помощь своимъ собратьямъ, а можетъ быть возвращавшихся послѣ перестрѣлки съ нами.

14 августа утромъ двѣ роты снова переправились черезъ притокъ, чтобы отомстить врагамъ, надѣлавшимъ намъ столько бѣдъ. Другой отрядъ, подъ начальствомъ капитана Нельсона, углубился въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы услышали ружейный залпъ, потомъ другой, потомъ непрерывную стрѣльбу, которая доказывала, что непріятель защищается отчаянно. У насъ въ авангардѣ были превосходныя стрѣлки; но въ такой трущобѣ мудрено причинить серьезныя потери хитрымъ дикарямъ, владѣющимъ столь опаснымъ оружіемъ, постоянно держащимся въ засадѣ и совершенно не сознающимъ ужасной силы нашихъ смертоносныхъ зарядовъ, которые градомъ сыпались въ подлѣсокъ.

Изъ трехсотъ зарядовъ, выпущенныхъ въ этотъ день, только четыре достигли цѣли. Съ нашей стороны также четверо ранены стрѣлами, только что пропитанными какимъ-то веществомъ, цвѣта копаловой камеди. Мнѣ принесли трупъ одного дикаря. Его длинные и густые волосы охвачены были желѣзнымъ обручемъ; на шеѣ у него было ожерелье изъ шариковъ того же металла, перемѣшанныхъ съ обезьяньими зубами. Его собственные зубы были обточены и заострены. Два ряда шрамовъ украшали его грудь и животъ. Онъ неподвергался обрѣзанію. На шеѣ другого дикаря, лежавшаго на пристани, было ожерелье изъ человѣческихъ зубовъ; на головѣ у него была блестящая желѣзная повязка, надо лбомъ и на рукахъ такія же

украшенія, а вокругъ лѣваго предплечья толстый валикъ изъ шелковаго хлопка, зашитаго въ козью кожу, для защиты тѣла отъ повреждeнія тетивой лука.

Вытѣснивъ дикарей изъ всѣхъ ихъ засадъ, наши люди отправились добывать провизіи и къ вечеру принесли въ Ависсибу столько фиговыхъ банановъ, что каждому досталось по восьмидесяти штукъ, что составляетъ четыре суточныя порціи.

Стрѣла вонзилась въ грудь лейтенанта Стэрса на 32 миллиметра пониже сердца; рана, длиною въ 5 миллиметровъ, шла въ глубину на 38 мм. Остальные паціенты были ранены въ кисти рукъ, въ предплечья, въ мягкую часть спины. Въ то время намъ неизвѣстны были свойства того страннаго вещества, въ которое дикари обмакиваютъ кончики своихъ стрѣлъ; не знали мы и того, что въ свѣжемъ или въ сухомъ видѣ, вещество это дѣйствуетъ различно. Докторъ только и могъ сдѣлать, что спринцовать раны водою, да вычищать ихъ какъ можно лучше. Опытные люди нашего каравана увѣряли, что этотъ ядъ ничто иное какъ пѣна, собираемая съ долго варимаго каучука, изъ растенія Ficus elastica. Другой свѣдующій человѣкъ, изъ туземцевъ, говорилъ, что оно извлекается изъ одной породы аронника (Arum), который толкутъ и потомъ кипятятъ. Этотъ отваръ сливаютъ и снова поставивъ на огонь варятъ до тѣхъ поръ, пока жидкость не сдѣлается густая, какъ сиропъ; тогда ее мѣшаютъ съ жиромъ. Она имѣетъ острый запахъ, напоминающій вонь отъ Assa-fetida; наши люди утверждали, что противъ этого яда не устоятъ даже слоны и другая крупная дичь, что сильно безпокоило насъ. Впрочемъ, я считалъ, что это преувеличено. Принимая въ соображеніе въ особенности крайнюю мелкость этихъ ранокъ, болѣе похожихъ на уколы булавками, мы не отчаявались въ положеніи нашего друга Стэрса и девяти другихъ израненыхъ.

Стрѣлы, длиною въ 60 сантиметровъ, или около того, очень тонки, изъ темнаго дерева; острые концы ихъ подвергаютъ медленному отвердѣнію, долгое время оставляя ихъ въ горячемъ воздухѣ надъ очагомъ хижины. Съ другого конца въ стрѣлѣ надрѣзываютъ продольную щель, въ которую вставляютъ листокъ, для большей правильности полета. На 12 миллиметровъ повыше заостренія, тонкаго какъ игла, расширенная часть врѣзывается сердечкомъ длиною въ 5 сантиметровъ и со внутренней стороны покрывается мелкими зарубками. Эти-то головки стрѣлы и обмакиваются въ клейкое вещество, о которомъ говорено выше. Другія, видѣнныя мною, бываютъ покрыты слоемъ чего-то чернаго, въ свѣжемъ состояніи напоминающаго шведскій деготь, но съ очень непріятнымъ запахомъ. Приготовленные

такимъ образомъ, концы стрѣлъ обвертываются зелеными листьями, связываются въ пучки и тогда уже помѣщаются въ колчанъ, гдѣ помѣщается ихъ до ста штукъ. Мелочная заботливость, съ какою дикари обвертываютъ каждый наконечникъ своихъ стрѣлъ, заставляла насъ крѣпко призадумываться и безпокойство за раненыхъ все увеличивалось.

Лукъ, длиною въ 90 сантиметровъ, изъ темнаго и чрезвычайно твердаго дерева. Тетивою служитъ широкая лента изъ тростника, тщательно отполированнаго. Пробуя самъ стрѣлять изъ такого лука, на первый разъ на разстояніи двухъ метровъ, я насквозь пробилъ деревянной стрѣлой жестяную коробку съ крышкой. Выстрѣливъ вверхъ, я видѣлъ какъ стрѣла пролетѣла выше самыхъ высокихъ вѣтвей и упала по ту сторону дерева, стоявшаго отъ меня за 180 метровъ. Значитъ, это оружіе не шуточное и нѣтъ сомнѣнія, что на близкомъ разстояніи и вслѣдствіе сильнаго толчка, сообщаемаго этимъ небольшимъ лукомъ, такая стрѣла можетъ насквозь пробить грудь человѣка. Въ разстояніи 120 шаговъ, я меньше чѣмъ на 3 сантиметра промахнулся въ птичку.

15 августа въ полдень, первая колонна, подъ начальствомъ дежурнаго Джефсона, выступила изъ одной изъ деревень Ависсибы, обнесенныхъ частоколомъ. Одинъ изъ плѣнниковъ сказалъ мнѣ, что нѣсколько выше по рѣкѣ мы встрѣтимъ еще три водопада. Согласно даннымъ мною инструкціямъ, мистеръ Джефсонъ долженъ былъ слѣдовать берегомъ и къ 2½ часамъ пополудни сдѣлать привалъ, выбравъ для того удобное мѣсто, Я же со своей флотиліей, состоявшей теперь изъ «Аванса» и четырнадцати пирогъ, оставался на мѣстѣ, покуда капиталъ Нельсонъ съ арріергардомъ очиститъ лагерь. Такъ какъ лодки подвигаются быстрѣе пѣшеходовъ, я разсчитывалъ всетаки опередить ихъ и пройдя водою съ часъ времени, стать на якорѣ и подождать Джефсона. Эти распоряженія были въ точности переданы и растолкованы всѣмъ взводнымъ начальникамъ.

Слѣдовало бы предупредить ихъ, что выступленіе назначено въ полдень, потому что на утренней перекличкѣ пятерыхъ не досчитались. Они воротились въ десять часовъ утра. Такая неисправимая привычка отлучаться безъ спроса приводила меня въ отчаяніе и я ихъ хорошо обругалъ. Собственно говоря, мнѣ пора было бы привыкнуть къ этому, потому что занзибарцы продолжали вести себя съ полнѣйшею беззаботностью; съ ихъ стороны это была не храбрость, и не отсутствіе опыта, но рѣшительная неспособность помнить, что опасность угрожаетъ каждую минуту, и забвеніе того, что уже происходило въ этомъ смыслѣ. У звѣрей бываетъ инстинктъ, постоянно заставляющій

ихъ быть на сторожѣ; но эти люди не одарены, повидимому, ни инстинктомъ, ни разумомъ, ни понятіемъ, ни памятью. Это существа вполнѣ безмозглыя. Какъ ни убѣждаешь ихъ опасаться многочисленныхъ враговъ, притаившихся всюду, какъ не грозишь имъ, ничто не помогаетъ: нѣтъ возможности втолковать имъ, что надо быть осторожнѣе, помнить о деревянныхъ острыхъ кольяхъ, натыкаемыхъ по дорогамъ, о людоѣдахъ, прячущихся за широколиственнымъ бананомъ, о хитромъ дикарѣ, притаившемся подъ древесными корнями, или за поваленнымъ стволомъ; о капканахъ, утыканныхъ острыми рогатками и прикрытыхъ свѣжими листьями. Никогда никакой опасности они не предвидятъ. Внезапно осыпанные стрѣлами, они постыдно бѣгутъ, лѣзутъ прятаться куда ни попало, испуская жалобные вопли; если бы туземцы вздумали ихъ преслѣдовать, занзибарцы со страху едва ли могли бы оказать какое нибудь сопротивленіе. Стоитъ только дикарю выкинуть какую-нибудь отважную штуку и ужь они въ ужасѣ отступаютъ. На походѣ, они наровятъ своротить съ тропинки въ чащу, чтобы арріергардъ не подгонялъ ихъ; но тотчасъ возвращаются и съ криками бѣгутъ къ намъ, если завидятъ дикаря съ копьемъ. Въ одиночку или вдвоемъ, они охотно отправляются мародировать по деревнямъ, но при встрѣчѣ съ хозяиномъ хижины они скорѣе побросаютъ ружья, чѣмъ вздумаютъ пустить ихъ въ дѣло. Любо взглянуть, съ какой гордой осанкой они рыщутъ по банановымъ плантаціямъ; но едва заслышатъ свистъ летящей стрѣлы, какъ у нихъ душа уходитъ въ пятки и они разомъ покоряются судьбѣ. По дорогѣ они любятъ отставать иногда на 5 километровъ, растягивая колонну, а встрѣтивъ туземца только и способны ощущать страхъ, безъ всякой мысли о самозащитѣ. Изъ числа 370 человѣкъ, находившихся на ту пору въ нашемъ лагерѣ, смѣло можно сказать, что въ глазахъ двухсотъ пятидесяти ружья ихъ представлялись чѣмъ-то въ родѣ дубинки, тяжелой и неудобной, которая только на то и годилась, чтобы вымѣнять на нее нѣсколько початковъ кукурузы, а еще охотнѣе они промѣняли бы свои карабины на легкія трости, если бы только смѣли это сдѣлать.

Наканунѣ, нѣсколько взводныхъ начальниковъ, подстрекаемыхъ своими пріятелями-занзибарцами, пришли ко мнѣ цѣлой гурьбой, просить, чтобы я дозволилъ имъ однимъ ходить за провіантомъ, безъ этихъ офицеровъ, которые, по ихъ словамъ, ужасно имъ надоѣдали, постоянно приставая со своей командой: «въ ногу! въ ногу!».

— Правда,—отвѣчалъ я,—это дѣло нелегкое. Чтожь, посмотримъ, какъ вы управитесь сами. Плантація отсюда въ разстояніи одной четверти часа; ступайте, но черезъ часъ приходите всѣ назадъ.

Не успѣли они выйти изъ лагеря, какъ ужь позабыли всѣ свои

обѣщанія и разбрелись, какъ попало. Будь это стада барановъ безъ сторожевой собаки, или выводокъ поросятъ, они бы не больше сбились съ пути, чѣмъ эти. Только черезъ 14 часовъ эти 200 фуражировъ воротились домой, да и то пятерыхъ недоставало: забрели, сами незнали куда, и вернулись лишь на другой день.

И это было только начало! За этимъ послѣдовали несравненно худшіе дни, послѣ которыхъ, благодаря претерпѣннымъ страданіямъ и самымъ жестокимъ урокамъ судьбы, изъ этихъ людей образовались настоящіе римляне.

Удостовѣрившись въ томъ, что въ Ависсибѣ не осталось больше ни одного изъ моихъ лѣнтяевъ, мы поплыли вверхъ по Арухуими со скоростью 1½ узловъ въ часъ и въ 2 часа 45 минутъ, выбравъ благопріятное мѣстечко, остановились для ночлега. Но мы тщетно дожидались Джефсона и его людей: нѣсколько разъ стрѣляли изъ ружей, самъ я снова садился въ лодку и плавалъ взадъ и впередъ по рѣкѣ, въ зрительную трубу осматривая берега. Все было понапрасну: никакихъ слѣдовъ привала, ни малѣйшей струйки дыма, который подобно туману разстилается по лѣсу въ тихую погоду; ни выстрѣла, ни звука трубы, ни человѣческаго голоса. Я подумалъ, что слѣдовательно караванъ нашелъ торную дорогу и прошелъ дальше, къ водопадамъ.

16-го мы опять поплыли противъ теченія; миновали селенія Мабенгу, и пришли къ глубокому, но узкому притоку, впадающему съ юга въ «Невву», какъ здѣсь называютъ Арухуими. Черезъ часъ мы достигли пороговъ Мабенгу. Противъ мѣста нашей стоянки, на противуположномъ берегу, виднѣлось огромное поселеніе Итири. Вельботъ возвращался къ притоку и тамъ искалъ слѣдовъ нашихъ людей, но ничего не найдя, пришелъ обратно; тогда я послалъ его еще разъ назадъ, почти до Ависсибы: онъ воротился только въ полночь, безъ всякихъ извѣстій объ отсутствующихъ.

17-го я послалъ на мѣсто стоянки 15-го числа экипажъ «Аванса», въ сопровожденіи нашего стрѣлка Саатъ-Тато (означаетъ «Три часа») и шести развѣдчиковъ; я приказалъ имъ пройдти на тропинку, замѣченную нами мимоходомъ, и ведущую внутрь лѣса; тамъ искать слѣдовъ каравана и найдя ихъ, догнать колонну и привести ее къ рѣкѣ. По возвращеніи вельбота, лоцманъ донесъ мнѣ, что люди нашли слѣды за 10 километровъ отсюда, то есть за 3 часа ходьбы, изъ чего я заключилъ, что мистеръ Джефсонъ повелъ своихъ людей къ югу, вмѣсто того, чтобы взять направленіе на востокъ-сѣверъ и востокъ-сѣверо-востокъ, согласно теченію рѣки; Саатъ-Тато конечно теперь отыщетъ ихъ и на завтра всѣ соберутся.

Въ это время на флотиліи дѣла были въ такомъ положеніи: насъ

было 3 европейца съ тремя молодыми слугами; изъ насъ одинъ, лейтенантъ Стэрсъ, нуждался ежеминутно въ услугахъ доктора; по Пэркъ ушелъ вмѣстѣ съ Джефсономъ; одинъ изъ людей умеръ отъ диссентеріи въ Ависсибѣ; другой умиралъ теперь, предварительно впавъ въ идіотизмъ; 29 человѣкъ, болѣе или менѣе опасныхъ больныхъ, хворали кто отъ плеврита, кто отъ диссентеріи, а кто отъ неизлечимаго малокровія; 8 человѣкъ было ранено ядовитыми стрѣлами, изъ нихъ одинъ, Хальфанъ, задыхался отъ своей раны въ горло; другой, Саади, казался въ опасномъ положеніи: раненая рука его, страшно воспаленная, причиняла ему сильнѣйшую боль. Большая часть матросовъ, раздѣленныхъ на три отряда, разосланы въ три разныя стороны въ поискахъ за пропавшею колонной; я начиналъ опасаться, какъ бы она не зашла слишкомъ далеко, желая можетъ быть прямикомъ достигать рѣчнаго берега гораздо выше, между тѣмъ какъ мы оставались на мѣстѣ, у нижняго конца дуги, образуемой рѣкою. Жители Итири, на другомъ берегу, дивясь нашему бездѣйствію, повидимому собирались напасть на насъ, а на нашемъ берегу, за 3 километра ниже, многочисленные обитатели Мабенгу тоже могли насъ потревожить, тѣмъ больше, что всѣхъ сколько нибудь годныхъ людей я разослалъ по лѣсамъ, искать трехсотъ заблудившихся. Но, какъ говоритъ поэтъ *) мужчинѣ не подобаетъ предаваться отчаянію: пусть онъ до самой смерти думаетъ о болѣе достойномъ, и даже подъ сжатымъ кулакомъ угрожающаго врага.

Выписываю изъ своего дневника отъ 18 августа:

«Желалъ бы я знать, что̀ бы о нашемъ положеніи подумалъ Теннисонъ, авторъ вышеприведенныхъ благородныхъ словъ? Еще недавно у меня подъ начальствомъ было 370 человѣкъ; мы были обильно снабжены съѣстными припасами, боевыми снарядами, медицинскою помощью, пользовались нѣкоторыми удобствами: нынче у меня всего 18 человѣкъ наемниковъ, способныхъ совершить дневной переходъ; всѣ остальные исчезли, какъ сквозь землю провалились... Ахъ, хоть бы я зналъ, гдѣ искать ихъ.

«Если 389 человѣкъ отборной команды, какою мы были въ моментъ выступленія изъ Ямбуйи, до сихъ поръ не могутъ добраться до озера Альберта, то какъ же маіоръ Бартлотъ со своими 250, изъ которыхъ нѣкоторые и тогда уже были калѣками, проложитъ себѣ дорогу чрезъ эти нескончаемые лѣса? Въ теченіи 44 дней мы почти ежедневно шли по 8 часовъ въ сутки; если бы мы дѣлали по 3 километра въ часъ, мы давно были бы на Ніанзѣ; но пришлось каждый шагъ

*) Теннисонъ.

прорубать сквозь кусты; вмѣсто того, чтобы отдыхать теперь на берегахъ озера, мы едва прошли одну треть пути. Что дѣлать? Предаваться ли отчаянію? Тогда, значитъ, ложись и жди смерти, откажись отъ борьбы и оставь всякія мечты о будущемъ!

«Наши раненые что-то долго не поправляются. Опухоль все ростетъ, раны болятъ все пуще. До сихъ поръ ни одинъ еще не умеръ, но ни одинъ негоденъ ни на какое дѣло.

«Въ 8 часовъ утра опять пошелъ дождь; это уже пятый дождливый день въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. И безъ того довольно всякихъ печалей, а тутъ еще эти вѣчные ливни! Минутами такъ и кажется, что приближается конецъ свѣта и вотъ, сейчасъ, вселенная разрушится. Разверзлись «хляби небесныя»... И такъ густо падаетъ этотъ дождь, что мы теперь постоянно погружены въ потемки.

«Вспомните о неисчислимомъ количествѣ листьевъ въ этомъ огромномъ лѣсу, вообразите, что съ каждаго изъ нихъ въ теченіи минуты упадетъ отъ десяти до двадцати капель воды; изъ пресыщенной влагою почвы подымается сѣроватый паръ, весь воздухъ наполненъ водяными шариками и обрывками листьевъ. А когда налетаетъ смерчь и клоня древесныя вершины, крутя стволы, вырывая вѣтви, и каждое дерево стараясь вырвать съ корнями, ураганъ съ ревомъ и воемъ мчится по прогалинамъ, тогда ливень обрушивается цѣлымъ потопомъ. Вой вѣтра и жалобные лѣсные стоны не способствуютъ къ успокоенію духа, а трескъ и паденіе этихъ гигантовъ еще того меньше. Но эти впечатлѣнія переходятъ въ ужасъ, когда громъ грохочетъ по лѣсу, повторяемый безчисленными отголосками, молніи сверкаютъ пламенными языками и надъ самой головой разражаются многократные и оглушительные громовые удары.

«Въ Европѣ даже на полѣ сраженія бываетъ меньше перипетій. И вотъ уже десять часовъ какъ это продолжается!

«Невольно сомнѣваешься, настанетъ ли когда нибудь дневной свѣтъ? Судя по лицамъ нашихъ людей, они на это не надѣются. Утомленіе, страхъ, отсутствіе друзей, голодъ, дождь и буря, производятъ на нихъ совершенно подавляющее дѣйствіе. Они сбиваются въ кучу, залѣзаютъ подъ вороха банановыхъ листьевъ, прикрываютъ головы щитами дикарей, одѣялами, циновками, брезентомъ отъ палатокъ, иной разъ даже сѣдлами, жаровнями и сковородами; все ихъ существо проникнуто безмолвною тоской. Несчастные ослы, приложивъ уши къ спинѣ и закативъ глаза, лежатъ, выгнувъ спину; даже пѣтухи, съ гребешками на сторону и въ неподвижныхъ позахъ, своимъ жалкимъ видомъ довершаютъ общую картину отчаянія.

«Казалось, что все великолѣпіе земнаго міра окончательно поблекло.

Какъ оно вновь возникло, во всей славѣ своей, и какъ дѣти земли снова приняли свою благородную осанку, какъ озера и рѣки воротились въ берега и какъ солнце еще разъ явилось изъ хаоса и оживило землю, я этого не сознавалъ. Я такъ настрадался, что, обезсилѣвъ, впалъ въ глубокій сонъ, въ полное забытье, возстановляющее силы».

19 августа.—О караванѣ ни слуху, ни духу. Развѣдчики воротились, не отыскавъ слѣдовъ. Двое раненыхъ очень плохи, они мучатся повидимому нестерпимо.

20 августа.—Все нѣтъ извѣстій. Молодой Саади, раненый стрѣлою 14-го числа, впалъ въ столбнякъ; судя по этому, ядъ, употребляемый дикарями, долженъ быть растительнаго происхожденія. У Хальфана шея и позвоночный столбъ совсѣмъ не сгибаются. Я дѣлаю паціентамъ впрыскиванія изъ морфина, но не взирая на двойную дозу, т. е. полугранами (0 gr. 03), это ихъ мало облегчаетъ. Стэрсу не хуже и не лучше вчерашняго; рана у него болитъ, но аппетитъ есть и онъ можетъ спать. Я ему конечно не говорю, въ какомъ положеніи остальные.

Какъ же это, однако! Неужели изъ трехсотъ человѣкъ и трехъ офицеровъ ни одному не пришло на умъ, что они сбились съ дороги и что лучшее средство найдти ее—вернуться въ Ависсибу и идти берегомъ.

21 августа.—Хальфанъ и Саади умерли послѣ ужасной агоніи, одинъ въ 4 часа утра, другой въ полночь. Хальфанъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ. Можетъ быть отъ того, что ядовитое вещество на стрѣлѣ было сухое, рана его казалась не опасною: она снаружи зажила и даже не казалась нисколько воспаленною; но такъ какъ бѣднякъ былъ раненъ въ горло, онъ все жаловался, что ему ужасно больно и трудно что-либо глотать, даже ту кашицу изъ банановой муки, которою мы пытались кормить его. 18-го числа горло у него свело, голосъ почти пропалъ; голова свѣсилась, животъ подвело и на лицѣ застыло выраженіе страданія и тревоги. Вчера нѣсколько разъ съ нимъ дѣлались легкія судороги; я сдѣлалъ ему два подкожныхъ впрыскиванія морфиномъ; но съ непривычки обращаться съ этимъ средствомъ, я не посмѣлъ употреблять его въ сильныхъ дозахъ. Саади былъ раненъ въ правое предплечіе; самый пустячный уколъ, какъ бы отъ вязальной спицы; одинъ изъ товарищей еще высосалъ ему рану, а я промылъ ее теплой водой и забинтовалъ. Но на четвертый день съ утра на него напалъ столбнякъ и мы ничѣмъ не могли вывесть его изъ этого ужаснаго состоянія. Впрыскиванія морфиномъ позволили ему только подремать немного, но потомъ припадки возобновились и послѣ ста одиннадцати часовъ мученій онъ скончался. Я имѣю причины думать, что стрѣла была отравлена только наканунѣ битвы, то есть 13-го.

Третій умеръ въ полдень, отъ диссентеріи; это уже четвертая смерть на здѣшней стоянкѣ.

Въ 5 часовъ вечера пропадавшіе возвратились наконецъ; они тоже довольно натерпѣлись, но преимущественно отъ безпокойства. У нихъ тоже трое умерло: Маруфъ, раненый въ плечо въ тотъ же день какъ и Саади, умеръ отъ столбняка въ ночь 19-го, сутками прежде товарища, быть можетъ оттого, что утомленіе на переходахъ ускорило дѣйствіе яда. Другой, раненый въ печень стрѣлою съ желѣзнымъ наконечникомъ, умеръ отъ внутренняго кровоизліянія; еще одинъ умеръ отъ диссентеріи, тотчасъ послѣ того проливнаго дождя, о которомъ я упоминалъ выше. Съ 14-го числа мы потеряли восемь человѣкъ, и у насъ на рукахъ осталось еще нѣсколько еле-живыхъ, несчитая двухъ раненыхъ, пришедшихъ съ пропадавшею колонной. Ихъ раны сильно воспалены и источаютъ гнойную матерію.

Лейтенантъ Стэрсъ держитъ себя молодцомъ и даже какъ будто поправляется, не взирая на то, что столько смертныхъ случаевъ въ лагерѣ несомнѣнно должны производить удручающее впечатлѣніе на его нервы. Докторъ воротился, и я отъ этого чувствую громадное облегченіе. Созерцаніе страданій для меня нестерпимо, а стоны больныхъ не доставляютъ ни малѣйшаго удовольствія. Я бы охотно съ ними возился только подъ условіемъ, что могу ихъ вылечить. Для 60 изъ нашихъ 363 человѣкъ въ настоящую минуту гораздо полезнѣе было бы лежать въ госпиталѣ, чѣмъ продолжать скитальческую жизнь въ дикой странѣ, гдѣ отдыхъ и порядочная пища такъ рѣдко выпадаютъ на нашу долю.

Еще нѣсколько дней такой омерзительной жизни, ухаживанія за больными, созерцанія предсмертныхъ мученій пораженныхъ столбнякомъ, прислушиванія къ ихъ глухимъ стонамъ, этого общаго отчаянія, голодовки, тревоги о необъяснимомъ отсутствіи друзей и товарищей, предположеній о возможной гибели трехсотъ человѣкъ,—и я самъ чувствовалъ, что не выдержу и свалюсь. Я сознавалъ, какъ отчаяніе постепенно овладѣвало мною. Величайшею страстью моей жизни было, мнѣ кажется, стремленіе къ успѣху въ подобныхъ предпріятіяхъ; а между тѣмъ, вотъ уже нѣсколько дней, какъ я сомнѣваюсь въ возможности конечнаго успѣха своего дѣла.

Джефсонъ и Пэркъ еще не передавали мнѣ своихъ впечатлѣній, но люди ихъ отряда откровенно признаются, что словно изъ ада вырвались.

Мнѣ только что передали слѣдующую записку,—поздненько, признаться сказать:

Дорогой сэръ!

Саатъ-Тато нагналъ насъ вчера въ 3 часа пополудни и сообщилъ ваше приказаніе за нимъ слѣдовать. Мы немедленно переправились черезъ рѣчку *) и надѣемся сегодня же къ вечеру прибыть къ вамъ. Понимаю вашу тревогу и глубоко сожалѣю, что я былъ ея причиной.

Честь имѣю быть и пр.

А. М. Джефсонъ".

„Августъ 1887 г.

22-го мы перенесли лагерь къ верхнимъ порогамъ Мабенгу. День 23-го числа употребили на перевалъ черезъ пороги.

Послѣ того я произвелъ смотръ людямъ и получился слѣдующій результатъ:

	Здоровыхъ.	Больныхъ.	Умерло.	Вьюковъ.
Отрядъ № 1	80	6	4	43
Капитана Стэрса, № 2	69	14	5	50
Капитана Нельсона, № 3 . . .	67	16	4	72
Капитана Джефсона, № 4 . . .	63	21	3	72
Европейцевъ	6	—	—	—
Служителей и т. д.	12	—	—	—
Суданцевъ	10	—	—	—
Сомали	6	—	—	—
Поваровъ	2	—	—	—
Погонщикъ ословъ	1	—	—	—
Больныхъ	57	—	—	—
	373	57	16	237
Умершихъ . . .	16			
	389			

Отчетъ о приключеніяхъ колонны во время ея странствій убѣдилъ меня, что берега Арухуими въ его порожистыхъ частяхъ гораздо меньше обитаемы туземцами, нежели прирѣчныя части низовьевъ. Наши развѣдчики открыли внутри лѣсной страны обширныя поселенія; они нашли въ лѣсу множество торныхъ дорогъ, ведущихъ отъ рѣки къ поселкамъ; но побережье мало заселено. Однако же отъ самого Утири мы напали на береговую тропу, которая намъ пришлась очень кстати. 24-го числа, пройдя нѣсколько километровъ, караванъ остановился у богатыхъ плантацій фиговаго банана, ниже пороговъ Авугаду. 25-го мы перевалили черезъ нихъ и провели

*) Притокъ, изслѣдованный экипажемъ «Аванса».

ночь въ лѣсу, въ болѣе защищенномъ мѣстѣ, очевидно посѣщаемомъ рыбаками. 26-го колонна сдѣлала порядочный переходъ, а мы, чтобы не отстать, должны были долго и упорно идти на веслахъ, но за то рѣка была какъ зеркало, тиха и спокойна; оба отряда соединились у одного изъ самыхъ обширныхъ селеній племени Авиджили, расположеннаго насупротивъ впаденія притока Нэпоко.

Эта послѣдняя рѣка, о которой впервые говорилъ намъ докторъ Юнкеръ, переходившій черезъ нее гораздо выше, низвергается съ высоты 12 метровъ въ Арухуими, носящую здѣсь названіе Итири, и каскады ея расположены по уступамъ сланцеватыхъ камней. Устье, шириною въ 360 метровъ, за порогами тотчасъ съуживается до 220 метровъ.

На довольно значительномъ протяженіи этихъ уступовъ туземцы вбили колья, къ которымъ приклѣпляютъ большія корзины, формою похожія на воронки, для поимки рыбы, увлекаемой быстриною на пороги. Нэпоко шоколаднаго цвѣта; воды Итири напоминаютъ чай съ молокомъ.

Если бы я зналъ, что черезъ недѣлю мы повстрѣчаемъ арабовъ съ ихъ бѣсноватыми шайками Маньюма, я безъ сомнѣнія постарался бы на цѣлый градусъ широты отклониться отъ своего пути, лишь бы не очутиться въ центрѣ ихъ вліянія. Я подумалъ объ этомъ, разговаривая съ Бинзой, молодымъ слугою доктора Юнкера, изъ племени Монбуту.—Гораздо лучше, — говорилъ Бинза,—идти землями подходящихъ людей, чѣмъ тѣми ужасными мѣстами, гдѣ рыщутъ эти орды, нестоющія называться людьми; да притомъ, видишь ты, племена Монву очень хорошо принимаютъ гостей, которые оказываютъ благодарность за ихъ гостепріимство.—Бинза очень соблазнялъ насъ своими росказнями о народѣ Монву. Но у Авиджили много было различнаго провіанта и мнѣ казалось, что отнынѣ обстоятельства наши должны только улучшаться. Я всегда замѣчалъ, что съ перемѣной построекъ непремѣнно является иной образъ жизни. По ту сторону пороговъ Панга пища туземцевъ состояла преимущественно изъ маніока, изъ котораго они стряпаютъ хлѣбъ, лепешки и кашицу. Всѣмъ, конечно, извѣстно, что изъ муки маніока, кассавы, приготовляется тапіока. Выше водопадовъ Панга это растеніе постепенно вытѣсняется бананами, плодъ которыхъ составляетъ для каравана несравненно лучшую пищу. По мѣрѣ нашего движенія впередъ, эти платанціи все разростались и я понадѣялся, что настаютъ лучшія времена. Тутъ стали попадаться обширныя обработанныя поля, на которыхъ были маніокъ и кукуруза, ямсъ и тарро и небольшіе участки табаку, для курильщиковъ. Къ нашей великой радости мы увидѣли множество домашней

птицы. Я приказалъ становить лагерь, желая дать своимъ людямъ, измученнымъ на всѣ лады, немного отдохнуть и поправиться.

Въ своемъ усердномъ и понятномъ стремленіи раздобыться мясною пищей, суданцы и занзибарцы дѣлали кучу глупостей. Едва завидѣвъ курицу, они гурьбой кидались за нею, пуская въ ходъ даже и ружейные залпы, за что имъ, конечно, каждый разъ доставалось отъ начальства. Относительно напрасной растраты зарядовъ постановлены были у насъ самыя строгія правила и неослабный надзоръ; но, внѣ присутствія начальства, какой же занзибарецъ способенъ помнить приказанія? Безсмысленная стрѣльба по курицамъ имѣла въ этотъ день самыя печальныя послѣдствія для одного изъ нашихъ лучшихъ піонеровъ: пуля пробила ему ступню, раздробивъ кости; ампутація была неминуема. Докторъ Пэркъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и очень проворно произвелъ эту операцію и такъ какъ случай былъ серьезный, къ несчастному калѣкѣ *) приставлено было восемь человѣкъ команды, каждый разъ какъ приходилось его подымать и укладывать. Одинъ изъ челноковъ мы предоставили въ его почти исключительное пользованіе, чтобы ничѣмъ не разбередить раны; кормили его всѣмъ, что у насъ было лучшаго.

Однимъ словомъ, ему шла лучшая доля нашихъ наилучшихъ припасовъ и мнѣ не разъ приходило въ голову, какъ хорошо было бы помѣняться съ нимъ ролями!

Само собою разумѣется, что виновники снова получили строжайшіе выговоры и я еще разъ выслушалъ торжественныя обѣщанія, что ничего подобнаго впередъ не случится. И на другой же день, конечно, они готовы были приняться за тоже. Многое можно бы сказать насчетъ этой общераспространенной привычки позабывать собственныя обѣщанія: какъ легко умъ такихъ людей освобождается отъ всякой отвѣтственности, совѣсть ихъ отъ всякой тяжести, и какое наивное самодовольство написано на ихъ лицахъ. И то сказать: коли человѣкъ не что иное, какъ извѣстный видъ животнаго царства, съ какой стати онъ будетъ связывать себя какими-то понятіями о долгѣ? Подобныя понятія могутъ казаться обязательными лишь для тѣхъ фантазеровъ, которые воображаютъ себя отвѣтственными за каждое свое слово, хотя бы произнесенное ими въ порывѣ увлеченія.

28-го августа флотилія, состоявшая изъ стального вельбота «Авансъ» и шестнадцати пирôгъ, поднялась по рѣкѣ девятью километ-

*) Такъ ли онъ былъ несчастенъ? Я уплатилъ Угарруэ за тринадцать мѣсяцевъ его содержанія и отослалъ молодого человѣка къ Стэнлеевымъ порогамъ, а оттуда по Конго, чрезъ Мадеру въ Занзибаръ, куда его доставили «здоровымъ и толстымъ», какъ мнѣ писали.

рами выше Авиджили. Пѣшая колонна осталась позади, переправляясь черезъ цѣлый рядъ притоковъ и ручьевъ и пробиваясь сквозь трущобы невылазныхъ кустовъ; она присоединилась къ намъ только къ полудню слѣдующаго дня и должна была немедленно идти дальше въ продолженіе еще двухъ часовъ, послѣ чего стала лагеремъ.

30-го мы остановились у подножія громаднаго водопада. Мои наблюденія выясняютъ, что мы прошли половину дороги къ озеру Альберта: Кавалли находится подъ 32° 50' восточной долготы, а Ямбуйя подъ 27° 23' 30''. Наша стоянка расположена подъ 30° 7'.

300 километровъ, по птичьему полету, отдѣляютъ насъ отъ Ніанзы. Нѣтъ возможности пройти это разстояніе въ 64 дня, какъ мы шли западной половиной пути: люди для этого слишкомъ изнурены физически и измучены душевно; нарывы у нихъ не проходятъ, малокровіе изводитъ ихъ. Мы толковали имъ, что половина дѣла сдѣлана; они не вѣрятъ и говорятъ:—Какъ господинъ можетъ знать это? Какимъ инструментомъ возможно смѣрять пройденный путь и угадать предстоящій? Покажи намъ такую дорогу, чтобы мы сами видѣли, тогда и повѣримъ. Развѣ туземцы не лучше васъ знаютъ свою страну? А кто же когда видѣлъ ту Травянистую Область, о которой говоритъ господинъ? Всѣ здѣшніе говорятъ, что весь свѣтъ покрытъ деревьями и густымъ кустарникомъ. Господинъ обращается съ нами, какъ съ малыми дѣтьми!

31-го числа, въ роковой для насъ день, заря занялась, какъ обыкновенно: сквозь облака густого тумана солнце пробилось въ девять часовъ, но блѣдное, тусклое, безъ лучей, оно являлось простымъ свѣтовымъ пятномъ. Мы были за работой, такъ часто возобновляемой, т. е. прорубали въ лѣсной трущобѣ достаточно широкую дорогу, для того, чтобы шестьдесятъ человѣкъ могли пронести на головѣ стальной вельботъ; тѣмъ временемъ экипажъ нашей флотиліи изо всѣхъ силъ боролся въ водоворотѣ бѣшеной быстрины, стараясь на баграхъ перетянуть челноки черезъ крутые уклоны пороговъ.

Черезъ часъ просѣка была готова и временной лагерь расположенъ по ту сторону пороговъ; обычныхъ носильщиковъ вельбота я оставилъ подъ надзоромъ доктора, но онъ вскорѣ пришелъ предупредить меня, что люди не въ состояніи даже поднять съ мѣста лодку. Я возвратился туда, чтобы лично руководить этой операціей, и мнѣ удалось заставить ихъ перетащить вельботъ на половину пути, какъ вдругъ мой европейскій слуга прибѣжалъ задыхаясь и крича изо всей силы:

— Сэръ, пожалуйте! Эминъ-паша пріѣхалъ!

— Эминъ-Паша?

— Точно такъ. Я его видѣлъ, въ лодкѣ. У него на кормѣ красный флагъ, такой же какъ у насъ. Истинная правда, сэръ!

Можно себѣ вообразить, какой вышелъ переполохъ; вельботъ кинули на землю, какъ раскаленное желѣзо, и бросились бѣжать въ перегонку, и начальство и подчиненные. Въ лагерѣ тоже смятеніе. Вскорѣ мы узнали, въ чемъ дѣло: вверхъ по рѣкѣ шли на веслахъ девять человѣкъ маньюмовъ, служителей нѣкоего Уледи Баліуза, извѣстнаго среди туземцевъ подъ именемъ Угарруэ. По слухамъ, ставка его находилась за восемь дней пути вверхъ по рѣкѣ и у него подъ начальствомъ было нѣсколько сотъ вооруженныхъ воиновъ.

И такъ, опять арабы, даже и въ верховьяхъ Арухуими! А я-то льстилъ себя надеждою, что покончилъ всѣ счеты съ этими негодяями! Они разсказали, что пятьдесятъ человѣкъ ихъ команды стоятъ на 10 километровъ выше, по распоряженію Угарруэ; а посланы они для того, чтобы осмотрѣть берега этой незнакомой имъ рѣки, на которой ихъ старшина основалъ свое селеніе, и узнать, нельзя-ли по ней добраться до Стэнлеевыхъ пороговъ.

Мы дали имъ на этотъ счетъ всякія свѣдѣнія, а они предложили намъ на слѣдующую ночь воспользоваться ихъ лагерной стоянкой, и ушли. Эти извѣстія несказанно обрадовали занзибарцевъ и мы вскорѣ узнали причину такого восхищенія: въ тотъ же вечеръ нѣкій Джума бѣжалъ изъ отряда, унеся съ собою 50 килограммовъ сухарей.

1-го сентября на разсвѣтѣ мы перевалили черезъ пороги и, слѣдуя на веслахъ съ тою же скоростью, съ какою шелъ караванъ, пришли къ той деревнѣ, гдѣ маньюмы останавливались наканунѣ. При самомъ входѣ въ селеніе мы увидѣли трупъ мальчика, буквально растерзаннаго на части, а за оградою трупъ женщины, убитой копьемъ. Ясно, что кто нибудь изъ встрѣченныхъ нами маньюмовъ положилъ предѣлъ усердію своихъ товарищей, намекнувъ имъ, что мы обидимся, встрѣтивъ тутъ невольниковъ; они и ушли тотчасъ же. Ихъ исчезновеніе такъ огорчило нѣкоторыхъ изъ нашихъ людей, что пятеро занзибарцевъ скрылось изъ лагеря, захвативъ съ собою пять вьюковъ, изъ которымъ одинъ съ солью, а четыре съ боевыми снарядами. Мы пошли дальше и остановились у подножія новой гряды пороговъ.

Осмотрѣвъ ихъ на слѣдующій день, Саатъ-Тато объявилъ, что перевалъ не представитъ особенныхъ затрудненій. Покуда экипажъ челноковъ занимался этимъ опаснымъ дѣломъ, я разослалъ нѣсколькихъ развѣдчиковъ поискать нашихъ бѣглецовъ. Они привели одного и притащили обратно украденный имъ ящикъ со снарядами и три ружья. Они накрыли воровъ въ ту самую минуту, какъ они дѣлили между

собою содержимое этого ящика. Завидя прежнихъ товарищей, храбрецы бросились бѣжать, покинувъ на мѣстѣ часть добычи.

3-го числа еще пятеро бѣжали; на этотъ разъ дезертиры унесли одинъ ящикъ съ патронами Ремингтона, другой съ патронами Винчестера, третій съ европейскими консервами, да еще тюкъ съ дорогими арабскими костюмами, цѣнностью на 1.250 франковъ. Еще одного молодца поймали на разграбленіи ящика съ провизіей, изъ котораго онъ уже досталъ саго, либиховскій бульонъ, масло и сгущенное молоко, Въ два дня десять человѣкъ у насъ сбѣжало. Если все такъ пойдетъ, мѣсяца черезъ два мы останемся одни одинехоньки. Я посовѣтовался со старшими: они уговорили меня не прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. Однакожъ, скоро поневолѣ придется это сдѣлать. Съ выступленія изъ Ямбуйи мы потеряли 48 карабиновъ и 15 ящиковъ снарядовъ системы Максимъ, Винчестеръ и Ремингтонъ.

На другой день бѣжали четверо носильщиковъ; пятаго изловили. Я тотчасъ собралъ всѣхъ людей, и такъ какъ начальники частей отказались отъ поручительства за своихъ подчиненныхъ, я распорядился, чтобы всѣ существенныя части карабиновъ отвинтить и немедленно запереть отдѣльно. Обезоруживъ людей такимъ образомъ, я отнялъ у нихъ средства къ побѣгу. Съ того часа, какъ мы встрѣтили маньюмовъ, деморализація дѣлала быстрые успѣхи: люди вскрывали ящики, крали ткани, бусы, растаскивали снаряды и все это бросали или прятали вблизи дороги, чтобы потомъ разъискать.

5-го сентября мы ночевали у „Раздолья Гиппопотамовъ"; такъ назвали мы одно расширенное мѣсто рѣки, гдѣ видно было много гиппопотамовъ. Лагерь расположился на запущенной лужайкѣ, ставшей ихъ пастбищемъ и видъ этихъ давно невиданныхъ, прелестныхъ ковровъ зеленой муравы подалъ намъ надежду, что мы уже недалеко отъ обѣтованныхъ странъ.

Фуражиры, разосланные по обоимъ берегамъ, привезли четырехъ козъ, банановъ, жареныхъ крысъ, вареныхъ жуковъ, улитокъ. 6-го останавливаемся у подножія водопада, противъ селеній племени Бафіадо, которые доставили намъ обильный запасъ банановъ. На другой день перетаскиваемъ челноки черезъ пороги, съ которыхъ быстрина падаетъ съ высоты болѣе двухъ метровъ.

За водопадами рѣка описываетъ дугу до пороговъ Авакуби; тутъ мы дѣлаемъ привалъ. Не теряя времени, мои отощавшіе люди бѣгутъ по торной тропинкѣ внутрь лѣса и приводятъ оттуда женщину и ребенка; но ни одинъ изъ моихъ переводчиковъ не понимаетъ ни слова изъ ихъ рѣчей.

На другой день, опять пороги. Въ этой области процвѣтаетъ гви-

нейская пальма (Elaeis guineensis): у деревень мы находимъ цѣлыя кучи пальмовыхъ орѣховъ, а недавнія посадки этого растенія указываютъ даже на нѣкоторую заботливость о будущемъ.

Ахметъ, тотъ сомали, который не захотѣлъ отставать отъ насъ въ Ямбуйѣ и котораго отъ самого Янкондэ мы должны были перевозить въ лодкѣ, совсѣмъ при смерти.—У него меланозъ,—говоритъ докторъ; но какая бы не была эта болѣзнь въ началѣ, теперь онъ несомнѣнно чахотный, и остались у него только кожа да кости.

Обогнувъ мысъ и пройдя небольшую излучину рѣки, мы увидѣли что она внезапно превращается въ бурный потокъ, загроможденный мелко-слойными утесами сланца; на первомъ планѣ кипятъ волны, стремящіяся по крутому уклону въ перегонку, и каждая изъ нихъ, разбиваясь, осыпаетъ предыдущую брызгами и пѣной; затѣмъ, съ высоты десяти метровъ низвергается отвѣсный водопадъ, а за нимъ еще ряды уступовъ, съ бурлящими между ними водоворотами; и всѣ эти потоки, брызги и пѣна, какъ бы подернутые туманомъ, бѣшено летятъ намъ на встрѣчу. При видѣ такой преграды, у меня руки опустились, въ такомъ жалкомъ положеніи находился нашъ небольшой отрядъ. Флотилія наша везла 120 вьюковъ и постоянно отъ 50 до 60 человѣкъ больныхъ и слабосильныхъ. Бросить этихъ бѣдняковъ въ лѣсу казалось мнѣ немыслимо. Унести вьюки на себѣ и продолжать путь пѣшкомъ—невозможно. Перетащить челноки на баграхъ, а вельботъ на рукахъ перенесть мимо этаго длиннѣйшаго водопада, представлялось мнѣ рѣшительно невыполнимою задачей.

Оставивъ челноки ниже пороговъ, я провелъ людей до заброшеннаго селенія Навабп, расположеннаго выше водопада, у одного изъ поворотовъ Итури-Арухуими. Больные тащились вслѣдъ за караваномъ, а тѣхъ, которые не могли идти, перенесли. Затѣмъ, подъ руководствомъ офицеровъ, прорубили въ трущобѣ дорогу для перетаскиванія челноковъ. Все это заняло два дня, въ теченіи которыхъ отрядъ № 1 ходилъ за провіантомъ, побывалъ и въ окрестности, и подальше, но добылъ очень немного.

Навабп было прежде замѣчательно цвѣтущимъ поселеніемъ у туземцевъ. Вокругъ него были цѣлыя рощи гвинейскихъ пальмъ, плантаціи банановъ, кукурузы и табаку. Хижины, подъ тѣнью пальмъ, имѣли какой-то идиллическій характеръ; такъ, по крайней мѣрѣ, показалось намъ, по тропической живописности двухъ хижинъ, оставшихся цѣлыми. Все остальное было уничтожено. Кто-то, можетъ быть даже изъ шайки Угарруэ, сжегъ деревню, срубилъ пальмы, разорилъ плантаціи и усыпалъ землю костями ея защитниковъ.

Въ предѣлахъ нашего новаго бивуака, въ Навабп подняли пять дѣтскихъ череповъ.

12-го числа, выступая, мы принуждены были покинуть пятерыхъ умирающихъ, уже потерявшихъ сознаніе. Ахметъ, сомали, былъ въ ихъ числѣ.

Изъ Наваби мы пришли на побережье Мемберри, очевидно излюбленное мѣсто слоновъ. Одного изъ нихъ неподалеку оттуда мы увидѣли, съ наслажденіемъ купающагося вблизи праваго берега.

Въ своемъ стремленіи добыть мясной пищи, я рѣшаюсь попытать счастья и выбираю для этого карабинъ 577 калибра, одинъ изъ тѣхъ, которые такъ высоко цѣнятся индійскими охотниками.

Ружья № 8 остались подъ охраной маіора Бартлота и мистера Джемсона. Въ нѣсколькихъ метрахъ разстоянія, мнѣ удалось всадить шесть пуль въ тѣло животнаго, но я только понапрасну изранилъ его, а другого результата не добился.

На общемъ смотру всего каравана получился слѣдующій выводъ:

23-го августа было. . . . . . 373 человѣка
12-го сентября „ . . . . 343 „

14 дезертировъ и 16 умершихъ; носильщиковъ 235; вьюковъ 227; больныхъ 58 человѣкъ.

Къ этимъ цифрамъ, и такъ довольно краснорѣчивымъ, надо прибавить, что каждый изъ членовъ экспедиціи страдаетъ отъ голода; чѣмъ дальше мы подвигаемся, тѣмъ скуднѣе становятся средства къ удовлетворенію все возрастающей потребности въ пищѣ; невольники бакуссу и бассонгора, подъ предводительствомъ маньюмовъ шайки Угарруэ разорили плантанціи, перерѣзали жителей, либо вынудили ихъ искать убѣжища въ лѣсахъ.

На другой день мы пришли къ порогамъ Амири; одинъ изъ нашихъ взводныхъ начальниковъ, Саади, получилъ выговоръ за то, что допустилъ нѣкоего Макупетэ уйти разыскивать ящикъ, котораго на перекличкѣ не досчитались; тогда самъ Саади возымѣлъ несчастную мысль пойдти искать Макупетэ, и ни тотъ, ни другой не возвратился. Другой носильщикъ, Уледи Манга, утомленный непосильною работой, а можетъ быть напуганный открывавшеюся передъ нами мрачною перспективой, бѣжалъ, также захвативъ съ собою ящикъ.

Изъ шести занзибарскихъ ословъ, приведенныхъ нами изъ Ямбуйи, оставалось только три. Одинъ изъ нихъ, должно быть также въ предчувствіи грядущихъ бѣдствій, тоже бѣжалъ. Куда онъ дѣвался? Неизвѣстно. Что пользы искать чего либо или кого либо въ этихъ лѣсахъ. Какъ волна, разсѣкаемая носомъ корабля, сливается снова вслѣдъ за кормою, такъ и вѣчный лѣсъ погребаетъ въ своихъ темныхъ глубинахъ все, что исчезаетъ за его опушкой.

15-го ставимъ палатки около старой рыбачьей хижины. Описавъ

громадную дугу къ сѣверо-востоку, рѣка рѣшительно склоняется къ юго-востоку и мы съ 1° 58' перешли къ 1° 24' сѣверной широты.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ мы ежедневно теряемъ по ящику съ боевыми снарядами. Я тщетно перепробовалъ всѣ средства къ прекращенію такого грабежа и наконецъ придумалъ связывать ящики по восьми штукъ въ рядъ и каждую такую цѣпь поручать особому начальнику, подъ его личной отвѣтственностью. Такимъ образомъ, думалось мнѣ, можно сколько нибудь удержать людей отъ захожденія въ лѣсъ подъ всевозможными предлогами.

16-го, во время полуденнаго привала, вверхъ по рѣкѣ раздалась сильная ружейная пальба. Саатъ-Тато, посланный на развѣдки, возвратился спустя полчаса, давая знать о себѣ тремя выстрѣлами и черезъ нѣсколько минутъ вмѣстѣ съ нашимъ вельботомъ показались три лодки, нагруженныя людьми въ бѣлыхъ одеждахъ и украшенныя красными флагами. Они явились привѣтствовать насъ отъ имени своего повелителя, Угарруэ, который самъ пріѣдетъ ко мнѣ съ визитомъ на вечернюю стоянку. Послѣ обмѣна привѣтствій, они пустились въ обратный путь вверхъ по рѣкѣ, стрѣляя изъ ружей и съ пѣснями.

Въ 4 часа пополудни мы стали лагеремъ нѣсколько ниже ставки Угарруэ. Въ туже минуту барабанный бой, ружейные залпы и цѣлая флотилія челноковъ возвѣстили намъ прибытіе арабскаго начальника. Его сопровождали 50 рослыхъ молодцовъ, хоръ пѣсенниковъ и женщины. Всѣ они имѣли вполнѣ здоровый и бодрый видъ.

Гость объяснилъ намъ, что Угарруэ есть занзибарское названіе «Луалябы», по туземному Руарауа. Въ прежнія времена нашъ новый пріятель былъ извѣстенъ подъ именемъ Уледи Баліузъ, т. е. консульскій Уледи. Съ 1860 по 1863 годъ онъ сопровождалъ экспедиціи капитановъ Спика и Гранта въ качествѣ прислужника въ палаткѣ; потомъ его позабыли, либо самъ онъ бѣжалъ въ Уніоро. Онъ принесъ намъ въ даръ двухъ жирныхъ козъ, двадцать килограммовъ наилучшаго рису, спѣлыхъ банановъ и куръ.

На вопросъ мой, найдемъ ли мы достаточно съѣстныхъ припасовъ по близости отъ его ставки, онъ, къ крайнему нашему огорченію, отвѣчалъ, что его люди разорили весь край: что въ этомъ, впрочемъ, трудно было бы помѣшать имъ, такъ какъ они были страшно возбуждены противъ этихъ «язычниковъ», за кровавыя расправы туземцевъ со многими караванами, занимавшимися добычею слоновой кости. Затѣмъ, гость соблаговолилъ отвѣтить на нѣкоторые другіе наши разспросы, а именно: страна, гдѣ мы теперь находимся, называется Бунда, ея жители—бабунды; туземцы сѣвернаго берега—бапаи или бавайя. Одна изъ его шаекъ, отправлявшаяся вѣроятно на раз-

бой, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца шла все на востокъ и тамъ, съ высокой горы (можетъ быть Кассолало?) видѣла травянистую страну, простирающуюся дальше къ востоку.

Далѣе онъ говорилъ намъ еще, что его караванъ, состоявшій изъ 600 человѣкъ, пошелъ отъ Луалябы (верхняго теченія Конго) изъ Кибонгеса (повыше устья рѣки Леопольда) и въ девять мѣсяцевъ прошелъ 680 километровъ къ сѣверо-востоку, не выходя изъ лѣсу и на всемъ пути не встрѣтивъ ни одной горсти травы; по дорогѣ имъ пришлось переходить только черезъ одну рѣку—Линди, прежде чѣмъ они достигли Итури, т. е. Арухуими; отъ арабскихъ купцовъ они узнали, что Лулу (Луа) течетъ изъ небольшаго озера, называемаго Озо, гдѣ добываютъ множество слоновой кости.

Выше по рѣкѣ, въ четырехъ часахъ ходьбы, Угарруэ владѣетъ другимъ селеніемъ, въ которомъ у него еще сотня стрѣлковъ; это селеніе расположено при впаденіи Ленды, южнаго притока Арухуими. Его люди разводятъ рисъ—котораго мы отвѣдали—и лукъ. Но окрестности своихъ поселеній они совершенно опустошили, считая неблагоразумнымъ имѣть сосѣдями «такихъ убійцъ, язычниковъ». Они потеряли уже до двухсотъ человѣкъ своихъ людей изъ племенъ бакуссу и бассонгора и нѣсколько храбрыхъ начальниковъ маньюмовъ. Однажды пропало заразъ 40 человѣкъ, изъ которыхъ такъ ни одинъ и не вернулся. Въ ставкѣ Угарруэ и по сейчасъ гоститъ одинъ арабъ, потерявшій всѣхъ до одного пагази своего каравана.

Между прочимъ, онъ выразилъ полную готовность дать мнѣ въ наймы нѣсколько человѣкъ изъ своихъ, и безъ всякихъ затрудненій согласился дать у себя пріютъ всѣмъ больнымъ, которые не въ состояніи будутъ идти со мною; вопросъ о вознагражденіи мы оставили пока открытымъ.

17-го мой караванъ сталъ на берегу Итури, противъ лагеря Угарруэ.

Послѣ полудня я на вельботѣ переплываю рѣку, чтобы отдать визитъ арабамъ. У нихъ чрезвычайно обширное селеніе, ревниво охраняемое высокими заборами изъ частокола, подбитаго со внутренней стороны дранкой, чтобы сдѣлать его непроницаемымъ для стрѣлъ; дранки въ нѣсколько рядовъ и притомъ въ поперечномъ направленіи. Въ центрѣ селенія, фасадомъ къ рѣкѣ, возвышалось жилище начальника, очень удобное и помѣстительное. Толстыя и высокія стѣны его, изъ обожженой глины, съ продѣланными въ нихъ бойницами, дѣлаютъ его похожимъ на крѣпость.

Проходя корридоромъ, отдѣляющимъ пріемныя залы отъ жилыхъ комнатъ хозяина, я видѣлъ обширный квадратный внутренній дворъ, до двадцати метровъ въ поперечникѣ, окруженный зданіями и на-

полненный невольниками. Было что-то, напоминавшее средневѣковой баронскій замокъ, въ этомъ временномъ жилищѣ арабскаго старшины: это множество снующихъ взадъ и впередъ прислужниковъ всякаго рода, это широкое житье, просторъ, довольство и раздолье. Поселеніе несомнѣнно было устроено такъ, что ему нечего было опасаться внезапныхъ нападеній и лишь бы былъ въ немъ храбрый гарнизонъ, едва ли и цѣлому баталіону регулярнаго войска удалось бы взять приступомъ эту позицію торгаша невольниками.

Мнѣ сказали, что на протяженіи нѣсколькихъ дней ходьбы рѣка все течетъ съ востока; гораздо выше, съ сѣвера въ Итури впадаетъ Іуру, а съ юга, кромѣ Ленды, въ нее впадаетъ еще притокъ -- Ибина.

Еще выше, кто говорилъ за 10 дней ходьбы, кто за 20, поселился еще одинъ арабскій начальникъ, извѣстный подъ названіемъ Килонга-Лонга, а по настоящему Уледи.

Здѣсь я увидѣлъ первый образчикъ племени карликовъ, которыхъ, говорятъ, очень много къ сѣверу отъ Итури и на востокѣ, за притокомъ Нгайю. Это была дѣвушка лѣтъ семнадцати, ростомъ 84 сантиметра, вполнѣ сформированная, съ блестящей и нѣжной кожей. Она была не лишена граціи и очень миловидна. Мнѣ она показалась просто хорошенькой цвѣтной женщиной въ миніатюрѣ, съ цвѣтомъ лица квартеронки или, пожалуй, желтоватой слоновой кости. Глаза у ней были великолѣпные, но слишкомъ велики по ея росту, вродѣ какъ у газели: крупные, выпуклые и очень живые. Эта дѣвица ходила совершенно обнаженная, что ее повидимому нимало не смущало и, привыкнувъ, чтобы на нее любовались, она съ большимъ удовольствіемъ подвергалась нашимъ любопытнымъ взорамъ. Ее нашли у истоковъ Нгайю.

Показавъ намъ всѣ свои сокровища, въ томъ числѣ и громадные запасы слоновой кости, которые ему удалось добыть, Угарруэ проводилъ меня на вельботъ и въ тоже время послалъ намъ въ лагерь нѣсколько большихъ блюдъ риса, очень хорошо приготовленнаго, и громадную миску куринаго мяса съ перцовымъ соусомъ, до котораго я небольшой охотникъ, но зато у насъ въ лагерѣ онъ очень понравился.

Наша пристань представляла теперь самое оживленное зрѣлище: продавцы банановъ, патетовъ, сахарнаго тростника, риса, маніоковой муки и домашней птицы, громко выкрикивая свой товаръ, звали покупателей, а бумажныя матеріи и бусы быстро переходили изъ рукъ въ руки. Такую жизнь до страсти любятъ занзибарцы, также какъ и всѣ почти туземцы; за то они выражали свое удовольствіе такими веселыми возгласами, какихъ мы давно не слыхивали.

Съ ранняго утра этого дня я выслалъ лодку навстрѣчу отсталымъ, которые не въ силахъ были сами добраться до лагеря, и къ 3-мъ часамъ пополудни намъ привезли пятерыхъ больныхъ, которые ужь

совсѣмъ было собрались умирать. Я сдѣлалъ перекличку, и вотъ что оказалось по счету:

	Людей.	Старшихъ.
Отрядъ № 1	69	4
» № 2	57	4
» № 3	60	4
» № 4	61	4
Поваровъ	3	—
Подростковъ	9	—
Европейцевъ	6	—
Суданцевъ	6	—
	271	16
Больныхъ	56	
	327	
Выступило изъ Ямбуйи	389	
Въ бѣгахъ или умерло	62	

Мы подвели вельботъ и челноки, положили въ нихъ больныхъ и перевезли ихъ въ арабскую ставку; по условію, заключенному съ Угарруэ, онъ будетъ содержать ихъ за плату по 5 долларовъ (25 франковъ) въ мѣсяцъ съ каждаго человѣка, до прибытія маіора Бартлота или другого лица, письменно мною на то уполномоченнаго.

Напомню здѣсь, что 31-го августа мы встрѣтили посланцевъ отъ Угарруэ, за одинъ день пути отъ Авиджили, противъ сліянія Арухуими съ Непоко. Эти люди не пошли далѣе внизъ по рѣкѣ, а воротились тогда же къ Угарруэ и передавъ ему то, что отъ насъ узнали, считали свое дѣло сдѣланнымъ. Угарруэ хотѣлось достать пороху, который у него почти весь вышелъ; а у маіора Бартлота должно было быть еще двѣ съ четвертью тонны пороху (2.300 килограммовъ), и мы сказали арабамъ, что въ настоящее время маіоръ вслѣдъ за мною идетъ вверхъ по рѣкѣ, но за множествомъ грузовъ подвигается очень медленно и можетъ придти сюда не ближе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Мнѣ хотѣлось устроить сообщеніе съ Бартлотомъ и потому я сговорился съ Угарруэ, что если онъ пошлетъ своихъ людей внизъ по рѣкѣ и велитъ имъ держаться южнаго, т. е. лѣваго берега, покуда они встрѣтятся съ маіоромъ и вручатъ ему мое письмо, то я напишу ему, чтобы выдалъ имъ 136 килограммовъ пороху. Онъ обѣщалъ въ теченіи мѣсяца выслать человѣкъ сорокъ своихъ развѣдчиковъ и разсыпался въ благодарностяхъ.

(Онъ дѣйствительно выслалъ людей, какъ обѣщалъ между 20 и 25 октября; имъ удалось спуститься до Осиныхъ пороговъ, въ 165 миляхъ отъ Ямбуйи, но съ этого мѣста они вынуждены были воро-

титься назадъ, благодаря понесеннымъ потерямъ въ людяхъ и рѣшительной враждебности туземцевъ).

Такимъ образомъ, наши дезертиры занзибарцы также ошиблись въ расчетахъ, какъ и мы. Воображая, что встрѣченные нами люди Угарруэ продолжаютъ идти на западъ, по какому нибудь извѣстному имъ пути, они поспѣшили бѣжать также къ западу, надѣясь ихъ нагнать и присоединиться къ нимъ; а между тѣмъ эти люди тогда же повернули на востокъ и воротились къ своему хозяину. По заключеніи договора съ Угарруэ, который громко при всѣхъ объявилъ о немъ, я былъ увѣренъ, что теперь уже больше не будетъ побѣговъ.

Мы такъ устали отъ путешествія водою, съ ежедневной возней перетаскиванія челноковъ черезъ пороги, что я заявилъ Угарруэ о своемъ намѣреніи отсюда выступить сухимъ путемъ; но онъ настоятельно отговорилъ меня отъ такого плана, такъ какъ, за выбытіемъ изъ каравана всѣхъ больныхъ, люди въ значительной степени освобождались отъ несенія грузовъ, и кромѣ того, на основаніи полученныхъ имъ свѣдѣній, въ верхней части своей рѣка гораздо болѣе удобна для плаванія чѣмъ на пройденныхъ нами низовьяхъ.

Глава IX.

ОТЪ УГАРРУЭ КЪ КИЛОНГА-ЛОНГА

(съ 19 сентября по 17 октября 1887 г.).

Угарруэ присылаетъ намъ трехъ занзибарцевъ-дезертировъ. — Примѣрное наказаніе.—Ружья „Экспрессъ“.—Разговоръ съ Решидомъ.—Рѣка Ленда.—Безпокойные пороги.—Недостатокъ въ пищѣ.—Служащіе у Килонга-Лонга.—Сліяніе рѣкъ Ихуру и Итури.—Состояніе и численность экспедиціи.—Болѣзнь капитана Нельсона.—Мы посылаемъ передовыхъ гонцовъ къ Килонга-Лонга.—Лагерь немощныхъ.—Ренди и цесарка.—Голоданіе.—Болѣзненныя послѣдствія лѣсныхъ грушъ.—Фантастическія трапезы.—Еще побѣги.—Асмани утонулъ.—Наше положеніе,—вкратцѣ.—Уледи подаетъ совѣтъ.—Умари лѣзетъ на дерево.—Мы застрѣливаемъ моего осла, и съѣдаемъ его.—Мы нападаемъ на слѣдъ маньюмовъ и приходимъ въ ихъ селеніе.

Экспедиція снова сформировалась изъ отборныхъ людей. Я значительно успокоился насчетъ колонны арріергарда и относительно судебъ нашихъ несчастныхъ больныхъ. Мы выступили изъ ставки Угарруэ, имѣя 180 вьюковъ груза на вельботѣ и въ челнокахъ, а сорокъ семь вьюковъ несли сухимъ путемъ, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы каждому изъ четырехъ отрядовъ досталось нести тяжести не болѣе одного раза черезъ четыре дня. 19-го числа арабы нѣсколько часовъ пути сопровождали насъ, какъ для того, чтобы указать дорогу, такъ и для пожеланія счастливаго исхода нашего предпріятія.

Мы едва успѣли собраться на ночевку и вечернія сумерки быстро сгущались, какъ на рѣкѣ показался челнокъ отъ Угарруэ и въ немъ три занзибарца, связанныхъ какъ невольники. На мой вопросъ, что это означаетъ, мнѣ отвѣчали, что эти занзибарцы убѣжали отъ меня, а Угарруэ поймалъ ихъ, вскорѣ послѣ своего возвращенія въ ставку. Они бѣжали конечно съ ружьями, а кисеты ихъ доказывали, что они умудрились по дорогѣ накрасть достаточное количество патроновъ. Я отблагодарилъ Угарруэ, пославъ ему револьверъ и 200 патроновъ. На ночь плѣнниковъ засадили подъ караулъ, но я передъ отходомъ ко сну тщательно обдумалъ вопросъ, какъ теперь быть съ этимъ наро-

домъ? Если опять смотрѣть на дѣло сквозь пальцы и непринять строжайшихъ мѣръ, вскорѣ вѣдь придется вернуться назадъ и сказать себѣ, что столько силъ, жизней и страданій потрачено совершенно даромъ.

Утромъ я собралъ всю команду и произнесъ приличную случаю рѣчь, которая была принята съ полнымъ сочувствіемъ. Всѣ согласились съ тѣмъ, что мы по мѣрѣ силъ и возможности исполняли свой долгъ, что всѣ мы довольно натерпѣлись, но эти люди дѣйствовали какъ подлые рабы, не имѣющіе повидимому никакого нравственнаго чувства, ни совѣсти. Они вполнѣ согласились и съ тѣмъ, что если туземцы попытаются украсть наши ружья, которыя для насъ все равно что «наши души», что мы въ правѣ застрѣлить ихъ за это; и если люди, которые за свой трудъ получаютъ плату, которымъ оказываютъ покровительство и хорошо съ ними обходятся, вздумаютъ ночью перерѣзать насъ, то и они подлежатъ разстрѣлянію.

— Хорошо же,—сказалъ я,—а вотъ эти люди то и сдѣлали: они украли наше оружіе и бѣжали, унося съ собою наши оборонительныя средства. Вы говорите, что застрѣлили бы туземца, если бы онъ помѣшалъ вамъ идти впередъ или пробираться назадъ, куда вамъ нужно. А эти что дѣлаютъ? Вѣдь если у насъ утащутъ всѣ ружья и боевые снаряды, намъ ни взадъ, ни впередъ, нельзя будетъ двинуться?

— Нельзя,—соглашаются они.

— Значитъ, вы приговорили ихъ къ смерти. Одинъ умретъ сегодня, другой завтра, третій послѣ завтра; и съ этого дня, каждый воръ и каждый дезертиръ, кто не исполняетъ свой долгъ и подвергаетъ опасности жизнь своихъ товарищей, тотъ умретъ.

Виновниковъ спросили, кто они и откуда. Одинъ показалъ, что онъ невольникъ Фарджала-бинъ-Али, одного изъ старшинъ отряда № 1; другой оказался невольникомъ какого-то баніанца въ Занзибарѣ; третій—невольникомъ ремесленника въ Уніаніймбэ.

Кинули жребій: кому вынется самый короткій клочокъ бумаги, тотъ и будетъ казненъ сегодня.

Жребій палъ на невольника Фарджала, который тутъ же присутствовалъ. Перекинули веревку черезъ толстый сукъ. По командѣ, сорокъ человѣкъ взялись за одинъ конецъ веревки, а на другомъ сдѣлали петлю и накинули ее на шею преступника.

— Не имѣешь ли чего сказать передъ смертью?

Онъ отрицательно покачалъ головой. По данному знаку, его вздернули. Прежде чѣмъ кончились послѣднія содроганія, экспедиція выступила изъ лагеря, оставивъ за собою арріергардъ и рѣчную команду. Веревку замѣнили камышевой тесьмой, посредствомъ которой привя-

зали трупъ къ дереву, и черезъ четверть часа лагерь окончательно опустѣлъ.

Въ этотъ день мы сдѣлали хорошій переходъ. Вдоль берега шла торная тропинка, что значительно облегчило трудъ каравана. По дорогѣ мы тщательно обыскивали деревья, но нашли всего десять гроздьевъ самыхъ мелкихъ фиговыхъ банановъ. За одинъ часъ пути отъ сліянія рѣкъ Ленды и Итури мы стали лагеремъ.

У противуположнаго берега увидѣли мы еще одного купающагося слона и капитанъ Нельсонъ, съ такой же двухстволкой, какъ у меня, я самъ и Саатъ-Тато, нашъ искусный стрѣлокъ, отправились черезъ рѣку и остановились за 15 ярдовъ отъ благороднаго звѣря. Всадивъ въ него единовременно три пули, а въ слѣдующую секунду еще двѣ, и притомъ въ самыя чувствительныя мѣста, мы не добились ровно никакого толку и слонъ-таки ушелъ. Съ тѣхъ поръ мы потеряли всякое довѣріе къ этимъ ружьямъ. Во всю экспедицію намъ неудалось убить ни одной дичины изъ этихъ «экспрессовъ». Вскорѣ капитанъ Нельсонъ вымѣнялъ свое ружье на небольшой запасъ съѣстныхъ припасовъ у Килонга-Лонга; а я разстался со своимъ, подаривъ его года два спустя Антари, королю анкоровъ. Съ нумеромъ 8-мъ или 10-мъ завода Рейли я всегда охотился очень успѣшно, а потому люди, заинтересованные въ вопросахъ подобнаго рода, пусть воспользуются нашею опытностью.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, когда сѣрый свѣтъ началъ проникать сквозь развѣсистые древесные шатры надъ лагеремъ, я послалъ мальчика за Решидомъ, нашимъ главнымъ старшиной.

— Ну что, Решидъ, старый пріятель, насталъ чередъ казнить другого виновника; пора приготовиться къ этому. Ты что скажешь?

— Что же я скажу? Нельзя не убивать тѣхъ, кто пытается намъ наносить смерть. Если передъ нами яма, дно которой утыкано острыми кольями и ядовитыми тычинками, и мы говоримъ людямъ — смотрите, не упадите туда,—не наша вина, коли они зажимаютъ уши, не слушаютъ нашихъ словъ и сами туда прыгаютъ. Пускай ихъ вина падаетъ на ихъ головы!

— Но вѣдь это такъ тяжело! Решидъ-бинъ-Омеръ, этотъ дремучій лѣсъ ожесточаетъ сердца людскія, а голодъ вытѣснилъ разумъ изъ ихъ головъ; они ни о чемъ больше не думаютъ, какъ о своихъ пустыхъ желудкахъ и подведенныхъ животахъ. Я слыхалъ, что даже матери иногда съ голоду пожираютъ дѣтей своихъ. Что же удивительнаго, что слуга бѣжитъ отъ господина, который не можетъ прокормить его?

— Это истина, ясная какъ солнце. Но если намъ суждено умереть, умремъ всѣ вмѣстѣ. Здѣсь не мало хорошихъ людей, которые во всякое

время готовы сложить головы за тебя. А есть и такіе—рабы между рабами,—которые ничего не знаютъ и знать не хотятъ, и когда они бѣгутъ отъ насъ и уносятъ съ собою то, что намъ нужно для сохраненія нашей жизни,—пусть они сгинутъ и пропадутъ. Всѣмъ имъ извѣстно, что ты христіанинъ, претерпѣваешь всѣ невзгоды ради спасенія сыновъ Ислама, которые гдѣ-то тамъ погибаютъ, на берегахъ великаго озера; они же сами исповѣдуютъ исламъ, а христіанина хотятъ покинуть въ лѣсу. Смерть имъ!

— Однако, Решидъ, если бы нашлось средство предупредить побѣги и нашу близкую гибель, не прибѣгая къ такимъ суровымъ мѣрамъ, какъ повѣшеніе на смерть; что бы ты сказалъ?

— Я бы сказалъ, господинъ, что всѣ средства хороши, а самое лучшее будетъ то, которое дастъ имъ возможность жить и покаяться.

— Ну хорошо, какъ только я напьюсь кофе, велю трубить сборъ. Тѣмъ временемъ приготовь длинную тростниковую веревку и перекинь ее вонъ чрезъ тотъ толстый сукъ. Свяжи крѣпкую петлю изъ куска свѣжаго каната. Приготовь плѣнника, отдай его подъ надзоръ караульныхъ, а когда услышишь звуки трубы, подойди къ каждому изъ старшинъ и скажи ему на ухо: «пойдемъ со мной, проси за него прощенія, и оно дастся намъ». Я взгляну на тебя и спрошу, что ты имѣешь сказать? тогда и говорите, это будетъ сигналъ. Доволенъ-ли ты?

— Пусть будетъ, какъ ты сказалъ. Люди отвѣтятъ тебѣ.

Чрезъ полчаса трубили сборъ; отряды образовали каре вокругъ преступника. Длинная тростниковая веревка съ роковымъ узломъ и петлей висѣла на древесномъ суку: конецъ ея извивался по землѣ подобно громадной змѣѣ. Я сказалъ нѣсколько словъ и одинъ изъ людей вышелъ изъ рядовъ и надѣлъ петлю на шею плѣнника; одному изъ отрядовъ приказано было взяться за конецъ веревки.

— Ну, человѣкъ, не желаешь ли сказать что нибудь прежде чѣмъ присоединишься къ твоему брату, умершему вчера?

Но человѣкъ ничего не сказалъ и даже едва ли разслышалъ, что я говорилъ. Тогда я обратился къ главному старшинѣ:—Ты не имѣешь ли чего сказать, предъ тѣмъ какъ я отдамъ приказъ?

Решидъ мигнулъ товарищамъ-старшинамъ и всѣ они рванулись впередъ, упали къ моимъ ногамъ, умоляя о пощадѣ, энергично ругали воровъ и убійцъ, но клялись, что отнынѣ они будутъ вести себя лучше, лишь бы на этотъ единственный разъ я даровалъ имъ прощеніе.

Въ эту минуту физіономіи занзибарцевъ представляли интереснѣйшее зрѣлище: всѣ глаза расширились, губы плотно сомкнулись,

щеки поблѣднѣли,—какъ будто электрическая искра зажгла во всѣхъ одно и тоже чувство!

— Довольно, ребята! Берите своего товарища, его жизнь въ вашихъ рукахъ. Но впередъ, смотрите: у меня будетъ только одинъ законъ для каждаго, кто украдетъ ружье,—веревку на шею и смерть.

Тутъ произошла такая трогательная сцена, что я изумился: у многихъ по щекамъ текли крупныя слезы, а глаза у всѣхъ были влажны подъ наплывомъ страстнаго чувства благодарности. Шапки и чалмы полетѣли вверхъ, люди потрясали ружьями и, подымая правыя руки, восклицали:—Покуда живъ «бѣлая шапка», никто не покинетъ его! Смерть тому, кто покинетъ Буля-Матари! Веди насъ къ Ніанзѣ! Покажи только дорогу, теперь мы всѣ пойдемъ!

Нигдѣ я невидывалъ такого взрыва чувства, исключая развѣ Испаніи, когда республиканцы разражались бурными восклицаніями въ отвѣтъ на какую нибудь великолѣпную рѣчь, въ которой призывали ихъ грудью стоять за новую вѣру въ свободу, равенство и братство!

И дезертиръ тоже плакалъ; когда съ него скинули петлю, онъ сталъ на колѣни и поклялся умереть у моихъ ногъ. Я пожалъ ему руку и сказалъ:—Это Божье дѣло, Бога и благодари.

Снова прозвучала труба, теперь уже веселыми звуками, и всѣ воскликнули:—Съ Божіей помощью! Съ Божіей помощью!—Очередные бросились къ своимъ частямъ, носильщики бодро взвалили на плечи свои тяжелые ноши и пошли впередъ, радуясь, точно на праздникѣ.

Офицеры одобрительно улыбались. Никогда еще въ лѣсныхъ дебряхъ на Конго не бывало столькихъ счастливыхъ людей, какъ въ это утро.

Пѣшая и рѣчная колонны черезъ часъ почти единовременно достигли притока Ленды. Эта рѣка, шириною около ста метровъ, повидимому очень глубокая. На западномъ берегу притока расположилась небольшая деревня, но банановыя рощи ея давно уже были обобраны до-чиста. По окончаніи переправы я позволилъ людямъ пошарить по окрестностямъ, чтобы добыть пищи. Одни пошли по сѣверному берегу, другіе по южному, но еще задолго до наступленія ночи всѣ воротились, не найдя ни малѣйшихъ слѣдовъ съѣстныхъ припасовъ.

22 сентября.—Пока мы по обыкновенію подвигались впередъ водой и сушей, я раздумывалъ, что только четыре дня тому назадъ, 18-го числа, я оставилъ на попеченіи араба пятьдесятъ шесть человѣкъ больныхъ; а сегодня, глядя на своихъ людей во время переклички, я замѣтилъ около пятидесяти человѣкъ уже совершенно ослабѣвающихъ. Даже наиболѣе крѣпкіе и благоразумные изъ нихъ были изнурены продол-

жительнымъ недостаткомъ пищи. Идти дальше по такимъ мѣстамъ, опустошеннымъ искателями слоновой кости, казалось мнѣ просто немыслимо. По счастію, однако же, дойдя до Умени, мы нашли тамъ достаточно припасовъ, чтобы прокормиться одинъ цѣлый день, и надежда снова оживила насъ.

На другой день оказался бѣжавшимъ нѣкій Абдалла, по прозвищу Горбатый. На рѣкѣ попали мы опять въ быстрину, между камней: пришлось разгружать челноки, перетягиваться на бичевѣ, и наконецъ впереди открылся водопадъ футовъ въ сорокъ вышиною, а передъ нимъ и за нимъ еще множество пороговъ.

Можно бы думать, что въ этихъ мѣстахъ Итури превращается уже въ незначительную рѣчку; но увидѣвъ, какая сила воды стремится черезъ третій большой уступъ, мы должны были согласиться, что Итури и здѣсь еще очень мощная рѣка.

24-го мы провели день въ розыскахъ пищи, въ проведеніи дороги черезъ лѣсъ мимо пороговъ и въ развинчиваніи вельбота для переноски его по частямъ. Піонеры притащили довольное количество фиговыхъ банановъ, остальные три отряда ровно ничего не нашли. Утесы, торчавшіе изъ-подъ воды на этихъ порогахъ, состояли изъ красноватой слоистой породы.

На другой день мы миновали и третій водопадъ и остановились въ старомъ арабскомъ лагерѣ. Въ теченіи этого дня никакой пищи не найдено.

На слѣдующій день—новая гряда пороговъ, опять нѣсколько разъ разгружали и снова нагружали челноки и послѣ усиленныхъ трудовъ и возни, сопряженной съ переваломъ черезъ опасные пороги, достигли ночлега насупротивъ Авитико.

Какъ полезны были намъ вельботъ и челноки, ясно уже изъ того факта, что для перенесенія всѣхъ нашихъ 227 вьюковъ, намъ приходилось три раза пройдти одно и тоже пространство. Даже и съ помощью флотиліи, это перетаскиваніе заняло всѣхъ годныхъ людей вплоть до ночи. Люди такъ отощали отъ голода, что болѣе трети всего персонала едва могли перетаскиваться съ мѣста на мѣсто. Мнѣ самому въ этотъ день съ утра до ночи досталось всего только два банана. Нѣкоторые изъ занзибарцевъ по два дня уже совсѣмъ ничего не ѣли, а этого довольно, чтобы надорвать самыя крѣпкія силы. Партія фуражировъ изъ отряда № 1 переправилась черезъ рѣку къ селенію Авитико и нашла тамъ немного совсѣмъ еще неспѣлыхъ плодовъ; но за то они взяли въ плѣнъ женщину, которая увѣряла, что знаетъ такое мѣсто,—и проведетъ насъ туда,—гдѣ фиговые бананы бываютъ длиною больше фута.

27 сентября мы дневали въ лагерѣ. Я послалъ лейтенанта Стэрса далѣе по берегу, а 180 человѣкъ отрядилъ за рѣку искать пищи, давъ имъ женщину въ проводники. Стэрсъ воротился съ извѣстіемъ, что ни одного селенія впереди не видать, но за то онъ встрѣтился съ партіей слоновъ, отъ которыхъ едва спасся. Занзибарцы же принесли столько банановъ, что на каждаго человѣка пришлось отъ шестидесяти до восьмидесяти штукъ. Если бы они придерживались такой же благоразумной экономіи какъ мы, гораздо меньше было бы несчастій и страданій; но аппетитъ у этого народа какой-то неудержимый. Количества пищи, безпристрастно всѣмъ розданной, могло бы хватить имъ на шесть или восемь дней; но изъ нихъ нѣкоторые даже и спать не ложились, а все продолжали ѣсть, надѣясь, что когда опять придетъ нужда, то Богъ пошлетъ имъ пищи, лишь бы хорошенько попросить Его объ этомъ.

30-го пѣшая и рѣчная колонны сошлись для общаго завтрака. Въ этотъ день офицеры и я задали себѣ настоящій пиръ. Стэрсъ нашелъ въ ямѣ живую антилопу, а я нашелъ много живой рыбы въ туземномъ рыболовномъ снарядѣ, поставленномъ въ устьѣ одного мелкаго рѣчнаго притока. Вечеромъ мы расположились на такомъ участкѣ берега, гдѣ ясно были видны слѣды небольшой пристани и когда-то была устроена переправа. Только что мы успѣли расположиться на ночлегъ, какъ услышали три выстрѣла. Это означало близость маньюмовъ и точно, вскорѣ дюжина красивыхъ молодцовъ вступила въ лагерь. То были слуги Килонга-Лонги, соперника Угарруэ въ дѣлѣ опустошенія края, которому оба они посвятили себя.

Маньюмы сообщили намъ, что селеніе Килонга-Лонги отсюда въ пяти дняхъ пути; что вплоть до его ставки страна необитаема и потому слѣдуетъ напередъ запастись бананами, которыхъ впрочемъ очень много найдется здѣсь за рѣкой; а травянистые луга отъ здѣшняго мѣста еще за цѣлый мѣсяцъ ходьбы. Они совѣтовали намъ дня на два остановиться для заготовки провіанта, на что мы очень охотно согласились, такъ какъ добыть съѣстныхъ припасовъ было въ самомъ дѣлѣ настоятельно необходимо.

Въ первый день стоянки поиски за пищей остались вполнѣ безуспѣшны, но на другой день съ ранняго утра я отрядилъ значительную часть людей, подъ командой лейтенанта Стэрса и доктора Пэрка, на сѣверный берегъ. Къ вечеру фуражиры воротились и принесли столько банановъ, что мы были въ состояніи раздать по сорока штукъ на человѣка. Нѣкоторые изъ наиболѣе предпріимчивымъ набрали и больше, но крайняя нужда нѣсколько притупила въ нихъ чувство совѣстливости и они припрятали свою добычу для себя.

3 октября утромъ, вскорѣ по выходѣ изъ лагеря, мы вступили въ котловину, окруженную холмами, возвышавшимися отъ 250 до 600 футовъ надъ уровнемъ рѣки, а дойдя до предѣловъ этой котловины увидѣли извилистый, каналообразный и чрезвычайно бурный потокъ. Весь пейзажъ напомнилъ намъ въ миніатюрѣ одинъ изъ каньоновъ Конго, обрамленный высокими холмами. Я предчувствовалъ, что теперь мы встрѣтимъ такія серьезныя затрудненія, какихъ еще не было на нашемъ пути. Однако мы прошли на веслахъ еще три мили, но подвигаться впередъ стало такъ трудно, что намъ неудалось догнать пѣшій караванъ.

4-го мы прошли еще около $1^1/_2$ мили и переправили экспедицію на сѣверный берегъ, такъ какъ намъ говорили, что Ипото — поселеніе маньюмовъ—расположено на этой сторонѣ. Маньюмы между тѣмъ исчезли, а за ними скрылись и трое изъ нашихъ. Еще двое умерли отъ дисентеріи. При переправѣ у насъ было не мало разныхъ бѣдъ: одинъ изъ челноковъ два раза былъ подъ водою, стальной вельботъ едва не погибъ и его такъ сильно исколотило о подводные камни, что отъ этихъ ударовъ пострадали и наши хронометры, до тѣхъ поръ шедшіе безукоризненно. Я бы охотно въ тотъ же день отказался отъ передвиженія по рѣкѣ, но дичь и глушь ужасной, необитаемой и безплодной трущобы, а также полное истощеніе и хилость людей, пугали меня и я не рѣшился. Мы все еще надѣялись, что придемъ въ такое мѣсто, гдѣ можно будетъ отдохнуть и достать пищи; а этого, повидимому, нельзя было достигнуть вплоть до ставки Килонга-Лонга.

На слѣдующій день къ десяти часамъ утра, пройдя нѣкоторое разстояніе по необычайно бурному потоку, мы пришли къ такому мѣсту, гдѣ рѣка образовала рѣзкій изгибъ съ сѣверо-востока на востокъ, въ маломъ масштабѣ напоминавшій Нсона-Мамбу на нижнемъ Конго. Выйдя на берегъ въ началѣ этого изгиба и стоя на утесѣ лавообразной породы, я сразу увидѣлъ, что тутъ кончается возможность навигаціи въ челнокахъ. Горы высились все круче, не ниже 600 футовъ; рѣка съузилась до 20 метровъ, а на разстояніи около 90 метровъ выше того пункта, гдѣ я стоялъ, изъ узкой долины вырывался клокочущій и бѣшеный притокъ Ихуру; между тѣмъ какъ сама Итури низвергалась какъ бы съ высоты, образуя исполинскую лѣстницу водопадовъ и, соединивъ свои воды съ водами притока, съ ревомъ, съ гуломъ и съ невѣроятною быстротой стремилась между стѣснившихся береговъ, покрытыхъ дремучими лѣсами.

Я послалъ за рѣку гонцовъ въ догонку за караваномъ, шедшимъ подъ предводительствомъ Стэрса и когда они вернулись, переправилъ людей снова на южный берегъ.

На послѣдней перекличкѣ насъ было всего 271 человѣкъ, черныхъ и бѣлыхъ. Съ тѣхъ поръ двое умерло отъ дисентеріи, одинъ отъ истощенія, четверо бѣжали и одного мы повѣсили; слѣдовательно, осталось 263 человѣка. Изъ этого числа, пятьдесятъ два превратились въ скелеты. Началось съ того, что они покрылись чирьями и потому не могли участвовать въ добываніи пищи; а потомъ, получая свою долю провіанта, и не думали экономить его, а истощали свои припасы немедленно и оставались совсѣмъ безъ пропитанія въ тѣ дни, когда новой добычи не было. Такимъ образомъ способныхъ идти осталось у меня всего 211 человѣкъ, а такъ какъ въ числѣ ихъ было сорокъ не носильщиковъ, а вьюковъ еще оставалось у насъ 227, то именно въ ту минуту какъ понадобилось ихъ нести сухимъ путемъ, оказалось восемьдесятъ грузовъ, которыхъ нести некому.

Въ послѣднія двѣ недѣли у капитана Нельсона также образовалось до двѣнадцати мелкихъ чирьевъ, которые, постепенно разростаясь, причиняли ему немало страданій. И такъ, въ тотъ день, когда бурное состояніе рѣки рѣшительно препятствовало дальнѣйшему передвиженію водою, Нельсонъ и пятьдесятъ два человѣка команды оказались окончательно неспособными идти дальше.

Положеніе было въ высшей степени затруднительное. Нельсонъ—товарищъ, и для его спасенія слѣдовало употребить всѣ силы и мѣры. Относительно пятидесяти двухъ чернокожихъ мы также были связаны торжественными обязательствами; и какъ ни тяжелы были окружающія обстоятельства, мы не настолько были подавлены ими, чтобы вовсе потерять надежду спасти всѣхъ.

Такъ какъ маньюмы говорили, что ихъ поселеніе находится въ пяти дняхъ пути, а мы уже прошли двухдневное разстояніе, то ставка ихъ или деревня должна быть не дальше какъ за три дня ходу. Капитанъ Нельсонъ подалъ мнѣ мысль, что если послать впередъ смышленыхъ развѣдчиковъ, то они могутъ достигнуть ставки Килонга-Лонга гораздо прежде колонны. Съ этимъ всѣ конечно согласились, а такъ какъ самыми смышлеными въ отрядѣ были старшины, то главнаго ихъ начальника съ пятью другими старшинами я тотчасъ отрядилъ впередъ, приказавъ имъ какъ можно скорѣе идти южнымъ берегомъ до тѣхъ поръ, пока они найдутъ какую нибудь пристань, откуда можно будетъ переправиться на другой берегъ Итури, отыскать селеніе и немедленно добыть запасъ провіанта.

Передъ отправленіемъ въ путь, офицеры и команда пожелали узнать, думаю ли я, что впереди въ самомъ дѣлѣ будетъ арабское селеніе? Я отвѣчалъ, что нимало не сомнѣваюсь въ этомъ, но считаю возможнымъ, что маньюмы не точно показали разстояніе, уменьшивъ

его можетъ быть изъ желанія ободрить насъ, поощрить наше усердіе или просто успокоить наши тревоги.

Я сообщилъ несчастнымъ калѣкамъ о нашемъ намѣреніи поспѣшать дальше, пока не найдемъ пищи, дабы всѣмъ вмѣстѣ не пропасть и прислать имъ провіанту какъ только намъ удастся достать его; потомъ сдалъ пятьдесятъ двухъ человѣкъ, восемьдесятъ одинъ вьюкъ и десять челноковъ подъ надзоръ капитана Нельсона, просилъ его не падать духомъ, и взваливъ на плечи себѣ и командѣ наши тюки и разобранный по частямъ вельботъ, мы пустились въ путь.

Трудно себѣ представить болѣе печальное мѣсто для лагеря, чѣмъ эта узкая песчаная терраса, окруженная утесами, окаймленная стѣною темныхъ лѣсовъ, которые, начинаясь у самой воды, лѣзутъ по берегамъ до высоты 600 футовъ, между тѣмъ какъ въ воздухѣ стоитъ немолчный ревъ бушующаго потока и двойнаго ряда водопадовъ, состязающихся въ быстринѣ и шумности. Невольно содрогаешься, вникая въ безвыходное положеніе нашихъ несчастныхъ больныхъ, осужденныхъ оставаться на мѣстѣ безъ всякаго дѣла и каждую минуту прислушиваться къ страшному гулу разъяренныхъ волнъ, къ однообразной и непримиримой борьбѣ безпрерывно бушующихъ рѣкъ;— наблюдать, какъ эти волны прыгаютъ, извиваются, образуютъ сверкающіе столбы, каждую секунду мѣняющіе форму; какъ быстрина увлекаетъ ихъ впередъ, разбиваетъ на клочки бѣлой пѣны и раскидываетъ врозь; вглядываться въ неумолимую глубину темнаго лѣса, разстилающагося и вширь, и вверхъ, и вокругъ, вѣчно окутаннаго своею тусклою зеленью и схоронившаго въ своихъ нѣдрахъ столько протекшихъ вѣковъ, столько поколѣній, давно минувшихъ и исчезнувшихъ. А ночь, съ ея непроницаемой, осязательной темнотой, съ черными тѣнями по лѣсистымъ холмамъ, съ неумолкающимъ гуломъ водопадовъ; а эти неопредѣленныя формы, что возникаютъ изъ темноты, подъ вліяніемъ физическаго истощенія и нервнаго ужаса,—а сознаніе безлюдья, одиночества и затерянности въ этой глуши,—подумайте обо всемъ этомъ и тогда вамъ понятнѣе станетъ, въ какомъ положеніи остались эти несчастные.

А мы, тѣмъ временемъ, ползли впередъ, взбирались по лѣсистымъ скатамъ, стараясь достигнуть верхняго гребня холмовъ; шли—незная куда, не смѣя думать о томъ, сколько именно придется идти, въ поискахъ за пищей и съ угнетающимъ сознаніемъ двойной отвѣтственности, какъ за тѣхъ довѣрчивыхъ, славныхъ людей, которые шли съ нами, такъ и за тѣхъ, не менѣе довѣрчивыхъ и славныхъ, которыхъ мы покинули на днѣ ужасной долины!

Глядя на моихъ бѣдняковъ, съ такимъ трудомъ подвигавшихся

впередъ, я думалъ, что судьба наша должна рѣшиться въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Пройдетъ день, можетъ быть два, и жизнь отлетитъ. Какъ жадно они всматривались въ чащу лѣса, ища глазами красныхъ ягодъ фриніи и кисловатыхъ, пурпуровыхъ, продолговатыхъ плодовъ амомы! Какъ набрасывались на плоскіе лѣсные бобы и наслаждались попадавшимися грибами! Короче сказать, въ этой жестокой безкормицѣ мы ничѣмъ небрезговали, кромѣ древесины и листьевъ. Проходя нѣсколькими заброшенными просѣками, люди разыскивали бывшія банановыя плантаціи, срѣзывали стволы банановъ и, перемѣшавъ ихъ съ лѣсными травами, варили изъ этого похлебку; «фенесси» (плодъ растенія въ родѣ хлѣбнаго дерева*) и другіе крупные плоды сдѣлались предметами нашихъ постоянныхъ думъ и помышленій.

Возвращаться намъ было нельзя, оставаться на мѣстѣ невозможно; перемѣняя мѣсто мы лишь обмѣнивали одно зло на другое; и съ каждымъ днемъ мы сами приближались къ своей гибели.

7 октября въ половинѣ седьмаго часа утра, мы вступили своимъ похороннымъ шагомъ въ неизвѣданныя дебри нагорнаго лѣса. По пути собирали грибы и дикіе плоды „матонга“, и послѣ семичасоваго перехода расположились на ночлегъ. Въ 11 часовъ утра мы, по обыкновенію, дѣлали привалъ для завтрака. У каждаго изъ офицеровъ былъ еще небольшой запасъ банановъ. Я лично могъ себѣ удѣлить не больше двухъ; товарищи мои были не менѣе меня умѣренны и экономны и трапеза наша закончилась чашкою чая безъ сахара. Мы сидѣли и обсуждали свои дѣла, разговаривая о томъ, могли ли наши гонцы достигнуть какого нибудь поселенія сегодня или завтра, и въ какой срокъ можно ожидать ихъ обратно; между прочимъ, товарищи спрашивали меня, испытывалъ ли я такія же бѣдствія во время прежнихъ моихъ странствій по Африкѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—такихъ еще не испытывалъ. Натерпѣлись мы и тогда, но до такой крайности не доходили. Эти девять дней пути по Итури были ужасны Когда мы бѣжали изъ Бумбирэ, мы очень страдали отъ голода; также и тогда, когда плыли внизъ по Конго для опредѣленія его теченія, мы были въ довольно жалкомъ положеніи; но все же совсѣмъ безъ пищи мы не оставались и притомъ насъ поддерживали великія надежды. Говорятъ, что время чудесъ миновало; но отчего бы это? Моисей источалъ воду изъ камня при Хоревѣ, для израильтянъ, томившихся жаждой. А у насъ воды до-

*) Настоящаго хлѣбнаго дерева (Artocarpus) въ Африкѣ въ дикомъ состояніи не встрѣчается; тутъ, по всей вѣроятности, подразумѣваются плоды близкаго рода Treculia. *А. Бекетовъ.*

вольно, и даже слишкомъ. Вôроны прилетали кормить пророка Илію у рѣки Керита; но во всемъ этомъ лѣсу нѣтъ ни одного вôрона. Христу прислуживали ангелы. Не дождемся ли и мы ангела съ небесъ?

Въ эту минуту послышалось какъ бы шуршанье крыльевъ большой птицы. Мой маленькій терріеръ, Ренди, поднялъ ногу и вопросительно посмотрѣлъ вверхъ; мы тоже подняли головы, но въ туже секунду птица очутилась подъ носомъ у Ренди, который схватилъ ее зубами и держалъ, какъ въ желѣзныхъ тискахъ.

— Ну вотъ, друзья,—сказалъ я,—боги къ намъ милостивы и время чудесъ еще не миновало.—И товарищи съ изумленнымъ восхищеніемъ взирали на птицу, которая оказалась жирной, превосходной цесаркой.

Эту цесарку мы очень скоро подѣлили между собою, не позабывъ наградить и виновника торжества, Ренди; собаченка какъ будто сознавала, что общее уваженіе къ ней увеличилось и каждый изъ насъ по своему насладился ея добычей.

На слѣдующій день, ради облегченія носильщиковъ, тащившихъ стальныя части вельбота, я просилъ мистера Джефсона свинтить его съизнова. Часа черезъ два ходьбы вдоль берега, мы пришли къ мѣсту, съ котораго видѣнъ былъ обитаемый островокъ. Передовые развѣдчики, взявъ первый попавшійся челнокъ, бросились прямо къ островку, намѣреваясь также безцеремонно какъ Орландо захватить пищи для голодныхъ *).

«Чего вамъ нужно, дерзновенные?

«Намъ нужно мяса! Двѣсти человѣкъ бродятъ въ этихъ лѣсахъ, изнемогая отъ истощенія».

Туземцы и неразспрашивали ни о чемъ, а очень деликатно исчезли, оставивъ намъ всѣ свои съѣстныя сокровища. На нашу долю пришлось два фунта кукурузы и полфунта бобовъ. Всего разыскали до двадцатипяти фунтовъ зерна, которое роздали людямъ.

Послѣ полудня я получилъ записку отъ Джефсона, отставшаго съ вельботомъ:—„Бога ради, если достали пищи въ поселкѣ, пришлите намъ чего нибудь".

Я отвѣчалъ Джефсону, чтобы онъ попробовалъ отыскать раненаго слона, въ котораго я стрѣлялъ, и который спасся на одинъ изъ островковъ, а въ отвѣтъ на его мольбу могъ послать ему только горсть кукурузы.

9 октября сотня людей вызвалась переплыть на сѣверный бе-

*) Намекъ на сцену изъ комедія Шекспира: «Какъ вамъ будетъ угодно».

регъ и проникнуть немного вглубь лѣса, съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться, пока не добудутъ какой нибудь провизіи. Я отправился вверхъ по рѣкѣ съ рѣчнымъ экипажемъ, а Стэрсъ внизъ по рѣкѣ до примѣченной имъ тропинки, которая, какъ онъ надѣялся, могла привести къ селенію; остальные, настолько ослабѣвшіе, что не могли идти далеко, бродили по лѣсу въ южную сторону, ища дикихъ плодовъ и лѣсныхъ бобовъ. Эти бобы, величиною вчетверо больше нашихъ крупныхъ огородныхъ сортовъ, заключены въ бурой, кожистой шелухѣ. Вначалѣ наши люди просто шелушили ихъ и варили въ водѣ, но отъ этого у нихъ болѣли животы.

Но одна туземная старуха, захваченная на островкѣ, иначе приготовляла ихъ: она не только шелушила ихъ, но сдирала и внутреннюю кожицу, а потомъ скоблила бобы, какъ у насъ скоблятъ мускатный орѣхъ. Изъ этого вещества, въ родѣ муки, она пекла лепешки для своего новаго хозяина и онъ въ восторгѣ кричалъ, что онѣ очень вкусны. Тогда всѣ принялись собирать бобы, которыхъ въ лѣсу попадалось довольно много. Мнѣ принесли попробовать этого печенья и я тоже соблазнился и нашелъ его довольно питательнымъ, а на вкусъ похожимъ на желуди. И въ самомъ дѣлѣ, вкусъ и запахъ сильно напомнили мнѣ печеные желуди. Грибовъ находили много сортовъ: были настоящіе, въ родѣ нашихъ сѣверныхъ вишенниковъ, но попадались и менѣе безвредные; а все-таки, видно, боги покровительствуютъ жалкимъ образчикамъ человѣчества, обреченнымъ на житье въ такихъ условіяхъ. Собирали и гусеницъ, и древесныхъ улитокъ, и бѣлыхъ муравьевъ, — это уже считалось мяснымъ кушаньемъ. Вмѣсто дессерта служили „мабенгу“ *) и „фенесси“, т. е. плоды дерева, близкаго къ хлѣбному.

На другой день нѣкоторые изъ фуражировъ сѣвернаго берега воротились ни съ чѣмъ. Они нашли тамъ такую же безплодную глушь, какая была у насъ на южномъ берегу. — Иншаллахъ!—говорили они,—найдемъ пищи, если не завтра, то послѣ завтра.

Утромъ я проглотилъ послѣднее зернышко своей кукурузы и послѣднюю порцію твердой пищи, какая еще оставалась у насъ, и въ полдень надо было хоть чѣмъ нибудь утолить жестокія схватки пустого желудка. Одинъ изъ старшинъ, Уади - Хамисъ, принесъ мнѣ листьевъ батата: ихъ истолкли и сварили. Это было довольно вкусно, но недовольно сытно и желудокъ мой не успокоился. Тогда одинъ изъ

---

*) „Strychnos nux vomica“, большое дерево изъ семейства Loganiaceae, сѣмена его очень ядовиты, но мякоть, окружающая ихъ, безвредна и пріятнаго вкуса.

занзибарцевъ, съ гордою радостью, бѣдняга! принесъ мнѣ дюжину плодовъ, цвѣтомъ и величиною сходныхъ съ наилучшими грушами, и издававшихъ прелестный, освѣжительный запахъ. Честный малый увѣрялъ, что онѣ отличныя, что люди ими просто объѣдаются, но для меня и офицеровъ отобрали самые лучшіе экземпляры. Онъ притащилъ мнѣ также свѣжую лепешку изъ бобовой муки, съ виду рѣшительно напоминавшую подрумянившійся запеченый кремъ. Я отъ души поблагодарилъ его за такое угощеніе и поѣвши, почувствовалъ себя наконецъ сытымъ. Однако же черезъ часъ у меня началась рвота и я принужденъ былъ лечь въ постель: голова болѣла, какъ бы стянутая желѣзнымъ обручемъ, въ виски стучало и глаза какъ-то странно перекашивало, такъ что даже въ сильнѣйшія очки я не могъ разобрать буквъ въ книгѣ Нори, Эпитомѣ. Мой слуга, который съ увлеченіемъ юности набросился на предоставленные ему мною остатки ароматнаго, грушеобразнаго плода, пострадалъ еще хуже меня. Будь онъ пущенъ въ маленькой лодкѣ по бурному морскому проливу, онъ и то едва-ли могъ бы представить болѣе плачевное зрѣлище чѣмъ теперь, аппетитно поѣвъ здѣшнихъ лѣсныхъ грушъ.

На закатѣ солнца фуражиры изъ отряда № 1, бывшіе въ отсутствіи тридцать шесть часовъ, явились съ сѣвернаго берега и принесли съ собою фиговыхъ банановъ въ достаточномъ количествѣ, чтобы спасти европейцевъ отъ отчаянія и голодной смерти; но мы всѣмъ роздали по два банана, что равнялось четыремъ унціямъ твердой пищи на человѣка, между тѣмъ какъ на такіе тощіе желудки нужно было по восьми фунтовъ, чтобы ихъ насытить.

Офицеры,—Стэрсъ, Джефсонъ и Пэркъ,—весь вечеръ забавлялись тѣмъ, что придумывали меню различныхъ обѣдовъ, въ такомъ родѣ:

Говяжье филе,—Шартрезъ.

Пирожки съ остендскими устрицами.

Жареные бекасы, по лондонски.

Другой проявилъ чисто англо-саксонскіе вкусы, составивъ слѣдующее солидное меню:

Ветчина и яйца въ смятку, во множествѣ.

Ростбифъ съ картофелемъ, неограниченно.

Увѣсистый племъ пуддингъ.

Двое изъ фуражировъ не воротились, но намъ некогда было ждать ихъ. Мы двинулись съ своей голодной стоянки и перешли на другую, одиннадцатью милями дальше.

Одинъ изъ людей отряда № 3 уронилъ свой ящикъ съ боевыми снарядами въ глубокій притокъ и грузъ пропалъ.

Кеджели укралъ ящикъ патроновъ винчестерскаго образца и бѣ-

жалъ. Селимъ стащилъ ящикъ, въ которомъ были новые сапоги для Эмина-паши, да двѣ пары моихъ собственныхъ, и тоже бѣжалъ. Уади-Адамъ скрылся, забравъ цѣликомъ всѣ пожитки доктора Пэрка. Суеди, изъ отряда № 1, покинулъ на дорогѣ вьюкъ, а самъ пропалъ неизвѣстно куда. За нимъ изчезъ и Учунгу, съ шеей какъ у быка; но этотъ захватилъ съ собою ящикъ ремингтоновскихъ патроновъ.

12 октября мы прошли четыре съ половиною мили на юго-востокъ. Вельботъ со своимъ экипажемъ далеко отсталъ отъ насъ, въ борьбѣ съ порогами.

Намъ захотѣлось переплыть за рѣку, чтобы снова попытать счастья на сѣверномъ берегу. Мы стали искать челнока, и примѣтили одинъ, но онъ былъ у противоположнаго берега, а рѣка въ этомъ мѣстѣ была до ста метровъ шириною, и теченіе такъ быстро, что при теперешнемъ изнуреніи ни одинъ изъ нашихъ лучшихъ пловцовъ не могъ бы съ нимъ справиться.

Развѣдчики однако же выслѣдили другой челнокъ, причаленный къ острову немного повыше нашего привала, не больше сорока метровъ отъ южнаго берега. Трое охотниковъ вызвались плыть за челнокомъ, и между ними одинъ изъ піонеровъ, Уади-Асманъ, человѣкъ серьезный, благонадежный и опытный въ странствованіяхъ по многимъ африканскимъ землямъ. Я обѣщалъ двадцать долларовъ (сто франковъ) награды за успѣшное выполненіе задачи. Асманъ былъ не такой смѣльчакъ какъ Уледи, лоцманъ нашего вельбота, и далеко не отличался такой отвагой и рѣшимостью, но за то онъ былъ въ высшей степени осторожный и разумный человѣкъ и я его цѣнилъ очень высоко.

Эти трое людей задумали перебраться черезъ рѣку по небольшому порогу, чтобы отъ времени до времени опираться на торчавшія подъ водою утесы. Въ сумеркахъ двое изъ нихъ воротились съ печальною вѣстью, что Асманъ утонулъ: онъ попытался плыть съ ружьемъ за спиною, теченіемъ унесло его въ водовородъ и онъ погибъ.

Рѣшительно, во всемъ мы были несчастливы: наши старшины все не возвращались и мы тревожились на ихъ счетъ, здоровые и крѣпкіе люди дезертировали; число ружей быстро уменьшалось, множество боевыхъ снарядовъ раскрадено; Ферузи, послѣ Уледи наилучшій изъ нашихъ матросовъ, превосходный человѣкъ, честный отличный солдатъ, безропотный носильщикъ, умиралъ отъ раны, которую дикарь нанесъ ему ножемъ по головѣ.

На другой день опять дневали. Мы намѣревались снова переправиться за рѣку и сильно безпокоились о нашихъ шести старшинахъ, въ числѣ которыхъ былъ и Решидъ бенъ Омаръ, т. е. «отецъ-народа», какъ его называли.

Такъ какъ они ничего не взяли съ собою, кромѣ своихъ ружей, платья и достаточнаго количества патроновъ, то я разсчитывалъ, что такіе люди, какъ они, могли пройти больше ста миль (или 150 километровъ) въ эту недѣлю, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ мы выступили изъ стоянки, гдѣ оставили Нельсона. Стало быть, если они за это время все еще не напали на селеніе маньюмовъ, то чего ожидать намъ, нагруженнымъ вьюками, съ цѣлымъ караваномъ отощавшихъ и отчаявшихся людей, которые во всю недѣлю питались только парою банановъ, да дикими плодами, ягодами и грибами? Люди начали уже совсѣмъ погибать отъ такого продолжительнаго поста. Трое умерло наканунѣ.

Къ вечеру подоспѣлъ Джефсонъ на вельботѣ и привезъ кукурузы, которой досталось по двѣнадпати чашекъ на каждаго изъ бѣлыхъ. Для европейцевъ это было спасеніемъ отъ голодной смерти.

15-го числа, сдѣлавъ на деревьяхъ помѣтки вокругъ мѣста нашей стоянки и начертивъ углемъ путеводныя стрѣлы, на случай если старшины придутъ сюда, экспедиція переправилась на сѣверный берегъ и расположилась лагеремъ въ верхней части гряды холмовъ. Вскорѣ затѣмъ Ферузи Али умеръ отъ своей раны.

Люди дошли до такого полнаго изнеможенія, что я не рѣшился развинчивать вельботъ для несенія его по частямъ; впрочемъ, если бы теперь посулить имъ всѣ сокровища міра, они не въ силахъ были бы сдѣлать болѣе того, что и такъ дѣлали по первому моему слову. Я разъяснилъ имъ наше положеніе, обратившись къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

— Друзья мои, вотъ вамъ, въ краткихъ словахъ, изложеніе нашихъ дѣлъ. Мы выступили изъ Ямбуйи въ числѣ 389 человѣкъ и взяли съ собою 237 вьюковъ. У насъ было 80 человѣкъ лишнихъ носильщиковъ, которыхъ мы предназначали на смѣну тѣхъ, кто могъ заболѣть или ослабѣть по дорогѣ.

Въ ставкѣ Угарруэ мы оставили 56 человѣкъ, а въ лагерѣ съ капитаномъ Нельсономъ еще 52. У насъ должно бы теперь оставаться 271 человѣкъ, а вмѣсто того насъ всего лишь двѣсти, со включеніемъ шести отсутствующихъ старшинъ. Семьдесятъ одинъ умерли, убиты либо бѣжали. Но изъ васъ только полтораста въ состояніи нести что либо, а потому мы не можемъ тащить за собою этотъ вельботъ. Какъ вы думаете, не лучше ли будетъ затопить его здѣсь, у берега, а самимъ скорѣе идти впередъ, чтобы добывать пищи и себѣ, и тѣмъ, что остались съ капитаномъ Нельсономъ и дивятся теперь, куда мы всѣ подѣвались,—чтобы всѣмъ не помереть въ этихъ лѣсахъ. Не мы вѣдь таскаемъ вельботъ, а вы; такъ скажите же, какъ намъ лучше поступить съ нимъ?

И офицеры, и команда высказали много различныхъ соображеній, пока наконецъ Уледи—все тотъ же вѣрный слуга Уледи, о которомъ я упоминалъ въ своей книгѣ «Чрезъ темный материкъ»,—не разрѣшилъ вопроса.—Господинъ,—сказалъ онъ,—мой совѣтъ таковъ: вы идите впередъ, ищите маньюмовъ, а я съ матросами пойду черезъ пороги и будемъ работать какъ придется, на шестахъ, на веслахъ или на бичевѣ. Два дня я буду такъ подвигаться вверхъ по рѣкѣ и если до тѣхъ поръ не нападу на слѣдъ маньюмовъ, то пошлю къ вамъ въ догонку людей, чтобы намъ не разобщаться. Не можетъ быть, чтобы мы съ вами не сошлись, потому что и слѣпой человѣкъ можетъ дойти по той дорогѣ, которую прокладываетъ караванъ.

Эта мысль всѣмъ показалась наилучшею и мы рѣшили исполнить все такъ, какъ посовѣтовалъ Уледи.

Мы разстались въ 10 часовъ утра и вскорѣ я впервые познакомился съ болѣе высокими холмами долины Арухуими. Я повелъ караванъ къ сѣверу черезъ лѣсныя трущобы, отклоняясь по временамъ къ сѣверо-востоку и охотно направляясь по звѣринымъ слѣдамъ, когда они попадались кстати. Мы подвигались очень медленно, подлѣсокъ былъ густой; на пути во множествѣ встрѣчались плоды фриніи и амомы, фенесси, крупные лѣсные бобы и всевозможные грибы, и каждый набралъ себѣ изрядный запасъ. Давно отвыкши отъ восхожденій на горы, мы задыхались отъ сердцебіенія, взбираясь по крутымъ лѣсистымъ скатамъ и прорубая себѣ путь чрезъ душившія насъ со всѣхъ сторонъ ліаны, кусты и деревья.

О, какъ грустенъ, какъ невыразимо печаленъ былъ этотъ вечеръ, когда столько людей покорно и тягостно двигались по безконечному лѣсу вслѣдъ за однимъ бѣлымъ человѣкомъ, шедшимъ невѣдомо куда, и самъ онъ не зналъ куда идетъ, по мнѣнію многихъ. И всѣ они спытывали жестокія муки голода! А какіе еще ужасы ждутъ ихъ впереди, о томъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія. Но что же дѣлать, рано или поздно—смерть все равно настигнетъ каждаго человѣка. И такъ, мы шли все дальше и дальше, пробирались сквозь кусты, топтали зеленыя растенія и огибали склоны холмовъ, зигзагомъ направляя колонну то на сѣверо-востокъ, то на сѣверо-западъ, и спустившись въ котловину, расположились у прозрачнаго ручья и стали завтракать зернами кукурузы и лѣсными ягодами.

Во время полуденнаго привала нѣкто Умари, замѣтивъ великолѣпные спѣлые фенесси на верхушкѣ дерева въ 30 футовъ вышиною, полѣзъ за ними, но добравшись до вершины сорвался—или вѣтка подъ нимъ подломилась—и онъ свалился на головы двухъ своихъ товарищей, стоявшихъ у того же дерева, въ ожиданіи плодовъ. Какъ это ни

странно, ни одинъ изъ троихъ не получилъ серьезныхъ поврежденій, только Умари немного помялъ себѣ бедро, да одинъ изъ тѣхъ, на кого онъ упалъ, жаловался что у него грудь заболѣла.

Въ половинѣ четвертаго часа, послѣ утомительнаго пролѣзанія сквозь густѣйшія заросли арума, амомы и всякихъ кустовъ, мы вышли въ мрачный долъ, расположенный въ видѣ амфитеатра и на днѣ его нашли лагерь, изъ котораго туземцы только что убѣжали, и при томъ такъ поспѣшно, что не успѣли захватить съ собою своихъ сокровищъ. Ясно, что въ труднѣйшія минуты жизни какія-то божества заботились о насъ. Въ этомъ лагерѣ насъ ожидали два четверика кукурузы и одинъ четверикъ бобовъ.

Мой бѣдный занзибарскій оселъ совсѣмъ извелся дорогой. И въ самомъ дѣлѣ, питаться изо дня въ день листьями аройника, да амомы съ самаго 28-го іюня, далеко не прилично для порядочнаго ослика изъ Занзибара и потому, чтобы разомъ пресѣчь его страданія, я застрѣлилъ его. Мясо его подѣлили такъ тщательно, какъ будто это была какая нибудь рѣдчайшая дичина, а моя отощавшая и обезумѣвшая съ голоду челядь угрожала позабыть всякую дисциплину.

Когда имъ поровну роздали мясо, они начали драться изъ-за кожи, подобрали всѣ косточки и истолкли ихъ, потомъ нѣсколько часовъ кряду варили копыта, словомъ отъ моего вѣрнаго скота ровно ничего не осталось, кромѣ волосъ и пролитой крови: ни одна стая шакаловъ не обработала бы его лучше. Та часть нашей природы, которая возвышаетъ человѣка надъ остальными животными, до того притупилась подъ вліяніемъ голода, что наши люди превратились въ двуногихъ плотоядныхъ, съ такими же кровожадными инстинктами, какъ и любые хищные звѣри.

16-го мы перешли одну за другою четыре глубокія долины, густо заросшія удивительными фриніями. На деревьяхъ часто виднѣлись фенесси, почти совсѣмъ спѣлыя, длиною въ цѣлый футъ и дюймовъ восемь въ поперечникѣ. Нѣкоторые изъ этихъ плодовъ были не хуже ананаса и притомъ несомнѣнно безвредны. Впрочемъ, мы не брезговали и гніющими плодами. Когда не было фенесси, попадалось множество бобовыхъ деревьевъ, которые услужливо усыпали почву своими плодами. Природа какъ будто сознавала, что бѣдные странники довольно натерпѣлись: дремучій лѣсъ все нѣжнѣе и внимательнѣе относился къ усталымъ и долготерпѣливымъ страдальцамъ. Фриніи расточали намъ свои багровыя ягоды, амома снабжала насъ самыми спѣлыми и румяными плодами, фенесси достигли высшей степени совершенства, лѣсные бобы были все толще и сочнѣе, ручьи по лѣснымъ ложбинамъ были прозрачны и освѣжительны; никакихъ враговъ мы не встрѣчали,

бояться было нечего—если не считать голода,—а природа всячески старалась ободрить насъ своими неизвѣданными сокровищами; она простирала надъ нами душистую тѣнь своихъ гостепріимныхъ шатровъ и ласково шептала намъ свои невыразимыя утѣшенія.

Въ полдень, на привалѣ, люди обсуждали положеніе дѣлъ. Они серьезно покачивали головами и говорили:—знаете ли, что такой-то или такой-то умеръ? А такой-то пропалъ безъ вѣсти! Другой вѣроятно помретъ къ вечеру! А остальные пропадутъ завтра! — Но раздалась призывная труба, всѣ встали на ноги и пошли, опять пошли все дальше, навстрѣчу своей судьбѣ.

Полчаса спустя, піонеры, пробравшись черезъ густую рощу амомы, вдругъ очутились на торной дорогѣ. Смотримъ, и на каждомъ деревѣ видимъ извѣстное клеймо маньюмовъ, въ родѣ звѣзды, вырѣзанной на корѣ. Это открытіе быстро передается изъ устъ въ уста и вскорѣ вся колонна, отъ перваго до послѣдняго человѣка, оглашаетъ воздухъ радостными кликами.

— Въ которую сторону, господинъ?—спрашиваютъ восхищенные піонеры.

— Поворачивай вправо, конечно!—отвѣчаю я, обрадованный пуще всѣхъ и усиленно стремясь къ селенію, которое должно наконецъ положить предѣлъ нашимъ теперешнимъ страданіямъ и сократить мученія Нельсона и его чернокожихъ товарищей.

— Богъ дастъ,—говорили они,—завтра или послѣ завтра у насъ будетъ пища.—Это значило, что послѣ 336 часовъ страданій отъ неутолимаго голода, они—если будетъ угодно Богу—терпѣливо подождутъ еще тридцат шесть или шестьдесятъ часовъ.

Всѣ мы ужасно исхудали, однако бѣлые все-таки гораздо меньше чѣмъ темнокожіе. Думая о будущемъ, мы предавались широкимъ надеждамъ, но глядя на людей, испытывали большое безпокойство и даже глубокое уныніе. Жаль, что они не имѣли большаго довѣрія къ нашимъ словамъ: многіе умирали не отъ голода только, но главное отъ отчаянія. Они откровенно выражали свои мысли и съ увѣренностью говорили другъ другу, что и мы не знаемъ, куда идемъ. Въ этомъ они даже отчасти были правы, ибо кто-же могъ предвидѣть, что именно встрѣтится намъ въ глуши этихъ неизвѣданныхъ лѣсовъ? Но по ихъ понятіямъ, имъ уже на роду написано было слѣдовать за нами и они шли, покоряясь судьбѣ. Питались они плохо, натерпѣлись всего. На тощій желудокъ и съ пустыми руками трудно передвигаться, а они еще все время несли по шестидесяти фунтовъ поклажи. Человѣкъ пятьдесятъ съ лишнимъ были еще въ изрядномъ состояніи, но полтораста превратились въ скелеты, обтянутые сѣрой кожей, истощенные

до послѣдней степени, со всѣми признаками полной безнадежности во впалыхъ глазахъ и во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ. Они едва волочили ноги, стонали, проливали слезы и вздыхали. А какъ извелась моя собаченка, Ренди! Уже нѣсколько недѣль она вовсе не видѣла мяса, исключая маленькаго кусочка ослинаго мяса, удѣленнаго ей изъ моей порціи. Печеная кукуруза и бобы какая же пища для терріера, а отъ фенесси, мабенгу и другихъ кислыхъ плодовъ онъ конечно воротилъ носъ, и до такой степени исхудалъ, что былъ похожъ на мусульманскаго парію.

Стэрсъ ни разу не обманулъ моихъ ожиданій. Джефсону отъ времени до времени удавалось разыскивать для насъ драгоцѣнныхъ зеренъ маиса и самъ онъ никогда не унывалъ; а Пэркъ былъ неизмѣнно терпѣливъ, веселъ, кротокъ и готовъ все сдѣлать для ближняго. Эта жизнь въ лѣсу дала мнѣ возможность глубоко изучить человѣческую природу и отыскать въ ней неожиданныя сокровища твердости и всякихъ добродѣтелей.

По слѣдамъ маньюмовъ легко было идти впередъ. Иногда мы выходили на перекрестки, отъ которыхъ тропинки расходились въ разныя стороны, но разъ принявъ должное направленіе, мы безъ труда выбирали настоящую. По ней, повидимому, ходили довольно часто, и съ каждою милей она становилась все болѣе торною, по мѣрѣ приближенія нашего къ многолюдному поселенію. Недавніе слѣды стали попадаться все чаще, тамъ и сямъ кусты были поломаны и замѣтны были мѣста остановки, либо лазейки въ стороны. Мѣстами вѣтви деревъ были срѣзаны; по дорогѣ часто валялись длинные жгуты ліанъ, или на-скоро сброшенныя подушечки изъ листьевъ, употребляемыя туземцами-носильщиками для подкладыванія подъ вьюки. Большая часть утра прошла въ переправахъ черезъ множество мелкихъ, тиховодныхъ ручьевъ, окруженныхъ широкими пространствами болотистаго и вязкаго грунта. При одной изъ такихъ переправъ на колонну напали осы и одного изъ людей такъ изжалили, что у него сдѣлалась сильнѣйшая лихорадка; принимая во вниманіе его крайнее изнуреніе, я мало надѣюсь, чтобы онъ могъ поправиться. Пройдя семь миль (около 11 километровъ) къ юго-востоку, мы расположились на ночлегъ послѣ полудня 17-го числа.

Вечеромъ разразилась буря, угрожавшая вывернуть съ корнемъ всѣ деревья и унести ихъ вихремъ далеко на западъ; при этомъ страшнѣйшій дождь, вслѣдъ за которымъ стало очень холодно. Тѣмъ не менѣе, опасеніе голодной смерти понудило насъ на другой день съ ранняго утра выступить дальше. Часа черезъ полтора ходьбы мы очутились на рубежѣ обширной поляны, но туманъ былъ еще такъ густъ, что за 200 футовъ впереди уже ничего нельзя было разсмотрѣть.

Остановившись немного отдохнуть и обсудить, куда теперь идти, мы услышали звонкій голосъ, распѣвавшій пѣсню на языкѣ, никому изъ насъ неизвѣстномъ, а вслѣдъ затѣмъ возгласъ и какое-то, должно быть юмористическое замѣчаніе. Такъ какъ въ этой странѣ туземцы едва ли могли позволить себѣ столь легкомысленное и откровенное поведеніе, то мы заключили, что пѣвецъ долженъ принадлежать къ такому племени, которому здѣсь нечего опасаться. Я поспѣшилъ выстрѣлить изъ ружья на воздухъ. Мнѣ отвѣчалъ залпъ тяжеловѣсныхъ мушкетовъ, что обозначало, что мы достигли наконецъ такъ давно искомыхъ маньюмовъ. Не успѣли замолкнуть отголоски ихъ пальбы, какъ весь караванъ огласилъ окрестность восторженными и долго повторяемыми криками.

Мы спустились по отлогой полянѣ въ небольшую долину, а на противуположномъ склонѣ ея увидѣли со всѣхъ сторонъ тянущіеся ряды мужчинъ и женщинъ, которые шли намъ на встрѣчу и ласково здоровались съ нами. Направо и налѣво разстилались тучныя нивы, кукуруза, рисъ, сладкіе бататы и бобы. Опять раздались въ нашихъ ушахъ знакомые звуки арабскихъ привѣтствій, гостепріимныхъ приглашеній и дружелюбныхъ пожеланій, а руки наши вскорѣ очутились въ рукахъ здоровенныхъ и жизнерадостныхъ людей, которые и въ здѣшней глуши, повидимому, не меньше наслаждались бытіемъ, чѣмъ у себя на родинѣ. Хозяевами здѣсь были маньюмы, но ихъ невольники, вооруженные мушкетами и карабинами стариннаго образца, казались не менѣе своихъ повелителей сытыми и довольными, и съ большою готовностью повторяли вслѣдъ за ними разные комплименты и любезныя заявленія.

Насъ повели чрезъ роскошныя хлѣбныя поля, вверхъ по противуположному склону поляны, а за нами толпами шли мужчины и ребятишки, которые безъ удержу рѣзвились и радовались на гостей, вѣроятно въ ожиданіи какихъ нибудь экстренныхъ праздничныхъ увеселеній. Придя въ селеніе, насъ пригласили сѣсть подъ тѣнью широкихъ навѣсовъ и тутъ начались со стороны хозяевъ всякіе разспросы и поздравленія. Покуда караванъ проходилъ мимо насъ къ назначеннымъ квартирамъ, до которыхъ намъ тотчасъ дали проводниковъ, сколько разъ они воздали хвалу Богу за наше чудесное избавленіе отъ опасностей и золъ въ ужасной трущобѣ, тянущейся отъ здѣшняго селенія Ипото до водопада Басопо, то есть на протяженіи 197 миль или 320 километровъ. И къ этимъ благодареніямъ Богу конечно отъ всего сердца присоединился въ душѣ каждый изъ членовъ нашего настрадавшагося каравана.

Глава X.

У МАНЬЮМОВЪ ВЪ ИПОТО.

Искатели слоновой кости въ Ипото.—Ихъ способъ дѣйствія.—Ихъ начальники и набѣги.—Средство предотвратить поголовное разореніе.—Крестовый походъ, предлагаемый кардиналомъ Лявижери.—Наши занзибарскіе старшины.—Тревоги на счетъ капитана Нельсона и его спутниковъ.—Наши люди продаютъ свое оружіе за съѣстные припасы.—Кража ружей.—Требованіе ихъ возвращенія.—Уледи приноситъ извѣстіе о пропавшихъ старшинахъ.—Договоръ съ вождями маньюмовъ касательно поданія помощи капитану Нельсону.—Отчетъ Джефсона о его странствіи.—Рапорты капитана Нельсона и доктора Пэрка.—Церемоніалъ братанья кровью между мною и Измаили.—Мы выступаемъ изъ Ипото.

Партія искателей слоновой кости, поселившаяся въ Ипото за пять мѣсяцевъ до нашего прибытія, явилась сюда съ береговъ рѣки Люалябы *), отъ мѣста сліянія притоковъ Люуа и Леопольда съ великою рѣкой. Этотъ переходъ занялъ у нихъ семь съ половиною мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ они не встрѣчали ни травянистыхъ луговъ, ни открытыхъ полей, и даже не слыхивали о нихъ. На одинъ мѣсяцъ они останавливались въ селеніи Киннена, на рѣкѣ Линди, и тамъ выстроили жилище для своего предводителя Килонга-Лонга, который, по прибытіи туда со своими главными силами, тотчасъ послалъ двѣ сотни рабовъ-носильщиковъ дальше къ сѣверо-востоку, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ другихъ, болѣе давнихъ поселенцовъ и какого нибудь крупнаго поселка, который они могли бы сдѣлать центромъ своихъ операцій и оттуда разсылать свои шайки во всѣ стороны, чтобы все уничтожать, жечь и уводить въ рабство туземцевъ, для обмѣна ихъ на слоновую кость. Воюя постоянно и обнадежившись нѣсколькими успѣшными стычками, они, со свойственнымъ неразвитымъ людямъ легкомысліемъ, растеряли столько людей, что очутились, наконецъ, черезъ семь съ половиною мѣсяцевъ, въ числѣ всего около девяноста ружей. Придя на берега рѣки Ленды, они узнали о существованіи ставки Угарруэ и желая поскорѣе основать свою собственную, ушли

*) Одно изъ названій верхняго теченія Конго.

подальше отъ его предѣловъ, переправились черезъ Ленду и достигли южнаго берега Итури, къ югу отъ нынѣшняго своего поселенія въ Ипото.

Такъ какъ туземцы не хотѣли имъ помочь переправиться на сѣверный берегъ, они срубили громадное дерево, посредствомъ топоровъ и огня выдолбили изъ него большую лодку и на ней переплыли на сѣверный берегъ къ Ипото. Съ тѣхъ поръ они совершили рядъ самыхъ кровожадныхъ и губительныхъ набѣговъ, въ сравненіи съ которыми даже подвиги Типпу-Тиба и Тага-мойо блѣднѣютъ и кажутся мелкими. Они превратили въ груду пепла каждое селеніе въ окрестностяхъ рѣкъ Ленды и Ихуру, уничтожили всѣ банановыя рощи, изломали въ щепки каждый челнокъ на рѣкѣ, рыскали по всѣмъ островамъ, изслѣдовали каждую малѣйшую тропинку, проникали во всѣ трущобы и всюду преслѣдовали одну только цѣль: убить какъ можно больше мужчинъ и захватить въ плѣнъ какъ можно больше женщинъ и дѣтей. Въ точности неизвѣстно, далеко ли они заходили на востокъ,—одни говорятъ на девять дней пути, другіе—на пятнадцать; но какъ бы то ни было, и гдѣ бы они ни были, повсюду они дѣлали то самое, чему и мы были свидѣтелями между рѣкой Лендой и Ипото, то есть превращали лѣсъ въ безплодную пустыню, не оставивъ на всемъ этомъ обширномъ протяженіи ни одной хижины въ цѣлости.

Если и остались послѣ этихъ хищниковъ какія нибудь плантаціи банановъ, маніока или кукурузы, все это стало добычей слоновъ, чимпанзе и мартышекъ, которые все вытоптали, поломали и превратили въ массы гніющихъ остатковъ, и на этихъ мѣстахъ съ необычайною быстротой выростаютъ уже свойственныя этой почвѣ широколиственныя растенія, разныя колючія и стелящіяся пальмы, ротангъ и кустарники, которые въ прежнія времена туземцы старались изводить ножами, топорами и заступами. Съ каждымъ мѣсяцемъ кусты разростаются выше и гуще, такъ что черезъ два, три года не останется никакихъ слѣдовъ отъ прежнихъ селеній и трудолюбія поселенцевъ.

Отъ Ипото до Ленды мы насчитали 105 миль (около 168 километровъ) пройденнаго нами пути. Если предположить, что здѣсь крайній предѣлъ ихъ грабежей къ востоку, да столько же накинуть на сѣверъ и на югъ, то получится площадь около 44 тысячъ квадратныхъ миль. Изъ предыдущаго мы уже знаемъ, что сдѣлалъ Угарруэ; да и теперь продолжаетъ дѣлать тоже, со свойственной ему энергіей; знаемъ также, какъ дѣйствуютъ арабы у пороговъ Стэнли и на Люмэми, а кровожадные Муми-Муэля и Буана-Могамедъ вокругъ озера Озо, изъ котораго вытекаетъ р. Люлю; а разъ, что намъ извѣстны центры ихъ операцій, стóитъ взять циркуль и обвести вокругъ каж-

даго изъ этихъ центровъ большой кругъ, заключающій отъ 40 до 50000 квадратныхъ миль, и тогда окажется, что пять или шесть отчаянныхъ головъ, съ помощью нѣсколькихъ сотенъ подчиненныхъ имъ разбойниковъ, подѣлили между собою около трехъ четвертей всей лѣсной области Верхняго Конго, съ единственною цѣлью перебить туземцевъ и завладѣть послѣ нихъ нѣсколькими сотнями слоновыхъ клыковъ.

Когда мы пришли въ Ипото, тамъ распоряжались три старшины маньюмовъ, по имени Измаилія, Камизи и Сангарамени, на видъ красивые и здоровые молодцы, которымъ начальникъ ихъ, Килонга-Лонга, поручилъ присматривать за воинами и завѣдывать ихъ набѣгами. Они поочередно отправлялись изъ Ипото и каждый изъ нихъ дѣйствовалъ въ одномъ только, лично ему присвоенномъ участкѣ. Такъ, Измаилія вѣдалъ только дороги изъ Ипото къ Ибуири и къ востоку до Итури; Камизи ходилъ вдоль береговъ Ихуру, а къ востоку до береговъ Ибуири; Сангарамени отведена была вся область между рѣками Ибиной и Ихуру, впадающими въ Итури. Всѣхъ воиновъ насчитывалось до 150, но лишь 90 человѣкъ были вооружены ружьями. Килонга-Лонга находился все еще въ Кинненѣ и его ожидали не раньше какъ черезъ три мѣсяца.

Воины, подъ начальствомъ этихъ старшинъ, набраны были изъ племенъ Бакусу, Балегга и Басонгора; то были юноши, съ дѣтства дрессированные и пріученные къ лѣснымъ набѣгамъ маньюмами, точно также какъ въ 1876 году арабы и уасуахили восточныхъ береговъ Африки дрессировали и воспитывали мальчиковъ-мамьюмовъ.

Въ этомъ необычайномъ увеличеніи числа грабителей въ бассейнѣ верхняго Конго видны результаты арабской политики, состоящей въ томъ, чтобы убивать всѣхъ взрослыхъ туземцевъ и оставлять въ живыхъ только дѣтей. Дѣвочекъ размѣщаютъ въ гаремы арабовъ, суаили и маньюмовъ, а мальчиковъ обучаютъ обращаться съ оружіемъ и воевать. Когда они приходятъ въ возрастъ, ихъ награждаютъ женами изъ штата гаремной прислуги и принимаютъ въ составъ разбойничьихъ шаекъ. Извѣстная часть добычи принадлежитъ конечно главному начальнику, въ родѣ Типпу-Тиба или Сеидъ-Бенъ-Абида, меньшія доли достаются старшинамъ, а остальное дѣлится между воинами. Иногда барыши распредѣляются такимъ образомъ: всѣ крупные слоновые клыки, свыше 35 фунтовъ (или 16 килограммовъ) вѣсомъ, становятся собственностью главнаго хозяина, клыки вѣсомъ отъ 20 до 35 фунтовъ—старшинамъ, а мелочь, отдѣльные куски и клыки молодыхъ слоновъ достаются тому, кто первый найдетъ ихъ. Отсюда проистекаетъ чрезвычайное усердіе каждаго изъ членовъ каравана.

Шайка хорошо вооружена и содержится на счетъ хозяина, который живетъ себѣ дома на Конго или на Люалябѣ, объѣдаясь рисомъ и пилавомъ и предаваясь всякимъ излишествамъ въ своемъ гаремѣ; старшины, въ постоянной погонѣ за наживой, становятся жадны, жестоки и непреклонны, а разбойничья шайка и подавно безъ всякой жалости накидывается на каждое селеніе, стараясь добыть какъ можно больше ребятъ, скота, птицы и слоновой кости.

Все это было бы совершенно невозможно, если бы у нихъ не было пороху; безъ этого снадобья ни сами арабы, ни ихъ команда не посмѣли бы и на одну милю отлучиться отъ своихъ ставокъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что если бы воспретить ввозъ въ Африку пороха, произошло бы немедленное и поголовное переселеніе всѣхъ арабскихъ племенъ изъ центральныхъ областей Африки къ берегамъ моря, такъ какъ мѣстные вожди тотчасъ осилили бы какихъ угодно арабовъ, вооруженныхъ только копьями. Что могли бы подѣлать Типпу-Тибъ, Абидъ-бенъ-Селимъ, Угарруэ или Килонга-Лонга, съ такими дикарями, каковы Басонгоры и Бакусу?

Какъ могли бы арабы изъ Уджиджи противустоять Уаджиджи и Уарунде, или арабы въ Уніамимбэ сладить съ жителями Уніамвези, такъ искусно владѣющими и копьемъ, и лукомъ, и стрѣлами?

Остается одно возможное и радикальное средство противъ такого огульнаго истребленія африканскихъ дикарей, это — торжественное соглашеніе между Англіей, Германіей, Франціей, Португаліей, Южными и Восточными провинціями Африки и Великою Областью Конго, съ цѣлію воспретить ввозъ пороха въ какую-либо часть материка, исключая того количества, которое потребно для ихъ собственныхъ агентовъ, чиновниковъ и регулярнаго войска, а также отбирать въ казну каждый слоновый клыкъ, такъ какъ теперь уже не найдется на рынкахъ ни одного куска слоновой кости, который былъ бы добытъ законнымъ и мирнымъ путемъ. Каждый малѣйшій обломокъ такой кости, попавшій въ руки арабскаго купца, навѣрное былъ обагренъ потоками человѣческой крови. Каждый фунтъ кости стоилъ жизни мужчинѣ, женщинѣ или ребенку; за каждые пять фунтовъ сожжено жилище, изъ-за пары клыковъ уничтожалась цѣлая деревня, а за каждые два десятка погибала цѣлая область, со всѣми жителями, деревнями и плантаціями. Просто невѣроятно, чтобы въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, столь сильно двинувшаго человѣчество впередъ, изъ-за того только, что слоновая кость идетъ на украшенія, да на билліардные шары, всѣ роскошныя страны центральной Африки опустошались въ конецъ, цѣлыя населенія, племена и народы гибли и исчезали съ лица земли!

Кого, въ сущности, обогащаютъ эти кровожадные походы за костью? Всего нѣсколько десятковъ какихъ нибудь метисовъ, помѣсей араба съ негромъ, которыхъ слѣдовало бы, по настоящему, забить въ кандалы и заставить всю остальную часть ихъ подлаго существованія пробыть въ каторжныхъ работахъ.

Возвращаясь въ нѣдра цивилизаціи послѣ этихъ страшныхъ открытій, я узналъ, что кардиналъ Лявижери проповѣдуетъ крестовый походъ, а вся Европа охвачена желаніемъ, на подобіе древнихъ крестоносцевъ, идти въ центральную Африку и тамъ съ вооруженными силами напасть на арабовъ и ихъ сподвижниковъ и разрушить ихъ ставки. Именно такого плана можно было ожидать отъ людей, способныхъ рукоплескать Гордону, когда онъ, со своей бѣлой тросточкой и съ шестью сотоварищами отправился выручать всѣ гарнизоны въ Суданѣ, — предпріятіе, на которое въ ту пору не рѣшались 14.000 его соотечественниковъ, подъ начальствомъ одного изъ искуснѣйшихъ въ Англіи генераловъ. Мы все гордимся своею практичностью и благоразуміемъ, но стоитъ какому нибудь энтузіасту,—будь то Гладстонъ, Гордонъ или Лявижери, — произнесть вдохновенную рѣчь, какъ по многимъ странамъ проносится духъ донъ Кихота. Послѣдній проектъ этого рода, слышанный мною, принадлежалъ шведамъ, которые составили отрядъ въ сто человѣкъ, каждый изъ нихъ внесъ по подпискѣ 25 фунтовъ стерлинговъ (около 250 рублей) и тоже ѣдутъ къ восточнымъ берегамъ Африки и оттуда направятся къ Танганейкѣ, для уничтоженія торговли невольниками, на самомъ же дѣлѣ просто затѣяли сложное самоубійство.

Впрочемъ, не о томъ будетъ рѣчь въ предстоящей главѣ. Намъ нужно сперва поближе познакомиться съ нравами маньюмовъ, и узнать ихъ гораздо короче, нежели мы могли когда либо ожидать.

Здѣсь не было ни слуху, ни духу о шести старшинахъ, которыхъ мы отправили впередъ, за помощью для отряда Нельсона; а такъ какъ было невѣроятно, чтобы цѣлый караванъ истощенныхъ голодомъ людей могъ совершить путь отъ Нельсонова лагеря до Ипото скорѣе чѣмъ шесть человѣкъ смышленныхъ и здоровыхъ, то мы начали опасаться, какъ бы не пришлось и нашихъ занзибарскихъ старшинъ причислить къ пропавшимъ безъ вѣсти. Мы ясно видѣли ихъ слѣды, вплоть до переправы 14-го и 15-го октября. Очень вѣроятно, что они имѣли глупость идти тѣмъ же берегомъ дальше, пока не наткнулись на какое нибудь селеніе дикарей, которые ихъ истребили. Мы не переставали тревожиться также участью капитана Нельсона и его спутниковъ. Тринадцать дней прошло уже съ тѣхъ поръ какъ мы разстались. Въ этотъ періодъ времени ихъ положеніе было пожалуй

не хуже нашего. Мы были окружены тѣмъ-же лѣсомъ что и они, но мы тащили вьюки, которыхъ у нихъ не было. Между ними все же было нѣсколько человѣкъ, способныхъ бродить по окрестности за пищей, и притомъ были челноки, на которыхъ они могли переправляться къ мѣсту фуражировки 3-го октября, куда сухимъ путемъ можно было добраться въ одинъ день, а водою—въ одинъ часъ. Лѣсныхъ ягодъ и грибовъ столько же было на вершинѣ холмовъ, окружавшихъ лагерь, какъ и повсюду въ лѣсу. Тѣмъ не менѣе мысль о Нельсонѣ мучила меня и одною изъ первыхъ моихъ заботъ было пріискать партію людей для доставленія провіанта въ лагерь Нельсона. Мнѣ обѣщали устроить это на слѣдующій день.

На свою долю мы получили трехъ козъ и двѣнадцать корзинъ кукурузы, которой при дѣлежѣ досталось по шести початковъ на человѣка. Это дало намъ возможность два раза хорошенько поѣсть и не одинъ я, вѣроятно, почувствовалъ себя послѣ этого бодрымъ и подкрѣпленнымъ.

Въ первый день стоянки въ Ипото мы ощущали только страшную усталость. Природа снабжаетъ насъ или отличнымъ желудкомъ и лишаетъ пищи, или же предлагаетъ цѣлое пиршество и лишаетъ аппетита. Наканунѣ и въ тотъ день (18 октября) мы великолѣпно пообѣдали рисомъ, пилавомъ и печенымъ козьимъ мясомъ, и теперь вдругъ начали хворать различными болѣзнями. Зубы наши уже отвыкли дѣйствовать, а органы пищеваренія чуждались хорошей пищи и вздумали разстраиваться. Не шутя, это былъ просто результатъ объѣденія: каша, толокно, печеныя зерна, бобы и мясо составляютъ солидную пищу, требующую много желудочнаго сока, а послѣ столькихъ дней голоданія онъ разумѣется выдѣлялся въ количествѣ далеко не достаточномъ для удовлетворенія предъявленныхъ на него требованій.

У маньюмовъ было триста или четыреста акровъ засѣяно кукурузой, пять акровъ подъ рисомъ, и столько же подъ бобами. Сахарнаго тростника они также разводятъ множество. У нихъ было около сотни козъ, накраденныхъ у туземцевъ. Въ амбарахъ навалены были громадные запасы кукурузы, собранной въ одномъ изъ селеній по рѣкѣ Ихуру, и еще не шелушенной. Плантаціи банановъ гнулись подъ тяжестью плодовъ.. Словомъ, каждый изъ обитателей селенія былъ вполнѣ обезпеченъ и находился въ отличномъ положеніи.

Справедливость требуетъ признать, что сначала насъ приняли крайне радушно, но на третій день нашего пребыванія между нами и хозяевами возникла какая-то неловкость. Намъ оказали гостепріимство вѣроятно въ томъ предположеніи, что въ принесенныхъ нами

вьюкахъ должно быть не мало хорошихъ вещей; но къ несчастью всѣ наши наилучшія бусы, на которыя можно было закупить весь ихъ запасъ кукурузы, были затоплены вмѣстѣ съ челнокомъ у пороговъ Панга, а арабскіе бурнусы, вышитые золотомъ, украдены дезертирами еще не доходя до ставки Угарруэ. Разочарованные въ своихъ надеждахъ на полученіе отъ насъ нарядовъ и драгоцѣнныхъ бусъ, наши хозяева начали систематически склонять нашихъ людей на продажу всего, что у нихъ было: рубашекъ, шапокъ, плащей, камзоловъ, ножей, поясовъ,—и такъ какъ всѣ эти вещи составляли личную собственность каждаго, мы не имѣли права вмѣшиваться. Но когда счастливые обладатели такихъ драгоцѣнностей начали открыто объѣдаться различными лакомыми блюдами, такое зрѣлище стало невыносимо для другихъ, менѣе богатыхъ, и повело сначала къ зависти, а потомъ къ воровству. Эти беззаботные и безтолковые люди принялись продавать свою аммуницію, платье, крючья отъ вьюковъ, ружейные шомполы и наконецъ ремингтоновскія ружья. Едва миновала для насъ опасность погибнуть отъ голодной смерти и отъ всѣхъ ужасовъ, сопровождающихъ столкновеніе съ дикарями, какъ мы увидѣли передъ собою другую опасность: попасть въ рабство къ арабскимъ невольникамъ.

Не смотря на всѣ просьбы, мы не могли добиться, чтобы намъ давали больше двухъ початковъ кукурузы въ день на каждаго человѣка. Я обѣщалъ тройную плату за каждую потребляемую нами провизію, какъ только дождемся арріергарда; но этотъ народъ того мнѣнія, что синица въ рукахъ всегда предпочтительнѣе журавля въ небѣ. Они притворялись, что не вѣрятъ, будто у насъ есть ткани для промѣна и думаютъ, что мы пришли только за тѣмъ, чтобы воевать съ ними. Мы утверждали съ своей стороны, что намъ отъ нихъ ничего не нужно, кромѣ шести початковъ кукурузы въ день на человѣка, въ теченіи девяти-дневнаго нашего отдыха. Пропали у насъ три ружья, и мѣстные старшины отозвались полнымъ невѣдѣніемъ того, куда они дѣвались. Мы сообразили, что если это правда, то они могли подозрѣвать насъ въ недобрыхъ намѣреніяхъ относительно себя и въ такомъ случаѣ для нихъ всего разумнѣе и выгоднѣе было бы тайкомъ скупить все наше оружіе и послѣ этого предлагать намъ какія угодно условія.

21-го числа продано было еще шесть ружей. Такимъ способомъ экспедиція быстро подвигалась къ своей конечной погибели: что могъ сдѣлать въ этихъ дремучихъ лѣсахъ отрядъ безоружныхъ людей, отъ которыхъ зависѣла судьба цѣлаго поселенія на востокѣ, да еще на западѣ другіе отряды? Безъ оружія нельзя было ни двинуться впередъ, ни воротиться назадъ, и оставалось лишь покориться тому изъ разбой-

ничьихъ атамановъ, которому вздумалось бы объявить себя нашимъ хозяиномъ, либо умереть. По этому я держался того мнѣнія, что слѣдуетъ изовсѣхъ силъ бороться съ такою перспективой и либо ускорить конецъ, либо энергически устранить ея возможность.

Мы собрали людей и пятерыхъ, у которыхъ не оказалось ружей, приговорили связать и наказать по 25 ударовъ палками. Произошла возня, крики и сопротивленіе, и когда хотѣли приступить къ наказанію перваго изъ виновныхъ, одинъ изъ людей выступилъ впередъ и попросилъ позволенія говорить.

— Этотъ человѣкъ не повиненъ, сэръ,—сказалъ онъ:—его ружье у меня въ палаткѣ, я отнялъ его вчера вечеромъ у Джумы (одинъ изъ поваровъ) сына Форкали, который принесъ его продавать одному маньюму. Можетъ быть Джума самъ укралъ ружье у этого человѣка. Я знаю, всѣ эти люди говорили, что ружья у нихъ украдены, пока они спали. Можетъ быть это правда, какъ и въ настоящемъ случаѣ.— Тѣмъ временемъ Джума скрылся, но его потомъ нашли въ полѣ, въ кукурузѣ. Онъ сознался, что укралъ два ружья и снесъ ихъ къ доносчику для промѣна на маисъ или на козу, но это было сдѣлано единственно по наущенію доносчика. Это тоже могло быть справедливо, такъ какъ между нашими людьми едвали былъ хоть одинъ, вовсе неспособный на такія штуки; однако разсказъ всѣмъ показался неправдоподобнымъ, вымышленнымъ, и на него не обратили вниманія. Тутъ другой занзибарецъ выступилъ изъ рядовъ и призналъ Джуму за похитителя своего ружья; это обвиненіе было доказано, виновный сознался во всемъ, тутъ же приговоренъ къ смертной казни и немедленно повѣшенъ.

Такъ какъ теперь несомнѣнно уже было доказано, что маньюмы скупаютъ наши ружья, давая за каждое по нѣскольку пригоршней зерна, я послалъ за мѣстными старшинами и потребовалъ отъ нихъ немедленнаго возвращенія мнѣ ружей, въ противномъ случаѣ угрожая имъ серьезными послѣдствіями. Сначала они сильно разсердились, погнали занзибарцевъ вонъ изъ селенія на лужайку и по всему было видно, что сейчасъ будетъ драка и настанетъ можетъ быть конецъ всей экспедиціи. Наши люди, настолько истощенные голодомъ, что готовы были себя продать за пищу, были уже такъ измучены всѣмъ, что они испытали и такъ деморализованы, что на нихъ нечего было надѣяться въ случаѣ рукопашной схватки. Для активной храбрости нужно быть сытымъ. Въ то же время, такъ или иначе намъ все равно было не сдобровать, ибо оставаясь спокойными свидѣтелями того, что происходило, мы въ концѣ концовъ все-таки должны будемъ взяться за оружіе. Вмѣстѣ съ одиннадцатью ружьями проданы были

3000 патроновъ. Мнѣ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ настаивать на возвращеніи ружей; я повторилъ свое требованіе, грозя прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ, въ доказательство чего указалъ на висѣвшій на деревѣ трупъ, и прибавилъ, что если ужъ я способенъ дойти до такой крайности, чтобы казнить собственнаго слугу, то они должны понимать, что мы съумѣемъ отомстить тѣмъ, кто былъ истинной причиной его казни, то есть тѣмъ, кто держитъ свою дверь отворенной для пріема завѣдомо краденыхъ вещей.

Пошумѣвъ цѣлый часъ у себя на деревнѣ, они принесли мнѣ пять ружей и къ крайнему моему изумленію указали на тѣхъ, кто ихъ продалъ. На первый разъ было бы неполитично доводить дѣла до крайности, иначе я бы непремѣнно отказался принять эти ружья до тѣхъ поръ, пока мнѣ непредставятъ и всѣхъ остальныхъ; а если бы я могъ съ увѣренностью разсчитывать на содѣйствіе хотя бы только пятидесяти человѣкъ своей команды, я бы рѣшился на драку. Но какъ разъ въ эту минуту въ лагерь явился Уледи, вѣрный мой слуга и шкиперъ „Аванса“;—онъ принесъ извѣстіе, что вельботъ въ цѣлости стоитъ у пристани Ипото, а шестерыхъ нашихъ старшинъ онъ разыскалъ въ самомъ несчастномъ положеніи за четыре мили отъ ставки.

Тутъ произошелъ переворотъ въ моемъ душевномъ настроеніи: я почувствовалъ такую благодарность за возвращеніе пропадавшихъ людей, такъ обрадовался при видѣ Уледи и при сознаніи, что какъ ни испорчена человѣческая природа, но все же хоть нѣсколько человѣкъ остались мнѣ вѣрны, что нѣкоторое время не могъ выговорить ни одного слова.

Потомъ я все разсказалъ Уледи, и онъ взялъ на себя умиротворить расходившихся маньюмовъ, а меня убѣдилъ всѣхъ простить, на омъ основаніи, что теперь тяжелыя времена миновали и должны наступить для насъ красные дни.

— Вѣдь вѣрно же, что и послѣ самой долгой ночи настаетъ день, дорогой мой господинъ, — говорилъ онъ: — отчего же и намъ послѣ тьмы не ждать солнца? Я вспоминаю, какъ много долгихъ ночей и мрачныхъ дней провели мы съ тобою, вмѣстѣ пробираясь поперекъ Африки,—такъ успокой же свое сердце. Богъ дастъ, теперь мы скоро позабудемъ всѣ свои печали.

Я велѣлъ оставить виновныхъ связанными до утра. Уледи, со своей прямодушной смѣлостью, сразу завоевалъ себѣ сердца мѣстныхъ старшинъ и уладилъ наши несогласія. Мнѣ прислали въ подарокъ нѣкоторое количество кукурузы и извинились за причиненныя безпокойства. То и другое я принялъ. Кукурузу мы тотчасъ роздали людямъ и этотъ день, въ началѣ угрожавшій намъ полнымъ разорені-

емъ, кончился гораздо благополучнѣе, чѣмъ можно было ожидать, судя по его зловѣщему началу.

Такъ долго пропадавшіе старшины, высланные нами въ качествѣ передовыхъ вѣстовщиковъ нашего прибытія въ Ипото, явились въ воскресенье, 23-го числа. Проблуждавъ совершенно понапрасну больше двухъ недѣлъ, они застали насъ уже давно живущими въ томъ селеніи, которое они отправлялись разыскивать. Исхудалые, отощавшіе послѣ семнадцати дневнаго питанія только тѣмъ, что можно было найти въ необитаемой чащѣ лѣса, они совсѣмъ упали духомъ и страшно совѣстились своего неудачнаго похода. Они дошли до рѣки Ибины, текущей съ юго-востока, и попали на нее за два дня ходьбы отъ ея впаденія въ Итури; идя вдоль притока они спустились до мѣста сліянія обѣихъ рѣкъ, тутъ нашли челнокъ и переправились на правый берегъ, гдѣ чуть не умерли съ голоду. Къ счастію Уледи отыскалъ ихъ во время, указалъ имъ путь къ Ипото и они кое какъ доползли до нашей стоянки.

Къ вечеру Сангарамени — третій изъ мѣстныхъ старшинъ—воротился со своего разбойничьяго набѣга и принесъ пятнадцать отличныхъ клыковъ. Онъ разсказалъ, что ходилъ за двадцать дней пути и съ вершины высокаго холма видѣлъ обширную открытую страну, поросшую травой.

Изъ полученнаго въ тотъ день провіанта я могъ раздать по два початка на человѣка и припрятать двѣ корзины для Нельсона и его отряда. Но дѣла шли плохо и мнѣ никакъ не удавалось устроить ихъ: на всѣ мои просьбы о посылкѣ помощи Нельсону, я не могъ добиться благопріятнаго отвѣта. Одного изъ нашихъ людей маньюма закололъ до смерти, за кражу зерна съ поля. Одного мы повѣсили, двадцать человѣкъ высѣкли за воровство боевыхъ снарядовъ, еще одинъ получилъ отъ маньюмовъ 200 розогъ за попытку къ воровству. Если бы эти люди были способны въ то время разсуждать правильно, какъ быстро и легко можно бы устроить все совершенно иначе!

Я говорилъ съ ними, всячески убѣждалъ потерпѣть и не впадать въ уныніе, доказывалъ, что изъ нашего положенія есть два исхода, но что они сами внушаютъ мнѣ наихудшія опасенія, потому что самые плохіе маньюмы для нихъ милѣе насъ, нашего жалованья и труда. Они ужь видѣли, чего можно ждать отъ маньюмовъ; а съ нами они пережили все, что было самого тяжелаго; теперь намъ остается только уходить какъ можно дальше отъ района набѣговъ этихъ разбойниковъ и тогда мы скоро также растолстѣемъ какъ и они. Но все было напрасно: мои доводы производили на этихъ людей, подавленныхъ отчаяніемъ,

столько же впечатлѣнія, какъ если бы я обращался со своими рѣчами къ лѣснымъ деревьямъ.

Маньюмы уже три раза обѣщали мнѣ въ этотъ день выслать восемьдесятъ человѣкъ на помощь Нельсонову лагерю, но возвращеніе Сангарамени, кое какія недоразумѣнія и мелочные случаи опять разстроили наши планы.

24-го октября на противуположномъ берегу рѣки раздались выстрѣлы и, подъ тѣмъ предлогомъ, что это означаетъ приближеніе самого Килонга-Лонга, караванъ опять не пошелъ къ Нельсону.

На другой день пришли стрѣлявшіе люди и оказалось, что это тѣ самые плуты маньюмы, которыхъ мы встрѣтили 2-го октября. Изъ пятнадцати человѣкъ одинъ у нихъ умеръ отъ раны стрѣлой. Они странствовали двадцать четыре дня въ поискахъ за слѣдами, нося съ собою помимо оружія только съѣстные припасы, которыхъ имъ, при благоразумной экономіи, достало на пятнадцать дней; послѣдніе-же девять дней они питались только грибами и дикими плодами.

Въ этотъ вечеръ мнѣ удалось наконецъ составить договоръ и обязать трехъ мѣстныхъ старшинъ слѣдующими условіями:

«Послать тридцать человѣкъ на выручку капитана Нельсона и доставить въ его лагерь 400 початковъ кукурузы.

«Снабжать провизіей капитана Нельсона, доктора Пэрка и всѣхъ хворыхъ людей, неспособныхъ къ работамъ въ полѣ, вплоть до нашего возвращенія съ озера Альберта.

«Прикомандировать къ моему каравану проводника отъ Ипото до Ибуири, за что имъ обѣщано выдать полтора тюка тканей, по прибытіи аріергардной колонны».

Это условіе, написанное по арабски Решидомъ, а по англійски мною самимъ, было засвидѣтельствовано еще тремя лицами.

За нѣсколько туалетныхъ вещицъ, лично мнѣ принадлежавшихъ, мнѣ удалось вымѣнять для мистера Джефсона и капитана Нельсона 250 початковъ кукурузы, еще столько же я получилъ за 250 пистолетныхъ патроновъ, а за одно зеркало въ костяной оправѣ, вынутое изъ туалетной шкатулки, я купилъ двѣ полныя корзины зерна; за три флакона розовой воды я вымѣнялъ еще трехъ куръ. Такимъ образомъ я набралъ до тысячи початковъ зерна для спасителей и для спасаемыхъ.

26 октября Монтеней Джефсонъ, сорокъ занзибарцевъ и тридцать невольниковъ маньюмовъ выступили въ путь къ лагерю Нельсона. Привожу цѣликомъ рапортъ Джефсона о томъ, какъ совершился этотъ походъ.

«Въ арабской ставкѣ Ипото, 4 ноября 1887 г.

Дорогой сэръ!

Я выступилъ въ полдень 26 октября, пришелъ къ рѣкѣ, переправился черезъ нее съ тридцатью маньюмами и сорока занзибарцами подъ моимъ начальствомъ, и расположившись лагеремъ на противуположномъ берегу, заночевалъ. На другое утро мы вышли рано и къ полудню дошли до лагеря, гдѣ переправлялись черезъ рѣку во время нашихъ голодныхъ странствій въ поискахъ за арабами. Значки и мѣтки на деревьяхъ, сдѣланныя нами тогда для указанія старшинамъ пункта нашей переправы, были еще совершенно свѣжи. Къ вечеру я дошелъ до другого мѣста нашей стоянки. На слѣдующій день мы прошли почти втрое большее пространство, чѣмъ въ то время какъ шли тутъ въ первый разъ. Лагерь, гдѣ Ферузи Али получилъ смертельную рану и гдѣ мы провели три такихъ горестныхъ дня, въ голодѣ и постоянной тревогѣ, — этотъ лагерь имѣлъ самый унылый видъ, когда мы черезъ него проходили. Въ теченіи дня мы прошли мимо трехъ скелетовъ нашихъ людей, упавшихъ тутъ и умершихъ отъ голода; они живо напомнили намъ бѣдствія, еще такъ недавно нами испытанныя.

Утромъ 29 октября я выступилъ съ разсвѣтомъ, рѣшившись въ тотъ-же день непремѣнно дойдти до Нельсона и удостовѣриться, живъ-ли онъ по крайней мѣрѣ. Въ сопровожденіи одного изъ нашихъ людей, я вскорѣ опередилъ всѣхъ остальныхъ. По мѣрѣ приближенія къ лагерю Нельсона мною овладѣвало лихорадочное нетерпѣніе узнать его судьбу и я шелъ на проломъ, черезъ ручьи и протоки, по болотамъ и трясинамъ, черезъ которыя наши отощалые спутники съ такимъ трудомъ тащили тогда составныя части вельбота. На этотъ разъ мы прошли эти мѣста очень быстро и опять встрѣчали по дорогѣ скелеты, напоминавшіе о пережитыхъ нами испытаніяхъ. Когда я спускался съ холма къ лагерю Нельсона, оттуда не слышно было никакого звука, кромѣ стоновъ двухъ умирающихъ, лежавшихъ въ крайнемъ шалашѣ: все остальное представляло совсѣмъ опустѣлый и зловѣщій видъ. Я тихонько обошелъ палатку и увидѣлъ Нельсона, сидящаго въ ней. Мы взялись за руки и тогда бѣдный малый отвернулся и заплакалъ, бормоча что-то о томъ, что онъ очень ослабѣлъ.

Нельсонъ на видъ сильно перемѣнился, исхудалъ, осунулся, а вокругъ его рта и глазъ образовались глубокія морщины. Онъ мнѣ разсказалъ, какъ мучительно было день за днемъ ждать помощи; какъ онъ порѣшилъ, наконецъ, что съ нами что нибудь случилось и мы поневолѣ должны были покинуть его на произволъ судьбы. Онъ питался преимущественно грибами и плодами, которые ежедневно приносили

ему два мальчика, его прислужники. Изъ пятидесяти двухъ человѣкъ, съ которыми вы его оставили, при немъ осталось всего пятеро, изъ нихъ двое умирающихъ. Всѣ остальные разбѣжались или перемерли.

Онъ самъ составилъ для васъ отчетъ объ умершихъ и дезертирахъ. Я передалъ ему присланную вами провизію, за которой зорко присматривалъ во всю дорогу, и мы тотчасъ же сварили для него одного цыпленка и немного маисовой каши; онъ уже много дней не пробовалъ ничего такого питательнаго. Я провелъ съ нимъ уже часа два, когда къ лагерю подошли мои люди. Всѣ столпились вокругъ палатки, привѣтствовали и поздравляли его.

Вы помните, какъ у Нельсона болѣли ноги, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ мы съ нимъ разстались. Съ тѣхъ поръ онъ почти не выходилъ изъ палатки. Бывало такъ, что у него на одной ногѣ образовывалось до десяти нарывовъ; но теперь все это въ значительной степени улучшилось, такъ что онъ сказалъ мнѣ, что по всей вѣроятности будетъ въ состояніи потихоньку идти съ нами. 30-го мы выступили въ обратный путь. Большую часть вьюковъ я взвалилъ на плечи маньюмовъ и занзибарцевъ, но принужденъ былъ оставить на мѣстѣ тринадцать ящиковъ съ боевыми снарядами и семь другихъ вьюковъ. Все это я зарылъ въ землю и Пэркъ безъ труда отыщетъ ихъ впослѣдствіи.

Нельсонъ совершалъ переходы гораздо лучше чѣмъ я ожидалъ, хотя къ вечеру каждаго дня уставалъ страшно. На обратномъ пути мы переправлялись черезъ рѣку ниже прежняго, шли правымъ берегомъ и напали на ваши прежніе слѣды за одинъ день пути отъ арабской ставки. Здѣсь мы опять видѣли скелеты; въ одномъ мѣстѣ, на разстояніи двухсотъ ярдовъ одинъ отъ другого, свалились трое. На пятый день, то есть 3 ноября, мы пришли въ арабскую ставку и тѣмъ завершили выручку Нельсона. За это время онъ успѣлъ значительно окрѣпнуть, не смотря на переходы; но все еще не можетъ спать по ночамъ и нервы его въ сильно разстроенномъ и напряженномъ состояніи. Надѣюсь, что отдохнувъ въ арабскомъ селеніи, онъ скоро совсѣмъ поправится. Не подлежитъ сомнѣнію, что при своемъ нездоровьѣ онъ никакъ не могъ бы слѣдовать за нами во время нашихъ поисковъ за пищей, и навѣрное по дорогѣ свалился бы окончательно.

Примите и проч.

(Подписано) А. Монтеней Джефсонъ».

Слѣдуютъ донесенія капитана Нельсона и доктора Пэрка.

«Арабское селеніе Ипото, 6 ноября 1887 г.

Дорогой сэръ!

Мистеръ Джефсонъ пришелъ ко мнѣ въ лагерь 29 октября, съ носильщиками для вьюковъ и съ провизіей, присланной мнѣ вами. Горячо благодарю за провизію, она была чрезвычайно кстати. Онъ вамъ разскажетъ, въ какомъ видѣ засталъ меня и тѣхъ немногихъ людей, которые остались въ живыхъ.

Вы оставили меня 6 октября; 9-го утромъ я снарядилъ челнокъ и послалъ на немъ Умари съ тринадцатью наилучшими людьми (по правдѣ, они всѣ были довольно плохи) за рѣку, поискать провизіи.—8-го числа Ассани (изъ отряда № 1) пришелъ ко мнѣ, говоря что онъ отсталъ отъ колонны и воротился больной. Въ тотъ же день явился братъ Уледи и заявилъ, что онъ сбился съ дороги, отойдя въ сторону за бананами, вблизи того лагеря, гдѣ мы встрѣтили маньюмовъ. 10-го оказалось, что Джума, одинъ изъ старшинъ отряда Стэрса, ночью бѣжалъ съ десятью людьми, похитивъ одинъ изъ челноковъ, и отправился внизъ по теченію. 11-го я пересчиталъ людей и ихъ оказалось всего семнадцать человѣкъ, тогда какъ въ первый день было пятьдесятъ два. Остальные или ушли вслѣдъ за караваномъ, или внизъ по рѣкѣ. 14-го одинъ умеръ. Умари воротился съ небольшимъ запасомъ банановъ, всего дня на два; однако я и тому очень обрадовался, такъ какъ до тѣхъ поръ ничего кромѣ грибовъ и листьевъ не ѣлъ. 15-го умеръ другой и кромѣ того оказалось, что ночью въ лагерь приходилъ Саади съ нѣсколькими товарищами, они украли тотъ челнокъ, въ которомъ Умари переправлялся черезъ рѣку, и пошли внизъ по теченію. 17-го Умари съ двадцатью однимъ человѣкомъ опять ушелъ за провіантомъ; 19-го умеръ одинъ; 22-го умерло двое; 23-го одинъ; 29-го двое умерло; пришелъ Джефсонъ; 30-го одинъ умеръ, и мы выступили изъ лагеря сюда. Умари еще не возвращался, но если онъ живъ, я увѣренъ, что онъ доберется до насъ; сколько съ нимъ вернется людей, я конечно не могу сказать напередъ, но полагаю, что человѣкъ пять, шесть могутъ дойти сюда. За исключеніемъ тѣхъ немногихъ банановъ, которые доставилъ мнѣ Умари, я все время питался листьями, грибами и небольшимъ количествомъ мабенгу. На лѣвой ногѣ у меня было десять нарывовъ, такъ что я самъ не могъ ходить за пищей, а кормили меня все время мои мальчики, маленькій Барукъ—прислужникъ изъ моего отряда,—и Абдалла, тотъ, котораго Стэрсъ оставилъ при мнѣ. Я былъ очень слабъ, когда пришелъ Джефсонъ. Но теперь мнѣ немного получше. Мы пришли въ селеніе 3 ноября; въ день моего прихода старшина Измаилъ принесъ мнѣ небольшую порцію самой грубой пищи и двѣ маленькія

сушеныя рыбки, что было едва достаточно, чтобы поѣсть одинъ разъ.

Цѣлыхъ два дня намъ совсѣмъ не присылали никакой ѣды, такъ что вчера мы сами посылали за ней, и послѣ не малыхъ хлопотъ Измаиль прислалъ опять провіанту на одинъ плохой обѣдъ. Теперь пока я живу на выручку со своего носильнаго платья; старшина ничего не даетъ. Сегодня мы съ докторомъ Пэркомъ ходили къ старшинѣ, брали съ собою Хамиса-Пари въ качествѣ переводчика и толковали о съѣстныхъ припасахъ. Онъ говоритъ, что о *моемъ* пропитаніи *вы* съ нимъ не дѣлали никакихъ условій, что онъ насъ съ Пэркомъ кормитъ единственно по своей великой милости, а трехъ нашихъ мальчиковъ (безъ которыхъ мы рѣшительно не можемъ обойдтись) вовсе не хочетъ кормить, потому что вы ему объ нихъ ничего не говорили.

Честь имѣю и проч.

Р. Г. Нельсонъ».

«Арабскій лагерь Ипото, 6 ноября 1887 года.

Дорогой мистеръ Стэнли!

Капитанъ Нельсонъ и мистеръ Джефсонъ пришли сюда 3-го числа, а нѣкоторые изъ носильщиковъ—маньюмы и занзибарцы—прибыли съ вьюками наканунѣ. Изъ всѣхъ людей, оставленныхъ въ лагерѣ съ Нельсономъ, только пятеро покуда пришли сюда, остальные изъ оставшихся въ живыхъ были посланы за пищей вмѣстѣ съ Умари, въ то время какъ подоспѣла Нельсону помощь. Весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ нихъ найдутъ дорогу и сюда; если это случится, я уговорю Измаили дозволить имъ работать въ полѣ изъ-за корма. Нельсонъ добрался до нашей стоянки въ ужасномъ видѣ: онъ сильно измѣнился, высохъ, сморщился и сталъ вдвое тоньше прежняго. Я сдѣлалъ для него все что могъ, въ медицинскомъ отношеніи; но чтобы совсѣмъ поправиться ему необходимо имѣть хорошій, питательный столъ. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, собственный мой опытъ, а также разговоръ, который мы имѣли сегодня съ старшиной, ясно показываютъ, что намъ предстоитъ довольствоваться самой скудной пищей Послѣ вашего ухода я получалъ отъ старшинъ немного муки и зерна, но каждый разъ не иначе какъ послѣ многократныхъ просьбъ и посылокъ за провизіей. По счастливой случайности мнѣ досталась коза, но я большую часть ея долженъ былъ раздать своимъ больнымъ, потому что Измаили, чрезъ посредство Х.-Пари, сообщилъ мнѣ, что пищу даютъ только тѣмъ, кто работаетъ въ полѣ, а многіе изъ нашихъ рѣшительно не въ состояніи работать; поэтому они должны всю

надежду полагать на великодушіе остальныхъ, которые за каждый день работы получаютъ по пяти початковъ кукурузы. Мы съ Нельсономъ съ большимъ трудомъ достаемъ себѣ пищи у Измаили, а нашихъ мальчиковъ онъ окончательно отказался кормить, тогда какъ они намъ необходимы для тасканія воды, для стряпни и прочаго. Впрочемъ для себя лично я держу только одного.

Мы съ Нельсономъ ходили сегодня къ Измаили (Хамисъ-Пари служилъ переводчикомъ) и по его словамъ вы говорили старшинамъ, что придетъ большой Мзунгу (Нельсонъ), который самъ будетъ договариваться насчетъ своего продовольствія; а обо мнѣ вовсе не было упомянуто, и меня онъ кормитъ изъ милости. Я напоминалъ ему о вашемъ разговорѣ съ нимъ въ палаткѣ, въ тотъ вечеръ, какъ вы призывали меня и отдали ему свои золотые часы, и сказалъ, что вы мнѣ сами говорили, что по условію со старшинами, они обязались Нельсону и мнѣ доставлять съѣстные припасы. Мы оба говорили ему, что мы совсѣмъ не требуемъ козьяго мяса или куръ, пусть присылаетъ что можно и что у него есть.

Такъ какъ самъ я не видалъ никакого договора, то дальнѣйшихъ доводовъ привесть не могъ, но просилъ показать намъ документъ, дабы мы могли убѣдить его. Онъ сказалъ, что этого не можетъ сдѣлать, потому что бумага у старшины Камиса, а онъ ушелъ на добычу и вернется лишь черезъ два мѣсяца. Однакожъ вскорѣ послѣ этого онъ таки прислалъ намъ кукурузы. Все это сложилось крайне неблагопріятно для насъ, оставшихся здѣсь еще на такое продолжительное время. Нельсонъ ужъ распродалъ многое изъ своего платья, да и я принужденъ былъ вымѣнять на добавочныя порція пищи нѣкоторыя части своего скуднаго гардероба,—вамъ извѣстно, что тюкъ съ моими вещами во время похода пропалъ.

Мы постараемся какъ нибудь устроиться здѣсь и готовы многимъ пожертвовать, ради сохраненія дружелюбныхъ отношеній съ арабами, что такъ важно для насъ въ настоящее время. Искренно надѣюсь, что вы съ успѣхомъ достигнете цѣли экспедиціи, а мы съ своей стороны вскорѣ всѣ будемъ имѣть случай видѣть Эмина-пашу и поздравить его съ избавленіемъ отъ угрожавшихъ ему опасностей.

Съ наилучшими пожеланіями остаюсь и прочее

Подписалъ: Т. Г. Пэркъ.

Д. М. и Х.»

«Арабское селеніе Ипото, 10 ноября 1887 года.

Дорогой сэръ!

Съ сожалѣніемъ долженъ довести до вашего свѣдѣнія, что было нѣсколько попытокъ ограбить нашу хижину, а вчера вечеромъ имъ

удалось похитить ящикъ съ боевыми снарядами изъ палатки доктора Пэрка, пока мы обѣдали; пытались также поджечь хижину, но это къ счастію не удалось, благодаря тому, что я по ночамъ плохо сплю. Мы говорили старшинѣ Измаили о покражѣ, но онъ утверждаетъ, что не его люди воруютъ, а занзибарцы; однакоже, если бы у нихъ не покупали патроновъ, они не крали бы ихъ. Это конечно въ высшей степени прискорбно. Съ тѣхъ поръ, какъ Джефсонъ ушелъ, Измаили выдаетъ намъ ежедневно сорокъ мелкихъ початковъ кукурузы; это выходитъ даже смѣшно, нельзя же этимъ провіантомъ довольствоваться и мы конечно достаемъ еще кое какой зелени, съ помощью которой и питаемся.

Уледи воротился сегодня вечеромъ и уходитъ къ вамъ завтра по утру. Съ нимъ и отправляю это письмо.

Съ наилучшими чувствами къ вамъ, сэръ, Стэрсу и Джефсону, имѣю честь быть и пр.

Р. Г. Нельсонъ.

P. S. Въ ту минуту, какъ я кончалъ свое письмо, старшина прислалъ намъ немного кушанья, что было сдѣлано вѣроятно для того, чтобы Уледи, который тутъ же стоялъ въ ожиданіи письма, могъ засвидѣтельствовать передъ вами, что намъ даютъ множество (!!) припасовъ.

Г. М. Стэнли, Эсквайру, командующему экспедиціею Вспомоществованія Эмину-пашѣ».

Вечеромъ 26 октября Измаили пришелъ ко мнѣ въ хижину и объявилъ, что такъ какъ онъ ко мнѣ необыкновенно привязался, то ему очень бы хотѣлось со мной побрататься кровью. Имѣя въ виду оставить на его попеченіе капитана Нельсона, доктора Пэрка и человѣкъ тридцать больныхъ, я выразилъ полную готовность, хотя для меня было нѣсколько унизительно брататься съ невольникомъ. Однако онъ здѣсь пользовался значительнымъ вліяніемъ между членами своей разбойничьей шайки и потому я разсудилъ за благо спрятать въ карманъ свою гордость и продѣлать съ нимъ весь церемоніалъ. Послѣ чего я конечно принесъ ему въ даръ коверъ, цѣнностью въ пять гиней, нѣсколько шелковыхъ платковъ, два ярда краснаго сукна и другія драгоцѣнныя бездѣлки. Въ заключеніе мы составили новый письменный договоръ, въ силу котораго онъ долженъ былъ дать мнѣ проводниковъ на разстояніе пятнадцати переходовъ, что, по его словамъ, составляетъ крайній предѣлъ его территоріи; далѣе договоръ обязывалъ его къ хорошему обращенію съ моими офицерами, а я скрѣпилъ эти условія, вручивъ ему въ присутствіи доктора Пэрка

золотые часы съ цѣпочкой, за которые заплатилъ въ Лондонѣ 49 фунтовъ стерлинговъ (около 490 рублей сер.).

На другой день, оставивъ доктора Пэрка для ухода за его другомъ, Нельсономъ и за двадцатью девятью больными занзибарцами, мы выступили изъ Ипото въ весьма сокращенномъ составѣ и снова отправились въ дикія трущобы бороться съ голодною смертью.

Глава XI.

ПО ЛѢСАМЪ ДО ВЕРШИНЫ МАЗАМБОНИ.

Въ странѣ Балессэ.—Ихъ жилища и лѣсныя просѣки.—Жители Букири.—Первое селеніе карликовъ.—Мы подвигаемся быстрѣе.—Дорога изъ Мамбунгу.—Остановки у восточнаго и западнаго Индекару.—Размолвка между Камисомъ и Саатъ Тато.—Мы достигаемъ Ибуири.—Камисъ и «подлые занзибарцы».—Лѣсныя просѣки Ибуири.—Обиліе съѣстныхъ припасовъ.—Въ какомъ состояніи мои люди и что они вынесли въ послѣднее время.—Камисъ со спутниками рыщутъ по окрестности и возвращаются со стадомъ козъ.—Камисъ захватываетъ въ плѣнъ Боріо, но мы вступаемся.—Джефсонъ, выручавшій Нельсона, возвращается къ отряду.—Камисъ и маньюмы разстаются съ нами.—Списокъ нашихъ жалобъ и неудовольствій противъ господъ Килонга Лонга и К°, въ Ипото.—Самоубійство Симба.—Разсужденія Сали объ этомъ предметѣ.—Лейтенантъ Стэрсъ идетъ на развѣдки.—Смотръ и перестройка отрядовъ въ Ибуири.—Какъ люди поправились.—Селеніе Боріо.—Обычаи Балессэ.—Восточный Индендуру.—Мы на опушкѣ лѣса.—Гора Пизга.—Селеніе Айюгу.—Наконецъ выходимъ на свѣтъ божій!—Чудные травянистые луга.—Встрѣча со старухой.—Индесура и ея произведенія.—Добыча Джумы.—Опять рѣка Итури.—Мы выходимъ на волнистую поляну.—Фуражировка по деревнямъ.—Какъ строятъ хижины.—Округъ Бабусессэ. — Плѣнные Мбири. — Лагерь аттакуютъ туземцы. — Теченіе Итури.—Жители Абунгумы.—Чѣмъ мы питаемся съ тѣхъ поръ, какъ вышли изъ Ибуири.—Пикъ Мазамбони.—Восточный Итури.—Плантаціи во множествѣ.—Демонстраціи туземцевъ.—Лагерь на вершинѣ Нзера Кума.—Мужайся и крѣпися.»—Дружелюбныя сношенія съ туземцами.—Мы вынуждены разогнать ихъ.—Заключеніе мира.—Оружіе бандуссумовъ.

Два часа мы шли до Юмбу, а на другой день въ четыре часа съ четвертью достигли Бусинди.

Мы находились теперь въ странѣ Балессэ. Способъ постройки домовъ здѣсь очень своеобразный: представьте себѣ длинную улицу, съ обѣихъ сторонъ окаймленную длиннымъ и низкимъ деревяннымъ зданіемъ, сколоченнымъ изъ досокъ и тянущимся на 200, 300 и 400 футовъ въ длину. Съ перваго взгляда эти деревни производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто видишь одинъ длинный и низкій домъ, съ

крышей на высокихъ стропилахъ, распиленной ровно посрединѣ во всю длину и одна половина дома отодвинута отъ другой на разстояніе отъ 20 до 30 футовъ; внутреннія стѣны забраны досками и въ нихъ продѣланъ рядъ отверстій, въ родѣ низкихъ дверей, изъ которыхъ каждая ведетъ въ отдѣльное помѣщеніе. Легковѣсная древесина Мареновыхъ даетъ отличный матеріалъ для такого рода построекъ. Выбираютъ большое дерево, отъ 1 фута и 18 дюймовъ до двухъ футовъ въ поперечникѣ, срубаютъ его, разрѣзываютъ на куски, длиною отъ четырехъ до шести футовъ, и съ помощью твердыхъ деревянныхъ клиньевъ довольно легко расщепляютъ эти круглыя полѣнья въ длину; потомъ стругаютъ и полируютъ плашки посредствомъ маленькихъ рубанковъ и такимъ образомъ получаются довольно ровныя и гладкія дощечки, толщиною въ одинъ дюймъ или не много больше. Для внутреннихъ стѣнъ, перегородокъ и для потолковъ выбираются дощечки поуже и потоньше. Когда наготовлено достаточное количество матеріала, перекладины потолка и стѣнки пригоняются въ стоячіе столбы такъ плотно и чисто, какъ порядочный плотникъ могъ бы это сдѣлать съ помощью пилы, гвоздей и молотка. Съ наружной стороны стѣны обшиваются болѣе толстыми досками или широкими планками, а пространство между внутреннею и наружною стѣной набиваютъ листьями банана или фриніи. Передній фасадъ зданія (обращенный на улицу) бываетъ футовъ 9 вышиною, задняя стѣнка, обращенная къ лѣсу или къ просѣкѣ, отъ 4 до 4½ футовъ вышины; ширина дома отъ 7 до 10 футовъ. Въ общемъ это довольно удобный и уютный родъ постройки, опасный въ случаѣ пожара, но за то представляющій значительныя удобства на случай обороны.

Другую особенность Балессэ составляютъ его просѣки, иногда очень обширныя, до полуторы мили въ поперечникѣ, и сплошь заваленныя бревнами, вѣтвями и остатками первобытнаго лѣса. Придумывая съ чѣмъ бы сравнить эти балесскія просѣки, я нахожу, что онѣ всего больше напоминаютъ гигантскій буреломъ, окружающій селеніе, и по этому-то бурелому приходится прокладывать себѣ дорогу. Выйдя изъ-подъ лѣсной тѣни ступаешь, напримѣръ, на древесный стволъ и идешь по немъ, какъ по тропинкѣ, шаговъ сто; потомъ подъ прямымъ угломъ сворачиваешь на боковую вѣтку и по ней дѣлаешь нѣсколько шаговъ; тутъ сходишь на землю, и черезъ нѣсколько футовъ очутишься передъ лежачимъ стволомъ толстѣйшаго дерева, фута 3 въ діаметрѣ; перелѣзешь черезъ него и уткнешься въ распростертыя вѣтви другого великана, между которыми приходится и ползти, и пролѣзать, и всячески изворачиваться, пока удастся на одну изъ вѣтвей влѣзть, съ нея перебраться на стволъ, идти вправо по этому стволу, который все утолщается

а поперекъ его вдругъ другой стволъ упавшаго дерева, на который опять надо влѣзать, и пройдя по немъ еще нѣсколько шаговъ влѣво, очутишься на 20 футовъ надъ поверхностью земли. Когда это случится и стоишь между вѣтками на такой одуряющей высотѣ, надо не терять присутствія духа и хорошенько обдумать, какъ и куда спрыгнуть. Раскачавшись немного, ставишь ногу на выбранную вѣтку, осторожно сползаешь по ней внизъ, пока не доползешь футовъ на шесть отъ земли; отсюда стараешься прыгнуть на другую торчащую вѣтку, по ней опять ползешь внизъ съ высоты двадцати футовъ, тамъ снова по стволу гигантскаго дерева, и опять на землю. И такъ идешь цѣлые часы, а палящее знойное солнце и душная, туманная атмосфера просѣки вызываютъ горячій потъ, струями льющійся по всему тѣлу. Въ продолженіе этихъ ужасающихъ гимнастическихъ упражненій я три раза чуть не убился. Одинъ изъ моихъ людей расшибся на смерть, и многіе получили сильнѣйшіе ушибы. Однако-же съ босыми ногами все-таки гораздо безопаснѣе; а въ европейскихъ сапогахъ, да еще раннимъ утромъ, пока роса не высохла, или послѣ дождя, когда авангардъ перепачкалъ деревья скользкой грязью и идешь по его слѣдамъ, я въ одинъ часъ упалъ шесть разъ. Деревня обыкновенно располагается по самой серединѣ подобной просѣки. Сколько разъ мы радовались, завидѣвъ просѣку около того времени, когда можно было остановиться на ночевку; но случалось, что послѣ этого мы употребляли еще полтора часа на то, чтобы добраться до деревни. Очень интересно наблюдать караванъ, нагруженный тяжелыми вьюками, когда онъ проходитъ такою просѣкой или попросту поваленнымъ лѣсомъ. Подъ скользкимъ деревомъ, лежащимъ на другомъ торчащемъ деревѣ, на высотѣ отъ 20 до 25 футовъ, очень часто протекаютъ ручьи, потоки, залегаютъ болота и канавы, черезъ которыя эти деревья перекинуты на подобіе мостовъ. Одни люди падаютъ, другіе еще только спотыкаются, одинъ или двое летятъ внизъ, другіе лѣпятся на верху въ двадцати футахъ отъ земли, иные ужь внизу, ползаютъ подъ бревнами. Многіе блуждаютъ въ чащѣ вѣтвей; человѣкъ тридцать или больше стоятъ гуськомъ на одномъ длинномъ и шаткомъ бревнѣ, а другіе еще повыше ихъ остановились какъ часовые на выдающейся вѣткѣ, и всѣ высматриваютъ, въ которую сторону лучше двинуться? И все это становится еще труднѣе, еще опаснѣе, когда со всѣхъ сторонъ летятъ сотни ядовитыхъ стрѣлъ, посылаемыхъ дикарями, которые попрятались въ окружающемъ валежникѣ. Но это, благодареніе Богу, не часто случалось. Мы были настолько осторожны, что рѣдко подвергались такой опасности, но за то почти не было случая, чтобы послѣ перехода черезъ подобную

просѣку, кто нибудь изъ людей не былъ искалѣченъ или не распоролъ себѣ ногу.

29-го мы дошли до Букири или Міулусъ, сдѣлавъ девять миль въ продолженіе шести часовъ.

Нѣсколько туземцевъ, уже бывавшихъ въ передѣлкахъ у маньюмовъ и покоренныхъ ими, привѣтствовали насъ криками: Бодо! Бодо! Уленда! Уленда! и при этомъ махали на насъ руками, какъ-бы желая выразить: убирайтесь подальше!

Старшину звали Муани. Они носятъ множество украшеній изъ желѣза, колецъ, бубенчиковъ, браслетовъ и кромѣ того очень любятъ жгуты, свитые изъ волокна ползучей пальмы (calamus), которые носятъ и на рукахъ, и на ногахъ, на подобіе Карагуэ и Уа. Они воздѣлываютъ кукурузу, бобы, бананы простые и фиговые, табакъ, сладкіе бататы, ямсъ, дыни и тыквы. Козы у нихъ породистыя и крупныя. Много домашней птицы, но свѣжія яйца рѣдки.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ есть обыкновенно одна хижина обширнѣе всѣхъ другихъ, съ округленной крышей, какъ въ Уніоро, и съ двумя входами.

На другой день мы отдыхали, а провожатые маньюмы всѣми мѣрами старались выказать нашимъ людямъ свое величайшее презрѣніе. Они ни за что не допускали нашихъ вступать въ торговыя сношенія съ туземцами, изъ опасенія какъ бы какой нибудь годный предметъ не миновалъ ихъ рукъ; если же наши отправлялись на просѣку за фиговыми бананами, на нихъ кричали, ругались и гнали прочь. Какъ я уже говорилъ своимъ, они нисколько не возвысились во мнѣніи маньюмовъ отъ того, что отбились отъ бѣлыхъ и не слушаютъ нашихъ увѣщаній быть твердыми и вѣрными намъ. За каждое слово возраженія, даже за сердитый взглядъ, ихъ хлестали по голому тѣлу тростью и кто же хлесталъ? мальчишки, невольники провожавшихъ насъ шести маньюмовъ! Зато какими страшными мстительными клятвами разражались жертвы такого жестокаго обращенія!

31 октября мы прошли чрезъ первое селеніе карликовъ, а въ теченіе дня видѣли нѣсколько опустѣлыхъ деревень, имъ принадлежащихъ. Въ пять часовъ съ четвертью мы сдѣлали девять миль и заночевали въ лѣсу, въ одномъ изъ поселковъ карликовъ.

Между тѣмъ, воровство не прекращалось. При осмотрѣ патронташей, изъ каждыхъ трехъ патроновъ на лицо оказывался только одинъ. Патроны, конечно, «выпали»! Гилляля, мальчишка лѣтъ шестнадцати, бѣжалъ обратно въ Ипото, стащивъ мой патронташъ съ тридцатью патронами. Другой, несшій мою сумку, тоже бѣжалъ, унося съ собою семдесятъ пять патроновъ винчестерскаго образца.

На другой день мы пришли къ обширной просѣкѣ и большому селенію мамбунговъ изъ Небассэ.

Камисъ, начальникъ проводниковъ, вышелъ изъ Ипото 31-го числа и прибылъ съ семью человѣками, согласно моему условію съ Измаили, моимъ «братомъ» изъ маньюмовъ.

Избранный нами путь позволилъ намъ значительно увеличить разстояніе, какое можно пройти въ одинъ часъ. Если бы мы шли берегомъ рѣки, то и дѣло продираясь сквозь чащу и посвящая на проложеніе дороги семь, восемь, девять,—иногда даже десять часовъ,—мы могли дѣлать переходы отъ 3-хъ до 7 миль, не болѣе. Теперь же мы шли отъ $1^1/_2$ до 2 миль въ часъ, хотя все-таки путь нашъ задерживался торчащими пнями, кореньями, ползучими и лазящими ліанами, бататами, врытыми въ землю острыми кольями, множествомъ ручьевъ и болотцами, подернутыми зеленою плесенью. Рѣдко намъ случалось пройти сряду сотню ярдовъ (или метровъ), безъ того, чтобы передовые не закричали: стой!

Къ вечеру каждаго дня собирались тучи, громъ грохоталъ и отдавался по лѣсу, молніи сверкали со всѣхъ сторонъ, то снося древесную вершину, то расщепляя пополамъ какого нибудь лѣсного гиганта отъ верхушки до корней, то обжигая стройныя вѣтви величаваго дерева; а дождь лился потоками, пронизывая насъ до костей и заставляя дрогнуть, при нашемъ истощенномъ и малокровномъ состояніи. Но во время переходовъ во весь день Богъ былъ милостивъ къ намъ: солнце сіяло, струясь по лѣсамъ милліонами мягкихъ лучей, веселя наши сердца и облекая божественной красотой безконечныя лѣсныя перспективы: тонкіе и стройные стволы превращались въ колонны свѣтлосѣраго мрамора, а капли росы и дождя—въ сверкающіе алмазы; невидимыя птицы бойко исполняли весь репертуаръ своихъ разнообразныхъ пѣсенъ; стаи попугаевъ, наэлектризованные яркимъ солнцемъ, испускали веселые крики и свистъ; толпы мартышекъ скакали и кувыркались самымъ непринужденнымъ образомъ, а издали повременамъ раздавался какой-то дикій и басистый хоръ: это означало, что гдѣ нибудь собралась цѣлая семья *соко* или чимпанзи и они предаются играмъ и веселью.

Дорога отъ Мамбунгу къ востоку представляла цѣлый рядъ затрудненій, страховъ и опасностей. Нигдѣ еще мы не встрѣчали такихъ ужасныхъ просѣкъ, какъ вокругъ Мамбунгу и сосѣдняго съ нимъ селенія Нджалисъ. Деревья были громаднѣйшихъ размѣровъ, и навалено ихъ было столько, что достало бы на постройку цѣлаго флота; а валялись они во всевозможныхъ направленіяхъ, перекрещиваясь, переплетаясь, образуя горы вѣтвей, громоздясь другъ на друга; и

кромѣ того между ними росли и перепутывались массы банановъ, виноградныхъ лозъ, чужеядныхъ растеній, какихъ-то ползучекъ, похожихъ на плющъ, пальмъ, каламусовъ, бататовъ, и проч. и проч., сквозь которые несчастной колоннѣ приходилось продираться, врѣзываться, ломиться, обливаясь пòтомъ, а тамъ опять ползти, лѣзть, перепрыгивать черезъ такую путаницу препятствій, что и описать нѣтъ никакой возможности.

4-го ноября мы отошли на 13¾ мили отъ Мамбунгу и пройдя черезъ пять опустѣлыхъ селеній карликовъ, вступили въ селеніе Ндугубиша. Въ этотъ день я чуть не разсмѣялся,—мнѣ показалось, что въ самомъ дѣлѣ настаютъ счастливыя времена, предсказанныя оптимистомъ Уледи. Каждый изъ членовъ каравана получилъ на день по одному початку кукурузы и по 15 фиговыхъ банановъ.

Пятнадцать банановъ и початокъ кукурузы являются царскимъ пиромъ сравнительно съ порціей изъ двухъ початковъ, или просто изъ горсти ягодъ, или изъ дюжины грибовъ. Однакожъ и эта роскошь не очень развеселила мою команду, хотя отъ природы эти люди очень расположены къ беззаботному веселью.

— Не унывайте, ребята, — говорилъ я, раздавая эти постныя порціи отощалымъ людямъ:—вонъ ужь заря занялась,—пройдетъ еще одна недѣля и вы увидите, что вашимъ бѣдствіямъ настанетъ конецъ.

Они ни слова не сказали, только блѣдныя улыбки нѣсколько освѣтили заостренныя черты ихъ осунувшихся отъ голода лицъ. Офицеры переносили всѣ лишенія съ той неизмѣнной твердостью, которую Цезарь приписываетъ Антонію, и притомъ такъ просто и естественно, какъ будто иначе быть не могло. Они питались плоскими лѣсными бобами, кислыми плодами и странными грибами съ такимъ довольнымъ и спокойнымъ видомъ, какъ сибариты на роскошномъ пиру. Одинъ изъ нихъ даже самъ заплатилъ за эту жалкую привилегію тысячу фунтовъ стерлинговъ (10 тысячъ рублей) и мы чуть не отвергли его сообщества, находя его черезчуръ изнѣженнымъ для тяжелыхъ условій африканской жизни. Они постоянно служили благимъ примѣромъ для чернокожихъ, изъ которыхъ вѣроятно многіе были поддержаны и возбуждены къ жизненной борьбѣ тѣмъ бодрымъ и яснымъ взглядомъ, съ какимъ наши офицеры шли навстрѣчу всѣмъ испытаніямъ и тяжкимъ невзгодамъ.

На другой день мы переступили водораздѣлъ между рѣками Ихуру и Итури, и шли вбродъ черезъ студеные ручьи, стремившіеся влѣво, то есть къ Ихуру. Справа и слѣва подымались лѣсистые конусы холмовъ и горные кряжи; пройдя 9¾ миль мы остановились ночевать въ селеніи западнаго Индекару, у подошвы холма, возвышавшагося

на 600 футовъ надъ деревней. Слѣдующій, короткій переходъ привелъ насъ къ деревнѣ, расположенной на склонѣ высокой горы, которую можно назвать восточнымъ Индекару и тутъ барометръ обнаружилъ, что мы находимся на 4097 футовъ надъ уровнемъ океана. Изъ этого селенія въ первый разъ намъ открылся далекій видъ на окрестности. Вмѣсто того, чтобы ползать въ лѣсномъ сумракѣ, на подобіе мощныхъ двуногихъ, на тридцать сажень ниже дневнаго свѣта, и сознавать все свое ничтожество по сравненію съ милліонами древесныхъ великановъ, среди которыхъ мы вращались, мы очутились на обнаженной горной вершинѣ и могли смотрѣть сверху внизъ на зеленый лиственный міръ, разстилавшійся у нашихъ ногъ. Казалось, что смѣло можно было идти по волнистой равнинѣ этихъ густо-сплоченныхъ, развѣсистыхъ шатровъ, безконечною пеленой уходившихъ въ блѣдно-голубую даль, туда, туда, въ невѣдомые предѣлы, едва различимые простымъ глазомъ.

Среди разныхъ оттѣнковъ этой кудрявой зелени виднѣлись тамъ и сямъ широкія пунцовыя пятна деревьевъ въ цвѣту, либо круги ярко-ржаваго цвѣта листьевъ. Съ какой завистью взирали мы на плавный и легкій полетъ коршуновъ и бѣлошеихъ орловъ, свободно и красиво парившихъ въ тихомъ и чистомъ воздухѣ! Ахъ, кабы взять у коршуна крылья, да улетѣть подальше отъ этихъ неисправимыхъ маньюмовъ... Кто же высказалъ такое желаніе? Мнѣ кажется, что до нѣкоторой степени всѣ объ этомъ думали.

7-го числа, во время стоянки на горѣ, маньюмы забрали себѣ все помѣщеніе на деревнѣ, а нашимъ людямъ предоставили устраиваться въ кустахъ, считая что они недостойны приближаться къ ихъ высокородіямъ; тутъ произошла нѣкоторая буря между Саатъ-Тато («три часа»), нашимъ стрѣлкомъ и Камисомъ, начальникомъ проводниковъ маньюмовъ. Судя по интонаціямъ и по нѣкоторымъ восклицаніямъ, разговоръ угрожалъ перейти въ настоящую драку. Камисъ ударилъ его по лицу. Оба были рослые люди, но Саатъ-Тато на два дюйма повыше, притомъ хорошій солдатъ, послужившій и въ Мадагаскарѣ, и при султанѣ Баргашѣ, у котораго числился сержантомъ; но онъ имѣлъ привычку всякій день къ тремъ часамъ пополудни напиваться пьянъ, за что получилъ кличку «три часа» и былъ отставленъ. Онъ былъ прекрасный человѣкъ, честный, сильный, исполнительный, притомъ превосходный стрѣлокъ. Если бы ему задать фунтовъ двадцать корму, Саатъ-Тато по первому востребованію и съ удовольствіемъ взялъ бы Камиса поперекъ туловища и переломилъ бы ему позвоночный столбъ объ свою колѣнку также просто, какъ старое древко отъ копья. Я пристально наблюдалъ за Саатъ Тато, такъ

какъ считалъ рѣшеннымъ, что всѣ наши люди вовсе деморализованы. Саатъ-Тато съ минуту строго посмотрѣлъ на противника, погрозилъ ему пальцемъ и сказалъ:—ладно, но попробуй повторить этотъ ударъ немного позже, когда во мнѣ будетъ побольше ѣды и брюхо мое наполнится. Вотъ тогда сунься меня ударить; теперь я стерплю.

Я подошелъ и положивъ руку на плечо Камиса, сказалъ ему:— Камисъ, не дѣлай этого больше. Я даже офицерамъ своимъ не позволяю такъ обращаться съ людьми.

Недовольство все возрастало и маньюмы, конечно безсознательно, казали мнѣ большую услугу своей непомѣрной жестокостью: они помогли мнѣ поднять духъ моихъ пріунывшихъ занзибарцевъ.

Христіане начали брать рѣшительный перевѣсъ. Симпатія къ единовѣрцамъ, которымъ наши люди еще такъ недавно готовы были пожертвовать нашей жизнью, свободой и своими собственными судьями,—эта симпатія ослабѣвала подъ вліяніемъ грубости, скупости и коварства маньюмовъ. Намъ оставалось только наблюдать эти явлеія, терпѣливо ждать и быть готовыми ко всякимъ послѣдствіямъ.

Къ нашему великому облегченію, Камисъ признался, что западный Индекару есть крайній предѣлъ владѣній его господина, Измаили. Однакоже, онъ не долженъ былъ разставаться съ нами до селенія Ибуири.

8 ноября мы прошли одиннадцать миль по лѣсу, постепенно становившемуся болѣе рѣдкимъ, такъ что впереди и по сторонамъ можно было видѣть мѣстность на далекое разстояніе. Дорога стала удобнѣе и мы могли ускорить передвиженіе до двухъ миль въ часъ. Почва, перемѣшанная съ пескомъ и щебнемъ, поглощала дождевую воду и идти по ней было легко и пріятно. Ліаны были уже не такъ обильны и лишь изрѣдка попадались какіе нибудь крѣпкіе ползучіе стебли, которые нужно было рубить. Во многихъ мѣстахъ встрѣчались колоссальныя глыбы проступившаго гранита, что̀ было совсѣмъ новою чертой и придавало романтическую прелесть лѣсному пейзажу, заставляя грезить о цыганахъ, бандитахъ или пигмеяхъ.

9-го числа, пройдя девять съ половиною миль, мы пришли къ лагерю пигмеевъ. До полудня надъ землей стоялъ густой туманъ. Послѣ полудня мы прошли мимо нѣсколькихъ, только что покинутыхъ пигмеями деревень и перебирались черезъ восемь ручьевъ. Нашъ провожатый, Камисъ, его спутники и шестеро нашихъ піонеровъ отправились дальше къ Ибуири, отстоявшее всего за полторы мили, и на другой день мы присоединились къ нимъ. Здѣсь просѣка была такая широкая, чистая и тщательно воздѣланная, что ничего подобнаго мы не встрѣчали отъ самой Ямбуйи, хотя очень вѣроятно, что

если бы экспедиція тронулась въ путь восемью мѣсяцами раньше, мы застали бы еще не мало селеній въ неменѣе цвѣтущемъ состояніи. Здѣшняя просѣка—или лѣсная расчистка—имѣла три мили въ поперечникѣ, изобиловала всѣми мѣстными продуктами и никогда еще не была посѣщаема маньюмами. Почти на каждомъ стволѣ фиговаго банана плоды висѣли громадными гроздьями отъ пятидесяти до ста сорока штукъ. Нѣкоторые экземпляры плодовъ были длиною въ двадцать два дюйма, два съ половиною дюйма въ поперечникѣ и почти восемь дюймовъ въ окружности, такъ что могли удовлетворить давнишней мечтѣ Саатъ-Тато—наѣсться до сыта. Воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ спѣлыхъ плодовъ и пока мы лазили черезъ бревна и осторожно пробирались между поваленными деревьями, мои восхищенные спутники то и дѣло приглашали меня полюбоваться гроздьями сочныхъ плодовъ, заманчиво висѣвшихъ передъ ихъ глазами.

Передъ вступленіемъ въ селеніе Мурабо, одинъ изъ занзибарскихъ старшинъ шепнулъ мнѣ по секрету, что въ Ибуири пять деревень, и во всѣхъ этихъ деревняхъ въ каждой хижинѣ цѣлый уголъ заваленъ кукурузой, но Камисъ и его маньюмы натащили зерна въ свои хижины и по праву перваго захвата они теперь весь этотъ запасъ возьмутъ себѣ.

Едва я вошелъ въ улицу, какъ Камисъ встрѣтилъ меня обычными жалобами на «подлыхъ занзибарцевъ». Взглянувъ на землю, я увидѣлъ во многихъ мѣстахъ дѣйствительно ясные слѣды второпяхъ просыпанной кукурузы, что подтверждало слухи, переданные мнѣ Мурабо. Камисъ предложилъ экспедиціи занять западную половину деревни, а себѣ и своимъ пятнадцати маньюмамъ намѣренъ былъ отвести всю восточную половину. Но на это я дерзнулъ протестовать, на томъ основаніи, что за предѣлами владѣній его господина мы объявили себя хозяевами всей земли къ востоку; что отнынѣ мы не нуждаемся въ указаніяхъ, что намъ дѣлать; что отсюда ни одного зерна, ни одного банана, ни другихъ мѣстныхъ продуктовъ нельзя брать и унести не спросясь меня. Я сказалъ ему, что ни одинъ народъ въ мірѣ не перенесъ бы безропотно столько униженій, оскорбленій и насмѣшекъ, какъ эти самые занзибарцы, и что съ этихъ поръ я позволю имъ отвѣчать на чинимыя имъ обиды какъ имъ вздумается. На все это Камисъ отвѣчалъ покорнымъ согласіемъ.

Набравъ провизіи и размѣстивъ людей по квартирамъ, мы начали съ того, что роздали по пятидесяти початковъ на человѣка и условились съ туземцами насчетъ нашихъ взаимныхъ отношеній.

Черезъ часъ было рѣшено, что западная половина лѣсной расчистки предоставляется намъ, съ правомъ фуражировки, восточная же

часть, начиная отъ ручья, остается за туземцами. Маньюма Камиса мы заставили подчиниться этой сдѣлкѣ и войти въ часть съ нами. Я подарилъ Боріо, главному начальнику здѣшнихъ Балессэ, пучекъ мѣдныхъ прутьевъ и за это получилъ пять куръ и козу.

То былъ великій день. Съ 31 августа ни одинъ изъ членовъ экспедиціи еще ни разу не наѣдался до сыта, а тутъ у насъ очутилось столько банановъ—спѣлыхъ и зеленыхъ,—столько бататовъ, зелени, ямса, бобовъ, сахарнаго тростника, кукурузы, арбузовъ, что будь на нашемъ мѣстѣ стадо слоновъ, равное намъ по численности, то и имъ достало бы ѣды дней на десять. Наконецъ-то мои люди могли удовлетворить въ полной мѣрѣ своему аппетиту, такъ давно нуждавшемуся въ утоленіи.

Такъ какъ намъ приходилось дожидаться Джефсона съ шестидесятью занзибарцами (сорокъ человѣкъ, ходившихъ на помощь къ Нельсону, рѣчная команда и выздоравливающіе въ Ипото), то можно было надѣяться, что черезъ нѣсколько дней такого изобильнаго питанія мы успѣемъ замѣтно поправиться. Мы давно уже мечтали, что когда доберемся до подобнаго селенія, то остановимся на поправку. На людей тяжело было смотрѣть, до того они были безобразны въ своей костлявой наготѣ. Нагота произошла отъ того, что они всю свою одежду вымѣняли на съѣстное, или распродали невольникамъ маньюмовъ, въ ставкѣ Угарруэ и въ Ипото; мускуловъ у нихъ почти не осталось, а только кости да кожа, что и не удивительно послѣ семидесяти трехъ дней безкормицы, да тринадцати сутокъ совсѣмъ безъ продовольствія; силъ у нихъ тоже осталось не много, такъ что во всѣхъ отношеніяхъ они представляли изъ себя нѣчто жалкое. Природный цвѣтъ ихъ кожи изъ бронзоваго перешелъ въ грязно-сѣрый съ примѣсью оттѣнка древесной золы; въ вытаращенныхъ глазахъ были признаки болѣзненности, нечистой крови и затвердѣнія печени; красивыхъ очертаній тѣла и мягкаго изгиба мускуловъ не было и въ поминѣ. Словомъ, это были фигуры болѣе приличныя для склепа, нежели для труднаго похода, во время котораго имъ слѣдовало постоянно носить оружіе.

На другой день Камисъ, проводникъ изъ маньюмовъ, предложилъ мнѣ свои услуги въ качествѣ развѣдчика: онъ хотѣлъ поискать дороги изъ Ибуири къ востоку, потому что слышалъ отъ мѣстнаго старшины Боріо, что травянистая страна отсюда недалеко. Онъ полагалъ, что взявъ съ собою нѣсколькихъ туземцевъ и человѣкъ тридцать нашихъ стрѣлковъ, онъ найдетъ что нибудь интересное. Мы позвали Боріо и, на сколько можно было разобрать, онъ подтвердилъ, что въ двухъ дняхъ пути отъ Ибуири, т. е. въ 40 миляхъ,

есть мѣсто, называемое Мандэ, откуда видна травянистая страна; что тамъ паслись громадныя стада, такъ что когда животныя приходили на водопой къ Итури, то «рѣка выступала изъ береговъ». Такъ какъ мнѣ ужасно хотѣлось узнать, далеко ли мы отъ выхода изъ лѣсу, а Борiо вызвался дать проводниковъ, я кликнулъ кличъ, кто изъ моихъ людей согласенъ идти на развѣдки. Къ удивленiю, двадцать восемь человѣкъ тотчасъ выступили изъ рядовъ и обнаружили такое усердiе, такую готовность къ новымъ подвигамъ, какъ будто проводили послѣднiе мѣсяцы въ полномъ довольствѣ и благополучiи. Вскорѣ Камисъ со своею партiей людей отправился въ путь.

Не смотря на строгое запрещенiе прикасаться къ имуществу туземцевъ за чертой предоставленной намъ территорiи, одинъ изъ нашихъ воришекъ таки прокрался на ту сторону Ибуири и стащилъ девятнадцать куръ, изъ которыхъ двухъ успѣлъ уже съѣсть, а остальнымъ только отрѣзалъ головы; но наши надсмотрщики накрыли его вмѣстѣ съ поличнымъ въ ту минуту, когда онъ со своимъ сообщникомъ разсуждалъ, куда бы дѣвать перья? Мясо и кости, какъ видно, затрудняли ихъ гораздо меньше. Тутъ же поймали еще двухъ воровъ, только что съѣвшихъ цѣлую козу: отъ нея осталась только голова! Это даетъ понятiе о неограниченныхъ способностяхъ занзибарскихъ желудковъ.

Жители Ибуири были съ нами такъ любезны и щедры, что мнѣ было просто стыдно за своихъ подчиненныхъ, выказавшихъ такую черную неблагодарность. Старшина и его семейство жили на нашей сторонѣ и при встрѣчахъ съ нами разъ по шести въ день привѣтствовали насъ своими дружелюбными «бодо, бодо, уленда, уленда!». Однако за послѣднiе 2½ мѣсяца наши люди натерпѣлись такой крайней нужды, что слѣдовало ожидать отъ нихъ какихъ нибудь безпорядковъ при первомъ удобномъ случаѣ. Я во всемъ мiрѣ не знаю народа, который такъ кротко и терпѣливо перенесъ бы такое продолжительное голоданье. Безъ единой крохи провiанта, на каждомъ привалѣ видя какъ отъ истощенiя мрутъ товарищи, и даже на ходу по дорогѣ теряя то того, то другого, одни—менѣе терпѣливые и обезумѣвшiе отъ голода—углублялись въ лѣсныя чащи, въ поискахъ за пищей, другiе же продолжали ползти впередъ, таща на себѣ боевые снаряды и багажъ. Удивительно, какъ всѣ они не сошли съ ума отъ лишенiй и отчаянiя, какъ не потеряли вѣры въ своихъ вождей: имъ стоило только пустить въ ходъ свои ремингтоновскiя ружья и однимъ залпомъ перестрѣлять всѣхъ насъ, бѣлыхъ, даже съѣсть насъ, и во всякомъ случаѣ избавиться отъ нашей власти, такъ какъ по ихъ понятiямъ мы вели ихъ на вѣрную погибель.

Мнѣ жалко было туземцевъ, лишившихся своей живности ни за что, ни про что, но я не могъ забыть, какъ наши люди бѣдствовали въ лѣсныхъ дебряхъ, отъ водопадовъ Басопо до Ибуири; мы и теперь еще не вышли изъ этихъ дебрей и мнѣ все представлялось, какъ, помимо воровства и кое какихъ мелкихъ недочетовъ, эти люди были преданы намъ, какую они проявляли внимательную доброту, отдѣляя въ нашу пользу лучшіе куски и самые отборные экземпляры тѣхъ дикихъ плодовъ, которыми сами питались, и какъ они въ цѣломъ были бодры, тверды и выносливы во дни нашихъ величайшихъ бѣдствій. За такія добродѣтели можно было простить имъ нѣкоторые грѣхи, и не прежде требовать отъ нихъ повиновенія и порядка, какъ давъ имъ сначала пожить въ спокойствіи и довольствѣ. Чуть не на каждой милѣ этой голодной лѣсной пустыни, отъ сліянія Ихуру съ Итури вплодь до Ипото, мы оставляли по мертвому тѣлу изъ сотоварищей; такъ и остались тамъ эти трупы, и гніютъ теперь въ безмолвномъ сумракѣ дремучаго лѣса, и только благодаря непоколебимой преданности остальныхъ, мы, образованные люди, имѣемъ теперь возможность разсказать печальную повѣсть обо всемъ, что мы претерпѣли въ теченіи сентября, октября и половины ноября мѣсяцевъ 1887 года.

Чѣмъ ближе изучаю человѣческую природу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что человѣкъ есть прежде всего—животное. Если кормить его сытно и правильно, то можно уговорить или заставить его сдѣлать все что угодно; любовь и страхъ имѣютъ на него большое вліяніе, и отъ работы онъ не прочь, хотя бы самой тяжелой; но если онъ голоденъ, надо постоянно помнить древнее предостереженіе—*Cave canem*,—потому что даже голодный левъ надъ кускомъ сырого мяса менѣе его золъ и раздражителенъ. Ни строгая дисциплина, ни тяжелыя ноши, ни безконечные переходы по совершенно невѣдомымъ мѣстамъ, никогда не пугали нашихъ людей, если при этомъ желудки у нихъ были полные; но какъ только они ощущали первые приступы голода, такъ и начинали пакостить на всѣ лады и ничѣмъ невозможно было удержать ихъ отъ этого: даже перспектива висѣлицы лишь на короткое время задерживала ихъ порывы. Жители Ибуири, живущіе въ довольствѣ, очень кротки и тихи, по мягкости своей природы; но карлики, кочующіе по лѣсамъ, судя по слухамъ, злы какъ хищные звѣри, они сами лѣзутъ въ драку и бьются до тѣхъ поръ, покуда въ ихъ колчанахъ есть стрѣлы.

12-го я узналъ, что Камисъ—тотъ маньюма, что отправился, якобы для моей пользы, расчищать мнѣ путь на востокъ и заводить дружелюбныя сношенія, съ помощью туземцевъ, не успѣлъ выполнить

этой миссіи, благодаря своему скверному обращенію съ мѣстнымъ населеніемъ; что онъ претерпѣлъ тамъ всякія неудачи, что жители восточнаго Ибуири нападали на него и убили двоихъ изъ его спутниковъ. Я послалъ ему сказать, чтобы возвращался скорѣе.

Блохи здѣсь въ такомъ несносномъ количествѣ, что я принужденъ былъ поставить свою палатку середи улицы, чтобы можно было спать.

13 ноября, обходя нашу походную деревню и осматривая, въ какомъ положеніи люди, я былъ пораженъ усердіемъ, съ которымъ они предавались ѣдѣ. Почти каждый человѣкъ или толокъ въ ступѣ кукурузу, или растиралъ въ муку сушеные бананы, или просто сидѣлъ съ полнымъ ртомъ и сосредоточенно жевалъ что-то своими чудесными бѣлыми зубами, стараясь нагнать потерянное за время насильственнаго поста въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ.

Камисъ воротился 14-го числа и пригналъ откуда-то большое стадо козъ. Онъ былъ настолько любезенъ, что и намъ пожертвовалъ шестнадцать штукъ. Это навело насъ на подозрѣніе, что онъ, отправляясь въ походъ имѣлъ въ виду вовсе не намъ оказывать услуги, а съ нашею помощью распространить далѣе на востокъ владѣнія своего хозяина, Измаили, и превратить окрестности Ибуири въ такую-же пустыню, какъ напримѣръ окрестности Ипото. Но, хотя онъ для этой цѣли имѣлъ съ собою совершенно достаточное число вооруженныхъ людей, собственная его глупая жадность испортила все дѣло, такъ что онъ по своей же неосторожности потерялъ троихъ товарищей, сраженныхъ ядовитыми стрѣлами. Какъ только гдѣ нибудь виднѣлось стадо козъ, Камисъ мигомъ позабывалъ свои мирныя обязанности, посылалъ своихъ маньюмовъ ловить ихъ, а нашихъ людей удерживалъ при себѣ. Вслѣдствіе такого маневра наши люди воротились цѣлы и невредимы, и ниразу не были замѣшаны въ эти хищническіе набѣги. Возвращаясь въ нашу деревню и крѣпко досадуя на потерю троихъ наилучшихъ и наиболѣе энергичныхъ своихъ товарищей, Камисъ повстрѣчалъ на дорогѣ Боріо, старшину восточнаго Ибуири и не говоря ни слова схватилъ его и взялъ въ плѣнъ. Потомъ, придя на мѣсто и ничего еще мнѣ не сказавъ, онъ распорядился, чтобы старшину немедленно удавили, въ отместку за гибель его людей. Я, случайно узналъ объ этомъ, тотчасъ послалъ стражу, чтобы насильно отнять старшину у Камиса, спряталъ его до времени въ хижину и велѣлъ Боріо сидѣть смирно, покуда Камисъ уйдетъ во свояси.

Мы отдыхали и роскошничали. Съѣстныхъ припасовъ оказалось здѣсь такое множество, что мы спокойно могли бы остаться тутъ на полгода, не рискуя голодать. Мы угощались пуддингами изъ фиговыхъ банановъ на козьемъ молокѣ; оладьями, лепешками, хлѣбомъ,

сладкими бататами, маніокомъ, ямсомъ, зеленью, куринымъ и козьимъ мясомъ, въ изобиліи. Въ тотъ вечеръ меню нашего обѣда гласило слѣдующее:

Супъ изъ козьяго мяса.

Жареная четверть козы съ печеными бататами.

Сладкій маніокъ, вареный.

Жареные бананы.

Пирожное изъ спѣлыхъ фиговыхъ бананов.

Изъ тѣхъ же бананов лепешки.

Козье молоко.

Я уже начиналъ замѣчать перемѣну въ насъ самихъ и въ подчиненныхъ. Въ лагерѣ стало шумнѣе и раза два я слышалъ попытку спѣть пѣсню. Одна коголосъ еще былъ надорванный и пѣніе отложили до болѣе благопріятнаго времени.

16 ноября, въ 3 часа пополудни, явился мистеръ Джефсонъ, блистательно исполнившій возложенное на него порученіе. Какъ видно изъ его письма, онъ въ теченіи семи дней успѣлъ дойти до капитана Нельсона и воротиться вмѣстѣ съ нимъ въ Ипото, пройдя въ оба конца около ста миль. Судя по письму Нельсона, онъ попалъ изъ огня да въ полымя и среди всеобщаго благоденствія въ Ипото ему немногимъ легче чѣмъ было на голодной стоянкѣ.

На другой день Камисъ и его маньюмы ушли домой, не простившись. Я написалъ письмо къ нашимъ офицерамъ и послалъ его въ Ипото, а награбленную Камисомъ слоновую кость и подаренныя ему мною ткани отправилъ вслѣдъ за нимъ въ Индекару, откуда маньюмы могли достать себѣ носильщиковъ изъ подвластныхъ имъ туземцевъ. Я страшно злился и досадовалъ на самого себя за то, что вынужденъ былъ оказывать имъ такія любезности и далъ имъ уйти, не доставивъ себѣ даже удовольствія выразить свое личное мнѣніе о маньюмахъ вообще и о разбойничьей шайкѣ въ Ипото въ особенности. Со всѣхъ сторонъ они меня обошли: сначала принудили содержать и угощать себя, а потомъ еще заставили перетаскивать свои краденые слоновые клыки.

Однако я и за то долженъ быть благодаренъ, что они еще хуже не воспользовались нашимъ безвыходнымъ положеніемъ. Имѣя въ своей власти капитана Нельсона, доктора Пэрка и около тридцати человѣкъ нашихъ больныхъ, они могли бы склонить меня на сотни всякихъ уступокъ, но къ счастью это имъ не пришло въ голову. Я надѣялся, что въ награду за долговременное терпѣніе Богъ поставитъ меня въ болѣе независимое положеніе. Когда Нельсонъ и Пэркъ и всѣ больные поправятся и возвратятся къ отряду, а тѣ 116 вьюковъ

всякаго груза и стальной вельботъ, что оставлены въ Ипото, я получу въ цѣлости, вотъ тогда,—но только тогда можно будетъ свести счеты и потребовать отъ нихъ полнаго удовлетворенія. Всѣ статьи я аккуратно записалъ, для памяти.

Счетъ господамъ Килонга-Лонга и К°, въ Ипото.

Отъ Г. М. Стэнли, офицеровъ и служащихъ при экспедиціи вспомоществованія Эмину-пашѣ,

17 ноября 1887 г.

За то, что уморили голодомъ между рѣкой Лендой и Ибуири 67 человѣкъ,—потому что мы перешли эту рѣку въ количествѣ 271 человѣка, а въ здѣшнемъ лагерѣ, считая даже съ тѣми, которые должны были вскорѣ прибыть, насъ осталось 175, да 28 человѣкъ съ капитаномъ Нельсономъ и докторомъ Пэркомъ включительно; слѣдовательно, убыль въ людяхъ 67

За 27 человѣкъ, по слабости не бывшихъ въ состояніи за нами слѣдовать; изъ нихъ многіе совсѣмъ не поправятся.

За убіеніе Муфта-Мазинга, заколотаго копьемъ 1

За убіеніе занзибарца Эми, засѣченнаго до смерти 1

За попытку уморить голодомъ капитана Нельсона и доктора Пэрка.

За возбужденіе къ кражѣ двухъ ящиковъ съ боевыми снарядами.

За тридцать ремингтоновскихъ ружей, украденныхъ у насъ и спрятанныхъ ими.

За всякія притѣсненія, чиненныя нашимъ занзибарцамъ.

За то, что нашъ Сарбоко работалъ на нихъ, какъ невольникъ.

За оскорбленія, нанесенныя капитану Нельсону и доктору Пэрку.

За опустошеніе страны на протяженіи 44.000 кв. миль.

За звѣрское истребленіе многихъ тысячъ туземцевъ.

За уведеніе въ рабство сотенъ женщинъ и дѣтей.

За кражу двухсотъ слоновыхъ клыковъ съ мая по октябрь 1887 года.

За многія убійства, грабежи, набѣги и разоренія въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ.

Итого, за смерть 69 занзибарцевъ 69

И за всякія преступленія—безъ числа.

Вечеромъ 17 ноября мы опять испытали невыгоду своей связи съ маньюмами. Всѣ жители Ибуири и его окрестностей возстали противъ насъ. Первое непріязненное дѣйствіе ихъ состояло въ томъ, что когда одинъ изъ нашихъ, по имени Симба, пошелъ къ рѣкѣ за водой, въ него выстрѣлили изъ лука и стрѣла попала ему въ животъ. Догадавшись, вѣроятно по выраженію нашихъ лицъ, какъ

опасна была эта рана, онъ закричалъ «Беріани братья мои!»—а когда его принесли въ хижину, то зарядилъ лежавшее по близости ремингтоновское ружье и выстрѣлилъ себѣ въ ротъ; при этомъ его лицо, очень веселое и даже довольно красивое, разнесло въ дребезги.

Размышленія занзибарцевъ по поводу этого самоубійства были очень любопытны; всѣхъ рельефнѣе выразилъ ихъ Сали, нашъ слуга при палаткѣ.

— Скажите на милость, Симба! Бѣднякъ, безъ роду, безъ племени, не было у него ни имущества, ни званія, ни чести, и вдругъ—самоубійца! Будь онъ богатый арабъ, или индійскій купецъ, или капитанъ надъ солдатами, или губернаторъ, или какой нибудь бѣлый, которому въ жизни не повезло, либо приключилось безчестье или позоръ,—ну тогда иное дѣло, такому прилично себя убивать. Но Симба!.. Вѣдь онъ былъ не лучше невольника, просто бѣглый изъ Уніанимбэ, и никого на свѣтѣ у него не было, кромѣ такихъ же какъ онъ, голышей, изъ одной съ нимъ команды,—и вдругъ—убился, какъ какой нибудь богачъ! Фу! Киньте его куда нибудь въ чащу, пусть себѣ гніетъ и пропадаетъ. Стоитъ ли онъ того, чтобы кутать его въ саванъ, да хоронить какъ путнаго?—Таково было мнѣніе его недавнихъ товарищей, хотя не всѣ съумѣли бы такъ краснорѣчиво изложить его какъ Сали, не знавшій мѣры своему негодованію по поводу такой неслыханной претензіи Симбы.

Съ ранняго утра лейтенантъ Стэрсъ съ тридцатью шестью стрѣлками отправился къ востоку на развѣдки, въ сопровожденіи Боріо и одного охотника изъ маньюмовъ, взявшихся служить имъ проводниками; мы же остались еще на нѣсколько дней, поджидая выздоравливающихъ, которымъ такъ плохо приходилось въ Ипото, что они предпочли тронуться въ путь и хотя бы помереть на дорогѣ, лишь бы не имѣть больше дѣла съ жестокосердыми рабами маньюмовъ.

19-го Уледи, шкиперъ «Аванса», явился съ людьми своего экипажа и сказалъ, что еще пятнадцать человѣкъ идутъ, но отстали по дорогѣ. Къ вечеру всѣ собрались въ лагерь.

21-го возвратились развѣдчики съ лейтенантомъ Стэрсомъ и съ проводникомъ Боріо. Ничего новаго насчетъ «травянистой страны» они не узнали, но донесли, что къ востоку есть торная и довольно сносная тропинка, что само по себѣ могло служить намъ изряднымъ утѣшеніемъ.

23-го, въ послѣдній день нашей стоянки въ Ибуири, я производилъ смотръ и перечень людей; они распредѣлились теперь такъ:

№ 1, отрядъ Джефсона	80 челов.
№ 2, » Стэрса.	76 »

Суданцевъ	5	челов.
Поваровъ	3	»
Мальчиковъ прислужниковъ.	6	»
Европейцевъ	4	»
Проводниковъ маньюма	1	»
	175	челов.

Въ Ипото оставалось 28 человѣкъ, въ томъ числѣ Нельсонъ и Пэркъ; въ ставкѣ Угарруэ оставлено на поправку 56. Изъ голоднаго лагеря, подъ начальствомъ старшины Умари, сколько нибудь останется въ живыхъ, положимъ—десять человѣкъ; такъ что по нашему расчету передовая колонна должна была состоять изъ 268 человѣкъ, тогда какъ сто тридцать девять дней назадъ насъ выступило изъ Ямбуйи 389; слѣдовательно, мы потеряли 111 человѣкъ. Однакоже этотъ счетъ оказался невѣренъ, потому что къ этому времени многіе изъ больныхъ въ ставкѣ Угарруэ перемерли, а тѣ, что остались въ Ипото, были чуть живы.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы пришли въ Ибуири, большая часть нашихъ людей съ каждымъ днемъ нагуливала себѣ больше тѣла: среднимъ числомъ каждый человѣкъ прибавлялся въ вѣсѣ на 1 фунтъ въ сутки. Нѣкоторые стали положительно толстыми, глаза у нихъ пріобрѣли блескъ, а кожа стала похожа на темную бронзу, вымазанную масломъ. Вотъ уже дня три какъ они по вечерамъ затягивали пѣсни; пока толкли и молотили зерна, напѣвали себѣ подъ носъ, а послѣ ужина распѣвали, глядя на луну. Нерѣдко раздавался теперь веселый хохотъ. Подъ вечеръ двое молодцовъ затѣяли драку, ради развлеченія, и надавали другъ другу порядочныхъ тумаковъ. Другіе разсказывали длинныя сказки и собирали вокругъ себя очень внимательныхъ слушателей. Жизнь и веселье воротились въ лагерь. Вмѣсто мрачныхъ размышленій о смерти, о скелетахъ, о друзьяхъ, покинутыхъ на дальней родинѣ, теперь только и слышны были толки о будущемъ, о томъ, какъ уже близко травянистые луга, и какія вскорѣ будутъ зеленыя поляны, на которыхъ пасется жирный скотъ; съ наслажденіемъ бесѣдовали о томъ, какое бываетъ у коровы полное вымя, какой у быка жирный горбъ, а у барановъ тяжелые курдюки, и далѣе мечтали о цѣлыхъ сараяхъ, наполненныхъ просомъ и кунжутомъ, о кувшинахъ съ *цогой, помбэ* и другими вкусными и крѣпкими напитками, и о пристани на озерѣ, гдѣ на якорѣ стоятъ пароходы бѣлаго человѣка.

Всѣ съ радостью ожидали выступленія въ походъ, отдохнули уже достаточно. Человѣкъ двадцать пожалуй еще нуждались въ дальнѣй-

шей остановкѣ недѣли на двѣ, но и они на мой взглядъ уже успѣли значительно окрѣпнуть, такъ что при должномъ кормленіи и безъ всякой ноши могли безъ вреда для себя идти съ нами.

24 ноября, на разсвѣтѣ яснаго утра, суданскій трубачъ затрубилъ такъ живо и весело, что этотъ звукъ радостно отдался въ душѣ каждаго изъ людей. Они такъ бодро кричали: тутъ, тутъ, господинъ, сейчасъ готовы!—что это выступленіе напомнило мнѣ давнишніе эпизоды моихъ прежнихъ экспедицій, а въ нынѣшней ничего подобнаго еще не бывало. Офицерамъ не пришлось выбиваться изъ силъ, подгоняя лѣнивцевъ и запоздалыхъ; ни одного отсталаго въ лагерѣ не оказалось. На всѣхъ лицахъ сіяла надежда, впереди ожидалось изобиліе всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Развѣдчики изучили дорогу на два дня впередъ и не могли нахвалиться обиліемъ и величиной банановыхъ гроздьевъ, распространявшихъ благоуханіе спѣлыхъ плодовъ, и цѣлыми плантаціями бататовъ, и волнистыми нивами кукурузы, и т. д., и т. д. Зато на сей разъ нечего было заботиться о томъ, на кого взвалить тотъ или другой вьюкъ, гдѣ взять носильщиковъ,—люди сами наперерывъ разобрали всю груду багажа, съ хохотомъ дрались изъ-за тюковъ и ящиковъ, а офицеры съ радостными лицами только посмѣивались, на нихъ глядя, и провожали ихъ благодарнымъ взглядомъ.

Мы выступили изъ селенія въ самомъ счастливомъ настроеніи духа. Проклятые маньюмы остались позади, а впереди рисовались нашему воображенію восхитительныя картины, пасторальные виды и наконецъ великое озеро, на берегахъ котораго привѣтствуетъ насъ признательный паша и не менѣе его признательное войско.

Въ три четверти часа мы дошли до деревни Боріо (самаго старшину мы отпустили наканунѣ). Это была длинная, правильная улица, шириною въ 33 фута (10 метровъ), окаймленная четырьмя длинными и низкими зданіями, длиною до 400 метровъ. Судя по числу дверей, община, къ которой принадлежалъ Боріо, состояла изъ пятидесяти двухъ семействъ. Жилище старшины было отмѣчено громаднымъ кускомъ дерева, въ 4 фута ширины, 6 футовъ вышины и въ 2 дюйма толщины; изъ этого куска была вырѣзана дверь, имѣвшая форму ромба.

Широкіе навѣсы возвышаются на десять футовъ надъ землей, а ширина самихъ домовъ тоже 10 футовъ. Спереди навѣсъ выступаетъ впередъ на 30 дюймовъ, сзади на 2 фута.

За строеніями разстилаются по ровному и холмистому грунту поля, сады, плантаціи, а за ними тотчасъ темной стѣной высится дремучій лѣсъ, угрюмый и зловѣщій. Общій видъ деревни Боріо былъ

уютнѣе и привлекательнѣе всѣхъ видѣнныхъ нами въ долинѣ Арухуими. За двѣсти шаговъ отъ западнаго края деревни протекаетъ чистый и прозрачный ручей, изобилующій рыбой изъ породы сомовъ.

Послѣ короткой остановки мы продолжали путь и углубились въ чащу лѣса. За четыре мили отъ селенія мы перешли черезъ болото, по которому особенно роскошно разрослись пальмы Рафія; тутъ мы сдѣлали привалъ для завтрака. Послѣ полудня я предпринялъ, въ видѣ опыта, сосчитать, сколько шаговъ я дѣлаю въ часъ, и отмѣрялъ пространство въ 200 метровъ, чтобы узнать сколько дюймовъ въ шагу; оказалось, что средняя скорость ходьбы по лѣсной тропинѣ равняется 4800 шагамъ въ часъ; каждый шагъ длиной 26 дюймовъ (около 15 вершковъ), слѣдовательно я прохожу 3470 ярдовъ, то есть около трехъ верстъ въ часъ. Въ 3 часа мы расположились лагеремъ въ громадномъ селеніи пигмеевъ. Отсюда въ разныя стороны четыре дороги ведутъ къ другимъ селеніямъ.

Здѣшняя мѣстность, очевидно, пользуется особенными симпатіями населенія, потому что лужайка вокругъ деревни сильно утоптана и приспособлена къ играмъ, сборищамъ и различнымъ упражненіямъ. Лѣсная чаща кругомъ совсѣмъ нетронутая.

25-го, послѣ перехода въ 8½ миль, мы пришли въ Индемуани. Тропинка шла по водораздѣлу между рѣками Итури и Ихуру. Селеніе имѣло овальную форму, а постройка домовъ сходная съ тѣмъ, что мы видѣли у Боріо. Кругомъ деревни раскинулись роскошныя банановыя рощи, поля кукурузы, табаку, бобовъ и томатовъ. На просѣкѣ, пробираясь черезъ массы наваленнаго лѣса, одинъ изъ нашихъ людей забрался на громадную груду валежника, оттуда упалъ и сломалъ себѣ шею.

Изъ Индемуани мы прошли 26-го числа къ западному Индендуру по очень мокрому и вязкому грунту. На каждой милѣ приходилось перебираться черезъ ручьи. Древесные стволы, отъ корней до вершины, одѣты были влажнымъ мохомъ, съ котораго капала вода. Даже кусты и ліаны были имъ покрыты.

Особенностью нашего пути въ этотъ день была широкая дорога, проложенная и расчищенная на протяженіи трехъ миль и упиравшаяся въ большую деревню пигмеевъ, которые, очевидно, очень недавно ушли отсюда. Мы насчитали девяносто двѣ хижины, изъ чего можно заключить, что тутъ живетъ до девяноста двухъ семействъ.

Одна изъ хижинъ, получше другихъ, принадлежала вѣроятно мѣстному начальству. Мы видѣли уже до двадцати селеній лѣсныхъ пигмеевъ, но ни одного изъ обитателей не встрѣчали, кромѣ той хо-

рошенькой женщины, что жила въ ставкѣ Угарруэ,—миніатюрной Гебы, какъ мы ее называли.

Когда лейтенантъ Стэрсъ отправлялся на развѣдки изъ Ибуири, онъ доходилъ и до западнаго Индендуру, и конечно оставилъ селеніе въ цѣлости; но только потому что онъ тамъ останавливался, жители сожгли свою деревню послѣ его ухода. Мы замѣтили также, что Балессэ рѣдко ѣдятъ продукты одного и того же поля два года сряду; какъ только плантація банановъ дастъ плодъ, ее бросаютъ и разводятъ такую-же въ другомъ мѣстѣ; также поступаютъ и съ полями кукурузы,—расчиствивъ мѣсто въ лѣсу, засѣваютъ его и какъ только соберутъ жатву—забрасываютъ, предоставляя ему снова одичать.

По всему видно, что они то и дѣло сажаютъ бананы и подготовляютъ почву подъ кукурузу, что объясняетъ существованіе обширныхъ просѣкъ, черезъ которые намъ пришлось проходить, и тѣ гигантскія кучи деревьевъ, которыя покрываютъ почву на далекія пространства. Для посадки банановъ они вырубаютъ только кусты и подлѣсокъ, и сажаютъ молодые побѣги въ неглубокія ямки, прикрывая ихъ землею лишь на столько, чтобы удержать въ стоячемъ положеніи.

Затѣмъ они сводятъ весь лѣсъ кругомъ и оставляютъ деревья валяться какъ попало. Мѣсяцевъ черезъ шесть банановые побѣги великолѣпно разростаются въ тѣни, середи торчащихъ корней и гніющихъ вѣтокъ, и выростаютъ футовъ въ восемь вышиной; черезъ годъ они уже приносятъ плоды. Кукуруза напротивъ того любитъ солнце, слѣдовательно деревья срубаютъ подъ самый корень, и для этого строютъ цѣлые помосты, вышиной отъ 10 до 20 футовъ. Бревна рѣжутся на куски и ихъ или расщепляютъ на грубыя доски для обшивки домовъ, или выдалбливаютъ корытами и желобами, для приготовленія вина изъ банановъ. Всѣ вѣтки собираютъ въ кучи и валятъ вокругъ плантацій, предоставляя имъ перегнивать, но никогда не сожигаютъ этихъ отбросовъ, чтобы не истощить почву; такъ какъ поверхность ея богата черноземомъ, то могла бы прогорѣть насквозь, до глинистаго слоя.

Принимая во вниманіе какой тяжкій трудъ сопряженъ съ расчисткой хотя бы малѣйшей части первобытнаго лѣса, намъ показалось очень глупымъ со стороны Балессэ, что они сожгли свои деревни изъ-за того только, что чужіе люди переночевали тамъ одинъ разъ; но это доказываетъ главнымъ образомъ угрюмое упрямство и нелюдимость этого народа.

Селеніе Боріо, напримѣръ, строилось по крайней мѣрѣ цѣлый годъ. Населеніе самой многолюдной деревни, какую мы видѣли, не превы-

шало 600 душъ; но дивясь силѣ ихъ предубѣжденія, мы должны отдать справедливость ихъ удивительному искусству, трудолюбію, безграничному терпѣнію и настойчивости, съ которой они могутъ достигать такихъ великолѣпныхъ результатовъ.

Восточное Индендуру оказалось также превосходно выстроеннымъ селеніемъ и поразило насъ своею опрятною внѣшностью; зато внутри жилища просто кишѣли всякою нечистью. Улица была такъ узка, по сравненію съ высотой окаймлявшихъ ее строеній, что если бы ночью случился пожаръ, по крайней мѣрѣ половина населенія сгорѣла бы непремѣнно. Здѣшніе домики были выше чѣмъ у Боріо, такъ какъ зданія тянулись на нѣсколько сотъ метровъ въ длину и притомъ имѣли по одному только главному входу съ восточнаго конца, то на случай пожара они представляли самыя серьезныя опасности. Предъ тѣмъ какъ залѣзать въ эти западни мы приняли всевозможныя мѣры предосторожности противъ огня.

Въ полѣ оказалось множество спѣлыхъ бобовъ съ темными зернами, которыхъ люди наши набирали полные мѣшки. Они вдоволь полакомились также сокомъ сахарнаго тростника.

Мы находились подъ 1° 22½′ сѣверной широты, на южной сторонѣ водораздѣла; отсюда всѣ ручьи и потоки направлялись къ Итури.

28-го мы сдѣлали привалъ въ восточномъ Индендуру и разослали въ разныя стороны три партіи развѣдчиковъ, для ознакомленія съ общимъ направленіемъ исходящихъ отсюда путей. Мы уже довольно натерпѣлись отъ того, что столько времени сами пробивали себѣ дорогу по лѣсамъ и разъ попавъ на торную тропу, намъ ужасно нехотѣлось снова приниматься за этотъ скучный трудъ.

Партія Джефсона отправилась на юго-юго-востокъ, потомъ повернула на югъ и къ полудню воротилась съ извѣстіемъ, что эта дорога совсѣмъ для насъ не годится. Партія Решида ходила на востокъ-сѣверо-востокъ, повернула къ сѣверу и прошла двѣ небольшія деревни; изъ которыхъ одна тропинка заворачивала на югъ, а другая къ сѣверо-востоку. Идя по этой послѣдней, онъ наткнулся на лагерь дикарей; произошла легкая стычка, туземцы разбѣжались, а побѣдителямъ достались девять жирныхъ козъ, изъ которыхъ впрочемъ только пять достигли нашего лагеря. Этотъ путь для насъ тоже не годился. Третья партія, подъ предводительствомъ опытнаго піонера, отыскала тропинку на востокъ. По этой мы и рѣшились идти.

29-го выйдя изъ Индендуру, мы въ полдень пришли въ Индепессу, а послѣ полудня, повернувъ къ сѣверу, достигли селенія Бабуру; слѣдовательно, въ пять часовъ времени мы прошли разстояніе около десяти миль, что для пѣшеходовъ очень не дурно.

На другое утро, послѣ полуторачасовой ходьбы по изрядной тропинкѣ, мы очутились вдругъ передъ расчищенной просѣкой, простиравшейся навѣрное на сто десятинъ. Деревья были очень недавно срублены. Это обозначало нашествіе какого нибудь могущественнаго племени; или же недавнее переселеніе на новое мѣсто исконныхъ туземцевъ, которыхъ притомъ довольно много и они вознамѣрились устроиться съ нѣкоторымъ комфортомъ. Пойманная женщина изъ племени Уабуру провела насъ по самой серединѣ этихъ лѣсныхъ развалинъ, одинъ видъ которыхъ наводилъ на насъ ужасъ. Часъ спустя мы были уже на той сторонѣ; дѣло не обошлось конечно безъ ушибовъ и ободранныхъ ногъ, но зато дальше тропинка вывела насъ на легкій подъемъ по отлогому склону длиннаго холма. По обѣимъ сторонамъ дороги въ лощинахъ виднѣлись безконечныя рощи банановъ и множество садовъ, дурно содержанныхъ, и наполненныхъ зеленью и тыквами. За полчаса ходьбы отъ вершины холма, мы были уже на такой высотѣ, что возымѣли надежду вскорѣ увидѣть болѣе обширный пейзажъ чѣмъ тѣ, къ которымъ привыкли за послѣднее время; съ этой мыслью мы бодро карабкались вверхъ и прошли цѣлымъ рядомъ селеній, расположенныхъ по скату холма. Деревни въ этихъ мѣстахъ представляютъ собою хорошо-утоптанныя улицы, шириною отъ сорока до шестидесяти футовъ. Деревнями этого типа мы шли уже болѣе мили, мимо длинныхъ низкихъ зданій отличной постройки, какъ вдругъ мы увидѣли, что самый передовой развѣдчикъ авангарда быстро побѣжалъ назадъ, намъ навстрѣчу. Онъ закричалъ мнѣ, чтобы я взглянулъ на востокъ, и что же? Посмотрѣвъ въ ту сторону, я увидѣлъ желанныя очертанія разнообразной мѣстности; пастбища въ перемежку съ лѣсами, ровныя поляны и зеленые склоны лощинъ и холмовъ, каменистыя гряды и округленныя горныя вершины, словомъ настоящую «страну холмовъ и долинъ, питающихся росой небесной». Эта открытая страна была обильно орошена, что ясно было видно по неправильнымъ очертаніямъ лѣсовъ, обозначавшихъ направленіе рѣчекъ, и по отдѣльнымъ группамъ деревьевъ, однѣ вершины которыхъ выставлялись изъ-за отлогихъ береговъ.

Дремучій лѣсъ, въ которомъ мы столько мѣсяцевъ были похоронены и только теперь увидѣли его предѣлъ, повидимому простирался все въ томъ же духѣ на сѣверо-востокъ; но къ востоку начиналась совсѣмъ иная область, страна травянистыхъ луговъ, равнинъ и горъ, съ разбросанными тамъ и сямъ рощами, группами и рядами деревьевъ, вплоть до цѣпи холмовъ, замыкавшихъ горизонтъ и у подножія которыхъ, какъ мнѣ было извѣстно, находилась цѣль моихъ долговременныхъ странствій и стремленій.

Такъ вотъ, наконецъ, такъ долго жданный исходъ отъ мрака къ свѣту! По этому я назвалъ Пизгой высокую вершину въ концѣ лѣсистаго хребта, на склонѣ котораго мы стояли, и возвышавшуюся въ двухъ миляхъ къ востоку отъ насъ на 4600 футовъ надъ уровнемъ моря,—Пизгой, потому что послѣ 156 дней сумрака въ тѣни первобытныхъ лѣсовъ, мы впервые отсюда увидѣли желанныя пастбища Экваторіи.

Люди спѣшили взбираться на гору и въ ихъ жадныхъ взорахъ безъ словъ можно было угадать вопросъ: — правда-ли это? Неужели насъ не обманываютъ? И можетъ ли быть чтобы насталъ конецъ этому проклятому лѣсу?

Черезъ нѣсколько минутъ, сложивъ на землю вьюки и вперивъ глаза вдаль, они съ восхищеннымъ изумленіемъ убѣдились, что это правда.

— Да, друзья, правда! По милости Божіей, кажется скоро будетъ конецъ нашимъ невзгодамъ и стѣсненіямъ!

Они страстно протягивали руки къ этой роскошной странѣ и подымали глаза къ небу, въ безмолвной благодарности, въ оцѣпененіи. Когда же они насытили свои взоры несравненнымъ зрѣлищемъ и съ глубокимъ вздохомъ облегченія пришли въ себя, они обернулись назадъ и глядя на темныя стѣны дремучаго лѣса, простиравшагося къ западу въ безконечную даль, подняли руки и потрясая кулаками, разразились противъ него ругательствами и проклятіями. Въ порывѣ внезапнаго раздраженія, они осыпали лѣсъ упреками въ жестокости къ нимъ и къ ихъ соотчичамъ; уподобляли его аду, обвиняли въ гибели сотни своихъ товарищей, называли грибной пустыней; а великій лѣсъ, разстилавшійся передъ ними громаднымъ материкомъ и дремавшій, на подобіе гигантскаго звѣря въ темнозеленой шкурѣ, едва подернутой голубоватой дымкой испареній, безмолвно покоился въ своемъ мрачномъ величіи, по прежнему безучастный, неумолимый и безпощадный.

Съ юго-востока къ югу тянулась цѣпь горъ, вышиною отъ 6000 до 7000 футовъ надъ уровнемъ моря. Плѣнная женщина показала, что намъ предстоитъ идти на юго-востокъ для достиженія великой воды, которая „съ шумомъ ударяясь о берега, вѣчно волнуется и передвигаетъ песокъ". Но такъ какъ мы находились теперь подъ 1° 22′ сѣв. шир., т. е. на одной параллели съ цѣлью нашего странствія,—Кавалли,—то я предпочелъ направиться прямо на востокъ.

Старый Боріо, старшина въ Ибуири, описавъ рукою широкій полукругъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, говорилъ намъ, что таково теченіе рѣки Итури, и что она начинается въ равнинѣ, у подошвы высокаго холма. или ряда холмовъ. Къ юго-востоку отъ горы Пизга

не видать было равнины, а скорѣе глубокая, лѣсистая долина, и, на сколько можно было разсмотрѣть отсюда, всѣ горы были до самой вершины покрыты лѣсомъ. Пятимѣсячнаго странствія по непрерывнымъ лѣсамъ показалось намъ за-глаза довольно; хотѣлось наконецъ испытать что нибудь другое, хотя бы ради разнообразія нашихъ бѣдствій. По этой причинѣ я отклонилъ совѣтъ направляться къ „великой водѣ" на юго-востокъ и мы пошли просто къ востоку.

Въ деревнѣ Бакуру, гдѣ мы расположились на ночлегъ, мы нашли нѣчто въ родѣ жилетовъ изъ толстой буйволовой кожи, которыми наши люди тотчасъ завладѣли, полагая, что это очень пригодно для защиты противъ дикарскихъ стрѣлъ травянистой области.

1 декабря мы обратно спустились съ горы и пошли по тропинкѣ, ведшей на востокъ. Вскорѣ намъ пришлось подняться по другой отлогости на уступъ, пониже вершины горы Пизга, и тутъ анероидъ показалъ намъ самое высокое давленіе, какого мы до сихъ поръ достигали. Съ этого уступа тропинка свела насъ опять внизъ, на средній уровень мѣстности. Дорогъ было много, всѣ онѣ были торныя и перекрещивались между собою, но одна все-таки казалась наиболѣе значительною; идя по ней, мы въ 11 час. 15 мин. дня пришли въ обширное селеніе Аюгу, и застали его конечно уже опустѣлымъ, такъ проворно эти лѣсные дикари бываютъ извѣщены о прибытіи иноземцевъ. Улица этой деревни была шириною въ 40 футовъ.

Въ лѣсу, между подошвою горы Пизга и деревней Аюгу, мы замѣтили чрезвычайную сухость почвы, что было прямою противуположностью той чрезмѣрной влажности, которая замѣчалась отъ Индендуру до Ибуири. Опавшіе древесные листья были слегка сморщены и хрустѣли подъ ногами, а самая тропинка, хотя все еще шедшая въ лѣсной тѣни, имѣла оголенный и пыльный видъ, точно дорога черезъ обыкновенную деревенскую улицу.

Послѣ полуденнаго роздыха мы шли еще часа два и придя въ небольшой поселокъ, состоявшій изъ трехъ хижинъ коническаго типа, стали лагеремъ около него. Хотя десять миль было уже пройдено, но всѣ окружавшія насъ условія были еще таковы, какъ будто мы за сотни миль отъ желанной страны. Вокругъ насъ былъ все тотъ же густой и высокій лѣсъ чисто тропическаго характера, темные шатры деревьевъ соединялись между собою перепутанными ліанами, а въ тѣни ихъ ютилась непроницаемая чаща подлѣска. Однако, въ одной изъ хижинъ мы нашли стрѣлу совсѣмъ другого фасона чѣмъ тѣ, что мы видѣли до тѣхъ поръ. Она была длиною въ двадцать восемь дюймовъ и наконечникъ ея, въ три дюйма, имѣлъ форму копья. Стержень ея, изъ легкаго тростника, былъ разукрашенъ тонкими на-

сѣчками; крылышкомъ служилъ треугольный кусочекъ тонкой, козловой кожи, а не листокъ и не лоскутокъ чернаго сукна, какъ было до сихъ поръ. Мы нашли еще цѣлый колчанъ, набитый стрѣлами лѣсныхъ дикарей: эти были длиною въ 20 дюймовъ, и всѣ наконечники различной формы, хотя у всѣхъ концы были съ загнутыми зубцами и убійственно заострены.

2 декабря, вскорѣ по выступленіи изъ лагеря, мы сбились съ проторенной тропы и стали наугадъ пробираться по перепутаннымъ слѣдамъ слоновъ и буйволовъ. Одинъ изъ нашихъ занзибарцевъ, очень глупый малый, увѣрилъ насъ, что, бродя по окрестностямъ прошлою ночью, онъ выходилъ на открытую поляну и можетъ проводить насъ туда. Мы ему повѣрили, вскорѣ совсѣмъ потеряли слѣды, и начали кружить по лѣсу на удачу, какъ въ былое время. Послѣ трехчасовыхъ странствій къ сѣверо-востоку мы наткнулись на деревню, коническія крыши которой оказались крытыми травой. Это важное открытіе возбудило радостные клики. Одинъ бѣднякъ такъ и кинулся на эту траву и сталъ цѣловать ее. Такимъ образомъ мы встрѣтили уже двѣ характерныя черты страны пастбищъ: коническую хижину и травяную крышу. Такъ какъ былъ уже полдень, мы остановились отдохнуть и нѣсколько молодыхъ людей воспользовались этимъ временемъ, чтобы сходить на развѣдки. Вскорѣ они воротились и принесли связку зеленой травы, встрѣченной всеобщимъ восторгомъ и съ такимъ благоговѣніемъ, съ какимъ Ной и его семейство должны были привѣтствовать голубицу съ оливковой вѣткой. Однакожь развѣдчики объяснили, что тропинка, ими избранная, упиралась въ болото; а такъ какъ ничего нѣтъ хуже какъ идти по болоту съ тяжелыми грузами, то мы выступили по направленію къ юго-юго-востоку и черезъ полтора часа дошли до Индесуры, селенія или вѣрнѣе округа, состоящаго изъ нѣсколькихъ небольшихъ поселковъ съ коническими хижинами и травяными крышами. Тутъ мы заночевали.

На одной изъ хижинъ крыша была худая и понадобилось ее починить. Одинъ изъ нашихъ залѣзъ на нее и беззаботно оглядываясь кругомъ, внезапно оживился, осѣнилъ глаза рукой, пристально сталъ смотрѣть вдаль, и вдругъ завопилъ на всю деревню:—Я вижу травянистую страну. О, да еще какъ близко!

— Ого!—отозвался насмѣшливо другой: ты не видишь ли ужь и озера, и пароходъ, и пашу, котораго мы ищемъ?

Однако извѣстіе это многихъ взволновало: трое влѣзли на крыши, съ ловкостью дикихъ кошекъ, другіе полѣзли на деревья, а одинъ смѣльчакъ залѣзъ на такое высокое дерево, на которое не всякая обезьяна отважилась бы; и всѣ хоромъ восклицали:

— А вѣдь правда, сущая правда, травяные луга совсѣмъ близко, а мы и не знали того! Да они отсюда всего на одинъ выстрѣлъ изъ лука! Ну ужь, когда мы доберемся до нихъ, прощай слѣпота и темота!

Одинъ изъ людей пошелъ за водой къ рѣкѣ, протекавшей тутъ же, и увидѣлъ старуху, вылѣзавшую изъ кустовъ. Онъ бросилъ кувшинъ и кинулся на нее. Старуха была крѣпкая и упрямая, какъ часто бываетъ со старухами, передъ тѣмъ какъ онѣ впадаютъ въ ребячество, и изъ всѣхъ силъ старалась вырваться изъ его рукъ. Будь она сама графиня Сольсбери, она защищалась бы не съ большимъ отчаяніемъ, но врагъ былъ гораздо сильнѣе ея и таки притащилъ ее въ лагерь. Съ помощью одобрительныхъ улыбокъ, любезностей и предложенія выкурить длинную трубку, которую мы сами для нея набили, намъ удалось узнать отъ нея, что мы находимся въ Индесурѣ, что здѣсь живетъ племя Уаніасура, и жители утоляютъ свою жажду водою изъ Итури.—Какъ, гдѣ-же Итури?—Да, вотъ Итури, тутъ вблизи.—Далѣе мы узнали, что въ нѣсколькихъ дняхъ пути отсюда на востокъ есть другая рѣка, большая и широкая, гораздо шире Итури, и по ней ходятъ большіе челноки, величиной съ цѣлый домъ (т. е. 10 футовъ), а на нихъ могутъ плавать 6 человѣкъ (sic!); въ нѣсколькихъ дняхъ пути къ сѣверу живетъ могущественное племя Банзанза, а на востокъ отъ нихъ другой народъ—Баканди, и у тѣхъ, и у другихъ есть большіе стада скота, а сами они храбры, воинственны, и всего у нихъ много, скота, денегъ и мѣдной проволоки.

У нашей престарѣлой плѣнницы была повидимому страсть къ украшеніямъ, но довольно странный вкусъ; такъ напримѣръ въ верхнюю губу она вставила себѣ деревянный кружокъ, величиной съ большую пуговицу отъ пальто. Сообщивъ намъ все изложенное выше, она опять застыдилась и на нее напалъ новый припадокъ упрямства: она злобно косилась на всѣхъ насъ, но вдругъ сдѣлала исключеніе въ пользу одного безбородаго и робкаго юноши, на котораго стала посматривать съ величайшею нѣжностью; но глупый юноша, приписывая ея старческое безобразіе колдовству, испугался и убѣжалъ.

Инде-сура—и, по нашимъ позднѣйшимъ наблюденіямъ, всѣ селенія, расположенныя на опушкѣ лѣсовъ—отличалось замѣчательнымъ разнообразіемъ и совершенствомъ своихъ продуктовъ. Въ большей части хижинъ мы находили большія корзины, наполненныя превосходнымъ табакомъ, вѣсомъ отъ 20 до 50 фунтовъ въ каждой, словомъ такое множество табаку, что каждый изъ нашихъ курильщиковъ получилъ на свою долю отъ 5 до 10 фунтовъ. Старуха называла его *таба*; въ Ибуири его звали *табо*. Вслѣдствіе плохой просушки, этотъ

табакъ былъ не довольно душистъ, но курится отлично. Можно выкурить 50 трубокъ въ день и все-таки не получится того воздѣйствія на нервы, которое производитъ напримѣръ табакъ, извѣстный подъ названіемъ «кэвендишъ». Но изрѣдка между листьями попадаются экземпляры темно-бураго цвѣта съ мелкими пятнами селитры, и эти отличаются совсѣмъ другими свойствами. Двое изъ нашихъ офицеровъ, думая, что именно этотъ табакъ высшаго сорта, выкурили по трубкѣ и тотчасъ почувствовали себя отвратительно. Если же такіе листья отобрать и выбросить, табакъ очень пріятенъ и безвреденъ, что явствуетъ уже изъ того, что у трубокъ здѣшняго образца чашки вмѣщаютъ до полу-пинты табаку. Во всѣхъ краяхъ, поблизости отъ пастбищъ, это растеніе разводится во множествѣ для сбыта пастухамъ и табунщикамъ, которые платятъ за него мясомъ своего скота.

Здѣсь разводятъ также очень много рицины, изъ которой добывается касторовое масло. Такъ какъ намъ нужно было пополнить походную аптеку этимъ снадобьемъ, мы набрали плодовъ рицины, поджарили ихъ, истолкли въ деревянной ступкѣ и выжали изрядное количество масла, оказавшаго превосходное дѣйствіе. Впрочемъ оно намъ нужно было не только какъ лекарство, но и для смазки ружей; кромѣ того люди употребляли его для натиранія тѣла, что придавало имъ видъ свѣжій, бодрый и опрятный.

Узнавъ, что четверо изъ нашихъ развѣдчиковъ куда то ушли и не возвращаются, я послалъ Решидъ-бинъ-Омара съ двадцатью людьми разыскивать ихъ. На другое утро ихъ нашли, привели, и къ моему удивленію наши четыре бѣглеца, подъ предводительствомъ неисправимаго Джума-Уазири, пригнали двадцать штукъ отличныхъ козъ, которыхъ они захватили хитростью. Мнѣ не разъ хотѣлось наказать Джуму въ примѣръ прочимъ, но негодяй приходилъ всегда съ такимъ безобиднымъ и покорнымъ видомъ, что на него рука не подымалась. Его лицо, красиваго абиссинскаго типа, дышало глубокимъ лицемѣріемъ, рѣшительно портившимъ впечатлѣніе благообразія. Человѣку изъ племени Мхума, Масаи, Мтатуру или Галля непремѣнно нужно мяса, даже больше чѣмъ англичанину. По его убѣжденіямъ совсѣмъ не стоитъ жить на свѣтѣ, если нельзя хоть изрѣдка поѣсть говядины. По этому я только лишній разъ выругалъ Джуму и утѣшился мыслію, что не долго ему ходить развѣдчикомъ, наткнется же онъ когда нибудь на дикарей, по силѣ и смѣлости равныхъ ему, и тутъ сложитъ свою голову.

Въ тотъ день выступленіе наше было неудачно: отойдя на нѣсколько сотъ шаговъ отъ деревни мы увидѣли, что рѣка тутъ очень глубока, и хотя шириной не больше сорока ярдовъ (35 метровъ),

но за то быстрота ея теченія равняется двумъ съ половиною милямъ въ часъ. Старуха увѣряла, что это и есть Итури. Удивляясь тому, что рѣка, которая между Ипото и Ибуири вдесятеро шире, могла такъ скоро превратиться въ узкій потокъ, мы воротились еще на одинъ день въ Инде-Суру и я тотчасъ послалъ Стэрса и Джефсона съ достаточнымъ числомъ людей обратно по вчерашней тропинкѣ, искать брода черезъ Итури.

Въ 4 часа пополудни они возвратились и донесли, что нашли бродъ за полторы мили повыше, и сами побывали на луговой сторонѣ, въ доказательство чего принесли пучокъ свѣжей и сочной зеленой травы. Тѣмъ временемъ Уледи, съ другой партіей людей, нашелъ уже другой бродъ, еще ближе къ Индесурѣ, гдѣ вода была по-поясъ.

Вечеромъ этого дня во всемъ мірѣ не могло быть толпы людей счастливѣе насъ, стоявшихъ лагеремъ въ Инде-сурѣ. Завтра мы распростимся съ лѣсомъ! Она тутъ, подъ бокомъ, обѣтованная страна, которая грезилась намъ въ часы тяжелой дремоты и оцѣпененія во дни голодныхъ странствій. Въ нашихъ походныхъ котлахъ было вдоволь сочнаго мяса, на блюдахъ жареныя и вареныя куры, похлебка изъ кукурузы, каша изъ банановъ и груды спѣлыхъ банановъ на десертъ. Что мудренаго, что люди были такъ веселы и всѣ—за исключеніемъ десяти или двѣнадцати человѣкъ—толще и здоровѣе чѣмъ были въ моментъ отплытія изъ Занзибара.

4-го декабря мы выступили изъ Инде-суры и подошли къ переправѣ. Въ этомъ мѣстѣ вода была по поясъ, а ширина рѣки около 45 метровъ (36 сажень). Анероиды показывали высоту 3050 футовъ надъ уровнемъ океана, стало быть на 1850 футовъ выше уровня рѣки у пристани въ Ямбуйѣ и на 2000 футовъ выше уровня Конго у Стэнли-Пуля.

Переправившись черезъ Итури мы вошли въ узкую полосу чрезвычайно высокихъ деревьевъ, окаймлявшихъ лѣвый берегъ, и остановились подождать, пока вся колонна перейдетъ въ бродъ. Затѣмъ мы пустили впередъ мистера Монтенея Джефсона и онъ повелъ насъ широкой слоновьей тропой, длиною не больше 80 сажень, которая, къ неописанной нашей радости, вывела насъ на открытую, волнистую равнину, зеленую какъ англійская лужайка, залитую яркимъ свѣтомъ радостнаго дня и обвѣянную душистымъ, теплымъ воздухомъ, дышать которымъ было чистое наслажденіе.

Судя по собственнымъ ощущеніямъ, думаю, что всѣ какъ будто помолодѣли лѣтъ на двадцать, почуявъ подъ ногами мягкій дернъ и молодую траву. У всѣхъ словно вдругъ ноги окрѣпли; мы шли какимъ-то необыкновеннымъ шагомъ и наконецъ, не будучи въ силахъ

удержать своего восторга, весь караванъ побѣжалъ бѣгомъ. Сердца наши переполнились ребяческимъ весельемъ. Никогда еще синее небо не казалось намъ такимъ необъятнымъ, чистымъ и яснымъ; даже на солнце мы смотрѣли прямо, не боясь его ослѣпительныхъ лучей. Молодая травка, пробившаяся вслѣдъ за прошлогодней, выжженной всего лишь мѣсяцъ тому назадъ, колыхалась отъ дуновенія мягкаго вѣтра, и поворачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ будто хотѣла показать намъ всѣ оттѣнки своей нѣжной зелени. Птицы, такъ давно невиданныя, летали и парили въ сіяющей вышинѣ. На небольшомъ холмѣ стояли антилопы и лани: онѣ очень удивились, на насъ глядя, и выразили это фырканьемъ и прыжками, но не убѣжали; могу сказать, что и мы были удивлены не меньше ихъ. Стадо буйволовъ, лежавшихъ въ травѣ, съ изумленіемъ подняло головы: они пристально посмотрѣли на пришельцевъ, потревожившихъ ихъ спокойствіе, медленно поднялись и ушли подальше. Передъ глазами нашими разстилалась прелестная страна, на сотню квадратныхъ миль повидимому пустынная, по крайней мѣрѣ сразу мы не могли еще разсмотрѣть всѣхъ подробностей. Зеленые луга простирались далеко вокругъ; мягкія очертанія травянистыхъ пригорковъ пересѣкались извилистыми рядами тѣнистыхъ деревьевъ, росшихъ въ лощинахъ; свѣтло-зеленые холмы испещрены были группами темнаго кустарника, изъ котораго тамъ и сямъ возвышались по одиночкѣ стройныя, высокоствольныя деревья; а дальше опять равнина, опять луга и пастбища, вплоть до отдаленной цѣпи горъ, угрюмо заграждавшихъ горизонтъ на востокѣ, а за ними, думалось намъ, въ глубокой котловинѣ должно покоиться синее озеро Альберта. Караванъ бѣжалъ впередъ, пока не задохнулся, и остановились мы только тогда, когда выбились изъ силъ. Вѣдь и этого удовольствія мы уже давно не испытали.

Мы взошли на вершину холма и начали упиваться прелестью этого несравненнаго зрѣлища, такъ долго бывшаго предметомъ нашихъ думъ и мечтаній, пока наконецъ „радость наша не сравнялась по силѣ со временемъ нашей горести и удрученія“. На всѣхъ лицахъ отражалось счастіе отъ созерцанія такой красоты, они сіяли удовлетвореніемъ своихъ завѣтныхъ грезъ. Недовѣрія, унынія—какъ не бывало: мы точно вырвались изъ душной тюрьмы, сбросили оковы, изъ сырости и смрада попали въ атмосферу чистую, ароматную, а мракъ и тьма смѣнились для насъ божественнымъ свѣтомъ и здоровымъ воздухомъ. Мы обводили глазами едва замѣтную тропу, волнующуюся холмами равнину, всматривались въ разбросанныя на подобіе островковъ рощи, въ шелковистыя поляны вокругъ нихъ, слѣдили взоромъ за неправильною линіей лѣса, черною стѣной высивша-

гося за нами, и образовавшаго прихотливые изгибы, то отступая вглубь пейзажа, то выдаваясь впередъ, въ видѣ мысовъ и заливовъ. Всѣ малѣйшія подробности этого зрѣлища врѣзывались въ память на многіе годы. Если черезъ двадцать лѣтъ я буду живъ, стоитъ лишь напомнить мнѣ объ этой блаженной минутѣ всеобщаго, трепетнаго счастья, когда изъ всѣхъ устъ вылѣтала невольная дань хвалы и молитвы, — и она навѣрное тотчасъ воскреснетъ въ моей памяти.

Разсмотрѣвъ въ общихъ чертахъ новую мѣстность, съ практической цѣлью избрать путь, не преграждаемый ни рѣчками, ни болотами, я повелъ экспедицію на сѣверо-сѣверо-востокъ, къ каменистому возвышенію мили за 4 впереди, дабы попасть съ южной стороны къ грядѣ холмовъ, простиравшейся отъ этого возвышенія на востокъ и югъ. Я воображалъ, что тамъ можно будетъ подвигаться къ востоку по плоскогорью, безъ большихъ помѣхъ.

Придя къ подножію каменистой груды, возвышавшейся по правую руку отъ насъ футовъ на 300 надъ уровнемъ поляны, мы увидѣли, что тропинка, протоптанная звѣрями, къ сѣверо-востоку расширяется и превращается въ настоящую туземную дорогу; но мы пошли цѣликомъ по гребню холмовъ, чтобы не терять силъ на спуски и подъемы; молодая травка была такъ нѣжна, что нисколько не затрудняла хода. Но около полудня высокій бурьянъ не выжженной прошлогодней растительности началъ задерживать насъ, буквально ставя въ ноги частыя и здоровенныя палки. Но мы все-таки шли впередъ до половины перваго часа и порядочно утомившись, сдѣлали привалъ на берегу прозрачнаго ручейка.

Послѣ полудня одолѣли противуположный склонъ холма, и послѣ полуторачасоваго быстраго хода выбрали для ночлега мѣсто близь слiянія двухъ рѣкъ, протекавшихъ къ юго-востоку.

Нѣсколько неутомимыхъ молодцовъ, едва успѣвъ сложить свои ноши, отправились за провизіей по деревнямъ, которыя виднѣлись довольно далеко въ сторонѣ отъ нашего пути. Внезапность ихъ появленія среди туземцевъ такъ смутила послѣднихъ, что они допустили ихъ безпрепятственно унести множество куръ, сахарнаго тростника и гроздьевъ спѣлыхъ банановъ. Они принесли намъ также образцы оружія этой новой области: нѣсколько длинныхъ луковъ съ длинными же стрѣлами, тяжелые четвероугольные щиты, сдѣланные изъ двойного ряда плотныхъ прутьевъ, туго переплетенныхъ и связанныхъ растительными волокнами, и смазанныхъ какимъ-то клейкимъ веществомъ. Щиты были очень тонкой, искусной работы и непроницаемы ни для стрѣлъ, ни для копій. Кромѣ щитовъ, туземцы но

сили еще куртки изъ буйволовой шкуры, сквозь которыя повидимому и пули не проникали.

До описаннаго каменистаго холма путь нашъ пролегалъ параллельно опушкѣ лѣса, отдаляясь отъ нея то на милю, то на полмили, сообразно очертаніямъ лѣса, окаймлявшаго равнину зубцами, на подобіе водъ озера или моря, вдающагося въ берега.

Направленіе Итури,—черезъ которую мы прошли вбродъ и которую должны назвать западной Итури,—было на востокъ-юго-востокъ. Истоки этой рѣки отъ описаннаго брода, по моему, должны быть на разстояніи около 25 географическихъ миль къ сѣверо-сѣверозападу.

На другой день мы шли вверхъ по длинному склону, поросшему короткой травой, и дойдя до вершины, остановились, чтобы привести колонну въ лучшій порядокъ, на случай внезапной встрѣчи съ значительными боевыми силами; ибо до сихъ поръ мы вовсе не знали ни мѣстности, ни населенія, ни нравовъ того народа, среди котораго очутились. Избравъ тропинку, шедшую по гребню холма на юго-востокъ, мы вскорѣ потеряли всякіе слѣды; но такъ какъ все-таки мѣсто было высокое и съ него открывался видъ миль на двадцать кругомъ, мы могли выбирать направленіе по произволу. На сѣверовостокѣ виднѣлось селеніе, туда мы и направились, надѣясь оттуда воспользоваться торнымъ путемъ, потому что обширныя пространства, сплошь покрытыя бурьяномъ и бастыльникомъ аршина въ 4 вышиною, были ничѣмъ не лучше колючаго подлѣска. Въ высокой и густой травѣ тоже нельзя было быстро двигаться.

Проходя ложбинами, поросшими кустарникомъ, мы замѣтили на ихъ тинистомъ днѣ слѣды лапъ львовъ и леопардовъ, потомъ попали въ заросли колючей акаціи—тоже не малое бѣдствіе!—и наконецъ вышли на поля, засѣянныя просомъ, у селенія Мбири. Туземцы мигомъ провѣдали о нашемъ приближеніи и, убѣгая, послали намъ градъ своихъ длинныхъ стрѣлъ, на подобіе древнихъ пареянъ. Развѣдчики бросились впередъ, не взирая ни на какія препятствія, и успѣли схватить молодую женщину и мальчика лѣтъ двѣнадцати, для разспросовъ. Впрочемъ никакая продолжительная бесѣда съ ними не была возможна, такъ какъ мы имѣли самое смутное понятіе о мѣстныхъ нарѣчіяхъ; однако, съ помощью жестовъ и нѣсколькихъ именительныхъ намъ удалось узнать, что мы находимся въ округѣ Мбири, дорога на востокъ ведетъ въ страну Бабусессэ, а дальше за ними будетъ Абунгума, что было выслушано нами довольно равнодушно. Эти названія ровно ничего не говорили нашему воображенію,—все равно какъ и они ничего бы не поняли, если бы мы вздумали

разговаривать съ ними о Шекспирѣ, Мильтонѣ или даже о ея британскомъ величествѣ.

— А слыхали вы здѣсь о Мута-или Люта Нзиге?

Мотаютъ головой отрицательно.

— Объ Уніоро?

— Уніоро? Да, Уніоро далеко, тамъ!—показывая на востокъ.

— А большая вода близь Уніоро?

— Итури?

— Нѣтъ, не Итури; шире, гораздо шире Итури: такая какъ вотъ вся эта равнина.

Но тутъ эти злосчастные женщина и мальчишка не удовольствовались односложными звуками, но желая объяснить все какъ можно лучше, затараторили на своемъ языкѣ такъ усердно, что мы ужъ ровно ничего не могли понять и молча выжидали, покуда это кончится. Хорошо, что они взялись, по крайней мѣрѣ, проводить насъ къ Бабусессэ.

Хижины здѣсь строятся также какъ во всей центральной и восточной Африкѣ: двѣ трети вышины занимаетъ коническая кровля, а одну треть составляютъ стѣны. Такія хижины раскинуты въ банановыхъ рощахъ, на разстояніи около пяти сажень одна отъ другой. Между ними проложены тропинки, образующія настоящій лабиринтъ, изъ котораго чужеземцу ни за что не выбраться, безъ помощи мѣстнаго проводника. Къ каждой группѣ хижинъ принадлежатъ особые сараи или навѣсы, приспособленные для приготовленія кушанья, для общихъ собраній, для запасовъ топлива и иныхъ надобностей; были также маленькія кладовыя для сохраненія зерна, съ круглыми стѣнками, въ родѣ большой корзины, сплетенной изъ палочекъ и травы, крытыя также травою и приподнятыя надъ землей на пол-аршина, для защиты отъ сырости и гадовъ.

Наши люди собрали множество спѣлыхъ банановъ, изъ которыхъ туземцы приготовляютъ опьяняющій напитокъ—*маруа*. Нѣсколько козъ еще прибавилось къ нашему стаду, да дюжину куръ мы захватили съ собой: остального, по принятому обыкновенію, не трогали, и пустились дальше.

Дорога была торная, торговцы и другіе прохожіе утоптали ее до совершенной гладкости. Она шла къ востоку и юго-востоку, вверхъ и внизъ по холмамъ и долинамъ, поросшимъ травою. Около полудня мы остановились позавтракать въ тѣни прохладной рощи, а за деревьями слышался грохотъ водопада, опять Итури, какъ намъ сказали. Это мнѣ показалось страннымъ: за два дня передъ тѣмъ мы перешли черезъ Итури и все время преднамѣренно удалялись отъ его

долины, и вдругъ, на такой высотѣ, снова встрѣчаемъ туже рѣку, стремящуюся по горнымъ уступамъ.

Послѣ полудня мы шли часа полтора невдалекѣ отъ рѣки и пришли въ многолюдный округъ Бабусессэ. Въ тѣни обширнѣйшихъ банановыхъ плантацій, напомнившихъ мнѣ Уганду, ютилось великое множество хижинъ. Поля, засѣянныя просомъ, кунжутомъ, участки, засаженные сладкими бататами, окружали плантаціи и ясно показывали, что тутъ населеніе густое и земля тщательно воздѣлывается.

Передъ вступленіемъ подъ тѣнь банановъ, мы выстроились въ боевомъ порядкѣ и сплотили колонну. Въ авангардѣ сталъ отрядъ, вооруженный винчестерами, а въ аріергардѣ, подъ начальствомъ Стэрса, такой-же отрядъ, снабженный ремингтоновскими ружьями. Но какъ мы ни уговаривали людей беречься и невыходить изъ рядовъ, какъ только авангардъ прошелъ благополучно впередъ, такъ изъ толпы носильщиковъ то одинъ, то другой непремѣнно заглядывалъ въ хижины, навѣдывался въ кладовыя и высматривалъ, нельзя ли чего нибудь стащить: домашней птицы, банановъ, козлятъ, сахарнаго тростнику и разной, ни къ чему не нужной дряни. Въ плантаціи спряталось много туземцевъ, которые пропустили авангардъ, потому что люди шли правильными рядами и смотрѣли въ оба, но едва наши зѣваки вступили въ рощу, какъ дикари воспользовались случаемъ наказать ихъ: одному стрѣла ударила въ руку и пригвоздила ее къ боку, другой тоже поплатился за свою любознательность. Залпъ изъ ружей принудилъ дикарей очистить засаду, но никому повидимому не причинилъ поврежденій.

Мы остановились въ концѣ послѣдняго поселка на восточномъ углу; онъ состоялъ только изъ двухъ большихъ хижинъ и нѣсколькихъ хозяйственныхъ пристроекъ, вокругъ которыхъ мы наскоро расположились, устроивъ себѣ на ночь шалаши изъ банановыхъ листьевъ.

Въ сумерки я опять велѣлъ привести къ себѣ плѣнниковъ и попытался добиться отъ нихъ толковаго отвѣта на счетъ того, есть ли на востокъ отсюда большая вода. Одинъ изъ старшинъ, помогавшій намъ при этомъ допросѣ, спросилъ меня, между прочимъ, которое Ніанза больше, то-ли, которое въ Уніоро, или то, что въ Угандѣ, и тогда плѣнный мальчикъ, разслышавъ знакомое слово, тотчасъ подхватилъ его.

— Ніанза!—вскричалъ онъ,—Ніанза? Вотъ гдѣ Ніанза (онъ указалъ на востокъ), и оно идетъ вонъ туда (къ сѣверо-востоку), далеко, далеко!—Когда же мы спросили, сколько «ночевокъ» будетъ до него отъ Бабусессэ, онъ поднялъ три пальца правой руки и сказалъ: три!

Уже стемнѣло, когда мы внезапно были поражены раздавшимся страдальческимъ крикомъ, потомъ страннымъ и зловѣщимъ воемъ, въ которомъ выражалось дикое торжество. Наступившая затѣмъ тишина дозволила ясно различить шуршанье стрѣлъ, сыпавшихся сквозь банановые листья надъ нашими головами.

— Гасить огни! Не робѣй! Гдѣ-же часовые? Куда дѣвались часовые?—послышалось за тѣмъ.

Дикари подкрались какъ разъ въ ту пору, когда лагерь наименѣе обезпеченъ отъ вторженія, а именно во время ужина, къ которому позволяютъ отлучаться и часовымъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ особыхъ поводовъ къ предосторожностямъ. Вскорѣ выяснилось, что раненъ у насъ одинъ Селимъ, которому стрѣла попала въ бедро и засѣла тамъ на 4 дюйма; другая стрѣла пробила ногу козленка, жарившагося у костра, еще нѣсколько вонзилось въ банановые стволы. Селима мы уговорили тотчасъ вытащить стрѣлу: онъ самъ потащилъ ее, а когда довелъ до того, что видны уже были заостренные боковые зубцы наконечника, я захватилъ ихъ щипчиками и повернувъ, выдернулъ вонъ. Мы наложили на рану экстракта эйкалиптуса и отправили раненаго къ товарищамъ.

Полчаса спустя, когда всѣ караульные были по мѣстамъ, дикари опять попытались напасть на лагерь, но ружейные выстрѣлы заставили ихъ убраться: послышался шорохъ, топотъ убѣгавшихъ ногъ, но въ отдаленіи раздалось два ружейныхъ выстрѣла и громкій возгласъ испуга, изъ чего можно было заключить, что кто-то изъ нашихъ неисправимыхъ бродягъ ужь отправился гулять по окрестностямъ.

По правдѣ сказать, силы у насъ были крайне незначительныя, и не столько по численности, сколько по неспособности защищаться, владѣть оружіемъ; по этому такая закоренѣлая наклонность нашихъ людей неслушаться и пошаливать на сторонѣ была для меня источникомъ постоянныхъ страховъ и безпокойства. Уговоры и доказательства ни къ чему не вели, одна строжайшая дисциплина имѣла на нихъ надлежащее дѣйствіе; но мы такъ недавно еще вышли изъ своихъ ужасныхъ лѣсныхъ передѣлокъ, что у меня не хватало духу донимать ихъ строгими взысканіями. А когда я дѣйствовалъ съ ними мягко, ихъ собственная безголовая распущенность подвергала ихъ такимъ жестокимъ наказаніямъ, которыхъ никто изъ насъ не подумалъ бы на нихъ налагать.

Ночью пошелъ сильный дождь, задержавшій насъ въ лагерѣ до 8 часовъ утра. Я воспользовался досугомъ, чтобы разузнать что нибудь касательно туземцевъ, къ которымъ мы теперь должны были

направиться; но полное незнаніе языка полагало тому неодолимыя препятствія. Въ своихъ стараніяхъ объясниться какъ можно нагляднѣе, плѣнная женщина рисовала на землѣ, какъ течетъ Итури. Выходило нѣчто изумительное и въ африканской географіи непредвидѣнное, а именно: она представила дѣло такъ, что рѣка взбирается до гребня холмовъ, образующихъ водораздѣлъ, заворачиваетъ круто вверхъ, параллельно озеру Альберта, и наконецъ съ высоты падаетъ прямо въ Ніанзу! Сильно заинтригованный такими показаніями, я все время держалъ женщину при себѣ, когда мы выступали изъ лагеря. Съ вершины одного изъ холмовъ она указала мнѣ, на разстояніи полумили, рѣку Итури, текущую на востокъ. Равнина, разстилавшаяся передъ нами, шла съ востока на югъ.

Какъ объяснить такую загадку? За два дня передъ тѣмъ мы перешли съ праваго берега Итури на лѣвый, подъ 1° 24′ с. ш.; теперь мы были подъ 1° 28′ с. ш. Между тѣмъ, передъ нами опять была Итури, текущая съ юга на востокъ; а по направленію къ Кавали ясно, что нужно было держаться тоже на юго-востокъ.

Я наконецъ совсѣмъ отказался отъ рѣшенія этой загадки и не пытался больше разобрать, что говорила плѣнница, утверждавшая, будто рѣка, по которой мы шли 600 миль, отъ самого ея впаденія въ Конго, впадаетъ еще и въ Ніанзу. Одно предположеніе казалось мнѣ правдоподобнымъ, именно что есть двѣ Итури, одна текущая въ Конго, другая принадлежащая къ бассейну Нила. Но женщина и ея братъ настаивали на томъ, что Итури только одна и есть.

Мы продолжали путь по тропинкѣ, которая вела на дно долины и пришли наконецъ на берегъ рѣки. Загадка разрѣшилась: то была дѣйствительно Итури; но она текла съ юга на западъ. Послѣ этого мы всѣ поумнѣли.

На рѣкѣ виднѣлся неуклюжій челнокъ, самой грубой работы, и Саатъ-Тато, въ качествѣ самого искуснаго челнокиста, взялся перевезть на немъ весь караванъ, за что я обѣщалъ ему 20 долларовъ награды. Рѣка въ этомъ мѣстѣ по крайней мѣрѣ 50 саженей въ ширину, около сажени въ глубину, быстрота теченія, два узла въ часъ. Водопадъ, гулъ котораго мы слышали изъ селенія Мбири, очевидно на той же рѣкѣ.

Дикари племени Абунгума, на лѣвомъ берегу рѣки наблюдали нашу переправу съ высоты холма, отстоявшаго на цѣлую милю впереди, и своимъ спокойствіемъ какъ будто хотѣли сказать:—Ладно, пріятели; вотъ когда вы очутитесь на нашемъ берегу, тогда мы съ вами и расправимся.—Въ такой открытой мѣстности нельзя было двинуться безъ того, чтобы „всѣ“ неузнали объ этомъ. Глядя на

насъ, Абунгумы храбро потрясали копьями; Бабусессэ заняли каждый холмъ, каждый пригорокъ на правомъ берегу. По всему было видно, что въ непродолжительномъ времени наше мужество будетъ испытано въ достаточной степени. Оставалось хоть то утѣшеніе, что бдительные туземцы нерѣшатся подкарауливать насъ середи пастбищъ, гдѣ трава не больше трехъ дюймовъ вышины и слѣдовательно укрываться имъ негдѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы добрались до Ибуири, питаніе было у насъ отличное, для Африки конечно. Всякій день мы имѣли мясо и молоко, ѣли куръ, свѣжіе и сушеные бобы, сахарный тростникъ, сладкіе бататы, ямсъ, томаты, дыни, бананы простые и фиговые.

На людей все это дѣйствовало превосходно: они были во всѣхъ отношеніяхъ лучше, сильнѣе и развитѣе тѣхъ тщедушныхъ и трусливыхъ созданій, которыхъ арабскіе невольники въ Ипото немилосердно колотили, вызывая съ ихъ стороны лишь самые смиренные протесты. На насъ, бѣлыхъ, тоже замѣтно было хорошее вліяніе пищи: мы были не толсты, но не имѣли уже того тощаго и высохшаго вида что прежде; будь у насъ хоть немного вина, мы бы окончательно поправились.

На другое утро, черезъ часъ ходьбы, мы поднялись по отлогому зеленому склону на вершину одного изъ тѣхъ длинныхъ холмовъ, которые составляютъ характерную особенность здѣшней мѣстности. Тутъ опять мы могли осмотрѣться вокругъ и ознакомиться съ предстоящимъ путемъ. Мы намѣревались направиться къ юго-востоку, такъ какъ насъ особенно интересовала высокая коническая вершина въ концѣ поросшей травою горной цѣпи; впослѣдствіи эта вершина стала намъ извѣстна подъ именемъ Пика Мазамбони. Мы углубились въ прелестныя ложбины, орошенныя прохладными и прозрачными ручьями. Вокругъ нихъ расположены были группы туземныхъ хижинъ, съ прилегающими къ нимъ полями еще незрѣлаго сорго, бататовъ и сахарнаго тростника. Но въ хижинахъ никого не было, такъ какъ ихъ обитатели унизывали вершины каждаго значительнаго холма на нашемъ пути, и оттуда дѣятельно за нами наблюдали. Наконецъ мы прошли мимо пустой ограды для скота,—такъ называемой зерибы,—при видѣ которой наши люди захлопали въ ладони и закричали:—Ой, господинъ-то нашъ все правду говорилъ и каждое его слово сбывается: сначала пошла травянистая страна, потомъ стада, потомъ храбрые люди, чтобы защищать ихъ, потомъ горы, потомъ Ніанза, а тамъ и бѣлый человѣкъ. Траву мы ужь видѣли, вотъ и скотъ, вонъ тамъ горы, храбрые люди и Ніанза, а потомъ, Богъ дастъ, увидимъ и бѣлаго человѣка.

Мы продолжали путь къ долинѣ, по которой протекала другая быстрая и пѣнистая рѣка. Слѣва тянулся рядъ утесовъ, возвышавшихся отдѣльными каменистыми массами, на вершинѣ которыхъ удобно могли помѣститься человѣкъ до двѣнадцати. Эти отдѣльные утесы связывались между собою болѣе низкой каменистой грядой, довольно однообразной вышины, служившей имъ какъ бы подножіемъ.

Мѣстами мы проходили такъ близко отъ подошвы этихъ холмовъ, что съ высотъ ихъ можно было бы бросать въ насъ камнями. Но хотя мы все время ожидали какихъ нибудь демонстрацій, туземцы оставались замѣчательно спокойны. Тропинка привела насъ къ висячему мосту черезъ третью Итури, которую, во избѣжаніе путаницы, мы назовемъ восточною. Эта рѣка, шириной около 13 сажень, глубока и быстра какъ водопадъ. Висячій мостикъ былъ такъ легокъ и непроченъ, что мы разсудили за благо переходить черезъ него по одиночкѣ, для безопасности; а такъ какъ каждому человѣку требовалось не меньше 120 секундъ, чтобы пройдти эти 90 шаговъ, то караванъ перебрался на ту сторону не прежде 6 часовъ вечера. Эта переправа совершалась при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, что наши стрѣлки во весь день стояли подъ ружьемъ, не смѣя отлучаться отъ своихъ постовъ.

Подъ вечеръ мы увидѣли красивую черную корову и ея теленка, выходившихъ изъ ущелья между помянутыхъ утесовъ и со всѣхъ сторонъ поднялись крики:—Быкъ, быкъ, здравствуй голубчикъ. Мы съ тобой не видались съ тѣхъ поръ, какъ были молоды!—Абунгумы запрятали свой скотъ въ горахъ, и видѣнныя нами экземпляры вѣроятно отбились отъ стада.

8-го числа, покинувъ живописную долину восточной Итури, мы поднялись по отлогому склону на холмъ, съ котораго открылся далекій видъ на узкую и извилистую долину восточной Итури и мы имѣли случай убѣдиться, что она идетъ съ востоко-юго-востока.

Вскорѣ затѣмъ пошла болѣе ровная мѣстность, раскинувшаяся миль на двадцать къ югу, съ сѣвера окаймленная каменистой грядой и долиной, изъ которой мы только что вышли, между тѣмъ какъ на востокѣ возвышалась горная цѣпь Мозамбони, сѣверная оконечность которой, завершенная высокимъ пикомъ, стала теперь цѣлью нашего странствія.

Къ половинѣ десятаго часа мы на нѣсколько миль приблизились къ этой горной цѣпи и передъ тѣмъ какъ углубиться въ долину небольшого ручья, бѣгущаго къ сѣверу, съ удивленіемъ замѣтили, что все пространство вплоть до подошвы горъ тщательно обработано и обнаруживаетъ присутствіе очень значительнаго населенія. Такъ

вотъ гдѣ, думалось намъ, будетъ поле сраженія! Абунгумы ушли изъ своихъ поселеній чтобы соединиться съ этимъ многочисленнымъ племенемъ и встрѣтить насъ достойнымъ образомъ.

Такихъ многолюдныхъ мѣстечекъ мы еще не встрѣчали съ тѣхъ поръ, какъ отплыли изъ Бангалы на Конго. Глядя на это скопленіе жилищъ, плантацій и всякихъ богатствъ, мы невольно подумали, что вѣроятно и эти племена принадлежатъ къ тому дикарскому союзу, который тѣснитъ несчастнаго губернатора Экваторіи.

Имѣя въ виду ничѣмъ не раздражать туземцевъ, воздержать неисправимыхъ зѣвакъ нашей колонны отъ разброда по сторонамъ и совершенія какихъ нибудь неприличій, мы выбрали дорогу на юговостокъ, огибавшую селенія. Мы пробирались между плантаціями съ такимъ разсчетомъ, чтобы непріятелю негдѣ было устроить противъ насъ засаду. Въ половинѣ двѣнадцатаго мы достигли восточнаго края селеній и остановились для полуденнаго отдыха подъ тѣнью дерева, вѣтви котораго качались и шелестили отъ дуновенія свѣжаго вѣтра съ Ніанзы.

Въ часъ пополудни мы пошли дальше и углубившись въ банановыя рощи, не могли надивиться искуснымъ насажденіямъ и необыкновенной опрятности каждаго изъ обработанныхъ участковъ. Коническія хижины были просторны, а внутри, какъ мы замѣтили проходя мимо отворенныхъ дверей, раздѣлены перегородками, сплетенными изъ листьевъ тростника. Каждая деревня была такъ тщательно выметена, какъ будто ждали почетныхъ гостей. Бананы гнулись подъ тяжестью плодовъ, кругомъ разстилались обширныя поля бататовъ, дальше сотни десятинъ были засѣяны просомъ, а многочисленные склады для зерна, какъ видно недавно построенные, показывали, что ожидается богатая жатва.

Мы прошли черезъ всѣ нивы и никто насъ не тронулъ. Мы думали, что преувеличенные слухи о нашихъ силахъ заставили туземцевъ присмирѣть, или же они сбиты съ толку нашими стараніями постоянно держаться поодаль отъ плантацій. Какъ бы то ни было, мы не встрѣчали никакихъ препятствій, хотя большія скопища туземцевъ толпились на всѣхъ возвышенностяхъ вдоль нашего пути.

Широкая, утоптанная дорога къ горамъ, отъ которыхъ мы были уже очень близко, пересѣкала почти совершенно плоскую равнину шириною въ три мили, поросшую густой травой въ полномъ цвѣту. Не подалеку отъ насъ, влѣво, протекала восточная Итури и на противуположномъ ея берегу виднѣлось другое многолюдное селеніе.

Въ 3 часа мы достигли подошвы горы, увѣнчанной пикомъ. Многія ея вершины были усѣяны группами хижинъ. Хлѣвы для скота скры-

вались въ ущельяхъ и лощинахъ. Дикари собирались толпами на ближайшихъ вершинахъ и по мѣрѣ нашего приближенія привѣтствовали насъ громкими криками и пронзительными возгласами, не предвѣщавшими ничего добраго. Средняя высота ближайшихъ къ намъ холмовъ была приблизительно 800 футовъ (около 117 сажень) надъ уровнемъ равнины, а такъ какъ скаты были особенно круты, мы полагали, что разстояніе ихъ отъ насъ должно быть отъ 700 до 900 метровъ.

Къ великому нашему удовольствію дорога шла не вверхъ по этимъ крутизнамъ, а огибая ихъ подножія, направлялась къ востоку, т. е именно туда, куда намъ было нужно. Въ настоящее время мы находились подъ 1° 25′ 30″ с. ш. Обогнувъ за уголъ горной цѣпи, мы увидѣли долину въ одну или двѣ мили шириной, засаженную роскошнѣйшимъ сорго, дозрѣвшимъ для жатвы. Направо, непосредственно надъ нами, открывались сѣверные скаты горъ Мазамбони; налѣво почва, одѣтая зеленью посѣвовъ, постепенно понижалась до береговъ быстроводнаго притока восточной Итури, а за нею опять подымался отлогій склонъ холмовъ подковообразной формы, усѣянныхъ хижинами, нивами проса и кукурузы и роскошными рощами банановъ. Одного взгляда на этотъ видъ было достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о благосостояніи обитателей.

Какъ только мы вступили въ эту цвѣтущую долину, надъ головами нашими раздался хоръ воинственныхъ кликовъ, заставившій насъ поднять головы. Толпа воиновъ все прибывала, такъ что теперь ихъ было уже человѣкъ 300, со щитами, копьями и луками: они потрясали своимъ блестящимъ оружіемъ, грозились на насъ и очень сердито кричали что то на непонятномъ языкѣ. Въ сильномъ возбужденіи, они начали было спускаться къ намъ съ крутизны, но передумали: воротились на вершину и пошли рядомъ съ нами,—мы вдоль подножія, они вдоль по гребню горы, все время фыркая и визжа, вскрикивая и угрожая, что должно было обозначать враждебность къ намъ и ободреніе жителей долины.

Выходя изъ первой полосы хлѣбныхъ полей, мы услышали воинственные клики обитателей долины и поняли, что они занимаютъ выгодныя позиціи, подъ руководствомъ тѣхъ, что были на горахъ и распоряжались планомъ дѣйствій. Было около 4-хъ часовъ пополудни, т. е. пора выбрать мѣсто для стоянки на ночь и располагаться лагеремъ, и пришлось сдѣлать это среди многочисленнаго скопища враждебно-настроенныхъ дикарей. Къ счастію, мы въ это время подошли къ крутому холму Нзера-Кумъ, плоская вершина котораго на сто футовъ возвышалась надъ среднимъ уровнемъ долины,

а по склону была проложена тропинка. Этотъ холмъ стоялъ въ долинѣ какъ островокъ, на разстояніи 500 ярдовъ отъ рѣки и на 200 ярдовъ отъ подножія горъ Мозамбони. Съ вершины Нзера-Кума открывался къ востоку и западу обширный видъ на сѣверный склонъ высокаго кряжа, и далѣе черезъ вершины подковообразной группы холмовъ, по ту сторону притока Итури. На такой позиціи достаточно было пятидесяти ружейныхъ стрѣлковъ, чтобы оборонять лагерь противъ тысячи осаждающихъ. Мы поспѣшно направились къ этому холму, а воины, какъ бы угадывая наши намѣренія, стали быстро сбѣгаться со всѣхъ ближайшихъ горъ, между тѣмъ какъ съ береговъ рѣки другая толпа съ шумомъ кинулась намъ на встрѣчу. Изъ нашихъ переднихъ рядовъ сдѣлано было нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ, для расчистки пути, и намъ удалось таки добраться до островка и даже взобраться на него. Сложили вьюки, отрядили нѣсколькихъ хорошихъ стрѣлковъ охранять колонну съ обоихъ фланговъ въ помощь арріергарду, а остальнымъ приказано было немедленно устраивать на вершинѣ холма зерибу. Отрядъ въ 30 человѣкъ посланъ за водой. Черезъ полчаса вся колонна была въ безопасности на холмѣ, зериба на половину готова, вода принесена, и можно было вздохнуть свободнѣе, обозрѣть окрестности и обсудить наше положеніе. Видъ съ птичьяго полета былъ далеко не успокоительный. По всей долинѣ виднѣлись деревни, числомъ до пятидесяти: плантаціи за плантаціями, нивы за нивами, поселки за поселками разстилались во всѣ стороны. Что было на горахъ, того намъ не видно было. Толпы громогласныхъ туземцевъ по горнымъ скатамъ возросли до 800 человѣкъ. Воздухъ былъ наполненъ потрясающими криками.

По всему было видно, что горцы расположились немедля приступить къ дѣйствіямъ. Мы были порядочно утомлены переходомъ въ 13 миль (почти 22 версты); горячее солнце и тяжелыя ноши подорвали физическія силы людей. Однакожь мы выбрали нѣсколькихъ, пободрѣе другихъ, и послали ихъ на встрѣчу горцамъ. Четверо развѣдчиковъ пошли впередъ. Тотчасъ же изъ толпы горцевъ выдѣлилось столько-же борцовъ и они съ готовностью устремились на встрѣчу нашимъ,—должно быть инстинктомъ чуя, что храбрость этихъ четверыхъ не высшаго сорта. Сажень за тридцать они остановились и прицѣлились изъ луковъ. Наши выпустили свои четыре заряда безъ всякаго вреда для непріятеля и начали отступать, а горцы все шли впередъ, держа стрѣлы на готовѣ. Наши побѣжали отъ нихъ бѣгомъ, между тѣмъ какъ изъ лагеря сотня голосовъ ругала ихъ за это. Для начала вышло очень плохо; дикари приняли это за добрый для себя знакъ и испустили побѣдный вопль. Чтобы

умѣрить ихъ восторги, наши стрѣлки попрятались за камни и оттуда нанесли непріятелю довольно серьезный уронъ. Одни укрѣпились на краю холма Нзера-Кумъ и начали разстрѣливать горцевъ, расположившихся на противуположныхъ склонахъ, за 200 саженъ отъ насъ; другіе прокрались въ долину, къ рѣкѣ, и тамъ одержали побѣду; еще одна группа обошла Нзера-Кумъ съ другой стороны и произвела выгодную для насъ диверсію. Саатъ-Тато, охотникъ, ухитрился даже увести корову и мы по этому случаю отвѣдали говядины, которой не видали уже 11 мѣсяцевъ. Настала ночь и какъ туземцы, такъ и пришельцы разошлись по мѣстамъ, ожидая на завтра труднаго дня.

Передъ отходомъ ко сну я, по обыкновенію, читалъ свою Библію. Одинъ разъ уже я прочелъ всю книгу, отъ начала до конца, и теперь, читая ее во второй разъ, остановился на книгѣ Второзаконія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Моисей говоритъ Іисусу Навину: „Мужайся и крѣпися, не бойся, не ужасайся, не устрашайся отъ лица ихъ: яко Господь Богъ твой, сей предъидый съ вами и не отступитъ отъ тебе ниже оставитъ тя".

Продолжая чтеніе, я докончилъ главу, закрылъ книгу и отъ Моисея мысли мои тотчасъ перешли къ Мазамбони.

Не знаю, что было со мною, чрезмѣрная ли усталость, или зачатки и предварительные симптомы болѣзни, или наконецъ досада на нашихъ четырехъ трусовъ, и смутная тревога о томъ, что на этихъ людей плоха надежда и въ самую критическую минуту они способны постыдно бѣжать съ поля битвы? Во всякомъ случаѣ ясно было, что передъ нами совсѣмъ другой народъ нежели лѣсные дикари.

Въ открытомъ полѣ нашимъ никогда еще не приходилось дѣйствовать, а то, что я и мои офицеры видѣли сегодня, не много хорошаго обѣщало въ будущемъ. Словомъ, теперь въ первый разъ я живо ощутилъ, какъ опасно было соваться съ горстью трусливыхъ носильщиковъ въ луговую страну, населенную такими отважными и многочисленными племенами. Мнѣ показалось, что я внезапно увидѣлъ все дѣло гораздо яснѣе чѣмъ прежде. Оттого-ли, что кругозоръ мой расширился, и я дѣйствительно могъ лучше судить объ относительныхъ условіяхъ пространства и населенія, или такъ сильно подѣйствовали на меня разъяренные клики толпы дикарей, и теперь еще какъ будто продолжавшіе отдаваться въ ушахъ? Не знаю, но мнѣ почудилось, что какой-то голосъ говоритъ мнѣ: «Мужайся и крѣпися; не бойся и не устрашайся ихъ». Я готовъ былъ побожиться, что слышу этотъ голосъ, и началъ самъ бесѣдовать съ нимъ:—Съ чего убѣждаешь ты меня не отказываться отъ моего дѣла? Еслибы я и хотѣлъ бѣжать, это невозможно; отступать теперь опаснѣе, чѣмъ идти впередъ; а по-

тому напрасно ты убѣждаешь меня.—Но голосъ продолжалъ: «Мужайся и крѣпися, ибо я отдамъ сей народъ и сію землю во власть твою. Не отступлю отъ тебя и не покину тебя. Не бойся, не ужасайся».

И однако же чистосердечно признаюсь,—хотя передъ отходомъ ко сну я конечно былъ очень воинственно настроенъ, но меня вдругъ поразила мысль,—какъ все это съ обѣихъ сторонъ выходитъ глупо, и зачѣмъ я, въ сущности, готовлюсь къ совершенно ненужной дракѣ? Ни мы не имѣемъ понятія о томъ, какъ зовутъ эту страну и ея обитателей, ни они ничего не знаютъ о насъ, о нашихъ цѣляхъ и намѣреніяхъ. Я набросалъ планъ завтрашнихъ дѣйствій, рекомендовалъ часовымъ караулить какъ можно лучше, улегся спать и вскорѣ совсѣмъ позабылъ о Мазамбони—властителѣ здѣшнихъ горъ и долинъ.

9-го декабря мы не двигались съ мѣста; съ утра докончили постройку своей колючей ограды, роздали патроны и осмотрѣли ружья. Къ 9 часамъ прохлада ранняго утра смѣнилась жаркимъ солнечнымъ днемъ, а дикари начали собираться въ значительномъ числѣ. Боевыя трубы того страннаго звука, который я не разъ уже слыхалъ въ Усогѣ и въ Угандѣ въ 1875 году, протрубили сборъ, а съ вершинъ холмовъ на нихъ отозвались до 20 барабановъ. Крики и возгласы раздавались съ горъ въ долины и обратно, такъ какъ мы были окружены непріятелями со всѣхъ сторонъ. Около 11 часовъ утра нѣсколько туземцевъ сошли съ холмовъ и подступили такъ близко, что одинъ изъ нашихъ, по имени Феттэ,—уроженецъ Уніоро—могъ разобрать что они говорятъ и тотчасъ-же обмѣнялся съ ними крупною руганью; битва началась покуда лишь словесная. Узнавъ, что въ нашемъ отрядѣ есть человѣкъ, могущій объясняться на мѣстномъ языкѣ, я настроилъ его рѣчь на болѣе мирный тонъ и вскорѣ между осаждающими и осажденными началась довольно толковая бесѣда.

— Мы съ своей стороны деремся лишь ради самозащиты—говорили мы, — вы напали на насъ, когда мы мирно проходили черезъ вашу землю. Не лучше-ли сговориться и сначала попробовать понять другъ друга, и только тогда сражаться, когда окажется что соглашеніе невозможно.

— Правда, это мудрыя слова,—отвѣчали намъ:—Скажите же, кто вы таковы, откуда и куда идете?

— Мы изъ Занзибара, съ великаго моря, а начальствуетъ надъ нами бѣлый человѣкъ. Мы идемъ къ озеру Ніанза, въ Уніоро.

— Коли есть между вами бѣлый человѣкъ, покажите намъ его, тогда и повѣримъ.

Лейтенантъ Стэрсъ поспѣшно вышелъ изъ зерибы и Феттэ представилъ его народу.

— Ну, теперь вы намъ скажите кто вы,—сказалъ Феттэ.—Какая это страна? Кто вашъ царь? И далеко-ли Ніанза?

— Здѣшняя страна Ундуссума, нашъ начальникъ Мазамбони. Мы племя Уазамбони. До Руэру (Ніанзы) два дня пути; но вамъ понадобится пять дней. Руэру отсюда на восходъ солнца. Дорога туда одна, и сбиться съ пути не придется.

Такъ начались наши дружелюбныя сношенія и сдѣланъ былъ первый шагъ къ соглашенію. Послѣ этого мы узнали, что въ Ундуссумѣ два начальника и одинъ изъ нихъ готовъ дружить съ нами и обмѣняться дарами, если намъ угодно. Мы конечно изъявили свое согласіе и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ не слыхать было ни одного воинственнаго клика, ни одного выстрѣла, иначе какъ у рѣки, гдѣ дикари повидимому были очень упрямы и ни за что не хотѣли обойтись безъ драки.

Къ вечеру пришли гонцы отъ Мазамбони съ извѣщеніемъ, что онъ желалъ бы видѣть, какіе примѣрно у насъ есть товары? Мы послали ему въ даръ три аршина пунцоваго сукна и дюжину мѣдныхъ прутьевъ, и получили обѣщаніе, что завтра самъ начальникъ придетъ къ намъ въ гости и побратается кровью со мною.

На другой день мы встали очень бодрые послѣ спокойно проведенной ночи и мечтали, что черезъ нѣсколько часовъ нашъ лагерь наполнится дружественными туземцами. Насъ просили не пускаться въ дальнѣйшій путь, покуда Мазамбони не пришлетъ намъ своихъ даровъ. Поэтому мы рѣшили еще на день отложить выступленіе. Утро было сырое и холодное, такъ какъ мы всетаки находились на 4235 футовъ надъ уровнемъ моря. Вершины высокихъ горъ были окутаны туманомъ и пошелъ мелкій дождь, что могло служить объясненіемъ, почему наши друзья такъ запаздываютъ своимъ визитомъ; но въ третьемъ часу туманъ разсѣялся и вся горная цѣпь ясно выступила на блѣдно-голубомъ фонѣ неба. Стэрсъ, Джефсонъ и я стояли на западномъ краю обрыва, любовались чуднымъ видомъ и разговаривали о томъ, какъ было-бы хорошо и желательно, чтобы такая прекрасная страна поскорѣе попала въ руки цивилизованныхъ колонистовъ. Стэрсъ говорилъ, что это мѣсто напоминаетъ ему Новую Зеландію, и онъ бы непрочь завести тутъ собственное ранчо (мызу). Онъ до того увлекся, что даже выбралъ мѣсто для поселенія и очень точно обозначалъ свои будущія угодья. — Вотъ на этомъ пригоркѣ я бы выстроилъ себѣ домикъ (онъ назвалъ его *шибангъ* и я вообразилъ, что это по новозеландски означаетъ *вилла*). Тутъ я сталъ-бы пасти рогатый скотъ, а овцы паслись-бы вонъ на томъ склонѣ, и...

Тѣмъ временемъ туземцы вереницами шли по гребню горы, всѣ

къ одному мѣсту, именно на ровную площадку на вершинѣ одного изъ холмовъ, саженъ за четыреста отъ того пункта, гдѣ мы стояли; вскорѣ до нашего слуха донеслись звуки громкаго и пріятнаго голоса, очевидно обращавшагося къ народу съ какими-то увѣщаніями. Голосъ принадлежалъ человѣку, который съ нѣсколькими товарищами спустился по склону и остановился въ полугорѣ, на 300 футовъ надъ уровнемъ долины. Онъ говорилъ минутъ десять, и мы призвали Феттэ, чтобы слушать и переводить. Феттэ донесъ, что ораторъ во имя вождя склоняетъ ихъ къ миру; но каково же было наше удивленіе, когда вслѣдъ за рѣчью въ отвѣтъ ему поднялись дикіе и кровожадные вопли, не только изъ долины, но и со всѣхъ горныхъ вершинъ и склоновъ.

Мы разсудили, что такой отчаянный крикъ не можетъ означать мира, а скорѣе предвѣщаетъ войну, и для большей достовѣрности отправили Феттэ въ долину, спросить у самого оратора. Отвѣтные крики дикарей не оставили въ насъ ни тѣни сомнѣнія. Ошибка Феттэ произошла оттого, что слово *кануана*, обозначающее *миръ*, и *куруана*, означающее *война*, похожи между собою.

— Не нужно намъ вашей дружбы!—кричали они,—вотъ сейчасъ мы сойдемъ въ долину и погонимъ васъ изъ лагеря пастушьими палками.—Одинъ предатель, прокравшійся въ нашу сторону ползкомъ изъ-за низкихъ кустовъ, едва не причинилъ намъ серьезнаго вреда: въ особенности переводчикъ нашъ чуть не погибъ при этомъ. Феттэ собралъ падавшія вкругъ него стрѣлы, принесъ ихъ намъ и донесъ обо всемъ случившемся.

Ничего больше не оставалось, какъ наказать ихъ примѣрно, и мы не медля ни минуты стали готовиться къ вылазкѣ, рѣшившись не давать пощады, иначе какъ если сами попросятъ мира.

Собрали людей и отрядили 50 человѣкъ съ ружьями, подъ начальствомъ лейтенанта Стэрса, для усмиренія дикарей, бушевавшихъ по ту сторону притока Итури. Тридцать стрѣлковъ съ Джефсономъ во главѣ отправились налѣво, очищать горные склоны; а двадцать человѣкъ отборныхъ людей подъ предводительствомъ Уледи пошли воевать направо. Решида съ десятью стрѣлками поставили на вершинѣ Нзера-Кума для охраны лагеря отъ случайнаго нападенія съ тыла. Джефсонъ и Уледи должны были пройти къ своимъ позиціямъ незамѣтно для горцевъ, будучи прикрыты вершинами переднихъ холмовъ, и появиться передъ ними внезапно, на разстояніи 200 метровъ, между тѣмъ какъ отрядъ Стэрса, выйдя въ долину, будетъ отвлекать ихъ вниманіе въ другую сторону.

Черезъ нѣсколько минутъ отрядъ Стэрса былъ въ дѣлѣ и ему приходилось горячо, потому что дикари нѣсколько минутъ кряду

осыпали ихъ тучею стрѣлъ. Но лейтенантъ подмѣтилъ, что стойкость и хладнокровіе туземцевъ въ значительной мѣрѣ поддерживаются сознаніемъ, что между ними и нами протекаетъ порядочная рѣчка; поэтому онъ подбодрилъ своихъ людей переправиться вбродъ, что они и сдѣлали. Подымаясь на противуположный берегъ они открыли такой губительный огонь, что въ нѣсколько секундъ перебили множество тѣхъ самыхъ шумливыхъ и упрямыхъ храбрецовъ, которые такъ настоятельно требовали войны. Стэрсъ взялъ деревню приступомъ, смялъ банановыя плантаціи, а жители въ страхѣ разбѣжались къ сѣверу. Тогда лейтенантъ собралъ свою команду, деревню поджегъ и отправился воевать другія селенія. Отъ времени до времени только бѣглый ружейный огонь обличалъ, какое ему оказывали сопротивленіе.

Между тѣмъ Уледи со своими отборными людьми розыскалъ тропинку, ведшую по склону горы на вершину, и взойдя на высоту 500 футовъ вывелъ людей своихъ на правый флангъ дикарей, которые глядя на своихъ соотчичей въ долинѣ, ободряли ихъ криками и совѣтами. Тутъ винчестерскія ружья оказали великолѣпное дѣйствіе. Въ туже минуту изъ лощины съ лѣваго фланга показался Джефсонъ со своимъ отрядомъ и вдвоемъ они привели туземцевъ въ такой ужасъ, что тѣ какъ безумные кинулись по крутымъ склонамъ на верхъ, въ горы, а Уледи съ своими людьми подгонялъ ихъ.

Видя ихъ обращенными въ бѣгство, Джефсонъ повернулся къ востоку и разогналъ все населеніе мили на двѣ передъ собой. Къ часу пополудни всѣ наши люди воротились въ лагерь и только одинъ изъ нихъ получилъ рану, и то самую легкую. Каждый изъ людей велъ себя превосходно, а четыре вчерашніе труса даже отличились на славу.

Въ 2 часа жители долины воротились на свои пепелища и наши тотчасъ опять отправились въ походъ. Стэрсъ съ своимъ отрядомъ, перейдя за притокъ Итури, погналъ бѣгущаго непріятеля далеко на сѣверъ, потомъ круто повернувъ къ востоку соединился съ Джефсономъ. Уледи съ развѣдчиками я послалъ на самую вершину горъ, посмотрѣть что тамъ дѣлается: но увидя, что тамъ расположено множество обширныхъ селеній, онъ благоразумно удалился.

До вечера продолжалась борьба; туземцы то и дѣло перебѣгали съ мѣста на мѣсто; то наступая, то ретируясь. Въ сумерки ни одного больше не осталось въ полѣ и тишина, водворившаяся вокругъ лагеря, доказала, что день прошелъ не даромъ. Дикари были только на горахъ, или же ушли подальше къ сѣверу и востоку. По всей долинѣ вокругъ насъ не осталось ни одной хижины, въ которой

можно бы укрыться на ночь. Но мы чувствовали, что еще не все сдѣлано. Вѣдь намъ предстояло возвращаться этимъ же самымъ путемъ, и если на пути будетъ много такихъ воинственныхъ племенъ, то по естественному ходу вещей мы можемъ потерять много своихъ людей; если же у туземцевъ останется хотя бы малѣйшее сомнѣніе насчетъ нашей способности постоять за себя, то военныя дѣйствія придется возобновлять чуть не всякій день. По этому лучше ужъ сразу выяснить этотъ вопросъ и не оставлять у себя въ тылу нахальнаго племени, не испытавшаго нашихъ пуль. Туземцы очевидно полагали, что мы не способны драться внѣ ограды своего лагеря, почему и похвалялись выгнать насъ оттуда пастушьими посохами, воображая себя вполнѣ безопасными на горахъ. Надлежало дать имъ почувствовать, что они никоимъ образомъ не могутъ съ нами тягаться.

Въ одномъ изъ ближайшихъ селеній вмѣстѣ съ хижинами сгорѣла корова, позабытая своимъ хозяиномъ, и мы по этому случаю опять отвѣдали понемножку жареной говядины.

11-го числа все утро шелъ дождь, задержавшій насъ въ палаткахъ до 10 часовъ. Къ этому времени горцы начали опять собираться и продѣлывать свои враждебныя демонстраціи, а потому Стэрсъ, Джефсонъ и Уледи повели людей тремя отдѣльными маленькими колоннами въ атаку и произвели на горахъ значительный эффектъ. Между прочимъ захватили и пригнали нѣсколькихъ козъ, которыхъ тутъ же роздали людямъ. Вообще, событія этого дня должны были доказать туземцамъ, что враждуя съ нами, они ничего не выигрываютъ. Была даже минута, когда я думалъ, что день завершится полнымъ примиреніемъ: на вершинѣ высокой горы, надъ нашимъ лагеремъ, показался человѣкъ и когда всѣ мои люди были въ сборѣ возвѣстилъ намъ, что Мазамбони прислалъ его сказать, что онъ принялъ наши дары, но не могъ придти въ гости, какъ обѣщалъ, потому что этого ни за что не хотѣли его молодые люди, желавшіе непремѣнно воевать. Но теперь, такъ какъ многіе изъ нихъ уже убиты, онъ готовъ прислать намъ дары, и напередъ будетъ намъ вѣрнымъ другомъ.

Мы отвѣчали, что мириться и дружиться согласны, но такъ какъ они насмѣхались надъ нами, взяли съ насъ дары мира, а потомъ обозвали бабами, то теперь должны купить миръ, одаривъ насъ рогатымъ скотомъ или козами, и если придутъ, держа въ рукахъ пучки травы, то милости просимъ.

Слѣдуетъ упомянуть, что когда воины спускались по горнымъ склонамъ для битвы, при каждомъ небольшомъ отрядѣ состояло по собакѣ крупныхъ размѣровъ, нѣсколько сухощаваго сложенія, но очень смѣлыхъ и нападавшихъ немедленно.

Оружіе племени Уазамбони состояло изъ высокихъ луковъ въ 5½ футовъ, и стрѣлъ въ 28 дюймовъ длиной; кромѣ того они носятъ длинныя и острыя копья. Щиты большею частію длинные и узкіе, но попадаются и другіе, чистаго Угандскаго типа. Стрѣлы съ жестокими зубцами, а копья сходны съ тѣми, которыя употребляются у Карагуэ, Ууа, Урунди и Іангоро.

Глава XII.

ПРИБЫТІЕ КЪ ОЗЕРУ АЛЬБЕРТА И ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ИБУИРИ.

Дальнѣйшія нападенія туземцевъ.—Сожженіе ихъ деревень.—Селеніе Гавира.—Отбиваемся отъ дикарей.—Въ виду плоскогорья Уніоро.—Ночное нападеніе туземцевъ.—Селеніе Катонза.—Переговоры съ туземцами.—О пашѣ нѣтъ извѣстій.—Пересчитываемъ патроны.—Оцѣнка нашего положенія.—Лейтенантъ Стэрсъ входитъ въ сношенія съ обитателями острова Касенья.—Единственный исходъ.—Опять нападаютъ туземцы.—Пейзажъ на берегахъ озера.—Влѣзаемъ на гору.—Находимъ богатый запасъ зерна.—Роскошная долина Ундуссумы.—Обратный походъ къ Ибуири.—Построеніе форта Бодо.

12-го декабря на разсвѣтѣ мы вышли изъ лагеря безъ помѣхи и даже не слыхали ничьего голоса, и до девяти часовъ утра во всей долинѣ никто не шелохнулся. Мы шли къ юго-востоку, через лощины и овраги, по которымъ протекали съ горъ многочисленные ручьи и рѣчки, густо обросшіе по берегамъ кустарникомъ, колючками и камышами. Тамъ и сямъ попадались намъ деревни, окруженныя плантаціями и роскошными нивами, но мы ничего не трогали, надѣясь тѣмъ доказать дикарямъ, что если насъ не трогаютъ, то нѣтъ народа безобиднѣе насъ. Въ 9 часовъ утренняя плохлада миновала и раздались первые воинственные клики: они исходили изъ большой группы деревень, расположенныхъ по гребню холмовъ, окаймлявшихъ спереди хребетъ Ундуссумы. Видя, что мы, не обращая на нихъ вниманія, продолжаемъ свой путь, они подошли ближе и бѣжали по скату холмовъ рядомъ съ нашимъ правымъ флангомъ и въ тылу.

Къ 11 часамъ дня за нами неотступно слѣдовали уже двѣ отдѣльныя шайки дикарей: одна пришла на встрѣчу намъ съ востока, другая же образовалась изъ мѣстнаго населенія долины, чрезъ которую мы прошли, никого и ничего не тронувъ.

Въ полдень шайки выросли и составляли многолюдное скопище разъяренныхъ туземцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые кричали: «мы еще

до вечера покажемъ вамъ, что мы мужчины и сегодня же ни одного изъ васъ не оставимъ въ живыхъ».

Такъ какъ до полудня мы дѣлали привалъ и успѣли отдохнуть, то бодро пустились дальше по травянистой степи. Ни съ которой стороны не видно было деревень, но толпы народа продолжали идти за нами, производя враждебныя демонстраціи и досаждая намъ своими рѣзкими криками и угрозами. Одинъ искусный стрѣлокъ вышелъ изъ рядовъ и на разстояніи 400 ярдовъ (около 160 саженъ) ранилъ двоихъ дикарей; это заставило ихъ притихнуть на нѣкоторое время, какъ будто они остановились подивиться, чѣмъ собственно можно наносить вредъ на такомъ разстояніи? Но вскорѣ толпа ихъ еще возросла и они становились все назойливѣе. Въ арріергардѣ послышались ружейные выстрѣлы и вѣроятно удачные, судя потому, что туземцы опять присмирѣли.

Въ 3 ч. 30 мин. мы пришли и стали въ виду селеній Бавира, изъ которыхъ главное называется Гавира; онѣ расположены на открытомъ мѣстѣ, по обѣимъ сторонамъ крутого и обрывистаго оврага, прорытаго въ глинистой почвѣ бурнымъ теченіемъ значительнаго притока восточной Итури. Мы съ авангардомъ стали на восточномъ берегу, пока туземцы сбѣгались—но опоздали—чтобы помѣшать намъ переправиться. Мои люди немедля сложили вьюки и нѣсколько человѣкъ отправилось обратно на тотъ берегъ, въ помощь арріергарду. Произошла горячая схватка, окончившаяся бѣгствомъ непріятеля по всей линіи. Въ наказаніе за то, что они цѣлыхъ четыре часа насъ преслѣдовали, мы проникли въ ближайшія селенія и зажгли по порядку всѣ хижины на обоихъ берегахъ оврага; послѣ этого мы поспѣшно сомкнулись и вскарабкались по крутому склону на возвышенное плато, футовъ на 200 (70 саженъ) подымавшееся надъ уровнемъ равнины, намѣреваясь оттуда дать отпоръ наступавшему непріятелю. Однако еще задолго до того, какъ намъ удалось добраться до вершины, дикари разбрелись, предоставляя намъ располагаться на ночлегъ въ одной изъ деревень. Такъ какъ время было уже отдыхать, мы тутъ и остановились, но прежде всего, разумѣется, озаботились укрѣпить свою позицію противъ ночного нападенія.

Нужно замѣтить, что ярость туземцевъ постоянно возростала вплоть до того момента, когда поджигали ихъ деревни; какъ только они видѣли свои жилища объятыя пламенемъ, такъ гнѣвъ ихъ немедленно потухалъ, изъ чего мы заключили, что огонь успокоительно дѣйствуетъ на ихъ нервы.

Селеніе Гавира, въ которомъ мы на этотъ разъ ночевали, стоитъ на 4657 футовъ выше уровня моря. День былъ для пѣшеходовъ

чрезвычайно пріятный, потому что съ юго-востока все время дулъ намъ на встрѣчу свѣжій вѣтерокъ. Если бы не было вѣтра, мы бы страдали отъ жары. Когда солнце сѣло, стало совсѣмъ холодно, а къ полуночи температура понизилась до 600 Фаренгейта. Мы прошли девять миль и почти всѣ жаловались на усталость, благодаря не только скорому ходу, но и постоянному возбужденію.

13-го числа мы направились къ востоку на разсвѣтѣ, чтобы успѣть сколько нибудь пройти спокойно, покуда туземцы сидятъ по домамъ, не рѣшаясь подвергаться холодной утренней сырости. Короткая трава на лугахъ была еще покрыта крупными каплями росы, какъ послѣ дождя. Аррьергардъ немного задержался разрушеніемъ нашихъ ночныхъ укрѣпленій, что дѣлалось для того, чтобы дикари не знали какъ и изъ чего мы ихъ создаемъ; вскорѣ однако же и отсталые догнали насъ и мы въ полномъ порядкѣ вышли изъ округа, готовые къ дальнѣйшимъ подвигамъ. До третьяго часа утра мы шли среди полнѣйшей тишины и спокойствія. Мы любовались видами и на досугѣ наблюдали очертанія обширной равнины къ сѣверу отъ восточной Итури, замѣчали какое громадное количество коническихъ холмовъ замыкаетъ горизонтъ съ сѣвера, и какъ эти коническія вершины сплочиваются въ одну сплошную горную массу на востокѣ и на западѣ; какъ къ югу вся поверхность земли представляетъ ряды волнистыхъ холмовъ, въ каждой складкѣ которыхъ протекаетъ своя особая рѣчка; и какъ наконецъ, миляхъ въ пяти впереди, горная цѣпь Ундуссуммы тянется на востокъ въ страну Балегга, очертанія которой были мнѣ такъ хорошо знакомы, и тамъ образуетъ заливообразные изгибы, въ которыхъ множество поселеній находятъ и воду и свѣжіе луга для своихъ стадъ, и орошеніе для посѣвовъ проса; а затѣмъ хребетъ загибается къ сѣверу и заканчивается на востокъ отъ насъ. Отсюда уже намъ видно было, что слѣдуя тому же направленію черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ проходить между сѣверной и южной цѣпью и должны упереться въ соединяющій ихъ отрогъ, на вершинѣ котораго виднѣлось нѣсколько селеній. Къ этимъ-то селеніямъ, замыкавшимъ нашъ горизонтъ, мы и направились теперь, намѣреваясь оттуда высматривать дальнѣйшій нашъ путь и обдумывать планъ дѣйствій.

Въ 9 часовъ утра туземцы начали пошевеливаться и оглядываться по сторонамъ. Туманъ разсѣялся, небо прояснилось и малѣйшая подробность пейзажа видна была на далекое разстояніе. Вскорѣ они замѣтили въ полѣ извивающуюся подвижную линію нашего каравана и подняли крикъ, до того пронзительный и громкій, что сотни другихъ сбѣжались изъ болѣе отдаленныхъ пунктовъ и провожали насъ хищ-

ными глазами, въ которыхъ пылала непримиримая ненависть, и злоба. Сколько деревень мы прошли, ничего не тронувъ! Но это они, повидимому, нисколько не находили съ нашей стороны похвальнымъ, а приписывали скорѣе нашему малодушію и трусости, не взирая на то, что могли имъ на этотъ счетъ повѣдать ихъ сосѣди. Мы инстинктомъ чуяли, что наше скромное поведеніе принимаютъ за сознаніе нашего безсилія. Человѣкъ пятьдесятъ туземцевъ стояли толпой въ ста двадцати саженяхъ отъ нашей тропинки и наблюдали за нами. Они видѣли какъ мы мирно прошли поперекъ ихъ деревни, не прикоснувшись къ ихъ собственности, глядя прямо передъ собою и занятые лишь своимъ дѣломъ. Но вмѣсто того, чтобы проникнуться благоговѣніемъ къ такой нашей добродѣтели, они сомкнулись вслѣдъ за нами, громко и повелительно приглашая своихъ согражданъ собраться и окружить насъ, что̀ тѣ съ величайшею готовностью и начали исполнять. Какъ только имъ показалось, что они набрались въ достаточномъ числѣ для открытаго нападенія, такъ они и бросились на арріергардъ, но тамъ ихъ тотчасъ встрѣтили дружнымъ залпомъ изъ ружей.

Каждые полчаса намъ приходилось переходить поперекъ глубокой лощины, на днѣ которой непремѣнно была рѣчка, густо обросшая по обоимъ берегамъ высокими камышами, и вотъ тутъ-то требовалось соблюдать всевозможную осторожность, чтобы не наткнуться на дикарскую засаду.

По мѣрѣ нашего движенія на востокъ, селенія, виднѣвшіяся на горизонтѣ, становились все яснѣе, а цѣпи холмовъ, между которыми пролегалъ нашъ путь, сходились все ближе и у меня зародилось предчувствіе, что черезъ часъ или два мы увидимъ озеро Альбертъ-Ніанзу. Однако дикари становились съ каждой минутой отважнѣе и рѣшительнѣе; они такъ быстро собирались, такъ громко и воинственно кричали и такое ихъ было множество, какъ будто передъ нами какой-то драгоцѣнный кладъ, который они взялись защищать, или же Эминъ-паша съ своимъ гарнизономъ очутились въ томъ положеніи, въ какомъ былъ Гордонъ въ теченіи своихъ послѣднихъ часовъ въ Хартумѣ. Воинственные крики раздавались съ каждаго холма, толпы превратились въ полчища и мы убѣдились, что туземцы собираются нанести намъ рѣшительный ударъ. Мы обвели глазами окрестности и увидѣли, что на каждой вершинѣ чернѣютъ массы людей, между тѣмъ какъ по всей равнинѣ тянутся къ намъ длинныя вереницы, точно муравьи собравшіеся въ походъ.

Въ 11 часовъ мы были близъ гребня послѣдней гряды холмовъ, отдѣлявшихъ насъ отъ отрога, къ которому мы стремились, какъ

вдругъ мы увидѣли небольшое войско туземцевъ, двигавшихся по дорогѣ съ такимъ разсчетомъ, чтобы перерѣзать намъ путь по ту сторону рѣчки, выходившей изъ этихъ холмовъ. Я предчувствовалъ, что насъ атакуютъ съ пригорка, надъ самымъ истокомъ рѣчки. Нашъ авангардъ былъ уже не больше какъ въ 50 саженяхъ отъ этого пригорка и я распорядился чтобы, дойдя до него, люди поскорѣе взяли направо, сложили бы вьюки на вершинѣ и сомкнулись въ боевомъ порядкѣ.

Едва мы взошли на пригорокъ, какъ передовой отрядъ туземнаго войска густою толпой обложилъ его съ другой стороны и немедля ни минуты съ обѣихъ сторонъ началась стрѣльба. Однако наши винчестерскія ружья одержали рѣшительный перевѣсъ: какъ ни звонко кричала эта дикая орда, но ружейная пальба оглушила ихъ, а зловѣщій свистъ пуль приводилъ въ ужасъ храбрѣйшихъ. Авангардъ бросился на нихъ по склонамъ пригорка и не прошло минуты, какъ туземцы ужъ бѣжали во всѣ стороны съ быстротою антилопъ. Наши люди гнали ихъ на пространствѣ около одной мили, но какъ только я велѣлъ протрубить сборъ, они вернулись съ точностью солдатъ на парадѣ, что было мнѣ еще пріятнѣе того мужества, которое они выказали въ началѣ битвы. Когди имѣешь дѣло съ людьми плохо понимающими военную дисциплину, то всего опаснѣе въ нихъ это стремленіе гнать непріятеля какъ можно дальше, не взирая на то, зачѣмъ непріятель такъ скоро покинулъ поле сраженія. Въ Угандѣ, напримѣръ, это часто дѣлается съ умысломъ и составляетъ часть программы. Въ настоящемъ случаѣ 40 человѣкъ гнались за пятьюстами, а на ближайшихъ вершинахъ и справа и слѣва на это смотрѣли по крайней мѣрѣ три тысячи дикарей.

Выстроившись съизнова, мы продолжали путь, но въ 12 час. 30 мин. сдѣлали привалъ, чтобы отдохнуть и подкрѣпить свои силы. Вокругъ насъ на далекое разстояніе все было чисто и спокойно, громогласныхъ туземцевъ вовсе не было видно. Нашъ полдневный отдыхъ и имъ далъ время собраться съ мыслями; но хотя они несомнѣнно присмирѣли послѣ утренней стычки, однако же такое великое стеченіе народа изъ племенъ Балегга, Бавира и Уабіасси все-таки причиняло мнѣ безпокойство.

Послѣ часоваго отдыха мы пошли дальше, по превосходно утоптанной тропинкѣ, что и было оцѣнено людьми по достоинству, судя по бодрому и быстрому ихъ ходу. Въ четверть часа мы достигли вершины того, что издали принимали за соединительной отрогъ, и что оказалось просто возвышеннымъ плато, и оттуда увидѣли, въ разстояніи примѣрно двадцати-пяти миль, голубоватую и сплошную линію

плоскогорья, казавшагося отсюда чрезвычайно высокимъ и уходившаго за облака. При видѣ его люди выразили неудовольствіе и между ними послышался ропотъ обманутаго ожиданія. Я зналъ, что это Уніоро, что между нами и этимъ синѣющимъ, громаднымъ плоскогорьемъ лежитъ глубокая и обширная котловина, а на днѣ ея покоится озеро Альберта. Передъ нами теперь ничего больше не было, ни холмовъ, ни кряжей, ни возвышеній, а только эта огромная, голубоватая масса вдали. Восточные склоны южной и сѣверной горныхъ цѣпей круто спускались туда, въ эту глубокую, котлообразную долину. Наши люди, глядя вдаль на плоскогорье Уніоро, съ досадой восклицали: «Машаллахъ! Что же это будетъ? Это Ніанза все дальше и дальше отъ насъ уходитъ!»—А я старался приободрить ихъ говоря: «Смотрите въ оба, ребята! Теперь каждую минуту можете увидать Ніанзу!» — Но это утѣшеніе, равно какъ и всякая другая попытка ободрить ихъ, принята была съ недовѣріемъ и ворчбой.

Съ каждымъ шагомъ однако же становилось яснѣе, что мы подходимъ къ необычайно глубокой долинѣ—къ Ніанзѣ: все выше передъ нами подымалось противулежащее плоскогорье Уніоро, все ниже спускались горные склоны по обѣимъ сторонамъ нашей дороги, и вотъ наконецъ внизу, тамъ, въ глубинѣ показалось сѣрое облако — или туманъ — что это такое? Нѣтъ, это и есть Ніанза, покоящаяся въ туманѣ: — взгляните къ сѣверо-востоку, тамъ оно ужъ такого цвѣта какъ океанъ. Минуты двѣ люди безмолвно вглядывались въ даль и наконецъ, убѣдившись въ томъ, что передъ ними дѣйствительно вода, дали волю своимъ чувствамъ и разразились восторженными возгласами и рукоплесканіями.

Пройдя еще нѣсколько минутъ мы дошли до спуска съ высокаго плато и близь небольшой деревеньки, расположенной на юру, сдѣлали привалъ, съ цѣлью осмотрѣться, записать показанія анероида, и обсудить, что теперь дѣлать.

Пока люди вокругъ меня веселились, плясали, приставали ко мнѣ съ поздравленіями и не могли надивиться, какъ я угадалъ и привелъ ихъ «на то самое мѣсто», — самъ я чувствовалъ себя далеко неспокойнымъ и недовольнымъ! дрожь пробирала меня при мысли, какъ мало шансовъ на то, чтобы въ этой странѣ можно было достать лодку, годную для плаванія по тревожнымъ водамъ Альберта. Какъ ни напрягалъ я зрѣнія, какъ ни всматривался въ зрительную трубу, ни на всемъ пространствѣ обширной равнины, ни на склонахъ, ни по берегамъ озера не видно было ни одного челнока и ни одного дерева настолько крупныхъ размѣровъ, чтобы изъ него можно было выдолбить челнокъ. Тутъ впервые встала передо мною мысль: неужели

понапрасну шли мы сюда столько времени, неужели всѣ эти труды, лишенія, безпрестанныя стычки, и жертва столькихъ жизней — пропадутъ даромъ?... а вокругъ меня, между тѣмъ, слышались вздохи облегченія и на каждыхъ устахъ трепетали благочестивыя слова: «Слава Богу!»

Можетъ быть представится еще возможность купить челнокъ, вымѣнять его на мѣдныя прутья и красное сукно? Въ самомъ дѣлѣ, было бы ужъ слишкомъ тяжело, если-бы всѣ наши трудны оказались тщетными.

Я смотрѣлъ на окружающій пейзажъ и думалъ, что это вовсе не то, чего я ожидалъ. Я плавалъ вокругъ всего Викторія-Ніанза и вокругъ Танганейки, и ужъ видѣлъ Мута-Нзиге съ плато подобнаго этому, и на каждомъ изъ этихъ озеръ можно было доставать челноки; а у Викторія-Ніанзы и Танганейки нетрудно было отыскать дерево настолько крупное, чтобы сдѣлать изъ него челнокъ. А здѣсь я видѣлъ передъ собою миль на двадцат обнаженные склоны, усѣянные глыбами камня, изборожденные глубокими и крутыми ущеліями и ручьями, по берегамъ которыхъ виднѣлись жидкія коймы жалкихъ кустовъ, въ промежуткахъ между ущельями крутые склоны были покрыты либо щебнемъ, либо грубой зеленой травой. Между подножіемъ этихъ длинныхъ склоновъ и самимъ озеромъ пролегала равнина, миль въ пять или шесть шириною, и до 20 миль въ длину, казавшаяся чрезвычайно живописной съ той высоты, на которой мы теперь находились: она была похожа на обширный паркъ, но только шатры у деревьевъ были такъ широки и развѣсисты, что нельзя было ожидать у нихъ стволовъ желательной толщины. Мнѣ казалось, что это все должны быть акаціи, терновники или просто кусты, что для нашихъ цѣлей вовсе никуда не годилось.

Анероиды показывали, что мы находимся на высотѣ 5000 футовъ надъ уровнемъ моря. Островокъ, нанесенный на картѣ Мэзона по компасу на востоко-юго-востокъ отъ Кавалли, долженъ быть въ шести миляхъ (около 10 верстъ) отъ нашей позиціи. Разложивъ передъ собою карту Ніанзы, составленную полковникомъ Мэзономъ, мы сравнивали ее съ тѣмъ, что такъ величаво раскинулось на двѣ съ половиною тысячи футовъ ниже насъ, и принуждены были сознаться, что эта карта сдѣлана замѣчательно точно. Единственныя, замѣченныя нами погрѣшности, состояли въ томъ, что не нанесены на карту нѣсколько незначительныхъ островковъ, да пропущены два или три зубца береговой линіи озера, вдающихся въ необычайно низкую равнину, образующую южную оконечность Ніанзы.

Я часто дивился описанію сэра Самуеля Бэкера, напирающаго

на необыкновенное протяженіе Альбертъ-Ніанзы къ юго-западу; особенно удивительно казалось мнѣ это описаніе послѣ того, какъ полковникъ Мэзонъ такъ безцеремонно обкромсалъ его «безграничность»; но теперь я чистосердечно сознаюсь, что сочувствую сэру С. Бэкеру, не взирая на упомянутую таинственную операцію Мэзона. Если бы озеро Альберта простиралось хоть вплоть до Хартума, едва ли оно могло бы произвесть на насъ болѣе сильное впечатлѣніе. Видъ на такое пространство воды и горъ по истинѣ грандіозенъ и какъ-то возвышаетъ душу. Озеро даже въ самомъ узкомъ концѣ своемъ имѣетъ обширное протяженіе, а когда слѣдишь глазами за очертаніемъ его гористыхъ береговъ, впечатлѣніе ширины и простора быстро возростаетъ, серебристый цвѣтъ прибрежныхъ мелководьевъ вскорѣ переходитъ въ темную лазурь океана, расходящаяся линія береговыхъ горъ постепенно сливается съ блѣдно-голубымъ небомъ, всѣ очертанія таютъ и на сѣверо-восточномъ горизонтѣ представляютъ однообразную синеву безконечной дали.

Нашъ обсерваціонный пунктъ находился подъ 1° 23′ с. ш. По компасу восточный конецъ озера обращенъ на юго-востокъ, а западный на юго-юго-востокъ. Между этими двумя оконечностями пять заливовъ, изъ которыхъ одинъ вдается въ материкъ на двѣ мили южнѣе прочихъ.

Плоскогорье Уніоро представляло почти сплошную равнину, насколько можно было судить отсюда: дальнѣйшій видъ на нее заслонялся отъ насъ высокимъ мысомъ, вдававшимся въ озеро съ западной стороны. Между этими двумя высокими странами, т. е. плоскогорьемъ Уніоро съ востока и гористымъ берегомъ съ запада, — къ югу отъ озера простиралась широкая и низкая равнина, которая въ прежнія, но очень отдаленныя времена навѣрное была подъ водами озера, теперь же она представляетъ совершенно сухую, твердую почву; одѣтую грубою травой, слегка подымающуюся по мѣрѣ своего удаленія къ югу и наконецъ поросшую колючимъ кустарникомъ, акаціей и терновникомъ, подобно тому уступу, который былъ непосредственно подъ нами.

Отдохнувъ 20 минутъ, мы начали спускаться съ высотъ къ озеру. Но прежде чѣмъ арріергардъ подъ начальствомъ лейтенанта Стэрса тронулся съ мѣста, туземцы собрались толпой, равной намъ по числу, и авангардъ едва успѣлъ спуститься на 500 футовъ, какъ дикари уже такъ окружили караванъ съ тыла, что Стэрсъ вынужденъ былъ пустить въ ходъ ружья. Снизу намъ видно было, какъ туземцы разсыпались по крутому спуску и слѣдуютъ за караваномъ съ обоихъ фланговъ.

Подползая все ближе къ своимъ жертвамъ и осыпая ихъ градомъ

стрѣлъ, дикари кричали: «*Ку-ля-ля ге-ле-льо?*» То есть: гдѣ заночуете нынче? Не видите развѣ, что вы окружены? Вотъ вы и попались, куда намъ нужно было!

Наши люди ни мало не смущаясь отвѣчали имъ: «Гдѣ мы заночуемъ нынче, туда вы не посмѣете придти, а коли мы попались туда, куда вамъ нужно, что-жь вы не подходите сразу?»

Хотя стрѣльба съ обѣихъ сторонъ была усердная, но мало кого задѣвала: слишкомъ неудобно было цѣлиться на такой крутизнѣ. Съ нашей стороны только одинъ былъ раненъ стрѣлой. Но эта стычка поддержала бодрость и оживленное настроеніе. Будь наши люди безъ вьюковъ и не такіе усталые, немногіе изъ этихъ зловредныхъ дикарей уползли бы обратно на гору.

Въ продолженіи трехъ часовъ мы спускались, останавливаясь каждыя пятнадцать минутъ, чтобы отбиваться отъ туземцевъ, которые въ числѣ сорока человѣкъ сопровождали насъ до самой равнины.

Въ полумилѣ отъ подошвы горы мы перешли черезъ ручей, слегка солоноватый и прорывшій себѣ очень глубокое русло, окаймленное съ обоихъ береговъ крутыми и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отвѣсными каменистыми стѣнами до 50 футовъ вышиной. На краю одной изъ такихъ стѣнъ мы и устроили себѣ лагерь, съ одной стороны совершенно неприступный, а съ другой мы тотчасъ вывели полукругомъ крѣпкую ограду изъ кустовъ, и разнаго матеріала, собраннаго въ опустѣлой деревушкѣ по сосѣдству. Замѣтивъ, что отважные дикари тоже сошли на равнину и полагая, что они замышляютъ напасть на насъ ночью, мы разставили впереди, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лагеря, цѣлую цѣпь часовыхъ, спрятавъ ихъ въ высокой травѣ. Часъ спустя послѣ наступленія темноты, шайка туземцевъ попыталась атаковать насъ, но была до крайности удивлена тѣмъ, что съ одного конца нашей передовой линіи до другого была встрѣчена ружейнымъ огнемъ.

Такъ кончился этотъ трудовой день и мы вполнѣ заслужили наступившій за тѣмъ отдыхъ.

Придя на мѣсто ночевки мы не забыли справиться съ указаніями анероидовъ: оказалось, что мы расположились лагеремъ на 2250 футовъ ниже нашего обсерваціоннаго пункта на краю плато.

14-го декабря мы покинули подножіе высокаго побережья и прошли пять миль поперекъ равнины, мягкимъ склономъ спускавшейся къ озеру. По дорогѣ мы самымъ тщательнымъ образомъ высматривали по всему жидкому лѣсу, нѣтъ-ли тутъ хоть одного дерева годнаго на устройство челнока; но исключая акацій, тамариндовъ и колючаго кустарника, ровно ничего не было, что доказывало, что хотя почва

достаточно сильна для произведенія плотной древесины, но настолько богата солями и щелочами, что для настоящей тропической растительности не пригодна.

Мы все-таки надѣялись склонить какихъ нибудь туземцевъ уступить намъ лодку, а кромѣ того считали вѣроятнымъ, что Эминъ-паша побывалъ уже въ южномъ концѣ озера и сдѣлалъ распоряженіе относительно того, чтобы мѣстное населеніе приняло насъ какъ слѣдуетъ; въ противномъ случаѣ все-таки мы сами имѣли право на время взять у нихъ челнокъ.

Мили за полторы отъ озера мы услышали, что неподалеку отъ насъ въ лѣсу кто-то рубитъ кусты. Мы остановились и всѣ замолчали, пока переводчикъ окликнулъ рубившаго и обратившись къ нему съ привѣтствіемъ, попросилъ отвѣтить намъ. Десять минутъ простояли мы безмолвно, покудо неизвѣстное лицо, оказавшееся женщиной, удостоило отвѣтомъ. Но тутъ, въ первый разъ за все мое пребываніе въ Африкѣ, мы услышали такую безстыдную ругань, на какую способны—по преданію—однѣ лишь торговки рыбой въ Биллингсчетѣ. Пришлось отказаться отъ дальнѣйшей бесѣды съ такой безсовѣстной бабой.

Мы послали переводчика съ нѣсколькими людьми впередъ, въ небольшое селеніе на берегу озера, принадлежавшее вождю по имени Катонза (иногда его называли также Кайя Нкондо), и велѣли имъ всѣми мѣрами постараться заслужить довѣріе жителей, отнюдь не обижаться отказами и вообще словеснымъ сопротивленіемъ, и только въ томъ случаѣ ретироваться, если отъ словъ дикари перейдутъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Мы же сами тѣмъ временемъ должны были полегоньку идти впередъ, и дойдя до деревни остановиться, покуда насъ не позовутъ.

Оказалось, что эти поселяне вовсе не подозрѣвали о нашемъ появленіи въ ихъ сторонѣ. Увидѣвъ нашихъ людей, они тотчасъ-же хотѣли убѣжать, но замѣтивъ, что ихъ не преслѣдуютъ, расположились на муравейной кучѣ, въ разстояніи одного выстрѣла изъ лука, и оттуда стали глазѣть на нашихъ, больше изъ любопытства чѣмъ отъ добродушія. Видя, что наши люди вѣжливы и учтивы и совершенно безобидны, они дозволили отряду подойти поближе, а замѣтивъ въ ихъ средѣ бѣлаго человѣка, сами подошли, но впрочемъ наши все время усердно повторяли завѣренія въ своихъ дружелюбныхъ намѣреніяхъ. Около сорока туземцевъ собрались съ духомъ и подошли на столько близко, что ужъ можно было переговариваться съ удобствомъ. Съ нашей стороны клялись своею жизнью, своей шеей и голубыми небесами, что никакого зла на умѣ не держутъ и не желаютъ причи-

нять, а ищутъ единственно дружбы и взаимной пріязни, въ ознаменованіе чего готовы принесть и приличные случаю подарки; туземцы же говорили, что хотя ихъ недовѣріе и колебанія могутъ быть истолкованы въ дурную сторону и даже приписаны страху, но что они встрѣчали—и нерѣдко встрѣчали—народъ называемый Уара-Сура, вооруженный точно такими же ружьями какъ у насъ, и эти люди просто убивали другихъ людей. Вѣдь можетъ быть и мы Уара-Сура, либо ихъ пріятели, такъ какъ у насъ такія-же ружья, и въ такомъ случаѣ они готовы биться съ нами сію минуту, какъ только узнаютъ что мы Уара-Сура или ихъ союзники.

— Уара-Сура! Уара-Сура? Чтоже это за народъ такой? Мы объ нихъ не слыхивали. Они откуда?—и т. д. и т. д. Битыхъ три часа мы стояли на солнцѣ и пережидали, пока длилась эта бесѣда. Наконецъ наши любезныя улыбки и ласковыя рѣчи начали производить благопріятное дѣйствіе, какъ вдругъ настроеніе туземцевъ измѣнилось: они стали посматривать на насъ угрюмо и выражать различныя подозрѣнія на своемъ жесткомъ уніорскомъ нарѣчіи, рѣзкіе звуки котораго такъ непріятно рѣжутъ уши. Въ концѣ концовъ мы потерпѣли полную неудачу и сами были виноваты въ этомъ, хотя конечно ненамѣренно. Дѣло въ томъ, что мы слишкомъ снисходительно отзывались объ Уніоро и о Каба-Рега, который, какъ мы узнали впослѣдствіи, злѣйшій ихъ врагъ. Поэтому они не захотѣли дружиться съ нами, ни брататься кровью, даже не приняли даровъ. Они сказали, что могутъ только дать намъ напиться воды и указать тропину вдоль озера.

— Вы говорите, что ищете бѣлаго человѣка? Мы слышали, что есть такой, у Кабба-Рега (Казати). Много лѣтъ назадъ здѣсь былъ бѣлый человѣкъ, онъ пришелъ съ сѣвера въ лодкѣ съ дымомъ (Мэзонъ-Бей), но онъ давно ушелъ, и это было когда мы были еще дѣтьми. Съ тѣхъ поръ въ нашихъ водахъ не бывало чужихъ лодокъ. Мы слышали, что есть чужіе люди въ Бусуа (Мсуа), но это далеко отсюда. Вамъ надо идти вдоль озера вонъ туда, къ сѣверу. Всѣ злые люди приходятъ оттуда. Мы не знаемъ ничего хорошаго и о тѣхъ, что приходятъ съ Итури. Иногда Уара-Сура заходятъ оттуда.

Они согласились указать намъ тропинку, шедшую берегомъ озера, но затѣмъ отступили въ сторону на равнину, и безъ всякой злобы совѣтовали намъ быть осторожными, но такъ и не взяли отъ насъ ни малѣйшей бездѣлицы.Дивясь ихъ странному поведенію, но впрочемъ не находя законнаго повода ссориться съ ними, мы въ раздумьѣ продолжали путь, въ довольно скверномъ настроеніи духа.

Размышляя о такомъ неожиданномъ разрушеніи всѣхъ нашихъ надеждъ, я пришелъ къ мысли что никогда еще изслѣдователи афри-

канскихъ дебрей не встрѣчали столь безотрадной перспективы. Съ момента нашего отплытія изъ Англіи 21 января 1887 года до настоящаго 14 декабря, мнѣ ни разу въ голову не приходило, чтобы достигнувъ цѣли своего странствія я могъ быть озадаченъ такимъ образомъ. Во всемъ этомъ одно только было утѣшительно, а именно то, что отнынѣ не оставалось больше никакихъ сомнѣній. Мы надѣялись получить здѣсь свѣдѣнія о пашѣ. Мы воображали, что губернаторъ цѣлой области, имѣющій въ своемъ распоряженіи два парохода, спасательныя лодки, челноки и тысячи разнаго люда, долженъ быть каждому извѣстенъ на такомъ небольшомъ пространствѣ какъ озеро Альберта, которое изъ конца въ конецъ можно переплыть въ 2 дня. Стало быть онъ или не могъ, или не хотѣлъ выѣхать изъ Уаделаи, или же ничего не зналъ о нашемъ прибытіи *). Когда мы, дойдя до послѣдней степени истощенія, вынуждены были покинуть свой стальной вельботъ въ Ипото, мы надѣялись на одно изъ трехъ: или паша, предувѣдомленный мною о нашемъ прибытіи, приготовитъ туземцевъ къ пріему экспедиціи; или мы купимъ себѣ челнокъ; или наконецъ сами его сдѣлаемъ изъ мѣстнаго матеріала. И что же? Паша и не думалъ посѣщать южной оконечности озера; никакихъ челноковъ достать нельзя; и въ довершеніе, не оказалось ни одного дерева, годнаго на выдѣлку челнока!

Съ тѣхъ поръ какъ мы вышли въ страну травянистыхъ луговъ, мы уже истратили пять ящиковъ патроновъ. У насъ осталось сорокъ семь ящиковъ, кромѣ тѣхъ, что оставлены въ Ипото съ капитаномъ Нельсономъ и докторомъ Перкомъ. Уаделаи отсюда въ двадцати пяти дняхъ сухопутной дороги и только въ четырехъ дняхъ пути водою. Если идти къ сѣверу пѣшкомъ, очень вѣроятно, что въ двадцать пять дней мы истратимъ двадцать пять ящиковъ, пробивая себѣ путь до Уаделаи, если тамошнія дикарскія племена похожи на южныя. Слѣдовательно, когда мы достигнемъ Эмина-паши, у насъ останется всего 22 ящика. Если же мы ему оставимъ только двѣнадцать ящиковъ, то у насъ самихъ будетъ десять, на возвращеніе черезъ такую страну, въ которой мы ихъ истратили тридцать. Десяти ящиковъ для насъ будетъ также мало, какъ и двѣнадцати для Эмина. Таковы были мои мысленные разсчеты, пока мы брели по берегу

*) Въ ноябрѣ 1887 г. Эминъ-паша писалъ своему другу, доктору Фелькину: «Все благополучно; я въ наилучшихъ отношеніяхъ со старшинами и народомъ; вскорѣ отправляюсь въ Кибаро, на восточный берегъ озера Альберта. Высылалъ партію развѣдчиковъ на встрѣчу Стэнли: но они воротились, покамѣсть ничего еще не слыхать о немъ. Ожидаю Стэнли около 15 декабря (1887)».—Мы прибыли 14-го.

озера къ сѣверу. Надѣясь на то, что у острова Касенья, къ которому мы теперь направлялись, можно будетъ достать челнокъ, я рѣшилъ пока ограничиться отысканіемъ какого либо судна дня на два, а если это не удастся, откровенно обсудить дѣло съ моими товарищами.

Въ полдень, на привалѣ за нѣсколько миль къ сѣверу отъ Катонзы, я въ первый разъ завелъ рѣчь объ отступленіи. Офицеры мои сильно удивились и огорчились.

— Ахъ, господа!—сказалъ я—не вытягивайте такихъ печальныхъ физіономій, не то мнѣ будетъ еще тяжелѣе. Разсмотримъ обстоятельства безъ обиняковъ. Если на островѣ Касенья не окажется челноковъ, что-же намъ еще дѣлать, какъ не уходить обратно? Это будетъ уже совершенно неизбѣжно. Сегодня и завтра мы посвятимъ все время на поиски, но послѣ этого вѣдь намъ опять предстоитъ голодная смерть, коли мы дольше останемся въ этой пустынной равнинѣ. Этотъ береговой уступъ вовсе не воздѣланъ, и никакихъ плантацій нѣтъ ближе тѣхъ, что на покинутомъ нами плато. Всѣ наши надежды были сосредоточены на Эминъ-пашѣ. Я думалъ, что онъ на короткое время пріѣдетъ въ эту часть озера на своихъ пароходахъ и заявитъ туземцамъ, что онъ ожидаетъ съ запада друзей въ гости. Что съ нимъ сталось и отчего онъ не заглянулъ сюда, намъ неизвѣстно. Но жители Катонзы говорили намъ, что они не видывали бѣлаго человѣка, съ тѣхъ поръ какъ тутъ бывалъ Мезонъ Бей. Они слыхали что въ Уніоро живетъ Казати. Но вѣдь не имѣя челноковъ мы пространствуемъ цѣлый мѣсяцъ, чтобы разыскать его.

Если не отступать, то я вижу только одинъ, возможный для насъ выходъ а именно: взять приступомъ какую нибудь деревню на берегу озера, окопаться тамъ, устроить укрѣпленный лагерь и подождать, что будетъ? По моему, вѣсть объ этомъ должна проникнуть въ Уніоро, или въ Уаделаи, или Кабба-Рега, и тогда Казати, или Эминъ, или хоть повелитель Уніоро можетъ настолько заинтересоваться, что пришлетъ узнать, что мы за люди?—Далѣе предстоитъ вопросъ о пропитаніи. Вы видите, что эти приозерные дикари не обработываютъ землю. Они ловятъ рыбу, добываютъ соль, и вымѣниваютъ жителямъ верхней равнины на зерно. Чтобы доставать себѣ зерна и намъ пришлось-бы всякій день влѣзать и слѣзать обратно по этимъ ужаснѣйшимъ каменистымъ кручамъ. Положимъ, что въ первую недѣлю, или около того, обитатели верхней равнины оказывали бы дѣятельное сопротивленіе нашимъ фуражирамъ, но въ концѣ концовъ они непремѣнно сдадутся и уйдутъ куда нибудь подальше, предоставивъ въ наше распоряженіе свою пустую землю. Согласитесь, что такой планъ совсѣмъ никуда не годится.

Если бы при насъ былъ нашъ вельботъ, или оказалось бы возможнымъ достать челнокъ, мы могли бы устроиться такъ: снарядивъ наше суденышко, посадивъ на него человѣкъ двадцать экипажа, снабдивъ ихъ на 10 или на 12 дней провіантомъ и давъ имъ командующаго офицера, мы пустили бы ихъ съ Богомъ вдоль озера, а сами забрались бы обратно на плато, заняли бы поближе къ краю удобное мѣстечко, немедленно укрѣпились бы въ немъ, стали бы во всѣ стороны дѣлать вылазки за провіантомъ,—а въ этомъ краю и зерна и скота мы видѣли довольно,—а часовые тѣмъ временемъ зорко слѣдили бы за всѣмъ, что дѣлается на озерѣ и ждали бы оттуда сигнала—огня или дыма. Когда наша лодка приплыла бы обратно, сотня вооруженныхъ людей сошла бы ей навстрѣчу и тутъ мы получили бы вѣсти о томъ, что Эминъ-паша живъ и здоровъ, а можетъ быть уже и уѣхалъ чрезъ Укеди и Усогу въ Занзибаръ. Это даже очень вѣроятно, такъ какъ, судя по послѣднимъ извѣстіямъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ имѣлъ такое намѣреніе. Но такъ какъ ни лодки, ни челнока у насъ нѣтъ, то,—хотя мы всего въ четырехъ дняхъ плаванія отъ Уаделаи, — нечего тратить драгоцѣнное время на изобрѣтеніе полумѣръ; здравый смыслъ повелѣваетъ намъ идти обратно въ лѣсъ, въ какомъ нибудь подходящемъ мѣстѣ вродѣ Ибуири сложить лишніе вьюки, оставить при нихъ выздоравливающую команду изъ Ипото и отъ Угарруэ и захвативъ съ собою вельботъ и достаточное число ящиковъ съ боевыми снарядами воротиться опять сюда. При настоящемъ необъяснимомъ отсутствіи Эмина и всякихъ о немъ извѣстій, съ нашей стороны было бы неблагоразумно тратить свои силы на перетаскиваніе съ мѣста на мѣсто такого количества лишнихъ снарядовъ, между тѣмъ какъ очень возможно, что Эминъ-паша уже окончательно выѣхалъ изъ этой области.

Послѣ полудня мы шли вдоль озера до тѣхъ поръ, пока островъ Касенья не оказался отъ насъ по компасу на 127°, или въ разстояніи одной мили, между тѣмъ какъ нашъ обсерваціонный пунктъ на вершинѣ плато былъ на 289°.

Мы сдѣлали ограду изъ кустарника и засвѣтло стали лагеремъ. Весь вечеръ мы обсуждали свое положеніе, получившее совершенно особую окраску, благодаря рѣшительному отказу Катонзы и его людей входить съ нами въ дружелюбныя сношенія.

Утромъ 15-го декабря я послалъ лейтенанта Стэрса и 40 человѣкъ къ обитателямъ острова Касенья, отстоящаго на 400 саженъ отъ берега. Такъ какъ озеро тутъ очень мелко, челнокъ съ двумя рыбаками, которыхъ Стэрсъ окликнулъ, прося подплыть ближе, не могъ причалить: тина тутъ чрезвычайно глубокая, невылазная и никто

не рѣшался вступить въ нее. У самой воды на побережьѣ растетъ странное дерево *амбачъ*, окаймляющее озеро и съ южной стороны какъ бы узкою бахромой, которая издали кажется не то высокимъ частоколомъ, не то заборомъ, на которомъ рыбаки развѣшиваютъ свои сѣти. Рыболовы указали дальше по берегу мѣсто, къ которому можно пристать ближе, между тѣмъ какъ съ того пункта, гдѣ они теперь находились, едва можно было различить звуки голосовъ. Все утро мы дожидались Стэрса, который завязъ въ тинѣ и болотахъ. Послѣ полудня я послалъ г. Джефсона съ сорока человѣками дальше къ пристани, указанной туземцами; это оказался небольшой пригорокъ, увѣнчанный деревьями, а у подошвы его вода дѣйствительно была достаточно глубока для причаливанья. На голоса нашихъ людей одинъ рыбакъ съ женою подплыли на разстояніе выстрѣла изъ лука и удостоили ихъ бесѣдой. Они говорили:

— Да, мы помнимъ, что здѣсь давно была лодка съ дымомъ и въ ней бѣлый человѣкъ (полковникъ Мезонъ) такой привѣтливый. Онъ застрѣлилъ гиппопотама и далъ намъ его съѣсть. Кости и о-сю пору лежатъ—около того мѣста, гдѣ вы стоите, можете сами посмотрѣть. Большихъ челноковъ нѣтъ здѣсь на озерѣ и нигдѣ по близости, въ самыхъ большихъ могутъ помѣститься никакъ не больше трехъ человѣкъ. Мы свои челноки покупаемъ у Уаніоро, на томъ берегу, вымѣниваемъ ихъ за рыбу и соль. Возмемся-ли мы доставить отъ васъ въ Уніодо письмо? Нѣтъ (они разсмѣялись). Нѣтъ, объ этомъ и думать нечего: на это годится какой нибудь старшина, большой человѣкъ, а мы люди маленькіе, не лучше рабовъ. Не продадимъ-ли челнокъ? На что-же вамъ такой маленькій челнокъ? На немъ нельзя далеко плыть, онъ годится только для ловли рыбы на прибрежныхъ отмеляхъ, вотъ какъ здѣсь. А вы откуда пришли? Со стороны Итури? Ну, такъ вы злые люди. Кто когда слыхалъ, чтобы съ той стороны приходили добрые? Если бы вы были не злые, у васъ была бы большая лодка, какъ у того бѣлаго человѣка, и вы также били бы гиппопотамовъ. Ступайте, ступайте: вонъ ваша дорога. Тамъ вы встрѣтите свою братію, злыхъ людей, которые убиваютъ другихъ. Здѣсь нѣтъ съѣстныхъ припасовъ, ни близь озера, ни на всей равнинѣ. На что намъ копать землю? Мы рыбаки. Посмотрите кругомъ, видите что нигдѣ нѣтъ засѣяннаго поля. Идите назадъ въ горы, тамъ для васъ найдется пища, а здѣсь нѣтъ ничего. Наше дѣло добывать соль, ловить рыбу и относить нашъ товаръ туда на верхъ, для обмѣна на зерно и бобы. Это островъ Касенья, онъ принадлежитъ Кавалли, а за нами будетъ Нямсасси. Уходите дальше. Отчего вы не идете дальше и не попробуете счастья въ другомъ мѣстѣ? Первый бѣлый человѣкъ

со своей лодкой останавливался здѣсь на одну ночь, утромъ уплылъ и мы съ тѣхъ поръ никогда не видали ни его, ни другихъ бѣлыхъ.

Уходите прочь!—Неизбѣжный приговоръ, которому мы вынуждены были подчиниться, въ силу того закона, что для достиженія чего либо серьезнаго нужно употребить много труда и терпѣнія. Куда ни обращались наши взоры, двигаться впередъ нельзя было иначе, какъ постоянно сражаясь, убивая, уничтожая,—и рискуя быть уничтоженными. На походъ въ Уніоро у насъ не было денегъ, для Кабба-Рега не было подходящихъ товаровъ. Идти въ Уаделаи — значило понапрасну растратить патроны, безъ которыхъ пожалуй не удастся и возвратиться домой, и попадешь въ такое же безвыходное положеніе, въ какомъ—по слухамъ—находился Эминъ-паша. Глядя на озеро, мы принуждены были признать себя такими двуногими, которые безъ помощи какихъ нибудь плавучихъ снарядовъ неспособны передвигаться водою. Словомъ, всѣ пути намъ заказаны, исключая того, по которому мы пришли, а съѣстные припасы наши пришли къ концу.

На вечернемъ совѣщаніи мы порѣшили избрать единственный разумный планъ, а именно воротиться къ Ибуири, отстоявшее отсюда на 18 дней пути, тамъ построить прочное укрѣпленіе, выслать сильный отрядъ въ Ипото за вельботомъ, вьюками, офицерами и слабосильной командой, которыхъ доставить въ укрѣпленіе; затѣмъ оставить при нихъ трехъ или четырехъ офицеровъ и пятьдесятъ ружей и поспѣшать въ ставку Угарруэ, оттуда выслать въ Ибуири другую партію выздоравливающихъ и продолжать путь на встрѣчу маіору съ арріергардной колонной, чтобы предупредить ихъ конечную гибель, помѣшать имъ запутаться въ дебряхъ, изъ которыхъ мы сами едва спаслись, и соединившись съ ними всѣмъ вмѣстѣ идти назадъ въ свое укрѣпленіе, а потомъ сюда, и отсюда, съ помощью вельбота, закончить свою экспедицію какъ слѣдуетъ, не тревожась больше участью арріергарда, которая все время насъ мучила и отвлекала наши мысли и силы.

На другой день, 16-го декабря, сильная буря съ дождемъ задержала насъ въ лагерѣ до 9 часовъ утра. Жесткая почва низкой равнины медленно впитывала влагу и въ первый часъ по выступленіи мы шли по водѣ, мѣстами по колѣна. Потомъ пошла волнистая мѣстность, поросшая травою не болѣе трехъ дюймовъ вышины, и раскидистыми группами кустовъ и низкихъ деревьевъ, на подобіе искусственно-разведеннаго парка. Дойдя до тропинки, соединявшей пристань острова Касеньи съ горнымъ ущельемъ, изъ котораго мы пришли, мы прошли поперекъ ея и направились параллельно берегу озера, но поодаль отъ него, примѣрно на полторы мили. Тутъ мы увидѣли цѣ-

лыя стада дичины и такъ какъ наши люди начали уже страдать отъ безкормицы, мы рѣшили постараться доставить имъ мясное блюдо. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, мнѣ таки посчастливилось застрѣлить самца *куду*, а Саатъ-Тато убилъ оленя. За двѣ мили дальше пристани Касанья мы остановились.

Заночевавъ тутъ мы намѣревались обмануть жителей селенія Катонзы, которые навѣрное стали бы наблюдать куда мы пошли, и зная что сами они обошлись съ нами очень не ласково, естественно ожидали-бы съ нашей стороны отместки. Ночью мы намѣрены были воротиться опять къ подножію горнаго ущелья и до разсвѣта начать подъемъ на крутизну, чтобы взобраться на вершину прежде чѣмъ туземцы верхняго плоскогорья проснутся и выйдутъ изъ своихъ жилищъ. Мы всячески должны были избѣгать стычекъ съ этимъ народомъ при подъемѣ на такія каменистыя кручи, имѣя притомъ на плечахъ такія тяжелыя ноши.

Часа въ 3 пополудни, покуда мы занялись дѣлежемъ дичины и раздачею ея нашимъ проголодавшимся людямъ, послышался воинственный вой туземцевъ и съ полдюжины стрѣлъ упало въ средину нашего лагеря. То былъ отличный образчикъ слѣпого тупоумія или полнаго безголовія этихъ дикарей: десятокъ людей вздумалъ нападать среди бѣлаго дня на 170 человѣкъ хорошо вооруженныхъ и вполнѣ подготовленныхъ къ самозащитѣ. Само собою разумѣется, что испустивъ свои вопли и стрѣлы они тотчасъ повернулись и пустились бѣжать во всю прыть. И они правы были, что понадѣялись на свою прыткость, потому что когда нѣкоторые изъ нашихъ бросились за ними въ погоню, дикари съ невѣроятной быстротой исчезли изъ вида. Эти десять туземцевъ были тѣ самые, что приходили наканунѣ освѣдомляться, не сбились-ли мы съ дороги.

Бродя по берегу озера за дичью, довольно далеко отъ лагеря, я видѣлъ громадныя кучи костей битой дичины: тутъ были свалены вмѣстѣ остовы многихъ различныхъ породъ животныхъ, отъ слоновъ и гиппопотамовъ до мелкихъ лѣсныхъ козловъ. Очень вѣроятно, что туземцы всего округа дѣлали на нихъ облаву и согнавъ звѣрей въ одно мѣсто, съ помощью огня, стрѣляли ихъ кучами на пространствѣ какихъ нибудь 150 саженъ въ поперечникѣ.

Саатъ-Тато поранилъ буйвола и хотѣлъ было преслѣдовать его, но благоразумно удалился, увидѣвъ, что матерой левъ взялъ это дѣло на себя.

По мѣрѣ удаленія къ сѣрево-востоку берега озера становятся удивительно живописны. Я замѣтилъ больше двадцати мѣстъ, какъ нельзя лучше приспособленныхъ къ устройству поселенія: это все

ближайшіе къ озеру мягкіе склоны, покрытые мелкимъ бѣлымъ пескомъ, часть котораго безпрерывно омывается набѣгающими волнами. Сзади по ярко-зеленымъ травянистымъ покатостямъ разбросаны свѣжія группы деревьевъ, всюду пасутся стада разнообразнѣйшихъ породъ дичины, а во всѣ стороны разстилаются изумительно - величественные и красивые виды.

Въ 5 часовъ 30 мин. вечера мы встали, собрались, молча выстроились и безшумно направились къ подножію плоскогорья. Съ нами было трое больныхъ, двое еще не успѣвшихъ оправиться послѣ нашей бѣдственной жизни въ лѣсу, а третій простудился во время вчерашней бури съ дождемъ и у него была сильная лихорадка.

Въ 9 часовъ вечера мы наткнулись на селеніе, что нѣсколько сбило насъ съ толку; но возвышавшаяся впереди гора, нависшая надъ нами какъ туча, успокоивала насъ и не дала воротиться назадъ, что̀ мы могли бы сдѣлать собственно изъ-за того, что ночь была совершенно темная. Въ полномъ молчаніи мы тихо прошли черезъ спавшее селеніе и направились по тропинкѣ, ведшей изъ него; но тропинка, скоро перешедшая въ чуть замѣтный слѣдъ, наконецъ совсѣмъ пропала. Мы шли еще часъ, пристально вглядываясь въ черную массу горы, высившейся надъ нами на фонѣ звѣзднаго неба. Но усталость взяла свое, даже пылкій нашъ авангардъ остановился: мы какъ стояли, повалились на траву и уснули какъ убитые, позабывъ всѣ свои заботы.

На разсвѣтѣ мы встали, насквозь промокшіе отъ росы и далеко не успѣвъ отдохнуть какъ слѣдуетъ. Взглянувъ на громадную стѣну; которую предстояло намъ теперь одолѣвать, мы увидѣли, что до нея осталось еще мили двѣ ходьбы. Она возвышалась четырьмя гигантскими уступами, каждый по 600 футовъ вышины. Мы прибавили ходу и вскорѣ дошли до начала подъема. Анероидъ показывалъ что мы находимся на 150 футовъ выше уровня озера, которое съ своей стороны на 2400 футовъ выше уровня океана; и кромѣ того мы были теперь на 2500 футовъ ниже вершины того отрога или перемычки между сѣвернымъ и южнымъ кряжами, восточные обрывы которыхъ угрюмо стояли передъ нами.

Покуда носильщики завтракали остатками вчерашней мясной порціи, тридцать отборныхъ стрѣлковъ пошли впередъ, чтобы скорѣе занять вершину крутаго подъема и оттуда защищать караванъ, который съ тяжелымъ грузомъ будетъ взбираться по камнямъ.

Послѣ получасоваго роздыха мы усердно промолвили „Бисмилляхъ!“ и начали подыматься по скалистымъ выступамъ, еще скользкимъ отъ недавняго дождя. Утомительный ночной переходъ, холодная роса,

мелкій дождь и свѣжая температура ранняго утра плохо подготовили насъ къ восхожденію на высоту 2500 футовъ (около 360 саженъ) Въ довершеніе неудобства восходящее солнце палило намъ спины, а камни накаляясь обдавали жаромъ наши лица. Одинъ изъ нашихъ больныхъ въ бреду ушелъ куда то въ сторону, другой, въ припадкѣ желтой лихорадки, легъ и не захотѣлъ идти дальше. Пройдя половину горы мы увидѣли внизу двѣнадцать туземцевъ изъ Контозы, бѣжавшихъ по нашимъ слѣдамъ съ очевидною цѣлью догонять отсталыхъ. По всей вѣроятности они наткнулись на нашихъ несчастныхъ больныхъ и легкость, съ которою имъ довелось пронзить своими копьями безоружныхъ и безъ того сраженныхъ болѣзнью людей, придала имъ охоту искать новыхъ жертвъ. Но лейтенантъ Стэрсъ, которому поручено было вести арріегардъ, конечно могъ проучить ихъ не на шутку, лишь бы они попались ему на глаза.

На вершинѣ втораго уступа мы нашли ручей превосходной свѣжей воды, что было для насъ истинною благодатью, потому что раскаленныя солнцемъ глыбы кварца и гнейса нестерпимо жгли тѣло. Какъ ужасно трудно было людямъ это восхожденіе, ясно было изъ того какъ они медленно и въ разбродъ ползли по камнямъ, и какъ потъ ручьями лился по ихъ обнаженнымъ спинамъ. Хорошо что наши искусные стрѣлки такъ зорко охраняли караванъ на верхнемъ краю обрыва, потому что нѣсколькимъ отважнымъ дикарямъ ничего-бы не стоило переколоть въ это утро большую часть нашихъ измученныхъ и задыхавшихся тружениковъ.

На вершинѣ третьяго уступа мы сдѣлали краткій привалъ. Отсюда видѣнъ былъ весь пройденный нами путь и весь нашъ караванъ, арріергардъ котораго все еще карабкался по кручамъ перваго (нижняго) уступа; я увидѣлъ также и 12 дикарей, слѣдившихъ за ними на разстояніи 200 саж., и замѣтилъ какъ они, одинъ за другимъ, наклонялись надъ какимъ-то предметомъ, который, какъ я впослѣдствіи узналъ отъ командира арріергарда, былъ нашъ второй упавшій въ дорогѣ больной. Каждый изъ дикарей проходя вонзалъ въ него копье.

Замѣтивъ все это, ихъ рѣшились примѣрно наказать и отрядили Саатъ-Тато съ четырьмя другими мастерами этого дѣла въ засаду: они спрятались за большіе камни, изъ-за которыхъ могли все наблюдать, не будучи замѣчены.

Черезъ два часа и три четверти мы взошли на вершину плато и соединились съ авангардомъ, оказавшимъ въ это утро такую важную услугу каравану. Въ то время какъ арріергардъ еще продолжалъ восхожденіе, мы услышали рѣзкій трескъ ружейныхъ выстрѣловъ и

догадались, что это наши стрѣлки изъ своей засады мстятъ за убійство двухъ больныхъ товарищей. Одинъ дикарь былъ застрѣленъ на мѣстѣ, другого обливавшагося кровью подхватили и унесли, а за ними тотчасъ скрылись и остальные свирѣпые туземцы.

Пока мы остановились немного отдохнуть, авенгардъ отправился навѣдаться въ сосѣднюю деревню, которая вѣроятно служила рынкомъ или мѣстомъ обмѣна товаровъ между озерными жителями и обитателями плоскогорья, въ этой деревнѣ оказались богатые запасы зерна. Эта пріятная новость быстро разнеслась по всему каравану, вскорѣ мы завладѣли всѣми запасами и могли раздать своимъ людямъ по пяти большихъ суточныхъ порцій зерна и бобовъ на каждаго человѣка.

Въ часъ пополудни мы выступили дальше, строжайше приказавъ людямъ идти въ должномъ порядкѣ и не уходить изъ фронта, во избѣжаніе несчастныхъ случайностей и напрасной траты силъ. Туземцы, во время нашего роздыха собравшіеся въ великомъ множествѣ, шли не навстрѣчу намъ, а по бокамъ и съ тыла. Большой отрядъ дикарей попрятался въ высокой травѣ, черезъ которую они думали, что мы пойдемъ; но мы свернули въ сторону и выбрали такое мѣсто, гдѣ трава была совсѣмъ короткая. Видя, что этотъ маневръ не удался, они вышли изъ засады и старались на разные другіе лады удовлетворить своей упрямой ненависти къ намъ.

Переходя глубокую лощину близь пригорка, уже бывшаго мѣстомъ нашей борьбы съ ними, центръ колонны и арріергардъ нѣсколько запутался въ камышахъ и разбился на три или четыре кучки; третій изъ нашихъ больныхъ въ это время отсталъ; намѣренно ли онъ это сдѣлалъ, или просто ослабѣлъ и легъ въ траву, но только онъ больше не выходилъ изъ этой лощины. Мы въ авангардѣ между тѣмъ остановились, чтобы дать время остальнымъ подойти и вновь выравняться, въ эту минуту раздались оглушительные крики радостнаго торжества и до 400 туземцевъ кинулось вслѣдъ за нами по скату пригорка, не обращая вниманія на прикрытіе арріергарда. Нѣтъ сомнѣнія, что эта радость обнаружилась по тому поводу, что они прикололи нашего больного. Уже трехъ человѣкъ мы лишились! И они бросились за нами въ надеждѣ дальнѣйшихъ успѣховъ въ этомъ родѣ. Дѣйствительно, люди арріергарда, придавленные своими вьюками и съ трудомъ волочившіеся въ тылу колонны, были настолько утомлены, что легко могли попасть въ бѣду. Но на ту пору изъ авангарда выдѣлился одинъ искусный стрѣлокъ, отошелъ въ сторону отъ своихъ и поближе къ бѣгущимъ за ними обрадованнымъ дикарямъ, и два раза выстрѣлилъ по непріятелю: первая пуля положила одного на мѣстѣ, вторая

пробила руку другому и засѣла у него въ боку. На нѣсколько секундъ все смолкло, затѣмъ весь авангардъ обернулся и перейдя въ тылъ немедленно избавилъ товарищей отъ преслѣдованія.

Черезъ часъ послѣ этой стычки мы стали лагеремъ на холмѣ съ плоскою верпшиной, съ котораго открывался далекій видъ на роскошныя поля. Ноги у насъ болѣли и мы были утомлены больше чѣмъ когда либо.

Вечеромъ я размышлялъ о томъ странномъ явленіи, что дикари такъ страшно боящіеся смерти, такъ часто однако же подвергаютъ себя опасностямъ. Потери, понесенныя ими во время стычекъ 10-го, 11-го, 12-го и 13-го декабря кажется могли бы научить ихъ не раздразнивать чужеземцевъ, доказавшихъ имъ на дѣлѣ свою способность къ самозащитѣ. Одно время намъ показалось, что нашъ огонь заставилъ ихъ быть осторожнѣе: мы думали также, что идя спокойно своей дорогой, не обращая вниманія на ихъ крики и подзадориванья, и давая имъ отпоръ только въ случаяхъ прямаго нападенія, мы достаточно выяснили передъ ними планъ своихъ дѣйствій. Но теперь шелъ уже пятый день, что мы строго держались этой тактики; у насъ началась убыль въ людяхъ, а впереди предстояло еще столько работы, что нельзя было терять ни одного человѣка. Надо было дважды побывать въ лѣсу, сходить въ Ипото за вельботомъ, отнести его на Ніанзу, обойдти всѣ берега озера до Уаделаи, проникнуть даже до Дюффлэ, коли понадобится, чтобы разузнать объ Эминѣ; опять воротиться на помощь маіору Бартлоту и арріергарду, которые тѣмъ временемъ вѣроятно уже жаждутъ, чтобы мы помогли имъ выполнить ихъ тяжкую задачу,—а затѣмъ снова пройти мимо этихъ племенъ чрезъ всю луговую равнину безголовыхъ храбрецовъ. По этому я рѣшилъ на завтра попробовать, какое впечатлѣніе произведетъ на нихъ нападеніе съ нашей стороны и не достаточно ли будетъ одинъ разъ хорошенько проучить ихъ и отнять нѣкоторое количество скота, чтобы они убѣдились, что жить съ нами въ мирѣ выгоднѣе чѣмъ воевать.

На другой день вставъ еще до свѣту, я вызвалъ охотниковъ для этой новой экспедиціи: восемьдесятъ человѣкъ тотчасъ выступило впередъ. Я далъ имъ слѣдующія краткія инструкціи:

— Вы видите, ребята, что дикари сражаются не иначе какъ перебѣгая съ мѣста на мѣсто: у нихъ длинныя ноги и зоркіе глаза. Для сегодняшняго дѣла мы, бѣлые, вовсе не годимся, у насъ разболѣлись ноги, мы очень притомились и въ здѣшней сторонѣ не можемъ бѣгать далеко. Поэтому ступайте вы, подъ начальствомъ своихъ старшинъ. Идите, отыщите тѣхъ злодѣевъ, что умертвили вчера нашихъ боль-

ныхъ. Отправляйтесь прямо въ деревни, уводите всѣхъ коровъ, овецъ и козъ, какія попадутся подъ руку. Поджигать хижины не нужно; главное дѣйствуйте живѣе, и выгоняйте ихъ какъ можно дальше, чтобы ни въ горахъ, ни въ лощинахъ, заросшихъ камышемъ, никого не оставалось. Приведите нѣсколько плѣнниковъ, чтобы черезъ нихъ я могъ передать свой приказъ ихъ племенамъ.

Мы съ своей стороны воспользовались этой остановкой чтобы привесть въ порядокъ свои личныя дѣла. Наша обувь и платье пришли въ полную негодность и мы провели нѣсколько часовъ работая ножницами, шиломъ и иглой.

Въ 5 часовъ пополудни наши волонтеры вернулись, и пригнали порядочное стадо коровъ съ телятами и быковъ. Шестерыхъ быковъ мы немедленно велѣли заколоть и раздать людямъ по отрядамъ, что привело ихъ въ неописанный восторгъ.

— Такъ-то,—разсуждалъ стрѣлокъ Саатъ-Тато,—неровно идетъ наше житье въ этихъ мѣстахъ: гдѣ густо, гдѣ пусто. Двухъ дней кряду не бываетъ одинаковыхъ. Вотъ теперь станемъ ѣсть говядину покуда не ослѣпнемъ, а черезъ мѣсяцъ, дай Богъ коли удастся хоть лѣсными бобами поживиться.—Саатъ-Тато пришелъ къ тому же выводу какъ и я, а именно, что жизнь въ Африкѣ состоитъ изъ сцѣпленія разнородныхъ мученій, изрѣдка прерываемыхъ короткими минутами удовольствія.

Въ этой высокой равнинѣ было очень холодно. Съ тѣхъ поръ какъ мы вышли изъ лѣса, каждый вечеръ на закатѣ солнца подымался такой густой, пронизывающій туманъ, что мы по неволѣ искали гдѣ бы отъ него укрыться, а по утрамъ на разсвѣтѣ было такъ свѣжо, что зубъ на зубъ не попадалъ. Утромъ 18-го декабря термометръ Фаренгейта показывалъ 59° (+12° по Реомюру), люди наши были совершенно голы, благодаря маньюмамъ, которымъ они сбыли свою одежду изъ за корма; и они теперь были рады воспользоваться кожаными куртками туземцевъ и рогожами, которыя выдѣлываютъ лѣсные дикари. Испытавъ на себѣ какъ холодно бываетъ въ этихъ открытыхъ полянахъ, мы больше не дивились тому, что мѣстные жители не вылѣзали изъ своихъ жилищъ до 9 часовъ утра и сами охотно послѣдовали бы ихъ примѣру, если бы это было совмѣстно съ предпринятымъ нами дѣломъ.

19-го декабря мы пустились по холмистой равнинѣ къ Мазамбони. Когда мы подходили къ Гавирѣ, толпа туземцевъ окликнула насъ, говоря: — Наша страна у вашихъ ногъ. Никто больше не станетъ мѣшать вамъ. Только вы оказали бы намъ большую милость, если бы убили начальника Ундуссумы, который подсылалъ насъ задержать васъ.

Въ полдень, поровнявшись съ холмами племени Балегга, мы замѣтили, что за нами слѣдятъ двѣ шайки, каждая по 40 человѣкъ. Наконецъ онѣ окликнули насъ и выразили желаніе «посмотрѣть намъ въ лицо». Мы позволили имъ подойти, но предварительно сложить оружіе; на это они не согласились, когда же мы приказали имъ въ такомъ случаѣ убираться прочь, они ушли довольно смиренно.

Послѣ полудня мы пришли къ селеніямъ, въ которыхъ насъ такъ упорно донимали 12-го числа. Жители, разсѣянные группами по ближнимъ холмамъ, кричали какъ бѣшеные. Я двинулъ на нихъ авангардъ и холмы были очищены, не взирая на неистовую ругань, которою разражались Балегги.

Нѣкоторыя изъ захваченныхъ коровъ оказались дойными, также какъ и козы. Къ чаю и кофе молока было довольно, что доказывало, что и въ центрѣ Африки можно пользоваться кое-какими удобствами.

20-го мы проходили роскошной долиной Ундуссума, селенія которой были сожжены 10-го и 12-го числа. Съ тѣхъ поръ онѣ успѣли придти въ прежній видъ, всѣ хижины выстроены вновь, населеніе было также густо, кругомъ тоже довольство, но въ деревняхъ была мертвая тишина: жители сидѣли на горныхъ склонахъ и молча смотрѣли на насъ. Никто насъ не окликнулъ, никто не обидѣлъ и мы прошли въ полномъ порядкѣ и тишинѣ. Сравнивъ наше теперешнее къ нимъ отношеніе съ прежнимъ, быть можетъ эти приверженцы Мазамбони вступятъ въ дружбу съ нами, если мы предложимъ имъ свою пріязнь въ слѣдующій разъ, когда будемъ проходить ихъ землями? Намъ казалось неизбѣжнымъ, что на будущее время насъ примутъ если и не очень ласково, то по крайности учтиво. И такъ, въ виду нѣсколькихъ сотенъ воиновъ Мазамбони, мы ровнымъ шагомъ мирно прошли чрезъ обновленную долину. Тѣмъ временемъ просо дозрѣло, приспѣла пора собрать его въ житницы и по удаленіи нашемъ на западъ для здѣшнихъ жителей должны были настать счастливые дни.

На другой день мы вступили въ страну Абунгумовъ и переправившись черезъ восточную Итури, расположились лагеремъ на ея правомъ берегу.

22-го дневали. У лейтенанта Стэрса и у меня жестоко разболѣлись ноги и былъ сильнѣйшій приступъ лихорадки. 23-го прошли къ главному руслу Итури и убѣдились что Бабусессэ убрали прочь всѣ челноки. Пройдя берегомъ нѣсколько ниже къ такому мѣсту, которое было усѣяно островками, мы начали строить себѣ висячій мостикъ, перекинувъ его съ лѣваго берега на островокъ середи рѣки, и къ 2-мъ часамъ пополудни 24-го числа мостикъ былъ готовъ и очень прочно сдѣланъ, хотя заразъ по немъ могли проходить не болѣе двухъ че-

ловѣкъ. Уледи, шкиперъ «Аванса», съ отборнымъ отрядомъ изъ тринадцати человѣкъ, переплыли съ островка на правый берегъ, держа ружья на затылкѣ, и эти 14 молодцевъ по всѣмъ трущобамъ искали челноковъ, но такъ и не нашли. Между тѣмъ налетѣла гроза и пошелъ сильнѣйшій градъ, величиной съ крупные орѣхи, который сшибъ долой наши палатки, чуть не заморозилъ людей и напустилъ холоду, для всѣхъ очень непріятнаго. Температура съ 75° внезапно упала до 52° по Фаренгейту (+8½° Реомюра). Это продолжалось всего четверть часа, но когда солнце снова засіяло, оно освѣтило лагерь, засыпанный градомъ.

На разсвѣтѣ въ день Рождества я послалъ мистера Джефсона со старшиною Решидомъ за рѣку, нарѣзать банановыхъ стволовъ и устроить изъ нихъ плотъ. Къ полудню плотъ былъ готовъ и караванъ, переходившій до тѣхъ поръ по висячему мосту на островокъ, началъ переправу къ противоположному берегу на паромѣ, который могъ доставить за разъ по 4 человѣка и ихъ вьюки. Въ часъ 40 человѣкъ съ вьюками были уже на томъ берегу; тогда мы рискнули переправлять на этихъ банановыхъ палкахъ по шести человѣкъ съ вьюками, и къ 4-мъ часамъ пополудни весь отрядъ № 2 благополучно былъ доставленъ за рѣку. Отрядъ № 1 занялся тогда переправою рогатаго скота, а когда и арріергардъ перешелъ черезъ мостикъ, Саатъ-Тато захватилъ его своимъ вьючнымъ крюкомъ и нѣсколькими ловкими ударами уничтожилъ.

Къ полудню 26-го числа вся экспедиція была переправлена черезъ главное русло Итури. Ради праздника Рождества Христова шесть телятъ было заколото и роздано людямъ. На другой день одинъ изъ старшинъ умеръ отъ воспаленія легкихъ; онъ простудился на вѣтру, во время привала на краю плоскогорья, послѣ многотруднаго восхожденія съ при-озерной равнины, когда былъ весь въ поту. 29-го мы пришли въ Инде-суру; отсюда направились къ деревушкѣ изъ трехъ хижинъ, близь Айюгу. 1-го января 1888 года расположились лагеремъ въ Инде-тонго, а 2-го прошли мимо гигантскаго гранитнаго утеса въ лѣсу, на которомъ лѣсные туземцы иногда укрываются, во время своихъ междоусобныхъ войнъ.

6-го января прошли чрезъ Инде-муани и были на томъ мѣстѣ, гдѣ нашъ занзибарецъ Мшараша упалъ тогда съ бревна и сломалъ себѣ шею. Лѣсные живодеры—красные муравьи—успѣли обчистить ему черепъ такъ, что онъ былъ похожъ на крупное страусовое яйцо. Грудная клѣтка была еще цѣла, но нижнія конечности съѣдены до чиста.

На другой день пришли въ Ибуири и добрались до селенія Боріо,

но увы! напрасно мы ласкали себя надеждой устроиться тамъ съ комфортомъ: туземцы сожгли свои чудесныя жилища. Къ счастію для насъ, они имѣли предосторожность выбрать доски и весь матеріалъ который былъ получше и попрятать его въ кустахъ. Богатые запасы кукурузы также были поспѣшно убраны во временные шалаши, построенные въ непромокаемой чащѣ. Мы немедленно начали собирать доски и кукурузу и до наступленія вечера приступили к постройкѣ форта *Бодо*, т. е. Миролюбиваго.

Глава XIII.

ЖИТЬЕ ВЪ ФОРТѢ БОДО.

Главнѣйшія наши задачи.—Частоколъ вкругъ форта Бодо.—Инструкціи лейтенанту Стэрсу.—Онъ отправляется къ Килонго-Лонгу.—Нашествіе крысъ и москитовъ.—Лемуры тревожатъ насъ по ночамъ.—Полчища красныхъ муравьевъ.—Змѣи тропической Африки.—Мы подымаемъ египетскій флагъ.—Прибытіе изъ Ипото доктора Перка и капитана Нельсона.—Рапортъ о пребываніи ихъ у маньюмовъ.—Лейтенантъ Стэрсъ со стальнымъ вельботомъ.—Мы рѣшаемся тотчасъ отправиться къ озеру.—Вызовъ охотниковъ доставить письма маіору Бартлоту.—Нельсонъ и я заболѣваемъ.—Угеди беретъ въ плѣнъ одну изъ пигмейскихъ королевъ.—Наши маисовыя плантаціи.—Житье въ фортѣ Бодо.—Снова отправляемся къ Ніанзѣ.

Придя въ западное Ибуири, передъ построеніемъ форта Бодо, я чувствовалъ себя въ положеніи негоціанта изъ Сити, воротившагося изъ краткой отлучки въ Швейцарію или на морскія купанья и очутившагося передъ грудою дѣловыхъ писемъ, накопившихся въ его отсутствіе и требующихъ серьезнаго вниманія. Все это нужно вскрыть, прочесть, разсортировать, привести въ порядокъ, и вдумываясь въ ихъ содержаніе онъ ясно видитъ, что тутъ немало важныхъ дѣлъ, которыя надѣлаютъ ему хлопотъ, если тотчасъ же не приняться за нихъ усердно и методично. Намъ послужилъ вакаціями спѣшный и трудный походъ къ озеру Альберта, на помощь губернатору Экваторіи, взывавшему на весь свѣтъ: «Помогите, гибнемъ!» Ради этого похода маіоръ Бартлотъ оставленъ позади съ колонной арріергарда, больные и слабосильные размѣщены по ставкамъ Угарруэ и Килонга-Лонга; вся лишняя кладь зарыта въ пескѣ у Голоднаго Лагеря, или оставлена въ Ипото; вельботъ «Авансъ» разобранъ и запрятанъ въ кустахъ; Нельсонъ и докторъ Пэркъ на хлѣбахъ у маньюмовъ и все, что угрожало задержать насъ въ пути, остановить или затруднить походъ, было или сложено гдѣ нибудь на сторонѣ или пристроено иначе.

Но такъ какъ этотъ губернаторъ, предметъ всѣхъ нашихъ помышленій и постоянныхъ разговоровъ, или уѣхалъ во свояси, или не могъ, или же не хотѣлъ пойти на встрѣчу собственнымъ избавителямъ, пришлось наконецъ заняться всѣмъ тѣмъ, что ради его было отложено или заброшено. Я сдѣлалъ списокъ предстоявшихъ намъ задачъ:

Высвободить изъ когтей маньюмовъ Нельсона, Пэрка, всѣхъ слабосильныхъ, а также унести изъ Ипото стальной вельботъ «Авансъ», митральезу системы Максимъ и 116 вьюковъ.

Построить фортъ Бодо, снабдивъ его всѣми удобствами для поселенія гарнизона; сдѣлать въ лѣсу просѣку, расчистить ее, воздѣлать почву, насадить кукурузы, бобовъ и табаку, чтобы защитники ни въ чемъ не терпѣли нужды.

Снестись съ маіоромъ Бартлотомъ посредствомъ гонцовъ, или самому отправиться къ нему; проводить выздоравливающихъ отъ ставки Угарруэ.

Если окажется, что вельботъ украденъ или уничтоженъ, построить челнокъ для плаванія по Ніанзѣ.

Если узнаю, что Бартлотъ уже выступилъ, поспѣшить высылкою ему на встрѣчу провизіи и носильщиковъ.

Но прежде всего предстояло всѣмъ и каждому изъ насъ заняться возведеніемъ крѣпкой ограды, за стѣнами которой намъ уже легче будетъ возводить другія постройки, и можно работать не имѣя ружья за плечами. Въ наше отсутствіе жители западнаго Ибуири сожгли свое селеніе и вмѣсто деревни Боріо мы застали груду дымящихся обломковъ. Но лучшія доски были предварительно сняты съ домовъ и запрятаны, а кукуруза также была снесена шаговъ за триста во временные шалаши, въ частомъ кустарникѣ. Эти запасы представляли для насъ въ настоящее время громадную цѣнность.

18 января частоколъ вкругъ форта Бодо былъ готовъ. Сто человѣкъ срубали высокіе шесты, и приносили ихъ тѣмъ, которые вырыли узкую и глубокую канаву по всей наружной линіи форта и вбивали въ нее шесты крѣпкою, сплошною стѣной. Стоячіе шесты скрѣплялись тремя рядами поперечныхъ, связанныхъ съ ними крѣпкими ліанами и ротангомъ. По сю сторону шестовъ частоколъ былъ одѣтъ еще досками, такъ что и по вечерамъ гарнизонъ могъ спокойно веселиться вокругъ костровъ, не опасаясь ни злобныхъ карликовъ, ни кровожадныхъ дикарей, которые вздумали бы пустить въ лагерь отравленную стрѣлу и обратить веселье въ печаль. На трехъ углахъ форта возвышалось по сторожевой башнѣ въ 16 футовъ вышиной также тщательно обшитой досками; съ этихъ башень

караульные могли день и ночь наблюдать за малѣйшимъ движеніемъ за стѣнами форта, въ будущихъ засѣянныхъ поляхъ. Вдоль всего частокола шла изнутри скамейка, или приступокъ, съ котораго осажденные могли безопасно выглядывать наружу. Очень могло случиться, что въ то время, какъ мы займемся исполненіемъ всего ряда своихъ обязанностей, маньюмы соберутъ значительныя силы и нападутъ на наше укрѣпленіе; поэтому нужно было такъ устроить его, чтобы оно было непроницаемо не только для стрѣлъ, но и для пуль.

Когда прочная ограда была окончена, мы начали собирать матеріалы для офицерскихъ бараковъ, кладовыхъ, кухонныхъ строеній, амбаровъ для зерна, помѣщеній для прислуги и прочихъ; натаскали множество массивныхъ бревенъ для столбовъ и перекладинъ, сотни стропилъ, тысячи ліанъ и ползучихъ стеблей всевозможныхъ сортовъ для скрѣпы, громадныя кучи листьевъ фриніи для кровель, и когда эта черная работа тоже пришла къ концу, вечеромъ 18-го января я призвалъ лейтенанта Стэрса и передалъ ему слѣдующія частныя инструкціи:

„Завтра утромъ вы съ сотнею ружей выступаете въ Ипото, чтобы узнать, что сталось съ Нельсономъ, Пэркомъ и слабосильною командой, и всѣхъ оставшихся въ живыхъ препроводите сюда. Вы должны также принести вельботъ „Авансъ“ и столько товаровъ, сколько окажется возможнымъ захватить съ собою. Послѣднія извѣстія отъ Нельсона и Пэрка заключали много непріятнаго. Будемъ надѣяться на лучшее; но подъ вашимъ начальствомъ на всякій случай будетъ сотня здоровыхъ людей, которые теперь по силѣ не уступятъ маньюмамъ, а походъ къ озеру Альберта значительно поднялъ ихъ духъ. Маньюмовъ они ненавидятъ; выступаютъ въ походъ вполнѣ самостоятельно, имѣя при себѣ на все время достаточные запасы зерна. Вы съ ними можете теперь дѣлать все, что угодно. Если Нельсону и Пэрку не на что будетъ пожаловаться, исключая обычной у маньюмовъ скаредности и недоброжелательства, то не вступайте ни въ какія пререканія, не обвиняйте, не пеняйте, а просто возьмите нашихъ товарищей и наше добро, и возвращайтесь скорѣе. Если вельботъ цѣлъ и неповрежденъ, оставайтесь отдыхать не больше однѣхъ сутокъ, взвалите части „Аванса“ на плечи, и несите домой. Но если оставшіеся въ живыхъ разскажутъ вамъ, что на нихъ нападали безъ особаго повода, что пролили кровь, что кто-нибудь изъ бѣлыхъ и чернокожихъ палъ жертвою свирѣпости маньюмовъ; или если окажется, что они уничтожили вельботъ,—тогда соберите всѣхъ своихъ, устройте военный совѣтъ, обсудите хорошенько всѣ шансы, и тогда съ Богомъ дѣйствуйте, чтобы получить полное и окончательное удовлетвореніе.

Вотъ и все. Только помните, ради Бога, что каждый лишній день, сверхъ того времени, которое вамъ дѣйствительно понадобится на походъ туда и обратно, подвергнетъ насъ здѣсь той вѣчной, мучительной тревогѣ, безъ которой экспедиція кажется шагу не можетъ сдѣлать. Будетъ съ насъ и тѣхъ опасеній, которыми мы постоянно терзаемся по отношенію къ Бартлоту, Эмину-Пашѣ, Нельсону, Пэрку, больнымъ занзибарцамъ,—постарайтесь съ своей стороны не доставлять намъ еще дополнительныхъ терзаній.

Трехъ коровъ зарѣзали и подѣлили изъ нихъ мясныя порціи для экспедиціи Стэрса; людямъ роздали по 120 початковъ кукурузы; для командира и его двухъ пріятелей захватили козъ, куръ и банановъ и 19-го числа отрядъ выступилъ къ ставкѣ Килонга-Лонга.

Въ отрядъ Стэрса вошли:	Въ гарнизонѣ осталось:
88 солдатъ.	60 солдатъ.
6 старшинъ.	3 повара.
1 офицеръ.	4 мальчика.
1 мальчикъ-прислужникъ.	3 бѣлыхъ.
1 поваръ.	70 человѣкъ.
1 маньюмъ.	
98 человѣкъ.	

По уходѣ Стэрса я началъ строить обширный амбаръ для ссыпки трехсотъ бушелей кукурузы, а потомъ занялся штукатуреніемъ внутреннихъ стѣнъ нашей главной квартиры. Джефсонъ дѣятельно выравнивалъ полъ офицерскаго флигеля. Люди таскали глину, другіе утаптывали и трамбовали ее. Кровельщики устроили родъ деревянной рѣшетки, по которой настилали крышу изъ широколиственной фриніи; одни сколачивали лѣстницы, другіе разводили глиняное тѣсто для стѣнъ, третьи мастерили косяки, подоконники и двери, строили кухни, складывали очаги, вырывали помойныя ямы, или копали ровъ вокругъ всего укрѣпленія. Этотъ ровъ, въ десять футовъ (около 4½ аршинъ) шириною и въ 6 футовъ глубины, приходилось прокапывать въ очень жесткой желтой глинѣ, которая залегаетъ на 24 дюйма ниже верхняго слоя почвы, состоящаго изъ чернозема и перегноя. Когда дома были готовы, мы выбѣлили ихъ смѣсью изъ древесной золы съ водой, что придало имъ очень опрятный и красивый видъ.

28-го января главная квартира была вполнѣ готова. Мы расчистили около трехъ десятинъ земли, до-чиста вырубили кустарникъ на 85 саженъ разстоянія вкругъ всего форта, собрали всѣ остатки и обрѣзки бревенъ, что было полегче—перетаскали къ себѣ на топливо,

а самые тяжелые сложили въ кучи и сожгли на мѣстѣ, а на другой день убрали палатки и перешли на новоселье въ свои дома. Джефсонъ былъ въ восторгѣ и увѣрялъ, что у насъ «удивительно уютно». Вначалѣ чувствовалась сырость въ домахъ, но мы день и ночь жгли уголь на очагахъ и отъ этого вскорѣ всѣ стѣны окончательно просохли.

До 6-го февраля мы занимались дальнѣйшей расчисткой лѣса, но вскорѣ оказалось, что туземцы бродятъ по близости отъ укрѣпленія, втыкаютъ отравленныя колья по тропинкамъ, рубятъ наши бананы, и вообще дѣлаютъ разныя пакости; по этому я раздѣлилъ гарнизонъ на двѣ партіи и поручилъ имъ поочередно стеречь плантаціи и наблюдать за тѣмъ что дѣлается въ лѣсу. Въ этотъ день, въ разстояніи одной мили отъ укрѣпленія, найдено нѣсколько лагерей пигмеевъ, съ значительными запасами банановъ. Карликовъ разогнали, а лагери ихъ истребили.

Поживъ нѣсколько дней на новосельѣ мы убѣдились, что намъ суждено терпѣть нашествія крысъ, блохъ и мельчайшихъ микроскопическихъ москитовъ. Крысы поѣдали нашу кукурузу, кусали насъ за ноги, бѣгали въ перегонку черезъ наши лица и играли въ прятки подъ нашими одѣялами. Они какъ будто чутьемъ угадали, что туземцы замышляютъ сжечь западное Ибуири и заранѣе скрылись въ гущину лѣсныхъ кустовъ и плантацій кукурузы, справедливо полагая, что такія хорошія мѣста недолго останутся незаселенными. Покуда европейцы воздвигали свои удобныя жилища и распоряжались устройствомъ просторныхъ сараевъ и кладовыхъ, для ссыпки неистощимаго количества зерна, крысы спокойно выжидали, когда все будетъ готово. Но на зло имъ странные бѣлые люди вздумали вырыть вкругъ своей усадьбы длинный и глубокій ровъ съ отвѣсными стѣнами, въ которыя цѣлыя семейства крысъ, поспѣшавшихъ проникнуть въ фортъ, попадали и никакъ не могли вылѣзть обратно, а на утро «Ренди», моя собачка-крысоловка застала ихъ тамъ и въ нѣсколько минутъ умертвила всѣхъ до одной. Однако нѣсколько старыхъ, премудрыхъ крысъ изъ Занзибарской деревни таки проникли въ укрѣпленіе и вскорѣ размножились въ такихъ размѣрахъ, что мы считали ихъ истиннымъ божескимъ наказаніемъ, пока не привыкли къ ихъ вознѣ и грубому веселью.

Тѣмъ временемъ теплые и сухіе глиняные полы способствовали размноженію цѣлыхъ миріадовъ блохъ. Бѣдному «Ренди» онѣ житья не давали, да и намъ самимъ было немногимъ лучше. Пока мы одѣвались, онѣ покрывали тѣло сплошнымъ чернымъ налетомъ. Чтобы избавиться отъ нихъ мы рѣшились держать полы постоянно влажными и мести по два раза въ день.

Обыкновенныя частыя сѣтки, вставляемыя въ окна и двери противъ москитовъ, вовсе не защищали нась отъ здѣшнихъ мучителей этого разряда. Они пролетали сквозь отверстія этихъ сѣтокъ также свободно, какъ бы мыши пролѣзали сквозь сѣтки, приготовляемыя для антилопъ. Единственно дѣйствительнымъ противъ нихъ средствомъ были занавѣски изъ частой кисеи; но за то подъ защитой этихъ занавѣсокъ мы сами едва не задыхались отъ жары.

Мыла у насъ давно уже не было и для замѣны его мы сочинили смѣсь кастороваго масла съ древесной золой, что очень непріятно пахло и вообще было довольно противное вещество. Однако намъ удалось, послѣ нѣсколькихъ старательныхъ попытокъ, получить довольно густую массу: мы скатали ее въ шаровидные куски и находили удовлетворительной, такъ какъ она все-таки производила желаемое дѣйствіе.

Каждую ночь, отъ Ямбуйи до выхода въ травянистую равнину, мы слышали рѣзкіе крики лемуровъ. Сначала раздавались поразительно громкіе, медленные возгласы, которые, постепенно учащаясь, становились все громче, выше, пронзительнѣе и чаще, причемъ звуки бывали то сердитые, то раздирательные, то жалобные. Въ тишинѣ и темнотѣ ночи они производили самое странное впечатлѣніе. Вскорѣ, въ разстояніи какихъ-нибудь ста саженъ другой лемуръ—вѣроятно самецъ или самка перваго—отвѣчалъ совершенно такими-же криками. Когда такихъ парочекъ случалось по близости двѣ или три, не было никакой возможности уснуть, если по какой нибудь случайности проснешься среди ночи.

Иногда изъ лѣсной расчистки нападали на укрѣпленіе полчища красныхъ муравьевъ: для нихъ наши рвы и канавы не служили препятствіемъ. Они шли длинными, густыми, непрерывными рядами, имѣя на флангахъ своихъ сторожевыхъ воиновъ, спускались въ ровъ, безпрепятственно влѣзали по противуположному отвѣсу, пробирались черезъ частоколъ, между кольями, въ промежуткахъ между досками, черезъ приступокъ, наконецъ на площадку форта и тутъ часть направлялась осаждать кухню, другая забиралась въ главную квартиру, въ офицерскую столовую, и горе той необутой ногѣ, которая отважилась бы наступить на нихъ! Скорѣе дайте себя высѣчь крапивой, насыпать кайенскаго перцу на содранное мѣсто, или ѣдкаго кали на нарывъ, чѣмъ испытать какъ эти безбожные кусаки тысячами облѣпятъ васъ, залѣзутъ вамъ въ волосы, и начнутъ запускать въ ваше тѣло свои крѣпкія, блестящія челюсти, послѣ чего отъ каждаго укуса у васъ вскакиваютъ болѣзненные волдыри. При ихъ приближеніи всякая живая тварь трепещетъ, а люди вскрикиваютъ отъ боли, воютъ, скачутъ и извиваются.—Въ сухихъ листьяхъ фриніи, которыми по-

крыты наши зданія, слышится вдругъ торопливое шуршанье и возня, какъ будто тамошніе жители собрались переселяться. Лежа въ гамакѣ, подвѣшенномъ къ потолку, я наблюдалъ при свѣтѣ зажженной свѣчки, какъ эти мстители двигались по полу моего домика, какъ они лѣзли по стѣнамъ, заползали во всѣ щели и норки, изслѣдовали каждый слой фриніевыхъ листьевъ; я слышалъ какъ пищали слѣпые крысиные дѣтеныши, какъ испуганно и отчаянно визжали ихъ родители, и лежа благословлялъ красныхъ муравьевъ, какъ своихъ избавителей, желая имъ свершить какъ можно больше истребительныхъ подвиговъ; какъ вдругъ нѣсколько отрядовъ этихъ молодцевъ, очевидно позабывшихъ всякую дисциплину, свалились сверху прямо въ мою койку и мгновенно превратили своего доброжелателя въ яростнаго врага: я закричалъ благимъ матомъ, велѣлъ скорѣе принести горячихъ угольевъ и началъ тысячами палить ихъ живьемъ, такъ что воздухъ наполнился удушливымъ смрадомъ отъ печеныхъ и жареныхъ муравьевъ. Подѣломъ имъ!

Покуда мы рыли канаву въ твердой желтой глинѣ, намъ попадались, на глубинѣ пяти футовъ отъ поверхности почвы, совершенно обгорѣлыя деревья; между тѣмъ, тутъ же росли высокія деревья, имѣвшія отъ 100 и 150 до 200 лѣтъ отроду. Мѣстность была ровная и повидимому почва совсѣмъ нетронутая.

Насъ не мало удивляло между прочимъ то обстоятельство, что живя въ тропической Африкѣ, мы не страдали отъ укусовъ змѣй. Этотъ материкъ изобилуетъ всевозможными гадами, отъ серебристаго слѣпыша (typhlops) до громаднаго питона; но пока мы шли по Африкѣ то водой, то сушей, на пространствѣ болѣе 24000 миль, у насъ было только два случая укушенія змѣями, да и то несмертельныхъ. Но едва мы принялись за расчистку лѣстныхъ участковъ, стали копать землю и прокладывать дороги, какъ увидѣли, что мы часто рисковали жизнью», не подозрѣвая того. Пока мы убирали залежавшійся валежникъ, вырывали съ корнями подлѣсокъ и подготовляли землю къ обработкѣ, мы встрѣчали множество змѣй, изъ которыхъ нѣкоторыя были замѣчательно красивы. Однѣ, тонкія какъ хлыстики и зеленыя какъ нѣжные всходы пшеницы, свернувшись клубками, таились въ листвѣ кустарника и падали среди группы людей, зацѣплявшихъ своими крючьями эти самые кусты, чтобы вырывать ихъ съ корнями. Не мало находили мы ярко окрашенныхъ, пестрыхъ змѣй изъ рода Dendrophis; убили три экземпляра узорчатой кобры; четыре церасты выползали изъ своихъ норъ и бросались на людей, но также были убиты. Одну изъ рода Lycodontidae, съ длинными крючками или зацѣпками, намъ удалось сожечь въ ея норѣ; а пока люди взрывали

землю заступами, имъ то и дѣло случалось выворачивать изъ почвы плоскоголовыхъ, слѣпыхъ, серебристыхъ змѣй, ростомъ не крупнѣе землянаго червя. Черепахъ тоже было множество, а вонючіе хорьки часто оставляли намъ слѣды своего пребыванія.

Надъ каждой лѣсной просѣкой мы видали летающихъ коршуновъ, этихъ отважныхъ хищниковъ, но стервятниковъ встрѣтили въ первый разъ только по выходѣ изъ лѣса, въ степной области. Изрѣдка попадались грифы съ бѣлыми ошейниками, но попугаевъ было неисчислимое множество: отъ зари утренней до сумерокъ повсюду эти птицы заявляли о своемъ существованіи. Иногда цапли садились на деревья у просѣки, обыкновенно уже подъ вечеръ. Онѣ очевидно отдыхали на перепутьѣ, летя съ Ніанзы. Черный ибисъ и трясогузка были постоянными нашими спутниками въ дебряхъ. Когда на деревьяхъ встрѣчались ткачики, и особенно ихъ гнѣзда, то это былъ вѣрный признакъ, что гдѣ нибудь по близости есть деревня. По всѣмъ окрестностямъ и наконецъ даже въ нашихъ плантаціяхъ, не больше какъ въ шести саженяхъ отъ форта, бродили стада слоновъ. По лѣсу не мало было слѣдовъ буйволовъ и кабановъ, но ни одинъ изъ насъ не занимался естественной исторіей: у насъ не было ни времени, ни охоты собирать насѣкомыхъ, бабочекъ или птицъ. Съ нашей точки зрѣнія звѣри или птицы представляли собою нѣчто съѣстное, но не взирая на всѣ наши старанія, намъ очень рѣдко удавалось убить что нибудь. Мы замѣчали только то, что само лѣзло въ глаза или попадалось подъ ноги. Постоянныя серьезныя заботы мѣшали намъ заниматься чѣмъ либо постороннимъ. Бывало какой нибудь дикарь или одинъ изъ нашихъ занзибарцевъ принесетъ какую нибудь диковинку, рогатаго жука съ блестящей окраской, сфинкса, красивую бабочку, громадную богомолку, птичьихъ яицъ, или рѣдкое растеніе—лилію или орхидею,—черепаху или змѣю,—я любуюсь, похваливаю находку, а самъ все время думаю о другомъ. У меня была такая многочисленная семья, что недосугъ было заниматься пустяками. Не проходило ни одного часа, чтобы я не думалъ о Стэрсѣ, ушедшемъ въ Ипото; о Бартлотѣ и Джефсонѣ, которые теперь маются гдѣ нибудь по лѣсамъ подъ бременемъ своей богатырской задачи; или же мои мысли витали въ таинственномъ сумракѣ, окружавшемъ Эмина-Пашу; иногда я задумывался о злобныхъ карликахъ, о кровожадныхъ Балессэ и ихъ дѣйствіяхъ, или же просто о томъ, какъ и чѣмъ прокормить всю мою команду со дня на день, какъ въ настоящую минуту, такъ и за цѣлые мѣсяцы впередъ.

7-го февраля мы протянули канатъ для измѣренія подступовъ къ воротамъ укрѣпленія, а за тѣмъ нѣсколько дней сряду бо̀льшая часть

гарнизона занята была проложеніемъ широкихъ, прямыхъ дорогъ къ востоку и западу, какъ для удобства ходьбы, такъ и для облегченія защиты. Мы вырубили громадныя деревья и откатили ихъ въ сторону, а полотно дороги вычистили такъ чисто, что за триста шаговъ можно-бы было разсмотрѣть если бы по ней пробѣжала хоть мышь: къ Западу отъ укрѣпленія черезъ рѣку перекинули мостъ, чтобы развѣдчикамъ удобнѣе было во всякое время дня и ночи обходить плантаціи. Можно себѣ представить какое впечатлѣніе производила эта ярко освѣщенная обширная расчистка на хитрыхъ дикарей, которые привыкли держаться въ густой тѣни, ползать подъ гигантскими стволами наваленныхъ деревьевъ, по долгу высматривая и выжидая случаевъ къ нападенію. Теперь они должны были почувствовать, что имъ не удастся ступить на наши угодья или хотя бы перейти поперекъ дороги. безъ того, чтобы караульный прицѣлился въ нихъ изъ ружья, или развѣдчики распознали бы ихъ слѣды.

На другое утро мы водрузили длинный флагштокъ вышиною въ семь саженъ, подняли на немъ египетскій флагъ и позволили суданцамъ салютовать ему двадцатью однимъ выстрѣломъ.

Только что кончилась эта маленькая церемонія, какъ въ концѣ нашей западной дороги раздался также выстрѣлъ, часовой западной башни затянулъ: кто идетъ? и мы догадались что это нашъ караванъ идетъ изъ Ипото.

Прежде всѣхъ пришелъ докторъ Пэркъ, бодрый и веселый; но зато Нельсонъ, все еще страдавшій больными ногами и дотащившійся до укрѣпленія цѣлымъ часомъ позже, ужасно постарѣлъ, осунулся, черты лица его заострились, онъ сгорбился и походка у него была такая шаткая и медлительная, какъ у восьмидесятилѣтняго старика.

Приведенный ниже рапортъ говоритъ самъ за себя. Изъ него выясняется, что нашимъ офицерамъ, во время ихъ стоянки у маньюмовъ требовалось больше твердости, больше терпѣнія и душевной бодрости, чѣмъ намъ, во время нашего бурнаго похода въ степной области. Страдая отъ изнуренія, болѣзней и всякихъ обидъ отъ этихъ ужасныхъ негодяевъ-маньюмовъ, имъ нечѣмъ было вдохновляться, нечѣмъ поддерживать въ себѣ энергію и выносливость, между тѣмъ какъ насъ влекли впередъ разнообразные виды и впечатлѣнія, постоянное возбужденіе, напряженная дѣятельность, интересъ передвиженія, борьбы. Они изо дня въ день терпѣли во всемъ недостатокъ, нуждались въ самомъ необходимомъ, тогда какъ мы постоянно были сыты и даже роскошествовали. Но всего труднѣе для нихъ было, спокойно и любезно выносить грубое обхожденіе Измаили, Камиса и Сангарамени, этихъ рабовъ Килонга-Лонга, который самъ былъ рабомъ занзибарскаго купца Абидъ-бенъ-Селима.

Донесеніе врача Т. Г. Пэрка, члена военно-медицинскаго департамента, прикомандированнаго къ экспедиціи вспомоществованія Эмину-пашѣ.

Фортъ Бодо, 8 февраля 1888 г.

Сэръ!

Честь имѣю представить слѣдующее донесеніе. Согласно инструкціи, данной мнѣ вами 24-го октября 1887 года я, оставался въ ставкѣ маньюмовъ для присмотра за больными и за лишнею поклажей, которую вы покинули 28-го октября, вплоть до появленія присланнаго вами отряда, прибывшаго къ намъ 25-го января 1888 г. Изъ числа оставленныхъ вами больныхъ, семеро настолько поправились, что могли быть отосланы къ вамъ съ капитаномъ Джефсономъ 7-го ноября. Число оставшихся увеличилось присоединеніемъ къ нимъ 3-го ноября капитана Нельсона, его двухъ мальчиковъ - прислужниковъ и двухъ взрослыхъ; а также старшины Умари съ девятью занзибарцами, найденныхъ Килонга-Лонгою умирающими отъ голода въ лѣсу и доставленныхъ имъ въ нашъ лагерь 9-го января; итого въ лагерѣ было: 1 офицеръ 39 больныхъ; изъ нихъ капитанъ Нельсонъ и шестнадцать человѣкъ отправились съ присланнымъ отрядомъ; двѣнадцать человѣкъ въ то время были въ отлучкѣ, въ поискахъ за пищей, и слѣдовательно остались въ ставкѣ маньюмовъ; а одиннадцать человѣкъ умерло. Васъ конечно удивитъ такой высокій процентъ смертности, тѣмъ болѣе, что, за исключеніемъ двухъ случаевъ, она произошла исключительно отъ недостатка пищи. Со дня вашего ухода изъ ставки маньюмовъ до нашего вступленія оттуда 26-го января, старшины почти совсѣмъ не выдавали провіанта ни офицерамъ, ни нижнимъ чинамъ. Тѣ изъ людей, которые были довольно сильны, чтобы усердно поработать цѣлый день, получали иногда до десяти початковъ кукурузы въ день на человѣка; но такъ какъ ихъ далеко не всякій день брали на работу, то среднимъ число имъ приходилось получать по 3 початка въ сутки; тѣ же слабые и хворые, которые не въ состояніи были работать, совсѣмъ ничего не получали и были вынуждены питаться травой. Если вы припомните, какъ эти люди были уже изнурены прежними лишеніями, вамъ станетъ понятно, что безчеловѣчное отношеніе къ нимъ маньюмовъ могло быть причиною еще большей смертности.

Люди были очень дурно помѣщены, а вся ихъ одежда состояла изъ куска мѣстной рогожи, такъ какъ все свое платье они размѣняли на съѣстное. Они не только испытывали всѣ мученія голода, но еще и чрезвычайно жестокое обращеніе со стороны маньюмовъ, которые не давая имъ ѣсть доводили ихъ до кражи припасовъ, а за воровство

нещадно били палками, одного даже до смерти закололи копьемъ, именно Асмани-бенъ-Гассана.

Капитанъ Нельсонъ прибылъ въ состояніе крайней слабости и изнуренія: тщательный уходъ, хорошая пища были ему необходимы. Онъ сдѣлалъ визитъ старшинамъ и поднесъ имъ довольно цѣнные подарки, стоимостью около 700 рублей, съ цѣлью задобрить ихъ. Тѣмъ не менѣе они продолжали не давать провіанта ни офицерамъ, ни подчиненнымъ. Они говорили что никакихъ условій насчетъ продовольствія капитана Нельсона не было сдѣлано и все, что мнѣ перепадало отъ нихъ по части провіанта, зависѣло всецѣло отъ ихъ щедрости, а вы съ ними объ этомъ не договаривались. Я просилъ ихъ показать мнѣ письменный договоръ вашъ съ ними, что они и сдѣлали; они предъявили мнѣ и другой документъ, написанный по арабски, но этого я не могъ читать. Изъ вашего договора съ ними я узналъ, что они обязались прокормить оставленныхъ вами офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Я пробовалъ напомнить имъ объ этомъ, разсуждалъ, доказывалъ; тѣмъ не менѣе они стали присылать пищу все меньше и рѣже и наконецъ совсѣмъ перестали, подъ тѣмъ предлогомъ что, имъ самимъ ѣсть нечего. Верхомъ великодушія съ ихъ стороны бывало, что пришлютъ двѣ или три чашки кукурузы на продовольствіе капитана Нельсона, меня и мальчиковъ, а потомъ, дней черезъ шесть, семь, опять столько же. Въ теченіи послѣднихъ семи недѣль старшины не давали намъ уже совсѣмъ ничего. Благодаря такому ихъ поведенію, мы были вынуждены продать сначала свое собственное платье, а потомъ восемь ружей, принадлежавшихъ экспедиціи, чтобы достать хоть какой нибудь пищи для себя и мальчиковъ. Я нѣсколько разъ напоминалъ Измаили (старшинѣ) о его разговорѣ съ вами въ палаткѣ, наканунѣ вашего ухода изъ лагеря, когда онъ обѣщалъ вамъ заботиться объ офицерахъ и обо всѣхъ людяхъ, оставляемыхъ вами въ ставкѣ и снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ. Старшины увѣряли что имъ нечего давать намъ и потому они не могутъ выполнять условія, съ вами заключеннаго, а для продажи всегда у нихъ находилось всего сколько угодно; они хотѣли принуждать насъ вымѣнять все наше оружіе и боевые снаряды на ѣду. Я послалъ вамъ 7-го ноября съ капитаномъ Джефсономъ списокъ всѣхъ вещей, оставленныхъ подъ моей охраной, и въ день прибытія отряда все оказалось въ цѣлости, за исключеніемъ двухъ ящиковъ съ ремингтоновскими патронами и одного ружья, украденныхъ занзибарцемъ Сарабоко и вѣроятно проданныхъ старшинамъ маньюмовъ.

Было нѣсколько попытокъ украсть оружіе, ящики и прочее. Въ ночь на 7-е ноября подожгли хижину, въ которой былъ складъ на-

шего багажа, съ цѣлью воспользоваться суматохой во время пожара и разстащить все имущество. Этотъ планъ однако же не удался, потому что капитанъ Нельсонъ, страдавшій безсонницей, увидѣлъ огонь и во время предупредилъ насъ: съ помощью нашихъ мальчиковъ мы потушили пламя, прежде нежели вещи успѣли загорѣться. Тогда я разставилъ палатки согласно вашимъ указаніямъ, чего до тѣхъ поръ не могъ сдѣлать, не имѣя помощниковъ. Мы перетащили въ палатки всѣ ружья, снаряды, тюки и прочее, и въ одной изъ палатокъ поселился капитанъ Нельсонъ, въ другой я самъ. Мы всѣми мѣрами старались предупредить покражи; однако у Нельсона-таки украли одѣяло: воръ забрался въ палатку сзади и подползъ подъ спущенный край. Въ другой разъ я услыхалъ шумъ у входа въ мою палатку и, вскочивъ съ постели нашелъ ящикъ съ патронами, уже вытащенный саженъ за пять отъ палатки. Похититель скрылся въ темнотѣ.

Въ ночь на 9 января, снова услыхавъ шумъ за своей палаткой, и подозрѣвая опять воровство, я безшумно выползъ и накрылъ на мѣстѣ преступленія занзибарца Камарони, который тащилъ ружье чрезъ дыру, только что нарочно для этого прорѣзанную имъ въ полотнѣ палатки.

Жить въ ставкѣ маньюмовъ было вообще невыносимо. Не говоря уже о голодѣ, сами люди насъ окружавшіе, ихъ обычаи, образъ жизни и привычки отвратительны. Благодаря кучамъ навоза и всякихъ нечистотъ, а также разлагающихся частей растительныхъ отбросовъ, накоплявшихся по всѣмъ тропинкамъ и вкругъ всѣхъ жилищъ, селеніе стало разсадникомъ всевозможныхъ болѣзней. Капитанъ Нельсонъ больше двухъ мѣсяцевъ пролежалъ въ постели, да и у меня было зараженіе крови и рожистое воспаленіе, продержавшее меня въ постели пять недѣль. Пока мы были больны старшины то и дѣло навѣщали насъ и каждый разъ старались выпросить что нибудь, замѣченные ими въ палаткѣ. Жадности ихъ не было предѣловъ; а сами, наобѣщаютъ всего на свѣтѣ, и ровно ничего не сдѣлаютъ. Когда прибылъ Килонга-Лонга и съ нимъ 400 человѣкъ, считая женщинъ и дѣтей и рабовъ, провіанту вскорѣ въ самомъ дѣлѣ не достало и маньюмы начали высылать большіе отряды для добыванія пищи. Наши двѣнадцать занзибарцевъ, которыхъ недостаетъ теперь въ лагерѣ, ушли съ однимъ изъ такихъ каравановъ и еще не воротились въ то время какъ я выступилъ съ присланнымъ вами отрядомъ. Въ ставкѣ маньюмовъ такъ голодали, какъ разъ передъ нашимъ уходомъ, что одного изъ туземныхъ рабовъ, пошедшаго за водой подальше отъ лагеря, собственные его товарищи поймали, разрѣзали на куски и съѣли.

Въ заключеніе могу сказать, что мы съ капитаномъ Нельсономъ дѣлали все что могли для поддержанія мирныхъ отношеній съ маньюмами—какъ старшинами, такъ и рабами ихъ,—и разстались въ духѣ дружелюбія.

Т. Г. Пэркъ.

Г. М. Стэнли, Эсквайру,
Командующему Экспедиціею В. Э. П.»

Въ самомъ дѣлѣ, между измученными людьми, едва приползшими къ намъ изъ этой злокачественной ставки въ Ипото, и тѣми дюжими, лоснящимися молодцами, которые ходили къ озеру Альберта, контрастъ былъ поразительный: у тѣхъ на костяхъ вовсе не было мяса, мускулы высохли, сухожилія впали, и всѣ личныя, индивидуальныя черты до того стерлись, что очень трудно стало отличать одного отъ другаго.

12-го февраля явился лейтенантъ Стэрсъ со своею партіей, принесшіе всѣ части вельбота въ цѣлости и въ полномъ порядкѣ. Онъ былъ въ отлучкѣ двадцать пять дней и выполнилъ возложенное на него порученіе во всѣхъ отношеніяхъ превосходно, свято соблюдая всѣ пункты инструкціи.

Вечеромъ того же дня состоялось между нами и старшинами замѣчательное совѣщаніе по поводу дальнѣйшаго образа дѣйствій. Оказалось, что старшины всѣ до единаго стоятъ на томъ, чтобы непремѣнно тотчасъ же отправляться въ Ніанзъ, спустить вельботъ и разыскивать Эмина. Мнѣ не меньше ихъ хотѣлось разузнать что нибудь о пашѣ, но я былъ готовъ и отказаться отъ этой мечты, лишь бы поскорѣе узнать о судьбѣ маіора Бартлота. Однако всѣ, и офицеры и подчиненные, въ одинъ голосъ просили сперва разрѣшить вопросъ объ Эминъ-пашѣ. Наконецъ, послѣ взаимныхъ уступокъ, мы остановились на слѣдующемъ компромиссѣ: послать гонцовъ къ маіору Бартлоту, съ письмами, картой пройденнаго нами пути и другими указаніями, какія могли быть ему полезны. Рѣшили также, что отдохнувъ дня два, лейтенантъ Стэрсъ проводитъ этихъ гонцовъ до Угарруэ, и когда увидитъ, что они благополучно перебрались на другой берегъ, захватитъ съ собою всѣхъ людей, которые по слабости или болѣзни оставались въ ставкѣ Угарруэ съ 18-го сентября и приведетъ ихъ къ намъ. А для того, чтобы не лишать Стэрса «чести присутствовать при актѣ избавленія Эмина-паши», мы обѣщали подождать его до 25-го марта. Тѣмъ временемъ мы будемъ расширять свои поля и плантаціи, засаживать ихъ кукурузой и бобами, чтобы никогда не терпѣть недостатка въ провіантѣ, пока будемъ жить и дѣйствовать по лѣсамъ.

Отъ форта Бодо до Ипото всего 79 миль, а туда и обратно 158миль; лейтенантъ Стэрсъ совершилъ этотъ походъ въ двадцать пять дней,

дѣлая среднимъ числомъ около $6^3/_4$ мили въ день; но онъ дошелъ до Ипото въ 7 дней, столько же понадобилось на это разстояніе и Джефсону, и Уледи, такъ что по настоящему они проходили больше одиннадцати миль въ день. А такъ какъ ставка Угарруэ еще на 104 мили дальше Ипото, а отъ форта Бодо стало быть за 183 мили, мы разочли, что походъ въ 366 миль, предпринимаемый Стэрсомъ туда и обратно, долженъ былъ взять у него по крайней мѣрѣ 34 дня, считая по $10^3/_4$ мили въ день. И это былъ бы отличный ходъ, особенно лѣсомъ; а такъ какъ нужно было принимать въ разсчетъ какія нибудь задержки и случайности, могущія удлиннить время его отсутствія, мы рѣшили выступить къ Ніанзѣ 25-го марта, но идти полегоньку, тѣмъ больше, что неся части вельбота, мы и не можемъ подвигаться быстро, и такимъ образомъ дадимъ время Стэрсу нагнать насъ.

Утромъ 16-го февраля, на перекличкѣ, было объявлено, что вызывается двадцать человѣкъ охотниковъ, изъ числа самыхъ отборныхъ людей, для доставленія нашихъ депешъ къ маіору Бартлоту, и если они благополучно доставятъ ихъ, то каждый получитъ награды по 10 фунтовъ стерлинговъ (по сту рублей).

— Всѣ вы,—сказалъ я имъ,—выразили то мнѣніе, что прежде всего надо найдти пашу. Это хорошо. Но у меня и о маіорѣ сердце болитъ не меньше чѣмъ о пашѣ. И мы должны помочь обоимъ. Если вы припомните, какъ намъ съ вами бывало плохо въ лѣсу, то поймете, каково теперь маіору и его спутникамъ, въ безконечныхъ дебряхъ необитаемыхъ лѣсовъ, гдѣ они бродятъ, не зная куда идутъ и что ихъ ожидаетъ впереди. Подумайте, какъ бы мы всѣ обрадовались и были благодарны, если бы встрѣтили кого нибудь, кто бы намъ сказалъ: вотъ туда не надо ходить, тамъ васъ ждетъ голодъ и всякія бѣды, а вы лучше идите сюда. Поэтому, кто изъ васъ охотой пойдетъ и сдѣлаетъ это доброе дѣло, того мы всѣ и признаемъ молодцомъ и наградимъ какъ слѣдуетъ. Мистеръ Стэрсъ, который—вы знаете—никогда не устаетъ и ни отъ какого дѣла не отказывается, проведетъ васъ самъ до ставки Угарруэ и присмотритъ за тѣмъ, чтобы вы переправились черезъ рѣку съ достаточными запасами провіанта и патроновъ; а тамъ вы сами пойдете нашей прежней дорогой, и не можете съ нея сбиться, а будете помнить, что вы посланы за важнымъ дѣломъ и впереди ждетъ васъ большая награда. Вотъ письма, которыя надо отдать въ руки маіору, чтобы спасти отъ погибели его и братьевъ вашихъ. Ну-ка, посмотримъ, кто будутъ мои сторублевые гонцы?

Само собою разумѣется, что мои занзибарцы тотчасъ пришли въ восторгъ и каждый изъ нихъ считалъ себя героемъ. Больше пятидесяти человѣкъ выступило изъ рядовъ, вызывая товарищей сказать

что либо въ опровержение ихъ мужества и храбрости; и товарищи и офицеры подвергли ихъ такой подробной провѣркѣ, такъ вышучивали и строго оцѣнивали степень ихъ выносливости, подвижности, смышленности, а также душевную и тѣлесную крѣпость, что окончательно отобранные двадцать человѣкъ дѣйствительно могли удовлетворить всѣмъ требованіямъ начальства и товарищей; имъ роздали провіантъ и записали ихъ въ число тѣхъ, чѣмъ либо особенно отличившихся людей, которымъ по возвращеніи въ Занзибаръ обѣщаны были денежныя награды сверхъ той суммы, за которую они нанялись. Въ 9 часовъ утра лейтенантъ Стэрсъ выступилъ по дорогѣ въ Ипото и къ ставкѣ Угарруэ, снабженный достаточнымъ количествомъ куръ, козъ. кукурузы и банановой муки на все время продолжительнаго похода.

18-го февраля на моей лѣвой рукѣ, которая уже дня четыре передъ тѣмъ сильно болѣла, образовалась железистая сильная опухоль, предвѣщавшая на этомъ мѣстѣ большой нарывъ, какъ сказалъ докторъ Пэркъ.

Слѣдующія страницы представляютъ отрывки изъ моего дневника.

Съ 19-го февраля по 13 Марта.—Въ воскресенье вечеромъ 19-го числа у меня сдѣлалось воспаленіе въ кишкахъ, которое докторъ Пэркъ назвалъ-острымъ гастритомъ. Болѣзнь была на столько серьезная, что въ теченіи первой недѣли я почти ничего не сознавалъ, кромѣ сильной боли въ рукѣ и въ желудкѣ, да общаго состоянія безпомощности. Докторъ Пэркъ лечилъ меня усердно и ухаживалъ за мной съ чисто-женскою заботливостью. Я вдругъ очутился въ такомъ состояніи, что всѣ окружающіе только о томъ и думали какъ бы мнѣ услужить, только мною и занимались денно и нощно. Неизмѣнные друзья мои, Пэркъ и Джефсонъ исполняли обязанности сидѣлки, не отходили отъ моей постели, прислуживали; бѣдный Нельсонъ, самъ больной, изнуренный лихорадками, нарывами, сыпями и всѣми послѣдствіями своей ужасной агоніи въ Голодномъ Лагерѣ, все-таки приходилъ ко мнѣ, еле передвигаясь, и выражалъ свою симпатію. Подъ вечеръ докторъ позволялъ старшинамъ навѣщать меня, чтобы передавать перепуганнымъ занзибарцамъ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ какъ они меня нашли и чего ожидать отъ дальнѣйшаго хода моей болѣзни. Въ эти 23 дня я находился большею частію подъ вліяніемъ морфія, въ безсознательномъ состояніи. Теперь я медленно поправляюсь. Третьяго дня мнѣ прорѣзали нарывъ, достигшій значительныхъ размѣровъ, и боль прошла. Между тѣмъ мое пропитаніе за все это время состояло ежедневно изъ одного стакана молока (благодаря коровѣ изъ Баллегіи!) пополамъ съ водой! По этому я такъ ослабѣлъ, что едва могу двигать рукой.

За время моей болѣзни я имѣлъ несчастіе потерять двухъ прекрасныхъ людей, Сармени и Камвейя, убитыхъ стрѣлами, да одинъ изъ старшинъ получилъ серьезную рану. Случилось это во время обхода патруля, заходившаго до рѣки Ихуру, за четырнадцать географическихъ миль отсюда къ сѣверу. Уледи и его отрядъ отыскали мѣста жительства карликовъ и другихъ, болѣе рослыхъ дикарей, постоянно обкрадывающихъ наши банановыя рощи. Они живутъ въ Аллессэ и Ндэри, къ востоку отсюда, за четырнадцать географическихъ миль.

Уледи удалось захватить въ плѣнъ одну изъ пигмейскихъ королевъ, жену старшины въ Индекару. Мнѣ привели ее посмотрѣть. У ней на шеѣ было ожерелье или скорѣе ошейникъ изъ трехъ гладкихъ желѣзныхъ обручей, кольцы которыхъ свернуты на подобіе часовой пружины. На каждомъ ухѣ она носила по три желѣзныхъ кольца Цвѣтъ ея кожи свѣтлокоричневый, лицо круглое, широкое, большіе глаза, маленькій ротъ и толстыя губы. Она держала себя спокойно и скромно, хотя вся ея одежда состояла изъ узкаго куска мѣстной рогожи. Ростомъ она въ 4 фута и 4 дюйма, а отроду ей должно быть лѣтъ девятнадцать или двадцать. На ея рукахъ, когда она держитъ ихъ противъ свѣта, я замѣтилъ бѣловато-бурые волосы, въ родѣ шерсти. Кожа ея не имѣетъ той шелковистой гладкости, которою отличается кожа занзибарскихъ женщинъ, но вообще говоря она очень привлекательное маленькое созданіе.

Отъ 13 марта по 1 апрѣля. Къ 25 марта я уже настолько оправился, что могъ пройдти заразъ шаговъ двѣсти или триста. Рука все еще болѣла и я былъ очень слабъ. Нельсонъ между тѣмъ успѣлъ избавиться отъ цѣлаго ряда своихъ недуговъ и тоже начиналъ поправляться. Пока я выздоравливалъ, меня каждое послѣобѣда выводили на середку великолѣпной колоннады высокоствольныхъ деревьевъ, чрезъ которую шла наша дорога къ Ніанзѣ и тутъ я проводилъ цѣлые часы въ покойномъ креслѣ, читалъ или дремалъ.

Когда меня водили подъ своды этой зеленой аркады, я всякій день съ наслажденіемъ наблюдалъ за быстрымъ ростомъ нашихъ насажденій и за постепеннымъ превращеніемъ окружавшаго насъ дремучаго лѣса въ расчистки и прекрасно обработанныя поля. Эти расчистки, взрытыя, разрыхленныя и засаженныя, недолго представляли собою обнаженную поверхность бурой земли: какъ бы по мановенію волшебнаго жезла все пространство покрывалось сначала маленькими, нѣжно зелеными всходами кукурузы и не успѣешь оглянуться какъ тонкіе бѣлые стебельки, изогнутые дугою и старавшіеся пробиться сквозь комья земли, уже выпрямились, отбросили комья въ сторону,

расправились и выпустили вверхъ по нѣскольку тонкихъ листочковъ. Изо дня въ день я не могъ налюбоваться на то, какъ они росли, крѣпли, утолщались, а зелень становилась все гуще, крупнѣе и ярче. Наконецъ правильные ряды этихъ растеній образовали густыя аллеи, переплелись своими великолѣпными листьями и все вмѣстѣ превратилось въ роскошныя маисовыя поля, шелестъ которыхъ былъ похожъ на отдаленный прибой моря о песчаный берегъ въ тихую погоду.

Я благоговѣйно прислушиваюсь къ этой музыкѣ, пока другъ мой докторъ, сидящій тутъ же, неподалеку, наблюдаетъ за мною, а часовые караулятъ въ обоихъ концахъ аллеи. Легкій вѣтерокъ разгуливаетъ по лѣсу и затрогиваетъ кукурузу въ полѣ, а я сижу и смотрю, какъ ея верхушки раскачиваются, киваютъ другъ другу, граціозно шелестя и волнуясь, пока дремота овладѣваетъ всѣми моими чувствами, я теряю сознаніе окружающаго и переношусь въ міръ сладкихъ сновидѣній. Когда солнце склонится къ западу и пронижетъ лѣсъ мягкими, горизонтальныии лучами, мой добрѣйшій докторъ беретъ меня подъ руку, помогаетъ встать на ноги и тихонько ведетъ меня къ форту, между тѣмъ какъ на пути кукуруза киваетъ мнѣ на прощанье.

Въ этой теплой, плодородной почвѣ маисъ достигаетъ по истинѣ гигантскихъ размѣровъ: у насъ онъ не ниже подлѣска. Нѣсколько недѣль тому назадъ поле засѣяно, послѣ того довольно долго еще я могъ различить на обнаженномъ полѣ скачущую мышь, прошло еще немного времени—кукуруза была уже мнѣ по поясъ, а сегодня я съ трудомъ могъ достать двухъ-аршинной палкой кончикъ одного изъ мечевидныхъ листьевъ и цѣлое стадо слоновъ легко могло бы укрыться въ этомъ полѣ и не быть замѣченнымъ со стороны. Кукуруза уже цвѣла: громадные початки, разростаясь съ каждымъ днемъ, лежатъ въ своихъ многочисленныхъ пеленкахъ и обѣщаютъ богатѣйшую жатву, а у меня сердце радуется при мысли, что и во время нашего отсутствія тутъ нечего опасаться недостатка въ провіантѣ.

Завтра я рѣшилъ потихоньку выступить къ Ніанзѣ вмѣстѣ съ вельботомъ. Сорокъ шестой день уже какъ Стэрсъ ушелъ. Я послалъ двадцать человѣкъ гонцовъ къ маіору Бартлоту,—одинъ изъ нихъ впрочемъ уже вернулся. Вмѣстѣ со Стэрсомъ пошли еще шестеро. Въ укрѣпленіи я оставлю Нельсона и сорокъ девять человѣкъ; стало быть, остается 126 человѣкъ для сопровожденія вельбота къ Ніанзѣ. Итого изъ 389 человѣкъ авангардной колонны осталось 201, не считая тѣхъ выздоровѣвшихъ, которые могутъ еще придти изъ ставки Угарруэ.

Типпу-Тибъ очевидно не сдержалъ обѣщанія и поэтому маіоръ принужденъ дѣлать двойные этапы, за сотни миль отсюда. Мои девят-

надцать гонцовъ теперь должны быть гдѣ нибудь около Нэпоко, а Стэрсъ засталъ людей еще настолько искалѣченныхъ и истощенныхъ нарывами, что не можетъ подвигаться быстро. Съ отрядомъ изъ 126 человѣкъ попытаюсь во второй разъ пойдти на помощь къ Эминупашѣ. Гарнизонъ составился изъ всѣхъ тѣхъ, которые еще не набрались силъ, страдаютъ малокровіемъ—товарищи Нельсона по стоянкѣ въ Голодномъ Лагерѣ—или больны ногами; изъ этихъ иные ужъ неизлечимы.

Для обезпеченія форта Бодо сдѣлано не мало. У Нельсона будетъ надежное укрѣпленіе. Поля кукурузы и бобовъ удались превосходно. Послѣднихъ я сегодня отвѣдалъ въ первый разъ. Рощи банановъ, какъ говорятъ, неистощимы.

Наши широкія дороги тянутся на полмили въ обѣ стороны. Каждое утро патруль изъ десяти развѣдчиковъ обходитъ наши владѣнія, наблюдая, чтобы коварные карлики не уничтожали запасовъ гарнизона и никакіе дикари не могли бы внезапно напасть на людей, работающихъ въ поляхъ.

Докторъ Пэркъ сопровождаетъ насъ завтра къ Ніанзѣ, по усердной его просьбѣ. Хотя я нахожу, что его мѣсто въ укрѣпленіи, при инвалидахъ, но по правдѣ сказать и Нельсонъ со своими прислужниками можетъ сдѣлать то, что нужно по медицинской части: его мальчики отлично выучились промывать раны и накладывать бинты, намоченные карболовой кислотой съ водою.

По воскресеньямъ люди забавлялись тѣмъ, что продѣлывали военныя эволюціи по методѣ генерала Мэтьюса въ Занзибарѣ. Эти природные мимики такъ навострились, что даже голосу и всѣмъ движеніямъ генерала подражали въ совершенствѣ.

Вообще житье въ фортѣ Бодо для всѣхъ было довольно пріятно, исключая капитана Нельсона и меня. Правда, что мы всѣ постоянно волновались и тревожились участью нашихъ друзей. Кромѣ того, намъ хотѣлось поскорѣе тронуться въ путь и что нибудь дѣлать для довершенія нашего предпріятія; но непредвидѣнныя обстоятельства постоянно и помимо нашей воли задерживаютъ нашу дѣятельность. Поэтому мы старались по крайней мѣрѣ каждый свободный часъ посвящать накопленію возможно-большихъ запасовъ провіанта, въ надеждѣ, что судьба сжалится надъ нами и позволитъ намъ наконецъ снова увидѣть Бартлота, нашихъ друзей Джемсона, Уарда, Трупа и Бонни, прежде чѣмъ мы во второй разъ воротимся съ Ніанзы въ фортъ Бодо.

Глава XIV.

ВО ВТОРОЙ РАЗЪ ИДЕМЪ КЪ ОЗЕРУ АЛЬБЕРТЪ-НІАНЗА.

Затрудненія со стальнымъ вельботомъ.—Лѣсныя хитрости туземцевъ.—Плѣнные пигмеи, ихъ описаніе.—Переправа черезъ Итури.—Восторгъ доктора Пэрка при выходѣ изъ лѣсу.—Лагерь у Бессэ.—Занзибарское остроуміе.—Опять на холмѣ Нзера-Кумъ.—Сношенія съ туземцами.—«Малджу» или «Бородатый».—Первые слухи объ Эминѣ.—Старшина Мазамбони со свитою навѣщаетъ насъ.—Джефсонъ формально братается съ Мазамбони.—Врачи—Несторъ и Мурабо.—Племена Конго.—Посѣщеніе старшины изъ Гавиры.—Старшина племени Мхума.—Племена Бавира и Уахума.—Различные африканскіе типы.—Дружба съ Мпинга.—Гавира и зеркало.—Узанза, мѣсто, открытое со всѣхъ сторонъ.—Достигаемъ кавалли.—Старшина предъявляетъ письмо отъ Малиджу.—Письмо отъ Эмина.—Джефсонъ и Перкъ провожаютъ стальной вельботъ къ озеру.—Копія съ письма моего къ Эмину, посланнаго черезъ Джефсона.—Насъ посѣщаютъ дружелюбные туземцы.

Въ полдень 2-го апрѣля 1888 года, послѣ мелкаго дождя, моросившаго все утро, мы опять выступили въ походъ — съ цѣлью въ другой разъ попытаться найти пашу или проникнуть окружавшую его тайну. Съ нами былъ теперь нашъ стальной вельботъ, разобранный на двѣнадцать частей; а такъ какъ кормовая и носовая части были довольно обширны, то мы вскорѣ убѣдились, что придется вырубать на пути много кустовъ и деревьевъ, чтобы протащить ихъ лѣсомъ. Самъ караванъ, со всѣми вьюками, ящиками, тюками и прочимъ багажемъ не встрѣчалъ никакихъ затрудненій; и тѣ части бота, которыя были не шире двухъ футовъ, тоже проходили легко; но закругленныя стороны кормы и носа вязли между рядами колоссальныхъ деревьевъ, такъ что приходилось возвращаться назадъ, обходить кустами, и затѣмъ всетаки прорубать проходъ. Вскорѣ стало очевидно, что второй походъ къ Ніанзѣ черезъ лѣсъ задержитъ насъ нѣсколько дней лишнихъ.

Авангардъ, внимательно осматривая тропинку и до тонкости изучивъ всѣ предательскія уловки пигмеевъ и другихъ дикарей, выта-

щилъ изъ земли немалое количество разныхъ палокъ и кольевъ, искусно воткнутыхъ среди пути. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они были натыканы между листьевъ фриніи или у лежачаго бревна, чрезъ которое неопытный путникъ могъ перешагнуть, какъ черезъ низкую преграду и прямо попасть ногой на заостренный зубецъ, обильно пропитанный ядомъ. Но мы теперь были уже очень опытны въ такихъ лѣсныхъ хитростяхъ, а туземные мудрецы повидимому были настолько туги на выдумки, что ничего не могли изобрѣсть новаго для нашей погибели.

Слѣдующій нашъ ночлегъ былъ въ пигмейской деревнѣ, у переправы черезъ рѣку, а 4-го апрѣля мы пришли въ Индемуани. На другой день пришли въ другое селеніе пигмеевъ и тутъ въ банановой рощѣ, куда Саатъ-Тато съ нѣсколькими товарищами отправились за плодами, имъ удалось захватить въ плѣнъ нѣсколько карликовъ,— четырехъ женщинъ и одного мальчика, принадлежавшихъ къ двумъ совершенно различнымъ типамъ. Одинъ типъ былъ такъ называемый Акка, съ маленькими, хитрыми обезьяньими глазками, глубоко и близко другъ къ другу посаженными; другіе четверо были иного типа, съ большими, открытыми глазами на выкатѣ, съ широкими, выпуклыми лбами и круглыми лицами, съ маленькими руками и ногами, съ челюстями слегка выдающимися; они красиво сложены, очень миніатюрны и цвѣтъ кожи ихъ скорѣе всего можно назвать кирпичнымъ. Выраженія: недожаренный кофе, шоколадъ, какао, кофе со сливками, всѣ не вполнѣ точно обозначаютъ этотъ оттѣнокъ, но по моему всего ближе къ цвѣту этихъ крошечныхъ существъ подходитъ обыкновенный глиняный кирпичъ, не совсѣмъ высушенный. Саатъ-Тато донесъ мнѣ, что ихъ было человѣкъ двадцать, и всѣ они занимались тѣмъ, что воровали бананы у жителей селенія Индепуйя, которые вѣроятно оттого не защищали своего имущества, что услышали о нашемъ приближеніи и по обыкновенію разбѣжались. У женщины обезьяньяго типа были замѣчательно лукавые и недобрые глаза, выпяченныя губы, нависшія надъ подбородкомъ, большой животъ, узкая и плоская грудь, очень покатыя плечи, длинныя руки, ноги сильно вывернутыя внутрь, и въ добавокъ ноги ниже колѣна очень короткія; словомъ, эта женщина представляла собою давно искомый переходъ отъ средняго типа современнаго человѣчества къ его предкамъ по теоріи Дарвина, и во всякомъ случаѣ должна быть причислена къ самому низкому, бестіальному типу человѣка. Одна изъ остальныхъ женщинъ, очевидно имѣла ребенка, хотя ей едва ли могло быть больше шестнадцати лѣтъ. Она была сложена безукоризненно, цвѣтъ ея кожи былъ свѣжъ и здоровъ, глаза блестящіе, большіе, открытые; верхняя губа того особаго очер-

танія, которое я замѣчалъ у племени Уамбутти, у карлицы въ ставкѣ Угарруэ и у жены старшины въ Индекару: верхній край острымъ угломъ загнутъ кверху и отогнутъ обратно внизъ, какъ будто губа по серединѣ надрѣзана, отворочена, и кожа ея немножко стянута на этомъ мѣстѣ. Мнѣ кажется, что это такая же особенность Уамбутти, какъ выпяченная нижняя губа считается особенностью австрійскаго императорскаго дома. Цвѣтъ губъ у этой женщины довольно румяный. Руки крошечныя, пальцы тонкіе и длинные, но кожа на нихъ жестка и морщиниста; длина ступни около семи дюймовъ, а весь ростъ 4 фута и 4 дюйма.

Всѣ размѣры и тѣлосложеніе этой малютки-матери были такъ пропорціональны и правильны, что сначала она показалась мнѣ просто женщиной очень маленькаго роста, недоросшей, благодаря слишкомъ раннимъ половымъ сношеніямъ или иной случайности; но когда мы поставили рядомъ съ нею нашихъ занзибарскихъ мальчиковъ пятнадцати и шестнадцати лѣтъ, а потомъ еще взрослую женщину изъ мѣстнаго земледѣльческаго племени, то для всѣхъ стало ясно, что эти маленькія созданія принадлежатъ къ совсѣмъ другой породѣ.

За три часа отъ этого обширнаго селенія Мбутти, мы достигли Барья-Кунья, подъ проливнымъ дождемъ.

8-го числа мы дошли до Индепессу, а два дня спустя были уже у подножія горы Пизга, которую обогнули съ восточной стороны, черезъ небольшія деревеньки Мандэ, по новой дорогѣ на Итури. Всѣ жители изъ Мандэ и съ горы Пизга, со всемъ своимъ скарбомъ бѣжали за рѣку и тамъ, на лѣвомъ берегу мужчины, очевидно считая себя въ полной безопасности отъ насъ, стали, выжидая, что дальше будетъ. Когда мы вышли на правый берегъ рѣки, меня поразилъ свѣтло-коричневый цвѣтъ этой массы воиновъ, рисовавшихся на темнозеленомъ фонѣ лѣсной растительности. Будь они такого цвѣта, какъ наши занзибарцы, масса казалась бы почти черною; они-же были какъ разъ подъ цвѣтъ желтоватой глины прирѣчныхъ обрывовъ. Они пустили въ насъ нѣсколько стрѣлъ черезъ рѣку, которая въ этомъ мѣстѣ была около 70 саженъ ширины: однѣ стрѣлы не долетѣли до нашего берега, другія упали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Мы отвѣчали имъ также выстрѣлами и тогда они поспѣшно убрались во свояси. Черезъ полтора часа вся экспедиція переправилась черезъ рѣку на вельботѣ. Авангардъ поднялъ на берегу пакетъ соли фунтовъ въ десять, очевидно оброненный однимъ изъ туземцевъ во время ихъ поспѣшнаго бѣгства. Мы крайне нуждались въ поваренной соли, а потому очень обрадовались находкѣ. Мы находились теперь во владѣніяхъ племени Бакуба, близъ расчистки Кандекорэ, которая считалась однимъ изъ

богатѣйшихъ поселеній въ бассейнѣ Верхняго Конго. На берегу рѣки мы были на 3.000 футовъ выше уровня моря.

Черезъ три съ половиною часа ходьбы мы вышли изъ лѣсу и снова испытали живѣйшее чувство радости при переходѣ изъ вѣчнаго сумрака лѣсовъ къ яркому солнцу въ синемъ небѣ. Надо было видѣть какое впечатлѣніе произвела эта картина на нашего кроткаго друга и товарища, перваго изъ ирландцевъ, которому довелось ступить на степную траву этихъ странъ! Уже 289 дней докторъ Пэркъ безвыходно жилъ въ дремучемъ лѣсу и этотъ внезапный переходъ изъ печальной тѣни въ широкое луговое пространство поросшее зеленою травой, съ раскинувшимся надъ нимъ прозрачнымъ сводомъ ясныхъ небесъ, такъ на него подѣйствовалъ, что онъ весь вспыхнулъ и задрожалъ отъ восхищенія. Нѣсколько бутылокъ шампанскаго едва ли могли бы окрасить его щеки болѣе яркимъ румянцемъ, нежели тотъ чудный видъ, который передъ нимъ открылся.

Передъ самымъ выходомъ изъ лѣсу мы проходили мимо воткнутаго въ землю копья: оно было того фасона, которымъ туземцы бьютъ слоновъ и до того глубоко вонзилось въ почву, что трое людей не могли его вытащить. Изъ этого можно было заключить, что если бы оно попало въ слона, то убило бы его на мѣстѣ.

Послѣ полудня, срисовывая гору Пизга съ нашего перваго привала въ луговой странѣ, я замѣтилъ, что съ сѣверо-востока къ ней приближается облако, набросившее густую тѣнь на лѣса, между тѣмъ какъ волнистые луга все еще были залиты горячимъ солнечнымъ свѣтомъ. Потомъ съ юго-востока, изъ-за южной оконечности хребта Мазамбони, показалось другое облако: оно распространилось по небу, слилось съ тѣмъ, что стояло надъ лѣсомъ, и пошелъ дождь.

Черезъ семь часовъ пути отъ Итури, на высотѣ 3.200 футовъ надъ уровнемъ моря стоитъ селеніе Бессэ. Хотя не было еще и полудня, мы остановились тутъ лагеремъ, потому что спѣлые бананы, кукуруза, куры, сахарный тростникъ и банановое вино показались намъ очень заманчивыми, а далеко-ли отсюда къ востоку до слѣдующаго селенія, намъ было неизвѣстно. Пока мы устраивались на ночлегъ, у насъ завязалась съ туземцами оживленная перестрѣлка. Нашъ единственный переводчикъ въ этихъ мѣстахъ, Феттэ, получилъ серьезную рану повыше желудка. Племя Бабессэ, пользуясь прикрытіемъ высокой травы, пыталось разными способами надоѣдать намъ, но мы размѣстили искусныхъ стрѣлковъ на деревьяхъ, по мѣстному обычаю, и дикари, убѣдившись, что всѣ ихъ хитрые подходы заранѣе намъ извѣстны, вскорѣ потеряли охоту тягаться съ нами.

Одинъ изъ нашихъ, уроженецъ Уганды, разговорился съ однимъ

изъ туземцевъ, который сказалъ ему между прочимъ: — Мы знаемъ, что вы-то, чернокожіе, такіе-же люди какъ и мы; но что это у васъ за бѣлые начальники? Откуда они взялись?

— О,—отвѣчалъ угандецъ, въ одно мгновеніе ока придумавъ, что соврать: — у нихъ лица мѣняются съ нарожденіемъ каждаго новолунія; когда мѣсяцъ полный, тогда и у нихъ лица черныя, какъ у насъ. Но они всетаки другой породы и первоначально пришли съ неба.

— Да, правда, должно быть такъ и есть!—сказалъ удивленный туземецъ и поспѣшилъ закрыть ротъ рукой, изъ вѣжливости, чтобы не показать намъ какъ онъ его разинулъ, на насъ глядя.

Чѣмъ больше вникаю въ говоръ туземцевъ, тѣмъ больше вѣроятнымъ кажется мнѣ, что всѣ ихъ нарѣчія произошли отъ одного общаго корня. Откуда у нихъ берется понятіе объ остроуміи! Я самъ слышалъ какъ одинъ изъ нихъ отвѣтилъ занзибарцу, котораго онъ нечаянно толкнулъ: занзибарецъ прикрикнулъ на него нетерпѣливо, говоря:

— Такого дурака какъ ты еще нигдѣ не видано.

А туземецъ съ любезной улыбкой отвѣтилъ ему:

— Извѣстно, что ты, господинъ, единственный обладатель всей мудрости.

— Э, да ты еще и сама злоба (т. е. олицетвореніе злобы)! продолжалъ занзибарецъ.

— И съ этимъ не могу спорить,—возразилъ тотъ,—ибо въ тебѣ вся доброта.

Между бѣлокожими въ нѣкоторыхъ слояхъ общества тоже существуетъ такое обыкновеніе, что когда одинъ порицаетъ другого, обвиняемый величаетъ своего обвинителя джентльменомъ; но надо сознаться, что и мой африканецъ ничуть не отстаетъ отъ нихъ въ вѣжливости.

Къ востоку отъ Бессэ мы потеряли мѣстную дорогу и должны были идти цѣликомъ по полямъ къ вершинѣ Ундуссумы, которая начала показываться изъ-за волнистой поверхности зеленой равнины. Солнце пекло немилосердно и мы, идя преимущественно въ высокой травѣ, страшно утомились. Послѣ полудня пришли въ лощину, заросшую деревьями, между которыми протекалъ прозрачный, прохладный ручей, истоки котораго находились гдѣ нибудь у подножія хребта Ундуссумы, отстоявшаго отсюда не больше пяти миль.

14-го апрѣля, пройдя шесть часовъ, мы остановились на склонѣ холма Нзера-Кумъ и передъ нами разстилалась та самая долина, гдѣ 10-го и 11-го декабря мы сражались съ Мазамбони и подвластными ему племенами. До сихъ поръ мы шли этими мѣстами при условіяхъ, вовсе не похожихъ на прежнія: не видать было воинственной возни, не слышно угрозъ и вражескихъ криковъ; но такъ какъ мы намѣ-

ревались отдохнуть здѣсь одинъ день, необходимо было узнать сперва, чего намъ ожидать?

Поэтому мы послали своего переводчика (изъ Мганды) переговорить съ туземцами, которые сидя по вершинамъ холмовъ издали смотрѣли на насъ. Послѣ многихъ терпѣливыхъ усилій, въ пять часовъ пополудни они согласились наконецъ сойти въ долину и приблизиться къ намъ, а потомъ вошли и въ лагерь. Тутъ ужъ легко было войти въ дружескія сношенія: можно было взглянуть другъ другу въ лицо и прочесть какъ по писанному, какого мы мнѣнія другъ о другѣ. Мы обмѣнялись привѣтствіями и они узнали, что мы желаемъ лишь безпрепятственнаго пропуска къ озеру, что пришли мы не какъ враги, а какъ чужестранцы, которые намѣрены переночевать на ихъ землѣ и завтра-же пуститься въ дальнѣйшій путь. Они съ своей стороны объясняли свое прежнее поведеніе тѣмъ, что ихъ увѣрили будто мы Уара-Сура (воины Кабба-Реги), которые отъ времени до времени приходятъ въ ихъ страну, повсюду грабятъ и угоняютъ рогатый скотъ.

Когда такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ установилось убѣжденіе, что между нами возможны дружелюбныя отношенія и что прошедшія недоразумѣнія не будутъ имѣть вліянія на будущее, мы объяснили имъ цѣль нашихъ странствій: они узнали, что мы разыскиваемъ нѣкоего бѣлокожаго военачальника, который давно поселился гдѣ-то тутъ, по близости отъ озера, что въ Уніоро. Не слыхали-ли они о такомъ бѣломъ человѣкѣ?

На это они поспѣшили заявить, что «черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ вы проходили здѣсь на обратномъ пути съ Ніанзы, бѣлый человѣкъ, называемый «Малиджу», т. е. «Бородатый», приплывалъ въ большущемъ челнокѣ, сдѣланномъ изъ желѣза и былъ у старшины Катонза.

— Матушка! продолжалъ дикарь,—«и какъ только могъ онъ плавать! А среди челнока возвышалось большое черное дерево, изъ котораго шелъ дымъ, и огненныя искры; а на челнокѣ было много разнаго страннаго народа, и козы бѣгали взадъ и впередъ, — точно вотъ по двору въ деревнѣ,—а куры сидѣли въ ящикахъ за рѣшетками, и мы сами слышали какъ пѣтухи поютъ, словно у насъ въ просяномъ полѣ. Малиджу спрашивалъ такимъ низкимъ, басистымъ голосомъ,—спрашивалъ про тебя, своего брата. Что ему говорилъ Катонза—того мы не знаемъ; только Малиджу уѣхалъ обратно на своемъ большомъ желѣзномъ челнокѣ и вслѣдъ за нимъ повалилъ такой дымъ, какъ будто челнокъ загорѣлся. Вы его навѣрное скоро найдете. Мазамбони пошлетъ своихъ гонцовъ къ озеру и завтра на закатѣ солнца Катонза узнаетъ о прибытіи брата Малиджу».

То были первыя извѣстія объ Эминѣ-пашѣ, а я еще въ февралѣ 1887 года послалъ изъ Занзибара гонцовъ для распространенія этихъ извѣстій и для того, чтобы подготовить туземцевъ къ прибытію съ дальняго запада чужеземцевъ. Если бы Эминъ, поджидавшій насъ къ 15 декабря, потрудился выслать свои пароходы на девять часовъ пути отъ своей ставки въ Мсуа, мы бы непремѣнно встрѣтились съ его людьми 14-го декабря, не были бы вынуждены пять дней кряду сражаться съ туземцами, не потеряли бы совершенно даромъ четыре мѣсяца времени, и около 15-го марта были бы уже въ Ямбуйѣ, гдѣ успѣли бы предупредить убійство Бартлота, спасти Джемсона, отъ его жестокой болѣзни, Трупа отъ необходимости отправляться на родину по слабости здоровья, Уарда отъ безполезнаго путешествія въ Санъ Паоло-де-Лоандо, а Бонни отъ всѣхъ бѣдствій, претерпѣнныхъ имъ въ Баналіи.

Слѣдующій день лично для меня былъ очень утомителенъ. Со всѣми разговорами публика обращалась исключительно ко мнѣ, а я отъ утренняго разсвѣта до ночи просидѣлъ въ креслѣ, окруженный земледѣльцами изъ Бавиры, пастухами изъ Уахумы, разными старшинами, князьями, поселянами, воинами и женщинами. Здравая политика требовала, чтобы я не уходилъ изъ тѣснаго круга, сплотившагося вокругъ меня изъ всѣхъ элементовъ, составляющихъ ундуссумскую олигархію и демократію. Всѣ кушанья и напитки подавались мнѣ въ тотъ день не иначе, какъ черезъ головы мѣстнаго дворянства и народа, стоявшихъ по крайней мѣрѣ въ пять рядовъ. Мое кресло стояло на срединѣ круга, трое людей державшихъ надо мной зонтикъ поочередно смѣнялись. Солнце свершило свой путь отъ востока къ западу: въ полдневные часы оно жгло меня со всѣмъ усердіемъ, извѣстнымъ въ области тропическихъ степей; съ трехъ часовъ до пяти оно палило мнѣ спину, потомъ стало посвѣжѣе; но пока не наступили сумерки, обыкновенно сопровождаемыя здѣсь сильнымъ пониженіемъ температуры, толпа не расходилась и я все время отдавалъ себя на жертву идеѣ общечеловѣческаго братства.

На другой день очень рано утромъ Мазамбони появился передъ нашею зерибой, въ сопровожденіи значительной свиты. Его проводили до средины лагеря со всѣми знаками почтенія къ столь высокому гостю: офицеры отвѣшивали ему граціозные поклоны, а занзибарцы и суданцы, въ декабрѣ гонявшіе его вмѣстѣ съ его войскомъ съ горы на гору, имѣли такой смирный и невинный видъ, какъ будто сроду не отвѣдывали мяса, и умѣли только привѣтливо улыбаться. Мы разостлали свои лучшія циновки подъ тѣнью чахлаго деревца, чтобы знатному гостю спокойнѣе было сидѣть, и велѣли трубить въ костя-

ные рожки, издававшіе самые мягкіе звуки, что напомнило мнѣ торжественные пріемы при имперскомъ дворѣ повелителя Уганды, Усоги, и всѣхъ острововъ на озерѣ Викторіи. Мы не позабыли ничего что, по моимъ долголѣтнимъ опытамъ со множествомъ африканскихъ царьковъ, могло озарить эту черную рожу улыбкою удовольствія, доставить ей веселую минуту и внушить полнѣйшее къ намъ довѣріе.

Мазамбони принималъ наши любезности какъ нѣчто, принадлежавшее ему по праву, дарованному свыше; но ни словомъ, ни улыбкой не подарилъ насъ. Можно было подумать, что онъ глухъ и нѣмъ; но нѣтъ,—онъ кратко и тихо произносилъ что-то, обращаясь къ старшинамъ второго разряда и эти второстепенныя свѣтила начинали орать во все горло, какъ будто я не могъ ничего разслышать, что производило на меня впечатлѣніе ударовъ обухомъ по головѣ.

— Друзья мои,—сказалъ я имъ,—если вы будете такъ кричать, у меня голова развалится. Къ тому же, какъ вамъ извѣстно, слова мудрости драгоцѣнны. Къ чему разоблачать передъ простымъ народомъ государственныя дѣла?

— Это правда!—молвилъ одинъ изъ мудрецовъ съ такой сѣдой бородой, какая должна была быть у древняго Нестора, «отца общины». Онъ понизилъ голосъ и пространно началъ разсказывать исторію своей родины, описалъ какой эффектъ произвело появленіе въ декабрѣ нашей колонны, какъ они на-скоро собирались для совѣщаній, какія рѣшенія приняли и какъ узнавъ, что въ числѣ чужеземцевъ есть бѣлокожіе, имъ тотчасъ пришло въ голову, не напрасно ли они начали воевать? Но молодые воины настояли на своемъ и пересилили старшинъ своего племени. Далѣе онъ разсказалъ, что когда они увидѣли насъ идущими съ Ніанзы обратно къ лѣсу, они догадались, что мы совсѣмъ не Уара-Сура, которые ни за что такъ скоро не ушли бы отъ своего озера, а переправились бы черезъ Семлики на свою сторону; а когда услыхали, что насъ ищетъ «Малиджу», бѣлый начальникъ желѣзнаго челнока, они окончательно убѣдились въ своей ошибкѣ.

— Но это не бѣда, —прибавили они,—чужестранцы навѣрное скоро опять пойдутъ изъ Кивейры (изъ лѣса) и мы тогда помиримся съ ними. Коли они захотятъ съ нами дружиться, пусть такъ и будетъ; пусть кровь Мазамбони смѣшается съ кровью ихъ начальника, тогда мы будемъ какъ одинъ народъ. И вотъ, вы пришли и мечты нашихъ мудрыхъ людей стали правдой. Мазамбони по братски сидитъ рядомъ съ бѣлымъ начальникомъ. Пусть теперь мы увидимъ обмѣнъ крови и тогда, покуда вы будете въ нашей странѣ, ни одно облако не омрачитъ нашей дружбы. Все, что есть у Мазамбони—ваше, его воины, жены, дѣти, земля и все, что на землѣ стоитъ—все ваше. Такъ ли я говорю, воины?

— Такъ, правду ты сказалъ,—послышался кругомъ одобрительный шепотъ.

— Станетъ ли Мазамбони сыномъ Буля-Матари?

— Станетъ.

— Будетъ ли настоящій миръ между нами и чужестранцами?

— Да!—раздался радостный крикъ всей толпы.

Тогда мой новый сынъ и мистеръ Джефсонъ, вызвавшійся пожертвовать собою въ интересахъ мира,—крестообразно положили правыя руки на свои тоже скрещенныя колѣни, и туземный хирургъ сдѣлалъ легкій надрѣзъ на рукѣ Джефсона. Съ нашей стороны выступилъ другой профессоръ таинственной магіи и порѣзалъ руку Мазамбони; покуда темная кровь мѣстнаго владыки и алая кровь Джефсона лилась и капала на ихъ колѣни, мудрецъ съ сѣдой бородой началъ произносить заклинанія: держа въ рукѣ пустую тыкву, въ которой были насыпаны камешки, онъ потрясалъ этой магической посудиной то въ сторону противулежащаго пика, то по направленію къ подковообразнымъ горамъ, виднѣвшимся въ глубинѣ равнины, то къ востоку и западу отъ долины, и съ высоты Нзера-Кума выкрикивалъ ужасныя проклятія, которымъ всѣ окружающіе внимали разиня ротъ:

— Да будетъ проклятъ тотъ, кто нарушитъ данную клятву!

— Да будетъ проклятъ тотъ, кто питаетъ затаенную вражду!

— Да будетъ проклятъ тотъ, кто повернется спиной къ своему другу!

— Да будетъ проклятъ тотъ, кто въ день борьбы отступится отъ своего брата?

— Да будетъ проклятъ тотъ, кто нанесетъ вредъ другу, кровь котораго стала его кровью!

— Пусть чесотка обезобразитъ его и сдѣлаетъ для всѣхъ ненавистнымъ, и пусть лишаи истребятъ на его головѣ всѣ волосы; пусть змѣя притаится на его тропинкѣ и левъ встрѣтится на его пути; пусть леопардъ ночью приблизится къ его жилищу и схватитъ его жену, когда она пойдетъ на рѣчку за водой; пусть зубчатая стрѣла вонзится въ его внутренности и острое копье омоется въ его крови пусть болѣзни подтачиваютъ его силы и дни его сократятся недугомъ; пусть его члены откажутся служить ему въ часъ битвы и руки его сведетъ судорогой...—и такъ далѣе, призывая на голову виновнаго всѣ самыя страшныя бѣдствія и недуги; а нашъ занзибарскій профессоръ таинственной магіи, вначалѣ нѣсколько ошеломленный краснорѣчіемъ престарѣлаго Нестора, схватилъ его магическую тыкву и принялся потрясать ею на холмы, на долины, и на голову Мазамбони, съ самымъ торжественнымъ и важнымъ видомъ; потомъ на са-

мого Нестора, и на притихшую кругомъ свиту, и наконецъ таки перещеголялъ Нестора, оставивъ его далеко за собою по выразительности голоса и жестовъ: мало по малу онъ такъ вдохновился своимъ усердіемъ, что началъ вращать зрачками и на губахъ у него показалась пѣна: онъ сталъ въ свою очередь произносить проклятія, призывая всяческія бѣдствія на землю и ея плоды, всѣхъ злыхъ духовъ своей миѳологіи на голову Мазамбони, приглашая ихъ въ случаѣ нарушенія имъ клятвы мучить его денно и нощно; наконецъ, его движенія сдѣлались такъ фантастичны, его ругательства такъ грубы, а физіономія такъ похожа на бѣсноватаго, что всѣ до единаго и туземцы, и занзибарцы разразились неудержимымъ хохотомъ. Тогда Мурабо (нашъ операторъ) въ одну минуту утихъ совершенно и самодовольно тряхнувъ головой, сказалъ по суахильски, обращаясь ко мнѣ:

— Ну, что, господинъ, какъ тебѣ понравилось мое представленіе? — Что̀ напомнило мнѣ Гамлета, насмѣхающагося надъ Лаэртомъ.

Хотя Мазамбони несомнѣнно главный начальникъ Ундуссумы, но управляетъ онъ какъ будто съ помощью неписанной конституціи. Его министры—всѣ до одного его же близкіе родственники—занимаются внѣшней и внутренней политикой въ его присутствіи, но собственный голосъ его раздается рѣдко. Большую часть времени онъ сидѣлъ безмолвно, неподвижно, можно бы даже подумать что безучастно. И такъ, этотъ безхитростный африканскій владыка своимъ умомъ дошелъ (а можетъ быть это и наслѣдственный обычай) до понятія, что дѣла правленія слѣдуетъ раздѣлять между нѣсколькими лицами. Если это понятіе основано на обычномъ правѣ, это доказываетъ, что отъ озера Альбертъ-Ніанза до Атлантическаго Океана всѣ тысячи племенъ бассейна Конго произошли отъ одного общаго корня, народа или семейства. Сходство ихъ обычаевъ, физіономій и общность корня языковъ служатъ тому еще лучшимъ подтвержденіемъ.

Мы вскорѣ узнали, что мѣстные старшины, равно какъ и прочее населеніе, отчаянные попрошайки и скопидомы; умственно они до того мелко плаваютъ, что совершенно неспособны оцѣнить великодушный поступокъ. Всѣ они очень желали мирныхъ сношеній съ нами, однако этотъ миръ кажется затѣмъ только и былъ заключенъ, чтобы побольше содрать подарковъ съ чужеземцевъ. Послѣ цѣлаго дня всякихъ угощеній и любезностей Мазамбони, взамѣнъ красиваго ковра цѣною въ сто рублей, пучка мѣдной проволоки и костяныхъ роговъ, добытыхъ въ лѣсу, только и далъ намъ одного теленка и пять козъ. Старшина изъ Урумангуа и Буэссы, то есть тѣхъ самыхъ многолюдныхъ селеній, которыя еще въ декабрѣ поразили насъ своимъ цвѣтущимъ со-

стояніемъ, тоже считалъ себя крайне щедрымъ, одаривъ насъ однимъ козленкомъ и двумя курицами.

Въ числѣ сегодняшнихъ нашихъ гостей были также Гавира, старшина восточной Бавиры, который объявлялъ намъ съ вершины холма, что вся земля у нашихъ ногъ, когда мы возвращались съ озера; и старшина Мхумы, безъ зазрѣнія совѣсти надѣвшій на себя тотъ кусокъ краснаго сукна, который мы послали ему въ декабрѣ въ знакъ мира. Онъ такъ и позабылъ прислать намъ обѣщанный «отвѣтный даръ».

Въ этой странѣ живутъ въ мирѣ и согласіи двѣ совершенно различныя расы, изъ которыхъ одна, несомнѣнно индо-африканскаго происхожденія, отличается чрезвычайно тонкими чертами лица, орлинымъ носомъ, тонкою шеей, маленькой головой и горделивой осанкой. Эта очень старинная раса обладаетъ великолѣпными традиціями и управляется древними обычаями, не терпящими ни малѣйшихъ уклоненій. Цвѣтъ кожи у большинства желтовато-коричневый, у иныхъ даже темно-бурый, но наиболѣе аристократическія породы оттѣнкомъ напоминаютъ слегка пожелтѣвшую слоновую кость, а на ощупь кожа ихъ очень нѣжна и шелковиста. Эта раса исключительно занимается скотоводствомъ и проникнута надменнымъ пренебреженіемъ къ земледѣльцамъ, слѣдовательно къ населенію Бавиры, которое такъ же исключительно занимается полеводствомъ. Ни одинъ англійскій герцогъ не могъ бы съ большимъ презрѣніемъ отнестись къ простолюдину, чѣмъ эти Уахумы относятся къ Бавирамъ. Они согласны жить въ странѣ бавировъ, но не въ ихъ деревняхъ; охотно вымѣниваютъ продукты своего хозяйства на зерно и плоды сосѣдей, но ни за что не позволяютъ своимъ дочерямъ выходить замужъ за кого либо, исключая чистокровнаго Мхумы. Ихъ сыновья могутъ имѣть дѣтей отъ бавирскихъ женщинъ, но далѣе не простирается ихъ уступчивость. Въ этомъ обстоятельствѣ конечно и кроется причина того различія физіономій и разнообразія типовъ, которыя я замѣчалъ прежде.

Мы видимъ чистый негритянскій типъ лица въ отдаленнѣйшихъ частяхъ западной Африки, съ которыми эта гордая раса въ теченіи многихъ столѣтій не могла придти въ соприкосновеніе. Далѣе существуютъ чисто-лѣсныя расы, какъ-то: Акка, Уамбутти, Уатуа и Бушмены, изъ которыхъ Уамбутти несомнѣнно самая красивая; полу-эѳіопскія расы Зулусовъ, Мефитовъ, Уатута, Уаха, Уарунди, Уани-Руанда; эѳіопскія—слегка искаженныя, кромѣ какъ въ аристократическихъ семействахъ,—Уахумы, или какъ ихъ различно называютъ, Уэма, Уахуэзи, Уавиту и Уататуру, представляющія два человѣческихъ теченія: одно шло изъ Эѳіопіи черезъ юго-восточную Галлу въ Уніоро и къ высокимъ пастбищамъ приозерныхъ странъ, а другое пошло прямо на югъ. Между

этими двумя отдѣлами высшихъ формъ африканскаго человѣчества лежитъ озеро Викторія-Ніанза.

Одинъ бавирскій старшина въ слѣдующихъ выраженіяхъ жаловался мнѣ на надменное отношеніе Уахумовъ къ Бавирамъ: — «Они называютъ насъ землекопами и насмѣхаются надъ постоянствомъ и послѣдовательностью, съ которыми мы, взрывая темную почву, всю жизнь проводимъ въ честномъ трудѣ. Они цѣлый вѣкъ переходятъ съ мѣста на мѣсто, добываютъ съѣстные припасы на сторонѣ и не знаютъ что такое свой домъ и любимый семейный очагъ. Они останавливаются тамъ, гдѣ имъ полюбится пасти свой скотъ, а когда тутъ не понравится идутъ въ другое мѣсто.

Но объ этомъ предметѣ я буду говорить въ отдѣльной главѣ и потому возвращаюсь къ разсказу. 16-го апрѣля, снабженный двѣнадцатью проводниками отъ Мазамбони, сопровождаемый Гавирою съ пятидесятью воинами, провожаемый множествомъ новыхъ друзей и сотнею слишкомъ носильщиковъ, я выступилъ въ округъ Гавиры, по направленію къ той самой деревнѣ на вершинѣ обнаженнаго холма, гдѣ мы отдыхали послѣ утомительнаго и тревожнаго дня 12-го декабря. Теперь мы шли мирно и дружелюбно и даже процессія наша имѣла нѣсколько тріумфальный характеръ: какъ только мы вступали въ какую-нибудь деревню, тотчасъ всѣ воины выходили навстрѣчу и дружелюбно привѣтствовали насъ; а въ Мэкукуру — извѣстномъ уже намъ селеніи—женщины провожали насъ припѣвомъ лю-лю-лю! Изъ этого селенія въ округѣ Узанза открывается обширнѣйшій видъ на всю страну: къ востоку до конца плато, обрывающагося надъ самой котловиной озера Альберта, къ западу до горы Пизга, къ сѣверу за шесть дней пути до вершины Бемберри, къ югу—въ разстояніи одной мили—подымалась холмистая гряда Балегга.

Начальникъ племени Гавира называется Бавира, что повидимому есть лишь наслѣдственный титулъ, такъ какъ у него кромѣ этого есть еще свое собственное имя—Мпинга. Онъ былъ маленькаго роста и довольно пріятенъ въ обращеніи, хотя скряга; и когда не занимался государственными вопросами, отличался словоохотливостью. Онъ и его племя желали заключить съ нами дружескій союзъ въ родѣ того какъ съ Мазамбони; мы конечно съ охотой согласились на это, подъ условіемъ, чтобы во время нашего прохожденія по ихъ владѣніямъ они оказывали экспедиціи всяческое гостепріимство. Такъ какъ мы посвятили одинъ цѣлый день Мазамбони, то слѣдовало и Гавирѣ удѣлить столько же времени; а такъ какъ Гавира была отъ Ніанзы въ разстояніи двухъ небольшихъ переходовъ—или одного длиннаго—то мы и на это согласились.

Вечеромъ явились два туземныхъ гонца отъ Мбіасси, изъ племени Ба-біасси, старшины округа Кавалли, простирающагося широкой полосой до самой Ніанзы. Гонцы повѣдали мнѣ, что у ихъ начальника находится въ рукахъ небольшой пакетъ, въ темной обложкѣ, предназначенный мнѣ; этотъ пакетъ далъ ему старшина Мпигуа изъ Нямсасси, который самъ получилъ его отъ бѣлаго человѣка, извѣстнаго подъ именемъ Малиджу.

На другой день опять пришли сотни дружелюбныхъ людей, которые очевидно не могли на насъ насмотрѣться. По этому они придя, спокойно садились на корточки и не сводили съ насъ глазъ, слѣдя за каждымъ нашимъ движеніемъ. Старшіе посылали младшихъ то за топливомъ, то за сладкими бататами, то приказывали имъ принесть въ лагерь проса. За самыя ничтожныя подачки они кидались прислуживать занзибарцамъ, помогали имъ строить походные шалаши, таскали воду, поддерживали костры, мололи просяную муку изъ зеренъ. Наши люди, очень довольные пріобрѣтеніемъ такихъ усердныхъ пріятелей, сидѣли склавши руки и ободряли ихъ къ выполненію всей черной работы любезными улыбками, легкими кивками, или же дарили имъ какую нибудь желѣзную вещицу, нѣсколько бусъ, одну или двѣ мѣдныя монетки, или нѣчто въ родѣ браслета изъ мѣдной проволоки. При каждомъ изъ нашихъ состоялъ какой нибудь преданный и искусный „братъ“, и этимъ „братьямъ“ предоставлялось дѣлать рѣшительно все, за исключеніемъ кушанья. До стряпни ихъ не допустили.

Послѣ полудня начальника Гавиру нарядили въ ярко-пунцовое сукно лучшаго сорта и старшины торжественно повели его вокругъ всего лагеря, поочередно представляя ему каждый изъ своихъ отрядовъ и воздавая ему всякія почести. Потомъ ему показали зеркало которое привело его и всѣхъ его старшинъ въ неописанное изумленіе и даже страхъ. Они приняли отраженіе своихъ физіономій за вражеское племя, подымающееся изъ земли противъ нихъ, и отскакивая отъ зеркала становились отъ него подальше, въ выжидательной позѣ; однако, видя что мы не трогаемся съ мѣста и желая узнать, что же это было за видѣніе, столько черныхъ лицъ за разъ, — они на цыпочкахъ подошли опять; зеркало въ это время было положено обратно въ шкатулку. Видя ихъ вопросительныя лица, я снова вынулъ зеркало и они стали пристально смотрѣть въ него, а черезъ минуту перешептывались:—что это, какъ они похожи на насъ! Тогда я сказалъ имъ, что это отраженіе ихъ собственныхъ чрезвычайно привлекательныхъ чертъ, и Мпинга, очень польщенный моимъ комплиментомъ, вспыхнулъ темнымъ румянцемъ. Видя, что онъ уже пересталъ бояться, я передалъ зеркало въ его руки, и тогда любопытно

было посмотрѣть, какъ быстро возростало тщеславіе этихъ дикарей: старшины стѣснились вокругъ него и заглядывая въ зеркало съ удовольствіемъ замѣчали, какъ оно точно воспроизводитъ каждую особенность ихъ физіономій.—Смотри-ка, царапина-то,—вѣдь точно такая же. Посмотри, Мпинга, твой широкій носъ видѣнъ, точь въ точь. Ай, большое то перо,—даже колышется... Это просто чудеса! Изъ чего это сдѣлано? На воду похоже, но только совсѣмъ жесткое... А съ другой стороны черное. Ну, ужъ мы сегодня видѣли такую вещь, какой наши отцы, небось, не видывали?

Узанза—обнаженная, высокая равнина, со всѣхъ сторонъ совершенно открытая и жестоко обвѣваемая вѣтрами,—долго намъ будетъ памятна. Когда солнце сѣло, съ озера подулъ холодный вѣтеръ, пронизавшій насъ насквозь. Мы привыкли къ ровной температурѣ густыхъ лѣсовъ, и притомъ у насъ осталось очень мало платья. Одинъ изъ офицеровъ надѣлъ непромокаемый плащъ, другой накинулъ пальто, но вѣтеръ все-таки продувалъ насъ до костей. Только и возможно было согрѣться въ уютныхъ, ульеобразныхъ шалашахъ Бавировъ, куда мы и залѣзли безъ церемоніи.

Вмѣсто того, чтобы идти нашей старой дорогой къ озеру, мы направились на сѣверо-востокъ, къ селенію Кавалли, гдѣ по слухамъ находился таинственный пакетъ. Безчисленныя стада скота проходя по этимъ равнинамъ обгрызли траву, которая была очень коротка, но такъ густа, что совсѣмъ не видно было земли, что̀ дѣлало луга похожими на ровныя садовыя лужайки, если бы не маленькіе каньоны, прорытые многолѣтними дождями.

Пока мы шли по этой миловидной странѣ, встрѣчая повсюду гостепріимство, привѣтъ и ласку отъ добродушныхъ Бавировъ, мы думали о томъ, какъ все это не похоже на тѣ декабрьскіе дни, когда мы подвигались среди кричавшихъ, ревѣвшихъ и бѣсновавшихся дикарей изъ Бавиры, Бабіасси и Балегги, которые поднимали противъ насъ всѣхъ сосѣдей и совѣтывали имъ истреблять насъ. Мы вспоминали, какъ солнце играло то на острыхъ копьяхъ, то на длинныхъ стрѣлахъ, летѣвшихъ намъ навстрѣчу. А теперь? Впереди нашего авангарда шло 157 человѣкъ Бавировъ, да столько же за арріергардомъ, а всѣ наши девяносто вьюковъ распредѣлены между добровольными носильщиками, считавшими за большую честь тащить на себѣ багажъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ они еще такъ недавно и безжалостно преслѣдовали.

Когда наша многочисленная колонна подошла къ колючей зерибѣ селенія Кавалли, оттуда вскорѣ вышелъ старшина, красивый молодой Мхума, съ правильными чертами лица, высокій, стройный, спокойный,

величавый, и тотчасъ повелъ насъ показать мѣсто, гдѣ мы можемъ устроить лагерь. Тѣмъ, кто пожелалъ бы искать убѣжища на деревнѣ, онъ позволялъ селиться, гдѣ угодно. Когда я спросилъ про пакетъ отъ Малиджу, онъ мнѣ отдалъ его, говоря, что только двое молодыхъ людей его племени знали о его существованіи, и съ безпокойствомъ спрашивалъ, не правда-ли, что онъ хорошо сдѣлалъ, сумѣвъ такъ долго хранить это дѣло втайнѣ?

Развязавъ обложку изъ американской клеенки, я вынулъ изъ нея слѣдующее письмо:

«Любезный сэръ, такъ какъ до меня дошли слухи, что около южной части озера появились бѣлые люди, я прибылъ сюда лично, чтобы собрать свѣдѣнія. Я прошелъ до самой дальней оконечности озера, какая доступна пароходу, но понапрасну: мѣстное населеніе ужасно боится Кабба-Реги и старшинамъ приказано скрывать все, чтобы они ни узнали.

Сегодня однако же приходилъ человѣкъ отъ старшины Мпигуа, изъ страны Нямсасси, и разсказывалъ, что жена этого старшины видѣла васъ на своей родинѣ, въ Ундуссумѣ, а самъ старшина предлагаетъ мнѣ написать къ вамъ письмо, которое онъ берется вамъ доставить. Поэтому я посылаю вмѣстѣ съ гонцомъ одного изъ нашихъ союзниковъ, старшину Мого, къ старшинѣ Мпигуа съ просьбой послать Мого и это мое письмо, а также и другое—по арабски—къ вамъ, или-же Мого задержать, а письма все-таки послать впередъ.

Будьте такъ любезны, если это письмо дойдетъ до васъ, *останьтесь тамъ, гдѣ оно васъ застанетъ*, и извѣстите меня письменно—или одному изъ вашихъ поручите написать—какъ для васъ желательнѣе.

Я могу самъ пріѣхать къ старшинѣ Мпигуа, а мой пароходъ и лодки могли бы перевезть васъ сюда. Какъ только придетъ отъ васъ письмо или гонецъ, я тотчасъ выѣду въ Нямсасси и оттуда мы можемъ сговориться насчетъ дальнѣйшихъ плановъ.

Остерегайтесь людей Кабба-Реги! Онъ таки вытѣснилъ капитана Казати.

Пользуюсь случаемъ, любезный сэръ, увѣрить васъ въ моей глубочайшей преданности. Докторъ Эминъ.

Тунгуру (близь озера Альберта) *).

---

*) Когда, по возвращеніи въ Занзибаръ, я прочелъ письмо Эмина-паши къ издателю географическаго журнала «Petermann's Mittheilungen» (издаваемый въ Готѣ) отъ 25-го марта 1888 года, (слѣдовательно отъ того-же числа какъ и приведенное письмо ко мнѣ), кончавшееся знаменательными словами: «Если Стэнли не скоро придетъ, мы пропали!»—странныя мысли пришли мнѣ на умъ, а какія именно, остроумный читатель самъ можетъ догадаться. Къ счастію

25 Марта 1888 г. 8 ч. вечера».

Это письмо было дословно переведено и прочитано нашимъ людямъ, которые совсѣмъ обезумѣли отъ восторга. Не менѣе ихъ были довольны и жители Кавалли, хотя и не такъ шумно выражавшіе свою радость; но они видѣли, что причиной нашего благополучія былъ тотъ самый пакетъ, который они такъ тщательно охраняли.

Многіе старшины прислали намъ даромъ съѣстныхъ припасовъ и я просилъ Мбіасси оповѣстить въ ближайшихъ округахъ, что я съ благодарностью приму контрибуцію отъ каждаго племени или участка.

20-го апрѣля я отрядилъ мистера Джефсона и доктора Пэрка съ пятидесятью ружьями и двумя проводниками (уроженцами Кавалли) конвоировать нашъ стальной вельботъ «Авансъ» къ озеру. Проводники сказали мнѣ, что ставка Мсуа только въ двухъ дняхъ плаванія вдоль западнаго берега. Я вручилъ Джефсону слѣдующее письмо къ Эминупашѣ:

«18 апрѣля 1888 года.

Любезный сэръ!

Ваше письмо передано мнѣ третьяго дня старшиною Мбіасси въ Кавалли (на плоскогорьѣ) и всѣмъ намъ оно доставило великое удовольствіе.

Изъ Занзибара я послалъ вамъ, чрезъ носильщиковъ въ Уганду, длинное письмо, въ которомъ излагалъ цѣль моей миссіи и мои намѣренія. На тотъ случай, что оно не дошло до васъ, передамъ здѣсь вкратцѣ его содержаніе. Я сообщалъ вамъ, во первыхъ, что согласно инструкціямъ лондонскаго комитета вспомоществованія, я веду вамъ на помощь экспедицію. Половину фонда на это предпріятіе дало египетское правительство, а другая половина собрана по подпискѣ вашими друзьями въ Англіи.

Я сообщалъ вамъ, что египетское правительство поручило мнѣ вывесть васъ изъ Африки, если вы пожелаете ее покинуть; въ случаѣ-же если не пожелаете, рекомендовало мнѣ предоставить вамъ всѣ принесенные для васъ боевые снаряды и сказать вамъ, что съ того времени вы и ваши подчиненные можете не считать себя на службѣ у Египта, и выдача вамъ жалованья съ того дня прекращается. Если-же вы согласны выѣхать изъ Африки, то жалованье вамъ, офицерамъ и.

однако же, паша сохранилъ свой секретъ до тѣхъ поръ, пока я очутился очень далеко отъ Багамойо и не могъ уже лично спросить у него, по какой причинѣ онъ не пріѣхалъ въ Кавалли 14-го декабря 1887 года, когда поджидалъ насъ? Отчего, въ теченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ послѣ того, онъ оставался еще въ своихъ ставкахъ, а потомъ въ одинъ и тотъ же день написалъ два такія письма ко мнѣ и въ журналъ Петермана.

нижнимъ чинамъ будетъ идти до тѣхъ поръ, пока вы прибудете въ Египетъ.

Далѣе я сообщалъ вамъ, что изъ бея вы произведены въ паши.

Такъ какъ въ Угандѣ населеніе враждебно настроено, и по другимъ политическимъ соображеніямъ, я направляюсь къ вамъ черезъ Конго и выбираю конечнымъ пунктомъ своего путешествія Кавалли.

Полагаю, что это письмо не дошло до васъ, потому что когда я пришелъ въ Кавалли, мѣстное населеніе о васъ не имѣло понятія, хотя отлично помнило Мэзона, побывавшаго здѣсь десять лѣтъ тому назадъ.

Мы пришли сюда въ первый разъ 14-го декабря прошлаго года, и по дорогѣ выдержали нѣсколько отчаянныхъ нападеній. Мы два дня пробыли на берегахъ озера близь Кавалли, стараясь отъ каждаго попадавшагося намъ туземца вывѣдать, не знаютъ-ли они чего объ васъ, но вездѣ намъ отвѣчали отрицательно. Такъ какъ свою лодку мы покинули въ лѣсу, за цѣлый мѣсяцъ пути отсюда, а челнока ни купить, ни силой достать не удалось, мы рѣшились возвратиться назадъ, взять свой вельботъ и принести его на Ніанзу. Все это мы продѣлали, а тѣмъ временемъ въ пятнадцати дняхъ пути отсюда построили себѣ маленькое укрѣпленіе, запрятали тѣ тюки которыхъ не могли захватить съ собою, и во второй разъ пришли сюда съ вельботомъ, на помощь вамъ. На этотъ разъ туземцы, даже и наиболѣе враждебные, встрѣчали насъ съ распростертыми объятіями и толпами сопровождали насъ по пути. Въ настоящее время вся страна отъ Нямсасси до нашего форта замирена окончательно и по ней можно ходить безъ опаски.

Ожидаю вашего рѣшенія въ Нямсасси. На равнинахъ близь Ніанзы трудно доставать провіантъ для нашихъ людей и потому надѣюсь, что мнѣ недолго придется ждать. На плоскогорьѣ подальше отъ озера всякихъ съѣстныхъ припасовъ вдоволь; но на низовьяхъ, прилегающихъ къ Ніанзѣ, живутъ только рыбаки.

Если это письмо вы получите прежде чѣмъ тронетесь съ мѣста, я-бы совѣтовалъ вамъ привезть на пароходѣ и лодкахъ достаточное количество провіанта, чтобы прокормить всѣхъ насъ до вашего отъѣзда, т. е. отъ 350 до 400 пудовъ зерна, проса или кукурузы и т. п., что нетрудно будетъ помѣстить на пароходѣ, если онъ вообще пригоденъ для подобной цѣли.

Если вы рѣшились покинуть Африку, то всего лучше было бы теперь-же взять съ собою весь вашъ скотъ и захватить всѣхъ туземцевъ, желающихъ за вами слѣдовать. Нубаръ-паша выражалъ надежду, что вы приведете вашихъ Маккарака, всѣхъ до единаго; онъ желаетъ всѣхъ ихъ принять къ себѣ на службу.

Изъ имѣющихся у меня къ вамъ писемъ изъ военнаго министерства и отъ Нубара-паши, вы увидите вполнѣ, каковы намѣренія египетскаго правительства и быть можетъ вы лучше сдѣлаете, если прочтете ихъ, прежде чѣмъ окончательно принять какое-либо рѣшеніе.

Я-же упоминаю о видахъ правительства только для того, чтобы вы могли на досугѣ все это сообразить и обдумать и потомъ уже рѣшать.

Я слыхалъ, что у васъ великое изобиліе рогатаго скота; мы были бы очень благодарны, если бы вы привезли на своихъ судахъ трехъ или четырехъ дойныхъ коровъ.

При мнѣ есть на ваше имя много писемъ, нѣсколько книгъ и картъ, и одинъ пакетъ на имя капитана Казати. Боюсь посылать вамъ все это на нашемъ вельботѣ, опасаясь, что вы можетъ быть прослышали отъ туземцевъ о нашемъ вторичномъ прибытіи, тронулись въ путь и разминуетесь съ моими посланцами. Кромѣ того, я еще не увѣренъ въ томъ, что они найдутъ васъ, а потому оставляю вашу корреспонденцію при себѣ и передамъ вамъ ее въ собственныя руки.

Въ ожиданіи вашего прибытія намъ придется рыскать по всему краю за провизіей, но будьте спокойны: мы сдѣлаемъ все возможное чтобы оставаться въ Нямсасси до тѣхъ поръ, пока увидимся съ вами.

Всѣ находящіеся со мною присоединяются ко мнѣ въ пожеланіяхъ вамъ всего лучшаго и радуются, что вы здоровы и невредимы.

Прошу васъ, любезный паша, принять увѣреніе въ моей совершенной преданности

Генри М. Стэнли.

Начальникъ Экспедиціи Вспомоществованія.

Его Превосходительству Эмину-Пашѣ, Губернатору провинціи Экваторіи и пр., и пр.»

Пока мы оставались въ Кавалли, нѣсколько сотъ туземцевъ изъ сосѣднихъ округовъ приходили навѣщать насъ, а старшины и начальники ихъ выражали мнѣ свою преданность и готовность къ услугамъ. Они говорили, что вся ихъ страна принадлежитъ мнѣ и чего-бы я ни потребовалъ, они для меня тотчасъ все сдѣлаютъ. Судя потому, какъ охотно они снабжали насъ съѣстными припасами, не было причинъ сомнѣваться въ ихъ искренности, хотя съ другой стороны не было случая достаточно наглядно убѣдиться въ ней. Пока мы не голодали, не могло случиться ничего такого, что нарушило бы мирныя сношенія наши, начатыя съ Мазамбони.

Я, по мѣрѣ возможности, отдаривалъ каждаго начальника краснымъ сукномъ, бусами, мѣдными монетами и проволокой. Мбіасси всякій день доставлялъ мнѣ кувшинъ молока въ деревянной посудинѣ съ крышкой.

Глава XV.

СВИДАНІЕ СЪ ЭМИНОМЪ-ПАШОЮ.

Нашъ лагерь въ Бунди.—Мбіасси, начальникъ Кавалли.—Хлѣбные амбары въ Балеггѣ.—Старшины Катонза и Комеби выражаютъ раскаяніе.—Коршуны въ Бадзуа.—Письмо Джефсона.—Эминъ, Казати и Джефсонъ приходятъ къ намъ въ лагерь въ старомъ Кавалли.—Описаніе Эмина-паши и капитана Казати.—Суданцы Эмина.—Наши занзибарцы.—Пароходъ «Хедивъ».—Бэкеръ и голубыя горы.—Какъ докторъ Юнкеръ и Фелькинъ описывали Эмина-пашу.—Кабба-Рега близко.—Эминъ и экваторіальныя провинціи.—Сужденія объ Эминѣ доктора Юнкера.—Я обсуждаю съ Эминомъ наши будущія дѣйствія.—Планы капитана Казати.—Нашъ лагерь и припасы въ Исабэ.—Какъ поступилъ Кабба Рега съ капитаномъ Казати и съ Могаммедомъ Бейри.—Мабруки зашибленный буйволомъ.—Эминъ-паша и его солдаты.—Мои предложенія Эмину и его отвѣтъ.—Положеніе Эмина.—Магометъ-Ахметъ.—Область Конго.—Депеши министерства иностранныхъ дѣлъ.

25-го апрѣля мы ушли изъ Кавалли и стали лагеремъ въ Бунди, на высотѣ 4.900 футовъ надъ уровнемъ моря. Само селеніе расположено еще на 400 футовъ выше, на вершинѣ одной изъ тѣхъ горныхъ цѣпей, которыя образуютъ водораздѣлъ между бассейнами Конго и Нила. Изъ ихъ долинъ къ западу вытекаютъ первые мелкіе притоки Восточной Итури. Съ другой стороны этой узкой скалистой гряды вытекаютъ рѣчки, впадающія въ озеро Альберта. Нашъ лагерь помѣстился на самомъ краю плато, съ котораго видна была значительная часть южной оконечности озера.

Мбіасси, красивый начальникъ селенія Кавалли, сопровождалъ насъ, желая оказать намъ особый почетъ отъ лица своего племени. Онъ приказалъ жителямъ Бунди скорѣе идти впередъ и доставить въ лагерь какъ можно больше провіанта, и въ тоже время послалъ гонцовъ къ Комеби, отважному начальнику восточнаго Балегга, котораго всѣ эти заклятые враги Кабба-Реги считали своимъ «единственнымъ генераломъ»; Мбіасси послалъ сказать этому Комеби, чтобы и онъ не отставалъ отъ своихъ товарищей и принялъ бы участіе въ достав-

леніи провіанта человѣку, который современемъ можетъ помочь имъ примѣрно наказать Кабба-Регу. Какъ видно нашъ Мбіасси, котораго въ честь его округа звали также и Кавалли, былъ не только воинъ, но и дипломатъ.

26-го апрѣля мы покинули плато и опять употребили 2 часа и 45 минутъ на схожденіе съ него въ нижнюю равнину; у подножія склона остановились на ночлегъ въ Бадзуа, деревнѣ Балегговъ, на 2300 футовъ ниже нашего лагеря въ Бунди. Балегговъ мы тутъ не застали; но такъ какъ селеніе принадлежало Кавалли, то онъ и распорядился по хозяйски, а именно вытащилъ изъ мѣстныхъ амбаровъ столько запасовъ зерна, чтобы хватило на пять дней для всѣхъ сопровождавшихъ меня людей.

Катонза,—тотъ старшина, который 14-го декабря отказался отъ нашей дружбы, отвергъ наши дары, подослалъ своихъ людей къ нашему биваку и велѣлъ стрѣлять въ насъ изъ луковъ, а на другой день убилъ нашихъ двухъ больныхъ, этотъ самый Катонза прислалъ теперь гонцовъ увѣрить меня, что онъ умираетъ отъ нетерпѣнія со мной познакомиться. Онъ конечно слышалъ въ какой тѣсной дружбѣ состоятъ Мазамбони, Гавира, Кавалли и многіе другіе съ чужестранцами, которые такъ смиренно просили у его подданныхъ позволенія напиться воды,—и поспѣшилъ загладить свое неприличное поведеніе. Прежде чѣмъ я надумался, что ему отвѣчать, съ холмовъ Балегги уже явился храбрый Комеби, «единственный генералъ», и привелъ бѣлую корову, нѣсколько козъ, а вслѣдъ за нимъ тащили цѣлыя связки бататовъ и множество кувшиновъ съ крѣпкимъ пивомъ. А между тѣмъ этотъ самый Комеби со своими упрямцами 13-го декабря измучилъ нашъ арріергардъ своими нападеніями и устроилъ намъ ночную тревогу. Теперь онъ пришелъ откровенно излить передъ нами свое раскаяніе и печаль, признался, что несправедливо принялъ насъ за головорѣзовъ Кабба-Реги и предложилъ предоставить въ мое распоряженіе всю свою страну, и въ придачу свою жизнь, буде я пожелаю. Съ этимъ отважнымъ молодцомъ мы скоро совсѣмъ подружились, и послѣ довольно продолжительной бесѣды мирно разстались. Но Катонзѣ я велѣлъ передать, что еще подумаю о его предложеніи.

Перехожу опять къ выпискамъ изъ своего дневника.

27-го апрѣля. Дневали въ Бадзуа. Въ здѣшнихъ мѣстахъ коршуны очень смѣлы. Видя какъ они предпріимчивы, мы забавлялись тѣмъ, что клали куски мяса на крышу одной изъ хижинъ, въ разстояніи одного аршина отъ стоявшаго тутъ же человѣка и каждый разъ коршуну удавалось стащить мясо и улетѣть: онъ парилъ, кружился надъ этимъ мѣстомъ, но какъ будто зналъ моментъ, когда обращаемое на

него вниманіе чѣмъ нибудь отвлечено и въ туже секунду словно падалъ на добычу и крѣпко сжавъ ее въ когтяхъ поднимался вверхъ, прежде чѣмъ протянувшаяся рука могла схватить его.

Нашъ охотникъ «Три Часа» (Саатъ-Тато) уходилъ на охоту и возвратился съ мясомъ отличнаго куду, котораго онъ застрѣлилъ.

28-го апрѣля. Дневали. Уади Мабруки, другой охотникъ, сегодня поутру захотѣлъ потягаться съ Саатъ Тато и тоже пошелъ поискать дичи. Къ вечеру онъ и его товарищи принесли трехъ молодыхъ антилопъ.

29-го апрѣля. Въ 8 часовъ утра, въ ту минуту какъ мы складывали палатки и собирались выступать изъ лагеря къ Ніанзѣ, явился туземецъ, гонецъ отъ Джефсона, съ запиской отъ 23-го числа, въ которой онъ извѣщаетъ меня, что благополучно достигъ Мсуа, одной изъ ставокъ Эмина-паши, и мѣстный начальникъ Шукри-Ага уже выслалъ гонцовъ къ Эмину съ извѣстіемъ о нашемъ прибытіи къ озеру. При запискѣ была прислана корзинка съ лукомъ, подарокъ Шукри-Аги.

Въ 9 часовъ утра мы тронулись въ путь, а черезъ два часа стали въ разстояніи 1/4 мили отъ берега, неподалеку отъ нашего бивака 16-го декабря и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояло селеніе Кавалли. Мы захватили съ собою кукурузы на 5 дней, а мяса можно было доставать изъ покинутой нами равнины, которая изобиловала многими породами крупной дичи.

Въ половинѣ пятаго часа я глядя изъ двери своей палатки, замѣтилъ на озерѣ въ сѣверо-восточной части горизонта какое-то темное пятно. Я думалъ, что это можетъ быть дикарскій челнокъ, а можетъ быть и нашъ вельботъ «Авансъ» возвращается; но посмотрѣвъ въ бинокль тотчасъ увидѣлъ, что это корабль гораздо большихъ размѣровъ чѣмъ наша лодка или челнокъ, а вслѣдъ затѣмъ, по выходившему изъ него черному клубу дыма догадался, что это пароходъ. Часомъ позже можно было ужъ разсмотрѣть, что онъ ведетъ на буксирѣ двѣ лодки, а въ 6 ч. 30 м. пароходъ бросилъ якорь въ маленькой бухтѣ Нямсасси, противъ островка этого имени. Наши люди высыпали на берегъ впереди лагеря, стрѣляли изъ ружей, махали значками, но хотя мы были только въ двухъ миляхъ отъ островка, никто повидимому не замѣчалъ насъ.

Тогда мы послали усердныхъ гонцовъ навстрѣчу прибывшимъ водою; но наши посланцы бѣжали вдоль берега съ такою быстротой и такъ неумѣренно выражали свои восторги, что когда они выстрѣлили на воздухъ, желая обратить на себя вниманіе пріѣхавшихъ, тѣ стали стрѣлять серьезно въ нихъ, принявъ моихъ молодцовъ за людей Кабба-Реги. Къ счастію, однакожъ, никто ни въ кого не попалъ. Команда нашего

вельбота узнала товарищей, дала знать на пароходъ, что бѣгущіе по берегу свои люди, а вельботъ изготовился къ принятію гостей, которыхъ онъ долженъ былъ доставить къ той части берега, гдѣ мы расположились.

Въ 8 часовъ, среди радостныхъ кликовъ и ружейныхъ салютовъ, самъ Эминъ-паша вошелъ въ нашъ лагерь, въ сопровожденіи капитана Казати, мистера Джефсона и одного изъ офицеровъ при пашѣ. Я всѣмъ подалъ руку, поздоровался и спросилъ, который-же Эминъ-паша? Тогда одинъ изъ гостей, худенькій человѣкъ небольшаго роста и въ очкахъ обратилъ на себя мое вниманіе, сказавъ на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ: «Я обязанъ вамъ тысячью благодарностей, мистеръ Стэнли, рѣшительно не нахожу словъ для выраженія моей признательности».

— Ахъ, такъ это вы, Эминъ-паша? Пожалуйста не благодарите, а войдите и садитесь. Здѣсь такая тьма, что намъ съ вами и разсмотрѣть-то другъ друга невозможно.

Мы сѣли въ палаткѣ у двери, при свѣтѣ одинокой восковой свѣчи Я ожидалъ, что увижу высокаго, худощаваго человѣка воинственнаго вида въ старенькомъ египетскомъ мундирѣ, а вмѣсто того передъ мной былъ маленькій господинъ тщедушнаго тѣлосложенія въ довольно исправной фескѣ и въ бѣлоснѣжномъ костюмѣ изъ бумажной матеріи, ловко сшитомъ и превосходно выглаженномъ. Темная борода съ просѣдью мобрамляла лицо мадьярскаго типа, а очки придавали ему сходство не то съ итальянцемъ, не то съ испанцемъ. Въ его физіономіи не было ни малѣйшихъ слѣдовъ болѣзненности или безпокойства: она обличала скорѣе отличное здоровье и спокойствіе духа. Капитанъ Казати, напротивъ того, даромъ что гораздо моложе его годами, имѣлъ видъ исхудавшаго, измученнаго тревогами, преждевременно постарѣвшаго человѣка. На немъ тоже былъ костюмъ изъ бумажной атеріи безукоризненной чистоты, а на головѣ египетская феска.

Затѣмъ мы часа два бесѣдовали о разныхъ случайностяхъ нашего путешествія, о происшествіяхъ въ Европѣ, о положеніи экваторіальныхъ провинцій, о своихъ личныхъ дѣлахъ, и наконецъ, чтобы достойно отпраздновать нашу встрѣчу, откупорили пять полубутылокъ шампанскаго (подарокъ моего пріятеля Грешофа въ Стэнли-Пулѣ) и роспили его за здравіе и благоденствіе Эмина-паши и капитана Казати *).

---

*) Напомню, что за тридцать пять дней передъ тѣмъ паша писалъ къ издателю «Petermann's Mittheilungen» письмо, законченное словами: «Если Стэнли придетъ не скоро, мы пропали.

Послѣ ужина мы проводили гостей на вельботъ, который доставилъ ихъ обратно на пароходъ.

30-го апрѣля. Отвелъ экспедицію въ Нсабэ, на сухую, удобную травянистую лужайку, въ 30 саженяхъ отъ озера и около трехъ миль отъ островка Нямсасси.

Идя мимо того пункта, гдѣ пароходъ «Хедивъ» стоялъ на якорѣ, мы увидѣли отрядъ суданскихъ солдатъ Эмина-паши, выстроенный на берегу и встрѣтившій насъ музыкой. Самъ паша въ полной военной формѣ, показался намъ на этотъ разъ нѣсколько мужественнѣе вчерашняго.

Рядомъ съ этими бравыми, вымуштрованными воинами, наши занзибарцы казались стаей нищихъ, и даже не оборванцевъ, а просто голыхъ. Но я все-таки горжусь ими: какъ ни жалки они на видъ, но кто-же, какъ не они, перенесли столько лишеній, и не по ихъ-ли милости мы вышли побѣдителями изъ безчисленныхъ препятствій и затрудненій. Правда, они не вѣдаютъ выправки и не умѣютъ принимать воинственныхъ позъ, но я увѣренъ, что любые изъ этихъ суданскихъ молодцовъ по сравненію съ ними оказались бы сущими младенцами, если бы имъ пришлось сломать такой же походъ, а главное—участвовать въ экспедиціи вспомоществованія.

По окончаніи этого маленькаго парада я передалъ пашѣ тридцать одинъ ящикъ Ремингтоновскихъ боевыхъ снарядовъ и сдѣлалъ ему визитъ на его пароходъ, гдѣ меня угостили просяной лепешкой поджареной въ сиропѣ и стаканомъ парного молока.

Пароходъ «Хедивъ», построенный на заводѣ братьевъ Самуда въ 1869 году, имѣетъ длины девяносто футовъ, а ширины семнадцать или восемнадцать; онъ сидитъ въ водѣ на пять футовъ. Ему теперь двадцать лѣтъ, но онъ еще въ исправности, хотя ходитъ довольно тихо. Въ верхнихъ частяхъ видъ у него совсѣмъ еще приличный, но подводныя части, говорятъ, всѣ въ заплатахъ.

На пароходѣ, кромѣ паши, были Казати, Вита - Хассанъ, врачъ изъ Туниса, нѣсколько египетскихъ писарей, одинъ египетскій лейтенантъ, сорокъ солдатъ суданцевъ и партія отличныхъ матросовъ. По временамъ, разсѣянно прислушиваясь къ знакомымъ звукамъ, я воображалъ себя то въ Александріи, то на Нижнемъ Конго; но стоило оглянуться, чтобы убѣдиться, что мы находимся на водахъ озера Альберта. Медленно подвигаясь на пароходѣ къ сѣверу, въ полутора миляхъ отъ берега, мы наблюдаемъ какъ справа передъ нами высится громадное плоскогорье Уніоро, а слѣва воздымаются стѣны и обрывы того самого плато, которое мы теперь такъ хорошо изучили.

Глядя на горную массу Уніоро, которая отсюда кажется совсѣмъ

синяго цвѣта, я вижу почему Бэкеръ назвалъ наше, западное плато— синими горами: если бы мы шли вдоль восточнаго берега озера, т. е. подъ самымъ Уніоро, тогда западный берегъ, окутанный теплыми парами, казался-бы намъ тоже синимъ. Когда мы прошли островокъ Нямсасси, то увидѣли, что одинъ изъ береговыхъ скалистыхъ обрывовъ, увлаженный горнымъ потокомъ, черезъ который мы вчера переходили во время спуска къ озеру, блеститъ на солнцѣ какъ зеркало и издали производитъ впечатлѣніе прозрачной водяной пелены. Бэкеръ видѣлъ это съ восточнаго берега и потому называетъ водопадомъ.

Докторъ Юнкеръ и докторъ Фелькинъ, въ особенности въ январскомъ нумерѣ журнала «Graphic» за 1887 годъ, такъ описываютъ Эмина-пашу, что я ожидалъ увидѣть человѣка нервнаго, крѣпкаго, высокаго роста — футовъ шести или около того; а на дѣлѣ ростъ Эмина оказался 5 футовъ и 7 дюймовъ. — Я помню какъ хлопоталъ докторъ Юнкеръ о томъ, чтобы панталоны, которыя я заказывалъ для Эмина въ Каирѣ, были подлиннѣе внизу. А между тѣмъ пришлось отстричь шесть дюймовъ чтобы онъ могъ ихъ надѣть. Онъ говоритъ, что ему сорокъ восемь лѣтъ. На видъ онъ гораздо моложе: борода почти совершенно черная, а подвижность и дѣятельность такая, какъ бываетъ у человѣка въ 30—35 лѣтъ.

Паша говоритъ, что побывалъ въ Монбутту, но какъ и прочіе путешественники—Швейнфуртъ, Казати, Пьяджія и Юнкеръ—онъ не производилъ никакихъ астрономическихъ наблюденій, ограничиваясь лишь компасомъ. Мѣстною метеорологіей, однако же, онъ занимался очень тщательно, какъ и слѣдовало ожидать отъ человѣка съ такимъ методическимъ умомъ и аккуратными привычками.

Около полудня мы стали на якорь пройдя Нсабэ и я сошелъ на берегъ, чтобы присмотрѣть за тѣмъ, какъ мои люди будутъ устраивать въ этомъ мѣстѣ порядочный лагерь, что далеко не лишнее въ столь близкомъ сосѣдствѣ Кабба-Рега. Этотъ царекъ, объявившій войну Эмину-пашѣ, имѣетъ подъ ружьемъ полторы тысячи человѣкъ и легко можетъ считать себя на столько сильнымъ, что захочетъ съ нами помѣряться силами. Помимо его, племя Уаганда, во время своихъ постоянныхъ набѣговъ на окрестности, можетъ узнать о нашемъ существованіи и тоже пойти на насъ, въ надеждѣ поживиться нашимъ добромъ.

Вечеромъ Эминъ-паша приходилъ къ намъ и мы съ нимъ имѣли длинный разговоръ, но я такъ и не знаю до сихъ поръ, какъ онъ намѣренъ поступить. Я ему формально передалъ всѣ письма, фирманъ Хедива и депешу Нубара-паши.

Прежде я составилъ себѣ такой планъ, что подожду недѣли двѣ, потомъ всѣ вмѣстѣ мы снова взайдемъ на плато и въ Ундуссумѣ выберемъ мѣсто, удобное для продолжительной стоянки, устроимъ все, что нужно для удобства и безопасности Эмина и его людей, и тогда я оставлю его тутъ, а самъ пойду обратно выручать арріергардную колонну. Выполнивъ это и вновь соединившись съ Эминомъ, я думалъ черезъ нѣсколько дней вмѣстѣ съ нимъ выступить къ Занзибару; но манера паши какая-то странная, загадочная и не предвѣщаетъ ничего добраго. Когда я предлагаю ему вмѣстѣ отправляться къ морю, онъ начинаетъ похлопывать себя по колѣнкѣ и улыбаться, какъ будто хочетъ сказать: ну, это еще мы посмотримъ!... Для меня ясно, что ему не легко отказаться отъ того положенія, которое онъ здѣсь занимаетъ, исполняя въ сущности обязанности вице-короля.

Я обстоятельно изложилъ ему причины, по которымъ египетское правительство рѣшилось отказаться отъ занятія экваторіальныхъ провинцій; тогда онъ сказалъ: — Я очень хорошо вижу какъ трудно Египту удержать за собою эти провинціи; но не вижу какъ я самъ отсюда уйду. Хедивъ пишетъ, что жалованье мнѣ, офицерамъ и солдатамъ будетъ выдано по возвращеніи нашемъ въ Египетъ, а оставаясь здѣсь мы должны принять на себя всю отвѣтственность за могущія быть послѣдствія, отъ Египта-же намъ никакой помощи больше не будетъ. Нубаръ-паша написалъ тоже самое, только подлиннѣе. А я нахожу, что это совсѣмъ не инструкціи: — хоть они и говорятъ, чтобы я уѣзжалъ, но впрочемъ предоставляютъ мнѣ полную свободу дѣйствій.

— Ну, если вамъ угодно, я постараюсь пополнить недосказанное, такъ какъ Хедивъ и Нубаръ-паша далеко, а я положительно знаю чего они хотятъ. Докторъ Юнкеръ по прибытіи въ Египетъ оповѣстилъ на весь міръ, что вы находитесь въ отчаянномъ положеніи по недостатку боевыхъ снарядовъ; что у васъ осталось ихъ такое количество, что еще годъ или полтора года вы можете продержаться, въ случаѣ если не подвергнетесь до тѣхъ поръ болѣе рѣшительнымъ нападеніямъ и не будете вызваны на продолжительное сопротивленіе; что до сихъ поръ вы защищали экваторіальныя провинціи очень успѣшно; что готовы продолжать въ томъ же духѣ до тѣхъ поръ, пока ваше правительство не предпишетъ вамъ инаго образа дѣйствій; что вы очень привязаны и къ странѣ, и къ народу; что край въ цвѣтущемъ состояніи, жители спокойны и довольны и у нихъ есть почти все что нужно для продолженія столь благополучнаго житья; что вамъ не хотѣлось бы чтобъ ваши труды пропали даромъ и вы бы желали, чтобы Египетъ удержалъ за собою эту область, а если

не Египетъ, то одно изъ европейскихъ государствъ, которое можетъ и захочетъ продолжать начатое вами дѣло. Такъ-ли васъ понялъ докторъ Юнкеръ, паша?

— Совершенно вѣрно.

— Хорошо. Узнавъ все это отъ доктора Юнкера, египетскія власти тотчасъ сообразили, что какія ни посылай вамъ инструкціи, вы едва ли будете расположены покинуть эти провинціи; а потому Хедивъ и написалъ, что если вы останетесь тутъ, то весь рискъ и вся отвѣтственность падаютъ на васъ, а отъ Египта вамъ дальнѣйшей поддержки не будетъ.

Намъ поручено доставить вамъ нѣкоторое количество боевыхъ снарядовъ и сказать вамъ при этомъ: вотъ, мы готовы помочь вамъ выбраться отсюда, если вамъ угодно будетъ покинуть Африку вмѣстѣ съ нами, и будемъ въ восторгѣ отъ вашего сообщества; если-же вы не желаете уходить, то наша миссія кончена.

Предположимъ послѣднее, т. е. что вы предпочтете остаться. Что-жъ, вы еще молоды, вамъ сорокъ восемь лѣтъ только; здоровье ваше крѣпкое. У васъ станетъ энергіи и силъ еще на пять, на десять, на пятнадцать лѣтъ; потомъ начнете старѣть и силы ваши постепенно гаснуть. Тогда вы съ сомнѣніемъ будете взирать на будущее и пожалуй внезапно рѣшитесь уйти отсюда, пока еще не поздно. Изберете какой-нибудь путь къ морю, — положимъ черезъ Монбутту, доберетесь до Конго, придете въ цивилизованныя мѣста; какъ же вы станете содержать своихъ людей? Потому что тогда провіанту иначе не достанете, какъ за деньги или за товаръ? Положимъ, что вы добрались и до моря; что же вы станете дѣлать? Кто вамъ поможетъ перевезти вашихъ людей домой? Когда Египетъ предлагалъ вамъ свое содѣйствіе, вы отказались, а говоря словами хедива — дальнѣйшей поддержки вамъ отъ Египта ожидать нечего.

Если вы останетесь здѣсь навсегда, что станется съ провинціями послѣ васъ? Ваши люди передерутся между собою изъ-за главенства и все пойдетъ прахомъ. А вѣдь это вопросъ серьезный и его стоитъ обдумать хорошенько. Будь ваша область не такъ далеко отъ моря; существуй какая нибудь возможность постоянно подвозить вамъ средства держаться въ этомъ положеніи, ужъ конечно не я-бы сталъ уговаривать васъ принять предложенія хедива и я-же первый всѣми силами постарался-бы помочь вамъ совѣтами, какъ продержаться. Но здѣсь, у этого озера, со всѣхъ сторонъ окруженнаго могущественными царьками и отважными народами, зная при томъ, что къ западу отсюда тянутся эти дремучіе лѣса, а на сѣверѣ распоряжаются фанатическіе сторонники Махди,—будь, я на вашемъ мѣстѣ, я-бы не колебался ни одной минуты.

— Все, что вы сказали, вполнѣ справедливо,—возразилъ паша,—но у насъ такое множество женщинъ и дѣтей,—пожалуй до десяти тысячъ наберется!—Какъ ихъ отсюда потащишь! Понадобится ужасное количество носильщиковъ.

— То есть, для чего-же собственно носильщиковъ?

— А для женщинъ-то и дѣтей. Не оставлять-же ихъ тутъ, я надѣюсь? А идти онѣ не могутъ.

— Женщины конечно должны идти, какъ и другіе; а для такихъ дѣтей, которыя еще не въ состояніи дѣлать переходовъ, можно приспособить вашихъословъ, которыхъ вы-же сами говорите, что у васъ такое множество. Въ первый мѣсяцъ ваша команда конечно не далеко уйдетъ, но понемногу онѣ привыкнутъ. Наши женщины, во время моей второй экспедиціи, прошли-же пѣшкомъ черезъ всю Африку; значитъ, и ваши помаленьку пройдутъ.

— Ужасно много провизіи понадобится на дорогу.

— Да вѣдь у васъ-же цѣлыя стада рогатаго скота, — нѣсколько сотъ головъ, вы говорили? Вотъ вамъ мясная пища; а хлѣбныя зерна и другіе растительные продукты найдемъ по дорогѣ. Когда-же мы достигнемъ тѣхъ странъ, гдѣ можно за деньги покупать провизію, у насъ есть чѣмъ заплатить; а дальше, въ Мсалала у насъ есть цѣлый складъ товаровъ, которые прокормятъ насъ до самаго морскаго берега.

— Хорошо, хорошо. Отложимъ пока этотъ разговоръ до завтра.

1-го мая. Дневка въ Нсабэ.

Къ 11-ти часамъ утра Эминъ-паша, сошелъ на берегъ и когда мы усѣлись, возобновилъ вчерашнюю бесѣду.

— То что вы вчера говорили, началъ паша, привело меня къ мысли, что въ самомъ дѣлѣ лучше уйти отсюда. Египтяне, я знаю, очень охотно пойдутъ. Ихъ должно быть всего человѣкъ пятьдесятъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, и на счетъ ихъ у меня нѣтъ никакихъ сомнѣній; даже и въ томъ случаѣ, если самъ я рѣшусь оставаться, я радъ буду отъ нихъ отдѣлаться, потому что они только подрываютъ мой авторитетъ и мѣшаютъ, когда я хочу двинуться. Когда я сообщилъ имъ, что Хартумъ палъ, а Гордонъ-паша убитъ, они все время увѣряли нубійцевъ, что все это я самъ сочинилъ и вотъ-вотъ на дняхъ мы увидимъ пароходы, которые поднимаются вверхъ по рѣкѣ на помощь имъ. Но относительно регулярнаго войска, котораго у меня два баталіона, я сильно сомнѣваюсь. Имъ здѣсь такъ хорошо, такъ привольно живется, что едва ли они захотятъ промѣнять страну, гдѣ живутъ такъ роскошно, на Египетъ, гдѣ конечно ничего подобнаго быть не можетъ. Всѣ они женаты и помимо того у каждаго солдата свой гаремъ. Насчетъ иррегулярныхъ я не спорю, они вѣроятно

предпочтутъ уйти вслѣдъ за мною. Но вообразите себѣ, что регулярные захотятъ оставаться; я вѣдь буду тогда въ очень затруднительномъ положеніи. Что мнѣ дѣлать? Справедливо ли бросать ихъ тутъ на произволъ судьбы? И не значитъ-ли это обрекать ихъ на вѣрную гибель? Мнѣ пришлось бы оставить имъ ихъ оружіе и боевые снаряды, а тотчасъ по уходѣ моемъ разумѣется всякой дисциплинѣ, всякой авторитетности будетъ конецъ. Подымутся распри, образуются партіи, наиболѣе честолюбивые люди силой добьются главенства; возникнетъ соперничество, взаимная ненависть, а тамъ начнется и всеобщая рѣзня.

— Да, паша, вы нарисовали мрачную картину,—сказалъ я.—Но я, пріученный повиноваться начальству во что бы то ни стало, нахожу что вамъ, какъ состоящему на службѣ у хедива, подобаетъ исполнить его волю, и больше ничего.

По моему, вамъ теперь вотъ что нужно сдѣлать: прочтите письмо хедива своимъ войскамъ, спросите, кто изъ нихъ желаетъ идти за вами, а кто хочетъ оставаться и раздѣлите ихъ на двѣ группы; первая пусть готовится къ немедленному походу, а второй вы предоставите пользоваться всѣми ружьями и снарядами, безъ которыхъ сами можете обойтись. Если бы оказалось, что остающихся три-четверти или даже четыре пятыхъ всего вашего войска, дальнѣйшая ихъ судьба болѣе не должна васъ заботить: на то была ихъ добрая воля; и на ваши обязанности передъ хедивомъ это не можетъ имѣть никакого вліянія.

— Все это справедливо,—отвѣчалъ паша; но что дѣлать, если люди окружатъ меня и силою принудятъ оставаться?

— Это мало вѣроятно, я думаю, судя потому, какъ они у васъ вышколены. Но конечно, вамъ виднѣе, такъ какъ вы своихъ людей лучше знаете.

— Вотъ что мы сдѣлаемъ: завтра я пошлю пароходъ къ себѣ, на главную квартиру, съ письмомъ Хедива; а вы меня крайне обяжете, если дозволите одному изъ вашихъ офицеровъ отправиться въ Дуффлэ и тамъ показаться войску. Пусть онъ самъ поговоритъ съ людьми и скажетъ имъ, что его послалъ уполномоченный отъ правительства, котораго хедивъ нарочно прислалъ воротить ихъ домой; можетъ быть повидавъ его и переговоривъ съ вашими суданцами они и согласятся уходить вмѣстѣ съ нами. Коли они пойдутъ, пойду и я; если же они останутся, то и я останусь.

— А если вы останетесь, что же вы рѣшите на счетъ египтянъ?

— О, объ нихъ я ужъ васъ попрошу позаботиться.

— Будьте такъ любезны, спросите капитана Казати, будемъ ли мы имѣть удовольствіе пользоваться его обществомъ на пути отсюда къ морю? Насъ особенно просили оказать ему всяческое содѣйствіе.

Капитанъ Казати отвѣчалъ черезъ Эмина-пашу:

— Если губернаторъ Эминъ уйдетъ, и я уйду; если онъ останется, и я съ нимъ.

— Ну, паша, я вижу, что въ случаѣ окончательнаго рѣшенія остаться въ Африкѣ, вы примете на себя двойную отвѣтственность, потому что капитанъ Казати повидимому долженъ будетъ раздѣлить вашу участь.

Паша разсмѣялся и перевелъ мои слова капитану Казати, а этотъ храбрый капитанъ съ живостью отвѣтилъ:

— О, я заранѣе освобождаю Эмина-пашу отъ всякой отвѣтственности за меня, потому что не онъ меня принуждаетъ, а я самъ, по собственной волѣ остаюсь при немъ.

— Въ такомъ случаѣ, паша, не разсудите-ли вы за благо, если останетесь здѣсь, составить завѣщаніе?

— Завѣщаніе! Это къ чему?

Къ тому, чтобы распорядиться вашимъ жалованьемъ, котораго должно быть накопилась теперь порядочная сумма. За восемь лѣтъ, кажется вы говорили? Или можетъ быть вы желаете предоставить его Нубару-пашѣ?

— Нубару-пашѣ? На здоровье! Э, да что объ этомъ толковать и всего-то моего жалованья у нихъ тамъ не больше двухъ тысячъ фунтовъ (20.000 рублей). Что-жъ это за капиталъ для человѣка, котораго хотятъ ужъ отпустить на покой? мнѣ сорокъ восемь лѣтъ и однимъ глазомъ я ужъ совсѣмъ ничего не вижу. Если я пріѣду въ Египетъ они наговорятъ мнѣ комплиментовъ и выпроводятъ меня съ низкими поклонами. Что-жъ мнѣ дѣлать тогда? Поискать гдѣ нибудь въ Каирѣ или въ Стамбулѣ такого угла, гдѣ бы меня окончательно позабыли? Нечего сказать, блестящая переспектива!

Къ вечеру онъ опять приходилъ ко мнѣ въ палатку и говорилъ, между прочимъ, что рѣшился покинуть Африку, если его люди согласятся тоже уйти; если же нѣтъ, онъ остается съ ними.

Я узналъ также, что египтяне радехоньки будутъ отправиться на родину и что всѣхъ ихъ насчитывается до шестидесяти пяти человѣкъ; что въ первомъ баталіонѣ регулярнаго войска немного болѣе 650, а во второмъ батальонѣ почти 800 человѣкъ; что ремингтоновскихъ ружей у нихъ всего 750, а остальные вооружены мушкетами.

2-го мая. Пароходъ «Хедивъ» отправился сегодня утромъ къ сѣверу, сперва въ Мсуа, оттуда въ Тунгуру, за четырнадцать съ половиною часовъ плаванія отсюда; черезъ два дня они пойдутъ въ Уаделаи, а на третій день въ Дуффлэ. Паша написалъ туда, чтобы ему выслали шестьдесятъ или семьдесятъ солдатъ, одного маіора и

какъ можно больше носильщиковъ. Пароходъ пробудетъ въ отсутствіи вѣроятно недѣли двѣ. До тѣхъ поръ мы остаемся здѣсь.

Я забылъ упомянуть, что по просьбѣ моей паша привезъ съ собою нѣсколько быковъ и дойныхъ коровъ, до сорока овецъ и козъ, столько-же куръ и столько зерна, чтобы прокормить экспедицію во все время стоянки у Ніанзы, потому что берега въ окрестностяхъ Нсабэ совершенно пустынны и ничего здѣсь нельзя добыть кромѣ дичи. Если распорядиться умненько, намъ этого провіанту хватитъ и на три недѣли.

Тѣмъ временемъ паша съ капитаномъ Казати и двадцатью солдатами расположился лагеремъ саженъ на полтораста къ югу отъ насъ. И онъ и его люди размѣстились въ очень порядочныхъ хижинахъ. Мы имѣемъ въ виду недѣли двѣ полнѣйшаго отдыха, а для меня и моихъ офицеровъ предстоитъ удовольствіе постоянно пользоваться обществомъ любезнаго и во всѣхъ отношеніяхъ пріятнаго собесѣдника, въ лицѣ Эмина-паши. Казати не знаетъ по англійски, а по французски говоритъ еще хуже моего, такъ что съ нимъ я не въ состояніи разговаривать. Отъ паши однакожъ я узналъ, что капитану приходилось крайне плохо въ Уніоро. До декабря прошедшаго года все шло у него довольно благополучно. Живя въ Уніоро въ качествѣ агента Эмина-паши, онъ завѣдывалъ передачею писемъ паши въ Уганду и пересылкой почтовыхъ тюковъ съ письмами, книгами, лекарствами и т. д., словомъ всего, что могъ доставлять мистеръ Мэккей, агентъ церковныхъ миссіонеровъ.

Изъ Уганды прошелъ тогда слухъ о нашей экспедиціи, дошедшій и до Кабба-Рега. Молва сильно преувеличила наши силы: разсказывали, что со мной идутъ тысячи вооруженныхъ солдатъ, что мы намѣрены соединиться съ арміей паши и вмѣстѣ съ нимъ пройти чрезъ Уніоро и Уганду и на пути все разграбить. Какъ разъ въ это время въ руки Кабба-Рега попалъ пакетъ съ письмами на имя мое и моихъ офицеровъ, что какъ бы служило подтвержденіемъ слуховъ. Въ домъ капитана Казати посланъ былъ офицеръ, который съ помощью племени Уаніоро ограбилъ его до чиста, не оставивъ ни одной малѣйшей вещицы; самаго капитана и его прислугу привязали къ дереву и нещадно били. Я слышалъ, что съ однимъ арабомъ, по имени Могаммедъ-Бери, поступлено еще хуже: этотъ Могаммедъ былъ главнымъ посредникомъ между мистеромъ Мэккеемъ и Казати, и чуть-ли не былъ казненъ, какъ шпіонъ и предатель. Казати и его ближайшіе слуги немного спустя были выведены изъ Уніоро людьми Кабба-Рега, и перейдя за предѣлы этой провинціи ихъ, совершенно обнаженныхъ, опять привязали къ деревьямъ. Однакоже имъ кое-какъ удалось распутать узлы

и они бѣжали къ озеру; тутъ одинъ изъ слугъ нашелъ челнокъ и поплылъ черезъ все озеро къ западному берегу, къ Тунгуру, чтобы просить помощи у Эмина-паши. Одинъ изъ пароходовъ паши встрѣтилъ этого смѣльчака: капитанъ парохода, узнавъ всю исторію на скоро запасся топливомъ и полетѣлъ къ пашѣ, доложить о случившемся. Черезъ нѣсколько часовъ самъ паша съ отрядомъ солдатъ сѣлъ на пароходъ «Хедивъ» и прибылъ къ восточному берегу. По указаніямъ, даннымъ слугою капитана, онъ сталъ искать его; Казати съ берега окликнулъ пароходъ и вскорѣ очутился въ объятіяхъ своего друга. Нѣсколькихъ солдатъ послали на берегъ и они сожгли селеніе Киберо, въ отместку за оскорбленія, нанесенныя агенту паши. Такъ какъ Казати изгнали изъ Уніоро въ совершенно обнаженномъ состояніи, онъ разумѣется лишился всего своего имущества, дневниковъ, записокъ, а въ томъ числѣ и нашихъ писемъ.

Капитанъ далъ мнѣ письменный маршрутъ, изъ котораго я узналъ, что 27-го іюля, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ нашего выступленія изъ Ямбуйи, почтовые носильщики вышли изъ Занзибара, что письма, намъ адресованныя доставлены въ Мсалала 11-го сентября, а въ церковной миссіи въ Угандѣ получены 1-го ноября; и что капитанъ Казати получилъ нашу почту 1-го декабря, т. е. за двѣнадцать дней до нашего прибытія къ западному берегу Ніанзы. Такъ какъ его изгнаніе изъ Уганды послѣдовало 13-го февраля 1888 года, то выходитъ, что наши письма долго пролежали у него; надо думать, что онъ не находилъ случая переслать ихъ Эмину-пашѣ.

Сегодня утромъ Саатъ-Тато (Три-Часа) съ нѣсколькими молодыми людьми вышелъ на охоту, пострѣлять дичи для лагеря. Два буйвола пали подъ мѣткими выстрѣлами нашего искуснаго стрѣлка, но третій, раненый въ ногу, слѣдуя хитрому инстинкту этихъ животныхъ, убѣжалъ и, описавъ цѣлый кругъ, притаился въ кустахъ развѣсистой акаціи, въ ожиданіи противника. Мабруки, сынъ Кассимовъ, вообразивъ, что охота на буйволовъ дѣло не хитрое, пошелъ по слѣдамъ раненаго звѣря. Завидѣвъ своего врага буйволъ испустилъ хриплое мычаніе и бросившись на него распоролъ ему ляжку рогомъ. Поваливъ несчастнаго Мабруки на землю, буйволъ билъ его головой, исполосовавъ ему рогами бокъ, руки, сломалъ ребра; наконецъ, Саатъ-Тато услыхалъ его крики, прибѣжалъ на помощь и заставъ товарища едва живымъ, выстрѣломъ въ голову положилъ буйвола на мѣстѣ. Одинъ изъ молодыхъ людей поспѣшилъ въ лагерь сообщить намъ объ этомъ печальномъ происшествіи. Саатъ-Тато отправился дальше и убилъ еще четырехъ антилопъ. Въ то время какъ бѣднаго Мабруки, жестоко израненнаго, на носилкахъ принесли въ лагерь, цѣлый отрядъ

людей тащилъ по частямъ туши трехъ буйволовъ и четырехъ антилопъ, для продовольствія лагеря. Удивительное дѣло! Люди и безъ того ѣли до отвалу, потому что и зерна и мяса у насъ было вдоволь, но эта добыча встрѣчена была съ такимъ жаднымъ восторгомъ и громкими воплями, какъ будто мы ужъ давно голодаемъ.

30-го апрѣля съ вечера и почти во всю ночь дулъ бурный вѣтеръ; паша сигналомъ приказалъ пароходу „Хедивъ“ спустить два якоря. Такъ какъ грунтъ былъ для этого удобный, корабль отлично выдержалъ бурю. Съ тѣхъ поръ было еще нѣсколько шкваловъ съ сильнѣйшимъ дождемъ и днемъ, и ночью.

3-го мая. — Лагерь при Нсабэ.

Сегодня жители Кавалли, какъ добрые подданные, приходили навѣстить своего загостившагося у насъ владыку и принесли ему въ подарокъ десять корзинъ бататовъ, которыя онъ любезно раздѣлилъ намъ съ Эминомъ-пашой.

Опять долго бесѣдовалъ съ пашой и онъ сказалъ между прочимъ: — Я все больше убѣждаюсь, что мои люди никогда не захотятъ уйти въ Египетъ. Да вотъ мистеръ Джефсонъ и суданцы, которыхъ вы любезно обѣщали оставить со мною, сами увидятъ и разсудятъ. Я-бы очень желалъ чтобы вы написали нѣчто въ родѣ прокламаціи или воззванія къ войску, которое можно-бы было прочесть солдатамъ: изложить имъ данное вамъ порученіе и выразить, что теперь вы ждете что̀ они скажутъ и какъ рѣшатъ. По всему что я о нихъ знаю, думаю что не пойдутъ они въ Египетъ. Египтяне другое дѣло, тѣ пойдутъ съ радостью; но ихъ, во-первыхъ, немного, а во-вторыхъ, они ни на что негодны.

Таковъ наиболѣе опредѣленный изъ его отвѣтовъ. Я все ждалъ рѣшительнаго заявленія въ этомъ родѣ, чтобы предложить ему еще новую комбинацію; а такъ какъ мнѣ съ разныхъ сторонъ поручено вступать съ нимъ въ переговоры, то я, въ интересахъ каждаго изъ моихъ довѣрителей, передалъ ему еще два предложенія. Первѣйшею изъ моихъ обязанностей считаю я дѣйствовать въ пользу хедива, и былъ-бы очень радъ, если бы паша былъ того же мнѣнія и такъ отлично продержавшись на своемъ посту, покуда было нужно, согласился-бы покинуть его тотчасъ по полученіи приказаній свыше. Поступивъ такимъ образомъ, онъ осуществилъ-бы для меня тотъ идеалъ губернатора, который я представлялъ себѣ судя по его письмамъ. Но впрочемъ, лишь-бы онъ высказался вполнѣ опредѣленно, я готовъ былъ помогать ему всѣми силами и во всякомъ случаѣ.

— Ну теперь, паша, — сказалъ я, — потрудитесь выслушать еще два предложенія, которыя я буду имѣть честь передать вамъ отъ

имени лицъ, искренно желающихъ воспользоваться вашими услугами. И того, съ тѣмъ предложенiемъ, которое исходитъ отъ его высочества хедива, ихъ будетъ три; но такъ какъ времени впереди довольно, то я полагаю, что вы можете на досугѣ обсудить каждое изъ нихъ и выбрать то, что вамъ придется по вкусу.

Позвольте-же мнѣ начать съ начала. Первое мое предложенiе состоитъ въ томъ, чтобы вы, какъ военный человѣкъ, разумѣющiй дисциплину, сопровождали меня въ Египетъ. По прибытiи туда вы, ваши офицеры и солдаты получите сполна все свое содержанiе. Будетъ-ли вамъ мѣсто на дѣйствительной службѣ у правительства или не будетъ, — я не знаю; но полагаю что будетъ. Такiе служаки какъ вы повсюду рѣдки, а египетскiя границы именно таковы, что тамъ-то и необходимо присутствiе человѣка, подобнаго вамъ. Въ отвѣтъ на это вы, однако же, говорите что по вашему убѣжденiю люди ваши отсюда не двинутся, а въ случаѣ безповоротнаго ихъ рѣшенiя въ этомъ смыслѣ и вы останетесь съ ними.

Второе мое предложенiе будетъ отъ имени Леопольда, короля Бельгiи. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ, что во избѣжанiе того, чтобы экваторiальныя провинцiи снова одичали и въ томъ случаѣ если онѣ могутъ давать кое-какой доходъ, областное управленiе Конго могло-бы принять на себя завѣдыванiе ими, буде на это потребуется ежегодно не болѣе 10 или 12 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (т. е. отъ 100 до 120.000 рублей); что его величество король Леопольдъ готовъ назначить вамъ жалованья до 15.000 рублей, какъ губернатору этихъ провинцiй, съ чиномъ генерала, если вы пожелаете принять на себя это званiе. Вы обязаны были-бы, въ такомъ случаѣ, установить постоянное сообщенiе между Ниломъ и Конго и поддерживать порядокъ и соблюденiе законовъ въ экваторiальныхъ провинцiяхъ.

Третье мое предложенiе таково: если вы увѣрены, что ваши люди положительно откажутся исполнить желанiе хедива и не согласятся возвращаться въ Египетъ, то вы, захвативъ съ собою тѣхъ солдатъ, которые останутся вамъ вѣрны, отправитесь вмѣстѣ со мною къ сѣверо-восточному углу озера Викторiя-Нiанза и позволите мнѣ устроить васъ тамъ отъ имени восточно-африканской ассоцiацiи. Мы поможемъ вамъ выстроить крѣпость, выбравъ для этого мѣстность вполнѣ удобную для цѣлой ассосiацiи, предоставимъ въ ваше распоряженiе нашъ стальной вельботъ и всякiе другiе предметы, могущiе вамъ пригодиться, а сами черезъ область Масаи поспѣшимъ домой, дабы повергнуть все дѣло на обсужденiе восточно-африканской ассосiацiи и исходатайствовать какъ ея одобренiе на это дѣло, такъ равно и дальнѣйшую ея помощь для водворенiя вашего въ Африкѣ навсегда.

Я долженъ вамъ сказать, что никто не уполномочивалъ меня на это послѣднее предложеніе и я его дѣлаю только изъ искренняго расположенія къ вамъ, по собственному почину, имѣя въ виду спасти васъ и вашихъ подчиненныхъ отъ послѣдствій вашего рѣшенія не возвращаться въ Египетъ. Но я убѣжденъ, что ассосіація вполнѣ одобритъ мой планъ и будетъ содѣйствовать намъ: она конечно пойметъ какъ выгодно для ея новыхъ поселеній пріобрѣтеніе одного или двухъ вполнѣ обученныхъ батальоновъ, да еще подъ начальствомъ такого человѣка какъ вы.

Прошу васъ удѣлить мнѣ еще нѣсколько минутъ вниманія, пока я окончательно выясню ваше здѣшнее положеніе. Вся система распространенія египетскихъ владѣній до Альбертъ-Ніанза, по моему, неправильна. Въ теоріи это было хорошо и, пожалуй, естественно. Въ самомъ дѣлѣ, не естественно-ли правительству, живущему на устьяхъ великой рѣки, желать расширить свои владѣнія по берегамъ ея вплоть до истоковъ, особенно когда рѣка эта ничто иное какъ Нилъ?

По несчастью, однакожъ, мысль эту пришлось осуществлять египетскому правительству, которое, какъ не добросовѣстно само по себѣ, но находится въ вѣчной зависимости отъ чиновниковъ, по нравственнымъ качествамъ и по умственнымъ способностямъ стоящихъ на самой низшей степени развитія. Правда, что главными двигателями подобныхъ предпріятій были то Бэкеръ, то Гордонъ, то Эминъ; но исполнители-то, и всѣ подчиненные чиновники либо турки, либо египтяне. По мѣрѣ того какъ вы умножали число поселеній и военныхъ постовъ, вы подрывали свое собственное вліяніе. Въ центрѣ вашей дѣятельности могло образоваться подобіе настоящаго правленія, а внѣшніе округа оставались въ распоряженіи турецкихъ и египетскихъ чиновниковъ, какого нибудь паши, бея или эффенди изъ Каира, вся система которыхъ заключалась въ распущенности и личныхъ капризахъ. Страна, захваченная силой, была и занята и сохранялась только силой-же. Оффиціально признанное правительство, хотя бы и египетское, имѣетъ законное и нравственное право расширять свои владѣнія. Если оно дѣлаетъ это успѣшно, тѣмъ лучше: этого слѣдуетъ желать и въ интересахъ цивилизаціи, и вообще потому, что всякому народу лучше подъ дѣйствительнымъ управленіемъ, чѣмъ безъ всякаго. Но такое управленіе можно-ли считать дѣйствительнымъ? Я согласенъ, что до Ладо и Гондокоро, близь водопадовъ Бѣлаго Нила, страна управлялась еще довольно сносно: отъ Бербера до Ладо могли ходить пароходы, и главный начальникъ имѣлъ возможность контролировать второстепенныхъ правителей. Но когда египетское правительство, не проложивъ никакихъ дорогъ и не устроивъ ни малѣй-

шихъ путей сообщенія, начало одобрять захваты и присоединенія цѣлыхъ громадныхъ, неизвѣстныхъ и непроходимыхъ областей крайняго Судана, оно само напросилось на неизбѣжную катастрофу. Когда Могамедъ Ахметъ поджегъ склады топлива, накопленные взяточничествомъ его подчиненныхъ, пришлось тушить пожаръ на протяженіи 500.000 квадратныхъ миль. Генералъ-губернатора убили, его резиденцію взяли приступомъ, провинціи пали одна за другой, ихъ правители и гарнизоны, разрозненные и застигнутые каждый въ своемъ углу, сдались непріятелю; а вы, одинъ изъ всѣхъ, только тѣмъ и спаслись что отступили отъ Ладо. Всѣ эти области, захваченныя военной силой и управляемыя по военному, непремѣнно требуютъ той-же системы управленія и сколько-бы ихъ не отвоевывали обратно, опять будетъ тоже самое. Если бы эти военныя окупаціи были дѣйствительны и если бы второстепенные правители старались принаравливаться къ общей системѣ управленія и дѣйствовали въ одномъ духѣ съ нею, нечего было бы опасаться, что это дѣло рухнетъ. Но при египетскихъ порядкахъ ничего прочнаго нельзя устроить: на это у Египта не достанетъ ни денегъ, ни людей. При отсутствіи того и другого одна только личная выгода управляемыхъ народовъ могла бы привязать эти отдаленныя и разрозненныя страны къ правительству Египта; но именно этотъ-то элементъ и не принимается никогда во вниманіе тѣми, на кого падаетъ отвѣтственность за внезапные приросты каирскихъ территорій. Кто и когда думаетъ тамъ объ этой выгодѣ народовъ? Приведутъ въ данное мѣсто солдатъ, поставятъ посреди дикой пустыни флагштокъ, нацѣпятъ на него красное знамя съ изображеніемъ полумѣсяца, произведутъ ему салютъ, выпаливъ изъ ружей, и объявляютъ всю окрестную страну подвластною Египту. Потомъ издаютъ прокламацію, гласящую, что отнынѣ торговля слоновою костью будетъ монополіей правительства; слѣдовательно всѣ торговцы, занимавшіеся до сихъ поръ этимъ товаромъ, сразу лишаются средствъ къ существованію. Чтобы вознаградить себя за убытки, сопряженные съ этой мѣрой, купцы начинаютъ торговать невольниками; но другая прокламація немедленно воспрещаетъ имъ и этотъ промыселъ. Очень многіе изъ туземцевъ наживались отъ доставки слоновой кости купцамъ, другіе промышляли поимкою и продажей невольниковъ, между тѣмъ какъ сами купцы, помѣстившіе свои капиталы въ эти предпріятія, потеряли рѣшительно все, то есть и деньги, и трудъ, и занятія. Вы понимаете, что я разсматриваю вопросъ только съ политической точки зрѣнія. Такимъ образомъ въ Суданѣ очутились сотни вооруженныхъ каравановъ, изъ которыхъ въ каждомъ насчитывалось отъ 20 до 100 ружей и болѣе. Когда Мога-

медъ Ахметъ поднялъ знамя бунта, онъ могъ на выгодныхъ условіяхъ склонить на свою сторону предводителей этихъ каравановъ, доведенныхъ до отчаянія понесенными убытками. А что могли имъ предложить взамѣнъ того правительственные чиновники? Ровно ничего. Вслѣдствіе того это деспотическое правительство, которое повело себя такъ жестко, грубо и неполитично, было свергнуто и выметено вонъ, какъ ненужный хламъ. Торговцамъ была прямая выгода возстать противъ правительства и попытаться снова водворить такой порядокъ вещей, который намъ кажется въ высшей степени сквернымъ и безнравственнымъ, а для нихъ равносиленъ обогащенію, а главное—свободѣ, т. е. избавленію отъ насилій.

Теперь возьмите для примѣра область Конго, которая образовалась несравненно быстрѣе нежели египетское владычество распространялось въ Суданѣ. Ни одного выстрѣла тамъ не было сдѣлано, ни одного случая насилія, хотя надъ купцами или туземцами, ни одного налога или пошлины, исключая обычныхъ пошлинъ съ торговыхъ людей въ моментъ вывоза товаровъ чрезъ морскія гавани. Мѣстные старшины и владѣтельные князьки сами предлагали свои земли подъ поселенія и сбѣгались подъ тѣнь синяго флага съ золотою звѣздочкой. Почему это?— А потому что они получали большія выгоды отъ присутствія въ ихъ средѣ чужеземцевъ. Во первыхъ, ихъ защищали отъ притѣсненій болѣе могущественныхъ сосѣдей; во вторыхъ, всѣ разводимые ими съѣстные припасы находили немедленный сбытъ и взамѣнъ ихъ они получали ткани, одежду и всякіе предметы, нужные для ихъ обихода. Чѣмъ бы они ни торговали—слоновой ли костью, каучукомъ, пальмовымъ масломъ или зерномъ—ни на что не было наложено ни акциза, ни пошлинъ; и никто не мѣшался ни въ ихъ старинные обычаи, ни въ домашнія дѣла. Это государство основанное безъ насилія, такъ и развивается безъ насильственныхъ мѣръ. Если же хоть завтра ввести въ эту область иную политику, на торговлю наложить пошлины, объявить слоновую кость собственностью правительства, вмѣшаться въ туземныя учрежденія, отдать всѣ выгодныя коммерческія предпріятія въ руки европейцевъ, и сдѣлать все это прежде чѣмъ правительство крѣпко утвердилось въ странѣ, прежде чѣмъ оно успѣло окружить свои поселенія достаточными матеріальными силами, чтобы проводить свои нововведенія безнаказанно,—тогда все пойдетъ прахомъ и область Конго постигнетъ та же горькая участь, какая постигла египетскія владѣнія въ Суданѣ. Образчикомъ того, что тамъ можетъ случиться, служитъ трагическое происшествіе у Стэнлеевыхъ пороговъ.

Всякій разсудительный человѣкъ можетъ подтвердить, что ваши

экваторіальныя провинціи никогда не будутъ принадлежать Египту, пока онъ управляется египетскими чиновниками. У Египта денегъ не достанетъ на поддержаніе своего главенства въ странахъ на столько отдаленныхъ отъ него. Эти страны слишкомъ далеки отъ Уади-Гальфа, которое составляетъ дѣйствительный предѣлъ территоріи Египта. Вотъ если египетское правительство проведетъ желѣзную дорогу изъ Уади-Гальфа до Бербера, или отъ Бербера до Суакима, или до Хартума, тогда можно будетъ считать Ладо крайнимъ предѣломъ египетскихъ владѣній къ югу. Когда оно соединитъ такимъ же путемъ Ладо съ Дуффлэ, оно отодвинетъ свои границы даже до южнаго конца этого озера; но при всемъ томъ все-таки необходимо держать тутъ военную силу, чтобы обезпечить себѣ безпрепятственное пользованіе путями сообщенія. Какъ вы думаете, скоро ли все это случится? Доживете ли вы до такихъ порядковъ?

У кого-же достанетъ донъ-кихотства чтобы польститься на эти провинціи? У Бельгійскаго короля? Но вы замѣтили, что въ его предложеніи включено условіе: «если провинціи могутъ давать кое-какой доходъ»... Вы сами наилучшій судья въ этомъ дѣлѣ; вамъ должно быть видно, достаточно ли субсидіи въ сто или сто двадцать тысячъ рублей на поддержаніе управленія въ этомъ краѣ. Какіе бы тамъ ни были доходы, ихъ должно доставать, съ помощью этой субсидіи, на содержаніе примѣрно двадцати станцій до Ямбуйи, на протяженіи 650 миль (болѣе 1.000 верстъ). Это значитъ, что на эти деньги нужно содержать по крайности 1.200 солдатъ, десятковъ пять, шесть офицеровъ и чиновниковъ, и генералъ-губернатора; доставлять имъ одежду, аммуницію, орудія обороны, а также держать нѣкоторое количество носильщиковъ для почтовой гоньбы между Конго и дальнѣйшими пунктами территоріи.

А если не бельгійскій король, кто-же еще можетъ поддерживать васъ здѣсь сообразно вашему положенію и потребностямъ? Конечно, свѣтъ не безъ добрыхъ людей и у иныхъ есть даже лишнія деньги, на которыя они могутъ снаряжать экспедиціи, положимъ—въ три года разъ. Но вѣдь это средства палліативныя, временно могущія давать вамъ возможность существованія,—а это едва-ли можетъ удовлетворять васъ. Что-же паша? Я жду вашего отвѣта, еще разъ прося извинить меня за болтливость.

— Чрезвычайно вамъ благодаренъ, мистеръ Стэнли; увѣряю васъ, отъ чистаго сердца. Если я недостаточно выражаю мою признательность, это отъ того, что не нахожу словъ, но я глубоко чувствую вашу доброту и буду съ вами откровененъ.

На первое ваше предложеніе я уже отвѣтилъ.

На второе-же скажу, что долгъ велитъ мнѣ прежде всего сквитаться съ Египтомъ. Пока я здѣсь, провинціи принадлежатъ Египту и будутъ принадлежать, покуда я не уйду. Когда я уйду, онѣ будутъ „ничьи". Я не могу такъ мѣнять своего флага и перебѣгать отъ краснаго знамени къ синему. Подъ краснымъ я служу тридцать лѣтъ, а синяго еще не видывалъ. Помимо того, скажите пожалуйста, можете-ли вы по собственному опыту заключить, что возможно поддерживать пути сообщенія въ этой странѣ на скромныя средства?

— Сначала конечно нельзя. Мы такъ недавно еще и такъ ужасно изъ-за этого пострадали, что мудрено было бы позабыть; но я думаю, что когда мы пойдемъ обратно, на выручку своего арріергарда, намъ будетъ уже не такъ плохо. Всѣхъ тяжелѣе бываетъ всегда піонерамъ. Кто пойдетъ послѣ насъ, тому наша опытность пойдетъ въ прокъ.

— Можетъ быть; но вѣдь пройдетъ по крайней мѣрѣ два года пока мы получимъ какія нибудь извѣстія. Нѣтъ, я крайне признателенъ его величеству королю Леопольду, но этого предложенія кажется нельзя принять и потому обратимся къ третьему.

Мои люди, я думаю не откажутся послѣдовать за мною на Викторію-Ніанзу; на сколько мнѣ извѣстно, они ни за что не пойдутъ только въ Египетъ. Если-же предположить, что они согласятся, то вашъ проектъ мнѣ очень нравится. Это не только наилучшій, но и наиболѣе разумный исходъ изъ нашихъ затрудненій. Сообразите, вѣдь изъ восьми тысячъ душъ нашихъ поселеній по крайней мѣрѣ три четверти состоятъ изъ женщинъ, дѣтей и молодыхъ невольниковъ. Какое правительство возметъ на себя такую обузу? Кто ихъ кормить будетъ? Подумайте, развѣ легко съ такой безсильной командой предпринимать дальнія странствованія? Я не могу рисковать этой массой народа и подвергнуть ихъ опасности перемереть на дорогѣ. До Викторіи пройдти можно: это сравнительно не далеко. Да, послѣднее предложеніе ваше наиболѣе практично.

— Не спѣшите рѣшеніемъ, паша: погодите, покуда мы добудемъ нашъ арріергардъ. Пока я пойду выручать маіора Бартлота, обдумайте дѣло со всѣхъ сторонъ; вамъ еще нѣсколько недѣль остается на размышленіе.

Тутъ я показалъ ему печатныя депеши министерства иностранныхъ дѣлъ, доставленныя мнѣ въ Лондонѣ по распоряженію лорда Иддеслея. Въ числѣ ихъ была копія съ письма Эмина къ сэръ Джону Кирку, писаннаго въ 1886 году: въ этомъ письмѣ паша предлагалъ британскому правительству взять экваторіальныя провинціи, прибавляя, что онъ былъ-бы въ высшей степени счастливъ, если бы не только Англія, но хоть какая нибудь иная держава взяла себѣ эту область, съ обязательствомъ поддерживать ее.

— Ахъ,—сказалъ паша,—какъ-же можно было обнародовать это письмо! Оно было конечно конфиденціальное. Что подумаетъ обо мнѣ египетское правительство, когда узнаетъ что я рѣшился затѣвать такое дѣло?

— Что за бѣда?—возразилъ я:—египетское правительство заявило уже о своей неспособности владѣть этою провинціей, англійское правительство отказалось отъ нея, и я не знаю ни одной державы, ни одной компаніи, которая могла бы взяться поддерживать область, во всякомъ случаѣ безполезную, по моему мнѣнію. Съ моей точки зрѣнія этотъ край ровно на 500 миль дальше того чѣмъ нужно, для того чтобы кому нибудь былъ отъ него толкъ,—до тѣхъ поръ, разумѣется, пока Уніоро и Уганда не приведены въ должный видъ и повиновеніе, и еще въ томъ случаѣ, если вы рѣшительно отказываетесь отъ предложенія короля Леопольда. Если не хотите служить бельгійскому королю, а въ Африкѣ непремѣнно желаете оставаться, то придется вамъ положиться на мое обѣщаніе склонить какую нибудь англійскую компанію воспользоваться вашими услугами и вашимъ войскомъ; по всей вѣроятности теперь уже образовалась такая компанія, имѣющая цѣлью основать въ восточной Африкѣ англійскую колонію.

Глава XVI.

СЪ ЭМИНОМЪ-ПАШОЙ (продолженіе).

Укрѣпленныя мѣста въ провинціи.—Бури въ Нсабэ.—Гнѣздо крокодиловъ.—Озеро Ибраимъ.—Занзибарцы совершаютъ набѣги на селенія Балегговъ.—Докторъ Пэркъ розыскиваетъ двухъ пропавшихъ людей.—Опять занзибарцы.—Настоящій ураганъ.—Подарки Эмина-паши.—Знакомство съ его офицерами.—Много-ли скота у Эмина.—Пароходъ «Хедивъ» отплываетъ въ Мсуа.—Мабруки составляетъ завѣщаніе.—Паша занимается сектантомъ.—Мѣстные старшины расходятся по домамъ.—Пароходы «Хедивъ» и «Ніанза» привозятъ солдатъ.—Мы готовимся въ походъ за колонной арріергарда.—Мое посланіе къ войску.—Дорога къ Бадзуа.—На прощанье занзибарцы пляшутъ.—Бѣгство носильщиковъ изъ племени Мади.—Горы Руэнцори.—Прежніе изслѣдователи озера Альберта.—Раздвоенная горная вершина близь рѣки Восточной Итури.—Эминъ получаетъ подкрѣпленіе противъ Кабба-Реги.—Два письма отъ Эмина.—Насъ извѣщаютъ что старшины Кадонго и Музири намѣрены напасть на насъ.—Новые носильщики Мади.—Нападаемъ на лагерь Кадонго.—Съ помощью Мазамбони и Гавиры идемъ на лагерь Музири, но, находимъ его пустымъ.—Танецъ воиновъ Мазамбони.—Музыка на африканскомъ материкѣ.—Лагерь на холмѣ Нзера-Кумъ.—Подарки отъ старшинъ.—Старшина Музири проситъ мира.

4-го Мая. Говорятъ что Мсуа отъ нашего лагеря въ Нсабэ въ девяти часахъ пути на пароходѣ, оттуда до Тунгуру 5 часовъ, до Уаделаи 18 часовъ. Остальныя укрѣпленныя мѣста носятъ слѣдующія названія: Фаббе, восточнѣе Нила; Дуффлэ, конечный пунктъ плаванія; Горіу, Лаборэ, Муджи, Кери, Бедденъ, Реджафъ и еще три или четыре маленькія стоянки внутри страны, къ западу отъ Нила.

Сегодня паша повеселѣе говорилъ о предполагаемомъ уходѣ съ береговъ Альберта. Область озера Викторіи повидимому начинаетъ представляться ему въ болѣе привлекательномъ видѣ. А все таки въ его манерѣ есть что-то такое, чего я не могу разгадать.

6-го Мая. Стоянка Нсабэ.

Сегодня въ 8 часовъ утра опять поднялась буря, шедшая съ сѣверо-востока. До сихъ поръ вѣтеръ дулъ преимущественно съ юго-востока и востока. Глядя на крутые обрывы плоскогорья, воздымавшіеся къ востоку и западу отъ насъ, мы замѣтили, что они завола-

киваются густыми туманами, покрываются тучами, грозившими бурнымъ дождемъ. Вся поверхность озера была покрыта пѣной, брызгами; громадныя, бѣлыя волны съ грохотомъ бились о берега, а между валами образовались глубокія воронки, въ которыя не дай Богъ попасться какому нибудь челноку.

7-го Мая. Стоянка Нсабэ.

Сегодня за обѣдомъ паша упомянулъ, что Казати высказался рѣшительно противъ предполагаемаго пути къ югу на Усонгору, и совѣтовалъ, ему идти на Конго черезъ Монбутту. Изъ этого можно заключить, что Эминъ говорилъ съ Казати о возвращеніи домой. Стало быть онъ уже измѣнилъ свои планы на счетъ Викторіи?

8-го Мая. Нсабэ.—Каждый день буря съ вихремъ, дождемъ, ударами грома и великолѣпною молніей,—все это очень красиво, но ужасно.

Нашли гнѣздо молодыхъ крокодиловъ—цѣлыхъ тридцать семь штукъ,—только что вылупившихся изъ яицъ. Кстати сказать—тѣмъ кто этого не знаетъ,—у крокодиловъ на переднихъ лапахъ по пяти когтей, а на заднихъ по четыре. И еще, я слыхалъ будто крокодилы разѣвая пасть поднимаютъ верхнюю челюсть, между тѣмъ какъ на дѣлѣ они опускаютъ нижнюю, также какъ и всѣ прочіе звѣри.

Мая 9-го и 10-го. Нсабэ.

Мая 11-го. Начинаемъ чувствовать недостатокъ въ провіантѣ. Пять человѣкъ ушли поискать съѣстного и со вчерашняго дня не возвращались. Лишь бы это не было опять признакомъ деморализаціи!

Мистеръ Джефсонъ заболѣлъ желчной лихорадкой.

Озеро Ибраимъ или Гита-Нзиге, по словамъ паши, ни что иное какъ расширеніе Нила Викторіи, на подобіе того какъ озеро Альберта на югъ отъ Уаделаи, и озеро Стэнли въ Верхнемъ Конго. Поэтому оно окружено сѣтью каналовъ и протоковъ, раздѣленныхъ между собою островками и песчаными косами. Гордонъ и Эминъ-паша ходили по его правому берегу сухимъ путемъ.

Въ 9 часовъ получилъ очень непріятное извѣстіе. Четверо моихъ людей, которыхъ я видѣлъ еще въ 4 часа мирно играющими на песчаномъ берегу, вдругъ вздумали совершить набѣгъ на селенія балеговъ, расположенныя у подножія плоскогорья къ сѣверо-западу отсюда. Туземцы окружили ихъ и двухъ должно быть убили, а остальные двое, серьезно раненые, успѣли убѣжать.

12-го Мая. Нсабэ.—Утромъ послалъ доктора Пэрка съ сорока пятью ружьями искать двухъ пропавшихъ людей. Одинъ изъ нихъ самъ пришелъ въ 9 часовъ утра, проведя ночь въ степи. У него на спинѣ глубокая рана, нанесенная брошеннымъ въ него копьемъ. Къ счастью внутренности не повреждены.

Онъ говоритъ, что ходилъ мѣнять свою мясную порцію на муку, какъ вдругъ услышалъ впереди ружейные выстрѣлы и увидѣлъ общее смятеніе. Дикари бѣжали въ одну сторону, онъ побѣжалъ въ другую, но за нимъ все-таки погнались и кинули въ него копьемъ. Однако ему удалось опередить своего врага и спрятаться въ высокой травѣ, росшей по руслу ручья, пока туземцы его разыскивали. Такъ онъ пролежалъ всю ночь, а когда солнце взошло онъ поднялъ голову, взглянулъ и убѣдившись, что никого нѣтъ, добрался до лагеря.

Я никогда не знаю навѣрное какъ происходятъ всѣ эти несчастные случаи, кто-бы ни начиналъ драку, туземцы-ли или занзибарцы. Послѣдніе очень правдоподобно разсказываютъ по своему, но они такіе мастера врать, что я слушая ихъ только съ толку сбиваюсь. На этотъ разъ до такой степени трудно добиться правды, что я постановилъ такое рѣшеніе:

Вы, занзибарцы, получая всякій день по пяти и шести фунтовъ муки, да еще мясо, до того разлѣнились, что не можете ничего достать себѣ, въ тѣ дни когда пароходъ не привозитъ вамъ провизіи. Вотъ теперь нѣсколько дней не приходилъ пароходъ, у васъ конечно провіантъ вышелъ, да и гдѣ-же доставать столько мяса, сколько вы можете поѣсть? Поэтому вы ушли не спросясь, да еще вздумали воровать у балегговъ. Говорятъ что вы отправились даже цѣлой толпой, но увидя, что на деревнѣ много народу, нѣкоторые изъ васъ были настолько осторожны, что стали мѣнять мясо на муку; а другіе, кто посмѣлѣе, начали таскать куръ. Туземцамъ это не понравилось, они стали подстрѣливать воровъ изъ лука, воры на это выстрѣлили изъ ружей, и пошла потѣха. Одного изъ васъ убили на мѣстѣ; у меня, значитъ, однимъ ружьемъ меньше, да трое изъ васъ еще ранено, такъ что тоже на долго изъ строя вонъ. Вотъ что случилось, по настоящему, а потому я вамъ не дамъ никакихъ лѣкарствъ. Лѣчитесь сами, какъ знаете, а когда вы, трое раненыхъ, выздоровѣете, я съ васъ вычту за свое ружье.

13-го мая. Лагерь при Нсабэ. Докторъ Пэркъ воротился изъ своихъ поисковъ, ни съ чѣмъ. Онъ сожегъ двѣ деревушки и стрѣлялъ издали въ нѣсколькихъ туземцевъ, но не могъ найдти ни трупа убитаго занзибарца, ни его винчестерскаго ружья. На томъ мѣстѣ гдѣ онъ упалъ, еще замѣтна была большая лужа крови, и есть вѣроятность, что онъ успѣлъ ранить кого-нибудь изъ своихъ противниковъ.

Прошлой ночью была страшнѣйшая буря. Съ вечера скопленіе черныхъ тучъ съ юго-востока и на сѣверо-востокѣ уже предвѣщало намъ дождливую ночь, но мы не ждали такой силы урагана и такой массы дождя, отъ которыхъ не было возможности укрыться: всѣ па-

латки повалило на землю и весь лагерь превратило въ одну безформенную груду. Пока буря налетала, въ воздухѣ былъ такой шумъ, какъ будто плотина прорвалась или лопнулъ какой-нибудь громадный резервуаръ, изъ котораго хлынула масса воды. Дождь, подгоняемый страшной силою вѣтра, проникалъ рѣшительно всюду. Не помогали никакія предосторожности, внушенныя намъ прошлою опытностью и давнишнимъ знакомствомъ съ климатическими условіями на Ніанзѣ: дождь подливался снизу изъ-подъ палатокъ и шалашей, лился вдоль столбовъ и шестовъ, чрезъ малѣйшія скважины, въ закрытыя окна, вентиляторы, двери, такъ что произвелъ совершенный потопъ. Нечего было и думать о борьбѣ съ такимъ вихремъ и ливнемъ, въ непроглядной темнотѣ бурной ночи, при оглушительномъ трескѣ грома и шумѣ воды; оставалось сомкнуть губы, съежиться и молча выжидать пока все пройдетъ. Утреннее солнце освѣтило утихшее озеро, небеса, усѣянныя клочьями облаковъ, вершины плоскогорья, окутанныя туманомъ, раззоренный лагерь, поваленныя палатки и совершенно промокшіе наши пожитки. Ночью шумъ прибоя былъ такъ страшенъ, что я предпочелъ бы пережить эту бурю при дневномъ свѣтѣ. Надѣюсь, что старый пароходъ „Хедивъ" былъ на ту пору въ надежной пристани, иначе ему не сдобровать.

14-го мая. Лагерь Нсабэ. — Пароходъ „Хедивъ" прибылъ сегодня послѣ полудня и привезъ запасъ пшена и нѣсколько дойныхъ коровъ. Паша явился и съ любезною улыбкой, сдѣлалъ каждому изъ насъ подарки, которые по правдѣ сказать пришлись очень кстати. Мнѣ онъ далъ пару толстыхъ башмаковъ, взамѣнъ которыхъ я обѣщалъ ему, по возвращеніи съ арріергардомъ, дать пару тонкихъ сапогъ. Мистера Джефсона онъ осчастливилъ поднесеніемъ чистой рубашки, куртки и пары нижняго бѣлья; а докторъ Пэркъ, весь чемоданъ котораго былъ давно похищенъ убѣжавшимъ занзибарцемъ, получилъ на свою долю синюю фуфайку, куртку и также пару нижняго бѣлья. Кромѣ того для каждаго изъ насъ привезено было по горшку меда, по нѣскольку банановъ, апельсиновъ, арбузовъ, а также лукъ и соль. Я получилъ еще фунтъ ароматнаго табаку и банку пикулей.

Всѣ эти дары — и въ особенности платье, которымъ Эминъ снабдилъ нашихъ офицеровъ, — показываютъ что онъ былъ далеко не въ такой крайней нуждѣ, какъ мы воображали и слѣдовательно авангарду моему нечего было подвигаться такимъ усиленнымъ ходомъ *). Мы

*) 25-го марта 1888 года Эминъ писалъ издателю Петермановa Географическаго журнала (всего 50 дней тому назадъ!) что „если Стэнли придетъ не скоро, мы пропали".

оставили въ Ямбуйѣ всѣ свои удобства, одежду и провизію, чтобы какъ можно скорѣе идти на помощь человѣку, который нуждался, какъ мы думали, не только въ средствахъ къ оборонѣ противъ враговъ, но и въ одеждѣ. Помимо моего двойного похода къ озеру Альберта, мнѣ придется вѣроятно очень далеко идти на встрѣчу маіора Бартлота и нашего арріергарда. Одинъ Богъ вѣдаетъ гдѣ они теперь, можетъ быть все еще не трогались изъ Ямбуйи, — въ такомъ случаѣ мнѣ предстоитъ сломать еще лишній походъ въ 1.300 миль. А принимая во вниманіе всѣ трудности пути, это походъ страшно длинный и будетъ онъ стоить жизни еще многимъ бѣднякамъ! Но лучше все предоставить на волю Божію.

Сегодня Эминъ представилъ мнѣ Селимъ-бея, маіора Авешъ-эффенди и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ. Дня три тому назадъ я говорилъ ему, что онъ могъ бы оказать мнѣ значительную услугу, если бы взялся построить на островѣ Нямсасси небольшую станцію, откуда мы могли бы удобно сноситься съ его людьми, а онъ могъ бы устроить тутъ склады зерна для продовольствія экспедиціи, когда мы всѣ будемъ въ сборѣ; онъ очень охотно согласился на это. Каково-же было мое удивленіе, когда онъ сегодня при мнѣ обратился къ Авешу-эффенди, маіору, и сказалъ ему довольно заискивающимъ тономъ, какъ мнѣ показалось: „Вотъ обѣщайте-ка мнѣ при самомъ мистерѣ Стэнли, что вы дадите намъ сорокъ человѣкъ на постройку станціи, которую мистеру Стэнли такъ хочется здѣсь завести“. Рѣшительно не могу взять въ толкъ, въ чемъ тутъ дѣло. Но только мой идеальный губернаторъ, мой вице-король, глава народа не такъ бы долженъ былъ разговаривать съ своими подчиненными.

Сегодня опять бесѣдовалъ съ Эминомъ и вынесъ убѣжденіе, что мы не только воротимся снова къ тому же озеру Альберта, но еще мѣсяца два подождемъ, покуда онъ соберетъ своихъ людей. Вмѣсто того чтобы воспользоваться для этихъ сборовъ моей отлучкой, онъ намѣренъ дожидаться пока я ворочусь съ колонной арріергарда, и потомъ еще я-же отправлюсь въ Дуффлэ, уговаривать его людей идти за нами. Онъ все еще полагаетъ, что они ни за что не пойдутъ въ Египетъ, но къ озеру Викторіи еще можетъ быть согласятся двинуться.

Я спросилъ, правду-ли говорятъ, что во время одного изъ своихъ нашествій на западныя области онъ угналъ до 13.000 рогатаго скота?

— О, нѣтъ, это преувеличено. Былъ здѣсь нѣкій Бэкитъ-бей, которому дѣйствительно удалось угнать до 8.000 скота во время набѣга на Макраку, въ то время какъ здѣшнимъ генералъ-губернато-

ромъ былъ Реуфъ-паша; но его тогда сильно порицали за это, потому что подобные крупные грабежи ведутъ только къ тому, чтобы обезлюдить край. И это была дѣйствительно самая крупная добыча, о какой я когда либо слыхивалъ. Мнѣ случалось тоже высылать отряды фуражировъ за скотомъ и бывало такъ, что за одинъ разъ мы добывали 1.600 головъ, но это рѣдкость; а въ обыкновенное время угоняли 500, 800, много что 1.200 головъ.

Вчера и сегодня прелестная погода. Температура въ тѣни, по Фаренгейту, распредѣлялась такъ:

Въ 9 ч. утра	— при легкомъ вѣтрѣ съ Ю.-В.	86°
„ 10 „ 30 м.	„ „ „ „ „	88°30′
„ 1 „ 30 пополудни	„ „ „ „	88°30′
„ 7 „ вечера	„ „ „ „ „	76°
„ полночь	„ „ „ „ „	73°
„ 6 „ утра	„ „ „ „ „	73°

Анероидъ. Средн. 2.350 футовъ надъ ур. моря.

16-го мая. Лагерь при Нсабэ. — Сегодня утромъ пароходъ „Хедивъ“ отправился къ станціямъ Мсуа и Тунгуру, а также вѣроятно въ Уаделаи, для скорѣйшаго доставленія сюда партіи носильщиковъ, которыми мы хотимъ замѣнить тѣхъ, что перемерли съ голоду на пути черезъ дикіе лѣса. Капитанъ Казати и Вита-Гассанъ, тунисскій аптекарь, отплыли на томъ-же пароходѣ.

Чтобы люди наши не оставались безъ дѣла, я затѣялъ проложить отсюда прямую дорогу черезъ равнину къ селенію Бадзуа. Когда тронемся отсюда, все-же лучше будетъ идти прямой дорогой, нежели пробираться окольными тропами мимо острова Нямсасси и остатковъ Стараго Кавалли.

Нашъ переводчикъ Фетте, раненый въ животъ въ стычкѣ при Бессэ, совершенно выздоровѣлъ и съ каждымъ днемъ прибываетъ въ вѣсѣ.

Мабруки, сынъ Кассимовъ, изувѣченный недавно буйволомъ, поправляется понемногу.

Раненый копьемъ въ спину, во время фуражировки по деревнямъ Ландо, тоже скоро будетъ здоровъ.

Мы живемъ теперь въ шалашахъ изъ травы и Эминъ-паша говоритъ, что мы можемъ считаться домовладѣльцами въ провинціи Альбертъ-Ніанза.

17-го мая. Лагерь при Нсабэ. — Наша дорога къ селенію Бадзуа имѣетъ уже протяженіе въ 2.360 шаговъ.

Когда нашимъ охотникамъ выдаютъ ружейные патроны, они просятъ, чтобы ихъ непремѣнно клали передъ ними на землю, утверждая

что если принимать патроны изъ рукъ въ руки, это приноситъ несчастье.

Вотъ уже два дня, какъ я учу пашу наблюдать съ секстантомъ, такъ какъ онъ намѣренъ также учиться мореплаванію. До сихъ поръ единственнымъ инструментомъ его для наблюденій былъ призматическій компасъ, а такъ какъ онъ не зналъ, что нужно постоянно вывѣрять его уклоненія, то очень вѣроятно, что всѣ его наблюденія относились только къ магнитной стрѣлкѣ.

Сынъ Каесимовъ, жертва разъяреннаго буйвола, призывалъ меня сегодня къ своей больничой койкѣ, прося записать его послѣднюю волю касательно распоряженія его недоданнымъ жалованьемъ. Онъ оставляетъ свой капиталъ пріятелю Маруфу и пріемному брату Сунгоро. Бѣдный Мабруки хотѣлъ-было упомянуть еще третьяго друга, но наслѣдники остановили его, деликатно намекая, что — «нельзя-же заставлять господина писать столько именъ!» Бѣдняга совсѣмъ упалъ духомъ, такъ что я сталъ его всячески ободрять, говоря, что докторъ вовсе не отчаялся его вылечить. — Ты совсѣмъ не въ опасности, говорилъ я ему, раны у тебя очень болятъ, но онѣ далеко несмертельны; пока меня здѣсь не будетъ, Паша объ тебѣ позаботится и когда я возвращусь, еще посмотри какимъ ты будешь молодцомъ! Съ чего ты сегодня горевать вздумалъ?

— Ахъ, ужъ чувствуетъ мое сердце, что мнѣ больше не видать дороги. Посмотри на мое тѣло, вѣдь живого мѣста нѣтъ!

Въ самомъ дѣлѣ, жалко было на него смотрѣть: правый глазъ почти вовсе ослѣпъ, два ребра сломаны, правый бокъ и ляжка просто изрыты и растерзаны ужаснѣйшимъ образомъ.

Два дня тому назадъ старшина Мбіасси, изъ Кавалли, ушелъ домой. Мпигуа, старшина Нямсасси, вчера ушелъ со всей своей свитой, Кійянкондо или Катонза (у него два имени) тоже отправился во свояси, то-есть на сей разъ въ чистое поле, благодаря тому, что недавно у него побывала шайка разбойниковъ Кабба-Реги. Вчера вечеромъ воины Мазамбони угостили пашу и его офицеровъ на прощанье національными танцами и ушли сегодня поутру.

Наши охотники застрѣлили вчера трехъ буйволовъ и одного водяного козла *).

Четыре послѣднихъ дня и ночи были такъ пріятны, что мы возъимѣли лучшее мнѣніе о климатѣ при-озерныхъ африканскихъ странъ. Днемъ бываетъ жарковато, но съ озера постоянно дуетъ легкій, мяг-

*) Kobus ellipsiprymnus; боэры называютъ его waterbock, т. е. водяной козелъ.

кій вѣтеръ, отъ котораго только раскачиваются тонкія вѣтви развѣсистыхъ акацій, что́ очень освѣжительно. По ночамъ прохладнѣе. Въ чистомъ, прозрачномъ небѣ луна сіяетъ ослѣпительно и вставая изъ-за плоскогорья превращаетъ озеро въ равнину изъ трепещущаго серебра. Легкій восточный вѣтеръ колышетъ воду и она съ мѣрнымъ шумомъ тихо плещется и набѣгаетъ на сѣрые песчаные берега.

Занзибарцы и туземцы, въ прошломъ декабрѣ, бывшіе такими заклятыми врагами, теперь празднуютъ свое мирное затишье и наперерывъ изощряются въ пѣніи и пляскахъ, которыя нерѣдко затягиваются далеко за полночь.

19-го мая. Лагерь при Нсабэ.—Дорога къ Бадзуа проложена на три мили съ третью. Сто́итъ лишь скосить траву по прямой линіи и получается превосходная дорога, почти незамѣтно подымающаяся на высоту одного фута на протяженіи двухсотъ.

20-го мая. Лагерь при Нсабэ.—Сегодня утромъ въ моей палаткѣ поймали двухъ небольшихъ змѣй темнаго цвѣта съ легкимъ мѣднымъ отливомъ.

21-го мая. Паша научился теперь владѣть секстантомъ и понемногу привыкаетъ вычислять уклоненія показателя. Ему довольно трудно справляться съ этой работой, по причинѣ сильной близорукости; но за то онъ очень сообразителенъ, трудолюбивъ и непремѣнно добьется того, что окончательно научится дѣлать наблюденія съ этимъ инструментомъ. Въ полдень мы для практики сняли по меридіану высоту пункта, отстоявшаго отъ насъ на полторы мили, при уровнѣ зрѣнія 5 футовъ надъ поверхностью земли: высота оказалась 70° 54′ 40″; съ поправкой прибавляется еще 3′ 15″.

22-го мая. Лагерь при Нсабэ.—Сегодня въ 9 часовъ утра пришли пароходы «Хедивъ» и «Ніанза»; послѣдній привелъ на буксирѣ плашкотъ. Они привезли маіора и адъютанта 2-го баталіона и 130 носильщиковъ изъ племени Мади. Мы получили въ подарокъ «ракй», т. е. нѣчто въ родѣ русской водки, съ собственнаго завода паши; эта водка помѣщается въ боченкѣ, вмѣстимостью около 50 литровъ. Кромѣ того опять привезли намъ плодовъ, гранатовъ, апельсиновъ, арбузовъ, еще запасъ луку, шесть овецъ, четырехъ козъ, и пару крѣпкихъ ословъ,—одного для меня, другого для доктора Пэрка.

Пароходъ Ніанза длиною около 60 футовъ, шириной 12 ф. — Я намѣренъ послѣ завтра покинуть берега озера Альберта и выступить въ походъ на выручку колонны арріергарда.

Оставляю на попеченіи Эмина-Паши мистера Моунтеней-Джефсона, трехъ суданскихъ солдатъ, мальчика Бинзу, бывшаго прислужника доктора Юнкера, и бѣднаго Мабруки. Изъ багажа, принесеннаго нами

сюда, помимо тридцати одного ящика ремингтоновскихъ патроновъ, которые мы уже сдали пашѣ, я оставляю теперь два ящика патроновъ винчестерскаго образца, одинъ ящикъ мѣдныхъ прутьевъ, лампу и желѣзный снарядъ для промѣровъ; равно какъ и стальной вельботъ нашъ «Авансъ», со всѣми его приспособленіями.

По желанію паши я написалъ нѣчто въ родѣ воззванія къ арміи, которое Джефсонъ прочтетъ войску. Я составилъ это воззваніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Солдаты! Послѣ многихъ мѣсяцевъ тяжелаго пути я достигъ наконецъ береговъ Ніанзы. Я пришелъ по приказанію Хедива Тевфика, нарочно для того, чтобы вывесть васъ отсюда и проводить домой. Да будетъ вамъ извѣстно, что рѣка Бахръ-эль-Абіадъ для васъ недоступна, Хартумъ находится во власти Могамедъ-Ахмета, паша Гордонъ со всѣми своими людьми погибъ, всѣ пароходы и суда, что ходили между Берберомъ и Бахръ-Газелемъ, забраны непріятелемъ, и ближайшее отъ васъ египетское поселеніе теперь Уади-Гальфа, пониже Донголы. Четыре раза хедивъ и друзья ваши пытались васъ спасать. Прежде всего Гордонъ-паша былъ посланъ въ Хартумъ за вами. Десять мѣсяцевъ провелъ онъ въ ожесточенной борьбѣ, постоянно сражаясь, наконецъ Хартумъ взяли, а его убили, со всѣми его солдатами. Потомъ пришли англійскіе солдаты подъ начальствомъ генерала Уольсли, посланные на выручку Гордона Паши. Но они опоздали четырьмя днями и придя на мѣсто узнали, что Гордонъ убитъ, а Хартумъ взятъ. Тогда послали славнаго путешественника, доктора Ленца, вверхъ по Конго, и поручили ему разузнать, какъ лучше помочь вамъ. Докторъ Ленцъ пошелъ, но не могъ набрать съ собой достаточно народу и потому принужденъ былъ воротиться домой. Потомъ братъ доктора Юнкера послалъ сюда еще доктора Фишера; но на пути его было столько враговъ, что и онъ долженъ былъ вернуться съ полдороги. Говорю вамъ все это для того, чтобы вы не думали, что въ Египтѣ позабыли про васъ. Нѣтъ, и хедивъ, и визирь его Нуабъ-паша все время помнятъ и думаютъ объ васъ. Чрезъ Уганду дошли до нихъ слухи, какъ стойко вы держались на своемъ посту и какъ храбро исполняли свой воинскій долгъ. А потому они послали меня сказать вамъ,—что васъ хорошо помнятъ и награда ваша ждетъ васъ, но чтобы получить ее вы должны идти за мною въ Египетъ, гдѣ также получите сполна и все свое жалованье. А еще хедивъ велѣлъ мнѣ сказать вамъ, что если путь вамъ покажется слишкомъ длиненъ, и вы испугаетесь такого перехода, то можете и тутъ оставаться, но только съ того часа вы ужъ больше не его солдаты: жалованье вамъ прекращается, и если съ вами случится потомъ что нибудь недоброе, то пеняйте ужъ на себя, а онъ

будетъ не при чемъ. Если вы захотите уйдти въ Египетъ, я проведу васъ въ Занзибаръ, тамъ посажу на пароходъ, и мы поплывемъ черезъ Суэзъ до самаго Каира; тамъ вы получите свое жалованье вплоть до того дня когда пріѣдемъ, и всѣ повышенія въ чинахъ, которыя вы здѣсь получали останутся за вами, и всѣ обѣщанныя награды будутъ вамъ выданы сполна.

Я посылаю къ вамъ одного изъ моихъ офицеровъ, мистера Джефсона, и даю ему мою собственную саблю, чтобы онъ прочелъ вамъ отъ меня это мое посланіе. Самъ я отправляюсь обратно, чтобы собрать своихъ людей и свой багажъ и со всѣмъ вмѣстѣ опять ворочусь на Ніанзу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я приду сюда снова и тогда послушаю, что вы мнѣ скажете.

Если вы скажете:—пойдемъ въ Египетъ,—я вамъ укажу хорошую дорогу; если же вы скажете:—не хотимъ уходить изъ этихъ мѣстъ,— тогда я съ вами распрощаюсь, возьму своихъ людей и съ ними возвращусь въ Египетъ.

Да хранитъ васъ Богъ.

Вашъ доброжелательный другъ

Стэнли".

23-го мая. Вечеромъ мои занзибарцы задали прощальный балъ Эмину-пашѣ и его офицерамъ. Хотя они конечно знаютъ, что съ завтрашняго дня начинается для нихъ долгій, трудный и опасный походъ, но въ нихъ нѣтъ ни тѣни раздумья или унынія. Однако нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ нихъ завтра въ послѣдній разъ въ жизни увидятъ пашу.

24-го мая. Выступили къ селенію Бадзуа; въ четыре часа прошли десять миль ($16^1/_2$ верстъ).

Эминъ-паша выступилъ еще раньше насъ по нашей новой дорогѣ и сталъ со своимъ отрядомъ въ двухъ миляхъ отъ озера. Установивъ новыхъ носильщиковъ изъ племени Мади по мѣстамъ въ колоннѣ, нашъ авангардъ выступилъ изъ лагеря въ 6 ч. 15 минутъ утра и пошелъ на западъ. Черезъ полчаса мы поровнялись съ суданскими солдатами паши, выстроенными въ линію по одной сторонѣ дороги. Они отдали намъ честь, паша еще разъ выразилъ намъ свою горячую благодарность и простился съ нами.

Въ концѣ новой дороги двадцать одинъ носильщикъ Мади вдругъ вышли изъ рядовъ и быстро убѣгая отъ колонны скрылись къ сѣверу. Я отдѣлилъ четырнадцать человѣкъ своихъ и послалъ ихъ увѣдомить пашу о случившемся, между тѣмъ какъ мы сами продолжали путь къ Бадзуа. Не доходя одной мили до деревни опять произошло замѣшательство и восемьдесятъ девять Мади убѣжали цѣлой толпой, да

еще убѣгая осыпали нашъ арріергардъ своими стрѣлами. Докторъ, полагая, что начинается нападеніе на его маленькій отрядъ, выстрѣлилъ изъ ружья и убилъ наповалъ одного изъ Мади, что заставило остальныхъ дезертировъ бѣжать еще шибче. Остальныхъ девятнадцать человѣкъ—изъ ста тридцати!—удалось удержать.

Пришлось посылать къ пашѣ еще гонца, съ дополнительными извѣстіями о событіяхъ въ походѣ.

Отойдя миль пять отъ лагеря при Нсабэ и размышляя обо всемъ, случившемся въ теченіи послѣдняго мѣсяца, я остановился взглянуть на юго-востокъ, какъ вдругъ бывшій при мнѣ мальчикъ обратилъ мое вниманіе на гору, будто-бы покрытую солью. Тогда я въ первый разъ замѣтилъ на горизонтѣ нѣчто въ родѣ великолѣпнаго облака совершенно серебрянаго цвѣта, очертаніями и размѣрами похожаго на громадную гору, покрытую снѣгомъ. Разглядывая его форму я былъ пораженъ темносинимъ цвѣтомъ его основанія, и тутъ же подумалъ, что съ этой стороны опять будетъ буря. Но такъ какъ это облако приходилось какъ разъ въ промежуткѣ между восточнымъ и западнымъ плоскогорьями, мнѣ пришло въ голову, что это вовсе не подобіе горы, а настоящая огромная гора, вершина которой увѣнчана снѣгами.

Я велѣлъ сдѣлать привалъ, внимательно разсматривалъ гору въ подзорную трубу, вымѣрялъ ея направленіе по компасу и нашелъ, что она находится подъ 215° по магниту. Тутъ только я догадался, что это должна быть Руэнцори, та гора, о которой два невольника Кавалли разсказывали будто она покрыта какимъ-то бѣлымъ металломъ или веществомъ, твердымъ какъ камень.

Эта величавая гора очень явственно была намъ видна въ теченіи двухъ часовъ, но по мѣрѣ того какъ мы подходили ближе къ Бадзуа, расположенной у подошвы плато, высокія стѣны западнаго плоскогорья заслонили ее отъ насъ.

Объ этомъ открытіи я тоже написалъ Эмину, посылая ему втораго гонца съ дороги. Чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ удивительнѣе мнѣ кажется, что до сихъ поръ ни Бэкеръ, ни Джесси, ни Мэзонъ, ни Эминъ-паша не видѣли этой горы.

Джесси-паша первый плавалъ кругомъ всего озера Альберта: онъ спустился на пароходѣ вдоль западнаго берега къ югу, и обогнувъ южный берегъ, продолжалъ плаваніе вдоль восточнаго берега къ сѣверу.

Слѣдующій затѣмъ изслѣдователь былъ Мэзонъ-бей. Онъ отправился въ 1877 году по слѣдамъ своего предшественника, съ цѣлью произвесть астрономическія съемки мѣстности, чего Джесси-паша не былъ въ состояніи сдѣлать.

Одиннадцать лѣтъ спустя Эминъ-паша опять ходилъ на пароходѣ до самой южной оконечности озера, освѣдомляясь о бѣлыхъ людяхъ, которые должны были появиться у этихъ южныхъ береговъ.

Если эта снѣговая гора такъ хорошо видна съ при-озерной равнины, не можетъ же быть, чтобы съ самаго озера она не была видна еще лучше, и нужно только удивляться тому, что ни одинъ изъ упомянутыхъ господъ не видалъ ея. Бэкеръ даже упоминаетъ, что когда смотришь въ эту сторону въ „самую ясную погоду", глазу только и представляется необъятная даль самого озера.

Джефсонъ и Пэркъ, во время перенесенія вельбота отъ Кавалли къ озеру, доносили что видѣли снѣгъ на горѣ; Пэркъ спрашивалъ меня, указывая на небольшую горную цѣпь Унія-Кавалли, возможно-ли чтобы на подобныхъ холмахъ встрѣчался снѣгъ? Такъ какъ высшая вершина этой цѣпи никакъ не больше пяти съ половиною тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, я отвѣчалъ отрицательно; но докторъ положительно утверждалъ, что самъ видѣлъ снѣгъ. Тогда я ему объяснялъ, что въ экваторіальномъ поясѣ потребна высота не менѣе 15.000 футовъ, для того чтобы дождевая вода могла обратиться въ постоянный снѣгъ; что въ тропическихъ странахъ даже и на умѣренныхъ высотахъ случаются бури съ градомъ, даже снѣжныя мятели, наносимыя холоднымъ вѣтромъ: но подобныя явленія въ этихъ широтахъ до крайности скоротечны и тропическія воды, равно какъ тропическая почва, настолько нагрѣты, что ни градъ, ни снѣгъ на нихъ не можетъ продержаться долѣе нѣсколькихъ минутъ. Когда мы стояли лагеремъ въ Бунди, на самомъ гребнѣ плоскогорья, въ виду Унія-Кавалли и всѣхъ остальныхъ вершинъ, нигдѣ кругомъ не видно было ни одной горы выше 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Принимая во вниманіе эти обстоятельства, становится очевидно, что только при совершенно особомъ состояніи атмосферы возможно разсмотрѣть эту гору, которая отсюда должна быть, по моему, въ 70 миляхъ (около 110 верстъ). При обыкновенномъ состояніи воздуха хорошо видны ближайшіе предметы, то есть на разстояніи 10, 15 и 20 миль (отъ 16 до 32 верстъ); но при чрезвычайной влажности здѣшнихъ мѣстъ, въ солнечный день изъ нагрѣтой земли поднимается такая масса паровъ, что за 30 миль все уже окутано туманомъ, сквозь который не можетъ проникнуть человѣческое зрѣніе. По временамъ однако же сильныя теченія вѣтровъ разгоняютъ туманы и тогда глазамъ нашимъ представляются такіе предметы, которыхъ мы до тѣхъ поръ не видѣли и очень удивляемся этому. А между тѣмъ въ декабрѣ, возвращаясь съ Ніанзы въ фортъ Бодо, я производилъ съемку высокой горы съ раздвоенной вершиной, будучи въ

то время на плоскомъ холмѣ близь рѣки восточной Итури. Я записалъ тогда мѣсто, съ котораго видѣлъ эту гору съ раздвоенной вершиной, и показывалъ ее Джефсону. И съ тѣхъ поръ, какъ это ни странно, мнѣ ни разу не удалось больше увидѣть ее, хотя я уже два раза былъ тамъ.

Подъ вечеръ мимо нашего лагеря прошелъ старшина Кавалли съ четырьмя сотнями воиновъ: они идутъ на помощь Эмину-Пашѣ, который намѣревается посчитаться съ Кабба-Рега. Катонза и Мпигуа изъ Нямсасси также присоединяются къ нимъ и приведутъ съ собою вѣроятно столько-же народу.

Сегодня я получилъ отъ паши слѣдующія два письма. Онъ говоритъ о своей гордости и радости по поводу нашего сообщества, но я увѣренъ, что каждый изъ насъ не меньше того наслаждался и его обществомъ.

„Лагерь при Нсабэ, 25 мая 1888, 5 ч. пополудни.

Дорогой сэръ!

Нечего и говорить въ какомъ я былъ отчаяніи, узнавъ о бѣгствѣ изъ вашихъ рядовъ нашихъ носильщиковъ Мади. Я немедленно выслалъ нѣсколько отрядовъ на поиски, но къ сожалѣнію до полудня ихъ усилія были вполнѣ тщетны, хотя Шукри-Ага со своей партіей людей и до сего часа еще не вернулись, а ушли еще вчера.

Совершенно случайно, въ то самое время какъ приходилъ сюда докторъ Пэркъ, изъ Мсуа прибыла лодка, привезшая мнѣ извѣстіе что туда только что прибыли еще 120 носильщиковъ изъ Дуффлэ.— Поэтому я тотчасъ-же послалъ за ними пароходъ „Хедивъ," а сегодня къ ночи ожидаю ихъ сюда. Какъ только они прибудутъ, я отправлю ихъ всѣхъ поголовно къ вамъ, подъ конвоемъ моихъ солдатъ.

Позвольте мнѣ первому принесть вамъ поздравленіе съ великолѣпнымъ открытіемъ въ здѣшней странѣ снѣговой горы. Будемъ считать это добрымъ предзнаменованіемъ для будущаго пути къ озеру Викторіи *). Завтра или послѣзавтра отправлюсь по вашимъ слѣдамъ, чтобы хоть взглянуть на этого горнаго гиганта.

Въ ожиданіи получить отъ васъ сегодня пару словъ въ отвѣтъ, прошу васъ принять мои пожеланія вамъ всего наилучшаго въ будущемъ. Всегда буду съ гордостью и радостью вспоминать то время, когда мнѣ довелось пользоваться вашимъ сообществомъ.

Весь вашъ

Докторъ М. Эминъ".

---

*) Ясно, что предложеніе идти на озеро Викторіи пришлось ему совсѣмъ по душѣ.

Второе письмо: „Нсабэ, 26 мая 1888, 2 ч. 30 мин. пополудни.

Дорогой сэръ, вчера ваши люди доставили мнѣ ваше любезное и въ высшей степени интересное письмо. Пароходъ пришелъ сію минуту, но привезъ всего лишь 82 носильщика, — остальные бѣжали на пути отъ Тунгуру ко Мсуа. Поэтому посылаю вамъ хоть этихъ немногихъ, въ сопровожденіи двадцати пяти солдатъ и одного офицера, въ надеждѣ что они все-таки могутъ вамъ пригодиться. Оружіе у нихъ отобрано и сдано на руки офицеру, отъ котораго потрудитесь уже сами принять его. Мы слышали вчера, что ваши бѣглецы пробрались уже до Муганги и тамъ объявили жителямъ, что это я ихъ прислалъ.

Десять человѣкъ, присланныхъ ко мнѣ вами, возвращаются вмѣстѣ съ носильщиками и кромѣ того при нихъ пойдетъ Кавалли со своими людьми. Такъ какъ вчера въ лагерѣ Катонзы поймали лазутчика отъ Ревидонго **), я сказалъ Катонзѣ, что ему лучше поскорѣе уйти отсюда, что онъ и сдѣлалъ. Я объяснилъ Кавалли, почему считаю что теперь не время воевать съ Ревидонго и просилъ его возвратиться къ вамъ. Онъ охотно согласился на это. Я сдѣлалъ ему нѣсколько подарковъ и онъ отправляется тотчасъ-же, вмѣстѣ съ остальными. Кромѣ того онъ умоляетъ меня попросить васъ, чтобы вы послали кого нибудь схватить его брата Кадонго, который, по его словамъ, должно быть гдѣ нибудь по близости отъ его обычной резиденціи съ племенемъ Уавиту.

Постараюсь какъ нибудь, хоть однимъ глазомъ посмотрѣть на новую гору, покрытую вѣчными снѣгами, отсюда-ли или изъ другихъ мѣстъ, которыя намѣреваюсь посѣтить. Просто удивительно,—куда-бы вы ни пришли, вы постоянно умудряетесь открывать такія диковины, какихъ ваши предшественники не видали.

Такъ какъ по всей вѣроятности настоящее письмо мое, на нѣкоторое время, будетъ послѣднимъ, позвольте еще разъ поблагодарить васъ за великодушные труды, какъ свершенные, такъ и вновь предпринимаемые ради насъ; еще разъ поблагодарить за доброту и терпѣніе, выказанныя вами по отношенію ко мнѣ. Простите, если въ настоящую минуту не нахожу подходящихъ словъ для выраженія того что чувствую. Я такъ давно живу въ Африкѣ, что успѣлъ уже одичать въ значительной степени.

Богъ да поможетъ вамъ въ пути и да благословитъ Онъ дѣло рукъ вашихъ.

Вашъ всей душой

Докторъ Эминъ".

**) Ревидонго—одинъ изъ главныхъ военачальниковъ Кабба-Реги.

25-го и 26-го мая. Дневали въ Бадзуа.

Паша отказался отъ своего плана сдѣлать демонстрацію противъ Уніоро и всѣхъ союзниковъ отправилъ по домамъ, тогда какъ имъ есть за что отомстить Кабба-Регѣ.

Послѣ полудня старшина Балегга пришелъ изъ своей резиденціи съ вершины холма Бунди и по секрету сообщилъ намъ, что Кадонго и Музири (послѣдній очень воинственный и могущественный начальникъ) собрали значительныя силы и намѣрены сообща напасть на насъ на дорогѣ между Гавирой и Мазамбони. Ни тому, ни другому мы не подали ни малѣйшаго повода враждовать съ нами, если не считать нашей дружбы съ ихъ соперниками, что пожалуй съ ихъ точки зрѣнія можетъ считаться законнымъ поводомъ. У меня въ наличности только 111 ружей и на каждое изъ нихъ всего по десяти патроновъ, и съ этимъ мнѣ нужно пройти 125 миль, вплоть до форта Бодо. Если насъ атакуютъ въ открытомъ полѣ, и мы станемъ отстрѣливаться, то въ нѣсколько минутъ придемъ въ самое безпомощное положеніе. По этому нужно придумать иныя мѣры. Не даромъ Томасъ Карлейль говоритъ, что какъ бы ни было тяжело рѣшеніе, принимаемое нами въ минуту крайности, но высшая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы считать его на ту пору наиболѣе разумнымъ, наилучшимъ и даже единственно-возможнымъ въ данную минуту. По этому я самъ пойду сперва на Кадонго, потомъ на Музири и коли понадобится, съ честью растрачу свои послѣдніе боевые снаряды. А можетъ быть моя смѣлая выходка перевернетъ всѣ ихъ планы.

Однако, паша не теряетъ времени: сегодня въ полдень явились восемьдесятъ два новыхъ носильщика, подъ сильнымъ конвоемъ, и трое солдатъ, спеціально назначенныхъ служить мнѣ тѣлохранителями. Когда мы принимали людей, каждому занзибарцу порученъ былъ надзоръ за однимъ изъ Мади.

Въ половинѣ третьяго часа мы начали взбираться по крутымъ уступамъ на вершину плоскогорья; солнце немилосердо жгло насъ прямо въ лицо и мы достигли деревни Бунди, на краю обрыва, въ 6 часовъ 30 минутъ вечера, т. е. чрезъ полчаса послѣ заката солнца.

Разставивъ вокругъ всего лагеря надежную стражу, я отобралъ отрядъ наилучшихъ стрѣлковъ, всего сорокъ человѣкъ подъ начальствомъ двухъ занзибарскихъ старшинъ, и велѣлъ имъ готовиться къ ночному нападенію на лагерь Кадонго. Нѣсколько туземныхъ нашихъ союзниковъ взялись провести нашъ отрядъ въ ту самую горную деревню, гдѣ онъ теперь находится.

Въ часъ пополуночи партія выступила въ походъ.

27-го мая. Въ 8 часовъ утра отрядъ, высланный противъ Кадонго,

возвратился, отлично исполнивъ свое дѣло, но самъ Кадонго успѣлъ убѣжать, громко крича, что онъ другъ „Буля Матари". Ни козъ, ни рогатаго скота не нашли, деревня очевидно случайно была занята шайкою Кадонго, на самомъ-же дѣлѣ стояла уже пустая.

Мы снова взвалили на плечи свои вьюки и отправились дальше, къ Гавирѣ. Едва мы успѣли выступить, какъ увидѣли идущую намъ на встрѣчу большую толпу людей и впереди всѣхъ человѣка съ краснымъ флагомъ, который издали можно было принять за египетское или занзибарское знамя. Мы остановились, стараясь угадать кто бы это могъ быть, но вскорѣ узнали Катто, брата Мазамбони, высланнаго своимъ старшиною привѣтствовать насъ и освѣдомиться о нашихъ планахъ. Мы искренно подивились смышленности этихъ дикарей, такъ быстро усваивающихъ нѣкоторые новые обычаи: не будь у нихъ этого краснаго флага, мы могли-бы принять ихъ за передовой отрядъ Музири и встрѣтить ихъ очень неласково.

Пригласивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ остаться и идти вмѣстѣ съ нами, я велѣлъ Катто какъ можно скорѣе идти назадъ къ его брату Мазамбони и по секрету увѣдомить его, что такъ какъ Музири намѣревается напасть на насъ по дорогѣ, я самъ хочу на него напасть послѣзавтра на разсвѣтѣ и ожидаю, что Мазамбони, въ качествѣ моего союзника, тоже придетъ мнѣ на помощь и приведетъ съ собою столько народу, сколько будетъ возможно набрать въ теченіи завтрашняго дня. Катто сказалъ, что все это можно сдѣлать, хотя времени немного, а разстоянія большія. Въ настоящую минуту мы находились въ шести миляхъ отъ Гавиры, оттуда до Мазамбони еще тринадцать миль, да назадъ столько-же, и кромѣ того нужно-же сколько нибудь времени на то, чтобы втайнѣ собрать воиновъ въ количествѣ, достаточномъ для поддержанія достоинства Мазамбони, и набрать на нѣсколько дней провіанту для всѣхъ.

Около полудня пришли въ селеніе Гавиры. Я предложилъ старшинѣ вмѣстѣ съ нами ополчиться противъ Музири и онъ охотно согласился.

28-го мая. Дневали. Получаемъ обильныя приношенія съѣстныхъ припасовъ для нашихъ ратныхъ силъ, состоящихъ теперь изъ 111 занзибарцевъ, трехъ бѣлыхъ, шести поваровъ и мальчиковъ, 101 Мади и трехъ солдатъ Эмина-паши, всего 224 человѣка, помимо нѣсколькихъ дюжинъ туземцевъ, слѣдующихъ за нами въ видѣ добровольцевъ.

Черезъ часъ послѣ солнечнаго заката явился Мазамбони, самъ своею особой, и при немъ до тысячи воиновъ, вооруженныхъ луками и копьями. Онъ расположилъ свое войско въ бататовыхъ поляхъ, на рубежѣ между округами Гавиры и Музири.

29-го мая. Въ три часа пополуночи мы выступили къ северо-западу по дорогѣ къ Узири; яркая луна освѣщала нашъ путь. Впереди шла отборная сотня молодцовъ Мазамбони, за ней въ полномъ порядкѣ рядами слѣдовали остальные; шествіе замыкалось племенемъ Гавиры, которое выставило 500 человѣкъ. Согласно требованіямъ минуты, всѣ хранили глубокое молчаніе.

Къ 6 часамъ утра подошли къ Узири и каждый изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей получилъ свои инструкціи: докторъ Пэркъ во главѣ шестидесяти ружейныхъ стрѣлковъ занялъ центръ, Катто съ воинами своего брата образовалъ лѣвый флангъ, Мпинга и Гавира со своими людьми стали на правомъ флангѣ и аттака началась.

Результатъ оказался въ высшей степени комическій. Всѣ пастухи въ этомъ краю Уахумы: поэтому пастухи Мпинги дали знать о нашихъ приготовленіяхъ пастухамъ Музири, пастухи Мазамбони съ своей стороны поступили точно также, относительно своихъ соотчичей, состоящихъ на службѣ у непріятеля, и вотъ всѣ пастухи погнали свои стада другими окольными путями подальше отъ Узири. Одни очутились на земляхъ Гавиры, другіе въ округѣ Мазамбони въ то самое утро какъ вражескія войска вступили въ предѣлы Узири; а самъ старшина, Музири, прослышавшій о пораженіи Кадонго и о томъ, что на него самого лѣзетъ такая страшная сила, позаботился во̀ время убрать всѣхъ своихъ, такъ чтобы они не могли пострадать отъ нашего нашествія. Во всемъ краю не осталось не только ни одной души человѣческой, но даже ни овцы, ни курицы: однѣ кладовыя стояли биткомъ набитыя зерномъ, да на поляхъ повсюду виднѣлись обильныя плантаціи бататовъ, бобовъ, молодой кукурузы, овощей и табаку. Я втайнѣ очень радовался тому, что дѣло обошлось безъ кровопролитія: цѣль моя достигнута какъ нельзя лучше, мы не истратили ни одного заряда изъ своихъ скудныхъ боевыхъ запасовъ, дорога впереди очищена, чего же лучше? Я думаю, что и Мазамбони съ Гавирой тоже очень довольны, хотя и увѣряютъ, что для нихъ это очень досадная и прискорбная развязка.

Въ одной изъ хижинъ найденъ стволъ карабина съ подвижнымъ куркомъ, и на немъ выжжено клеймо: «Джонъ Клейвъ III, 530». Это очевидно осталось тутъ съ тѣхъ поръ какъ побывалъ Кабба-Рега, людей котораго Музири порядкомъ поколотилъ въ прошломъ году.

Подъ вечеръ всѣ воины Мазамбони, числомъ до тысячи человѣкъ, собрались праздновать безкровную побѣду надъ Музири и затѣяли воинственную пляску. Африканскіе танцы состоятъ большею частію изъ грубыхъ движеній, преувеличенныхъ позъ и жестовъ, прыжковъ и различныхъ странныхъ тѣлодвиженій, подъ тактъ музыки, состоящей

изъ одного или нѣсколькихъ барабановъ. Присутствующіе обыкновенно при этомъ страшно шумятъ и хохочутъ, такъ что это для дикарей такая же веселая забава, какъ наши безумные вальсы и быстрые пируэты для цивилизованной публики. Иногда хоръ становится полукругомъ и двое выступаютъ впередъ и поютъ дуэтъ, съ аккомпаниментомъ барабана или рожка, а окружающіе въ тактъ хлопаютъ въ ладоши; или-же впередъ выступаетъ солистъ, фантастически наряженный въ пѣтушьи перья, съ цѣлыми рядами нанизанныхъ на бичевку пустыхъ тыквъ, въ которыхъ трещатъ насыпанные камешки; украшеніями служатъ также мелкіе бубенчики и множество нанизанныхъ зубовъ, человѣческихъ, обезьянихъ и кродильихъ, замѣняющихъ собою драгоцѣнные камни. Но непремѣннымъ условіемъ такихъ игръ бываетъ поющій хоръ, и чѣмъ онъ многочисленнѣе тѣмъ конечно лучше. Сознаюсь, когда мужчины, женщины и дѣти начинали пѣть, и голоса ихъ заглушали и барабанные удары, и непрерывную болтовню и смѣхъ толпы, я испытывалъ живѣйшее удовольствіе, особенно если пѣвцами были люди изъ племени Уаніамуэзи, безспорно наилучшіе хористы африканскаго материка.

Занзибарцы, Зулусы, Уэйо, Уазигары, Уазигуи, Цангинды, тоже поютъ, но у всѣхъ у нихъ и метода пѣнія, и самое исполненіе очень сходны, и хотя у каждаго племени бываютъ свои мелкія особенности въ пѣсняхъ и въ танцахъ, но въ общемъ можно сказать, что они вѣдаютъ только два сорта музыки: нестерпимо-заунывный и варварски-грубый. Уасоги, Уаганды, Уакирюэ, Уазонгоры, живущіе вкругъ озера Викторіи, болѣе умѣренны: у нихъ есть уже намеки на нѣчто эпическое, съ примѣсью восточной жалобы; какой-нибудь Мустафа, или Гуссейнъ, или Гассанъ, могъ бы на этотъ ладъ стонать подъ рѣшетчатымъ окномъ жестокой Фатимы или непреклонной Роксаны. До сихъ поръ я ни у кого кромѣ Уаніамуэзи не слыхивалъ въ Африкѣ такой музыки и не видывалъ танца, которые могли бы удовлетворить англичанъ, привыкшихъ смотрѣть на такъ называемую „пляску плантаторовъ“, которая вѣроятно и теперь исполняется въ одной публичной залѣ въ Пикадильи (въ Лондонѣ). Но вотъ Катто, братъ Мазамбони, повелъ бандуссумскихъ воиновъ на ровную площадку и началъ строить ихъ въ каррэ. Десятокъ барабановъ различной величины въ рукахъ искусныхъ исполнителей стали мѣрно отбивать тактъ, производя такой гулкій звукъ, что его навѣрное было слышно на многія мили кругомъ. Катто и двоюродный братъ его Каленгэ, украшенные великолѣпными пучками бѣлыхъ пѣтушьихъ перьевъ, разставили тридцать три ряда по тридцать три человѣка, стараясь образовать изъ нихъ какъ можно болѣе правильный и плотный четвероугольникъ. У боль-

шинства воиновъ было по одному копью, у нѣкоторыхъ по два, и у всѣхъ кромѣ того щиты и колчаны, висѣвшіе черезъ плечо за спиною.

Вся фаланга стояла смирно, упершись копьями въ землю, пока барабаны не подали знака. Тогда раздался звучный и низкій голосъ Катто, запѣвшій торжественную и дикую пѣсню: дойдя до извѣстнаго повышенія тона, онъ поднялъ копье и въ ту же секунду цѣлый лѣсъ копій поднялся надъ толпою, мощный хоръ подхватилъ пѣсню, и вся фаланга медленно стала подвигаться впередъ. Я сидѣлъ на своемъ складномъ стулѣ въ разстояніи 25 саженъ отъ передняго ряда танцующихъ, но почувствовалъ какъ вокругъ меня земля задрожала, словно отъ землетрясенія. Глядя на ноги воиновъ я замѣтилъ, что они не просто переступаютъ, а каждый разъ сильно топаютъ ногой, подвигаясь притомъ никакъ не больше какъ на шесть дюймовъ заразъ, такъ что въ ихъ поступательномъ движеніи было что-то медленное, но неотразимое. Голоса усиливались и ослабѣвали, подымаясь и опускаясь какъ волны, и въ то же время подымались и опускались копья, единовременно сверкнувъ въ воздухѣ своими полированными желѣзными наконечниками и также единодушно падая обратно на землю, при мѣрномъ и согласномъ боѣ барабановъ. Все это производилось съ такою поразительною точностью и силой, что отъ дружнаго топота семидесяти тоннъ живого мяса, сухая и плотная почва глубоко содрогалась. Тысяча головъ то поднималась, испуская энергическій вопль, то опускалась вмѣстѣ со стихавшею мелодіей пѣсни. Когда они, загнувъ голову кверху, съ вдохновенными лицами давали волю своимъ голосамъ, въ этихъ звукахъ слышалась такая буря страстей, такая неутолимая ярость, жажда кровопролитныхъ битвъ, что и души присутствующихъ наполнялись тѣми же воинственными чувствами, глаза сверкали зловѣщимъ огнемъ, руки сжимались въ кулаки и угрожающимъ движеніемъ поднимались вверхъ. Когда же звуки стихали, превращаясь въ жалобное журчанье и головы опускались на грудь, мнѣ чудились всѣ бѣдствія войны, все горе и тревоги, слезы вдовъ, стоны сиротъ, разрушенныя жилища, опустошенныя страны. И опять эта надвигавшаяся масса людей разомъ поднимала головы, копья сверкали, звенѣли, перья задорно развѣвались, пѣсня снова звучала торжествомъ и угрозой, голоса сливались: въ бурный кликъ и война опять вступала въ свои права, пробуждая въ людскихъ сердцахъ лишь инстинкты борьбы и жажду побѣды.

Сплошная толпа поющихъ воиновъ вплотную подступила къ моему стулу, и передній рядъ разомъ опустилъ передо мною копья, единовременно сверкнувшія въ воздухѣ своими гладкими желѣзками

трижды повторили они этотъ салютъ, затѣмъ всѣ ряды обернулись и побѣжали, держа копья вверхъ и потрясая ими; древки дрожали, и воздухъ былъ потрясенъ боевыми возгласами. Быстрота движеній все увеличивалась, вмѣсто четвероугольника воины образовали три концентрическихъ круга; трижды обѣжавъ кругомъ, князь Катто всталъ среди площадки и вскорѣ ряды воиновъ постепенно образуя вокругъ него бѣгущую спираль, сомкнулись въ плотный кругъ и снова встали квадратомъ. Тогда они раздѣлились пополамъ и устремились въ противоположныя стороны. Не переставая пѣть, они пошли навстрѣчу другъ другу, помѣнялись мѣстами, потомъ опять быстро кружились, съ угрожающими жестами, такъ что у меня въ глазахъ запестрѣло отъ постоянно мѣняющихся формъ. Вдругъ, совершенно неожиданно, они разошлись по своимъ шалашамъ и преспокойно стали шутить и смѣяться съ товарищами, не подозрѣвая какія мысли и чувства они расшевелили въ насъ своимъ пѣніемъ и пляской. Безспорно, это было одно изъ лучшихъ, наиболѣе возбуждающихъ зрѣлищъ, изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ Африкѣ.

30-го мая. Послѣ трехчасоваго перехода пришли къ холму Изера-Кумъ, въ Ундуссумѣ.

Въ округъ Мазамбони мы прошли прямо на мѣсто своего прежняго лагеря на „Чонго,“ какъ мои занзибарцы прозвали холмъ Изера-Кумъ, и тутъ только догадались, что въ дѣлѣ угона скота уахумскими пастухами не одни пастухи были замѣшаны, но также и самъ Мазамбони: явными тому доказательствами могли служить многочисленные слѣды недавняго прогона стада. Вскорѣ мы увидѣли и самыя стада, преспокойно пасущіяся на тучныхъ пастбищахъ нашего друга и занзибарцы подняли радостный крикъ, прося позволенія присвоить этотъ скотъ себѣ. Наступило глубокое молчаніе, послѣ котораго я спросилъ Мазамбони, по какой причинѣ могло случиться, что стада Музири пасутся на его лугахъ?

Но на это Мазамбони отвѣчалъ невозмутимо, что скотъ этотъ принадлежитъ племени Уахума, которое убѣжало изъ его владѣній въ прошедшемъ декабрѣ, въ ту пору какъ мы съ нимъ воевали; а теперь, во избѣжаніе такихъ-же опасностей въ Узири, они опять пришли на прежнее мѣсто и у него, Мазамбони, духу не хватаетъ ихъ прогнать. Нечего дѣлать, пришлось удовольствоваться этимъ объясненіемъ и, не тронувъ ни одной коровы, мы пошли далѣе.

31-го мая. Отрядъ дневалъ, Мазамбони подарилъ намъ трехъ быковъ, и доставилъ въ лагерь двухдневный запасъ муки на всѣхъ людей, и еще множество банановъ и бататовъ.

Изъ сосѣднихъ округовъ перебывало у насъ съ визитомъ много

мелкихъ старшинъ и каждый принесъ подарки, козъ, куръ и муки. Селенія Урумангуа, Буэсса и Гунда тоже заключили съ нами дружественные союзы. Это тѣ самыя необыкновенно цвѣтущія и богатыя деревни, которыя въ прошломъ году такъ поражали насъ своимъ благосостояніемъ.

Къ вечеру я получилъ отъ Музири слѣдующее извѣщеніе: такъ какъ всѣ окрестныя земли помирились со мною, онъ желаетъ также быть причтеннымъ къ числу моихъ друзей и въ слѣдующій разъ, когда мы придемъ въ эти мѣста, онъ приготовитъ для меня приличные дары.

Завтра намѣреваюсь пуститься дальше, по направленію къ форту Бодо и къ Ямбуйѣ, а потому сегодня запишу на досугѣ всѣ свѣдѣнія на счетъ Эмина-паши, которыя мнѣ удалось въ разное время получить отъ него лично.

Глава XVII.

ОБЪ ЭМИНѢ-ПАШѢ.

О возрастѣ Эмина-паши и о его первой молодости.—Гордонъ назначаетъ ему жалованье.—Послѣднее свиданіе съ Гордономъ въ 1877 году.—Послѣдняя присылка провизіи и боевыхъ снарядовъ.—Пять лѣтъ уединенія.—Книжная лавка Мэккея въ Угандѣ.—Способности Эмина и его пригодность къ занимаемому посту.—Его языковѣдѣніе и другія познанія.—Его трудолюбіе и аккуратность.—Чистенькій дневникъ.—Разсказъ Шукри-Аги о томъ, какъ Эминъ бѣжалъ изъ Кирри во Мсуа.—Эминъ подтверждаетъ разсказъ.—Онъ передаетъ мнѣ нѣсколько фактовъ по части естественной исторіи.—Паша и племя Динка.—Анекдотъ о львѣ.—Эминъ изучаетъ птицъ.

Я намѣренъ представить читателямъ не біографію паши, а просто записываю тѣ факты и свѣдѣнія, которые со дня на день онъ случайно передавалъ мнѣ въ своихъ бесѣдахъ, касательно его жизни въ Суданѣ и знакомствѣ съ знаменитымъ его начальникомъ, Гордономъ, трагическая судьба котораго еще долго будетъ возбуждать всеобщее сожалѣніе.

По рожденію онъ нѣмецъ, австрійскій или прусскій—мнѣ неизвѣстно, да я и не справлялся объ имени того селенія или мѣстечка, гдѣ онъ родился. Онъ говоритъ, что ему сорокъ восемь лѣтъ, слѣдовательно годъ его рожденія долженъ быть 1840. По всей вѣроятности онъ въ самой ранней молодости попалъ въ Константинополь; затѣмъ, по разнымъ случайнымъ намекамъ я заключилъ, что какое-то значительное лицо помогло ему изучать медицину и чуть-ли не по той-же протекціи онъ поступилъ на турецкую службу и сдѣлался домашнимъ врачемъ при особѣ Измаила Хакки-паши. Если, какъ онъ самъ говоритъ, тридцать лѣтъ уже онъ служитъ подъ знаменемъ полумѣсяца, то значитъ онъ началъ служебное поприще въ Турціи въ 1858 году. Въ Стамбулѣ онъ примкнулъ къ такъ называемой „молодой Турціи", т. е. къ партіи реформъ: у ней былъ свой печатный органъ, на столько смѣло проповѣдывавшій неотложность реформъ, что правительство три раза запрещало его изданіе. Вслѣдствіе послѣдняго запрещенія Эминъ былъ высланъ изъ Турціи.

Онъ говоритъ, что жилъ въ Константинополѣ въ то время когда убили султана Абдулъ-Асиза; но когда судили тѣхъ, кто подозрѣвался въ этомъ убійствѣ, его тамъ уже не было. Онъ прибылъ въ Египетъ въ декабрѣ 1875 года, поступилъ на службу и былъ посланъ въ Хартумъ.

* * *

«На первый разъ Гордонъ назначилъ меня хирургомъ съ жалованьемъ по 25 фунтовъ стерлинговъ (250 рублей) ежемѣсячно. Вскорѣ онъ увеличилъ мое вознагражденіе до 30 фунтовъ (300 р.), а когда послалъ меня въ Уганду, то очень разудивилъ, возвысивъ мнѣ жалованье до 40 фунтовъ (400 рублей). Но когда меня назначили губернаторомъ экваторіальныхъ провинцій, я получалъ тоже, что и другіе губернаторы, то есть по 500 рублей въ мѣсяцъ. Что они платятъ генераламъ, я не знаю: я вѣдь только «Мираманъ», то есть нѣчто въ родѣ гражданскаго паши, которому платятъ лишь до тѣхъ поръ пока онъ на службѣ, а коль скоро онъ больше не нуженъ, ему ни жалованья, ни пенсіи не полагается. Но я ожидалъ, что меня сдѣлаютъ военнымъ пашей, произведутъ въ дивизіонные генералы.

* * *

«Гордонъ, между тѣмъ, не спросясь меня, назначилъ моимъ агентомъ въ Хартумѣ германскаго вице-консула, то есть ему поручилъ получать мое жалованье. За нѣсколько мѣсяцевъ, по крайней мѣрѣ, онъ получалъ его аккуратно; но Гордонъ этого самаго вице-консула вздумалъ назначить губернаторомъ въ Дарфуръ, а онъ тамъ почти тотчасъ-же и умеръ. Когда собрали его пожитки, то за уплатой коекакихъ его мелкихъ долговъ осталось ровно столько денегъ, чтобы выдать вдовѣ его 500 фунтовъ и отослать ее въ Каиръ, а мнѣ, какъ главному изъ его кредиторовъ, досталось 50 фунтовъ, оставленныхъ на мое имя въ Хартумѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Хартумъ палъ, и все что тамъ оставалось послѣ смерти вице-консула конечно пропало. Такъ что я за восемь лѣтъ службы не получалъ ни копѣйки жалованья».

* * *

«Въ послѣдній разъ я видѣлъ Гордона въ 1877 году. Въ Дарфуръ послали тогда двѣ экспедиціи для топографическихъ съемокъ, одну подъ начальствомъ полковника Праута, другую подъ начальствомъ полковника Пурди. Когда Гордонъ сдѣлался генералъ-губернаторомъ, онъ писалъ въ Каиръ къ Стону-пашѣ, прося прислать ему одного изъ этихъ господъ, также для съемокъ, въ Экваторію. Джесси-паша ужъ объѣзжалъ кругомъ озера Альберта, но наблюдалъ только по компасу. Праутъ-бей и Мэзонъ-бей оба были превосходные топографы. Первымъ пріѣхалъ Праутъ-бей. Онъ шелъ отъ Ладо на Фа

тико, оттуда на Мрули, на Викторія-Нилѣ, а оттуда къ Магунго на Альбертъ-Ніанзѣ, и цѣлымъ рядомъ наблюденій окончательно нанесъ на карту эти пункты. По болѣзни онъ вынужденъ былъ возвратиться въ мою ставку, въ Ладо. Какъ разъ въ это время прибылъ на пароходѣ Мэзонъ-бей, для съемокъ на озерѣ Альберта, и съ тѣмъ-же пароходомъ я получилъ предписаніе отправляться въ Хартумъ, а оттуда губернаторомъ въ Массову, на Красное море. Дѣло въ томъ, что тамошній французскій консулъ повздорилъ съ мѣстнымъ гражданскимъ губернаторомъ и просилъ, если этого губернатора смѣнятъ, назначить такого, который-бы зналъ по французски. Гордонъ, зная что я понимаю по французски, вѣроятно оттого и выбралъ на это мѣсто меня. Когда я пріѣхалъ въ Хартумъ, Гордонъ принялъ меня очень ласково и настоялъ на томъ, чтобы я постоянно обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ; а это была большая честь, потому что онъ почти никогда и никого не приглашалъ къ своему столу. Однако-же я не захотѣлъ поселиться во дворцѣ и завтракалъ дома, но къ обѣду и полднику Гордонъ непремѣнно требовалъ меня къ себѣ. Онъ задавалъ мнѣ много работы; я писалъ для него письма къ египетскимъ пашамъ и беямъ различныхъ провинцій, къ католическимъ миссіонерамъ въ Гондокоро, къ римскому папѣ, къ египетскому хедиву, по итальянски, по нѣмецки, по арабски. Довольно долго мы съ нимъ этимъ занимались, какъ вдругъ однажды онъ послалъ меня съ порученіемъ въ Уніоро. Черезъ нѣкоторое время я отправился вверхъ по рѣкѣ и съ тѣхъ поръ никогда больше не видалъ Гордона“.

* * *

„Въ Іюнѣ 1882 года Абдель-Кадеръ-паша писалъ мнѣ, что мѣсяца черезъ два вышлетъ ко мнѣ пароходъ съ провіантомъ и боевыми снарядами. Я ждалъ ровно девять мѣсяцевъ и наконецъ, въ Мартѣ 1883 года, получилъ пятнадцать ящиковъ снарядовъ. И это былъ послѣдній разъ, что я что-либо получалъ изъ внѣшняго міра, вплоть до того времени какъ вы пришли въ апрѣлѣ 1888 года. Цѣлыхъ пять лѣтъ!“.

* * *

„Пять лѣтъ я здѣсь оставался совсѣмъ одинъ,—но не безъ дѣла, я надѣюсь. Управленіе моею областью доставляло не мало работы, а въ нѣкоторыхъ занятіяхъ я нашелъ даже источникъ удовольствій. Тѣмъ не менѣе, такое полное отчужденіе отъ цивилизованнаго міра было мнѣ очень тяжело. Я могъ-бы всю жизнь прожить здѣсь, и наслаждаться жизнью, если бы мнѣ было обезпечено правильное сообщеніе съ остальнымъ міромъ, если бы я могъ быть увѣренъ, что могу постоянно получать книги, журналы, хотя бы разъ въ мѣсяцъ, или

разъ въ два мѣсяца, даже въ три мѣсяца разъ. Какъ я завидую миссіонерамъ въ Угандѣ, которые каждый мѣсяцъ получаютъ письма, газеты, книги! У мистера Мэккея въ Угандѣ образовалась цѣлая библіотека. Отъ него-же я получилъ и тотъ пакетъ ароматнаго табаку— подъ названіемъ „медовой росы"—который на дняхъ подарилъ вамъ. Онъ-же мнѣ присылаетъ иногда бутылку или двѣ ликеру, носильное платье, писчую бумагу и тому подобное; отъ времени до времени я отъ него получаю газеты — „Спектаторъ" или „Таймсъ" — и оттуда почерпаю кое-какія свѣдѣнія о томъ что дѣлается на свѣтѣ. Но нѣкоторыя книги о предметахъ, всего болѣе меня интересующихъ, нельзя доставать черезъ него: это слишкомъ затруднило бы его и его друзей. Вотъ поэтому я и желалъ-бы, чтобы у меня было свое почтовое сообщеніе; тогда жизнь была-бы куда легче! Охъ ужъ эти восемь лѣтъ молчанія... Не могу я словами выразить того что перечувствовалъ: не хочется снова переживать этого".

* *
*

Я уже описывалъ наружность паши и упоминалъ о его лѣтахъ, а изъ приведенныхъ выше дословныхъ разсказовъ его выясняются многія черты его нрава; но если бы остановиться на этомъ, врядъ-ли можно было-бы понять этого человѣка вполнѣ. Его таланты, способности и удивительная пригодность къ занятію того страннаго положенія въ какомъ онъ находился, явствуютъ между прочимъ изъ того, какимъ образомъ онъ ухитряется одѣвать своихъ солдатъ. Въ числѣ подарковъ которыми онъ наградилъ насъ, есть бумажныя ткани, грубыя но очень прочныя, вытканныя его людьми, и туфли и башмаки, издѣлія его собственныхъ башмачниковъ. Исправное состояніе пароходовъ и судовъ, такъ давно уже ему служащихъ, изобрѣтеніе смазочнаго вещества для машинъ (смѣсь кунжутнаго масла съ саломъ), превосходное санитарное состояніе, благоустройство и опрятность всѣхъ поселеній которыми онъ завѣдуетъ, правильное и безостановочное поступленіе зерна въ его провіантскіе магазины, которые подчиненные ему негры безъ всякой ворчбы наполняютъ два раза въ годъ, все это показываетъ что онъ единственный въ своемъ родѣ администраторъ, и обладаетъ такими свойствами, которыя особенно рѣдко встрѣчаются между людьми, избирающими Африку полемъ своей дѣятельности. Чтобы оцѣнить его по достоинству, я перебираю въ своей памяти сотни людей, служившихъ на берегахъ Нила и Конго, и припоминаю очень немногихъ, которые хоть въ какомъ нибудь отношеніи могли-бы сравняться съ нимъ. Помимо своихъ лингвистическихъ способностей (онъ знаетъ множество языковъ) онъ еще натуралистъ, немножко ботаникъ, а что до врачебнаго искусства, то

нечего и говорить что тридцать лѣтъ такой исполненной приключеній жизни дали ему много случаевъ наблюдать и изощряться въ медицинской профессіи. Я привелъ выше отрывки его рѣчей и по нимъ можно судить что онъ выражается совсѣмъ литературнымъ языкомъ. Его англійская рѣчь вполнѣ правильна и хотя въ выговорѣ есть иностранный акцентъ, за то голосъ его такъ звученъ и пріятенъ, а манера говорить такъ тиха и размѣрена, что слушаешь его съ величайшимъ удовольствіемъ. О чемъ-бы ни писали въ газетахъ и журналахъ, онъ обо всемъ имѣетъ обстоятельныя свѣдѣнія, какого-бы государства ни касались затронутые вопросы. Манеры у него въ высшей степени вѣжливыя и любезныя, можетъ быть немного слишкомъ церемонныя для центральной Африки, но вполнѣ приличныя для губернатора, сознающаго свое достоинство и незабывающаго, что на немъ лежитъ весьма серьезная отвѣтственность.

Трудъ составляетъ для него, повидимому, первѣйшую потребность: онъ можетъ служить образцомъ работящаго человѣка. Едва намѣтивъ мѣсто для лагерной стоянки, онъ тотчасъ начинаетъ придумывать какъ-бы все устроить по возможности лучше, удобнѣе, и всюду вноситъ свой духъ порядка и методичности. Его стулъ и столъ всегда должны стоять на извѣстномъ мѣстѣ, анероиды помѣщаются на особой подстановкѣ, термометры ставятся въ тѣни, съ достаточнымъ притокомъ воздуха со всѣхъ сторонъ. Его записки и дневники — верхъ чистоты и правильности: на страницахъ ни пятнышка, почеркъ мельчайшій, какъ будто онъ только о томъ и хлопочетъ чтобы получить первую медаль за аккуратность, бережливость, опрятность и точность. Впрочемъ, большинство извѣстныхъ мнѣ нѣмцевъ вообще отличаются съ одной стороны массою пріобрѣтаемыхъ ими свѣдѣній, а съ другой— безукоризненнымъ почеркомъ; между тѣмъ какъ другіе знакомые мнѣ путешественники, изъ тѣхъ что говорятъ по англійски, обладаютъ обыкновенно такими записными книжками на которыя противно смотрѣть, по сравненію съ упомянутыми выше; и хотя для самихъ авторовъ онѣ бываютъ очень полезны, но за то такъ скверно написаны; съ такимъ множествомъ пятенъ, кляксъ и помарокъ, что составляютъ истинное мученіе для тѣхъ, кому поручаютъ ихъ издавать.

* * *

Слѣдующее происшествіе даетъ понятіе о томъ, что Эмину приходилось испытывать въ продолженіи тѣхъ пяти лѣтъ, что онъ былъ отрѣзанъ отъ Хартума.

Шукри-Ага, начальникъ гарнизона въ Мсуа, посѣтившій меня вечеромъ 19 мая, разсказывалъ что годъ тому назадъ 190 стрѣлковъ перваго баталіона выступили изъ мѣстечка Реджафъ въ селеніе Кирри,

гдѣ тогда жилъ паша, съ намѣреніемъ схватить его и держать въ плѣну. Изъ Каира было получено письмо отъ доктора Юнкера, который писалъ что на помощь имъ снаряжается экспедиція, а солдаты 1 баталіона поняли это такъ, что губернаторъ собирается бѣжать въ Каиръ, а ихъ бросить на произволъ судьбы. Убѣжденные въ томъ, что ихъ собственная безопасность зависитъ отъ присутствія между ними этого гражданскаго губернатора, солдаты задумали его арестовать и взять съ собою въ Реджафъ, гдѣ первый батальонъ стоялъ гарнизономъ. Этотъ баталіонъ расположенъ былъ во всѣхъ наиболѣе сѣверныхъ поселеніяхъ этой провинціи. Они говорили: „мы знаемъ только одинъ путь въ Египетъ, а именно внизъ по Нилу на Хартумъ“. Паша, предупрежденный о ихъ намѣреніяхъ офицерами второго баталіона, стоявшими въ Кирри, воскликнулъ:—„Чтожъ, пускай они убьютъ меня, я смерти не боюсь. Пусть придутъ, я буду ждать ихъ“.

Но этого офицеры 2-го баталіона никакъ не хотѣли допустить и умоляли пашу бѣжать, прежде чѣмъ придутъ мятежники, говоря что «насиліе надъ губернаторомъ сразу положитъ конецъ всякой дисциплинѣ и управленіе сдѣлается невозможнымъ». Эминъ долго упирался, наконецъ уступилъ ихъ просьбамъ и ушелъ въ Мсуа. Вслѣдъ за тѣмъ явился отрядъ перваго баталіона, окружилъ ставку и съ криками сталъ требовать, чтобы губернаторъ немедленно отдался въ ихъ руки. Имъ отвѣчали, что губернатора тутъ нѣтъ, что онъ уѣхалъ къ югу, въ Мугги и Уаделаи; тогда мятежники вошли въ ставку, схватили начальника гарнизона и подчиненныхъ ему офицеровъ и высѣкли ихъ курбашами; потомъ связали ихъ и увели съ собой въ Реджафъ.

Шукри-Ага такъ продолжалъ свой разсказъ:—Надо вамъ сказать, что весь первый баталіонъ занимаетъ наши сѣверныя стоянки, и что ни одинъ изъ солдатъ этого баталіона слышать не хочетъ объ отставкѣ или о томъ чтобы уйдти оттуда: малѣйшій намекъ на то, чтобы покинуть наблюдательный постъ въ Реджафѣ приводитъ ихъ въ неописанное негодованіе. Они все время ждали что вотъ-вотъ услышатъ о прибытіи парохода въ Ладо и до сихъ поръ увѣрены, что не сегодня такъ завтра паша изъ Хартума пришлетъ за ними. Что̀ ни говорилъ имъ Эминъ-паша, они ничему не вѣрятъ. Но вотъ вы теперь пришли съ другой стороны, совсѣмъ инымъ путемъ, и нѣкоторые изъ насъ, бывшіе на службѣ у Линантъ-бея, въ 1875 году видали васъ въ Угандѣ, а многіе и такъ очень много про васъ наслышались; такъ теперь, я думаю, они наконецъ повѣрятъ что не только по Нилу можно добраться въ Египетъ, и если вы нашли ихъ здѣсь, то сумѣете и домой отвести. Они увидятъ вашихъ офицеровъ, повидаются

съ вашими суданцами, почтительно выслушаютъ ваше посланіе и охотно будутъ повиноваться вамъ. Таково мое личное мнѣніе, но конечно одному Богу извѣстно, что теперь думаетъ первый баталіонъ, а мы пока еще не имѣли случая узнать объ этомъ,—слишкомъ недавно еще съ вами встрѣтились.

* * *

На другой день я сказалъ Эмину-пашѣ, что Шукри-Ага передалъ мнѣ эту исторію, и онъ прибавилъ:

Шукри-Ага очень дѣльный и храбрый офицеръ, онъ произведенъ въ свой теперешній чинъ за особыя услуги: онъ оказалъ самое дѣятельное сопротивленіе противъ Карамаллы, однаго изъ Махдійскихъ генераловъ, который явился сюда съ нѣсколькими тысячами человѣкъ и требовалъ чтобы мы подчинились Могамедъ-Ахмету.

То, что онъ вамъ вчера разсказывалъ, вполнѣ справедливо, но онъ позабылъ упомянуть, что кромѣ ста девяноста стрѣлковъ первый баталіонъ привелъ съ собою еще 900 вооруженныхъ негровъ. Впослѣдствіи я узналъ, что они намѣревались увести меня въ Гондокоро, и тамъ держать до тѣхъ поръ, пока не соберутся гарнизоны всѣхъ южныхъ поселеній—изъ Уаделаи, Тунгуру и Мсуа; когда же всѣ соберутся, они хотѣли идти правымъ берегомъ Нила на Хартумъ. Подойдя къ Хартуму разспросить, точно ли этотъ городъ палъ, и если это правда, то разойдтись всѣмъ восвояси, а каирскому правительству предоставить ужъ разбираться со мною какъ оно захочетъ *).

* * *

Вотъ нѣсколько фактовъ по части естественной исторіи, которые я слышалъ отъ него:

«Въ лѣсахъ Мсонгуа водится великое множество обезьянъ чимпанзе. Въ лѣтнее время по ночамъ онѣ часто посѣщаютъ плантаціи, принадлежащія къ селенію Мсуа, для кражи плодовъ. Но всего удивительнѣе тотъ фактъ, что онѣ въ этихъ случаяхъ употребляютъ факелы, которыми освѣщаютъ себѣ путь! Если бы я не самъ былъ тому свидѣтелемъ, никогда бы я не повѣрилъ, что обезьянамъ извѣстно искусство добывать огонь.

Одинъ разъ эти самыя чимпанзе стащили въ деревнѣ барабанъ туземнаго издѣлія и уходя во свояси превесело колотили въ него.

Этотъ барабанъ очевидно доставляетъ имъ величайшее удовольствіе, потому что мнѣ часто приходилось слышать издали барабанный бой, раздававшійся изъ лѣса въ тишинѣ ночи».

---

*) Зная это, мнѣ кажется что паша очень неосторожно поступилъ, рискуя показываться въ средѣ мятежниковъ прежде чѣмъ удостовѣрился какъ они его примутъ.

Эминъ замѣтилъ, что у береговъ озера Альберта никогда не видно попугаевъ. Въ Уніоро они распространены до 2° сѣверный широты, но пріозерные жители совсѣмъ не имѣютъ о нихъ ни малѣйшаго понятія.

Наши люди поймали пару самыхъ молодыхъ ихневмоновъ и принесли ихъ пашѣ. Онъ принялъ, и велѣлъ поить ихъ молокомъ. По его словамъ эти «фараоновы мыши» очень легко приручаются, чрезвычайно смѣшны и забавны, но вскорѣ становятся несносны: они ломаютъ инструменты, проливаютъ чернила, а бумаги и книги пачкаютъ и портятъ. Они всюду лѣзутъ, но особенно достается отъ нихъ яйцамъ: когда ихневмону попадается яйцо съ особенно твердой скорлупой, онъ беретъ его въ переднія лапки, поднимаетъ и до тѣхъ поръ роняетъ, покуда не разобьетъ.

Паша разсказывалъ мнѣ много о племени Динка. У нихъ много скота и у нѣкоторыхъ хозяевъ бываетъ отъ 300 до 1.500 головъ. Но они очень рѣдко убиваютъ стою скотину, а держутъ ее только ради молока и крови. Кровь они мѣшаютъ съ кунжутнымъ масломъ и ѣдятъ это какъ самое деликатное кушанье. Когда владѣлецъ стада умираетъ, его ближайшій родственникъ приглашаетъ друзей на похоронный пиръ и тогда одного или двухъ быковъ рѣжутъ; иначе кажется не случается чтобы Динка убивалъ скотину для ѣды. Если въ стадѣ которое нибудь животное околѣетъ своей смертью, они непремѣнно съѣдаютъ его, потому что очень любятъ говядину; это доказываетъ что не совѣсть воспрещаетъ имъ употреблять въ пищу мясо, а просто скаредность такъ какъ все ихъ богатство заключается въ стадахъ.

Племя Динка питаетъ необыкновенное благоговѣніе къ питонамъ и ко всѣмъ вообще змѣямъ. Когда одинъ изъ суданскихъ офицеровъ однажды убилъ змѣю, его заставили уплатить пеню—четырехъ козъ. Они даже приручаютъ змѣй, держутъ ихъ въ своихъ жилищахъ, но предоставляютъ имъ полную свободу и выпускаютъ на добычу, а потомъ опять змѣи приползаютъ къ нимъ спать. Они купаютъ питоновъ въ молокѣ и мажутъ ихъ коровьемъ масломъ. Почти въ каждой хижинѣ слышится въ кровлѣ постоянное шуршанье: это змѣи ползаютъ, разыскивая крысъ, мышей и проч.

На восточномъ берегу Нила Эминъ нашелъ племя, имѣющее особенное пристрастіе ко львамъ: каждый изъ членовъ этого племени скорѣе дастъ убить себя, нежели льва. Они имѣютъ обыкновеніе рыть большія ямы для поимки буйволовъ и другой подобной дичи; но случилось такое несчастье, что вмѣсто дичи первымъ попалъ въ яму левъ. Суданцы, открывшіе это обстоятельство, хотѣли тотчасъ убить

его, но старшина не позволилъ и умолялъ, чтобы этого льва предоставили ему. Суданцы охотно согласились на это, но любопытствовали посмотрѣть, что же изъ этого будетъ. Старшина срубилъ длинный и крѣпкій шестъ и опустивъ конецъ его на дно ямы, положилъ вкось. Левъ тотчасъ влѣзъ по шесту, выкарабкался изъ ямы и ускакалъ въ колючій кустарникъ, наслаждаться своей свободой. Нужно прибавить, что благородный звѣрь и не подумалъ обидѣть никого изъ стоявшихъ около ямы; по всей вѣроятности онъ былъ ужъ очень напуганъ. Но изъ этого анекдота можно бы выкроить исторію ничуть не хуже того, что разсказывается объ Андроклѣ и львѣ,—только мы живемъ-то ужъ въ такой прозаическій и фактическій вѣкъ!

Сѣдой лейтенантъ изъ Каира (Шукри-Ага) разсказывалъ еще, что паша до страсти любитъ изучать птицъ. Въ самомъ дѣлѣ, все что имѣетъ отношеніе къ птицамъ и вообще ко всѣмъ животнымъ, доставляетъ ему повидимому не меньшее удовольствіе и пробуждаетъ не меньшій интересъ, чѣмъ занятія военными и гражданскими дѣлами; но я никогда не замѣчалъ, чтобы одно мѣшало другому, а почтительное къ нему отношеніе и воинственный видъ его солдатъ показываютъ, что онъ мастеръ поддерживать и дисциплину.

* *
*

Изъ отрывочныхъ разговоровъ, приведенныхъ выше всякому видно, что жизнь паши полна самыхъ разнообразныхъ приключеній и могла бы доставить множество цѣннаго и занимательнаго матеріала для чтенія въ домашнемъ кругу, если бы пашѣ вздумалось когда нибудь написать такую книгу. Будемъ надѣяться, что это еще случится и Эминъ по своему краснорѣчиво и обстоятельно перескажетъ намъ главныя событія своей жизни въ Азіи и Африкѣ, а также наиболѣе интересныя наблюденія, сдѣланныя имъ въ теченіи долгаго пребыванія въ странахъ дикихъ, среди никѣмъ еще не извѣданной природы.

Глава XVIII.

ОТПРАВЛЯЕМСЯ ВЫРУЧАТЬ АРРІЕРГАРДЪ.

Многія племена провожаютъ насъ до Муканги.—Лагерь въ деревнѣ Укуба.—Прибытіе къ форту Бодо.—Наши инвалиды, порученные заботамъ Угарруэ.—Донесеніе лейтенанта Стэрса о его походѣ за инвалидами и о водвореніи ихъ въ фортѣ Бодо.—Ночныя посѣщенія хитрыхъ карликовъ.—Смотръ гарнизона.—Рѣшаюсь самолично вести экспедицію на выручку арріергарда.—Плохое здоровье капитана Нельсона. — Моя собачка Рэнди. — Описаніе форта.—Занзибарцы.—Вычисленіе времени, потребнаго на походъ въ Ямбуйю и обратно.—Соображенія лейтенанта Стэрса касательно парохода Стэнли.—Разговоръ со Стэрсомъ о маіорѣ Бартлотѣ и о колоннѣ арріергарда.—Инструкціи, оставленныя лейтенанту Стэрсу.

1-го іюня мы выступили изъ Ундуссумы къ западу, въ сопровожденіи двадцати служителей Мазамбони. Черезъ полтора часа дошли до Урумангуа. Изъ этого округа пошли провожать насъ сто человѣкъ, а люди Мазамбони ушли домой. Два часа спустя пришли въ Уніабонго, и тутъ люди изъ Урумангуа тоже ушли, предоставивъ честь сопровожденія насъ мѣстному населенію. Эти въ свою очередь шли съ нами полтора часа, доставили до Муканги и оставались до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрились, что всѣ мы прилично расквартированы и сытно накормлены. Однако не подалеку отъ Муканги они чуть не перессорились съ нашими людьми и мы уже стали въ оборонительную позицію, но къ счастію смѣлость и здравый смыслъ ихъ старшины одержалъ верхъ и намъ не пришлось затѣвать драку, по меньшей мѣрѣ безполезную для обѣихъ сторонъ.

Хорошій примѣръ не меньше дурного вызываетъ на подражаніе. Старшины племенъ Уомболы и Кеметтэ прослышали какъ мы охотно приняли дружелюбное посредничество старшины Муканги и на другой день, когда мы пошли ихъ землями, не было ни одного враждебнаго окрика, ни одного разгнѣваннаго лица. Изъ Кеметтэ, правда, закричали намъ, чтобы мы шли своей дорогой, но это было не обидно, во

первыхъ потому, что въ Кеметтэ намъ нечего было дѣлать, а во вторыхъ потому, что день только начинался. Но придя черезъ пять часовъ въ слѣдующую деревню Укуба, мы притомились и захотѣли отдохнуть. Жители Укубы, въ округѣ Бессэ, одинъ разъ уже испытали, что значатъ наши ружья (это было 12-го апрѣля), потому дозволили намъ преспокойно разставить палатки. Передъ закатомъ солнца мы были пріятно удивлены появленіемъ въ лагерѣ нѣсколькихъ туземцевъ, пришедшихъ безъ всякаго оружія, а на утро они пришли опять и принесли въ даръ дойную козу, нѣсколькихъ куръ и столько фиговыхъ банановъ, что для всѣхъ достало.

3-го іюня мы шли очень быстро, захватили нѣсколько челноковъ для переправы черезъ Итури; хотя въ послѣніе дни дождей было не много, но мы застали рѣку такою многоводной, какою она бываетъ во время апрѣльскихъ дождей.

Переправившись черезъ Итури мы поймали женщину изъ Мандэ и отпуская ее домой поручили ей сказать своимъ соотчичамъ, что если насъ не тронутъ, то и мы никого не обидимъ. Это все-таки можетъ способствовать распространенію нашихъ мирныхъ сношеній съ туземцами.

5-го мы стояли лагеремъ въ Бабуру, 6-го въ западномъ Индендуру. 7-го іюня послѣ семи-часоваго перехода достигли рѣчки Міулэ, названной такъ по причинѣ необыкновеннаго обилія на ея берегахъ пальмъ изъ рода рафія; а 8-го іюня вступили въ фортъ Бодо, приведя съ собою шесть коровъ, цѣлое стадо овецъ и козъ, нѣсколько тюковъ мѣстнаго табаку, четыре галлона водки, подаренной пашой, и нѣкоторыя другія мелочи, пригодныя для увеселенія гарнизона.

Въ лѣсу царствуетъ такая глушь и тишина, что мы взаимно находились въ полной неизвѣстности на счетъ того что съ нами было въ эти шестьдесятъ семь дней разлуки. Мы были уже за двѣсти саженъ отъ форта Бодо, и все-таки не знали, что сталось съ лейтенантомъ Стэрсомъ, который 16-го февраля ушелъ къ Угарруэ за нашими выздоравливающими и долженъ былъ привести ихъ къ намъ, чтобы дѣлить наши приключенія и вмѣстѣ идти по открытымъ лугамъ, одинъ видъ которыхъ уже приносилъ здоровье и облегченіе нашимъ людямъ. Гарнизонъ форта тоже ничего не зналъ о нашей удачѣ; но когда мы выстрѣлили изъ ружей и лѣсное эхо повторило эти звуки, навстрѣчу намъ грянулъ такой-же залпъ: тогда мы навѣрное узнали, что фортъ Бодо стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, а люди, жившіе въ предѣлахъ его расчистокъ, догадались, что это мы воротились съ Ніанзы.

Первымъ показался лейтенантъ Стэрсъ, а за нимъ и капитанъ Нельсонъ, оба въ отличномъ видѣ, но немного блѣдные. Потомъ вы-

сыпали на встрѣчу всѣ люди, и надо было видѣть какимъ счастьемъ и восторгомъ блестѣли ихъ глаза и загорѣлись ихъ лица. Эти дѣти природы не умѣютъ скрывать своихъ чувствъ и мыслей.

Но увы, какъ я ошибся въ своихъ разсчетахъ! Съ тѣхъ поръ какъ я вступилъ въ лѣсную область, всѣ мои выкладки оказывались невѣрными. Мнѣ казалось, что я до тонкости вычислилъ каждую милю пути, каждый шансъ промедленія, каждое препятствіе, могущее встрѣтиться ему и его каравану, шедшему на легкѣ, и разсчитывалъ, что черезъ тридцать девять дней Стэрсъ непремѣнно соединится съ нами. Вмѣсто того мы прождали его въ фортѣ сорокъ семь дней думая что нельзя-же лишать его случая присутствовать при торжественной встрѣчѣ съ Эминомъ—конечной цѣли всѣхъ нашихъ трудовъ и усилій. А онъ воротился въ фортъ только на семьдесятъ второй день, когда мы давно уже свидѣлись съ Эминомъ-пашой.

Я считалъ также, что изъ пятидесяти шести больныхъ, оставленныхъ въ ставкѣ Угарруэ и содержавшихся на нашъ счетъ, по крайней мѣрѣ сорокъ человѣкъ окажутся уже здоровыми и годными выступить въ походъ, а вмѣсто того Стэрсъ засталъ ихъ большею частію въ худшемъ видѣ чѣмъ они были оставлены. Всѣ сомали перемерли, кромѣ одного, который хотя и пошелъ со Стэрсомъ, но дойдя до Ипото умеръ на дорогѣ. Изъ пятидесяти шести только тридцать четыре остались, въ томъ числѣ Джума, у котораго нога была отнята. Троихъ въ ставкѣ не застали, потому что они ушли за съѣстными припасами. Изъ тридцати печальныхъ скелетовъ, которыхъ Стэрсъ принялъ отъ Угарруэ, четырнадцать человѣкъ умерло въ дорогѣ, одного оставили въ Ипото, и только пятнадцать дошли до форта, чтобы показать до чего ихъ жалкія обнаженныя тѣла были изуродованы и испещрены всевозможными наростами и болячками отвратительнаго цвѣта и вида. Вотъ донесеніе Стэрса о его замѣчательномъ походѣ, которымъ достаточно выясняется почему онъ такъ долго не возвращался.

«Фортъ Бодо въ Ибуири, центральная Африка.
6-го іюня 1888 года.

Сэръ, честь имѣю донести, что согласно приказанію вашему отъ 15-го февраля сего года я выступилъ 16-го числа, въ сопровожденіи двадцати гонцовъ и другихъ людей, къ ставкѣ Угарруэ на Итури, дабы послать гонцовъ далѣе къ колоннѣ маіора Бартлота, захватить слабосильную команду, оставленную на поправку въ ставкѣ и привесть ее обратно въ фортъ.

И такъ, мы отсюда выступили 16-го, а 17-го пришли въ селеніе Килимени. На другой день я рѣшился слѣдовать по широкой туземной

дорогѣ, весьма исправно протоленной, къ западу отъ Килимени мили на двѣ, и проходившей по близости отъ нашего пути въ Ипото. Пройдя по этой дорогѣ до 11 часовъ дня, я замѣтилъ, что она черезъчуръ заворачиваетъ къ сѣверу и востоку; поэтому я поискалъ другой дороги, надѣясь между многими тропинками найти такую, которая вывела бы меня на большую дорогу къ рѣкѣ Ихуру. Найдя одну тропинку въ желанномъ направленіи мы отправились по ней, но черезъ двѣ мили она внезапно оборвалась и дальнѣйшихъ слѣдовъ нигдѣ не было видно. Возвратясь на первоначальную дорогу мы сдѣлали въ тотъ день еще четыре попытки пробраться на сѣверо-западъ; наконецъ, передъ самымъ наступленіемъ ночи напали на тропинку съ помѣтками на деревьяхъ и тутъ заночевали. На другой день, 19-го числа, мы пошли этой тропинкой къ сѣверо-западу, шли очень скоро и къ 10 часамъ утра достигли заброшенной деревни. Тутъ значки на деревьяхъ прекратились и ни въ какую сторону не было больше выхода, сколько мы ни искали. Возвратившись опять на прежнее мѣсто и пойдя торнымъ путемъ къ сѣверо-востоку, мы снова попытались найти тропинку; но слѣды опять прекратились.

Пораздумавъ я рѣшился возвратиться къ мѣсту вчерашняго ночлега и слѣдовать по дорогѣ ведущей, въ Мабунгу, а оттуда пойти по тропинкѣ, о которой туземцы говорили, что она ведетъ къ рѣкѣ Ихуру. Однако и эта тропинка привела насъ лишь къ нѣсколькимъ хижинамъ карликовъ Уамбутти и тутъ обрывалась.

Я посовѣтовался со старшинами и мы рѣшили воротиться назадъ и идти нашей старой дорогой въ Ипото, тамъ взять двухъ проводниковъ, пройти до деревни Уледи, переправиться черезъ Ихуру и слѣдовать далѣе по сѣверному берегу. Къ этому склонили меня слѣдующія соображенія: если я все буду искать ближайшихъ дорогъ, я потеряю дня четыре или больше, чего дѣлать невозможно при краткости назначеннаго мнѣ срока; съ другой стороны, пытаясь пройти какъ можно прямѣе черезъ кустарники къ рѣкѣ, я могу потерять еще пять дней, такъ что лучше ужъ просто слѣдовать сѣвернымъ берегомъ.

Дойдя до ставки Килонга Лонга 22-го числа, мы уговорились чтобы насъ проводили на дорогу идущую, къ югу отъ Итури, и 24-го выступили изъ Ипото. 1-го марта мы переправились черезъ рѣку Ленду, шли на сѣверо-западъ. 9-го марта достигли Фариши, верхняго изъ поселеній Угарруэ. 14-го рано утромъ пришли въ ставку Угарруэ на Итури. Нѣсколько дней кряду шли дожди и благодаря имъ я сильно страдалъ лихорадкою, такъ что дойдя до Угарруэ вынужденъ былъ пролежать въ постели два дня.

Восемь или десять человѣкъ изъ нашихъ людей, остававшихся у

Угарруэ, въ то время были въ отлучкѣ за провизіей и чтобы найти ихъ пришлось дожидаться еще три съ половиною дня.

18-го сентября 1887 года въ ставкѣ Угарруэ оставлено пятьдесятъ шесть человѣкъ (56), а именно: 5 сомали, 5 нубійцевъ и 46 занзибарцевъ. Изъ нихъ двадцать шесть умерло, въ томъ числѣ всѣ сомали кромѣ одного Дуаля. Когда я уходилъ, двое изъ нашихъ еще не возвращались съ фуражировки. Одного изъ гонцовъ, оставленнаго въ Ипото по причинѣ злокачественныхъ нарывовъ, я замѣнилъ другимъ, и назначилъ вмѣсто него Барака-Уади-Мусса. Джума-бенъ-Заидъ остался въ ставкѣ.

Большая часть людей была въ состояніи крайняго истощенія и слабости когда мы пришли; уходя я отказывался принять семерыхъ, наиболѣе хилыхъ; но Угарруэ наотрѣзъ отказался держать ихъ и я былъ вынужденъ взять съ собою людей, которые навѣрное должны были умереть по дорогѣ.

Рано утромъ 16-го марта Абдалла съ гонцами отправился внизъ по рѣкѣ. 17-го я отобралъ отъ Угарруэ наши сорокъ два ружья, и два изъ нихъ подарилъ ему, снабдивъ также сорока двумя патронами Ремингтона.

18-го сводилъ счеты съ Угарруэ: порѣшили § 870 [1]), то-есть по § 30 [2]) за каждаго изъ двадцати девяти человѣкъ; отдалъ ему также ваше письмо и его росписки.

Въ тотъ-же день мы выступили къ Ибуири.

Съ 19-го по 23-го марта, когда мы пришли въ Фариши, дожди не прекращались, отчего дороги стали очень тяжелы, а переправа черезъ притоки крайне затруднительна. Оттуда до Ипото у меня всякій день была сильнѣйшая лихорадка; тащить меня было некому и приходилось проходить отъ пяти до семи миль въ день. Постоянные ливни и дурныя дороги дѣйствовали на людей подавляющимъ образомъ, иные даже сомнѣвались, будетъ-ли какая нибудь помощь впереди. Въ Ипото пришелъ 11-го апрѣля, выступилъ далѣе 13-го, все время страдалъ лихорадкой и наконецъ 26-го числа добрались до форта. Всѣ ужасно рады форту. Дуаля (сомали) я долженъ былъ покинуть въ Ипото; тамъ, бывшій погонщикъословъ, бѣжалъ съ дороги; изъ числа двадцати шести инвалидовъ десять умерло на пути. Умеръ также Кибуана, въ лагерѣ близь Мамбунгу; у него было воспаленіе легкихъ. Изъ 56 инвалидовъ привелъ въ фортъ живыми только четырнадцать человѣкъ.

---

[1]) 4.350 франковъ.

[2]) По 150 франковъ.

Придя въ фортъ Бодо, узналъ, что вы уже такъ давно ушли, что догнать васъ не было никакой надежды, а идти самому съ такимъ малымъ количествомъ стрѣлковъ показалось небезопасно, такъ я и остался въ укрѣпленіи и подалъ рапортъ капитану Нельсону, котораго вы назначили комендантомъ форта.

Проливные дожди, лихорадки и другія болѣзни были причиною столь значительнаго съ нашей стороны промедленія, тѣ же изъ насъ, которые были въ исправномъ видѣ, искренно огорчались тѣмъ, что не имѣли возможности присоединиться къ вамъ.

Честь имѣю быть и проч.

І. Д. Стэрсъ, Лейт. Э. В.»

Я засталъ гарнизонъ форта Бодо въ довольно порядочномъ видѣ. Правда, страдавшіе нарывами не избавились отъ нихъ, но имъ было и не хуже; малокровные, жертвы безчеловѣчнаго обращенія маньюмовъ въ Ипото, пожалуй даже стали поплотнѣе; но хронически-истощенные и хилые оставались все въ томъ-же положеніи и ихъ жалкій видъ говорилъ только о томъ, до чего они неспособны совершить предстоявшій намъ длинный и отчаянно-тяжелый походъ. Всего этого я ожидалъ. Долгое странствіе въ Ямбуйю и обратно (около 1.500 верстъ) нечего предпринимать не-хотя: на это нужно набрать охотниковъ, добровольцевъ, которые сами были бы заинтересованы дѣломъ и сознавали-бы, что когда эта задача будетъ выполнена, тогда прощай всѣ лѣсныя бѣдствія, прощай голоданье, проливные дожди, болотная сырость, грязь, потемки, растительная пища, отравленныя стрѣлы, все это будетъ разъ и навсегда позади; а впереди всѣ радости жизни въ привольной луговой странѣ, свѣтъ Божій, тепло и сіяніе яснаго дня, свѣжія травы, волнуемыя вольнымъ вѣтромъ, утѣшительное сознаніе, что надъ головою небо, а подъ ногами земля, преисполненная жизни и силы, всегда благодѣтельная и щедрая.

О, Боже милостивый! Когда же настанетъ этотъ день?..

Но развѣ негры, эти «скоты», эти «черные дьяволы» могутъ чувствовать что нибудь подобное?—А вотъ посмотримъ.

Одну жатву кукурузы уже сняли и сложили въ кладовыя. Поля снова обработывали подъ посѣвъ; банановыя рощи все еще доставляли столько плодовъ, что имъ и конца не предвидѣлось; сладкіе бататы во многихъ мѣстахъ разрослись дико, а бобовъ было насѣяно довольно.

Сердитые карлики племени Уамбутти по ночамъ навѣдывались въ наши хлѣбныя поля и лейтенантъ Стэрсъ съ нѣсколькими охотниками ужъ давалъ отпоръ этимъ воришкамъ; сильно поколотилъ ихъ и хотя потерялъ при этомъ одного изъ людей, но зато дѣйствительно отвадилъ маленькихъ разбойниковъ.

Въ фортѣ было теперь 119 занзибарцевъ авангарда, четверо солдатъ Эмина-паши, девяносто восемь носильщиковъ мади и трое бѣлыхъ съ Альбертъ-Ніанзы, да кромѣ того гарнизонъ изъ 57 занзибарцевъ и суданцевъ, и двухъ офицеровъ,—всего 283 души. Изъ этого числа намъ предстояло составить отрядъ волонтеровъ изъ занзибарцевъ и партію носильщиковъ мади, чтобы какъ можно скорѣе поспѣшать на выручку маіора Бартлота и колонны арріергарда.

Отдохнувъ два дня я собралъ людей и въ точности изложилъ имъ наше затруднительное положеніе:—Наши бѣлые братья терпятъ Богъ вѣсть какія бѣдствія, несутъ такіе труды, которые имъ кажутся тяжелѣе чѣмъ намъ, потому что мы-то чрезъ все это ужъ прошли и остались живы, и можемъ теперь переносить это гораздо легче прежняго: мы умудрились опытомъ, узнали что надо беречь провіантъ, надо разсчитывать когда и какъ подкрѣплять свое измученное тѣло, стараться какъ можно скорѣе проходить чрезъ глухія пустыни и обращаться со своими припасами поосторожнѣе. Встрѣча съ нами обрадуетъ нашихъ бѣдныхъ товарищей, такъ давно тоскующихъ въ разлукѣ съ нами, а наши добрыя вѣсти и разсказы оживятъ наиболѣе слабыхъ и развеселятъ скучающихъ. Всѣмъ извѣстно какія сокровища дорогихъ тканей и бусъ оставлены на попеченіи колонны арріергарда. Мы не могли унести ихъ съ собой, да и нужды въ томъ не было. Куда же дѣвать всѣ эти драгоцѣнности, если не роздать ихъ моимъ неутомимымъ сподвижникамъ, вѣрнымъ и добрымъ слугамъ, которые два раза ужъ ходили со своимъ начальникомъ на Ніанзу и вотъ теперь опять пойдутъ выручать давно покинутыхъ товарищей!— И такъ, прошу васъ, друзья,—кто хочетъ идти за мной подойдите ко мнѣ, а кто хочетъ оставаться въ фортѣ, тѣ пусть не выходятъ изъ рядовъ.

Въ сознаніи своихъ силъ, своего здоровья и всѣми признанной отваги, 107 человѣкъ съ громкимъ крикомъ «къ маіору! къ маіору!» бросились впередъ и стали вокругъ меня,—только шестеро бѣдняковъ не тронулись съ мѣста,—но эти были въ самомъ дѣлѣ хворые, страдали нарывами и послѣдствіемъ изнурительныхъ болѣзней.

Кто знаетъ толкъ въ людяхъ, тотъ конечно пойметъ, что въ настоящемъ случаѣ выказались нѣкоторыя изъ высшихъ человѣческихъ достоинствъ; но я знаю что иные рѣшительно не умѣютъ различать тонкостей человѣческой природы, также какъ другіе не видятъ въ прекрасной картинѣ тѣхъ штриховъ, въ которыхъ скрывается рука истиннаго мастера.

Выбравъ изъ гарнизона нѣсколько человѣкъ на смѣну тѣхъ которые не могли-бы выдержать предстоящаго похода, мнѣ оставалось

только раздать каждому изъ членовъ новой экспедиціи по двадцати пяти суточныхъ порцій кукурузы, и посовѣтовать имъ наготовить себѣ столько банановой муки, сколько они въ состояніи унести съ собою.

До вечера 15-го іюня всѣ только и дѣлали, что превращали твердыя зерна кукурузы въ муку, толкли, просѣвали, или-же дѣлали изъ нея родъ крупы, которую называли маисовымъ рисомъ; очищали бананы, сдирали съ нихъ кожу, рѣзали на ломтики, просушивали на деревянныхъ лоточкахъ надъ огнемъ, и потомъ тоже толкли въ муку. Я съ своей стороны, распорядившись всѣмъ что было нужно на пользу общую, принялся исправлять собственныя пожитки, клалъ заплаты на свои панталоны, чинилъ башмаки, походный стулъ, зонтикъ, дождевой плащъ и т. д.

Я вознамѣрился вести этотъ вспомогательный отрядъ одинъ, безъ помощи другихъ офицеровъ, и на то было у меня много причинъ; но главная состояла въ томъ, что за каждымъ европейцемъ слѣдуетъ увеличеніе багажа, а намъ теперь нужно было стараться брать съ собой какъ можно меньше вещей, насколько это было совмѣстимо съ общею безопасностью. Кромѣ того, лейтенанту Стэрсу, по моему, не лишнее было отдохнуть послѣ двухъ походовъ кряду: сначала въ Ипото за стальнымъ вельботомъ, а потомъ къ Угарруэ за больными и слабыми. Капитанъ Нельсонъ съ конца сентября 1887 года не переставалъ хворать то тѣмъ, то другимъ,—то нарывами, то малокровіемъ, отъ котораго чуть не умеръ, то какими-то накожными болѣзнями, болью въ поясницѣ, ломотой въ ногахъ и пароксизмами несносной лихорадки. Для человѣка, настолько изнуреннаго недугами, походъ этого рода безъ сомнѣнія могъ быть смертеленъ. Остается докторъ Пэркъ; но онъ необходимъ для форта, такъ какъ въ сущности почти весь гарнизонъ состоитъ изъ людей, которымъ надо лечиться.

Съ величайшимъ трудомъ удалось набрать изъ гарнизона четырнадцать человѣкъ чтобы идти съ капитаномъ Нельсономъ до Ипото и взять оттуда двѣнадцать вьюковъ нашего багажа, котораго до сихъ поръ не успѣли захватить; но только что мы хотѣли выступать, какъ несчастнаго капитана опять забила лихорадка и на рукѣ у него появилась какая-то странная опухоль; нечего дѣлать, пришлось на этотъ короткій походъ замѣнить его докторомъ Пэркомъ.

Моя вѣрная собачка «Ренди», которая такъ бодро вынесла труды двойного похода на Ніанзу, и оказала намъ такую неожиданную услугу въ трудную минуту жизни, сдѣлалась всеобщей любимицей, хотя никогда не дозволяла ни одному занзибарцу подойти ко мнѣ не поворчавъ на него. Желая избавить ее отъ утомительнаго похода

болѣе чѣмъ въ тысячу миль, я поручилъ ее попеченіямъ лейтенанта Стэрса и оставилъ въ фортѣ. Но бѣдная собака не поняла моихъ добрыхъ намѣреній: съ той минуты какъ я ушелъ она не захотѣла принимать пищи и на третій день околѣла съ горя.

Тщательно обдумавъ состояніе форта, численность гарнизона, смышленность коменданта, т. е. лейтенанта Стэрса, у котораго помощниками состоятъ капитанъ Нельсонъ и докторъ Пэркъ, зная притомъ что у нихъ остается шестьдесятъ ружей и громадное количество боевыхъ снарядовъ, я былъ убѣжденъ, что укрѣпленіе можетъ выдержать нападеніе какихъ угодно дикарей, какъ бы ни была велика ихъ численность. Двѣ трети окружности форта были окопаны глубокимъ рвомъ. На каждомъ изъ угловъ выведенъ высокій помостъ, прочно загороженный, къ которому нельзя подойти снаружи ближе какъ на ружейный выстрѣлъ; а помосты (или башни) соединены между собою крѣпкимъ частоколомъ, извнѣ окруженнымъ земляною насыпью, а извнутри надежною приступкой. Всѣ главные пути къ форту также загорожены; гарнизонъ помѣщался въ селеніи, со стороны не окопанной рвомъ и жилища расположены были треугольникомъ, дабы маскировать подходы къ форту. Днемъ непріятель не могъ подойти не замѣченнымъ ближе какъ на семьдесятъ саженъ отъ укрѣпленія; по ночамъ довольно было десяти часовыхъ чтобы караулить, отъ нечаяннаго нападенія или отъ пожара.

Думая о защитѣ, я имѣлъ въ виду не только туземныхъ дикарей, но главнымъ образомъ—и всего вѣроятнѣе—маньюмовъ въ союзѣ съ дикарями. Правдоподобность подобной комбинаціи можетъ подлежать спору; но предосторожность никогда не лишняя и могу сказать, что изъ многихъ сотенъ лагерей и поселеній, основанныхъ мною въ Африкѣ, я не устроилъ ни одного безъ зрѣлаго обдумыванія всѣхъ возможныхъ случайностей.

Я собирался покинуть фортъ Бодо не опасаясь ни туземцевъ, ни маньюмовъ, а также нисколько не безпокоился о взаимныхъ отношеніяхъ офицеровъ и гарнизона. Офицеры успѣли научиться языку своихъ подчиненныхъ, изучили ихъ нравы, привычки личныя особенности и характеры; да и люди достаточно узнали теперь своихъ начальниковъ. Притомъ и тѣ и другіе думали что пребываніе ихъ въ фортѣ Бодо не будетъ продолжительно: мѣсяца черезъ два паша обѣщался навѣстить ихъ и они ожидали очень много удовольствія и выгодъ отъ посѣщенія такого внимательнаго и любезнаго гостя; когда же онъ соберется въ обратный путь на Ніанзу, они могутъ уйти вмѣстѣ съ нимъ, а фортъ Бодо оставить на произволъ судьбы.

О томъ, что занзибарцы останутся вѣрны своему долгу, я тоже

нимало не сомнѣвался. Какъ-бы ни притѣсняли ихъ офицеры, какъ-бы ни были несправедливы къ нимъ (я умышленно впадаю въ крайность), занзибарцамъ предстоитъ выбирать между ними и людоѣдами—уамбутти съ одной стороны и жестокими маньюмами съ другой.

За то судьбы колонны арріергарда далеко не внушали мнѣ такого спокойствія и довѣрія. Съ теченіемъ времени мои тревоги только усиливались. Проходили недѣли и мѣсяцы, и я все меньше надѣялся на ихъ безопасность, утомлялъ свой умъ постояннымъ изобрѣтеніемъ различныхъ хитрыхъ теорій и комбинацій, а затѣмъ уничтоженіемъ ихъ, такъ что до смерти усталъ и ради сохраненія собственнаго здоровья старался не думать объ этомъ, и увѣрялъ себя, что маіоръ все еще въ Ямбуйѣ, но только люди его бросили тамъ. Слѣдовательно, надо было скорѣе идти въ Ямбуйю, выбрать изъ нашего багажа все, что намъ подъ силу будетъ нести и спѣшить обратно на Ніанзу.

Въ такихъ предположеніяхъ я составилъ примѣрный разсчетъ времени, потребнаго на наше путешествіе и вмѣстѣ съ инструкціями передалъ его для свѣдѣнія коменданту форта:

Такъ какъ отъ форта Бодо до Ніанзы 125 миль и мы прошли это разстояніе въ 288 часовъ, или въ 74 дня, считая съ остановками.

Такъ какъ отъ Ямбуйи до Угарруэ мы шли 289 часовъ, слѣдовательно, тоже 74 дня.

А лейтенантъ Стэрсъ шелъ отъ Угарруэ до форта Бодо всего 26 дней, и слѣдовательно всего отъ форта Бодо до Ямбуйи 100 дней.

То можно думать, что отсюда въ Ямбуйю и мы пройдемъ 100 дней и столько же на обратный путь. Отъ 16 іюня 1888 г. до 2 января 1889 года—200 дней. Стало быть есть основаніе полагать, что 2-го января мы придемъ въ фортъ Бодо, а 22-го января на озеро Альберта.

Иначе говоря: выступимъ 16 іюня 1888 года.

Изъ форта Бодо до Угарруэ .	іюля	5-го.
Оттуда до Ависсибы	„	25-го.
„ „ Мупэ	августа	14-го.
„ „ Ямбуйи	сентября	3-го.
Остановка на 10 дней . . . до	„	13-го.
Обратно на Мупэ . . . . . „	октября	3-го.
„ „ Водопады Панга . „	„	23-го.
„ „ Форта Бодо . . „	декабря	22-го.
Остановка на 5 дней . . . „	„	27-го.

Отсюда до Альбертъ Ніанзы января 16-го 1889 года.

Въ послѣдній вечеръ моего пребыванія въ фортѣ Бодо, разсуждая

о различныхъ дѣлахъ, ввѣренныхъ его попеченію, Стэрсъ выразилъ такое мнѣніе, что не оттого-ли мы не имѣли до сихъ поръ никакихъ извѣстій изъ Ямбуйи, что пароходъ „Стэнли“ совсѣмъ не приходилъ туда?

— Какое жестокое предположеніе, любезный другъ!—возразилъ я;—нѣтъ, я этого не боюсь и не думаю, потому что я всѣми мѣрами постарался предупредить такую возможность. Надо вамъ знать, что когда 28-го іюня „Стэнли“ отправлялся изъ Ямбуйи, я вручилъ капитану парохода нѣсколько писемъ. Одно было адресовано моему доброму пріятелю, начальнику округа Стэнли-Пуль, лейтенанту Либрехтсу, котораго я просилъ, ради нашей старой дружбы, какъ можно скорѣе прислать пароходъ назадъ въ Ямбуйю, со всѣми нашими тюками и запасными снарядами.

Другое письмо написалъ я своему бывшему секретарю, мистеру Суинберну, честнѣйшему человѣку; его я просилъ, въ случаѣ если со „Стэнли“ что нибудь случится такое, что ему нельзя будетъ плыть въ Ямбуйю, замѣнить его „Флоридой“, которая принадлежитъ торговымъ людямъ, и слѣдовательно если уплатить имъ за фрахтъ чистыми деньгами (а это я гарантирую), для нихъ это будетъ не менѣе выгодно, чѣмъ торговля слоновой костью.

Третье мое письмо было къ Антуану Грешофу, въ Стэнли-Пулѣ, агенту голландскаго торговаго дома въ Бананѣ; я писалъ ему, что буде пароходы «Стэнли» и «Флорида» окажутся непригодными къ плаванію, онъ самъ можетъ получить отъ меня чистыми деньгами большую выгоду, если возьмется доставить въ Ямбуйю всѣ наши товары изъ Стэнли-Пуля и еще 128 человѣкъ изъ Болобо. Чтобы онъ ни запросилъ за эту доставку (конечно, въ предѣлахъ благоразумія), я ручаюсь за немедленную уплату сполна всей стоимости.

Четвертое письмо, адресованное уполномоченному нами офицеру въ Стэнли-Пулѣ, мистеру Джону-Розъ-Трупъ, гласило, что въ случаѣ, если не будетъ ни «Стэнли», ни «Флориды», ни судовъ г. Грешофа, я прошу его употребить всѣ усилія и старанія набрать немедленно и во что бы то ни стало достаточное количество лодокъ и челноковъ и снестись съ находящимися въ Болобо гг. Уардомъ и Бонни. Мистеру Бонни отдѣльно было написано въ Болобо, чтобы онъ сдѣлалъ то же самое въ Уянзи, снарядилъ бы эти суда помощью занзибарцевъ и туземцевъ и поочередно перевезъ бы все наше имущество въ укрѣпленный лагерь въ Ямбуйѣ. Послѣднее врядъ ли пришлось бы исполнить, такъ какъ невѣроятно, чтобы съ 28 іюня 1887 года до 16 іюня 1888 г.—почти въ цѣлый годъ ни «Стэнли», ни «Флорида», ни пароходъ г. Грешофа не могли быть предоставлены въ нашу пользу.

Кромѣ того, вспомните, что шкиперу и машинисту на пароходѣ „Стэнли" обѣщано было по 50 фунтовъ (500 рублей) награды, въ случаѣ, если они приведутъ пароходъ во время. Такая сумма не шутка для бѣднаго человѣка и я убѣжденъ, что если только начальство не помѣшало имъ выполнить это обязательство, они благополучно доставили въ Ямбуйю и вещи и людей.

— Такъ вы полагаете, что такъ или иначе въ промедленіи виноватъ все-таки маіоръ Бартлотъ?

— Да, онъ и Типпу-Тибъ, который, конечно, нарушилъ контрактъ; въ этомъ-то я не сомнѣваюсь. Вѣдь если бы онъ далъ 600 носильщиковъ, или хоть половину этого числа присоединилъ бы къ нашимъ занзибарцамъ, мы давно бы получили отъ нихъ извѣстія, въ Ипото-ли, когда вы туда ходили за вельботомъ, или позднѣе, когда вы были въ ставкѣ Угарруэ 16-го марта этого года. Наши письма отъ 18-го сентября 1887 года, писанныя на восемьдесятъ первый день послѣ выступленія изъ Ямбуйи, и которыя арабы обѣщали послать туда немедленно, эти-то письма должны бы вызвать Бартлота на отвѣтъ, если бы онъ успѣлъ покинуть Ямбуйю. Наконецъ, носильщики, все народъ отборный, хорошо вооруженный и вполнѣ знающій дорогу, словомъ тѣ носильщики, которыхъ вы сами повели 16-го февраля, проводили до ставки Угарруэ и сами видѣли какъ они 16-го марта благополучно переправились на тотъ берегъ противъ ставки,— неужели они не успѣли бы опять воротиться сюда, если бы колонна арріергарда хоть на нѣсколько недѣль отошла изъ Ямбуйи? Оттого я и думаю, что такъ или иначе, а маіоръ Бартлотъ самъ виноватъ въ этомъ промедленіи.

— Однако, я убѣжденъ, что хотя вы и считаете маіора недобросовѣстнымъ, но...

— Недобросовѣстнымъ! Съ чего вы это взяли? Это нехорошее слово и я надѣюсь, что оно непримѣнимо ни къ одному изъ членовъ нашей экспедиціи. Недобросовѣстнымъ... Но въ чемъ же, и относительно кого?

— Ну, скажемъ лучше беззаботнымъ, нерадивымъ, не довольно настойчивымъ; а я увѣренъ, что онъ сдѣлалъ все, что могъ.

— Безъ сомнѣнія и онъ также думаетъ; но, какъ я писалъ ему отъ 18-го сентября, въ томъ письмѣ, которое взялся доставить Угарруэ, я опасаюсь его вспыльчивости, неопытности, а не того, что онъ нерадивъ или недобросовѣстенъ. Я боюсь, что онъ былъ неосмотрителенъ въ назначеніи наказаній людямъ, а это могло возымѣть такое дѣйствіе, что они воспользовались близостью Стэнлеевыхъ Пороговъ и арабскихъ поселеній и бѣжали отъ него туда. Если наши

письма не попали къ нему, тогда наше долгое отсутствіе (почти годъ вѣдь какъ мы разстались, а когда я дойду до Ямбуйи, то будетъ уже четырнадцать мѣсяцевъ)—наше долгое отсутствіе подастъ поводъ ко всевозможнымъ слухамъ и пересудамъ. Когда изъ Болобо пришли къ нему занзибарцы, у него собралось больше двухсотъ носильщиковъ. Предположимъ, что люди и товары доставлены ему во-время, что онъ убѣдился въ вѣроломствѣ Типпу-Тиба, и началъ выступленіе какъ обѣщалъ,—въ двѣнадцать мѣсяцевъ онъ бы могъ дойдти хоть до водопадовъ Панга; но если тяжелый походъ испугалъ его, а онъ, въ свою очередь, распугалъ носильщиковъ, то въ настоящую минуту его караванъ находится еще гораздо ниже водопадовъ Панга,—гдѣ нибудь около Осиныхъ пороговъ, въ Мупэ, въ Баналіи, или еще у пороговъ Гуенгуерэ; осталась при немъ сотня носильщиковъ, да суданскіе солдаты, и онъ, подавленный своею задачей, по неволѣ застрялъ гдѣ нибудь, сидитъ и ждетъ. Я ужъ пробовалъ придумывать всякія комбинаціи, и только на этой могъ остановиться съ увѣренностью.

— Такъ вы думаете, у него осталась всего сотня носильщиковъ? Не мало-ли вы кладете?

— Что за мало! Я считаю, что онъ растерялъ столько же какъ и мы,—около 50 процентовъ. Наша потеря немного меньше; у насъ первоначально было 389 человѣкъ, и 203 еще осталось въ живыхъ: четверо на Ніанзѣ, 60 въ фортѣ, 119 пойдутъ со мной, да 20 гонцовъ мы послали.

— Да, но арріергардъ не голодалъ такъ какъ мы.

— За то у нихъ не было и того приволья, какимъ мы пользовались въ послѣдніе семь мѣсяцевъ; а потому я полагаю, что наши шансы равны. Впрочемъ, что пользы толковать объ этомъ!

И такъ, я потерпѣлъ неудачу въ томъ смыслѣ, что первоначальный мой планъ не удался: паша не посѣщалъ южныхъ береговъ озера, какъ я просилъ его о томъ въ письмѣ, посланномъ изъ Занзибара. Отъ этого мы потеряли цѣлыхъ четыре мѣсяца и во все время о Бартлотѣ не было ни слуху, ни духу. Люди умирали десятками и какъ ни обернись, впереди хорошаго ожидать нечего. Проклятіе тяготѣетъ надъ этимъ лѣсомъ, въ немъ есть что-то роковое: стóитъ только углубиться въ эту дремучую чащу, и ужъ чувствуешь на себѣ гнѣвъ Божій. Въ оправданіе всѣхъ ошибокъ, въ которыхъ мы провинились, можно сказать только одно: побужденія наши были чисты, и нами руководила не корысть и не себялюбіе. Пусть-же и искупленіе наше будетъ также чисто и угодно Богу: оно будетъ состоять въ исполненіи нашего долга до конца. Будемъ терпѣливо переносить,

что Богъ пошлетъ, не думая о послѣдствіяхъ. На каждый день будетъ довольно работы, что еще задумываться о завтрашнемъ? Дайте мнѣ уйти съ увѣренностью, что въ мое отсутствіе всѣ вы будете исполнять свои обязанности и мнѣ нечего еще о васъ печалиться. Если паша и Джефсонъ придутъ съ носильщиками, то и для меня, и для васъ, и для нихъ лучше, чтобы вы ушли съ ними; если же они не придутъ, то дожидайтесь меня здѣсь. Дайте мнѣ сроку подольше, напримѣръ до 22-го декабря, или еще немного больше; если же я и къ тому времени не ворочусь, потолкуйте съ товарищами, посовѣтуйтесь и съ подчиненными, рѣшите какъ лучше, такъ и сдѣлайте. А мы пойдемъ все впередъ, вплоть до того мѣста, гдѣ отыщется Бартлотъ, даже до самой Ямбуйи, но не дальше,—хотя бы оказалось, что онъ все и всѣхъ увелъ съ собою внизъ по Конго. Если онъ изъ Ямбуйи ушелъ на юго-востокъ, вмѣсто востока, я пойду за нимъ, догоню его, и оттуда постараюсь какъ можно прямѣе взять лѣсомъ на фортъ Бодо. Можете считать, что такъ все и случилось, если я не приду обратно въ декабрѣ, и вообще, мало ли что можетъ случиться и задержать меня, но вы все-таки пожалуйста не воображайте, чтобы я съ вами разстался на вѣки.

Вотъ копія съ письменной инструкціи, оставленной мною лейтенанту Стэрсу:

«Фортъ Бодо, въ Центральной Африкѣ,
13-го іюля 1888 г.

Сэръ! На время моего отсутствія съ экспедиціею, предпринятою съ цѣлью выручить маіора Бартлота и арріергардъ, назначаю васъ комендантомъ форта Бодо. Оставляю вамъ гарнизонъ изъ 60 человѣкъ (со включеніемъ хворыхъ). Хотя люди не таковы, какъ бы слѣдовало желать для обороны крѣпости въ опасной странѣ, но каждый изъ нихъ умѣетъ и можетъ стрѣлять, ружей у васъ довольно и снарядовъ вдоволь. Но главная моя надежда на коменданта. Если начальство будетъ дѣятельно и внимательно, укрѣпленію не грозитъ никакая опасность, потому что туземцы не въ силахъ вытѣснить гарнизонъ изъ его убѣжища. Нечего и говорить, что на васъ я вполнѣ полагаюсь.

Касательно улучшеній и передѣлокъ въ фортѣ, о которыхъ я уже говорилъ вамъ лично, совѣтую выбрать между людьми человѣкъ двадцать или тридцать изъ тѣхъ, которые наиболѣе порядочны и опрятны и поселить ихъ въ зданіяхъ внутри форта, который вскорѣ будетъ нѣсколько обширнѣе теперешняго, и держать до тѣхъ поръ, пока эти помѣщенія не понадобятся для другихъ. Это будетъ умѣстно по слѣдующимъ причинамъ:

1) вы не можете быть отрѣзаны отъ гарнизона смѣлымъ нападеніемъ дикарей;

2) внутри форта постоянно будетъ около одной трети гарнизона, готовой дѣйствовать моментально по вашему приказу;

3) будучи заняты людьми, зданія въ фортѣ будутъ содержаться сухими и удобными къ обитанію во всякое время.

О *зернѣ*. Начинайте сажать кукурузу съ 15-го іюля. Съ 1-го іюля слѣдуетъ заняться расчисткою и перекапываніемъ земли.

О *бананахъ*. Насчетъ банановъ я сильно озабоченъ. Дважды въ недѣлю высылайте сильный отрядъ для обхода плантацій, чтобы пугать туземцевъ, а также и слоновъ. Чтобы отгонять послѣднихъ, достаточно, я думаю, мѣстахъ въ шести разводить костры.

При патрулѣ всегда слѣдуетъ посылать одного изъ офицеровъ, чтобы навѣрное знать въ какомъ положеніи дѣла; и если онъ донесетъ, что банановъ становится мало, начинайте раздавать ихъ опредѣленными порціями, и во всякомъ случаѣ посылайте собирать плоды съ самыхъ отдаленныхъ частей плантацій, ближайшія-же къ форту части оставляйте дозрѣвать на корню до полной спѣлости. Также и вдоль дорогъ, пусть и плоды, и кукуруза у васъ дозрѣваютъ вполнѣ.

Назначаю вамъ въ помощники (вторымъ офицеромъ) капитана Нельсона, который долженъ замѣнять васъ въ случаѣ болѣзни или отсутствія. Доктора Т. Г. Пэрка оставляю при гарнизонѣ врачемъ, поручая его попеченію больныхъ.

Въ точности, конечно, невозможно назначить времени нашего возвращенія; мы сами не имѣемъ понятія о томъ, гдѣ встрѣтимся съ колонною арріергарда; но постараемся обернуться какъ можно скорѣе Если маіоръ все еще не выступалъ изъ Ямбуйи можете ожидать насъ въ декабрѣ.

Ожидаю, что мѣсяца черезъ два сюда придутъ Эминъ-паша и мистеръ Джефсонъ; вѣроятно около половины августа они будутъ здѣсь.

Если мистеръ Джефсонъ приведетъ съ собою достаточное количество носильщиковъ, рекомендую вамъ очистить фортъ: возьмите съ собою весь гарнизонъ, идите вмѣстѣ съ Джефсономъ къ Ніанзѣ, и предоставьте себя и людей въ распоряженіе Эмина-паши до моего возвращенія.

Когда я пойду на востокъ, я намѣренъ отъ Нэпоко направиться къ сѣверо-востоку и пройти прямо на переправу черезъ Итури. Поэтому, для того, чтобы мнѣ знать ушли-ли вы изъ форта, помните что передъ переправой черезъ Итури, на правомъ берегу этой рѣки, есть чрезвычайно большія деревья, на которыхъ прошу васъ сдѣлать помѣтки (нѣсколько широкихъ стрѣлъ), что и будетъ означать, что

вы уже прошли. Не лишнее бы также вырѣзать на древесныхъ стволахъ, поблизости отъ мѣста переправы, число и мѣсяцъ вашего прохожденія. Это избавило бы меня отъ безпокойства о васъ и отъ потери времени.

Такъ какъ наши 20 гонцовъ ушли 16-го февраля, то 16-го іюня минетъ четыре мѣсяца съ ихъ ухода. Если Джефсонъ придетъ, положимъ, через два мѣсяца, это будетъ уже шесть мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ мы отправили курьеровъ изъ форта Бодо; слѣдовательно, на ихъ счетъ не останется больше никакихъ сомнѣній.

Желаю вамъ и вашимъ сотрудникамъ добраго здоровья и благополучнаго похода на Ніанзу. Мы съ своей стороны приложимъ всѣ старанія къ тому, чтобы исполнить свою задачу въ возможной скорости.

Преданный вамъ
Генри М. Стэнли,
Командующій Э. В. Э. П.

Лейтенанту У. Д. Стэрсу,
Коменданту форта Бодо».

Глава XIX.

ПРИБЫТІЕ ВЪ БАНАЛІЮ: СМЕРТЬ БАРТЛОТА.

Вспомогательная экспедиція.—Затрудненія пути.—Приходимъ въ Ипото.—Килонга-Лонга извиняется за своихъ маньюмовъ.—Старшина возвращаетъ нѣкоторыя изъ нашихъ ружей.—Докторъ Пэркъ съ четырнадцатью человѣками возвращается въ фортъ Бодо.—Переправа черезъ Итури.—Слѣды нашихъ прежнихъ стоянокъ.—Выкапываемъ свои зарытые запасы.—Провожатые маньюмы.—Мостъ черезъ рѣку Ленду.—Мади голодаютъ.—Приключенія и смертные случаи съ занзибарцами и мади.—Моя собачка Ренди.—Громадныя расчистки Уджангуа.—Беремъ въ провожатые туземныхъ женщинъ.—Приходимъ къ ставкѣ Угарруэ,—она опустѣла.—Находимъ пропитаніе у водопадовъ Амири.—Водопады Невеби.—Остановка у пристани Авембури.—Смерть мадійскаго старшины.—Близь Басопо наши зарытые запасы вырыты и украдены, Джума и Нессибъ отлучаются отъ колонны.—Бѣдствія похода въ лѣсу.—Разговоръ моего прислужника Сали съ однимъ изъ занзибарцевъ.—Летучія мыши въ селеніи Мабенгу.—Приходимъ въ Ависибу и находимъ занзибарскую дѣвочку.—Быстрины Неджамби и водопадъ Панга.—Туземцы.—Въ Мугуэ мы мѣшаемъ туземцамъ попировать.—Нагоняемъ Угарруэ у Осиныхъ пороговъ и находимъ у него въ лагерѣ нашихъ гонцовъ и нѣкоторыхъ бѣглыхъ.—Главный старшинъ разсказываетъ трагическую повѣсть.—Забавное письмо доктора Пэрка къ маіору Бартлоту.—Идемъ внизъ по рѣкѣ въ челнокахъ.—Жители Батунды.—Сколько мы прошли отъ Ніанзы.—Размышленія о судьбахъ арріергарда.—Пустынные берега рѣки.—Прибытіе въ Баналію.—Встрѣча съ Бонни.—Маіоръ умеръ.—Лагерь въ Баналіи.

Рано утромъ 16-го іюня мы весело вышли изъ форта Бодо къ Ямбуйѣ, напутствуемые громкими криками гарнизона и наилучшими пожеланіями офицеровъ. У меня было съ собою 113 занзибарцевъ, 95 носильщиковъ мади, четверо солдатъ Эмина-паши и двое бѣлыхъ,—помимо доктора Пэрка и его отряда изъ четырнадцати человѣкъ, которые сопровождали насъ только до Ипото. Къ вечеру 17-го числа пришли въ Индекару, подъ проливнымъ дождемъ. На слѣдующій день дневали, чтобы собрать побольше фиговыхъ банановъ. 19-го стояли лагеремъ въ Ндугу-бишѣ, 20-го въ Нзалли. Къ этому времени начались уже затрудненія лѣснаго похода. Крики передоваго отряда на-

помнили намъ, на наше горе, все то, что въ теченіи семи мѣсяцевъ мы успѣли уже почти перезабыть.

— Красные муравьи поперекъ дороги! На пенекъ не наткнись, эй! Колья! Направо яма! Налѣво канава! Колючки, колючки, берегись колючекъ! Вонъ муравьи, смотри!—Ползучій стебель, руби!—Крапива жжется, крапива!—Яма! Скользко, скользко внизу! Не залѣзай въ тину! Коренья!—Красные муравьи! Муравьи идутъ! На муравьевъ не наступать! Колода! Колья натыканы!—И такъ далѣе, отъ лагеря до лагеря.

Большая часть деревень по дорогѣ еще уцѣлѣла, но онѣ стояли пустыя: жилища покривились и упали, столбы подгнили, подставки повалились, полы внутри покрылись плѣсенью, въ углубленіяхъ стояла грязь, по стѣнамъ росли грибы и повсюду проступали кристаллы селитры. На крышахъ появились ползучія растенія, крапива, дикая тыква,—словомъ это были настоящія гнѣзда лихорадки; но тѣмъ не менѣе нужда загоняла насъ туда, во-первыхъ потому, что мы страшно уставали, а во-вторыхъ, надо-же было куда нибудь укрыться отъ бури съ проливнымъ дождемъ.

21-го пришли въ Мамбунгу, а на другой день стали лагеремъ на краю расчистки Бусинди. Послѣ сорока семи часовъ ходьбы изъ форта Бодо, мы вступили въ арабское поселеніе Ипото, то самое, гдѣ наши люди такъ страшно голодали и ради пропитанія причинили мнѣ такую значительную потерю ружей и боевыхъ снарядовъ. Но съ тѣхъ поръ они физически такъ поправились, и бросали такіе яростные и презрительные взгляды на своихъ мучителей, что Килонга-Лонга вѣроятно испугался отместки и вечеромъ пришелъ со своими старшинами ко мнѣ; онъ ужасно извинялся передо мною за своихъ маньюмовъ, дѣйствовавшихъ будто бы безъ его вѣдома и во время его отсутствія, самъ ужасался учиненныхъ ими преступленій и предлагалъ загладить ихъ, на сколько это въ его власти. Принесли и разложили передо мной девятнадцать нашихъ ружей, тогда какъ я зналъ, что у нихъ ихъ цѣлыхъ тридцать. Изъ нихъ шесть мною самимъ было оставлено имъ въ обезпеченіе уплаты, два подарены отъ моего имени лейтенантомъ Стэрсомъ, одно продано капитаномъ Нельсономъ, десять куплены у занзибарцевъ, да еще одиннадцати такихъ же не доставало. Но изъ трехъ тысячъ патроновъ и двухъ цѣлыхъ ящиковъ, которые эти безсовѣстные грабители выманили у голодавшихъ занзибарцевъ, только пятьдесятъ патроновъ было мнѣ возвращено. Какъ ни боялись насъ маньюмы и какъ ни легко было на этотъ разъ съ пятидесятью ружьями взять селеніе и разгромить его (большая часть людей Килонга-Лонга въ то время разбрелась на разбой), но часъ расплаты

еще не наступилъ. Намъ предстояло дѣло поважнѣе разрушенія Ипото, и притомъ нашъ небольшой гарнизонъ въ фортѣ Бодо былъ не настолько ужъ обезпеченъ отъ вторженія, чтобы я рѣшился рисковать этимъ: нѣсколько сотенъ людей, доведенныхъ до отчаянія понесенными убытками, могли бы повести противъ него правильную осаду, или просто ночью взять приступомъ.

По этому мы рѣшились подождать съ расправой, милостиво приняли въ даръ козъ и рису, и свои собственныя ружья, а занзибарцамъ позволили вымѣнять все, что у нихъ было слоновой кости на сто пековъ рису (около сорока пудовъ), что̀ было для нихъ чрезвычайно кстати.

На другой день старшина представилъ еще два ружья, но такъ какъ всѣ мои люди были и такъ отлично вооружены, я велѣлъ старшинѣ держать эти ружья, равно какъ и тѣ шесть, что прежде были ему оставлены, въ залогъ того, что мы уплатимъ девяносто кусковъ сукна, обѣщаннаго имъ за скудное и скаредное пропитаніе Нельсона и Пэрка, когда они были невольными гостями этой злостной общины.

Послѣ полудня докторъ Пэркъ со своимъ отрядомъ изъ 14 человѣкъ выступили въ обратный путь къ форту Бодо, захвативъ съ собою тринадцать вьюковъ и мои послѣднія инструкціи.

25-го іюня мы вышли изъ Ипото съ проводникомъ и конвоемъ изъ пятнадцати маньюмовъ, которыхъ почтительно приставили къ намъ съ тѣмъ, чтобы они непремѣнно доставили насъ до слѣдующаго арабскаго поселенія, то есть до одного изъ крайнихъ поселковъ Угарруэ. Мы пришли къ рѣкѣ Итури и намъ тотчасъ дали челнокъ, въ которомъ могло помѣщаться девять человѣкъ. Въ 3 часа началась переправа, но такъ какъ каждая поѣздка на лѣвый берегъ и обратно занимала среднимъ числомъ двадцать три минуты, то и половины мы не успѣли перевезти засвѣтло.

На другой день съ разсвѣтомъ мы возобновили переправу, которая продолжалась до двухъ часовъ. Перевезли всѣхъ, исключая маньюмовъ, которые до такой степени боялись нашего мщенія, что не рѣшились выполнить возложенное на нихъ порученіе.

Мы находились теперь въ той самой дикой глуши, гдѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года экспедиція боролась съ голодною смертью. Мы ни за что не хотѣли бы снова посѣтить эти страшныя мѣста, если бы не сладкая надежда, что вскорѣ гдѣ нибудь тутъ, на старой дорогѣ, мы встрѣтимъ своихъ гонцовъ, могущихъ подарить насъ радостною вѣстью о маіорѣ и объ арріергардѣ. Въ увѣренности, что, не заставъ ихъ въ Ипото, мы можемъ встрѣтиться съ ними именно тутъ, потому что другихъ дорогъ они не знаютъ,—мы бодро шли отъ мѣста пере-

правы и черезъ три четверти часа достигли лагеря, откуда 14-го октября перешли на сѣверный берегъ. Слѣды наши тутъ были еще очень свѣжи: на ободранныхъ древесныхъ стволахъ чернѣли начертанныя углемъ стрѣлы, и еще можно было различить написанное карандашемъ обращеніе къ старшинѣ Камису Парри.

28-го числа въ 1 ч. 15 мин. пополудни мы пришли къ Нельсонову лагерю, напротивъ сліянія рѣки Ихуру съ Итури; тутъ въ октябрѣ прошлаго года у насъ перемерло много народу; тутъ бѣдный Нельсонъ, съ больными ногами, ждалъ много дней помощи и спасенія, и тутъ его нашелъ другъ и товарищъ Моунтеней Джефсонъ, ужаснувшійся при видѣ того отчаяннаго изнуренія, въ которое онъ впалъ, благодаря голоду, безпомощности и постоянному созерцанію умиравшихъ вокругъ него товарищей. Мы совершили этотъ переходъ въ двадцать часовъ, или въ четыре дня, считая съ задержкой изъ-за продолжительной переправы черезъ рѣку; а въ октябрѣ, не взирая на сверхъестественныя усилія, тотъ же переходъ взялъ у насъ тридцать девять часовъ ходу, а всего тринадцать дней, считая съ остановкою! И все это единственно по милости нашихъ пустыхъ желудковъ.

Мы застали свой потаенный подвалъ нетронутымъ, хоть и очень сомнѣвались на его счетъ. Разрывъ песокъ, которымъ Джефсонъ тогда засыпалъ лишнюю кладь, мы нашли боевые снаряды, фабрики Киноха въ Бирмингэмѣ, почти совершенно годными къ употребленію, даромъ что они восемь мѣсяцевъ пролежали въ землѣ, подвергаясь вѣчной сырости тропическаго лѣса и проливнымъ тропическимъ дождямъ. Среднимъ числомъ около восьмидесяти патроновъ изъ сотни вполнѣ сохранились, такъ что ни жестяныя коробки ихъ, ни мѣдные колпачки нисколько не утратили своего блеска. Роздавъ одну тысячу патроновъ людямъ для пополненія ихъ сумокъ и выбравъ изъ склада нѣсколько другихъ полезныхъ предметовъ, мы сдѣлали изъ нихъ еще восемь вьюковъ, а все остальное снова зарыли и поспѣшили убраться изъ этого зловѣщаго мѣста, рѣшившись стать лагеремъ подальше.

Придя на мѣсто ночлега, мы узнали, что четыре носильщика мадц бѣжали, унеся съ собою сумки своихъ товарищей занзибарцевъ. Если бы они знали, какъ мы, что значитъ странствовать по этимъ дебрямъ наугадъ, они предпочли бы просто утопиться въ пѣнистой рѣкѣ, вмѣсто того, чтобы истомиться голодной смертью въ лѣсу.

На закатѣ солнца мы съ удивленіемъ увидѣли снова нашихъ конвойныхъ маньюмовъ: они прибѣжали къ Килонга-Лонга, но этотъ

господинъ строго приказалъ имъ догнать насъ и не отставать до тѣхъ поръ, пока я не дамъ имъ записку, что они въ точности исполнили возложенное на нихъ порученіе.

29-го іюня мы покинули береговую тропинку и направились прямикомъ черезъ лѣсъ, надѣясь выйти на дорогу, по которой мистеръ Стэрсъ шелъ изъ ставки Угарруэ. Такъ какъ въ то время старшина Решидъ бенъ Омаръ былъ съ нимъ, мы понадѣялись—да и самъ онъ увѣрялъ—что онъ узнаетъ эту дорогу, лишь бы его провели до нея. 29-го и 30-го числа мы неуклонно шли на юго-западъ, миновали нѣсколько туземныхъ тропинокъ, но такъ какъ Решидъ ни одну изъ нихъ не призналъ, шли дальше. Рано утромъ 1-го іюля очутились въ бассейнѣ рѣки Ленды и такъ какъ Решидъ самъ заявилъ, что должно быть пропустилъ поворотъ, мы пошли опять цѣлиной на западъ, по компасу.

Въ полдень 2-го іюля пришли къ рѣкѣ Лендѣ, которая вообще течетъ (какъ мы замѣчали вечеромъ 2-го іюля и до полудня 3-го) на сѣверо-сѣверо-западъ. Дойдя до одного узкаго мѣста, гдѣ Ленда бѣшено крутитъ свои волны между высокими берегами, отстоящими другъ отъ друга не болѣе какъ на 12 саженъ, мы разсудили, что намъ выгоднѣе будетъ тутъ перебросить черезъ нее мостъ и на авось искать на томъ берегу дорогу къ ставкѣ Угарруэ, чѣмъ идти еще Богъ знаетъ сколько времени правымъ берегомъ и пожалуй совсѣмъ не найти переправы. Мы выбрали три высокихъ дерева, вышиной въ 115, 110 и 108 футовъ, перекинули ихъ черезъ рѣку, укрѣпили деревянными развилками, потомъ на подставкахъ устроили перила, за которыя могли бы держаться нагруженные носильщики, и мостъ вышелъ хоть куда. Рано утромъ 5-го числа онъ былъ готовъ и къ десяти часамъ утра весь караванъ благополучно перешелъ на лѣвый берегъ.

Носильщики мади, нарочно разбросавшіе по дорогѣ свой провіантъ (кукурузу), чтобы не тащить лишней тяжести, теперь начали ощущать послѣдствія своей расточительности. У насъ было заведено, что по лагерю всякій день ходилъ глашатый и доводилъ до общаго свѣдѣнія на сколько дней еще должно распредѣлять наличную провизію, но невѣжественные дикари были на столько тупы, что и не подумали пользоваться этими указаніями, и потому въ караванѣ было уже человѣкъ двѣнадцать, которые спотыкались на каждомъ шагу и еле шли. У насъ и такъ уже семерыхъ недоставало,—изъ нихъ четверо бѣжали.

Мы продолжали лѣвымъ берегомъ идти на западъ и видѣли нѣсколько перекрестныхъ тропинокъ, которыя вели то къ юго-востоку, то къ сѣверо-западу, но не встрѣтили ни одной для насъ годной.

6-го вышли на просѣку, гдѣ была небольшая, но очень плодовитая плантація банановъ. Голодные мади какъ хищные волки накинулись на ѣду и быстро уничтожили всѣ плоды, но трое изъ нихъ напороли себѣ ноги объ острые колья, коварно натыканные въ землю.

Подъ проливнымъ дождемъ скитались мы весь день 7-го іюля и остановились на ночлегъ среди нетронутой лѣсной трущобы. На другой день шли часъ до деревни Балія, а черезъ пять часовъ стали лагеремъ въ селеніи Бандейя.

Этотъ день прошелъ особенно тревожно и несчастно. По выходѣ изъ деревни Балія насъ окатило холоднымъ дождемъ и три обнаженныхъ мади одинъ за другимъ упали на дорогѣ мертвыми. Когда начался дождь, я сдѣлалъ привалъ и разостлавъ около полутораста квадратныхъ футовъ брезента пригласилъ весь караванъ забираться подъ него. Кончился дождь, мы опять скатали холстъ и пошли дальше, но съ деревьевъ на насъ еще капала холодная сырость. Занзибарцы успѣли ко всему такому привыкнуть, да и санитарное ихъ состояніе гораздо лучше; но эти несчастные мади, подавленные вьюками, упавшіе духомъ, повалились точно будто ихъ подстрѣлили. Одинъ солдатъ Эмина-паши, изъ Ладо, и одинъ изъ занзибарцевъ наступили на заостренныя палочки и такъ страдали отъ этихъ ранъ, что мы были вынуждены тащить ихъ на рукахъ. Подходя къ Бандейѣ еще одинъ мади упалъ и умеръ отъ истощенія, а одного изъ занзибарцевъ подстрѣлилъ изъ лука отважный и ловкій карликъ; стрѣла засѣла между ребрами, но къ счастію не повредила внутренностей. Когда мы пришли въ деревню, поваръ мой Гассанъ какъ-то неловко потянулъ свое ружье и оно выстрѣливъ оторвало ему часть мускуловъ лѣвой руки. Наконецъ около полуночи молодой занзибарецъ Амари, раздувая сторожевой костеръ, внезапно былъ раненъ въ голову пулей изъ ремингтоновскаго патрона, который кто-то уронилъ нечаянно, около самого костра.

На другой день встрѣтили туземныхъ женщинъ, которыя сказали, что знаютъ дорогу къ Угарруэ и взялись насъ проводить. Это былъ скучнѣйшій переходъ черезъ громадныя расчистки, уже заброшенныя дикарями. Не запомню другого перехода несноснѣе этого. Съ каждымъ шагомъ приходилось принимать самыя странныя, натянутыя позы: то лѣпишься по скользкому бревну, рискуя съ него свалиться въ ровъ, наполненный колючими вѣтвями, острые концы которыхъ торчатъ во всѣ стороны и угрожаютъ посадить на колъ несчастныхъ, кому-бы случилось туда упасть, то балансируешь по шесту, перекинутому поперекъ быстраго ручья; то погружаешься въ густѣйшую чащу пол-

зучихъ и лазящихъ растеній, которыя того и гляди совсѣмъ задушатъ; то попадаешь въ жидкую тину подернутаго зеленою плѣсенью болота, поверхъ котораго плаваютъ чужеядныя растенія, то опять въ лабиринтъ наваленныхъ въ безпорядкѣ гигантскихъ бревенъ, остатковъ стараго лѣса; наконецъ только къ полудню мы выбрались изъ этой трущобы, называемой расчисткою Удфангуа. Потъ лилъ съ насъ градомъ. На опушкѣ дѣвственнагс лѣса мы стали лагеремъ и послали людей собирать бананы и приготовлять изъ нихъ провіантъ на остающіеся дни странствія по голоднымъ мѣстамъ.

Измѣрялъ высоту солнца и опредѣлилъ наше положеніе: подъ 1° 0′ 16″ сѣверной широты.

10-го числа мнѣ показалось, что если мы будемъ идти все тѣмъ же путемъ, то придемъ къ мѣсту неподалеку отъ нашей лагерной стоянки 8-го іюля. Но занзибарцы такъ твердо вѣрили въ то, что туземцы лучше нашего знаютъ свои мѣста, что мнѣ надоѣло спорить и я въ припадкѣ скуки уступилъ. И точно, утромъ 11-го числа мы пришли къ небольшой просѣкѣ и деревнѣ, изъ которой ушли утромъ 8-го іюля. Такимъ образомъ мы все кружили на одномъ мѣстѣ и люди до того разозлились, что просили позволенія тотчасъ же убить женщинъ-проводницъ. Бѣдняжки! Онѣ слѣдовали только своему инстинкту и не онѣ виноваты, а мы, что вообразили будто дикарка можетъ повести насъ въ сторону, противоположную ея собственному жилищу. Если бы мы продолжали полагаться на ихъ знанія, онѣ бы до тѣхъ поръ кружились съ нами по своимъ просѣкамъ, покуда не упали бы мертвыя на своей землѣ. Мы отослали проводницъ домой и съ компасомъ въ рукахъ я повелъ людей къ сѣверо-западу, въ надеждѣ попасть на настоящую дорогу. Мы шли такимъ образомъ весь день 11-го іюля и на другой день раннимъ утромъ дѣйствительно вышли на тропинку, шедшую съ востока на сѣверъ.

13-го іюля въ 9 часовъ утра достигли своего стараго лагеря на берегу Итури, напротивъ ставки Угарруэ: но глядя на селеніе съ противуположнаго берега, мы ясно видѣли, что оно совершенно опустѣло и заброшено. Поэтому не было никакой надежды получить здѣсь свѣдѣнія о нашихъ пропавшихъ гонцахъ или о маіорѣ и его людяхъ. Мы продолжали путь берегомъ рѣки, гдѣ каждая особенность, каждый мелкій притокъ, каждый извивъ были намъ такъ хорошо знакомы по прежнему походу и лагернымъ стоянкамъ.

На другой день провіанту больше не было, мади умирали на дорогѣ по два и по три въ день. Такъ пришли къ водопадамъ Амири. Какъ только устроили лагерь, бросились искать съѣстного. Въ ближайшихъ окрестностяхъ совсѣмъ ничего не нашли, потому что пе-

редъ нами тутъ же прошелъ Угарруэ съ шестью сотнями своихъ людей и конечно они поѣли все что было, и даже имъ очевидно было слишкомъ мало этого, судя по множеству человѣческихъ скелетовъ, видѣнныхъ нами на его старомъ становищѣ. Но дальнія разстоянія не пугали нашихъ молодцовъ, побывавшихъ на Ніанзѣ: они выбрали тропинку, прилегавшую къ югу, шли по ней нѣсколько часовъ и таки напали на холмъ, у подошвы котораго разведена была обширная и великолѣпная плантація банановъ. Позднею ночью они воротились съ этою доброю вѣстью и натащили съ собою образцовъ громадныхъ плодовъ: глядя на нихъ жадными глязами, мы съ восторгомъ мечтали о предстоящемъ пиршествѣ, главнымъ элементомъ котораго должны были служить ароматные плоды.

Въ такое голодное время, имѣя въ виду сосѣдство такой изобильной поживы, нечего и говорить, что мы рѣшились тутъ дневать. Съ ранняго утра въ лагерѣ остались только часовые да хворые, все остальное населеніе лагеря отправилось за фуражемъ. Къ вечеру все воротились нагруженные добычей: иные вдвоемъ несли гигантскіе гроздья банановъ, напомнивъ мнѣ старинную гравюру, изображающую Калеба и Іисуса Навина, несущихъ виноградъ Эшкольской долины. Болѣе догадливые впрочемъ тащили еще большіе запасы провизіи, позаботившись на мѣстѣ очистить и нарѣзать плоды ломтями, чтобы не перетаскивать лишнихъ стеблей и шелухи, а прямо готовить матеріалъ для просушки. Покуда они ходили за бананами, слабосильные, остававшіеся въ лагерѣ, заготовили деревянныя рѣшетки и собрали топлива, чтобы всю ночь сушить банановую мякоть надъ огнемъ. Сушеная мякоть употребляется для изготовленія лепешекъ и очень вкусной каши, густой или жиденькой. Самые лучшіе экземпляры мы отобрали, чтобы дать имъ дозрѣть и послѣ приготовлять изъ нихъ сладкій пуддингъ, или нѣчто въ родѣ сладкаго соуса къ кашѣ.

16-го іюля продолжали путь берегомъ рѣки, стараясь придерживаться нашей прежней дороги, и черезъ семь часовъ пришли къ быстринамъ повыше водопадовъ Невеби. На другой день миновали эти водопады и осмотрѣвъ мѣсто, гдѣ потонули наши челноки, убѣдились что ихъ оттуда вытащили. Черезъ четыре часа пришли къ своему прежнему лагерю у пристани Авембери. Тропинка наша значительно улучшилась, вслѣдствіе того, что съ тѣхъ поръ какъ мы прорубили ее черезъ кусты, съ помощью своихъ сорока топоровъ, по ней прошла не одна тысяча ногъ. По дорогѣ попадались опять скелеты, къ числу которыхъ вскорѣ должны были присоединиться и наши хилые носильщики мади; всякій день они падали, чтобы ужъ больше не вставать.

Что мы ни говорили имъ, какъ ни толковали, ничѣмъ нельзя было ихъ убѣдить запасаться ѣдой на завтра: дашь ему десять банановъ, онъ въ восторгѣ и увѣряетъ, что это неисчерпаемый запасъ, но съѣдаетъ ихъ тутъ же и къ вечеру смотришь, —опять голоденъ. Единственнымъ средствомъ поддерживать ихъ существованіе было почаще останавливаться и давать имъ наѣдаться до сыта. Поэтому мы два дня стояли у пристани Авембери, чтобы дать отдохнуть и оправиться изнемогающимъ мади.

20-го шли семь съ половиною часовъ и стали лагеремъ за нѣсколько миль до водопада Бафаидо; на пути лишились одного занзибарца и четырехъ мади. Одинъ изъ послѣднихъ былъ ихъ старшиною: онъ страдалъ отъ раны на ногѣ, наткнувшись на острый колъ. Мы хотѣли выступать дальше, но онъ объявилъ, что намѣренъ умереть тутъ, созвалъ своихъ соплеменниковъ, роздалъ имъ всѣ свои браслеты, кольца, обручи, ожерелье и серьги изъ полированнаго желѣза, потомъ преспокойно легъ и ни мало не мѣняя выраженія лица расположился умирать. Это было пожалуй великолѣпно, но по моему было бы гораздо лучше, если бы онъ бодро продолжалъ бороться съ трудностями пути, чѣмъ такъ упрямо предаваться смерти.

Черезъ три часа намъ попался челнокъ, въ который можно было помѣстить наиболѣе слабыхъ. До вечера нашли еще три челнока и посадили въ нихъ почти всѣхъ хворыхъ. Жестоко было бы останавливаться и посылать людей назадъ, за умирающимъ старшиной, тѣмъ болѣе, что врядъ ли они застали бы его въ живыхъ: обыкновенно, какъ только нашъ караванъ окончательно выходилъ изъ лагеря, въ него врывались толпы дикарей, которые конечно не задумались-бы надъ тѣмъ, чтобы ударомъ копья прервать жизнь и такъ уже еле-живаго человѣка, покинутаго ушедшимъ отрядомъ.

На другой день переходъ былъ короткій, шли только два часа. Угарруэ также останавливался у водопада Бафаидо, и притомъ должно быть на нѣсколько дней, судя по тщательному устройству громаднаго лагеря, который издали можно было принять за большой городъ, занимавшій берегъ рѣки до мѣста сверженія водопада. Не доходя до Раздолья Бегемотовъ у насъ было четыре челнока. На другой день мы завтракали въ прежнемъ лагерѣ у водопада, гдѣ зарыли тогда свои лопатки и нѣкоторыя другія вещи, которыя намъ не подъ силу было нести. Разыскали мѣсто, гдѣ все это было спрятано, и увидѣли, что десять слоновыхъ клыковъ утащены бѣглыми изъ нашего отряда, а остальное разобрано дикарями. Поздно вечеромъ дошли до водопадовъ Басопо. Между верхнимъ и нижнимъ водопадами занзибарцы нашли въ мелкихъ притокахъ, изливающихся въ Итури, нѣсколько

запрятанныхъ челноковъ и съ радостью залѣзли въ нихъ, что было съ ихъ стороны крайне опрометчиво; они сами испытали уже какъ опасно пускаться по протокамъ и рукавамъ у водопада Басоно, но все-таки отправились съ веселыми криками по бѣшенымъ быстринамъ: при этомъ погибъ одинъ занзибарецъ и одинъ мальчикъ, прислужникъ солдатъ Эмина-паши. Въ погибшемъ челнокѣ находились также двое солдатъ паши, оба они потеряли свои ружья и сумки, а сами едва успѣли спастись.

Двое занзибарцевъ, по имени Джума и Нессибъ, отлучились изъ отряда и не возвращались цѣлый день. Поэтому мы вынуждены были 24-го числа сдѣлать остановку и послали разыскивать ихъ. Къ вечеру партія воротилась не найдя ихъ, но часомъ позже мы повскакали съ мѣстъ, услыхавъ надъ своими головами свистъ пули. Бросились искать виновнаго, и оказалось что это Нессибъ, вмѣстѣ съ товарищемъ Джумой возвращавшійся въ лагерь. Онъ объяснилъ, что замѣтивъ одного изъ нашихъ людей, прятавшагося въ кустахъ какъ разъ передъ самымъ лагеремъ, онъ принялъ его за дикаря и потому выстрѣлилъ. Но мы еще больше удивились когда узнали зачѣмъ они отлучились: Нессибъ и Джума завидѣли въ сторонѣ отличную банановую рощу, отправились туда, набрали плодовъ и усѣлись чистить ихъ и сушить про запасъ. Эта операція взяла у нихъ по крайней мѣрѣ восемнадцать часовъ, а когда они ее кончили и пошли искать дорогу, то сначала никакъ не могли найдти слѣдовъ двухсотъ человѣкъ. Трудно рѣшить въ этомъ случаѣ, кому больше удивляться, — этимъ-ли двумъ дуракамъ, которые залѣзли въ чужую плантацію, принадлежащую людоѣдамъ, и безмятежно сидѣли тамъ, тогда какъ извѣстно, что по уходѣ каравана дикари всегда выслѣживаютъ отсталыхъ и непремѣнно на нихъ вымещаютъ свою злобу; или тому, что дикари на этотъ разъ такъ перетрусились и сплоховали.

25-го ночевали не доходя небольшихъ пороговъ Бавикаи, а на другой день вступили въ многолюдный округъ Аведжили, противъ впаденія Непоко въ Итури, и стали лагеремъ въ той самой деревнѣ, гдѣ въ прошломъ году докторъ Пэркъ такъ искусно ампутировалъ ногу одному изъ несчастныхъ занзибарцевъ.

Никогда еще бѣдствія лѣснаго похода не разстраивали меня такъ, какъ въ этотъ день. Я самъ до такой степени исхудалъ и ослабѣлъ, благодаря исключительно плохой растительной пищѣ, что сдѣлался какъ-то особенно ко всему чувствителенъ. Въ ту пору въ отрядѣ было человѣкъ тридцать мади, совершенно обнаженныхъ и едва живыхъ. Первоначальный черный цвѣтъ ихъ кожи перешелъ въ пепельно-сѣрый; всѣ кости до того торчали, что даже удивительно было,

какъ эти остовы могутъ еще передвигаться. Почти каждый изъ нихъ страдалъ какою нибудь безобразною болѣзнью, всевозможные наросты, стертыя, расцарапанныя спины, гнойные нарывы попадались безпрестанно; иные-же были одержимы хроническимъ кровавымъ поносомъ и отъ скуднаго питанія достигли послѣдней степени хилости.

Мнѣ достаточно было взглянуть на нихъ и услышать противный запахъ, который они распространяли, чтобы задохнуться и почувствовать судорогу въ горлѣ. Кромѣ того почва подъ ногами была усѣяна гніющими и прѣющими растительными остатками; жара, духота, раскаленный воздухъ наполненъ міазмами отъ миріадовъ насѣкомыхъ, листьевъ, вѣтокъ и всякой дряни. На каждомъ шагу то головой ударишься о толстую ліану, то по затылку до крови царапнетъ пальмовая колючка, то руку занозишь о шипы встрѣчнаго куста, то гигантскій репейникъ задѣнетъ за платье и держитъ такъ, что насилу выдерешься. Насѣкомые безчисленныхъ породъ и сортовъ также способствуютъ моему злополучію, въ особенности эти гладкіе черные муравьи, которые водятся на змѣиномъ деревѣ *); когда идешь подъ тѣнью его листвы, они ухитряются непремѣнно упасть на человѣка и жалятъ хуже всякой осы или краснаго муравья; укушенное мѣсто тотчасъ пухнетъ, кожа блѣднѣетъ и вскакиваетъ большой пузырь. Нечего говорить, что и другихъ родовъ было довольно, черныхъ, желтыхъ, красныхъ и всякихъ: они массами ползли поперекъ дороги или же облѣпляли каждое дерево, каждое малѣйшее растеніе. Все что представлялось зрѣнію, обонянію, осязанію изо дня въ день, съ часу на часъ, приносило съ собою какую нибудь досаду, неудобство или огорченіе, такъ что при настоящемъ моемъ изнуреніи и упадкѣ духа было почти невыносимо. Умъ былъ въ постоянной и напряженной тревогѣ по поводу моихъ двадцати отборныхъ молодцовъ, посланныхъ гонцами къ Бартлоту, да и по поводу самого маіора съ арріергардомъ. Уже мѣсяцъ какъ я не ѣлъ ничего мяснаго, питаясь исключительно простыми и фиговыми бананами, и какъ ни старался поваръ разнообразить ихъ приготовленіе, но они мнѣ просто опротивѣли. Мои мышцы стали совсѣмъ тонкія и вялыя, точно во мнѣ только и остались однѣ жилы и сухожилія, на ходу я весь дрожалъ и мои внутренности вопіяли о кусочкѣ мяса.

Въ лагерѣ я услышалъ разговоръ своего слуги Сали съ другимъ занзибарцемъ. Сали говорилъ, что «господинъ» недолго наживетъ силы его быстро угасаютъ, это видно.—Что-жъ, отвѣчалъ тотъ,—Богъ дастъ на дняхъ будутъ козы или куры. Вѣдь ему мясной пищи нужно, и мы достанемъ непремѣнно; авось не все еще сожралъ этотъ Угаррузэ.

*) По англійски «trumpet-tree» или «snake-tree».

— Эхъ, сказалъ Сали, если бы занзибарцы были люди, а не скоты, они бы подѣлились съ господиномъ тѣми мѣстными кушаньями, которыя добываютъ себѣ покуда ходятъ за провизіей. Небось, его-же ружья и патроны они пускаютъ въ ходъ, да еще за это жалованье получаютъ. Не могу понять, отчего они не даютъ ему часть того, что добываютъ его-же оружіемъ?

— Такихъ негодяевъ здѣсь немного, — замѣтилъ собесѣдникъ, — если бы имъ досталось что нибудь стоющее, подѣлились бы.

— Какъ бы не такъ! возразилъ Сали:—я-то лучше знаю. Иные изъ нашихъ рѣдкій день не добудутъ козы или птицы, а я никогда не вижу, чтобы они господину принесли хоть кусочекъ.

Услыхавъ такія рѣчи, я позвалъ Сали и приказалъ ему сказать все что ему извѣстно. Изъ разспросовъ оказалось, что въ его словахъ была доля правды. Двое занзибарскихъ старшинъ, Мурабо и Уади Мабруки добыли 25-го числа одну козу и трехъ куръ и втайнѣ съѣли ихъ. Это былъ одинъ изъ первыхъ примѣровъ неблагодарности, замѣченной мною въ этихъ двухъ людяхъ. Съ того дня, впрочемъ, они стали дѣлиться со мною своей добычей, и принесли мнѣ до вечера трехъ куръ. Черезъ нѣсколько дней я пришелъ въ свое обычное состояніе и силы мои возвратились. Такой счастливый оборотъ еще разъ показалъ, чего именно нужно для поправки несчастныхъ голыхъ мади.

Въ Аведжили наготовили громадный запасъ сушеныхъ банановъ, а число находимыхъ челноковъ все прибывало и образовалась цѣлая флотилія, на которую мы посадили всѣхъ мади, весь багажъ и половину наличныхъ занзибарцевъ.

На другой день расположились лагеремъ близь пороговъ Авугаду, а 27-го перетащили челноки черезъ быстрину и ночевали на нѣсколько миль далѣе.

30-го іюля полдничали на старомъ пепелищѣ, гдѣ я столько времени дожидался и разыскивалъ заблудившійся отрядъ въ августѣ прошлаго года. Ночевали въ деревнѣ Мабенгу.

Передъ закатомъ солнца наблюдали великое множество крупныхъ нетопырей, называемыхъ по суахильски «попо», летѣвшихъ черезъ наши головы на ночлегъ по ту сторону рѣки. Съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, видна была лишь узкая полоса неба и я успѣлъ насчитать 680 штукъ, пока онѣ пролетали мимо. Такъ какъ летѣвшая стая тянулась надъ лѣсомъ на протяженіи многихъ миль, можно себѣ представить что ихъ тутъ были многія тысячи.

31-го іюля пришли въ Ависиббу, гдѣ нашъ авангардъ встрѣтилъ въ прошломъ году такое отчаянное сопротивленіе и потерпѣлъ такія мучительныя потери отъ ядовитыхъ стрѣлъ. Въ одной изъ хижинъ

найдена верхушка одной изъ подставокъ, употребляемыхъ нами для поддержанія палатокъ: она была тщательно завернута въ широкіе листья, вмѣстѣ съ обрывкомъ бумажнаго патрона, кусочкомъ зеленаго бархата отъ обивки походной шкатулки съ хирургическими инструментами, и съ жестянымъ футляромъ отъ ремингтоновскаго патрона. Этотъ удивительный свертокъ былъ привѣшенъ къ одной изъ перекладинъ подъ кровлей и вѣроятно былъ посвященъ какому нибудь идолу.

Въ другой хижинѣ нашли ожерелье изъ желѣзныхъ колецъ и десять вполнѣ исправныхъ патроновъ. Послѣдніе принадлежали вѣроятно одному изъ нашихъ несчастныхъ бѣглецовъ, котораго должно быть тутъ-же убили, сварили его мясо въ котелкѣ и съѣли за семейною трапезой. Это предположеніе подтвердилось еще тѣмъ, что немного подальше найдена была его старая куртка.

Вскорѣ по прибытіи въ эту деревню мы были очень удивлены, увидя маленькую дѣвочку лѣтъ восьми, совершенно голую, которая очень спокойно подошла къ намъ и сказала по занзибарски: - «Такъ это правда? Я слышала, что стрѣляли изъ ружья, да и говорю себѣ, спрятавшись,—вѣдь это должно быть мои земляки, потому что у язычниковъ не бываетъ ружья».

Она сказала, что ее зовутъ «Хатуна-мгини», что ее и еще пять другихъ взрослыхъ женщинъ Угарруэ тутъ бросилъ, потому что онѣ были больны; какъ только Угарруэ ушелъ со своей громадной флотиліей челноковъ, прибѣжали дикари и всѣхъ женщинъ перерѣзали, а она убѣжала и спряталась и съ тѣхъ поръ все скрывалась, питаясь дикими ягодами, а ночью ей удалось набрать банановъ, настолько спѣлыхъ, что ихъ можно было ѣсть сырыми, такъ какъ нельзя было развести огня. Угарруэ таки имѣлъ столкновеніе съ Ависиббами и побилъ ихъ изрядное количество. Здѣсь онъ стоялъ пять дней, заготовляя на дорогу провіантъ, и ушелъ давно, «больше десяти дней тому назадъ».

Четыре съ половиною часа шли до Энгуеддэ, и еще семь съ половиною часовъ до лагеря напротивъ островка, занятаго рыбаками изъ племени Бапайя, за нѣсколько миль до пороговъ Неджамби. Ружья и платье изъ челноковъ выгрузили и велѣли матросамъ провести челноки лѣвымъ протокомъ. Покуда пѣшій отрядъ занялся переноскою вещей, бо́льшая часть прислуги при челнокахъ предпочла идти черезъ правый протокъ: послѣдствіемъ этого непослушанія было то, что утонулъ занзибарскій старшина и пятеро мади, одинъ челнокъ погибъ, да еще два перевернуло; но ихъ послѣ все таки достали. Одинъ занзибарецъ, Селимъ, такъ былъ избитъ и расшибленъ, уда-

ряясь о торчавшіе изъ воды камни, что почти цѣлый мѣсяцъ послѣ того не могъ ходить.

Въ 3 часа пополудни пошли дальше и въ 5 часовъ достигли водопадовъ Панга. Оставивъ часть отряда стеречь челноки, мы пѣшкомъ отправились берегомъ и устроили лагерь пониже водопадовъ. Сухопутному отряду посчастливилось найти немного кукурузы и, смоловъ ее въ муку, мнѣ приготовили на ужинъ порриджъ.

Проливной дождь, начавшійся съ полуночи и длившійся до часу пополудни 5-го августа, сильно задерживалъ насъ; но къ вечеру вся флотилія изъ девятнадцати челноковъ собралась ниже водопада и стала противъ мѣста стоянки.

Туземцы перебрались на островокъ близъ праваго берега и взяли съ собою всѣхъ своихъ куръ, козъ и остальное имущество, но по близости отъ нашего берега они оставили въ протокахъ свои удочки и рыболовныя сѣти, изъ которыхъ мы вытащили превосходную, крупную рыбу. Дикари находились въ полной отъ насъ безопасности, тѣмъ болѣе, что намъ было не до нихъ и мы не помышляли съ ними связываться. Но они разными знаками показывали свое желаніе завязать съ нами дружескія отношенія, лили воду себѣ на голову, обрызгивали ею свое тѣло, такъ что нѣкоторые изъ нашихъ предобродушно отправились поближе къ ихъ острову и начали дѣлать тоже. Тогда отважные туземцы пустились поперекъ водопада, одинъ изъ нихъ незамѣтно подкрался къ нашему занзибарцу и убилъ его ударомъ копья въ спину.

На другой день дневали; сорокъ человѣкъ отправились въ лѣсъ за провіантомъ, къ ночи воротились нагруженные припасами, но одинъ изъ нихъ—мади—тяжело раненъ въ спину стрѣлой.

7-го пришли въ старый лагерь противъ сліянія рѣки Нгулы съ Итури; челноки совершили этотъ переходъ въ $2^1/_2$ часа, а пѣшіе шли восемь часовъ. Разстояніе должно быть одиннадцать миль.

На другой день стали у селенія Мамбанга, на сѣверномъ берегу, гдѣ нашли порядочный запасъ съѣстнаго; но занзибарецъ Джалиффи получилъ серьезную рану стрѣлою въ грудь. Часть наконечника, въ полтора дюйма длиною, застряла въ ранѣ, что на два мѣсяца сдѣлало его ни начто негоднымъ. Когда наконечникъ вынули, рана зажила очень скоро.

Въ слѣдующемъ селеніи Мугуэй, или Май-юй, мы застали большую перемѣну: всѣ жилища уничтожены огнемъ, всѣ банановыя плантаціи вырублены, а на мѣстѣ селенія расположенъ громадный лагерь. Полагая что тутъ стоитъ Угарруэ, мы выстрѣлили изъ ружья чтобы подать ему сигналъ, но никакого отвѣта не послѣдовало; и мы на-

правились къ лѣвому берегу въ свой прежній лагерь, глѣ на деревьяхъ нашли помѣтку лейтенанта Стэрса „31-го іюля 1887“, сдѣланную имъ очевидно въ пользу маіора.

Придя въ свой старый лагерь мы увидѣли на берегу рѣки одну изъ женщинъ Угарруэ, только что убитую и обмытую, возлѣ нея три кисти банановъ, два горшка для приготовленія пищи, и челнокъ, вмѣстимостью на пять человѣкъ. Очевидно тутъ были дикари, которые собирались полакомиться, но услыхавъ нашъ сигнальный выстрѣлъ разбѣжались, оставивъ и свои съѣстные припасы.

Я послалъ нѣсколько человѣкъ за рѣку, посмотрѣть что тамъ творится, и они вскорѣ воротились съ извѣстіемъ, что Угарруэ навѣрное былъ тутъ не дальше какъ сегодня утромъ и отправился дальше, внизъ по рѣкѣ. Это мнѣ было очень досадно, потому что я горѣлъ нетерпѣніемъ узнать, не слыхалъ-ли онъ чего о нашемъ арріергардѣ, а также хотѣлъ просить его не опустошать до такой степени страну, въ виду другихъ каравановъ, идущихъ тѣми-же мѣстами; если-же онъ будетъ продолжать свое дѣло разрушенія, то всѣ послѣдующіе путешественники будутъ серьезно страдать отъ этого.

10-го августа я поручилъ старѣйшему изъ старшинъ, Решиду, съ отрядомъ изъ тридцати пяти наиболѣе надежныхъ людей, идти нашей старой дорогой вдоль по берегу рѣки, а самъ съ челноками рѣшился какъ можно скорѣе плыть вплоть до Осиныхъ пороговъ, гдѣ по всей вѣроятности догоню Угарруэ и останусь съ нимъ до тѣхъ поръ, покуда подойдетъ Решидъ со своимъ отрядомъ.

Въ 6 часовъ 40 мин. утра мы сѣли въ челноки и къ 11 часамъ, гребя изо всѣхъ силъ, подошли довольно близко къ Осинымъ порогамъ. Но еще прежде чѣмъ услышали ревъ и бушеванье рѣки, скачущей черезъ острые рифы, преграждающіе ее въ этомъ мѣстѣ, мы увидѣли на правомъ берегу громаднѣйшій лагерь и вскорѣ замѣтили людей въ бѣлыхъ одеждахъ, мелькавшихъ между кустовъ. Подойдя на ружейный выстрѣлъ мы подали сигналы, подняли флагъ и немедленно тяжелый залпъ изъ мушкетовъ доказалъ что насъ узнали. Нѣсколько большихъ челноковъ отчалили отъ праваго берега и пошли намъ на встрѣчу, люди окликнули насъ на суахильскомъ нарѣчіи.

Послѣ обмѣна привѣтствій я спросилъ что новаго и къ великой радости, впрочемъ не безъ примѣси огорченія, узналъ что гонцы, посланные нами за шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ, находятся въ лагерѣ Угарруэ. Они разстались съ лейтенантомъ Стэрсомъ 16-го марта и вышедши изъ ставки Угарруэ, черезъ 17 дней—то-есть 1-го апрѣля—пришли къ Осинымъ порогамъ, но тутъ потеряли четверыхъ товарищей и видя, что имъ ни за что не пройдти черезъ вражескія пол-

чища, воротились назадъ, 26-го апрѣля пришли обратно въ ставку и стали подъ защиту Угарруэ. Мѣсяцъ спустя Угарруэ собралъ своихъ людей, разсѣянныхъ по различнымъ селеніямъ, и вмѣстѣ съ нашими гонцами началъ спускаться внизъ по рѣкѣ. Они прибыли къ Осинымъ порогамъ 9-го августа, пробывъ въ пути семьдесятъ шесть дней. Мы употребили столько-же времени на переходъ сюда отъ Ніанзы, а отъ прежней ставки Угарруэ до Осиныхъ пороговъ пришли 10-го августа, то-есть на двадцать девятый день.

Мы стали лагеремъ на лѣвомъ берегу, въ опустѣломъ селеніи Бандейя, а противулежащій лагерь Угарруэ былъ расположенъ на правомъ берегу, въ бывшей деревнѣ Бандекайя. Угарруэ, въ сопровожденіи своихъ старшинъ и нашихъ гонцовъ, оставшихся въ живыхъ, переплылъ рѣку и явился къ намъ съ визитомъ. Посреди всеобщаго молчанія вотъ что повѣдалъ мнѣ старшій изъ гонцовъ:

— Господинъ, когда ты вызывалъ охотниковъ доставить отъ тебя письмо къ маіору, каждый изъ насъ всей душой хотѣлъ сдѣлать какъ можно лучше, зная что большая награда и большой почетъ ожидаютъ тѣхъ изъ насъ, которые выполнятъ твое порученіе. Мы сдѣлали все что могли, но порученія не исполнили. Стало быть ни награды, ни почета намъ не будетъ. Тѣ, что ходили съ тобою на Ніанзу, и отыскали пашу, и могутъ похвастаться что сами видѣли его лицо, тѣ передъ тобой больше заслужили. Но хотя намъ не довелось отыскать маіора, не удалось порадовать его сердце добрыми вѣстями, Богъ знаетъ что это случилось не по нашей винѣ, а развѣ потому что на то была Его воля, чтобы намъ не удалось. Мы потеряли четверыхъ товарищей и я одинъ изъ всѣхъ не могу показать тебѣ ни одной раны, полученной во время нашего странствія. Двое изъ насъ хотя и живы, но врядъ-ли выздоровѣютъ, такъ отравлена ихъ кровь; у иныхъ по пяти ранъ отъ стрѣлъ, они могутъ тебѣ показать свои раны. Мы шли довольно благополучно до Ависиббы, но тутъ начались наши бѣды. Въ Энгуеддэ двоихъ ранили. У водопадовъ Панга трое тяжело ранены стрѣлами. Отъ водопадовъ Панга до здѣшняго мѣста мы только и дѣлали что воевали, изо дня въ день, и каждую ночь тоже; должно быть дикари вездѣ напередъ знали сколько насъ, какія наши силы, потому что нападали и середи бѣлаго дня, и середи темной ночи, и непремѣнно хотѣли истребить насъ. Отчего они выказали намъ такую отвагу, тогда какъ они-же такъ трусили, когда мы шли съ тобою, я того не знаю. Можетъ быть они испытали свою силу на нашихъ бѣглецахъ, которые покидали насъ вчетверомъ или вшестеромъ, и разъ отвѣдавъ крови занзибарской, эти язычники захотѣли и съ нами сдѣлать тоже. Какъ бы то ни было, когда

мы дошли до той деревни, гдѣ ты теперь стоишь лагеремъ, изъ насъ только одиннадцать человѣкъ были еще на что нибудь годны: всѣ остальные страдали отъ ранъ, а одинъ былъ чуть живъ. Но вскорѣ опять пришлось сражаться. Жители Бандейи соединились съ жителями большаго селенія по ту сторону рѣки: они прошли въ челнокахъ и ихъ было столько, что вся рѣка кипѣла отъ нихъ и всѣ кусты вокругъ деревни были ими набиты. Мы бились съ ними часъ, но должно быть многихъ убили, потому что ихъ была такая толпа, особенно на рѣкѣ; потомъ они отстали. Мы воспользовались ихъ отлучкой чтобы укрѣпиться, выбрали нѣсколько хижинъ для ночлега и въ нихъ по возможности оградили себя отъ нападенія.

Пришла ночь и мы поставили караульныхъ, какъ вы насъ учили, и лейтенантъ Стэрсъ, и Угарруэ; но мы такъ измучились, такъ устали, что часовые должно быть уснули, мы очнулись только тогда, когда дикари повалили зерибу, ворвались въ лагерь и одного изъ товарищей прокололи копьемъ: онъ страшно вскрикнулъ, мы проснулись и вскочили. Схвативъ ружья мы выстрѣлили и шесть туземцевъ упали мертвые къ нашимъ ногамъ. Это на минуту задержало остальныхъ; но я слышалъ какъ ихъ старшина закричалъ: „эти люди бѣжали отъ Буля Матари, не оставимъ ни одного живымъ". И они полѣзли изъ кустовъ, съ рѣки, такими густыми толпами, что когда наши выстрѣлы на секунду освѣтили ихъ, то и храбрѣйшимъ стало страшно. Однако Леккинъ, который бываетъ всего веселѣе въ минуту опасности, закричалъ намъ: чего вы смотрите, эти люди пришли за мясомъ, ну и дайте имъ мяса, только не нашего, а ихняго! И всѣ мы, здоровые и раненые, ухватили ружья и ну стрѣлять, точно на ученьѣ. Не знаю сколько мы ихъ покончили; но когда у насъ оставалось ужъ не много патроновъ они разбѣжались и предоставили намъ считать мертвецовъ. Двое изъ нашихъ ужъ не отвѣтили на нашъ призывъ; третій, Джума сынъ Нессибовъ, позвалъ меня и когда я подошелъ, то увидѣлъ что онъ истекаетъ кровью. У него достало силы только сказать мнѣ, чтобы бросить дѣло.—„Иди назадъ, сказалъ онъ мнѣ, — вотъ тебѣ мое послѣднее слово: иди назадъ. Не можете вы дойти до маіора. Все равно, ступай къ Угарруэ". Сказавъ это онъ вздохнулъ еще разъ и покатился мертвый.

По утру мы похоронили своихъ, а мертвыхъ дикарей внутри лагеря было шесть, да за зерибой девять. Мы отрубили имъ головы, сложили въ кучу и стали разсуждать, что теперь дѣлать. Насъ осталось семнадцать живыхъ, но только четверо не раненыхъ. Послѣднія слова Джумы отдавались у насъ въ ушахъ и мы рѣшили возвратиться къ Угарруэ. Но это легче было рѣшить нежели сдѣлать; на

каждомъ шагу встрѣчала насъ новая бѣда. Кто былъ раненъ, того еще ранили, а кого до тѣхъ поръ миновало, и тѣ не спаслись;—меня одного только Богъ миловалъ, я одинъ остался невредимъ. Затонулъ у насъ челнокъ и мы потеряли пять ружей. У водопадовъ Панга Измаили убитъ на повалъ. Но къ чему повторять сказанное? Черезъ сорокъ три дня по уходѣ отъ Угарруэ мы воротились къ нему: насъ оставалось всего 16 человѣкъ,—раненыхъ 15. Пусть рубцы отъ этихъ ранъ доскажутъ остальное. Всѣ мы въ рукахъ Божіихъ и въ твоихъ. Дѣлай съ нами что сочтешь справедливымъ. Я все сказалъ.

Въ числѣ тѣхъ кто въ первый разъ слышалъ этотъ разсказъ, не нашлось ни одной пары сухихъ глазъ. Обильныя слезы текли по многимъ лицамъ, со всѣхъ сторонъ слышались глубокіе вздохи и выраженія горячаго сочувствія. Когда онъ кончилъ рѣчь, я не успѣлъ еще высказать своего приговора, какъ люди бросились къ нему, протягивая ему руки и плача, приговаривали: «Слава Богу! Слава Богу! Вы отлично сдѣлали, да, — показали, чего вы стоите, храбрые, честные люди!».

Такъ мы привѣтствовали пропадавшихъ гонцовъ, судьба которыхъ не переставала тревожить насъ съ тѣхъ поръ какъ мы покинули фортъ Бодо. Они особенно неудачно выполнили свою обязанность, но едва-ли ихъ чествовали бы лучше, если бы они пришли съ письмами отъ маіора. Исторія ихъ трудовъ и страданій была передана красноречиво, а видъ многихъ ранъ, полученныхъ членами отборнаго отряда, еще усиливалъ впечатлѣніе. Угарруэ также былъ искренно тронутъ разсказомъ, возбудившимъ его живѣйшее сочувствіе и его добрымъ попеченіямъ обязаны мы тѣмъ, что вскорѣ всѣ раненые вылечились, за исключеніемъ двухъ, которые продолжали хирѣть. Здѣсь умѣстно будетъ сказать, что черезъ два мѣсяца одинъ изъ нихъ окончательно поправился, а другой тихо угасалъ и наконецъ умеръ.

Въ лагерѣ Угарруэ оказались также трое нашихъ бѣглыхъ и двое изъ числа оставленныхъ у него на поправку, но бывшихъ въ отлучкѣ за провіантомъ, въ то время какъ за ними приходилъ Стэрсъ. Одинъ изъ бѣглецовъ ушелъ тогда, укравъ ящикъ съ боевыми снарядами, другой стащилъ сундукъ съ сапогами Эмина-паши и съ моими собственными. Они отправились въ челнокѣ, который, конечно, затопили, и вообще испытали не мало всякихъ опасностей, покуда добрались до Угарруэ. Въ качествѣ плѣнныхъ дезертировъ они были переданы Стэрсу, но черезъ нѣсколько дней опять убѣжали отъ него къ Угарруэ, и теперь снова были сданы на мои руки. Оба эти молодца съ тѣхъ поръ вели себя превосходно, третій же забо-

лѣлъ черезъ нѣсколько недѣль оспой; товарищи не досмотрѣли за нимъ, онъ кинулся въ водопадъ Неджамби и тамъ утонулъ.

Угарруэ сильно нуждался въ порохѣ, а потому былъ особенно ласковъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ значительный подарокъ: четыре козы, четыре мѣшка рису и три большихъ челнока поступили въ мое владѣніе. Козы и рисъ, какъ можно себѣ представить, были приняты съ живѣйшею благодарностью, да и челноки далеко не лишніе, такъ какъ съ помощью ихъ я могъ втрое скорѣе подвигаться внизъ по рѣкѣ: съ присоединеніемъ нашихъ прежнихъ челноковъ, эти три новыхъ образовали флотилію, на которой умѣщалась вся экспедиція, то есть не только 130 воиновъ, но и всѣ прислужники, носильщики мади, мальчики и багажъ.

Ни отъ Угарруэ, ни отъ гонцовъ ничего мы не узнали объ участи арріергарда. Всѣ письма къ маіору, посланныя черезъ Угарруэ въ сентябрѣ прошлаго года, а также и тѣ, что были поручены нашимъ гонцамъ, были мнѣ возвращены. Онъ посылалъ внизъ по рѣкѣ сорокъ семь человѣкъ, но они дошли только до Манджинни, на полъ-дорогѣ отъ Осиныхъ Пороговъ къ Май-юй, а оттуда должны были воротиться. Такимъ образомъ всѣ усилія установить сообщеніе съ маіоромъ Бартлотомъ не привели ни къ чему и только усиливали предположеніе, что съ его колонной случилось нѣчто неладное. Въ числѣ писемъ, переданныхъ мнѣ Угарруэ, одно было распечатано и я привожу его цѣликомъ, какъ образчикъ добродушнаго и веселаго стиля нашего доктора.

«Фортъ Бодо, 15-го февраля 1888 г.

«Дорогой дружище Бартлотъ,

Надѣюсь, что вы все крѣпчаете, а Джефсонъ удвоивается. Мы здѣсь не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ вы находитесь. Нѣкоторые изъ офицеровъ и солдатъ говорятъ, что вы ужъ пошли вверхъ по рѣкѣ, другіе думаютъ, что вы все еще сидите въ Ямбуйѣ, не будучи въ силахъ сдвинуть такое громадное количество вьюковъ; а между людьми существуетъ еще и такое предположеніе, что ваши занзибарцы передались Типпу-Тибу. Стэнли достигъ озера 14-го декабря 1887 года, но съ Эминомъ-пашой не видѣлся, потому что у него не было вельбота. Тогда онъ опять пришелъ въ лѣса, построилъ фортъ для склада тяжестей, и снова идетъ теперь къ озеру съ Джефсономъ и вельботомъ. Завтра Стэрсъ съ двадцатью людьми идетъ къ Угарруэ, а оттуда люди пойдутъ къ вамъ, снесутъ и это письмо. Стэрсъ возвратится сюда, захвативъ съ собою отъ Угарруэ человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ нашихъ, оставленныхъ у него на поправку; а по-

томъ Стэрсъ пойдетъ вслѣдъ за Стэнли; отсюда до озера всего 80 или 100 миль. Я останусь въ фортѣ съ гарнизономъ изъ 40 или 50 человѣкъ. Нельсонъ болѣетъ уже нѣсколько мѣсяцевъ и потому также останется со мной. Мы таки помучились идя сюда. Я бывало часто жаловался, что въ школѣ меня съ голоду морили; но это еще было объѣденіе сравнительно съ тѣмъ что пришлось испытать въ лѣсу. Съ гордостью докладываю вамъ, что бѣлые люди всѣ оказались чрезвычайно выносливы, но за то между темнокожими смертность была ужасная, что-то въ родѣ пятидесяти процентовъ. До ставки Угарруэ ѣды довольно, но отъ Угарруэ до насъ вдоль по берегамъ рѣки почти ничего не достанешь. Стэнли, вѣроятно, самъ напишетъ вамъ все о голодухѣ и о дорогѣ. Сегодня Стэнли собиралъ всѣхъ людей и спрашивалъ, куда лучше идти прежде, къ озеру или за вами. Большинство сначала хотѣло идти назадъ, къ вамъ; но потомъ разсудили, что лучше къ озеру. Стэрсъ, Джефсонъ и я тоже подали голоса за озеро, чтобы сперва узнать живъ-ли Эминъ, чтобы не таскать васъ понапрасну сюда, а потомъ еще на Мута Нзигэ. Люди у насъ здѣсь какъ сыръ въ маслѣ; но впрочемъ есть нѣкоторые совсѣмъ плохіе, это тѣ что оставались со мною и Нельсономъ въ лагерѣ у арабовъ цѣлыхъ три мѣсяца, у этихъ только и остались кости да кожа. Изъ тридцати восьми тамъ одиннадцать у меня умерло съ голоду. Изъ офицеровъ раненъ былъ одинъ Стэрсъ, но изъ нижнихъ чиновъ многіе умерли отъ ранъ.

Всѣ мы до крайности обѣднѣли обувью; ни у кого нѣтъ пары крѣпкихъ сапогъ. Я самъ себѣ сшилъ двѣ пары, но онѣ недолго поносились, а все мое платье украдено занзибарцемъ Рехани. Стэнли завалилъ меня работой и я едва удосужился написать эти строки, какъ уже солнце закатывается. Въ отрядѣ растеряно или распродано большое количество боевыхъ снарядовъ.

Передайте мои лучшія пожеланія другу Джемсону и остальнымъ знакомымъ.

Надѣюсь вскорѣ увидѣть васъ и остаюсь душой вамъ преданный Д. Г. Пэркъ».

Намъ ужасно надоѣли эти «кусты». Они прекращаются только за нѣсколько миль отъ озера».

11-го августа дневали. Главный старшина Решидъ съ сухопутнымъ отрядомъ пришли только къ двумъ часамъ. Флотилія шла внизъ по теченію пять часовъ, а пѣшкомъ на этотъ переходъ потребовалось пятнадцать часовъ.

12-го августа, благополучно проведя челноки черезъ быстрину, погрузили весь караванъ и въ полдень отплыли далѣе. Поравнявшись со

старымъ лагеремъ противъ того мѣста, гдѣ видѣли купающихся слоновъ, встрѣтили челнокъ съ развѣдчиками Угарруэ, которые наговорили намъ удивительныхъ вещей про необычайную силу, свирѣпость и отвагу туземцевъ племени Батунда. Два часа спустя барабанный бой съ берега доказалъ, что дикари завидѣли насъ. Они тотчасъ сѣли въ челноки и пошли намъ навстрѣчу, но увидавъ какъ насъ много, повернули назадъ и скрылись. А мы преспокойно заняли главную ихъ деревню и во всю ночь никто насъ не безпокоилъ.

13-го пришли къ южному Мупэ и остановились на одинъ день для заготовки провизіи. 15-го благополучно провели суда черезъ многочисленныя быстрины и пороги и стали лагеремъ за нижними порогами Марири.

16-го шли на веслахъ и на шестахъ, миновали три старыхъ лагеря, гдѣ стояли на прежнемъ походѣ, и ночевали на большомъ островѣ, на которомъ было столько хижинъ, что въ нихъ удобно могли бы размѣститься двѣ тысячи народу. Оба берега рѣки были безлюдны, не у кого было даже спросить о причинѣ такого поголовнаго выселенія; сначала мы подумали, что жители разбѣжались, узнавъ о нашемъ приближеніи, но такъ какъ туземцы селились тутъ въ виду нашего арріергарда, то приходилось предположить, что у нихъ была междоусобная война.

Наступилъ восемьдесятъ третій день съ тѣхъ поръ какъ мы ушли съ береговъ Ніанзы и шестидесятый какъ покинули фортъ Бодо. Наше путешествіе совершалось чрезвычайно удачно. Правда, что мы потеряли довольно много носильщиковъ—голыхъ мади,—почти половину того числа что взяли съ Ніанзы; но изъ своихъ привычныхъ, обдержавшихся занзибарцевъ лишились только троихъ: двое утонуло, а одинъ бѣжалъ, должно быть съ тоски. Пятьсотъ шестьдесятъ миль (около 900 верстъ) уже сдѣлано, остается всего 90 миль (150 верстъ) отъ острова Бунгангета до Ямбуйи, и до сихъ поръ мы ровно ничего не слыхали о судьбахъ нашихъ друзей и товарищей, оставленныхъ въ арріергардѣ. Эта томительная забота, свинцомъ лежавшая на душѣ, въ связи со скудной пищей, состоявшей изъ сушеныхъ банановъ, измучили меня тѣлесно и душевно, такъ что я чувствовалъ себя хилымъ старикомъ. Вся моя прежняя самонадѣянность и бодрость, такъ долго меня поддерживавшая, почти исчезла. Я сидѣлъ одинъ у рѣки, наблюдая какъ солнце садилось за лѣсомъ, чернѣвшимъ на горизонтѣ до Макубаны; смотрѣлъ какъ потухали и сѣрѣли облака, передъ наступленіемъ тихой и темной ночи, и думалъ, что это вѣрное изображеніе надвигавшейся на душу тоски, которой я не въ силахъ былъ стряхнуть. Сегодня минулъ годъ съ того дня, въ который

арріергарду надлежало выступить изъ Ямбуйи,—365 дней. Въ этотъ періодъ времени можно было дойти хоть до Бунгангеты, если у нихъ было, положимъ, только сто человѣкъ носильщиковъ, и они семь разъ ходили за вьюками взадъ и впередъ. Что-же такое случилось? Неужели поголовно бѣжали всѣ наемщики, изъ за какого нибудь недоразумѣнія съ начальствомъ?—Темною ночью вошелъ я въ свою палатку, но нервы мои были такъ напряжены и безпокойство такъ сильно, что ни лечь, ни отдыхать я не могъ. И я взмолился всевидящему и милосердому Богу, чтобы Онъ возвратилъ мнѣ моихъ товарищей и сподвижниковъ и утишилъ бы смертельную тоску моего сердца.

17-го августа въ обычный часъ мы сѣли въ челноки и пустились внизъ по теченію, лѣниво отталкиваясь шестами. Утро было пасмурно, тяжелыя сѣрыя облака нависли низко и на фонѣ ихъ мрачно чернѣли верхушки безконечнаго лѣса.

Выйдя изъ округа Бунгангета, мы замѣтили, что опустошеніе и безлюдіе не ограничиваются его предѣлами, и что округъ Макубана постигла та-же участь. Вскорѣ дойдя до мощнаго изгиба рѣки, южный или лѣвый берегъ котораго былъ такъ густо населенъ и даже обработанъ племенемъ Баналія, мы увидѣли, что и тутъ все опустѣло.

Въ половинѣ десятаго часа утра мы завидѣли далеко впереди, въ легкомъ утреннемъ туманѣ, деревню, повидимому еще обитаемую и сочли, что тутъ должно быть конецъ раззоренья. Приближаясь къ селенію, мы замѣтили, что оно обнесено частоколомъ. Когда мы проходили тутъ въ іюлѣ 1887 года, деревня Баналія считалась на столько сильной и могущественной, что не нуждалась въ оградѣ. Кое гдѣ мелькнули бѣлыя одежды; я схватилъ подзорную трубу и разсмотрѣлъ поднятый красный флагъ. Тутъ только я началъ догадываться. Между тѣмъ легкій порывъ вѣтра всколыхнулъ красный флагъ, онъ на секунду развернулся и я увидѣлъ бѣлый полумѣсяцъ со звѣздой. Вскочивъ на ноги я крикнулъ,—ребята, маіоръ тутъ!—Греби дружнѣе!—Грянуло оглушительное ура и челноки помчались впередъ что было мочи.

За восемьдесятъ саженъ, отъ селенія мы подняли весла и я, видя на берегу множество народу, закричалъ: чьи вы люди? — мы люди Стэнли,—отвѣчали они по суахильски. — Убѣдившись въ этомъ и видя притомъ европейца у воротъ ограды, мы причалили къ берегу. Европеецъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказался мистеръ Уильямъ Бонни, состоявшій при экспедиціи въ качествѣ помощника врача.

Пожимая его руку я сказалъ:

— Здравствуйте, Бонни, какъ поживаете? Гдѣ-же маіоръ? нездоровъ, вѣрно?

— Маіоръ скончался, сэръ.

— Скончался! Боже милосердый.... Отчего скончался, горячка что-ли?

— Нѣтъ, сэръ, его застрѣлили.

— Кто?

— Маньюмы, люди Типпу-Тиба.

— Господи! А Джемсонъ гдѣ-же?

— У водопадовъ Стэнли.

— Что ему тамъ понадобилось?

— Онъ отправился доставать побольше носильщиковъ.

— Ну, такъ гдѣ-же мистеръ Уардъ, мистеръ Трупъ?

— Мистеръ Уардъ въ Бангалѣ.

— Въ Бангалѣ? Что онъ тамъ дѣлаетъ?

— Точно такъ, сэръ, онъ въ Бангалѣ; а мистеръ Трупъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отправленъ на родину, лечиться.

Этотъ обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ, на скоро передаваемыхъ въ то время какъ мы стояли у калитки на берегу, показывалъ, что мнѣ предстоитъ выслушать печальную исторію о цѣломъ рядѣ неудачъ и бѣдствій, породившихъ самую невообразимую путаницу, какую возможно придумать въ человѣческой средѣ.

Несмотря на то, что донесеніе мистера Бонни о происшедшихъ событіяхъ было очень хорошо написано, я долго не находилъ времени изучить его настолько, чтобы понять всѣ подробности. Чужіе люди, замѣченные мною на берегу, всѣ были отъ Типпу-Тиба; они поспѣшили окружить меня, принося поздравленія съ пріѣздомъ; въ то же время мои люди повалили черезъ узкія ворота, таща поклажу; начались взаимныя привѣтствія, одни здоровались, другіе прыгали отъ радости, что увидали пріятелей, третьи выли, узнавъ о смерти своихъ, словомъ лагерь въ Баналіи пришелъ въ неописанное волненіе.

Но вотъ наконецъ багажъ сложенъ, вещи приведены въ порядокъ, челноки крѣпко привязаны къ кольямъ, укрѣпленнымъ у берега; поздравленія съ пріѣздомъ кончились; занзибарцы, прибывшіе со мною, разбрелись по квартирамъ, разыскали давно невиданныхъ пріятелей и сообщаютъ другъ другу новости. Суданцы и занзибарцы арріергарда, оставшіеся въ живыхъ, горячо благодарятъ Бога за то, что мы пріѣхали; я успѣлъ пробѣжать накопившіяся безъ меня письма и наскоро написать нѣсколько другихъ; одно послалъ тотчасъ къ Стэнлеевымъ порогамъ, другое къ самому Типпу-Тибу, третье къ Ко-

митету вспомоществованія; и вотъ теперь, выслушавъ изустный разсказъ мистера Бонни, прочтя его донесеніе и узнавъ все что было можно узнать отъ оставшихся въ живыхъ суданскихъ солдатъ и занзибарцевъ, изложу на досугѣ исторію колонны арріергарда. Посмотримъ, на сколько факты согласуются или же расходятся съ тѣмъ на что мы надѣялись и чего ожидали.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ВЪ ДЕБРЯХЪ АФРИКИ.

ИСТОРІЯ ПОИСКОВЪ, ОСВОБОЖДЕНІЯ И ОТСТУПЛЕНІЯ

ЭМИНА ПАШИ

ПРАВИТЕЛЯ ЭКВАТОРІИ.

Генри М. СТЭНЛИ.

ТОМЪ II.

Переводъ съ англійскаго Е. Г. Бекетовой.

Подъ редакціею А. Н. Бекетова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія бр. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1892.

Отлавленіе II тома.

Г. М. СТЭНЛИ.

ВЪ ДЕБРЯХЪ АФРИКИ.

Поиски за Эминомъ-пашей, его освобожденіе и отступленіе.

ТОМЪ II.

Глава XX.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ КОЛОННЫ АРРІЕРГАРДА.

Типпу-Тибъ.—Маіоръ Э. М. Бартлотъ.—Мистеръ Джемсонъ. — Гербертъ Уардъ.—Господа Трупъ и У. Бонни.—Рапортъ маіора Бартлота о происходившемъ въ арріергардѣ.—Разговоръ съ мистеромъ Бонни.—Письмо Бартлота къ мистеру Бонни.—Факты, явствующіе изъ донесенія Уильяма Бонни.—Мистеръ Уардъ задержанъ въ Бангалѣ.—Повторительные визиты маіора къ Стэнлеевымъ порогамъ.—Убійство маіора Бартлота.—Разсказъ Бонни объ убійствѣ.—Казнь убійцы Санга.—Джемсонъ умираетъ отъ лихорадки въ селеніи Бангала.—Встрѣча авангарда съ арріергардомъ.—Ужасное состояніе лагеря.—Типпу-Тибъ и маіоръ Бартлотъ.—Мистеръ Джемсонъ.—Донесеніе Герберта Уарда.

Главныя дѣйствующія лица въ слѣдующемъ разсказѣ суть:

1. Типпу-Тибъ, иначе называемый Шейхъ Хамедъ-бенъ-Магаммедъ, уроженецъ восточныхъ береговъ Африки, арабскаго происхожденія. У него подъ начальствомъ многія тысячи людей. Онъ извѣстный торговецъ невольниками, и у него страсть къ расширенію своихъ владѣній, своей торговли людьми и слоновой костью; онъ замышлялъ воевать съ юнымъ государствомъ, только что основаннымъ въ центрѣ Африки, но далъ себя уговорить въ пользу мира, согласился не простирать своихъ разбойническихъ набѣговъ далѣе извѣстнаго предѣла, и даже взялся доставить шестьсотъ носильщиковъ для нашей экспедиціи, предпринятой съ цѣлью выручить изъ бѣды почтеннаго губернатора, осаждаемаго полчищами враговъ на сѣверномъ концѣ озера Альбертъ-Ніанза.

Выказывая всевозможное усердіе, оказывая широкое гостепріимство и множество мелкихъ услугъ служащимъ при этой экспедиціи, онъ однако-же всячески откладываетъ исполненіе торжественно принятыхъ на себя обязательствъ и проходятъ мѣсяцы, прежде чѣмъ онъ дѣлаетъ что либо для ихъ исполненія. Но такъ какъ офицеры безпрестанно и настоятельно пристаютъ къ нему со своими просьбами и напоминаніями, онъ отправляется въ путь, совершаетъ походъ въ

700 миль (болѣе 1000 верстъ), набираетъ носильщиковъ и послѣ одиннадцати-мѣсячныхъ проволочекъ сдаетъ ихъ своимъ бѣлымъ союзникамъ. Но черезъ нѣсколько недѣль происходитъ катастрофа: одинъ изъ старшинъ этихъ самыхъ носильщиковъ, по имени Санга, прицѣливается въ командира мѣстнаго гарнизона и убиваетъ его наповалъ.

2. Маіоръ Эдмондъ Мусгрэвъ Бартлотъ, прямодушный, благородный юноша, офицеръ англійской службы, отличавшійся въ Авганистанѣ и на Суданскомъ Нилѣ отчетливымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Его чинъ и опытность въ дѣлѣ командованія даютъ ему полное право на то первенствующее положеніе, которое онъ занялъ въ качествѣ начальника арріергарда. Ему приказано оставаться въ Ямбуйѣ до прибытія нѣкотораго количества носильщиковъ изъ Болобо, куда за ними посланы трое подчиненныхъ ему офицеровъ, господа Уардъ, Трупъ и Бонни. Если Типпу-Тибъ придетъ въ назначенное время, или нѣсколько ранѣе, то не теряя времени должно выступать по слѣдамъ авангарда, который пошелъ впередъ семью недѣлями прежде. Если къ тому времени какъ изъ Болобо придетъ подкрѣпленіе, Типпу-Тиба все еще не будетъ, все-таки выступать и дѣлать небольшіе переходы, дабы съ помощью 210 наличныхъ носильщиковъ, ходя взадъ и впередъ, постепенно переносить отъ лагеря до лагеря все самое существенное для экспедиціи; для удобства въ пути ему предоставляется часть багажа оставить; составленъ особый списокъ тѣмъ предметамъ, безъ которыхъ можно обойдтись. Самъ маіоръ, получивъ эти инструкціи, заявилъ, что онѣ для него вполнѣ ясны и понятны. Онъ клянется, что не останется въ Ямбуйѣ долѣе того времени, когда дождется подкрѣпленія изъ Болобо, и своими рѣчами производитъ на всѣхъ насъ впечатлѣніе человѣка энергическаго, дѣятельнаго и рѣшительнаго, которому вполнѣ можно довѣрить участь колонны арріергарда. Въ каждомъ его письмѣ, въ каждомъ рапортѣ видна благородная душа, преисполненная усердія и наилучшихъ намѣреній.

Третьимъ въ спискѣ—штатскій, богатый юноша по имени Джемсъ Слейго Джемсонъ, страстный натуралистъ, горячо привязанный къ своему другу маіору и назначенный ему въ помощники (вторымъ лицомъ по чину и значенію въ арріергардѣ). О немъ доносили, что его исполнительность, способности и ревность къ труду безграничны. Чтобы ни придумалъ маіоръ, Джемсонъ на все согласенъ и готовъ сейчасъ исполнить. За нимъ при томъ есть уже репутація опытности и разсудительности, по прежнимъ его путешествіямъ и приключеніямъ въ странахъ Машона и Матабеля. Черезъ четыре недѣли послѣ того какъ убили его друга, самъ онъ умираетъ, истощенный заботами и лихорадкой.

За нимъ слѣдуютъ трое молодыхъ англичанъ, образующихъ штабъ маіора; изъ нихъ двое, гг. Гербертъ Уардъ и Трупъ, прикомандированы къ начальнику, дабы вмѣстѣ съ нимъ и съ г. Джемсономъ обсуждать каждый важный вопросъ, и ни одного существеннаго шага нельзя имъ сдѣлать, не взвѣсивъ вчетверомъ насколько онъ будетъ полезенъ для экспедиціи, отправляющейся въ невѣдомую область дремучихъ лѣсовъ. Всѣ и каждый отвѣчаютъ за послѣдствія всякаго рѣшенія, всякаго движенія. Они не мальчики, недавно покинувшіе школьную скамью, а люди взрослые и уже искушенные въ отдаленныхъ путешествіяхъ. Гербертъ Уардъ побывалъ на службѣ на остр. Борнео, въ Новой Зеландіи, въ области Конго; Джонъ Р. Трупъ также служилъ въ области Конго подъ моимъ начальствомъ и въ моей книгѣ объ основаніи этого государства упоминается о немъ, какъ объ усердномъ и смышленномъ человѣкѣ. Уильямъ Бонни бывалъ въ походахъ противъ зулусовъ, служилъ на Нилѣ, нѣсколько лѣтъ провелъ въ южной Америкѣ и по всему замѣтно, что человѣкъ онъ серьезный, положительный и наблюдательный.

Но вотъ гдѣ начинается нѣчто необъяснимое и таинственное. Мы съ ними разстались не только дружелюбно, но даже искренно привязавшись другъ къ другу. Мы взаимно обмѣнялись обѣщаніями.— «Не бойтесь», говорили они, «мы тутъ будемъ стараться и помогать вамъ, не будемъ падать духомъ и станемъ дѣйствовать за одно съ вами». Мы имъ повѣрили и обѣщали тоже съ своей стороны.

Возвратившись изъ экспедиціи къ Эмину-пашѣ, мы узнаемъ изъ рапорта маіора Бартлота (см. Приложенія) слѣдующіе удивительные факты:

1. «Касательно мистера Стэнли слуховъ всегда много, но они рѣдко справедливы. Насколько мнѣ извѣстно, онъ не умеръ. Я принужденъ былъ вскрыть его ящики; не тащить-же съ собой весь этотъ хламъ».

И онъ отсылаетъ въ Бангалу все мое платье, географическія карты, медикаменты, приготовленные для экспедиціи, химическіе препараты для фотографіи, запасные негативы, запасныя пружины для ружей винчестерскаго и ремингтонова образца, матеріалы для палатокъ, и всѣ мои консервы и провизію. Онъ оставляетъ меня совсѣмъ безъ всякой одежды: я такъ обѣднѣлъ, что принужденъ выпросить себѣ пару панталонъ у мистера Бонни, другую пару выкроить изъ стараго бѣлаго одѣяла, оказавшагося у одного изъ дезертировъ, а третью изъ занавѣса въ моей палаткѣ. А господа Джемсонъ, Трупъ и Бонни тоже присутствовали, помогали распоряжаться и на все согласились? И потомъ двое послѣднихъ получили жалованье, представили счеты,

получили все сполна, да еще награды сверхъ того и билеты перваго класса на проѣздъ домой.

2. «Еще четверо суданцевъ и двадцать девять занзибарцевъ совсѣмъ не могутъ выступить съ нами».

И далѣе: «Ему (мистеру Стэнли) присланы также два ящика мадеры. Одинъ изъ нихъ я отсылаю назадъ»... То есть внизъ по Конго. Кромѣ того онъ составляетъ коллекцію отборнаго варенья, сардинокъ, сельдей, крупичатой муки, саго, тапіоки, аррорута и т. п. и все это посылаетъ на пароходъ, который увозитъ мистера Трупа на родину. А въ лагерѣ между тѣмъ у него тридцать три человѣка больныхъ, умирающихъ. Можно подумать, что и на это распоряженіе послѣдовало общее согласіе.

3. «Пойду въ Уаделаи и если Эминъ-паша еще тамъ, отъ него узнаю, нѣтъ ли вѣстей о мистерѣ Стэнли; а также о томъ, какъ онъ рѣшилъ: оставаться или уходить. Нечего и говорить, что мы употребимъ всѣ мѣры для успѣшнаго исхода предпринятаго дѣла. Очень можетъ быть, что онъ нуждается только въ боевыхъ снарядахъ, для того, чтобы пуститься въ путь. Въ такомъ случаѣ я, по всей вѣроятности, буду въ состояніи удовлетворить его».

14-го августа 1887 г. мистеръ Джонъ Р. Трупъ передалъ маіору Бартлоту 129 ящиковъ ружейныхъ патроновъ Ремингтона въ добавокъ къ тѣмъ двадцати девяти, что я ему оставилъ въ Ямбуйѣ. Въ этихъ 158 ящикахъ заключалось 80.000 патроновъ. Къ 9 іюня 1888 г. (см. рапортъ Бартлота) изъ этого запаса осталось всего 35.580 патроновъ. А въ походѣ они не были и ни съ кѣмъ не воевали. Какъ объяснить такое исчезновеніе въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ мирной лагерной стоянки? У арріергарда осталось ровно столько патроновъ, чтобы роздать по 50 штукъ солдатамъ Эмина-паши. Исчезла также половина всего пороха и болѣе двухъ третей тюковъ сукна. И хотя въ Ямбуйѣ оставлено въ запасѣ 300.000 запасныхъ капсюлей винчестерскаго образца, но почему-то оказалось нужнымъ купить ихъ у Типпа-Тиба на сумму около 500 рублей.

4. «Тюки, которыхъ мы не беремъ съ собой отсылаются въ Бангалу. Они будутъ грузиться (на пароходы) 8-го іюня 1888 г. и г. Ванъ Керкговенъ дастъ въ полученіи ихъ росписку, которая будетъ доставлена вамъ, равно какъ и письменныя инструкціи ему и мистеру Уарду. Можетъ статься вы будете настолько любезны, что не откажетесь распорядиться насчетъ тюковъ и тѣхъ двухъ лодокъ, которыя были куплены для перевозки мистера Уарда, потому что самъ я почти навѣрное возвращусь не этимъ путемъ и слѣдовательно не нуждаюсь больше ни въ нихъ, ни въ немъ». (См. Приложенія, рапортъ Бартлота).

Мистера Уарда отправили внизъ по рѣкѣ, просить у Комитета инструкцій по телеграфу; предполагалось-же что онъ привезетъ эти инструкціи съ собою и, слѣдовательно, возвратится въ лагерь; а маіоръ пишетъ, что онъ ему больше не нуженъ. Онъ написалъ также капитану Ванъ Керкговену въ Бангалу, чтобы отнюдь не пускать мистера Уарда вверхъ по рѣкѣ дальше Бангалы. Въ послѣднемъ параграфѣ письма Джемсона къ Бонни есть намекъ на это обстоятельство.

5. Когда мы выступали изъ Ямбуйи 28-го іюня 1887 г., арріергардъ состоялъ изъ 271 души солдатъ и носильщиковъ.

Въ октябрѣ 1887 г., судя по одному изъ писемъ маіора, у него осталось лишь 246 человѣкъ.

4-го іюня 1888 г., оставаясь все въ томъ-же лагерѣ (см. рапортъ маіора), колонна арріергарда сократилась до 135 рядовыхъ и носильщиковъ.

17-го августа 1888 г. я прошу у мистера Уильяма Бонни, единственнаго ихъ въ то время начальника, оффиціальный списокъ и отчетъ о томъ, сколько людей осталось въ колоннѣ арріергарда, и вотъ что онъ мнѣ подалъ:

Списокъ занзибарцевъ, оставленныхъ мистеромъ Стэнли въ Болобо и въ Ямбуйѣ, со включеніемъ одиннадцати человѣкъ, бѣжавшихъ изъ колонны авангарда:

78 умерло.
26 дезертировали.
10 при мистерѣ Джемсонѣ (въ Бангалѣ).
29 больныхъ оставлено въ Ямбуйѣ.
5 » » по дорогѣ.
75 наличныхъ въ Баналіи, 17-го августа 1888 г.

———

223.

Изъ числа суданцевъ, сомали и сирійцевъ, оставленныхъ въ Ямбуйѣ:

21 умерли.
1 убитъ туземцемъ.
1 казненъ по приказанію маіора Бартлота.
3 отослано по Конго въ Египетъ.
4 больныхъ оставлены въ Ямбуйѣ.
1 больной отданъ на попеченіе правительства Конго.
22 въ наличности въ Баналіи, 17-го августа 1888 г.

———

53
223

———

276.

Изъ числа офицеровъ британской службы, оставленныхъ мистеромъ Стэнли въ Болобо и въ Ямбуйѣ:

1 Джонъ Розъ Трупъ, по болѣзни, отправленъ на родину.
1 Гербертъ Уардъ посланъ по устьямъ Конго маіоромъ Бартлотомъ.
1 Джемсъ С. Джемсонъ отправился внизъ по Конго.
1 Эдмондъ М. Бартлотъ, маіоръ умерщвленъ.
1 Уильямъ Бонни находится въ Баналіи, 17-го августа 1888 г.

5
276

281
11 дезертировъ изъ колонны авангарда

270
1 по ошибкѣ.

271.

Умерло или пропало безъ вѣсти:

78 занзибарцевъ умерло.
29 » оставлено больныхъ въ Ямбуйѣ.
4 оставлено больныхъ въ Ямбуйѣ.
5 больныхъ оставлено по дорогѣ.
21 суданцевъ умерло.
1 убитъ туземцами.
1 казненъ.

139.

6. Пароходъ „Стэнли“ пришелъ въ Ямбуйю 14-го августа, на нѣсколько дней позднѣе срока, назначеннаго въ инструкціи. 17-го онъ ушелъ въ свой портъ—Леопольдвиль и прервалъ всякія сношенія съ экспедиціею. Чиновники области Конго честно исполнили свою обязанность, согласно желанію короля. Колоннѣ арріергарда оставалось только сложить свои пожитки и выступать, медленно, но аккуратно идя по нашимъ слѣдамъ,—потому что Типпу-Тибъ не пришелъ и по всей вѣроятности не придетъ, какъ и прежде предполагалось.

Обращаюсь къ мистеру Бонни съ вопросомъ:—развѣ вамъ всѣмъ не хотѣлось скорѣе приняться за дѣло?

— Хотѣлось, сэръ.

— Вы горѣли желаніемъ уйти изъ Ямбуйи?

— Точно такъ, сэръ.

— И вамъ всѣмъ одинаково хотѣлось тронуться въ путь?

— Полагаю, что такъ. Да, сэръ.

— Такъ скажите же, мистеръ Бонни, если правда, что всѣ вы очень хотѣли, горѣли желаніемъ выступать въ походъ, что за причина, что вмѣсто того вы только и дѣлали, что гуляли взадъ и впередъ отъ Ямбуйи до Стэнлеевыхъ пороговъ?

— Не могу знать, сэръ. Не я былъ начальникомъ и, какъ вы сами изволите знать, въ письменной инструкціи мое имя даже не упомянуто.

— Совершенно вѣрно,—извините пожалуйста. Но изъ того, что я пропустилъ ваше имя, еще не слѣдуетъ, чтобы вы все время молчали, будучи все-таки отвѣтственнымъ лицомъ на службѣ экспедиціи?

— Никакъ нѣтъ, сэръ. Я часто говорилъ.

— А другіе какъ?

— Не могу знать, сэръ.

Дальше этого я не могъ ничего добиться отъ мистера Бонни, даромъ, что въ каждую свободную минуту заводилъ съ нимъ разговоръ на эту тему.

Годъ спустя мы были въ Узамбиро, къ югу отъ озера Викторія Ніанза, когда я получилъ вырѣзку изъ одной газеты, напечатавшей письмо маіора Бартлота отъ октября 1887 г. Между прочимъ, тамъ было сказано: „Мы принуждены оставаться здѣсь до ноября". Теперь я знаю, что они сочли себя вынужденными остаться до 11-го іюня 1888 г. Беру письмо маіора Бартлота отъ 4-го іюня 1888 г. (см. Приложенія) и читаю: „Считаю своею непремѣнною обязанностью двинуться впередъ, въ чемъ единодушно поддерживаютъ меня Джемсонъ и Бонни; оставаться долѣе безполезно и даже вредно, такъ какъ ясно, что Типпу-Тибъ и не думаетъ намъ помогать, а отказаться отъ этого похода было бы малодушно и притомъ, я увѣренъ, совершенно противно вашимъ желаніямъ и волѣ Комитета".

Обращаюсь къ своей письменной инструкціи и въ параграфѣ 10-мъ читаю:

„Можетъ случиться, что Типпу-Тибъ пришлетъ людей, но недостаточно для переноски тяжестей своими средствами. Въ такомъ случаѣ сами разсудите, которыми вьюками можно пожертвовать для большаго удобства передвиженія".

Параграфъ 11-й: „Если все-таки трудно будетъ поднять, лучше дѣлать короткіе переходы, миль по шести въ день, съ тѣмъ, чтобы возвращаться каждый разъ за остальными вьюками, если предпочтете выступить не дожидаясь нашего возвращенія, — нежели побросать

слишкомъ много вьюковъ". (См. письменную мою инструкцію, глава VI).

Въ Узамбиро также получилъ я копію съ отвѣта, посланнаго комитетомъ на телеграмму мистера Уарда изъ Санъ-Паоло-де-Лоанда, въ которой онъ спрашивалъ «совѣта и указаній».

„Маіору Бартлоту, чрезъ Уарда, Конго.

Комитетъ рекомендуетъ сообразоваться съ предписаніями Стэнли отъ 24-го іюня. Если не можете выступить согласно онымъ, оставайтесь на мѣстѣ до его возвращенія или до полученія новыхъ указаній Стэнли".

За шесть тысячъ миль отъ мѣста дѣйствія, одинъ комитетъ тотчасъ проникся смысломъ инструкцій; но тотъ комитетъ изъ пяти человѣкъ, который сидѣлъ на мѣстѣ, какъ видно не могъ взять его въ толкъ, несмотря на то, что инструкція составлялась на томъ именно основаніи, что каждый изъ участниковъ явно предпочиталъ дѣятельную жизнь и серьезныя занятія тому, чтобы сидѣть въ Ямбуйѣ сложа руки и ровно ничего не дѣлать.

7. Мнѣ было совершенно неизвѣстно, возможно ли возлагать серьезную отвѣтственность на мистера Уильяма Бонни, и потому я даже не упомянулъ о немъ въ своихъ инструкціяхъ. Между тѣмъ, когда я прибылъ въ Баналію, мистеръ Бонни предъявилъ мнѣ слѣдующій приказъ, писанный рукою маіора Бартлота:

«Лагерь въ Ямбуйѣ, 22-го апрѣля 1888 г.

Сэръ! Въ случаѣ моей смерти, задержки у арабовъ или вообще отлучки изъ лагеря въ Ямбуйѣ, вы примете на себя начальство надъ суданскимъ отрядомъ, занзибарскимъ отрядомъ, и охрану складовъ, и будете ночевать въ зданіи, гдѣ они помѣщены. Всякія распоряженія и приказанія занзибарцамъ, суданцамъ и сомали должны исходить только отъ васъ и передаваться вами лично. Выдачу суконъ, матако (мѣдная проволока) и т. п. предоставляю на ваше усмотрѣніе, но вообще слѣдуетъ всемѣрно избѣгать растраты чего бы то ни было. Главнѣйшими вашими заботами должны быть: помощь мистеру Стэнли, благосостояніе людей и вьюковъ, и добрыя отношенія между вами и арабами. Что бы и кто бы ни пытался помѣшать вамъ въ этомъ, долженъ быть немедленно удаленъ.

Честь имѣю быть и проч.

Эдмондъ Бартлотъ, маіоръ».

А что будетъ дѣлать Джемсонъ, вѣрный другъ, котораго «исполнительность, способность и ревность къ труду неограничены»?—Гдѣ Уардъ, многообѣщающій, смышленный и талантливый Уардъ? И какая же роль предоставлена методическому, дѣльному и трудолюбивому

Джону Розъ Трупу? На случай несчастія съ маіоромъ Бартлотомъ одинъ только мистеръ Бонни внезапно возведенъ въ званіе командующаго колонною арріергарда.

Первой моей мыслью было, что я схожу съ ума. Когда я пытаюсь согласить всѣ эти необъяснимыя противорѣчія съ тѣмъ, что навѣрное одушевляло всѣхъ и каждаго изъ офицеровъ арріергарда, оказывается, что я одинъ только этимъ затрудняюсь, а мудрые лондонскіе издатели совсѣмъ иного мнѣнія. На каждой страницѣ удивительнаго „лагернаго журнала" я вижу слѣды благородныхъ усилій, неутомимаго труда, безпрестанныхъ маршей и контръ-маршей и безконечнаго терпѣнія. Въ оффиціальномъ рапортѣ маіора и въ послѣднемъ, грустномъ письмѣ Джемсона (см. Приложенія) сквозитъ твердое намѣреніе исполнить долгъ, ясное его сознаніе, честность, рѣшительность, безграничная энергія, вѣра въ свое дѣло, и преданность ему до самоотверженія, во что бы то ни стало. И когда я сопоставляю все это, мнѣ остается только заключить, что офицеры, стоявшіе въ Ямбуйѣ, не обратили никакого вниманія на данныя имъ инструкціи и перезабыли все, что обѣщали. Мистеръ Бонни разсказываетъ, что однажды на общемъ совѣтѣ одинъ изъ нихъ всталъ и предложилъ мою инструкцію похерить, а исполнять только то, что придумаетъ маіоръ Бартлотъ. Когда я объ этомъ узналъ, то мнѣ совершенно ясно представилось (и это наиболѣе мягкое сужденіе, возможное о такомъ предметѣ), что въ сущности имъ вовсе не было дѣла до указаній, клонившихся къ исполненію того, что сами они выражали желаніе исполнить, то есть къ скорѣйшему выступленію.

Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось быть тутъ ровно годъ назадъ, 17-го августа 1887 года, хотя на одинъ часъ побыть съ господами офицерами, когда они собрались—такъ далеко отъ всякаго намека на цивилизацію—и разсуждали, что имъ дѣлать,—я хотѣлъ бы сказать имъ тогда, что

Радость жизни есть въ дѣяньѣ.
И въ самомъ трудѣ награда.—

Хотѣлось бы напомнить имъ, что „путь долга къ славѣ и ведетъ!"

А они все считали, да пересчитывали сколько у нихъ вьюковъ!

Сколько же ихъ? Пятьсотъ. Хорошо, а носильщиковъ у васъ двѣсти. Отсюда до ближайшаго селенія десять миль. Въ шесть дней 200 человѣкъ перетаскаютъ 500 вьюковъ за десять миль. Въ четыре мѣсяца вы прошли бы около 150 миль внутрь страны. Черезъ восемь мѣсяцевъ вы были бы на 300 миль ближе къ Ніанзѣ и еще задолго до того могли бы облегчить свои труды, погрузивъ большую часть

вьюковъ на челноки; въ октябрѣ мѣсяцѣ вы уже имѣли бы извѣстія объ авангардѣ, а это былъ бы еще только второй мѣсяцъ вашихъ странствій. Въ обмѣнъ за порохъ и ружья вамъ Угарруэ предоставилъ бы на помощь всю свою флотилію, и къ тому времени какъ авангардъ пошелъ изъ форта Бодо вамъ на встрѣчу, вы уже отдыхали бы въ ставкѣ Угарруэ; а еще до того встрѣтили бы нашихъ гонцовъ, которые несли вамъ карты пути, планы маршрута, съ точнымъ обозначеніемъ того, гдѣ и какую можно достать пищу, и каждый изъ васъ былъ бы тогда здоровѣе и счастливѣе, въ сознаніи, что вы совершили дѣло даже болѣе трудное, чѣмъ то, которое совершилъ авангардъ, и получили бы за это тѣ «кудо» (медали), которыхъ вамъ такъ хотѣлось. Чѣмъ крупнѣе задача, тѣмъ больше отъ нея радости. Всей душой стремиться къ цѣли и бороться съ препятствіями; хвататься за нихъ твердой рукой, работать спокойно и рѣшительно, сегодня и завтра, и послѣ завтра, покуда не одолѣешь; какъ бравый воинъ, идущій впередъ, все впередъ,—какъ человѣкъ, вѣрящій, что въ этомъ дѣлѣ твое призваніе. Не заглядывайте въ будущее, довольствуйтесь тѣмъ, что сегодня выпало вамъ на долю, и принимайтесь за дѣло бодрѣе, а когда оно сдѣлано, будьте спокойны, отдыхайте и ложитесь спать.

Но меня тамъ не было! Я положился на ихъ обѣщаніе не дожидаться Типпу-Тиба дольше того времени, когда весь отрядъ арріергарда соберется въ Ямбуйѣ. А затѣмъ я заботился о томъ, чтобы на пути, проходимомъ нами, на всемъ протяженіи этихъ дремучихъ, безконечныхъ лѣсовъ почаще дѣлались на деревьяхъ зарубки, чтобы руководящія стрѣлы были вырѣзаны какъ можно крупнѣе и явственнѣе.

И я тщетно ломаю себѣ голову, чтобы догадаться, почему Бартлотъ, которому было такъ скучно безъ дѣла, и Джемсонъ, относившійся къ нашей общей задачѣ такъ искренно, и даже заплатившій десять тысячъ рублей своихъ денегъ, за право идти съ нами, и Уардъ, отъ котораго я ожидалъ, что онъ будетъ для Африки тѣмъ же, чѣмъ лордъ Клейвъ былъ для Индіи, и Трупъ, знаменитый своимъ трудолюбіемъ, и наконецъ Бонни, такой исполнительный и настойчивый,—отчего всѣ они поступали какъ разъ наоборотъ тому, чего имъ самимъ, я увѣренъ, также хотѣлось какъ и каждому изъ насъ? И поневолѣ мнѣ приходитъ на умъ, что тутъ дѣйствовали какія-то сверхъестественныя, таинственныя силы, безсознательно заставлявшія ихъ дѣйствовать вопреки ихъ честнымъ намѣреніямъ.

Въ подтвержденіе этой мысли приведу нѣсколько примѣровъ. Я вполнѣ вѣрю, что всѣ пятеро офицеровъ горѣли желаніемъ выступить

изъ Ямбуйи и способствовать выполненію предпріятія, ради котораго они добровольно отказались отъ всякихъ жизненныхъ удобствъ. Но какъ они ни стараются, не удается имъ выступить. Они полагаютъ, что я еще живъ, клянутся разыскивать меня со всевозможнымъ усердіемъ, и въ то же время оставляютъ меня совсѣмъ безъ платья и бѣлья. Они рѣшили также, что пойдутъ на выручку Эмина-паши, что „отказываться отъ этого—малодушно, и медлить долѣе преступно“,— а сами побросали боевые снаряды, которые необходимо ему доставить. Они признаютъ, что у нихъ тридцать три человѣка больныхъ, которыхъ нельзя трогать изъ Ямбуйи; а тѣ запасы лекарствъ, консервовъ и вина, посредствомъ которыхъ можно бы ихъ спасти и поправить, упаковываютъ покрѣпче и отсылаютъ въ Бангалу, въ чемъ и „требуютъ росписки“. Подписывая условія своего поступленія въ нашу экспедицію, всѣ они выговорили себѣ право пользоваться въ походѣ всѣми европейскими консервами и гастрономическими тонкостями; вмѣсто того они и сами ихъ не ѣдятъ, и больнымъ не даютъ, а живя въ голодномъ лѣсу отправляютъ въ Бангалу, то есть всетаки въ европейское поселеніе. Насколько я понялъ, и мистеръ Бонни то же не возражалъ противъ этого и не заявлялъ никакихъ претензій. Онъ такъ привыкъ повиноваться, что ему и въ голову не пришло потребовать свою долю провіанта и какъ истый англичанинъ, но очень плохой демократъ, онъ безропотно поступился своимъ несомнѣннымъ правомъ. Вмѣсто вымершихъ занзибарцевъ, суданцевъ, сомали и сирійцевъ, они вздумали набирать людей въ средѣ невольниковъ маньюмовъ, среди людоѣдовъ изъ племенъ Бакуссу и Басонгора, и не прошло нѣсколькихъ недѣль, какъ одинъ изъ людоѣдскихъ старшинъ умерщвляетъ ихъ командира, англичанина. Въ тотъ самый зловѣщій день 17-го августа (зловѣщій потому, что принявъ рѣшеніе ждать, они тѣмъ самымъ опредѣлили свою печальную участь) одинъ изъ офицеровъ авангарда съ тремя сотнями измученныхъ, отчаявшихся людей блуждалъ по лѣснымъ дебрямъ; черезъ годъ въ этотъ же день мистеръ Бонни—единственный англичанинъ, оставшійся въ аррьергардѣ,—повѣдалъ мнѣ свою трагическую повѣсть; почти въ тотъ же часъ бѣдный Джемсонъ, измученный, истомленный напрасными усиліями «выступить въ походъ» умираетъ въ Бангалѣ, за 500 миль къ западу отъ меня; а на востокѣ за 600 миль, почти въ то же время (на другой день) Эминъ-паша и мистеръ Джефсонъ попадаютъ въ руки взбунтовавшагося населенія Экваторіи.

Все это какъ-то странно, и рѣшительно отзывается дьявольщиной, непостижимой для обыкновеннаго человѣческаго разсудка.

Въ добавокъ ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ, въ темныхъ дебряхъ

окружающихъ Стэнлеевы пороги и берега Верхняго Конго нарождается великое множество басенъ и выдумокъ всякаго рода, показывающихъ съ одной стороны лукавство и хитрость, а съ другой — страсть къ ужасамъ и чудовищности. Одною изъ любимыхъ темъ является убіеніе моей собственной особы; какой-то отрядъ развѣдчиковъ видѣлъ множество человѣческихъ костей; въ котлахъ для варки пищи находили человѣческое мясо; а одинъ самозванный художникъ, говорятъ, привезъ цѣлый альбомъ рисунковъ, изображающихъ семейства людоѣдовъ за своею зловѣщей трапезой. Были намеки—и очень прозрачные—что сами англичане участвуютъ въ грабительскихъ набѣгахъ, убійствахъ и людоѣдствѣ, что когда туземцы, купаясь, плавали въ Арухуими, англичане стрѣляли въ нихъ точно въ мишень, и все это разсказывалось единственно для того, чтобы повергнуть въ ужасъ и печаль мирныя англійскія семейства и мучить нашихъ друзей, оставшихся дома.

Для распространенія этихъ трагическихъ слуховъ, темныя силы избираютъ сплетниковъ изъ всевозможныхъ сферъ и національностей. Сегодня это бѣглый солдатъ изъ отряда, завтра машинистъ съ парохода, то невольникъ, то торговецъ невольниками; то безхитростный миссіонеръ, ищущій работы, то выгнанный сиріецъ, то молодой художникъ, пристрастный ко всякимъ ужасамъ, то наконецъ чиновникъ свободной области Конго. И каждый изъ нихъ въ свою очередь одержимъ стремленіемъ разсказать или напечатать что нибудь такое страшное, что совершенно выходило бы изъ предѣловъ здраваго смысла и вѣроятія.

Изъ оффиціальнаго письменнаго донесенія мистера Уильяма Бонни извлекаю слѣдующіе факты, размѣщая ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Пароходъ «Стэнли» отплылъ изъ Ямбуйи утромъ 17-го августа 1887 года. Привезенные имъ вьюки размѣщены въ складѣ и, насколько могу выяснить, въ предѣлахъ укрѣпленнаго лагеря собралось 266 человѣкъ.

Такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ собрался совѣтъ для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій, то слѣдуетъ предполагать, что прочли вслухъ мою письменную инструкцію и ничего въ ней не поняли. Рѣшили, что лучше всего теперь подождать Типпу-Тиба, который, какъ извѣстно, обѣщалъ маіору Бартлоту придти вслѣдъ за нимъ черезъ девять дней.

Въ этотъ день офицеры наши услыхали выстрѣлы за рѣкой, почти противъ Ямбуйи. Глядя въ бинокли, они видятъ, что съ праваго или сѣвернаго берега люди въ бѣлыхъ одеждахъ гонятся за туземцами, стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей и загоняютъ ихъ въ рѣку. Полагая, что эти гонители должны принадлежать къ числу

шаекъ Типпу-Тиба, они рѣшаются послать одного офицера съ нѣсколькими людьми повидать ихъ и уговорить, чтобы они прекратили преслѣдованіе этихъ дикарей, которые давно уже замирены и находятся теперь подъ ихъ покровительствомъ. Офицеръ отправляется за рѣку, отыскиваетъ лагерь арабовъ и приглашаетъ ихъ начальника, Абдаллу, посѣтить командира въ Ямбуйѣ. При этомъ свиданіи маіоръ узнаетъ что, во-первыхъ, эти разбойники точно люди Типпа-Тиба, а во-вторыхъ, что до Стэнлеевыхъ пороговъ отъ Ямбуйи всего шесть дней ходу сухимъ путемъ. Думая, вѣроятно, что Типпу-Тиба возможно убѣдить помочь экспедиціи, онъ разспрашиваетъ о пути, достаетъ проводниковъ, и посылаетъ нѣсколькихъ лицъ для переговоровъ съ этимъ сановникомъ, котораго мы на свой счетъ перевезли изъ Занзибара до Стэнлеевыхъ пороговъ, имѣя въ виду ту помощь, которую онъ торжественно обязался намъ доставить.

29-го августа мистеръ Уардъ возвращается съ пороговъ съ отвѣтомъ отъ Типпу-Тиба, въ которомъ онъ обѣщаетъ набрать и прислать носильщиковъ черезъ десять дней. Въ первый разъ, въ іюнѣ, срокъ былъ назначенъ въ «девять дней», теперь въ августѣ «десять дней». Черезъ нѣсколько дней мистеръ Джемсонъ тоже приходитъ со Стэнлеевыхъ пороговъ и съ нимъ одинъ изъ племянниковъ Типпу-Тиба, Селимъ-бенъ-Могаммедъ, и толпа маньюмовъ. Это, будто-бы, авангардъ того набора носильщиковъ, который на дняхъ приведетъ съ собою самъ Типпу-Тибъ.

Покуда они его дожидаются, на рѣкѣ Люмами происходятъ какіе-то безпорядки и Типпу-Тибъ принужденъ устремиться туда, для поправленія дѣлъ. Тѣмъ не менѣе гарнизонъ въ Ямбуйѣ продолжаетъ поджидать его со дня на день.

Однако, потерявъ терпѣніе; маіоръ Бартлотъ рѣшается сдѣлать второй визитъ къ Стэнлеевымъ порогамъ, на этотъ разъ уже самъ. Это происходитъ 1-го октября. Его сопровождали Селимъ-бенъ-Магоммедъ и мистеръ Трупъ. По дорогѣ они встрѣчаютъ Типпу-Тиба, идущаго въ Ямбуйю; при немъ между прочимъ шесть дезертировъ изъ колонны авангарда, и каждый изъ нихъ тащитъ громадный слоновій клыкъ. Маіоръ любезно даритъ эти шесть клыковъ арабскому вождю и, такъ какъ имъ нужно кое о чемъ переговорить, отправляется вмѣстѣ съ нимъ къ Стэнлеевымъ порогамъ.

Черезъ мѣсяцъ маіоръ возвращается въ свой лагерь на Арухуими и разсказываетъ, что такъ какъ Типпу-Тибъ никакъ не могъ набрать 600 носильщиковъ въ округѣ Стэнлеевыхъ пороговъ, то онъ отправился за ними въ Касонго, на 350 миль выше по рѣкѣ, и этотъ походъ (туда и назадъ 700 миль) возметъ у него сорокъ два дня.

Тѣмъ временемъ двадцать человѣкъ изъ ямбуйскаго гарнизона успѣли помереть и ихъ схоронили за оградой укрѣпленнаго лагеря.

Англійскій командиръ узнаетъ, что въ его отсутствіе старшина маньюмовъ Маджато «велъ себя предосудительно», то-есть всячески пугалъ и отваживалъ туземцевъ, которые доставляли гарнизону съѣстные припасы и торговали съ нимъ: Маджато имѣлъ въ виду заставить солдатъ и занзибарцевъ голодать и принудить ихъ обращаться къ нему для посредничества между ними и туземцами, сдѣлавъ его своимъ коммисіонеромъ или факторомъ. Услыхавъ объ этомъ, маіоръ натурально приходитъ въ негодованіе и немедленно посылаетъ къ порогамъ мистера Уарда (третій визитъ) жаловаться на Маджато. Жалобу уважили и тотчасъ отозвали Маджато.

Въ началѣ 1888 года Селимъ-бенъ-Магоммедъ въ другой разъ приходитъ въ Ямбуйю и принимаетъ противъ туземцевъ такія мѣры, что они совсѣмъ перестаютъ доставлять провизію въ лагерь и больше не возвращаются. Затѣмъ онъ начинаетъ строить и себѣ прочный лагерь изъ глинобитыхъ хижинъ, располагаетъ его въ разстояніи полувыстрѣла изъ лука отъ ямбуйской ограды и такъ окружаетъ наше укрѣпленіе со стороны сухопутной, какъ будто собирается вести противъ него правильную осаду.

Селиму предлагали взятку въ 10 тысячъ рублей, за то чтобы онъ со своими маньюмами согласился выступить по слѣдамъ авангарда, но попытка эта была безуспѣшна и въ февралѣ маіоръ Бартлотъ съ мистеромъ Джемсономъ дѣлаютъ четвертый визитъ къ Порогамъ. Селимъ, испугавшись какъ бы они не нажаловались на него, отправляется проводить ихъ. На пути они встрѣчаютъ еще 250 маньюмовъ; но такъ какъ при нихъ не оказалось никакихъ письменныхъ рекомендацій, ихъ отпускаютъ на всѣ четыре стороны, и они устремляются на поиски за слоновыми клыками.

Въ мартѣ Селимъ возвращается въ Ямбуйю и сообщаетъ офицерамъ, что носильщики теперь скоро придутъ, но только они отправятся не по слѣдамъ мистера Стэнли, а «прямо» на Уджиджи, въ Уніоро. Немножко сбились въ географіи, очевидно.

25-го марта маіоръ Бартлотъ возвращается въ лагерь съ извѣстіемъ, что Джемсонъ—неутомимый Джемсонъ!—отправился вверхъ по Конго вслѣдъ за Типпу-Тибомъ и намѣренъ идти за нимъ до самаго Касонго. Въ то-же время Бартлотъ намѣревается образовать летучій отрядъ, а большую часть вьюковъ оставить у Стэнлеевыхъ пороговъ на попеченіи одного изъ офицеровъ. Онъ составляетъ слѣдующую телеграмму на имя Комитета въ Лондонъ:

«Санъ-Поль-де-Лоанда, 1-го мая 1888.

Нѣтъ вѣстей о Стэнли съ октября. Типпу-Тибъ отправился въ Касонго 16-го ноября, но до марта набралъ лишь 250 человѣкъ. Будетъ больше, но неизвѣстно сколько, а изъ предосторожности и полагая, что Стэнли постигла бѣда, считаю безразсуднымъ выступать съ меньшимъ противъ него количествомъ, имѣя больше вьюковъ и еще пушку. Потому послалъ Джемсона въ Касонго торопить Типпу-Тиба касательно первоначально обѣщанныхъ шестисотъ человѣкъ, а также достать побольше людей вооруженныхъ, до 400, и постараться какъ можно выгоднѣе сторговаться относительно службы и вознагражденія людей, Джемсонъ и я ручаемся за уплату во имя экспедиціи. Джемсонъ возвратится 14-го мая, но выступимъ не ранѣе 1-го іюня, оставивъ у Стэнлеевыхъ пороговъ, подъ присмотромъ одного офицера, всѣ вьюки, безъ которыхъ можно обойтись. Настоящую депешу везетъ Уардъ. Прошу испросить отъ бельгійскаго короля къ администраціи области Конго телеграфомъ приказаніе доставить ему носильщиковъ и приготовить пароходы для перевезенія въ Ямбуйю. Если люди придутъ прежде его, выступлю безъ него. Ему нужно вернуться около 1-го іюля. Прошу мнѣнія и совѣта по телеграфу. Офицеры здоровы. Уардъ ждетъ отвѣта. Бартлотъ».

Мистеръ Уардъ отправился внизъ по Конго, необычайно скоро добрался до морскаго берега, подалъ телеграмму, дождался на нее слѣдующаго отвѣта и немедленно пошелъ снова вверхъ по Конго къ лагерю въ Ямбуйѣ.

„Маіору Бартлоту, черезъ Уарда, Конго.

Комитетъ рекомендуетъ вамъ сообразоваться съ предписаніями Стэнли отъ 24-го іюня 1887 г. Если все еще не можете выступить согласно предписаніямъ, оставайтесь на мѣстѣ до его возвращенія или до новыхъ распоряженій Стэнли. Комитетъ не одобряетъ найма вооруженныхъ людей. Были вѣсти отъ Эмина-паши, черезъ Занзибаръ, изъ Уаделаи отъ 2-го ноября. О Стэнли тогда не было слуховъ. Эминъ-паша здоровъ, не нуждается въ немедленномъ подкрѣпленіи, идетъ къ югозападному концу озера ждать Стэнли. Письма посылаются регулярно черезъ восточный берегъ.

Предсѣдатель Комитета».

Прибывъ въ Бангалу мистеръ Уардъ получаетъ приказаніе не двигаться дальше.

Комитетъ нѣсколько ошибся, назвавъ мои инструкціи «предписаніями». Это не приказанія, а указанія и совѣты начальника экспедиціи начальнику арріергарда, который можетъ воспользоваться ими, а можетъ и не пользоваться. Маіоръ Бартлотъ выражалъ горячее

стремленіе принимать въ экспедиціи дѣятельное участіе. Онъ говорилъ, что ничего такъ не желаетъ, какъ поскорѣе выступить изъ Ямбуйи, чтобы идти по нашимъ слѣдамъ. Искренно сочувствуя такимъ стремленіямъ молодаго офицера, начальникъ экспедиціи письменно излагаетъ рядъ указаній, помощью которыхъ можно осуществить его желанія, а потомъ карандашемъ набрасываетъ на бумагу (см. Приложенія) расчетъ, по которому арріергардъ можетъ подвигаться по пути, проложенному авангардомъ. Маіоръ выражаетъ искреннее намѣреніе дѣйствовать сообразно этимъ указаніямъ и на этомъ мы съ нимъ разстаемся. Но все-таки это были не «предписанія», потому что, какъ говорится, и эпитафію человѣку лучше сочинять послѣ его смерти, и медаль лучше давать послѣ того, какъ человѣкъ заявилъ о себѣ своими заслугами.

Въ концѣ марта маіоръ поссорился съ Селимомъ-бенъ-Могамедомъ и находитъ нужнымъ дѣлать пятый визитъ къ Порогамъ, чтобы добиться его удаленія.

Въ половинѣ апрѣля маіоръ возвращается въ лагерь, а Селимъ получаетъ приказаніе покинуть Ямбуйю. Но вмѣсто того, чтобы идти къ порогамъ Стэнли, онъ отправляется грабить большое селеніе пониже Ямбуйи и черезъ нѣсколько дней является снова, съ извѣстіемъ что, по слухамъ, колонна авангарда идетъ внизъ по теченію Арухуими.

9-го мая 1888, маіоръ предпринимаетъ шестой визитъ къ порогамъ Стэнли и 22-го мая возвращается съ неутомимымъ Джемсономъ и многочисленною партіей маньюмовъ. Черезъ три дня является наконецъ и Типпу-Тибъ, который 18-го іюня 1887 года обѣщалъ придти черезъ девять дней, а въ августѣ черезъ десять; онъ приплываетъ на пароходѣ «А. I. А.», а пароходъ «Стэнли» въ тоже время привозитъ письма къ членамъ экспедиціи.

Типпу-Тибъ увѣряетъ, что вьюки вѣсомъ по 60 фунтовъ слишкомъ тяжелы для его носильщиковъ и офицеры принуждены передѣлывать ихъ въ тюки по 40, 30 и 20 фунтовъ вѣсу; работа длинная, хлопотливая, — но нечего дѣлать, подчинились и этому. Мистеръ Бонни разсказываетъ, что въ видѣ задатка маньюмамъ выдаются сорокъ семь тюковъ сукна, громадное количество пороха и патроновъ, и кромѣ того старшинѣ отряда маньюмовъ, Муини-Сомаи, выдается разныхъ товаровъ на сумму 128 фунтовъ стерлинговъ (1280 рублей). Тогда подвергаются пересмотру европейскіе консервы, отбираютъ такіе предметы какъ мадеру, варенья, саго, тапіока, аррорутъ, сардины, селедки, крупичатую муку, все это упаковываютъ въ ящики, какъ нѣчто вовсе безполезное, присоединяютъ къ нимъ восемь ящиковъ моего собственнаго багажа, тоже, по ихъ мнѣнію, совершенно ненужнаго, и все это

отсылаютъ въ Бангалу, а оттуда въ Европу. на томъ же пароходѣ. который отвозитъ хвораго мистера Трупа на родину.

Наконецъ 11-го іюня 1888 года, выключивъ изъ отряда 29 человѣкъ занзибарцевъ и четырехъ суданцевъ, негодныхъ въ походъ, господа Бартлотъ, Джемсонъ и Бонни выступаютъ изъ лагеря, который имъ слѣдовало-бы покинуть по крайности 25-го августа 1887 года, и ведутъ за собою занзибарцевъ, суданцевъ, сомали и маньюмовъ числомъ до девятисотъ человѣкъ (включая женщинъ и дѣтей) и вся эта ватага отправляется «дѣлать все возможное» для отысканія своего пропавшаго начальника и для поданія помощи Эмину-пашѣ.

Тѣ шесть визитовъ, которые маіоръ и его спутники совершили къ Стэнлеевымъ порогамъ составляютъ въ общей сложности 1.200 англійскихъ миль (около 2.000 верстъ) пути. Самъ энергическій маіоръ сдѣлалъ изъ нихъ только 800 миль, но Джемсонъ прошелъ всѣ 1.200. Если-бы они только на 1.200 миль-то подвинулись отъ Ямбуйи къ озеру Альберта, вѣдь арріергардъ былъ-бы уже у Водопадовъ Панга. Даже дѣлая по шестидесяти миль (взадъ и впередъ) для того, чтобы дѣйствительно подвинуться на десять миль, они-бы пришли хоть въ Авиджили, гдѣ могли отдохнуть и поправиться среди роскошныхъ банановыхъ плантацій этого богатаго и многолюднаго поселенія.

Но пока маіоръ съ товарищами старались принудить безчестнаго человѣка выполнить принятыя имъ обязательства, подносяему въ подарокъ то ружья цѣнностью по 450 рублей за штуку, то ремингтоновскія, то револьверы, оправленные въ слоновую кость, и къ нимъ множество снарядовъ, то цѣлые тюки наилучшихъ суконъ,—собственные ихъ вѣрные слуги и сподвижники умирали десятками. Изъ 271 человѣка, оставшихся при нихъ. изъ Ямбуйи выступило лишь 132, а къ тому времени какъ пришли въ Баналію ихъ осталось всего 101, изъ которыхъ почти половина уже на столько была изнурена болѣзнями и голодомъ, что обѣщала прожить недолго.

Черезъ тринадцать дней по выступленіи орды маньюмовъ и кучки еле-живыхъ занзибарцевъ изъ злосчастнаго ямбуйскаго лагеря, маіоръ не нашелъ ничего лучшаго какъ отправиться съ седьмымъ визитомъ на пороги Стэнли, а свою колонну предоставляетъ на волю судебъ, на пути въ Баналію. На сорокъ третій день ходу (на протяженіи всего 90 миль) передовые арріергарда вступаютъ въ защищенное селеніе Баналію, которое въ мое отсутствіе превратилось въ станцію Типпу-Тиба и управлялось арабомъ, по имени Абдалла-Карони. Въ тотъ же день и предпріимчивый и неугомонный маіоръ является туда-же со Стэнлеевыхъ пороговъ. На другой день между нимъ и Абдаллой Карони уже возникаютъ какія-то недоразумѣнія: маіоръ на него бѣсится

и кричитъ, что 20-го іюля опять пойдетъ къ порогамъ Стэнли (восьмой визитъ!) и будетъ на него жаловаться Типпу-Тибу; но на зарѣ 19-го іюля нѣкто Санга прицѣливается въ него изъ ружья, пуля пробиваетъ сердце и несчастный командиръ падаетъ мертвый.

Позволяю себѣ привести ниже оффиціальное донесеніе мистера Бонни, въ нѣсколько пересмотрѣнномъ видѣ.

«18-го іюля 1888. Маіоръ продолжалъ угрожать Абдаллѣ, что если онъ не достанетъ носильщиковъ, обѣщанныхъ Типпу-Тибомъ, то онъ 20-го числа вернется къ Стэнлеевымъ порогамъ и велѣлъ арабу слѣдовать за нимъ. Маіоръ сказалъ мнѣ, что воротится 9-го августа, но потомъ вдругъ спросилъ: какъ вы думаете, вѣдь это хорошо что я пойду къ Стэнлеевымъ порогамъ? Но я отвѣчалъ: Нѣтъ, я не вижу зачѣмъ вамъ еще 60 человѣкъ? У насъ носильщиковъ довольно, и даже слишкомъ. Вы бы лучше раздали людямъ ружья и патроны, тогда у насъ пятнадцатью вьюками будетъ меньше, да и людямъ окажете довѣріе. Вѣдь Стэнли довѣряетъ-же своимъ людямъ. А коли отъ васъ убѣгутъ, такъ вѣдь и отъ него бѣгаютъ; только если вы ихъ предоставите на мое попеченіе, я думаю что не убѣгутъ.—Маіоръ сказалъ: Я хочу сдать вамъ отнынѣ командованіе занзибарцами и суданцами, а вы ступайте на сутки впередъ. Мистеръ Джемсонъ и я пойдемъ съ маньюмами и постараемся привесть ихъ въ должный порядокъ и присмотрѣть за тѣмъ, чтобы они не мѣшались съ вашими. Мнѣ не хочется идти къ Порогамъ, но вы все-таки попробуйте достать еще нѣсколько человѣкъ. Если вы добудете двадцать, съ меня и довольно. Я спрашивалъ у Абдаллы, не дастъ-ли онъ хоть сколько нибудь; семь человѣкъ выпросилъ.

«19-го іюля. Утромъ на зарѣ вышла на улицу женщина маньюмка, и стала бить въ барабанъ и пѣть. Это ихъ всегдашній обычай. Маіоръ послалъ своего слугу Суди, мальчика лѣтъ тринадцати, сказать чтобы перестали, но съ разныхъ сторонъ раздались на это громкіе и сердитые крики и въ знакъ неудовольствія и протеста еще кто-то два раза выстрѣлилъ. Маіоръ приказалъ суданцамъ розыскать, кто стрѣляетъ, а самъ всталъ съ постели, вытащилъ изъ шкатулки свои револьверы, и говоритъ: «Застрѣлю перваго, кто осмѣлится стрѣлять». Я сталъ ему говорить, чтобы онъ не мѣшалъ имъ, что таковъ ихъ обычай, уговаривалъ его не выходить, тѣмъ болѣе что они скоро успокоятся и затихнутъ. Онъ все-таки вышелъ съ револьверомъ въ рукѣ и пошелъ въ ту сторону, гдѣ были суданцы. Они ему сказали, что не могутъ найдти, кто стрѣлялъ. Тогда маіоръ растолкалъ нѣсколькихъ маньюмовъ, стоявшихъ кучкой, прошелъ къ той женщинѣ, которая продолжала пѣть и бить въ барабанъ, и приказалъ ей перестать.

Въ эту минуту мужъ этой женщины, по имени Санга, выстрѣлилъ черезъ окошко своей хижины, стоявшей напротивъ маіора: пуля пробила ему грудь подъ самымъ сердцемъ и, вылетѣвъ насквозь, засѣла въ верандѣ, около которой маіоръ упалъ мертвый.

«Суданцы убѣжали и не хотѣли идти со мною поднять тѣло маіора; я пошелъ самъ, а за мной еще одинъ суданецъ и одинъ самали, и мы втроемъ перенесли трупъ въ мое жилище. Поднялся страшный крикъ и я подумалъ, что началась общая рѣзня, потому что ни одного занзибарца не было видно: они или попрятались въ домахъ, или присоединились къ общей свалкѣ. Обернувшись я увидѣлъ одного изъ старшинъ маньюмовъ, который съ ружьемъ и револьверомъ велъ къ моей хижинѣ отрядъ человѣкъ въ шестьдесятъ. У меня оружія не было. Я пошелъ къ нему навстрѣчу и спросилъ: — ты ведешь своихъ людей, чтобы напасть на меня?—Онъ говоритъ— нѣтъ!—Я сказалъ: такъ отошли людей по домамъ, и приведи ко мнѣ всѣхъ старшинъ потому, что мнѣ нужно поговорить съ ними.—Вскорѣ потомъ пришли нѣкоторые старшины и я сказалъ имъ:—Вы не мнѣ надѣлали хлопотъ, а Типпу-Тибу. Теперь я требую чтобы вы принесли ко мнѣ назадъ всѣ вьюки, и всѣмъ людямъ велите тоже сдѣлать. Типпу-Тибъ долженъ знать что̀ дано каждому изъ васъ, онъ же и отвѣчаетъ за наше добро. Это его дѣло. Онъ долженъ будетъ заплатить за каждую вещь, которая потеряется, и накажетъ того старшину, у котораго случится пропажа. Я къ нему напишу, и онъ придетъ сюда, и узнаетъ имена тѣхъ, кто не захочетъ сдѣлать по моему.—Послѣ этого мнѣ принесли обратно въ складъ около 150 вьюковъ. Я послалъ своихъ людей собирать остальное, и вскорѣ мы набрали 299 вьюковъ. Разыскивать ихъ пришлось не только по всей деревнѣ, но и въ лѣсу, и въ рисовыхъ поляхъ, и съ самыхъ хижинахъ, внутри и снаружи. Иные изъ мѣшковъ съ бусами или ящики съ патронами были уже вскрыты, или разобраны и содержимое частію, а иногда и совсѣмъ, вытащено. Сведя счеты я выяснилъ, что сорока восьми вьюковъ какъ не бывало. Населеніе деревни состояло изъ двухъ или трехъ сотъ душъ; я пришелъ съ одной сотней; у Муни Сомаи (главнаго старшины маньюмовъ) было 430 носильщиковъ, да человѣкъ двѣсти разной челяди, такъ что насъ всѣхъ было больше тысячи человѣкъ, изъ которыхъ 900 людоѣдовъ, и все это скучено на пространствѣ ста саженъ въ длину и 12 саженъ въ ширину. Легче вообразить чѣмъ описать что это была за суматоха, когда всѣ принялись кричать, стрѣлять, ревѣть, растаскивать имущество экспедиціи и пр. и пр.—Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что занзибарцы и суданцы всѣ до одного участвовали въ грабежѣ. Но я съ

своей стороны обыскалъ всѣ ихъ жилища и шалаши и отобралъ у нихъ множество сукна, бусъ, рису и проч. Пришлось очень строго наказать нѣсколькихъ, чтобы остановить это поголовное воровство. Я написалъ мистеру Джемсону, который въ то время былъ дня за четыре пути, и также провожалъ остальные вьюки. Я писалъ также къ нѣкоему г. Барту, который на государственной службѣ въ области Конго и вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ секретаремъ при Типпу-Тибѣ у Пороговъ Стэнли; я изложилъ ему положеніе дѣлъ и все происшедшее и просилъ приложить все свое обычное умѣнье къ тому, чтобы уговорить Типпу-Тиба или придти сюда, или по крайней мѣрѣ прислать какого-нибудь надежнаго старшину на мѣсто Муини Сомаи, который одинъ изъ первыхъ бѣжалъ изъ лагеря. Я просилъ г. Барта внушить Гиппу-Тибу, что вся Европа будетъ порицать его въ случаѣ если онъ не поспѣшитъ придти намъ на помощь.

„Я схоронилъ маіора, зашивъ его въ простыню. Вырылъ могилу въ лѣсу, дно ея выложилъ листьями, изъ нихъ-же сдѣлалъ ему подушку подъ голову и сверху тоже засыпалъ его листьями. Потомъ по молитвеннику прочелъ похоронныя молитвы и тѣмъ завершилъ этотъ ужасный день.

„Маіоръ собственноручно написалъ и передалъ мнѣ приказъ, которымъ онъ меня назначилъ начальникомъ занзибарцевъ и суданцевъ въ ту минуту когда весь лагерь и въ особенности жизнь самого маіора были въ величайшей опасности. Вслѣдствіе того принимаю на себя командованіе этой второй колонной Экспедиціи Вспомоществованія Эмину-пашѣ впредь до возвращенія мистера Стэнли или до достиженія нами береговъ моря.

„Постараюсь съ Божіею помощью, чтобы экспедиція была отнынѣ успѣшнѣе чѣмъ до сихъ поръ. Мистеръ Джемсонъ займетъ то мѣсто, которое назначено въ инструкціи, данной мистеромъ Стэнли маіору Бартлоту; а теперь онъ отправляется къ Стэнлеевымъ порогамъ понудить Типпу-Тиба дать намъ для маньюмовъ другого старшину. Мистеръ Джемсонъ будетъ тамъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, считая себя теперь начальникомъ арріергарда: я его оставилъ въ этомъ убѣжденіи. Но когда онъ возвратится сюда, я покажу ему документъ, копію съ котораго привелъ выше.

Честь имѣю быть и проч. Ульямъ Бонни.

Г. М. Стэнли.

Командующему Э. В. Э. П.»

Черезъ три дня послѣ этой трагедіи Джемсонъ приходитъ въ Баналію съ послѣднимъ отрядомъ арріергарда, и принимаетъ на себя

начальство; но 25-го іюля, ободривъ мистера Бонни своими рѣчами, онъ въ восьмой разъ отправляется къ Порогамъ Стенли въ надеждѣ, что посуливъ жадному Типпу Тибу много золота, онъ склонитъ его къ тому, что онъ или самъ возмется идти во главѣ колонны арріергарда, или пошлетъ на это мѣсто одного изъ своихъ пылкихъ племянниковъ, Селима бенъ-Могаммеда, либо Решида, того самого, который взялъ приступомъ и отнялъ у капитана Дина укрѣпленіе у Стэнлеевыхъ пороговъ.

12-го августа Джемсонъ пишетъ къ мистеру Бонни (см. приложенія) свое послѣднее письмо, начинающееся словами: «Экспедиція наша еле-жива, какъ вѣроятно и вы сознаете...» Да, этотъ печальный фактъ былъ слишкомъ очевиденъ.

Настоявъ на томъ, чтобы надъ убійцею маіора состоялся уголовный судъ и самъ будучи свидѣтелемъ того, какъ этого Санга разстрѣляли и выбросили трупъ его въ Конго, Джемсонъ отправляется съ Пороговъ Стэнли въ Бангалу. По какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, не только маіоръ Бартлотъ, но и мистеръ Джемсонъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы задержать мистера Уарда въ Бангалѣ, а потому отвѣтная телеграмма комитета отъ 1-го мая все еще была въ его рукахъ. Мистеру Джемсону необходимо узнать содержаніе этой телеграммы, прежде чѣмъ тронуться въ дальнѣйшій путь, а потому онъ беретъ съ собою десятерыхъ занзибарцевъ, садится въ лодку и плыветъ въ Бангалу. Они плывутъ день и ночь; дойдя до мѣста впаденія въ Конго рѣки Люмами, онъ заболѣваетъ лихорадкой. Здоровье его уже сильно надорвано тревогой и уныніемъ послѣднихъ мѣсяцевъ, а главное сознаніемъ, что экспедиція, ради которой онъ принесъ столько жертвъ, столько трудился, хлопоталъ, исходилъ 1400 миль африканской земли (1200 миль до выступленія изъ Ямбуйи и еще 200 миль съ тѣхъ поръ), истратилъ множество своихъ собственныхъ денегъ, отказывался отъ всѣхъ личныхъ удобствъ, словомъ всю душу положилъ въ эту экспедицію, а она «еле-жива», какъ онъ самъ-же выразился. Вскорѣ болѣзнь развивается до крайнихъ размѣровъ, мозгъ его горитъ. Матросы гребутъ день и ночь, изо всѣхъ силъ поспѣшая въ Бангалу, куда наконецъ приходятъ и передаютъ умирающаго Джемсона Уарду. На другой день онъ умираетъ на рукахъ Уарда въ то самое время какъ авангардъ экспедиціи, ускореннымъ шагомъ прошедшій черезъ лѣса съ Альбертъ-Ніанзы, вступаетъ въ банаалійскій лагерь и я спрашиваю,—гдѣ-же Джемсонъ?

Черезъ двадцать восемь дней послѣ трагической смерти Бартлота и чрезъ 23 дня по уходѣ Джемсона, авангардъ пришелъ съ Ніанзы въ значительно сокращенномъ числѣ, и до такой степени оборван-

ный, что людей приняли сначала за дикихъ язычниковъ, набранныхъ по дорогѣ, и даже старые товарищи ихъ не узнавали; и тутъ придя въ Баналію мы въ первый разъ услыхали ужасную исторію своего арріергарда.

Впечатлѣніе отъ этихъ горестныхъ разсказовъ еще усиливалось созерцаніемъ наличныхъ бѣдствій. Ни разсказать, ни описать невозможно всѣхъ ужасовъ, которые мы застали въ этомъ зачумленномъ лагерѣ. Страшная болѣзнь, бичъ варварскихъ племенъ, изуродовала лица и тѣла многихъ бѣдняковъ, потерявшихъ образъ человѣческій: искривленые, изъязвленные, вспухшіе, они приползли изъ любопытства, поглазѣть на насъ, пришедшихъ изъ дальнихъ лѣсовъ съ востока, и мы смотрѣли на нихъ не выражая даже отвращенія и чувствуя только жалость при видѣ смерти, написанной на ихъ лицахъ. Шесть мертвыхъ тѣлъ валялись не прибранныя, не погребенныя, а десятки живыхъ обнаруживали передъ нами свои страшныя язвы. Другіе были изнурены дисентеріей, малокровіемъ, высохли какъ скелеты и на ихъ сморщенной кожѣ и выдающихся костяхъ торчали громадные нарывы, величиною съ чайное блюдце,—и они тоже приползли и хриплыми голосами привѣтствовали наше появленіе въ этомъ скопищѣ всякаго гнилья! Я былъ до того утомленъ физически и нравственно, такъ подавленъ всѣмъ что видѣлъ и слышалъ, что не знаю какъ перенесъ эти первые часы, эти безконечные разсказы о всевозможныхъ бѣдствіяхъ; въ воздухѣ стояло нестерпимое зловоніе, въ ушахъ раздавались жалобы, передъ помутившимся взоромъ то и дѣло мелкали отвратительныя зрѣлища. Убійства и смерть, болѣзни и горе, страхъ и печаль, и куда ни взглянешь, отовсюду на меня устремлены впалые глаза этихъ полумертвыхъ людей и съ такимъ довѣріемъ, съ такой тоскливой мольбой они смотрятъ, что сердце у меня разрывалось отъ жалости и муки. Я сидѣлъ ошеломленный, задыхаясь подъ бременемъ отвѣтственности и безнадежности, а разсказы о страданіяхъ и смертяхъ все продолжались, и ни о чемъ больше не говорилось, какъ о смертяхъ и страданіяхъ. Въ одной Ямбуйѣ сотня могилъ, да тридцать три человѣка брошено въ лагерѣ больныхъ при смерти, да десять умерло по дорогѣ, еще сорокъ чуть живыхъ тутъ, въ Баналіи, больше двадцати въ бѣгахъ, и дай Богъ, чтобы осталось на лицо хоть шестьдесятъ человѣкъ. А что осталось отъ группы отважныхъ, энергическихъ англичанъ?—«Вотъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, могила Бартлота; Трупъ отправленъ на родину худой какъ скелетъ и еле-живой; Уардъ гдѣ-то скитается; Джемсонъ, не знаю зачѣмъ, опять уѣхалъ къ Порогамъ...»—Такъ что одни вы остались, мистеръ Бонни, совсѣмъ одни?—«Совсѣмъ одинъ, сэръ».

Разсказывать въ подробности все что я видѣлъ въ Баналіи неизреченныхъ страданій и глубочайшихъ бѣдствій, было бы все равно, что содрать повязку съ громадной гніющей раны и обнажить передъ публикой ея кровоточивыя жилы; это никакой пользы принесть не можетъ, а породитъ только ужасъ и омерзеніе.

Безусловно вѣря въ рвеніе Бартлота, въ постоянство Джемсона, въ юношескую силу и мужество Уарда, въ осторожность и благонадежность Трупа, въ сдержаность и благоразуміе Бонни, я тѣмъ болѣе былъ сраженъ всѣмъ, что пришлось выслушать. Мнѣ казалось, что нашъ арріергардъ былъ такъ отлично устроенъ, такъ приспособленъ къ продолжительному и плодотворному труду, что я не могъ понять, какъ все это могло случиться. Но, какъ видно, „случаи" для дѣятельности мелькнули мимо ихъ незамѣченные и непойманные, и они шли безъ цѣли и пути, такъ только чтобы не стоять на мѣстѣ.

Какъ, Бартлотъ, этотъ пылкій, неутомимый, веселый воинъ, съ юношески открытымъ, безстрашнымъ нравомъ, съ честолюбивой и благородной душой,—этотъ человѣкъ, отъ природы такъ щедро одаренный, унижался передъ старымъ хитрецомъ у Стэнлеевыхъ Пороговъ? Это непостижимая для меня загадка. Я бы скорѣе повѣрилъ, еслибы мнѣ сказали, что онъ схватилъ его за длинную сѣдую бороду и разбилъ кулаками физіономію Типпу-Тиба, чѣмъ дозволить ему такъ опутать себя и столько разъ повѣрить ему на слово. Въ ушахъ моихъ все еще отдается его стремительная клятва, не ждать ни одного дня послѣ назначеннаго срока; я еще чувствую крѣпкое пожатіе его руки, вижу его рѣшительное лицо, и помню какъ я ему пламенно вѣрилъ.

Говорятъ, что тихія воды глубоки. Джемсонъ былъ такой тихій, терпѣливый и твердый человѣкъ, что всѣ мы признавали въ немъ нѣкоторое величіе. Онъ внесъ 10 тысячъ рублей и обѣщалъ служить намъ вѣрно и усердно, за честь войти въ составъ экспедиціи. Кромѣ того, у него была страсть къ естественнымъ наукамъ вообще, и въ особенности къ орнитологіи и энтомологіи. Бартлотъ говорилъ, что его „дѣятельность, способность и любовь къ труду не имѣли границъ",—и я вполнѣ готовъ подтвердить этотъ отзывъ. Нѣкоторыя другія его качества явствуютъ изъ его письма отъ 12-го августа и изъ его записей въ походномъ журналѣ. Его дѣятельность и усердіе внушаютъ довѣріе и успокоеніе, покуда читаешь эти строки; и онъ запечатлѣлъ свою преданность дѣлу пожертвованіемъ ста тысячъ рублей изъ собственнаго кармана, а главное—этимъ несчастнымъ путешествіемъ въ лодкѣ день и ночь, пока наконецъ его перенесли изъ нея на постель, гдѣ онъ и умеръ въ Бангалѣ.

Положимъ, что Типпу-Тибъ въ самомъ дѣлѣ хорошо принималъ

этихъ молодыхъ людей, во время ихъ частыхъ визитовъ къ Порогамъ Стэнли; положимъ что онъ былъ съ ними ласковъ, и угощалъ ихъ по мѣрѣ силъ, и не иначе отпускалъ въ Ямбуйю какъ одаривъ ихъ мѣшками риса и стадами козъ,—все это подтверждаютъ очевидцы. Но вѣдь его врожденное властолюбіе, его глубочайшее невѣжество въ географіи, его варварская самонадѣянность, его разроставшаяся лѣность и скаредность развѣ не служили неодолимыми препятствіями къ осуществленію завѣтной цѣли Бартлота и Джемсона, развѣ онѣ не были также противны ихъ интересамъ и намѣреніямъ, какъ если бы онъ просто объявилъ имъ войну? Меня именно тò и удивляетъ, что офицерамъ ни разу не пришло въ голову, что всѣ ихъ визиты и богатые подарки ни къ чему не ведутъ, что ни ближайшія ихъ цѣли, ни наслѣдственная ихъ порядочность, ни ихъ воспитаніе, ни привычки, ни личныя свойства не дозволяютъ имъ больше повторять эти визиты. Но они, по какимъ-то непонятнымъ причинамъ, возложили свои упованія на Типпу-Тиба, и не взирая ни на что, вѣрятъ въ его обѣщанія „черезъ девять дней,“ „черезъ десять дней,“ „черезъ сорокъ два дня,“—тогда какъ всѣ эти обѣщанія съ тѣмъ и дѣлались, чтобы никогда не исполняться.

Но и самое черствое сердце не можетъ равнодушно отнестись къ судьбѣ этихъ юношей, такъ преждевременно унесенныхъ смертью, тогда какъ въ сущности помощь имъ была уже такъ близко! Какъ бодро стараются они отвлечься отъ окружающихъ печальныхъ впечатлѣній и разсудить, въ чемъ состоитъ ихъ ближайшая задача, каковы требованія долга? Сидя за обѣдомъ они обсуждаютъ, что дѣлать. Столкновеніе мыслей порождаетъ искру: кому нибудь приходитъ здравая мысль; но едва она сообщена другимъ и одобрена, какъ что нибудь тушитъ ее въ самомъ зародышѣ и доброе намѣреніе пропадаетъ даромъ. Предлагается цѣлый рядъ плановъ, далеко отступающихъ отъ тѣхъ простыхъ указаній, которыя я имъ оставилъ, и каждый изъ этихъ плановъ въ свою очередь встрѣчаетъ вскорѣ неодолимыя препятствія къ своему исполненію. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ они одушевлены чистѣйшими побужденіями и до конца оставались вѣрны своей идеѣ; но каждое ихъ дѣйствіе вводило ихъ самихъ въ неисправимыя бѣды и въ то же время они безсознательно доводили до отчаянія своихъ искреннихъ доброжелателей въ колоннѣ авангарда.

Считаю долгомъ, во имя справедливости, привести также донесеніе мистера Герберта Уарда. Вотъ оно:

«Городъ Нью-Іоркъ, отель Виндзоръ.
13-го февраля 1890 г.

„14-го августа 1887 года, Трупъ, Бонни и я съ людьми и вьюками

прибыли изъ Болобо въ Ямбуйю. Мы узнали, что съ вашего отбытія 28-го іюня 1887 г. о Типпу-Тибѣ ничего не было слышно, а маіоръ и Джемсонъ все время занимались заготовкою топлива для парохода. На другой день послѣ полудня шайка маньюмовъ напала на временное поселеніе, выстроенное старшиною Нгунга на противоположномъ берегу рѣки, пониже пороговъ. Бонни и я сѣли въ челнокъ и пошли посмотрѣть что это за люди; но они, замѣтивъ повидимому пароходъ, стоявшій у входа въ нашъ лагерь, убѣжали въ лѣсъ и воротились въ свой лагерь, который, по словамъ туземцевъ, въ нѣсколькихъ дняхъ пути отсюда вверхъ по рѣкѣ. На слѣдующій день старшина маньюмовъ Абдалла пришелъ къ намъ съ небольшою свитой и сталъ разсказывать какъ Типпу-Тибъ, вѣрный своему слову, выслалъ намъ въ челнокахъ 500 человѣкъ подъ начальствомъ Селима-бенъ-Могаммеда, но туземцы встрѣтили ихъ до крайности враждебно, такъ что они, пройдя нѣсколько дней вверхъ по рѣкѣ на шестахъ, и нигдѣ не замѣчая слѣдовъ нашего лагеря, разбились на мелкія партіи и Селимъ разослалъ ихъ въ разныя стороны, разыскивать насъ. Абдалла представился намъ въ качествѣ старшины одной изъ этихъ партій, посланныхъ на поиски нашего лагеря. Ту-же исторію пятисотъ человѣкъ, шедшихъ вверхъ по Арухуими и разбившихся на партіи, разсказывали нѣсколько иначе, а именно, что у нихъ всѣ патроны вышли и тогда они не могли сладить съ туземцами. Абдалла увѣрялъ, что Типпу-Тибъ все еще готовъ снабдить насъ людьми, а такъ какъ Стэнлеевы Пороги отсюда очень не далеко, то намъ легко будетъ сходить къ Типпу-Тибу; и даже самъ онъ вызвался завтра проводить насъ туда.

„Маіоръ отрядилъ Джемсона и меня сходить къ Порогамъ. Тамъ опять намъ разсказали туже исторію, что Типпу-Тибъ выслалъ намъ большую партію людей, но что на рѣкѣ Арухуими имъ пришлось разбиться на мелкія, по той причинѣ, что они никакъ не могли пробиться черезъ одну большую, многолюдную деревню, жители которой на нихъ напали и прогнали ихъ, потому что у нихъ весь порохъ вышелъ. Типпу-Тибъ снова выразилъ свою готовность дать намъ людей, но прибавилъ, что теперь не скоро ихъ опять соберешь.

„Такъ какъ у насъ въ лагерѣ въ Ямбуйѣ было до шестисотъ цѣнныхъ вьюковъ, а людей, годныхъ къ перенесенію тяжестей, никакъ не болѣе ста семидесяти пяти, мы всѣ считали за лучшее хранить вьюки въ лагерѣ, гдѣ было чѣмъ прокормить людей, и дожидаться обѣщанной помощи отъ Типпу-Тиба, вмѣсто того, чтобы часть вьюковъ бросить, а съ остальными дѣлать тройные переходы. Притомъ-же, по нѣсколькимъ примѣрамъ мы всѣ убѣдились, что если люди отъ насъ

дезертируютъ даже теперь, пока мы стоимъ въ лагерѣ, то тѣмъ болѣе они разбѣгутся по дорогѣ, и черезъ нѣсколько дней ходу присоединятся къ шайкамъ маньюмовъ или племени Уасуагили, которыя рыщутъ по лѣсу во всѣхъ направленіяхъ и своимъ привольнымъ житьемъ возбуждаютъ зависть въ нашихъ людяхъ: они очень недовольны своимъ жребіемъ, а перспектива присоединиться къ своимъ удалымъ собратьямъ въ самомъ дѣлѣ должна быть для нихъ очень соблазнительна. Маіоръ, нашъ начальникъ, лично терпѣть не могъ занзибарцевъ и не имѣлъ на нихъ должнаго вліянія.

„Типпу-Тибъ продолжалъ оттягивать, а многіе изъ занзибарцевъ, отъ природы довольно хилыхъ и болѣзненныхъ, тѣмъ временемъ захворали и умерли. Они были постоянно чѣмъ нибудь заняты, а потому нельзя приписать ихъ смертности бездѣйствію. Будучи фаталистами, они безъ всякаго усилія покорялись своей участи, потому что твердо были увѣрены, что „Буана Макубуа“ съ ихъ товарищами ушелъ въ темные лѣса и тамъ они всѣ погибли. А такъ какъ они убѣдились, что самимъ имъ нельзя иначе воротиться на родину, какъ черезъ эти самые лѣса, то заранѣе считали это предпріятіе безнадежнымъ, и махнувъ на все рукой, ложились и умирали.

„Мы ожидали вашего возвращенія въ Ямбуйю къ концу ноября; но время шло, и никакихъ о васъ извѣстій не было. Мы не могли предпринимать тройныхъ переходовъ по причинѣ болѣзненнаго состоянія людей. Употребляли всякія мѣры, чтобы побудить Типпу-Тиба къ скорѣйшей доставкѣ носильщиковъ, но безуспѣшно.

Въ февралѣ 1888 года маіоръ и Джемсонъ опять пошли къ Порогамъ и 24 марта маіоръ воротился въ Ямбуйю. Онъ намъ сказалъ что обязался уплатить Типпу-Тибу большую сумму за доставку людей, что Джемсонъ для ускоренія дѣла самъ отправился въ Касонго, и что, по его мнѣнію, пора извѣстить комитетъ о нашемъ положеніи и сообщить ему, что, во первыхъ, вотъ уже девять мѣсяцевъ какъ вы ушли и до сихъ поръ о васъ нѣтъ ни слуху ни духу; во вторыхъ, что Типпу-Тибъ не доставляетъ обѣщанной помощи и что мы все еще сидимъ въ Ямбуйѣ и не можетъ сдвинуться съ мѣста. Пароходы совсѣмъ не приходили къ лагерю съ тѣхъ поръ какъ подвезли насъ въ послѣдній разъ.

„Намъ казалось очевиднымъ, что обстоятельства помѣшали вамъ сообщаться съ нами и что можетъ быть на восточномъ берегу что нибудь извѣстно о вашихъ передвиженіяхъ.

„Такъ какъ мы думали, что очень возможно дойти до Лоанды, телеграфировать комитету, получить отъ него отвѣтъ и воротиться въ Ямбуйю къ тому времени какъ мы ожидали Джемсона изъ Касонго,

то маіоръ составилъ и подписалъ телеграмму и поручилъ мнѣ отвезти ее въ Лоандо и отправить. Я добрался до Санъ-Паоло-де-Лоанда въ тридцать дней и какъ только получилъ отвѣтную телеграмму (между прочимъ тамъ была фраза: „рекомендуемъ вамъ сообразоваться съ предписаніями Стэнли отъ 24-го іюня“; этой фразы Трупъ и я ожидали, еще прежде чѣмъ я ушелъ въ Лоанду), поспѣшилъ назадъ до Бангалы, гдѣ маіоръ велѣлъ мнѣ оставаться до полученія дальнѣйшихъ распоряженій отъ комитета, которому онъ писалъ, что болѣе не нуждается въ моихъ услугахъ, а также и въ тѣхъ вьюкахъ, которые онъ отослалъ на пароходѣ „Стэнли“.

„Черезъ пять недѣль по прибытіи моемъ въ Бангалу, пароходъ „En-Avant“ привезъ извѣстіе, что маіоръ убитъ. Джемсонъ, бывшій въ то время у Пороговъ, съ цѣлью добиться казни убійцы и скорѣйшаго набора носильщиковъ, написалъ мнѣ, чтобы я непремѣнно оставался въ Бангалѣ. Онъ отправился съ Пороговъ въ лодкѣ и когда прибылъ въ Бангалу, то былъ уже при послѣднемъ издыханіи, въ желчной лихорадкѣ. Несмотря на всѣ старанія и усилія, на другой же день онъ скончался. Онъ приплылъ въ Бангалу, во первыхъ затѣмъ, чтобы узнать отвѣтъ комитета на телеграмму маіора, а во вторыхъ затѣмъ, чтобы забрать меня и всѣ вьюки обратно на томъ пароходѣ, который, по словамъ служащаго у Пороговъ правительственнаго чиновника, долженъ былъ придти въ Бангалу, на пути къ Порогамъ, въ то самое время какъ Джемсонъ доберется до Бангалы. Свѣдѣніе на счетъ парохода однако же оказалось ложнымъ, а Джемсонъ въ первый же день своего путешествія въ лодкѣ почувствовалъ сильнѣйшій ознобъ и заболѣлъ желчною лихорадкой, которая свела его въ могилу. Такъ какъ я зналъ, что въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ни одинъ пароходъ не пойдетъ къ Порогамъ и что мнѣ, слѣдовательно, долго еще не будетъ случая присоединиться къ Бонни, я отправился снова къ морскому берегу и по телеграфу донесъ комитету о кончинѣ Джемсона и о положеніи дѣлъ, въ томъ видѣ какъ самъ Джемсонъ передъ смертью излагалъ мнѣ ихъ. Комитетъ телеграммою приказалъ мнѣ возвратиться къ Порогамъ, всѣ оставляемые вьюки передать въ тамошнюю правительственную контору, а Бонни и людей также доставить къ Порогамъ, посадить на пароходъ и отправить на родину. Пріѣхавъ въ Стэнли-Пуль, я узналъ только что полученное извѣстіе, что вы побывали въ Баналіи и возвратились къ Эмину-пашѣ. Однако я все-таки пошелъ далѣе къ Порогамъ, и взялъ съ собою всѣ вьюки, пересланные маіоромъ въ Бангалу. Цѣлый мѣсяцъ я оставался въ Бангалѣ въ надеждѣ получить еще извѣстія о васъ.

«Собравъ всѣхъ людей, оставшихся въ живыхъ послѣ того, какъ

маіоръ сдалъ ихъ на попеченіе Типпу-Тиба, я посадилъ ихъ на челноки, вмѣстѣ съ ними спустился по Конго и потомъ возвратился въ Европу, согласно инструкціямъ комитета.

«Такова простая и правдивая исторія неудачъ арріергарда.

«Мнѣ невыразимо горько и больно сознавать, что дѣла приняли такой несчастный оборотъ. Искренно сожалѣю и о томъ, что мои услуги не принесли никакой пользы.

Остаюсь всегда преданный вамъ
Гербертъ Уардъ».

Мистеръ Уардъ увѣдомилъ меня также, что нашелъ восемь ящиковъ моихъ походныхъ запасовъ и платья въ Бангалѣ; что бралъ ихъ съ собою къ порогамъ Стэнли (на 500 миль выше по р. Конго), а оттуда опять провезъ обратно до Мыса Банана, на западномъ берегу океана. По возвращеніи моемъ въ Англію ихъ долго и энергично розыскивали и ничего не могли найдти. Наконецъ одинъ клеркъ голландской конторы вспомнилъ, что они были обозначены въ складѣ, въ Бананѣ. Черезъ полгода они прибыли въ Англію и лежали на таможнѣ «до отысканія ключей, чтобы отпереть ихъ». Такъ какъ ключи отъ нихъ были потеряны, я далъ знать, чтобы ихъ попросту разломали, но таможня распорядилась уже сдачею ихъ въ складъ. Поднялась длинная переписка по этому поводу; наконецъ таможенные чиновники смилостивились и объявили, что имъ нужно только заявленіе о томъ, что въ сундукахъ не заключается товаровъ, подлежащихъ оплатѣ пошлиною. Заявленіе было послано, но сундуки опять задержали, вслѣдствіе того, что ихъ осматривали и провѣряли. Наконецъ, въ октябрѣ 1890 года я ихъ получилъ.

Глава XXI.

ВЪ ТРЕТІЙ РАЗЪ ОТПРАВЛЯЕМСЯ КЪ НІАНЗѢ.

Мистеръ Бонни и занзибарцы.—Жалобы занзибарцевъ.—Ядовитыя свойства маніока. — Разговоры съ Ферадджи и Селимомъ. — Описываемъ арріергарду привольное житье на берегахъ Ніанзы.—Ожидаемъ Типпу-Тиба на островѣ Бунгангета.—Составъ экспедиціи передъ вторичнымъ выступленіемъ къ озеру Альберта.—Письмо Джемсона отъ 12-го августа.—Флотилія изъ челноковъ трогается въ путь.—Пороги Марири.—Угарруэ и Селимъ бенъ-Могаммедъ приходятъ съ визитомъ. — Типпу-Тибъ, маіоръ Бартлотъ и носильщики.— Селимъ бенъ-Могаммедъ.—Мой отвѣтъ Типпу-Тибу.—Селимъ и маньюмы.— Поселеніе Батунду.—Оспа у мади и маньюмовъ.—Двѣ безумныя.—Двое занзибарцевъ отправляются воровать: ихъ убиваютъ.—Нарушенныя обѣщанія.— Племя Абабуа.—Осиные пороги.—Дикари убиваютъ десятерыхъ изъ нашихъ и съѣдаютъ ихъ.—Гибель челнока у Менджини.—Лекки совершаетъ хищническій набѣгъ близъ Мамбанги.—Ферузи и лѣсная антилопа.—Нашъ поваръ, Джабу, пораженъ отравленной стрѣлой.—Водопады Панга.—Еще бѣды, причиненныя дикарями.—Пороги Неджамби.—Ядовитыя стрѣлы.—Пороги Мабенгу.—Рожденіе младенца по дорогѣ.—Наши больные.—Нѣжныя чувства у туземцевъ.—Шквалъ у Малыхъ Пороговъ.—Мистеръ Бонни находитъ деревню Бавикаи.—Замѣтки о маларіи.—Занавѣска Эмина-паши.—Встрѣча съ туземцами Бавикаи. — Туча мотыльковъ у Раздолья бегемотовъ. — Смерть мальчика Суди.—Случай въ Авейябу.—Послѣдствія оспопрививанія.—Занзибарецъ, укушенный осой.—Несчастія у пороговъ Амири.—Наши потери.— Заготовка провіанта передъ выступленіемъ къ Аветико.

На другое утро, по приходѣ авангарда въ Баналію, я опять долженъ былъ перебрать въ умѣ странное, роковое стеченіе обстоятельствъ, описанныхъ въ предыдущей главѣ.

Одна изъ замѣтокъ мистера Бонни въ походномъ журналѣ арріергарда гласитъ, что занзибарцы и суданцы сами собрались и выстроились передо мною, съ цѣлью изложить мнѣ свои жалобы. Въ своемъ оффиціальномъ донесеніи мистеръ Бонни упоминаетъ о своей надеждѣ, что отнынѣ, «съ Божіей помощью, экспедиція пойдетъ успѣшнѣе чѣмъ до сихъ поръ». Изъ этого письменнаго документа, изъ его устныхъ разсказовъ, изъ того, какъ онъ твердо и рѣшительно велъ себя въ

теченіи страшнаго дня 19-го іюля, и наконецъ, по той трогательной преданности, съ какой онъ относился къ своему долгу, какъ будто ничего иного въ жизни ему не предвидѣлось, мистеръ Бонни сразу вознесся въ моихъ глазахъ чрезвычайно высоко.

Навѣрное, думалось мнѣ, маіоръ Бартлотъ открылъ въ немъ такія сильныя стороны, о которыхъ, къ стыду моему, я и не подозрѣвалъ. Но какъ только я позволилъ людямъ излагать свои жалобы, то къ моему изумленію и въ присутствіи самого мистера Бонни оказалось, что люди совсѣмъ было рѣшились окончательно покинуть его въ первый же день по выступленіи на востокъ.

Я выслушалъ ихъ терпѣливо. Изъ ста двухъ человѣкъ, оставшихся въ живыхъ, только 60 имѣли еще такой видъ, что была кое какая надежда на ихъ поправленіе. Всѣ они были невыразимо жалки и несчастны, многіе въ самомъ отчаянномъ положеніи, а у нѣкоторыхъ на лицахъ установилось выраженіе сосредоточенной злобы и ненависти.

— Ну-ка, ребята, сядьте и поговоримъ толкомъ,—сказалъ я.

Когда они усѣлись передо мною полукругомъ, а наши сытые и здоровенные молодцы съ Ніанзы столпились позади ихъ, я началъ говорить приблизительно такъ:

— Ну, мои бѣдняги, теперь больше не надо ни плакать, ни горевать. Оботрите слезы и развеселитесь. Взгляните на тѣхъ молодцовъ, что стоятъ позади васъ. Они видѣли бѣлаго пашу, ѣли его хлѣбъ-соль, вдоволь кормили ихъ и мясомъ, и молокомъ, и самъ паша хвалилъ ихъ за мужество и вѣрность. Вотъ кому бы слѣдовало плакать-то, но только отъ радости, а не съ горя, потому что отсюда каждый шагъ приближаетъ насъ къ Занзибару. Мы воротились за вами съ Ніанзы; давно мы васъ не видали и теперь, благодареніе Богу! застали васъ тутъ. Не станемъ говорить про то, что было. Минувшаго не воротить! Мертвыхъ я не могу воскресить, но могу обрадовать живыхъ. Позабудьте о своихъ страданіяхъ и живите въ надеждѣ на то, что впереди будетъ лучше. Намъ нельзя было не уйти тогда отъ васъ: для васъ же нужно было прокладывать дорогу, да слѣдовало поспѣшать на помощь и бѣлому пашѣ, покуда его не погубили. Уходя отъ васъ, мы вамъ все это говорили. Да еще мы говорили вамъ, что какъ только найдемъ того, кого розыскиваемъ, такъ и возвратимся къ вамъ съ доброю вѣстью. Мы сдержали свое слово; а вы сдержали свое?

— Нѣтъ, вы намъ не повѣрили. Когда бѣглые изъ нашего отряда воротились къ вамъ и разсказывали вамъ всякій вздоръ, чтобы какъ нибудь прикрыть тотъ грѣхъ, что они убѣжали, вы слушали развѣся уши и приняли ихъ росказни за истинную правду. А приносили они

письма отъ насъ? Нѣтъ! Они натащили съ собой серебряныхъ часовъ, арабскихъ бурнусовъ, шитыхъ золотомъ... Развѣ это бываетъ, чтобы носильщики находили въ лѣсу такія вещи? А коли бываетъ, вы бы сказали имъ: «Такъ пойдемте же туда, сведите насъ въ то мѣсто, гдѣ можно встрѣтить такія находки! Нѣтъ, эти носильщики просто обокрали насъ и бѣжали со своею добычей. Вы видѣли это, и все-таки повѣрили, что мы всѣ умерли, что меня прострѣлили въ семнадцати мѣстахъ, что всѣ бѣлые убиты, кромѣ одного, да и тотъ ушелъ въ Уджиджи... Ахъ вы, глупые люди!

Какъ же такъ? Было 400 занзибарцевъ, да 6 бѣлыхъ людей, и всѣ почти убиты; а кто остался живъ, тотъ бѣжалъ въ Уджиджи, вмѣсто того чтобы идти къ вамъ, своимъ братьямъ и товарищамъ? Можно ли этому повѣрить? Я думалъ, что занзибарцы народъ умный, и вправду самъ прежде видалъ умныхъ.

Если же я живъ, то какъ вы могли подумать, что я позабуду васъ, позабуду и бѣлыхъ сыновъ моихъ, которыхъ съ вами оставилъ. Если бы со мной приключилась бѣда, или нельзя было бы дальше идти, куда же я пойду какъ не обратно къ вамъ, моимъ дѣтямъ? Коли насъ такъ долго не было видно, это и значило, что мы все еще не покончили со своимъ дѣломъ, оттого и задержались. Вѣдь и воры, и дезертиры къ вамъ же сюда прибѣжали?

Знаю я, какъ это все случилось. Остались вы тутъ въ лагерѣ безъ всякаго дѣла и до тѣхъ поръ валялись на спинѣ, покуда скука одолѣла васъ, и вотъ вы начали придумывать всякую чепуху, а шайтанъ залѣзъ въ ваши головы, и ну нашептывать вамъ про разныя бѣдствія, да про смерть. Злость васъ взяла и вы такъ ожесточились, что даже къ себѣ самимъ жалости не имѣли. Чѣмъ бы придти къ молодымъ господамъ, да повѣдать имъ ваше горе и ваши страхи, вы сказали про себя: «мамбу куа мунгу» (это Божье дѣло): господа про насъ забыли, такъ и намъ до нихъ дѣла нѣтъ.

— Ну-ка, Фераджи, ты старшина, скажи же мнѣ, на что ты можешь особенно пожаловаться? Дурно съ тобой обращались бѣлые люди?

— Нѣтъ, со мной-то они обращались хорошо; а кое-кому изъ людей шибко доставалось.

— Какъ же доставалось, и кому?

— Да занзибарцамъ, когда они были не «чапъ-а-чапъ» (т. е. недовольно поворотливы).

— А зачѣмъ же надо было «чапъ-а-чапъ»? Развѣ была какая важная работа?

— Нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ пароходъ, работы особенной не было. Подправлять земляной валъ, подметать лагерь, рубить дрова,

да по ночамъ караулить, только и всего. Но только «гои-гои» (лѣнтяи) вѣдь нейдутъ, когда ихъ зовутъ. Тогда бѣлые люди становятся нетерпѣливы и начинаютъ звать погромче. «Гои-гои» идутъ, переваливаясь съ ноги на ногу, тихо, лѣниво, и сейчасъ жаловаться: голова болитъ, въ тѣлѣ ломота, или тамъ въ спинѣ, въ груди, въ ногахъ.

Тутъ ужъ господа разсердятся и говорятъ, что это все притворство. Всякій день такъ было.

— Такъ неужели подмести лагерь, нарубить дровъ и постоять на часахъ такая ужъ трудная работа для двухсотъ пятидесяти человѣкъ?

— Какая же это работа!

— А кромѣ «гои-гоевъ», наказывали кого нибудь?

— Никого, кромѣ воровъ.

— И много у васъ было воровъ?

— Охъ, кажется всѣ воры изъ Занзибара ушли съ нами на ту пору.

— Не можетъ этого быть, Фераджи: во первыхъ, у меня въ отрядѣ было нѣсколько, а во вторыхъ осталось же сколько нибудь и дома?

Хохотъ. Фераджи возражаетъ:—Это истина, но у насъ ихъ было очень много. Что ни день—пропадали то мѣдные прутья, то монетки, то одежда. Занзибарцы сваливали вину на суданцевъ, суданцы на сомали, сомали на занзибарцевъ, такъ и шло кругомъ. Ничѣмъ отъ нихъ не спасешься! Возьми какую-нибудь вещь, положи подъ подушку, или закатай въ циновку, да положи подъ голову на ночь,— глядь, а на утро ужъ нѣтъ ея! Право, я боялся какъ бы у меня изо-рта зубовъ не вытащили.

— Ну, твои-то бѣлые зубы, небось, некупленные, Фераджи?

— Нѣтъ, благодареніе Аллаху, они у меня природные. Но это чистая правда, что отъ воровъ всего можно опасаться.

— Это такъ, Фераджи; но съ чего же это они вздумали такъ шибко воровать?

— Съ голода. Знаешь басню, какъ голодъ уморилъ сильнаго льва? Также и самого крѣпкаго человѣка голодъ можетъ уморить.

— Голодъ? Что за пустяки ты говоришь! Какой можетъ быть голодъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ кругомъ растетъ столько маніока?

— Маніокъ-то, господинъ? Маніокъ можно ѣсть, пожалуй; только лучше бы съ соусомъ.

— Съ соусомъ? Что же это значитъ, Фераджи?

— Да какъ же: сухой маніокъ, т. е. одинъ маніокъ, самъ по

себѣ, и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ, и ничего кромѣ его, ни соли, ни рыбы, ни мяса, ни масла, никакого жира, чтобы помочь ему протолкнуться въ горло, — такой маніокъ становится коломъ въ горлѣ. Дай хоть изрѣдка чего нибудь новенькаго понюхать или повидать вмѣстѣ съ маніокомъ, занзибарецъ и доволенъ. А безъ того—шабашъ: желудокъ запрется, ничего не принимаетъ, и люди мрутъ.

— Вотъ что! Но я оставилъ вамъ довольно соли въ складѣ. А мѣдные прутья, монетки и бусы, затѣмъ и были припасены, чтобы на нихъ покупать рыбу, бáнаны и пальмовое масло.

— О, вотъ теперь ты попалъ въ точку, господинъ. Очень часто... да почти что все время намъ ихъ не выдавали.

— Но въ складахъ все это было; значитъ не даромъ случилось, что вамъ не выдавали ихъ. Скажи, отчего?

— Опять изъ-за тѣхъ же воровъ: они такъ изловчились, что даже наши топоры и сѣкиры продавали туземцамъ за рыбу. Кто съ ними ѣлъ эту рыбу, не хотѣлъ, конечно, сказать, которые изъ товарищей воровали; по этому и всѣмъ перестали выдавать мѣдные прутья и монетки.

— Однако, Фераджи, хотя правда, что маніокъ въ сухомятку не вкусенъ, но это пища здоровая. Подумай, отъ Бананы до Стэнлеевыхъ пороговъ всѣ чернокожіе имъ питаются; отчего же занзибарцы не могутъ? а когда жили со мной на Конго, шесть лѣтъ къ ряду, тѣ-же занзибарцы питались однимъ маніокомъ. Я не вижу причины, отчего въ одиннадцать мѣсяцевъ у васъ въ отрядѣ вымерло сто человѣкъ. Неужели вправду отъ маніока? Ты мнѣ скажи, когда люди начали хирѣть.

— Когда ты уходилъ, съ нами оставалось человѣкъ двѣнадцать больныхъ: у однихъ были нарывы, другіе страдали грудью, или животомъ. Иные поправились. Но недѣли черезъ четыре многіе стали слабѣть: худѣли и чахли, наконецъ, умерли и мы схоронили ихъ. Когда изъ Болобо пришли наши товарищи, мы подумали, что они совсѣмъ иные люди, чѣмъ мы въ Ямбуйѣ: они были крѣпкіе, сытые, а мы худые и чахлые. Потомъ вдругъ,—прошло не больше мѣсяца,—и пришедшіе изъ Болобо тоже стали худѣть и умирать, и мы то и дѣло хоронили то одного, то двухъ, а то и троихъ въ одинъ день. Вскорѣ ужъ нельзя было отличить, которые пришли изъ Болобо, и которые оставались въ Ямбуйѣ.

— Что же это, была у васъ холера, оспа, лихорадка или кровавый поносъ?

— Нѣтъ, ничего такого не было. Сначала какъ будто сомали и суданцы не могли примѣниться къ климату; а занзибарцы—нѣтъ! Не отъ климата они умирали. Охъ, ужъ...

— Такъ ты говоришь, что не отъ побоевъ, не отъ непосильной работы, ни отъ холеры, оспы, лихорадки, дисентеріи, и не отъ климата случился этотъ моръ?

— Нѣтъ, занзибарцы не отъ этого умирали.

— Что же, ихъ стрѣляли, вѣшали, отравляли или въ водѣ топили?

— Ничего такого не дѣлали съ ними и ни разу не случилось, чтобы наказали хорошаго, путнаго человѣка; а одинъ день въ недѣлю всегда давался на отдыхъ.

— Такъ прошу тебя, именемъ пророка Могоммеда,—обрати глаза свои на тѣхъ сорокъ человѣкъ, что вонъ сидятъ отдѣльно: посмотри какіе у нихъ большіе глаза, впалыя щеки, тонкія шеи, какъ у нихъ всѣ ребра на виду. Видишь? Отчего все это сдѣлалось?

-- Богъ знаетъ!

— Вѣдь они тàютъ какъ воскъ, и должны умереть скоро!

— Это правда.

— Такъ подумай-же и скажи, отъ чего-бы это могло приключиться?

— Не могу сказать, господинъ; можетъ быть такова ужъ ихъ судьба.

— Вздоръ! Богъ все для васъ дѣлаетъ къ лучшему. Онъ далъ вамъ глаза, и руки для осязанія, и ноги для ходьбы, и хорошіе желудки для перевариванія пищи, и чутье, помощью котораго вы пробираетесь по свѣту. Не говори же, что Богъ для того создалъ сильныхъ людей, чтобы они чахли и умирали такимъ образомъ. Нѣтъ, я непремѣнно хочу дознаться, какая тому причина.

— Теперь ты, Селимъ, сынъ Решида, поговори со мной. Сыну мудраго отца подобаетъ хоть сколько нибудь набраться мудрости.

Смерть поселилась между вами и я хочу узнать, почему. Скажи, какъ могло случиться, что живя спокойно въ лагерѣ въ теченіи года вы потеряли больше товарищей чѣмъ мы, все время бывшіе въ походѣ, шедшіе по дремучимъ лѣсамъ, испытавшіе и голодъ, и тяжелый трудъ?

Вызванный на бесѣду, Селимъ отвѣчалъ очень скромно:

— Я не мудрецъ, и это всѣмъ извѣстно. Я молодъ, состою простымъ носильщикомъ, нанялся за небольшую плату тащить вьюкъ черезъ языческія страны, и таскаю его, въ надеждѣ заработать немного денегъ. Всю силу, какая у меня есть, я охотно отдаю хозяину каравана. Много узнали мы горя, съ тѣхъ поръ какъ ты оставилъ насъ. Я брата потерялъ за это время. Знай, господинъ, что сухой маніокъ и вода не идутъ въ прокъ сынамъ Адама. Если мы лишились столькихъ товарищей и родныхъ, должно быть маніокъ тому причиной. Слава Богу, я здоровъ и еще въ силѣ; но были дни, когда

я охотно продалъ бы себя въ неволю изъ-за сытнаго обѣда. Я розыскивалъ всего, чѣмъ только возможно наполнить пустоту моего желудка и жилъ такъ со дня на день, все время, покуда наконецъ—благодареніе Богу и пророку!—ты возвратился къ намъ. Но, господинъ, не всѣ люди одинаковы; и разсудокъ у людей бываетъ разный; можетъ быть и бѣлые люди различны между собою, также какъ мы, черные; потому что, какъ я вижу, одни богаты, другіе бѣдны,—одни работаютъ у машины внутри корабля, а другіе похаживаютъ по верхней палубѣ, да покрикиваютъ на нихъ.

— Ай, Селимъ хорошо говоритъ!—шептали въ толпѣ.

Это ободрило Селима, онъ откашлянулся и продолжалъ:

— Нѣтъ сомнѣнія, что главная наша бѣда въ маніокѣ: онъ здѣсь самой горькой породы, а какъ онъ дѣйствуетъ—ужъ всѣ мы знаемъ.

Испытали мы эту слабость и тошноту, и дрожаніе въ ногахъ, и какъ всѣ мускулы становятся вялыми, а голова точно стиснута желѣзнымъ кольцомъ, и земля передъ глазами кружится, вертится, и упадешь въ обморокъ, какъ мертвый. И на себѣ мы это все испытали, и на другихъ видали. Между нами есть такіе, которые выучились такъ приготовлять маніокъ, чтобы онъ былъ не вреденъ. Но отъ слабости-ли, или такъ, потому что и жить-то не стоитъ, многіе не заботятся объ этомъ, и доживаютъ кое-какъ.

Мы давно ужъ видимъ, что въ каждомъ изъ нашихъ лагерей только и видишь смерть, только и дѣла, что хоронить. У насъ нѣтъ ни мяса, ни соли, ни масла, ни сала. Все маніокъ, все одинъ маніокъ. Но коли въ горлѣ пересохло, какъ же пища пролѣзетъ внутрь человѣка? А если набиваешь желудокъ тѣмъ, что противно, надо же разбавить пищу чѣмъ нибудь хорошимъ, чтобы желудокъ принялъ ее.

Мы знали, что черезъ недѣлю или двѣ намъ назначено идти къ Стэнлеевымъ порогамъ, или вверхъ по рѣкѣ, и порѣшили—всѣ до одного—уйдти прочь, не служить больше бѣлымъ. Многіе у насъ умерли, и теперь еще смерть стоитъ между нами, и никто не знаетъ отчего. Самъ я не думаю, чтобы это было оттого, что мы взялись работать на бѣлыхъ, но многіе такъ думаютъ. До твоего прихода мы всѣ согласились на томъ, что ужъ довольно съ насъ, и пора это дѣло бросить. Но я хочу еще сказать: отчего это мы, уроженцы здѣшнихъ странъ, мрёмъ, а вы—чужестранцы—живы? Прежде, когда мы ходили на Конго и въ другія мѣста, бывало наоборотъ: бѣлые умирали, а мы оставались живы. Теперь же на сто черныхъ одинъ только бѣлый умеръ. Нѣтъ, господинъ, тутъ все дѣло въ пищѣ: у бѣлыхъ людей и козье мясо, и куриное, и рыба; а у насъ все маніокъ, да маніокъ, оттого и смерть. Я все сказалъ».

— Хорошо, теперь мой чередъ говорить. Я все слушалъ и думалъ и теперь для меня все стало ясно. Ты говоришь, что въ Ямбуйѣ вы только и ѣли, что маніокъ, отъ этого болѣли, чахли и умирали?

— Да.

— А когда товарищи пришли изъ Болобо, ты говоришь, они были въ исправномъ видѣ?

— Такъ.

— А потомъ также стали хирѣть и умирать?

— Такъ.

— Покуда вы были въ Болобо, что вы тамъ ѣли?

— Чикуангу.

— А чикуанга что-жъ такое? Вѣдь это лепешки изъ маніоковой муки?

— Такъ, такъ.

— А вы здѣсь приготовляли такія лепешки?

— Иные изъ насъ—да.

— Иные изъ васъ и остались живы и здоровы. Вотъ видите, въ чемъ дѣло. Вы отправлялись въ поле, выкапывали шишки маніока, выбирали которыя получше. Срѣзали также листья маніока, растирали ихъ въ мягкую массу и варили вмѣсто овощей. Этотъ маніокъ горькаго сорта, а горечь-то его и есть ядъ: этимъ ядомъ можно отравить не только нѣсколько человѣкъ, но цѣлое племя.

Покуда вы обчищали шишки, вы отрѣзывали ломтики и съѣдали ихъ сырьемъ; потомъ толкли листья, дѣлали изъ нихъ «китовео» и тоже съѣдали. Въ обоихъ этихъ случаяхъ вы глотали ядъ.

Тѣ, что были въ Болобо, покупали хлѣбъ у туземныхъ женщинъ; а онѣ дней пять или шесть мочили шишки въ рѣкѣ, чтобы весь ядъ изъ нихъ унесло текучей водой; потомъ онѣ выбирали прочь всѣ волокна, а самую сердцевину сушили и изъ сушеной уже дѣлали хлѣбъ. Вотъ, значитъ, чѣмъ питались люди въ Болобо и отчего они толстѣли. А въ Ямбуйѣ люди просто терли свой маніокъ на теркѣ, либо просушивали корешки на солнцѣ, а разрѣзая его, съѣдали и сырые кусочки; да и ломтямъ не давали хорошенько просохнуть, а торопились ихъ съѣдать, потому что были голодны и никакихъ запасовъ не готовили. Даже тѣ изъ васъ, которые клали маніокъ въ воду и мочили его, всетаки не разъ соблазнялись аппетитными ломтями и съѣдали ихъ, а потомъ еще листьями хотѣли сдобрить сухое печенье и толкли изъ нихъ соусъ; отъ этого, конечно, тотчасъ заболѣвали и умирали, потому что питались ядомъ. Когда люди изъ Болобо пришли въ Ямбуйю и они стали дѣлать тоже, и также начали чахнуть и умирать. Вотъ и вся причина того, что въ Ямбуйѣ напол-

нено сто могилъ, а здѣсь мы видимъ столько хворыхъ. Изъ бѣлыхъ никто не умеръ, потому что у никъ былъ рисъ, бобы, сухари и мясо куръ и козъ. Если бы климатъ былъ причиной смерти вашихъ товарищей, нѣтъ сомнѣнія, что бѣлые умерли бы прежде васъ, какъ было на Нижнемъ Конго, потому что бѣлые хуже вашего приспособлены къ здѣшнему климату. Но ни климатъ, ни лагерная жизнь ни причемъ въ вашихъ смертельныхъ болѣзняхъ: дурнота и рвота, дрожаніе въ ногахъ и головная боль, ослабленіе мускуловъ, тоска и не охота жить,—это все отъ яда, который есть въ горечи маніока.

Вотъ что вамъ слѣдовало сдѣлать: каждый день, отъ каждаго отдѣленія въ отрядѣ высылать двухъ человѣкъ за маніокомъ, набирать его побольше, тотчасъ складывать въ рѣку, да кромѣ того наготовить столько сушеной муки, чтобы во всякое время можно было дѣлать изъ нея кашу или лепешки, и давать тѣмъ, кто проголодается. Если бы вы такъ дѣлали, и было бы у меня теперь еще двѣ сотни здоровыхъ молодцовъ, готовыхъ отправляться со мною въ Занзибаръ.

Теперь слушайте, что я вамъ скажу. Ѣшьте этого маніока какъ можно меньше, а ступайте и наберите его какъ можно больше и тотчасъ валите въ рѣку, промывать, а сами покуда питайтесь бананами. Дня черезъ два я отсюда тронусь въ путь. Больныхъ мы на рукахъ перенесемъ въ челноки и свеземъ на большой островъ, за нѣсколько часовъ отсюда. Тамъ вы должны будете заняться заготовкой муки на двадцать дней. Кто не въ силахъ собирать бананы и рыть маніокъ, тѣ пусть дѣлаютъ рѣшетки для просушки надъ огнемъ, рѣжутъ шишки тонкими ломтями и сушатъ ихъ до утра. Потомъ толките ихъ въ мелкую муку и ѣшьте на здоровье, это ни бѣлымъ ни чернымъ людямъ не будетъ вредно. Завтра всѣ опять приходите ко мнѣ, да побросайте прежде въ рѣку всѣ ваши вонючіе лохмотья, я васъ одѣну съизнова. А покуда радуйтесь и благодарите Бога, что мы пришли и спасли васъ отъ погибели.

У насъ къ счастію оказался спасительный клапанъ, съ помощью котораго я надѣялся успокоить всѣ эти взволнованныя и ожесточенныя души, населявшія злосчастный лагерь въ Баналіи: разсказы пришедшихъ со мною людей о прелестяхъ луговой страны, о роскошныхъ нивахъ и садахъ, объ изобиліи всякихъ съѣстныхъ припасовъ, такъ подѣйствовали на воображеніе отощавшаго арріергарда, что даже у самыхъ отупѣвшихъ и равнодушныхъ пробудили надежду дожить до лучшихъ временъ. Спутники мои, сами видѣвшіе и вкусившіе отъ плодовъ этихъ чудныхъ странъ, безъ устали разсказывали малѣйшія подробности тѣхъ фактовъ, которые имѣютъ неотразимую привлекательность для бѣдняковъ, испытавшихъ муки голода. Такимъ обра-

зомъ съ одной стороны безконечною чередой шли оживленные разсказы, а съ другой—восторженные слушатели, съ изможденными, безкровными лицами, никогда не уставали внимать этимъ повѣствованіямъ. Для нихъ «луговая страна» являлась земнымъ раемъ, наполнымъ всякою роскошью: для укрѣпленія тѣла тамъ изобиліе кукурузы и мяса, а для бóльшей пріятности молоко и просо. Разсказчики лишь слегка упоминали о тѣхъ мѣсяцахъ тяжелаго пути, которые должны привести къ земному раю, да и слушатели мало обращали вниманія на эту часть программы, и вообще склонны были принимать разсказы безъ малѣйшей критики. Мысли ихъ такъ были заняты великолѣпными картинами, что въ нихъ не было мѣста для суровыхъ задачъ предстоящаго похода. Прислушиваясь къ безхитростной болтовнѣ этихъ взрослыхъ ребятъ, я и сочувствовалъ имъ отъ души, и жалѣлъ ихъ отъ чистаго сердца. «Иншаллахъ!»—говорили съ большимъ чувствомъ мои молодцы съ Ніанзы,—мы съ вами еще поѣдимъ говядины, и тогда вы сами будете смѣяться надъ тѣмъ временемъ, когда питались кореньями и листвой маніока!»

Послѣ этого можно ли было сомнѣваться, что чахлые люди изъ Баналіи позабудутъ свои замыслы о побѣгахъ и мечтая о соблазнительной ѣдѣ въ луговыхъ странахъ пойдутъ за нами охотно. Молоко и медъ, мясо и пшено, хорошее жалованье, подарки,—развѣ это все не болѣе привлекательно чѣмъ порціи сушеной рыбы у Стэнлеевыхъ пороговъ, неминуемая палка хозяина-араба и—сомнительная будущность?

Туча, такъ долго висѣвшая надъ умами людей арріергарда, начала наконецъ раздвигаться. Но прежде всего необходимо было увести ихъ подальше отъ Баналіи, гдѣ воспоминанія о недавней трагедіи порождали мрачныя мысли и недобрыя чувства. Гонцы, посланные 17-го августа къ Типпу-Тибу, съ извѣстіемъ о моемъ прибытіи, должны были придти къ нему 24-го. Я ему писалъ, что подожду его десять дней, да и то показалось слишкомъ много моимъ нетерпѣливымъ молодцамъ, которые съ большимъ презрѣніемъ относились ко всему, что слышали о его проволочкахъ и разсчетливости. Но этотъ срокъ нуженъ былъ не только для доставленія случая Типпу-Тибу исправить свои грѣхи, но и для того, чтобы мистеръ Джемсонъ, котораго тогда считали у Стэнлеевыхъ пороговъ, могъ во время присоединиться къ намъ. Кромѣ того необходимо было опять передѣлать всѣ вьюки, которые по требованію Типпу-Тиба были разбиты на самыя мелкія ноши, годныя развѣ для подростковъ, что̀ внесло ужаснѣйшій безпорядокъ въ наши тюки.

Послѣ трехдневнаго отдыха въ лагерѣ, мы помѣстили всѣхъ хворыхъ и всѣ багажи въ челноки и отправились къ острову Бунган-

гета, къ которому прибыли черезъ три часа. Носильщики маньюмы шли сухимъ путемъ и расположились лагеремъ на берегу, противъ острова. Пока мы стояли въ Баналіи, Угарруэ отъ Осиныхъ пороговъ спустился по рѣкѣ и занялъ самый большой изъ острововъ; по этому намъ пришлось подняться нѣсколько выше и занять другой, который во многихъ отношеніяхъ оказался для насъ пригоднѣе. Сухопутная колонна плелась до лагеря цѣлыхъ три дня, а настоящій арріергардъ, на обязанности котораго лежало подгонять отсталыхъ, пришелъ къ пристани только вечеромъ 24-го августа, хотя переходъ былъ всего въ шесть миль. Мистеръ Бонни пришелъ 22-го. Въ 1887 году авангардъ прошелъ это пространство въ 4 часа; но арабы съ тѣхъ поръ разрушили на этомъ пути всѣ большія селенія, а удивительная африканская растительность успѣла уже покрыть всѣ развалины, поля и плантаціи густыми слоями широколиственныхъ паразитовъ. Этотъ короткій переходъ, занявшій три дня слишкомъ, доказалъ настоятельную необходимость радикальнаго переустройства каравана и самой подробной ревизіи. Двое маньюмовъ уже бѣжали, унеся съ собою два ружья и четыре полувьюка. Въ сущности это былъ отличный пробный переходъ, доказавшій еще разъ (хотя мнѣ кажется, что послѣ прочтенія походнаго журнала это и такъ было очевидно), что нѣтъ никакой возможности сладить съ этой толпой подлыхъ рабовъ, и недаромъ они съ ума сводили офицеровъ арріергарда. Безъ содѣйствія самого Типпу-Тиба или хоть одного изъ его племянниковъ, нечего и думать вести такую колонну черезъ безконечные, безплодные лѣса. Если судить по первому переходу, намъ понадобится 450 дней, чтобы достигнуть Альбертъ-Ніанзы. Джемсонъ и Бонни въ сорокъ три дня сдѣлали девяносто миль. Затрудненія, встрѣченныя ими въ пути, упомянуты вскользь въ походномъ журналѣ, но теперь только можно было вполнѣ оцѣнить, сколько они потратили терпѣнія на то, чтобы ихъ одолѣть. Мы стояли на своемъ прохладномъ островкѣ до 31-го августа. Роздали людямъ тканей, бусъ, мѣдной монеты и проволоки въ такомъ размѣрѣ: на каждаго изъ пришедшихъ съ Ніанзы по пяти «доти» (25 аршинъ) матеріи, по три фунта монетъ, по одному фунту бусъ и по пятнадцати мѣдныхъ прутьевъ; людямъ арріергарда половинное количество того же, а всего на сумму 7.600 рублей отряду съ Ніанзы, и на 2.830 рублей людямъ изъ Баналіи. Всѣмъ бы слѣдовало роздать одинаково, но люди арріергарда уже получили передъ тѣмъ полное одѣяніе, между тѣмъ какъ мои продолжали ходить въ козьихъ шкурахъ и рогожкахъ туземнаго издѣлія. Эти «карманныя деньги» давали имъ возможность отдохнуть вволю, между тѣмъ какъ люди Угарруэ (ихъ было 600 человѣкъ) были раде-

хоньки за куски матерій и за иныя мелочи приготовлять для нихъ запасы муки, печь хлѣбы и лепешки.

Помимо необходимости передѣлать съизнова всѣ тюки, для чего непремѣнно требовалось личное мое присутствіе, мнѣ предстояло писать донесенія комитету вспомоществованія, Лондонскому и Шотландскому королевскимъ географическимъ обществамъ (оба были вкладчиками въ нашъ фондъ); кромѣ того приходилось то и дѣло вступать въ крупные разговоры со старшинами маньюмовъ, которые одинъ день клялись мнѣ въ неизмѣнной вѣрности, а на другой изводили меня жалобами и капризами своихъ строптивыхъ подчиненныхъ, рапортами о смертяхъ и болѣзняхъ, о дезертирахъ, о кражѣ вещей, объ угрозахъ и т. д., и т. д. На все это я отвѣчалъ приблизительно въ томъ же духѣ, какъ писалъ Типпу-Тибу 17-го августа: «Коли не хотите со мной идти, ладно; коли пойдете, и то ладно. Какъ хотите, такъ и дѣлайте. Мнѣ васъ не нужно; но если вы желаете слѣдовать за мной я вамъ найду дѣло и буду платить сообразно тому, сколько вьюковъ вы понесете».

Нѣкоторые поняли мои слова въ томъ смыслѣ, что я отпустилъ ихъ работать на сторонѣ, т. е. воровать и грабить; но трое старшинъ вызвались идти со мной. Я согласился взять ихъ съ тѣмъ условіемъ, что если они добровольно пройдутъ за мною тридцать дней, то по истеченіи этого срока я дамъ имъ вьюки.

Провѣряя составъ экспедиціи 29-го августа я получилъ слѣдующія цифры:

	Людей.	Носильщиковъ.
Занзибарцевъ, годныхъ для переноски тяжестей .	165	
Носильщиковъ мади	57	= 283
» маньюмовъ	61	
Суданцевъ и ихъ начальниковъ	21	
Больныхъ и пр. (занзибарцевъ)	45	
Сомали.	1	
Солдатъ Эмина-паши.	4	
Маньюмовъ: старшинъ, женщинъ и прислуги. .	108	
2 бѣлыхъ офицера и 1 слуга	3	
	465	283

Списокъ вьюковъ отправляемыхъ со вторымъ походомъ къ озеру Альберта:

Пороху	37	ящиковъ
Боевыхъ снарядовъ Ремингтона	83	»
» » Винчестеръ	11	»
» » Максимъ .	9	»

Бусъ въ мѣшкахъ	19	ящиковъ
Монетъ	6	»
Мѣдной проволоки въ сверткахъ	4	»
Тканей въ тюкахъ	17	»
Патронныхъ колпачковъ . . .	4	»
Разныхъ вещей и провизіи .	40	»

230 вьюковъ на 283 носильщиковъ.

Кромѣ того было еще нѣсколько вьюковъ разнообразнаго содержанія, которые были необходимы пока мы шли водою, какъ-то: боевые патроны для непосредственнаго употребленія, провизія, веревки проч., но все остальное, поименованное въ спискѣ, должно было идти съ отрядомъ, когда онъ пойдетъ сухимъ путемъ. Хотя у насъ насчитывалось 53 носильщиками больше чѣмъ вьюковъ, но естественно было предположить что болѣзни, раны, смерть значительно сократятъ число людей и придетъ такая минута, когда даже старшины будутъ вынуждены замѣнять собою хворыхъ носильщиковъ. До сихъ поръ наши больные были окружены такими условіями, которыя давали имъ много шансовъ на выздоровленіе. Впереди тоже, въ теченіи почти двухъ мѣсяцевъ, ихъ повезутъ на лодкахъ и будутъ все время кормить банановой мукой и огородными овощами. Мясо, правда, становилось величайшею рѣдкостью, благодаря тому что Угарруэ до чиста раззорилъ все на обоихъ берегахъ. И носильщиковъ мы можемъ на нѣкоторое время не утруждать вьюками, такъ что побережемъ и ихъ силы. Стало быть нужно только чтобы люди слушались насъ, не отставали, воздерживались бы отъ прогулокъ въ сторону, отъ кражи съѣстнаго у туземцевъ, и понапрасну не рисковали бы собою: тогда можно надѣяться что на этотъ разъ мы потеряемъ меньше народу, чѣмъ при первомъ походѣ къ озеру Альбертъ-Ніанза.

Пока мы стояли на островѣ Бунгангета, пришло письмо мистера Джемсона отъ 12-го августа, со Стэнлеевыхъ пороговъ. Хотя въ письмѣ было сказано, что онъ отправляется въ Бангалу, но посланный сказалъ, что вѣроятно онъ проѣдетъ и дальше, до Банана-Пойнта. Но для меня ужъ это было все равно: съ той минуты какъ мистеръ Джемсонъ отплылъ внизъ отъ Стэнлеевыхъ пороговъ, онъ добровольно оторвался отъ экспедиціи, а я ни за что не согласился бы оставаться долѣе въ окрестностяхъ Баналіи. Я далъ слово товарищамъ въ фортѣ Бодо, Эмину-пашѣ и его египетскимъ сподвижникамъ, что около 22-го декабря буду въ фортѣ Бодо, а 16-го января (приблизительно) на берегахъ Ніанзы.

Мы безъ сомнѣнія очень сожалѣли, что экспедиція лишилась ми-

стера Джемсона, тѣмъ болѣе, что многія страницы «путеваго журнала» громко говорили въ его пользу, но я не хотѣлъ долѣе подвергать нашъ многострадальный арріергардъ опасности еще сократиться, а гарнизону форта Бодо подать поводъ къ безпокойству и тревогамъ по случаю нашего долгаго отсутствія и сбивать ихъ съ толку тѣмъ, что я не сдержалъ обѣщанія. Впрочемъ я написалъ Джемсону, что если ему удастся набрать 60 человѣкъ и тотчасъ идти за нами, по намѣченному и клейменному пути, который настолько широкъ, что его трудно не замѣтить, то ему легко будетъ нагнать насъ, тѣмъ болѣе что мы идемъ длинной вереницей и безпрестанно встрѣчая всевозможныя препятствія въ видѣ ямъ, болотъ, притоковъ и рѣчекъ не можетъ двигаться быстро. Но, какъ уже извѣстно читателю,—мы-же въ то время этого не знали, — мистеръ Джемсонъ умеръ за двѣнадцать дней до того какъ я писалъ къ нему.

30-го августа я снарядилъ весь свой флотъ, то есть двадцать девять своихъ челноковъ, да двѣнадцать взятыхъ отъ Угарруэ, и посадивъ на нихъ мистера Бонни, 239 человѣкъ, все ихъ личное имущество, запасную провизію и кухонную посуду, послалъ ихъ вверхъ по рѣкѣ за пять миль, къ пристани повыше впаденія рѣки Ренди; я велѣлъ сухопутному отряду, высадившись тамъ, идти по намѣченной нами дорогѣ до слѣдующей деревни, а челнокамъ возвращаться къ нашему, острову.

На другой день (это былъ уже четырнадцатый съ того дня какъ я послалъ письмо къ Типпу-Тибу, отвѣта еще не получалъ) мы отправились въ походъ, опять на востокъ черезъ лѣса къ Ніанзѣ.

На челнокахъ пошло 225 человѣкъ, въ томъ числѣ рѣчные матросы, всѣ слабосильные и хворые, и кромѣ того 275 вьюковъ, вѣсомъ отъ 60 до 65 фунтовъ каждый, со всѣмъ имуществомъ каравана, съѣстными припасами, платьемъ, сумками носильщиковъ и проч. Солнце пекло такъ сильно, что пришлось на скоро устраивать на лодкахъ навѣсы; но несмотря на зной, мы такъ усердно шли на веслахъ, что черезъ шесть часовъ очутились у своего стараго лагеря подъ Нижнимъ Марири. 1-го сентября пришли къ Порогамъ Марири и оказалось, что Бонни со своимъ пѣшимъ отрядомъ прошли дальше, къ южному Мупэ. Наивнымъ занзибарцамъ и маньюмамъ не вдомекъ было, что мимо пороговъ и водопадовъ нужно переносить тяжести на рукахъ, а челноки переваливать безъ поклажи; поэтому мы послали въ южное Мупэ за партіей людей, которая помогла бы намъ пронести вьюки берегомъ.

2-го сентября на шестахъ проводили челноки черезъ опасныя быстрины, но при этомъ два челнока затонули. На другой день пере-

валили черезъ пороги Верхняго Марири и къ полудню весь караванъ собрался въ южномъ Мупэ.

Угарруэ шелъ за нами со своею флотиліей, въ надеждѣ добыть еще партію слоновой кости, и расположился въ селеніи Верхняго Марири. Я только что кончилъ писать свои письма къ лондонскому и Шотландскому географическимъ обществамъ и воспользовался его посѣщеніемъ, чтобы попросить его, распорядиться скорѣйшею отправкой ихъ въ Англію. Но пока мы стояли въ Мупэ 4-го сентября онъ опять пришелъ и на этотъ разъ привелъ съ собою Селима-бенъ-Могаммеда, того самого племянника Типпу-Тиба, о которомъ такъ часто упоминалось въ связи съ маіоромъ Бартлотомъ и мистеромъ Джемсономъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, сухощаваго тѣлосложенія, съ красивыми и правильными чертами арабскаго типа, сильно поврежденными оспой, и съ лицомъ дышащимъ рѣшимостью и отвагой.

Мистеръ Бонни, своими разсказами о его личной ненависти къ маіору Бартлоту, заставилъ меня думать, что я составилъ о немъ прежде ошибочное мнѣніе; но при свиданіи снова убѣдился, что какъ о немъ, такъ и Типпу-Тибѣ судилъ вполнѣ правильно. Дѣло въ томъ, что эти арабы способны безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти проливать кровь язычниковъ, но рѣшительно неспособны хладнокровно замышлять убійство араба или бѣлаго человѣка: для этого имъ нужно вдохновиться по крайней мѣрѣ жаждой мщенія. А такъ какъ у нихъ не было причинъ подбивать людей убить Бартлота, или исподоволь губить нашъ арріергардъ, я нахожу, что мы не имѣемъ права приписывать имъ подобные умыслы. Я не сомнѣваюсь даже въ томъ, что Типпу-Тибъ дѣйствительно набиралъ и посылалъ, или самъ велъ носильщиковъ на Арухуими. Но отговорки его, почему онъ воротился съ дороги, и увѣренія будто онъ «никакъ не могъ отыскать лагерь», конечно чистая выдумка. Это доказываетъ только, что онъ охладѣлъ къ этому предпріятію, обѣщанная награда не казалось ему достаточно привлекательной; слѣдовало тотчасъ же оставить его въ покоѣ и дѣйствовать помимо его. Но такъ какъ наши молодые офицеры приставали къ нему, умоляли, умасливали, то онъ и его племянникъ естественно пришли къ заключенію, что услуга, которой отъ нихъ ожидаютъ, должна быть драгоцѣнна и потому подняли цѣны. Они это сдѣлали совсѣмъ не по злобѣ, а отъ неодолимаго стремленія къ наживѣ. Типпу-Тибъ позабылъ и о заключенномъ договорѣ, и о бладарности мнѣ за оказанную ему помощь, и на умѣ у него только и была жадность къ деньгамъ. Маіоръ не имѣлъ возможности удовлетворить ихъ требованіямъ, но почтенные дядюшка съ племянникомъ

полагали, что и онъ, и Джемсонъ богатые люди, а экспедиція находится подъ покровительствомъ крупныхъ капиталистовъ. «Ну чтожъ, думалось имъ, коли въ насъ такая нужда, пускай расплачиваются подороже. Правда, что Стэнли былъ съ нами очень хорошъ (см. въ приложеніяхъ рапортъ маіора Б.), но нельзя-же для друзей работать даромъ. Этакъ пожалуй дружба,-то обойдется не дешево»... И они продолжали выжимать сокъ изъ пріятелей. Надо сознаться, что на это они были мастера: какъ только Типпу-Тибъ принималъ равнодушный видъ, а это онъ умѣлъ въ совершенствѣ, такъ наши юноши спѣшили задобрить его подарками. Когда Селимъ-бенъ-Могаммедъ выказывалъ неудовольствіе, кислое расположеніе духа, или начиналъ распространяться о своихъ уязвленныхъ чувствахъ, маіоръ отпиралъ свои сундуки, выбиралъ мундиръ поярче, или ружье рублей въ пятьсотъ или пару изящныхъ револьверовъ, оправленныхъ въ слоновую кость, или просто штуку цвѣтнаго сукна, и посылалъ Селиму. Тогда Селимъ-бенъ-Массудъ, шуринъ того Селима, тоже начиналъ поговаривать и его милостивое снисхожденіе также оплачивалось дорогими подачками.

Селимъ сказалъ, что пришелъ лично отвѣтить на мое письмо отъ 17-го августа, и дядя приказалъ ему немедленно прислать гонцовъ, чтобы узнать чтò я въ свою очередь скажу ему.

При этомъ свиданіи выяснилось въ полной мѣрѣ, до какой степени эти арабы не понимаютъ значенія заключеннаго контракта, какъ они безслѣдно забываютъ сказанныя слова, какъ безмятежно нарушаютъ свои клятвы, презираютъ договоры, какъ они вообще лживы, скрытны, лукавы, и какъ искусно забрасываютъ васъ преувеличенными комплиментами и похвалами, пересыпая свое краснорѣчіе частыми обращеніями къ Богу, восклицая то *машаллахъ!* то *иншаллахъ!*—Селимъ объявилъ, что Типпу-Тибъ прислалъ его узнать, что мы намѣрены дѣлать. И это послѣ того, какъ я отправилъ ему шесть писемъ, одно по англійски, да пять по арабски и по суахильски, отъ 17-го августа!

— Послушай, Селимъ, сказалъ я,—если бы я думалъ, что ты или Типпу-Тибъ причастны къ убійству моего друга, я бы не выпустилъ тебя живымъ изъ лагеря. До сихъ поръ вы меня знали только съ одной стороны. Но я знаю и вѣрю въ глубинѣ души моей, что ни ты, ни Типпу-Тибъ, тутъ не причемъ и неповинны въ смерти маіора. Поэтому я могу разговаривать съ тобой какъ и прежде, безъ гнѣва. Типпу-Тибъ нанесъ мнѣ только такой вредъ, который нашъ консулъ и сеидъ въ Занзибарѣ легко могутъ поправить. Я въ ихъ руки передамъ это дѣло. Скажи дядѣ, что за проѣздъ со мной на пароходѣ и за провозъ девяноста шести человѣкъ его свиты отъ Занзибара до

Стэнлеевыхъ пороговъ онъ долженъ заплатить; кромѣ того придется вамъ возмѣстить всѣ убытки, причиненные проволочками, потерей времени для всей экспедиціи, пропажей товаровъ, ружей, пороха, патроновъ. Скажи ему, что онъ воленъ дѣлать какъ знаетъ, но что въ концѣ концовъ я свое возьму. Онъ мнѣ повредить не можетъ, а я ему — могу. Пусть онъ хорошенько подумаетъ объ этомъ и тогда увидитъ, что лучше ужъ ему повиниться передо мной и доказать на дѣлѣ, что онъ раскаялся и хочетъ загладить свои ошибки. Если онъ захочетъ поправить дѣло, то пусть наберетъ людей и отправляется за мною слѣдомъ. Если, примѣрно черезъ пятьдесятъ дней, онъ догонитъ экспедицію прежде чѣмъ я переправлюсь черезъ Итури, то я еще можетъ быть снова буду о немъ хорошаго мнѣнія и никакой противъ него тяжбы затѣвать не стану,—такъ и быть!

— Хорошо, я слышалъ всѣ твои слова. Сегодня-же ворочусь въ Баналію. Угарруэ дастъ мнѣ взаймы челноковъ. Черезъ восемь дней увижу Типпу-Тиба, а на семнадцатый день ворочусь по твоимъ слѣдамъ. Я тебя догоню еще прежде чѣмъ пройдутъ сорокъ дней.

— Ладно, сказалъ я. Значитъ, простимся теперь-же, потому что долго, должно быть не увидимся. Развѣ въ Занзибарѣ еще встрѣтимся, года черезъ полтора.

— Какъ такъ?

— А какъ же? Ни ты, ни Типпу-Тибъ и не подумаете сдержать свое слово. Вѣдь ты зачѣмъ сюда пришелъ? Затѣмъ чтобы велѣть маньюмамъ, приставшимъ ко мнѣ, идти назадъ, къ Стэнлеевымъ Порогамъ? Но для меня это рѣшительно все равно. Пожалуй, бери ихъ назадъ, потому что, еще разъ тебѣ говорю, не въ вашей власти повредить мнѣ.

— Иншаллахъ, Иншаллахъ! Успокой свое сердце, догоню тебя скорѣе чѣмъ въ сорокъ дней, клянусь тебѣ!

Бѣдный Селимъ! Прямо отъ меня онъ пошелъ къ старшинамъ маньюмовъ и очень соблазнялъ ихъ уйти за собою; но они, къ удивленію, упорно отнѣкивались. Селимъ разсвирѣпѣлъ и сталъ угрожать имъ, а они пришли ко мнѣ, прося защиты.

Тогда я улыбаясь сказалъ Селиму:—Вотъ какъ ты вѣрно исполнилъ свое обѣщаніе: не прошло еще сорока дней, а ты ужъ опять передо мной. Но что же это значитъ? Вѣдь это все вольные старшины маньюмовъ, ихъ послалъ въ нашъ караванъ самъ Типпу-Тибъ. Идя за нами, они тѣмъ самымъ повинуются Типпу-Тибу. Оставь ихъ въ покоѣ, Селимъ, тебѣ-же лучше, что за меньшимъ числомъ людей тебѣ придется присматривать по дорогѣ; потому что вѣдь и ты съ нами пойдешь, кажется? Видишь теперь, что я правъ. Ну, довольно.

Ступай, садись въ челнокъ и отваливай, не то покуда ты будешь тутъ хлопотать, мы еще на два перехода уйдемъ впередъ, а ты вѣдь черезъ сорокъ дней обязался догнать меня, самъ знаешь.

5-го сентября мы пришли въ обширное селеніе Батунду, гдѣ нашли роскошныя поля кукурузы и великолѣпную банановую плантацію, въ которую очевидно еще не заглядывалъ ни одинъ караванъ. Для возстановленія силъ людей арріергарда нужна была обильная пища; хотя мяса достать было невозможно, но ни въ бананахъ, ни въ маисѣ не было недостатка. Мы стояли тутъ два дня и за это время могли убѣдиться, что близкія сношенія съ маньюмами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляли очень серіозныя неудобства. У нихъ проявилась натуральная оспа и они успѣли уже заразить ею носильщиковъ мади. Наши занзибарцы были застрахованы отъ этой ужасной болѣзни, потому что мы имѣли предусмотрительность всѣмъ до одного привить оспу въ мартѣ 1887 года, на пароходѣ «Мадура». Но зато между мади оспа начала развиваться съ ужасающей быстротой.

У маньюмовъ было двѣ женщины сошедшихъ съ ума, или можетъ быть только истерическихъ и подверженныхъ припадкамъ какой-то безумной экзальтаціи; старшины говорили, что онѣ одержимы бѣсомъ. По ночамъ онѣ всегда пѣли и рѣшительно никому не давали спать. Очень могло случиться, что именно такое пѣніе въ неуказанные ночные часы было косвенною причиной смерти маіора. Если у него былъ сколько нибудь развитой для музыки слухъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ безумный ревъ приводилъ его въ бѣшенство.

Сердобольныя женщины, изъ жалости къ этимъ несчастнымъ, нерѣдко начинали хоромъ подтягивать имъ, потому что, по ихъ повѣрью, такое содѣйствіе успокоиваетъ припадки, между тѣмъ какъ всякое запрещеніе, а тѣмъ болѣе строгія мѣры, только усиливаютъ эту странную болѣзнь. Не знаю какое дѣйствіе эти хоры производили на паціентокъ, но насъ, здоровыхъ людей, онѣ доводили до отчаянія.

Пока мы стояли въ Батунду, двое занзибарцевъ, изъ числа самыхъ лучшихъ и полезныхъ для экспедиціи людей, потихоньку ушли изъ лагеря и отправились пошарить въ жилищахъ туземцевъ; но ихъ тамъ поймали и убили. Такъ-то мы лишались наиболѣе предпріимчивыхъ и храбрыхъ слугъ. Одинъ изъ нихъ шелъ всегда въ главѣ авангарда и въ качествѣ колонновожатаго пробылъ все время, съ тѣхъ поръ какъ мы выступили изъ Ямбуйи въ іюнѣ 1887 года. Я воспользовался этимъ печальнымъ случаемъ, чтобы въ сотый разъ объяснять своимъ безголовымъ ребятамъ какъ глупо рисковать жизнью

изъ-за козы; какъ безразсудно, потративъ многіе мѣсяцы на самоотверженный и благородный трудъ, заслуживъ своимъ мужествомъ и честностью и почетъ, и награды, кончить тѣмъ, чтобы попасть въ желудки людоѣдовъ. Я не жалѣлъ для нихъ ни говядины, ни овецъ, ни козъ, ни куръ, пригоршнями раздавалъ имъ серебряныя деньги, на многія тысячи истратилъ на нихъ разныхъ тканей, и никто изъ нихъ, ни единый человѣкъ не положитъ за меня своей головы. А за какую нибудь козу они во всякое время готовы подставить свою шею, и людоѣды колятъ ихъ и поѣдаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Какая чудовищная неблагодарность!

Разумѣется, они тотчасъ принялись каяться, клялись Аллахомъ, что никогда больше этого не будетъ, а дня черезъ два вѣроятно позабудутъ свои клятвы и опять пойдетъ все тоже. Это ихъ всегдашняя манера.

Всякій, внимательно слѣдившій за моимъ разсказомъ, вѣроятно замѣтилъ, что почти каждое роковое событіе, до сихъ поръ случавшееся въ экспедиціи, было лишь послѣдствіемъ нарушеннаго обѣщанія. Изъ цѣлаго милліона человѣкъ едва-ли бываетъ хоть одинъ, для котораго сообразоваться со своимъ собственнымъ обѣщаніемъ не казалось бы труднѣйшимъ подвигомъ. Сознаюсь, эти чернокожіе, такъ свободно обращавшіеся со своими клятвами, составляли истинное мое наказаніе: они были причиною, что я ни минуты не могъ провести безъ душевной тревоги и зато въ глаза называлъ ихъ идіотами. Мнѣ случалось на протяженіи пятисотъ миль прогнать отъ ста до трехсотъ головъ рогатаго скота, и это было гораздо легче, нежели провести равносильное количество чернокожихъ. Если бы мы каждому надѣли на шею хомутъ и привязали бы ихъ на одну длинную цѣпь, какъ дѣлаютъ съ невольниками, имъ разумѣется было-бы непріятно, и они сами первые стали-бы жаловаться на нашу жестокость, — но они были бы цѣлѣе. Но у насъ не водилось цѣпей, и даже веревокъ было недостаточно, а потому мы принуждены были полагаться на ихъ обѣщанія не бѣгать больше изъ лагеря въ лѣсъ, не предпринимать безумныхъ вылазокъ въ одиночку, не рисковать жизнью изъ пустяковъ; но въ томъ-то и дѣло, что дольше двухъ дней ихъ клятвы были недѣйствительны.

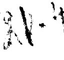
Слѣдующій нашъ ночлегъ былъ у Слоновьихъ Протоковъ, а оттуда мы направились къ Осинымъ Порогамъ.

Люди Угарруэ разсказывали мнѣ, что въ лѣсу, дальше Буамбури, живетъ племя Абабуа, у которыхъ жилища совсѣмъ особеннаго типа: хижины просторныя, удобныя, стѣны обмазаны глиной, и вдоль всего жилья устроены широкія веранды. Говорятъ также, что кузнеч-

ное ремесло достигло у нихъ замѣчательнаго совершенства и что на каждомъ наконечникѣ копья или стрѣлы, на ножахъ, на мечахъ они выводятъ удивительные узоры и украшенія. Мнѣ показывали ножи съ тремя и четырьмя лезвіями и я узналъ въ нихъ характерные признаки орудій Монбутту и Нямъ-Нямъ, описанныхъ Швейнфуртомъ въ его «Artes Africanae».

12-го сентября, когда мы тронулись отъ Осиныхъ Пороговъ, насъ было на челнокахъ 198 человѣкъ, а въ пѣшей колоннѣ подъ начальствомъ мистера Бонни 262. Идя налегкѣ, мои привычные люди пришли на мѣсто прежде рѣчной флотиліи. Дорога была очень явственно намѣчена и также плотно убита, какъ и всякая торная африканская тропа.

Придя на ночлегъ, люди объявили, что нужно нарѣзать листьевъ фриніи для покрышки шалашей и подъ этимъ предлогомъ пошли въ лѣсъ, юркнули мимо только что разставленныхъ часовыхъ и по туземной тропинкѣ углубились въ чащу. Нѣкоторые воротились оттуда, таща съ собою нѣсколько куръ, куски сахарнаго тростника и множество спѣлыхъ банановъ; но за то другіе жестоко поплатились за эту затѣю: трое маньюмовъ убиты на поваль, а солдатъ изъ Ладо, изъ иррегулярнаго войска Эмина-паши, получилъ громадную рану: широкое и острое копье вонзилось ему въ спину, прошло насквозь, но по счастію не задѣло ни позвонковъ, ни внутреннихъ органовъ. Раны зашили и наложили повязки. Арріергардъ донесъ, что по дорогѣ пять маньюмовъ, три занзибарца и одинъ суданецъ убиты и съѣдены дикарями, которые притаились въ кустахъ, когда колонна проходила мимо; несчастные люди, принадлежавшіе къ банаційскому отряду, только что присѣли отдохнуть по близости отъ мѣста, гдѣ попрятались дикари, какъ эти людоѣды выскочили, напали на нихъ, убили и утащили. Пять дней тому назадъ я обращался къ нимъ съ увѣщаніями не рисковать жизнью понапрасну, не затѣвать этихъ совершенно излишнихъ фуражировокъ. Когда дѣйствительно нужно бывало возобновить запасы, что случалось аккуратно черезъ каждые пять дней, я высылалъ отрядъ фуражировъ и они приносили банановъ сколько было нужно на такой срокъ; тутъ же мы ихъ чистили, сушили надъ огнемъ и черезъ двѣнадцать часовъ они были готовы къ употребленію. Эта рѣшительная неспособность держать данное слово и совершенная невозможность принудить ихъ къ повиновенію стала причиною смерти двѣнадцати здоровыхъ людей, а тринадцатый былъ такъ тяжело раненъ, что мало было шансовъ на его выздоровленіе. У маньюмовъ и мади свирѣпствовала оспа, ежедневно уносившая новыя жертвы, а въ караванѣ было полное отсутствіе дисци-



плины, которую такъ трудно поддерживать во время похода по такимъ лѣсамъ. Чѣмъ больше я кипятился и хлопоталъ, стараясь внести порядокъ въ эту разнузданную толпу, тѣмъ больше убѣждался, что развѣ смертная казнь могла бы остановить мародёровъ. А такъ какъ дикари и безъ того брали на себя обязанность палачей, то мнѣ нечего было приниматься за это.

За селеніемъ Манджинни у насъ затонулъ челнокъ, единственно по небрежности вожака. Мы пошли на мѣсто крушенія съ наиболѣе искусными изъ нашихъ водолазовъ и вытащили почти всю поклажу, за исключеніемъ ящика съ порохомъ и одного тюка съ бусами. Челнокъ разбился въ дребезги.

Прошли мимо Мугуэя и, достигнувъ Мамбанги, остановились на два дня, для заготовки провіанта на все время перехода отсюда до Энгуеддэ, такъ какъ это все мѣста опустошенныя и безлюдныя. На этой стоянкѣ Лекки (въ переводѣ—«сто тысячъ»), тотъ самый развеселый и громогласный занзибарецъ, одинъ изъ двадцати гонцовъ, который въ минуту ночного нападенія туземцевъ, въ Бандейѣ, кричалъ товарищамъ: имъ мяса захотѣлось, такъ и дадимъ имъ мяса, только ихъ собственнаго!—Этотъ Лекки, подобравъ себѣ отважныхъ товарищей, отправился въ тайную экспедицію и черезъ сутки воротился съ очень странною раной, которую нанесла ему отравленная стрѣла. Мы тотчасъ проспринцовали рану углекислымъ амміакомъ и онъ выздоровѣлъ, но былъ убѣжденъ, что обязанъ своимъ спасеніемъ свѣжимъ табачнымъ листьямъ, которыми укрылъ рану.

Разставляя въ лѣсу палатки и зерибы, мы часто замѣчали небольшого звѣрка, съ виду похожаго на дикую козу: онъ копошился въ кустахъ и только тогда рѣшался выскочить и бѣжать, когда люди почти наступали на него ногами; проголодавшіеся носильщики кидались за нимъ съ криками и гиканьемъ, стараясь изловить, но звѣрокъ обыкновенно скакалъ такъ быстро, что угнаться за нимъ было невозможно. На этотъ разъ, однако же, онъ сразу отчаяннымъ прыжкомъ перелетѣлъ черезъ причаленные къ берегу челноки, бросился въ воду и нырнулъ подъ нихъ. Началась погоня. Одинъ за другимъ, мои молодцы попрыгали въ рѣку, такъ что поверхность ея запестрѣла черными головами, и изо всѣхъ силъ работая руками и ногами стали ловить дичину. Такая жадность къ мясу была похожа на умопомѣшательство. Ни ядовитыя стрѣлы, ни острыя копья, ни суповые котлы людоѣдовъ не могли отвадить ихъ отъ такихъ попытокъ; они были готовы рѣшительно на все, а въ настоящемъ случаѣ цѣлый отрядъ бросился въ рѣку и барахтаясь въ водѣ дрался и боролся, рискуя потонуть изъ-за такой мелкой звѣрюшки, которой мало

было бы на сытный обѣдъ двумъ людямъ, а охотились за ней пятьдесятъ человѣкъ!

Я послалъ пять челноковъ на помощь этимъ сумасшедшимъ. Какъ ни хитрилъ звѣрокъ, то и дѣло ныряя въ глубину и подражая въ этомъ дикимъ туземцамъ, но одинъ молодецъ, по имени Ферузи, схватилъ его наконецъ за шею; но въ туже минуту полдюжины другихъ рукъ ухватили его самого и очень можетъ быть, что всѣ вмѣстѣ утонули-бы, если бы челноки не подоспѣли во-время, чтобы спасти уставшихъ пловцовъ. Но увы! Какъ только лѣсная антилопа была убита, на нее накинулось столько народу и разобрали ее на такіе мелкіе кусочки, что бѣдному Ферузи досталась самая малость, да и ту онъ изъ предосторожности забилъ себѣ въ ротъ, чтобы не отняли.

На слѣдующемъ переходѣ пострадала рѣчная колонна. Мы находились близъ стараго лагеря у впаденія рѣки Нгуля въ Итури. Занзибарцу, стоявшему на переднемъ челнокѣ, прострѣлили спину отравленной стрѣлой; но рану тотчасъ проспринцовали углекислымъ аміакомъ и никакихъ дурныхъ послѣдствій не было.

18-го сентября опять былъ несчастный случай въ рѣчной колоннѣ и на этотъ разъ человѣкъ упалъ, какъ сраженный пулей, и умеръ почти мгновенно. Поваръ, по имени Джабу, немного хворавшій, сидѣлъ на кормѣ челнока, а товарищи были на берегу, футовъ за сорокъ и тянули челнокъ веревками, потому что въ этомъ мѣстѣ торчали подводные камни и нужно было потихоньку провести его. Въ эту минуту какой-то отважный дикарь, натянувъ лукъ и держа наготовѣ деревянную стрѣлу, твердо приблизился къ челноку и пустилъ ее въ Джабу. Стрѣла пронзила нижнюю часть горла и засѣла въ предплечьѣ. Ранка была не больше булавочнаго укола, но этого было достаточно: Джабу едва успѣлъ промолвить: Магометъ! и упалъ мертвый.

Оттуда пришли къ водопадамъ Панга, и 20-го сентября прорубили себѣ новую дорогу мимо водопадовъ, провели всѣ двадцать семь челноковъ къ пристани за порогами, въ виду укрѣпленнаго островка, и перетащили въ лагерь всѣ вьюки и поклажу.

Когда мы въ первый разъ шли этими мѣстами, у насъ ни одинъ человѣкъ не погибъ отъ руки туземца; но съ тѣхъ поръ, очевидно, дикари испытали какъ легко подстерегать чернокожихъ; отбившихся отъ рукъ бѣлаго человѣка, и какъ безнаказанно можно ихъ рѣзать. Дезертиры изъ колонны авангарда доставили туземцамъ не мало пищи по ихъ вкусу, да и тупоумные представители племени Бакусу, подвластные Угарруэ, тоже постоянно становились жертвами людоѣдовъ. Поэтому немудрено, что они разлакомились и поняли, что постоянно

шныряя по лѣсу нерѣдко можно подстеречь неосторожнаго человѣка и всадить въ него копье также просто, какъ зарѣзать козу. Въ этотъ мѣсяцъ мы потеряли четырнадцать человѣкъ. 20-го числа глупый мади затесался въ кусты, ища растопки: дикарь какъ изъ земли выросъ передъ нимъ и прокололъ его насквозь. 21-го женщина, маньюмка, за 50 шаговъ отъ лагеря пронзена отравленной стрѣлой и умерла, прежде чѣмъ мы успѣли подойти къ ней. Въ довершеніе списка, занзибарецъ изъ колонны арріергарда умеръ отъ послѣдствій отравленія маніокомъ.

Расположились лагеремъ у пороговъ Неджамби. Какъ только свалили вьюки, человѣкъ сто проголодавшихся людей толпой пошли поискать банановъ. Мы, оставшіеся въ лагерѣ тоже не сидѣли сложа руки. Нужно было провести черезъ пороги двадцать семь челноковъ, прорубить новую дорогу вдоль берега, да навить канатовъ изъ ротанга для каждаго челнока въ отдѣльности.

На закатѣ солнца многіе изъ фуражировъ воротились въ лагерь съ полными руками провизіи, но остальные сильно запоздали и еще долго послѣ полуночи мы стрѣляли изъ ружей и трубили въ костяные рога, звуки которыхъ раскатывались далеко по лѣснымъ трущобамъ. Въ 9 часовъ пришло извѣстіе, что двое занзибарцевъ убито отравленными стрѣлами. Черезъ часъ принесли мертвое тѣло: увы! то былъ Фераджи, тотъ остроумный старшина съ которымъ я публично бесѣдовалъ въ Баналіи. Осматривая трупъ, мы замѣтили, что онъ покрытъ крупными каплями пота. Онъ былъ раненъ въ верхнюю часть лѣваго предплечья и ранка была крошечная, какъ отъ укола иголкою, но какъ видно и этого было довольно. Говорятъ, что когда его ранили, онъ еще почти цѣлый часъ шелъ къ лагерю, но потомъ почувствовалъ слабость и захотѣлъ отдохнуть: легъ на землю и черезъ десять минутъ умеръ.

Гуссейнъ бенъ-Джума, молодой человѣкъ, сынъ почтенныхъ родителей въ Занзибарѣ, также принесенъ въ лагерь и хотя еще живъ, но ужъ очень плохъ, какъ мнѣ сказали носильщики. Осмотрѣвъ его, я нашелъ, что стрѣла пронизила наружный мускулъ правой руки и засѣла на одинъ дюймъ повыше третьяго ребра. Стрѣлу поспѣшно вытащили и показали мнѣ. Она была смазана какимъ-то темнымъ веществомъ вродѣ густого дегтя, издававшимъ своеобразный запахъ. Рука не распухла, но вокругъ ранки, что на боку, была порядочная опухоль, на ощупь мягкая. Онъ сказалъ мнѣ, что вначалѣ вдругъ почувствовалъ необыкновенную слабость и началъ сильно потѣть, потомъ у него сдѣлалась рвота и ему стало гораздо легче. Въ настоящую минуту онъ ощущалъ только большую вялость и жажду. Про-

мывъ раны какъ можно лучше, мы вспрыснули въ каждую изъ нихъ по пяти гранъ углекислаго аммонія, а внутрь дали ему порядочный пріемъ крѣпкой лекарственной водки.

Черезъ десять дней нашъ юный Гуссейнъ совершенно поправился и приступилъ къ исполненію своихъ обычныхъ обязанностей.

Послѣ полуночи воротилась часть отряда, нагруженная курами, бананами и къ счастію обошедшаяся безъ всякихъ непріятностей. Но утромъ на зарѣ нѣкто Тамъ, уроженецъ Джоанны, въ бреду отъ оспы, бросился въ самую быстрину рѣки и утонулъ. Онъ ни за что не соглашался привить себѣ оспу.

Переваливъ челноки на три четверти мили выше пороговъ, мы остановились на сутки, чтобы заготовить на пять дней муки. Безпрестанное перетаскиваніе черезъ камни полусгнившихъ челноковъ такъ ихъ истрепало, что у насъ осталось ихъ всего двадцать два.

Мы прошли длинный рядъ пороговъ Энгуэддэ безъ приключеній, оттуда на Ависиббу и къ старому лагерю пониже пороговъ Мабенгу гдѣ такъ долго ждали пропавшую колонну и Джефсона въ августѣ 1887 года.

На другой день дневали и выслали сильный отрядъ фуражировъ за рѣку Итури, для сбора провизіи. Къ вечеру они вернулись и принесли многодневный запасъ банановъ, нѣсколько козъ и куръ. Наконецъ-то можно было сварить бульонъ и дать мясныя порціи слабосильнымъ изъ Баналіи. Мнѣ донесли, что маньюмы до того отощали безъ говядины, что звѣрски убили и искрошили въ куски женщину; однако старшина увѣрялъ, что это клевета, и я склоненъ ему вѣрить; если бы занзибарцы дѣйствительно подмѣтили такой обычай у своихъ спутниковъ, съ которыми часто имъ приходилось обмѣниваться посудой, они сочли-бы свои котлы оскверненными и безъ сомнѣнія съ большею настойчивостью потребовали бы наказанія виновныхъ.

30-го сентября мы подвинулись на столько, что заночевали по ту сторону верхнихъ пороговъ Авугаду; на этой стоянкѣ мы встрѣтили дикорастущіе апельсины и, если не ошибаюсь, манговыя деревья, по крайней мѣрѣ судя по листвѣ и цвѣтамъ. Попадалось также много красной смоквы, но такъ какъ ея морщинистые плоды были вовсе не сладки, мы сочли ихъ не съѣдобными.

По дорогѣ увидѣли одну туземную женщину, только что разрѣшившуюся отъ бремени: она стояла надъ своимъ младенцемъ. Занзибарцы, привлеченные необычнымъ зрѣлищемъ, постепенно подходя обступили ее и одинъ изъ нихъ сказалъ: —брось его скорѣе въ рѣку, съ глазъ долой.—Зачѣмъ-же, когда онъ живой?—возразилъ другой.

— Развѣ не видишь какой онъ бѣлый? Это должно быть какая нибудь ужасная болѣзнь.

— О, невѣжество, сколько золъ ютится подъ твоею мрачною тѣнью! подумалъ я.—Прости имъ, Боже, вотъ ужъ не вѣдаютъ что творятъ,— мелькнуло у меня въ умѣ, глядя на эту кучку людей, не подозрѣвавшихъ, что они замышляютъ страшное преступленіе и въ самомъ дѣлѣ едва не угасившихъ эту только-что зажженную искорку жизни.

Въ это время всего больше тревоги и хлопотъ доставляли намъ страдавшіе нарывами. Былъ у насъ въ отрядѣ преумный мальчикъ лѣтъ тринадцати, Суди, бывшій слугою покойнаго маіора. Вслѣдствіе ушиба разболѣлась у него нога и сдѣлалась такая язва, что кость обнажилась на четыре дюйма. Кромѣ того было пятнадцать случаевъ натуральной оспы; но хотя занзибарцы находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ оспенными больными, изъ нихъ только одинъ заразился,—тотъ самый Тамъ, который кончилъ самоубійствомъ.

Придя въ Аведжили, при впаденіи рѣки Нэпоко, жена барабанщика маньюма, очень красивая бабенка, пошла въ огороды нарвать зелени. Дикари сидѣли въ засадѣ и начали ее разстрѣливать. Они пустили въ нее семь стрѣлъ. На крикъ ея прибѣжали люди, принесли ее въ лагерь, но только что мы собрались спринцевать раны аммоніемъ, какъ она упала, подняла руки, обвила ими шею своего молодаго мужа, глубоко вздохнула и умерла. Все это было очень трогательно. Желалъ бы я знать, что бы на это сказали тѣ путешественники, которые утверждаютъ, что африканцы не вѣдаютъ ни привязанности, ни любви, ни ревности. Въ отрядѣ была другая женщина маньюмка, на которую страшно было смотрѣть безъ отвращенія; вся она была изуродована и покрыта оспенными язвами, издававшими невыносимое зловоніе, однакожъ мужъ ея все время ухаживалъ за ней и служилъ ей съ безграничной преданностью и нѣжностью. Каждый день мы видѣли смерть, во всѣхъ видахъ; но любовь—и любовь самая возвышенная — всякій разъ сопутствовала ей, какъ настоящій ангелъ-хранитель, и самую смерть украшала. Бѣдныя, невѣжественныя, но кроткія созданія, смиреннѣйшіе представители человѣчества, никто васъ здѣсь не видитъ и не знаетъ, никто не воспѣваетъ вашихъ благородныхъ самопожертвованій, вашей вѣрности до гроба и нѣжнѣйшихъ чувствъ; но вы всетаки братья наши, потому что, также какъ мы, умѣете приголубить и успокоить въ самыя тяжкія минуты, и при самыхъ суровыхъ условіяхъ умѣете расточать перлы сострадания тѣмъ, кого вы любите.

2-го октября мы поднялись до Малыхъ Пороговъ, пониже сліянія рѣки Нгайю съ рѣкою Итури. Тутъ налетѣла на насъ буря, превра-

тившая тихую рѣку въ настоящій водоворотъ: волны бились въ оба берега, вставая и падая съ грохотомъ, отчего со дна поднялся илъ, замутившій воду до такой степени, что рѣка стала похожа на мелководное морское прибрежье во время прилива. Челноки наши кидало изъ стороны въ сторону и они такъ шибко сталкивались между собою, что угрожали обратиться въ щепки, а лѣсъ между тѣмъ гнулся и стоналъ подъ напоромъ вѣтра. Но черезъ полчаса рѣка стихла, приняла свой обычный благодушный видъ, а лѣсъ опять стоялъ какъ окаменѣлый.

На стоянкѣ 3-го числа открылся сундукъ мистера Джемсона, содержавшій различные предметы, обычные въ багажѣ трудолюбиваго естествоиспытателя. Всѣ книги, дневники и иныя вещи, которыя стóило сберечь, мы запечатали и уложили для перенесенія черезъ материкъ, а остальныя, излишнія для человѣка въ обстановкѣ цивилизованныхъ странъ, выбросили.

Двадцать восемь человѣкъ подъ начальствомъ мистера Бонни посланы за притокъ Нгайю съ цѣлью провѣрить мое предположеніе, что отъ пристани на Итури, замѣченной мною въ этихъ мѣстахъ во время неоднократнаго тамъ прохожденія, должна быть туземная тропинка съ помощью которой мы могли бы избѣгнуть тѣхъ двухсотъ миль опустошенной лѣсной глуши, что простираются вдоль южнаго берега рѣки отъ пороговъ Басопо до впаденія р. Ибуири. По возвращеніи съ этой экскурсіи мистеръ Бонни съ восхищеннымъ изумленіемъ отзывался о необычайной ловкости и подвижности моихъ развѣдчиковъ, которые съ легкостью лѣсной антилопы перепрыгиваютъ черезъ всевозможныя преграды и на каждую тысячу шаговъ постоянно уходили отъ него на пятьсотъ шаговъ впередъ. Въ разстояніи полуторы мили отъ помянутой пристани, на сѣверномъ берегу, мистеръ Бонни нашелъ зажиточное селеніе, окруженное роскошными плантаціями банановъ. Къ этому-то селенію, по имени Бавикаи, мы и направились, больше, впрочемъ, въ надеждѣ отыскать дорогу на сѣверо-востокъ, по которой пройдя миль шестьдесятъ было бы возможно прямикомъ идти на озеро Альберта.

Покуда люди переправлялись на противуположный берегъ, противъ пристани Бавикаи, 4-го числа, я увидѣлъ человѣкъ двѣнадцать мади, жестоко изуродованныхъ оспой, а съ ними вмѣстѣ было еще дюжины двѣ ихъ единоплеменниковъ, не успѣвшихъ заразиться, но такъ безпечно и близко касавшихся ихъ, что не могло быть сомнѣнія въ томъ что скоро и они будутъ точно въ такомъ же видѣ. Это зрѣлище навело меня на рядъ такихъ глубокомысленныхъ размышленій, что будь у меня подъ рукою хорошій стенографъ, я бы непремѣнно изложилъ

ихъ, на пользу другихъ легкомысленныхъ людей. Никогда еще невѣжество не казалось мнѣ болѣе безсмысленнымъ, хотя съ другой стороны такое отсутствіе предусмотрительности внушало и жалость. Казалось что надъ этими несчастными созданіями уже нависла тѣнь смерти. Но потомъ я подумалъ:—да, вотъ я вижу какъ на нихъ наступаетъ эта ужасная тѣнь, вижу какъ они сами накликаютъ на себя страшную болѣзнь, которая сначала превратитъ ихъ въ чудовищъ, а потомъ убьетъ. А когда я буду умирать, отчего это будетъ? По всей вѣроятности также по легкомыслію, по минутной оплошности, когда буду слишкомъ занятъ другимъ, или слишкомъ самоувѣренъ, чтобы во-время замѣтить надвигающуюся на меня тѣнь... Чтожъ,—„Мамбу-Куа-Мунгу,“—ни имъ, ни мнѣ не избѣжать своей участи.

Въ замѣткахъ отъ 5-го октября нахожу въ своемъ дневникѣ слѣдующія замѣчанія относительно маларіи.

Проходя лѣсной областью мы меньше страдали отъ африканской лихорадки нежели въ открытой мѣстности отъ Матадди до Стэнли-Пуля

Какъ только постоимъ подольше въ лѣсной расчисткѣ, такъ и оказывается, что не настолько мы здѣсь акклиматизировались; чтобы стать нечувствительными къ дѣйствію маларіи. Но въ лѣсныхъ трущобахъ если и бывали лихорадки, то въ самой легкой формѣ и притомъ онѣ тотчасъ уступали своевременному пріему хинина.

На плоскогорьѣ Ундуссумы и въ Кавалли Джефсонъ, Пэркъ и я поочередно страдали лихорадкою, а средняя высота почвы тамъ на 4500 футовъ (около 650 саженъ) выше уровня моря.

Спустившись въ приозерную равнину Ніанзы, еще на 2500 футовъ ниже, мы опять подвергались сильнѣйшимъ пароксизмамъ лихорадки.

На мысѣ Банана, у самого моря, лихорадка самая обыкновенная болѣзнь, а въ Бомѣ, на 80 футовъ выше, она еще обыкновеннѣе.

Наиболѣе лихорадочное изъ этихъ мѣстъ—Виви, которое на 250 футовъ выше Бомы, и ни одного болота по близости отъ него нѣтъ.

Въ Стэнли Пулѣ, на высотѣ 1100 футовъ (около 160 саженъ) надъ уровнемъ моря, преобладаютъ злокачественныя формы лихорадки.

Подымаясь вверхъ по теченію Конго, притомъ если вѣтеръ дулъ въ тылъ, мы совсѣмъ позабывали о существованіи лихорадокъ; но спускаясь по Конго въ обратную сторону, лицомъ къ вѣтру, мы испытывали жесточайшія формы лихорадки.

Подымаясь по Арухуими мы рѣдко вспоминали про лихорадку; но спускаясь внизъ по теченію въ челнокахъ, навстрѣчу вѣтрамъ, увлекаемые быстриной и отталкиваясь шестами, мы вскорѣ убѣждались что наши организмы еще далеко не примѣнились къ здѣшнему климату.

Изъ этого можно вывести, что возвышеніе надъ уровнемъ моря

отъ 0 до 5000 футовъ не избавляетъ отъ лихорадки; что болѣе сорока миль озерной поверхности между лагеремъ и противуположнымъ берегомъ не защищаютъ отъ нея; что тысяча миль рѣчного теченія можетъ служить даже каналомъ для проведенія маларіи въ концентрированной формѣ; что когда между жилищемъ и обширною расчисткой или открытою поляной есть густая стѣна первобытнаго лѣса или банановая роща, то жилищу угрожаетъ лишь мѣстная маларія, которую очень легко удалить нѣкоторыми санитарными мѣрами; въ открытой же странѣ, ни въ домахъ, ни въ палаткахъ нѣтъ возможности защититься отъ маларіи, потому что воздухъ проникаетъ чередъ двери домовъ, подъ навѣсы палатокъ, сквозь вентиляторы, и все равно отравляетъ обитателей.

Отсюда неизбѣжный выводъ, что деревья, высокіе кусты, стѣны или наконецъ плотныя ширмы, поставленныя между жилищемъ и преобладающимъ вѣтромъ, могутъ защитить отъ приносимой имъ маларіи и люди могутъ заражаться лишь ближайшими, мѣстными испареніями.

Эминъ-паша говорилъ, что всегда беретъ съ собой пологъ (употребляемый противъ москитовъ) и полагаетъ, что это отлично защищаетъ отъ міазматическихъ ночныхъ испареній.

Вопросъ: можетъ ли респираторъ, придѣланный къ вуалю, или просто кисейная маска предохранить путешественника отъ лихорадочныхъ испареній, когда онъ находится въ открытой странѣ?

Три отряда по сорока человѣкъ отправлены изъ Бавикаи въ разныя стороны, чтобы посмотрѣть куда ведутъ мѣстныя торныя тропинки? Первый отрядъ вскорѣ запутался въ трущобахъ по берегу рѣки Нгайю, встрѣтилъ дикарей Бавикаи, временно укрывшихся въ лѣсной чащѣ, и долженъ былъ посчитаться съ ними; второй отрядъ пошелъ къ сѣверо-востоку и наткнулся на скопище туземцевъ, собравшихся съ трехъ деревень. При этомъ одного изъ нашихъ ранили въ голову отравленной стрѣлой. Третій отрядъ попалъ въ цѣлый лабиринтъ тропинокъ, перепробывалъ многія изъ нихъ, но всѣ онѣ упирались или въ банановыя плантаціи или въ жидкіе кусты, и повсюду встрѣчались дикари въ полномъ вооруженіи, съ отравленными стрѣлами наготовѣ.

Поэтому мы снова переправились на южный берегъ рѣки и рѣшили попытать счастья еще выше, чтобы всетаки избѣжать неудобства прорубать себѣ путь черезъ лѣсную трущобу.

10-го октября экспедиція пришла къ «Раздолью гиппопотамовъ». Въ тотъ день мы видѣли тучу бабочекъ, летѣвшихъ по теченію рѣки; туча эта отъ самого уровня воды возвышалась сплошною массой на

высоту примѣрно 180 футовъ (25 саженъ), до вершинъ лѣсныхъ деревьевъ и была такъ густа, что покуда она не перегнала насъ мы думали что это стоитъ лиловатый туманъ или, что еще невѣроятнѣе, падаетъ блѣдно-окрашенный снѣгъ. Онѣ летѣли со скоростью трехъ узловъ въ часъ. Въ спокойномъ воздухѣ тихаго утра полетъ ихъ былъ очень ровенъ, но малѣйшая струя береговаго вѣтра заставляла ихъ клубиться и путаться на подобіе снѣговыхъ пушинокъ въ вѣтрянную погоду. По временамъ навстрѣчу имъ попадались другіе рои бабочекъ, летѣвшихъ внизъ по теченію, и лучи солнца, играя и переливаясь въ ихъ прозрачныхъ крылышкахъ, сверкали какъ огненныя искры.

Берега въ этой мѣстности покрыты зелеными дерновинами, коротко обгрызанными бегемотами, которые облюбовали здѣшнія заводи. Много масличныхъ пальмъ, рафіи,. арейники, фриніи, амомы, кусты перечника показываютъ, что тутъ издавна образовались человѣческія поселенія. Моя палатка пріютилась подъ тѣнью небольшой, но развѣсистой смоковницы, которая защищала ее отъ палящаго экваторіальнаго солнца; но отъ поверхности рѣки въ 3 часа дня обдавало температурою 87° F. въ тѣни. Этотъ зной предвѣщалъ грозу, которая и разразилась къ вечеру съ молніей, громовыми ударами и сильнѣйшимъ дождемъ.

У водопада Бафаидъ намъ попалась туземная женщина, которая сообщила, что племя Медзэ обитаетъ по ту сторону рѣки Игайю, а племя Бабанди на лѣвомъ ея берегу.

Близь Авейсбу дикарь, прятавшійся за ліанами, свѣсившимися съ громаднаго дерева, внезапно выскочилъ на тропинку, схватилъ маленькую маньюмскую дѣвочку, пронзилъ ей грудь насквозь своимъ обоюдуострымъ кинжаломъ, и потрясая этимъ оружіемъ надъ головой произнесъ какое-то свирѣпое проклятіе, вѣроятно что нибудь въ родѣ: «смерть пришельцамъ!»

На слѣдующей стоянкѣ у пристани Авембери нашъ умный мальчикъ Суди, бывшій прислужникъ маіора, скончался на рукахъ носильщиковъ пока его переносили мимо пороговъ къ челнокамъ, ждавшимъ выше. Съ его берцовой кости, давно обнажившейся вслѣдствіе ужасныхъ язвъ, совсѣмъ сошла эмаль. Съ тѣхъ поръ какъ мы покинули островъ Бунгангету, мальчика Суди постоянно носили на рукахъ, ухаживали за нимъ,—но въ послѣднее время, вслѣдствіе постояннаго пребыванія въ челнокѣ то подъ палящимъ солнцемъ, то подъ проливнымъ дождемъ, у него сдѣлалось разстройство желудка. Отъ природы онъ былъ здоровъ и крѣпокъ и съ замѣчательной твердостью переносилъ свои страданія; но запасная аптека наша очутилась въ Бангалѣ и потому мы ничего не могли для него сдѣлать.

18-го октября пришли къ порогамъ Амири и у насъ второй занзибарецъ захворалъ оспой. До тѣхъ поръ мы замѣчательно счастливо избѣгали этой болѣзни, несмотря на то, что въ лагерѣ постоянно бывало отъ десяти до двадцати больныхъ оспою, съ тѣхъ поръ какъ мы побывали въ селеніи Батунду. Изъ 620 занзибарцевъ, которымъ оспа была привита, было нѣсколько человѣкъ, которымъ не помогла и прививка, но въ общемъ смѣло можно сказать, что въ нашей экспедиціи проявилось и блистательнымъ образомъ было доказано, какое благодѣяніе оказано человѣчеству открытіемъ Дженнера. Эпидемія дѣлала страшныя опустошенія въ средѣ маньюмовъ, мадисовъ и нѣскольких туземныхъ нашихъ наемниковъ, и многія жертвы были уже брошены въ рѣку, съ привязанными къ нимъ камнями. Къ этой странной необходимости мы были вынуждены тѣмъ обстоятельствомъ, что туземные дикари, издали слѣдившіе за караваномъ, вырывали нашихъ мертвецовъ изъ земли и пожирали ихъ.

Одинъ изъ занзибарскихъ старшинъ, исполняя обязанность лоцмана на челнокѣ, былъ такъ искусанъ осами, что сочелъ себя умирающимъ и непремѣнно пожелалъ составить свое завѣщаніе, въ силу котораго единственнымъ по себѣ наслѣдникомъ признавалъ своего брата, бывшаго съ нами въ отрядѣ. Я исполнилъ его желаніе и записалъ его послѣднюю волю съ соблюденіемъ всѣхъ канцелярскихъ формальностей, чѣмъ необыкновенно его утѣшилъ, но въ тоже время сдѣлалъ ему подкожное вспрыскиваніе изъ десятигранной дозы углекислаго аммонія и сказалъ, что онъ непремѣнно дойдетъ до Занзибара, не взирая на то, что осы его такъ отдѣлали. На другой день онъ ходилъ какъ встрепанный и заявлялъ, что снадобья бѣлыхъ людей развѣ только отъ смерти не вылечиваютъ.

Когда мы прошли за пороги Амири, съ нами случился рядъ неудачъ. Нѣсколько безголовыхъ людей изъ колонны арріергарда, не вѣдавшей дисциплины, побѣжали въ банановую плантацію безъ вожака и даже безъ позволенія и вели себя тамъ какъ малые ребята. Туземцы ихъ окружили и наказали, поранивъ троихъ. Еще двое, одинъ страдавшій сердцебіеніемъ, другой совсѣмъ хилый юноша, отбились т ъ колонны, чтобы избавиться отъ надзора арріергарда.

До сихъ поръ, съ 1-го сентября у насъ убито девять занзибарцевъ, одинъ самоубійца, одинъ умеръ отъ нарывовъ, двое пропали безъ вѣсти. Изъ маньюмовъ пятнадцать убито и умерло отъ оспы, а изъ числа мади отъ тѣхъ же причинъ погибло восемнадцать человѣкъ. И того сорокъ четыре смерти въ сорокъ девять дней.

Отъ пороговъ Амири до Аветико семь дней шли пустынными, раззоренными мѣстами вполнѣ безлюднымъ и безплоднымъ лѣсомъ. По ту

сторону Аветико, идя той новой дорогой, которой я намѣревался слѣдовать, могло случиться, что дня два мы вовсе не встрѣтили бы никакого провіанта. Разсчитывая такимъ образомъ, я могъ бы вполнѣ благополучно совершить этотъ переходъ съ занзибарцами моего авангарда, которые привыкли къ скитанію по лѣсамъ. Если въ Аветико не нашлось бы провіанта, тогда наше положеніе было бы скверно.

На одинъ день пути за Аветико мы еще могли на челнокахъ перевезти запасную провизію. Двадцатидневный запасъ муки на каждаго человѣка еще можно бы захватить, но для этого необходимо, чтобы караванъ былъ въ полномъ повиновеніи у своего предводителя. Въ такомъ случаѣ каждое слово начальника должно быть запоминаемо подчиненными, нужно, чтобы они прислушивались къ его совѣтамъ и, по мѣрѣ возможности, исполняли всѣ его приказанія.

На зарѣ 20-го октября выслалъ 160 вооруженныхъ людей къ плантаціямъ, расположеннымъ внутри лѣса за 5 миль отъ пороговъ Амири. Людямъ сказано, за сколько дней пути находится Аветико, и даны имъ однѣ сутки на сборъ, очистку, нарѣзку и просушку банановъ на мѣстѣ, т. е. на плантаціи, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ принесъ отъ 60 до 70 фунтовъ муки; такимъ образомъ можно будетъ раздать людямъ на руки по 20 фунтовъ провіанта, достаточнаго на десять дней. Опытъ подсказалъ мнѣ, что нѣкоторые натащутъ столько добра, что имъ и на пятнадцать дней хватитъ съ избыткомъ; другіе же, даромъ, что имъ угрожали голодною смертью, принесутъ не больше того, что можетъ прокормить ихъ дня четыре.

Вечеромъ 21-го октября я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что наши фуражиры дѣйствовали весьма успѣшно. Сколько именно людей послѣдовало моимъ совѣтамъ—трудно было провѣрить. Отъ каждаго котла выслана была половина людей на заготовку провіанта и каждый человѣкъ обязанъ былъ отдѣлить по двѣ горсти для офицеровъ и больныхъ. Оставалось рекомендовать кошеварамъ, чтобы они поэкономнѣе обращались съ провизіей и тогда можно было надѣяться, что мы благополучно пройдемъ черезъ эти зловѣщіе пустыри.

Глава XXII.

ПРИБЫТІЕ КЪ ФОРТУ БОДО.

Опять ставка Угарруэ.—Идемъ въ Бунду.—Переправа черезъ Итури.—Моя замѣтка, написанная противъ устья рѣки Ленды.—Приходимъ въ плантаціи Аветико.—Мистеръ Бонни измѣряетъ пигмея.—Исторія и одежда пигмеевъ. — Мимическая бесѣда.—Жена пигмея.—Обезьяны и другіе лѣсные звѣри.—Просѣка въ Андэки.—Плачевное состояніе нашихъ одеждъ.—Рѣка Ихуру. — Съѣсные припасы истощаются. — Чѣмъ питался Амани. — Уледи ищетъ съѣстнаго.—Пропажа припасовъ.—Снова приходимъ въ селеніе Килонга-Лонги.—Еще нѣсколько смертныхъ случаевъ.—Улучшеніе лѣсныхъ путей.—Перестрѣлка близь Андикуму.—Пигмеи тащутъ ящикъ съ патронами.—Мимо горы Какуа.—Обращаемъ въ бѣгство чужой караванъ.—Послѣдній изъ сомали.—Проливной дождь.—Находимъ пищу въ Индемау.—Мостъ черезъ рѣку Дуи.—Пересчитываю людей.—Чужая коза попадаетъ въ лагерь при Нгуэцѣ.—Плѣнные пигмеи.—Посылаемъ за бананами обратно въ Нгуэцу.—Сабури, мой прислужникъ, потерянъ въ лѣсу.—Недоумѣваемъ, куда дѣвались посланные въ Нгуэцу.—Мой мальчикъ Сабури возвращается.—Новый голодный лагерь.—Отправляемся розыскивать отсутствующій отрядъ и встрѣчаемся съ нимъ въ лѣсу.—Рѣка Ихуру. Прибытіе къ форту Бодо.

23-го октября экспедиція пришла въ прежнюю ставку Угарруэ и ночевала въ ея опустѣвшихъ жилищахъ. На дворѣ большаго дома, принадлежавшаго хозяину, выросъ рисъ, но всѣ зерна были выклеваны птицами. Въ обширныхъ корридорахъ этого зданія съ удобствомъ проживало болѣе ста человѣкъ и, будь хоть какая нибудь возможность не въ далекѣ отсюда достать съѣстныхъ припасовъ, мы съ удовольствіемъ остановились бы тутъ на недѣльку, отдохнуть. Но не слѣдовало увлекаться удобствами помѣщенія и понапрасну растрачивать запасы, наготовленные для длиннаго перехода по совершенно раззоренныМъ мѣстамъ; изъ опасенія погибнуть голодною смертью, намъ надлежало теперь изо всѣхъ силъ стремиться впередъ.

На другой день пошли въ Бунду. Рѣчная колонна обратила на себя вниманіе бывшихъ данниковъ Угарруэ и они пустили въ нее

рой стрѣлъ. Маньюмы, бывшіе въ переднемъ челнокѣ, попрыгали въ воду со страху, но шедшіе за ними занзибарцы прыгнули на берегъ и зашедши во флангъ непріятелю сдѣлали диверсію, и тѣмъ помогли намъ спасти растерявшихся маньюмовъ, которые своими лѣнивыми позами въ развалку послужили мишенью для дикарей.

Рѣка Итури была въ полномъ разливѣ, ежедневно питаясь обильными тропическими ливнями. Притоки и ручьи, впадающіе въ нее съ праваго берега, были теперь очень глубоки, что не мало затрудняло и утомляло сухопутный отрядъ. Только что они переберутся черезъ ручей, по поясъ бредя въ водѣ, какъ черезъ нѣсколько минутъ опять черезъ дорогу притокъ, иногда и гораздо поглубже. Они только и дѣлали, что выжимали свои одежды и проклинали эти досадныя задержки. Когда притоки были совсѣмъ глубокіе, мы выстраивали поперекъ ихъ устья челноки и пѣшій отрядъ переходилъ черезъ нихъ какъ по плавучему мосту, но при этомъ каждый человѣкъ служилъ мишенью для насмѣшекъ и остротъ со стороны товарищей, потѣшавшихся надъ ихъ общипанными и мокрыми фигурами. Передовые непремѣнно оставляли на краяхъ лодокъ слѣды своихъ ногъ, облѣпленныхъ жидкою грязью или мягкимъ иломъ, съ другихъ струилась вода, а безпрестанныя паденія доказывали, что по импровизованному мосту идти было очень скользко; но эти паденія возбуждали только общій смѣхъ и шутки. Въ тотъ день пѣшая колонна переправилась черезъ тридцать два потока.

25-го стали лагеремъ напротивъ впаденія рѣки Ленды. Мы подвигались довольно быстро, но въ моемъ дневникѣ я нашелъ слѣдующую страницу, написанную въ этотъ вечеръ. Послѣ мы увидимъ, что такія радостныя чувства могли быть лишь послѣдствіемъ сознанія, что недалекъ тотъ день, когда настанетъ конецъ наиболѣе тяжкимъ подвигамъ.

«Отъ всего сердца радуюсь, что нашъ трудный походъ по лѣсамъ приходитъ къ концу. Сегодня мы только за 160 миль отъ луговой равнины, но я надѣюсь, что и это разстояніе мы довольно скоро сократимъ. Пока, живу надеждами. Знаю, что послѣ дождей на поляхъ созрѣетъ богатая жатва и потому не ропщу на вѣчные ливни. Мы перестали даже ворчать на грязь и тину здѣшнихъ сырыхъ мѣстъ, хотя только вчера перешли черезъ тридцать два ручья, глинистые берега и отмели которыхъ не мало испытывали наше терпѣніе. Впереди у насъ много мелкихъ радостей; такъ, напримѣръ, мы избавимся отъ красныхъ муравьевъ и будемъ вполнѣ обезпечены противъ ихъ нападеній и днемъ, и ночью. Въ тотъ день какъ подошвы нашихъ сапогъ окончательно высохнутъ, а съ голенищъ мы счистимъ всю

лѣсную плѣсень, хотя одна мечта нашей жизни осуществится. Когда насъ жалятъ здѣшнія мелкія и злыя пчелы, когда мы вздрагиваемъ отъ укушенія муравьевъ, корчимся отъ укола слѣпня, стонемъ отъ нападенія свирѣпыхъ осъ, отгоняемъ надоѣдливыхъ бабочекъ, стряхиваемъ съ себя зловредную полосатую улитку или съ нервною поспѣшностью топаемъ на ползущую зеленоватую стоножку, мы каждый разъ говоримъ себѣ, что теперь ужъ недолго осталось переносить все это. Еще немного потерпимъ, и настанутъ лучшія времена.

«Съ 17-го августа у насъ перебывало въ рукахъ небольше четырехъ козъ и никакого другого мяса: мы питались исключительно печеными бананами, только по ихъ милости и держалась еще душа въ тѣлѣ. Мы и за то благодарны, хотя не можемъ похвастать своими силами. За то съ какимъ наслажденіемъ мы помышляемъ о предстоящихъ въ будущемъ мясныхъ кушаньяхъ, о говядинѣ, телятинѣ, баранинѣ, гарнированныхъ бобами, бататами, а тамъ еще молочныя каши, пуддинги и кунжутное масло на приправу. Не малое удовольствіе будетъ и въ томъ, что мы избавимся отъ этой вѣчной подозрительности,—зависящей вѣроятно отъ животнаго инстинкта самосохраненія,—отъ этой постоянной мысли, что гдѣ нибудь поблизости притаился дикарь и вотъ сейчасъ пуститъ въ ходъ свои отравленныя стрѣлы. Пройдетъ-же и это напряженное безпокойство, эта тревога о продовольствіи людей, о личной сохранности каждаго изъ нихъ, о предохраненіи ихъ отъ послѣдствій ихъ собственнаго легкомыслія. И какъ я буду радъ, когда снова буду въ состояніи лучше думать о человѣчествѣ чѣмъ теперь, въ лѣсу, гдѣ всѣ мои понятія о мірозданіи какъ-то извратились и о людяхъ я довольно низкаго мнѣнія».

26-го мы нашли свой лагерь въ Умени, но банановъ нашлось только двѣ кисти, да и тѣ мелкіе. Опять налетѣлъ ураганъ, вѣтеръ вылъ по лѣсу какъ легіонъ демоновъ, крутилъ громадныя деревья и вырывалъ ихъ съ корнями, а темныя воды Итури совсѣмъ побѣлѣли отъ вздымавшейся пѣны.

На другой день подошли на веслахъ до подножья Большихъ Водопадовъ, выгрузили весь багажъ, запрятали челноки по кустамъ, взвалили вьюки на плечи, и послѣ получасоваго привала весь караванъ пошелъ сухимъ путемъ и прошелъ пять миль. Такъ мы окончательно простились съ плаваніемъ по Итури.

28-го числа, послѣ трехъ часоваго перехода, вступили въ банановыя рощи Аветико. И пора было! Какъ разъ къ этому времени большинство людей дошло до крайней степени истощенія. Они разсыпались по всей плантаціи съ жадностью голодныхъ волковъ. Мы стояли тутъ два дня, собирая и заготовляя впрокъ провіантъ.

Только что мы расположились въ Аветико, какъ мнѣ привели пару плѣнныхъ пигмеевъ. Приходились-ли они другъ другу сродни, неизвѣстно. Мужчина былъ молодой, вѣроятно двадцати одного года. Мистеръ-Бонни аккуратно измѣрилъ его, а я записалъ его замѣтки.

Ростъ—4 фута; окружность головы—$20^1/_4$ дюймовъ; отъ средины подбородка до темени—$24^1/_4$ дюйма; окружность поперекъ груди—$25^1/_2$ дюймовъ; вокругъ живота $27^3/_4$ дюймовъ; вокругъ бедръ—$22^1/_2$ дюйма; вокругъ запястья $4^1/_4$ дюйма; окружность выпуклаго мускула на лѣвомъ предплечьѣ—$7^1/_2$ дюймовъ; вокругъ ляжки—7 дюймовъ; вокругъ икры—$7^3/_4$ дюйма; длина указательнаго пальца 2 дюйма; длина правой ручной кисти—4 дюйма; длина подошвы—$6^1/_4$ дюйма: длина ноги—22 дюйма; длина спины—$18^1/_2$ дюймовъ; рука, отъ плеча до конца пальцевъ,—$19^3/_4$ дюйма.

Это былъ первый взрослый мужчина-пигмей, видѣнный нами. Цвѣтъ его кожи былъ мѣдно-желтый, а по всему тѣлу росли волосы, длиною въ полдюйма и такіе густые, что производили впечатлѣніе вродѣ мѣха. На головѣ у него была шапочка на подобіе пасторской украшенная пучкомъ перьевъ попугая, вѣроятно кѣмъ нибудь подаренная ему, а можетъ быть просто краденая. Широкая тесьма сплетенная изъ мочалы прикрывала его наготу. Руки его, очень изящной формы, поразили насъ своимъ загрязненнымъ видомъ. Онъ очевидно только что занимался шелушеніемъ банановъ.

Ни одинъ лондонскій газетчикъ не угадалъ-бы, съ какими чувствами и мыслями я взиралъ на этого человѣчка, обитателя дремучихъ лѣсовъ центральной Африки. На мои глаза онъ былъ еще болѣе достоинъ почтенія, нежели самъ Ѳивскій Мемнонъ. Его крошечное тѣло представляло чистѣйшій типъ первобытнаго человѣка, потомка тѣхъ изгнанниковъ древняго міра, Измаильтянъ-кочевниковъ, которые вѣчно чуждались труженниковъ земли, лишены радостей семейнаго очага, и обречены, силою своей порочности, вести скотскую жизнь въ лѣсахъ, болотахъ и дикомъ кустарникѣ. Подумайте! Двадцать шесть вѣковъ назадъ, по сказанію Геродота, его предки поймали пятерыхъ юныхъ путешественниковъ изъ Нассамоніи и забавлялись ими въ своихъ селеніяхъ по берегамъ Нигера. Сорокъ вѣковъ назадъ они уже были извѣстны подъ именемъ пигмеевъ и поэтъ воспѣлъ ихъ знаменитую битву съ аистами. Со временъ ученаго Гекатеуса, жившаго за 500 лѣтъ до Рождества Христова, на всѣхъ географическихъ картахъ обозначалось ихъ мѣстопребываніе въ области Лунныхъ Горъ. Когда Моисей вывелъ сыновъ Іакова изъ земли Гессемской, они были безспорными обладателями дебрей центральной Африки; но они и теперь тутъ, между тѣмъ какъ въ Египтѣ и Ассиріи, въ Персіи, Греціи и

Римѣ съ тѣхъ поръ безчисленныя династіи процвѣтали сравнительно недолго и исчезли съ лица земли. А эти мелкіе народы все время скитались по Африкѣ. Съ береговъ Нигера они, гонимые послѣдовательными нашествіями другихъ, болѣе крупныхъ племенъ, пришли сюда и начали строить свои зеленые шалаши въ чащѣ дремучихъ лѣсовъ. Сродники ихъ извѣстны въ Капскихъ колоніяхъ подъ именемъ Бушменовъ, въ бассейнѣ рѣки Люлюнгу подъ именемъ Уатуа, въ Монбутту ихъ зовутъ Акка, въ Мабодэ—Балья, въ бассейнѣ Ихуру—Уамбутти, а у подножія Лунныхъ Горъ—Батуа.

Когда громадные мади, высокіе суданцы и еще болѣе крупные занзибарцы обступили маленькаго человѣка, я съ живѣйшимъ интересомъ наблюдалъ его лицо, отражавшее каждую мелькнувшую въ немъ мысль, каждое мимолетное чувство. Съ начала его физіономія выражала только удивленіе и любопытство, потомъ страхъ ожидавшей его участи, потомъ на немъ быстро отразились то сомнѣнія, то надежды, по мѣрѣ того какъ онъ подмѣчалъ на нашихъ лицахъ выраженіе добродушнаго юмора, потомъ опять безпокойство и соображеженія: откуда взялись эти чудовища и что именно они съ нимъ сдѣлаютъ? Убьютъ, что-ли, и какъ? Испекутъ живьемъ или просто положутъ въ котелъ съ кипяткомъ и не взирая на его крики сварятъ изъ него супъ? Ахъ батюшки, надѣюсь что нѣтъ!... И голова его слегка тряслась, губы побѣлѣли, и все лицо нервно передернулось, изобличая терзавшія его чувства. Онъ готовъ былъ сдѣлать все на свѣтѣ чтобы заслужить милость этихъ великановъ, также какъ 2600 лѣтъ назадъ юноши изъ Нассамоніи добивались милости его предковъ пигмеевъ, насмѣхавшихся надъ ними въ древнемъ поселеніи на берегахъ Нигера.

Мы посадили его рядомъ съ собою, гладили его по спинѣ, дали ему нѣсколько печеныхъ банановъ, чтобы ублажить его просторное брюшко, отросшее не хуже чѣмъ у лондонскаго ольдермена, и маленькій человѣкъ благодарно улыбнулся. Какъ онъ былъ хитеръ и смышленъ! Какъ быстро схватывалъ понятія! Онъ такъ краснорѣчиво объяснялся жестами, что всѣ рѣшительно понимали его сразу.

— Далеко-ли отсюда до ближайшаго селенія, гдѣ можно достать съѣстного?

Онъ положилъ правую руку ребромъ поперекъ лѣваго кулака: это означало, что больше двухъ дней ходу.

— Въ какую сторону?

Показалъ на востокъ.

— Далеко-ли отсюда до Ихуру?

—О!—онъ положилъ правую руку поперекъ лѣвой руки у локтя,—что означало двойное число, т. е. четыре дня.

— Къ сѣверу отсюда можно найти съѣстные припасы?

Замоталъ головой.

— А къ западу или къ сѣверо-западу?

Опять замоталъ головой и сдѣлалъ руками такое движеніе, какъ будто сметаетъ песокъ.

— Отчего?

Онъ обѣими руками сдѣлалъ видъ, что прицѣливается изъ ружья и произнесъ:—Ду-у-у-у!

Это означало, что маньюмы все уничтожили.

— А здѣсь по сосѣдству есть теперь Дуу-у?

Онъ поднялъ на меня глаза съ такой лукавой улыбкой, какъ какая-нибудь кокетка, и взглядъ его ясно говорилъ: «тебѣ-ли не знать? О, негодный, что ты надо мной насмѣхаешься!»

— Покажешь ты намъ дорогу къ тому селенію, гдѣ можно найти съѣстное?

Онъ быстро закивалъ головою и похлопалъ себя по круглому животу, въ знакъ того что тамъ надѣется плотно поѣсть. Здѣсь—и онъ презрительно улыбаясь приложилъ большой палецъ правой руки къ первому суставу указательнаго пальца на лѣвой, желая показать что здѣсь бананы вотъ какіе маленькіе, а тамъ они вотъ какіе—и при этомъ ухватилъ себя за ногу пониже колѣна.

— О, да тамъ рай!—закричали мои люди,—бананы, величиной съ человѣческую ногу!

Этимъ свѣдѣніемъ пигмей всѣхъ задобрилъ. Мой авторитетъ померкъ и до тѣхъ поръ не былъ возстановленъ, покуда люди не удостовѣрились собственными глазами, что эти райскіе бананы были не такъ ужъ велики. Но въ эту минуту всѣ они готовы были расцѣловать пигмея; онъ же сидѣлъ съ преувеличенно-невиннымъ выраженіемъ лица, хотя конечно видѣлъ, что въ ихъ глазахъ онъ былъ чуть-ли не ангеломъ.

Все это время на мѣдно-желтомъ личикѣ дѣвушки-пигмейки отражались мысли и чувства, одушевлявшія ея товарища. Съ быстротою молніи мѣнялись на немъ оттѣнки ощущеній, а глаза искрились весельемъ и смышленностью, или же выражали послѣдовательно все то, что волновало юношу-пигмея: сомнѣнія, надежды, любопытство, страхъ, все было ею угадано, во всемъ она вторила ему вполнѣ. Она была полна и округлена какъ откормленная индюшка или какъ рождественская гусыня, ея кожа была свѣтло-орѣховаго цвѣта, груди блестѣли какъ пожелтѣвшая слоновая кость, и стоя передъ мной съ опущенными руками и плотно сжатыми пальцами, совершенно нагая, она казалась олицетвореніемъ юной скромности.

Вѣроятно они были мужъ и жена: онъ старался держать себя съ нѣкоторымъ достоинствомъ, подобающимъ сыну Адама, а она съ природной женственностью настоящей маленькой Евы. И хотя духъ ихъ облеченъ былъ сильно одичалой, загрубѣвшей плотью, хотя они были уже чужды наилучшихъ чувствъ человѣческихъ и болѣе сходны со звѣрями, но у нихъ всетаки была душа и они очень гармонировали со всею дикою роскошью своего Аветикскаго рая.

Наготовивъ про запасъ сушеныхъ банановъ, и взявъ въ проводники пигмеевъ, мы выступили изъ рощъ Аветико къ сѣверо-востоку, въ полдень переправились черезъ прозрачную рѣчку Нгоки и въ 3 часа стали лагеремъ у потока Эпени. По всей дорогѣ мы видѣли слѣды пигмеевъ, и въ лѣсной чащѣ и во временныхъ лагеряхъ: то валялась пунцовая шелуха плодовъ амомы, изъ которыхъ они высосали кислую мякоть, то трещала подъ ногами орѣховая скорлупа, то надломленныя вѣтки обозначали направленіе пути по лѣснымъ трущобамъ, то у тропинки устроены были «лучки» для ловли птицъ или на перекресткѣ тропинокъ, протоптанныхъ дичиной, вырыта была западня для ея поимки. Мѣстность казалась своеобразной и романтической; мы обходили обширныя котловины, уступами углублявшіяся внизъ и обросшія амфитеатромъ зелени всѣхъ оттѣнковъ, тамъ и сямъ пестрѣвшей множествомъ цвѣтовъ, то пурпуровыхъ и оранжевыхъ, то бѣлоснѣжными колокольчиками манговаго дерева, то желтоватыми шелковистыми кистями бомбакса; идя по краю такой котловины и заглядывая въ нее изъ-подъ нависшей надъ нами тяжелой тропической листвы, мы видѣли уходящую внизъ массу широколиственныхъ шатровъ, непрерывно наполнявшихъ все пространство своими атласистыми вершинами, которыя на подобіе громадныхъ зеленыхъ подушекъ слоились одна за другою. По временамъ стаи обезьянъ прыгали по вѣтвямъ надъ нашими головами, изумительными скачками переправляясь съ одного гигантскаго дерева на другое; иныя зацѣпляясь длинными хвостами за гибкія вѣтки, ловко раскачивались и съ размаху перелетали черезъ лужайки на противуположныя деревья: усѣвшись тамъ, онѣ на минуту останавливались, чтобы еще поглазѣть на нашъ караванъ, и затѣмъ безслѣдно исчезали въ густой листвѣ. Ибисы перекликались со своими самками, вѣроятно приглашая ихъ также полюбоваться на чужеземцевъ; а птицы турако объяснялись между собою какими-то низкими гортанными звуками, точно египетскіе феллахи; цапли, сѣрые и зеленые попугаи, а иногда и грифы съ бѣлыми ошейниками мелькали въ зелени, парили надъ лѣсомъ или дремали, сидя на выдающихся вѣтвяхъ. Въ воздухѣ стоялъ запахъ мускуса, ароматъ лилій и другихъ цвѣтовъ, смѣшанный

съ острымъ запахомъ, оставляемымъ кабанами. По тропинкамъ лежали кучи слоновьяго навоза, помета лѣсныхъ антилопъ, обезьянъ и ѣдкаго испражненія хорьковъ; почти постоянно въ сторонѣ слышался шумъ быстраго ручья или водопада; солнце пронизывало листву и струилось косвенными, серебряными лучами на густой подлѣсокъ, на частыя заросли фриній, амомы, аройника; влажные листья блестѣли, а капли росы сверкали и переливались радужными искрами.

И на другой день шли все такими же мѣстами подъ тѣнью вѣчныхъ лѣсовъ, а 1-го ноября утромъ вышли на расчистки Андэки, гдѣ ожидали насъ обѣщанныя рощи райскихъ бананов. Плоды были не особенно крупны, но зато совершенно созрѣли и не прошло часу какъ деревянныя рѣшетки были готовы и уже лежали надъ кострами, отягченныя кучами очищенныхъ ломтиковъ. Было объявлено, что первое и второе число этого мѣсяца назначается для заготовки такого количества провіанта, какое подъ силу нести каждому изъ людей. Мы были теперь подъ 1° 16½′ сѣв. широты. Ставка Киплонга-Лонги находилась подъ 1° 6′, а фортъ Бодо подъ 1° 20′ с. ш., такъ что мы нисколько не уклонялись отъ пути.

2-го ноября развѣдчики, осматривая различныя тропинки, ведущія къ востоку, повстрѣчали двухъ женщинъ и одна изъ нихъ сказала имъ, что знаетъ большое селеніе на сѣверъ отсюда, гдѣ можно достать пищи. Другая-же говорила, что за четыре дня ходу на востокъ-сѣверо-востокъ, столько ѣды, что по сравненію съ тѣмъ мѣстомъ Андэки ничего не стоитъ.

Выступили изъ Андэки и переваливъ черезъ широкую гряду холмовъ пришли на обширную, заброшенную расчистку. Видно было, что прошелъ уже годъ съ тѣхъ поръ какъ жители бѣжали отсюда и жилища ихъ уничтожены огнемъ, потому что плантаціи банановъ успѣли одичать и заглохнуть подъ напоромъ сорныхъ травъ и чужеядныхъ растеній, а слоны по всему этому топтались и валялись въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и превратили банановую рощу въ безпорядочную окрошку, черезъ которую вылѣзали изъ земли уже другія растенія, какъ напримѣръ фринія, успѣвшія подняться на двѣ сажени; а изъ пней отъ срубленныхъ деревьевъ тоже выросли отростки и вершинки ихъ образовали сплошную массу густѣйшей зелени. Чрезъ эту чащу намъ пришлось ножами и топорами прорѣзывать себѣ путь. Туземныя женщины скоро совсѣмъ потеряли дорогу-сбитыя съ толку непроглядной гущиной кустовъ; атмосфера была знойная и влажная какъ въ парникѣ и мы, обливаясь потомъ, пробивались впередъ въ этомъ зеленомъ океанѣ, пока черезъ десять ча-

совъ такой работы не дошли до журчащаго ручейка, гдѣ совсѣмъ измученные принуждены были остановиться, даромъ что прошли всего пять миль.

Утромъ 4-го ноября пустились дальше, и снова принялись рубить, рѣзать, протискиваться, проползать, перетаскивать, перелѣзать черезъ бревна, осторожно пробираться мимо зіяющихъ ямъ, наполненныхъ гніющими остатками; сгибаться въ три погибели, чтобы пролѣзть подъ упавшимъ деревомъ, держащимся на своихъ вѣтвяхъ, или сквозь туннель въ кустарникѣ; за мною шла колонна голодныхъ людей, впереди ожидала насъ раззоренная пустыня,—и мы подвигались впередъ, поворачивая то вправо, то влѣво, останавливаясь только за тѣмъ, чтобы наточить топоры о кремнистые камушки ручьевъ и глотнуть студеной воды, а тамъ опять въ путь, скорѣе, скорѣе...—Руби живѣе, ребята! Отрѣзывай ліану. Эти кусты съ дороги прочь. Что, нѣтъ тропинки дальше? Ну, такъ вонъ тамъ, налѣво, звѣриный перелазъ, тутъ и прорубай. Хорошенько его, топоромъ, сѣкирой, ножемъ пробери! Вотъ такъ. Не помирать-же, въ самомъ дѣлѣ, въ этой чертовой трущобѣ.—И такъ мы шестнадцать часовъ пробивались цѣликомъ по этимъ дебрямъ, покуда не вышли наконецъ снова подъ высокіе шатры первобытнаго лѣса.

Я вышелъ изъ этой передѣлки въ такомъ жалостномъ видѣ, что всякій оборванный ирландецъ по сравненію со мною показался-бы прилично одѣтымъ джентльменомъ: моя рубашка и панталоны изодрались въ мелкія полоски и со всѣхъ сторонъ изъ нихъ висѣли пряди растрепанныхъ нитокъ и вырванные клоки. Люди смѣялись и говорили, что мы, ни дать ни взять какъ крысы, протащенныя черезъ зубчатую западню. Это сравненіе было необыкновенно удачно, но некогда было болтать и потому, наскоро съѣвъ по парѣ печеныхъ банановъ, мы пошли дальше и къ тремъ часамъ пополудни были всего за полчаса ходу отъ рѣки Ихуру.

На другой день выступили до свѣту и направились по тропинкѣ, протоптанной слонами параллельно теченію Ихуру, которая въ это время по всей длинѣ своей представляла рядъ бушующихъ каскадовъ, отъ которыхъ стонъ стоялъ въ лѣсу. Пришлось перейти въ бродъ черезъ нѣсколько глубокихъ притоковъ, но мы за этимъ не останавливались и продолжали идти довольно скоро, благодаря широкимъ слоновьимъ тропамъ, такъ что къ обычному часу остановки сдѣлали въ тотъ день девять миль.

На этихъ дняхъ умерли тринадцать занзибарцевъ изъ несчастнаго ямбуйскаго гарнизона, одинъ солдатъ Эмина-паши (изъ племени Данагла) и ужъ не знаю сколько мади и маньюмовъ.

Вечеромъ 6-го ноября, послѣ перехода въ 8 миль, я сталъ раздумывать, что совершенно необходимо какъ можно скорѣе достать провіанту, иначе мы рисковали поморить слишкомъ много народу. Голоданіе всегда тяжело отзывается на людяхъ, но когда съ пустыми желудками приходится нести тяжелую поклажу, да еще совершать длинные переходы, то малѣйшее промедленіе въ доставкѣ съѣстныхъ припасовъ порождаетъ болѣзни и угрожаетъ серьезною убылью въ людяхъ. Отрядъ, пришедшій съ Ніанзы, былъ запасливъ и остороженъ, тамъ люди исподоволь старались экономить свои порціи, доставая въ лѣсу кое-какое подспорье изъ грибовъ и ягодъ; но хилые люди арріергарда, разстроенные ядомъ маніока, а также мади и маньюмы не обращали никакого вниманія на наши совѣты и даже собственный опытъ не пронималъ ихъ.

Одинъ юноша, по имени Аманя, имѣлъ такой отощалый видъ, что я просилъ его сказать мнѣ совершенно откровенно, чѣмъ онъ питался въ послѣдніе два дня?

— Скажу,—отвѣчалъ онъ:—въ нашемъ отдѣленіи было еще очень довольно банановой муки, но Сулимани, которому поручено было ее нести, свалилъ свою ношу у дороги, а самъ пошелъ по грибы. Когда онъ воротился, мѣшка уже не было. Онъ говоритъ, что украли маньюмы. Потому, когда мы вчера пришли въ лагерь, всѣ разошлись за грибами и на ужинъ сварили изъ нихъ кашу. А сегодня еще не ѣли и вечеромъ опять пойдемъ по грибы.

— А завтра что-же будете ѣсть?

— Завтрашній день въ Божіихъ рукахъ. Буду надѣяться, что Богъ пошлетъ что нибудь.

Этотъ мальчикъ (ему было только девятнадцать лѣтъ) тащилъ все время полтора пуда патроновъ и завтра опять потащитъ, и послѣ завтра, до тѣхъ поръ пока вдругъ свалится середи дороги, ляжетъ во весь ростъ, закатитъ глаза и останется тутъ гнить и тлѣть подъ сводомъ дремучаго лѣса. Изъ ничего и не выжмешь ничего для пропитанія голодныхъ людей. А у меня съ собой было ихъ болѣе четырехсотъ человѣкъ.

Пришли въ старое становище маньюмовъ и Уледи призналъ его за то самое мѣсто, на западъ отъ Ихуру, гдѣ онъ останавливался съ партіей фуражировъ, пока они жили въ Ипото, въ ожиданіи Нельсона и Джефсона, а колонна авангарда въ то время шла къ Ибуири, въ ноябрѣ 1887 года.

7-го дневали, съ цѣлью послать Уледи съ отрядомъ розыскать расчистку Андэри, въ шести миляхъ отъ лагеря къ сѣверо-западу. Но больше ста человѣкъ оказались слишкомъ изнуренными для такой

экспедиціи; тогда я велѣлъ каждому изъ кашеваровъ принесть свой котелъ и всыпалъ въ нихъ по три пригоршни муки, чтобы они заварили себѣ жиденькую кашу и набрались хоть сколько нибудь силъ, для того, чтобы дойти до плантаціи.

8-го около двухсотъ человѣкъ безмолвно сидя въ лагерѣ ждали возвращенія фуражировъ. Къ вечеру, видя что постъ слишкомъ долго для нихъ продолжается и боясь, что они его не выдержутъ, я велѣлъ роздать еще банановой муки.

9-го фуражиры не пришли. Въ лагерѣ двое умерло. Одинъ изъ пришедшихъ за своей порціей муки упалъ въ судорогахъ, отъ дѣйствія съѣденнаго имъ ядовитаго гриба. Всѣ едва стояли на ногахъ, ослабѣли, осунулись, грудныя кости страшно выдавались впередъ. Если понадобится ждать еще три дня, ни одинъ изъ насъ не останется въ живыхъ; но мы все еще надѣялись, что вотъ-вотъ услышимъ шорохъ идущаго каравана.

На утро 10-го ноября, тревожась за европейскіе консервы, которые мы приберегали для офицеровъ форта Бодо, я велѣлъ принести ихъ для осмотра и къ своему отчаянію убѣдился, что недоставало пятидесяти семи жестянокъ съ мясомъ, чаемъ, кофе, сгущеннымъ молокомъ,—все съѣли маньюмы. Если бы можно было однимъ взглядомъ испепелить ихъ, они бы должны были тотчасъ распасться въ прахъ.—Ай-ай, куда-же могли-бы дѣваться твои жестянки?—говорилъ ихъ старшина, Сади. Да, теперь ужъ объ этомъ нечего спрашивать. Однако всѣ ящики съ провизіей мы у нихъ отобрали и роздали имъ вмѣсто того ящики съ боевыми снарядами образцовъ Винчестеръ и Максимъ.

Въ 2 часа дня фуражиры воротились и принесли провіанту, достаточнаго на срокъ отъ трехъ до шести дней, набраннаго ими съ одной заброшенной плантаціи. Нечего и говорить, что прежде всего они тамъ подкрѣпили собственныя силы. Но въ отплату за мою кашицу каждый человѣкъ долженъ былъ теперь отдать мнѣ по одному фунту муки для моего запаснаго склада, да по одному фунту на каждаго изъ больныхъ, которые сами себѣ не могли ничего достать, а къ котламъ ихъ не принимали. Такимъ образомъ больные получали до восьми фунтовъ сушеныхъ банановъ или муки на брата, а у меня образовался запасъ въ 200 фунтовъ, пригодныхъ на будущее время.

11-го числа, черезъ полтора часа ходу пришли къ мѣсту переправы въ ставку Килонга-Лонги. Туземцы, опасавшіеся повторенія его набѣговъ на западъ отъ Ихуру, уничтожили всѣ челноки и тѣмъ помѣшали мнѣ еще разъ побывать у него и расквитаться за старые счеты. Да и рѣка была въ разливѣ, а кругомъ простиралась голодная

пустыня. Нечего дѣлать, оставалось идти вверхъ по теченію Ихуру, покуда найдемъ средства переправиться на восточный, т. е. лѣвый берегъ. Мы пошли къ сѣверо-востоку.

12-го ноября напали на тропинку, по которой вѣроятно прошло цѣлое племя пигмеевъ. По бокамъ ея кучами валялась шелуха плодовъ амомы, орѣховыя скорлупки и пунцовая кожица ягодъ фриніи. Ни лѣсныхъ бобовъ, ни фенесси, ни мабенгу не водится здѣсь, какъ у южныхъ береговъ Итури. Придя въ лагерь, я узналъ, что у переправы противъ Ипото, вблизи той стоянки, гдѣ мы четыре дня голодали, умерло шесть человѣкъ: одинъ мади, отравившійся грибомъ, солдатъ изъ Ладо, раненый копьемъ у Осиныхъ Пороговъ, двое суданцевъ ямбуйскаго гарнизона, мальчикъ маньюмъ, прислужникъ мистера Бонни, и отличный молодой занзибарецъ, Ибрагимъ, наступившій на отравленный колышекъ.

13-го числа дорога по лѣсу стала замѣтно лучше. Слоновая тропинка, по которой мы шли прежде, привела насъ на другую, направлявшуюся на востокъ отъ Андэри и обѣ онѣ, слившись, образовали широкую дорогу, очевидно излюбленную пигмеями. По ней и мы шли два часа. Видно было, гдѣ они останавливались закурить трубки, гдѣ щелкали орѣхи, гдѣ охотились за дичью и гдѣ располагались поболтать. Вѣточки были надломлены на высотѣ трехъ футовъ отъ земли, что ясно показывало что это была работа пигмеевъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на дорожкѣ была грязь, отпечатались слѣды крошечныхъ подошвъ, какія могли-бы принадлежать знатной англійской барышнѣ лѣтъ восьми отроду, что доказывало, что пигмеи народъ аристократическій, самой древней породы. Дорога все улучшалась, становилась похожа на настоящее шоссе; по сторонамъ все учащались лагери пигмеевъ. Почва была изъ желтой, охристой глины и производила деревья изумительныхъ размѣровъ.

Устраиваясь на ночлегъ, я опять замѣтилъ, что пора добывать съѣстные припасы и гдѣ нибудь отдохнуть. Видно было, что люди потеряли всякую надежду, тѣла ихъ дошли до крайней степени истощенія отъ безпрерывнаго труда, при частомъ голоданьѣ. Я готовъ былъ плакать глядя на этихъ несчастныхъ, съ каждымъ часомъ приближавшихся къ безвременной могилѣ; но мы такъ давно привыкли переносить всякіе ужасы, такъ часто видѣли страданія и смерть, что я молча выслушивалъ ежедневныя о нихъ донесенія. Ни жалобами, ни слезами не воротить того что мы всякій день теряли. А на завтра насъ ожидали новыя утраты, также вѣрно какъ и то, что настанетъ новый день. Если-бы все рыться въ печаляхъ прошлаго, не стало-бы силъ вынести то, что оставалось свершить впереди.

Всего труднѣе становилось теперь распредѣлять наши 230 вьюковъ между носильщиками, число которыхъ съ каждымъ днемъ уменьшалось. Изъ двадцати человѣкъ непремѣнно хоть одинъ чѣмъ нибудь былъ боленъ: у кого былъ глубокій чирей, у кого головная боль, кому угрожала грыжа, а кто чувствовалъ ломоту во всемъ тѣлѣ; у однихъ нарывы, у другихъ лихорадка, ревматизмы, ногу накололи и т. д. Вьюки-то были все тѣ же, но носильщики вымирали.

14-го числа, послѣ шестичасоваго перехода, экспедиція приблизилась къ Андутѣ и Андикуму. Пока авангардъ спѣшилъ впередъ, перелѣзая черезъ бревна и хворостъ поваленнаго лѣса, навстрѣчу намъ прилетѣло нѣсколько стрѣлъ и двое людей упало раненыхъ. Остальные мигомъ сбросили вьюки и завязали оживленную схватку съ туземцами, которые носили на головѣ какія-то высокія шапки; но черезъ полчаса караванъ вереницей вступилъ въ опустѣвшее селеніе и обрѣлъ въ хижинахъ такіе запасы банановъ необычайной величины, что мои голодные люди совсѣмъ съума сошли отъ восхищенія.

Пространствомъ эта расчистка была не меньше знаменитой просѣки въ Ибуири. Она была расположена среди холмовъ, окружавшихъ ее съ востока, юга и запада. На одной изъ дорогъ мы замѣтили по сторонамъ извѣстные значки на деревьяхъ, въ видѣ звѣздъ, которые ставятъ обыкновенно маньюмы; одна изъ деревень была сожжена; однако должно быть этимъ разбойникамъ не удалось уничтожить плантацій, которыя здѣсь слишкомъ для этого обширны.

Осматривая и провѣряя ящики съ боевыми снарядами, передъ уборкой ихъ на ночь, замѣтили, что суданецъ капралъ Дэйнъ Могаммедъ не представилъ своего вьюка и было дознано, что онъ оставилъ его подъ большимъ деревомъ близъ дороги. Я немедленно отрядилъ четырехъ старшинъ и суданскаго капрала, чтобы непремѣнно шли назадъ и доставили ящикъ въ лагерь.

Придя на мѣсто, они увидѣли толпу пигмеевъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, собравшихся вокругъ двухъ пигмейскихъ воиновъ, которые пробовали поднять ящикъ, ухватившись за кольца, ввинченныя по его бокамъ. Нашимъ старшинамъ захотѣлось посмотрѣть, что они станутъ дѣлать съ ящикомъ и потому они спрятались за деревья, потому что, какъ извѣстно, у этихъ мелкихъ человѣчковъ чрезвычайно острое зрѣніе. Чуть ли не каждый изъ членовъ этой компаніи подавалъ какіе-то совѣты; крошечные мальчики прыгали вокругъ на одной ногѣ, хватаясь за бока и предаваясь необузданному веселью по поводу находки, а миніатюрныя женщины, держа за спиной еще болѣе миніатюрныхъ ребятъ, выкрикивали классическія поученія, неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ изъ женскихъ устъ. Какъ вдругъ одному

молодцу пришла счастливая мысль продѣть палку черезъ кольца ящика и взявшись за оба ея конца потащить его. Такое геніальное изобрѣтеніе было встрѣчено взрывомъ восторженныхъ криковъ. Двое силачей,—очевидно одинъ считался Геркулесомъ, а другой Милономъ этой общины,—напрягли всѣ свои силы, подняли ящикъ до уровня своихъ плечъ и понесли его, спотыкаясь, въ чащу лѣса. Но тутъ одинъ изъ старшинъ выстрѣлилъ изъ ружья холостымъ зарядомъ, всѣ четверо большихъ людей съ крикомъ выскочили изъ засады и побѣжали за пигмеями. Поймавъ одного, необыкновенно жирнаго юношу, лѣтъ семнадцати, они привели его въ лагерь, въ видѣ побѣдной добычи. Я тоже видѣлъ этого карапузика, но къ сожалѣнію не въ силахъ передать этой исторіи съ тѣмъ неподражаемымъ юморомъ, съ какимъ разсказывалъ ее занзибарскій старшина.

17-го послалъ мистера Бонни къ рѣкѣ Ихуру осмотрѣть имѣющійся тамъ, по слухамъ, старый перевозъ. Возвратясь оттуда, онъ донесъ, что ни одного челнока не нашли, а рѣка въ этомъ мѣстѣ течетъ съ востока-сѣверо-востока, теченіе спокойное, ширина до 25 саженъ, при значительной глубинѣ.

Каждый день послѣ полудня 14-го, 15-го и 16-го ноября люди вознаграждали себя за долговременный постъ. Бананы вареные, печеные, банановая каша поглощены въ громадномъ количествѣ. Въ три дня каждый съѣлъ, я думаю, не меньше ста сорока штукъ.

Выступивъ изъ Андикуму 19-го, мы вскорѣ прошли черезъ Андуту; потомъ мимо живописной горы, мѣстное названіе которой Какуа, по неровной мѣстности, усѣянной громадными каменными глыбами и скалами, покрытыми и окруженными густою зарослью великолѣпнаго папоротника. Вблизи нашего лагеря, между скалъ, найденъ большой складъ кукурузы и банановъ, принадлежавшій, вѣроятно, пигмеямъ. Попадись намъ эта находка нѣсколькими днями прежде, произошло бы бурное и восторженное на нее нападеніе; но теперь каждый человѣкъ былъ такъ нагруженъ своими личными запасами, что мы прошли мимо пигмейской кладовой совершенно равнодушно. Съ другой стороны они всѣ такъ объѣлись въ Андикуму, что многіе страдали желудкомъ и едва могли продолжать путь.

20-го сдѣлали переходъ въ 5 миль. Съ тѣхъ поръ какъ мы пошли пигмейскими путями и покинули окрестности Итури, берега которой содержатъ много мергеля и потому легко впитываютъ вѣчно падающіе тамъ дожди, почва значительно измѣнилась: теперь она состояла преимущественно изъ плотной красной глины, которая задерживала дождевую воду, поэтому во всѣхъ углубленіяхъ стояли лужи, а вокругъ нихъ земля была липкая и скользкая.

Во время полуденнаго привала колонновожатый прошелъ нѣсколько сотъ шаговъ дальше по лѣсной тропинкѣ и наткнулся на караванъ дикарей изъ сѣвернаго Андитокэ. Завидѣвъ его, туземцы испустили вой удивленія, но замѣтивъ, что онъ безоруженъ, бросились за нимъ, поднявъ копья. Однако всѣ мы въ лагерѣ разслышали вой и подоспѣли во́-время на выручку занзибарца. Произошла схватка, двухъ дикарей ранили, одного убили, всѣхъ обратили въ бѣгство и овладѣли ихъ имуществомъ. Оно состояло изъ желѣзныхъ колецъ, браслетовъ, обручей, колотушекъ изъ жгутовъ, свитыхъ изъ пальмовыхъ волоконъ и носимыхъ обыкновенно на ногахъ въ видѣ колецъ, а также изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ орудій кузнечнаго ремесла и, что всего удивительнѣе, изъ порядочнаго количества неразряженныхъ ружейныхъ патроновъ ремингтоновскаго образца.

Первою нашею мыслью было, что фортъ Бодо или очищенъ, или взятъ приступомъ, или же дикари захватили въ плѣнъ очередныхъ, ходившихъ дозоромъ. Но пораздумавъ мы пришли къ заключенію что эти патроны попали сюда черезъ шайки маньюмовъ, грабившихъ селенія, а первоначально были нашею-же собственностью.

21-го люди замѣтно ослабѣли и шли черезъ силу, они все еще не могли оправиться послѣ объѣденія бананами. Въ полдень провѣрялъ наше направленіе: оказалось, что находимся подъ 1° 43′ сѣв. широты, что̀ доказываетъ, что слишкомъ забираемъ къ сѣверу; не взирая на всѣ старанія не нашли еще дороги на востокъ.

Сегодня мнѣ доложили, что умеръ Чама-Исса, послѣдній изъ сомали; однако на полуденномъ привалѣ я его увидѣлъ живымъ и до крайности обрадовался. Такъ какъ онъ былъ послѣдній между нами представитель своего племени, мы о немъ особенно заботились: онъ ѣлъ съ моего стола и двое суданцевъ за особую плату ухаживали за нимъ, кормили его и носили въ носилкахъ. До вечера 21-го числа изъ баналійскаго отряда мы потеряли тридцать два человѣка. Я еще въ Баналіи разсчитывалъ, что около половины всего ихъ числа не переживутъ похода. Покуда они плыли на челнокахъ и никакой затраты силъ отъ нихъ не требовалось, они еще могли существовать; но какъ только пошли сухимъ путемъ, такъ и начали выбывать изъ каравана.

22-го ноября, только что авангардъ вошелъ въ лагерь, пошелъ сильный, и холодный дождь, наведшій панику на многихъ въ отрядѣ. Истощенные организмы и ослабѣвшая энергія не устояли противъ холода. Занзибарцы и мади побросали вьюки куда попало и опрометью бросились къ лагерю. Одинъ мади подползъ къ моей палаткѣ; я зажегъ у себя свѣчу, потому что въ дождливую пору въ лѣсу и

днемъ также темно, какъ въ другихъ мѣстахъ бываетъ по ночамъ. Услыхавъ его стоны, я вышелъ изъ палатки со свѣчей и нашелъ его въ грязи, окоченѣвшаго, обнаженнаго и неспособнаго двинуться съ мѣста. Когда онъ увидѣлъ огонь, глаза его дико расширились, и онъ потянулся къ свѣчѣ, стараясь ухватиться рукой за огонь. Его тотчасъ притащили къ костру и положили у огня; потомъ развели кипяткомъ ложку Либиховскаго бульона и дали ему выпить, что окончательно привело его въ себя. По дорогѣ, впереди арріергарда, умерло двое мади и одинъ занзибарецъ ямбуйскаго гарнизона, который на ходу упалъ и умеръ мгновенно, отъ холоднаго дождя.

На другой день шли только два часа и ставъ лагеремъ отрядили сорокъ пять человѣкъ отборнаго народу, чтобы шли впередъ и попытались достать мяса для спасенія баналійцевъ и мади, которые совершенно не могли идти дальше. Черезъ сутки развѣдчики воротились и принесли козу. Мы ее тотчасъ зарѣзали, сварили изъ нея тридцать галлоновъ супу и подправивъ двумя фунтами крупичатой муки, сдѣлали отличную похлебку для шестидесяти человѣкъ. 25-го числа въ 10 часовъ утра пришли въ Индемау: это селеніе, расположенное въ котловинѣ у подножія горы, находится въ шести миляхъ отъ рѣки Дуи (составляющей одинъ изъ рукавовъ Ихуру).

Въ Индемау многострадальные члены экспедиціи опять получили возможность нѣсколько подкрѣпить свои угасающія силы. Банановыя рощи оказались здѣсь обширны и обременены плодами, и въ особенности фиговыми бананами, которые были совершенно спѣлы и распространяли чудный ароматъ. Но если съ одной стороны не было возможности пріучить этихъ взрослыхъ ребятъ думать о завтрашнемъ днѣ и экономить свои порціи въ дорогѣ, то съ другой стороны не менѣе трудно было уговорить ихъ воздержаться отъ объѣденія и умѣрять свои восторги въ виду обильныхъ запасовъ. Въ Андикуму столько было отличныхъ припасовъ, что достало бы накормить цѣлую армію; но голодные люди накинулись на нихъ съ такою жадностью, что вмѣсто поправки только разболѣлись. Такъ и тутъ въ Индемау они такъ наѣдались, что мы каждое утро только и дѣлали что выслушивали ихъ жалобы на тугое пищевареніе и раздавали имъ рвотное, чтобы сколько нибудь облегчить страшно натянутые животы.

Изъ Индемау одна тропинка вела къ рѣкѣ Дуи, а другая къ Индеперри, большому селенію, расположенному въ пятнадцати миляхъ на сѣверо-востокъ отъ форта Бодо. Первоначально я думалъ прямикомъ идти черезъ лѣсъ въ травянистую равнину, взявъ направленіе нѣсколько сѣвернѣе линіи на Ипото и фортъ Бодо, а къ Килонга-Лонгѣ

послать съ пути отдѣльный отрядъ, чтобы проучить его хорошенько; но розыскивая переправу черезъ Ихуру, мы принуждены были, по случаю разлива рѣки, до сихъ поръ идти вдоль ея берега. Измѣреніе показало, что мы находимся подъ 1°47′ сѣв. шир. и 29°7′45″ вост. долготы. Но найдя въ этой глуши ремингтоновскіе патроны оказавшіеся въ походномъ багажѣ партіи туземцевъ и притомъ довольно далеко отъ форта Бодо, съ тѣмъ что мы считали фортъ Бодо неприступнымъ, а гарнизонъ его въ безопасности съ Эминомъ-пашой на Ніанзѣ, я началъ колебаться и соображать, не лучше-ли пройти поюжнѣе, побывать въ нашемъ старомъ фортѣ и лично убѣдиться въ томъ, что именно тамъ могло случиться. Поэтому я послалъ мистера Бонни и старшину Решида съ шестидесятью людьми, строить мостъ черезъ Дуи.

1-го декабря, послѣ пятидневнаго отдыха въ Индемау, экспедиція выступила къ рѣкѣ Дуи. Мистеръ Бонни, старый Решидъ и ихъ сподвижники въ это время уже доканчивали постройку моста, который дѣлалъ величайшую честь всѣмъ, участвовавшимъ въ его возведеніи, но главнымъ образомъ, конечно, мистеру Бонни. Караванъ, безъ малѣйшей задержки и вполнѣ благополучно прослѣдовалъ чрезъ всѣ пять протоковъ рѣки Дуи по грубому, но крѣпкому деревянному мосту, растянувшемуся на протяженіи болѣе тридцати саженъ.

Перейдя мостъ я сдѣлалъ людямъ перекличку и оказалось, что умерло въ походѣ 34 человѣка изъ колонны арріергарда; а изъ числа шестнадцати наличныхъ больныхъ, четырнадцать занзибарцевъ также принадлежали къ ямбуйскому гарнизону, и были уже въ такомъ состояніи, что не могли прожить дольше нѣсколькихъ дней. Каждая коза или курица, попавшая въ наши руки, отдавалась на ихъ долю, въ надеждѣ хоть чѣмъ нибудь спасти этихъ бѣдняковъ. Мы сами для нихъ стряпали, а мистеръ Бонни всякій день давалъ имъ лѣкарства. Мы избавили ихъ отъ ношенія тяжестей, кромѣ впрочемъ ихъ личныхъ порцій провіанта; но они настолько были истощены всѣмъ, что имъ пришлось испытать въ Ямбуйѣ и въ Баналіи, что отъ малѣйшаго укола или царапины, причиненной какой нибудь вѣткой или колючей травой, на кожѣ у нихъ образовались нарывы, язвы и дня черезъ три или четыре болячка была уже въ нѣсколько дюймовъ ширины. Словомъ, для поправки имъ нуженъ былъ полнѣйшій покой и такой уходъ, какой немыслимъ гдѣ либо, исключая наилучшихъ столичныхъ госпиталей.

Короткій переходъ привелъ насъ въ деревню Андіубу, а оттуда черезъ три часа пришли въ обширное селеніе Аддигуха. 4-го числа, пройдя четыре съ половиною часа, достигли Нгуэцы и расположились

у опушки банановой рощи. Мы видѣли на пути десять пигмейскихъ деревень, но не встрѣтили ни одного пигмея. Лѣсъ былъ густой, подлѣсокъ—частый, имъ было гдѣ укрыться. Деревни отдѣлялись одна отъ другой участками влажной, грязной земли, изборожденной мелкими ручьями. Именно въ такой мѣстности мы стали лагеремъ 4-го декабря, какъ вдругъ между нами очутилась крупная коза и при ней два толстыхъ четырехмѣсячныхъ козленка: съ минуту мы во всѣ глаза смотрѣли на это почтенное семейство, не вѣря своему счастію, но потомъ бросились на нихъ и конечно закололи. Черезъ полчаса мнѣ сказали, что слуга мистера Бонни, туземецъ изъ племени Учу, раненъ стрѣлой, а одного мальчика маньюма пигмеи убили. Я послалъ нѣсколько человѣкъ въ лѣсъ, помочь роднымъ схоронить убитаго мальчика, но къ утру тѣло его было вытащено людоѣдами.

Послалъ вѣстовщиковъ объявить людямъ, чтобы набирали провіанту на пять дней. Крикъ ихъ раздавался по всему лагерю. Вскорѣ натащили горы матерьяла, наготовили деревянныхъ рѣшетокъ и весь день 5-го числа употребили на заготовку муки.

6-го декабря шли къ югу и замѣтили, что постепенный склонъ приближаетъ насъ къ рѣкѣ Ихуру. Переправились черезъ шесть широкихъ, илистыхъ потоковъ, побережья которыхъ состояли изъ топкой глины ржаво-краснаго цвѣта (отъ примѣси желѣза), поросшей густыми побѣгами ротанга и пальмы рафіи. Около 3 часовъ пополудни авангардъ наткнулся на цѣлый таборъ пигмеевъ. Поймали одну старуху, одну дѣвушку, мальчика лѣтъ восемнадцати, и захватили нѣсколькихъ куръ и запасъ банановъ. Старуха повидимому была сильна какъ лошадь и очень привычна къ перетаскиванію на себѣ порядочнаго вьюка банановъ.

Семейство карликовъ давало понять, что они очень хорошо знаютъ въ лѣсу всѣ ходы и выходы, но мы замѣтили, что они имѣютъ поползновеніе постоянно забирать на сѣверо-востокъ, что слишкомъ удаляло насъ отъ форта Бодо; а потому мы прикомандировали ихъ къ арріергарду, а сами пошли впередъ, придерживаясь направленія на юго-востокъ. 7-го числа переправились черезъ 6 потоковъ, и 8-го числа опять черезъ шесть.

Когда поставили мою палатку и нѣсколько расчистили широколиственный подлѣсокъ, я увидѣлъ, что одинъ изъ молодыхъ носильщиковъ едва держится на ногахъ, совсѣмъ ослабѣлъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ, что съ нимъ такое? Къ удивленію, онъ отвѣчалъ, что это съ голоду, ѣсть нечего. Какъ, неужели успѣлъ съѣсть весь пятидневный запасъ? Нѣтъ, онъ бросилъ его на дорогѣ, потому что плѣнные карлики увѣряли, будто сегодня мы при-

демъ въ такое удивительное мѣсто, гдѣ ростутъ самые крупные въ свѣтѣ бананы.

Я навелъ справки и оказалось, что въ лагерѣ человѣкъ полтораста послѣдовали его примѣру, побросали съѣстные припасы и вотъ теперь, 8-го числа, имъ совсѣмъ нечего ѣсть. Вечеромъ я собралъ старшинъ на совѣщаніе, побранилъ ихъ за такой непростительный недосмотръ и мы рѣшили, что завтра съ утра почти всѣ годные въ походъ, пойдутъ обратно въ Нгуэцу, откуда мы ушли 6-го числа. Оттуда до мѣста теперешней стоянки мы шли 19½ часовъ; но такъ какъ много времени теряли на прорубаніе пути и на исканіе тропинокъ, то можно было предположить, что фуражиры пройдутъ это разстояніе въ одиннадцать часовъ.

Утромъ 9-го декабря человѣкъ двѣсти отправилось за бананами въ Нгуэцу, оставивъ намъ около 200 фунтовъ муки для хворыхъ и для караульщиковъ въ лагерѣ. Насъ осталось 130 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и карликовъ и бо́льшая часть этого персонала была уже въ очень плохомъ состояніи. Я роздалъ по полчашки муки на человѣка и послалъ мистера Бонни съ десятью развѣдчиками посмотрѣть, далеко ли отсюда рѣка Ихуру. По моимъ вычисленіямъ мы стояли подъ 1° 27′ 15″ сѣв. широты и 29° 21′ 30″ восточной долготы, то-есть, по птичьему полету, въ девяти географическихъ миляхъ къ сѣверу отъ форта Бодо. Но что пользы показывать географическую карту людямъ, которымъ опять угрожала голодная смерть. Они только и видѣли, что безконечное чередованіе безчисленныхъ деревьевъ, трущобу вокругъ лагеря, плотный лиственный шатеръ вмѣсто небесъ и солнечнаго свѣта, со всѣхъ сторонъ закутаны лѣсомъ, какъ саваномъ, и никакой отрадной перспективы впереди. Но имъ извѣстно, что Ихуру недалеко отъ форта Бодо и я надѣюсь, что если мистеру Бонни и его людямъ удастся отыскать рѣку, это произведетъ благопріятное впечатлѣніе въ лагерѣ и хоть нѣсколько обнадежитъ ихъ. Мистеръ Бонни таки нашелъ рѣку и намѣтилъ къ ней тропинку, сдѣлавъ зарубки на деревьяхъ.

Чтобы чѣмъ нибудь заняться, я принялся въ точности провѣрять свои наблюденія и наносить на карту поправку тѣхъ ошибокъ, которыя открылъ вслѣдствіе повторительнаго прохожденія по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ. Окруживъ себя картами, таблицами, я по уши погрузился въ вычисленія и невидѣлъ какъ шло время. Однако 14-го числа эта работа кончилась. Весь слѣдующій день я провелъ въ надеждѣ на скорую помощь и насторoживъ уши прислушивался, не идутъ ли наши. Населеніе лагеря было въ очень жалкомъ видѣ, но не падало духомъ. Я открылъ ящикъ съ европейскими консервами, вынулъ одну жестянку съ сливочнымъ масломъ и другую съ сгущеннымъ мо-

локомъ и положилъ по столовой ложкѣ того и другого въ глиняные горшки, уже наполненные кипяткомъ. Изъ этого получилась жиденькая похлебка, съ помощью которой можно было еще нѣсколько продлить мучительное существованіе. На шестой день опять поставили передо мной полукругомъ горшки, каждый кашеваръ приносилъ свою долю кипятку, получалъ порцію масла и молока и размѣшавъ какъ можно лучше, уносилъ похлебку своей партіи. Подкрѣпившись этой теплой пищей, люди разбрелись по лѣсу за ягодами, собирали красные плоды фриніи, иногда попадалась имъ амома, кисловатая мякоть которой какъ будто успокоивала сосущую боль пустого желудка. Изрѣдка кто нибудь находилъ грибъ и очень этому радовался.

Но когда 130 человѣкъ изо-дня въ день рыщутъ по лѣсу, тщательнѣйшимъ образомъ обыскивая каждый уголокъ, арена ихъ дѣйствій должна съ каждымъ днемъ значительно расширяться и они все дальше отходятъ отъ лагеря. Поэтому неудивительно, что нѣкоторые бѣдняки, въ погонѣ за скуднымъ пропитаніемъ, зашли за нѣсколько миль, не замѣтили въ какую сторону идутъ, а когда захотѣли вернуться,—не знали куда идти. Такимъ образомъ двое взрослыхъ и Сабури, восьмилѣтній мальчикъ, не возвратились въ лагерь. Этого мальчика я особенно любилъ. Онъ обыкновенно состоялъ при мнѣ и несъ мое ружье и пороховницу. Это былъ чернокожій херувимъ, крѣпкій, сильный, круглый, мудрецъ въ своемъ родѣ и такой милый, что я частенько на него оглядывался и любовался имъ когда караванъ былъ на походѣ и люди растягивались длинной вереницей, а этотъ крошка бодро шелъ за мной, не отставая ни шагу. Такъ какъ онъ былъ моимъ оруженосцемъ и обязанъ былъ при малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ подавать мнѣ ружье, я нерѣдко давалъ ему лучшіе кусочки со своего стола, такъ что животикъ у моего Сабури былъ совсѣмъ круглый и всѣ, глядя на него, посмѣивались. У него была такая фигура, какъ будто онъ носилъ боченокъ подъ рубашкой. Но увы! въ послѣднее время боченокъ исчезъ и Сабури, какъ и всѣ остальные, ушелъ въ чащу фриній по ягоды, и не возвращался.

Когда совсѣмъ стемнѣло, я велѣлъ маньюмамъ отъ времени до времени палить изъ мушкетовъ, чтобы подать сигналъ пропавшимъ людямъ. Въ 9 часовъ вечера намъ показалось, что мы слышимъ голосъ Сабури. Тогда начали трубить сигналы и съ одного конца лагеря намъ послышался отвѣтный крикъ. Затрубили въ большой костяной рогъ и крикъ почудился намъ съ противуположной стороны. Тогда люди стали говорить, что это душа Сабури возвѣщаетъ намъ его смерть. Мнѣ представилось какъ этотъ малютка наблюдалъ наступленіе ночи, какъ тьма сгустилась вокругъ него, лѣсъ почернѣлъ, а свирѣпые кар-

лики рыщутъ кругомъ; валежникъ шуршитъ подъ ногами дикихъ кабановъ, дюжихъ чимпанзе, леопардовъ, читы; стада слоновъ полѣзли черезъ трущобу, сокрушая хрупкіе стволы фриніи, а огромныя обезьяны залѣзаютъ на деревья и выстукиваютъ, нѣтъ ли гдѣ дупла,—словомъ, мало ли какіе ужасы могли ему встрѣтиться,—и я считалъ своего маленькаго Сабури погибшимъ.

То былъ ужасный день. Подъ вечеръ одинъ мальчикъ умеръ, а трое у насъ пропало. Остальные были въ отчаянномъ положеніи: иные вовсе не держались на ногахъ и пробуя встать тотчасъ падали. Все это такъ дѣйствовало на мои нервы, что я не только душою болѣлъ за нихъ, но и во всемъ тѣлѣ чувствовалъ отголоски ихъ страданій, какъ будто заразился отъ нихъ.

Ночью, лежа въ постели, я все думалъ объ отсутствующихъ и тревожился за нихъ. Какъ ни тяжело было предполагать что съ ними тоже что нибудь случилось,—заблудились въ лѣсу, либо перемерли съ голоду прежде чѣмъ дошли до банановой рощи,—но нельзя было не задумываться надъ ихъ продолжительнымъ отсутствіемъ и слѣдовало готовиться къ худшему, чтобы спасти, по мѣрѣ возможности, хоть часть экспедиціи и какъ нибудь доставить извѣстія о нашей судьбѣ Эмину-пашѣ, а черезъ него и всему цивилизованному міру. Я воображалъ какъ мы всѣ тутъ въ лагерѣ перемремъ, а паша между тѣмъ будетъ дивиться и соображать, куда мы дѣвались; а мы въ этомъ неизвѣданномъ углу дремучаго лѣса сгніемъ, истлѣемъ, помѣтки на деревьяхъ заростутъ, черезъ годъ заглохнутъ и всѣ наши тропинки, и такъ наша могила и останется тутъ до скончанія вѣковъ. Мнѣ казалось, что именно такая судьба ожидаетъ насъ въ ближайшемъ будущемъ. Почти двѣсти человѣкъ пошли за тридцать пять миль за провіантомъ; хорошо коли изъ нихъ полтораста дошли до мѣста; остальные, какъ напримѣръ мади, лягутъ на дорогѣ и будутъ ждать не вернутся ли тѣ, чтобы выпросить у нихъ поѣсть. А если съ пятидесятью лучшими людьми случится какое нибудь несчастіе, что тогда? Иныхъ подстрѣлятъ карлики, на остальныхъ нападутъ толпы крупныхъ туземцевъ. Они пошли безъ главнаго вожака, кто ихъ направитъ куда слѣдуетъ? Они разбредутся въ разныя стороны, растеряются и ихъ переколятъ по одиночкѣ. А мы тѣмъ временемъ остаемся тутъ и все будемъ ждать людей, которые невернутся, не могутъ вернуться, и сами начнемъ вымирать, сначала по трое, по шести, по десяти въ день, а тамъ десятками, пока наконецъ ни одного не останется. Нѣтъ, такъ нельзя. Надо предпринять что нибудь.

На шестой день, какъ обыкновенно, сварили похлебку, т. е. роздали одну жестянку масла и одну молока на 130 человѣкъ, и я по

звалъ мистера Бонни и старшинъ на совѣщаніе. Когда я изложилъ имъ мои опасенія, что фуражиры можетъ быть погибли безвозвратно, они никакъ не могли этого понять, какъ будто недовольно дѣлалось каждый день всевозможныхъ глупостей и безчинствъ, чтобы всякія несчастія казались правдоподобными. Случалось же у насъ, сплошь да рядомъ, что люди безъ спросу отлучались на фуражировку и больше не возвращались, или прыгали пятьдесятъ человѣкъ заразъ въ глубокую рѣку, въ погоню за антилопой, или бросали въ кусты свои съѣстные припасы, послѣ пятнадцати-мѣсячнаго опыта странствій по лѣсамъ; а безтолковыя нападенія на защищенныя плантаціи, а безпрестанное натыканіе ногъ на разставленные колышки, а безпечное отношеніе къ царапинамъ и уколамъ, дозволяющее имъ разростаться въ страшныя язвы? А распродажа оружія своимъ же врагамъ, тѣмъ самымъ людямъ, которые стремятся закабалить ихъ всѣхъ до единаго? И мало ли еще всякихъ другихъ дурачествъ продѣлывали эти безмозглые люди со дня на день, съ недѣли на недѣлю! И послѣ этого мнѣ говорятъ, что не признаютъ возможности несчастныхъ случаевъ съ нашими фуражирами! Да развѣ триста человѣкъ съ тремя офицерами не пропадали у насъ цѣлыхъ шесть дней въ лѣсу? А вчера развѣ не пропало изъ лагеря трое, которые такъ и не воротились еще? И развѣ я не говорилъ фуражирамъ, отпуская ихъ въ Нгуэцу, что мы всѣ умремъ, если они не воротятся на четвертый день. А сегодня ужъ шестой день какъ они ушли, и у насъ пятьдесятъ человѣкъ уже при смерти, да и остальные немногимъ лучше.

Мало по малу удалось мнѣ имъ втолковать, что если мы по какому-нибудь случаю еще три дня останемся въ лагерѣ, то по прошествіи этихъ трехъ дней будемъ слишкомъ слабы чтобы добывать себѣ пищу и потому лучше теперь-же зарыть въ землю вьюки, и самимъ отправляться въ Нгуэцу за провіантомъ. Меня затрудняло только вотъ какое соображеніе: если мы зароемъ свое добро, а въ лагерѣ останутся человѣкъ пятьдесятъ хворыхъ, вѣдь они откопаютъ наши вьюки и все перебудоражутъ, и когда мы возвратимся въ лагерь, то застанемъ все вверхъ дномъ.

Но тутъ мистеръ Бонни выручилъ меня, предложивъ, что онъ самъ съ десятью годными людьми останется въ лагерѣ для поддержанія порядка, но съ условіемъ чтобы мы оставили ему и людямъ провіанту на десять дней, т. е. на все время, которое мы рѣшили провести въ отсутствіи. Провизію на десять дней тринадцати человѣкамъ можно было обезпечить, но разумѣется въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ: отмѣряли по пол-чашкѣ маисовой муки въ день на каждаго человѣка, прибавили къ нимъ по четыре плитки сгущенаго мо-

лока и всего этого наготовили имъ на десять дней. Кромѣ того дали имъ про запасъ нѣсколько жестянокъ масла и сгущенаго молока для сдабриванія каши. Для остальныхъ, которые не могли или не хотѣли идти за нами, мы ничего не въ состояніи были сдѣлать. Можно было поддержать на нѣсколько дней существованіе маленькаго гарнизона изъ тринадцати человѣкъ, но этимъ нельзя было спасти жизнь пятидесяти другихъ, на столько изнуренныхъ, что для ихъ поправленія понадобилось бы изобиліе удобоваримой и питательной банановой муки, которой у насъ больше не было.

На утро маленькій Сабури пришелъ въ лагерь, какъ ни въ чемъ не бывало, и совершенно спокойно предсталъ передо мною.—Какъ, это ты, Сабури? Гдѣ-же ты пропадалъ?—«Ходилъ по ягоды, сбился съ дороги, плуталъ, плуталъ, и только къ ночи попалъ на проторенную тропинку: вижу зарубки на деревьяхъ, и думаю: вотъ, это и есть наша дорога! Да и пошелъ по ней, полагая что иду къ лагерю. Замѣсто того пришелъ къ большой рѣкѣ: это должно быть Ихуру. Тутъ я отыскалъ въ деревѣ большое дупло, залѣзъ въ него и переночевалъ; а утромъ пошелъ опять той-же дорогой, только обратно, шелъ, шелъ, и пришелъ въ лагерь. Вотъ и все».

Утромъ 15-го декабря мы сдѣлали общую перекличку. Сади, старшина маньюмовъ, донесъ что у него четырнадцать человѣкъ совсѣмъ не могутъ двигаться; другой старшина, Киббобора, заявилъ что изъ его отряда одинъ только его больной братъ не въ состояніи идти; у старшины Фунди негодными въ походъ оказались только его жена и маленькій мальчикъ. Изъ людей экспедиціи кромѣ того необходимо было оставить въ лагерѣ 26 душъ. Итого мы покидали 43-хъ человѣкъ, которые могли умереть въ случаѣ если мы не достанемъ имъ пищи въ теченіи сутокъ. Сердце мое разрывалось на части, но я веселымъ тономъ рекомендовалъ имъ ободриться и терпѣливо подождать пока я пойду за пропадавшими, которые тамъ на вѣрное объѣдаются, а можетъ быть я скоро встрѣчу ихъ по дорогѣ и въ такомъ случаѣ пошлю бѣгомъ сюда, чтобы какъ можно скорѣе несли въ лагерь провіантъ.—А покуда вы молитесь чтобы Богъ послалъ мнѣ удачу: Онъ одинъ можетъ вамъ помочь!

Въ часъ пополудни мы тронулись въ обратный путь къ Нгуэцѣ, которая отстояла отъ насъ, за тридцать пять миль; со мной пошло шестьдесятъ пять мужчинъ и мальчиковъ и двѣнадцать женщинъ. Мы шли до наступленія ночи; потомъ группами или поодиночкѣ бросились на землю и легли спать, тихо, печально, каждый наединѣ со своими мыслями. Напрасно я старался уснуть: сонъ «цѣлитель уязвленныхъ сердецъ» не приходилъ ко мнѣ. Мысли, воспоминанія толпились въ

смущенномъ мозгу; въ темнотѣ чудились мнѣ образы умирающихъ людей: страхъ за близкое будущее окрашивалъ всѣ порожденія моей фантазіи въ самые мрачные цвѣта. Притомъ я не могъ забыть тѣхъ еле-живыхъ людей, которыхъ неподвижныя тѣла мы оставили лежащими въ лагерѣ вдоль дороги, когда выступали сегодня. Неба не было видно и потому я не могъ искать утѣшенія въ созерцаніи мерцающихъ звѣздъ. Бѣдныя наболѣвшія сердца окружавшихъ меня спутниковъ могли издавать лишь глухія стенанія. Огня мы не зажигали, потому что варить было нечего. И невыразимая тоска сжимала мнѣ сердце. На черномъ фонѣ непроглядной тьмы рисовались мнѣ тѣ странныя фигуры, которыя возникаютъ подъ вліяніемъ лихорадочнаго бреда, дразня и пугая одинокаго человѣка и мелькая передъ нимъ то блѣдно-воздушными, то огненными чертами; а въ душномъ воздухѣ носился какой-то шелестъ и шепотъ, намекавшій на темныя могилы, на гробовыхъ червей и на вѣчное забвеніе; а сатана нашептывалъ что лучше скорѣе покончить съ жизнью, чѣмъ такъ мучиться неотвязными мыслями. А вѣтеръ повторялъ въ вышинѣ нависшихъ надъ нами черныхъ древесныхъ шатровъ: пропалъ! пропалъ! пропалъ!— Напрасны всѣ труды и тщетно твое горе: впереди безотрадные дни; твои смѣлые, добрые товарищи при послѣднемъ издыханіи; одинъ за другимъ пораженъ смертью; они будутъ, гнить, истлѣвать, а ты одинъ останешься, одинъ!

— Аллахъ, о акбаръ!—послышалось вдругъ въ темнотѣ, изъ глубины чьего-то тоскующаго сердца.

Эти слова, раздавшіяся въ ночи, нашли живой отголосокъ и въ моей душѣ. «Богъ великъ!» Неужели мусульманину подобаетъ, напоминать мнѣ о величіи моего Господа? «Безразсудные, когда же вы поймете? Тотъ, кто далъ намъ уши, чтобы слышать, ужели не услышитъ насъ? Тотъ, кто даровалъ намъ зрѣніе, ужели не увидитъ?»

И вотъ, мысли мои принимаютъ другой оборотъ; я перестаю напряженно вглядываться въ темноту и мало по малу припоминаю случаи, когда милость Божія особенно внятно проявлялась мнѣ; одно воспоминаніе влечетъ за собою другое, сердце мое размягчается и я повергаю передъ престоломъ Великаго Избавителя отъ бѣдъ всѣ наши бѣды и печали.

Подъ утро я уснулъ немного и проснулся только тогда, когда тьма разсѣялась и въ сѣроватомъ сумракѣ я могъ различить неподвижныя фигуры спящихъ товарищей.

— Вставайте, ребята, вставайте! Идемъ за бананами, скорѣе! Сегодня, Богъ дастъ, добудемъ банановъ!

Я говорилъ такъ, чтобы ободрить мою унылую команду. Черезъ

нѣсколько минутъ всѣ поднялись съ жесткаго земляного ложа и поплелись вереницей вдоль тропинки, при неясномъ свѣтѣ тусклаго лѣсного утра: одни прихрамывали отъ разболѣвшихся язвъ, другіе едва тащились изъ-за одолѣвавшихъ ихъ нарывовъ, третьи просто отъ слабости еле передвигали ноги. Мы начинали согрѣваться отъ ходьбы, какъ вдругъ я разслышалъ голоса впереди. Малютка Сабури держитъ мое ружье на готовѣ, внимательно наблюдая за каждымъ движеніемъ моей руки, а я между тѣмъ вижу громадную кучу зеленыхъ плодовъ, возвышающуюся изъ-за вершинъ широколиственныхъ фриній, которыя заграждаютъ намъ одинъ изъ поворотовъ тропинки. Больше инстинктомъ, нежели сознательно, я догадался, что это должны быть наши фуражиры, идущіе обратно изъ Нгуэцы, и въ одно мгновеніе вся толпа моихъ хворыхъ, изнуренныхъ и стонущихъ сподвижниковъ позабыла свои печали и страданія и какъ одинъ человѣкъ воскликнула: «Слава Богу!» Англичанинъ и африканецъ, язычникъ и христіанинъ равно исповѣдуютъ Его въ такую минуту и изъ глубины благодарныхъ сердецъ это восклицаніе вырывается невольно.

Стоило взглянуть на передовыхъ людей фуражирскаго отряда, чтобы догадаться, чѣмъ это безголовое стадо занималось все время. Въ эту минуту, впрочемъ, мнѣ было не до выговоровъ: мы поспѣшили развести огня, усѣсться вокругъ него, напечь нѣкоторое количество плодовъ, подкрѣпить ими свои силы и пуститься въ обратный путь. Черезъ часъ мы уже стремились обратно въ голодный лагерь, куда пришли въ 2 часа 30 минутъ пополудни и были встрѣчены такъ, какъ могутъ умирающіе отъ голода встрѣтить тѣхъ, кто протягиваетъ имъ руку помощи.

Во весь остальной вечеръ занзибарцы и маньюмы, суданцы и мади, старые и малые махнули рукой на прошедшія невзгоды, веселились настоящимъ и клялись, что на будущее время станутъ запасливѣе и бережливѣе. Но я знаю, что это только до перваго случая.

17-го декабря мы пришли къ рѣкѣ Ихуру, 18-го переправились черезъ нее въ бродъ и затѣмъ пошли лѣсомъ, прорубая себѣ путь сквозь кусты и подлѣсокъ, а подъ вечеръ 19-го декабря прямо изъ лѣсной чащи вышли на расчистки и плантаціи форта Бодо, что до-нельзя изумило нашихъ спутниковъ.

20-го декабря прорубили тропинку черезъ заброшенныя плантаціи и черезъ часъ работы очутились на столь извѣстной намъ дорогѣ, по которой столько разъ мы ходили дозоромъ. Вскорѣ мы открыли, что на плантаціяхъ еще недавно кто-то былъ: по сторонамъ дороги грудами лежала шелуха отъ банановыхъ плодовъ, но мы не могли догадаться, кто этимъ занимался. Сначала мы думали, что туземцы воротились

на свои старыя пепелища; потомъ, что пигмеи унаслѣдовали наше добро. Подойдя къ началу широкой западной аллеи, служившей намъ въ фортѣ стратегическимъ пунктомъ, на поворотѣ въ нее мы вдругъ увидѣли караульныхъ занзибарцевъ, которые не менѣе насъ были изумлены такой внезапной встрѣчей. Дружный залпъ изъ ружей огласилъ тихую окрестность; изъ форта раздались отвѣтные выстрѣлы, и вскорѣ толпа людей, обезумѣвшихъ отъ радости, выскочила намъ на встрѣчу и впереди всѣхъ летѣлъ добрѣйшій другъ нашъ докторъ Пэркъ, который съ сіяющимъ лицомъ объявилъ, что «въ фортѣ Бодо все обстоитъ благополучно!»

Глава XXIII.

ВЕЛИКІЕ ЛѢСА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ.

Сужденія объ Африкѣ профессора Друммонда.—Размѣры великаго лѣса.—Растительность.—Насѣкомыя.—Описаніе деревьевъ и пр.—Дикарскія племена и способы ихъ питанія.—Первобытный лѣсъ.—Кустарникъ или молодятникъ.—Лѣсныя расчистки: чудеса растительной жизни.—Странное ощущеніе уединенности.—Лѣсная гроза.—Тропическая растительность по берегамъ Арухуими.—Осиныя гнѣзда.—Лѣсъ, какъ подобіе человѣческой жизни.—Нѣсколько лѣсныхъ тайнъ.—Лѣсная дичина.—Почему мы не охотились за звѣрьми.—Птицы.—Обезьяны.—Гады и насѣкомыя.—Мелкія пчелы и жуки.—«Джиггеръ».—По ночамъ тревоги отъ падающихъ деревьевъ и т. д.—Чимпанзе.—Самая дождливая область на земномъ шарѣ.—Итури или Верхняя Арухуими.—Человѣческія племена и ихъ нарѣчія.—Черты наружности, нравы и обычаи.—Различіе въ цвѣтѣ кожи.—Бесѣда съ плѣнными въ Энгуэддэ.—Карлики Уамбутти: ихъ жилища и образъ жизни.—Карлики Батуа.—Жизнь въ лѣсныхъ селеніяхъ.—Двое египтянъ взяты въ плѣнъ карликами въ фортѣ Бодо.—Ядъ, употребляемый для стрѣлъ.—Какъ мы лечили раны, причиняемыя стрѣлами.—Дикіе лѣсные плоды.—Домашнія животныя.—Болѣзни занзибарцевъ и мади.—Желѣзная дорога черезъ Конго и лѣсные продукты.

Одинъ англійскій профессоръ, имѣющій право выставлять послѣ своей фамиліи нѣсколько заглавныхъ буквъ, обозначающихъ, что онъ членъ многихъ ученыхъ обществъ, притомъ талантливый писатель, одаренный рѣдкою способностью описывать чрезвычайно живо, написалъ книгу, въ которой, признавая себя «второстепеннымъ путешественникомъ», онъ однако же счелъ себя въ правѣ произнесть слѣдующее смѣлое сужденіе объ Африкѣ:

«Покройте береговую полосу грубой травой желтаго оттѣнка, съ разбросанными по ней рѣдкими пальмами, разсыпьте въ этой мѣстности нѣсколько бѣдныхъ деревень, населите ее леопардами, гіенами, крокодилами, бегемотами; одѣньте слѣдующую затѣмъ горную равнину безконечнымъ лѣсомъ, только не тѣмъ величавымъ тѣнистымъ

лѣсомъ, который мы видимъ въ Южной Америкѣ, и не сплошнымъ джонглемъ, какъ въ Индіи, но рѣдкимъ, чахлымъ лѣсомъ съ низенькими деревьями, недоросшіе стволы которыхъ, покрытые скудною листвой, не защищаютъ отъ тропическаго солнца...»—Да, въ такихъ деревьяхъ даже и нѣтъ ничего такого, что напомнило бы о тропикахъ.—«День за днемъ бродя по такимъ лѣсамъ, вы только по климату можете догадаться, гдѣ вы находитесь...» «Волшебныя чащи папоротниковъ и пальмъ, роскошныя ліаны, ниспадающія причудливыми фестонами, заслоняющія путь и наполняющія воздухъ благоуханіемъ своихъ великолѣпныхъ цвѣтовъ, рои блестящихъ насѣкомыхъ, стаи птицъ съ ярко окрашенными перьями, попугаи, обезьяны, скачущія въ широколиственныхъ шатрахъ,—все это въ Африкѣ неизвѣстно».

«Разъ въ недѣлю можете увидѣть пальму; въ три мѣсяца разъ встрѣтите группу обезьянъ; цвѣтовъ въ сущности очень мало; деревья жалки и, говоря по совѣсти...» Но, довольно, впрочемъ; если такое описаніе добросовѣстно, то не лучше ли читателю захлопнуть мою книгу и дальше не читать, потому что въ предстоящей главѣ я намѣренъ именно доказать, что рѣшительно ни въ чемъ не согласенъ съ ученымъ профессоромъ касательно взглядовъ его на тропическую Африку.

До сихъ поръ мы прошли лѣсами центральной Африки на протяженіи 1.670 миль и можемъ поклясться, что вышеприведенныя описанія профессора Друммонда также похожи на тропическую Африку, какъ утесы Девоншира, болота Іоркшира или приморскія дюны близь Дувра похожи на прелестные пейзажи средней Англіи, на густолиственный Варвикширъ, на сады Кента или на очаровательныя долины британскаго острова. Область Ніасса не есть Африка, а только Ніасса. Точно также мы не считаемъ типическимъ образцомъ Африки ни пустынь Масаи, ни степей Калахари, поросшихъ сухощавымъ кустарникомъ, ни волнистыхъ зеленыхъ луговъ Усукумы, ни жидкихъ перелѣсковъ Уніамуэзи, ни равнинъ Угого, желтая почва которыхъ ничего не производитъ, кромѣ акацiи,—каждая изъ этихъ странъ представляетъ собою лишь участокъ громаднаго материка, занимающаго нѣсколько различныхъ климатическихъ поясовъ. Африка только втрое обширнѣе Европы, но безконечно болѣе разнообразна. Тутъ и пустыннѣйшая изъ пустынь — Сахара, и степи восточной Россіи въ землѣ Масаи и въ нѣкоторыхъ частяхъ южной Африки, и Кастильское плоскогорье—въ Уніамуэзи, и лучшія части Франціи въ Египтѣ, и Швейцарія въ Уконджу и въ Торо, и Альпы—Руэнцори; въ бассейнѣ Конго, пожалуй, цѣлая Бразилія, а самая рѣка Конго стóитъ Амазонки съ ея

громадными лѣсами. Этотъ-то дремучій лѣсъ центральной Африки я и намѣренъ здѣсь описать.

Наибольшее протяженіе этого лѣса, начиная отъ Кабамбаррэ въ южной Маньюмѣ до Бегбомо въ западномъ Ніамъ-Ніамѣ, равняется 621 милѣ; средняя ширина его 517 миль, что составляетъ сплошную массу лѣса на пространствѣ 321.057 квадр. миль (или 840.000 квадр. километровъ). Въ этотъ счетъ не входятъ всѣ тѣ участки лѣса, которые заливами и зубцами врѣзываются въ луговыя равнины, а также и тѣ широкія полосы лѣса, которыми окаймлены рѣчныя русла и покрыты низменности бассейновъ рѣкъ Люмани, Люлюнгу, Уэлле-Мубанги и самого Конго, отъ Болобо до притока Лойки.

По рѣкамъ Конго и Арухуими мы имѣли возможность проникнуть довольно далеко въ глубь этого первобытнаго лѣса. Поэтому я намѣренъ говорить только о той его части, которая простирается отъ Ямбуйи подъ 25°3½′ восточной долготы, до Индесуры подъ 29°59′, слѣдовательно, по прямой линіи, на протяженіи 326½ англійскихъ миль.

Взглянемъ-же на этотъ лѣсъ не съ научной точки зрѣнія, не ради изученія его породъ и продуктовъ, а только для того, чтобы получить о немъ нѣкоторое внѣшнее представленіе. Онъ такъ громаденъ и такъ разнообразенъ, хотя и вездѣ одинаковъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, что подробное его описаніе заняло бы множество книгъ и на долго дало бы занятіе цѣлому легіону спеціалистовъ. Намъ недосугъ всматриваться въ почки, цвѣты, плоды и иныя растительныя чудеса, подмѣчать различіе въ корѣ и листьяхъ тѣхъ или другихъ гигантскихъ деревьевъ, сравнивать между собою источаемыя ими различныя смолы, разбирать которая изъ нихъ тусклая, а которая стекловидная, которая падаетъ молочными каплями, а которая янтарными шариками или опаловыми лепешечками; мы не будемъ наблюдать трудолюбивыхъ муравьевъ, быстро бѣгающихъ вверхъ и внизъ по древесному стволу, каждая морщина или трещина котораго представляется долиной или холмомъ для этихъ полчищъ насѣкомыхъ, и не станемъ выжидать покуда съ противоположной стороны подоспѣютъ такія же полчища красныхъ муравьевъ и начнется между ними ожесточенная война. Намъ не время также разсматривать это громадное упавшее дерево, съ теченіемъ времени сдѣлавшееся скважистымъ и бурымъ какъ старая губка, тѣмъ болѣе, что теперь оно стало уже вовсе не деревомъ, а просто мѣстомъ жительства безчисленныхъ племенъ насѣкомыхъ; энтомологъ дорого далъ бы за такое старое бревно: приложите ухо, слышите какой тамъ внутри гулъ и стрекотанье? Это возятся и жужжатъ насѣкомыя всевозможныхъ формъ и размѣровъ, окрашенныя въ густые и яркіе цвѣта съ металлическимъ блескомъ: они съ увлеченіемъ занимаются

своими дѣлами, вполнѣ наслаждаются своей короткой, но полною жизнью, и ненасытны въ своихъ грабительскихъ набѣгахъ: вѣчно онѣ куда-то бѣгутъ, нападаютъ, дерутся, отнимаютъ, тащутъ, строютъ, всюду залѣзаютъ, всюду кишатъ. Попробуйте положить руку на дерево, или растянуться на землѣ, или присѣсть на обломившійся сукъ, и вы постигнете какая сила дѣятельности, какая энергическая злоба и какая истребительная жадность васъ окружаетъ. Откройте записную книжку тотчасъ на страницу сядетъ дюжина бабочекъ, пчела вертится надъ вашей рукой, другія пчелы норовятъ ужалить васъ въ самый глазъ, оса гудитъ передъ ухомъ, громадный слѣпень снуетъ передъ носомъ, цѣлая стая муравьевъ ползетъ къ вашимъ ногамъ: берегитесь, передовые уже залѣзли вамъ на ноги, быстро взбираются на верхъ, того и гляди запустятъ свои острыя челюсти въ вашъ затылокъ... О горе, горе!

И все таки во всемъ этомъ бездна красоты,—только не слѣдуетъ ни лежать, ни сидѣть на этой преисполненной жизни почвѣ. Это не еловые перелѣски и не подчищенныя рощи англійскихъ парковъ, а тропическій міръ: если хотите насладиться имъ, надо быть постоянно въ тихомъ движеніи.

Вообразите себѣ пространство величиною со всю Францію вмѣстѣ съ Пиренейскимъ полуостровомъ, густо усаженное деревьями вышиною отъ 20 до 180 футовъ, лиственные шатры которыхъ такъ сплелись и перепутались, что ни неба, ни свѣта Божьяго не видать, и каждое изъ деревьевъ толщиною отъ нѣсколькихъ вершковъ до четырехъ футовъ въ поперечникѣ. Съ одного дерева на другое перекидываются ліаны, образующія канаты отъ двухъ до пятнадцати дюймовъ толщины: онѣ вьются на верхъ, спускаются фестонами, зубцами, бахромой, образуя то букву W, то букву M, обвиваются вокругъ древесныхъ стволовъ плотными, сплошными спиралями, до самыхъ вершинъ, и оттуда ниспадаютъ гирляндами великолѣпныхъ цвѣтовъ и причудливыхъ листьевъ, которые, перепутываясь съ древесною листвой окончательно заслоняютъ собою солнце. Съ высочайшихъ вѣтвей эти цвѣтущіе канаты сотнями спускаются почти до земли, и концы ихъ распускаются въ цѣлыя кисти тончайшихъ мочекъ или волоконъ,—это воздушные корни эпифитовъ; другія, еще болѣе тонкія развѣтвленія располагаются сквозными плетенками и кружевами по концамъ. Теперь представьте себѣ что поперекъ всѣхъ этихъ висячихъ ліанъ перепутались въ величайшемъ изобиліи и безпорядкѣ множество другихъ, которыя тоже перекидываются съ дерева на дерево и перекрещиваются съ первыми во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ; на каждомъ развѣтвленіи и на каждой горизонтальной вѣтви поса-

дите гигантскіе лишайники, величиною съ крупный кочанъ капусты, и другія растенія, съ листьями, похожими то на копья, то на слоновыя уши, потомъ всевозможныя орхидеи и поверхъ всего, легкимъ кружевнымъ вуалемъ раскиданныя, прелестнѣйшія ваи папоротниковъ. Кромѣ того, древесныя вѣтви, побѣги и самыя ліаны покрыты густымъ слоемъ мха, вродѣ зеленаго мѣха. Тамъ гдѣ лѣсъ сплошной, непроницаемый, почва одѣта частою порослью фриніи, амомы и низкимъ кустарникомъ; но тамъ гдѣ молнія (что нерѣдко случается) сразила вершину гигантскаго дерева и солнечный свѣтъ ворвался въ брешь, или же она расколола стволъ сверху до низу, или обожгла его и дерево высохло, или наконецъ бурей выкрутило нѣсколько деревьевъ съ корнями, тамъ тотчасъ образуется между новыми древесными побѣгами отчаянная борьба изъ за скорѣйшаго выростанія къ свѣту, къ солнцу: они толпятся, лѣзутъ другъ на друга, тѣснятся, стремятся вверхъ и въ концѣ концовъ составляютъ непроницаемую трущобу.

Большею частію лѣсъ представляетъ смѣшеніе всѣхъ названныхъ случаевъ. Стоятъ, напримѣръ, группы деревьевъ штукъ по пятидесяти, точно колонны въ соборѣ, высокія, прямыя, торжественныя, окутанныя сѣрымъ сумракомъ, и посреди ихъ какой нибудь лѣсной патріархъ, обнаженный, истерзанный и побѣлѣвшій отъ времени, а вокругъ него тѣснится цѣлая колонія молодыхъ деревцевъ, стремящихся занять его мѣсто. И тутъ тоже примѣняется право первородства.

Бываютъ также случаи вымиранія деревьевъ отъ ранъ, болѣзней, отъ дряхлости, отъ наслѣдственной хилости и отъ разныхъ другихъ причинъ,—словомъ, неспособныя къ жизни, къ борьбѣ устраняются, выбываютъ изъ рядовъ, также какъ и въ человѣчествѣ. Предположимъ, что одно дерево выростаетъ головой выше остальныхъ, становится въ царственныя отношенія къ окружающимъ: гордо стремясь къ небесамъ, оно привлекаетъ молнію, которая расщепляетъ его до самыхъ корней: оно сохнетъ, валится и паденіемъ своимъ ранитъ и обдираетъ нѣсколько другихъ, сосѣднихъ деревьевъ. Вотъ отчего у нихъ бываетъ тамъ много странныхъ наростовъ, большихъ выпуклостей, вродѣ затвердѣлаго зоба, и различныхъ неправильностей ствола. Часто случается также, что паразиты, обвившіеся вокругъ дерева плотною спиралью и душившіе его, отмираютъ, гніютъ и отваливаются, а само дерево остается живо и продолжаетъ развиваться, но навсегда сохраняетъ слѣды тѣснившихъ его канатовъ. Иныя деревья просто не выдерживаютъ борьбы съ другими болѣе скороспѣлыми породами и погибаютъ преждевременно; другія выростаютъ съ глубо-

кимъ желобомъ на боку,— это значитъ что его давило въ этомъ мѣстѣ валившееся бревно. Во время бури валятся еще отдѣльныя вѣтви, которыя тоже душатъ и ломаютъ вершинки молодыхъ побѣговъ. Одни изуродованы грызунами, другіе помяты слономъ, который навалился на нихъ, чтобы почесать свою спину, третьи повреждены муравьями различныхъ сортовъ; четвертые поклеваны птицами и мы видимъ какъ изъ ранокъ вытекаютъ крупныя капли смолы; далѣе дикари, рослые и карлики, пробовали остроту своихъ топоровъ, копій и ножей на древесныхъ стволахъ, словомъ, раны, смерть и тлѣніе здѣсь также обыкновенны, какъ и среди насъ.

Для полноты картины слѣдуетъ представить себѣ, что почва покрыта густымъ наслоеніемъ наполовину перегорѣвшаго гумуса, состоящаго изъ гніющихъ вѣтокъ, листьевъ, прутьевъ; въ нѣсколькихъ саженяхъ другъ отъ друга валяются остатки распростертыхъ гигантовъ, кучи сгнившихъ волоконъ прежней древесины, смѣшанныхъ съ остатками муравейниковъ и иныхъ обиталищъ насѣкомыхъ: все это закутано массами цѣпкихъ и ползучихъ растеній, зелеными побѣгами, длинными колючими стеблями каламуса, выростающаго въ нѣсколько саженъ; примѣрно черезъ каждую милю встрѣчаете вы мутный ручей или наполненную стоячею водой яму, либо неглубокій прудъ, подернутый зеленою плѣсенью, изъ которой выставляются широкіе листья лотуса и нимфъ, а у береговъ жирная зеленоватая пѣна, состоящая изъ милліоновъ органическихъ остатковъ. Населите всѣ эти лѣсныя пространства безчисленными колѣнами человѣческихъ племенъ, враждующихъ между собою и живущихъ каждое особнякомъ, отъ десяти до пятидесяти миль другъ отъ друга: они поселяются среди поваленнаго лѣса, между развалинами котораго разводятъ свои плантаціи и сажаютъ бананы, маніокъ, бобы, табакъ, колоказіи, тыквы, дыни и проч., а для защиты своихъ поселеній прибѣгаютъ къ всевозможнымъ хитростямъ, доступнымъ для дикарей въ такой дикой обстановкѣ: они натыкаютъ по тропинкамъ заостренные колышки, коварно пропитывая ихъ ядомъ и прикрывая отъ глазъ пѣшехода какъ бы случайно брошеннымъ листкомъ; наступивъ на этотъ колъ и напоровъ на него обнаженную ногу, врагъ или умираетъ отъ отравы, или на нѣсколько мѣсяцевъ становится калѣкой. Наваливъ груды громадныхъ бревенъ и кучи вѣтвей, они укрываются за ними и садясь въ такую засаду припасаютъ пучки отравленныхъ стрѣлъ или острыя деревянныя копья, съ обожженными концами, вымазанными ядовитыми веществами.

Первобытный лѣсъ, то есть тѣ части его, которыхъ никогда еще не коснулась рука человѣка и которыя отъ начала міра въ теченіе

вѣковъ росли и вымирали сами по себѣ, такой лѣсъ легко отличить отъ участковъ, гдѣ когда либо жили и дѣйствовали люди. Въ области первобытнаго лѣса деревья выше, прямѣе, правильнѣе и толщина ихъ бываетъ поистинѣ изумительна; среди ихъ бываютъ поляны, по которымъ довольно легко пройти, такъ какъ единственными препятствіями къ тому являются поросли аройниковъ, фриніи и амомы. Почва подъ ними тверже, плотнѣе, и въ такихъ именно мѣстахъ любятъ держаться кочевые пигмеи. Если мелкіе кусты вырубить, образуется уютная, тѣнистая, просторная поляна, настоящій лѣсной храмъ, въ которомъ поселиться сущее наслажденіе.

Иной видъ представляютъ тѣ мѣста, гдѣ черезъ нѣсколько поколѣній исчезли всякіе слѣды человѣческаго труда. Нѣкоторыя деревья особенно съ рыхлой, съ мягкой древесиной, быстро выростаютъ до такой высоты, что становятся вровень съ лѣсными патріархами; но какъ только люди покидаютъ просѣку, перестаютъ расчищать ее, такъ на этомъ мѣстѣ появляются побѣги совершенно постороннихъ деревьевъ, кустовъ и другихъ растеній, стремящихся какъ можно скорѣе воспользоваться отсутствіемъ человѣка и тутъ опять въ продолженіи многихъ лѣтъ происходитъ между ними отчаянная борьба изъ за воздуха и свѣта; поэтому подлѣсокъ, пользующійся лучшимъ освѣщеніемъ, становится чрезвычайно роскошнымъ и пробить себѣ путь черезъ него представляется необычайно труднымъ. Тутъ появляется множество различныхъ пальмъ, въ особенности элаисовъ и рафій, изъ которыхъ выдѣлывается пальмовое вино.

За нимъ слѣдуетъ кустарникъ, то есть растительность недавняго происхожденія, до того частая, что попасть подъ ея тѣнь въ высшей степени затруднительно. Поэтому мы принуждены прорѣзывать настоящіе туннели черезъ эти массы сплошного молодятника, настолько частаго, что кажется удобнѣе-бы идти по его верхушкамъ, будь онѣ одинаковой вышины и плотности. Крѣпкоствольныя молодыя деревья пробиваются вверхъ изъ этой трущобы и служатъ опорой безчисленнымъ новымъ ліанамъ. Когда сквозь такую чащу прорѣзанъ туннель, босоногіе пѣшеходы сильно рискуютъ напороться на шипы, колючки и острыя расщепленія отрубленныхъ стволовъ, которые пронизываютъ ступню и обдираютъ ноги.

Таковъ характеръ кустарника, окаймляющаго рѣчные берега. Вдоль рѣки попадалось великое множество старыхъ просѣкъ и заброшенныхъ расчистокъ, но такъ какъ дикари не иначе сообщаются между собой какъ водою (въ челнокахъ), то нельзя иначе пройдти берегомъ, какъ прорубаясь шагъ за шагомъ черезъ гущину кустовъ.

На тѣхъ расчисткахъ, которыя заброшены менѣе года назадъ,

происходятъ настоящія чудеса растительной жизни, несравненныя по изобилію матеріала и по разнообразію видовъ. Шесты и подпорки бывшихъ хижинъ, обугленныя пожаромъ, становятся опорой для вьющихся и ползучихъ растеній, которыя своею яркою зеленью быстро окутываютъ малѣйшіе выступы или развѣтвленія и совершенно преображаютъ пустырь, превращая каждый одинокій шестъ въ великолѣпную колонну, каждую скученную группу шестовъ въ граціозный павильонъ. Когда подпорки, вышиной сажени въ три, стоятъ по двѣ врядъ, гирлянды зелени перебрасываются съ одной на другую и образуютъ тѣнистый сводъ, многократно обвиваясь вокругъ главной оси и стремясь то вверхъ, то внизъ, такъ что сначала трудно догадаться, на чемъ держится такая громадная масса нѣжнѣйшихъ, цѣпкихъ стеблей. Въ иныхъ мѣстахъ они образуютъ высокія башни, соединенныя сводчатымъ корридоромъ, чрезвычайно похожія на развалины какого нибудь стариннаго замка, и вся эта воздушная постройка пестрѣетъ алыми и бѣлыми цвѣтами. Серебристые стволы гигантскихъ деревьевъ, давнымъ давно поваленные рукою человѣка и обреченные на гніеніе, также густо обвиты зеленью и цвѣтами, а ихъ далеко распростертыя и торчащія вверхъ вѣтви заплетены цвѣтущими ліанами въ сотни рядовъ и производятъ впечатлѣніе яркозеленыхъ облаковъ; а когда поднимается легкій вѣтеръ, ихъ нѣжныя висячія гирлянды и отростки колышутся и разлетаются какъ бахрома, или-же волнуются, какъ огромныя сплошныя драпировки.

Проходя по лѣсу съ караваномъ или останавливаясь на ночлегъ, я всегда былъ такъ озабоченъ положеніемъ людей, такъ развлеченъ звуками ихъ голосовъ, что мнѣ некогда было углубляться въ поэтическія созерцанія. Притомъ такъ часто мы голодали и такъ давно переносили разныя невзгоды, что нужно было всячески изощрять свое терпѣніе и выносливость. Наше платье, еще годное для странствія по открытымъ мѣстамъ, никуда не годилось въ этихъ предательскихъ кустахъ. Но когда мнѣ удавалось нѣсколько отдалиться отъ лагеря, уйти въ сторону, такъ чтобы даже не слышать людскихъ голосовъ, и если можно было позабыть о гнетущихъ заботахъ и неудобствахъ, составлявшихъ существенную часть моего существованія, такъ и врывалось въ душу благоговѣніе къ лѣсу. Голосъ мой звучалъ торжественно, отдаваясь глухими перекатами, какъ подъ сводами собора. Я ощущалъ тогда нѣчто очень странное, почти сверхъестественное: отсутствіе солнца, вѣчный сумракъ, неподвижная тишина окружающаго производили впечатлѣніе глубочайшей уединенности, отчужденія, которое заставляло озираться по сторонамъ и спрашивать себя, не сонъ-ли это. Стоишь, какъ-бы среди населенія другого міра: они живутъ

растительною жизнью, а я человѣческою; но окружающіе меня великаны до того громадны, безмолвны, величавы, а вмѣстѣ съ тѣмъ безучастны и суровы, что даже удивительно, какъ мы другъ другу чужды, тогда какъ между нами все-таки много общаго. Мнѣ казалось, что было-бы естественнѣе, если-бы одинъ изъ этихъ морщинистыхъ, сѣдыхъ старцевъ, ровесниковъ Маѳусаила, обратился ко мнѣ съ важною рѣчью, или если-бы какой нибудь исполинскій бомбаксъ, крѣпко вросшій въ землю, надменно вопросилъ, чего мнѣ нужно и съ какой стати я пришелъ въ это собраніе величавыхъ лѣсныхъ царей.

Но съ какими мыслями взиралъ я на лѣсъ, когда бывало стоишь у береговой окраины и видишь въ рѣкѣ отраженіе приближающейся бури, а на противоположномъ берегу, какъ армія гигантовъ, стоятъ неподвижные ряды деревьевъ, всякаго роста и различныхъ породъ, сурово ожидающихъ, въ сумракѣ сгустившейся мглы, перваго приступа урагана. Вѣтеръ еще только собирается съ силами, но тучи надвигаются, молнія бѣлымъ пламенемъ прорѣзываетъ ихъ сверху внизъ, раздается оглушительный ударъ грома и буря понеслась. Деревья, такъ спокойно стоявшія до этой минуты, какъ на писаной декораціи, разомъ склоняютъ свои вершины и начинаютъ бѣшено кидаться изъ стороны въ сторону: въ ужасѣ, онѣ какъ будто хотятъ сорваться съ мѣста, но крѣпкіе корни держутъ ихъ, мощные стволы не пускаютъ; вѣтви крутятся, бьются, вершины то нагибаются впередъ, то съ размаха откидываются назадъ,—тучи темными легіонами несутся надъ ними, слышенъ трескъ, свистъ, завыванія вѣтра и скрипъ цѣлаго моря стволовъ. Самые высокіе изъ нихъ мощно машутъ вѣтвями, какъ-бы нанося могучіе удары; листва шумно лепечетъ и рукоплещетъ борцамъ; меньшая братія на опушкѣ тоже вступаетъ въ рукопашную, обдаваемая блѣднымъ свѣтомъ зеленоватой молніи.

Въ этой бѣшеной схваткѣ великановъ есть что-то заразительное и вы чувствуете какъ подымается въ васъ бодрое сочувствіе къ этой грандіозной борьбѣ: въ душѣ вы любуетесь бурнымъ вѣтромъ, съ нѣкоторымъ торжествомъ слѣдите за его могучими порывами, готовы радоваться его побѣдѣ... Но великолѣпные ряды лѣсныхъ исполиновъ, съ развѣвающимися по вѣтру кудрями, такъ стойко и единодушно слѣдуютъ каждому движенію своихъ вождей, а широколиственный подлѣсокъ такъ оживленно и весело содрогается, что вы заранѣе видите, что лѣсъ побѣдитъ, лишь-бы еще немного продержался. Молніи бороздятъ клубящіяся тучи, тамъ и сямъ изрыгая свои пламенныя стрѣлы, громы раскатываются съ оглушительнымъ трескомъ, далеко отдаваясь въ глубинѣ лѣсовъ; наконецъ тучи, сгустившись до черноты, въ послѣдній разъ обдаютъ окрестность бѣлымъ свѣтомъ,

дождь разражается съ тропическою яростью,—все превращается въ хаосъ, вы ничего больше не видите и стоите въ безмолвномъ ужасѣ, ошеломленные силою урагана; но черезъ нѣсколько минутъ ливень потушилъ всю эту огненную бурю и когда онъ кончился, лѣсъ уже снова стоитъ тихо и величаво, благородный гнѣвъ его миновалъ безъ слѣда.

По берегамъ Арухуими можно составить себѣ наилучшее понятіе о тропической растительности Африки, если не считать восточной половины бассейна Конго. Берега большею частію низкіе, хотя навѣрное сказать этого нельзя, потому что отъ самого уровня воды начинаются высокіе плетни изъ ползучихъ растеній: онѣ покрываютъ каждый вершокъ земли и подымаются мѣстами до высоты пятидесяти футовъ, а за ними тотчасъ высится темнозеленая стѣна сплошного лѣса, со стволами отъ 150 до 200 футовъ вышины надъ уровнемъ рѣки. Впрочемъ, береговые пейзажи тоже довольно разнообразны: заброшенныя пепелища человѣческихъ поселеній имѣютъ свою собственную физіономію, нетронутый лѣсъ свою, да и различныя почвы вліяютъ на различіе растительныхъ формъ.

На недавно заброшенныхъ расчисткахъ растительность, помимо необычайной густоты и свѣжести, поражаетъ еще обиліемъ великолѣпныхъ цвѣтовъ. Очень часто среди такихъ просѣкъ видишь нѣсколько разбросанныхъ, высокихъ деревьевъ, съ густыми шатрами блестящей, кожистой листвы и множествомъ яркокрасныхъ цвѣтовъ, роняющихъ свои кровавые лепестки на непроницаемую массу разросшихся внизу кустовъ и ліанъ, которыя рѣзко отличаются отъ нихъ розовыми, желтыми и бѣлыми оттѣнками своихъ мотыльковыхъ цвѣточковъ. У амомы цвѣточныя чашечки бѣлоснѣжныя, съ алыми краями; у дикого винограда кисти свѣтло-пурпуровыя; иныя вьющіяся растенія безъ цвѣтовъ, но перистые листья ихъ окрашены каштановымъ цвѣтомъ; особенно бросаются въ глаза пунцовые стручки перцовыхъ кустовъ и дикій манго, покрытый миріадами цвѣтовъ въ видѣ бѣлыхъ бусъ; бѣлая акація издаетъ сильнѣйшее благоуханіе, а отъ нѣжныхъ желтыхъ цвѣтовъ мимозы струится тонкій ароматъ. Зелень также представляетъ большое разнообразіе оттѣнковъ: тутъ видишь то свѣтлозеленое кружево папоротниковъ, то какіе-то большіе мечевидные листья торчатъ вверхъ, то опахальный листъ молодой пальмы, то широкая листва фриніи, находящей такое полезное употребленіе. Широко-развѣсистая молодая смоковница, съ серебристо-сѣрымъ стволомъ, перемѣшиваетъ свою зелень съ нѣжными листочками мимозы и съ лапчатымъ каламусомъ; еще ниже разрослись массы крапивы или какихъ-то похожихъ на нее кустиковъ, и все вмѣстѣ образуетъ чрезвычайно любопытную

и красивую трущобу. Иногда основаніемъ такой живописной и непроходимой путаницѣ служитъ поваленое дерево, давнымъ давно гніющее, почернѣвшее, уже подернутое тонкимъ слоемъ перегноя, поросшее грибами и въ каждой своей щели, трещинѣ или складкѣ дающее притонъ множеству ненасытныхъ насѣкомыхъ, начиная съ мелкаго термита и кончая черною стоножкой или громаднымъ жукомъ-мамонтомъ.

Далѣе гигантскія деревья, оттѣсняя другъ друга до самого края рѣчныхъ береговъ, выростаютъ наконецъ настолько наклонно,—иногда почти горизонтально,—что футовъ на пятьдесятъ своей длины свѣшиваются надъ водой. Подъ тѣнью ихъ сотня челноковъ можетъ укрыться отъ солнечнаго зноя. Древесина ихъ желтаго цвѣта и тверда, какъ желѣзо. Чтобы срубить такое дерево, понадобилось бы десятка два американскихъ дровосѣковъ. Оно приноситъ кисти плодовъ, которые сначала бураго цвѣта, а когда созрѣютъ, то похожи на самыя лучшія сливы. Другія деревья того же рода производятъ плоды, съ виду похожіе на спѣлые финики, но ни тѣ, ни другіе несъѣдобны.

На такихъ развѣсистыхъ деревьяхъ особенно любятъ селиться черныя осы, прилѣпляющія къ ихъ вѣтвямъ свои висячія гнѣзда. Снаружи эти гнѣзда имѣютъ видъ картузиковъ изъ сѣрой бумаги, причудливо вырѣзанныхъ, или же цѣлаго скопленія такихъ картузиковъ, расположенныхъ рядами одинъ надъ другимъ, разукрашенныхъ бахромками и довольно сложными зубчиками, на подобіе тѣхъ бумажныхъ экрановъ, которыми на лѣтнее время маскируютъ камины въ англійскихъ домахъ.

Мы тщательно избѣгали такихъ деревьевъ, но когда по близости не видать было страшныхъ осиныхъ гнѣздъ, можно было остановиться и основательно полюбоваться лѣсомъ. Сначала видны безконечныя перспективы сѣрыхъ стволовъ, тысячи висячихъ нитей, колеблющихся, извивающихся кольцами, фестонами, петлями, собранныхъ въ кисти, растянувшихся въ полотнища, сѣрыхъ, темнозеленыхъ, невообразимо между собою перепутанныхъ; изрѣдка эти тусклые мотки оживляются блескомъ сырыхъ листьевъ, на которые случайно упалъ косвенный лучъ солнца, между тѣмъ, какъ вокругъ царствуетъ мягкій зеленоватый полусвѣтъ; мѣстами на темномъ фонѣ отчетливо рисуется толстый сѣрый стволъ, серебристые стебли паразитовъ и причудливая сѣть сѣроватыхъ прицѣпокъ дикаго винограда. По мѣрѣ того, какъ всматриваешься въ чащу, начинаешь различать то красныя пятна ягодъ фриніи, то пурпуровыя кучки плодовъ амомы, то мелко вырѣзанные листья ржаваго цвѣта, то бѣлую шляпку крупнаго гриба, выглядывающаго изъ раскидистаго пучка тонкаго папоротника, то бѣлоснѣжные наросты твердой трутовицы, насѣвшей на морщинистый стволъ стараго

дерева на подобіе колоніи моллюсковъ; дальше виднѣется яркая зелень орхидныхъ, сѣроватая зелень большихъ висячихъ листьевъ, похожихъ на слоновыя уши, тонкія кисти мховъ; на корѣ деревьевъ тамъ и сямъ крупныя шишки, источающія капли смолъ, вкругъ которыхъ кишатъ муравьи; безконечные стебли каламуса, скрученные канаты ліанъ и, наконецъ, массы вьюнковъ, которые какъ гигантскія змѣи тянутся со всѣхъ сторонъ, переплетаются между собою, образуютъ своды, пробираются къ древеснымъ верхушкамъ, обвиваютъ своими кольцами всѣ вѣтви, тутъ сплетаются узломъ, тамъ свѣшиваются петлями, сквозь тѣсные шатры пробиваются наружу, къ солнцу, и тамъ окончательно теряются изъ вида.

Какъ я уже говорилъ, лѣсъ представляетъ собою подобіе жизни человѣчества. Стоитъ хоть разъ всмотрѣться въ него, чтобы увидѣть, что и въ немъ, какъ между нами, идетъ безконечная смѣна тлѣнія, смерти и новой жизни. Я никогда не могъ воздержаться отъ мысленной параллели между тѣмъ или другимъ явленіемъ лѣсной жизни и какой нибудь чертой изъ быта цивилизованныхъ странъ. Одинъ разъ мнѣ припомнилось памятное утро, когда я, часу въ восьмомъ, отправился черезъ Лондонскій мостъ въ Сити посмотрѣть, что дѣлается въ эту пору съ мѣстнымъ населеніемъ и увидѣлъ цѣлыя вереницы блѣдныхъ, малокровныхъ, тщедушныхъ, истощенныхъ на работѣ, сутуловатыхъ людей, шедшихъ на горькую борьбу за свое жалкое существованіе. Здѣсь я видѣлъ живое ихъ изображеніе: та же смѣсь молодости, силы и болѣзненной дряхлости. Одно дерево преждевременно высохло и побѣлѣло, другое выпятило громадный наростъ, третье по природѣ ростетъ хилымъ, четвертое искривлено, пятому недостаетъ питанія и оно вяло гнется, иныя блѣдны и чахлы отъ недостатка воздуха и свѣта, другія такъ слабы, что только и держутся опорою сосѣдей или совсѣмъ свалились, подобно неизлечимымъ въ госпиталѣ, и удивляешься только, какъ онѣ еще живы. Нѣкоторыя уже мертвы и погребены подъ грудами листьевъ, или служатъ разсадниками чужеядныхъ, или стали жертвою истребительныхъ насѣкомыхъ. Однѣ сражены громовымъ ударомъ и съ тѣхъ поръ побѣлѣли, другія обезглавлены. Какой нибудь ветеранъ, жившій за много лѣтъ до того времени, когда христіане впервые побывали южнѣе экватора, лежитъ и догниваетъ во прахѣ. Но большинство все-таки стоитъ и пребываетъ: юность самоувѣренна до дерзости, преисполнена изящества и граціи, зрѣлый возрастъ спокоенъ въ сознаніи своей силы, старцы гордо поддерживаютъ свое аристократическое достоинство, и всѣ одушевлены однимъ общимъ стремленіемъ — жить, и жить какъ можно дольше. Мы видимъ здѣсь всѣ оттѣнки человѣческихъ типовъ, за исключеніемъ добровольнаго муче-

ника и самоубійцы. Самопожертвованіе не свойственно деревьямъ и изъ всѣхъ законовъ, завѣщанныхъ тварямъ, имъ извѣстны вѣроятно только два, а именно: «послушаніе выше жертвы» и «живите и умножайтесь».

Въ Европѣ для меня ничего не было антипатичнѣе и безобразнѣе толпы въ день призовыхъ скачекъ, а потому и въ дебряхъ Африки мнѣ казалось особенно непріятнымъ то, что ее напоминало: это эгоистическое стремленіе пролѣзть впередъ, достать себѣ первое мѣсто, опередить товарищей на пути къ теплу и свѣту на просѣкѣ или расчисткѣ, заброшенной нѣсколько лѣтъ назадъ. Чу! колоколъ звонитъ, сейчасъ начинается скачка. Такъ и кажется, что слышишь топотъ сорвавшейся съ мѣста толпы, общую свалку, дикое гоготанье—«всякій самъ за себя, къ чорту слабыхъ!»—такъ и видишь эту возбужденную чернь, доведенную до бѣлаго каленія, шумную суматоху, рѣзкое различіе между сильнымъ и немощнымъ и безсовѣстное пренебреженіе къ порядку и благопристойности.

Спрашивается, почему какія-то мелкія случайности въ такой чуждой глуши, каковы дѣвственныя дебри первобытнаго лѣса, могутъ заставить человѣка думать и вспоминать о далекихъ друзьяхъ и ихъ жилищахъ въ Англіи? Заунывный шумъ вѣтра въ высокихъ древесныхъ шатрахъ, трепетный шелестъ листвы живо напомнилъ мнѣ одинъ вечеръ, проведенный мною въ замкѣ ***, гдѣ я почти все время прислушивался къ ужасному шуму рощи населенной грачами, навѣвавшему на меня необъяснимую тоску и уныніе. Въ другой разъ, лежа въ палаткѣ, я все припоминалъ бурю въ океанѣ, ощущеніе неутолимаго холода, жалкой безпомощности; а когда хлынулъ проливной дождь и капли его, глухо барабаня по листьямъ, словно вторили похоронному маршу, мнѣ чудилось, что я слышу кругомъ печальные отголоски тоскливыхъ, неудовлетворенныхъ стремленій, грустныя пѣсни безъ словъ, пѣсни о прошедшихъ желаніяхъ, неосуществленныхъ мечтахъ, о любви и дружбѣ, не нашедшей выраженія, и все это такъ ясно представлялось напряженному воображенію, что я готовъ былъ расплакаться и воскликнуть.

— О, милые мои, милосердый Богъ надъ всѣми нами и Онъ все видитъ!

Нѣкоторыя лѣсныя тайны современемъ непремѣнно узнаешь, даже безъ помощи профессора лѣсоводства. Не трудно узнать, напримѣръ, что пальма Элаисъ хотя и ростетъ въ сырыхъ мѣстахъ, но для полнаго своего преуспѣнія нуждается въ сильномъ солнечномъ освѣщеніи; что пальма Рафія всего лучше ростетъ у вонючихъ трясинъ, окаймленныхъ камышами, что каламусъ выростаетъ среди густого кустар-

ника, служащаго опорою его гибкому стеблю; что колючій фениксъ (phoenix spinosa) льнетъ къ берегамъ рѣки, а вѣерная пальма совсѣмъ не выноситъ сырости. Но все же человѣку, привыкшему къ дубамъ и березамъ, къ тополю и соснѣ, и впервые попадающему въ тропическій лѣсъ, нѣсколько не по себѣ въ такой непривычной обстановкѣ. Постепенно, однако-же, онъ такъ наметывается, что сразу можетъ отличить которое дерево будетъ съ мягкой древесиной, а которое съ твердой. Деревьевъ съ мягкой древесиной здѣсь много, и притомъ изъ различныхъ семействъ; онѣ замѣняютъ здѣсь наши сосны и пихты и непремѣнно отличаются широкими листьями. Кажется можно принять за правило, что всѣ здѣшнія мягкія деревья снабжены крупною листвой, а твердыя болѣе мелкою, хотя и между ними много оттѣнковъ, сообразно степени ихъ прочности и крѣпости ихъ волоконъ. Такъ, напримѣръ, у деревьевъ изъ семейства Мареновыхъ листья по формѣ и величинѣ подходятъ къ листьямъ клещевины; древесина ихъ въ высшей степени полезна и удобна для всевозможныхъ подѣлокъ: она пригодна и для постройки деревянныхъ судовъ, и для домашней утвари; изъ нея выдѣлываютъ превосходныя блюда, подносы, скамейки, стулья, колоды для водопоя, кувшины для молока, кружки, ложки, барабаны и т. д.—Она-же идетъ на косяки, двери, потолки, ограды и частоколы. Хотя она также ломка какъ и кедровое дерево, но отъ сырости никогда не трескается. Есть еще нѣсколько видовъ дерева, извѣстнаго подъ именемъ хлопковаго;—эти легко отличаются отъ остальныхъ своей непомѣрной вышиной, великолѣпно изогнутыми, крѣпчайшими корнями, серебристымъ блескомъ сѣрой коры, жесткими и прямыми колючками, разбросанными по стволу, шелковистыми бѣлыми кистями своихъ цвѣтовъ и сѣроватой зеленью листьевъ.

Изъ деревьевъ съ твердой древесиной назову тековое, камъ—дерево, пахучее дерево, нѣсколько деревьевъ съ различно-окрашенной древесиной, красной, зеленой, черной, желтой (растущей у самаго берега); затѣмъ еще желѣзное дерево, жизненное дерево (Lignum vitae), копаловое съ блестящими, словно полированными листьями, древовидное манго, дикій померанецъ съ мелкою листвой, смоковница съ серебристымъ стволомъ, масляное дерево, различныя породы акацій, статное *мпафу* и тысячи другихъ дикорастущихъ плодовыхъ деревьевъ, совершенно мнѣ неизвѣстныхъ. Стало быть, чтобы представить себѣ картину этого поистинѣ тропическаго лѣса, нужно вообразить тѣсное смѣшеніе всѣхъ упомянутыхъ формъ, связать и перепутать ихъ между собою милліонами вьющихся, ползучихъ и стелящихся растеній, такъ чтобы неба и солнца совершенно не было видно, а только изрѣдка тамъ и сямъ мелькали-бы кое-какія свѣтовыя искры, въ до-

казательство того, что солнце все таки существуетъ и горитъ тамъ, въ небесахъ, обдавая внѣшній міръ своими благодатными лучами.

Принимая во вниманіе какъ долго мы шли лѣсами и какія громадныя пространства исходили, для меня представляется настоящимъ чудомъ то обстоятельство, что за все это время ни одинъ изъ членовъ экспедиціи не былъ задавленъ или хотя-бы ушибленъ падающимъ деревомъ или сорвавшеюся вѣткой. Замѣчательно, что нѣсколько разъ такія паденія случались передъ самымъ носомъ авангарда, или тотчасъ вслѣдъ за прошедшимъ арріергардомъ; не разъ случалось, что древесные гиганты съ розмаху валились рядомъ съ нами, или около самого лагеря, какъ днемъ, такъ и ночью. Одинъ разъ мы только что причалили къ берегу на вельботѣ и едва успѣли выйти на берегъ, какъ огромное старое дерево рухнуло въ рѣку у самой кормы, и произвело такое волненіе, что вельботъ высоко подняло волной какъ щепку, и обдало брызгами всю команду, работавшую по близости.

Многіе спрашивали меня о дичи здѣшнихъ лѣсовъ. Мы знаемъ что здѣсь водятся слоны, буйволы, кабаны, лѣсныя антилопы, кролики, газели, чимпандзе, бабуины, различныя обезьяны, бѣлки, дикія кошки, зебры, еноты, цибеты, фараоновы мыши, крупные грызуны и мало-ли еще другихъ, намъ неизвѣстныхъ. Въ древесныхъ вѣтвяхъ многочисленныя стаи птицъ и летучихъ мышей, въ воздухѣ онѣ то и дѣло снуютъ, парятъ или мелькаютъ; въ рѣчныхъ водахъ множество рыбы и раковинъ, устрицъ и ракушекъ; крокодиловъ мало, бегемотовъ тоже немного. Но человѣческія племена, обитающія въ здѣшнихъ мѣстахъ, безспорно должно признать наихудшими образцами человѣчества на всемъ земномъ шарѣ, хотя на мой взглядъ они совершенно также способны къ исправленію какъ, напримѣръ дикіе обитатели Новой Каледоніи и современемъ могутъ превратиться въ народъ соблюдающій порядокъ и признающій законы. Жизнь въ лѣсу однакоже не способствуетъ къ развитію мирныхъ инстинктовъ. Члены различныхъ племенъ сообщаются между собою только по нечаянности и случайно встрѣтившись на какой нибудь тропинкѣ или полянѣ такъ изумлены этою неожиданной встрѣчей, что сначала останавливаются какъ вкопанные, а потомъ, по инстинкту самосохраненія, хватаются за оружіе. У одного за плечами колчанъ со стрѣлами, пропитанными ядомъ не менѣе смертельнымъ чѣмъ синильная кислота; у другого ружье, изъ котораго онъ пускаетъ пулю, мгновенно дробящую черепъ. Положимъ, что одинъ изъ противниковъ будетъ настолько любезенъ, что дозволитъ себя убить; люди его партіи обзовутъ его дуракомъ и ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ: они сочтутъ своею обязанностью отомстить за его смерть и непремѣнно будутъ розыскивать

убійцу. Къ счастію эти дикарскія племена ухитряются немедленно получать свѣдѣнія о появленіи новыхъ людей и по большей части успѣваютъ скрыться прежде чѣмъ чужестранцы достигаютъ до ихъ поселеній. Но далеко-ли они ушли или засѣли совсѣмъ подъ-бокомъ— неизвѣстно. А такъ какъ они имѣютъ обыкновеніе съѣдать тѣхъ кого убиваютъ, то небольшія партіи охотниковъ, отправляющихся за дичью, всегда сильно рискуютъ сами стать предметомъ охоты. И это одна изъ причинъ, почему мы за дичью не охотились.

Во вторыхъ, далеко не каждый человѣкъ одаренъ способностью не заблудиться въ лѣсу. На каждомъ дневномъ переходѣ мнѣ приходилось разъ по двѣнадцати наводить авангардъ на истинный путь. Даже такой замѣтной путеводной нити каково теченіе большой рѣки бывало недостаточно для ихъ вразумленія. Если-бы любого члена экспедиціи взять за руку и немного повертѣть, онъ былъ бы такъ ошеломленъ, что навѣрное не могъ бы указать съ которой стороны пришелъ.

Въ третьихъ, и небольшая партія охотниковъ на ходу производитъ значительный шумъ, ломая вѣтки, ступая по сухимъ листьямъ, продираясь черезъ кусты, или срѣзывая ліаны по дорогѣ. Дикіе звѣри слышатъ человѣка гораздо прежде чѣмъ онъ догадается о близкомъ ихъ присутствіи и спѣшатъ укрыться въ болѣе надежныя трущобы. Намъ случалось совершенно неожиданно встрѣчать слоновъ, но мы не успѣвали приблизиться къ нимъ и на пять саженъ, какъ уже они исчезали въ густѣйшемъ кустарникѣ, недоступномъ для насъ. Что касается буйволовъ и другой крупной дичи, то слѣды ихъ мы видѣли очень часто, но только не преслѣдовали ихъ, по тремъ изложеннымъ выше причинамъ.

Въ четвертыхъ, — мы постоянно имѣли въ виду очень важную цѣль, а именно добываніе пищи и отыскиваніе такихъ пунктовъ, гдѣ возможно было достать ее, и притомъ не для одного какого нибудь малочисленнаго отряда, а для всей экспедиціи поголовно.

Что-же касается до птицъ, то мы довольно наслушались ихъ писка и щебетанья надъ нашими головами, но мы находились какъ бы въ первомъ этажѣ, между тѣмъ какъ онѣ хозяйничали подъ крышей пятнадцатиэтажнаго дома: мы почти совсѣмъ не видали ихъ, а свистъ ихъ, пѣнье, воркованье, крики и уканье слышны были рѣшительно повсюду. Были тутъ попугаи, ибисы, турако, нильскія цапли, зяблики, стрижи, балабаны, потатуйки, цесарки, дрозды, совы, ткачики, рыболовы, нырки, коршуны, трясогузки, шуры, кулики, какаду, клювороги, сойки, бородастики, дятлы, голуби, множество другихъ, болѣе мелкихъ и совершенно мнѣ неизвѣстныхъ пташекъ, и милліоны крупныхъ и малыхъ летучихъ мышей.

Семья обезьянъ, представлена во многихъ видахъ; я видалъ ихъ по крайней мѣрѣ двѣнадцать породъ: колобы, бабуины со шкуркою темнаго и свѣтлосѣраго цвѣта, маленькія черныя обезьянки, галаго, летучія бѣлки (летяги) и много другихъ, но онѣ не подпускали къ себѣ ближе какъ на пятьдесятъ саженъ. Издали заслышавъ шумъ приближающагося каравана, онѣ ужъ начинали прятаться.

Мы встрѣчали также изрядное количество гадовъ и пресмыкающихся. Въ рѣкѣ Итури такъ и кишатъ водяныя змѣи различной длины; онѣ очень близко и часто падали у самого вельбота. Много тонкихъ, зеленыхъ змѣекъ, похожихъ на зеленые хлыстики; другія, крупныя, свинцоваго цвѣта, а также черныя, зеленыя и золотистыя до шести футовъ длиною. Видали мы питоновъ, очковыхъ и рогатыхъ змѣй, змѣеобразныхъ ящерицъ, а маленькихъ кустарныхъ змѣекъ, длиною въ два фута, то и дѣло били при разстановкѣ палатокъ для лагеря.

О насѣкомыхъ можно написать цѣлую книгу. Въ жизни я не видывалъ такого количества и разнообразія насѣкомыхъ какъ во время странствій по этимъ лѣсамъ. Съ моей стороны было бы пожалуй странно разсуждать объ этихъ мелкихъ тваряхъ, послѣ всѣхъ ругательствъ какими я, да впрочемъ и остальные члены экспедиціи неустанно ихъ осыпали. Немного запомню такихъ часовъ, въ теченіе дня, когда я не разражался бы противъ нихъ самыми крѣпкими словами. Но возможно-ли забыть этихъ пчелъ, большихъ и малыхъ, рой осъ, полчища ночныхъ бабочекъ, а днемъ мухъ, це-це, таоновъ, мошекъ и мотыльковъ, этихъ колоссальныхъ жуковъ, которыхъ горящая свѣча привлекала ночью въ мою палатку и они влетая изъ темноты съ розмаху стукались о холщевыя стѣнки, потомъ кидались изъ стороны въ сторону, какъ изступленные, все время жужжа словно на бубнѣ и наконецъ съ бѣшеннымъ ревомъ ударялись объ мою книгу, или объ мое лицо, какъ бы желая отомстить мнѣ за что то. А муравьи, толпами залѣзавшіе въ мою тарелку, плававшіе въ моемъ жидкомъ супѣ, ползавшіе по банану который я собрался ѣсть, а сверчки, скакавшіе какъ чертенята и неожиданно утверждавшіеся у меня на лбу или на головѣ, а голосистыя цикады, рѣзкій крикъ которыхъ сводилъ насъ съума не хуже вдохновенныхъ маньюмскихъ сивиллъ, съ ихъ утреннимъ пѣніемъ. Эминъ-паша увѣряетъ, что всѣ эти адскія племена чрезвычайно интересны и онъ ихъ очень любитъ; что до меня, то откровенно сознаюсь, что старался наносить имъ столько непріятностей, сколько было въ моихъ силахъ.

Всего несноснѣе мелкія пчелы, величиною не больше обыкновенной мошки: намъ довелось познакомиться съ четырьмя видами ихъ. Онѣ

принадлежатъ къ группѣ медоносныхъ (Mellipona). Ни читать, ни писать, ни ѣсть невозможно иначе, какъ если возлѣ васъ стоитъ преданный человѣкъ, который ихъ все время отмахиваетъ. Онѣ норовятъ ужалить преимущественно въ глазъ, но впрочемъ лѣзутъ и въ уши, и въ ноздри. У нашего осла вся шерсть на ногахъ вылѣзла отъ укуса этихъ проклятыхъ насѣкомыхъ. Когда раздавишь такую пчелу, она оставляетъ на рукѣ запахъ горькаго миндаля.

Величина жуковъ очень различна: бываютъ громадные, въ $2\frac{1}{2}$ дюйма длиною, а есть и такіе, что легко пролѣзаютъ въ игольное ушко. Но если такого миніатюрнаго жучка разсмотрѣть въ увеличительное стекло, то окажется, что онъ вооруженъ весьма дѣйствительными средствами къ удрученію человѣчества: онъ пробуравливаетъ кожу но такъ малъ, что его не видать, и только когда проведешь рукою по укушенному мѣсту становится чувствительно, какъ будто отъ булавочнаго укола. Въ туземныхъ хижинахъ водятся три различныхъ вида; одинъ кусаетъ ваше тѣло, другой буравитъ деревянныя перекладины потолка и сыплетъ вамъ въ супъ мельчайшія деревянныя опилки, третій бѣгаетъ и роется въ сухихъ листьяхъ крыши и такъ шуршитъ ими, что возбуждаетъ опасеніе не змѣи-ли возятся надъ вашей головой. И наконецъ, четвертый, представляющій собою льва рыкающаго между жуками, показывается только по ночамъ и рѣшительно не позволяетъ зажечь свѣчу, спокойно посидѣть съ трубкою въ зубахъ, и чѣмъ нибудь заняться.

Въ числѣ второстепенныхъ непріятностей въ этомъ родѣ упомяну о фараоновой вшѣ, или такъ называемой «джиггеръ», которая кладетъ яйца подъ ногтемъ большаго пальца на ногахъ самыхъ подвижныхъ и дѣятельныхъ людей, а ужъ о «гои-гояхъ» (лѣнтяяхъ) и говорить нечего, у нихъ она расползается по всему тѣлу, превращая его въ скопище гнойныхъ струпьевъ.

Затѣмъ припомнимъ маленькаго жучка, который забирается подъ кожу и колетъ точно иголкой; мелкую пчелку, норовящую залѣзть въ глазъ и иногда доводящую человѣка до изступленія; крупныхъ и мелкихъ икзодъ, коварно сосущихъ вашу кровь, которой и такъ не много осталось; осу, которая жалитъ такъ, что у дурака, безпечно ухватившагося за дерево или только подавшаго голосъ по близости отъ ея гнѣзда, дѣлается жесточайшая лихорадка; дикихъ пчелъ, которыя одинъ разъ разметали экипажъ двухъ челноковъ и такъ жестоко наказали людей, что понадобилось выслать на выручку цѣлый отрядъ; тигровую улитку, падающую на васъ съ вѣтвей и оставляющую въ порахъ вашего тѣла ядовитый слѣдъ своего присутствія, такъ что вы отъ боли корчитесь и кричите благимъ матомъ; красныхъ му-

равьевъ, которые по ночамъ нападаютъ на лагерь и не даютъ спать, а днемъ разъ по десяти подступаютъ къ каравану на ходу, такъ что люди, спасаясь отъ нихъ, бѣгутъ гораздо шибче чѣмъ отъ пигмеевъ; черныхъ муравьевъ, живущихъ на змѣиномъ деревѣ, съ него падающихъ на насъ, когда мы проходимъ мимо, и заставляющихъ насъ предвкушать муки ада; мелкихъ муравьевъ, залѣзающихъ во всѣ кушанья и постоянно внушавшихъ намъ опасенія, какъ бы нечаянно не проглотить ихъ съ полдюжины, отчего непремѣнно слизистыя оболочки желудка будутъ изъязвлены; какъ ни мелки эти насѣкомыя, но они-то и досаждаютъ пуще другихъ, потому что когда мы прорубали себѣ туннели чрезъ чащи кустарника, они тысячами облѣпляли насъ и такъ кусались, что несчастные передовые были покрыты пузырями, какъ будто ихъ сѣкли крапивой. Кромѣ всего перечисленнаго, на большихъ просѣкахъ неизмѣнно встрѣчали насъ обычные рои москитовъ,—но это ужъ само собою разумѣется.

И такъ, во весь день на походѣ насъ донимали муравьи и безчисленныя полчища другихъ насѣкомыхъ что̀ было ничуть не лучше, чѣмъ если-бы насъ сѣкли крапивой, — но и по ночамъ у насъ были свои мучители, свои тревоги и безпокойства. Среди ночи, когда весь караванъ уже спалъ, раздавался цѣлый рядъ звуковъ, похожихъ на взрывы или выстрѣлы, отчего конечно мы всѣ до одного просыпались. Это значило, что въ лѣсу валятся деревья. Каждую ночь которое нибудь дерево было поражено молніей и всякій разъ я боялся, какъбы оно своимъ паденіемъ не раздавило половину лагеря. Во время бури сшибаніе вѣтвей производило шумъ, подобный бурному морскому прибою и перекату волнъ, бьющихся о каменистый берегъ. Когда упадалъ дождь, въ лагерѣ невозможно было разслышать голосовъ: только и слышенъ былъ мощный плескъ и звонъ низвергающейся воды. Почти каждую ночь также падали высохшія деревья, и при этомъ внезапно раздавался рѣзкій трескъ, шумъ и затѣмъ окончательный гулъ паденія, отъ котораго сотрясалась земля.

У иныхъ деревьевъ отваливались только сгнившія вѣтви, но и онѣ производили трескъ, похожій на стрѣльбу изъ мушкетовъ. Ночной вѣтеръ, крутившій вѣтви и вершины и заставлявшій скрипѣть раскачавшіеся стволы, крутилъ также и перепутывалъ длинныя петли ліанъ и шумѣлъ всполошившимися листьями. Поверхъ всѣхъ этихъ звуковъ немолчно кричали сверчки; еще звончѣе ихъ, но также однообразно трещали цикады и квакали безконечнымъ хоромъ лягушки; жалобный вой лемура съ его рѣзкимъ, непріятнымъ вскрикиваньемъ производилъ очень тяжелое и тоскливое впечатлѣніе въ темнотѣ непроглядной ночи. Тутъ-же какой нибудь чимпанзе въ одиночку забавлялся стучаньемъ

палкой по деревьямъ, въ родѣ того какъ у насъ мальчишки трещатъ по рѣшеткѣ сада. Около полуночи собирались вокругъ насъ стада слоновъ, которые вѣроятно только потому не рѣшались вступать въ лагерь и всѣхъ насъ передавить, что мы жгли по ночамъ десятки костровъ вокругъ своей ночевки.

Принимая во вниманіе какъ много обезьянъ *соко* или чимпанзе въ этомъ лѣсу, мнѣ кажется довольно удивительнымъ, что ни одинъ изъ членовъ экспедиціи ни разу не видалъ ихъ живыми. Моя собаченка Ренди почти каждый день, бывало, охотилась за ними между Ипото и Ибуири, и одинъ разъ онѣ ее таки порядочно помяли. Самъ я слыхалъ раза четыре ихъ крикъ и было у меня два черепа *соко*, изъ которыхъ одинъ я подарилъ Эмину-пашѣ; другой, необычайно крупный, я вынужденъ былъ оставить по дорогѣ.

Въ 1887 году дождь шелъ въ іюлѣ восемь дней, въ августѣ десять дней, въ сентябрѣ четырнадцать дней, въ октябрѣ пятнадцать, въ ноябрѣ семнадцать, въ декабрѣ семь дней, а всего семьдесятъ одинъ день. Съ 1-го іюня 1887 г. до 31-го мая 1888 г., было 138 дней дождливыхъ, иначе говоря дождь шелъ въ теченіи 569 часовъ. Мы только и могли временемъ измѣрять количество выпадающаго въ лѣсу дождя и едва-ли ошибемся, если скажемъ что считаемъ этотъ лѣсъ наиболѣе дождливымъ поясомъ на всемъ земномъ шарѣ.

Въ продолженіе девяти мѣсяцевъ въ году вѣтры дуютъ съ Южно-Атлантическаго океана вдоль теченія рѣки Конго и вверхъ по Арухуими. Они несутъ съ собою влажность моря и пары, исходящіе на протяженіи 1.400 миль отъ рѣки, ширина которой колеблется между полу-милей и шестнадцатью милями. Въ дальнѣйшемъ своемъ стремленіи на востокъ они встрѣчаются съ холоднымъ воздухомъ, преобладающимъ на высокомъ плоскогорьѣ, падаютъ внизъ и разражаются обильными дождями, которые орошаютъ лѣсъ почти черезъ день. По своему расположенію лѣсъ обращаетъ въ свою пользу также всѣ пары, исходящіе отъ озеръ Танганейки, Альбертъ-Эдуарда и Альбертъ-Ніанзы. Одинъ разъ, стоя на опушкѣ лѣса, я самъ видѣлъ какъ двѣ дождевыя тучи, одна отъ востока, другая съ запада сошлись, смѣшались и проливнымъ дождемъ пали на гору Пизга и ея окрестности. Кромѣ ливней, длившихся кряду часовъ десять или двѣнадцать во время нашего похода отъ Ямбуйи до форта Бодо, часто бывали на пути и мѣстные дожди, на короткое время. Когда это случалось, мы могли быть увѣрены что гдѣ нибудь по близости находится высокій холмъ, который задерживаетъ пары, стремящіеся къ востоку, и превращаетъ ихъ въ жидкость, падающую благодѣтельнымъ дождемъ на окружную мѣстность. Бывало такъ, что арріергардъ тащится и бѣдствуетъ подъ

сильнѣйшимъ дождемъ, а передовыя линіи каравана идутъ освѣщенныя яркимъ солнцемъ. Такъ было у Пороговъ Мабенгу и въ Энгуэддэ. Такъ какъ мы находились въ то время въ чащѣ лѣса, то ни съ которой стороны не могли усмотрѣть холмовъ, но такіе внезапные ливни всегда доказывали ихъ присутствіе неподалеко. Иногда, пройдя довольно далеко отъ такого мѣста и обернувшись назадъ, мы видѣли вдали, внизъ по теченію рѣки, холмистыя возвышенности футовъ на 500 выше уровня рѣки.

По этому Итури или Верхняя Арухуими всегда многоводна. Въ іюлѣ она была при насъ на шесть футовъ ниже высшаго уровня. Въ октябрѣ она однажды ночью поднялась на одинъ футъ выше; всего выше она бываетъ въ ноябрѣ, а всего ниже въ декабрѣ; но вообще это рѣка очень многоводная и приноситъ громадныя массы влаги въ русло Конго. Длина ея около 700 миль, а истоки находятся на южной сторонѣ той горной группы, которая извѣстна подъ названіемъ «Группы Путешественниковъ», и состоитъ изъ вершинъ Спека, Швейнфурта и Юнкера. Бассейнъ Итури заключаетъ пространство въ 67.000 квадратныхъ миль.

Въ сѣверной части бассейна, судя по слухамъ, живутъ племена Абабуэ, Мабодэ, Момву и Балессэ, а въ южной Бакуму и Бабуру. Это главныя, коренныя племена, подраздѣляющіяся на сотни другихъ, болѣе мелкихъ. Языкъ Бакуму, на которомъ говорятъ въ странѣ, простирающейся на востокъ отъ Стэнлеевыхъ Пороговъ, извѣстенъ до водопадовъ Панга, подвергаясь нѣкоторымъ легкимъ измѣненіямъ у племени Бабуру. На языкѣ Момву говорятъ между водопадами Панга и притокомъ Нгайю. Еще восточнѣе мы нашли, что вплоть до Индендуру употребляется языкъ Балессэ, а по ту сторону Индендуру племя Бабусессэ говоритъ на совершенно особомъ языкѣ. Но въ каждой изъ этихъ мѣстностей мы встрѣчали такія подраздѣленія племенъ, которыя не понимали нарѣчія туземцевъ, жившихъ отъ нихъ на разстояніи двухъ лагерныхъ стоянокъ.

Всѣ племена экваторіальной области, отъ Атлантическаго океана до 30° восточной долготы имѣютъ между собою нѣкоторое отдаленное сходство въ чертахъ лица и въ обычаяхъ; но я склоненъ считать 18° восточный долготы тою предѣльною линіей, которая раздѣляетъ двѣ различныя семьи одной общей коренной расы. Поперекъ двѣнадцати градусовъ долготы мы видимъ сотни мелкихъ народцевъ, чрезвычайно между собою сходныхъ. Все что Швейнфуртъ и Юнкеръ, Эминъ и Казати говорятъ о Монбутту, Нямъ-Нямѣ и Момву, съ нѣкоторыми легкими варіаціями примѣнимо и къ округамъ Бангала, Уйянзи, Батомба, Басоко, Бобуру, Бакуму и Балессэ. Случается что

данное племя, болѣе тѣсно сплоченное нежели другія, проявляетъ въ своей организаціи нѣсколько большее развитіе чѣмъ его сосѣди, пережившіе какое нибудь бѣдствіе или просто удручаемые могущественными сосѣдями; но по существу я не вижу между ними различія. У нихъ нѣтъ рогатаго скота, но есть овцы, козы, домашняя птица. Одно племя бываетъ болѣе другого пристрастно къ маніоку, но бананы разводятъ рѣшительно всѣ.

У всѣхъ одежда сплетена изъ мочалы, у всѣхъ очень сходные головные уборы, хотя одни лучше другихъ умѣютъ украшать ихъ. У нѣкоторыхъ практикуется обычай обрѣзанія и они ѣдятъ мясо своихъ враговъ. Оружіе почти у всѣхъ сходное, а именно: копья съ широкими и острыми наконечниками, двусторонніе, заостренные ножи, кривыя сабли и любопытные ножички съ двойнымъ, а иногда четвернымъ лезвіемъ, маленькіе луки съ короткими стрѣлами; ихъ скамьи, стулья и табуретки, ушныя серьги, браслеты, ожерелья, поручни; ихъ большіе военные барабаны и маленькіе бубны, ихъ воинскія трубы, орудія кузнечнаго и плотничнаго ремесла, — все очень сходно и часто одинаково.

Въ постройкѣ жилищъ замѣчается очень большое различіе, также въ татуированіи тѣла, въ расписываніи лица и въ украшеніяхъ верхней губы; но это дѣлается иногда съ цѣлію отмѣтить одно племя отъ другого, тогда какъ расовыхъ отличій между ними нѣтъ. Если бы можно было на пароходѣ прокатиться отъ Экваторвилля на Конго до Индесуры на Верхней Итури и съ палубы любоваться различными общинами, расположившимися по берегамъ рѣкъ, путешественники были бы поражены сходствомъ не только одежды и вооруженія, но и цвѣта кожи; но если бы между туземцами случайно оказались въ это время суданцы, занзибарцы или уаніамуэзи, одного взгляда было бы достаточно, чтобы рѣшить, что эти не здѣшніе.

Эта область, покрывающая двѣнадцать градусовъ долготы, состоитъ главнымъ образомъ изъ лѣса, но съ западной стороны въ нее входятъ изрѣдка и луговые участки, что тотчасъ вноситъ измѣненіе въ цвѣтъ кожи обитателей. Населеніе настоящаго первобытнаго лѣса гораздо свѣтлѣе жителей луговыхъ странъ. Лѣсные люди обыкновенно бываютъ мѣднаго цвѣта, иные даже совсѣмъ блѣдные, какъ арабы, а другіе темнокоричневые, но типъ у всѣхъ обще-негритянскій. Свѣтлый цвѣтъ слѣдуетъ приписать, по всей вѣроятности, долговременному пребыванію многихъ поколѣній въ тѣни лѣсовъ, хотя могло случиться и первоначальное смѣшеніе бѣлой расы съ черною. Однако, когда изъ области лѣсовъ переходишь въ луговую, тотчасъ становится замѣтно, что въ открытыхъ мѣстахъ населеніе гораздо темнѣе цвѣтомъ.

Между лѣсными дикарями мы замѣчали чрезвычайно привлекательныя лица, но бывали за то и такія, которыя имѣли необыкновенно низменный, отталкивающій характеръ. Но какова ни есть природа этихъ дикарей въ настоящее время, какъ ни свирѣпы ихъ нравы, какъ ни отвратительны обычаи и скотскія привычки, все же въ каждомъ изъ нихъ таятся зародыши тѣхъ чертъ, помощью которыхъ въ далекомъ будущемъ возможно распространеніе цивилизаціи и неразлучныхъ съ нею разнородныхъ жизненныхъ благъ. Меня чрезвычайно поразила наружность и отвѣты плѣнныхъ дикарей въ Энгуеддэ, которые знали языкъ Момву и потому я былъ въ состояніи объясняться съ ними. Я спросилъ, неужели у нихъ такое обыкновеніе, чтобы съ чужестранцами всегда драться? Они отвѣчали: «Что нужно отъ насъ чужестранцамъ? У насъ нѣтъ ничего. Мы только имѣемъ пальмы, бананы и рыбу».—Но если чужестранцы хотятъ купить у васъ банановъ, пальмоваго масла и рыбы, согласны вы продать?—«Мы никогда не видывали чужестранцевъ. Каждая деревня сама по себѣ, покуда не вздумаютъ изъ-за чего-нибудь воевать съ нами, тогда и приходятъ».—Такъ вы съ сосѣдями всегда враждуете?—«Нѣтъ; но иные изъ нашихъ молодыхъ людей уходятъ въ лѣсъ за дичью и тамъ на нихъ нападаютъ сосѣди; тогда и мы къ нимъ идемъ и воюемъ до тѣхъ поръ, пока не устанемъ, либо одинъ другого побѣдитъ».—А хотите подружиться со мной, если я отошлю васъ обратно въ вашу деревню?—Они смотрѣли на меня недовѣрчиво и даже, когда я далъ имъ въ руки мѣдныхъ монетокъ и велѣлъ проводить ихъ за предѣлы лагеря, они стали на мѣстѣ и не хотѣли идти дальше, опасаясь западни. По ихъ понятіямъ было совершенно невѣроятно, чтобы ихъ не убили. Одинъ пришелъ назадъ въ мою палатку; я привѣтствовалъ его, какъ стараго знакомаго и далъ ему нѣсколько банановъ. Онъ самъ подошелъ къ костру и началъ печь ихъ, все время, вѣроятно, соображая, что бы это значило? Поѣвъ, онъ закурилъ трубку и пошелъ домой, притворяясь спокойнымъ. Но я думаю, что побывавъ въ этой деревнѣ раза три на тѣхъ же мирныхъ началахъ, можно бы окончательно пріобрѣсть довѣріе мѣстнаго населенія.

Между рѣкою Итури и притокомъ Нгайю, отъ Ипото до горы Пизга, на протяженіи, равняющемся почти двумъ третямъ шотландской территоріи, живутъ Уамбутти, иначе называемые (въ разныхъ мѣстахъ) Батуа, Акка или Базунгу; они разбросаны по всему округу Балессэ. Эти Уамбутти народъ кочевой, малорослый, т. е. карлики или пигмеи; они проживаютъ въ дебряхъ нетронутаго дѣвственнаго лѣса и питаются дичью, добывать которую они великіе мастера. Ихъ ростъ колеблется между тремя и четырьмя футами съ шестью дюймами.

Вполнѣ развившійся, взрослый мужчина вѣситъ около девяноста фунтовъ. Они располагаютъ свои временные лагери въ разстояніи двухъ или трехъ миль вокругъ поселенія туземцевъ, занимающихся земледѣліемъ и представляющихъ обыкновенно образцы красиваго и рослаго народа. Вокругъ одной обширной лѣсной расчистки бываетъ до восьми, десяти или даже двѣнадцати отдѣльныхъ общинъ этого мелкаго народа, образующихъ въ итогѣ отъ 2.000 до 2.500 душъ. Помощью своего оружія, состоящаго изъ копій и маленькихъ луковъ со стрѣлами, густо вымазанными ядомъ, они убиваютъ слоновъ, буйволовъ и антилопъ. Вырываютъ ямы и очень искусно прикрываютъ ихъ гибкими палочками и зеленью, а сверху даже засыпаютъ слегка землей, чтобы лучше замаскировать передъ звѣремъ опасность, которой онъ подвергается. Они строятъ нѣчто въ родѣ навѣса или шалаша, крыша котораго виситъ и держится лишь на одной ліанѣ, и разсыпаютъ подъ нею орѣхи или сладкіе бананы для привлеченія чимпанзе, бабуиновъ и другихъ обезьянъ: при малѣйшемъ движеніи шалашъ падаетъ на землю и накрываетъ звѣря. По слѣдамъ хорьковъ, вонючекъ, ихневмоновъ и грызуновъ ставятъ западни съ лучками, которыя задушаютъ попадающаго въ нихъ звѣрка. Кромѣ мяса, шкурокъ для обтягиванія щитовъ, мѣховъ и клыковъ отъ убитой дичи, они промышляютъ еще разноцвѣтными перьями и для этого ловятъ птицъ; добываютъ медъ отъ дикихъ пчелъ, изготовляютъ ядовитыя вещества и все это продаютъ великорослымъ туземцамъ, получая отъ нихъ за то бананы, бататы, табакъ, копья, ножи и стрѣлы. Лѣсъ скоро опустѣлъ бы, если бы пигмеи ограничивались извѣстнымъ райономъ въ нѣсколько квадратныхъ миль вокругъ той или другой расчистки; но какъ только дичи въ данномъ мѣстѣ становится поменьше, они перекочевываютъ въ сосѣдство другого поселенія.

Пигмеи оказываютъ и другія услуги земледѣльческимъ и инымъ крупнымъ представителямъ мѣстнаго человѣчества: они превосходные лазутчики и вслѣдствіе подробнѣйшаго знакомства съ малѣйшими закоулками лѣса имѣютъ возможность раньше всѣхъ узнавать о приближеніи чужихъ людей и увѣдомлять о томъ своихъ осѣдлыхъ союзниковъ. Такимъ образомъ они играютъ роль сторожевыхъ пикетовъ, охраняющихъ спокойствіе селеній и безопасность плантацій. Всѣ лѣсныя дороги, куда-бы онѣ ни направлялись, проходятъ черезъ ихъ стоянки. На каждомъ перекресткѣ гнѣздится пигмейская деревня. Когда какое нибудь чужое племя объявляетъ войну ихъ рослымъ пріятелямъ, эти послѣдніе берутъ себѣ на подмогу пигмеевъ и такіе союзники бываютъ имъ въ высшей степени полезны. Если противники одинаково вооружены луками и стрѣлами, и съ обѣихъ сторонъ

дѣйствуютъ отравой и хитростью, то можно навѣрное сказать, что побѣдитъ та партія, которой помогаютъ пигмеи: ихъ незамѣтный ростъ, необычайная ловкость, знаніе лѣсныхъ условій и глубокое коварство дѣлаютъ изъ нихъ очень серьезныхъ противниковъ, и земледѣльческіе дикари очень хорошо понимаютъ это. По временамъ, правда, они очень-бы желали, чтобы эти крохотныя существа убрались куда нибудь подальше, потому что численность кочевыхъ карликовъ нерѣдко превышаетъ населеніе деревни, служащей имъ источникомъ пропитанія. А деревня, взамѣнъ иногда ничтожнаго количества мяса и мѣховъ, обязана допускать пигмеевъ въ свои нивы и банановыя рощи. Однимъ словомъ, ни одинъ народъ на свѣтѣ не обходится безъ человѣческихъ паразитовъ и лѣснымъ племенамъ центральной Африки иногда приходится очень плохо отъ этихъ свирѣпыхъ малютокъ, которыя примазываются къ ихъ хозяйственнымъ угодьямъ, льстятъ имъ пока ихъ хорошо кормятъ, но въ тоже время удручаютъ своихъ друзей своимъ вымогательствомъ, да и просто воровствомъ.

Жилища пигмеевъ состоятъ изъ низкаго шалаша овальной формы, въ родѣ половинки яйца, перерѣзаннаго вдоль; двери, вышиною отъ двухъ до трехъ футовъ, помѣщаются на обоихъ концахъ. Такія хижины разставляются вокругъ лужайки, среди которой помѣщается жилище старшины, а самая лужайка служитъ мѣстомъ сборища всей общины. Въ разстояніи примѣрно пятидесяти саженъ отъ лагеря, на каждой изъ тропинокъ, ведущихъ къ нему, ставится сторожка, т. е. шалашъ, въ которомъ едва могутъ помѣститься двое карликовъ; этотъ шалашъ отверстіемъ своимъ обращенъ къ тропинкѣ. Если-бы предположить что между Ипото и Ибуири ходятъ караваны туземцевъ, то при нашемъ знакомствѣ съ лѣснымъ населеніемъ не трудно предсказать, что по пути такіе караваны теряли-бы изрядную долю своего имущества, растасканнаго кочевыми пигмеями, которые встрѣчались-бы имъ и во фронтѣ и въ тылу каждаго поселенія; а такъ какъ между помянутыми двумя пунктами насчитывается до десяти селеній, то каждому каравану пришлось-бы въ двадцати мѣстахъ платить пошлину табакомъ, солью, желѣзомъ, ротанговымъ канатомъ, плетеными украшеніями, топорами, ножами, копьями, стрѣлами, рубанками, кольцами и т. д.—Изъ этого мы прямо заключаемъ, что благодаря такимъ тяжелымъ поборамъ и податямъ на заставахъ, жители Ипото и не подумаютъ предпринять такого отдаленнаго путешествія—за восемьдесятъ миль,—а потому и не слыхивали о существованіи Ибуири. Оттого-же, вѣроятно, происходитъ и такое множество различныхъ нарѣчій одного языка, въ силу чего наши плѣнники, напримѣръ, не подозрѣвали близости другихъ поселеній, расположенныхъ отъ нихъ не больше какъ въ двадцати миляхъ.

Какъ я уже говорилъ, племя пигмеевъ раздѣляется на два типа совершенно различныхъ между собою по цвѣту кожи, строенію головы, и чертамъ лица. Дѣйствительно-ли Уамбутти и Батуа два различныхъ народа, этого я не знаю, но между ними замѣчается не менѣе рѣзкое различіе чѣмъ напримѣръ между туркомъ и обитателемъ Скандинавіи.

У Батуа голова продолговатая, лицо узкое, длинное, глаза красноватые, маленькіе, поставленные очень близко другъ къ другу, что придаетъ имъ видъ угрюмый, безпокойный и пронырливый. У Уамбутти, напротивъ того, лица круглыя, глаза большіе, блестящіе и выпуклые какъ у газели, открытые лбы, придающіе ихъ физіономіямъ характеръ откровенный и прямодушный, а цвѣтъ кожи очень красивый желтоватый, какъ у старинной слоновой кости. Уамбутти занимаютъ южную половину описываемаго округа, а Батуа сѣверную, и къ юго-востоку доходятъ вплоть до лѣсовъ Авамбы, населяя оба берега рѣки Семлики, на востокъ отъ Итури.

Жизнь въ лѣсныхъ поселкахъ отчасти сходна съ бытомъ земледѣльческихъ общинъ. Женщины исполняютъ всю черную работу, т. е. добываютъ топливо и съѣстные припасы, стряпаютъ и перетаскиваютъ на себѣ движимое имущество семьи. Мужчины ходятъ на охоту, воюютъ, курятъ трубки и занимаются политикой. Въ лагеряхъ всегда есть дичь, всегда можно найти запасы мѣховъ, птичьихъ перьевъ и звѣриныхъ кожъ. Они сами приготовляютъ силки и западни для мелкой дичи и сѣти для рыбы. Ребятишки ихъ должно быть очень рано начинаютъ упражняться въ стрѣльбѣ изъ лука и очень много этимъ занимаются, судя по тому, что проходя черезъ пигмейскія деревни мы каждый разъ находили по нѣсколько маленькихъ луковъ и много мелкихъ стрѣлъ съ тупыми наконечниками. Топоры также у нихъ въ большомъ употребленіи: на деревьяхъ часто видишь слѣды зарубокъ, сдѣланныхъ очевидно ради пробы остроты лезвія. Въ каждомъ пигмейскомъ лагерѣ встрѣчаешь такія зарубки, иногда въ нѣсколько дюймовъ глубиной, а на разстояніи примѣрно 200 или 250 саженъ отъ лагеря на древесныхъ корняхъ, идущихъ поперекъ тропинки, начинаются клѣтчатыя нарѣзки ромбической формы; когда мы видѣли такія нарѣзки, мы навѣрное знали, что подходимъ къ стоянкѣ пигмеевъ Уамбутти.

Во время моего отсутствія, изъ форта Бодо пропали безъ вѣсти двое свѣтлокожихъ египтянъ, одинъ капралъ, а другой мальчикъ лѣтъ пятнадцати, родомъ изъ Каира. Куда они дѣвались никто не зналъ и предполагаютъ, что они были взяты въ плѣнъ, на подобіе юношей изъ Нассамоніи, какъ о томъ говоритъ преданіе. Часто я задумывался надъ тѣмъ, что съ ними сдѣлали и каковы были ихъ

ощущенія, когда ихъ привели въ лагерь Уамбутти. Оба они были усердные мусульмане. По всей вѣроятности они себя чувствовали въ родѣ Роберта Бекера, моряка который писалъ въ 1562 году:

Людоѣды-ли они—
Мы того не знаемъ;
Если такъ, пропали мы:
Попадемъ въ похлебку.
Они ходятъ нагишомъ,
Вовсе безъ одежи;
Намъ по ихнему ходить
Стыдно и негоже.
И кореньями они
Кормятся сырыми,
Видно нехристи они
Намъ нельзя быть съ ними.

Одинъ изъ смертельныхъ ядовъ, употребляемыхъ лѣсными племенами для смазки оружія, представляетъ изъ себя вещество темнаго цвѣта, вродѣ смолы или дегтя. Если вѣрить розсказнямъ туземныхъ женщинъ, онъ выдѣлывается изъ одного аройника, самаго обыкновеннаго мѣстнаго растенія съ крупными листьями, во множествѣ растущаго между Индесурой и фортомъ Бодо. Въ свѣжемъ состояніи запахъ этого вещества напоминаетъ употреблявшійся въ старину нарывной пластырь. Что оно смертельно—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: съ помощью его, ударомъ копья или даже стрѣлы убиваютъ слона и другихъ крупныхъ звѣрей, также вѣрно какъ разрывными пулями. А что они точно бьютъ слоновъ и прочую крупную дичь, доказывается тѣмъ громаднымъ количествомъ слоновой кости, которое набираютъ Угарруэ, Килонга-Лонга и Типпу-Тибъ, кромѣ того каждый взрослый воинъ непремѣнно носитъ поясъ и перевязь изъ буйволовой шкуры, для прикрѣпленія кинжала и кривого ножа, а каждая мать, таскающая на себѣ дитя, и каждая женщина, несущая корзину, поддерживаютъ свою ношу широкими ремнями изъ того-же матеріала.

Въ селеніяхъ не дозволяется приготовлять яда. Вѣроятно во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ отраву выдѣлываютъ всегда *въ глухой* чащѣ; тамъ же ее густо намазываютъ на желѣзные наконечники, а у твердыхъ деревянныхъ стрѣлъ пропитываютъ ею всѣ малѣйшія щелки.

Другой ядъ бываетъ блѣдножелтаго цвѣта, и похожъ на клей. Въ Ависиббѣ мы нашли подъ крышами нѣсколько корзинъ сушеныхъ красныхъ муравьевъ. Судя по сходству ихъ цвѣта со смертельнымъ ядомъ, употребляемымъ жителями Ависиббы, я заключилъ, что они вѣ-

роятно толкутъ этихъ муравьевъ въ порошекъ и разводятъ его пальмовымъ масломъ. Если укушеніе одного изъ этихъ насѣкомыхъ производитъ на кожѣ волдырь величиною въ мѣдную копѣйку, можно себѣ представить какъ дѣйствуетъ экстрактъ изъ множества экземпляровъ, введенный въ живую рану? Если ихъ блѣдная отрава дѣйствительно изготовляется изъ такого матеріала, то надо сознаться что въ лѣсу у нихъ неистощимые запасы этого добра, и даже еще по хуже: стóитъ припомнить чернаго муравья, живущаго на змѣиномъ деревѣ,—его укусъ можно сравнить только съ прижиганіемъ каленымъ желѣзомъ. Но изъ чего бы ни составлялись эти яды, я считаю что отличнымъ провитоядіемъ служатъ подкожныя вспрыскиванія углекислаго аммонія; а можетъ быть и болѣе сильныя дозы морфія, чѣмъ я рѣшался употреблять, также могутъ остановить тѣ жестокія и роковыя судороги, которыя слѣдуютъ за каждымъ малѣйшимъ уколомъ и предшествуютъ смерти.

Когда эти яды свѣжи, они дѣйствуютъ чрезвычайно быстро: сначала общая слабость, сердцебіеніе, рвота, блѣдность, потомъ по всему тѣлу выступаютъ крупныя капли пота и человѣкъ умираетъ. Одинъ изъ людей, раненый въ правую руку и грудь какъ бы тонкой иголкой, умеръ въ теченіи минуты. Старшина умеръ черезъ часъ съ четвертью послѣ выстрѣла. Одна женщина скончалась пока ее несли въ лагерь, на разстояніи сотни шаговъ; другая женщина умерла черезъ двадцать минутъ; еще одинъ мужчина умеръ черезъ три часа, а двое другихъ только на пятыя сутки (черезъ сто часовъ) послѣ полученія раны. Такое различіе въ дѣйствіи показываетъ, что въ однихъ случаяхъ отрава была совсѣмъ свѣжая, а въ другихъ болѣе или менѣе подсохшая. Въ большинствѣ случаевъ мы успѣвали эти раны высосать, обмыть и проспринцовать, но очевидно не до чиста: часть яда оставалась въ ранкѣ и причиняла смерть.

Чтобы ядъ былъ недѣйствителенъ, необходимо давать раненому сильный пріемъ рвотнаго, а рану отсосать, промыть какъ можно лучше и ввести въ нее сильный растворъ углекислаго аммонія,—конечно въ тѣхъ случаяхъ, когда неизвѣстны мѣстныя противоядія.

Такъ какъ въ лѣсной области вовсе не водится травы, дикари были бы поставлены въ большое затрудненіе, чѣмъ крыть свои жилища, — еслибъ не драгоцѣнная листва фриніи, которая растетъ повсюду, но всего обильнѣе въ первобытныхъ лѣсахъ. Эти листья, отъ одного фута до двадцати дюймовъ въ поперечникѣ, прикрѣплены къ тонкимъ и прямымъ стеблямъ, вышиною отъ трехъ до семи футовъ. И стебли, и листва входятъ въ составъ постройки лѣсныхъ хижинъ и лагерей. Плоды этого растенія видомъ похожи на красныя вишни,

но наружную оболочку не ѣдятъ, а только косточки глотаютъ, «чтобы обмануть желудокъ».

Дикихъ плодовъ и ягодъ въ лѣсу много разныхъ, и такъ какъ мы ими поддерживали свое существованіе въ теченіи долгихъ голодныхъ дней, нелишнее будетъ описать тѣ изъ нихъ, которые были намъ полезны. Наибольшею благодарностью обязаны мы одному стройному и высокому дереву съ мелкою листвой, ростущему во множествѣ по южнымъ берегамъ Итури между 28° и 29° восточной долготы. Плоды этого дерева—крупные стручки въ десять дюймовъ длиною, заключающіе по четыре сердцевидныхъ сѣмечка или боба, называемаго «мекуимэ», длиной въ одинъ дюймъ съ четвертью, шириной въ одинъ дюймъ и толщиной въ полдюйма. У этихъ бобовъ жесткая шелуха голубовато-лиловаго цвѣта, съ красноватой подкладкой. Эту шелуху сдираютъ, а бобы толкутъ, или трутъ на тёркѣ, или варятъ цѣликомъ. Лучше всего ихъ толочь, потому что весь бобъ довольно грубый и кожистый и въ толченомъ видѣ легче его разварить до мягкости. Этому научили насъ пигмеи, которые частенько, должно быть прибѣгаютъ къ этимъ бобамъ, чтобы спастись отъ голодной смерти во время своихъ странствій по лѣсу.

По близости этихъ деревьевъ ростетъ обыкновенно другое дерево, плоды котораго, называемые занзибарцами «фенесси», величиною съ порядочный арбузъ и замѣняютъ здѣсь хлѣбное дерево. Въ зрѣломъ состояніи они превосходны и совершенно безвредны.

Нѣсколько выше, идя вверхъ по теченію Итури отъ 1°6′ до 1°47′ широты, мы встрѣчали «спондіи» или кабаньи сливы, душистые, желтые плоды съ крупной косточкой. Одна смолистая ліана, изъ которой добываютъ каучукъ, приноситъ плоды, съ виду похожіе на превосходныя груши, но хотя онѣ издаютъ прелестный ароматъ, въ пищу онѣ не годятся, и мы поѣвъ ихъ испытали жестокую тошноту и головную боль. Другой плодъ, величиною съ крупное яблоко, сладкій, приторный и безвредный, помогалъ намъ до нѣкоторой степени насыщаться и тѣмъ продлить свою жизнь. Попадались тоже орѣхи, въ родѣ дикихъ каштановъ; пигмеи до нихъ великіе охотники, но намъ они не пришлись по вкусу. Помимо вишнеобразныхъ плодовъ фриніи, косточки которой цѣнились очень высоко, мы тщательно розыскивали красные плоды амомы, подъ кожицей которой скрываются кисловато-сладкая мякоть и тѣ самыя «райскія сѣмечки», которыя впервые ввезены въ Англію въ 1815 году. Ягоды ротанга или каламуса мы тоже поѣдали, но ихъ трудно было доставать. Пробовали ѣсть и дикія смоквы, но онѣ были очень невкусны. Впрочемъ, мы готовы были проглатывать что угодно, лишь-бы утишить голодъ и

обмануть желудокъ. Ѣли даже косточки «колы», но это ужъ скорѣе для выплевыванія, чѣмъ ради наполненія желудка.

Изъ другихъ предметовъ, которыми мы вынуждены были иногда питаться, упомяну о бѣлыхъ муравьяхъ, улиткахъ (только не о тигровыхъ!), о ракушкахъ, крабахъ, черепахахъ, жареныхъ землеройкахъ; а въ рѣкахъ мы ловили рыбу.

Изъ домашнихъ животныхъ пигмеи держутъ почти исключительно козъ, очень хорошей породы, и собакъ самого обыкновеннаго забитаго типа, но разныхъ цвѣтовъ. Мы видѣли только одну домашнюю кошку, да и ту держали въ отдѣльной клѣткѣ, хотя она была совсѣмъ ручная; шкурка у ней была полосатая, какъ у тигра.

Довольно любопытенъ тотъ фактъ, что почти всѣ носильщики мади страдали такъ называемыми «гвинейскими червями», а ни одинъ изъ занзибарцевъ этимъ не заболѣвалъ. Мади только тѣмъ и лечились, что натирали больное мѣсто какимъ нибудь масломъ или жиромъ, отчего черви сами выходили изъ ноги. Впрочемъ и между занзибарцами одно время было до пятнадцати случаевъ заушницы (свинки), но они вмѣсто всякаго лѣкарства лечили опухоль мукой съ водою. Множество туземцевъ и мади, которымъ никогда не прививали оспу, перемерли отъ натуральной оспы, а изъ занзибарцевъ только четверо подверглись заболѣванію: изъ нихъ умеръ одинъ, а двое даже настолько хорошо себя чувствовали, что во все время продолжали исполнять свои обычныя обязанности.

Касательно продуктовъ лѣса я такъ много уже говорилъ въ своей книгѣ о «Конго и его независимой области», что нахожу излишнимъ прибавлять что либо. Скажу только, что когда будетъ построена желѣзная дорога черезъ Конго, то лѣсные продукты окажутся далеко не послѣдними въ ряду драгоцѣнныхъ предметовъ вывоза изъ независимаго государства Конго. Туземцевъ, начиная отъ Ямбуйи, легко будетъ склонить къ добыванію каучука; а когда хоть одинъ толковый европеецъ растолкуетъ имъ какія сокровища таятся въ неисчислимыхъ ліанахъ, ползучихъ и лазящихъ растеніяхъ ихъ первобытнаго лѣса, тогда найдутся и другіе охотники до разработки этого матеріала, иные промышленники явятся сюда тревожить тишину безмолвной рѣки, и призовутъ остальныя племена слѣдовать примѣру племени Бабуру.

Глава XXIV.

ВЗЯТІЕ ВЪ ПЛѢНЪ ЭМИНА-ПАШИ И МИСТЕРА ДЖЕФСОНА.

Какъ насъ приняли въ фортѣ Бодо.—Донесенія лейтенанта Стэрса о томъ, что дѣлалось въ фортѣ пока мы ходили выручать арріергардъ. — О Джефсонѣ нѣтъ извѣстій. — Перекличка и перечень нашихъ силъ. — Сожигаемъ фортъ и отправляемся искать Эмина и Джефсона.—Лагерь въ Кандекарэ.— Прощальныя наставленія лейтенанту Стэрсу и доктору Пэрку, оставленнымъ при больныхъ.—Мазамбони приноситъ вѣсти объ Эминѣ и Джефсонѣ.— Старый Гавира сопровождаетъ насъ.— Двое уахумъ приносятъ письма отъ Эмина и Джефсона.— Содержаніе писемъ. — Мои отвѣты на нихъ, врученные старшинѣ Мого для передачи по принадлежности. — Баллеги нападаютъ на насъ, но мы, съ помощью Бавиры, отражаемъ ихъ.—Джефсонъ является.—Бесѣда объ Эминѣ. — Рапортъ Джефсона о возмущеніи войска въ Экваторіи и его взгляды на нашествіе махдистовъ и на могущія отъ того быть послѣдствія. — Эминъ-паша присылаетъ черезъ Джефсона отвѣтъ на мое послѣднее письмо.

Тѣмъ, кто прочелъ печальную исторію нашего арріергарда, вѣроятно интересно будетъ узнать, какъ мы послѣ шестимѣсячнаго отсутствія вступили въ фортъ Бодо, въ которомъ оставили всего пятьдесятъ девять ружей гарнизона. Я шелъ къ форту по западной аллеѣ, съ сердцемъ преисполненнымъ благодарности и веселія, а люди вокругъ меня прыгали отъ радости какъ собаченки, покуда докторъ сообщалъ самыя отрадныя свѣдѣнія: по обѣимъ сторонамъ дороги разстилались поля великолѣпной кукурузы и всѣ посѣвы обѣщали обильную жатву; повсюду порядокъ, довольство, квадратные дворики обнесены прочнымъ частоколомъ, чистенькіе дома, опрятныя улицы, и каждый изъ встрѣченныхъ мною людей — какъ чернокожихъ, такъ и бѣлыхъ — въ добромъ здоровьѣ и отличномъ видѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ, неизлечимыхъ. Нельсонъ совершенно поправился, всѣ слѣды голоднаго лагеря окончательно исчезли и къ нему вполнѣ воз-

вратились и его мужественный видъ и воинственная осанка. А Стэрсъ, военный человѣкъ по преимуществу, былъ все тотъ-же: исполнительный офицеръ, всегда готовый выполнить приказаніе.

Въ амбарѣ у Стэрса было наготовлено 24.000 початковъ кукурузы, на плантаціяхъ было еще довольно банановъ, сладкихъ бататовъ, бобовъ, и порядочное количество табаку; въ ближнемъ ручьѣ водилось много рыбы (въ родѣ сомовъ), а между офицерами и подчиненными установились наилучшія отношенія. Не обходилось, впрочемъ, и безъ хлопотъ: стада слоновъ подступали къ форту, по ночамъ туземцы воровали изъ склада табакъ; пигмеи, ободренные кроткимъ и дружелюбнымъ обращеніемъ гарнизона, приходили толпами раззорять плантаціи; но быстрота и твердость распоряженій Стэрса одинаково заставили и пигмеевъ, и туземцевъ и занзибарцевъ уважать его и бояться; а съ товарищами онъ во всемъ совѣтовался и все у нихъ рѣшалось сообща. Слѣдующее превосходное донесеніе говоритъ само за себя:

Фортъ Бодо, близь Ибуири въ Центральной Африкѣ.
21 декабря 1888 года.

Г. М. Стэнли, эсквайру, командующему экспедиціею вспомоществованія Эмину-пашѣ.

Сэръ, честь имѣю донести, что, согласно инструкціи вашей отъ 13 іюня 1888 года, я принялъ на себя начальство надъ фортомъ Бодо и его гарнизономъ.

Гарнизонъ находился тогда въ слѣдующемъ составѣ: офицеровъ—3 занзибарцевъ—51, суданцевъ 5, мади 5; всего—64 человѣка.

Вскорѣ по отбытіи вашемъ въ Ямбуйю туземцы изъ ближайшихъ поселеній стали выказывать чрезвычайную дерзость и наклонность къ грабежу: почти ежедневно они цѣлыми партіями приходили на наши плантаціи за бананами и наконецъ однажды ночью толпа ворвалась въ сады на восточной сторонѣ отъ форта и утащила большое количество бобовъ и табаку. Въ ночь на 21-е августа они опять пришли за табакомъ, но на этотъ разъ караульные выслѣдили ихъ и дали намъ знать. Мы проучили дикарей и они сдѣлались не такъ уже дерзки, но все-таки продолжали таскать у насъ бананы въ большомъ количествѣ. Наконецъ я счелъ нужнымъ высылать патрули по три раза въ недѣлю: этого было едва достаточно для удаленія дикарей и слоновъ. Если хоть нѣсколько дней мы не жгли костровъ вкругъ форта, слоны приходили въ банановыя рощи и въ одну ночь уничтожали по нѣсколько десятинъ плантацій.

Къ 1-му ноября намъ удалось усмирить туземцевъ и въ настоящее время, я думаю, едва-ли хоть одинъ поселокъ остался на раз-

стояніи ближе восьми миль отъ форта. Наиболѣе безпокойства доставляли намъ тѣ изъ дикарей, которые жили къ юго-юго-востоку отъ форта: этихъ всего труднѣе было отвадить отъ нашихъ плантацій.

Къ концу іюля мы ожидали съ озера Альбертъ-Ніанза мистера Моунтенея Джефсона, который долженъ былъ придти на подмогу гарнизону, чтобы перенесть наши вьюки къ озеру. Но дни проходили за днями, о Джефсонѣ не было ни слуху, ни духу, и нѣкоторые изъ людей съ каждымъ днемъ становились нетерпѣливѣе и безпокойнѣе. Хотя большинство желало оставаться въ фортѣ до прибытія подмоги, съ вашей-ли стороны или со стороны мистера Джефсона, но было человѣкъ восемь или десять недовольныхъ, которые только о томъ и думали, какъ-бы скорѣе добраться до озера и снова насладиться тамошними благами, а потому во всякое время готовы были побросать вьюки, бѣлыхъ начальниковъ, больныхъ товарищей, и бѣжать къ озеру.

Видя такое настроеніе, я старался какъ можно снисходительнѣе обходиться съ людьми и дѣлалъ все что могъ, для того чтобы имъ въ фортѣ жилось полегче.

Вскорѣ послѣ того какъ подошло время предполагаемаго прибытія Джефсона, пришли ко мнѣ нѣсколько человѣкъ съ просьбой устроить «шаури», т. е. сходку.

Я позволилъ. Тогда они собрались, поговорили и одинъ изъ нихъ, Али-Джума, отъ имени почти всѣхъ присутствовавшихъ занзибарцевъ, высказалъ слѣдующія предложенія:

1) Покинуть фортъ и тотчасъ идти къ озеру черезъ земли Мазамбони, совершая двойные переходы, съ тѣмъ чтобы всѣ вьюки доставить къ озеру и тамъ пользоваться лучшею пищей.

2) Или, — послать пятнадцать гонцовъ съ письмомъ къ началу равнины и тамъ узнать, все-ли Бандусумы къ намъ дружественно расположены; если нѣтъ, то пусть гонцы возвращаются въ фортъ; если-же да, то пусть они пойдутъ дальше, доставятъ письмо мистеру Джефсону, и тогда онъ придетъ на выручку.

На эти предложенія я отвѣчалъ такъ:

1) Мистеръ Стэнли велѣлъ мнѣ до тѣхъ поръ не выходить на равнину, покуда не придутъ къ намъ на подмогу.

2) Не говорилъ-ли мистеръ Стэнли Эмину-пашѣ, что опасно пускаться черезъ равнину, не имѣя по крайней мѣрѣ шестидесяти человѣкъ подъ ружьемъ, хотя-бы туземцы были и дружески настроены?

3) А у насъ годныхъ людей всего тридцать, остальные хворые; такимъ образомъ мы лишились-бы и вьюковъ, и людей.

Послѣ того какъ я имъ сказалъ, что мы не имѣемъ права уйти изъ форта, мы жили въ полномъ согласіи; продолжали воздѣлывать

землю, сажать и сѣять, какъ будто располагались надолго оставаться на мѣстѣ. 1-го сентября надъ фортомъ разразилась сильная буря съ градомъ, уничтожено около 60 процентовъ всего хлѣба на корню, а банановыя рощи она до такой степени изуродовала, что только мѣсяцъ спустя деревца начали поправляться и образовать новыя побѣги. Если-бы не эта буря, у насъ были-бы богатѣйшіе хлѣбные запасы, а теперь я вынужденъ былъ выдавать людямъ только по десяти початковъ кукурузы на недѣлю. Хворые, по рекомендаціи доктора Пэрка, получали каждый день по чашкѣ шелушенаго маисоваго зерна. Одно время у насъ до тридцати человѣкъ страдало нарывами, но благодаря стараніямъ доктора Пэрка къ вашему приходу всѣ выздоровѣли, за исключеніемъ четырехъ человѣкъ.

За время вашего отсутствія по 20-е декабря у насъ выбыло восемь человѣкъ, изъ нихъ двое убиты отравленными стрѣлами, двое взяты въ плѣнъ туземцами и уведены, остальные четверо умерли своею смертью.

Во всѣхъ случаяхъ, требовавшихъ зрѣлаго обдумыванія и обсужденія, я совѣщался съ остальными офицерами. Всѣ мы единодушно рѣшили ожидать вашего возвращенія, будучи увѣрены, что вы сдѣлаете все возможное для доставленія намъ скорѣйшей помощи.

20-го декабря я передалъ вамъ командованіе фортомъ, а 21-го сдалъ багажъ, порученный мнѣ на храненіе.

Честь имѣю быть, сэръ, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

У. Д. Стэрсъ».

Мы недоумѣвали, что сталось съ нашимъ энергическимъ Джефсономъ, этимъ дѣятельнымъ человѣкомъ, котораго люди прозвали «бубурика», т. е. «читой», за то, что онъ вѣчно и неудержимо рвался впередъ. Чтобы удержать его на мѣстѣ нужно было стеченіе довольно сильныхъ причинъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы паша сочелъ для себя излишнимъ предпринять визитъ въ фортъ Бодо.

Но тотъ фактъ, что оба они пропали безъ вѣсти ставилъ насъ въ очень затруднительное положеніе. У насъ было пятидесятью двумя вьюками больше наличнаго числа носильщиковъ, а между тѣмъ въ этихъ вьюкахъ все рѣшительно было для насъ существенно необходимо. Пораздумавъ немножко въ часы полуночной безсонницы, я рѣшилъ, что отъ форта Бодо до рѣки Итури, т. е. до начала равнины, мы будемъ дѣлать двойные переходы, перетаскаемъ туда всѣ тяжести и оставимъ ихъ и всѣхъ хворыхъ на попеченіе лейтенанта Стэрса въ Кандекорѣ, странѣ изобилія, а сами пойдемъ дальше къ Ніанзѣ, искать Эмина-пашу и Моунтенея Джефсона. Это вѣроятно еще на десять дней оттянетъ первоначально назначенные мною сроки; но

что-жъ будешь дѣлать, когда на каждомъ шагу что нибудь мнѣ мѣшаетъ или задерживаетъ? Я достигъ форта Бодо двумя днями раньше чѣмъ обѣщалъ; если на Ніанзу приду 26-го января, значитъ запоздаю на десять дней.

21-го декабря я все это объяснилъ людямъ и прибавилъ, что мнѣ нужно пятьдесятъ два человѣка для совершенія двойныхъ переходовъ, но что за каждый лишній переходъ я буду платить товарами. Охотники нашлись тотчасъ и такимъ образомъ сразу уладилось затрудненіе изъ-за пятидесяти двухъ лишнихъ вьюковъ.

На перекличкѣ 22-го декабря въ фортѣ оказалось на лицо: 209 занзибарцевъ, 17 суданцевъ, 1 сомали, 151 маньюмовъ съ ихъ свитой, 26 мади, 2 солдата изъ Ладо, 6 бѣлыхъ, а всего 412 человѣкъ. Слѣдовательно, переходъ изъ Баналіи до форта Бодо стоилъ жизни ста шести человѣкамъ, изъ которыхъ 38 принадлежали къ колоннѣ арріергарда.

23-го декабря выступили изъ форта Бодо, а на другой день капитанъ Нельсонъ зарылъ толстый боченокъ изъ-подъ водки, присланный Эминомъ-пашой, нѣсколько изломанныхъ ружей и проч., поджегъ фортъ Бодо со всѣхъ сторонъ и присоединился къ намъ.

Въ первый и второй день Рождества мы набирали провіанту для предстоящихъ двойныхъ переходовъ, а 27-го я послалъ Стэрса съ сотней людей занять позицію у переправы чрезъ Итури, съ тѣмъ, чтобы устроившись тамъ, онъ прислалъ мнѣ обратно пятьдесятъ пять человѣкъ къ лагерю у перекрестныхъ дорогъ. Тѣмъ временемъ мы съ докторомъ занялись починкой и шитьемъ себѣ платья, такъ какъ ужасно обносились и хотѣли привесть себя въ болѣе приличный видъ для странствія по луговой открытой странѣ.

2-го января, пока мы ждали подкрѣпленія отъ Стэрса, одинъ изъ суданцевъ, собиравшій топливо въ семидесяти саженяхъ отъ лагеря, получилъ заразъ пять выстрѣловъ изъ лука въ спину: докторъ Пэркъ насилу вытащилъ ихъ, до того глубоко онѣ засѣли. Двѣ изъ этихъ стрѣлъ такъ воткнулись въ кости и мускулы, что несчастный лежалъ на нихъ почти приподнятый отъ земли. Два мѣсяца спустя на томъ же мѣстѣ была найдена еще шестая стрѣла. Суданецъ послѣ этого выздоровѣлъ, но годъ спустя умеръ, немного не дойдя до Багамойо.

3-го января ожидамые пятьдесятъ пять человѣкъ пришли и принесли отъ Стэрса письмо съ увѣдомленіемъ, что на Итури все благополучно и онъ надѣется на благопріятный исходъ своихъ переговоровъ съ жителями Кандекорэ. 4-го числа въ полдень мы покинули лагерь на перекресткѣ, а 5-го черезъ шесть часовъ пути пришли къ западному Индендуру. 6-го января достигли Средняго Индендуру, а

7-го были у подножія горы Пизга, въ деревнѣ Баквуру, въ виду луговой равнины, на которую люди ямбуйскаго гарнизона и маньюмы не могли насмотрѣться. 9-го января переправились черезъ Итури и стали лагеремъ въ восточной части селенія Кандекорэ.

На другой день всѣмъ задалъ работу по устройству лагеря и прежде всего велѣлъ вырубить ближайшій кустарникъ, потому что туземцы обыкновенно допускаютъ его доростать вплоть до своихъ хижинъ, чтобы въ случаѣ опасности ретироваться незамѣтно для непріятеля.

Вечеромъ послѣ обѣда я позвалъ къ себѣ въ палатку лейтенанта Стэрса и доктора Пэрка и словесно изложилъ имъ все что они обязаны дѣлать во время моего отсутствія.

— Господа,—сказалъ я,— я пригласилъ васъ, чтобы на прощанье дать вамъ нѣкоторыя указанія.

Вамъ извѣстно не хуже моего, что надъ нами тяготѣетъ какая-то таинственная нечистая сила, постоянно создающая намъ затрудненія и по временамъ доводящая почти до отчаянія. Какія ни составляй ясныя и разумныя программы, что нибудь да помѣшаетъ ихъ исполненію. То не держутъ обѣщаній, то не хотятъ выполнять инструкцій, то не слушаютъ совѣтовъ, такъ что мы только и дѣлаемъ, что исправляемъ ошибки и стремимся устранить бѣды, причиняемыя этимъ всеобщимъ своеволіемъ, которое насъ преслѣдуетъ. Только что выпутаемся изъ одного препятствія, какъ передъ нами стоитъ уже другое: мы безпрестанно совершаемъ чрезмѣрныя усилія и находимся въ такомъ безпрерывномъ напряженіи, на которое не достаетъ ни физическихъ, ни душевныхъ силъ и потому у насъ умираетъ столько народу. Вы конечно понимаете почему это такъ выходитъ: положеніе дѣла до тѣхъ поръ не измѣнится, пока я не соберу воедино всего что осталось отъ экспедиціи, съ тѣмъ, чтобы ужъ до конца идти вмѣстѣ и ни за что не разставаться. Каждый разъ какъ я думалъ что достигаю этого, что нибудь да случалось, чтобы помѣшать нашему возсоединенію: то часть людей не въ силахъ идти, то мнѣ самому необходимо бѣжать въ другое мѣсто,—такъ и остаемся мы всѣ въ разбродѣ. Я ходилъ за колонной арріергарда, соединилъ ее съ авангардомъ, всѣ мы собрались въ фортѣ Бодо, и вдругъ узнаю, что ни о Джефсонѣ, ни объ Эминѣ-пашѣ совсѣмъ ничего не слышно. Нельзя-же мнѣ быстро двигаться, таская за собою цѣлый госпиталь. На сегодняшнемъ смотру оказалось, что у насъ 124 человѣка страдаютъ нарывами, дисентеріей, малокровіемъ, и мало-ли еще чѣмъ. Ни идти въ походъ, ни нести вьюковъ они не могутъ. Между тѣмъ Джефсонъ и паша вѣроятно уже ждутъ меня. Сегодня 10-ое января, я обѣщалъ воротиться на Ніанзу, хотя-бы даже изъ Ямбуйи, 16-го, стало быть

мнѣ остается шесть дней сроку. Вы сами видите какъ меня разрываютъ, то туда, то сюда. Если-бы я могъ думать, что вы будете буквально слушаться меня, то-есть ни на волосъ не отступите отъ моихъ предначертаній, я-бы со спокойнымъ сердцемъ ушелъ отсюда, и вполнѣ полагаясь на васъ, отправился-бы посмотрѣть, что сталось съ Джефсономъ и пашой.

— Право не знаю, отчего вы намъ не довѣряете? — возразилъ Стэрсъ.—Мы кажется всегда старались сдѣлать вамъ угодное и оправдать ваше довѣріе.

— Совершенно справедливо и я вамъ за это въ высшей степени благодаренъ. Но вотъ теперь у насъ опять происходитъ нѣчто въ родѣ ямбуйскаго инцидента. Другъ нашъ Джефсонъ пропадаетъ, можетъ быть онъ умеръ отъ лихорадки или инымъ какимъ нибудь способомъ; но отчего-же о пашѣ также нѣтъ слуховъ? Изъ этого я заключаю, что съ ними случилось что нибудь особенное, и потому иду на Ніанзу; тамъ я пошлю къ нимъ или иначе постараюсь дать имъ знать о своемъ прибытіи, а можетъ быть самъ пройду чрезъ Мелиндву и зайду въ Мсуа сзади, чтобы развѣдать причину такого страннаго молчанія. Не махдисты-ли поднялись вверхъ по Нилу и всѣхъ истребили? Или съ востока пришла другая экспедиція и они такъ занялись ею, что позабыли про насъ? Что тамъ случилось? Вѣдь мы ничего не знаемъ; но это не причина, чтобы сидѣть сложа руки и дожидаться, покуда тайна сама собою разъяснится; но я не могу заняться разъясненіемъ этой тайны, пока у меня за плечами 124 хворыхъ, требующихъ продолжительнаго отдыха и ухода послѣ такихъ трудовъ и болѣзней. Поэтому для меня такъ и важно заручиться вашимъ обѣщаніемъ, что вы и докторъ останетесь тутъ мѣсяца на два, пока я узнаю что тамъ случилось. Мнѣ нужно чтобы вы остались и очень дѣятельно присматривали за лагеремъ, а докторъ чтобы внимательно отнесся къ больнымъ и лѣчилъ ихъ какъ можно лучше, не жалѣлъ-бы лѣкарствъ и съ утра до ночи заботился-бы о ихъ питаніи. Можете-ли вы обѣщать мнѣ все это, дадите-ли честное слово что такъ и сдѣлаете?

— Даемъ!—отвѣчали оба съ горячностью.

— Теперь, докторъ, я въ особенности къ вамъ обращаюсь. Стэрсъ будетъ имѣть общій и верховный надзоръ за всѣмъ лагеремъ, но на васъ моя главная надежда. 124 человѣка у насъ числится больныхъ, изъ коихъ нѣкоторые только слегка нездоровы, есть очень тяжелые, есть и опасно больные. Но всѣмъ нужна ваша помощь и я прошу васъ посвятить себя имъ всецѣло. Присмотрите за тѣмъ, чтобы наиболѣе трудныхъ больныхъ кормили аккуратно; чтобы три раза въ день приготовляли имъ пищу и раздавали правильно; никому не довѣряйте въ этомъ дѣлѣ,

присматривайте сами, своею особой; нужно, понимаете-ли,—нужно чтобы эти люди остались живы и воротились на родину. Предупреждаю васъ,—и настаиваю на этомъ торжественно — что для васъ настало время отличиться. Если вы честолюбивы и хотите сдѣлать карьеру, вотъ вамъ случай,—хватайте его. Ваша задача ясно обозначена: спасите этихъ людей отъ смерти и съ помощью ихъ сами возвратитесь домой и заслужите уваженіе всѣхъ, кто услышитъ о вашей дѣятельности.

Господа, знаете-ли отчего бываютъ на свѣтѣ неудачники? Оттого, что люди не видятъ того, что у нихъ подъ руками: они глядятъ по верхамъ и часто забываютъ свое настоящее дѣло, стараясь сдѣлать что нибудь такое, чего вовсе не нужно. Передъ отъѣздомъ изъ Англіи я получилъ нѣсколько сотъ писемъ съ предложеніемъ услугъ со стороны добровольцевъ, желавшихъ за мною слѣдовать въ эту экспедицію. Они вѣроятно полагали, что этимъ способомъ легко могутъ заслужить ордена или медали; я-же думаю; что едва-ли между ними былъ хоть одинъ, понимавшій что̀ значитъ путь къ славѣ. Впрочемъ, за примѣромъ ходить недалеко: насъ здѣсь всего шестеро бѣлыхъ, однако вчера вечеромъ одинъ изъ нихъ приходилъ ко мнѣ просить позволенія изслѣдовать рѣку Уелле-Мубанги,—выбралъ-же мѣсто, изъ всей-то Африки! Между тѣмъ его долгъ ясно и несомнѣнно лежитъ въ исполненіи ближайшихъ къ нему задачъ, но онъ его не видитъ, не обращаетъ на него вниманія, смотритъ совсѣмъ въ сторону. Онъ былъ до крайности удивленъ, когда я сказалъ ему, что доставить изгнанниковъ въ цѣлости на родину гораздо важнѣе и возвышеннѣе, чѣмъ дѣлать открытія. У насъ въ экспедиціи есть еще человѣкъ, получающій жалованье за то, чтобы служить мнѣ и заботиться о моихъ интересахъ, когда-же пришла пора ему показать себя въ этомъ смыслѣ, онъ допустилъ, чтобы подъ самымъ его носомъ отослали прочь весь багажъ его начальника, и его собственную провизію въ томъ числѣ, и даже не догадался, что этого не слѣдовало допускать, покуда я не объяснилъ ему, что онъ пропустилъ случай отличиться, заслужить повышеніе по службѣ и прибавку жалованья. Вотъ теперь я вамъ указываю благопріятный моментъ, не пропускайте его; сдѣлайте все возможное для наилучшаго исполненія своей обязанности. Не думайте ни объ орденахъ, ни о славѣ, а только о дѣлѣ. Въ немъ весь вашъ капиталъ и вы съ него получите большую или малую выгоду, судя по тому какъ ваше дѣло будетъ исполнено. Спокойной ночи. Завтра я иду къ своему дѣлу; въ чемъ оно будетъ состоять — я не знаю, и знать не хочу, покуда самъ не увижу, что надо дѣлать. Но я его сдѣлаю, а вы сдѣлайте свое.

На другое утро, сказавъ нѣсколько ободрительныхъ словъ нашимъ

больнымъ, мы выступили изъ Кандекорэ въ странѣ бакубовъ, и черезъ три четверти часа вышли изъ лѣсу, къ великой радости и ликованію людей арріергарда и маньюмовъ, никогда еще не видавшихъ этой привольной страны.

12-го января пришли въ Бессэ, жители котораго очень дружелюбно насъ приняли. Они повѣдали намъ, что паша строитъ большіе дома въ Нямсасси и что, по слухамъ, онъ собирается со множествомъ людей идти сюда. Такъ какъ я сильно былъ озабоченъ судьбою паши, это извѣстіе меня порадовало, а люди приняли его съ восторгомъ.

13-го стояли лагеремъ въ лощинѣ, немного сѣвернѣе Муканги, 14-го пришли къ своему старому лагерю въ странѣ Мазамбони Не успѣли мы осмотрѣться, какъ явился самъ Мазамбони, и братъ его Катто, съ неразлучнымъ кузеномъ Календэ; на мои разспросы они отвѣчали, что третьяго дня (т. е. 12-го января) Джефсонъ пришелъ къ Кавалли; что Гаильвалла (мальчикъ, бѣжавшій отъ насъ) живетъ у старшины и выросъ съ цѣлое копье; что Малиджу (Эминъ-паша) присылалъ десятерыхъ гонцовъ узнать отъ Кавалли, не слыхать ли чего о насъ; что онъ приказалъ расчистить и воздѣлать часть полей у самого озера и насадилъ тамъ кукурузы, собственно для насъ. — Вотъ какой добрый, заботливый и милый человѣкъ!—подумалъ я про себя.

Такъ какъ Мазамбони привелъ намъ въ даръ двухъ жирныхъ быковъ, надо-же было побаловать моихъ занзибарцевъ и маньюмовъ, такъ давно не видавшихъ мяса. Поэтому мы простояли тутъ весь день 15-го числа. Пришелъ старшина Гавира и сообщилъ, что Джефсонъ три дня тому назадъ, съ семнадцатью солдатами, пришелъ въ селеніе Катонзы. Мои люди, получившіе за экстренные труды награду бумажными тканями, сверхъ тѣхъ двадцати пяти аршинъ, что я имъ роздалъ въ Баналіи, и еще разныхъ бусъ, проволоки и мѣдныхъ монетъ, имѣли возможность наконецъ накупить себѣ всякой всячины. Маньюмы блаженно улыбались, а занзибарцы, какъ только завидѣли луговую страну, стали кричать пѣтухомъ и эта забава такъ имъ понравилась, что какъ только одинъ начиналъ, такъ другіе подхватывали и чуть-ли не въ триста голосовъ пѣли пѣтухами.

16-го января, въ тотъ самый день, когда я-бы долженъ былъ быть на Ніанзѣ, мы выступили дальше въ сопровожденіи стараго Гавиры и къ вечеру пришли въ одно изъ селеній, которое мы сами прежде сожгли, а теперь оно вновь отстроилось и было такое чистенькое, красивое и цвѣтущее, что любо взглянуть, а мы въ немъ очутились почетными гостями и всего лишь въ разстояніи одного усиленнаго перехода отъ озера.

Теперь, когда мы окончательно распростились съ лѣсомъ и намъ оставалось выполнить только одно (если вѣрить туземцу, который увѣрялъ, что и паша, и Джефсонъ ждутъ насъ вотъ тутъ, внизу, на берегу озера), а именно сдать пашѣ на руки ящики съ боевыми снарядами, а потомъ проводить домой нѣсколькихъ египтянъ,— въ тотъ день я былъ такъ счастливъ и доволенъ, что старый Гавира навѣрное подумалъ — «какой однако любезный человѣкъ этотъ Буля-Матари!»

Но вотъ, въ пять часовъ пополудни пришли два гонца уахума и принесли мнѣ изъ Кавалли письма... Пока я ихъ читалъ, на меня находилъ столбнякъ: разумъ положительно отказывался служить мнѣ, я какъ-то вдругъ отупѣлъ и всѣ мои чувства сосредоточились въ одномъ безграничномъ изумленіи. Когда я пришелъ въ себя, у Джефсона и у паши навѣрное уши горѣли. Впрочемъ, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о томъ, чтò я былъ долженъ чувствовать, приглашаю его прочесть слѣдующія письма, въ томъ самомъ порядкѣ какъ я ихъ читалъ.

Письма отъ Эмина паши:

«Дуффлэ, 2-го сентября 1888.

Дорогой сэръ, такъ какъ мистеръ Джефсонъ долженъ сопровождать нѣсколькихъ офицеровъ, отправляющихся къ вамъ, я пользуюсь случаемъ принесть вамъ, вмѣстѣ съ пожеланіями всего лучшаго, мои искреннія поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ вашей экспедиціи, о чемъ мы здѣсь узнали только черезъ своихъ мальчиковъ, а никакихъ писемъ до насъ не допускаютъ. Мистеръ Джефсонъ, бывшій моей опорой въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, разскажетъ вамъ все, что произошло; онъ можетъ также послужить вамъ своею опытностью и дать нѣкоторыя полезныя указанія, на случай если вы рѣшитесь сюда придти, какъ того желаютъ нѣкоторые. Если вы придете, то безконечно меня обяжете, немедленно принявъ мѣры къ обезпеченію безопасности моей маленькой дочери, на счетъ которой я въ сильнѣйшей тревогѣ.

Если-же вы предпочтете не приходить сюда, ограничусь пожеланіемъ вамъ счастливаго пути на родину и попрошу васъ передать мою душевную благодарность господамъ офицерамъ и людямъ вашимъ, а также выразить мою глубокую признательность тѣмъ англійскимъ благодѣтелямъ, великодушію которыхъ я обязанъ снаряженіемъ вашей экспедиціи.

Прошу васъ, дорогой сэръ, вѣрить моей искренней преданности

Докторъ Эминъ».

Второе письмо отъ Эмина:

«Дуффлэ, 6-го ноября 1888. Съ тѣхъ поръ какъ написано предыдущее, я все еще здѣсь въ плѣну. Два раза мы слышали, что вы пришли, но это была неправда. Теперь пришли махдисты, успѣли уже взять Реджафъ, такъ что со дня на день на насъ могутъ напасть, и можетъ быть намъ осталось жить лишь нѣсколько часовъ. Тѣмъ не менѣе, мы все еще не теряемъ надежды. Сегодня я слышалъ, что изъ Мугги солдаты выступили на Реджафъ и если ихъ тамъ разобьютъ, что очень вѣроятно, то и до насъ скоро доберутся изъ Хартума.

Мистеръ Джефсонъ познакомилъ меня съ содержаніемъ своего къ вамъ письма и я нахожу, что мнѣ прибавить больше нечего *).

Вамъ искренно преданный

Докторъ Эминъ».

Третье письмо отъ Эмина.

«Тёнгуру, 21-го декабря 1888.

Дорогой мистеръ Стэнли!

Такъ какъ мистеръ Джефсонъ передалъ вамъ все что здѣсь было съ тѣхъ поръ какъ мы покинули Дуффлэ, я воздержусь отъ повторенія фактовъ **). Хотя правда, что была одна минута, когда дѣло повернулось въ мою пользу; но послѣ того офицеры, восхищенные своей побѣдой, стали относиться ко мнѣ также скверно, какъ и въ началѣ этой комедіи. Въ настоящее время всѣ окончательно рѣшились уйти изъ этихъ мѣстъ, искать другого убѣжища; однако никто, исключая очень немногихъ офицеровъ и людей, не думаетъ возвращаться въ Египетъ. Но я все-таки надѣюсь, что настанутъ лучшіе дни и присоединяю свой голосъ къ просьбѣ мистера Джефсона, чтобы вы оставались въ Кавалли и только какъ нибудь, и какъ можно скорѣе дали-бы намъ знать когда туда придете.

Подателю сего и писемъ мистера Джефсона, старшинѣ Мого, я приказалъ оставаться въ Кавалли до вашего прибытія. Онъ человѣкъ хорошій и вѣрный. и вы меня лично обяжете, если позаботитесь о немъ.

Съ наилучшими пожеланіями вамъ и всѣмъ вашимъ, остаюсь

Искренно вамъ преданный Докторъ Эминъ».

Письма мистера Джефсона.

«Дуффлэ, 7-го ноября 1888.

Дорогой сэръ!

Пишу къ вамъ о положеніи дѣлъ въ здѣшней сторонѣ и надѣюсь, что Шукри-Ага найдетъ способъ какъ нибудь доставить вамъ

*) Этимъ паша подтверждаетъ все, написанное Джефсономъ.

**) Какъ видно, паша читалъ всѣ письма Джефсона.

это письмо въ Кавалли, чтобы вы знали въ чемъ дѣло и были осторожнѣе.

18-го августа здѣсь вспыхнуло возмущеніе и насъ съ пашой взяли въ плѣнъ. Пашу держатъ въ заперти, а мнѣ дозволяютъ ходить на свободѣ по всему селенію, однако слѣдятъ за каждымъ моимъ движеніемъ. Сначала кашу заварили человѣкъ шесть военныхъ и штатскихъ чиновниковъ, преимущественно египтянъ; но постепенно къ нимъ пристали и другіе, нѣкоторые по собственному влеченію, но большая часть просто со страху. Солдаты—за исключеніемъ гарнизона изъ Ляборэ, — совсѣмъ не принимали участія въ движеніи, но спокойно уступили настояніямъ своихъ офицеровъ. Двое главныхъ зачинщиковъ—египтяне, которые, какъ мы узнали впослѣдствіи, ходили къ вамъ жаловаться и были у васъ въ лагерѣ при Нсабэ. Одинъ изъ нихъ адъютантъ паши, Абдулъ-Ваалъ-Эффенди, который уже былъ замѣшанъ въ возмущеніи Араби; другой Ахметъ-Эффенди-Махмудъ, одноглазый канцелярскій чиновникъ. Эти двое молодцовъ и еще нѣсколько другихъ выбрали время, когда мы съ пашой отправились въ Реджафъ, и стали разсказывать народу, что они васъ видѣли и знаютъ, что вы самозванецъ, и не думали приходить изъ Египта; письма, привезенныя вами будто-бы отъ хедива и отъ Нубара-паши подложныя; и неправду говорятъ, будто Хартумъ палъ, а стакнулись вы съ Эминомъ пашой и порѣшили забрать ихъ всѣхъ, съ женами и дѣтьми, и продать въ неволю англичанамъ. Въ такой невѣжественной и фанатической странѣ, какъ здѣшняя, подобныя рѣчи подѣйствовали на народъ самымъ поджигательнымъ образомъ: вспыхнуло возстаніе и насъ взяли въ плѣнъ.

Тогда мятежники созвали сюда начальниковъ отдѣльныхъ частей изъ всѣхъ поселеній и составили цѣлый совѣтъ, на которомъ обсуждали что имъ дѣлать, а тѣхъ, кто съ ними не соглашался, осыпали такими ругательствами и оскорбленіями, что тѣ изъ чувства самосохраненія примкнули къ нимъ. Пашу отставили, тѣхъ офицеровъ которые были заподозрѣны въ дружескихъ къ нему чувствахъ, лишили должностей, а на ихъ мѣста назначили другихъ, болѣе расположенныхъ къ мятежникамъ. Рѣшили отправить пашу въ Реджафъ, въ качествѣ военноплѣннаго; наиболѣе ретивые хотѣли даже заковать его въ цѣпи, но офицеры боялись привесть въ исполненіе этотъ планъ, потому что солдаты объявили, что никому не позволятъ поднять на него руку. Были еще и такіе проекты, чтобы когда вы придете, обманомъ заманить васъ въ ловушку и отнять все ваше имущество.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ одно прекрасное утро

мы были поражены извѣстіемъ, что въ Ладо прибыли махдисты на трехъ пароходахъ и на девяти сандаляхъ и неггерахъ (мелкія суда), и расположились на мѣстѣ стараго поселенія. Начальникъ ихъ, Омаръ-Сале, прислалъ трехъ дервишей, украшенныхъ павлиньими перьями, съ письмомъ къ пашѣ и требованіемъ немедленно сдать ему провинцію. Возмутившіеся офицеры схватили дервишей, посадили въ тюрьму и рѣшились воевать. Чрезъ нѣсколько дней племя Донагле взяло приступомъ Реджафъ, убили пятерыхъ офицеровъ и множество солдатъ, женщинъ и дѣтей взяли въ плѣнъ, а всѣ склады провіанта и боевыхъ снарядовъ конечно отобрали въ свою пользу. Вслѣдствіе этого изъ Беддена, Кирри, и Мугги народъ повалилъ толпами въ Ляборэ, захвативъ съ собою только женщинъ и дѣтей и побросавъ почти все остальное. Въ Кирри оставили всѣ боевые снаряды и туземцы тотчасъ-же завладѣли имъ. По разсчетамъ паши, Донагле были въ количествѣ около 1.500 человѣкъ.

Многіе офицеры и солдаты воротились въ Мугги и намѣрены оказывать серьезное сопротивленіе солдатамъ Донагле. Наше положеніе здѣсь въ высшей степени непріятно, тѣмъ болѣе, что со времени мятежа все пришло въ полнѣйшій безпорядокъ: настоящаго начальства нѣтъ, полдюжины самозванныхъ командировъ всякій день роздаютъ противорѣчивыя приказанія и никто ихъ не слушаетъ: возмутившіеся офицеры не могутъ сладить съ солдатами. Мы со дня на день ожидаемъ переворота; племя Гари соединилось теперь съ Донагле и если они вмѣстѣ обрушатся на насъ, намъ ни въ какомъ случаѣ не сдобровать. Послѣ паденія Реджафа солдаты проклинали свое начальство, говоря: «если-бы мы слушались губернатора и дѣлали-бы то, что онъ приказывалъ, были-бы цѣлѣе. Сколько лѣтъ онъ былъ для насъ замѣсто отца и матери, а мы не захотѣли ему повиноваться, послушались васъ, и за то должны пропадать».

Офицеры сильно напуганы всѣмъ случившимся. Всѣ мы теперь съ нетерпѣніемъ ожидаемъ вашего прихода и стремимся вмѣстѣ съ вами уйти отсюда: люди больше не сомнѣваются въ паденіи Хартума и въ томъ, что вы точно присланы самимъ хедивомъ. Большая часть офицеровъ и всѣ солдаты не прочь-бы снова посадить пашу на его прежнее мѣсто, но египтяне боятся, чтобы на ихъ головы не палъ его гнѣвъ и мщеніе, въ случаѣ если возвратятъ ему власть; поэтому они уговорили суданскихъ офицеровъ не дѣлать этого. Солдаты съ своей стороны не повинуются офицерамъ и все дѣло стоитъ: никто ничего не предпринимаетъ ни для укрѣпленія поселка, ни для снабженія его провіантомъ. Мы здѣсь точно мыши, попавшія въ западню: намъ не даютъ ни дѣйствовать, ни выйти отсюда и я боюсь, что если вы не

очень скоро придете, то будетъ уже поздно и насъ постигнетъ таже участь, какая постигла всѣ гарнизоны въ Суданѣ. Не будь возмущенія, паша еще могъ-бы нѣкоторое время продержаться противъ Донагле, но при настоящихъ обстоятельствахъ онъ ничего не можетъ сдѣлать.

Мнѣ хотѣлось-бы дать вамъ нѣсколько указаній насчетъ вашихъ передвиженій, съ того момента какъ вы придете въ Кавалли; но вы, конечно, только въ томъ случаѣ послѣдуете имъ, если сочтете это нужнымъ.

Если по прибытіи въ Кавалли съ вами будетъ достаточное количество людей, оставьте всю лишнюю поклажу подъ надзоромъ нѣсколькихъ человѣкъ, а сами приходите въ Нсабэ, взявъ съ собою какъ можно больше народу; суданскихъ старшинъ приведите, а солдатъ суданцевъ лучше не брать.

Пошлите кого нибудь изъ туземцевъ въ челнокѣ въ Мсуа, съ письмомъ на арабскомъ языкѣ къ Шукри-Агѣ: скажите ему, что вотъ, вы пришли и желаете видѣть пашу и меня; напишите также къ пашѣ, или ко мнѣ, и упомяните сколько съ вами людей; лучше, впрочемъ, написать ко мнѣ, потому что пашѣ, пожалуй, письма не передадутъ.

Ни въ какомъ случаѣ не принимайте людей, которые придутъ къ вамъ не въ сопровожденіи паши или не со мною, кто-бы это ни былъ и какъ-бы ни казались разумны ихъ рѣчи. Ни я, ни паша не думаемъ, чтобы въ настоящее время кто нибудь собирался взять васъ въ плѣнъ, потому, что люди наконецъ увѣровали, что вы пришли изъ Египта и даже надѣются, что вы-то и выведете ихъ изъ затрудненія; однакожъ лучше будетъ если вы, на всякій случай, хорошенько укрѣпитесь въ своемъ лагерѣ.

Если намъ не удастся выбраться отсюда, пожалуйста напомните обо мнѣ моимъ друзьямъ. Искренно желаю всего лучшаго вамъ и всѣмъ кто съ вами, и остаюсь

Преданный вамъ Э. Д. Моунтеней Джефсонъ».

«Уаделаи, 24-го ноября 1888.

Мой гонецъ все еще не ушелъ изъ Уаделаи и потому пишу еще. Паша говоритъ, что надо цѣликомъ послать вамъ мое первое письмо, такъ какъ оно въ точности передаетъ тогдашнее наше положеніе, въ тотъ моментъ, когда мы ужъ почти потеряли надежду выбраться изъ этой страны. Вскорѣ послѣ того какъ я къ вамъ писалъ, офицеры повели солдатъ къ Реджафу и попытались отбить его; но Донагле ихъ оттѣснили и перебили множество людей и шестерыхъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ находились наиболѣе лютые враги Эмина-паши. Тогда

настала паника: солдаты всѣхъ гарнизоновъ объявили, что не станутъ больше драться, покуда паша не будетъ выпущенъ на свободу. Мятежные офицеры вынуждены были выпустить его и послали насъ въ Уаделаи: здѣсь онъ можетъ дѣлать, что ему угодно, но однако власти надъ страной ему не возвратили; на мой взглядъ онъ едва-ли и желаетъ этого. Черезъ нѣсколько дней мы надѣемся быть въ Тунгуру, мѣстечкѣ на берегу озера, отъ котораго два дня пути на пароходѣ до Нсабэ; когда узнаемъ, что вы пришли, вѣроятно паша будетъ въ состояніи самъ отправиться къ вамъ повидаться, вмѣстѣ со мною.

Шукри-Ага говоритъ, что у него все готово къ вашему пріѣзду, то-есть все, что касается рогатаго скота, козъ, цыплятъ, кукурузы и проч.—Онъ превосходно держалъ себя во все время возстанія: одинъ онъ, изъ всѣхъ гарнизонныхъ начальниковъ, сумѣлъ устоять противъ мятежниковъ.

Со стороны Донагле опасность нашего положенія конечно увеличилась вслѣдствіе послѣдней ихъ побѣды; однакожъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ намъ теперь все-таки гораздо легче, потому что, во первыхъ, мы отъ нихъ дальше ушли, а во вторыхъ, получили возможность совсѣмъ уйти отсюда, буде пожелаемъ, что нельзя было сдѣлать покуда мы были плѣнниками. По слухамъ, Донагле послали пароходы въ Хартумъ за подкрѣпленіями; если такъ, то ближе шести недѣль имъ не обернуться. А покуда они не получатъ подкрѣпленій, я надѣюсь, что они не сунутся такъ далеко отъ своей главной квартиры, и слѣдовательно не придутъ ни въ Уаделаи, ни въ Тунгуру. Но если-бы они рѣшились на это, мы навѣрное пропадемъ: солдаты не устоятъ противъ нихъ и дѣло будетъ кончено въ нѣсколько минутъ.

Махдисты нынче далеко не того сорта какъ тѣ, которыхъ здѣшніе солдаты колотили три года тому назадъ: теперь это настоящіе фанатики, они бросаются на людей и прямо колютъ и рѣжутъ всѣхъ безъ разбора своими длинными и острыми мечами и широкими копьями. У насъ съ нетерпѣніемъ и тревогой ждутъ вашего прихода перспектива попасть въ руки Донагле всѣхъ напугала такъ, что они совсѣмъ присмирѣли. Теперь все зависитъ отъ того, какъ рѣшатъ дѣло Донагле. Если они, окрыленные побѣдой, поспѣшатъ сюда, то, какъ я уже писалъ вамъ, мы пропали, потому что тогда народъ не выпуститъ насъ отсюда, но если правда, что Донагле послали за подкрѣпленіемъ въ Хартумъ и рѣшили подождать пока оно подоспѣетъ, тогда намъ есть еще шансъ выбраться изъ этой области, особенно если вы придете не позднѣе конца декабря. А впрочемъ, напередъ не возможно ничего предвидѣть.

Э. Д. М. Д».

Тунгуру, 18-го декабря 1888 г.

«Дорогой сэръ!

Мого все еще не ушелъ и потому я опять пишу, желая сообщить вамъ самыя свѣжія извѣстія. Мы теперь въ Тунгуру. 25-го ноября Донагле окружили Дуффлэ и осаждали его цѣлыхъ четыре дня; однако гарнизону, состоявшему изъ пятисотъ человѣкъ (или около того) удалось отбиться отъ нихъ, такъ что непріятель отступилъ къ своей главной квартирѣ, Реджафу. Они дѣйствительно послали въ Хартумъ за подкрѣпленіемъ и безъ сомнѣнія опять пойдутъ въ наступленіе и захватятъ всю страну, когда соберутся съ силами. Когда мы бѣжали изъ Уаделаи, офицеры просили меня уничтожить нашу лодку, чтобы она не досталась Донагле; такъ какъ спасти ее не представлялось возможности, я ее разломалъ.

Дуффлэ спѣшатъ очистить какъ можно скорѣе; офицеры намѣрены собраться въ Уаделаи и тамъ рѣшить сообща, что дальше дѣлать. Паша совсѣмъ не можетъ ничего предпринять, потому что противъ него все еще существуетъ очень сильная партія; притомъ офицеры теперь ужъ не такъ опасаются махдистовъ.

Ни въ какомъ случаѣ не приходите въ Нсабэ: становитесь лагеремъ въ Кавалли. Какъ только придете, пришлите мнѣ сказать и я тотчасъ приду къ вамъ. Не скрою отъ васъ, что не легко и не безопасно будетъ вамъ имѣть дѣло съ бывшими подчиненными паши. Надѣюсь, что вы придете прежде чѣмъ соберутся Донагле, иначе мы навѣрное пропадемъ.

Остаюсь преданный вамъ

Э. Д. Моунтеней Джефсонъ».

Мой отвѣтъ мистеру Джефсону.

«Лагерь у Гавиры, за день пути отъ Ніанзы и за день пути на востокъ отъ Мазамбони.

17-го января 1889 г.

Дорогой Джефсонъ!

Ваше письмо отъ 7-го ноября 1888 г., съ двумя приписками, отъ 24-го ноября и 18-го декабря, мною получены и прочитаны.

Не буду разбирать вашего письма, ни обсуждать его содержанія. Желаю объясниться покороче и скорѣе дѣйствовать; съ этою цѣлью изложу по порядку, но вкратцѣ, событія, связанныя съ нашимъ путешествіемъ.

Мы разстались съ пашой 23-го мая прошлаго года, получивъ отъ васъ обѣщаніе, что мѣсяца черезъ два вы съ пашою, или вы одинъ съ достаточнымъ количествомъ носильщиковъ отправитесь въ фортъ

Бодо для принятія тамъ вьюковъ и доставленія ихъ на Ніанзу; помимо этого, паша выражалъ живѣйшее желаніе увидѣть гору Пизга, осмотрѣть нашъ фортъ, и,—насколько можно вообще вѣрить словамъ,—выказывалъ готовность содѣйствовать намъ въ дѣлѣ своего собственнаго освобожденія.

Мнѣ тогда-же казалось сомнительнымъ, чтобы паша удосужился для такой экскурсіи, но по крайней мѣрѣ я былъ увѣренъ въ томъ, что вы-то не останетесь въ бездѣйствіи.

Было говорено также о томъ, что паша выстроитъ на островѣ Нямсасси маленькій поселокъ и учредитъ тамъ складъ провіанта, дабы наша экспедиція, по прибытіи къ озеру, нашла готовыя средства къ существованію.

Съ тѣхъ поръ прошло восемь мѣсяцевъ и ни одно изъ этихъ обѣщаній не было выполнено.

Съ другой стороны мы все исполнили въ точности. 25-го мая мы ушли съ береговъ Ніанзы, 8-го іюня прибыли въ фортъ Бодо, сдѣлавъ этотъ переходъ въ двѣ недѣли; я передалъ лейтенанту Стэрсу и капитану Нельсону утѣшительную увѣренность, что вы придете къ нимъ черезъ два мѣсяца, далъ имъ письменное дозволеніе очистить фортъ и вмѣстѣ съ вами идти на Ніанзу, взявъ съ собою гарнизонъ, который, присоединясь къ солдатамъ паши, образовалъ бы очень почтенный отрядъ и отлично могъ бы охранять склады на о. Нямсасси. 16-го іюня я выступилъ изъ форта Бодо и отправился розыскивать маіора и колонну арріергарда.

17-го августа въ 10 часовъ утра мы застали арріергардную колонну въ Баналіи, въ разстояніи девяноста (англійскихъ) миль отъ Ямбуйи и въ 592 миляхъ отъ Ніанзы; слѣдовательно, мы шли отъ форта Бодо шестьдесятъ три дня, а отъ береговъ Ніанзы восемьдесятъ пять дней.

Я составилъ донесенія, написалъ депеши, отправилъ ихъ къ Порогамъ Стэнли, для доставленія въ Европу, и 31-го августа пустился въ обратный путь къ Ніанзѣ. Я пришелъ въ фортъ Бодо двумя днями ранѣе назначеннаго срока, а именно 20-го декабря. 24-го декабря мы выступили изъ форта Бодо къ переправѣ черезъ Итури. Такъ какъ вы не приходили въ фортъ и не приводили обѣщанныхъ носильщиковъ, у насъ оставалось на рукахъ много лишнихъ вьюковъ, и мы дѣлали двойные этапы отъ форта Бодо къ переправѣ черезъ Итури; но 10-го января весь наличный составъ экспедиціи со всѣми вьюками былъ по сю сторону Итури и въ полумилѣ отъ рѣки мы устроили лагерь. Снабдивъ его на нѣсколько мѣсяцевъ съѣстными припасами я передалъ лагерь подъ команду Стэрса и 12-го января выступилъ

дальше. Ваше отсутствіе въ фортѣ и продолжительная неизвѣстность о вашей участи заставили насъ подозрѣвать, что съ вами случилось нѣчто бѣдственное. Вчера я получилъ ваше письмо и узналъ въ чемъ дѣло.

Затрудненія, встрѣченныя мною въ Баналіи, повторяются и здѣсь, у озера Альберта; чтобы избавиться отъ нихъ и не поддаваться слѣпому случаю, необходимо спокойное отношеніе къ дѣлу и твердая рѣшимость. Если бы я замѣшкался въ Баналіи и сталъ бы поджидать Джемсона и Уарда, я бы вѣроятно и теперь тамъ былъ, а люди у меня вымирали бы десятками.

Неужели пашу, Казати и васъ ожидаетъ такая же участь? Если вы все еще колеблетесь, то я съ вами распрощусь тотчасъ же. Покуда я самъ еще не потерялъ здраваго смысла, я понимаю, что мнѣ первымъ дѣломъ нужно спасать мою экспедицію. Можете спастись и вы, если умненько возметесь за дѣло.

Въ высочайшемъ фирманѣ Хедива къ Эмину-пашѣ, отъ 1-го февраля 1887 года, за № 3, (точная копія его въ переводѣ на англійскій языкъ тогда же вручена мнѣ) я нахожу слѣдующія слова:

«Такъ какъ мы искренно желаемъ избавить тебя, твоихъ офицеровъ и солдатъ отъ труднаго поста, на которомъ вы пребываете правительство наше озаботилось отысканіемъ способовъ вывести тебя, твоихъ офицеровъ и солдатъ изъ этого опаснаго положенія. Образовалась миссія вспомоществованія, подъ начальствомъ г. Стэнли, знаменитаго и проч.—онъ отправляется въ путь, имѣя съ собою все, что можетъ вамъ понадобиться, дабы привести обратно тебя, твоихъ офицеровъ и людей тѣмъ путемъ, какой найдетъ наилучшимъ. Того ради повелѣлъ я написать сіе мое высочайшее повелѣніе; вышеупомянутый г. Стэнли передастъ тебѣ оное собственноручно, дабы ты узналъ, что для тебя сдѣлано. И когда ты все узнаешь, приглашаю тебя выразить мои благія пожеланія офицерамъ и людямъ... возвращайся въ Каиръ или оставайся на мѣстѣ съ твоими офицерами и людьми: предоставляю тебѣ полную свободу выбора. Правительство наше рѣшило уплатить вамъ жалованье, тебѣ, твоимъ офицерамъ и людямъ.

Офицеры и люди, которые пожелаютъ остаться, пусть остаются на свой страхъ: правительство не окажетъ имъ впредь никакого вспомоществованія.

Вникай прилежно въ содержаніе сего и извѣсти о томъ всѣхъ офицеровъ и всѣхъ людей, дабы они знали, что имъ дѣлать».

То именно, что говорилъ Хедивъ, желаю и я сказать вамъ. Вникните въ эти слова и поймите ихъ досконально, дабы послѣдствія вашей

нерѣшительности не погубили васъ,—а это непремѣнно случится, если вы меня не послушаетесь.

Первая партія вспомогательныхъ снарядовъ сдана Эмину-пашѣ съ рукъ на руки, 1-го мая 1888 года. Вторая и послѣдняя партія здѣсь, у насъ, и мы готовы передать ее куда паша назначитъ или тому лицу, на какое онъ намъ укажетъ. Если паша не можетъ ее принять, или не рѣшитъ куда ее дѣвать, тогда я самъ объ этомъ позабочусь.

Вторая цѣль нашего похода состояла въ томъ, чтобы принять въ свой караванъ желающихъ покинуть Африку и проводить ихъ на родину ближайшимъ и безопаснѣйшимъ путемъ. Если здѣсь никто не расположенъ уходить изъ центральной Африки, то экспедиціи больше нечего дѣлать въ этихъ широтахъ и она тотчасъ уйдетъ. Постарайтесь же понять, что я говорю. Поймите, что послѣ этого вамъ неоткуда ждать помощи, я предлагаю вамъ послѣдній шансъ ко спасенію: растолкуйте этимъ упрямымъ и безтолковымъ людямъ, что самая горькая участь, самый печальный конецъ ожидаетъ ихъ въ томъ случаѣ, если они откажутся отъ предлагаемой имъ помощи. Съ 1-го мая 1888 года до января 1889 г. прошло девять мѣсяцевъ, неужели за все это долгое время они не успѣли окончательно обдумать такой простой вопросъ: уходить изъ Африки или оставаться здѣсь?

Вотъ почему въ оффиціальной запискѣ, которую влагаю въ это объяснительное къ вамъ письмо, я назначаю селеніе Кавалли сборнымъ пунктомъ, куда приглашаю являться всѣхъ желающихъ покинуть Африку; само собою разумѣется, что все это можно будетъ измѣнить, если какія-нибудь новѣйшія извѣстія прольютъ новый свѣтъ на всю эту путаницу, когда вы придете сами или напишете мнѣ еще разъ.

А теперь я лично къ вамъ обращаюсь. Если вы считаете себя членомъ нашей экспедиціи и признаете, что обязаны мнѣ повиноваться, то по полученіи этого письма немедленно ступайте въ Кавалли, взявъ съ собою тѣхъ изъ моихъ людей (суданцевъ, бинзу) которые васъ послушаются и принесите мнѣ отъ Эмина-паши и синьора Казати окончательный отвѣтъ касательно ихъ личныхъ намѣреній. Если на ту пору меня не будетъ въ Кавалли, останьтесь тамъ, а ко мнѣ пришлите письмо черезъ гонцовъ отъ Кавалли къ старшинѣ Гавиры, Мпингѣ, который перешлетъ его къ Мазамбони, гдѣ оно и застанетъ меня вѣроятно. Вы должны понять, что старшинѣ Кавалли будетъ слишкомъ накладно угощать насъ болѣе шести дней и если промедлите долѣе этого срока, мы принуждены будемъ уйти сначала къ Мазамбони, а потомъ отступить еще дальше, къ нашему лагерю на Итури. Иначе пришлось бы силою отнимать у туземцевъ провизію, а это повело бы къ разрыву

съ мѣстнымъ населеніемъ. Этого затрудненія не существовало бы, если бы Паша послѣдовалъ моему совѣту завести складъ провіанта на островѣ Нямсасси. Я знаю, что въ Мсуа есть провіантскіе магазины, но мнѣ отъ этого не легче. Въ Европѣ ихъ тоже очень много, только они для насъ также недоступны какъ и въ Мсуа. Вельбота у насъ больше нѣтъ, ходить по озеру намъ не на чемъ, а вы даже не говорите, куда дѣвались пароходы «Хедивъ» и «Ніапза?».

Я понялъ васъ такъ, что паша отрѣшенъ отъ должности и арестованъ. Съ кѣмъ же я буду имѣть дѣло и обсуждать дальнѣйшія мѣропріятія? Я не имѣю права вести переговоры съ мятежными офицерами: меня прислали на помощь Эмину-пашѣ и его подчиненнымъ; въ случаѣ смерти Эмина-паши я обратился бы къ его законному преемнику; но Эминъ-паша живъ, и слѣдовательно я могу имѣть дѣло только съ нимъ или съ лицомъ отъ него уполномоченнымъ.

А потому, если паша не можетъ самолично придти ко мнѣ въ Кавалли, съ достаточною свитой изъ преданныхъ людей, а также не найдетъ возможнымъ указать мнѣ благонадежное лицо, которому я могъ бы сдать боевые снаряды, мнѣ останется распорядиться самому, уничтожить всѣ ружья и патроны, которые мы съ такимъ трудомъ сюда доставили, и возвратиться на родину.

Наконецъ, если люди паши пожелаютъ уйти изъ этой части Африки и поселиться въ другой части, не очень далеко отсюда, напримѣръ гдѣ нибудь на берегахъ озера Викторіи или на пути въ Занзибаръ, я готовъ помочь имъ, но кромѣ того берусь проводить всѣхъ, кто захочетъ въ безопасности возвратиться домой, въ Каиръ; но я требую ясныхъ и опредѣленныхъ заявленій, а также быстраго выполненія тѣхъ приказаній, которыя я отдамъ для немедленнаго осуществленія этихъ желаній; или-же яснаго и опредѣленнаго отказа, ибо я не могу оставаться здѣсь до безконечности и выжидать, пока они надумаются, тогда какъ этотъ народъ очевидно самъ не знаетъ чего хочетъ.

Передайте мои благія пожеланія Эмину-пашѣ и синьору Казати; надѣюсь и молю Бога, чтобы Онъ умудрилъ ихъ, пока еще не поздно. Милый мой другъ, мнѣ-бы очень хотѣлось васъ видѣть и изъ собственныхъ вашихъ устъ услышать ваши похожденія.

Искренно преданный вамъ
Генри М. Стэнли».

Конфиденціальная приписка.

«Кавалли, 18 января 1889, 3 часа пополуночи.

Мой милый Джефсонъ, сейчасъ посылаю тридцать ружей и трехъ людей Кавалли къ озеру съ этими письмами, и наказываю имъ тот-

часъ снарядить и отправить челнокъ, а подателямъ сего выдать награду.

Я здѣсь могу оставаться долѣе шести дней, можетъ быть дней десять. Сдѣлаю все возможное, чтобы продлить свое здѣсь пребываніе до вашего прихода, лишь-бы не нарушать мирныхъ отношеній. У нашихъ людей много бусъ, монетокъ, бумажныхъ матерій, и я замѣчаю, что туземцы очень охотно съ нами торгуютъ нынче, что̀ конечно облегчитъ до нѣкоторой степени трудную задачу старшины, на случай если бы пришлось слишкомъ долго пользоваться его гостепріимствомъ.

Будьте умны, дѣйствуйте скорѣе, не теряйте ни часу времени и приводите съ собою Бинзу и своихъ суданцевъ. Я разъ шесть прочелъ всѣ ваши письма, но все-таки не могу хорошенько взять въ толкъ положенія дѣлъ, потому что въ нѣкоторыхъ существенныхъ частностяхъ одно письмо противорѣчитъ другому. То вы говорите, что паша содержится въ заключеніи, а вамъ нѣсколько посвободнѣе; то заявляете, что придете ко мнѣ какъ только узнаете, что я тутъ, да еще надѣетесь, что и «паша будетъ въ состояніи вамъ сопутствовать». Если вы въ плѣну, какъ же вы можете отлучиться изъ Тунгуру? Все это очень загадочно для свѣжаго человѣка, – а мы вѣдь только что изъ лѣсу.

Если пашѣ можно придти, то когда вы доберетесь до нашего прежняго лагеря на приозерной равнинѣ, пришлите увѣдомить меня объ этомъ: я вышлю сильный отрядъ къ нему навстрѣчу и его не только проводятъ ко мнѣ на плоскогорье, но даже на рукахъ принесутъ, коли нужно. А я такъ усталъ послѣ тысячи трехсотъ миль странствій, которыя отмахалъ съ тѣхъ поръ какъ съ вами разстались въ маѣ прошлаго года, что не хочется мнѣ самому идти къ озеру. Надѣюсь, что паша пожалѣетъ меня хоть немножко.

За меня не бойтесь и не безпокойтесь: никакихъ враговъ у меня нѣтъ на двѣнадцать миль кругомъ, и никакого сюрприза быть не можетъ. Я нахожусь въ самой дружелюбной средѣ, а если захочу воевать, то сто̀итъ мнѣ кликнуть кличъ, и въ теченіи четырехъ часовъ вокругъ меня соберутся двѣ тысячи воиновъ, готовыхъ дать отпоръ кому угодно. Если же война будетъ словесная, то я и самъ за словомъ въ карманъ не полѣзу и могу дать сдачи любому арабскому остроумцу.

Я уже сказалъ, что шесть разъ прочитывалъ ваши письма; но любопытно то, что съ каждымъ разомъ вы представляетесь мнѣ въ различномъ свѣтѣ: то мнѣ кажется, что вы махдистъ, то арабистъ, то опять эминистъ. Только тогда узнаю правду, когда увижу васъ.

Не упрямьтесь, пожалуйста, будьте умникомъ и слушайтесь меня. Примите мои приказанія безъ разсужденій и тогда Богъ дастъ, все обойдется отлично.

Мнѣ бы хотѣлось помочь пашѣ, но пусть-же и онъ не ставитъ мнѣ палокъ въ колеса. Коли онъ желаетъ выпутаться изъ своей бѣды, я ему усердный слуга и помощникъ; но если онъ опять будетъ мямлить, это повергнетъ меня въ изумленіе и сильно затруднитъ. Я берусь выручить цѣлую дюжину пашей, лишь-бы они въ самомъ дѣлѣ хотѣли быть выручены. Я готовъ на колѣняхъ умолять Эмина-пашу поразумнѣе относиться къ его собственнымъ интересамъ. Я нахожу, что онъ во всемъ выказываетъ себя умнымъ человѣкомъ, но только не въ этомъ дѣлѣ. Будьте съ нимъ добры и терпѣливы, ради многихъ его хорошихъ качествъ, но не поддавайтесь тому роковому увлеченію, какое въ послѣдніе годы постигаетъ каждаго европейца, ступившаго на суданскую почву. Какъ только они попадаютъ туда, ихъ точно вихремъ какимъ заноситъ въ водоворотъ и они крутятся, покуда не потонутъ. Единственное средство уберечься отъ такого конца состоитъ въ томъ, чтобы слѣпо и беззавѣтно повиноваться приказаніямъ, приходящимъ извнѣ.

Комитетъ говорилъ намъ: «Доставьте же боевые снаряды Эмину пашѣ, если онъ захочетъ уходить, они помогутъ ему въ этомъ; если-же останется, они и на мѣстѣ ему пригодятся». Хедивъ сказалъ въ сущности тоже самое, но прибавилъ; «а если паша со своими офицерами пожелаетъ остаться, то пусть остаются на свой страхъ». Сэръ Эвелинъ Берингъ опять сказалъ тоже, притомъ въ самыхъ ясныхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ. И вотъ я тутъ, прошелъ 4.100 миль и принесъ послѣднюю партію снарядовъ, предназначенныхъ для вспоможенія пашѣ. Пусть тотъ, кто имѣетъ на нихъ право, придетъ и приметъ ихъ отъ меня. Приходите, я готовъ всѣми силами и способностями помогать вамъ. Но на этотъ разъ пожалуйста безъ колебаній, отвѣчайте навѣрное, да или нѣтъ, и я уйду домой.

Вамъ искренно преданный

Г. М. Стэнли.

«Ставка старшины Мпинга, до Ніанзы одинъ долгій переходъ, отъ Мазамбони на востокъ за 10 миль.

17 января 1889 г.

Его превосходительству, Эмину пашѣ губернатору Экваторіи.

Милостивый государь!

Честь имѣю увѣдомить васъ, что второй транспортъ вьюковъ, которые экспедиція наша обязалась вамъ доставить, находится въ

здѣшнемъ лагерѣ и готовъ къ сдачѣ тому лицу, которому вы довѣрите его получить. Если вы предпочтете, чтобы мы сложили ящики въ Кавалли или въ Кійя-Нкондо, у озера, мы тамъ и оставимъ ихъ, по полученіи отъ васъ письменнаго на то указанія.

Этотъ второй транспортъ состоитъ изъ шестидесяти трехъ ящиковъ съ патронами Ремингтонъ, тридцати шести ящиковъ пороху, вѣсомъ по 45 фунтовъ въ каждомъ; четырехъ ящиковъ съ запасными колпачками, четырехъ вьюковъ съ товарами, одного тюка для синьора Казати (въ подарокъ отъ меня), съ двумя штуками синей саржи, бумагой, конвертами, тетрадями въ переплетахъ и проч. и проч.

Успѣвъ наконецъ, послѣ усиленныхъ трудовъ и величайшихъ, даже неожиданныхъ препятствій, доставить къ озеру помянутую поклажу, я принужденъ просить у васъ оффиціальной росписки въ полученіи означеннаго вспоможенія и товаровъ, а также окончательно отвѣта на вопросъ: намѣрены-ли вы принять мое содѣйствіе и охрану для слѣдованія въ Занзибаръ,—желаетъ-ли того-же синьоръ Казати и вообще есть-ли, въ средѣ вашихъ офицеровъ и команды, люди, желающіе, чтобы мы помогли имъ благополучно добраться до морскаго берега. Въ послѣднемъ случаѣ я былъ-бы вамъ очень обязанъ, если бы вы сообщили мнѣ какимъ образомъ могу я войти въ сношенія съ этими особами, намѣревающимися покинуть центральную Африку. Осмѣлюсь почтительнѣйше предложить, чтобы всѣ, желающіе уйти со мною, пожаловали въ Нсабэ или въ Кійя-Нкондо, расположились-бы лагеремъ на берегу озера, захвативъ съ собою провіанта примѣрно на одинъ мѣсяцъ и прислали письменно увѣдомить меня о томъ черезъ Кавалли, откуда я вскорѣ могу получить это увѣдомленіе. Лицо, которое будетъ начальствовать надъ этимъ лагеремъ, должно сообщить мнѣ опредѣленно, готовы-ли люди стать подъ мою охрану, а я, получивъ такое извѣщеніе, съ удовольствіемъ приму на себя дальнѣйшую о нихъ заботу.

Если черезъ двадцать дней ни отъ васъ, ни отъ мистера Джефсона не получу никакихъ извѣстій, то за послѣдствія болѣе не отвѣчаю. Мы рады были-бы оставаться ждать въ Кавалли, если бы тамъ было достаточное количество провіанта; но содержать столь многочисленный штатъ въ этомъ мѣстѣ можно не иначе, какъ собирая съ туземцевъ насильственную контрибуцію, что испортило-бы наши отношенія къ мѣстному населенію и воспрепятствовало-бы сношенію моему съ вами.

Если бы возможно было на пароходѣ доставить зерно въ Кійя-Нкондо и сложить его на берегу подъ надзоромъ шести или семи человѣкъ вашихъ людей, то я, получивъ о томъ извѣщеніе, могъ-бы

выслать отрядъ носильщиковъ для переноски его на плоскогорье. Меня всего болѣе безпокоитъ вопросъ о продовольствіи. Изъ этого вы можете заключить, какъ важно для меня получить отъ васъ отвѣтъ скорый и опредѣлительный, буде есть къ тому возможность.

Если въ теченіи двадцати дней вы найдете средство завязать со мною сношенія и подрудитесь указать мнѣ, чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ или-же какъ могу оказать вамъ существенную помощь обязуюсь употребить всѣ усилія, чтобы услужить вамъ.

А пока съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаю вашего парохода *).

Пребываю вашимъ покорнымъ слугою

Генри М. Стэнли

Начальникъ экспедиціи вспомоществованія».

На другой день по прибытіи въ Кавалли мы отправили къ берегу озера тридцать ружей съ моими письмами къ Эмину-пашѣ и мистеру Джефсону. Люди передали депеши старшинѣ Мого, и по возвращеніи въ лагерь донесли, что старшина отправился изъ Нсабэ къ мѣстечку Мсуа. Въ продолженіи этихъ дней намъ дали пять быковъ, шесть козъ, пятидневные запасы кукурузы, бобовъ, бататовъ, и пшена, а отъ окружныхъ старшинъ ожидались еще дальнѣйшія приношенія, бывшія уже на пути къ лагерю.

Вечеромъ 21-го января мнѣ донесли, что Балегги собираются напасть на насъ. На другой день рано утромъ 1.500 человѣкъ Уахумъ и Бавирцевъ и шестьдесятъ ружей нашего отряда посланы были имъ навстрѣчу. Враждующія стороны столкнулись на вершинѣ горъ, обрамляющихъ озеро, и Балегги, послѣ жаркаго сопротивленія, прогнаны къ своимъ соплеменникамъ, подданнымъ старшины Мелиндуе, который былъ въ союзѣ съ Кабба-Рега.

День 23-го января былъ посвященъ жителями равнины празднованію побѣды. Бавирскія женщины собрались въ лагерь и тоже выражали свою радость по поводу избавленія отъ лютаго врага: онѣ пѣли и плясали съ девяти часовъ вечера до трехъ часовъ ночи. Каждая изъ женщинъ и дѣтей, принимавшихъ участіе въ хороводахъ была украшена сзади и спереди пучками зеленыхъ листьевъ; лица

---

*) Я перечитывалъ это письмо много разъ и никогда не могъ понять. чѣмъ такая оффиціальная депеша (притомъ рисковавшая попасть въ руки мятежныхъ офицеровъ, какъ то думалъ Джефсонъ) могла уязвить чувствительное сердце, паши; а между тѣмъ мнѣ говорили, что получивъ это письмо паша страшно разобидѣлся. Я конечно былъ очень далекъ отъ намѣренія огорчить или оскорбить человѣка, къ которому былъ дружески расположенъ; единственной моей цѣлью было получить рѣшительный отвѣтъ на вопросъ: „что вы хотите, оставаться здѣсь или уходить со мною?“

ихъ были вымазаны красной глиной, а все тѣло натерто масломъ. Плясали хорошо, очень бойко и даже не безъ граціи, но вокальная музыка была лучше. Молодые воины окружали танцующихъ женщинъ и показывали свою ловкость въ игрѣ копьями.

Затѣмъ послѣдовало нѣсколько дней полнаго отдохновенія и покоя. Каждый день намъ аккуратно доставляли быковъ, козъ, овецъ, куръ и другую провизію. 5-го февраля отъ Джефсона пришла записка съ извѣщеніемъ, что онъ прибылъ на берегъ озера, и я тотчасъ выслалъ отрядъ занзибарцевъ проводить его на плоскогорье, до котораго оттуда было около тринадцати миль.

На другой день явился самъ Джефсонъ. Послѣ обѣда, говоря о пашѣ, вотъ какъ онъ отозвался о немъ послѣ девятимѣсячнаго съ нимъ сожительства и близкаго знакомства:

— „Чувствительность, — вотъ худшій врагъ Эмина-паши. Никто не держитъ здѣсь Эмина, кромѣ его самого». — И далѣе, — «я и теперь не больше вашего знаю, что Эминъ намѣренъ дѣлать, даромъ что все это время я всякій Божій день разговаривалъ съ нимъ объ этомъ».

Тогда я попросилъ его написать мнѣ подробно донесеніе обо всемъ, что тутъ было, разсказать, какимъ образомъ произошло возмущеніе войскъ въ Экваторіальной провинціи, и изложить свои взгляды на вторженіе въ эту область махдистовъ и о могущихъ отъ того быть послѣдствіяхъ.

Мистеръ Джефсонъ съ охотою принялся за дѣло, и вотъ что онъ мнѣ подалъ.

«Селеніе Кавалли, близь озера Альбертъ-Ніанза
7-го февраля 1889 г.

Дорогой сэръ,

Честь имѣю представить вамъ донесеніе о пребываніи моемъ съ 24-го мая 1888 г. по настоящее время при его превосходительствѣ Эминъ-пашѣ, мудирѣ Экваторіальной провинціи.

Согласно предписанію вашему я посѣтилъ почти всѣ поселенія провинціи и читалъ офицерамъ, солдатамъ и гражданскимъ чиновникамъ каждаго изъ нихъ письма его высочества хедива, его превосходительства Нубара-паши и ваше воззваніе къ солдатамъ.

Окончивъ чтеніе я бесѣдовалъ съ людьми и давъ имъ время обсудить дѣло между собою, приглашалъ ихъ объявить на чемъ они порѣшили: принять-ли нашу охрану для безопаснаго слѣдованія въ Египетъ, или оставаться въ здѣшней области.

Во всѣхъ поселеніяхъ, за исключеніемъ Ляборэ, получился единодушный отвѣтъ: «послѣдуемъ за нашимъ мудиромъ, куда-бы онъ не

пошелъ». Повидимому всѣ были рады, что мы пришли къ нимъ на помощь и говорили много такого, что̀ указывало на ихъ чрезвычайно высокое мнѣніе о своемъ мудирѣ: они въ самыхъ хвалебныхъ выраженіяхъ отзывались о его справедливости, добротѣ и заботливости о нихъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Во все время моего пребыванія въ странѣ, паша предоставлялъ мнѣ полную свободу въ общеніи съ народомъ, съ офицерами, чиновниками, и я могъ съ ними разговаривать сколько мнѣ было угодно.

Дойдя до Кирри, гдѣ квартируетъ послѣдняя рота 2-го баталіона, мы пріостановились, въ ожиданіи вѣстей изъ Реджафа. Вся страна къ сѣверу и западу отъ Кирри занята солдатами 1-го баталіона, которые уже почти четыре года кряду открыто бунтовали противъ паши. Здѣсь паша получилъ письмо отъ Хамида-Аги, маіора 1-го баталіона, съ просьбой не ходить въ Реджафъ, потому, что тамошніе мятежники задумали схватить насъ и отвести въ Хартумъ, такъ какъ они все еще полагали, что тамъ есть настоящія египетскія власти, а извѣстію о паденіи Хартума не довѣряли. Поэтому мы не посѣщали сѣверныхъ поселеній и по неволѣ должны были возвратиться.

На возвратномъ пути мы зашли въ Ляборэ и когда я сталъ читать передъ народомъ письма, одинъ изъ солдатъ вышелъ изъ рядо̀въ и закричалъ: «все что ты разсказываешь—неправда, и всѣ твои бумаги фальшивыя. Хартума никто не отнималъ, и чрезъ него идетъ настоящая дорога въ Египетъ. Другой дорогой мы не пойдемъ, а лучше здѣсь останемся и сложимъ свои головы».

Паша приказалъ отправить этого человѣка въ тюрьму; тогда солдаты окружили насъ, зарядили ружья и дулами обратили къ намъ. Они были очень возбуждены, страшно кричали, шумѣли и мы нѣсколько минутъ ожидали, что вотъ, вотъ начнется рѣзня и перебьютъ насъ самихъ и небольшую кучку людей, бывшихъ съ нами. Однако мало по малу они успокоились, и стали просить меня одного придти бесѣдовать съ ними, что я и сдѣлалъ: при этомъ они выражали великое сожалѣніе, что все такъ случилось. Мы узнали потомъ что ихъ, подстроивалъ Сururъ-Ага, мѣстный начальникъ.

Черезъ нѣсколько дней, когда мы возвращались въ Дуффлэ, 18-го августа мы узнали что тамъ вспыхнуло возмущеніе: зачинщикомъ его оказался Фадль-эль-Мулла-Ага, начальникъ гарнизона въ Фаббо, который уже занялъ и Дуффлэ. Какъ только мы пришли, такъ насъ и взяли въ плѣнъ. Пока мы отсутствовали, нѣсколько египтянъ, имѣя во главѣ Абдула-Уахабъ-Эффенди и Мустафу-Эффенди-эль-Эджеми (обоихъ сослали сюда за участіе въ мятежѣ Араби), съ нѣсколькими гражданскими чиновниками: Мустафой-Эффенди-Ахметомъ, Ахметомъ-

Эффенди-Махмудомъ, Сабри-Эффенди, Таибомъ-Эффенди и другими, распространяли прокламаціи и подбивали народъ къ возстанію, всюду говоря, что неправда будто Хартумъ палъ, что принесенныя нами письма хедива и Нубара-паши подложныя, что вы искатель приключеній и совсѣмъ не изъ Египта пришли, а столкнулись съ пашой, чтобы забрать въ руки все населеніе страны вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, и предать ихъ въ рабство англичанамъ. Они прибавляли, что если ужъ въ Египтѣ они возставали противъ его высочества хедива, то бунтовать противъ Эмина-паши и подавно не большая бѣда.

Такія рѣчи подняли бурю въ странѣ и хотя сами солдаты не принимали дѣятельнаго участія въ возмущеніи, однако насъ стерегли какъ плѣнниковъ и дозволяли офицерамъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Главные бунтари Фадль-эль-мулла-Ага, Ахметъ-ага-Динкави и Абдулъ-Ага-эль-Оптъ повели ихъ въ Дуффлэ и присоединились къ тамошнимъ египтянамъ, которые избрали Фадль-эль-муллу своимъ начальникомъ. Они разсылали по всѣмъ ставкамъ письма, извѣщая офицеровъ, что взяли въ плѣнъ мудира и меня, за то, что мы хотѣли предать ихъ и созывали ихъ въ Дуффлэ на совѣщаніе о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій; они пригласили также мятежныхъ офицеровъ 1-го баталіона присоединиться къ нимъ и дѣйствовать сообща.

Меня призывали въ собраніе бунтарей и дѣлали мнѣ допросъ касательно нашей экспедиціи; разбирали письмо хедива и чиновники объявили его подложнымъ. Порѣшили отставить пашу отъ должности, а кому это не нравилось тѣхъ такъ настращали, что подъ конецъ сдались и они. Пашѣ вручили приказъ объ его отрѣшеніи и постановили содержать его въ тюрьмѣ, въ Реджафѣ. Меня объявили свободнымъ, но въ сущности и я былъ въ неволѣ, потому, что изъ поселенія меня не выпустили и за каждымъ моимъ движеніемъ слѣдили очень пристально. Составили еще такой планъ, чтобы заманить васъ въ страну, отнять все, что у васъ есть ружей, патроновъ, товаровъ, и ограбивъ васъ такимъ образомъ, выпроводить отсюда.

Послѣ этого бунтовщики приступили къ образованію новаго правительства; всѣхъ тѣхъ, кто подозрѣвался въ личномъ расположеніи къ пашѣ, отрѣшали отъ должностей. Вскорѣ однакоже возникли между ними ссоры, недоразумѣніе, зависть; ограбили домъ паши и двухъ или трехъ лицъ, считавшихся его сторонниками, и на томъ покончили переустройство правленія.

Въ такомъ положеніи были дѣла, какъ вдругъ 15-го октября мы узнали, что махдисты явились въ Ладо на трехъ пароходахъ, девяти сандаляхъ и нёггерахъ, а 17-го три дервиша пришли подъ бѣлымъ флагомъ и привезли пашѣ письмо отъ начальника махдистовъ, Омара

Сале, въ которомъ онъ обѣщалъ намъ полное помилованіе, если онъ сдастся со всѣмъ гарнизономъ. Это письмо мятежники перехватили, прочли и рѣшили не сдаваться. 21-го октября разнесся слухъ, что къ махдистамъ примкнуло множество негровъ изъ племени Бари, что они вмѣстѣ напали на Реджафъ, взяли его приступомъ, убили трехъ офицеровъ, двухъ гражданскихъ чиновниковъ, очень многихъ солдатъ, а всѣхъ женщинъ и дѣтей взяли въ плѣнъ. Это навело паническій страхъ на населеніе и гарнизоны Биденна, Кирри и Мугги, захвативъ женщинъ и дѣтей бѣжали въ Ляборэ; изъ Кирри даже боевыхъ снарядовъ не взяли, а все побросали на мѣстѣ.

Узнавъ о такомъ бѣдствіи, мятежники увидѣли необходимость выслать сильныя подкрѣпленія въ Мугги: изъ всѣхъ южныхъ станцій набрали солдатъ и послали туда. 31-го октября мы услышали, что въ Мугги всѣ офицеры перессорились, а солдаты объявили, что не станутъ драться, покуда ихъ мудиръ не будетъ выпущенъ на свободу. 15-го ноября узнали, что солдаты, посланные въ Реджафъ, у самаго селенія встрѣчены были махдистами, которые разомъ бросились на нихъ, а солдаты даже и не думали драться, а просто побѣжали, оставивъ за собою командующихъ офицеровъ. При этомъ были убиты шесть офицеровъ, новый правитель области (избранный мятежниками на мѣсто паши) и нѣкоторые изъ заклятыхъ враговъ паши; двое офицеровъ пропало безъ вѣсти, а многихъ солдатъ убивали лежачихъ, по мѣрѣ того какъ они на бѣгу падали отъ усталости.

Получивъ такія извѣстія, офицеры сторонники паши тотчасъ стали уговаривать мятежниковъ выпустить его, и такъ какъ бунтари боялись народа, то они его и выпустили на свободу и отослали насъ въ Уаделаи, гдѣ онъ восторженно былъ встрѣченъ тою частью населенія, которая оставалась ему вѣрна. Ровно три мѣсяца паша провелъ въ заключеніи. Объ эту пору народъ повѣрилъ наконецъ, что Хартумъ палъ, а мы точно пришли изъ Египта.

Проживъ нѣсколько дней въ Уаделаи и не имѣя никакихъ извѣстій изъ Дуффлэ, люди стали сильно безпокоиться и послали туда гонцовъ по восточному берегу рѣки, чтобы отнести письма и узнать причину столь долгаго молчанія, тогда какъ по слухамъ на Уаделаи съ запада шли значительныя силы махдистовъ и находились отъ насъ только въ четырехъ дняхъ пути.

4-го декабря офицеръ, командующій гарнизономъ въ Бора, небольшой военной станціи между Уаделаи и Дуффлэ, прибѣжалъ къ намъ со всей своей командой и запыхавшись объявилъ, что они покинули свой постъ въ Дуффлэ, что Фаббо и всѣ вообще сѣверныя поселенія пали, пароходы также захвачены махдистами, туземцы возстали, при-

соединились къ непріятелю и перерѣзали нашихъ гонцовъ. Тогда собрался военный совѣтъ, порѣшили покинуть Уаделаи, отступить къ Тенгуру, а оттуда подняться на плоскогорье и пробраться къ вамъ, въ фортъ Бодо. На этомъ-же совѣтѣ мнѣ было велѣно уничтожить нашъ вельботъ «Авансъ», чтобы онъ не достался махдистамъ, и такъ какъ спасти его не предвидѣлось возможности, я принужденъ былъ это исполнить. На другой день, 5-го декабря, у насъ все было готово: мы захватили съ собою въ узелкахъ только самые необходимые предметы, а все остальное оставили. Изъ складовъ впрочемъ вынесли всѣ боевые снаряды и роздали ихъ солдатамъ. Какъ только это было сдѣлано и мы хотѣли тронуться въ путь, солдаты вдругъ объявили, что теперь у нихъ довольно патроновъ и потому они предпочитаютъ разойтись по домамъ, т. е. въ Макракэ и прочіе округа,—тамъ они пойдутъ къ своимъ и будутъ жить сами по себѣ, а пашу и своихъ командировъ предоставляютъ на произволъ судьбы.

Положеніе было отчаянное и мы все таки пустились въ дорогу. Наша длинная, безпорядочная процессія состояла главнымъ образомъ изъ египетскихъ чиновниковъ съ ихъ женами и семействами, а солдатъ осталось при насъ всего восемь человѣкъ, пребывавшихъ вѣрными. Нѣкоторые изъ слугъ тоже были вооружены, такъ что всего можно было набрать въ нашей партіи до тридцати ружей. Когда мы вышли изъ селенія, солдаты бросились въ дома и принялись грабить.

6-го декабря мы увидѣли на рѣкѣ пароходъ, нагонявшій насъ, и люди собирались стрѣлять по немъ; но оказалось, что на пароходѣ были наши-же люди изъ Дуффлэ, съ письмами къ пашѣ. Изъ писемъ мы узнали что Фаббо очищено, и бѣжавшимъ оттуда удалось добраться до Дуффлэ, хотя негры нападали на нихъ по дорогѣ. Махдисты осаждали Дуффлэ четверо сутокъ и однажды ночью овладѣли частью селенія и захватили пароходы; они успѣли даже выгнать всѣхъ солдатъ (числомъ до 500 человѣкъ) вонъ изъ селенія; но солдаты, очутившись между двухъ огней и въ самомъ отчаянномъ положеніи, уступили наконецъ мольбамъ своихъ офицеровъ и дали непріятелю энергическій отпоръ. Селимъ-Ага-Маторъ, Беллаль-Ага, Бечиль-Ага, Бергонтъ и Сулейманъ-Ага ворвались обратно въ селеніе, заняли его, произвели вылазку и такъ отдѣлали махдистовъ, что они отступили къ Реджафу и послали въ Хартумъ два парохода за подкрѣпленіями.

Судя по всему, что мнѣ разсказывали, солдаты вели себя какъ настоящіе трусы во всѣхъ дѣлахъ, исключая послѣдняго, когда отчаяніе придало имъ силы. Въ дѣлѣ при Дуффлэ убито четырнадцать офицеровъ и множество солдатъ, а Сулейманъ-Агу подстрѣлили свои-же люди и онъ умеръ потомъ. Потери непріятеля опредѣляютъ въ 250

человѣкъ, но я думаю вѣрнѣе будетъ на двѣ трети сократить это число, даромъ что махдисты дерутся только копьями и мечами, тогда какъ солдаты вооружены ремингтоновскими ружьями и стрѣляли не иначе какъ изъ-за земляной насыпи: но они такъ скверно стрѣляютъ, что не наносятъ почти никакого вреда непріятелю.

Офицеры и солдаты въ Уаделаи очень просили пашу возвратиться, но послѣ измѣннической выходки солдатъ въ такую трудную для него минуту онъ имъ больше не вѣрилъ и предпочелъ идти на Тенгуру. Это отступленіе изъ Уаделаи, продолжавшееся только двое сутокъ, дало мнѣ понятіе о томъ, какъ трудно и даже почти невозможно будетъ довести этотъ народъ до Занзибара, если они захотятъ пойти съ нами.

Послѣ того какъ мы ушли изъ Уаделаи, партія противниковъ паши начавшая тотчасъ усиливаться какъ только миновала опасность со стороны махдистовъ,—обвинила его въ томъ, что онъ самъ сочинилъ эту исторію про взятіе Дуффлэ, желая отрѣзать имъ отступленіе и предать ихъ въ руки махдистовъ, тогда какъ самъ онъ со своими приверженцами бѣжалъ изъ страны и отправился къ вамъ. Поэтому пашу, Казати и меня приговорили къ смерти за измѣну.

Въ Уаделаи состоялся большой военный совѣтъ, на которомъ присутствовали и всѣ солдаты и на этомъ совѣщаніи столько было споровъ и ссоръ (одни хотѣли оставаться въ странѣ, другіе уйти вмѣстѣ съ пашой), что сначала только ругались, а потомъ пошли и въ рукопашную. Фадль-эль-Мулла-Ага со своею партіей требовалъ, чтобы пашу и меня тотчасъ взять въ плѣнъ; другая-же партія, подъ предводительствомъ Селима-Аги-Мотора, стремилась соединиться съ пашой и съ нимъ покинуть страну. Но они, хоть и увѣряютъ, что хотятъ уходить изъ этой области, однакожъ не дѣлаютъ ровно никакихъ приготовленій къ походу. Если вы намѣрены взять ихъ съ собой, вамъ придется подождать нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ они изготовятся въ путь. Тѣмъ временемъ паша, синьоръ Казати и я сидѣли въ Тенгуру, потому что мятежники на-строго приказали коменданту мѣстнаго гарнизона задержать насъ, впредь до новыхъ распоряженій.

26-го января мы съ пашою получили ваши письма отъ 17-го и 18-го числа, и такъ какъ вы приказали мнѣ немедленно по полученіи ихъ отправляться въ Кавалли, я собрался на другой-же день, взявъ съ собою отвѣтное письмо паши. Благодаря предательству одного изъ слугъ паши, меня сначала на два дня задержали, но стараніями Шукри-Аги, коменданта укрѣпленія въ Мсуа, я могъ нанять у туземцевъ челнокъ, въ которомъ они и доставили меня на островъ Нямсасси; но такъ какъ въ это время года озеро всегда бываетъ очень неспокойно

и плавать по немъ опасно, то переѣздъ отъ Мсуа до Нямсасси взялъ у насъ пятеро сутокъ. О поведеніи Шукри-Аги, въ теченіи этихъ пяти мѣсяцевъ оставшагося неизмѣнно-вѣрнымъ Эмину-пашѣ, могу отозваться не иначе, какъ съ величайшею похвалой.

Въ настоящую минуту рѣшительно не могу дать вамъ точнаго понятія о состояніи страны. Перевѣсъ то на сторонѣ мятежниковъ, то на сторонѣ партизановъ Эмина-паши. Одинъ пароходъ съ подкрѣпленіями для махдистовъ уже прибылъ въ Реджафъ; вскорѣ ожидаютъ двухъ другихъ, по всей вѣроятности подкрѣпленія придутъ еще вскорѣ и съ Бахръ-эль-Газеля и тогда махдисты, въ отместку за свое пораженіе при Дуффлэ, собравъ значительныя силы бросятся на Уаделаи и застанутъ тамошній гарнизонъ проводящимъ время въ несогласіяхъ и нерѣшимости. Тенгуру только въ двухъ дняхъ пути отъ Уаделаи и положеніе тамъ паши, окруженнаго людьми неблагонадежными, въ высшей степени опасно, а потому чрезвычайно важно выручить его оттуда какъ можно скорѣе.

Въ письмѣ вашемъ ко мнѣ отъ 17 и 18 января вы не безъ горечи упоминаете о томъ, что мы съ пашой не исполнили своего обѣщанія выстроить селеніе въ Нсабэ, поставить тамъ гарнизонъ и приготовить склады провіанта къ тому времени, какъ вы возвратитесь на Ніанзу; что мы не пошли въ фортъ Бодо, не вывели оттуда гарнизона и вьюковъ, не доставили ихъ въ Нсабэ; и наконецъ не позаботились о томъ, чтобы всѣ, желающіе воспользоваться вашею охраной, собрались въ Нсабэ къ вашему приходу и были бы готовы выступать вмѣстѣ съ нами. Всего этого мы не сдѣлали вотъ почему:— послѣ того какъ паша провелъ съ вами почти цѣлый мѣсяцъ въ Нсабэ, очень натурально, что у него накопилось много дѣла въ Уаделаи, центрѣ управленія; а я почти цѣлый мѣсяцъ къ ряду вылежалъ въ лихорадкѣ и вплоть до іюля мѣсяца не былъ въ состояніи начать объѣздъ сѣверныхъ поселеній *).

Выполнивъ свою миссію на сѣверѣ, мы возвращались съ намѣреніемъ исполнить то что обѣщали вамъ, но 18-го августа насъ взяли въ плѣнъ, пашу лишили власти и поставили насъ въ полнѣйшую невозможность сдержать наши обѣщанія. Передъ уходомъ изъ Уаде-

*) Омаръ-эль-Хаттабъ, второй Халифъ послѣ Магомета, говорилъ: „четырехъ вещей нельзя взять назадъ: сказаннаго слова, пущенной стрѣлы, прошедшей жизни и пропущеннаго случая“. Я принимаю объясненія мистера Джефсона, но продолжаю находить, что многихъ страданій и безпокойствъ они избѣгли-бы, и ни взятія въ плѣнъ, ни опасностей для нихъ не существовало бы, если бы они сдержали свои обѣщанія. Въ іюлѣ слѣдовало имъ выступить въ фортъ Бодо. Ихъ арестовали 18-го августа.

лаи мы пытались сформировать партію людей для посылки ихъ въ Нсабэ и устройства тамъ селенія, но солдаты отказались повиноваться пока не узнаютъ на чемъ порѣшили ихъ сѣверные братья. Еще очень счастливо вышло, что селеніе не построено и гарнизонъ и вьюки изъ форта Бодо туда не перетасканы, потому что мятежники непремѣнно овладѣли-бы всѣмъ нашимъ имуществомъ, а европейскихъ командировъ взяли бы въ плѣнъ.

Все предыдущее заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ по поводу состоянія страны въ ту пору, когда я впервые вступилъ въ нее 21-го апрѣля 1888 года. Первый баталіонъ давно ужъ бунтовалъ противъ паши и дважды пытался взять его въ плѣнъ; второй баталіонъ считался вѣрнымъ, но безпрестанно выходилъ изъ повиновенія и съ нимъ никакого ладу не было, такъ что власть паши была почти фиктивная; когда нужно было выполнить что нибудь важное, онъ и не думалъ ужъ приказывать, а упрашивалъ своихъ подчиненныхъ сдѣлать то или другое.

Въ маѣ 1888 года, когда мы были въ Нсабэ, паша намекалъ намъ иногда, что ему трудновато справляться со здѣшнимъ народомъ, однако не выяснялъ въ какомъ именно положеніи находятся его дѣла, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ ужъ были въ безнадежномъ положеніи; но намъ и въ голову не приходило, чтобы въ рядахъ его подчиненныхъ было столько недовольныхъ, или чтобы они могли думать о бунтѣ. Мы полагали,—какъ впрочемъ и большинство думало въ Европѣ и въ Египтѣ, судя по письмамъ самого паши и по недавнимъ отчетамъ доктора Юнкера,—что всѣ затрудненія паши возникали извнѣ, тогда какъ настоящая опасность угрожала ему въ средѣ его подчиненныхъ. Такимъ образомъ и мы возложили свои надежды на людей, совершенно недостойныхъ нашего довѣрія и помощи; вмѣсто того, чтобы почувствовать къ намъ благодарность за то, что мы пришли ихъ выручать, они съ самаго начала сговаривались ограбить экспедицію, а насъ отсюда прогнать; и если-бы во время возмущенія бунтовщики могли привести хоть одинъ примѣръ несправедливости, жестокости или нерадѣнія со стороны Эмина-паши, нѣтъ сомнѣнія, что они убили бы его.

Есть конечно люди, оставшіеся вѣрными пашѣ, и много есть такихъ, которые держали себя нейтрально; это именно тѣ, что желаютъ уйти съ нами. Много также египетскихъ чиновниковъ, изъ которыхъ большинство вело себя прескверно, но махдисты такъ ихъ напугали, что теперь и они захотѣли уходить; однако, сколько я ни уговаривалъ ихъ собираться въ дорогу, и начать приготовленія, они повидимому не способны сдѣлать какое либо усиліе, чтобы добраться до

Нсабэ, откуда имъ было бы удобнѣе сообщаться съ нами; и никто вѣдь не мѣшаетъ имъ, а просто имъ лѣнь сдвинуться съ мѣста.

Большинство людей, т. е. многіе египтяне и почти всѣ суданцы рѣшительно не хотятъ идти въ Египетъ и вообще несогласны покинуть страну. По большей части они никогда и не бывали въ Египтѣ, а набраны въ солдаты изъ сосѣднихъ здѣшнихъ округовъ. Здѣсь у нихъ заведены хозяйства на широкую ногу, у офицеровъ, напримѣръ, въ каждомъ домѣ отъ восемнадцати до ста человѣкъ челяди, женщинъ, дѣтей и прислуги; всякій суданецъ считаетъ, что чѣмъ больше у него въ домѣ народу, тѣмъ лучше и почетнѣе; а въ Египтѣ онъ на свое жалованье не можетъ завести больше трехъ или четырехъ человѣкъ. Взявъ во вниманіе такія обстоятельства. очень легко понять, почему они предпочитаютъ оставаться на своихъ мѣстахъ.

Что касается до паши, то я навѣрное знаю, что ему лично до крайности хочется уйти съ нами, но при какихъ условіяхъ онъ согласится это исполнить—я рѣшительно не знаю. Думаю даже, что и ему самому это неизвѣстно, до такой степени часто мѣняются его мысли объ этомъ предметѣ. Сегодня онъ готовъ хоть сейчасъ выступить въ путь, а на завтра ему приходитъ какая-то новая мысль, которая его не пускаетъ. Я сотни разъ обсуждалъ съ нимъ этотъ предметъ, но такъ и не добился неизмѣннаго рѣшенія. Послѣ бунта я какъ-то сказалъ ему: «Ну вотъ теперь ваши люди отставили васъ отъ должности, окончательно вышли изъ повиновенія; надѣюсь, что вы больше не считаете себя обязаннымъ или отвѣтственнымъ за нихъ?»—Онъ отвѣчалъ: «Если бы они не отставили меня, я считалъ бы себя обязаннымъ стоять за нихъ и помогать имъ всѣми мѣрами, но теперь я считаю себя въ правѣ помышлять единственно о собственной безопасности и благосостояніи и лишь бы представился случай,—уйду, и ни на что не посмотрю...» А за нѣсколько дней передъ тѣмъ какъ я отъ него ушелъ, онъ мнѣ сказалъ: «Я знаю, что никоимъ образомъ не подлежу отвѣтственности за этотъ народъ, но не могу же я уйти, зная что тутъ остаются другіе, которые также стремятся покинуть эту страну. Я знаю, что это вопросъ чувства и вы вѣроятно не согласитесь со мною, но какъ-же, если мои враги въ Уаделаи станутъ указывать на меня пальцемъ и скажутъ народу, — вотъ видите, онъ васъ покинулъ!..»

Это лишь два образчика нашихъ съ нимъ разговоровъ на эту тему, но я могъ бы привесть ихъ множество въ томъ же родѣ, т. е. такихъ же противурѣчивыхъ. Одинъ разъ, сильно раздосадованный его нерѣшительностью, я сказалъ:—«Если экспедиція придетъ и окажется гдѣ нибудь по близости отъ васъ, я посовѣтую мистеру Стэнли

арестовать васъ и утащить силою, хотя бы противъ вашего желанія», — на что паша отвѣтилъ: «что-жъ, я ничего не имѣю противъ этого».

Мнѣ кажется, что коли спасать его, такъ прежде всего спасать отъ него самого.

Прежде чѣмъ, закончу это донесеніе, я долженъ засвидѣтельствовать, что во время частыхъ моихъ разговоровъ съ людьми всякаго званія изъ числа бывшихъ подчиненныхъ паши, я слышалъ отъ большинства похвалы его справедливости и великодушію, но въ тоже время всѣ говорятъ (и я вижу постоянное тому подтвержденіе), что онъ не съ достаточною твердостью держалъ ихъ въ рукахъ.

Трое суданскихъ солдатъ, которыхъ вы оставили при мнѣ денщиками и мой слуга Бинза возвращаются со мною; но Мабруки Кассимовъ, израненный буйволомъ близь Нсабэ, умеръ черезъ два дня по уходѣ вашемъ въ фортъ Бодо.

Остаюсь, дорогой сэръ, вашимъ покорнымъ слугою

Э. Д. Моунтеней Джефсонъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ мистеръ Джефсонъ вручилъ мнѣ формальную росписку Эмина-паши въ полученіи моего оффиціальнаго къ нему письма отъ 18-го января.

«Тёнгуру, 27-го января 1889.

Мистеру Г. М. Стэнли, командующему экспедиціею вспомоществованія.

Сэръ!

Честь имѣю извѣстить, что получилъ вашу записку отъ 14-го января изъ лагеря въ Ўндуссумѣ и оффиціальное письмо отъ 17-го, врученное мнѣ вчера вечеромъ. Позвольте принесть искреннее поздравленіе вамъ и вашимъ спутникамъ съ тѣмъ, что вы совершили.

Я принялъ къ свѣдѣнію предложеніе ваше передать мнѣ или другому лицу, по довѣрію отъ меня, второй транспортъ товаровъ, принесенныхъ вами и состоящихъ изъ шестидесяти трехъ ящиковъ патроновъ Ремингтона, двадцати шести ящиковъ пороху, вѣсомъ по 45 фунтовъ въ каждомъ; четыре ящика запасныхъ капсюлей, четырехъ тюковъ съ товарами, одного тюка для синьора Казати въ подарокъ отъ васъ лично; двухъ кусковъ саржи, писчей бумаги, конвертовъ, тетрадей въ переплетахъ и проч. Какъ только должностныя лица, которыхъ я ожидаю изъ Уаделаи, прибудутъ сюда, я поручу одному изъ нихъ принять на себя храненіе означенныхъ товаровъ, и въ тоже время скажу ему, чтобы онъ выдалъ вамъ въ полученіи оныхъ формальную квитанцію.

Тридцать одинъ ящикъ патроновъ Ремингтона, составлявшіе пер-

вый изъ полученнныхъ мною транспортовъ, въ свое время сданы на храненіе въ казенные склады.

Касательно вопроса вашего, желаемъ-ли мы, т. е. синьоръ Казати и я, принять вашу помощь и охрану для слѣдованія отсюда въ Занзибаръ, а также нѣтъ-ли желающихъ того-же въ числѣ здѣшнихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, увѣдомляю васъ, что не только синьоръ Казати и я съ величайшею радостью приняли-бы вашу помощь, но и весьма многіе другіе готовы уйти отсюда въ Египетъ или какое-либо иное, болѣе удобное для нихъ мѣсто. Такъ какъ печальныя событія, возникшія здѣсь за время вашего отсутствія, воспрепятствовали прибытію упомянутыхъ лицъ въ назначенное вами сборное мѣсто и они только теперь начинаютъ собираться въ путь, я просилъ бы васъ пособить имъ. Я намѣренъ всѣхъ ихъ отсылать въ Нямсасси и первая партія выступаетъ сегодня съ мистеромъ Джефсономъ. Каждое лицо снабжено провіантомъ, котораго имъ достанетъ болѣе чѣмъ на одинъ мѣсяцъ.

Чрезвычайно вамъ благодаренъ за обозначеніе сроковъ вашихъ передвиженій. Такъ какъ со дня распредѣленія вами сроковъ до полученія нами вашихъ писемъ прошло девять дней, то остальнаго, назначеннаго вами льготнаго времени, то-есть одиннадцати дней на сборы и приготовленія, будетъ для насъ слишкомъ мало. Слѣдовательно, мнѣ остается лишь поблагодарить васъ и тѣхъ, кто снаряжалъ экспедицію, за добрыя намѣренія и предоставить вамъ рѣшить, можете-ли вы еще подождать насъ, или-же предпочитаете выступить немедленно по истеченіи двадцати дней.

Вполнѣ понимаю, какъ трудно вамъ доставать съѣстные припасы и заготовлять провіантъ на всю экспедицію; весьма сожалѣю, что по краткости назначеннаго вами мнѣ срока не успѣю выслать вамъ провизіи изъ здѣшнихъ складовъ.

Такъ какъ мистеръ Джефсонъ уходитъ съ этимъ пароходомъ и любезно обѣщалъ мнѣ доставить вамъ настоящее письмо, пользуюсь случаемъ засвидѣтельствовать передъ вами, что его присутствіе приносило мнѣ великую помощь и утѣшеніе. При самыхъ исключительно тяжкихъ обстоятельствахъ онъ выказывалъ такую блестящую храбрость, такую притомъ доброту и терпѣніе, что я изъ глубины души желаю ему въ жизни всевозможныхъ успѣховъ и питаю къ нему искреннѣйшую признательность за все его снисхожденіе. Такъ какъ по всей вѣроятности я васъ болѣе не увижу *), прошу васъ принять

*) Не знаю съ чего вздумалось пашѣ писать въ такомъ меланхолическомъ тонѣ; кажется я и на словахъ, и въ письмѣ довольно ясно высказывалъ, что считаю себя обязаннымъ служить ему во всякомъ случаѣ и

на себя трудъ передать ему и его роднымъ выраженія моей благодарности.

Въ заключеніе позволю себѣ еще разъ отъ всего сердца поблагодарить васъ, вашихъ офицеровъ и людей, а также попросить васъ передать мою вѣчную благодарность великодушнымъ особамъ, приславшимъ васъ къ намъ на помощь.

Да благословитъ Богъ васъ и вашихъ сподвижниковъ и да поможетъ Онъ вамъ скоро и благополучно возвратиться по домамъ.

Остаюсь, сэръ, вамъ покорнѣйшій слуга

Докторъ Эминъ-паша».

готовъ оказать ему всевозможное содѣйствіе, лишь бы узнать навѣрное, что ему нужно и чего онъ желаетъ.

Глава XXV.

ЭМИНЪ-ПАША СО СВОИМИ ОФИЦЕРАМИ ПРИХОДЯТЪ КЪ НАМЪ ВЪ КАВАЛЛИ.

Посылаю за лейтенантомъ Стэрсомъ и его караваномъ.—Планы освобожденія Эмина изъ Тенгуру.—Бесѣды съ Джефсономъ, изъ которыхъ я составляю себѣ довольно вѣрное понятіе о положеніи дѣлъ.—Бунтовщики.—Офицеры въ Уаделаи.—Какъ они выпустили Эмина и на пароходахъ „Хедивъ и Ніанза" прибыли въ нашъ лагерь у Кавалли.—Пріѣздъ Эмина-паши.—Стэрсъ и его караванъ приходятъ къ Мазамбони. — Характерное письмо Джефсона, посланнаго проводить Эмина и его офицеровъ отъ озера до Кавалли. — Короткая записка отъ Эмина-паши. — Прибытіе каравана Эминапаши.—Мы дѣлаемъ великолѣпныя приготовленія за чертою лагеря.—Великій диванъ и Селимъ-бей. — Отрядъ Стэрса входитъ въ лагерь, нагруженный сокровищами.—Посылаю мистера Бонни за багажемъ на Ніанзу.—Копія съ моего посланія къ бунтовавшимъ офицерамъ, оставшимся въ Уаделаи.—Записка отъ мистера Бонни.—Греческій купецъ, синьоръ Марко.—Самоубійство занзибарца, по имени Мрима.—Старшины сосѣднихъ округовъ снабжаютъ насъ носильщиками.—Капитанъ Нельсонъ конвоируетъ багажъ Эмина-паши.—Договоръ со старшинами отъ рѣки Итури до озера Ніанзы.—Кабба-Рега.—Дочь Эмина-паши.—Селимъ-Бей получаетъ письмо отъ Фадль-эль-Муллы.—Паша назначается состоять при экспедиціи въ качествѣ натуралиста и метеоролога.—Матеріализмъ паши.— Прибытіе доктора Гассана.—Смотръ всего лагеря.—Прибытіе капитана Казати.—Является мистеръ Бонни съ Авашемъ-Эффенди и его имуществомъ.—Рѣдчайшій въ мірѣ врачъ.—Чимпанзе.—Страсть паши къ коллекціямъ.—Измѣренія карликовъ.—Въ чемъ разнятся мнѣнія мое и Эмина насчетъ его людей.—Многократные походы къ озеру и обратно за людьми и вещами.—Жалобы занзибарцевъ.—Зачинщики неповиновенія.—Гассанъ Бекери. — Египетскіе офицеры.—Свиданіе съ Шукри-Агой.—Флора холмовъ Барегга. — Старшина Узири присоединяется къ нашему союзу.—Разговоръ съ Эминомъ о Селимъ-беѣ и Шукри-Агѣ.—Моя рѣчь къ Стэрсу, Нельсону, Джефсону и Пэрку въ присутствіи Эмина-паши.—Что они отвѣчали.—Памятныя записки для Селимабея и Шукри-Аги.

7-го февраля я рѣшился послать за лейтенантомъ Стэрсомъ и его караваномъ и отправилъ Решида съ тридцатью-пятью занзибарцами

къ Мазамбони, попросить еще сотню носильщиковъ на помощь выздоравливающимъ и слабосильнымъ. Я вознамѣрился собрать въ Кавалли всю экспедицію, а тѣмъ временемъ послать къ Эмину-пашѣ слѣдующія предложенія:

1. Овладѣть пароходомъ, посадить на него желающихъ покинуть Тенгуру и вмѣстѣ съ ними плыть къ нашему прибрежному лагерю. Послѣ этого можно-бы посадить на тотъ-же пароходъ другой экипажъ, изъ занзибарцевъ и помощью ихъ совершать всѣ слѣдующія плаванія, какія понадобятся. Если-же это невозможно, то

2. Идти сухимъ путемъ до Мсуа и по прибытіи туда прислать намъ о томъ извѣщеніе на челнокѣ; если и этого нельзя, то

3. Оставаться въ Тенгуру, и черезъ старшину Мого дать мнѣ знать, не нужно-ли силою выручить его оттуда?

Въ послѣднемъ случаѣ я полагалъ, по прибытіи лейтенанта Стэрса, взять съ собою 300 ружей и тысячи двѣ туземныхъ союзниковъ и отправиться въ Мсуа сухимъ путемъ черезъ Мелиндуе, оттуда къ Тенгуру и силою вызволить пашу. Но сперва мнѣ необходимо было навѣрное узнать, чего желаетъ паша. Въ его письмѣ отъ 27-го января я замѣтилъ какую-то слезливую меланхолію, чего я вовсе не ожидалъ въ отвѣтъ на свой опредѣленный вопросъ въ письмѣ отъ 17-го января, въ которомъ я спрашивалъ только, намѣренъ-ли онъ стать подъ мою охрану и защиту для слѣдованія въ Занзибаръ, или укажетъ мнѣ какой либо иной способъ быть ему полезнымъ и оказать существенное содѣйствіе; въ случаѣ-же, если онъ опредѣленно выскажетъ, что ему нужно, я тогда-же обѣщалъ употребить всѣ усилія, чтобы оказать ему всякую услугу.

Видя однако же, что онъ не понялъ ни моего письма къ Джефсону (которое я съ тѣмъ и писалъ, чтобы оно было прочтено пашѣ), ни моего оффиціальнаго письма, къ нему лично адресованнаго, я рѣшился написать къ нему въ чисто-дѣловомъ тонѣ, такъ ясно и просто, что и самый тупоголовый солдатъ въ отрядѣ не могъ-бы не понять его; но Джефсонъ, прочитавъ это дѣловое посланіе, пришелъ отъ него въ ужасъ.

Такъ какъ я вовсе не имѣлъ намѣренія задѣть чье-либо самолюбіе, а тѣмъ менѣе желалъ обидѣть пашу, я написалъ другое письмо, такого сорта, что самъ Честерфильдъ призналъ-бы его «приличнымъ», а ужъ другъ мой Джефсонъ нашелъ его и милымъ, и прелестнымъ и даже восхитительнымъ, и 8-го февраля мы его послали съ нарочнымъ къ озеру.

День за днемъ бесѣдуя съ мистеромъ Джефсономъ, который, сказать мимоходомъ, оказался отъявленнымъ эминистомъ,—я получилъ

довольно ясное представленіе о положеніи дѣлъ. Между прочимъ, я замѣтилъ, что за время своего насильственнаго сожительства съ пашой Джефсонъ пріобрѣлъ привычку, поневолѣ заставлявшую меня улыбаться, а именно,—о чемъ-бы онъ ни говорилъ и какія-бы ни сообщалъ поразительныя свѣдѣнія насчетъ порядковъ въ провинціи, онъ пересыпалъ свои остроумныя замѣчанія такими присловьями: «ну чтожъ дѣлать, знаете-ли, бѣдному пашѣ! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ милѣйшій человѣкъ! Право-же, увѣряю васъ, нельзя не сочувствовать пашѣ, такой онъ отличный малый!..» и т. д.

Все это какъ нельзя-лучше освѣщало различныя черты характера паши и доказывало съ одной стороны, что у Джефсона добрѣйшее сердце, а съ другой,—что все видѣнное имъ и слышанное заставляло его сильнѣе привязываться къ пашѣ и проникаться къ нему уваженіемъ. Зато, когда дѣло шло о египтянахъ, требовался цѣлый арсеналъ ругательныхъ эпитетовъ, помощью которыхъ онъ клеймилъ ихъ поступки и самую природу: «совершеннѣйшіе мерзавцы, развращенные негодяи, предательскія собаки, безсовѣстные подлецы» и проч. и проч. Египтянъ онъ обзывалъ «животными съ лисьими инстинктами», суданцевъ «глупыми скотами». Одинъ изъ старшихъ чиновниковъ подделывалъ счеты въ Хартумскомъ арсеналѣ и за это получилъ 1.500 ударовъ курбашемъ (т. е. плетью); другой наживалъ крупные барыши тѣмъ, что подмѣшивалъ толченаго угля въ порохъ и этимъ набивалъ ремингтоновскіе патроны. Одинъ маіоръ былъ уличенъ въ томъ, что торговалъ матеріаломъ изъ казенныхъ складовъ, другіе наконецъ сосланы въ Экваторію (образовавшую нѣчто въ родѣ африканской Сибири) за разныя преступленія, какъ-то: за воровство, убійство, мошенничество и проч., или-же просто за участіе въ мятежѣ Араби. Ясно, что какъ ни хлопоталъ тутъ паша, преисполненный благихъ намѣреній и радужныхъ надеждъ, но и у него не рѣдко руки опускались, когда приходилось имѣть дѣло съ такимъ наборомъ каторжниковъ. Покуда въ лицѣ Гордона существовала въ Хартумѣ хотя-бы отдаленная, но общепризнанная власть, олицетвореніе строгаго правосудія, эти штрафные чиновники все еще были подъ контролемъ и можно было съ ними ладить, хотя впрочемъ и тогда Джесси-паша частенько жаловался Гордону на Эмина; но съ тѣхъ поръ, какъ въ провинціи стало извѣстно, что Хартумъ палъ, что генералъ-губернаторъ убитъ и никакихъ слѣдовъ египетскаго управленія тамъ больше не осталось, такъ и вышли наружу природная непокорность египтянъ, и скотское упрямство суданцевъ, выразившіяся въ полномъ неповиновеніи властямъ и въ продѣлываніи разныхъ штукъ, съ единственною цѣлью напакостить начальству.

Въ настоящее время Эминъ былъ паша только по названію: ни власти, ни закона, ни порядка въ его области не существовало. На мѣстѣ Эмина, иному правителю тошно было-бы смотрѣть на все это: запасшись явными доказательствами открытаго сопротивленія со стороны своихъ подчиненныхъ, чтобы мотивировать въ глазахъ правительства свое отступленіе, онъ собралъ-бы горсть преданныхъ слугъ, удалился-бы съ ними подальше къ югу, въ какое нибудь мѣстечко въ родѣ Мсуа и оттуда откровенно рапортовалъ-бы о положеніи дѣлъ въ странѣ, прося у высшаго начальства помощи и дальнѣйшихъ инструкцій. Другой до конца требовалъ-бы исполненія обязанностей и поддерживалъ-бы дисциплину, не заботясь о послѣдствіяхъ; третій, пожалуй, позвавъ съ собою охотниковъ, ушелъ-бы съ ними съ этой арены вѣчныхъ смутъ и въ другомъ мѣстѣ основалъ-бы другое государство, а къ цивилизованному міру обратился-бы съ воззваніемъ о помощи, которую безъ сомнѣнія и получилъ-бы; четверый, подобно Эмину, все откладывалъ-бы развязку, надѣясь на лучшіе дни; и во всякомъ случаѣ каждый изъ нихъ несъ-бы слѣдствія своей системы, ибо только то, что посѣешь, то и пожнешь.

Но пока мы обсуждали будущее поведеніе паши и ждали прибытія колонны Стэрса, помимо насъ случились событія, рѣшившія дѣло, какъ за насъ, такъ и за Эмина.

Когда Джефсонъ отправился къ намъ на югъ отъ Тенгуру, мятежные чиновники и офицеры, собравшіеся въ Уаделаи, прослышали что мы пришли къ озеру. Молва, по обыкновенію, преувеличила численность нашихъ силъ. Говорили, что мы привели многія сотни занзибарцевъ, заручились тысячами союзниковъ, и привезли съ собою диковинныя пушки и ружья-револьверы. Съ другой стороны въ Хартумѣ египетскаго управленія не было, а на мѣстѣ его былъ халифъ, заправлявшій безчисленными и неотразимыми войсками. Въ средѣ мятежниковъ не мало было предателей, были и махдисты, а остальная масса состояла изъ людей равнодушныхъ. Эминъ лишился власти и свободы... Кто больше имѣетъ, тому и дается еще. Могущество, однажды проявленное, ростетъ и крѣпнетъ подобно катящемуся снѣжному шару, а одинокая снѣжинка таетъ. Одинокой снѣжинкой былъ Эминъ, а снѣжнымъ шаромъ—халифъ хартумскій.

Изъ этого ясно, что надо дѣлать мятежнымъ офицерамъ, имѣющимъ въ своей средѣ предателей и махдистовъ, неминуемо вліяющихъ на ихъ рѣшенія: имъ надо подслужиться халифу, предавъ въ его руки своихъ самозванныхъ спасителей, бывшаго пашу и его бѣлыхъ пріятелей, и тѣмъ стяжать себѣ честь и славу. За такія пушки, ремингтоны и револьверы, да за кучку бѣлыхъ плѣнниковъ халифъ имъ

скажетъ спасибо, щедро наградитъ, а главнымъ зачинщикамъ такого плана пожалуетъ почетные халаты и приставитъ ихъ къ выгоднымъ должностямъ. Однако вотъ какое затрудненіе: какъ же теперь попасть въ лагерь спасителей, которые конечно уже узнали, что пашу взяли въ плѣнъ, а друга ихъ Джефсона обидѣли? «Ничего нѣтъ легче!» говоритъ кто нибудь: «пошлемъ депутацію къ пашѣ, будемъ униженно просить прощенія, обѣщаемъ возвратить ему власть, а Эминъ такой человѣкъ, что сейчасъ все проститъ. и самъ предложитъ проводить насъ къ своимъ друзьямъ въ качествѣ раскаявшихся грѣшниковъ, которымъ будто бы такъ надоѣли смуты, что они только и думаютъ о томъ, какъ бы доказать своему великому правительству свою вѣрность и преданность. Попавъ такимъ образомъ въ лагерь, мы тамъ увидимъ, какъ лучше сдѣлать: коли согласимся схватить всѣхъ бѣлыхъ и ихъ свиту, это очень легко будетъ устроить, потому что всѣ бѣлые мямли и дураки. На всякій случай недурно подготовить себѣ два пути ко спасенію. Если халифъ окажется неумолимъ, двери его милосердія не откроются и онъ всетаки напуститъ на насъ своихъ безпардонныхъ Донагле, тогда опять можно прибѣгнуть къ заступничеству бѣлыхъ: придти въ ихъ лагерь, выказать покорность, усыпить ихъ подозрѣнія, съ помощью ихъ добраться до какой нибудь богатой страны, внезапно захватить въ свои руки все ихъ оружіе, имущество и боевые снаряды, и прогнать ихъ совсѣмъ нищими, или же бѣлыхъ перебить, а ихъ людей обратить въ невольниковъ».

Можно себѣ представить какимъ громомъ рукоплесканій была бы встрѣчена такая дьявольская рѣчь! Не знаю была ли она произнесена, но знаю то, что къ пашѣ явилась депутація изъ четырнадцати офицеровъ. Они цѣловали руки Эмина, выражали глубочайшее раскаяніе въ своихъ грѣхахъ, предлагали ему снова стать пашой и умоляли сопровождать ихъ въ Кавалли, къ лагерю Стэнли, и замолвить за нихъ словечко. И паша съ радостью на все согласился. Онъ сѣлъ на пароходѣ «Хедивъ», окруженный бѣглецами, завалившими всю палубу своимъ багажемъ и товарами; капитанъ Казати былъ тутъ же, со своею свитой, нагрузили также и пароходъ «Ніанзу» и со всякими почестями привезли пашу въ Мсуа. Тутъ они встрѣтили гонцовъ съ моимъ послѣднимъ письмомъ, паша прочелъ его и отправился дальше къ нашему прибрежному лагерю.

Вечеромъ 13-го февраля, пока мы съ Джефсономъ обѣдали, прибѣжали гонцы и принесли мнѣ слѣдующее письмо отъ Эмина паши:

«Лагерь. 13-го февраля 1889.

Генри М. Стэнли, командирующему экспедиціею вспомоществованія.

Сэръ, въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 7-го числа, за которое пре-

много благодарю, честь имѣю сообщить, что вчера въ 3 часа дня я прибылъ сюда съ двумя моими пароходами и первою партіею людей, желающихъ покинуть здѣшнія мѣста подъ вашею охраной. Какъ только устрою здѣсь пристанище для сопровождающихъ меня людей, такъ и отошлю пароходы обратно въ Мсуа, за другими переселенцами, ожидающими перевоза.

При мнѣ находятся двѣнадцать офицеровъ, весьма желающихъ видѣть васъ, и только сорокъ рядовыхъ. Всѣ они являются подъ моею командой просить васъ дать имъ нѣкоторое время на то, чтобы привезти сюда же изъ Уаделаи своихъ собратій,—тѣхъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, которые также желаютъ переселиться; я обѣщалъ оказать имъ въ томъ возможное содѣйствіе. Такъ какъ положеніе дѣла до нѣкоторой степени измѣнилось, вы можете заставить ихъ теперь подчиниться всякимъ условіямъ, какія вамъ угодно будетъ назначить. Чтобы выяснить эти условія, я приду съ офицерами въ вашъ лагерь, когда устрою сперва свой здѣшній; если бы вы могли прислать сюда носильщиковъ я бы воспользовался ихъ услугами.

Искренно надѣюсь, что великіе труды, понесенные вами, и великія жертвы, принесенныя экспедиціею во время пути на помощь намъ, увѣнчаются полнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ переселенія моихъ людей. Волна безумія, охватившая страну, прокатилась мимо и въ тѣхъ лицахъ, которыя нынѣ меня сопровождаютъ, мы можемъ быть вполнѣ увѣрены.

Синьоръ Казати проситъ передать его живѣйшую благодарность за вашу любезную память о немъ.

Позвольте еще разъ сказать вамъ сердечное спасибо за все, что до сихъ поръ для насъ сдѣлано.

Остаюсь искренно вамъ преданный

Докторъ Эминъ».

Очевидно, паша считаетъ своихъ людей вѣрными. Онъ говоритъ: «вы можете заставить ихъ теперь подчиниться всякимъ условіямъ, какія вамъ угодно будетъ назначить»... И далѣе: «въ тѣхъ лицахъ, которыя нынѣ меня сопровождаютъ, вы можете быть вполнѣ увѣрены».

Давай Богъ. Но только если хоть половина того, что о нихъ говоритъ Джефсонъ, справедливо,—не могу я такъ на нихъ полагаться какъ паша. А впрочемъ, если правда, что «волна безумія прокатилась мимо»,—тѣмъ лучше. Все хорошо, что хорошо кончается. Завтра Джефсонъ съ пятидесятью ружьями спустится къ озеру, чтобы проводить пашу и его офицеровъ на плато. Я пошлю также гонцовъ къ Мазамбони, чтобы поторопить Стэрса съ его отрядомъ. Хочу имѣть подъ рукой всѣ свои силы и показать нашимъ пріятелямъ-мятеж-

никамъ, какъ мои фантастическіе воины-носильщики слушаются каждаго слова команды.

16-го февраля.—Получилъ записку отъ Стэрса: пишетъ что пришелъ къ Мазамбони и можетъ быть здѣсь 17-го или 18-го. Въ запискѣ, между прочимъ, сказано: «Всѣ мы въ лагерѣ на Итури чрезвычайно обрадовались приходу вашихъ гонцовъ и Решида съ извѣстіемъ, что Джефсонъ съ вами; однако вѣсти о положеніи Эмина-паши показались намъ очень печальными. Но сегодняшнее письмо ваше разсѣяло всѣ сомнѣнія и мы теперь надѣемся, что скоро всѣ поспѣшимъ въ Занзибаръ».

Господи, какъ эти юноши всегда торопятся! Хорошо-бы хоть черезъ три мѣсяца тронуться въ путь.

Отъ Джефсона пришелъ еще одинъ гонецъ, принесшій отъ него письмо, по обыкновенію очень характерное.

«Лагерь Верэ, на Альбертъ-Ніанзѣ. 15-го февраля 1889.

Дорогой сэръ!

Я пришелъ сюда вчера, но благодаря тому, что туземцы провели насъ окольными путями, добрались до лагеря только къ утру.

Засталъ здѣсь пашу, Казати, Марко, Виту, аптекаря, нѣсколькихъ офицеровъ и чиновниковъ: они расположились въ очень уютномъ мѣстечкѣ мили на двѣ сѣвернѣе нашего стараго лагеря, гдѣ мы въ первый разъ принимали пашу.

Передавъ ваше письмо и обмѣнявшись послѣдними новостями, я спросилъ пашу, когда онъ полагаетъ тронуться въ путь. Онъ отвѣчалъ, что сперва надо переговорить съ офицерами. Сегодня поутру они собрались на совѣщаніе; порѣшили завтра отправиться въ Кавалли и два дня провести въ пути.

Паша придетъ къ вамъ, погоститъ нѣсколько дней, потомъ возвратится сюда за своею дочерью и остальнымъ багажемъ, который займетъ до 200 вьюковъ и состоитъ изъ соли, проса, кунжута и т. д. Офицеры берутъ пока только двадцать вьюковъ, потому что идутъ къ вамъ для переговоровъ на счетъ своихъ людей и пожитковъ. Гражданскіе-же чиновники все свое имущество тащутъ съ собою и станутся у насъ.

18-го оба парохода уходятъ въ Мсуа; оттуда они возьмутъ остальныхъ людей и поклажу, а также захватятъ провіантъ для продовольствія въ лагерѣ.

По прибытіи въ Мсуа пароходовъ, иррегулярный отрядъ (около пятидесяти ружей) сухимъ путемъ отправится въ Кавалли, взявъ съ собою женщинъ, способныхъ къ ходьбѣ, а пароходы тотчасъ пойдутъ съ офицерами въ Уаделаи.

Паша притащилъ шестьдесятъ слоновыхъ клыковъ; излишекъ безъ сомнѣнія можетъ быть полезенъ. Хотя наше обратное шествіе и отложено на сутки, я объ этомъ не жалѣю, потому что и занзибарцы, и самъ я ужасно устали когда добрались сюда вчера, и еслибы пришлось выступить сегодня, врядъ ли обошлось бы безъ больныхъ ногъ. Несмотря на усталость, однакоже, занзибарцы ворвались въ лагерь точно бѣшеные и начали, по своему обыкновенію, орать во все горло и выкидывать всякія колѣнца, какъ будто дерутся съ воображаемымъ непріятелемъ и потомъ вдругъ почтительно стали въ рядъ передъ пашой. Солдаты же по всей формѣ выстроились передъ нимъ и отдали честь. Паша былъ очень доволенъ и просилъ меня отъ его имени сказать имъ нѣсколько словъ благодарности за все, что они вынесли ради доставленія ему помощи, — что я и сдѣлалъ, какъ умѣлъ, на своемъ ломаномъ ки-суахильскомъ нарѣчіи. Паша согналъ всѣхъ женщинъ молоть зерно и я выдалъ по двѣ чашки на человѣка всѣмъ своимъ, суданцамъ, маньюмамъ и туземцамъ. Сегодня Саатъ-Тато, нашъ охотникъ, съ товарищемъ принесли въ лагерь дичи, двухъ «куду» и и одного горнаго козла, такъ что ѣды у нихъ вдоволь. Мнѣ очень смѣшно было наблюдать, какъ эти неуклюжіе, безобразные суданцы таращили глаза на прыготню занзибарцевъ, какъ бы желая сказать: «что за народъ такой эти громогласные непосѣды»?

Казати сталъ по моему совсѣмъ невозможенъ. Я его спрашиваю пойдетъ ли онъ завтра съ нами, а онъ говоритъ, что еще подождетъ. Тогда я спросилъ: у васъ много ли будетъ вьюковъ?

— О, — отвѣчалъ онъ, — у меня, знаете, добра немного; Кабба Рега вѣдь меня ограбилъ до-чиста. Больше восьмидесяти носильщиковъ мнѣ не понадобится.

Вита, аптекарь, говоритъ, что ему довольно и сорока; Марко, греческому купцу, нужно шестьдесятъ носильщиковъ, такъ что они совсѣмъ уморятъ нашихъ занзибарцевъ отсюда до Кавалли. Паша доказывалъ Казати, что незачѣмъ тащить столько жернововъ, глиняныхъ кувшиновъ, кроватей для его мальчиковъ и женщинъ и т. д., но онъ говоритъ:

— Мистеръ Стэнли вѣдь самъ предложилъ, что возьметъ всѣ наши пожитки.

У этихъ людей вовсе нѣтъ совѣсти, они скорѣе задавятъ нашихъ многострадальныхъ носильщиковъ своими пожитками, чѣмъ разстанутся хоть съ однимъ вьюкомъ всей этой дряни, которую придется же побросать по дорогѣ.

Паша 'говоритъ, что Казати былъ противъ того, чтобы уходить изъ Тёнгуру, хотя Шукри-Ага предлагалъ имъ носильщиковъ, а я

письменно понуждалъ ихъ скорѣе двинуться; Казати всячески старался помѣшать пашѣ идти сюда, находя, что это будетъ «неполитично». Поневолѣ внутренно бѣсишься на эгоизмъ этихъ людей, на ихъ полную неспособность или нежеланіе видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ.

Слухи о «бѣломъ человѣкѣ», ведущемъ экспедицію на Фаллибегъ, канули въ воду; ничего больше объ этомъ не слышно.

Казати до тѣхъ поръ не тронется съ мѣста, покуда ему не дадутъ столько носильщиковъ, чтобы разомъ поднять все его добро. Паша этимъ очень недоволенъ.

Нашъ вельботъ «Авансъ» отлично починенъ точно такими-же болтами, какіе были у насъ. Вечеромъ я схожу на пароходъ за нѣсколькими винтами и, если можно, достану еще запасныхъ болтовъ. Паша привезъ съ собою легкія весла, принадлежавшія когда-то къ каучуковой лодкѣ Гордона, такъ что у насъ теперь все есть въ исправности.

Паша, Казати и офицеры просятъ передать вамъ ихъ привѣты.

Остаюсь и пр. и пр.

Э. Д. Моунтеней Джефсонъ».

У паши 200 вьюковъ! У Казати, который всего лишился, 80 вьюковъ! У аптекаря Виты сорокъ! У грека Марко шестьдесятъ! Итого 380 вьюковъ на четверыхъ. Правда, я обѣщалъ все перенести въ лагерь на плато, но жерновов не ожидалъ! А впрочемъ, коли точно обѣщалъ, то, пожалуй, придется тащить и жернова. Но всетаки радъ, что Джефсонъ, наконецъ, взбѣсился; пусть его посердится.

Отъ паши получилъ слѣдующую записку:

«Дорогой сэръ!

Мистеръ Джефсонъ и ваши люди пришли вчера; мы думаемъ выступить завтра утромъ, и слѣдовательно я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ послѣзавтра. Мои люди съ нетерпѣніемъ ожидаютъ услышать изъ вашихъ собственныхъ устъ, что ихъ прежнее глупое поведеніе не помѣшаетъ вамъ принять ихъ подъ свою охрану.

Премного обязанъ за ваше любезное письмо *), врученное мнѣ мистеромъ Джефсономъ, и надѣюсь, что не взирая на мои отчасти африканскіе нравы, мы съ вами останемся друзьями.

Примите, дорогой сэръ, мои наилучшія пожеланія и прошу васъ вѣрить моей искренней преданности.

Докторъ Эминъ».

*) Это было то самое письмо, въ духѣ лорда Честерфильда, которое такъ понравилось мистеру Джефсону, чутьемъ угадавшаго что именно требуется для необычайно щепетильнаго паши. Охъ ужь эти мнѣ тонкости!

17-го февраля.—Сегодня около полудня пришелъ караванъ Эмина-паши, состоящій изъ шестидесяти пяти человѣкъ. Во главѣ офицеровъ, пришедшихъ въ видѣ депутатовъ отъ бунтовавшаго войска изъ Уаделаи, находится Селимъ-бей, только что произведенный въ беи самимъ пашой. Онъ шести футовъ ростомъ, очень толстъ, черенъ какъ уголь, а лѣтъ ему должно быть около пятидесяти; онъ мнѣ рѣшительно нравится. Настоящій, коварный заговорщикъ и предатель бываетъ худощавъ, а у этого человѣка на лицѣ написано, что ему лѣнь и хочется только понѣжиться. Гдѣ ему бунтовать! Его можно вести куда хочешь: корми его послаще, пой до отвалу, и Селимъ-бей будетъ всегда вѣрнымъ другомъ. У него сонные глаза настоящаго обжоры; такъ и видно, что онъ любитъ покушать, поспать, во снѣ храпитъ, по долгу валяется въ постели, бродитъ по комнатѣ въ туфляхъ, по пятидесяти разъ въ день требуетъ кофе, выпиваетъ цѣлыя бутылки домашняго пива; прихлебываетъ съ улыбкой и опять уснетъ, и такъ будетъ дѣйствовать вплоть до могилы. Остальные депутаты худощавые, на манеръ Кассія; изъ нихъ трое египтянъ, по типу лица похожихъ на Араби; другіе просто черные суданцы.

За чертой лагеря мы устроили торжественную встрѣчу, съ развѣвающимися знаменами: занзибарцы-ветераны выстроились въ два ряда по сторонамъ дороги, образуя сплошную желѣзную стѣну; маньюмы-союзники со своими энергическими физіономіями и сотни туземцевъ изъ Кавалли и сосѣднихъ округовъ образовали густыя толпы весьма внушительнаго вида.

Эминъ-паша, тщедушный, худенькій и очень похожій на профессора гражданскаго права, не взирая на свою феску и бѣлыя одежды, торжественно прошелъ со своею свитой между двойными рядами нашихъ людей, и черезъ большую квадратную площадку лагеря направился прямо къ бардзѣ (т. е. жилищу главнаго начальника).

Офицеры въ новыхъ мундирахъ, рѣдко видѣвшихъ свѣтъ Божій, очевидно произвели большую сенсацію: туземцы глядѣли на нихъ разиня ротъ, выпучивъ глаза и не могли насмотрѣться.

По прибытіи въ бардзу, паша оффиціально представилъ мнѣ этихъ офицеровъ. Мы раскланялись, съ большимъ интересомъ освѣдомились о здоровьѣ другъ друга и взаимно выразили свое удовольствіе по поводу того, что намъ не угрожаетъ ни сухотка, ни діабетъ, ни кровавый поносъ, и что слѣдовательно мы можемъ надѣяться въ добромъ здоровьѣ завтра встать и собраться въ великій диванъ, гдѣ каждый изъ насъ получитъ возможность открыто выразить сокровеннѣйшіе помыслы своего сердца.

18-го февраля.—Сегодня состоялся «великій диванъ». Каждый изъ

присутствовавшихъ нарядился въ наилучшій свой мундиръ. Послѣ обмѣна тончайшихъ комплиментовъ подали кофе и я спросилъ пашу, не будетъ-ли онъ такъ любезенъ, чтобы освѣдомиться у депутатовъ, что собственно имъ угодно: они ли сначала изложатъ свои желанія, или мнѣ предоставятъ право выяснить причину собранія у береговъ ихъ озера представителей двадцати земель.

Паша превосходный переводчикъ, притомъ имѣющій даръ смягчать и сглаживать шероховатости, свойственныя рѣчамъ грубыхъ англо-саксовъ; его краснорѣчивыми устами депутаты выразили живѣйшее желаніе сначала выслушать то, что я имѣю сказать.

— Хорошо, — сказалъ я, — откройте же ваши уши, дабы слова истины проникли въ нихъ. Вашъ недавній гость, докторъ Юнкеръ, повѣдалъ англичанамъ, что вы здѣсь находитесь въ великомъ прискорбіи и сильно нуждаетесь въ боевыхъ снарядахъ, для защиты противъ невѣрныхъ и послѣдователей ложнаго пророка; англичане собрали денегъ и поручили ихъ мнѣ на покупку снарядовъ и на доставленіе вамъ сюда всего, что вамъ нужно. Но когда я шелъ черезъ Египетъ, хедивъ просилъ меня сказать вамъ, что если вы желаете, то можете уйти вмѣстѣ со мною; если же хотите оставаться здѣсь, то дѣлайте, какъ для васъ лучше, а онъ съ своей стороны ни въ чемъ препятствовать вамъ не намѣренъ. Такъ вотъ поэтому я васъ прошу рѣшить, какъ для васъ лучше будетъ и высказать мнѣ то, что сокрыто въ вашихъ сердцахъ.

Когда паша перевелъ мою рѣчь, со всѣхъ сторонъ послышалось одобрительное «хвейсъ», то есть «хорошо».

Старшій офицеръ, Селимъ-бей, сказалъ:

— Хедивъ къ намъ весьма милостивъ и благосклоненъ, а мы его высочеству вѣрнѣйшіе и преданные слуги. Намъ не для чего оставаться здѣсь. Мы сами каирскіе уроженцы и ничего такъ не желаемъ, какъ снова побывать на родинѣ. Мы далеки отъ мысли пребывать здѣсь. Какая намъ отъ того польза? Мы офицеры и воины его высочества. Ему стоитъ лишь повелѣть и мы повинуемся. Кому пріятно жить съ язычниками, тѣ пусть и остаются. Они сами будутъ виноваты коли мы отъ нихъ уйдемъ. Наши братья и товарищи въ Уаделаи прислали насъ просить тебя дать намъ только время, чтобы собрать и привезть наши семейства, всѣмъ вмѣстѣ придти въ твой лагерь и отправляться на родину.

Тутъ они подали мнѣ бумагу слѣдующаго содержанія (въ переводѣ):

«Его превосходительству посланнику нашего великаго правительства, господину Стэнли.

Когда Селимъ-бей Маторъ, командующій войсками здѣшней обла-

сти, прибылъ къ намъ и передалъ намъ вѣсть о вашемъ прибытіи, мы несказанно обрадовались благополучному приходу вашему въ нашу провинцію и наше желаніе достигнуть нашего великаго правительства еще болѣе увеличилось, а потому мы надѣемся съ Божіею помощью весьма скоро быть съ вами, о чемъ и увѣдомляемъ васъ этимъ письмомъ.

Уаделаи.

Поручики:
Мабрукъ Шерифъ,
Нуръ Абдъ-эльбейнъ,
Мустафа Ахметъ,
Халидъ Абдалла,
Фераджъ Сидъ Хамедъ,
Мурзаль Суданъ,
Мурджанъ Ндинъ,
Саба-эль-Хами,
Бэкитъ Могаммедъ,
Эдинъ Ахметъ,
Измаиль Хуссейнъ,
Могамедъ Абду,
Халидъ Меджибъ,
Ахметъ Идрисъ,
Реханъ Решидъ,
Рекасъ Хамедъ-эль-Ниль,
Халиль Сидъ Ахметъ,
Фераджъ Могамедъ,
Али-эль-Курди,
Ахметъ Султанъ,
Фадль-эль-Мулла Бекитъ,
Даисъ-эль-Бинтъ Абдалла,
Саидъ Ибрагимъ.

Капитаны:
Гуссейнъ Магометъ,
Мурджанъ Идрисъ,
Мустафа-эль-Эджеми,
Керъ Юсуфъ-эсъ-Саидъ,
Марджанъ Бекитъ,
Суруръ Суданъ,
Абдалла Маузаль,
Фадль-эль-Мулла-эль-Эминъ,
Ахметъ-эль-Динкани,
Кади Ахметъ,
Саидъ Абдъ-эсъ-Сидъ.

Бекитъ Бергутъ, адъютантъ, маіоръ.
Беляль Динкани, » »

Я отвѣчалъ:—Я со вниманіемъ слушалъ, что вы говорили. Выдамъ отъ себя письменное обѣщаніе въ томъ, что дамъ вамъ довольно времени на проѣздъ отсюда въ Уаделаи, на сборы войска и на отправку его и вашихъ семействъ на пароходахъ сюда. Изъ Уаделаи пароходъ ходитъ пять дней сюда и пять дней обратно. Я назначу вамъ льготное время на это дѣло и если увижу, что у васъ намѣренія въ самомъ дѣлѣ серьезныя, я готовъ еще продлить срокъ вашихъ сборовъ, дабы вы какъ можно удобнѣе изготовились въ путь на родину.

Селимъ-бей и его товарищи въ одинъ голосъ проговорили: «у насъ намѣренія самыя серьезныя и оттягивать намъ не для чего». Начто я, окончательно убѣжденный, охотно согласился. Совѣщаніе такимъ образомъ пришло къ концу. Мы подарили имъ и ихъ свитѣ быка и послали въ ихъ лагерь десять галлоновъ пива, и множество сладкихъ бататовъ и банановъ, однимъ словомъ—цѣлое угощеніе.

Въ полдень колонна Стэрса вступила въ лагерь, нагруженная со-

кровищами. Чего только тутъ не было! Оружіе системъ Ремингтона, Максимъ и Винчестеръ, боевые снаряды, порохъ, запасныя капсюли, цѣлые тюки платковъ, бѣлыхъ бумажныхъ тканей, синихъ суконъ, богатѣйшихъ полосатыхъ тканей, бусъ всѣхъ цвѣтовъ, свертковъ блестящей проволоки и т. д. и т. д.

Въ числѣ носильщиковъ были занзибарцы, мади, ладо, суданцы, маньюмы, барегги, бандуссумы, пигмеи и гиганты, — всего 312 человѣкъ.

Стоянка на Итури принесла людямъ громадную пользу. Когда пришелъ докторъ Пэркъ, я мысленно призвалъ на него благословеніе Божіе; если бы не его пламенное усердіе, намъ не видать-бы столько поправившихся больныхъ.

Въ лагерѣ собралось теперь больше пятисотъ человѣкъ; хижины тянутся во всѣ стороны отъ большой квадратной площадки шириной въ 100 саженъ; такъ какъ мы очень опасаемся пожара, то во избѣжаніе несчастія между каждыми двумя хижинами оставленъ порядочный промежутокъ.

19-го февраля.— Послалъ мистера Уильяма Бонни на Ніанзу, съ тридцатью стрѣлками и шестидесятью-четырьмя уроженцами Бавиры, за багажемъ капитана Казати, греческаго купца Марко и доктора Вита-Гассана. Намѣреваюсь отъ времени до времени высылать отрядъ изъ нашего лагеря (расположеннаго на вершинѣ плато, на 4.800 футовъ выше уровня воды) къ озеру, которое съ своей стороны находится около 2.400 футовъ надъ уровнемъ моря. Это переходъ длинный и утомительный, туда идутъ только одинъ день, но туда и назадъ можно обернуться лишь въ три дня, потому что обрывъ съ плато къ приозерной равнинѣ каменистый и очень крутой. Я поклялся безъ особой надобности не совершать такихъ походовъ: четыре раза ужъ я слазилъ туда и обратно и нахожу, что легче вертѣть мельничное колесо или выдержать строевое ученье чѣмъ подвергнуться этому удовольствію. Бонни пошелъ въ первый разъ; ему конечно хочется поближе посмотрѣть на озеро.

Пригласилъ въ бардзу Селимъ-бея съ его офицерами и вручилъ имъ мое посланіе къ офицерамъ и чиновникамъ, принимавшимъ участіе въ бунтѣ.

«Селямъ!

Такъ какъ Селимъ-бей и другіе офицеры приходили просить мистера Стэнли подождать прихода ихъ товарищей изъ Уаделаи, мистеръ Стэнли разсудилъ за благо написать это заявленіе, съ тѣмъ, чтобы не было недоразумѣній.

Такъ-какъ Хедивъ прислалъ сюда мистера Стэнли и служащихъ

при немъ именно затѣмъ, чтобы указать всѣмъ желающимъ дорогу изъ Экваторіальной провинціи въ Каиръ, то ему нельзя иначе поступить, какъ дать время тѣмъ, кто хочетъ уходить отсюда вмѣстѣ съ нимъ, на сборы и приготовленія въ путь.

Однако, да будетъ теперь-же всѣмъ извѣстно, что каждый человѣкъ, желающій уйти съ мистеромъ Стэнли, обязанъ самъ позаботиться о способахъ перемѣщенія своего семейства и имущества. Исключенія допускаются только для паши, капитана Казати и греческаго купца Марко, потому что двое послѣднихъ иностранцы и не состоятъ на египетской службѣ.

Посему всѣ офицеры и нижніе чины, намѣревающіеся покинуть здѣшнюю страну съ мистеромъ Стэнли, должны озаботиться доставкою вьючнаго скота или носильщиковъ въ достаточномъ числѣ для поднятія своихъ дѣтей и багажа.

Они обязаны постараться также и о томъ, чтобы не забирать съ собою ничего лишняго; единственно-необходимыми предметами признаются: оружіе, одежда, боевые снаряды, посуда для варки пищи, и съѣстные припасы.

Запасные боевые снаряды, привезенные изъ Египта для паши и служащихъ при немъ, остаются въ исключительномъ распоряженіи самого паши, согласно повелѣнію его высочества Хедива.

Мистеръ Стэнли предваряетъ всѣхъ и каждаго, что беретъ на свою отвѣтственность только указаніе правильнаго пути и доставленіе путникамъ мѣстнаго провіанта, какой можно будетъ доставать по дорогѣ.

Впрочемъ, мистеръ Стэнли поставляетъ главнѣйшею своею обязанностью всемѣрно заботиться объ удобствахъ, безопасности о благосостояніи Эмина-паши и его ближайшихъ спутниковъ, а также употребитъ всѣ старанія для содѣйствія его друзьямъ и сторонникамъ.

По полученіи въ Уаделаи сего моего отвѣта, старшины и начальники, несущіе отвѣтственность за поведеніе своихъ подчиненныхъ, пусть соберутся на совѣщаніе и хорошенько обдумаютъ мое заявленіе, прежде чѣмъ двинутся въ путь. Пусть только тотъ, кто чувствуетъ въ своемъ сердцѣ довольно рѣшимости, и сознаетъ что имѣетъ достаточно средствъ на переселеніе изъ Экваторіальной провинціи, только тотъ пусть и готовится въ дорогу и направляется въ лагерь, по указанію паши.

Тѣ-же, кто не увѣренъ въ своихъ силахъ и способности къ переселенію, пусть поступятъ такъ, какъ укажутъ ихъ ближайшіе начальники.

Мистеръ Стэнли озаботится между тѣмъ постройкою передоваго лагеря, для принятія всѣхъ тѣхъ, кто пожелаетъ выселяться.

Дано въ Кавалли
19-го февраля, 1891 года.

Генри М. Стэнли,
командующій экспедиціею
вспомоществованія.

21-го февраля.—Старшина Катонза прислалъ изъ своего селенія что на берегу озера, гонцовъ въ прибережный лагерь, сказать капитану Казати, что Кабба-Рега, царь уніорскій, 19-го февраля угналъ весь его, Катонзы, рогатый скотъ и что теперь на очереди стоитъ лагерь самаго Казати.

Что затѣмъ послѣдовало, явствуетъ изъ слѣдующей записки, только что полученной мною отъ мистера Бонни:

«По желанію синьора Казати посылаю вамъ эту записку. Самъ онъ пишетъ къ пашѣ. Онъ говоритъ, что гдѣ-то здѣсь по близости находится военачальникъ Кабба-Реги съ большими силами, и желаетъ чтобы я еще на день остался здѣсь, а вы тѣмъ временемъ прислали-бы мнѣ подкрѣпленіе. Послать къ вамъ гонца я согласился, но оставаться долѣе не желаю. Я объяснялъ ему, что если дѣйствительно существуетъ опасность, мнѣ не для чего понапрасну рисковать своей командой. Поэтому сегодня-же утромъ мы со вьюками тронемся отсюда. Я пробовалъ убѣждать Казати, что если онъ желаетъ избѣгнуть опасности, то можетъ подъ нашей охраной дойти до плато. Если на пути встрѣтятся намъ люди Кабба-Реги, надѣюсь имъ доказать, что они имѣютъ дѣло съ людьми изъ отряда Стэнли.

Вашъ и пр. У. Бонни».

Туземный гонецъ прибѣжалъ съ этими извѣстіями въ 2 часа дня. Паша съ офицерами тотчасъ-же пошли къ озеру, захвативъ съ собою шестьдесятъ человѣкъ подъ ружьемъ и шестьдесятъ туземцевъ изъ окрестныхъ селеній. Не думаю, чтобы жители Уніоро рѣшились вторгнуться въ предѣлы округовъ, нами охраняемыхъ; но конечно, не мѣшаетъ быть на сторожѣ.

22-го февраля.—Сегодня пришелъ подъ охраной мистера Бонни синьоръ Марко, греческій купецъ, красивый человѣкъ мужественнаго вида, сильно загорѣвшій отъ тропическаго солнца. По всему видно, что онъ любитъ комфортъ: въ свитѣ его я видѣлъ слугъ, тащившихъ попугаевъ, голубей, кровати для него самого и для цѣлаго гарема, тяжелые персидскіе ковры, подстилки изъ буйволовой шкуры; громадныя корзины и, о, ужасъ! онъ притащилъ съ собою триста фунтовъ камней для растиранія зеренъ въ муку,—какъ будто у здѣшнихъ поселянъ не довольно для этой цѣли жерноковъ! Кромѣ того онъ притащилъ громадныя корчаги вмѣстимостью до десяти галлоновъ въ каждой, для приготовленія пива и для воды. Если у всѣхъ переселенцевъ окажутся такіе-же громоздкіе пожитки, мы пожалуй еще нѣсколько мѣсяцевъ не будемъ въ состояніи тронуться. Да, очень неосторожно было съ моей стороны пообѣщать имъ захватить все ихъ имущество. Подожду еще немного и посмотрю, всѣ-ли офицеры,

гражданскіе чиновники и солдаты полагаютъ, что я буду разсматривать камни какъ движимую собственность.

23-го февраля.—Одинъ изъ нашихъ занзибарцевъ, по имени Мрима, долго страдавшій отъ крупнаго и очень болѣзненнаго нарыва, соскучился ждать своего выздоровленія и застрѣлился сегодня изъ ремингтоновскаго ружья. Бѣдный малый! Я помню его всегда такимъ веселымъ, проворнымъ и усерднымъ слугою.

Паша пишетъ, что въ приозерномъ лагерѣ все благополучно.

24-го февраля.—Послалъ двадцать пять ружей подъ начальствомъ старшины Уади-Хамиса для охраны пятидесяти носильщиковъ, изъ туземныхъ подданныхъ Мпинги.

Далъ знать старшинамъ всѣхъ окрестныхъ народцевъ на плато, чтобы доставляли носильщиковъ, судя по силамъ каждаго, отъ пятидесяти до ста человѣкъ заразъ, чтобы помочь моимъ людямъ перетаскивать имущество нашихъ гостей. Одиннадцать старшинъ согласились поочередно снабжать меня носильщиками къ озеру и обратно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы я оградилъ ихъ людей отъ грубости и насилія со стороны чужестранцевъ, которые, по ихъ словамъ, жестоко бьютъ носильщиковъ, заставляя ихъ притомъ таскать камни, которые не подъ силу нести человѣку. Въ первый разъ слышу о такомъ образѣ дѣйствій и немедленно наведу справки.

25-го февраля.—Капитанъ Нельсонъ, проводившій на дняхъ пашу къ озеру, пришелъ съ шестидесятью вьюками багажа, принадлежащаго, главнымъ образомъ, Эмину-пашѣ. Я замѣчаю множество вещей, которыя неминуемо придется бросить. Между прочимъ есть тутъ громадный старый сундукъ, который насилу притащили двое людей. Я попробовалъ приподнять его съ одного конца и, судя по тяжести, подумалъ, что если въ немъ лежатъ не простые камни, то онъ долженъ заключать цѣлыя сокровища. Этому сундуку было бы что поразсказать, съ той поры, какъ онъ ушелъ изъ Каира. Сколько бѣдныхъ дикарей надрывало надъ нимъ свои силы? Сколько изъ-за него мучилось всякаго народу? Занзибарцы начинаютъ морщиться, глядя на необычайную величину ящиковъ, которые имъ приходится таскать. Они увѣряютъ, что такихъ громоздкихъ вещей тамъ еще наготовлены цѣлыя тысячи, и что намъ за ними еще на десять лѣтъ работы. Вся лагерная площадь усѣяна корабельными сундуками и неуклюжими ящиками, похожими на гробы; чаны, вмѣстимостью на десять галлоновъ пива, все прибываютъ, а корзины становятся все громаднѣе и тяжелѣе.

Одинъ изъ прибывшихъ египтянъ, по имени Ахметъ-эффенди, которому отъ роду всего пятьдесятъ пять лѣтъ, до того худъ, слабъ, сгорбленъ и хилъ, что даже на ослѣ не можетъ ѣхать одинъ и нужно его поддерживать.

Предвижу ужасную смертность по дорогѣ, если все такой хилый народъ, женщины и дѣти предпринимаютъ странствіе къ берегу моря на протяженіи 1.400 миль. Въ лагерѣ и теперь уже множество ребятъ въ возрастѣ отъ одного года до восьми лѣтъ. Ихъ придется нести на рукахъ. Кто же ихъ понесетъ?

Суданская женщина только что родила, въ дорогѣ. Другой ребенокъ такъ боленъ, что навѣрное не выживетъ.

Лейтенантъ Стэрсъ отправился со старшиной Муитэ понуждать его неисправныхъ подданныхъ, которые уже четыре дня не носятъ намъ никакихъ припасовъ.

Мы заключили союзъ съ обитателями всего плоскогорья отъ рѣки Итури до береговъ Ніанзы. Мы обязались охранять ихъ отъ хищническихъ набѣговъ горныхъ Балегга и Уарасуръ Кабба Реги, а старшины зато взялись снабжать насъ зерномъ и мясомъ, предоставить мнѣ временное управленіе всей страной, по моему приказу набирать воиновъ и помогать мнѣ вторгнуться въ Уніоро въ томъ случаѣ, если Уарасуры нападутъ на насъ и нужно будетъ наказать ихъ за это.

26-го февраля.—Сегодня напали на одного изъ союзниковъ Кабба Реги и отняли у него 125 головъ скота. Этотъ человѣкъ надѣлалъ уже немало бѣдъ здѣшнему краю: онъ занимаетъ значительное пространство земли между нами и провинціею паши, и Кабба Рега сильно разсчитываетъ на его поддержку въ ту пору, когда собирается затѣять серьезную борьбу съ пашой. У нихъ заведены и правильныя между собою сношенія на челнокахъ поперекъ озера, и Кабба Рега въ точности знаетъ о каждомъ нашемъ движеніи. Когда тронемся отсюда, придется непремѣнно посчитаться съ Кабба Регою. У него полторы тысячи человѣкъ подъ ружьемъ; они вооружены большею частію винтовками и двухствольными ружьями, но у нихъ есть также ружья фирмъ Джослина и Старра, Шарпа, Генри-Мартини, Снейдера и карабины.

Принимая на себя нелегкую обязанность охранять нѣсколько сотъ переселенцевъ на пути къ морю, я желаю, по крайней мѣрѣ, съ чистою совѣстью взяться за дѣло. Мы сами никого задирать не будемъ; наши силы слишкомъ незначительны по сравненію съ непріятелемъ. Но дорога только одна и есть, и она идетъ частью по землямъ Уніоро.

27-го февраля.—Сегодня поутру наше стадо въ первый разъ пустили на пастбище; телята оказались до того рѣзвыми, что съ ними долго не могли сладить; была порядочная возня и большое веселье. Теперь у насъ вдоволь молока и мяса для хворыхъ.

Я слышалъ, что 26-го февраля Селимъ-бей и египетскіе офицеры отплыли на пароходахъ «Хедивъ» и «Ніанза», которые только что при-

везли изъ Мсуа громадное количество багажа и еще нѣсколько десятковъ переселенцевъ.

Сегодня утромъ паша прибылъ въ лагерь съ озера. Онъ привелъ съ собой свою дочь, дѣвочку лѣтъ шести, по имени Фериду, рожденную отъ невольницы изъ Абиссиніи. Эта дѣвочка необыкновенная красавица, съ большими, великолѣпными черными глазами.

104 носильщика притащили имущество паши, состоящее изъ запасовъ муки, крупы, кунжута, меда и соли.

Старшина Уади-Камисъ, провожавшій этотъ транспортъ, донесъ мнѣ, что одинъ изъ офицеровъ, сопровождавшихъ Селимъ-бея, укралъ ремингтоновское ружье и унесъ его съ собой. Это довольно странно. Если эти господа намѣрены возвратиться сюда, имъ-бы слѣдовало знать, что у насъ кража оружія наказывается очень строго.

Паша увѣдомилъ меня, что 25-го числа изъ Уаделаи пришла почта и Селимъ-бей получилъ оффиціальное письмо отъ бунтовавшихъ офицеровъ и ихъ главы Фадль-эль-Муллы: въ этомъ письмѣ Селимъ-бея извѣщаютъ, что онъ лишенъ сана главнокомандующаго войсками, а вмѣсто того его, пашу и Казати, судили военнымъ судомъ и приговорили къ смертной казни. Капитанъ Фадль-эль-Мулла самъ себя произвелъ въ полковники и облекся титуломъ главнокомандующаго. Теперь мы должны именовать его не иначе какъ Фадль-эль-Мулла-бей. Комедія, да и только!

28-го февраля.—Пятьдесятъ ружей и семьдесятъ два туземца изъ племенъ Уабіасси и Ругуджи отправились къ озеру подъ начальствомъ лейтенанта Стэрса, для конвоированія новаго транспорта переселенцевъ и перенесенія вьюковъ на плато.

1-го марта.—Съ согласія паши и даже по его собственному почину онъ назначается при нашей экспедиціи естествоиспытателемъ и метеорологомъ. Вслѣдствіе того мы вручили ему анероидъ, одинъ максимальный и одинъ минимальный термометръ, одинъ термометръ Фаренгейта, два психрометра, что̀ въ соединеніи съ его собственными инструментами составило ему полный комплектъ. Ни при одной экспедиціи не бывало еще болѣе исправнаго натуралиста. Я не знаю человѣка болѣе трудолюбиваго, болѣе точнаго въ своихъ методахъ и болѣе внимательнаго наблюдателя *).

Въ качествѣ естествоиспытателя и метеоролога, паша поистинѣ въ подобающемъ ему элементѣ. Онъ принадлежитъ къ школѣ Швейнфурта и Голуба, и его страсть къ наукѣ граничитъ съ фанатизмомъ.

*) До сихъ поръ, однакоже, паша строго воздерживался отъ печатанія своихъ изслѣдованій.

Во время ежедневной нашей съ нимъ болтовни я пробовалъ допытаться какой онъ собственно вѣры, христіанинъ или мусульманинъ, еврей или язычникъ, и подозрѣваю, что онъ просто матеріалистъ, и больше ничего.

Отчего это такъ часто бываетъ, что ученые, хотя-бы очень милые и любезные въ обществѣ, въ частной жизни отличаются какою-то угловатостью? Разбирая характеры ученыхъ, по сравненію ихъ съ людьми, въ которыхъ христіанскій элементъ преобладаетъ надъ научнымъ, я поневолѣ замѣчаю въ нихъ нѣкоторую черствость, или скорѣе отсутствіе тонкости въ чувствахъ. Мнѣ кажется, что они мало способны къ сердечнымъ симпатіямъ и хотя вполнѣ пригодны для холодной дружбы, но болѣе горячихъ человѣческихъ привязанностей не вѣдаютъ. Я можетъ быть лучше выясню мою мысль, сказавъ, что они способны съ гораздо большею горячностью отнестись къ человѣческому черепу и скелету, нежели къ тому, что есть божественнаго въ человѣкѣ. Если станешь говорить имъ о внутренней прелести, которая въ глазахъ иныхъ людей одна только и есть истинная и существенная прелесть, они зѣваютъ отъ скуки, либо улыбаются не то натянуто, не то съ сожалѣніемъ на васъ глядя. И въ этомъ взглядѣ ихъ можно прочесть недосказанное мнѣніе, что тѣло они досконально изучили и дѣйствительно кое-что о немъ знаютъ, а на то, что существуетъ лишь въ воображеніи, не стоитъ терять драгоцѣннаго времени...

Послалъ семьдесятъ-двухъ туземцевъ изъ племени Мпигуа, съ двѣнадцатью занзибарцами, за вьюками къ озеру.

До сихъ поръ съ озера въ лагерь на плато доставлено 514 вьюковъ.

2-го марта.—Докторъ Вита-Гассанъ, изъ Туниса, прибылъ подъ охраной лейтенанта Стэрса; при нихъ 122 нагруженныхъ носильщика.

3-го марта.—Сегодня къ озеру пошелъ мистеръ Бонни съ пятидесятью-двумя занзибарцами и сорока туземцами изъ племенъ Малаи и Мабизэ.

Я сегодня ходилъ по лагерю и все осматривалъ. Между нами оказываются представители Германіи, Греціи, Туниса, Англіи, Ирландіи, Италіи, Америки, Египта, Нубіи, областей Мади, Монбутту, Ленго Бари, Шули, Занзибара, Усагары, Усегуха, Удоэ, Уніамуэзи, Уганды, Уніоро, Бавиры, Уахума, Марунгу, Маньюма, Басоко, Усонгоры, Конго, Аравіи, Джоанны, Коморо, Мадагаскара, Сомали, Грузіи, Турціи!!!... помимо пигмеевъ великаго лѣса и великановъ съ Голубого Нила.

Лагерь быстро разростаэтся въ цѣлый городъ. Порядокъ поддерживается безъ малѣйшаго затрудненія. Ежедневно для больныхъ раздается восемьдесять галлоновъ молока, а здоровымъ по шести фун-

товъ мяса на недѣлю, кромѣ муки, бататовъ, гороху, бобовъ и бананов, которыхъ всѣмъ достается по множеству.

Въ суданскомъ лагерѣ должно быть поглощаютъ ужасающее количество пищи, судя по тому сколько тамъ мелятъ муки. Съ ранняго утра до поздняго вечера слышится тамъ скрипъ жерноровъ и пріятные голоса мельничихъ.

Съ озера пришло племя Мпигуа съ семидесятью вьюками. При нихъ же явился и собственникъ всѣхъ этихъ вьюковъ, капитанъ Казати.

5-го марта.—Сегодня поутру пришелъ мистеръ Бонни и девяносто четыре носильщика багажа съ озера. Имъ сопутствовалъ маіоръ 2-го баталіона Авашъ-эффенди. Говорятъ, что вся эта громадная куча вьюковъ принадлежитъ ему одному. Эти 94 вьюка представляютъ собою двѣ тонны съ одною третью.

Сегодня мистеръ М. Джефсонъ пошелъ на озеро, съ нимъ сорокъ два занзибарца и маньюма.

Въ теченіе шести недѣль здѣшней стоянки у насъ умерло трое взрослыхъ и одинъ младенецъ.

Наша экспедиція обладаетъ единственнымъ въ своемъ родѣ докторомъ. По моему ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ не найдется ему подобнаго. Можетъ быть многіе окажутся ученѣе его, или искуснѣе, старше или моложе, но каждому изъ нихъ есть чему поучиться у нашего доктора. Онъ представляетъ собою рѣдкое сочетаніе кротости съ простотой, при полномъ отсутствіи тщеславія. Онъ никогда и ничего не дѣлаетъ на показъ. Всѣ мы искренно къ нему привязаны узами чистѣйшей любви. Онъ такъ часто и такъ много дѣлаетъ единственно изъ любви къ своимъ паціентамъ, что рѣшительно облагораживаетъ собою человѣческую природу. Этотъ безцѣнный человѣкъ—олицетворенная нѣжность. Сколько жизней онъ спасъ единственно своею преданностью дѣлу, своимъ уходомъ и вниманіемъ. Каждый день съ 8 часовъ утра до 5 часовъ пополудни онъ окруженъ самымъ «избраннымъ» кругомъ больныхъ, къ которому ни одинъ сколько нибудь брезгливый человѣкъ даже и подойдти не рѣшится. А онъ сидитъ среди нихъ, и виду не показываетъ, что вокругъ него распространяются не изящные ароматы. Передъ нимъ зіяютъ гнойныя раны, страшные нарывы, на которые взглянуть страшно; а докторъ съ кроткой улыбкой дышетъ зараженнымъ воздухомъ, расправляетъ руками опухшіе, больные члены, чиститъ, моетъ, обмазываетъ освѣжающей жидкостью, все время ободряетъ паціента, бинтуетъ, приводитъ въ порядокъ и отпускаетъ страдальца обнадеженнаго, утѣшеннаго. Пусть ангелы Божіи занесутъ на свои скрижали эти часы бла-

городнаго самоотреченія, и все остальное померкнетъ рядомъ съ ними. Я высоко чту въ человѣкѣ божественное начало. Этотъ даръ кротости и глубокаго состраданія можетъ растрогать и тупѣйшаго изъ людей. Велики были заслуги нашего врача при Абу-Кли: раненые тогда единогласно благословляли его имя. Но здѣсь, на зеленой муравѣ нашего лагеря при Кавалли, изо дня въ день скромно и неуклонно отдавая все свое время и силы бѣднымъ чернокожимъ страдальцамъ, и не заботясь о томъ, видитъ-ли, знаетъ-ли о томъ кто нибудь, —здѣсь нашъ докторъ былъ поистинѣ великъ.

6-го марта. — Въ густой рощѣ, на днѣ одной изъ глубокихъ лощинъ въ горахъ Барегга, нашли нѣсколькихъ обезьянъ чимпанзе. Паша показывалъ мнѣ тщательно отдѣланный черепъ такой обезьяны, который онъ досталъ близь Мсуа. Онъ совершенно такой, какъ я нашелъ однажды въ Аддигухѣ, селеніи, расположенномъ между двумя развѣтвленіями рѣки Ихуру. Чимпанзе то же, что «соко» Ливингстона; только въ лѣсахъ на Конго онъ достигаетъ очень крупныхъ размѣровъ.

Въ теченіи немногихъ дней, здѣсь проведенныхъ, паша неустанно увеличивалъ свою орнитологическую коллекцію, доставая жаворонковъ, дроздовъ, зябликовъ, щуровъ, цаплей и т. д., и т. д.

Пашѣ, повидимому, это собраніе коллекцій доставляетъ неизъяснимое наслажденіе. Я приказалъ занзибарцамъ относить ему каждую встрѣчающуюся имъ диковинку по части птицъ, насѣкомыхъ и гадовъ. Онъ кажется и червями не брезгуетъ. А намъ пріятно видѣть его счастливымъ.

Каждое утро его писарь, Реджабъ, бродитъ по окрестностямъ и глазѣетъ по верхамъ, нѣтъ-ли въ воздухѣ чего подстрѣлить, и когда ему это удается, приноситъ свою жертву хозяину, который сначала ласково гладитъ и треплетъ мертвую птицу, а потомъ хладнокровно отдаетъ приказаніе ободрать съ нее кожу. Вечеромъ видишь какъ она виситъ, провѣтривается, набитая клочкомъ ваты, а дня черезъ два ее бережно укладываютъ въ ящикъ, вмѣстѣ съ другими такими же сокровищами, предназначенными для Британскаго музея.

Эти собиратели коллекцій всегда казались мнѣ удивительнымъ народомъ. Швейнфуртъ въ бытность свою въ Монбутту, собиралъ головы убитыхъ и отваривалъ ихъ въ котлѣ, чтобы наилучшимъ образомъ препарировать черепа для берлинскаго музея. Эминъ-паша собирается непремѣнно сдѣлать то же, если у насъ случится стычка съ Уаніоро. Я было возразилъ ему, что эта мысль возмутительная и что быть можетъ даже на занзибарцевъ это скверно подѣйствуетъ. Но онъ съ улыбкою отвѣтилъ:—Все для науки!

Такая черта въ ученомъ человѣкѣ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, что долго казалось мнѣ непонятнымъ. Я все доискивался причины, почему мы съ нимъ до такой степени различно судимъ о людяхъ. У насъ въ лагерѣ есть нѣсколько карликовъ; паша пожелалъ непремѣнно вымѣрять ихъ черепа, я же интересовался гораздо больше ихъ духовною жизнью. Онъ взялъ тесемку и началъ методически обертывать ее вокругъ груди; я въ это время изучалъ физіономію пигмея. Паша съ любопытствомъ ощупывалъ его волосистую кожу, а меня занимала быстрая смѣна различныхъ чувствъ, выражавшаяся въ игрѣ лицевыхъ мускуловъ. Паша восхищался шириной лобной кости *), я прислушивался къ интонаціямъ голоса и наблюдалъ какъ неминуемо мгновенный огонекъ, зажигавшійся въ глазахъ, соотвѣтствовалъ извѣстному движенію рта. Словомъ, паша до тонкости могъ узнать сколько золотниковъ вѣсилъ этотъ пигмей, мнѣ же гораздо важнѣе было угадать его внутреннее содержаніе.

Значитъ, это и есть причина, почему мы съ пашой никогда не

---

*) Списокъ измѣреній, снятыхъ съ пигмеевъ племени Уамбутти, принадлежащихъ къ экспедиціи мистера Стэнли.

Имя и возрастъ измѣряемыхъ.	Токбали 20 лѣтъ.	Дѣвушка 15-ти лѣтъ.	Женщина 35-ти лѣтъ.	Мальчикъ 15-ти лѣтъ.
Высота отъ темени до земли	1 м. 360 млм.	1 м. 240 млм.	1 м. 365 млм.	1 м. 280 млм
Высота отъ плеча до полу	1 » 116 »	1 » 021 »	1 » 110 »	1 » 090 »
Высота отъ пупка до полу	835 »	725 »	785 »	970 »
Длина руки отъ плеча до конца средн. пальца	707 »	571 »	580 »	540 »
Ширина въ плечахъ	320 »	304 »	295 »	260 »
Окружность груди ниже сосковъ . . .	710 »	660 »	710 »	640 »
Окружность груди изъ подъ мышекъ . .	720 »	660 »	710 »	630 »
Наибольшій продольный діаметръ головы	200 »	176 »	180 »	175 »
Наименьшій поперечный діаметръ головы	147 »	150 »	145 »	140 »
Ширина носа . . .	60 »	60 м. 5 »	65 »	65 »
Окружность черепа .	530 »	535 »	510 »	510 »
Длина подошвы . .	220 м. 5 »	190 »	212 »	190 »

У всѣхъ тѣло покрыто жесткими, короткими сѣрыми волосами. Докторъ Эминъ.

согласимся въ оцѣнкѣ характеровъ его людей. Ему доподлинно извѣстны ихъ имена, составъ ихъ семействъ, ихъ племена, ихъ обычаи; но какъ ни мало еще я съ ними знакомъ, мнѣ кажется, что я лучше его понимаю ихъ. Паша увѣряетъ, что они ему преданы, а я говорю, что они фальшивы. Онъ думаетъ, что когда мы выступимъ изъ Кавалли, они всѣ до одного послѣдуютъ за нимъ; мнѣ-же кажется, что онъ въ этомъ горько ошибается. Онъ говоритъ, что ему лучше знать, потому что онъ съ ними живетъ уже тринадцать лѣтъ, тогда какъ я не пробылъ съ ними и тринадцати недѣль. Пусть такъ, современемъ увидимъ, кто изъ насъ правѣе. А между тѣмъ, въ подобныхъ оцѣнкахъ и разсужденіяхъ дни проходятъ незамѣтно и мы съ удовольствіемъ проживаемъ въ Кавалли, потому что паша удивительно пріятный собесѣдникъ.

7-го марта.—Моунтеней Джефсонъ пришелъ съ озера; онъ проводилъ сюда Могаммедъ-Эмина съ семействомъ, одну вдову египтянку и четырехъ дѣтей сиротъ.

Докторъ Пэркъ взялъ отпускъ, во время котораго также пожелалъ сойдти къ озеру; при немъ пятьдесятъ два занзибарца, тридцать туземцевъ и девятнадцать маньюмовъ, для переноски въ лагерь багажа переселенцевъ.

8-го марта.—Уледи, герой моихъ прежнихъ странствій, съ двадцатью однимъ носильщикомъ, также ушелъ таскать вьюки съ озера въ лагерь.

9-го марта.—Докторъ Пэркъ воротился со своимъ караваномъ.—Ну, докторъ,—сказалъ я ему,—какъ же вы воспользовались своимъ отпускомъ?—Онъ улыбнулся и отвѣчалъ:—Для разнообразія, оно пожалуй ничего, но вообще ужасно трудная работа. Я видѣлъ какъ самые сильные спотыкаются и валятся, взбираясь на эту длинную и страшную кручу, отъ озера до вершины плато. Народъ таки ворчитъ порядочно.

— Я и самъ вижу, что тутъ дѣлается,—замѣтилъ я.—Но какъ же быть-то? Вѣдь это гости наши и мы обязаны всѣми мѣрами оказывать имъ содѣйствіе. Затѣмъ, собственно, мы и посланы сюда. Но всетаки мнѣ было бы пріятнѣе, еслибы они согласились хоть эти камни-то оставить здѣсь: сами носильщики наконецъ смѣются нелѣпой мысли таскать на такую высоту двухпудовыя каменныя глыбы. Впрочемъ, когда это занзибарцамъ надоѣстъ, они какъ нибудь выразятъ мнѣ свое неудовольствіе. А мы подождемъ и посмотримъ, долго-ли будутъ испытывать наше терпѣніе.

10-го марта.—Сегодня утромъ, когда занзибарцы по обыкновенію выстроились для смотра и выборки обычнаго каравана на Ніанзу, они

попросили позволенія поговорить со мною. Ораторъ во время этой бесѣды то и дѣло получалъ одобренія отдѣльныхъ отрядовъ, стоявшихъ подъ начальствомъ своихъ старшинъ.

— Господинъ—началъ онъ,—мы измучились этимъ перетаскиваньемъ каменьевъ, двойныхъ сундуковъ и деревянныхъ кроватей. Мы-бы ни слова не сказали, кабы не думали, что это все понапрасно. Куда они дѣнутъ весь хламъ, который мы сюда натащили? Кто возьмется нести цѣлый день по лѣсу хоть-бы одинъ изъ тѣхъ громадныхъ ящиковъ? Да подъ нимъ самый сильный человѣкъ въ свѣтѣ упадетъ и умретъ. Для кого мы работаемъ? Для неблагодарныхъ, безсердечныхъ людей, которые на словахъ мастера поминать имя Божіе, а сами ничего не знаютъ ни о Богѣ, ни о пророкѣ Его Могамметѣ, да будетъ благословенно имя его! За кого-жь они насъ-то принимаютъ! Они насъ зовутъ «абидъ»—т. е. рабы, и думаютъ, что каждый изъ нихъ стóитъ насъ десятерыхъ. Они говорятъ, что когда-нибудь отнимутъ у насъ ружья, да и обратятъ насъ въ своихъ невольниковъ. Мы вѣдь настолько-то разумѣемъ по арабски, чтобы понять, что̀ они промежь себя болтаютъ, хоть они и коверкаютъ арабскій языкъ. Мы пришли спросить тебя, долго-ли это будетъ? Коли ты желаешь этимъ непосильнымъ и неблагодарнымъ трудомъ уморить насъ, послѣ того какъ спасъ отъ смерти въ лѣсахъ, такъ и скажи. Мы твои слуги и должны исполнять твои повелѣнія.

— Хорошо,—сказалъ я,—твою рѣчь я выслушалъ. Я зналъ, что къ тому идетъ дѣло. Но вы должны имѣть ко мнѣ довѣріе. Будьте спокойны. Ступайте сегодня на Ніанзу и когда возвратитесь, мы объяснимся.

Начальникомъ каравана назначилъ я капитана Нельсона и онъ, взявъ съ собой занзибарцевъ, суданцевъ и маньюмовъ, всего 81 человѣкъ, ушелъ на озеро.

Я замѣтилъ что люди, уходя, отказались взять свой провіантъ на дорогу и несомнѣнно были въ самомъ скверномъ, сердитомъ настроеніи духа. Опасаясь безпорядковъ, я послалъ вслѣдъ за ними гонцовъ къ капитану Нельсону, прося его прислать обратно ко мнѣ въ лагерь двоихъ—повидимому зачинщиковъ, или вожаковъ партіи недовольныхъ. Получивъ приказаніе, капитанъ велѣлъ суданцамъ схватить ихъ, но тогда всѣ пятьдесятъ занзибарцевъ подняли страшные вопли и кто-то изъ нихъ крикнулъ: «перестрѣляемъ ихъ всѣхъ и уйдемъ къ Мазамбони»!

Капитанъ, однакоже, твердо настаивалъ на исполненіи моего приказа, на что они сказали, что лучше всѣ вмѣстѣ воротятся въ лагерь, чтобы защитить товарищей.

Видя возвращеніе всего каравана, я велѣлъ протрубить сборъ къ оружію и когда отряды собрались, выстроилъ ихъ такъ, чтобы они не могли выкидывать какихъ-нибудь неожиданныхъ штукъ.

Приказавъ недовольнымъ выйдти на середину и стать въ рядъ, я взглянулъ имъ въ лицо и тотчасъ увидѣлъ, что дѣло плохо и можетъ кончиться открытымъ сопротивленіемъ. Въ душѣ я самъ сочувствовалъ имъ, но нельзя было даромъ пропустить такой серьезный случай нарушенія дисциплины.

— Ну, ребята,—сказалъ я,—теперь слушай команду и берегись: кто не сразу послушается, тотъ пропалъ. Откройте уши и повинуйтесь: ружья въ кòз—лы!—Они мигомъ поставили ружья въ кòзлы.—Четыре шага назадъ, от—сту—пай! — Отступили. — Теперь капитанъ Стэрсъ, ведите свой отрядъ во-фронтъ и отберите ружья, — что и было исполнено.

Тогда я приказалъ капитану Нельсону донести о причинѣ возвращенія каравана. Онъ указалъ на зачинщиковъ и назвалъ тѣхъ, кто кричалъ: «перестрѣляемъ всѣхъ и бѣжимъ къ Мазамбони». Этихъ тотчасъ взяли и наказали, а зачинщиковъ привязали къ флагштоку. Затѣмъ караванъ снова порученъ капитану Нельсону, но только безъ оружія, и ушелъ на работу къ Ніанзѣ.

Вечеромъ нѣкто Гассанъ Бекери отлучался безъ спросу и за это начальникъ его отряда слегка постегалъ его розгой. Когда его отпустили, онъ въ бѣшенствѣ побѣжалъ къ своей хижинѣ, крича, что немедленно застрѣлится. Его поймали въ ту минуту какъ онъ заряжалъ ружье; пять человѣкъ насилу могли съ нимъ справиться. Услыхавъ объ этомъ, я пошелъ туда и тихо спросилъ его, съ чего онъ такъ взбѣсился. Онъ горько жаловался на то, что его опозорили, потому что онъ человѣкъ свободный, изъ хорошей семьи, и непривыкъ, чтобы его били какъ невольника. Я сдѣлалъ ему нѣсколько замѣчаній, разсчитанныхъ на то, чтобы успокоить его расходившіяся чувства и онъ съ благодарностью отвѣтилъ мнѣ. Тогда я съ улыбкой возвратилъ ему ружье. Онъ не злоупотребилъ моимъ довѣріемъ.

11-го марта.—Къ Ніанзѣ пошли за багажемъ сорокъ одинъ туземецъ. Итого, до сего дня выслано съ этою цѣлью 928 человѣкъ.

12-го марта.—Сегодня «Три-часа», т. е. Саатъ-Тато, охотникъ, повелъ на Ніанзу караванъ, состоящій изъ тридцати-четырехъ занзибарцевъ и двадцати-пяти туземцевъ.

13-го марта. — Лейтенантъ Стэрсъ повелъ къ озеру шестьдесятъ три человѣка занзибарцевъ и маньюмовъ.

Сорокъ-одинъ туземецъ, ушедшіе 11-го числа, воротились сегодня, таща на себѣ рѣшительно одинъ хламъ: деревянныя кровати, мѣдные

чаны на двадцать галлоновъ пива и тѣ самые плоскіе камни, которые суданцы называютъ жерновами. Люди жаловались, что когда они отказывались нести такія безполезныя тяжести, ихъ жестоко били.

Я уже нѣсколько разъ говорилъ пашѣ, что не могу дозволить перетаскиваніе подобной дряни, и паша самъ писалъ объ этомъ Осману-Лятифъ-Эффенди, начальнику лагеря у озерной пристани; но такъ-какъ его, очевидно, не слушаются, придется мнѣ самому вступиться въ это дѣло.

14-го марта.—Двадцать одинъ балегга предложили свои услуги и посланы къ озеру за багажемъ. Всего до сегодня принесено 1.037 вьюковъ.

Я разсматриваю это перетаскиваніе вещей, которому подвергаю своихъ офицеровъ и людей, какъ существенную часть моихъ обязанностей относительно нашихъ гостей-переселенцевъ. Очень можетъ быть, что они не стоятъ такихъ любезностей, но это вопросъ посторонній. Всего досаднѣе то, что вся эта работа производится понапрасну. Еслибы хоть кто нибудь изъ нихъ выразилъ сожалѣніе, что изъ за нихъ мы столько трудимся, большинство членовъ экспедиціи сочло-бы себя до нѣкоторой степени вознагражденнымъ за свои усилія. Но я что-то не слышу ничего такого, изъ чего можно-бы заключить, что гости намъ благодарны за наше содѣйствіе и не принимаютъ его, какъ нѣчто должное.

Всякій день я вижу какъ египетскіе офицеры и чиновники собираются отдѣльными, избранными группами, садятся на свои циновки, курятъ папиросы и разсуждаютъ о томъ, какъ мы передъ ними рабствуемъ. Они воображаютъ, что каждый изъ нихъ лучше десяти занзибарцевъ, а я не знаю здѣсь десятка египтянъ, который стоилъ-бы хоть одного занзибарца, въ разсужденіи полезности на африканской почвѣ.

15-го марта.—Сегодня лейтенантъ Стэрсъ привелъ свой караванъ и донесъ, что на пристани осталось еще сто человѣкъ переселенцевъ и цѣлыя горы багажа, состоящаго все изъ такой-же дряни и только, что прибывшаго изъ Мсуа.

На пароходѣ прибылъ также Шукри-Ага, командующій военнымъ поселеніемъ въ Мсуа. Я увидѣлся съ нимъ въ присутствіи паши и сказалъ ему, что если онъ намѣренъ отправляться съ нами къ морю, то пора собираться. Я говорилъ, что многому удивляюсь съ тѣхъ поръ, какъ въ третій разъ пришелъ на озеро, но больше всего дивлюсь тому, что никто здѣсь никого не слушается и никакихъ приказаній не выполняютъ. Ровно десять мѣсяцевъ назадъ, въ маѣ прошлаго года, мы ихъ извѣщали о цѣли своего прибытія, и они тогда-же обѣщали быть

готовы къ походу; и вотъ онъ, Шукри-Ага, пришелъ освѣдомиться на счетъ приказаній, какъ будто и не слыхивалъ о переселеніи. Если-же-онъ, комендантъ укрѣпленія и начальникъ надъ солдатами, такъ туго понимаетъ вещи, чего намъ ждать отъ тупоголоваго суданскаго солдата? Мнѣ остается сказать ему одно: если онъ, Шукри-Ага, не обратитъ теперь вниманія на мои слова, онъ останется тутъ, а мы уйдемъ, и пусть онъ за это самъ на себя пеняетъ.

— Ага, молвилъ Шукри,—такъ я возвращусь въ Мсуа и на другой-же день отправлю на пароходахъ женщинъ и дѣтей, а самъ съ людьми и скотомъ пойду берегомъ черезъ Мелиндуе. Черезъ семь дней мы будемъ тутъ.

— Я буду ждать васъ на десятый день отъ нынѣшняго, со всѣми семействами, солдатами и скотомъ.

Вечеромъ паша говоритъ мнѣ:—Шукри-Ага далъ мнѣ торжественное обѣщаніе повиноваться данному мною приказу и тотчасъ выступить изъ Мсуа.

— Достаточно-ли твердо и точно выразили вы свой приказъ, паша, такъ-ли, чтобы не было уже никакихъ сомнѣній?

— Разумѣется!

— И вы думаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ васъ послушается?

— Конечно! Шукри-Ага? Да онъ черезъ десять дней непремѣнно будетъ здѣсь, и всѣ его солдаты съ нимъ.

16-го марта.—Шукри-Ага спустился сегодня къ озеру; вмѣстѣ съ нимъ 108 носильщиковъ, туземцевъ, пошли за багажемъ.

17-го марта.—Сегодня пошло за вьюками двадцать девять туземцевъ изъ племени Малаи и шестнадцать Бугомби. Всего до сего дня 1190 носильщиковъ.

Сегодня утромъ паша устроилъ пикникъ и отправился въ горы Барегга, между прочимъ для пополненія своихъ коллекцій по части орнитологіи и энтомологіи. Онъ захватилъ съ собою козу, изъ который намѣревался приготовить мясное блюдо для полдника. Для компаніи съ нимъ ушли также Стэрсъ, Пэркъ, Джефсонъ, Нельсонъ и мистеръ Бонни съ цѣлой свитой слугъ.

Вчера мы съ Джефсономъ ходили въ эти горы, изслѣдовали вершины ихъ, а въ одной изъ лощинъ нашли древовидные папоротники футовъ въ восемь вышиною, и со стволами толщиною въ восемь дюймовъ въ поперечникѣ. Мы принесли съ собой съ этой прогулки и отдали пашѣ темнопурпуровыхъ цвѣтовъ геліотропа, алоэ въ цвѣту, горныхъ папоротниковъ; все это такъ его воспламенило, что онъ захотѣлъ самолично изслѣдовать мѣстную флору.

Вершины горъ Барегга высятся отъ 5.400 до 5.600 футовъ надъ

уровнемъ моря. Долины и лощины, ихъ раздѣляющія, довольно живописны, хотя именно теперь онѣ не въ лучшемъ своемъ видѣ, по причинѣ недавно выжженной травы. Въ каждой лощинѣ протекаетъ свой прозрачный ручеекъ, окаймленный бамбуками, древовидными папоротниками, низкорослыми пальмами и кустарникомъ, большею частію въ цвѣту. Судя по громогласному пѣнію птицъ, слышанному нами вчера, предполагалось, что нашъ ненасытный коллекторъ можетъ пополнить свои запасы чучелъ, какими нибудь необычайными жаворонками, дроздами, щурами, голубями громадныхъ размѣровъ и т. п. Вчера мы доставили пашѣ всего только четыре экземпляра и онъ затосковалъ.

Въ глубокой котловинѣ, окруженной угрюмыми, обнаженными утесами, я увидѣлъ съ одной стороны широкій и ровный уступъ, родъ террасы, длиною въ полторы мили, а шириною въ одну милю. Эта терраса, гладкая и зеленая, какъ садовая лужайка, у подножія своего омывается прозрачной рѣчкой, протекающей черезъ густыя рощицы, вершины которыхъ подходятъ какъ разъ въ ровень съ площадью террасы. Давно ужь я не встрѣчалъ мѣстности, которая казалась-бы мнѣ болѣе подходящею для основанія какой-нибудь миссіи или вообще для поселенія бѣлокожихъ людей. Терраса на высотѣ 5.500 футовъ надъ ур. моря. Съ вершины каменистыхъ холмовъ, ее окружающихъ, открывается великолѣпный видъ на одну изъ живописнѣйшихъ странъ земнаго шара, на пространствѣ трехъ тысячъ квадратныхъ миль. Къ западу въ разстояніи шестидесяти миль, видна гора Пизга, царствующая надъ всѣми вершинами и хребтами, въ предѣлахъ лѣсной области; съ юга горизонтъ замыкается вѣчными снѣгами вершинъ Руэнцори, которыя за восемьдесятъ миль отсюда подымаются на восемнадцать и девятнадцать тысячъ футовъ надъ ур. моря; къ востоку далеко разстилается плоскогорье Уніоро, а на сѣверо-востокѣ покоится озеро Альбертъ-Ніанза. Пикникъ происходилъ на террасѣ.

18-го марта.—Наконецъ и знаменитый Рудими, храбрый и воинственный старшина племени Узири, присоединился къ нашему союзу. Онъ привелъ мнѣ семь головъ рогатаго скота, семь козъ, богатый запасъ просяной муки и бататовъ, кромѣ того, доставилъ тридцать одного носильщика, которыхъ я тотчасъ же отрядилъ къ озеру за вьюками.

Теперь ужь можно безъ малѣйшихъ опасеній поручать туземнымъ носильщикамъ какіе угодно вьюки и не нужно отправлять при нихъ ни конвоя, ни провожатыхъ. Пятнадцать старшинъ вошли съ нами въ соглашеніе и приняли наши условія: 1) не воевать между собою и 2) всѣ жалобы приносить мнѣ и предоставить намъ судъ и рѣшеніе

спорныхъ вопросовъ. Въ результатѣ—уавиры подаютъ руку уазирамъ, а балегги подружились съ уахумами. Тяжбы возникаютъ у нихъ большею частію изъ-за пустяковъ, но за то нашими рѣшеніями до сихъ поръ всѣ крайне довольны.

Въ настоящее время нашъ лагерь состоитъ изъ 339 хижинъ и пяти палатокъ, помимо самаго селенія Кавалли, отъ котораго на югъ вытянулся нашъ городокъ. Въ немъ бываетъ иногда единовременно до двухъ тысячъ человѣкъ.

21-го марта.—Туземцы округа Мелиндуе напали на одного изъ нашихъ союзниковъ, уахумскаго вождя Ругуджи, и угнали у него сорокъ головъ скота. Я послалъ лейтенанта Стэрса и мистера Джефсона съ людьми 1-го и 2-го отряда на выручку имущества Ругуджи и когда они возвратились, то пригнали 310 головъ скота. Ругуджи призналъ въ числѣ ихъ своихъ коровъ, которыя и были ему отданы. Всѣ уахумы—пастухи, живущіе скотоводствомъ, тогда какъ уавиры занимаются только земледѣліемъ.

22-го марта.—Паша и грекъ Марко ходили въ гости къ старшинѣ Нямсасси, Мпигуа: ихъ очень хорошо приняли, угощали и одарили множествомъ съѣстныхъ припасовъ.

23-го марта.—Сегодня многіе старшины прислали намъ въ даръ разной провизіи, въ благодарность за то, что мы совершили побѣдоносный походъ на Мелиндуе.

26-го марта.—Вчера вечеромъ изъ Уаделаи пришелъ пароходъ «Ніанза» и привезъ почту, которую носильщики сегодня утромъ доставили намъ.

Селимъ-бей пишетъ Эмину-пашѣ изъ Уаделаи, что всѣ бунтовщики послѣдуютъ за нимъ и вскорѣ мы должны ожидать ихъ къ себѣ въ лагерь. Паша въ восхищеніи пришелъ ко мнѣ и сообщивъ эту новость, прибавилъ: «Ну вотъ, я-же вамъ говорилъ! Видите, что я былъ правъ? Я вѣдь зналъ, что всѣ придутъ».

Посмотримъ, чѣмъ-то все это кончится.

26-го февраля. Селимъ-бей ушелъ изъ нашего лагеря, заручившись отъ меня обѣщаніемъ, что я имъ дамъ нѣкоторое время на сборы. Хотя разстояніе беретъ всего пять дней, я ему далъ восемь. Онъ прибылъ въ Уаделаи 4-го марта, торжественно поклявшись намъ собраться въ путь, какъ можно скорѣе. Положимъ, что на сборы ему понадобилось еще пять дней, да на обратный путь отъ Уаделаи до насъ восемь дней. Тогда онъ пришелъ бы въ лагерь 17-го марта. Между тѣмъ не только онъ не приходилъ, но изъ письма его къ пашѣ явствуетъ, что онъ ровно въ томъ-же положеніи, въ какомъ ушелъ отсюда 26-го февраля, т. е. намѣревается собираться.

14-го марта Шукри-Ага, комендантъ Мсуа, приходилъ къ пашѣ за дальнѣйшими инструкціями, а 17-го марта онъ снова былъ въ Мсуа, получивъ приказаніе покинуть это укрѣпленіе и возвратиться сюда 27-го марта. И что-же мы узнаемъ? Шукри-Ага и теперь сидитъ въ Мсуа, а Селимъ-бей въ Уаделаи, никто и не подумалъ повиноваться пашѣ и каждое изъ его приказаній осталось неисполненнымъ.

Я отвѣчалъ пашѣ, что теперь только убѣдился, какъ глупо было съ нашей стороны полагаться на обѣщаніе подобныхъ людей, тогда какъ ни Селимъ-бей, ни Шукри-Ага, по всей вѣроятности, вовсе не думаютъ сопутствовать намъ, куда-бы то ни было. Дни превращаются въ недѣли, недѣли выростаютъ въ мѣсяцы и пожалуй годы могутъ пройти, прежде-чѣмъ мы выберемся изъ Африки.

— Извините, паша, но я принужденъ напомнить вамъ, что помимо обязательства, принятаго относительно васъ и вашихъ подчиненныхъ, я несу еще отвѣтственность и передъ комитетомъ вспомоществованія; каждый мѣсяцъ, проводимый нами въ Африкѣ, обходится комитету около четырехъ тысячъ рублей. Затѣмъ я обязанъ позаботиться о сопутствующихъ намъ офицерахъ: срокъ ихъ отпусковъ давнымъ давно прошелъ, а вѣдь имъ надо-же сдѣлать карьеру по службѣ. И наконецъ, надо-же подумать и о занзибарцахъ. Имъ очень хочется домой и они уже начинаютъ терять терпѣніе. Если-бы можно-было навѣрное думать, что Селимъ-бей и его подчиненные дѣйствительно хотятъ покинуть Африку, если-бы въ доказательство такого намѣренія прислали намъ хоть двѣ роты солдатъ и я самъ убѣдился-бы, что эти солдаты способны слушаться, понимаютъ, что̀ такое дисциплина, тогда отчего-бы не подождать ихъ, можно-бы еще на нѣсколько мѣсяцевъ отложить выступленіе. Но сообразите только, что съ 1-го мая 1888 года до конца марта 1889-го прошло одиннадцать мѣсяцевъ, что за все это время мы успѣли собрать человѣкъ сорокъ офицеровъ и чиновниковъ съ ихъ семействами, что вотъ уже мѣсяцъ, какъ таскаютъ ихъ багажъ, и для этого двухдневнаго перетаскиванія съ озера на плато, потребовалось собрать всѣ силы окрестнаго населенія, — примите все это во вниманіе и скажите, имѣю-ли я поводъ раздѣлять вашу радость?

Вспомните, пожалуйста, что я всѣми мѣрами хлопоталъ о томъ, чтобы разузнать навѣрное настроеніе умовъ этихъ господъ въ Уаделаи. И узналъ я вещи по истинѣ удивительныя. Маіоръ Авашъ-эффенди, 2-го баталіона, Османъ Лятифъ-эффенди, и даже пароходный машинистъ Могаммедъ сказали мнѣ по секрету, что ни Селимъ-бей, ни Фадль-эль-Мулла-бей не пойдутъ въ Египетъ. Селимъ-бей сюда-то можетъ быть придетъ, и поселится въ здѣшнихъ мѣстахъ. Но что̀ бы ни

говорили эти господа изъ Уаделаи и какія бы ни выражали намѣренія, мнѣ совѣтовали ни одному ихъ слову не вѣрить. И вообще, никто кромѣ васъ имъ не довѣряетъ. Положимъ, что въ концѣ концовъ вы будете правы, но согласитесь, что мнѣ-то рѣшительно не съ чего полагаться на ихъ добрыя намѣренія. Они три раза бунтовали противъ васъ; взяли въ плѣнъ мистера Джефсона и, угрожая разстрѣлять его, нанесли мнѣ оскорбленіе. Кромѣ того они вездѣ распространяли слухъ, что какъ только я приду сюда, они и меня заберутъ въ плѣнъ. Но этого-то не будетъ; и я вамъ ручаюсь, паша, что хотя бы все войско экваторіальной провинціи пришло сюда, то прежде чѣмъ они подойдутъ на ружейный выстрѣлъ отъ лагеря, всѣ офицеры будутъ въ моихъ рукахъ.

— Но что-же мнѣ имъ сказать?—спросилъ паша.

— На это лучше всего отвѣтятъ вамъ мои офицеры. Безъ всякаго предупрежденія, я сейчасъ пошлю попросить ихъ сюда и при васъ спрошу ихъ мнѣнія, потому что они вѣдь не меньше моего заинтересованы въ этомъ вопросѣ.

— Хорошо,—сказалъ паша.

Я послалъ попросить къ себѣ Стэрса, Нельсона, Джефсона, Пэрка и, когда они усѣлись, обратился къ нимъ со слѣдующею рѣчью:

— Господа, прежде чѣмъ посовѣтоваться съ вами о дѣлахъ въ настоящую важную минуту, позвольте изложить нѣкоторые факты, дошедшіе до моего свѣдѣнія.

Эминъ-паша получилъ почту изъ Уаделаи. Селимъ-бей, отплывшій съ нижней пристани 26-го числа прошлаго мѣсяца, и обѣщавшій намъ поторопить всѣхъ желающихъ выселяться въ Египетъ, чтобы собирались скорѣе, пишетъ теперь изъ Уаделаи, что пароходы заняты перевозкой нѣкоторыхъ лицъ изъ Дуффлэ въ Уаделаи, а изъ Уаделаи въ Тенгуру начнутъ перевозить только тогда, когда закончутъ перевозку изъ Дуффлэ. Когда Селимъ-бей уѣхалъ отсюда, мы получили свѣдѣнія, что мятежные офицеры отрѣшили его отъ должности и приговорили къ смертной казни, также какъ и Эмина-пашу. Теперь мы узнаемъ, что мятежные офицеры, въ числѣ десяти человѣкъ, а также всѣ ихъ сторонники желаютъ переселиться въ Египетъ; изъ этого позволительно заключить, что Селимъ-бей и его партія опять восторжествовала.

Шукри-Ага, комендантъ ближайшаго отъ насъ укрѣпленія Мсуа, въ половинѣ марта мѣсяца приходилъ къ намъ сюда въ гости. 16-го марта, въ день, когда онъ уходилъ отъ насъ, ему было сказано, что мы рѣшительно выступаемъ въ Занзибаръ 10-го апрѣля. Онъ взялъ

съ собою отъ насъ письма къ Селимъ-бею, въ которыхъ ясно и опредѣлительно высказано было тоже самое.

«Восемь дней спустя, мы узнали, что Шукри-Ага все еще въ Мсуа, хотя и выслалъ къ пристани на Ніанзѣ нѣсколькихъ женщинъ и дѣтей; однако, еслибы онъ серьезно намѣревался уйти съ нами, ему бы слѣдовало самому быть здѣсь.

Мѣсяцъ тому назадъ Селимъ-бей уходя получилъ отъ насъ обѣщаніе подождать его нѣсколько времени. Паша говорилъ тогда, что двадцати дней будетъ для нихъ достаточно. Мы растянули срокъ на сорокъ четыре дня. Судя по тому, сколько времени понадобилось Селимъ-бею на то, чтобы перевезть въ Тенгуру только шестнадцатую долю ожидаемаго количества переселенцевъ, я лично знаю, что сказать пашѣ. Потому что, видите-ли господа, получивъ отъ Селимъ-бея такія «утѣшительныя свѣдѣнія», паша пришелъ узнать объ этомъ мое мнѣніе; я же счелъ за лучшее пригласить васъ, съ тѣмъ, чтобы вы отвѣтили за меня.

Вамъ извѣстно, что по смыслу данныхъ намъ инструкцій мы обязаны были доставить помощь Эмину-пашѣ и проводить желающихъ въ Египетъ. Мы пришли на Ніанзу и встрѣтились съ Эминомъ-пашой въ концѣ апрѣля 1888 года, ровно годъ назадъ. Мы вручили ему письма хедива и его правительства, передали первый транспортъ вещей и запасовъ, и спросили, будемъ-ли имѣть удовольствіе сопровождать его въ Занзибаръ. Онъ отвѣтилъ намъ тогда, что его рѣшеніе будетъ зависѣть отъ рѣшенія его народа.

То было первое непріятное извѣстіе, полученное нами. Вмѣсто цѣлаго населенія, жаждущаго какъ можно скорѣе покинуть Африку, возникъ вдругъ вопросъ, захочетъ ли хоть кто нибудь, кромѣ нѣсколькихъ египетскихъ чиновниковъ, сопутствовать намъ. Покинувъ маіора Бартлота съ людьми арріергарда такъ далеко назади, мы не могли оставаться на Ніанзѣ покуда паша выскажетъ свое окончательное рѣшеніе, такъ какъ это могло затянуться на нѣсколько мѣсяцевъ; для насъ выгоднѣе было отправляться назадъ, на выручку арріергарда, полагая, что къ тому времени, какъ мы воротимся, всѣ желающіе уйти въ Египетъ успѣютъ изготовиться въ путь и будутъ поджидать насъ съ нетерпѣніемъ. Поэтому, оставивъ здѣсь мистера Джефсона для прочтенія нашего воззванія къ войскамъ паши, мы воротились въ лѣсные предѣлы, захватили оттуда колонну арріергарда и черезъ девять мѣсяцевъ пришли обратно къ Ніанзѣ. Но вопреки нашимъ ожиданіямъ, мы не нашли здѣсь не только обширнаго лагеря и толпы людей, готовыхъ въ походъ, но даже вовсе ничего не нашли, а вмѣсто того узнали, что паша и мистеръ Джефсонъ въ плѣну, что

мятежники угрожали то лишить жизни пашу, то привязать его къ кровати и въ такомъ видѣ утащить въ область Маккараке. По всей провинціи ходили слухи, что мы—самозванцы, искатели приключеній, предатели, что письма хедива и Нубара-паши—подложныя, а фабриковали ихъ подлые христіане, Стэнли и Казати, съ помощью Могаммеда Эмина-паши. Бунтовщики до такой степени возрадовались своей безкровной побѣдѣ надъ пашой и мистеромъ Джефсономъ, что во всеуслышаніе хвастались своимъ намѣреніемъ заманить меня ласковыми словами въ ловушку, ограбить экспедицію до чиста и, лишивъ насъ всѣхъ средствъ къ существованію, прогнать въ чистое поле, на вѣрную погибель. Я не буду останавливаться на ужасной неблагодарности этихъ людей, на ихъ глубочайшемъ невѣжествѣ и природной злобѣ, однако, надо-же все это принимать въ разсчетъ, приходя къ окончательному рѣшенію.

Когда мы принимались за это дѣло, мы были увѣрены, что насъ примутъ съ распростертыми объятіями. Но намъ неожиданно выказали такую холодность, что приходится усомниться, точно ли кто нибудь искренно хочетъ уйти отсюда? Моего представителя, дѣйствовавшаго отъ моего имени, лишили свободы, приставили къ нему ружейныя дула, всячески угрожали ему. Пашу взяли въ плѣнъ и цѣлыхъ три мѣсяца продержали въ строгомъ заключеніи. И говорятъ, что это уже третій бунтъ въ этой странѣ. И вотъ уже почти двѣнадцать мѣсяцевъ какъ мы ждемъ и до сихъ поръ добились только того, что въ лагерѣ набралось у насъ нѣсколько сотъ безоружныхъ мужчинъ, да еще женщинъ и дѣтей. Я обѣщалъ Селимъ-бею подождать его нѣкоторое время, но Селимъ-бей съ своей стороны неоднократно клялся, что онъ насъ не задержитъ. Паша говорилъ, что сорока четырехъ дней вполнѣ довольно на то, чтобы три раза съѣздить на пароходѣ туда и обратно и, слѣдовательно, до 10-го апрѣля срокъ весьма достаточный. Сегодня мы получили извѣстіе не о томъ, что Селимъ-бей пришелъ, и вотъ сейчасъ войдетъ въ лагерь, а о томъ, что онъ все еще сидитъ въ Уаделаи; и еще онъ пишетъ, что помимо своихъ собственныхъ пріятелей, которые остались ему вѣрны и послушны, онъ приведетъ десятерыхъ бунтовавшихъ офицеровъ и сотенъ шесть или семь солдатъ, принадлежащихъ къ ихъ партіи.

Зная, что эти самые офицеры уже три раза поднимали бунтъ, что они питаютъ самые коварные замыслы противъ нашей экспедиціи, что вся ихъ жизнь есть ничто иное какъ сплетеніе интригъ и предательства, съ нашей стороны естественно будетъ поразмыслить надъ тѣмъ, что собственно руководитъ ими въ настоящую минуту и съ чего они, непокорные бунтовщики и постоянные измѣнники, взду-

мали вдругъ объявить себя вѣрными слугами и честными солдатами хедива и его «высокаго правительства». Помните, что помимо тѣхъ тридцати съ лишнимъ ящиковъ боевыхъ снарядовъ, которые мы сдали пашѣ въ маѣ 1888 года, въ рукахъ мятежниковъ находятся теперь всѣ запасы патроновъ и пороху, лежавшіе въ казенныхъ складахъ, что составитъ еще запасъ равный двадцати нашимъ ящикамъ. Но настолько-то есть у нихъ сметливости, чтобы понять, что такого запаса имъ едва ли хватило бы на одинъ часъ, если бы они вздумали открыто идти противъ всѣхъ нашихъ ружей, и что, слѣдовательно, для дальнѣйшей добычи патроновъ и пороху, нужно сперва выказать раскаяніе и прикинуться нашими покорнѣйшими слугами.

Хотя у паши каждый разъ, при полученіи подобныхъ вѣрноподданническихъ писемъ, душа радуется, но намъ, чужестранцамъ, позволительно не довѣрять людямъ, которые подали намъ уже столько поводовъ къ недовѣрію. Будь у насъ хоть малѣйшая гарантія ихъ правдивости, какое нибудь ручательство въ томъ, что они могутъ быть добросовѣстны, мы готовы отдать въ ихъ руки все что угодно, съ позволенія паши, разумѣется. Но возможно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что если мы примемъ ихъ въ лагерь какъ добрыхъ союзниковъ и вѣрныхъ слугъ Египта, они не поднимутся въ одну прекрасную ночь, не завладѣютъ нашимъ оружіемъ и не лишатъ насъ такимъ образомъ возможности возвратиться въ Занзибаръ? Это совсѣмъ не трудно будетъ имъ сдѣлать, разъ что они войдутъ въ лагерь и ознакомятся съ нашими порядками.

Имѣя въ виду диковинные разсказы мистера Джефсона о томъ, что происходило въ Экваторіальной области со времени паденія Хартума и прерванія сообщеній по Нилу; имѣя передъ собою самого Эмина пашу, у котораго еще недавно считалось нѣсколько тысячъ подчиненныхъ, а теперь нѣтъ даже сколько нибудь значительной свиты; помня притомъ тѣ хитрости и «ласковыя слова», которыми собирались заманить насъ въ ловушку, спрашиваю васъ: разумно-ли будетъ оттягивать срокъ нашего выступленія долѣе назначеннаго 10-го апрѣля?

Каждый изъ офицеровъ по очереди отвѣтилъ отрицательно.

— Вотъ видите, паша,—сказалъ я: вы получили отвѣтъ. Мы выступаемъ въ походъ 10-го апрѣля.

Тогда паша задалъ намъ такой вопросъ: можемъ ли мы, по совѣсти, засвидѣтельствовать, что не онъ отступился отъ своихъ людей, а они его покинули, въ случаѣ, если 10-го апрѣля они еще не придутъ?—На что всѣ мы сказали: безъ всякаго сомнѣнія.

27-го марта.—Ушли гонцы, отправляемые въ Уаделаи.

Они повезли слѣдующія грамоты:

«Заявленіе Селимъ-бею и бунтовавшимъ офицерамъ.

Лагерь у Кавалли. 26-го марта 1889 г.

Селямъ! — Командующій экспедиціею вспомоществованія, давъ Селимъ-бею обѣщаніе подождать нѣкоторое время прихода въ его лагерь лицъ, желающихъ покинуть здѣшнюю область, симъ извѣщаетъ Селимъ-бея и его товарищей, что нынѣ истекаетъ тридцатый день съ тѣхъ поръ, какъ они отправились отсюда въ Уаделаи собирать своихъ людей въ походъ.

Слѣдовательно, обѣщанный срокъ сегодня прошелъ.

Но такъ какъ паша просилъ еще продлить срокъ для сборовъ, симъ объявляется всѣмъ, до кого это касается, что экспедиція остается въ лагерѣ еще на четырнадцать дней; иными словами, экспедиція рѣшительно выступаетъ къ Занзибару утромъ 10-го числа апрѣля настоящаго года. Всѣ, не поспѣвшіе къ тому времени присоединиться къ намъ, должны нести послѣдствія своей неявки въ срокъ, назначенный для выступленія въ путь.

Генри М. Стэнли».

«Заявленіе Шукри-Агѣ, командующему укрѣпленіемъ Мсуа.

Командующій экспедиціею вспомоществованія симъ заявляетъ доброму и честному офицеру Шукри-Агѣ, что желая дать ему достаточно времени на соединеніе съ нашимъ лагеремъ, экспедиція простоитъ въ нынѣшнемъ своемъ лагерѣ отъ сегодня еще четырнадцать дней, но что утромъ 10-го апрѣля сего года экспедиція не обратитъ больше вниманія на то кто готовъ, а кто неготовъ, и выступитъ въ походъ неукоснительно.

Командующій экспедиціею, движимый искреннимъ расположеніемъ къ Шукри-Агѣ, убѣдительно проситъ его обратить серьезное вниманіе на это послѣднее обстоятельство и дѣйствовать сообразно оному.

Генри М. Стэнли».

Глава XXVI.

ИДЕМЪ ДОМОЙ НА ЗАНЗИБАРЪ.

Ложные слухи о появленіи чужестранцевъ у Мазамбони. – Слоновые клыки, собственность Паши.—Османъ-Лятифъ-эффенди выражаетъ свое мнѣніе объ офицерахъ въ Уаделаи.—Мой прислужникъ, Сали, въ роли лагернаго лазутчика.—Взглядъ капитана Казати на удаленіе Эмина изъ провинціи.—Лейтенантъ Стэрсъ первый выступаетъ въ путь къ родинѣ. — Вѣсъ моихъ офицеровъ въ различныхъ мѣстахъ.—Руэнцори въ виду.—Маленькая воспитанница Казати. — Я служу посредникомъ между Могаммедомъ-эффенди, его женой и Эминомъ.—Биляль и Серуръ. — Попытка воровать ружья изъ шалашей у занзибарцевъ.—Слухи о бѣдствіяхъ и безпорядкахъ въ Уаделаи и Мсуа.—Эмину-пашѣ дѣлаются два предложенія. — Даю сигналъ общаго сбора къ оружію. — Мои занзибарцы сгоняютъ палками эминовыхъ арабовъ.—Рѣчь къ египтянамъ и суданцамъ. — Лейтенантъ Стэрсъ приводитъ на площадку прислугу паши.—Серуръ и трое другихъ, признанные зачинщиками, отданы подъ стражу.—Смотръ эминовой прислуги.—Османъ Лятифъ эффенди и его мать.—Казати и Эминъ въ ссорѣ.—Снаряжаемся въ путь.—Битва на палкахъ между нубійцемъ Омаромъ и занзибарцами.—Судъ мой надъ подравшимися. — Мы покидаемъ Кавалли и идемъ на Занзибаръ. — Численность колонны.—Остановка у Мазамбони. — Я заболѣваю воспаленіемъ желудка.—Искусство доктора Пэрка.—Я измышляю различные планы похода. — Частыя донесенія о заговорахъ въ лагерѣ. — Лейтенантъ Стэрсъ съ сорока солдатами настигаетъ Рехана и двадцать двухъ дезертировъ, бѣжавшихъ съ нашими ружьями.—Военный судъ приговариваетъ Рехана къ повѣшенію.—Болѣзнь доктора Пэрка и мистера Джефсона.—Почта, направленная въ Уаделаи, попадаетъ въ мои руки и я узнаю о важномъ заговорѣ, состоявшемся между офицерами Эмина. — Бесѣда объ этомъ предметѣ съ Эминомъ пашой. — Шукри-Ага съ двумя слугами приходитъ въ нашъ лагерь.—Лейтенантъ Стэрсъ зарываетъ часть боевыхъ снарядовъ. — Продолжаемъ путь и ночуемъ въ Буніамбири. — Услуги Мазамбони и его гостепріимство.—Три солдата приносятъ письма отъ Селимъ-бея. — Содержаніе писемъ.—Разговоръ съ присланными солдатами.—Они уносятъ письмо отъ Эмина къ Селимъ-бею. — Али-эффенди со своимъ штатомъ также уходитъ къ Селимъ-бею, вмѣстѣ съ солдатами.

27-го марта.—Сегодня прошелъ слухъ, что у Мазамбони появились какіе-то чужестранцы, которыхъ принимаютъ за занзибарцевъ. Для провѣрки этого слуха я послалъ Джефсона, и при немъ сорокъ три человѣка подъ ружьемъ, потому что легко можетъ быть, что это Джемсонъ и Селимъ бенъ-Могамедъ со своими людьми.

29-го марта.—Мистеръ Джефсонъ возвратился изъ Унджумы, привелъ еще пятьдесятъ шесть носильщиковъ, туземцевъ. Никакихъ чужестранцевъ тамъ не было, слухъ оказался ложнымъ. Но куда же дѣвался Джемсонъ и что съ нимъ сталось послѣ того какъ онъ получилъ мои письма!

31-го марта.—Капитанъ Нельсонъ пришелъ съ озера въ лагерь, принесли еще 132 вьюка. Всего до сихъ поръ принесено съ озера на плато 1.355 вьюковъ. Говорятъ, что теперь ужь все перетаскали и тамъ ничего больше нѣтъ, кромѣ громадныхъ слоновыхъ клыковъ, вѣсомъ до 150 фунтовъ въ каждомъ, которыхъ мы не въ силахъ принести. Паша привезъ съ собою шестьдесятъ пять клыковъ, изъ которыхъ я хотѣлъ сорокъ пять предоставить маньюмамъ, въ награду за ихъ услуги; но они отказались отъ нихъ, предпочитая по прибытіи въ христіанскую миссію въ Мсаляля получить свое жалованье помѣсячно и притомъ товарами.

Османъ-Лятифъ-эффенди, исправляющій должность губернатора экваторіальной провинціи, былъ у меня вечеромъ и выразилъ свое мнѣніе насчетъ уаделайскихъ офицеровъ. Онъ говорилъ такъ:—Селимъ бей еще можетъ быть придетъ. Онъ человѣкъ не дурной, только слишкомъ любитъ пиво и разлѣнился. Если онъ придетъ, то съ нимъ будетъ до 350 человѣкъ солдатъ и офицеровъ, всё его сторонники. Фадль-эль Мулла-бей стоитъ во главѣ противной ему партіи. Съ тѣхъ поръ какъ прошелъ слухъ о паденіи Хартума, они совсѣмъ перестали слушаться паши. Это случилось какъ разъ передъ уходомъ доктора Юнкера. Полагая, что все это можетъ измѣниться какъ только они узнаютъ о вашемъ прибытіи, Эминъ-паша отправился объѣзжать провинцію съ мистеромъ Джефсономъ; вотъ тутъ-то ихъ обоихъ и арестовали. Фадль-эль-Мулла-бей и его секретарь — махдисты. Они надѣялись выслужиться передъ халифомъ предавъ въ его руки пашу. Поговаривали также о томъ, чтобы васъ заманить ласковыми словами и лестными обѣщаніями, поймать васъ да и представить въ Хартумъ. Если Фадль-эль-Мулла-бей придетъ сюда со своимъ народомъ, одно могу вамъ посовѣтовать: будьте очень осторожны. Мнѣ эта страна надоѣла, хочу уйти въ Каиръ. Мнѣ тутъ дѣлать нечего.

— А о здѣшнемъ народѣ вы какого мнѣнія, Османъ Лятифъ?

— Авашъ эффенди не посмѣетъ остаться. Говорятъ, что когда онъ числился маіоромъ 2-го баталіона, онъ былъ съ людьми очень жестокъ; они его терпѣть не могутъ и непремѣнно убьютъ, коли онъ не уйдетъ. Коли придетъ Селимъ-бей и посовѣтуетъ оставаться, почти всѣ остальные предпочтутъ поселиться здѣсь, а за пашой не пойдутъ. Я и Авашъ эффенди пойдемъ съ вами. Коли умремъ по дорогѣ, значитъ такъ и надо. А коли здѣсь останемся, все равно умремъ.

— Отчего такъ не любятъ пашу?

— Не знаю; вѣрно шайтанъ (чортъ) ихъ научаетъ. Онъ всегда былъ справедливъ и милостивъ ко всѣмъ, но чѣмъ больше онъ давалъ имъ воли, тѣмъ больше они отвращали отъ него свои сердца. Они говорятъ про него: „О, пусть себѣ собираетъ букашекъ и птицъ, а намъ его не надо!» Паша очень веселъ когда путешествуетъ и можетъ набирать разныя вещицы, а до людей ему дѣла нѣтъ.

— Какъ вы думаете, больше бы его любили, если бы онъ отъ времени до времени вѣшалъ кое-кого?

— Можетъ быть. Богъ знаетъ.

— Ну, а сами вы, напримѣръ, лучше бы о немъ думали, если бы онъ былъ съ вами построже?

— Нѣтъ; но я боялся бы его.

— О, да. Конечно.

— Только вы пожалуйста не передавайте пашѣ того, что я вамъ сказалъ, а то онъ мнѣ этого никогда не проститъ.

— Не бойтесь. Если услышите въ лагерѣ что нибудь такое, вы сообщите мнѣ?

— Я и сынъ мой слуги ваши. Мы слышимъ все, что здѣсь дѣлается и непремѣнно извѣстимъ васъ.

Вскорѣ послѣ этой бесѣды я увидѣлъ какъ Османъ Лятифъ прошелъ къ пашѣ, цѣловалъ его руки и благоговѣйно склонился передъ нимъ. Это меня заинтересовало и я тотчасъ пошелъ туда наблюдать комедію. Паша важно сидѣлъ въ креслѣ и съ повелительнымъ видомъ отдавалъ Османъ-Лятифу приказанія, а Османъ-Лятифъ послѣ каждой фразы начальника униженно кланялся, такъ что будь при этомъ какой-нибудь наивный путешественникъ, онъ увидѣлъ бы съ одной стороны царственную власть, а съ другой рабское подобострастіе. Полюбовавшись этою сценой я повернулся и пошелъ къ себѣ, въ глубокомъ раздумьѣ.

Мой молоденькій прислужникъ Сали удивительно искусный лазутчикъ. Какими способами, онъ собираетъ свѣдѣнія — мнѣ неизвѣстно, но думается мнѣ, что онъ знаетъ гораздо больше Османъ-Лятифа, Аваша-эффенди и прочихъ молодыхъ египтянъ. Его удостоиваютъ бесѣды разные капитаны, а машинистъ Могаммедъ съ нимъ закадычный другъ. Особенно любятъ его, повидимому, капитанъ Ибрагимъ-Эффенди-Эльгамъ и его тесть, Али-эффенди. Кромѣ того у Сали вѣроятно много помощниковъ по этой части въ болѣе низкихъ сферахъ. Занзибарцы отъ природы страстные торгаши: они вѣчно что нибудь продаютъ или покупаютъ. Во время торговъ разумѣется чешутъ языки и перебираютъ всякіе случаи въ лагерѣ, сообщаютъ другъ другу слухи и

мелкіе факты, а потомъ все это соображаютъ, обдумываютъ и передаютъ Сали, который въ свою очередь все доноситъ мнѣ. Большею частію дѣло ограничивается простыми сплетнями, но въ томъ числѣ бываютъ и важныя свѣдѣнія, изъ которыхъ я почерпаю полную картину интересовъ и настроенія въ лагерѣ.

Такимъ образомъ я узнаю, что составился заговоръ окончательно не признавать авторитета паши. Въ настоящее время людей, оставшихся ему вѣрными, только девять во всемъ лагерѣ. Про пашу говорятъ, что онъ до того довѣрчивъ, что стоитъ поцѣловать у него руку и попросить прощенія, и онъ подпадаетъ вліянію всякаго интригана.

Когда подобные плуты позволяютъ себѣ шутить надъ нимъ, то какой ужь тутъ авторитетъ!

Докторъ Вита-Гассанъ и машинистъ Могаммедъ говорятъ, что паша чрезвычайно уважаетъ мнѣнія капитана Казати. Я нахожу совершенно естественнымъ, что онъ привыкъ чтить мнѣнія единственнаго европейца, бывшаго при немъ съ отъѣзда доктора Юнкера вплоть до нашего прихода. Но когда Казати слишкомъ разсчитываетъ на доброту паши, мистеръ Джефсонъ разсказываетъ, что паша отлично умѣетъ мгновенно превращаться въ губернатора.

Утромъ паша пришелъ ко мнѣ въ палатку и сообщилъ, что капитанъ Казати совсѣмъ недоволенъ его удаленіемъ изъ Экваторіальной провинціи; онъ говоритъ, что паша обязанъ остаться.

— Гдѣ, паша?

— Съ моимъ народомъ.

— То есть съ какимъ же это народомъ?

— Ну, съ солдатами моими.

— Какъ-же, однако, — не сами-ли вы не такъ давно писали ко мнѣ, да еще подтверждали письма Джефсона о томъ же предметѣ, что ваши солдаты взяли васъ въ плѣнъ, что они отрѣшили васъ отъ должности, угрожали заковать въ цѣпи, привязать къ кровати, отослать въ Хартумъ, — а вѣдь вамъ не хуже моего извѣстно, чѣмъ все это пахнетъ.

— Это правда. Только вы не подумайте, что я перемѣнилъ мнѣніе. Нѣтъ, я уже вамъ сказалъ, что 10-го апрѣля выступаю вмѣстѣ съ вами. Это рѣшено. Но мнѣ всетаки хотѣлось бы, чтобы вы повидали Казати и потолковали съ нимъ.

— Я-бы съ большимъ удовольствіемъ, но вѣдь я такъ скверно говорю по французски, а онъ и того хуже...

— О, вы пришлите мальчика за мной, я тотчасъ приду и буду вамъ служить переводчикомъ.

Изъ всего, что мы знаемъ о характерѣ капитана Казати, вообще

принято думать, что онъ служитъ лишь точнымъ отголоскомъ Эмина-паши. Онъ неразъ откровенно признавался, что предпочелъ-бы Африку Европѣ. Что паша неохотно уходитъ отсюда, это еще понятно; но почему Казати здѣшнее житье предпочитаетъ — этого я рѣшительно не могу взять въ толкъ, хотя разумѣется онъ имѣетъ полное право выражать свои вкусы. Но только я не понимаю, какія соображенія удерживаютъ ихъ здѣсь въ настоящее время. Когда паша былъ еще властнымъ правителемъ, онъ добровольно отказался отъ жалованья 15.000 рублей въ годъ и отъ ежегодной субсидіи по 120.000 рублей на управленіе своею областью; когда англичане предлагали ему нѣчто въ томъ же родѣ, онъ отложилъ свой отвѣтъ, и оттягивалъ до тѣхъ поръ, пока стало слишкомъ поздно. Предложеніе-же возвратиться на родину до такой степени не понравилось ему, что онъ предпочелъ оставить его совсѣмъ безъ отвѣта, пока не узнаетъ какъ это будетъ принято его войскомъ; а когда вздумалъ освѣдомляться объ этомъ, его самого взяли въ плѣнъ, лишили власти и свободы и теперь онъ, по правдѣ говоря, просто бѣжалъ отъ надзора своихъ подчиненныхъ.

Но когда эти два человѣка сойдутся и побесѣдуютъ по душѣ, каждый разъ паша кажется подавленнымъ и на него нападаетъ страхъ, какъ бы мятежники не обвинили его въ томъ, что онъ ихъ покинулъ. А Казати повидимому очень доволенъ тѣмъ, что производитъ на пашу такое впечатлѣніе. Но для чего Казати нужно возбуждать такія чувства? Неужели только для того, чтобы обезпечить себѣ товарища по несчастію? Не знаю.

Я отправился въ квартиру капитана Казати и безуспѣшно попытавшись объяснить ему цѣль своего посѣщенія, послалъ мальчика попросить пашу помочь намъ. Казати съ мѣста началъ пробирать пашу во имя чести и долга, увѣрялъ, что онъ нравственно обязанъ не покидать своей арміи,—намекая, конечно, на формальное заявленіе паши, что онъ уходитъ съ нами 10-го апрѣля.

— Однако, капитанъ Казати,—сказалъ я,—паша вѣдь никогда и не намѣревался покидать свою армію, какъ вамъ извѣстно. Сама армія его отставила и держала въ заключеніи съ 18-го августа по 8-е февраля, т. е. почти шесть мѣсяцевъ. Три раза они противъ него бунтовали, сколько разъ говорили и повторяли, что имъ его не нужно, что не хотятъ его слушаться, грозились даже убить его. По всей вѣроятности, онъ былъ бы ужъ теперь въ Хартумѣ, еслибы не бѣшеные Донагле, показавшіе на дѣлѣ, что они никому не даютъ пощады.

— Начальникъ крѣпости никогда не долженъ сдаваться,—возразилъ Казати.

— Я съ вами согласенъ, въ томъ случаѣ, если гарнизонъ остается

ему вѣренъ. Но если собственные солдаты арестовали его, стащили флагъ, растворили ворота, что-жь остается дѣлать бѣдному коменданту.

— Капитанъ военнаго корабля разстрѣливаетъ всѣ до послѣдняго свои заряды.

— Именно; но когда команда бунтуетъ, хватаетъ капитана и заковываетъ его въ цѣпи, и опять таки срываетъ флагъ, тогда какъ?

— Нѣтъ. Я съ вами не согласенъ!—восклицаетъ Казати торжественно,—пашѣ слѣдуетъ оставаться со своимъ народомъ.

— Но гдѣ-же его народъ? Вѣдь мятежники не хотятъ имѣть съ нимъ дѣло, иначе какъ съ плѣнникомъ. Неужели по вашему лучше будетъ, если паша воротится туда въ качествѣ плѣннаго и удовольствуется такимъ положеніемъ.

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ.

— Вы можетъ быть полагаете, что они смилостивятся и снова дарують ему мѣсто губернатора?

— Это неизвѣстно.

— Да вы-то думаете, что это можетъ случиться?

— Могло-бы.

— И вы совѣтуете пашѣ отдаться въ руки такихъ господъ, какъ Фадль-эль-Мулла-бей и его офицеры?

— Нѣтъ.

— Вотъ у васъ здѣсь своя прислуга. Положимъ, что ей вздумалось какъ нибудь ночью схватить васъ и убить, и вы тѣмъ только спасаетесь, что кричите и на вашъ крикъ сбѣгаются люди, которые васъ выручаютъ. Что, вы согласились бы снова довѣрить свою жизнь такой прислугѣ.

— Нѣтъ.

— А если бы слуги пришли къ вамъ сегодня и объявили, что впередъ не станутъ вамъ повиноваться; и еслибы вы настойчиво требовали ихъ услугъ, а они вмѣсто того стрѣляли-бы по васъ; вы все таки считали бы, что обязаны ими повелѣвать?

— Нѣтъ.

— Ну такъ вотъ, милый мой Казати, вы и отвѣтили пашѣ. Чего вы не сдѣлали-бы, того и онъ не обязанъ дѣлать. У Эмина-паши было двѣ важныя обязанности: одна относительно хедива, другая относительно войска. Первую изъ нихъ онъ исполнялъ такъ благородно и терпѣливо, что я и мои молодые друзья вызвались помочь ему. Теперь хедивъ приказываетъ ему покинуть область, и съ этою цѣлью прислалъ ему подкрѣпленіе. Паша обращается къ войску и приглашаетъ его высказать свои взгляды; войско безъ дальнихъ околичностей хватаетъ его, угрожаетъ ему смертью, лишаетъ свободы на пол-

года... Да развѣ это не отвѣтъ? Они впрочемъ такъ и сказали на дняхъ: «Въ послѣдній разъ тебѣ говоримъ, что намъ тебя не надо!»

Казати и этимъ не убѣдился и я вижу, что паша опять сильно разстроенъ. Вечеромъ они сойдутся и будутъ съизнова обсуждать этотъ вопросъ съ нравственной точки зрѣнія. Одному Богу извѣстно, что̀ они надумаютъ къ завтрашнему дню. Ни тотъ, ни другой не понимаетъ истиннаго положенія дѣлъ. Ихъ такъ отуманило, что еслибы на нѣсколько дней предоставить ихъ самимъ себѣ, они дошли-бы до самаго отчаяннаго положенія.

Передъ отходомъ ко сну, паша заходилъ ко мнѣ и подтвердилъ, что 10-го апрѣля непремѣнно выступитъ, и что всѣ египтяне, находящіеся въ лагерѣ,—а ихъ теперь со всею челядью до 600 человѣкъ,—пойдутъ съ нимъ. Съ другихъ сторонъ я слышу совсѣмъ иное и увѣренъ, что паша сильно ошибается. Въ какой формѣ они просвѣтятъ его на этотъ счетъ—я не знаю. Самъ я съ людьми этой партіи не разговариваю и не выказываю ни малѣйшей претензіи распоряжаться ими. Я обхожусь съ пашой, какъ съ гостемъ, а съ ними—какъ съ его свитой: забочусь о томъ, чтобы всѣмъ доставало мяса и муки, а докторъ Пэркъ утромъ и вечеромъ навѣщаетъ тѣхъ изъ нихъ, которые нездоровы.

1-го апрѣля. Сегодня сдѣланъ первый шагъ по направленію къ дому. Шестьдесятъ одинъ человѣкъ, вооруженныхъ ружьями, подъ начальствомъ лейтенанта Стэрса, пошли устраивать передовой лагерь на землѣ Мазамбони, собирать провіантъ и вообще приготовить все что нужно для такой многочисленной колонны, выступающей отсюда 10-го числа.

Вмѣстѣ со Стэрсомъ отправились маіоръ Авашъ-эффенди, Рушти-эффенди, еще два—три египтянина со своимъ штатомъ, затѣмъ пятьдесятъ семь человѣкъ носильщиковъ отъ Мазамбони, двадцать девять изъ Узири, и тридцать отъ Мпинги. Помимо вьюковъ, принадлежащихъ отряду № 2, они понесли восемьдесятъ восемь вьюковъ пороху и патроновъ Ремингтона и Винчестеръ.

Привожу здѣсь любопытную таблицу нашего сравнительнаго вѣса на разныхъ мѣстахъ пребыванія; для медиковъ это можетъ представить нѣкоторый интересъ.

	Вѣсъ участниковъ Экспедиціи въ:			
	Бананѣ 1887.	Фортѣ Бодо въ лѣсу 1888.	Лагерѣ у Кавалли 1889.	Послѣ болѣзни.
Г. Стэнли	168 фун.	135 фун.	145 фун.	132 фун.
Джефсонъ	168 »	132 »	$150^1/_2$ »	132 »
Докторъ Пэркъ	162 »	148 »	170 »	— »

Маіоръ Бартлотъ . . .	144 фун.	— фун.	— фун.	— фун.
Лейтенантъ Стэрсъ . .	164 »	143 »	— »	— »
Капитанъ Нельсонъ . .	176 »	140 »	146 »	— »
Эминъ паша	— »	— »	130 »	— »

2-го апрѣля. Вотъ уже три дня какъ отсюда совершенно ясно видны горы Руэнцори. Чрезвычайно привлекателенъ видъ этого снѣговаго хребта чистой, ослѣпительной бѣлизны, мѣняющаго свои оттѣнки и окраску съ каждымъ часомъ дня, окруженнаго безконечной глубиной синяго неба и блистающаго до самой той минуты, когда солнце скрывается за горизонтомъ и темная ночь спускается на землю. Туземцы утверждали, что отсюда не видать Руэнцори, потому что южный отрогъ горной цѣпи Барегга заслоняетъ его, но мы производили измѣренія и съемки и знали, что отсюда можно его видѣть, и увидали. Когда мы указали на него туземцамъ, они съ изумленіемъ спрашивали: почему же вы знали, что его отсюда видно?

3-го апрѣля.—Мало по малу паша начинаетъ прозрѣвать. Послѣ полудня онъ приходилъ ко мнѣ сегодня и разсказалъ, что созывалъ всѣхъ своихъ слугъ (пятьдесятъ одинъ человѣкъ, считая тутъ же денщиковъ и сторожей), до тѣхъ поръ вполнѣ ему преданныхъ, и спрашивалъ, кто изъ нихъ желаетъ пойти съ нимъ 10-го апрѣля. Желающихъ оказалось четверо, остальные сказали, что останутся ждать своихъ «собратій».

Изъ числа четырехъ «вѣрныхъ слугъ» одинъ уже очень откровенно заявлялъ, что пойдетъ только затѣмъ, чтобы выкрасть дѣвочку, которую капитанъ Казати отнялъ у него силой, а завладѣвъ дѣвочкой тотчасъ воротится въ Кавалли и также будетъ поджидать «собратій».

Я спросилъ у паши, какое отношеніе имѣетъ Казати къ этой дѣвочкѣ, которая черна какъ уголь и отъ роду лѣтъ пяти; паша говоритъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ Казати просилъ его прислать ему кухарку, что и было сдѣлано. Кухарка сопровождала Казати въ Уніоро, гдѣ онъ былъ представителемъ паши. Живя у Казати кухарка произвела на свѣтъ эту дѣвочку, отцомъ которой былъ суданскій солдатъ. Три года малютка жила въ домѣ Казати, онъ ее няньчилъ, привязался къ ней чрезвычайно, а она своей безхитростной болтовней и ребячьей миловидностью разсѣяла скуку его одинокой жизни. Когда Кабба Рега вытѣснилъ его изъ Уніоро и Казати возвратился въ Экваторію, мужъ кухарки потребовалъ ее обратно къ себѣ, а также и ребенка, хотя не призналъ себя отцемъ дѣвочки. Тогда Казати не отдалъ ему ее и до сихъ поръ упорно держитъ у себя.

Паша считаетъ вполнѣ возможнымъ, что этотъ человѣкъ замышляетъ противъ Казати нѣчто очень скверное и не можетъ надивиться

тому, что Казати имѣетъ такое болѣзненное пристрастіе къ своей прислугѣ, какъ мужской такъ и женской. Пашѣ не хочется вмѣшиваться въ его дѣла и принуждать своею властью, потому что Казати столько лѣтъ гостилъ у него и они всегда были такъ дружны. Но онъ очень сожалѣетъ, что Казати не внемлетъ его совѣтамъ. Разговоръ нашъ на эту тему происходилъ между половиной шестаго часа вечера до половины седьмаго.

Часъ спустя я гулялъ мимо своей палатки взадъ и впередъ при лунномъ свѣтѣ, какъ вдругъ слышу разъяренный гортанный голосъ, по арабски выкрикивающій всевозможныя ругательства, и отъ времени до времени примѣшивающій къ браннымъ словамъ, то мое имя, то имя паши, прибавляя потомъ отрывочно: «будетъ... будетъ... будетъ! «Другіе голоса примирительно говорили: «Ради Пророка!.... Потерпи немного!—Утоли свой гнѣвъ!» и такъ далѣе, и наконецъ раздался низкій басъ самого паши, который закричалъ: — Что тамъ такое? Уймись, я тебѣ говорю, уймись! Ну хорошо, поди и скажи мистеру Стэнли; его палатка недалеко, ступай!

Вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ ворвался машинистъ, Могаммедъ-эффенди, свѣтлокожій египтянинъ довольно красивой наружности, и разомъ излилъ передо мной исторію своихъ горестей, сильно подкрашенную ревностью и испещренную гнѣвными изобличеніями. За нимъ привалила цѣлая толпа людей. Онъ повѣдалъ мнѣ, что дозволилъ своей законной женѣ, взятой въ Хартумѣ, идти въ няньки къ маленькой Феридѣ, когда умерла ея мать, абиссинская подруга Эмина-паши. Это случилось тридцать мѣсяцевъ назадъ. Въ началѣ жена находила время и для ухода за Феридой и для исполненія своихъ обязанностей относительно мужа, но вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ она его знать не хочетъ и при каждой встрѣчѣ только и дѣлаетъ, что ругается. Въ теченіи послѣднихъ сутокъ онъ разъ двадцать посылалъ за ней, но она отказывалась идти и при этомъ говорила все болѣе и болѣе обидныя вещи. Развѣ это порядокъ? И гдѣ же ему теперь искать на нее управы?

— Ну, другъ Могаммедъ,—возразилъ я,—въ такихъ щекотливыхъ дѣлахъ я не судья. Ты ходилъ къ пашѣ? Просилъ его употребить свою власть надъ нею? Вѣдь она у него въ домѣ служитъ, значитъ ты къ нему и долженъ обратиться, а не ко мнѣ.

— Идти къ нему? Зачѣмъ я къ нему пойду! Нѣтъ, коли ты за меня не вступишься, то лучше ужь я убью себя, или жену, или пашу! Что нибудь да ужь сдѣлаю, вотъ увидишь.

И онъ ушелъ, громко и яростно выкрикивая угрозы, такъ что по всему лагерю раздавался его голосъ.

Только что я немного успокоился послѣ этой бурной спены, какъ

къ моей палаткѣ быстро проскользнула какая-то бѣлая тѣнь, судя по одеждѣ—женщина.

— Кто тутъ?—спросилъ я.

— Жена Могаммеда-эффенди.

— Во имя Аллаха! для чего ты сюда пришла?

— Ты долженъ выслушать меня, коли выслушалъ Могаммеда, — отвѣчала она.

— Ты спросилась у паши, онъ тебѣ позволилъ придти ко мнѣ?

Оказалось что позволилъ и женщина, въ сопровожденіи мистера Джефсона и доктора Пэрка, введена въ палатку.

— Говори; уши мои открыты.

Красавица забилась въ самый темный уголъ палатки, освѣщенной единственной свѣчкой, и присѣвъ на полъ образовала изъ себя бѣлое облачко. По всей палаткѣ разлился тонкій запахъ ширазскихъ или константинопольскихъ духовъ и затѣмъ чудный голосъ такъ чисто и отчетливо заговорилъ по арабски, что мнѣ показалось будто я понимаю каждое словечко. Если бы мнѣ недѣли двѣ попрактиковаться съ такимъ голосомъ, я-бы отлично выучился по арабски.

Красавица повела рѣчь о томъ, что она терпѣть не можетъ своего мужа, даже просто ненавидитъ его. Онъ ничто иное какъ скотъ и язычникъ. Онъ такъ низокъ, что недостоинъ ея вниманія. Онъ ее ограбилъ, изодралъ ея платье, билъ ее, одинъ разъ чуть неразможжилъ ей голову. Нѣтъ, съ этихъ поръ она никогда, никогда, никогда и т. д.—не желаетъ съ нимъ знаться.

— Ты кончила?

— Кончила.

— Серуръ! Проводи ее обратно въ домъ паши.

Черезъ минуту паша явился передъ палаткой и попросилъ свиданія со мной. Онъ разсказалъ, что эта женщина, съ согласія своего мужа, пошла къ нему въ няньки, что за это онъ щедро платилъ ей тканями, но какъ только она получила свое вознагражденіе, мужъ грубо отнималъ у ней все нажитое и въ добавокъ безсовѣстно колотилъ ее. Чтобы избавиться отъ побоевъ она прибѣгала къ покровительству паши, который защищалъ ее противъ мужа. Послѣ того все было спокойно и онъ понятія не имѣлъ о ревнивыхъ подозрѣніяхъ машиниста, покуда не услышалъ сегодня яростныхъ криковъ Могаммеда и его угрозы застрѣлить его, пашу. Это и заставило его обратиться къ моему посредничеству, такъ какъ легко могло случиться что въ припадкѣ бѣшенства Могаммедъ кого нибудь убьетъ.

— Такъ вы предоставляете мнѣ въ этомъ случаѣ дѣйствовать по моему усмотрѣнію, паша?

— Конечно.

— Отлично. Теперь я попрошу васъ удалиться къ себѣ, у всѣхъ подходовъ къ вашему жилищу разставлю часовыхъ и ручаюсь за безопасность вашу и вашихъ домочадцевъ. Потомъ я призову Могаммеда, терпѣливо выслушаю его жалобы и прежде чѣмъ вы ляжете спать сообщу вамъ о результатахъ нашей бесѣды.

Паша ушелъ и я велѣлъ позвать Могаммеда.

Онъ говорилъ что дѣйствительно самъ отпустилъ жену въ няньки къ Феридѣ, и теперь вовсе не намѣренъ лишать дѣвочку ея услугъ; онъ желаетъ только, чтобы жена иногда приходила къ нему и не противилась исполненію супружескихъ обязанностей. На это я ему сказалъ

— Если ты согласишься на нѣсколько самыхъ простыхъ условій я постараюсь уговорить твою жену и обратить ее на путь истинный но для этого необходимо, чтобы мы съ тобой встрѣтились завтра утромъ въ домѣ паши и чтобы ты извинился передъ нимъ за то, что сегодня велъ себя такъ скверно. Нѣтъ, нѣтъ, лучше не спорь,—я знаю что тебя пріятели подбили сегодня затѣять весь этотъ гвалтъ,— докторъ Вита Гассанъ, Базили-Эффенди и другіе. Ступай домой, успокойся, и смотри, сегодня больше не болтай пустяковъ. А завтра поутру мы увидимся.

Вечеромъ изъ Уаделаи пришла почта. Изъ всѣхъ писемъ явствуетъ что тамъ поднялась невообразимая кутерьма, безпорядки и смуты.

4-го апрѣля. — Въ 8 часовъ утра я пошелъ къ пашѣ и сказалъ ему, что желалъ бы призвать сюда-же Могаммеда. Паша согласился и машинистъ въ покорныхъ выраженіяхъ попросилъ у него извиненія, хотя сердитое лицо его все время противорѣчило смиреннымъ словамъ. Я велѣлъ ему въ моемъ присутствіи заявить пашѣ, на какихъ условіяхъ онъ согласенъ оставить свою жену нянею Фериды. Онъ отвѣчалъ, что пусть она остается при ребенкѣ съ перваго часа утра до тѣхъ поръ пока дѣвочка уснетъ, т. е. на цѣлый день,—вотъ и все Паша выразилъ на это свое полное согласіе.

— Я также согласенъ, Могаммедъ,—сказалъ я,—но не иначе какъ вотъ на какихъ условіяхъ:

1) Твоя жена будетъ состоять при Феридѣ, цѣлый день.

2) Твоя жена будетъ возвращаться къ тебѣ лишь послѣ заката солнца.

3) Ты не будешь свою жену ни бить, ни щипать.

4) Личное имущество твоей жены остается въ домѣ паши.

5) Пока мы будемъ въ походѣ, ты обязанъ оказывать своей женѣ всякую помощь и покровительство, а когда будемъ приходить на ночлегъ, долженъ допускать ее служить Феридѣ.

6) Днемъ ты не будешь безпокоить свою жену, отрывать ее отъ дѣла или приставать къ ней, иначе какъ если захвораешь.

7) Паша, въ награду за услугу, будетъ доставлять твоей женѣ пищу и одежду, а также носильщиковъ, чтобы она на походѣ не шла пѣшкомъ.

На все это какъ паша, такъ и Могаммедъ согласились.

Призвали женщину и паша перевелъ ей буквально всѣ мои условія.

Услыхавъ пункты нашего соглашенія, она сдернула съ лица бѣлое кисейное покрывало и,—за отсутствіемъ другихъ, болѣе привлекательныхъ особъ,—показалась мнѣ совершенною красавицей, съ большими, великолѣпными черными глазами и тонкими чертами лица, чистаго каирскаго типа. Хижина наполнилась благоуханіемъ, исходившимъ отъ ея безукоризненно-бѣлыхъ кисейныхъ одеждъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлась пурпуровая рубашка. Въ дебряхъ Африки я никогда не видывалъ ничего подобнаго.

Когда условія отъ слова до слова были ей переведены, она разразилась энергическимъ крикомъ «никогда, ни за что, никогда!» и произнесла нѣсколько бранныхъ словъ по адресу Могаммеда, который стоялъ въ безсильномъ гнѣвѣ, съ выраженіемъ страшной злобы и ревности на лицѣ. Онъ обратился ко мнѣ, говоря,—«вотъ, послушай ее!»

— Бери ее домой, Могаммедъ,—сказалъ я.

Мужъ приказалъ ей тотчасъ слѣдовать за нимъ домой, но она не обратила на него ни малѣйшаго вниманія.

— Теперь она должна пойти за тобою, сказалъ я.

Могаммедъ снова протянулъ руку за нею, но она съ сердцемъ оттолкнула его, крича: Никогда, никогда! нѣтъ, ни за что! — и изъ ея прелестныхъ глазъ такъ и сверкалъ гнѣвъ.

— Паша, прошу васъ приказать ей уйти домой.

Паша произнесъ приказаніе своимъ обычнымъ, низкимъ и густымъ голосомъ. Красавица не шевельнулась.

— Видите, не хочетъ...—сказалъ паша.—Что же съ ней дѣлать?

— Дорогой паша, вѣдь мы же съ вами знали, что безъ скандала не обойдется. Происходитъ то самое чего мы ожидали. Но не взирая на ея упрямство, теперь она должна, — понимаете ли, непремѣнно должна пойдти за мужемъ, и мы обязаны на этомъ настоять, чтобы ни случилось, лишь бы мужъ не ударилъ ее. Сдѣлайте одолженіе, скажите ей еще разъ, что ей слѣдуетъ идти за своимъ собственнымъ, законнымъ мужемъ, а въ противномъ случаѣ ее насильно отнесутъ домой.

Паша сказалъ ей это и красавица, послѣ минутнаго колебанія въ теченіи котораго она очевидно соображала на которой сторонѣ сила,

пошла изъ дома, унося съ собою сокровища своей прелести и благоуханій.

— Ступай за ней, Могаммедъ! Но смотри, если ты хоть разъ ударишь ее, не видать тебѣ твоей жены вплоть до Каира. Пусть ее ворчитъ и бранится, покуда не устанетъ. Вѣдь ты мужчина, а развѣ мужчина боится вѣтра? Побереги ее, будь съ ней терпѣливъ и внимателенъ дня три, четыре. Все обойдется отлично не безпокойся.

Минутъ черезъ десять Могаммедъ снова прибѣжалъ къ намъ и объявилъ что въ ней должно быть сидитъ самъ сатана, что съ ней никакого ладу нѣтъ, рветъ на себѣ одежду, царапаетъ свое лицо, какъ будто хочетъ на вѣкъ погубить свою красоту, и т. д.

— Ну да, ну да, Могаммедъ; мы того и ждали. Поди-ка, свяжи ей ручки назадъ, легонько. Только осторожно вяжи, улыбайся въ это время, успокоивай ее словами, Могаммедъ. Этого никакой законъ не воспрещаетъ. Вѣдь она твоя законная жена? Только чуръ! не ударь ее какъ нибудь ненарокомъ, не то бѣда! Ты-то и окажешься тогда скотомъ.

Онъ ушелъ и очень спокойно, съ дѣловымъ видомъ связалъ строптивую красавицу. Тогда она принялась визжать и стонать, а сосѣдки пришли утѣшать ее и уговаривать, чтобы она поскорѣе покорилась своему властелину, увѣряя, что мужъ будетъ съ ней ласковъ и нѣженъ, лишь бы она выказывала ему должное повиновеніе. Онѣ говорили: «Вѣдь это отъ великой любви къ тебѣ онъ сталъ такой сердитый и страшный. Если бы ты вела себя поумнѣе, онъ сдѣлался бы твоимъ покорнымъ рабомъ».—Вотъ мудрыя женщины! подумалъ я.

Но какъ ни мудры были ихъ совѣты, какъ ни хитры поученія, всетаки не они, я думаю, укротили эту буйную женщину, а скорѣе тѣ веревки, которыми были спутаны ея руки и по милости которыхъ она, такая своевольная и гордая, чувствовала себя вполнѣ безпомощной, тогда какъ мужъ глядя на нее только посмѣивался.

Въ 3 часа пополудни она прислала жалостно просить меня, чтобы я приказалъ развязать ее; но я сурово отвѣчалъ, что ея голосъ надо мной не властенъ и красота ея безсильна, а пусть она обращается за помощью къ мужу. Тогда она обратилась къ Могаммеду и смиренно стала просить своего господина пойти ко мнѣ, молить меня о пощадѣ, потому что ей очень больно отъ связокъ, а мужу она отнынѣ будетъ вполнѣ покорна и предана.

Тогда Могаммедъ, съ просіявшимъ лицомъ, на которомъ не оставалось больше ни слѣда безобразной ревности, прибѣжалъ ко мнѣ и сталъ просить позволенія развязать жену. Я конечно позволилъ, но посовѣтовалъ ему на первыхъ порахъ не давать воли своей чрезмѣр-

ной нѣжности, принять повелительный тонъ и еще хоть нѣсколько дней быть съ нею посуровѣе, чтобы не растерять только что пріобрѣтеннаго главенства.

Ей дозволено было пойти въ домъ паши и снова исполнять тамъ свои обычныя обязанности. На ночь она сама воротилась къ мужу.

Будемъ надѣяться, что отнынѣ въ этой разстроенной семьѣ водворился прочный миръ. Аминь!

5-го апрѣля.—Сегодня Серуръ, мальчикъ изъ Монбутту, служащій у паши, сообщилъ мнѣ, что изъ всей дворни только двое намѣрены послѣдовать за пашой, когда онъ тронется изъ лагеря. Послѣ того, какъ паша третьяго дня собиралъ свою прислугу и спрашивалъ, они собирались еще сами по себѣ и совѣщались отдѣльно, и порѣшили чтобы никто съ нимъ не шелъ, ни денщики, ни стража, ни писаря, ни прислужники, такъ что пойдутъ только Биляль да Серуръ.

— А ты-то самъ навѣрное пойдешь?

— Не знаю. Коли всѣ наши останутся здѣсь, что же мнѣ одному идти?

— Такъ значитъ одинъ Биляль пойдетъ навѣрное?

— Да.

Въ половинѣ одиннадцатаго, послѣ обычной утренней переклички, Сали донесъ мнѣ, что занзибарцы поговариваютъ о томъ, будто въ различныхъ частяхъ лагеря изъ ихъ шалашей пытались украсть ружья, но что всѣ эти попытки были безуспѣшны, благодаря бдительности и проворству занзибарцевъ. Я очень радъ былъ услышать, что они наконецъ сознали необходимость держать ружья при себѣ по ночамъ. Весь лагерь въ напряженномъ состояніи, всѣ какъ будто ждутъ какого нибудь происшествія. Всякій день видишь какъ люди собираются кружками, шепчутся между собой и зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы посторонніе не подслушали; слухи о томъ, что прислуга паши сама отказалась за нимъ слѣдовать, толстые пакеты писемъ, посылаемые изъ лагеря египтянами къ своимъ товарищамъ, отъявленнымъ бунтовщикамъ въ Уаделаи, еще болѣе толстые пакеты, приходившіе изъ Уаделаи къ нимъ; постоянные совѣты и намеки не довѣрять египтянамъ, въ связи съ прежней кражей ружья однимъ изъ ушедшихъ офицеровъ и теперешней смѣлой попыткой опять украсть ружья,—все это давало чувствовать, что до 10-го апрѣля будетъ выполненъ какой нибудь отважный планъ.

До сихъ поръ я разсматривалъ пашу и прибывавшихъ людей какъ гостей нашихъ, относительно которыхъ требуется соблюдать всевозможную вѣжливость и внимательность, а себя держалъ какъ хозяинъ и проводникъ ихъ, исключая тѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, когда что либо предоставлялось исключительно въ мое вѣдѣніе. Лично къ пашѣ

всѣ мы питали большое уваженіе и симпатію. Не проходило дня, когда бы я или кто нибудь изъ офицеровъ нашей экспедиціи не высказали ему на дѣлѣ этихъ чувствъ; но это не мѣшало намъ видѣть, что его манера держать себя не изъ тѣхъ, которыя вызываютъ повиновеніе. Ни одно, сколько нибудь важное распоряженіе, ни одно приказаніе его никогда не исполнялось. Каждый разъ, какъ мы замѣчали это, мы кипятились, пробовали докладывать ему объ этомъ, но онъ къ сожалѣнію считалъ себя непогрѣшимымъ въ своемъ сужденіи о своихъ людяхъ, постоянно ссылаясь на свою тринадцатилѣтнюю опытность. Но такъ какъ наши спокойныя и безобидныя манеры очевидно внушили египтянамъ понятіе, что всѣ бѣлокожіе люди на одинъ покрой въ родѣ ихъ паши, и на этомъ основаніи составили проектъ, угрожавшій нашимъ правамъ и вольностямъ, я увидѣлъ, что настала пора дѣйствовать.

Я пошелъ къ жилищу паши.

Когда я вошелъ, паша занимался окончательной отдѣлкой птичьихъ чучелъ, только что набитыхъ его секретаремъ. Увидѣвъ меня, онъ съ обычной своею важностью выпрямился и серьезно приготовился выслушать, что̀ я имѣю сообщить.

— Эминъ-паша, началъ я: — вчера вечеромъ пришла почта изъ Уаделаи и Мсуа. Она принесла кучу писемъ отъ Селимъ-бея, египетскихъ чиновниковъ и отъ другихъ лицъ и въ каждомъ письмѣ вамъ описываютъ безпорядки и бѣдствія. Тамъ образовалось съ полдюжины разныхъ партій и всѣ онѣ между собою на ножахъ. Одинъ чиновникъ изъ коптовъ пишетъ вамъ, что неурядица полнѣйшая, что солдаты ворвались въ казенные склады и тащутъ что кому угодно, что офицеры не могутъ ихъ удержать, и Уаделаи теперь похоже на колонію, населенную умалишенными, что Селимъ-бей еще не начиналъ собирать въ путь свое семейство, что за нимъ пойдутъ очень немногіе, да и тѣ люди все безпокойные, не вѣдающіе дисциплины.

Ваши люди здѣсь, въ лагерѣ, получили также много писемъ отъ своихъ собратій и,—какъ бы въ связи съ этимъ фактомъ,—прошлою ночью было нѣсколько попытокъ овладѣть нашимъ оружіемъ. Три раза входили въ шалаши занзибарцевъ и пробовали украсть ихъ ружья; но занзибарцы, согласно моему приказанію, на ночь привязываютъ ружья къ своимъ поясамъ, такъ что когда за ружья потянули, они проснулись и спугнули воровъ. Пока вы тутъ занимались своими изслѣдованіями и коллекціями, я наблюдалъ.

До 10-го апрѣля осталось еще пять ночей. Прошлой ночью не удалось отнять у насъ средствъ къ самозащитѣ; но вѣдь можетъ и удастся, потому что они навѣрное опять попытаются и возьмутся за

дѣло похитрѣе, чѣмъ въ первый разъ, — ума-то у нихъ на это хватитъ; а для меня совершенно ясно, что у нихъ заранѣе составленъ какой-то планъ. Само собою разумѣется, что если бы имъ удалось стащить хоть одно ружье, я бы наказалъ за это примѣрно, потому что тогда ужь слѣдуетъ позабыть, что они ваши слуги и мои гости. Но этого-то я и желаю избѣгнуть. Зачѣмъ проливать кровь и прибѣгать къ насилію, если возможно иными способами предохранить наши ружья и патроны отъ расхищенія и обезпечить намъ отсюда мирное и спокойное выступленіе.

Предлагаю вамъ одно изъ двухъ. Прикажите трубить сборъ, и когда соберутся всѣ ваши арабы и суданцы, спросите у нихъ прямо, кто хочетъ за вами идти. Тѣмъ, кто откажется, я прикажу удалиться изъ лагеря. Если они не послушаются, тогда мое дѣло будетъ принудить ихъ. Но такъ какъ ваши люди презираютъ нашихъ занзибарцевъ, они по всей вѣроятности окажутъ сопротивленіе. Въ этой странѣ, повидимому, только и есть одно средство чего нибудь добиться: мы пустимъ въ ходъ огнестрѣльное оружіе, дѣло кончится кровавою расправой и мы оба будемъ впослѣдствіи сожалѣть объ этомъ.

Но есть еще иное средство, гораздо болѣе дѣйствительное и менѣе кровопролитное. Прикажите тотчасъ потихоньку уложить и запаковать весь вашъ багажъ и завтра на разсвѣтѣ мои люди будутъ готовы проводить васъ до другого лагеря, мили за три отсюда. Изъ этого новаго лагеря мы пришлемъ сюда заявленіе, чтобы всѣ, желающіе слѣдовать за вами, пришли,—милости просимъ!—но никто другой не осмѣливался бы приближаться къ вамъ, подъ страхомъ смерти.

— Гмъ! А можно сообщить объ этомъ Казати?—молвилъ паша.

— Нѣтъ, сэръ. Казати ничто не угрожаетъ; его не тронутъ, потому что онъ не губернаторъ и даже не служащій, а просто путешественникъ. Онъ можетъ придти на другой день или вообще когда ему угодно. Если бы его задержали, я аттакую лагерь мятежниковъ и тотчасъ выручу Казати, будьте спокойны.

На все это паша только покачивалъ головой, съ тѣмъ унылымъ и безнадежнымъ видомъ, который такъ свойственъ ему въ часы полной нерѣшительности.

— Я вижу, паша, что вамъ ни тотъ, ни другой планъ не нравится. Въ такомъ случаѣ не придумаете ли вы сами какой нибудь комбинаціи, помощью которой я могъ бы избѣжать столкновенія съ этимъ жалкимъ народомъ, такъ какъ по всему вѣдь видно, что столкновеніе неминуемо. Я въ своемъ лагерѣ не потерплю безпорядковъ и неповиновенія.

Помолчавъ съ минуту, паша промолвилъ:

— Вашъ планъ недуренъ, но времени слишкомъ мало.

— Какъ такъ? Да не вы ли говорили мнѣ, что вотъ уже двѣ недѣли, какъ вы только и дѣлаете, что укладываетесь? Можетъ ли быть, чтобы отъ настоящей минуты до завтрашняго утра вы не успѣли запаковать свои вещи? Всю нашу экспедицію можно поднять въ полчаса. Если вы рѣшительно не видите, что намъ угрожаетъ кровопролитная схватка, не хотите принять моего плана и не желаете ничего придумать для предотвращенія столкновеній, я принужденъ немедленно принять мѣры, ради всеобщей безопасности. И если прольется хоть одна капля крови, то отвѣтственность за нее падетъ на вашу голову. Прощайте.

Я всталъ и велѣлъ трубить всеобщій сборъ подъ ружьемъ. Самъ я и всѣ мои офицеры надѣли оружіе и видя это занзибарцы, маньюмы, суданцы и туземцы поняли, что настала важная минута и съ изумительной скоростью высыпали на площадку. Жители Кавалли подхватили тревогу, подали сигналы дальше и нѣсколько сотъ человѣкъ сбѣжалось со всѣхъ сторонъ, желая принять участіе въ предполагаемой борьбѣ.

Черезъ пять минутъ всѣ наши отряды стояли подъ ружьемъ и. выстроившись по тремъ сторонамъ площадки, съ большимъ вниманіемъ ждали, что будетъ. Паша, видя, что я серьезно принимаюсь за дѣло, также вышелъ и попросилъ меня «на пару словъ».

— Конечно; что же вамъ угодно?—спросилъ я.

— Только скажите, что мнѣ теперь дѣлать?

— Теперь, паша, уже поздно прибѣгать къ тѣмъ мирнымъ средствамъ, которыя я предлагалъ вамъ: вы видите, что тревога всеобщая. Я намѣренъ выяснить предстоящую намъ опасность и встрѣтить ее лицомъ къ лицу. Прошу васъ подать сигналъ, чтобы сбирались ваши арабы и выстроились здѣсь, передо мною.

— Очень хорошо,—сказалъ паша и велѣлъ своему трубачу трубить сборъ.

Десять минутъ мы ждали молча. Видя, однакоже, что никто не обращаетъ вниманія на сигналъ, я попросилъ мистера Джеффсона взять отрядъ № 1, вооружить его палками и дубинами и выгнать на площадку всѣхъ арабовъ, египтянъ и суданцевъ, безъ различія рановъ, обыскать всѣ жилища и вытащить оттуда силою каждаго попавшагося мужчину.

Занзибарцы развернутымъ фронтомъ побѣжали черезъ лагерь и начали осыпать градомъ ударовъ каждаго встрѣчнаго неслуха и лѣнтяя, такъ что и наиболѣе скептическіе изъ нихъ принуждены были сознаться, что когда занзибарцу прикажутъ, онъ можетъ пригодиться

на нѣчто лучшее, чѣмъ прислуживанье лѣнивымъ египтянамъ и ихъ рабамъ.

Въ первый разъ египтяне и суданцы выстроились сколько нибудь приличнымъ образомъ. Никто не сказалъ имъ ни слова, пока они не пришли въ порядокъ и не вытянулись по военному. Но очень забавно было наблюдать, какъ наши занзибарцы, рядовые носильщики, размахивая палками выправляли ряды маіоровъ, векилей, капитановъ, писарей, чиновниковъ и провіантскихъ сторожей.

Когда наконецъ они образовали правильный строй, я подошелъ къ нимъ и сказалъ, что я слышалъ, будто имъ хочется подраться, испытать поближе, что за народъ такой занзибарцы. Вотъ сейчасъ они видѣли, какъ занзибарцы умѣютъ дѣйствовать; жаль будетъ, если имъ не доведется посмотрѣть какъ они хорошо дерутся!

Векиль, т. е. вице губернаторъ, закричалъ тогда:

— Да мы совсѣмъ не хотимъ драться!

— Не хотите? Странно. А до меня дошли слухи, что всякій изъ васъ стóитъ десятка моихъ людей, что у насъ крадутъ ружья, что каждый день, съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь, между вами идутъ переговоры да заговоры; что вы рѣшились не слѣдовать за пашой, послѣ того, какъ заставили насъ выстроить для васъ дома, запасать вамъ провіантъ и перетащить сюда съ озера, на крутой берегъ, сотни вьюковъ всякой рухляди, чѣмъ люди занимались цѣлыхъ два мѣсяца! А прошлой ночью вы залѣзали въ наши жилища и пробовали овладѣть нашимъ оружіемъ. Говори, что это значитъ?

— Ахъ, паша, никто изъ насъ не хочетъ драться, а воровъ, коли найдутся, предай смерти.

— Коли найдутся! Да когда же воры исповѣдуются въ томъ, что они воры и сами предаютъ себя казни? Вотъ вы всѣ единодушны, такъ развѣ хоть одинъ изъ васъ предастъ другаго или самъ подвергнется наказанію? Спрашиваю васъ, кто пойдетъ съ пашой?

— Всѣ пойдемъ!—былъ отвѣтъ.

— Стойте! Кто намѣренъ слѣдовать за пашой, переходите на другую сторону и тамъ стройтесь во фронтъ, какъ солдаты.

Вся толпа быстрымъ движеніемъ повернулась и, выстроившись по порядку, обернулась лицомъ ко мнѣ.

— Вотъ какъ!—сказалъ я:—значитъ, среди васъ никто не желаетъ оставаться въ этой прекрасной странѣ съ Селимъ-беемъ и заставлять здѣшній народъ работать на васъ, стряпать и кормить васъ?

— Никто, никто. Ля-илля-эль-Алла!

— Какъ же такъ, паша? Должно быть вамъ неправду говорили.

Всѣ присутствующіе клянутся въ вѣрности вамъ. Какъ видно, здѣсь нѣтъ ни одного измѣнника.

— Я здѣсь не вижу ни своихъ слугъ, ни денщиковъ,—сказалъ паша.

— Ага! Лейтенантъ Стэрсъ, прошу васъ взять роту и выгнать на площадь всѣхъ до одного мужчинъ. При малѣйшемъ сопротивленіи вы знаете какъ поступить.

— Точно такъ, сэръ.

Стэрсъ отобралъ людей, скомандовалъ и въ нѣсколько минутъ вся мужская прислуга паши очутилась на площадкѣ. При нихъ не было ни ружей, ни аммуниціи.

— Паша, потрудитесь спросить у нихъ по одиночкѣ въ моемъ присутствіи, что они намѣрены дѣлать.

Паша спросилъ и всѣ, кромѣ Серура, начали увѣрять, что готовы слѣдовать за своимъ господиномъ хоть на край свѣта.

Паша, указывая на Серура, сказалъ тогда:

— Вотъ главный заговорщикъ и бунтовщикъ въ моемъ домѣ.

— О, на этого придется истратить всего одинъ патронъ и дѣло будетъ кончено.

— Но... ради Бога! Я надѣюсь, что вы прежде произведете надъ нимъ слѣдствіе, нельзя же такъ, по одному моему слову!..

— Само собою разумѣется, дорогой паша. Мы такихъ людей всегда предаемъ суду.

Серуръ и трое другихъ, на которыхъ указалъ паша, отданы подъ стражу.

— Ну, паша, съ этимъ дѣломъ мы покончили. Теперь будьте такъ добры, скажите этимъ господамъ, что уаделайскія штуки здѣсь рѣшительно надо оставить и что съ этихъ поръ я здѣсь начальникъ. Если я замѣчу хоть малѣйшую попытку къ измѣнѣ, я ихъ уничтожу всѣхъ до единаго. Ни махдистовъ, ни арабистовъ, ни бунтовщиковъ я въ своемъ лагерѣ не допущу. Кто будетъ вести себя исправно и повиноваться мнѣ, того я не обижу и другимъ въ обиду не дамъ. Я взялъ на себя отвести ихъ въ Египетъ и покуда не придемъ въ Каиръ, я ихъ не оставлю. Все, что будетъ возможно для ихъ благосостоянія, я сдѣлаю; но за неповиновеніе и за кражу оружія буду казнить.

Паша перевелъ мою рѣчь, арабы въ знакъ согласія склонили головы передо мной и черезъ векиля и двухъ капитановъ произнесли клятву, что будутъ благоговѣйно слушаться своего отца.

— Хорошо,—сказалъ я:—теперь я командую вами и на первый разъ требую списокъ вашихъ именъ, званій и численности вашихъ

семействъ. Когда представите списокъ, я распредѣлю носильщиковъ сообразно нуждамъ каждаго и черезъ четыре дня мы выступаемъ *).

Бѣдный паша! Ясно какъ день, отчего, вмѣсто десяти тысячъ человѣкъ, при немъ очутился одинъ единственный Биляль! Терпѣливо и добросовѣстно изучивъ всѣ причины этого явленія, я убѣдился въ глубочайшей неспособности этого человѣка науки съ довѣрчивымъ сердцемъ управлять толпой хитрыхъ мошенниковъ, которые изощрились въ плутовствѣ и обманахъ. Въ тоже время я думаю, что если бы

*) Списокъ людей Эмина паши, 5 апрѣля 1889 года.

Имя и званіе.	Число вьюковъ.	Женъ.	Дѣтей.	Мужч.	Женщ.	Ребятъ.	Всего народу.
Эминъ паша, губернаторъ	51	—	1	16	15	9	42
Капитанъ Казати, путешественникъ	10	—	—	3	8	1	13
Синьоръ Марко, купецъ	13	5	4	5	5	3	23
Вита Гассанъ, аптекарь	11	—	2	7	7	2	19
Османъ Эффенди Лятифъ, векиль; Его мать; Его сыновья: Абдулъ-Рахманъ, 17 лѣтъ; „ Ахметъ, 10 лѣтъ; „ Реджабъ, 5 „; „ Сади-Эддинъ 4 лѣтъ	11	2	4	3	5	1	17
Аюбъ-Эффенди (не явился) чиновникъ	4	—	—	1	—	—	1
Ахметъ-Эффенди Ибрагимъ, капитанъ	9	3	—	3	5	2	14
Абдулъ-Уахидъ Эффенди, капитанъ	8	1	—	4	3	1	10
Ибрагимъ-Эффенди	—	—	—	—	—	—	1
Ассинаке, чиновникъ	7	—	—	3	7	—	11
Али-Ага Шемрукъ, капитанъ	6	1	—	2	1	—	5
Рушди-Эффенди, чиновникъ	5	2	1	3	4	—	11
Ибрагимъ-Эффенди Тэльбасъ, поручикъ.	9	2	—	—	4	—	7
Абу-Зэръ Ахметъ	5	—	—	—	2	1	4
Али-Эффенди, капитанъ; Его сыновья: Могаммедъ, 14 лѣтъ; „ Ибрагимъ, 11 „; „ Абдулъ-Хамидъ 6 лѣтъ	20	1	3	9	9	—	23
Могаммедъ-Мутлукъ, рядовой	3	—	—	—	1	—	2
Авашъ-Эффенди, маіоръ	17	—	—	4	9	1	15
Хамдемъ, рядовой	2	—	1	—	—	—	2
Могаммедъ-Эль-Араби, рядовой	4	—	—	—	3	—	4
Сулейманъ-Эффенди, старшій поручикъ.	12	—	3	5	5	2	16
Фарачъ-Ага, поручикъ	20	4	5	5	12	—	27
Могаммедъ-Сулейманъ, рядовой	3	1	—	—	—	—	2
Бэкитъ, рядовой	2	1	1	—	—	—	3
Азра Эффенди; его мать	8	3	2	2	4	—	13
Рафаилъ Эффенди	5	2	1	—	1	—	5
Уасуфъ-Эффенди, чиновникъ	6	2	—	1	2	2	8

даже онъ проникъ во всѣ ихъ козни, смѣло вступилъ въ борьбу и даже сокрушилъ бы вожаковъ этой арміи лжи и предательства, его положеніе все-таки было бы очень непрочно. Впрочемъ, каждый человѣкъ вѣренъ своей природѣ и несетъ послѣдствія своихъ дѣлъ и сужденій. Но всякій, я надѣюсь, согласится, что все, сказанное мною о пашѣ, несомнѣнно дѣлаетъ величайшую честь его сердцу.

6-го апрѣля. — Шестьдесятъ пять туземцевъ явились сегодня въ качествѣ носильщиковъ, готовыхъ къ 10-му числу. Ихъ прислалъ Мазамбони.

Османъ-Лятифъ-Эффенди, вице-губернаторъ провинціи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сильно пьянствовалъ; но въ послѣдніе годы далъ зарокъ, совсѣмъ не пьетъ и такъ углубляется въ изученіе корана, что на дняхъ не замѣтилъ какъ на немъ платье загорѣлось, до того зачитался.

ИМЯ И ЗВАНІЕ.	Число вьюков.	Женъ.	Дѣтей.	Мужч.	Женщ.	Ребятъ.	Всего народу.
Михаилъ Эффенди (умершій)							
Его сыновья: Авабъ, 6 лѣтъ							
„ Бушара 4 лѣтъ							
„ Гиргисъ, 2 лѣтъ							
Его дочери: Фулля, 7 лѣтъ	10	—	8	4	8	—	20
„ Мустафія, 10 лѣтъ							
„ Муштара, 4 лѣтъ							
„ Хамма, 2 лѣтъ							
„ Бэхери, 4 лѣтъ							
Абріанъ-Эффенди, чиновникъ	9	3	2	7	8	1	22
Авабъ-Эффенди, чиновникъ	10	4	5	2	3	—	15
Абдулъ-Феттахъ (умершій)	5	1	3	—	1	—	6
Могаммедъ-Кэръ, чиновникъ	5	6	3	2	5	—	17
Ибрагимъ-Эффенди, поручикъ	5	1	1	—	—	—	3
Могаммедъ-Эфенди-Эминъ, рядовой	8	4	—	—	—	3	8
Хамидъ-Могаммедъ, рядовой	3	1	—	—	1	2	5
Юсуфъ Эффенди							
Могаммедъ, его сынъ, 12 лѣтъ	12	4	4	10	12	—	32
Халилъ, „ „ 11 „							
Ибрагимъ, его братъ							
Реджабъ Эффенди, секретарь паши	7	2	2	2	3	—	10
Арифъ Эффенди, писарь при пашѣ	5	2	—	2	3	—	8
Мабу, рядовой	2	1	1	—	—	—	3
Мирджанъ, рядовой	1	—	—	—	—	—	1
Дѣти Могаммеда Османа:							
Измаилъ, сынъ, 12 лѣтъ							
Букра, дочь 13 лѣтъ	4	3	3	2	2	—	10
Фатима „ 10 „							

Съ той минуты, какъ мы третьяго дня затрубили сборъ, произвели внезапный смотръ и я довольно рѣшительно выразилъ свой образъ мыслей, Османъ-Лятифъ встрепенулся и я замѣчаю, что энергія бываетъ также заразительна, какъ нѣкоторыя болѣзни. Онъ вдругъ собрался уходить съ нами. Мать его, старушка лѣтъ семидесяти пяти, съ безчисленными морщинами на мертвенно-блѣдномъ лицѣ, неудачно выбрала время для своего перваго знакомства со мною: когда дѣятельность въ лагерѣ дошла до бѣлаго каленія, она вдругъ среди площадки упала передо мной на колѣни и начала что-то причитать по арабски. Я махнулъ рукой и закричалъ: «убирайся отсюда, здѣсь не мѣсто для старыхъ бабъ!» Она взвизгнула, подняла глаза и руки къ небу и такимъ трагическимъ тономъ закричала: «О, Аллахъ!» что чуть не погубила мою репутацію. Всѣ видѣли на площадкѣ эту изможденную, хилую женщину и громко смѣялись, глядя какъ бѣдная старуха поспѣшно заковыляла прочь.

Укладывая свое имущество въ одиннадцать вьюковъ, состоявшихъ изъ корзинъ съ провизіей, ковровъ, кухонной посуды и постелей,

ИМЯ И ЗВАНІЕ.	Число вьюковъ.	Женъ.	Дѣтей.	Мужч.	Женщ.	Ребятъ.	Всего народу.
Куръ, сержантъ	2	—	—	2	2	—	5
Ферузи, трубачъ	2	1	—	—	—	—	2
Сируръ Адамъ, рядовой	5	3	2	3	3	—	12
Ахметъ-Эффенди Реифъ, провіантскій сторожъ	3	—	—	1	1	—	3
Ахметъ-Эффенди Ибрагимъ, чиновникъ	4	1	1	—	1	—	4
Абу Ширагъ, рядовой	4	1	—	1	—	—	3
Базили Эффенди, Ѳома Эффенди, Даудъ Эффенди — три брата, копты, чиновники; Ихъ 2 сестры	11	—	—	7	10	—	22
Авари, рядовой	3	2	—	—	—	2	5
Ферагъ Хашинъ, рядовой	3	1	1	—	—	—	3
Фетэль Мулла, рядовой	2	1	—	—	—	—	2
Ибрагимъ рядовой	3	—	—	—	—	—	1
Шукри-Ага (не явился), капитанъ; Его дѣти: Ахметъ, 13 лѣтъ; „ Джума, 12 „; „ Адамъ, 14 „	15	6	4	4	7	3	24
Матейра переводчикъ	3	4	1	1	—	—	7
	397	82	69	126	182	36	551*)

*) Этотъ списокъ не полонъ: мусульмане вообще терпѣть не могутъ, когда ихъ женщины показываются постороннимъ лицамъ, а иные притворялись даже что вовсе не понимаютъ для чего составляются списки.

Османъ-Лятифъ-Эффенди все время держалъ книгу Корана между большимъ и указательнымъ пальцами и поочередно то читалъ арабскій текстъ, то взывалъ къ арабскимъ ларамъ и пенатамъ, заключеннымъ въ корзинахъ.

Вчера во время смотра я нашелъ сорокъ девять молодыхъ людей, у которыхъ вовсе не было оружія. Они выстроились въ рядъ и просили меня дать имъ ружья. Совсѣмъ не зная что это за народъ, я послалъ попросить пашу сдѣлать мнѣ одолженіе, составить списокъ наиболѣе достойныхъ, дабы дать имъ возможность принимать участіе въ оборонѣ, когда колонна выступитъ въ походъ; но паша просилъ извинить его, ссылаясь на нездоровье. Бѣдный Казати съ нимъ теперь не говоритъ, потому что сердитъ на пашу, за то что онъ не принялъ его сторону въ дѣлѣ объ упомянутой выше чернокожей воспитанницѣ; а паша вѣроятно и со мной теперь не будетъ говорить, вслѣдствіе вчерашней передѣлки.

Всѣмъ имъ полезно будетъ поскорѣе выступить въ походъ. Когда паша увидитъ Руэнцори—Лунныя горы—онъ придетъ въ лучшее настроеніе и сейчаеъ перемѣнитъ тонъ.

7-го апрѣля.—Наконецъ-то египтяне серьезно принялисв за сборы въ путь. Я распорядился, чтобы у каждаго семейства былъ постоянный запасъ съѣстнаго на шесть дней впередъ, какимъ-бы изобиліемъ мы ни пользовались въ данную минуту. Занзибарцы въ концѣ концовъ поняли необходимость этой мѣры, хотя правда что имъ для этой науки потребовалось восемнадцать мѣсяцевъ личнаго опыта и горьчайшихъ испытаній; но теперь они окончательно постигли, что въ этомъ секретъ странствій по Африкѣ.

8-го апрѣля.—Люди Мазамбони, собравшіеся сюда, чтобы проводить насъ и помочь намъ на первое время въ походѣ, сегодня почти цѣлый день пляшутъ. Женщины изъ Бавиры также пришли цѣлой толпой позабавить насъ на прощанье своимъ пѣніемъ и танцами. Тщеславіе побуждаетъ меня заявить во всеобщее свѣдѣніе, что въ импровизованныхъ пѣсняхъ, раздающихся въ честь насъ, прославляется доблесть того, кто «привелъ въ порядокъ страну».

Послѣ полудня Омаръ, сержантъ суданскаго отряда, поднялъ шумъ изъ за какого-то оскорбленія, нанесеннаго занзибарцами его женѣ. Такъ какъ ссора ихъ угрожала принять серьезный характеръ, я велѣлъ позвать дерущихся на площадку и объявилъ имъ что если они не хотятъ разойтись мирно, то пусть дерутся при мнѣ, я самъ буду удить кто правъ, кто виноватъ. Надо сказать, что Омаръ человѣкъ великолѣпнаго тѣлосложенія, мужественный солдатъ, исполнительный служака, но какъ онъ, такъ и провинившіеся занзибарцы очевидно

хватили черезъ край мѣстнаго пива и были по этому въ крайне возбужденномъ состояніи. Омаръ и его противники очень обрадовались моему предложенію и громко требовали состязанія. На кулакахъ или палками?—Палками, палками!—заорали занзибарцы и, какъ впослѣдствіи оказалось, на свою голову избрали они этотъ способъ драки.

Омаръ стоялъ настоящимъ гигантомъ, засучивъ свои рукава. Одинъ занзибарецъ выскочилъ впередъ и провозгласилъ:—Я, Асмани, изъ Мускати; посмотрите, добрые люди, какъ я сейчасъ уложу этого нубійца!—Разъ, два,—и Асмани свалился на землю въ безчувственномъ состояніи. Его подняли и снесли къ доктору Пэрку.

— Выходите-же, кто Омаромъ недоволенъ!

Долговязый занзибарецъ, по имени Хаджи, вышелъ изъ рядовъ, размахнулся дубинкой, ударилъ Омара въ бокъ; но Омаръ во̀ время подставилъ свою палку, отвратилъ ударъ и Хаджи не успѣлъ опомниться какъ уже лежалъ распростертый на зеленой муравѣ. Раздались оглушительныя рукоплесканія. Присутствовавшихъ было около девятисотъ человѣкъ. Злосчастнаго Хаджи потащили точно распоротую лошадь съ испанской арены, гдѣ происходитъ бой быковъ, и отдали доктору для починки его раскроеннаго черепа.

— Еще кто?—на зовъ прыгнулъ изъ толпы коренастый, подвижный малый небольшаго роста, по имени Улейя, т. е. Англія.

— Го-го, ребята, я Улейя,—смерть турецкому солдату!—Въ порывѣ беззавѣтной храбрости бравый парень сбросилъ чалму и остался съ обнаженной головой. Разъ, два, три! Бѣдный Улейя!—Палка Омара обрушилась на его беззащитную голову съ такою силою, которая сразу убила бы бѣлокожаго человѣка; но Улейя только упалъ и настолько былъ ошеломленъ, что не могъ продолжать состязанія. Увидя кровь, струившуюся по его лицу, товарищи его разъярились, кинулись на Омара цѣлой толпой и прежде чѣмъ другіе успѣли его отнять, поколотили его таки порядочно, такъ что побѣжденные и побѣдитель одинаково оказались избитыми и объявили себя вполнѣ удовлетворенными такимъ публичнымъ удостовѣреніемъ своей храбрости. Однакожь, послѣ перевязки всѣ они были сданы на гауптвахту.

9-го апрѣля.—Сегодня вчерашніе бойцы предстали передъ мною. Сержанту Омару объявлено, что такъ какъ онъ, будучи должностнымъ лицомъ, позволилъ себѣ напиться пьянымъ, то за это онъ потащитъ ящикъ съ боевыми снарядами и будетъ до тѣхъ поръ таскать его, пока у занзибарцевъ не заживутъ головы и покуда они будутъ отчислены изъ годныхъ къ службѣ; а ему, на это время не будетъ выдаваться казенный провіантъ. Трое другихъ суданцевъ приговорены къ тому-же и на тотъ же срокъ, зато что во время свалки обнажили холодное оружіе съ цѣлью ранить на смерть; а еще одному

суданцу дали двѣнадцать ударовъ палкой за то что онъ ужь вложилъ патронъ и хотѣлъ стрѣлять. Серуръ, слуга паши изъ Монбутту, съ дозволенія своего господина, получилъ двадцать четыре удара за то, что колотилъ дерущихся заступомъ, очевидно въ отместку за событія 5-го апрѣля.

Объявлено также, что завтра съ утра выступаемъ въ походъ къ Занзибару, что вызвало цѣлую бурю восторженныхъ рукоплесканій. Старшины Мпинга, Мсири, Муитэ, Малаи, Уабіасси, Мазамбони и Балегга доставили 350 носильщиковъ. Сегодня они собрались и всѣ вмѣстѣ пляшутъ, поютъ и угощаются.

Шукри-Ага, комендантъ въ Мсуа, еще не пришелъ, хотя прислалъ уже своихъ дѣтей и женщинъ.

10-го апрѣля.—Выступили изъ Кавалли и шли до Мпинги четыре часа.

Утромъ въ 7½ часовъ колонна тронулась изъ лагеря: впереди всѣхъ отрядъ № 1, потомъ паша и его люди и при нихъ назначенное имъ число носильщиковъ.

Общій составъ каравана таковъ:

Членовъ экспедиціи	230	человѣкъ
Маньюмовъ	130	»
Туземцевъ съ плато	350	»
Уроженцевъ Кавалли	200	»
Людей паши	600	»
Итого	1,510	человѣкъ.

Не было ни безпорядковъ, ни замѣшательства. Колонна подвигалась такъ стройно, какъ будто состояла изъ старыхъ служакъ. Всѣ холмы и возвышенности по сторонамъ дороги были усѣяны женщинами и дѣтьми, которыя пѣли намъ прощальныя привѣтствія. Всѣ имѣли оживленный и довольный видъ.

Капитанъ Нельсонъ, ведущій арріергардъ, поджегъ соломенный городокъ, въ которомъ мы провели столько тревожныхъ часовъ. Иллюминація вышла великолѣпная: съ того мѣста, гдѣ мы остановились полюбоваться ею, казалось, что огненные языки зажгли все небо, а облака чернаго дыма возвѣстили всей странѣ, вплоть до горы Пизга, что экспедиція пошла домой.

11-го апрѣля.—Дневали.

12-го апрѣля. — До Мазамбони шли четыре съ половиною часа.

Продолжали путь къ владѣніямъ нашего благопріятеля Мазамбони, но стройный порядокъ каравана въ значительной мѣрѣ былъ уже нарушенъ. Люди паши растянулись по дорогѣ на нѣсколько миль. Придется ихъ подтянуть, во избѣжаніе несчастныхъ случайностей. Только

не въ здѣшней сторонѣ, конечно, потому что мы тутъ все равно что дома, да и туземцы уже въ значительной мѣрѣ цивилизовались.

Нашли лейтенанта Стэрса: онъ наготовилъ бездну всякихъ запасовъ для каравана и сообщилъ все только самыя пріятныя извѣстія.

13-го апрѣля. — Остановка, пишу въ постели и очень страдаю. Докторъ Пэркъ говоритъ что у меня какой-то «острый гастритъ», изъ чего я заключаю, что боленъ воспаленіемъ желудка или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Меня лечутъ морфіемъ. Первые симптомы проявились прошлою ночью, часа въ 2 пополуночи. Каравану приказано остановиться и я боюсь, что остановка будетъ длинная. Эта невольная задержка послужитъ новымъ продленіемъ срока для тѣхъ заблудшихъ овецъ экваторіальной провинціи, которыя узнаютъ о нашемъ выступленіи изъ Кавалли и могутъ принять нашу остановку за новую льготу въ свою пользу.

Тутъ наступило для меня очень тяжелое время сильнѣйшихъ физическихъ мученій и полнаго изнеможенія. Болящее тѣло крайне нуждалось въ питаніи, а воспаленный желудокъ отказывался принимать пищу. Я ничего не могъ ѣсть, кромѣ молока, разбавленнаго водой, и жестокія спазмы, причиняемыя процессомъ пищеваренія, можно было утолить не иначе какъ подкожными впрыскиваніями морфія. Въ первые дни болѣзни преданныя усилія добрѣйшаго доктора Пэрка подавали мнѣ надежду на скорое выздоровленіе и въ умѣ моемъ зароились планы возвращенія на родину; я занялся придумываніемъ всевозможныхъ несчастныхъ случаевъ въ пути и тѣхъ мѣръ, которыя нужно принять для предотвращенія ихъ. Мнѣ представлялось какъ Кабба-Рега, извѣщенный объ удаленіи Эмина-паши, будетъ всѣми силами стараться задержать насъ; моя фантазія снабжала его сотнями ружей, тысячами копій и многочисленными союзниками, вооруженными высокими уахумскими луками. Далѣе я воображалъ себѣ, какъ мы встрѣтимся съ воинственнымъ и храбрымъ племенемъ Уасонгоры, о которомъ я слыхалъ въ 1875 году, или съ Уаніанкори, у которыхъ король именуется «Львомъ», и которые день и ночь преслѣдуютъ караванъ и безпрестанно выхватываютъ изъ нашихъ рядовъ ту или другую жертву. Потомъ мнѣ грезился переходъ черезъ Нилъ подъ градомъ стрѣлъ, встрѣча съ враждебнымъ племенемъ Карагуэ, которому помогаютъ Уаганды; словомъ, мнѣ ужь чудилось какъ наша колонна, ежедневно теряя часть своихъ силъ и доведенная до одной горсти людей, послѣ безконечныхъ стычекъ, приходитъ въ Мсалала и разсказываетъ мистеру Маккэ, миссіонеру, всѣ ужасы, чрезъ которые мы прошли и чуть не всѣ погибли. Безпомощно лежа въ постели, прислушиваясь къ шороху и рокоту окружавшаго меня большого лагеря, я такъ живо переживалъ въ воображеніи эти бѣдствія, что самъ чувствовалъ необхо-

димость такъ или иначе противустоять такому настроенію; но тотчасъ же снова мысленно устремлялся въ какую-то безпрерывную битву, совершалъ стратегическіе переходы у подошвы снѣговыхъ горъ, выбиралъ благопріятные пункты, вторгался въ ограду непріятельскаго селенія и на каждый выстрѣлъ отвѣчалъ двумя мѣткими выстрѣлами. То я лѣзъ на холмъ и оттуда наносилъ врагу такой уронъ, что онъ съ ужасомъ прекращалъ свое преслѣдованіе; то искалъ брода черезъ широкую рѣку и, не найдя его, пускался вплавь, разставивъ по берегу засады для прикрытія переправы; то наскоро строилъ зерибы и съ отчаянной энергіей призывалъ къ этой работѣ всѣхъ, всѣхъ годныхъ, даже женщинъ, а искусные стрѣлки наши все время поддерживали мѣткій ружейный огонь; то чудились мнѣ голоса Стэрса, Нельсона, Джефсона, Пэрка, ободрявшіе людей, и казалось, что они душу свою полагаютъ за народъ, ввѣренный нашему попеченію; то на опушкѣ тропическаго лѣса происходили эти стычки и мы, не обращая никакого вниманія на чудную красоту цвѣтовъ, на тѣнистую прохладу и на быстрые ручейки, только и думали о кровавой расправѣ. Думая и передумывая о такихъ вещахъ, я доводилъ себя до сильнѣйшей лихорадки, начинался жаръ, я терялъ сознаніе, бредилъ, и докторъ, покачивая головой, опять вливалъ мнѣ въ ротъ успокоительную микстуру.

И это были далеко не единственныя причины, мутившія мой отуманенный разсудокъ. Каждое утро я выслушивалъ обычный рапортъ о тайныхъ заговорахъ, о смутахъ и козняхъ, и о томъ какъ, неизвѣстно для чего, иные люди находили адское наслажденіе въ томъ, чтобы предсказывать остальнымъ самую жестокую участь. Носились слухи, что на насъ идутъ войной уаделайскіе мятежники, а изъ лагеря между тѣмъ каждую ночь совершались побѣги, такъ что насчитывалось уже до восьмидесяти бѣглецовъ. Потомъ кто-то сталъ распространять фантастическіе разсказы о томъ, что на пути насъ ожидаютъ всѣ ужасы голодной смерти, что мы пойдемъ такими странами, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ травы, и этими росказнями такъ напугали людей, что произвели нѣчто въ родѣ паники и мнѣ совѣтовали поскорѣе предпринять что нибудь, говоря, что иначе пожалуй всѣ разбѣгутся.

Паша открылъ, что распространеніемъ подобныхъ слуховъ очень дѣятельно занимается одинъ изъ его людей; онъ распорядился схватить этого человѣка, предалъ его суду, уличилъ, приговорилъ къ разстрѣлянію и прислалъ за взводомъ стрѣлковъ чтобы казнить его. — Не посылайте занзибарцевъ! — удалось мнѣ шепнуть Стэрсу: пускай паша разстрѣливаетъ своего преступника своими же людьми. Если ему понадобятся люди для его личной безопасности, дайте ему нашихъ; но мы пришли сюда для охраны, а не для казней. — Но своимъ лю-

дямъ паша не рѣшился довѣрить выполненіе приговора и потому преступникъ остался живъ.

Потомъ мнѣ разсказали, что слуга вице-губернатора застрѣлилъ мирнаго туземца, находя что бѣднякъ не довольно проворно доставляетъ ему топливо.—Закуйте въ цѣпи этого свирѣпаго раба,—сказалъ я, — но не убивайте его. Напротивъ, кормите хорошенько, чтобы онъ пригодился въ походѣ: мы дадимъ ему нести ящикъ запасныхъ патроновъ.

— Черезъ нѣсколько дней немного ужь останется офицеровъ,—говорилъ Нельсонъ:—всѣ разбѣгаются и мы для нихъ только понапрасно потрудились.

— Пусть ихъ бѣгутъ! возразилъ я: коли не хотятъ идти за своимъ пашой, оставьте ихъ въ покоѣ.

Но тутъ мнѣ доложили, что Реханъ съ партіею изъ двадцати двухъ человѣкъ бѣжалъ, укравъ нѣсколько нашихъ ружей.

— Ну теперь, милый мой Стэрсъ, берите человѣкъ сорокъ отборнаго народу и маршъ на Ніанзу. Вы застанете бѣглецовъ въ лагерѣ на самомъ берегу. Идите тайкомъ, будьте очень осторожны, нападайте какъ можно внезапнѣе и быстрѣе, и приводите ихъ обратно. Они украли ружья и слѣдовательно подлежатъ полевому суду.

На четвертый день лейтенантъ Стэрсъ возвратился и благополучно привелъ плѣнниковъ, въ числѣ которыхъ находился и зачинщикъ Реханъ.

Собрался офицерскій судъ, вызвали свидѣтелей и изъ дознанія выяснилось, что вслѣдъ за бѣгствомъ этихъ людей должно было послѣдовать черезъ два дня поголовное выселеніе всѣхъ суданцевъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей; что они заранѣе сговорились овладѣть нашимъ оружіемъ, такъ чтобы, когда придетъ Селимъ-бей, котораго ожидали со дня на день, мы не были въ состояніи оказать имъ продолжительнаго сопротивленія. Доказано, что Реханъ началъ мутить народъ съ того самого дня какъ стало извѣстно, что я захворалъ; онъ началъ съ того, что выдумывалъ самыя дерзкія небылицы касательно нашихъ жестокостей съ людьми на походѣ; разсказывалъ, будто-бы каждаго суданца, — солдата или офицера все равно, — заставляютъ носить на головѣ страшныя тяжести, вовсе не кормятъ и принуждаютъ питаться травой. Окончательное паденіе экваторіальнаго правительства произошло именно изъ-за скандальныхъ сплетень, распускавшихся однимъ египетскимъ чиновникомъ, и еще однимъ поручикомъ.

Вызваны были солдаты и офицеры, служившіе у паши и, они клятвенно подтвердили все что слышали отъ Рехана. Такимъ образомъ набралась цѣлая масса показаній, вполнѣ послѣдовательныхъ и несомнѣнныхъ, изъ которыхъ выяснилось, что Реханъ предавался преступнымъ дѣяніямъ, противнымъ дисциплинѣ и сознательно подвергалъ

опасности какъ членовъ экспедиціи, такъ равно и людей, ввѣренныхъ ея попеченіямъ. Во вторыхъ, доказано, что Реханъ присвоилъ себѣ нѣсколько ружей, принадлежащихъ экспедиціи, съ намѣреніемъ присоединиться къ Селимъ-бею, и вмѣстѣ съ нимъ обратить наше оружіе и патроны на погибель людей, отъ которыхъ ни онъ, ни его товарищи, ничего кромѣ добра не видали. Въ третьихъ, его уличили въ томъ что онъ совратилъ нѣсколько женщинъ изъ гаремовъ египетскихъ офицеровъ. Въ четвертыхъ, онъ провинился въ дезертирствѣ; и въ пятыхъ, во время бѣгства изъ лагеря, застрѣлилъ нѣсколькихъ мирныхъ туземцевъ, нашихъ союзниковъ. Судъ постановилъ, послѣ каждой изъ рубрикъ въ отдѣльности, что Реханъ достоинъ смерти.

Я пробовалъ говорить, что можно бы смягчить ему наказаніе, напримѣръ заковать его въ цѣпи, или надѣть ему колодку на шею, а на головѣ велѣть таскать ящикъ съ патронами; но судъ былъ неумолимъ. Тщательно пересмотрѣвъ дѣло и я подписалъ приговоръ и велѣлъ собраться всѣмъ, для выслушанія обвиненій, доказательствъ и приговора.

Меня на кровати вынесли и поставили передъ народомъ и хотя всѣмъ присутствовавшимъ казалось, что и я очень скоро переселюсь въ тотъ темный и невѣдомый міръ, «откуда нѣтъ возврата», однако я собрался съ силами и обратился къ осужденному съ слѣдующими словами.

— Реханъ, оба мы предъ лицомъ Бога; но въ книгѣ судебъ написано, что ты прежде меня сойдешь въ могилу. Ты злой человѣкъ, недостойный дышать однимъ воздухомъ съ другими людьми. Я засталъ тебя невольникомъ у Аваша-Эффенди, сдѣлалъ свободнымъ человѣкомъ, поставилъ на ряду со всѣми солдатами. Помню я какъ въ лѣсу, когда наши товарищи вымирали отъ изнуренія и голода, я просилъ тебя помочь намъ нести боевые снаряды для твоего паши; и ты тогда согласился таскать вьюки, за жалованье. Когда мои люди поправились, тебя избавили отъ вьюка. Когда ты хворалъ, я заботился о тебѣ и давалъ тебѣ снадобья, отъ которыхъ ты выздоровѣлъ. Ты зналъ, что мы трудились и терпѣли всякія бѣдствія только для того, чтобы доставить порохъ и патроны для васъ, для твоихъ-же товарищей. Когда мы сдѣлали свое дѣло, тогда почернѣло твое сердце и ты сталъ замышлять нашу погибель. Ты хотѣлъ отнять у насъ средства къ возвращенію домой; ты всячески старался повредить намъ, клеветалъ на насъ, наговаривалъ по злобѣ всякую неправду. Ты проникалъ въ жилища египтянъ и сманивалъ ихъ женщинъ; ты убивалъ безвинныхъ друзей нашихъ, которые даромъ кормили насъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ. За все это ты заслужилъ смерть, чрезъ повѣшеніе на этомъ деревѣ. Такъ постановили люди, бывшіе прежде твоими товарищами.

Они разсмотрѣли твое дѣло съ терпѣніемъ, добросовѣстно и справедливо, и всѣ единогласно рѣшили, что ты долженъ умереть.

Но я хочу еще разъ попробовать, нельзя-ли сохранить тебѣ жизнь. Оглянись вокругъ, посмотри на всѣхъ, съ кѣмъ ты прежде вмѣстѣ ѣлъ и пилъ. Если между ними найдется хоть одинъ, который замолвитъ за тебя слово, ты останешься въ живыхъ.

— Какъ вы скажете, суданцы и занзибарцы? Этому человѣку жизнь или смерть?

— Смерть! единогласно рѣшила толпа.

— И такъ—«Ялла рабуна»! Отойди къ Богу.

Суданцы, съ которыми онъ столько разъ болталъ у костра и по братски жилъ въ лѣсу, выступили впередъ, схватили его,—а занзибарцы накинули ему петлю на шею. Одинъ влѣзъ на дерево и перекинулъ конецъ веревки, за который добровольно ухватились сотни рукъ; по данному знаку стали тянуть и Реханъ на вѣки замолкъ, повиснувъ между землею и небомъ.

— Распорядитесь, мистеръ Стэрсъ, чтобы по всему лагерю дали знать людямъ Эмина-паши: пусть придутъ взглянуть на умершаго Рехана и хорошенько подумаютъ объ этомъ серьезномъ дѣлѣ. Дай имъ Богъ исправиться!

Вечеромъ мнѣ стало гораздо хуже и нѣсколько дней потомъ казалось, что мало надежды на мое выздоровленіе. Потомъ серьезно захворалъ нашъ добрѣйшій докторъ,—у него открылась злокачественная лихорадка, отъ которой такъ часто умираютъ на атлантическомъ побережьѣ Африки. Онъ пролежалъ долго и мы очень за него боялись; но Эминъ-паша, который тоже докторъ медицины и въ прежнее время практиковалъ, на сей разъ самъ принялся за леченіе своего коллеги и очень помогъ ему. Тогда заболѣлъ Моунтеней Джефсонъ, и такъ тяжело, что однажды ночью совсѣмъ отчаялись спасти его. Говорили, что у него началась спячка, но тутъ ужь нашъ безцѣнный докторъ Пэркъ не выдержалъ: съ помощью другихъ, онъ кое-какъ всталъ съ постели, приползъ къ больному и безчувственному другу, употребилъ все свое искусство и таки разбудилъ его. Уничтоживъ такимъ образомъ наши главныя опасенія, онъ не унялся, потребовалъ чтобы его привели ко мнѣ, облегчилъ мои спазмы и только тогда согласился опять лечь. Такъ проходили эти тягостные дни.

29-го апрѣля я могъ уже сидѣть въ постели и съ того дня до 7-го мая понемногу поправлялся, хотя состояніе моего языка все еще указывало на то, что слизистыя оболочки желудка не пришли въ порядокъ и воспаленіе продолжается.

3-го мая. Туземцы, жители одного изъ при-озерныхъ округовъ, принесли мнѣ двѣ связки писемъ; такъ какъ всѣ онѣ были писаны

по арабски, я отослалъ ихъ къ пашѣ. Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ самъ паша и пожелалъ меня видѣть. Поздоровавшись, онъ сказалъ мнѣ, что съ почтой произошло недоразумѣніе: одна связка писемъ адресована въ Уаделаи и послана изъ нашего лагеря нѣсколько дней назадъ, а другая связка пришла изъ Уаделаи.

Такъ какъ мнѣ не было извѣстно, что со дня нашего прихода къ Мазамбони отсылали почту, я заключилъ, что эти письма посылались тайно и по всей вѣроятности съ злымъ умысломъ противъ насъ.

Мы на военномъ положеніи, паша, и съ вашими людьми очевидно находимся во враждѣ, а потому я васъ попрошу, будьте такъ добры, вскройте пакеты и прочтите мнѣ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ; на войнѣ, знаете-ли, такія вещи дозволяются.

Первое письмо было отъ Шукри-Аги къ пріятелю его, Селимъ-бею. Это было милое, привѣтливое письмо, выражавшее надежду, что они скоро увидятся, и въ немъ не было ни слова, ни намека на что-либо предательское или нечестное.

Второе было отъ Ибрагима-Эффенди-Эльгамъ, одного изъ капитановъ на службѣ у паши, бывшаго въ это время съ нами въ лагерѣ. Онъ писалъ:

„Я надѣюсь, что ты пришлешь намъ пятьдесятъ солдатъ, какъ только получишь это письмо. Мы уже тронулись въ путь, но задержались и на нѣсколько дней остаемся еще здѣсь. Молю тебя, во имя Аллаха, не откладывай присылки людей, ибо съ ихъ помощью можно на разные лады задержать дальнѣйшій походъ экспедиціи, но если-бы ты самъ пришелъ съ двумя сотнями солдатъ, мы могли бы добиться всего чего хочешь ты, и я. Друзья наши съ нетерпѣніемъ ожидаютъ отъ тебя извѣстій каждый день. Поспѣшить необходимо“.

— Вотъ такъ открытіе, паша! Теперь по крайней мѣрѣ убѣдились-ли вы, что эти люди неисправимые предатели?

— Да, этого я никакъ не ожидалъ отъ Ибрагима-Эффенди-Эльгамъ... Я всегда былъ такъ добръ къ нему! Что до Селимъ-бея, я понять не могу, чего онъ добивается?

— Вотъ въ чемъ дѣло, паша. На самомъ-то дѣлѣ почти никто изъ нихъ не хочетъ идти въ Египетъ. Даже и Селимъ-бей, не взирая на всѣ его клятвы, никогда и не думалъ доходить до Египта. Сопровождать насъ они не прочь, но только до такого мѣста, гдѣ будетъ много хлѣба и скота и не будетъ никакой опасности со стороны махдистовъ. Тамъ они вамъ скажутъ, что очень устали и если пойдутъ дальше, навѣрное умрутъ на ходу; и вы переговоривъ со мной дали-бы имъ пороху и патроновъ, и обѣщали-бы впослѣдствіи прислать еще столько-же. Но какъ-бы вы ни были щедры, имъ этого покажется мало. Они станутъ говорить, что у нихъ и ружей мало, и до

тѣхъ поръ будутъ выражать неудовольствіе, покуда не завладѣютъ всѣмъ нашимъ оружіемъ, и даже всѣмъ, что у насъ есть. Подождите минуту, паша, я вамъ всю ихъ механику раскрою.

Когда, въ январѣ нынѣшняго года, я послалъ мистеру Джефсону приказаніе возвращаться ко мнѣ, нѣтъ сомнѣнія, что по всѣмъ вашимъ поселеніямъ, вплоть до самыхъ сѣверныхъ станцій, разнеслась вѣсть, что я пришелъ со всей экспедиціей и запасами. Они отлично знали, хотя и притворялись будто не вѣрятъ этому,—что Хедивъ черезъ меня прислалъ вамъ боевыхъ снарядовъ. Но они поняли также, что отъ меня ничего не получатъ, иначе какъ по вашему приказанію. Но такъ какъ Джефсонъ отъ нихъ бѣжалъ, и привезъ мнѣ извѣстіе о томъ что вы лишены власти и свободы, то и вашего приказанія при такихъ обстоятельствахъ было бы недостаточно. Вотъ они, зная вашъ незлобивый нравъ, и отправили къ вамъ депутацію, поручивъ ей цѣловать ваши руки и выражать свое раскаяніе и сожалѣніе: они разсыпались въ извиненіяхъ, наобѣщали вамъ съ три короба, вы всему повѣрили и въ знакъ полнаго прощенія сами пришли съ ними и представили ихъ мнѣ. Вы просили дать имъ время собраться съ нами въ походъ; я согласился. Но уходя они не утерпѣли, поддались искушенію и таки стянули одно ружье. Если они думали идти съ нами зачѣмъ же имъ было это ружье? Вѣдь они отправлялись на пароходѣ и оно могло только стѣснять ихъ понапрасно. Затѣмъ, вѣроятно, безпрестанная вражда партіи и усиленіе то той, то другой, задержало ихъ дольше чѣмъ они думали, и ихъ ссоры и смуты избавили насъ отъ необходимости прибѣгать къ крайностямъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я выслушалъ отчетъ мистера Джефсона и ваши собственные разсказы, которые гласятъ почти тоже, а потомъ еще различныя версіи Аваша-Эффенди, Османъ-Лятифа - Эффенди, и занзибарцевъ, я давнымъ давно рѣшилъ, какъ надо поступить. На этотъ народъ нельзя дѣйствовать ни разсужденіемъ, ни поученіями, для этого они слишкомъ тупоголовы и слишкомъ одичали отъ постояннаго вранья. Они способны понимать только то, что непосредственно дѣйствуетъ на ихъ чувство, и чтобы пронять ихъ, надо колотить очень сильно. Когда я въ должной мѣрѣ постигъ ихъ натуру, я началъ догадываться, какими способами можно на нихъ воздѣйствовать. Мнѣ представлялось до шести разныхъ методъ, повидимому вполнѣ возможныхъ къ исполненію, но каждая изъ нихъ упиралась въ неодолимое препятствіе. Паша, вы не догадываетесь какое это было препятствіе?

— Нѣтъ, не догадываюсь.

— Этимъ препятствіемъ, представлявшимся въ концѣ каждаго изъ моихъ правильныхъ измышленій, были вы сами, паша.

— Я! какъ же это такъ?

— Съ 5-го апрѣля вы перестали быть таковымъ, но до тѣхъ поръ я не могъ привести въ исполненіе ни одной мѣры, не спросясь васъ. Въ нашихъ глазахъ вы все еще были пашой, губернаторомъ, начальникомъ этихъ людей и мнѣ нельзя было предлагать вамъ воевать съ ними. Вѣдь вы имъ беззавѣтно вѣрили! Каждый день вы говорили: они придутъ!—но вамъ ни разу и въ голову не пришло подумать,—а что они сдѣлаютъ, когда придутъ и увидятъ, что ихъ втрое больше чѣмъ насъ? Если бы они дѣйствительно пришли до 5-го апрѣля, я намѣренъ былъ отдѣлиться отъ васъ и стать лагеремъ, укрѣпившись тщательнѣйшимъ образомъ, миль за семь или за восемь отъ васъ. Всѣ наши сношенія я хотѣлъ ограничить письменными сообщеніями и каждый день уходя впередъ на сутки, посылать вамъ проводниковъ, которые указывали-бы вамъ дорогу къ нашему вчерашнему лагерю. И я рѣшилъ никого изъ вашихъ не подпускать къ себѣ на ружейный выстрѣлъ.

Съ 5-го апрѣля, однакожъ, это все измѣнилось. Теперь съ моей стороны было бы непростительно отдѣляться отъ васъ, потому что и я и мои офицеры вполнѣ убѣдились, что у васъ никого нѣтъ: ни солдатъ, ни слугъ; что вы въ сущности одинъ. А потому я предлагаю вотъ что: если Селимъ-бей придетъ, не подпускать ни его, ни одного изъ его солдатъ съ оружіемъ въ рукахъ къ нашему лагерю. Задолго до того какъ они подойдутъ, мы должны выйти на дорогу, занять позицію, и если по первому нашему требованію они не сложатъ оружія,—ну тогда пусть не прогнѣваются, мы имъ не спустимъ. Съ 5-го апрѣля, видите-ли, я даже очень желалъ, чтобы они пришли. По моему ужъ пора было бы хорошенько проучить этихъ негодяевъ и довести ихъ до того состоянія порядка и дисциплины, въ какомъ они были, прежде чѣмъ Араби, Махди и прочіе проходимцы сбили ихъ съ толку и пріучили бунтовать безпрестанно. И такъ, если они придутъ, первымъ дѣломъ необходимо ихъ обезоружить. Всѣ ихъ ружья сложить, запаковать въ видѣ вьюковъ, раздать нашимъ носильщикамъ: мы и будемъ ихъ нести. Лагери ихъ слѣдуетъ располагать не ближе 250 саженъ отъ нашихъ. Чѣмъ дальше они будутъ уходить отъ Уаделаи, тѣмъ легче намъ будетъ съ ними ладить и наконецъ можно будетъ постепенно возвращать имъ оружіе, такъ что подъ конецъ они могутъ приносить пользу и себѣ и намъ.

На другой день послѣ того какъ мы пришли къ Мазамбони, явился наконецъ Шукри-Ага, комендантъ Мсуа. Онъ вышелъ изъ своего укрѣпленія съ двадцатью солдатами; когда онъ дошелъ до Кавалли, на плато, ихъ осталось только десять, а когда пришелъ къ намъ въ лагерь, при немъ было всего двое: трубачъ, да знаменосецъ.

Остальные разбѣжались, покинувъ своего начальника на произволъ судьбы. Комментаріи излишни.

Сегодня 7-е мая.—Вечеромъ при мнѣ говорили, что въ при-озерномъ лагерѣ собрались значительныя силы. Вотъ уже четыре дня какъ тамъ идутъ дѣятельныя приготовленія къ походу. Мы выступаемъ завтра. Уже 110 дней какъ мы находимся въ здѣшнихъ мѣстахъ, съ 18-го января. Если экваторіальныя войска захотятъ идти съ нами, имъ всегда легко будетъ догнать насъ, а коли я увижу что онѣ въ самомъ дѣлѣ желаютъ за нами слѣдовать, то я не прочь дать имъ еще нѣкоторое время на сборы.

7-го мая я поручилъ лейтенанту Стэрсу зарыть двадцать пять ящиковъ патроновъ подъ поломъ его квартиры, на тотъ случай, если мятежные офицеры придутъ выразить искреннее раскаяніе, и попросятъ позволенія остаться у Мазамбони, такъ чтобы у нихъ были средства къ оборонѣ. Стэрсъ исполнилъ это порученіе вполнѣ хорошо и секретно.

8-го мая.—Я былъ еще такъ слабъ, что не могъ пройти пѣшкомъ болѣе сотни шаговъ, а потому меня положили въ гамакъ и понесли передъ фронтомъ, впереди колонны. Мы направлялись сначала къ западу, на нѣсколько миль; потомъ, свернувъ съ прежней дороги къ лѣсу, пошли на югъ, по торной дорогѣ, огибавшей западные склоны горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Ундуссумы. Шли между роскошныхъ нивъ и плантацій селенія Бундегунды. Кукуруза и бобы были великолѣпны и разстилались далеко по доламъ и полямъ, представляя цвѣтущую картину необычайнаго изобилія. На египтянъ и ихъ свиту это производило глубокое и очень благопріятное впечатлѣніе, да и мы любовались на рѣдкое плодородіе почвы и на общіе признаки благосостоянія этого округа. Одною изъ причинъ его былъ именно горный кряжъ, служившій этой мѣстности защитою отъ холодныхъ вѣтровъ съ озера.

Пройдя съ часъ времени за предѣлами плантацій Бундегунды и вступивъ въ другія, не менѣе цвѣтущія и обработанныя поля, мы расположились лагеремъ, или лучше сказать просто заняли селеніе Буніамбири, которое Мазамбони распорядился очистить собственно ради нашего удобства.

Такъ какъ насъ провожалъ самъ Мазамбони съ тремя сотнями своихъ воиновъ, то само собою разумѣется, что всѣмъ членамъ нашей колонны было предоставлено располагаться совершенно по своему усмотрѣнію и пользоваться всѣмъ, что нашлось на поляхъ и огородахъ. Такимъ образомъ люди объѣдались спѣлыми бананами, зелеными бобами, ямсомъ, бататами, колоказіей и пр. Въ награду за постоянныя услуги и широкое гостепріимство, мы отдали Мазамбони сорокъ головъ скота и шестнадцать слоновыхъ клыковъ, вѣсомъ больше пятидесяти фунтовъ въ каждомъ. Однако-же, къ стыду моему, Мазам-

бони пожаловался мнѣ, что его людей задерживаютъ и обращаютъ въ рабовъ, такъ что пришлось лейтенанту Стэрсу и его товарищамъ офицерамъ лично провожать старшину по всѣмъ деревнямъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ розыскать этихъ людей, выручить ихъ и возвратить ему. Впрочемъ, это черта чисто египетская: всѣ они считаютъ каждую оказанную имъ услугу за нѣчто должное, какъ дань своимъ добродѣтелямъ и прелестямъ, которыя можетъ быть и существуютъ, но ихъ что-то не видать.

Подъ вечеръ явились три солдата и Аюбъ-Эффенди, египетскій чиновникъ, и принесли письма отъ Селимъ-бея. Они передавали намъ такія удивительныя вѣсти, что ихъ стόитъ пересказать. Офицеры и солдаты экваторіальной провинціи очевидно совсѣмъ сошли съ ума, либо вовсе неспособны понимать, что за человѣкъ бывшій ихъ паша и губернаторъ.

Они разсказывали, что Фадль-Эль-Мулла-бей и его сторонники были одно время склонны исполнять всѣ приказанія Эмина-паши и мои собственныя, передаваемыя черезъ Селимъ-бея-Матора, и повидимому они тогда дѣятельно готовились къ отъѣзду. Селимъ-бей на пароходахъ «Хедивъ» и «Ніанза» перевезъ весь гарнизонъ изъ Дуффлэ въ Уаделаи, чѣмъ сразу нарушилъ данныя намъ обѣщанія и пренебрегъ приказами, которые поклялся исполнить буквально, когда мы снабжали его инструкціями. Напомню, что мы велѣли ему начать переправу людей изъ Уаделаи къ при-озерному лагерю, съ тѣмъ, что мы будемъ помогать имъ перетаскивать тяжести съ озера на плато, а пароходы, между тѣмъ, займутся транспортированіемъ по озеру, покуда гарнизоны изъ сѣверныхъ станцій будутъ сухимъ путемъ перевозить свои семейства въ Уаделаи. Такимъ образомъ мы понапрасно простояли съ 25-го февраля по 8-е мая у озера, девяносто два дня сряду поджидая хоть кого нибудь изъ нихъ въ доказательство того, что они серьезно намѣрены уйдти вмѣстѣ съ нами.

Покуда Селимъ-бей перевозилъ гарнизоны съ ихъ семействами изъ сѣверныхъ поселеній въ Уаделаи, онъ самъ того не подозрѣвая способствовалъ усиленію своихъ противниковъ, то есть партіи Фадль-Эль-Мулла-бея, и когда всѣ были въ сборѣ, Фадль-Эль-Мулла рѣшился сбросить маску. Поздней ночью онъ привелъ своихъ сторонниковъ къ складамъ боевыхъ снарядовъ, они ограбили до-чиста все что тамъ было и ушли изъ Уаделаи на сѣверо-западъ, въ округъ Макараке. Когда Селимъ-бей проснулся на другое утро, оказалось, что съ нимъ осталось всего 200 человѣкъ офицеровъ, солдатъ и писарей, всѣ склады и магазины пусты, а изъ боевыхъ снарядовъ только и остались тѣ сорокъ патроновъ на человѣка, которые были розданы людямъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Горько сѣтуя на свою судьбу

и проклиная неудачу, онъ сталъ сажать своихъ людей на пароходы и отплылъ въ Мсуа, куда и прибылъ 22-го апрѣля, стараясь какъ можно дальше уйдти на югъ, во избѣжаніе махдистовъ. Онъ поспѣлъ-бы еще присоединиться къ намъ, если бы его неповоротливый умъ сохранилъ способность соображенія. Въ одинъ часъ можно было набрать въ покинутомъ селеніи достаточно топлива и черезъ девять часовъ его караванъ могъ бы на пароходахъ достигнуть нашего при-озернаго лагеря. Но онъ только 7-го мая вспомнилъ о существованіи экспедиціи и своего паши и продиктовалъ ко мнѣ письмо, которое при чтеніи рѣшительно возбуждаетъ только улыбку.

Тамъ, между прочимъ, сказано: «мы желаемъ знать, правда-ли что вы превращаете египетскихъ офицеровъ и солдатъ во вьючныхъ скотовъ. До насъ дошли слухи, что вы жестокосердно на всѣхъ навалили тяжести и обратили солдатъ въ носильщиковъ. Это очень стыдно и мы строго разслѣдуемъ это дѣло».

Но было и другое письмо, въ совершенно иномъ духѣ: тамъ разсказывалась измѣна Фадль-Эль-Муллы, который его обманулъ и покинулъ, и слезная просьба къ намъ, чтобы мы подождали его и людей его, а иначе они погибнутъ. У нихъ всего только по сорока патроновъ на человѣка и если Кабба-Рéга нападетъ на нихъ, имъ невозможно спастись.

Мы позвали солдатъ и они разсказали все въ подробности. До Мазамбони ихъ шло двадцать человѣкъ, но только эти трое вызвались догнать насъ. Они тоже очень униженно просили еще подождать. Мы съ пашой обмѣнялись взглядомъ.

— Но, друзья мои,—сказалъ я,—почемъ-же мы знаемъ что Селимъ-бей въ самомъ дѣлѣ хочетъ придти?

— Нѣтъ, теперь-то онъ ужь навѣрное придетъ.

— Такъ чего-же онъ дожидается въ Мсуа? Отчего не самъ приплылъ на пароходѣ къ нашему при-озерному лагерю? Вѣдь это всего въ девяти часахъ пути.

— Дезертиры сказали ему, что вы уже ушли.

— Ему-бы не трудно было догнать такой большой караванъ какъ нашъ; съ нимъ-то вѣдь народу не много.

— Да у него все неудачи. Слишкомъ много совѣтниковъ у Селимъ-бея, а египетскіе чиновники наполняютъ его уши всякимъ вздоромъ. Онъ-то честно хочетъ уйти изъ этой страны, да тѣ насъ смущаютъ своими лживыми разсказами.

— Ну, а намъ нельзя дожидаться Селимъ-бея. Я пойду впередъ потихоньку, часа по два въ день. Мнѣ приходится держать народъ на походѣ, не то они оставятъ пашу одного. Когда переправимся чрезъ рѣку Семлики, выберемъ мѣстечко на той сторонѣ, отдохнемъ

тамъ нѣсколько дней, а тамъ опять пойдемъ дня два, и снова остановимся. Коли Селимъ-бей въ самомъ дѣлѣ захотѣлъ уходить, онъ насъ скоро перегонитъ; да къ тому-же, мы когда придемъ къ рѣкѣ, пошлемъ ему проводника, съ помощью котораго онъ въ четыре дня пройдетъ то пространство, на которое мы употребимъ двѣнадцать дней. Вы отнесете ему письмо, въ которомъ паша все это напишетъ. Но только на пути вы постарайтесь какъ можно дружелюбнѣе обходиться съ туземцами, не то вамъ отъ нихъ никакой помощи не будетъ.

Въ числѣ египтянъ, бывшихъ съ нами въ лагерѣ, находился нѣкто Али-Эффенди, капитанъ, страдавшій болѣзнью сердца. Онъ давно уже былъ боленъ. У него было девять слугъ, девять служанокъ и въ добавокъ ему одному пришлось назначить двѣнадцать носильщиковъ, а багажъ его состоялъ изъ двадцати вьюковъ. Онъ не могъ пройти пѣшкомъ и ста шаговъ, а маленькій шестилѣтній сынъ его былъ такъ слабъ, что тоже не могъ ходить. Поэтому онъ потребовалъ на свой пай еще шестерыхъ носильщиковъ, и у насъ не осталось ни одного свободнаго, такъ что изъ-за одного Али-Эффенди пришлось бы ежедневно силою привлекать для этого туземцевъ со стороны. Мы старались убѣдить его воротиться, потому что онъ черезъ нѣсколько дней навѣрное умеръ-бы на походѣ; но онъ ни за что не хотѣлъ возвращаться одинъ, безъ своего семейства, состоявшаго изъ пятнадцати человѣкъ; тогда мы поручили его и его свиту попеченіямъ гонцовъ Селимъ-бея, которые взялись препроводить этотъ караванъ къ своему начальнику.

Къ этому тупоголовому и неповоротливому командиру суданскаго отряда Эминъ-паша написалъ письмо, а я, согласно обѣщанію, выслалъ ему проводниковъ; но какъ мы не ползли, какъ ни медлили въ пути, проходя не больше трехъ часовъ въ день въ продолженіи цѣлаго мѣсяца и безпрестанно останавливаясь, о Селимъ-беѣ мы больше ничего не слыхали. Что съ нимъ сталось—неизвѣстно и трудно было бы угадать. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми сговориться невозможно, потому что они совершенно недоступны никакой логикѣ, ни здравому смыслу. Онъ не былъ ни золъ, ни хитеръ, но до такой степени тупъ, что приказаніе только тогда находило доступъ къ его сознанію, когда за нимъ непосредственно слѣдовала грубая угроза, съ перспективою явнаго насилія, но съ другой стороны онъ занималъ такое высокое служебное положеніе, и былъ притомъ отъ природы настолько храбръ, что подобные приказы и острастки по отношенію къ нему были не примѣнимы. Мы знали, что убѣдить его невозможно, принудить и того менѣе, а потому оставили его въ покоѣ.

Глава XXVII.

ЭМИНЪ-ПАША. ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Сравненіе экспедиціи въ поискахъ за Ливингстономъ съ экспедиціею на выручку Эмина-паши. — Очеркъ странствій экспедиціи до перваго свиданія съ Эминомъ. — Нѣсколько случаевъ распространенія объ Эминѣ ложныхъ представленій. — Наше высокое мнѣніе объ Эминѣ-пашѣ. — Вѣрное войско.— Чрезвычайная нерѣшительность Эмина. — Наше изумленіе, когда въ третій разъ придя на Ніанзу мы узнали, что Эминъ въ плѣну. — Чего можно было избѣгнуть, если-бы Эминъ былъ съ нами откровеннѣе и не такъ многое умалчивалъ. — Прекрасныя качества и благородныя стремленія Эмина. — Какъ мы понимаемъ назначеніе паши. — Положеніе и чинъ Эмина въ Хартумѣ и постепенное достиженіе имъ званія губернатора Экваторіи. — Трудное положеніе Гордона въ Суданѣ. — Деликатность Эмина, его терпѣніе. — Съ 1883 года Эминъ предоставленъ собственнымъ силамъ. — Экскурсіи Эмина. — Вѣрное сужденіе императора Адріана о египтянахъ. — Исторія борьбы Эмина съ махдистами съ 1883 по 1885 годъ. — Докторъ Юнкеръ везетъ депеши Эмина въ Занзибаръ, въ 1886 году.—Кабба-Рега отъявленный врагъ Эмина. — Въ какомъ положеніи находился Эминъ до нашего прихода на помощь ему; доказательства того, что истинно-хорошее правленіе здѣсь было немыслимо. — Два документа (одинъ отъ Османа-Дигма, другой отъ Омара-Сале), полученные чрезъ посредство сердаря, сэръ Френсиса Гренфель.

Теперь, когда мы окончательно распростились съ Экваторіей и направили стопы свои «домой», въ сообществѣ Эмина-паши, капитана Казати и нѣсколькихъ сотенъ переселенцевъ, бросимъ взглядъ на послѣднія событія, попробуемъ раскрыть истинныя ихъ причины и попытаемся установить наиболѣе правильное воззрѣніе на личность бывшаго губернатора.

Когда я, еще очень молодымъ человѣкомъ, былъ отряженъ на поиски за миссіонеромъ, Давидомъ Ливингстономъ, я имѣлъ самыя смутныя понятія о томъ, что это былъ за человѣкъ. Газеты отзывались о немъ, какъ о личности достойной уваженія всего христіанскаго міра; частныя лица, напротивъ того, высказывали на его счетъ довольно странныя вещи. Такъ, одинъ говорилъ, что Ливингстонъ женился на дикарской принцессѣ и поселился въ Африкѣ съ большимъ комфортомъ; другой увѣрялъ, что онъ нелюдимъ, чуждается общества

и пуще всего хлопочетъ объ томъ, чтобы оградить себя отъ непрошенныхъ визитовъ со стороны предпріимчивыхъ европейцевъ. Не зная кому вѣрить, я отправился искать его безъ всякаго увлеченія и готовъ былъ при малѣйшей провинности съ его стороны стать на дыбы, какъ говорится. Однако разставаясь съ нимъ я плакалъ: газеты говорили сущую правду.

Относительно Эмина-паши газеты, со словъ путешественниковъ, которые его лично знали, описывали намъ героя, крупную фигуру въ родѣ Гордона, воинственнаго человѣка высокаго роста, суроваго въ обращеніи, любителя наукъ, который не взирая на бѣдствія, разразившіяся надъ значительною частью сѣверныхъ областей Центральной Африки, съумѣлъ сохранить полное спокойствіе духа, ровность характера, и такъ искусно управлялъ людьми и обстоятельствами, что смогъ противустоять Махди и давать отпоръ его бѣшенымъ шайкамъ; что не разъ онъ разбивалъ предводителей махдистовъ, но ведя съ ними такую постоянную и отчаянную борьбу, онъ истощилъ почти всѣ средства обороны. Всѣ эти отзывы внушали мнѣ глубокое состраданіе, вполнѣ раздѣлявшееся моими личными друзьями, которые такъ щедро открыли подписку на средства для настоящей экспедиціи; такимъ же состраданіемъ проникались сердца Стэрса, Джефсона, Нельсона, Пэрка, Бартлота, Джемсона, и сотенъ другихъ, стремившихся примкнуть къ намъ. Юнкеръ говорилъ, что опасность крайняя, что если не скоро подать помощь, паша долженъ будетъ погибнуть въ неравной борьбѣ съ осаждающими его полчищами. И мы чувствовали что все это правда. Въ морѣ, покуда плыли на пароходѣ, и плывя вверхъ по Конго, и въ ямбуйскомъ лагерѣ, и пробираясь въ тѣни нескончаемыхъ лѣсовъ, и на окраинѣ плоскогорья, и даже на самомъ берегу Ніанзы, насъ преслѣдовала одна мысль, единственное опасеніе—не поздно-ли? Не напрасны-ли были наши труды и усилія? Только тогда, когда прибрежные дикари, въ отвѣтъ на наши усердные разспросы завѣрили насъ, что никакого парохода на озерѣ не видѣли и бѣлаго человѣка не вѣдаютъ,—только тогда мы позволили себѣ нѣчто въ родѣ раздумья,—но еще не выразили никакихъ подозрѣній. Думали, что сухопутные гонцы изъ Занзибара могли быть задержаны въ пути, что пароходъ затонулъ вскорѣ послѣ отъѣзда Юнкера, и Эмину не было возможности достигнуть юго-западной оконечности озера.

Прошло около четырехъ мѣсяцевъ, мы снова пришли на берегъ озера и тутъ часъ ожидали письма отъ Эмина. Онъ случайно узналъ о нашемъ прибытіи и для провѣрки этого слуха ходилъ на пароходѣ къ юго-западному берегу. Отсюда до самой южной изъ его станцій

всего девять часовъ пути, но онъ еще въ первый разъ побывалъ здѣсь. Положимъ, что послѣдствія этого визита были превосходны, но какая жалость, что онъ не сдѣлалъ такъ, какъ я просилъ его въ письмѣ, за такую дорогую цѣну посланномъ ему изъ Занзибара. Сколько человѣческихъ жизней было-бы спасено, если-бы онъ сдѣлалъ по моему; не говоря уже о лишнихъ трудахъ и страданіяхъ, понесенныхъ нами за эти четыре мѣсяца. Но на это мы шли добровольно и собственно говоря обязались выносить всякія крайности, лишь-бы выполнить то, за что взялись, а потому мы и не жаловались.

Встрѣтясь наконецъ съ Эминомъ, мы провели съ нимъ двадцать шесть дней. За это время мы убѣдились, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ошибались на его счетъ. Паша былъ не высокъ ростомъ, не имѣлъ воинственной осанки, и никоимъ образомъ не былъ похожъ на Гордона. Онъ оказался просто Эминомъ-пашой, не лишеннымъ своего собственнаго, присущаго ему величія. Онъ не имѣлъ сходства ни съ однимъ человѣкомъ, видѣннымъ мною прежде, но походилъ на такихъ, о которыхъ я читалъ.

Того высокаго понятія, которое мы себѣ предварительно о немъ составили, онъ ничѣмъ не унизилъ. Все что мы видѣли, говорило въ его пользу. Войско показалось намъ дисциплинированнымъ въ совершенствѣ, пароходы въ полной исправности; со всѣхъ сторонъ мы видѣли слѣды твердаго, цивилизующаго управленія; намъ показывали образцы тканей, изготовляемыхъ обывателями изъ хлопка, воздѣланнаго ими-же; насъ угощали ликеромъ мѣстнаго приготовленія, для котораго спиртъ гонятъ тутъ-же изъ проса. Самъ паша былъ необыкновенно чистоплотенъ, аккуратенъ, точенъ, въ манерѣ держать себя безукоризненно учтивъ, привѣтливъ и любезенъ; какъ человѣкъ начитанный и образованный, онъ былъ интереснѣйшій собесѣдникъ, вдобавокъ внимательный врачъ; словомъ, пріятнѣйшій человѣкъ, которому невозможно было не удивляться. Если бы мы тогда-же разстались съ нимъ, мы-бы изъ этого знакомства ничего не вынесли, кромѣ самаго искренняго восхищенія его особой. Правда, въ немъ ровно ничего гордоновскаго не было; онъ отличался отъ Гордона многими своими чертами, какъ-то: страстью къ наукѣ, внимательностью къ мелочамъ, либеральнымъ и гуманнымъ отношеніемъ къ людямъ, высокимъ стремленіемъ научить людей тому, что можетъ принесть имъ пользу въ практической жизни, и благородными надеждами на будущность той страны, которая стала поприщемъ его дѣятельности.

Но какъ не искренно онъ намъ нравился, въ нашихъ умахъ невольно зародилось подозрѣніе, что у него не все такъ просто и ладно

какъ показалось намъ вначалѣ. Онъ прислалъ однажды для переговоровъ со мною одного чиновника и одного поручика египетской службы. Каково-же было мое удивленіе, когда оба начали ругать его усерднѣйшимъ образомъ, причемъ каждое ихъ слово такъ и дышало ненавистью и неописуемымъ презрѣніемъ!

Потомъ одинъ изъ суданскихъ капитановъ повѣдалъ мнѣ исторію возмущенія 1-го батальона, случившагося вскорѣ по отъѣздѣ доктора Юнкера. Эминъ бѣжалъ изъ мѣстъ расположенія 1-го батальона и никогда больше туда не показывался. Но 2-й батальонъ, какъ мнѣ сказали, оставался ему вѣренъ, а въ немъ насчитывалось до 650 ружей; вѣрны ему были также иррегулярныя войска, числомъ до 3.000 человѣкъ. Стало быть, онъ располагалъ еще очень значительными силами, и положеніе его могло считаться вполнѣ прочнымъ, покуда второй батальонъ и иррегулярныя оставались при немъ.

Потомъ онъ познакомилъ меня съ маіоромъ и нѣсколькими капитанами 2-го батальона и однажды говоритъ при мнѣ маіору:

— Вотъ обѣщайте мнѣ при мистерѣ Стэнли, что дадите сорокъ человѣкъ на постройку той маленькой станціи, которую мистеръ Стэнли совѣтуетъ намъ завести.—Я тогда же подумалъ, что со стороны губернатора это довольно странная просьба, и какъ ни старался увѣрить себя что это пустяки, но съ тѣхъ поръ по неволѣ часто вспоминалъ объ этомъ. Однако, по недостатку откровенныхъ объясненій съ его стороны, этотъ эпизодъ остался загадочнымъ для меня.

Понемногу, однако-же, всѣ мы были поражены чрезвычайною нерѣшительностью, сопровождавшею всѣ поступки паши. Но такъ какъ мы ничѣмъ не могли себѣ объяснить этого, наши симпатіи постоянно были на его сторонѣ. Мы совсѣмъ не принимали въ разсчетъ 1-го батальона, но находили, что если 2-й батальонъ и иррегулярныя войска вѣрны пашѣ и въ то же время рѣшительно не хотятъ уходить изъ области, то съ его стороны было бы просто жестоко покидать ихъ. Коли и было нѣсколько египтянъ, неутомимыхъ интригановъ и бунтовщиковъ, желавшихъ возвратиться на родину, это было не важно. Паша намекалъ намъ, что былъ-бы даже радъ, если-бы они ушли. Но если предположить, что большая часть войскъ ему предана, что эти люди предпочитаютъ Экваторію Египту, что паша любитъ свое дѣло, откуда-же такая нерѣшительность?

Если египетское правительство намѣрено было отказаться отъ его услугъ, что за дѣло? Развѣ я не предлагалъ ему тотчасъ-же, взамѣнъ Египта, ежегодную субсидію въ 120.000 рублей и пятнадцать тысячъ рублей жалованья?

Или, если ему не хотѣлось служить только Египту, и онъ былъ-

бы не прочь поселиться въ другой части той-же Экваторіи, но подъ англійскимъ флагомъ, развѣ это не было-бы для него гораздо выгоднѣе, въ смыслѣ правильныхъ сообщеній съ цивилизованнымъ міромъ и несомнѣнной поддержки?

Говоря о войскѣ, т. е. о второмъ баталіонѣ и объ иррегулярныхъ, Эминъ-паша всегда выражалъ убѣжденіе въ ихъ непоколебимой вѣрности и свою твердую увѣренность въ томъ, что если онъ возмется служить подъ англійскимъ флагомъ, они непремѣнно за нимъ послѣдуютъ. Онъ говорилъ также, что изъ всѣхъ сдѣланныхъ ему предложеній, это безспорно наилучшее. И такъ, предполагая что войско ему вѣрно, что солдаты пойдутъ за нимъ куда угодно, и зная что самое предложеніе ему нравится, какая-же причина его колебаній?

Вынужденные предпринять съизнова утомительный походъ въ Баналію, а по возвращеніи оттуда въ фортъ Бодо продѣлать двойные переходы отъ форта до Итури, мы въ третій разъ пришли на Ніанзу, пробывъ въ отсутствіи восемь съ половиною мѣсяцевъ, и тутъ вдругъ узнали, что предметъ всѣхъ нашихъ трудовъ и заботъ — въ плѣну, что войско, которое считалось вполнѣ ему преданнымъ и которому онъ беззавѣтно вѣрилъ, взбунтовалось и лишило его власти. Услыхавъ объ этомъ, мы были возмущены, изумлены и сильно опечалены. А для него, было ли это неожиданностью?

Перечитывая теперь его письма и уже зная то, что мы знаемъ, можно прослѣдить, что онъ не разъ намекалъ на какія-то смуты и несогласія въ средѣ войскъ, но мы были тогда на столько ослѣплены благодушными воззрѣніями его на подобные факты, что не придавали имъ никакого значенія. Въ Европѣ думали, что это лишь случайныя проявленія минутнаго недовольства; въ Африкѣ мы полагали что дѣло идетъ только о первомъ баталіонѣ. Докторъ Юнкеръ считалъ ихъ на столько мелкими, что даже вовсе о нихъ не упоминалъ; онъ выразилъ только сомнѣніе въ томъ, что Эминъ захочетъ отказаться отъ своей цивилизующей миссіи и удовольствуется пассивной ролью отставного паши въ Египтѣ; отсюда возникло и сомнѣніе, выраженное въ письмѣ хедива: «Коли хочешь, можешь воспользоваться охраною мистера Стэнли, а не хочешь — оставайся въ Африкѣ на свой страхъ». — Но мистеръ Джефсонъ, оставшійся при Эминѣ на время нашего отсутствія, какъ только очутился въ военныхъ кругахъ Экваторіи, такъ и увидѣлъ, что паша скрывалъ отъ насъ «настоящее положеніе дѣлъ». Неудовольствіе мистера Джефсона достигло крайнихъ предѣловъ, когда онъ очутился также въ плѣну и на досугѣ могъ сообразить, что вѣдь ему угрожаетъ перспектива быть отведеннымъ въ Хартумъ и тамъ показываться на улицахъ въ торжественной процессіи, въ качествѣ ха-

лифова невольника; да и мнѣ позволительно быть недовольнымъ, когда я имѣю неоспоримыя доказательства того, что всего этого могло-бы не быть, если бы со стороны паши побольше было откровенности и поменьше недомолвокъ.

Если бы паша сказалъ мнѣ просто, что не можетъ увести войска въ Египетъ, не можетъ принять жалованья и субсидіи, ему предлагаемыхъ, ни службы подъ покровительствомъ Англіи, потому что войско давнымъ давно его не слушается и находится въ состояніи хроническаго броженія, что ни на одну роту онъ навѣрное положиться не можетъ, — тогда мы придумали бы что нибудь другое. Едва-ли не лучшее было бы аттаковать каждое изъ поселеній по одиночкѣ и постепенно внушить каждому изъ нихъ должное почтеніе къ власти. Со стороны паши на это требовалась только твердая рѣшимость. Начавъ съ Мсуа, мы застали-бы тамъ шестьдесятъ человѣкъ гарнизона, подъ начальствомъ Шукри-Аги, которые до тѣхъ поръ никогда еще не были замѣшаны ни въ одномъ безчестномъ дѣлѣ. Этотъ отрядъ можно было посадить на пароходы вмѣстѣ съ нашими тремя сотнями и идти прямо на Тенгуру. Съ этою станціей можно-бы покончить дѣло въ полчаса, сопротивляющихся разстрѣлять, и отправляться дальше; придя въ Уаделаи уже во всеоружіи власти и побѣды, можно-бы овладѣть имъ безъ кровопролитія, казнивъ только зачинщиковъ. Слухъ о нашемъ успѣхѣ распространился бы мгновенно и остальныя станціи были бы такъ напуганы, что повсюду намъ сдались бы на капитуляцію. Тѣснимые съ сѣвера махдистами, а съ юга имѣя дѣло съ колонною рѣшительныхъ людей, которые неуклонно идутъ впередъ, бунтовщики очутились бы между двухъ огней и имъ поневолѣ пришлось-бы сдаться или тѣмъ, или другимъ.

Но предположивъ, что все это было продѣлано, спрашивается, къ чему? Эминъ паша, снова облеченный властью, не нуждался-бы въ насъ болѣе и мы возвратились-бы по домамъ. А тогда что? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ паша опять оказался-бы въ отчаянномъ положеніи, безъ средствъ къ оборонѣ, понадобилось-бы снова собирать по подпискѣ триста тысячъ рублей, снаряжать новую экспедицію, и такъ далѣе, изъ году въ годъ жертвовать сотнями человѣческихъ жизней и громадными суммами денегъ. Когда страна расположена такъ далеко отъ морскихъ береговъ и окружена такими воинственными народами, не считая другихъ многочисленныхъ неудобствъ, то будь ея почва хоть изъ серебрянаго песку, и то не окупились бы эти экспедиціи. Однако, если бы паша пожелалъ совершить такой походъ и твердо стоялъ-бы на своемъ, не наше дѣло было бы обсуждать мудрость его политики: наше дѣло было-бы помогать ему всѣми силами и привесть въ исполненіе его планъ.

Что-же это было, самъ-ли паша себя обманывалъ, или насъ хотѣлъ обмануть? Я думаю, что онъ самъ ошибался, подъ вліяніемъ природнаго оптимизма и довѣрчивости, охотно поддаваясь внѣшнимъ проявленіямъ послушанія и покорности. Сами продувные египтяне прониклись сознаніемъ, что вся ихъ сила заключается въ той легкости, съ которой они получаютъ прощеніе своихъ грѣховъ единственно съ помощью холопства. Не слишкомъ-ли рѣзко я выражаюсь? Такъ я позволю себѣ попросту сказать, что по своей добротѣ Эминъ способенъ простить все на свѣтѣ, лишь-бы съумѣли польстить его самолюбію. Хитрые египтяне знали, что стóитъ принять видъ приниженный и убитый — онъ смягчится, а если расцѣловать его руки — проститъ, и забудетъ все. Онъ слишкомъ мало наказывалъ, и слишкомъ много прощалъ. У него натура до крайности чувствительная, воспріимчивая, нѣжная, и египтяне этимъ пользовались въ широкихъ размѣрахъ. Векиль имѣлъ причины быть ему особенно благодарнымъ. Авашъ-Эффенди, маіоръ 2-го баталіона, въ письмѣ къ мятежникамъ (которое чуть-ли и теперь не находится въ рукахъ паши) уговаривалъ ихъ назначить его мудиромъ, вмѣсто Эмина, и однакожъ паша ни однимъ словомъ не упрекнулъ его за это. Азра-Эффенди кричалъ что грамота хедива подложная, но паша и на это не намекнулъ ни разу и мы благополучно доставили Азру къ морскому берегу.

Справедливость требуетъ сказать, что многія отличныя качества и благородныя стремленія Эмина ничуть не хуже и не ниже тѣхъ другихъ, которыхъ у него нѣтъ. Каждый человѣкъ, въ силу своихъ внутреннихъ побужденій старающійся дѣлать добро и этимъ удовлетворяющій велѣніямъ своей совѣсти, бываетъ равнодушенъ ко всякимъ другимъ соображеніямъ; а это и есть главное достоинство паши и потому именно до такой степени пріятно бывать въ его обществѣ въ тѣ минуты, когда онъ избавленъ отъ необходимости прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ. Изъ его манеры и обращенія мы о немъ больше узнали, чѣмъ изъ его рѣчей. Когда онъ уныло покачивалъ головой, поднявъ руку и закатывая глаза, когда слегка пожималъ плечомъ, на его серьезномъ и спокойномъ лицѣ можно было прочесть: «Къ чему это? Вы видите, что я спокоенъ. Я не люблю насилія. Оставьте ихъ въ покоѣ. Зачѣмъ принуждать? Вѣдь они сами знаютъ, что во всѣ эти долгіе годы я только и думалъ о ихъ благѣ. Если и послѣ этого они меня выталкиваютъ, неужели я буду имъ навязываться со своими идеями?» — Ничего такого Эминъ никогда не выговаривалъ, но именно это можно было извлечь изъ его жестовъ и манеръ.

Весьма вѣроятно, что его страсть къ занятіямъ, ведущимъ къ расширенію познаній, а также плохое зрѣніе сдѣлали его неспособ-

нымъ къ выполненію тѣхъ суровыхъ обязанностей, которыя, по нашему мнѣнію, были неразлучны съ его оффиціальнымъ положеніемъ. Но нельзя-же порицать его за то, что онъ предпочиталъ научныя занятія дѣятельности губернатора и, въ силу своихъ природныхъ вкусовъ, ставилъ титулъ доктора медицины выше титула паши, или еще за то, что у него были слабы глаза, наклонность къ катаракту и крайне плохое зрѣніе. Если онъ могъ читать не иначе, какъ поднеся книгу на вершокъ отъ лица, онъ былъ физически неспособенъ наблюдать выраженіе человѣческихъ лицъ и не могъ, слѣдовательно, знать, когда на него смотрятъ презрительно, а когда въ глазахъ собесѣдника сіяетъ чистая преданность.

Каковы-бы ни были мои личныя воззрѣнія на обязанности, сопряженныя съ его положеніемъ, я никогда не могъ отказать ему въ высокомъ уваженіи. Въ такія минуты, когда его жизнь и судьба висятъ на волоскѣ, я не могу безъ нѣкотораго благоговѣйнаго удивленія видѣть какъ онъ не пропускаетъ случая обогатить свои коллекціи какими нибудь озерными раковинами, радуется пріобрѣтенію странной птицы, совсѣмъ не изящной и не красивой, и съ одинаковымъ интересомъ и рвеніемъ разсматриваетъ новый видъ крысы и измѣряетъ человѣческій черепъ. Стоитъ показать ему диковинную бабочку или жука, или принесть змѣю, и онъ мгновенно позабываетъ, что надъ нимъ назначенъ военный судъ, что въ эту самую минуту можетъ быть его приговариваютъ къ смерти, и ему совершенно все равно, позовутъ-ли его сейчасъ, чтобы разстрѣливать, или только привяжутъ къ носилкамъ и утащутъ въ Хартумъ, въ подарокъ халифу. По мѣрѣ того какъ узнаешь подобные факты и начинаешь понимать этого человѣка, то какъ ни дивишься такимъ странностямъ человѣческой природы, а всетаки чувствуешь, что готовъ ради его приносить всяческія жертвы.

Нельзя-же насильно спасать его отъ него самого и не спросясь нарушать его любимыя грезы. Тому препятствуетъ самое его положеніе, да и данное намъ порученіе насъ къ тому не обязываетъ. Для насъ онъ покуда никто иной какъ почетный гость, относительно котораго всякая грубость или рѣзкость неумѣстна. И пока онъ самъ не проситъ помощи—мы не имѣемъ права предлагать ее.

Съ нашей точки зрѣнія паша, съ полнымъ спокойствіемъ и ясностію духа, окруженный бунтовщиками и интриганами, живетъ въ этой атмосферѣ коварства и злобы, повидимому безсознательно, или покрайней мѣрѣ съ большею наклонностью къ покорности судьбѣ, нежели къ сопротивленію. Каждый изъ насъ чувствуетъ, что если бы былъ на его мѣстѣ, мигомъ перевернулъ бы вверхъ дномъ всѣ эти

хитросплетенія и однимъ рѣшительнымъ ударомъ стяжалъ-бы себѣ снова и свободу и главенство. Но глядя на него и видя какъ онъ погруженъ въ свои мечты, какъ искренно принимаетъ холопскую униженность и льстивыя манеры своихъ лукавыхъ челядинцевъ за глубочайшую преданность, видя какъ его кругомъ опутали плутовствомъ и обманами, а онъ все это считаетъ честностью, мы можемъ лишь въ изумленіи переглядываться между собою и дивиться молча. На наше несчастіе, что̀ мы ни говорили, какъ ни старались внушить ему нашу увѣренность, что положеніе вполнѣ безнадежное, что его народъ предалъ его и отступился отъ него окончательно, — ничто не помогало. Нельзя-же было въ глаза сказать ему что люди смотрятъ на него съ пренебреженіемъ, прозвали его «чучельникомъ», считаютъ что для него жуки гораздо важнѣе людей; что они только потому оказываютъ ему внѣшніе знаки почтительности, что думаютъ этимъ потѣшить его. Такія вещи не говорятся; однако Нельсонъ, ненавидящій всякое подобіе обмана, прямо и безъ обиняковъ говорилъ ему, что онъ ошибается въ своихъ людяхъ; и Пэркъ пробовалъ его разочаровывать, и Джефсонъ доказывалъ фактически, и наконецъ Стэрсъ ставилъ ему на видъ явныя доказательства ихъ коварства. Но каждый разъ какъ эти энергическіе юноши, изъ чистаго состраданія и пріязни пытались предупредить пашу на счетъ тѣхъ или другихъ лицъ, онъ находилъ для нихъ тысячу извиненій и всячески выгораживалъ своихъ офицеровъ, такъ что у моихъ руки опускались. Лучше не передавать того, что они говорили и чувствовали, послѣ каждой такой безуспѣшной попытки возвращаясь ко мнѣ.

Паша говорилъ: «вѣдь я знаю своихъ людей лучше вашего, я съ ними тринадцать лѣтъ живу, а вы всего тринадцать недѣль какъ ихъ знаете».

На это можно-бы возразить многое, но мы обыкновенно молча глотали свою досаду, все еще помня что онъ губернаторъ! Мы могли-бы, напримѣръ, сказать:—Такъ-то такъ, паша, но вы больше знаете толку въ букашкахъ чѣмъ въ людяхъ. Въ человѣкѣ васъ всего больше интересуетъ анатомія, а насъ его духовная сторона. Вы изучаете черепъ, а мы щупаемъ пульсъ, и убѣждены что ваша вѣра въ этихъ людей совершенно напрасна и вы очень глупо дѣлаете, что такъ беззавѣтно имъ вѣрите.

Однако его неизмѣнное довѣріе къ ихъ воображаемой преданности, его горячность относительно этихъ людей имѣла въ себѣ нѣчто такое возвышенное, что̀ удерживало насъ отъ споровъ. Его довѣрчивость никого изъ насъ не убѣдила, но усиливала наше къ нему расположеніе и можетъ быть даже заронила въ насъ предположеніе, что въ

нихъ должны же быть какія нибудь хорошія качества, хотя мы ихъ и не видимъ.

Я не рѣшаюсь поднять на смѣхъ такія черты, свойственныя натурамъ простодушнымъ и любящимъ. Эминъ-паша, какъ уже сказано, человѣкъ въ высшей степени любезный и хотя-бы изъ благодарности за многіе пріятные часы, проведенные въ его обществѣ, я не посмѣю отзываться о немъ сколько нибудь рѣзко. За тѣ возвышенныя, хотя и несбыточныя надежды, которыя онъ питаетъ, за тѣ усилія, съ которыми онъ стремится ихъ осуществить, онъ достоинъ величайшаго почтенія и уваженія.

Если припомнить по какому случаю онъ попалъ въ Хартумъ, какую должность занималъ тамъ вначалѣ, и какъ изъ врача превратился сперва въ провіантскаго чиновника въ Ладо, а потомъ сдѣлался губернаторомъ африканской Экваторіи, то перестанешь удивляться тому, что его вкусы и наклонности не измѣнились. Исторія трудовой жизни Гордона въ Суданѣ нигдѣ не записана и никогда не будетъ извѣстна. Имя Гордона принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которыхъ англичане не любятъ останавливаться, въ его исторію они не желаютъ вникать. Если бы этого не было, мнѣ было-бы очень интересно узнать, почему при немъ было такъ мало англійскихъ офицеровъ; и еще, отчего тѣ, которые случайно дѣйствовали въ Суданѣ единовременно съ нимъ, не оставались тамъ подольше, а спѣшили убраться? Судя по тому, что мнѣ довелось испытать на Конго, я думаю, что ему бывало очень трудно, пожалуй еще хуже чѣмъ мнѣ; и одною изъ наиважнѣйшихъ его печалей была, я думаю, трудность найти подходящихъ людей, то есть способныхъ, работящихъ и дѣятельныхъ служакъ, надѣленныхъ достаточнымъ запасомъ доброй воли. Въ лицѣ Эмина онъ встрѣтилъ хоть и нѣмца по происхожденію, и притомъ доктора медицины, но зато человѣка трудолюбиваго, вѣжливаго, внимательнаго и любезнаго. Если бы я на Конго столкнулся съ Эминомъ, эти его качества навѣрное плѣнили бы меня, также какъ и Гордона.

Люди, одаренные такими добродѣтелями, встрѣчаются далеко не такъ часто, какъ то воображаютъ иные газетчики. Изъ трехсотъ служащихъ, извѣстныхъ мнѣ на Конго, я едва насчитаю десять человѣкъ, которые по одному слову начальника охотно берутъ на себя данную обязанность и непремѣнно ее исполняютъ. А много-ли такихъ людей было у Гордона? Эминъ былъ во всякомъ случаѣ однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе преданныхъ.

Правда, Эминъ любилъ собирать растенія, занимался орнитологіей, энтомологіей, изучалъ геологію, и своими замѣтками наполнялъ цѣлыя записныя книжки; но въ то же время онъ не упускалъ и дѣловой

переписки. Могу себѣ представить, какъ изысканно вѣжливо относился онъ въ своихъ депешахъ къ генералъ-губернатору, и очень естественно, что этому послѣднему чрезвычайно пріятно было получать эти письма, всегда такія точныя, старательно составленныя, аккуратныя и любезныя. Не удивительно, что Эминъ быстро пошелъ въ гору: изъ провіантскаго надсмотрщика его сдѣлали начальникомъ станціи, потомъ послали съ дипломатическимъ порученіемъ въ Уганду, потомъ предложили мѣсто секретаря; затѣмъ послали представителемъ Гордона при хитромъ и лукавомъ Кабба-Рега, далѣе сдѣлали вице-королемъ и наконецъ назначили губернаторомъ Экваторіи.

Покуда его возвышали и производили, Эминъ выказалъ честолюбіе особаго рода. Ему понадобились сѣмена для воздѣланныхъ полей, онъ обратился за ними къ Гордону и получилъ такой отвѣтъ: «Мнѣ не нужно садовника, я васъ послалъ управлять, а не огороды разводить. Если ваша дѣятельность вамъ не нравится, такъ уходите».

Будь на мѣстѣ Эмина гордый молодой англичанинъ, онъ бы поймалъ Гордона на словѣ, спустился-бы по Нилу до Каира и ушелъ. Но Эминъ только извинился и отвѣчалъ: слушаю, сэръ.—Нѣсколько позднѣе Эминъ проситъ прислать ему фотографическій аппаратъ и ему пишутъ: «васъ послали управлять экваторіальной провинціей, а не фотографировать ее». На это Эминъ отвѣчаетъ:—Очень хорошо, сэръ, благодарю васъ; я исполню свою обязанность. И никогда онъ не жаловался генералъ-губернатору на неисправность почты, не приставалъ къ нему изъ-за провизіи. Что за драгоцѣнный человѣкъ! Безконечно деликатенъ и терпѣливъ. Вотъ это-то и цѣнилъ въ немъ Гордонъ.

Мало по малу хлопоты увеличиваются. Съ 1883 года Эминъ предоставленъ собственнымъ силамъ. Народъ повинуется губернатору, какъ заведенная машина: одна за другой строятся укрѣпленныя станціи и во всемъ видѣнъ мирный прогрессъ. Въ то время все еще ждали, что хартумскій Кромвель вздумаетъ подняться вверхъ по Нилу до Ладо, чтобы собственными глазами видѣть, какъ идутъ дѣла. Люди знали, что Эминъ-бей, ихъ губернаторъ, очень мягкій человѣкъ, а про того, что въ Хартумѣ правилъ, разсказывали, что онъ безъ церемоніи разстрѣливаетъ ослушниковъ. А потому, хотя въ числѣ солдатъ у Эмина не мало арабистовъ, не мало и поклонниковъ новаго пророка Махди, но они сидятъ смирно. Какъ вдругъ проносится слухъ о паденіи Хартума, о томъ что Гордонъ убитъ, что нѣтъ болѣе суроваго правителя и слѣдовательно строгое управленіе упразднено. Тутъ-то мятежъ и поднялъ голову: взбунтовался первый баталіонъ, Эминъ бѣжалъ къ своимъ вѣрнымъ иррегулярнымъ и ко второму баталіону, потомъ и эти возмутились и послѣдовало окончательное распаденіе областнаго

управленія. Но Эминъ оставался все тотъ-же, ни вкусы его не измѣнились, ни характеръ.

Нѣкоторыхъ чертъ, свойственныхъ Эмину, я никогда не могъ разгадать. Я уже говорилъ о томъ, какъ неутомимо и внимательно изучалъ онъ, напримѣръ, растенія, насѣкомыхъ, птицъ, нравы и обычаи людей, такъ что, судя по этому, онъ былъ вполнѣ подготовленъ къ географическимъ изслѣдованіямъ. Каково же было мое удивленіе, когда оказалось, что онъ не объѣзжалъ береговъ озера Альберта. У него было два парохода и двѣ спасательныя лодки, на сѣверо-западномъ берегу озера одна военная станція — Тенгуру, а другая, Мсуа, на полпути отъ сѣвера къ югу по тому же западному берегу. И все-таки онъ никогда не побывалъ въ южномъ концѣ озера, не видалъ южнаго притока, не дѣлалъ промѣровъ съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ, не посѣщалъ береговъ рѣки Итури, которая протекаетъ всего въ двухъ дняхъ ходу отъ Мсуа. Если бы онъ побывалъ тамъ, онъ вѣроятно увидѣлъ-бы снѣговыя вершины горнаго хребта и намъ нечего было бы открывать въ этой странѣ. Въ Монбутту онъ ходилъ, но только по дѣлу: у него тамъ были громадные склады слоновьей кости. Онъ высылалъ военные отряды къ окраинамъ Туркана, два раза побывалъ въ Угандѣ и одинъ разъ въ Уніоро, но ему не пришло въ голову сѣсть на пароходъ и совершить экскурсію къ южной части озера вплоть до марта мѣсяца 1888 года, когда онъ приходилъ провѣрять слухъ о нашемъ прибытіи и тотчасъ-же ушелъ обратно къ своимъ станціямъ.

Императоръ Адріанъ не даромъ писалъ про египтянъ, что это народъ «легкомысленный и ненадежный, волнующійся отъ каждаго слуха, и вообще самое революціонное, безпокойное и порочное племя въ мірѣ».

Будь онъ въ нашемъ лагерѣ, во время несносной стоянки въ Кавалли, онъ бы опять написалъ тоже самое. Революціонныя ихъ замашки мы уже знаемъ и готовы вполнѣ подтвердить приведенный отзывъ. Что они «легкомысленны», это мы тоже доподлинно испытали. «Ненадежны?»—да возможно-ли на нихъ понадѣяться, хоть въ чемъ нибудь? «Волнуются отъ каждаго слуха»... Ну, слухи въ нашемъ лагерѣ роились какъ мухи; ихъ было столько, что отъ нихъ стонъ стоялъ и по малѣйшему поводу они разлетались по всѣмъ угламъ, точно птенцы изъ-подъ насѣдки. Когда приходила почта изъ Уаделаи, люди какъ угорѣлые метались по лагерю, шныряли по хижинамъ и всѣ, отъ мала до велика безъ умолку кудахтали, какъ стая куръ. «Революціонны»... Какъ же! «Всѣ за Араби!—Да здравствуетъ Махди! — Ура! за Фадль-эль-Муллу! — Многая лѣта и одолѣніе враговъ

Селимъ-бею—Матору! А потомъ: «Долой всякое правительство!»—И выходитъ, что это дѣйствительно безпокойное, легкомысленное, ненадежное и порочное племя, которымъ управлять можетъ лишь суровая сила, а отнюдь не любящая и чувствительная душа.

Какъ только разсѣялся спасительный страхъ наказаній, какъ только ослабла карательная рука правосудія, парализованная паденіемъ Хартума и смертью грознаго генералъ-губернатора, такъ эти люди почувствовали, что отдаленность Египта имъ на руку и, вообразивъ себя всесильными, сбросили маску и отвергли всякое подобіе власти надъ собою. Хорошо еще, что паша оставилъ по себѣ такую добрую память въ сердцахъ солдатъ, что они не допустили офицеровъ до тѣхъ крайностей, къ которымъ безсовѣстные люди прибѣгаютъ обыкновенно въ моменты распаденія правительства.

Такъ вотъ какимъ народомъ, искушеннымъ въ обманахъ всякаго рода, лживымъ и глубоко порочнымъ, пришлось управлять этому скромному человѣку, мягкому въ обращеніи и пристрастному къ наукамъ; и онъ управлялъ имъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, совершенно самостоятельно, покуда не началось возстаніе. Объ этомъ періодѣ его управленія рѣшительно нельзя отзываться иначе какъ съ наилучшей стороны. Притомъ не всѣ-же войска были охвачены той маніей сопротивленія начальству, которая свирѣпствовала въ Суданѣ.

Съ сѣвера, запада и востока начали собираться махдисты; они отрѣзали сообщеніе по Нилу и заградили доступъ въ Хартумъ. 7-го мая 1883 года произошла первая бѣдственная стычка: у станціи Эльдель убиты семьдесятъ солдатъ, посланныхъ на выручку осажденнаго гарнизона, который вслѣдъ затѣмъ въ свою очередь также уничтоженъ.

27-го февраля 1884 года Люптонъ, правитель провинціи Бахръ-эль-Газель увѣдомилъ Эмина, что и остальные жители всѣ возстали, а 28-го марта онъ получилъ извѣстіе, что разбита на-голову армія генерала Гиккса.

8-го апрѣля онъ узналъ, что открыто бунтовались округа Уаді-эфенъ, Элейятъ, Іофенъ, Юкна, Кенель и Фэкемъ. 30-го мая Люптонъ-бей, правитель Бахръ-эль-Газеля, пишетъ ему, что Махди подступаетъ къ его главной квартирѣ, находится уже въ шести часахъ пути и прислалъ требованіе сдать ему провинцію, а иначе готовиться къ бою. Черезъ четыре дня Карамалла, котораго тѣмъ временемъ Махди уже назначилъ губернаторомъ Экваторіи на мѣсто Эмина, пишетъ ему приказъ, немедленно сдать провинцію. Люптонъ-бей уже сдался. Военный совѣтъ изъ шести офицеровъ, собравшійся обсудить этотъ важный вопросъ, пришелъ къ заключенію, что Эмину не осталось

никакого выбора и сдаваться необходимо. Чтобы выиграть время, Эминъ выразилъ тогда согласіе съ ихъ мнѣніемъ и послалъ областнаго судью съ нѣсколькими офицерами изъявить свою готовность уступить *).

Но когда военный совѣтъ разошелся, онъ приступилъ къ наилучшему укрѣпленію своихъ станцій и приготовился дать отпоръ Карамаллѣ, тогда только что овладѣвшему Бахръ-эль-Газелемъ. Собравъ гарнизоны со всѣхъ мелкихъ станцій по близости отъ Амади, онъ укрѣпилъ это селеніе въ виду ожидаемой атаки со стороны гордаго военачальника, да и въ своей главной квартирѣ сосредоточилъ значительныя силы. Въ эту критическую минуту онъ былъ въ состояніи отличить, кто изъ его подчиненныхъ наиболѣе преклонялся на сторону Махди, энергически очистилъ войско отъ измѣнниковъ и отдалъ приказъ не щадить предателей, если окажется, что кто нибудь сообщается съ непріятелемъ. Станціи Арбекъ, Аякъ и Уэфи совсѣмъ очистили и стянули силы въ Амади. Во весь слѣдующій мѣсяцъ происходитъ отчаянная борьба. Нѣкоторыя изъ главныхъ станцій такъ хорошо защищаются, что махдисты претерпѣваютъ значительныя потери въ людяхъ и начальникахъ, между тѣмъ, какъ многіе изъ офицеровъ египетской службы позорно покидаютъ свои посты и переходятъ на сторону Карамаллы.

27-го февраля 1885 года, черезъ мѣсяцъ послѣ паденія Хартума, непріятель со всѣхъ сторонъ обложилъ Амади и безпрестанно тревожилъ гарнизонъ нападеніями. 1-го апрѣля, послѣ невѣроятныхъ усилій, Амади наконецъ разрушенъ, съ потерей множества людей, патроновъ, пушекъ, зарядовъ и картечи.

Узнавъ объ этомъ несчастіи, Эминъ принялъ мѣры къ сосредоточенію войскъ по линіи Нила, чтобы обезпечить сношенія съ Египтомъ чрезъ Занзибаръ, тотчасъ основалъ станціи Бирри, Кирри, Едденъ и Реджафъ; изъ солдатъ, оставшихся живыми послѣ кровопролитныхъ стычекъ и сраженій, въ которыхъ они участвовали въ 1883 и 1884 годахъ вплоть до апрѣля 1885 года, сформировалъ онъ восемь отрядовъ по восьмидесяти человѣкъ въ каждомъ, назвалъ ихъ первымъ баталіономъ и командиромъ его назначилъ маіора Реханъ-Ага-Ибрагима.

1-го іюня, очистивъ всѣ мелкія, разсѣянныя по странѣ станціи,

---

*) Многіе офицеры завѣряли меня, что на Эмина всецѣло падаетъ отвѣтственность за изъявленіе готовности сдать провинцію махдистамъ. Что онъ самъ подписалъ такой документъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но мнѣ кажется, что онъ это сдѣлалъ съ цѣлью обмануть Карамаллу, что подтверждается и дальнѣйшими его мѣропріятіями.

набрали достаточное число офицеровъ для сформированія Второго батальона, подъ начальствомъ маіора Авашъ-Эффенди-Монтезира, которому порученъ надзоръ за всѣми южными станціями. Въ депешѣ, отъ 1-го сентября 1885 года, къ египетскому правительству, мы замѣчаемъ первые признаки неудовольствія противъ маіора 1-го батальона. Эминъ пишетъ:

«Кромѣ того, этотъ маіоръ прислалъ мнѣ 200 солдатъ, когда было уже поздно и все было кончено, что произошло отъ его нерѣшительности и сдѣлано притомъ не спросясь моего позволенія; ибо, если и вначалѣ мятежники были сильны, прежде чѣмъ овладѣли пушками и снарядами, то тѣмъ болѣе сильны они теперь. Впрочемъ, такое непослушаніе обратилось у нихъ въ привычку и стало второю натурой» и т. д.... «Но съ помощью милосердаго и великаго Бога, при посредствѣ нашего правительства, во имя досточтимаго государя нашего его высочества хедива, мы до сего дня съ честію поддерживаемъ достоинство нашего правительственнаго флага».

Да, честь египетскаго флага не была затронута, но пролиты цѣлые потоки крови, проявлены чудеса твердости и непоколебимаго мужества и притомъ губернаторъ велъ себя съ такимъ искусствомъ, такъ осторожно и разумно распоряжался своими силами, что значительно сбилъ спѣси у непріятеля и воодушевилъ своихъ собственныхъ солдатъ. Онъ расположилъ войско въ пунктахъ укрѣпленныхъ и прочно защищенныхъ, такъ что могъ продолжать борьбу покуда не пришли еще отвѣтныя депеши отъ Хедива, а не то кликнуть кличъ въ Европу черезъ Занзибаръ и оттуда подождать помощи. Слухи объ этой отважной борьбѣ дошли тогда до насъ и возбудивъ живѣйшеее сочувствіе во мнѣ и въ моихъ товарищахъ, заставили насъ окольными путями поспѣшить въ центральную Африку, на помощь, чтобы выручить его въ случаѣ нужды, а коли надо, то хоть снабдить средствами для самозащиты.

Въ апрѣлѣ 1885 года онъ узнаетъ изъ письма «раба божія Могаммеда-Эль-Махди, сына Абдаллахова» къ другу его Карамаллѣ, сыну шейха Могаммеда—да хранитъ его Богъ! и прочее,—что умерщвленъ этотъ врагъ божій Гордонъ, что Хартумъ взятъ приступомъ, что весь Суданъ—отъ Ладо до водопада Абу-Хамида—находится въ рукахъ махдистовъ и что, слѣдовательно, съ сѣвера нѣтъ никакой надежды получить подкрѣпленіе. Тогда онъ внимательно обдумываетъ свое положеніе и старается выяснить, чего можно ожидать съ юга, востока и запада. На востокѣ Кабба-Рега, властитель Уніоро и подчиненные ему старшины. Туда онъ посылаетъ капитана Казати, въ качествѣ своего представителя и агента. Кабба-Рега считаетъ для

себя выгоднымъ оказывать любезности губернатору; онъ знавалъ его прежде, когда онъ состоялъ на службѣ при особѣ крутого и дѣятельнаго вице-короля хартумскаго, Гордона, а потому принялъ Казати очень хорошо и обласкалъ его. Онъ еще ничего не слышалъ объ удивительныхъ перемѣнахъ, случившихся въ этой части Африки, и не вѣдаетъ о паденіи того правительства, которое и ему навязывало свои законы. Его африканскій умъ такъ туго воспринимаетъ впечатлѣнія, что онъ не скоро можетъ взять въ толкъ значеніе новыхъ событій и движеній, совершающихся съ нимъ рядомъ, и думая только о томъ, какъ бы не прогнѣвить начальство, оказываетъ капитану Казати всякій почетъ и широкое гостепріимство. Но вотъ мало по малу начинаютъ къ нему забѣгать дезертиры, хитрые египтяне и вѣроломные суданцы, со своими ружьями и патронами, и Кабба Рега постепенно вникаетъ въ смыслъ этой отчаянной борьбы и наконецъ догадывается, что начальство, наводившее на него такой страхъ, перестало существовать.

2-го января 1886 года докторъ Юнкеръ переплываетъ озеро Альберта и является въ гавань Кибиро, въ Уніоро. Онъ много лѣтъ путешествовалъ въ Монбутту, изслѣдовалъ бассейнъ Уелле и возвращается на родину. Онъ успѣшно достигаетъ Уганды; по бѣдности, ему дозволяютъ сѣсть на миссіонерскій корабль и привозятъ въ Узамбиро, на южной оконечности озера Викторіи, откуда онъ отправляется прямо въ Занзибаръ и везетъ съ собою письма отъ Эмина. Чрезъ этого путешественника мы впервые узнали въ истинномъ свѣтѣ положеніе паши и услыхали о тѣхъ ужасахъ, которые ждутъ его впереди.

Кабба Рега между тѣмъ притихъ и выжидаетъ, зная что въ концѣ концовъ онъ свое возметъ. Со дня на день, съ недѣли на недѣлю, какъ законный наслѣдникъ ждущій своего ввода во владѣніе, онъ сидитъ преспокойно; оказываетъ даже мелкія любезности губернатору, великодушно позволяетъ ему отправлять и получать почту между Экваторіей и Занзибаромъ, съ его представителемъ обходится очень ласково и вообще повидимому очень къ нимъ благоволитъ. Эминъ такъ имъ доволенъ за это время, что «не нахвалится Кабба Регою» въ своихъ донесеніяхъ. Но вотъ, около 13-го февраля 1888 года Кабба Рега встрепенулся. Онъ прослышалъ о какой-то экспедиціи, пришедшей къ самому озеру, а туземцы по обыкновенію преувеличили ея силы и численность.

Чуть-ли не въ тотъ самый день и часъ, когда экспедиція вспомоществованія стояла на берегу Ніанзы и искала по сторонамъ какихъ нибудь слѣдовъ посѣщенія этихъ мѣстъ бѣлымъ человѣкомъ, капитана Казати схватили, ограбили его жилище, всячески его опозорили, избили и почти совсѣмъ обнаженнаго выгнали вонъ. Съ этой поры Кабба-

Рега сталъ явнымъ врагомъ и запечатлѣлъ свою вражду въ крови Могаммеда-Бири, довѣреннаго человѣка Эмина, заправлявшаго почтовымъ сообщеніемъ съ Обществомъ Христіанскихъ Миссіонеровъ въ Угандѣ.

На западъ тянется громадная пустыня, простирающаяся отъ Экваторіи до Конго и о которой ровно ничего неизвѣстно. Къ югу тянется страна, на географическихъ картахъ также ничѣмъ не отмѣченная; такъ что, куда ни обернись — не откуда ждать помощи; а пробивать себѣ новый путь съ людьми неподготовленными къ подобнымъ трудамъ, лѣнивыми и боящимися неизвѣстнаго, нечего и думать. Слѣдовательно, Эмину оставалось только ждать, какое впечатлѣніе произведутъ въ Европѣ рѣчи Юнкера и его собственныя депеши.

Но Эминъ все таки не остается безъ дѣла. Побѣда надъ бунтовщиками и махдистами въ Маккаракѣ доставила ему перемиріе: Карамалла его больше не трогаетъ. Къ югу отъ Уаделаи онъ выстроилъ Тенгуру и Мсуа, и хотя первый баталіонъ давно ему не подвластенъ, но второй баталіонъ и иррегулярныя по своему еще вѣрны ему. И вотъ онъ распространяетъ земледѣліе, занимается посѣвами и разсаживаніемъ хлопка, выдѣлываніемъ изъ него тканей, переѣзжаетъ съ одной станціи на другую, заводитъ дружбу съ сосѣдними дикарями, и своею тактичностью поддерживаетъ призракъ исправнаго управленія страною.

Но есть вещи, которыхъ онъ не можетъ сдѣлать, какъ напримѣръ: уничтожить зло уже сдѣланное. Онъ не можетъ искоренить дурныхъ наклонностей въ своихъ людяхъ и съ помощью своей умѣренности и правосудія усмирить злобныя страсти, возбужденныя переворотомъ въ Суданѣ. Онъ можетъ лишь оттянуть время, отложить часъ возстанія. Онъ одинъ долженъ противустоять вліянію офицеровъ перваго баталіона и нѣсколькихъ сотенъ египетскихъ чиновниковъ, разсѣянныхъ по всему пространству провинціи; а они своими коварными совѣтами переворачиваютъ вверхъ дномъ каждую комбинацію паши, каждое его мѣропріятіе и такимъ образомъ парализуютъ всѣ его старанія. Между прочимъ, онъ очень хотѣлъ бы измѣнить способъ обращенія съ туземцами, но на это одной его воли недостаточно. По всему Судану издавна заведенъ былъ обычай требовать съ населенія контрибуцію во всѣхъ видахъ: рогатымъ скотомъ, овцами, зерномъ, невольниками; да кромѣ того, если чего нибудь не доставало, силою оружія заставляли туземцевъ поставлять всякую всячину. А такія потребности, къ несчастію, возникали постоянно и имъ конца не было. Офицеровъ нельзя-же было ограничить извѣстнымъ штатомъ: каждый имѣлъ по три или по четыре жены, помимо наложницъ, и для всѣхъ этихъ дамъ надо было держать женскую прислугу. Для домашняго обихода одного Фадль-эль-Муллы-бея понадобилась дворня въ сто человѣкъ—

мужчинъ, женщинъ, дѣвушекъ и мальчиковъ. У солдатъ также жены, слѣдовательно, тоже нужны невольницы, а по мѣрѣ того, какъ мальчики подростаютъ, и для нихъ опять нуженъ особый штатъ, и на всѣхъ туземцы должны поставлять женщинъ и дѣтей обоего пола.

Въ 1-мъ баталіонѣ 650 человѣкъ (офицеровъ и солдатъ), во второмъ столько же. Иррегулярныхъ около трехъ тысячъ; кромѣ того цѣлая ватага чиновниковъ, писарей, провіантскихъ, мастеровыхъ, машинистовъ, лоцмановъ, матросовъ. Имъ тоже нужны и жены, и невольники, и прокармливаютъ ихъ все тѣ-же туземцы, которые ровно ничего не получаютъ взамѣнъ. Разсказываютъ, что въ одинъ набѣгъ набирали до 8.000 головъ скота; но паша говоритъ, что при немъ ни разу не захватывали болѣе 1.600 головъ. Зато такіе набѣги и захваты не рѣдкость: у каждой станціи и укрѣпленія должны быть свои стада, а ихъ четырнадцать. Шукри-Ага, комендантъ въ Мсуа, неутомимо дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ. Конечно, паша засталъ такое положеніе дѣлъ установившимся, когда пришелъ въ свою провинцію. Это практиковалось уже давно и тяжелымъ ярмомъ лежало на мѣстномъ населеніи. Эминъ, тѣснимый съ одной стороны Карамаллой, а съ другой стороны видя, что духъ мятежа подобно эпидемической болѣзни заразилъ его подчиненныхъ, находился въ величайшемъ затрудненіи и ничего не могъ подѣлать съ ними. Но изъ этого становится понятно, почему туземцы, столько лѣтъ переносившіе тяготы египетскаго управленія, съ такимъ восторгомъ привѣтствовали появленіе махдистовъ и присоединились къ нимъ для истребленія египтянъ, въ ужасѣ разбѣгавшихся изъ разрушенныхъ укрѣпленій провинціи. Если правительство области Конго позабудетъ свои обязанности относительно подданныхъ и будетъ смотрѣть сквозь пальцы на вымогательства и хищническіе набѣги, можно быть увѣреннымъ, что и съ нимъ случится тоже, что съ египетскимъ управленіемъ въ Суданѣ, т. е. оно навѣрное распадется, и притомъ такъ же внезапно и окончательно.

Я не берусь писать исторію этихъ злополучныхъ странъ, столько лѣтъ уже предоставленныхъ на жертву самымъ низкимъ страстямъ, къ какимъ способна человѣческая природа; но упоминая вскользь о томъ, что мнѣ лично извѣстно, я желалъ бы заинтересовать читателя судьбою Эмина паши и представить его положеніе въ истинномъ свѣтѣ. Этотъ одинокій человѣкъ предпринялъ дѣло столь же невыполнимое и невозможное, какъ то, которое взялъ на себя Гордонъ, отправившійся въ Хартумъ въ 1884 году на выручку суданскихъ гарнизоновъ. Онъ совершилъ не мало отважныхъ дѣлъ, но всего больше отваги нужно ему было въ то время, когда этотъ тихій и серьезный человѣкъ жилъ среди разнузданнаго народа и долженъ былъ видѣть, какъ

его подданныхъ обирали и грабили всякій разъ, какъ тотъ или другой изъ офицеровъ находилъ свое хозяйство недовольно обезпеченнымъ и отправлялся пошарить у сосѣдей. Паша отлично зналъ, какъ это дѣлается, онъ зналъ, что когда идетъ такая экспедиція, то будутъ и стрѣлять, и грабить, зналъ, что уничтожаютъ цѣлыя деревни и вырѣзываютъ домохозяевъ; что вслѣдъ за табунами отнятаго скота пригонятъ цѣлыя вереницы плѣнныхъ женщинъ и дѣтей и тогда начнется дѣлежъ добычи; и зная все это, онъ ничего не можетъ сдѣлать для прекращенія насилій и жестокости. Это невозможно! У него нѣтъ столько денегъ или тканей, чтобы купить достаточно провіанта на всѣхъ служащихъ, и если они спросятъ, чѣмъ-же имъ жить, что̀ можетъ онъ отвѣтить имъ? Правда, почва плодородна и щедро вознаграждаетъ за трудъ, но указывать имъ на это совершенно безполезно. Они обработываютъ землю подъ хлопокъ и разводятъ огороды для кухонныхъ овощей, потому что туземцы этого не умѣютъ; но что до зерна на хлѣбъ, что до скота на мясо, это ужь туземцы обязаны доставлять тѣмъ, кто почище ихъ. Онъ единственный человѣкъ во всей провинціи, считающій, что такая система есть великое зло, но онъ не можетъ заставить остальныхъ думать по своему, а потому и терпитъ это зло, наравнѣ съ многими другими. Ясно, что хорошее управленіе при такихъ обстоятельствахъ немыслимо: оно съ самаго начала было основано на пролитіи крови, на насиліи и подобно всѣмъ другимъ правленіямъ, которыя изстари основывались на тѣхъ же началахъ, заранѣе обречено на безслѣдную погибель.

Нелишнее будетъ въ концѣ этой главы привести слѣдующіе документы, полученные чрезъ сэръ Френсиса Гренфеля, сердаря египетскаго. Кому интересно прослѣдить причины описанныхъ событій, тотъ найдетъ въ этихъ документахъ несомнѣнныя доказательства того, что непріятель имѣлъ постоянныя сношенія съ бунтовавшими офицерами. Мои догадки такимъ образомъ подтверждаются. Здѣсь окончательно выясняется тотъ фактъ, что отправляясь къ пашѣ въ Тенгуру, вымаливая его прощеніе, предлагая ему возвратиться на свой высокій постъ и прося его проводить ихъ ко мнѣ, мятежники все время имѣли въ виду низкій замыселъ обмануть насъ и предать въ руки махдистовъ. Благодаря Джефсону, который все замѣчалъ и записывалъ, а также и собственной ихъ неловкости, Омару-Сале не удалось поймать «того другого путешественника, пришедшаго къ Эмину», котораго ему такъ хотѣлось изловить и отправить на позорище въ Хартумъ,—и если онъ объ этомъ сожалѣетъ, то не могу сказать, чтобы я ему сочувствовалъ.

Письмо Османа-Дигна къ генералъ-губернатору въ Суакимъ.

«Во имя Бога великаго и пр. пр.

«Отъ Османа-Дигна къ христіанскому губернатору въ Суакимъ.

Извѣщаю тебя, что не такъ давно получилъ я письмо отъ Рундля; онъ спрашиваетъ меня о человѣкѣ, который былъ губернаторомъ въ экваторіальной провинціи. Когда это письмо дошло въ мои руки, я тотчасъ отослалъ его къ халифу—да будетъ съ нимъ миръ и т. д. Халифъ отвѣтилъ мнѣ и увѣдомилъ, что означенный губернаторъ Экваторіи попалъ въ наши руки и въ настоящее время состоитъ въ числѣ подданныхъ Махди. Халифъ посылалъ пароходы къ Экватору, подъ начальствомъ одного изъ нашихъ старшинъ, по имени Омаръ-Сале; они приплыли въ Ладо и тамъ оказалось, что мѣстныя войска, состоявшія изъ воиновъ и ихъ начальниковъ, сами схватили своего губернатора и одного путешественника, бывшаго съ нимъ. Они заковали ихъ въ цѣпи и отдали въ руки нашего начальника. Теперь вся провинція въ нашихъ рукахъ и всѣ жители покорились нашему Махди. Мы захватили бывшее тамъ оружіе и боевые снаряды; привели также офицеровъ и старшаго чиновника къ халифу, который принялъ ихъ благосклонно и оставилъ при себѣ. Они передали ему всѣ свои знамена.

«А потому, какъ Рундль желаетъ узнать что сталось съ этимъ губернаторомъ, ты ему передай, что я тебѣ повѣдалъ.

«Прилагаю при семъ копію съ письма, которое нашъ начальникъ въ Экваторіи прислалъ къ халифу, а также копію съ того письма, которое Тевфикъ прислалъ упомянутому губернатору.

«Посылаю тебѣ также дюжину патроновъ, изъ тѣхъ что привезены съ Экватора. Хвала Богу за побѣду надъ еретиками, за побіеніе невѣрныхъ.

(Приложена печать).

Присланные патроны оказались снейдеровскаго образца, помѣчены 1869-мъ годомъ и сохранились въ полной исправности. При документѣ были приложены еще два письма: изъ нихъ одно его превосходительство сердарь призналъ за копію съ того самаго, которое его высочество хедивъ вручилъ мистеру Стэнли передъ отъѣздомъ его изъ Каира.

Второе—копія съ письма Омара-Сале къ халифу, отъ 15-го октября 1888 года,—слѣдующаго содержанія:

«Мы отправились съ войскомъ и пароходами и пришли въ городъ Ладо, гдѣ живетъ Эминъ, мудиръ Экваторіи, 5-го Сафара 1306 (т. е. 10-го октября 1888 г.). Мы должны быть благодарны офицерамъ и людямъ, облегчившимъ намъ побѣду, ибо они сами схватили

Эмина и бывшаго при немъ путешественника, обоихъ заключили въ оковы и отказались идти въ Египетъ съ турками.

«Тевфикъ прислалъ къ Эмину одного изъ путешественниковъ, котораго зовутъ мистеръ Стэнли. Этотъ мистеръ Стэнли привезъ Эмину отъ Тевфика письмо, отъ 8-го Гамадъ-Аваля (см. письмо хедива), съ приглашеніемъ придти вмѣстѣ съ мистеромъ Стэнли, а остальному войску предоставить на выборъ, идти-ли за нимъ или оставаться здѣсь, по желанію.

«Войско отказалось исполнять турецкія повелѣнія и приняло насъ съ радостью. Я здѣсь нашелъ много слоновой кости и перьевъ. При семъ посылаю офицеровъ и главнаго писца на кораблѣ «Бордеинъ», подъ командой Могаммеда Кейра. Посылаю также письмо отъ Тевфика къ Эмину и всѣ знамена, отнятыя нами у турокъ.

«Я слыхалъ, что къ Эмину пришелъ еще другой путешественникъ. Я его розыскиваю и если онъ воротится, то непремѣнно поймаю.

«Всѣ старшины провинціи и все населеніе въ восхищеніи отъ нашего прихода. Я захватилъ все оружіе и снаряды. Когда ты повидаешь офицеровъ и главнаго писца и передашь имъ необходимыя указанія, прошу тебя пришли ихъ обратно, ибо они мнѣ будутъ здѣсь очень полезны».

«Съ подлиннымъ вѣрно. (Подписалъ Т. Р. Уингэтъ)».

Глава XXVIII.

НА ОЗЕРО АЛЬБЕРТЪ-ЭДУАРДЪ-НІАНЗА.

Описаніе пути отъ Бундегунды.—Открывается видъ на двойную вершину горъ Руэнцори.—Дорога въ Утинде.—Египетскіе офицеры оскорбляютъ командира нашего арріергарда; я издаю строгій приказъ.—Кайбуга понуждаетъ насъ воевать съ жителями Ухобо.—Стычка съ непріятелемъ: убитъ Экили, слуга капитана Казати.—Описаніе хребта Руэнцори, виднаго изъ селенія Мбога.—Джефсонъ все еще нездоровъ.—Маленькій бѣглецъ Тукеби.—Капитанъ Нельсонъ ищетъ переправы черезъ Семлики.—Приходимъ на рѣку Семлики: ея описаніе.—Уледи и Саатъ-Тато отправляются вплавь на другой берегъ за челнокомъ.—На насъ нападаетъ шайка Уара-Сура.—Благополучная переправа черезъ рѣку.—Въ лѣсу Авамба.—Переходъ до Бекикунди.—Встрѣча съ нѣсколькими Бондуэ, коренными обитателями лѣса.—Египтяне и ихъ домочадцы.—Разговоръ съ Эминомъ-пашой.—Неизвѣданныя страны Африки.—Обиліе пищи.—Руэнцори, со склоновъ Угарамы.—Туземныя женщины сообщаютъ свѣдѣнія о мѣстности.—Старикъ въ Батумѣ.—Въ Букоко встрѣчаемъ шайку маньюмовъ: ихъ объясненія.—Изъ Бекокоро приходимъ ко Мтарега, у подошвы горъ Руэнцори.—Лейтенантъ Стэрсъ съ небольшимъ отрядомъ предпринимаетъ экскурсію въ Лунныя Горы.—Рапортъ лейтенанта Стэрса.—Долина Семлики.—Долина Реми-Люлю.—Прелесть тропическаго лѣса.—Деревни на расчисткахъ Улегга.—Старшина Укондджу изъявляетъ покорность.—Мѣстныя свѣдѣнія, сообщенныя нашими новыми пріятелями Уакондджу.—Описаніе племени Уакондджу.—Рѣка Семлики.—Видъ на Руэнцори отъ Мцоры.—Приходимъ въ округъ Мухамба и на другой день ночуемъ въ Керими.—Поимка жирныхъ быковъ уарасурьскаго начальника Рукара.—Зериба Рузессэ.—Въ первый разъ видимъ озеро Альбертъ-Эдуардъ-Ніанзу.

Выйдя изъ Будегунды 9-го мая, мы пошли къ югу, вдоль западныхъ склоновъ той широкой группы горъ, которая населена племенами Балегга и Бандуссума, подвластными Мазамбони. Дорога идетъ чрезъ обширныя поля, засѣянныя бобами, пышными бататами, ямсомъ, колоказіей и сахарнымъ тростникомъ; по обѣимъ сторонамъ густыя заросли великолѣпнѣйшихъ банановъ. Тамъ и сямъ разбросаны деревеньки съ коническими кровлями; слѣдуя проторенной тро-

пѣ, вступаешь то въ чащу высокихъ камышей, то спускаешься къ прозрачнымъ, чистымъ ручьямъ, только что вышедшимъ изъ нѣдръ высокихъ горъ, толпящихся надъ нами; дорожка извивается по участкамъ роскошныхъ пастбищъ, огибаетъ подошву отвѣсныхъ стремнинъ и взбѣгаетъ на отлогіе косогоры. Миляхъ въ пяти отъ насъ на западъ, то есть по правую руку, чернѣетъ дремучій лѣсъ и мы почти все время не теряемъ его изъ виду: онъ то подступаетъ къ намъ длинными мысами, то уходитъ вдаль широкими выемками. Слѣва, очень близко, воздымаются передовые уступы горныхъ громадъ, круто возносящихся въ сѣроватую лазурь туманнаго неба, а передъ нами вдали торжественно возникаютъ цѣпи горныхъ гигантовъ, пересѣченныя глубокими долинами и узкими ущельями, изъ которыхъ вырываются непрерывно журчащіе потоки.

Въ это утро Руэнцори освободился отъ окутывающихъ его облаковъ и тумана: группы вершинъ и остроконечный хребетъ его засіяли ослѣпительной бѣлизной снѣговъ; синева небесъ напоминала оттѣнки океана, до того она была чиста и прозрачна. Далеко, далеко, въ западной части хребта показалась двойная вершина, видѣнная мною въ декабрѣ 1887 года, а на восточномъ концѣ, за грядою болѣе низкаго хребта, рѣзко вставали крутыя, гигантскія вершины Руэнцори собственно, т. е. цѣлая толпа высочайшихъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Дальше къ востоку тянулась прерывистая цѣпь высотъ и долинъ, пиковъ и ущелій, отдѣльныхъ конусовъ и ложбинъ, и все это терялось въ безконечной дали, за отдаленными выступами тѣхъ горъ, у подножія которыхъ мы теперь находились. Сидя въ гамакѣ изъ буйволовой шкуры, повѣшенномъ на плечахъ двухъ носильщиковъ, я до тѣхъ поръ не спуская глазъ всматривался впередъ, что въ тотъ же день начертилъ планъ предстоявшаго намъ пути. На западъ отъ раздвоенной вершины, о которой я уже упоминалъ, горный хребетъ или переходилъ въ равнину, или круто поворачивалъ на юго-юго-западъ. То, что мнѣ было видно, могло быть и выступающимъ угломъ горной массы, и западною ея оконечностью. Намъ предстояло направляться къ подошвѣ двойной вершины и оттуда слѣдовать на югъ въ неизвѣстныя страны, придерживаясь подножія горъ. Проводники, которыхъ теперь было много, неопредѣленно тыкая впередъ своими копьями, восклицали «Уконджу!» и потомъ, слегка подымая концы копій кверху, говорили «Усонгора!»—давая этимъ понять, что видимое нами называется Уконджу, а тамъ, дальше—Усонгора, которой не видать.

Переночевали въ Уджунгуэ и на другой день направились къ Утинде, за семь миль. Долина между горами Балегга и великимъ лѣсомъ замѣтно съуживалась и тропинка угрожала завести насъ въ бо-

лотистыя лощины, заросшія частымъ тростникомъ, или въ топкія мѣста, покрытыя камышами, но перейдя вбродъ черезъ рѣчки Чай и Атуро и черезъ нѣсколько мелкихъ ручьевъ, мы начали подыматься по отлогимъ склонамъ передовыхъ холмовъ Балегга и вскорѣ пришли на высоту 500 футовъ надъ уровнемъ долины.

Съ этой возвышенности мы могли усмотрѣть, что едва опять не попали подъ дремучія тѣни великаго лѣса, который въ этомъ мѣстѣ вдавался далеко поперекъ всей долины и наполнялъ всю низменность. Въ его темныхъ нѣдрахъ рѣки Чай, Атуро и многія другія сливались въ одно общее русло и образовали довольно значительный притокъ Итури.

Влѣво отъ насъ, стоя лицомъ на югъ, виднѣлась глубокая котловина, раздѣленная на множество участковъ воздѣланной земли, принадлежащей округу Утинде. Каждая лощинка, каждая рытвина была какъ бы наполнена длинными плантаціями банановъ. Бобы и кукуруза здѣсь запоздали, потому что были не выше пяти дюймовъ отъ земли, тогда какъ въ Бундегундѣ они были уже ростомъ въ четыре фута и всѣ въ цвѣту.

Египтяне пришли на ночлегъ четырьмя часами позже авангарда и командиръ нашего арріергарда горько жаловался на руготню и насмѣшки, которымъ онъ подвергался со стороны офицеровъ паши: они надъ нимъ издѣвались, дѣлали ему гримасы и такъ упирались, что онъ былъ вынужденъ тащить ихъ насильно. А потому я счелъ за нужное издать слѣдующій приказъ:

«Принимая во вниманіе, что экспедиція вынуждена подвигаться очень медленно и сокращать свои переходы вслѣдствіе даннаго Селимъ-бею обѣщанія, а также и того, что египтяне, суданцы и домочадцы ихъ еще не привыкли къ продолжительной ходьбѣ, а съ другой стороны и я, ихъ предводитель, настолько еще слабъ, что не могу выдержать болѣе двухъ или трехъ часовъ въ день, прошу господъ офицеровъ оказывать всякое снисхожденіе и быть терпѣливыми, но ни подъ какимъ видомъ не позабывать обязанностей, сопряженныхъ съ веденіемъ арріергарда. Они не должны допускать ни отставанья по сторонамъ дороги, ни забѣганія въ деревни, ни воровства, ни безтолковыхъ нападеній на плантаціи, никакого вообще мародерства. Въ каждомъ случаѣ ослушанія и дерзости, кто бы въ оныхъ ни провинился, египетскій ли офицеръ или простой солдатъ, или ихъ прислуга, дежурный командиръ арріергарда обязанъ позвать караульныхъ, связать виновнаго и представить мнѣ для соотвѣтственнаго наказанія. Каждое проявленіе насилія должно вызывать насильственныя мѣры, помощью которыхъ мы будемъ немедленно искоренять его».

Изъ котловины Утинде мы начали подниматься мимо коническихъ вершинъ, возвышавшихся надъ горною цѣпью, которая заграждала ее съ юга и юго-востока; перейдя два другихъ небольшихъ хребта, отдѣленныхъ другъ отъ друга обильно орошенными долинами, мы достигли пространныхъ травянистыхъ луговъ Ухобо, на высотѣ 4.900 футовъ надъ уровнемъ моря. Вскорѣ къ намъ въ лагерь явился Кайбуга, уахумскій старшина, жившій со своими соотчичами въ горахъ Балегга; земли, ими занимаемыя, простираются отъ холмовъ, обращенныхъ къ равнинѣ Кавалли, по южному побережью Ніанзы, до устьевъ рѣки Семлики. Онъ уговаривалъ насъ поспѣшать открытіемъ военныхъ дѣйствій, потому что Ухобо находится уже на земляхъ Кабба-Реги. Мы на это только улыбались, нигдѣ не видя никакихъ слѣдовъ непріятеля, хотя правда, что жители Ухобо сейчасъ скрылись при нашемъ приближеніи. Въ ту же минуту передовой пикетъ далъ намъ знать, что впереди видна колонна воиновъ Кабба-Реги, вооруженныхъ ружьями и идущихъ на насъ. Тотчасъ сформировались два отряда занзибарцевъ подъ начальствомъ лейтенанта Стэрса и капитана Нельсона; послѣдній успѣлъ такъ поправиться во время стоянки въ Кавалли и на хлѣбахъ у Мазамбони, что теперь былъ годенъ на всякое дѣло.

Пройдя двѣ мили, они встрѣтили горсть людей паши, несшихъ трупъ Окили, вѣрнаго слуги капитана Казати, который былъ къ нему сильно привязанъ. Пуля пробила ему лобъ. Оказалось, что суданцы пошли купаться въ рѣчку на югъ отъ Ухобо и войдя въ воду случайно замѣтили уара-суровъ, которые довольно стройною колонной, съ двумя развѣвающимися флагами шли на нихъ и черезъ нѣсколько минутъ могли бы застать ихъ врасплохъ; но суданцы выскочивъ изъ рѣки, поспѣшили одѣться, бросились къ ружьямъ и открыли огонь. Троихъ они положили на мѣстѣ, а съ ихъ стороны былъ убитъ одинъ только Окили. Когда подошли занзибарцы, уара-суры убѣжали; наши преслѣдовали ихъ еще на три мили, но дальнѣйшей перестрѣлки не было.

Ночью была гроза и сильнѣйшій дождь лилъ въ продолженіи семи часовъ кряду, а на утро, направляясь къ Мбога, мы шли окутанные облаками тумана. Однако среди дня громадная масса Руэнцори стала видна гораздо выше слоевъ тумана, подымавшагося со дна глубокой долины Семлики; отъ времени до времени высочайшія вершины притягивали къ себѣ разрозненные клочки облаковъ и окутывая ими свои бѣлыя головы, скрывались изъ вида. По мѣрѣ того, какъ мы съ каждымъ днемъ приближались къ хребту, мы очень удивлялись тому, что вблизи не видно было тѣхъ обширныхъ снѣговыхъ массъ, которыя такъ ясно можно было различить изъ Кавалли; но вскорѣ мы дога-

дались, что снѣговыя горы скрылись отъ насъ за менѣе высокою передовою цѣпью, которая тѣмъ больше заслоняла дальнія вершины, чѣмъ ближе мы къ ней подходили. Мы замѣтили также, что высокій хребетъ въ общемъ имѣетъ форму полумѣсяца: на сѣверномъ его концѣ возвышается гора Эджифъ, а на западномъ углу раздвоенная вершина; за Эджифомъ, который по моему вычисленію не болѣе 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря, начинается постепенный подъемъ хребта къ снѣговой линіи и потомъ внезапно встаютъ гордыя вершины еще отъ двухъ до пяти тысячъ выше, большею частію покрытыя снѣгомъ.

Если бы этотъ округъ Мбого находился не въ экваторіальномъ поясѣ Центральной Африки, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, то видъ отсюда на весь горный пейзажъ былъ бы великолѣпенъ. Въ иномъ климатѣ отсюда долженъ бы открываться весь амфитеатръ, начиная отъ раздвоенной вершины въ правомъ углу до Эджифа налѣво и еще на тридцать миль далѣе на сѣверо-востокъ; но изъ нижней долины непрерывными рядами поднимаются слои паровъ, которые легкими клочками плаваютъ въ воздухѣ, мѣняютъ мѣсто и то тутъ, то сямъ заволакиваютъ очертанія. Между нами и хребтомъ Руэнцори пролегаетъ глубокая долина Семлики, шириною отъ двѣнадцати до двадцати миль. Когда смотримъ на нее съ окраины плато, то кажется, что тамъ въ глубинѣ покоится озеро. Офицеры сначала даже такъ и подумали, что это озеро Альберта, а суданскія женщины до того обрадовались, что начали пронзительными голосами выкликать: лю-лю-лю! Но я посмотрѣлъ въ бинокль и различилъ на днѣ долины буроватую траву и мелкіе кустики, разбросанные тамъ и сямъ. Взглянувъ вправо, съ высоты 2.500 футовъ, я увидѣлъ длинную полосу акацій, вдающуюся узкимъ клиномъ въ долину и переходящую далѣе въ темный лѣсъ: мы было думали, что распростились съ нимъ у рѣки Чай, но оказывается, что онъ здѣсь опять подходитъ близко, занимая рѣчную долину во всю ея ширину.

Мистеръ Джефсонъ все еще былъ нездоровъ, въ лихорадкѣ, которая его мучила съ 23-го апрѣля; температура тѣла колебалась между 102° и 105° и состояніе духа было въ то время очень тревожное. Онъ очень исхудалъ, также какъ и я, и мы оба имѣли больной видъ. 13-го числа мы назначили остановку, чтобы дать отдохнуть дѣтямъ и больнымъ. 14-го, постепенно спускаясь по отлогимъ скатамъ, шли до селенія Киріама, лежащаго у входа въ глубокую и узкую долину, которая въ прежнія времена, когда озеро Альберта покрывало всю травянистую равнину, вѣроятно представляла собою живописный заливъ. Почва долины отличается необыкновеннымъ плодородіемъ; по дну ея проте-

каетъ многоводный потокъ, впадающій въ Семлики. По временамъ на минуту показывались то та, то другая часть Руэнцори; если бы не было этого досаднаго тумана, который словно поддразнивалъ насъ, мы бы могли видѣть его отсюда во всемъ великолѣпіи, такъ какъ онъ высился надъ нами на 15.500 футовъ.

Въ лагерѣ среди нашего громаднаго каравана очутился мальчикъ лѣтъ одиннадцати, по имени Тукеби. Онъ былъ, что называется, бѣглый. Пока мы стояли у Мазамбони, его отецъ, уроженецъ Кавалли, приходилъ просить, чтобы его возвратили ему. Мальчикъ прикомандировался къ нѣсколькимъ занзибарцамъ. Его отдали отцу, наказавъ ему хорошенько присматривать за маленькимъ бѣглецомъ. Мальчикъ постарался замаскироваться, чтобы его не узнали и прикрылъ лицо покрываломъ, но когда онъ проходилъ мимо моей палатки, я его узналъ и окликнулъ. На мой вопросъ, какъ могъ онъ покинуть отца для чужестранцевъ, которые, можетъ быть, будутъ дурно обходиться съ нимъ, онъ отвѣчалъ: «Друзья лучше отца».—А твой отецъ бьетъ тебя?—«Нѣтъ, но я хочу видѣть тѣ мѣста, откуда приходятъ ружья и гдѣ дѣлается громовое зелье (порохъ)».—Въ первый разъ въ жизни встрѣчаю въ Африкѣ такого молоденькаго мальчика, который добровольно ушелъ отъ родителей. Онъ изъ племени уахумовъ, чрезвычайно живой и веселый, а глаза у него такіе смышленные.

Послалъ капитана Нельсона съ восемьюдесятью ружьями на развѣдки къ рѣкѣ Семлики, поискать наилучшаго способа переправы. Онъ воротился, блистательно совершивъ походъ, и донесъ, что на мѣстѣ переправы рѣка Семлики имѣетъ отъ сорока до сорока пяти саженъ ширины, глубока и быстра, берега крутые, отъ десяти до двадцати футовъ вышины, сильно подмытые водой; что всѣ челноки утащены по распоряженію Ревидонго, военачальника Кабба-Реги, который, по слухамъ, собралъ за рѣкой значительныя силы, желая помѣшать намъ переправиться; далѣе, что къ нему примкнули всѣ туземцы изъ округовъ Ухобо, Мбога и Киріамы, и что слѣдуетъ ожидать серьезнаго противодѣйствія, потому что противуположный берегъ очень бдительно охраняется; пока наши осматривали мѣстность, по нимъ сдѣлали залпъ изъ ружей, но, къ счастію, никого не задѣли.

Отдохнувъ два дня въ Киріамѣ, мы пошли по травянистой равнинѣ къ югу, къ другой переправѣ, по указанію Кайбуги. Тò, что иные принимали за озеро, оказалось очень твердою наносной почвой съ различными ракушками и другими озерными отложеніями, на которой росла жиденькая трава въ поларшина вышиной. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, растительность становилась гуще и на третьемъ часу пути отъ Киріамы мы встрѣтили первое дерево акаціи; потомъ

попались пять деревцевъ заразъ, потомъ двѣнадцать, но все еще довольно искривленныхъ и росшихъ врозь. На четвертомъ часу, по лѣвому берегу Семлики, пошли уже цѣлыя рощи акаціи, а на правомъ, между тѣмъ, высился непроницаемый, густой тропическій лѣсъ, и вдругъ мы очутились на самомъ краю берега. Въ этомъ мѣстѣ рѣка была шириною тридцать саженъ, при быстротѣ теченія отъ четырехъ до пяти узловъ въ часъ. Нѣсколько ниже она расходилась въ ширину на 50 саженъ, — прекрасная, глубокая и много обѣщающая рѣка. Справа и слѣва и насупротивъ насъ явственны были слѣды недавнихъ, широкихъ обваловъ. Берега состоятъ изъ осадковъ и галешнику, которые не могутъ противустоять дѣйствію сильнаго теченія, подмывающаго ихъ снизу. Видно, что вода отрываетъ и уноситъ ихъ большими массами. То и дѣло въ рѣку падаютъ и мутятъ ее крупные комья, точно глыбы рыхлаго снѣга, а отъ времени до времени вдругъ сваливается участокъ нависшаго берега, вѣсомъ до ста пудовъ и больше. Вообще, эта рѣка сильно извилистая, образующая закругленные зигзаги на каждой милѣ своего теченія, съ водой бѣловато-бураго цвѣта, очень мутной: если зачерпнуть ее въ стаканъ, то черезъ минуту на днѣ образуется слой ила толщиною въ полсантиметра (¼ дюйма).

Анероидъ показалъ, что берегъ (на двадцать футовъ поднятый надъ уровнемъ рѣки) находится на высотѣ 2.388 футовъ надъ уровнемъ моря. Озеро Альберта, по тому же анероиду, на 2.350 футовъ выше уровня моря; стало быть, по моимъ вычисленіямъ, на разстояніи около 30-ти миль отъ озера уровень воды представлялъ разницу въ 38 футовъ.

Придя на рѣку мы замѣтили челнокъ, быстро спускавшійся внизъ по теченію. Вѣроятно кто-нибудь изъ туземцевъ услышалъ наши голоса, далъ знать своимъ и въ попыхахъ они или нарочно оттолкнули челнокъ, или побоялись задержаться, чтобы припрятать его, и просто убѣжали. Селеніе Авамба, отъ котораго онъ плылъ, было въ виду, и мы послали людей вверхъ и внизъ по рѣкѣ поискать челнока. Вскорѣ Уледи (опять таки Уледи!) прислалъ сказать, что одинъ челнокъ нашелъ. Караванъ направился туда и сталъ лагеремъ въ обширной заброшенной плантаціи банановъ. Челнокъ былъ въ небольшой бухтѣ у противуположнаго берега, какъ разъ напротивъ нашей стоянки. Такъ или иначе, надо было изловчиться достать его, потому что на ту пору и одинъ челнокъ былъ для насъ большою драгоцѣнностью. Послали людей съ топорами расчистить прибрежный кустарникъ саженъ на десять, оставивъ спереди рядъ зелени для прикрытія застрѣльщиковъ. Потомъ мы сдѣлали три или четыре залпа изъ ружей, ради очистки мѣстности, ближайшей къ челноку, а между тѣмъ смѣлый Уледи и

Саатъ-Тато, меткій стрелокъ, переплывали реку, и когда они подплыли къ челноку, мы прекратили стрельбу. Въ несколько секундъ они отрезали причалъ, сели въ лодку и изо всехъ силъ принялись грести въ нашу сторону. Какъ только они достигли средины реки, непріятельскіе стрелки встали и выстрелили изъ луковъ въ нашего охотника; въ ту же минуту наши ружейныя пули полетели за реку. Но челнокъ все-таки мы захватили, а Саатъ-Тато, облитый кровью, былъ переданъ на руки доктору Пэрку. Къ счастію стрела, съ широкимъ наконечникомъ, попала въ лопатку и рана была не опасная. Оба молодца тотчасъ получили въ награду бумажныхъ товаровъ ценою на 200 рублей.

Въ 5 ч. пополудни мистеръ Бонни оказалъ намъ важную услугу. Онъ принялъ на себя порученіе перевезть авангардъ изъ пятерыхъ суданцевъ черезъ Семлики; на закате солнца пятьдесятъ человекъ подъ ружьемъ были уже на томъ берегу.

18-го мая на разсвете переправа возобновилась. Около полудня разведчики отыскали еще два челнока. Стэрсъ и Джефсонъ оба лежали въ лихорадке, а у меня силы было не больше, чемъ у дряхлаго девяностолетняго старика, да и на видъ я былъ не лучше, а пройти пешкомъ въ ту пору могъ разве саженъ пятьдесятъ. Поэтому вся переправа экспедиціи черезъ Семлики лежала на плечахъ Нельсона и Пэрка. Въ два часа пополудни, когда переправа была въ полномъ разгаре, отрядъ изъ пятидесяти уара-суровъ подкрался на разстояніе ста двадцати саженъ отъ пристани и пустилъ ружейный залпъ по людямъ, плывшимъ въ челнокахъ середи реки. Черезъ головы нашихъ пловцовъ полетели куски железа и оловянныя пули шлепнулись на воду и пошли подпрыгивать по реке, но по счастью никого не задевъ. Я полюбовался на отчаянную смелость разбойниковъ и только что подумалъ, какъ бы второй залпъ не былъ успешнее перваго, какъ капитанъ Нельсонъ бросился по берегу на враговъ, за нимъ сотня ружей, и пошла потеха. Отъ насъ съ леваго берега слышна была изрядная пальба, но повидимому и нападающіе и бегущіе такъ спешили, что никто не попадалъ въ цель. Однакожъ уара-суры поняли, что каковы бы ни были наши намеренія, а силы у насъ значительныя; мы же, съ своей стороны, постигли, что и они могутъ насъ серьезно тревожить. Въ своемъ поспешномъ отступленіи они разроняли патроны, которые были отнюдь не хуже техъ, что приготовляются въ вульвичскомъ арсенале. И тутъ мы еще разъ убедились въ томъ, что экваторіальная провинція кишитъ предателями, такъ какъ все эти снаряды очевидно доставляются десятками дезертировъ.

Къ ночи 18-го числа 669 человѣкъ было перевезено за рѣку. Къ 3-мъ часамъ пополудни 19-го мая благополучно доставлено на другой берегъ 1.168 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, 610 вьюковъ багажа, 3 полныхъ лодки овецъ и козъ и 235 головъ крупнаго скота. Потери ограничились однимъ теленкомъ, который утонулъ. Можно себѣ представить, какъ я былъ доволенъ блестящимъ успѣхомъ, дѣятельностью и заботливостью, которыми щегольнули въ этотъ разъ капитанъ Нельсонъ и докторъ Пэркъ.

Немного спустя къ доктору принесли одного изъ слугъ паши, пораженнаго стрѣлой. Это мнѣ напомнило тѣ первые полтора года мученій, какія я испыталъ на походѣ изъ-за такой же неосторожности занзибарцевъ.

20-го экспедиція пошла густымъ лѣсомъ, по очень топкой тропинкѣ, къ небольшому селенію, расположенному въ полутора часахъ ходу отъ рѣки. Мы подошли къ деревнѣ какъ разъ въ то время, когда мошки цѣлыми тучами летаютъ въ воздухѣ, залѣзаютъ въ глаза, въ носъ, въ уши. Мы подумали, что ужь лучше бы расположиться гдѣнибудь подальше отъ жилья, но въ 9 часовъ вся эта мушкара отправилась на покой и перестала насъ тревожить. Въ воздухѣ стоялъ запахъ прокисшаго вина и перезрѣвшихъ, гніющихъ банановъ, что̀, вѣроятно, и привлекало мошекъ. Въ деревнѣ мы видѣли двѣ громадныхъ колоды, величиной не меньше обыкновеннаго челнока, въ которыхъ туземцы давятъ спѣлые плоды и выдѣлываютъ свое вино.

Въ первый разъ мы узнали, что авамбы, на земляхъ которыхъ мы теперь находились, тоже умѣютъ сушить бананы на деревянныхъ рѣшеткахъ, ради приготовленія изъ нихъ муки. Во время нашихъ странствій по лѣсамъ мы не мало дивились тому, что туземцы, повидимому, понятія не имѣютъ о томъ, какая превосходная, питательная и удобоваримая пища у нихъ подъ руками. Впрочемъ и всѣ другія страны, изобилующія бананами, какъ, напримѣръ, Куба, Бразилія, Антильскіе острова, повидимому, особенно невѣжественны на этотъ счетъ. Если бы только распространить въ достаточной мѣрѣ свѣдѣнія объ отмѣнныхъ качествахъ этой муки, я не сомнѣваюсь, что на нее и въ Европѣ было бы большое требованіе. Для грудныхъ дѣтей, для людей съ слабымъ желудкомъ, для диспептиковъ и вообще для особъ, страдающихъ хотя бы временнымъ разстройствомъ пищеваренія, эта мука, приготовленная какъ слѣдуетъ, оказала бы неоцѣненныя услуги. Два раза, когда я былъ боленъ гастритомъ, единственною пищей, какую я могъ переваривать, была жидкая молочная кашка изъ банановой муки.

22-го мы шесть часовъ принуждены были шагать по болотамъ, прежде чѣмъ нашли мѣсто для отдыха. Лѣсныя трущобы, хотя все

того же роскошнаго тропическаго характера, какъ и тѣ, что мы извѣдали прежде, были однако же хуже ихъ въ томъ отношеніи, что здѣсь было гораздо жарче и несравненно сырѣе. Эта чрезмѣрная влажность выражалась въ густомъ слоѣ тусклаго пара, стоявшаго теперь постоянно надъ нашими головами. Въ вершинахъ деревьевъ эта сырость превращалась уже въ туманъ, а надъ ними она образовала облака, такъ что между солнцемъ и нами постоянно ходили облака въ нѣсколько миль толщиною; прямо передъ нами густая зелень сплошной листвы, далѣе слои тумана и, наконецъ, дрожащая дымка горячихъ паровъ. Мы брели по лѣсу, шлепая по мелкимъ лужамъ, по липкой черной грязи, все время на насъ капали сгущенные пары, свѣтъ былъ какой-то оловянный, заставлявшій помышлять о самоубійствѣ, а тѣлесное наше состояніе выражалось въ томъ, что потъ все время лилъ съ насъ ручейками.

Наконецъ мы вышли къ заброшенной деревушкѣ, раззоренной недавнимъ набѣгомъ уара-суровъ, и, очутившись на широкой лѣсной расчисткѣ, стали вглядываться, гдѣ же Руэнцори? Но не видать было великолѣпной горы: она скрылась за синевато-черными тучами, намекавшими на близкую бурю. Высоты Мбога еще можно было различить кое-какъ, хотя онѣ были отъ насъ дальше того гигантскаго хребта, изъ-за котораго глухо рокоталъ громъ и выкатывались дождевыя тучи. Мы догадывались, что попали какъ разъ на середину громаднаго котла, центра постояннаго броженія: исходившія изъ него испаренія скоплялись въ облака, образовали постоянно возростающія наслоенія тучъ, которыя надвигались на хребетъ Руэнцори, медленно всползали по его склонамъ и цѣплялись за вершины, покуда порывомъ вѣтра ихъ не срывало со снѣжныхъ конусовъ; тогда атмосфера на время расчищалась и вершины снова появлялись на фонѣ лазурнаго неба.

На другой день мы шли по густо населенной мѣстности и черезъ два часа съ четвертью достигли селеній Беки-Кунди. По сторонамъ дороги попадались знакомыя намъ особенности, какъ, напримѣръ, лагери пигмеевъ, которыхъ здѣсь называютъ Уатуа.

Отъ береговъ Семлики до тѣхъ деревень, гдѣ мы теперь останавливались, не болѣе 15½ англійскихъ миль (около 25 верстъ); мы прошли это пространство въ три дня и еще на два дня остановились отдыхать. Но какъ ни медленно мы подвигались, имѣя притомъ постоянно подъ рукою прозрачные ручьи свѣжей, превосходной воды, неограниченное количество всякаго провіанта, мяса, кукурузы, бататовъ, банановъ и разныхъ спѣлыхъ плодовъ,—мы все-таки извѣдали въ полной мѣрѣ бѣдствія африканскаго путешествія. Матери бросали по дорогѣ своихъ младенцевъ, а одинъ египетскій солдатъ, по имени

Хемданъ, легъ у дороги и упорно отказывался двигаться, говоря, что ему жизнь надоѣла. Онъ не тащилъ никакой тяжести, не былъ боленъ, но просто... да, впрочемъ, что объ этомъ говорить! Это былъ человѣкъ какой-то ослиной породы: не хотѣлъ идти, да и только; и люди арріергарда принуждены были бросить его умирать на дорогѣ, а въ лагерѣ по этому поводу пошли слухи, что начальникъ арріергарда преспокойно пришибъ его.

24-го мая дневали и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы послать два отряда для осмотра тропинокъ; я хотѣлъ имѣть общее понятіе о мѣстныхъ путяхъ, чтобы лучше сообразить который для насъ удобнѣе.

Первый отрядъ пошелъ на югъ, слегка отклоняясь къ востоку и наткнулся на горсть туземцевъ племени Бондуи, о которыхъ мы знали что они-то и есть коренные обитатели здѣшнихъ лѣсовъ. Это было пріятное открытіе, потому что мы полагали, что все еще находимся въ Утуку (такъ называется восточное побережье Семлики), то есть продолжаемъ идти владѣніями Кабба-Реги. Бондуи говорятъ на своемъ особомъ языкѣ, намъ неизвѣстномъ, но они немного понимаютъ нарѣчіе Киніоро и этимъ путемъ мы узнали, что Руэнцори у нихъ называется Бугомбоа, что уара-суры и пигмеи уатуа ихъ злѣйшіе враги и что первые изъ нихъ (уара-суры) разсѣяны по лѣсамъ отсюда на югъ, но много западнѣе.

Другой отрядъ пошелъ на юго-западъ и достигъ узкой полосы открытой равнины, отдѣляющей предгорія Руэнцори отъ лѣса. Люди съ восторгомъ говорили объ изобиліи тамъ съѣстныхъ припасовъ, но прибавили, что мѣстное населеніе очень воинственно и враждебно. Вооруженіе у нихъ такое-же какъ у остальныхъ лѣсныхъ дикарей, но женскій уборъ отличается желѣзнымъ ожерельемъ, къ которому придѣланы маленькія подвѣски изъ дутаго желѣза: однѣ формою похожи на пузырьки, а другія имѣютъ на концахъ тонкія полоски металла, скрученныя спиралью.

Другой короткій переходъ черезъ $2^1/_4$ часа привелъ насъ въ селеніе, состоявшее изъ тридцати девяти круглыхъ хижинъ съ коническими кровлями и очень тщательно сдѣланными входными дверьми, которыя были разукрашены треугольниками краснаго и чернаго цвѣта. По близости отъ этой деревни во множествѣ росли гвинейскія пальмы (Elais guineensis).

На слѣдующій день мы вышли изъ лѣсу и остановились въ луговой полосѣ, въ селеніи Угарама, подъ 0° 45′ 49″ сѣверной широты и 30° 14′ 45″ восточной долготы. Тропинка вела насъ вдоль узкаго гребня лѣсистыхъ холмовъ, по обѣимъ сторонамъ котораго тянулись

ложбины глубиною до 200 футовъ, совершенно наполненныя гигантскими деревьями. Здѣшніе луга были покрыты не такой короткой и сочной травой какъ напримѣръ на роскошныхъ пастбищахъ Кавалли, а грубыми, исполинскими злаками вышиною отъ шести до пятнадцати футовъ.

На этой стоянкѣ снова проявился египтянинъ Хемданъ: ему, какъ видно, жутко показалось одиноко умирать въ лѣсу и онъ раскаялся въ своей глупости. На ту пору мы успѣли уже проникнуться сознаніемъ того, до какой степени намъ будетъ трудно изо дня въ день ладить съ людьми, ввѣренными нашимъ попеченіямъ. Какъ ни низко ставилъ я ихъ въ прежнее время, но теперь они въ моемъ мнѣніи упали ниже нуля. Словами ихъ пронять невозможно, никакое краснорѣчіе не въ силахъ пробить ихъ тупыя головы. Они имѣли обыкновеніе поднявшись на разсвѣтѣ устремляться вдоль по тропинкѣ и въ теченіе одного часа идти довольно скоро, потомъ остановиться, сѣсть, развести огонь, стряпать, покуривать, вести нескончаемые разговоры, а когда подходилъ арріергардъ и побуждалъ ихъ двигаться дальше, они начинали искоса поглядывать, строить гримасы и бормотать свои сѣтованія на жестокости, претерпѣваемыя ими отъ невѣрныхъ. Чуть не каждый день мнѣ приходилось выслушивать ихъ жалобы то на капитана Нельсона, то на лейтенанта Стэрса. Или тотъ, или другой, непремѣнно обвинялся въ излишней требовательности или въ надменности. Мудрено было втолковать имъ, что офицеры исполняютъ лишь приказанія своего начальства, что все это дѣлается съ единственною цѣлію спасти ихъ самихъ отъ стрѣлъ и копій туземцевъ и помѣшать имъ сбиться съ дороги; что чѣмъ раньше они придутъ въ лагерь, тѣмъ это будетъ для всѣхъ удобнѣе; что такими короткими переходами въ какіе-нибудь два, три часа не уморишь даже ребенка; что хотя съ одной стороны мы обязались беречь ихъ, но съ другой— надо-же пощадить и занзибарцевъ, которые вмѣсто двухъ или трехъ часовъ вынуждены проводить въ пути по десяти часовъ, все время неся вьюки на головахъ; что я обязанъ позаботиться также и о томъ, чтобы бѣлокожіе мои сподвижники не выбивались изъ силъ на дождѣ, въ грязи, въ сырости, оказывая услуги людямъ, которые не понимаютъ даже того, что имъ самимъ же выгоднѣе пройдти кряду четыре или пять миль до лагеря и потомъ часовъ двадцать въ сутки отдыхать. Эти вялые и плаксивые люди, не умѣвшіе съ пустыми руками пройдти пѣшкомъ отъ двухъ до трехъ часовъ въ день, всѣ были желтокожіе египтяне; тѣ, у которыхъ подъ кожей было хоть немного чернаго пигмента, очень рѣдко жаловались; а совсѣмъ черные, также какъ и совсѣмъ бѣлые люди не жаловались рѣшительно никогда.

У египтянъ и ихъ прислуги было такое множество младенцевъ и вообще ребятъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда лагерь былъ расположенъ потѣснѣе, какъ напримѣръ на узкомъ гребнѣ холма, ночью спать было совершенно невозможно. У этихъ крошекъ должно быть натура была очень раздражительная, потому что подобнаго отчаяннаго и безпрерывнаго рева я никогда не слыхивалъ. Тоненькіе чернокожіе и сухощавые желтые младенцы взапуски упражняли свои легкія съ вечера далеко за полночь, а потомъ часу въ четвертомъ утра снова принимались за дѣло и всѣхъ рѣшительно пробуждали, такъ что со всѣхъ сторонъ слышался пискъ и ревъ дѣтей и ворчаніе взрослыхъ.

Наши занзибарцы рѣшили, что народъ изъ Экваторіи хотя можетъ быть и отличные отцы семейства, но очень плохіе солдаты. Египтяне такъ давно привыкли своею численностью и превосходствомъ своего оружія подавлять туземцевъ, что теперь, когда ихъ стало поменьше, а мѣстное населеніе является въ значительной силѣ, у нихъ явилось отчаяніе, что они никогда больше не дойдутъ до мирныхъ странъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ они такъ мало дисциплинированы, такъ грубы и высокомѣрны, что изъ самыхъ миролюбивыхъ дикарей наживаютъ себѣ мстительныхъ враговъ.

25-го мая имѣлъ я съ пашой разговоръ, изъ котораго убѣдился что хотя онъ и очень вѣжливъ, но все еще не можетъ позабыть нашего разногласія 5-го апрѣля. По правдѣ сказать, тогдашняя наша размолвка была неизбѣжна и даже очень полезна. У насъ съ нимъ натуры прямо противуположныя. Покуда не было надобности принимать крутыя мѣры, мы съ нимъ взаимно находили искреннее удовольствіе въ обществѣ другъ друга. Онъ человѣкъ ученый, образованный, порядочный и я въ полной мѣрѣ цѣню его превосходныя качества. Но по существу дѣла невозможно намъ было до безконечности предаваться подобнымъ удовольствіямъ. Насъ совсѣмъ не за тѣмъ послали въ Экваторію, чтобы проводить время въ научныхъ бесѣдахъ или просто разводить пріятную болтовню на берегахъ озера Альберта. Настало время тронуться въ путь, и еслибы не произошло тогда на площадкѣ въ Кавалли извѣстнаго эпизода, то мы-бы такъ и не сдвинулись оттуда. Но съ тѣхъ поръ я испыталъ, къ сожалѣнію, что будутъ и другіе поводы къ столкновеніямъ. Паша обуреваемъ страстью къ увеличенію своихъ орнитологическихъ коллекцій и находитъ, что если мы такъ далеко шли съ цѣлью помочь ему, то могли-бы мы и теперь «подвигаться полегче».

— Да мы ужь и то, кажется, довольно легко подвигаемся, и по многимъ причинамъ: изъ-за ребятъ, изъ-за того что у многихъ женщинъ еще грудныя дѣти на рукахъ, изъ - за неповоротливости егип-

тянъ, оттого что все надѣемся, не догонитъ-ли насъ Селимъ-бей, наконецъ оттого, что мы съ Джефсономъ все еще не поправились, да и Стэрсъ далеко не крѣпокъ на ногахъ.

— Ну, такъ пойдемъ еще тише.

— Мы ужь такъ и дѣлаемъ: полторы мили въ сутки, надѣюсь, переходъ небольшой?

«А вы еще сократите.»

— Боже мой, паша, да неужто-же вы желаете и совсѣмъ здѣсь остаться? Въ такомъ случаѣ давайте писать завѣщаніе и ужь будемъ напередъ знать, что не доведемъ своего дѣла до конца.

Словомъ, опять загремѣло между нами, какъ въ тѣхъ грозныхъ тучахъ, что выползаютъ изъ-за Руэнцори, и новаго взрыва не миновать.

Я зналъ, что онъ страстный охотникъ собирать птицъ, гадовъ и насѣкомыхъ, но не думалъ, чтобы это доходило у него до помѣшательства. Ему-бы хотѣлось перебить всѣхъ птицъ въ Африкѣ, собрать всѣхъ отвратительныхъ гадовъ, всѣхъ безобразныхъ насѣкомыхъ, прибрать къ рукамъ каждый попадающійся черепъ, такъ чтобы нашъ караванъ уподобился странствующему музею или кладбищу, лишь-бы нашлись носильщики для этого добра. А между тѣмъ среди его людей уже начали развиваться злокачественные нарывы; ихъ организмы были истощены сифилисомъ, стоило сдѣлать на лицѣ малѣйшій уколъ или царапину, чтобы на немъ образовалась страшная, гнойная язва. Ведя самую порочную жизнь, они теперь пожинали плоды своего разврата. На лагерныхъ стоянкахъ сейчасъ заводилось такое зловоніе, что мы опасались заразы, боялись какъ бы намъ всѣмъ не превратиться въ позорище передъ Богомъ и людьми. Носильщики начали вымирать,— съ ними скверно обращались,—а это ужь угрожало намъ конечнымъ раззореніемъ: безъ нихъ мы и вовсе не были въ состояніи подвигаться. Паша былъ въ полномъ блаженствѣ когда его секретарь, Реджабъ-Эффенди, приносилъ ему какую нибудь новинку; взиралъ на насъ съ благодарностью когда мы назначали двухдневный роздыхъ, и съ грустью, когда слышалъ что надо идти дальше; а вотъ, какъ придемъ въ хорошенькое мѣстечко поближе къ Руэнцори, на цѣлую недѣлю остановимся, — о, какая радость!

Признаюсь, все это наводило меня на мысль, что мы предприняли довольно неблагодарный трудъ. Во всю жизнь онъ будетъ ненавидѣть меня и его пріятели Фелькины, Юнкеры, Швейнфурты наслушаются на мой счетъ всевозможныхъ жалобъ, и никому изъ нихъ въ голову не придетъ перазсмыслить, что на свѣтѣ есть надъ чѣмъ поработать и помимо набиванія музеевъ черепами и чучелами, и что африканскій материкъ созданъ всемогущимъ Создателемъ вѣроятно не для того

только чтобы служить разсадникомъ для ботаническихъ коллекцій и энтомологическихъ кабинетовъ.

Каждый встрѣчаемый мною дикарь, все равно великанъ или пигмей, укрѣплялъ во мнѣ мысль что Африка имѣетъ иныя права на вниманіе человѣчества; каждая новая черта роскошной природы все болѣе доказательно вопіяла, что тутъ давно пора приложить трудъ и помощь цивилизаціи; что прежде всего надо построить желѣзныя дороги, что огонь и вода суть самыя существенныя средства сообщенія и что на этомъ издавно заброшенномъ материкѣ онѣ нужнѣе чѣмъ гдѣ-либо.

Увы, увы! Этотъ великолѣпный горный хребетъ такъ близко отъ нашего лагеря, а я еще не нанесъ его на карту, — а то другое озеро, о которомъ мы столько наслышались отъ Кайбуги, мхумскаго старшины, такъ и не открыто, — а долина Семлики, со всѣми сокровищами лѣсовъ и всякихъ растительныхъ продуктовъ, еще не изслѣдована, да и рѣка Семлики, которая, по слухамъ, соединяетъ верхнее озеро съ нижнимъ, не прослѣжена... Мы слышали объ удивительныхъ соленыхъ озерахъ, въ которыхъ соли столько, что хватитъ на продовольствіе всего земнаго шара; о людяхъ необычайнаго роста — уазонгорахъ, и о множествѣ другихъ, мирныхъ и любопытныхъ племенъ; о таинственныхъ уаніевингахъ, которые будто бы произошли отъ бѣлокожихъ; подъ бокомъ у насъ высились громадныя горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, которыя, по моему, должны быть тѣ самыя Лунныя Горы, о которыхъ говоритъ преданіе; мы находились въ странѣ подлинныхъ Истоковъ Луны, считавшихся миѳическими, въ странѣ чудесъ и тайнъ, на родинѣ пигмеевъ и великановъ древнихъ сказаній, — какъ-же не рваться всей душой къ провѣркѣ этихъ сказокъ, какъ не стремиться къ раскрытію этихъ тайнъ? Неужели Создатель, подъявшій эти вѣчныя громады, одѣвшій ихъ склоны мхами, лишайниками, сочными травами, избороздившій ихъ миріадами потоковъ, по которымъ снѣговыя воды устремляются въ плодоносную долину, повелѣвшій могучему, безконечному лѣсу окутать ее, а темной, обильной листвѣ его блестѣть неблекнущей зеленью, неужели Онъ затѣмъ только сотворилъ все это, чтобы съ теченіемъ времени послужить убѣжищемъ для птицъ и пресмыкающихся!

Обиліе съѣстныхъ припасовъ составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей этихъ мѣстъ. Десять баталіоновъ могли-бы квартировать здѣсь не имѣя ни малѣйшей надобности въ провіантскихъ обозахъ. Стоило только сорвать да съѣсть. Развѣдчики доносили, что со всѣхъ сторонъ простирались плантаціи, отягченныя плодами. Мѣстные амбары биткомъ набиты краснымъ просомъ, хижины

унизаны кукурузой, въ огородахъ ямсъ, бататы, колоказія, табакъ, всякая всячина.

Съ предгорья Угарамы, гдѣ мы расположились лагеремъ 27-го мая, видно было, что склоны горъ до высоты 8.000 футовъ испещрены участками воздѣланной земли, что извилистыя ложбины заросли банановыми рощами, и какъ по горамъ такъ и въ равнинахъ населеніе было густое, растительность великолѣпная, при необычайномъ изобиліи пищеваго матеріала. Въ бинокль можно было разглядѣть что и верхнія части склоновъ и самый гребень хребта до высоты 9.000 и даже 12.000 футовъ покрыты густыми лѣсами, и всюду, гдѣ почва не была воздѣлана, лѣса сходили до самой подошвы горъ. Тамъ, гдѣ склоны были лишены древесной растительности, росли дикіе бананы: они подымались на очень значительную высоту по горамъ и своими пышными шатрами осѣняли самыя высокія травы. Заостренныя вершины Руэнцори опоясывались тучами свинцоваго оттѣнка, а передовыя горныя цѣпи словно играли въ прятки, безпрестанно то заслоняясь, то высовываясь изъ-за бѣгущихъ массъ бѣлыхъ паровъ. По указаніямъ анероида Угарама находится на высотѣ 2.994 футовъ, а судя по точкѣ кипѣнія, на 2.942 фута надъ уровнемъ моря. Ближайшая горная цѣпь, на одномъ изъ отроговъ которой лежитъ селеніе Угарама, по угловому измѣренію доходитъ до высоты 9.147 футовъ.

Двѣ женщины, обѣ свѣтлокожія и очень пріятной наружности, найденныя въ лѣсу близь деревни, оказались говорящими по кипіорски. Отъ нихъ мы и вывѣдали, что это селеніе называется Угарама, а округъ Авамба; что на сѣверѣ открытая мѣстность, гдѣ протекаетъ рѣчка Миссисеи, вплоть до озера называется Утуку; что къ югу ближайшій отъ насъ округъ будетъ Букоко, и тамъ живетъ старшина Сибалейки, главный начальникъ авамбовъ; а за Букоко еще округъ Бутама; что отъ Угарамы до сѣверной оконечности Буконджу, или Уконджу, одинъ день ходу, что оттуда въ двухъ дняхъ пути находится Торо, но для этого нужно перевалить черезъ горы, что въ сѣверномъ Уконджу короля зовутъ Руандейка; что у народа Уаконджу бывало прежде великое множество рогатаго скота, но уара-суры ихъ ограбили и весь скотъ угнали. Еще намъ сказали, что если мы три дня будемъ идти вдоль подножія большихъ горъ, то придемъ въ мѣстность, покрытую короткой травой, гдѣ много козъ и овецъ, и еще водится рогатый скотъ; но уара-суры туда такъ часто навѣдывались, что большихъ стадъ имѣть нельзя. Авамбы расчищаютъ участки лѣса и обработываютъ землю; худшіе ихъ враги—пигмеи уатуа, которые портятъ имъ все, грабятъ плантаціи, и убиваютъ самихъ авамбовъ,

когда они разсѣяны небольшими партіями, напримѣръ когда они на работѣ въ полѣ, или по дорогѣ къ ближайшимъ мѣстамъ сбыта своихъ продуктовъ; между тѣмъ какъ уара-суры всюду рыщутъ, отъ нихъ нигдѣ не спасешься, и служатъ они все тому же Кабба-Регѣ.

На вопросъ, бываютъ ли здѣсь совсѣмъ ясные дни, такъ чтобы снѣговыя горы были видны дня три, четыре кряду, или цѣлую недѣлю, или мѣсяцъ,—женщины сказали, что никогда еще не бывало у нихъ столько дождей какъ въ этомъ году, и выразили предположеніе, не мы ли накликали дождя, чтобы легче распознавать человѣческіе слѣды на тропинкахъ? Онѣ говорили, что сначала приняли насъ за уара-суровъ, но увидѣли что при насъ большое стадо, и догадались что мы не могли угнать столько скота отъ авамбовъ, потому что у нихъ скота больше нѣтъ. Когда мы сказали имъ что отняли скотъ у людей, признававшихъ Кабба-Регу своимъ начальникомъ, онѣ воскликнули: О, если бы наши узнали объ этомъ, они бы принесли вамъ всего, чего угодно! — «Ну такъ подите и скажите имъ что мы друзья всякому, кто не заграждаетъ намъ пути. Мы идемъ въ далекую страну и такъ какъ летать не умѣемъ, то надо же намъ идти по какой нибудь тропинкѣ; но мы никогда не обижаемъ тѣхъ, кто не поднимаетъ на насъ копья и не угрожаетъ намъ стрѣлою».

28-го прошли пять миль черезъ рядъ холмовъ, по глубокимъ ложбинамъ, безпрестанно то подымаясь футовъ на двѣсти по откосу, то опускаясь съ такой же высоты въ глубину слѣдующей ложбины, дно которой всего нѣсколько саженъ шириной, а тамъ опять подъемъ. Холмы эти такъ круты, что мы то скатывались съ нихъ, то лѣзли цѣпляясь за деревья, кусты и ліаны, и все время не переставая шелъ на насъ частый, пронизывающій насквозь дождикъ. Гніющіе стволы банановъ и валявшіеся по землѣ переспѣлые плоды издавали противный запахъ, отъ котораго насъ тошнило.

На другой день, пройдя четыре мили, пришли въ Бутаму по мѣстности совершенно противуположной вчерашней: вмѣсто топкой грязи каменистыхъ обрывовъ и безпрерывныхъ переходовъ съ горы на гору, выдалась на наше счастье отличная ровная тропинка, на столько широкая и удобная для нашихъ европейскихъ ногъ, насколько это возможно въ Африкѣ. Песчаная почва быстро впитывала дождевую влагу, густыя заросли камыша становились рѣже и между ними пробираться было очень легко, тѣмъ болѣе, что слоны протоптали эту дорожку превосходно.

Въ Бутамѣ мы нашли сѣдого старика: онъ по хилости не былъ въ состояніи убѣжать и потому остался, въ ожиданіи горькой судь-

бины. На наши разспросы онъ объявилъ, что снѣговыя горы, непосредственно надъ нами уходившія въ необъятную высь, называются «Эвирика, Эвирука, Эврика, Эврука и Эвурука!» коверкая на разные лады это имя, подъ напоромъ сыпавшихся на него вопросовъ. На счетъ пигмеевъ племени Уатуа онъ отзывался съ наихудшей стороны; говорилъ что они самые отъявленные измѣнники и предатели, что они всякими неправдами, лестью и притворствомъ обыкновенно втираются въ дружбу со старшинами богатыхъ округовъ, а потомъ не взирая ни на братанье кровью, ни на самыя торжественныя клятвы, внезапно кидаются на своихъ союзниковъ и умерщвляютъ ихъ.

30-го мая, черезъ четыре часа удобнаго пути, легко дошли до Букоко. Дорога все время шла по гладкимъ уступамъ, образовавшимся отъ обваловъ со снѣговыхъ горъ, смытыхъ частыми ливнями: подъемы были очень отлогіе, густо заросшіе камышами, а въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ почва была воздѣлана, она поражала обиліемъ плодовъ. Тамъ и сямъ торчали гигантскіе обломки скалъ, на половину затянутые иломъ и щебнемъ, который съ грохотомъ скатился съ высотъ, когда какая нибудь глыба камня или подмытой дождями земли оторвалась въ верхнихъ горныхъ предѣлахъ и свалилась сюда.

Букоко очень обширное и могущественное поселеніе, состоящее изъ значительнаго числа деревень; однако войдя въ него мы нашли что оно совсѣмъ опустѣло и даже не на дняхъ, а вѣроятно мѣсяцъ тому назадъ. Вокругъ него во всѣ стороны разстилались безконечныя плантаціи въ превосходномъ видѣ, отягченныя плодами, въ особенности насъ поразило необыкновенное обиліе томатовъ.

Сложивъ вьюки и устроивъ лагерь, развѣдчики по обыкновенію шли высматривать окрестности и вскорѣ встрѣтили людей, одѣтыхъ въ бумажныя ткани и вооруженныхъ ружьями, которые начали по нимъ стрѣлять. Мы услыхали сначала гулкую пальбу изъ мушкетовъ, потомъ болѣе рѣзкую трескотню нашихъ ружей, и затѣмъ все стихло. Развѣдчики воротились съ донесеніемъ и принесли ружье фирмы Энфильдъ, брошенное на мѣстѣ перестрѣлки убѣжавшею шайкой, у которой предполагалось двое смертельно раненыхъ и одинъ убитый на повалъ. Они привели съ собой также женщину и мальчика, очевидно, туземцевъ, языка которыхъ мы не поняли.

Я тотчасъ выслалъ отрядъ изъ семидесяти ружей для дальнѣйшихъ развѣдокъ и черезъ десять минутъ послышалась оживленная перестрѣлка между тяжелыми мушкетами съ одной стороны и залпами ремингтоновъ и винчестеровъ съ другой. Вскорѣ принесли въ лагерь двоихъ изъ нашихъ, раненыхъ, которые сказали, что дрались съ уарасурами. Наши ружья повидимому пугнули непріятеля изрядно: звуки

стрѣльбы постепенно удалялись, однако черезъ часъ, намъ принесли еще двоихъ раненыхъ, заявили, что убиты два юноши, одинъ занзибарецъ и одинъ маньюма, и я уже подумывалъ послать значительное подкрѣпленіе, какъ вдругъ увидѣлъ входящаго въ лагерь Уледи, за нимъ шли наши люди и старшины непріятельской партіи, которые оказались просто старшинами маньюмовъ, изъ шайки Килонга-Лонга!

Они разсказали, что составивъ отрядъ изъ пятидесяти человѣкъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и около ста человѣкъ съ копьями, они переправились черезъ Итури, пошли на востокъ и недѣли три тому назадъ добрались до опушки лѣса, перейдя также и черезъ Семлики. Тутъ они начали производить свои обычные набѣги, какъ вдругъ увидѣли людей съ ружьями, приняли ихъ за уара-суровъ и потому стали стрѣлять. Противники отвѣтили имъ тѣмъ-же, одного изъ нихъ убили, другого ранили смертельно и четверыхъ тяжело. Остальные бѣжали въ свой поселокъ, крича „мы пропали"! Но потомъ выслали вдоль по тропинкѣ засаду, велѣвъ своимъ людямъ спрятаться по кустамъ, покуда остальная община наскоро принялась укрѣплять свое становище, чинить зерибу и проч. Увидѣвъ на тропинкѣ передовыхъ людей, идущей на нихъ партіи, они опять выстрѣлили, двоихъ убили, четверыхъ слегка ранили, когда-же противники стали осыпать ихъ пулями, они закричали: „кто вы такіе"? и когда имъ отвѣтили: „мы люди Стэнли", перестрѣлка тотчасъ прекратилась, и они возобновили съ нами знакомство, которое никогда, ничего, кромѣ бѣдъ намъ не приносило. По правдѣ сказать, мы-бы не прочь найти законный предлогъ для уничтоженія хотя-бы одной шайки этихъ безсовѣстныхъ разбойниковъ, однако, на сей разъ принуждены были милостиво выслушать ихъ извиненія въ этой стычкѣ, очевидно случайной,—и даже обмѣнялись дарами.

Они разсказывали еще, что встрѣчали партіи уара-суровъ, но имъ „непосчастливилось" и они извлекли изъ этихъ „встрѣчъ" только одинъ небольшой слоновій клыкъ. Ипото, по ихъ словамъ, въ двадцати дняхъ ходу отъ Букоко, черезъ лѣсъ.

Авамбы здѣшняго округа знаютъ Руэнцори, подъ именемъ „Вирейка".

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ лѣсовъ Авамбы, близь Угарамы, мы шли узкой полосой, поросшей исполинскимъ тростникомъ, въ пятнадцать футовъ вышиною. Съ вершины холмовъ видно, что эта полоса имѣетъ отъ трехъ до восьми миль въ ширину и отдѣляетъ горы отъ чащи дремучаго лѣса. Дорога была всего лучше у самой подошвы горъ, хотя трава тутъ своими размѣрами и толщиной напоминала бамбукъ; но на всемъ переходѣ, тропинка была твердо про-

торенная и намъ пришлось пересѣчь не болѣе двухъ ложбинъ и рѣчекъ. Тутъ-же попадалась во множествѣ акація съ опущенными вѣтвями, на подобіе шатра или парашюта, которая представляетъ собою единственную древесную растительность въ ближайшихъ окрестностяхъ Ніанзы. По мѣрѣ приближенія къ настоящему лѣсу эта акація исчезаетъ, уступая мѣсто чисто-тропической, великолѣпной растительности, наполняющей всю остальную часть долины.

Рѣчки, поперекъ которыхъ мы шли въ эти послѣдніе дни, все горные потоки съ очень холодной водой, текущей по довольно широкому руслу, устланному гальками, пескомъ и обломками верхнихъ горныхъ породъ, какъ-то: гнейса, порфира, роговой обманки, песчаника, стеатита, гематита, гранита и изрѣдка пемзы. Температура воды трехъ главныхъ потоковъ, по имени Рами, Рубуту и Сингири, равняется 20°, 17° и 19° Цельзія.

Послѣ двухдневной стоянки въ Букоко, мы шли восемь миль до селенія Банзомбе, расположеннаго на ровной площадкѣ узкаго гребня, между двумя глубокими лощинами, на самой опушкѣ лѣса, который въ этомъ мѣстѣ подходитъ къ подошвѣ снѣговыхъ горъ. Руэнцори, опять-таки не было видно, и я опасался, что пожалуй не представится случая ни фотографировать его, ни воспользоваться одной изъ его высочайшихъ вершинъ для тріангуляціи.

Испаренія, подымающіяся изъ долины Семлики, повидимому задерживаются въ нижнихъ слояхъ атмосферы сильнымъ давленіемъ сверху, судя по тому, какъ долго данная масса паровъ ползетъ по утесамъ, прежде чѣмъ можетъ добраться до вершины. Дымъ отъ лагерныхъ костровъ стлался по землѣ и до такой степени заволакивалъ насъ, что разъѣдалъ глаза и стѣснялъ дыханіе.

Нашъ скотъ началъ проявлять признаки крайняго утомленія. Съ нами было 104 головы рогатаго скота и 30 овецъ и козъ.

3-го іюня дошли до деревушки Бекокоро, подъ 0°37′ сѣверной широты, и тутъ одинъ изъ четырехъ братьевъ коптовъ скончался.

Во время короткаго перехода въ три мили, мы переправились черезъ три значительныя рѣчки. Въ одной изъ нихъ температура воды была +17° Цельзія.

4-го іюня, не найдя тропинки въ желаемомъ для насъ направленіи, дневали въ Бекокоро. У Джефсона сильная лихорадка, температура тѣла 105°. Мистеръ Бонни тоже захворалъ. За то Стэрсъ выздоровѣлъ, а капитанъ Нельсонъ, такъ здоровъ и крѣпокъ, что всѣ эти дни работаетъ за двухъ, стараясь вознаградить себя за прежнее невольное бездѣйствіе въ теченіе своей долгой болѣзни съ октября 1887 до октября 1888 г.

Мы измѣряли плоды здѣшнихъ фиговыхъ банановъ, и оказалось что они длиной семнадцать съ половиною дюймовъ, а толщиной въ руку (у предплечья).

Послѣ короткаго перехода въ два съ половиною часа пришли въ Мтарегу, селеніе, расположенное близь глубокаго ущелья, изъ котораго вытекаетъ рѣка Реми-Люлю.

Въ лагерѣ у насъ всего было вдоволь. Въ разстояніи ста саженъ отъ насъ начинался подъемъ на хребетъ Руэнцори. По крутымъ склонамъ видны были проторенныя тропинки; внизу, на двѣсти футовъ подъ нами протекала чудесная рѣка, прямо со снѣговыхъ вершинъ, прорывшая себѣ глубокое русло въ ущельѣ; въ ея водѣ было всего лишь +16° Ц. Во ста саженяхъ отъ селенія разстилались плантаціи банановъ, ямса, кукурузы и сахарнаго тростника. Я находилъ, что настала пора изслѣдовать горы и собрать ботаническую коллекцію, и потому кликнулъ кличъ, приглашая своихъ спутниковъ стяжать безсмертную славу восхожденіемъ на знаменитыя издревле Лунныя горы. Самъ я поправился на столько, что могъ теперь пройти пѣшкомъ саженъ сто, но не болѣе. Мистеръ Джефсонъ сказалъ, что лихорадка, къ сожалѣнію, совсѣмъ убила въ немъ геройскій духъ. Капитанъ Нельсонъ извиняясь, освѣдомился,—точно-ли необходимо залѣзать на такія непомѣрно высокія горы, и есть-ли въ этомъ какая нибудь практическая польза, а потомъ, посмотрѣвъ на нихъ очень торжественно и серіозно, прибавилъ: нѣтъ, покорно благодарю.

Докторъ Пэркъ справедливо находилъ, что его мѣсто—при больныхъ, а мистеръ Бонни, бѣдняга, такъ изнемогъ лихорадкой, что, отъ него остались только кости да кожа. Капитанъ Казати печально качалъ головой, какъ-бы желая сказать: „вы посмотрите на меня, куда я гожусь“? Но паша считалъ это вопросомъ чести: не онъ-ли сто разъ выражалъ восхищеніе при одной мысли о восхожденіи на эти горы? И вотъ, настал критическій моментъ въ жизни экспедиціи. Стэрсъ, искоса взглянулъ на угрюмыя, неизвѣданныя высоты, молвилъ: «что-жь, попробую слетать». Оставалось снабдить его совѣтами, инструментами, провѣрить его анероиды по образцовому экземпляру, бывшему со мной въ лагерѣ, дать ему людей и внушить имъ быть какъ можно осторожнѣе, беречься простуды, не стоять на вѣтру послѣ труднаго подъема, и проч.

Вечеръ былъ очень пріятный. Лагерь на высотѣ 3.860 футовъ надъ уровнемъ моря и во всю ночь изъ ущелья Реми-Люлю дулъ прохладный вѣтерокъ. На утро Стэрсъ выступилъ и паша вмѣстѣ съ нимъ. Но увы! Поднявшись на тысячу футовъ, паша спасовалъ и воротился въ лагерь, а Стэрсъ пошелъ выше. Вотъ его донесеніе объ этой экскурсіи.

«Лагерь экспедиціи, 8-го іюня 1889.

Сэръ!

Рано утромъ 6-го іюня, въ сопровожденіи сорока занзибарцевъ мы вышли изъ лагеря экспедиціи, направились къ подножію горъ, перешли черезъ рѣчку и начали восхожденіе на горы.

При мнѣ было два анероида, предварительно вывѣренныхъ по образцовому экземпляру анероида, оставшагося въ лагерѣ подъ непосредственнымъ вашимъ наблюденіемъ, и одинъ термометръ Фаренгейта.

Первый подъемъ на 900 футовъ былъ довольно легокъ, благодаря туземной тропинкѣ, которая вела къ группѣ хижинъ на холмахъ. Хижины оказались круглаго типа, столь обыкновеннаго въ равнинѣ, но съ тою разницею, что при устройствѣ внутренности ихъ употребляется преимущественно бамбукъ. Пища туземцевъ состоитъ изъ маиса, банановъ и корней колоказіи. По мѣрѣ удаленія отъ хижинъ мы вскорѣ вышли изъ предѣловъ травянистой растительности и вмѣсто частой, высокой травы пошли низкіе деревянистые кустарники, въ перемежку съ колючими и цѣпкими, что очень затрудняло путь.

Въ половинѣ девятаго часа утра пришли въ другую деревню того же типа и убѣдились, что жители покинули ее за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Барометръ показывалъ 23 . 58 и 22 . 85; термометръ Фаренгейта 75° (23°, 88° по Цельзію). Со всѣхъ сторонъ росли драцены, а мѣстами по одиночкѣ древовидные папоротники и пальмы, между тѣмъ какъ во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ къ растительности припутывались массы длинныхъ папоротниковъ. По вершинамъ холмовъ и на ближайшихъ выступахъ горъ стали появляться дикари, пытавшіеся пугнуть насъ и отогнать обратно въ равнину; для этого они кричали, вопили и трубили въ рога. Однако мы не мѣняя шага продолжали подниматься въ гору; тогда они ушли и больше насъ не тревожили.

Благодаря густому туману, отсюда вовсе не видно было ни лѣса, разстилавшагося въ равнинѣ далеко внизу у нашихъ ногъ, ни холмовъ и высотъ къ западу и сѣверо-западу.

Въ половинѣ одиннадцатаго часа, послѣ очень крутаго подъема, достигли самаго верхняго изъ туземныхъ селеній; здѣсь воздѣлывались бобы и колоказія, но банановъ уже не было. Барометръ показывалъ 22 . 36; термометръ Фаренгейта 84° (28°, 88° по Цельзію). За селеніемъ по гребню горы шла чуть замѣтная тропа къ лѣсу; по ней мы и направились, но мѣстами было такъ круто, что приходилось вползать на четверенькахъ.

Къ 11-ти часамъ дошли до лѣсу, оказавшемуся бамбуковымъ: вначалѣ онъ довольно рѣдокъ, но чѣмъ выше поднимались, тѣмъ гуще

онъ становился. Тутъ мы замѣтили внезапную и очень рѣзкую перемѣну въ окружающемъ воздухѣ: онъ сталъ гораздо свѣжѣе, чище и прохладнѣе, такъ что всѣ мы почувствовали себя освѣженными и пошли впередъ бодрѣе и легче. Зайдя такъ далеко, занзибарцы вошли во вкусъ и имъ ужь захотѣлось залѣзть какъ можно выше. Они начали шутить и перекоряться, кто больше захватитъ и принесетъ внизъ той «бѣлой штуки», которая покрываетъ вершины. Въ 12 часовъ и 40 минутъ мы вышли изъ бамбуковаго лѣса и усѣлись закусить на травянистой лужайкѣ. Барометры показывали 21 . 10 и 27 . $\frac{95}{100}$. Термометръ Фаренгейта 70° (21°, 11° по Цельзію). Передъ нами, постепенно подымаясь, возвышался пикъ, на 1.200 футовъ выше того мѣста, гдѣ мы отдыхали. Мы рѣшились влѣзть на его вершину и пройдя немного вступили въ чащу древовиднаго вереска. Нѣкоторые кусты были почти въ три сажени вышиной, и такъ какъ приходилось шагъ за шагомъ прорубаться черезъ нихъ, мы поневолѣ подвигались медленно, и при томъ для передовыхъ это было очень утомительно.

Въ 3 часа 15 минутъ остановились передохнуть среди вереска. Тамъ и сямъ еще попадались заросли низкорослаго бамбука: почти у каждаго экземпляра стволъ былъ пронизанъ отверстіями, которыя просверлены какими-то насѣкомыми и дѣлаютъ растеніе совершенно негоднымъ къ обычному его употребленію. Подъ ногами у насъ разстилался толстый коверъ изъ губчатаго, влажнаго моха, а на вересковыхъ кустахъ мы замѣтили, что всѣ вѣтви густо обросли бородатымъ лишайникомъ (Usnea). Тутъ-же мы нашли множество голубыхъ фіалокъ и лишайниковъ и я набралъ съ этого мѣста нѣсколько экземпляровъ растеній, чтобы паша могъ ихъ опредѣлить. Мѣстность была пропитана холодною сыростью, такъ что несмотря на усиленную ходьбу и постоянное движеніе, мы очень прозябли и постоянно ощущали окружавшій насъ холодный туманъ. Несомнѣнно, что влажное состояніе всѣхъ растеній и постоянная сырость, дѣлающая почву слегка скользкою подъ ногами, происходятъ именно отъ тумановъ, льнущихъ къ вершинамъ горъ.

Въ началѣ пятаго часа пополудни мы стали лагеремъ среди высокаго вереска. Вырубивъ самые большіе кусты мы устроили себѣ кое-какое пристанище, набрали топлива и вообще расположились на ночлегъ. Впрочемъ топливо оказалось недѣйствительнымъ: дерево было такъ сыро, что не хотѣло горѣть. По этой причинѣ едва одѣтые занзибарцы страшно прозябли, хотя мы находились еще только на высотѣ 8.500 футовъ. Термометръ Фаренгейта показывалъ 60° (15°, 55°

по Цельзію). Изъ лагеря видны были передовыя заостренныя вершины и я только тутъ началъ опасаться, что намъ не удастся достигнуть снѣговой линіи. Прямо передъ нами, какъ разъ на пути къ снѣжной вершинѣ, зіяли три глубокія ложбины; на днѣ двухъ изъ нихъ росъ частый кустарникъ. Предстояло не только перейти черезъ эти ложбины, но опять прорубаться сквозь чащу. Слѣдовательно вопросъ о томъ, можемъ ли мы достигнуть вершины, сводился на вопросъ о времени. Я рѣшился утромъ отправиться дальше, обстоятельно изслѣдовать свойства предстоящихъ намъ препятствій и въ томъ случаѣ, если возможно ихъ преодолѣть въ скорости, постараться пройти какъ можно выше.

На утро 7-го іюня, отобравъ партію наилучшихъ людей, а остальныхъ отославъ обратно, мы опять начали подниматься, испытывая все тоже, что и наканунѣ. Ночь была очень холодная, нѣкоторые изъ людей жаловались на ознобъ, но всѣ были очень бодры и охотно шли впередъ. Около десяти часовъ утра мы подошли къ первой изъ упомянутыхъ ложбинъ. Смѣривъ ее глазами, я убѣдился, что переходъ черезъ нее возметъ очень много времени, а впереди были еще двѣ такія же. Отсюда, на разстояніи двухъ съ половиною миль, въ первый разъ мы увидѣли снѣговую вершину и я разсчелъ, что до этого ближайшаго снѣжнаго пункта мы дойдемъ не иначе какъ въ полтора дня. Слѣдовательно, нечего было и думать о восхожденіи; при настоящихъ обстоятельствахъ оно могло кончиться очень дурно, потому что у насъ не было съ собою достаточнаго пропитанія; а двое изъ людей, кромѣ того были слишкомъ легко одѣты. Поэтому я рѣшился возвратиться, въ твердой надеждѣ, что изъ другой лагерной стоянки можетъ представиться болѣе удобный случай предпринять подобное восхожденіе, и тогда можно будетъ достигнуть вершины.

За первою ложбиной возвышался обнаженный скалистый пикъ очень ясно обрисованный и извѣстный намъ въ качествѣ юго-западнаго пика «Раздвоенной Вершины» или «Близнецовъ». Въ верхней части своей этотъ пикъ лишенъ растительности, крутые скаты его только въ одномъ или двухъ мѣстахъ допускаютъ нѣсколько травы и вереска.

Высшая изъ точекъ, достигнутыхъ нами, по точнымъ вычисленіямъ оказалась на 10.677 футовъ выше уровня моря. Высота снѣговаго пика надъ мѣстомъ наблюденія должна быть приблизительно въ 6.000 футовъ, такъ что эту гору можно считать вышиною въ 16.600 футовъ. Но это не самый высокій пикъ въ группѣ Руэнцори. Съ помощью зрительной трубки я могъ совершенно ясно разсмотрѣть форму вершины. Верхній конецъ пика увѣнчанъ неправильною массой зубчатыхъ, отвѣсныхъ утесовъ, расположенныхъ на подобіе кра-

тера. Чрезъ зазубрины ближайшаго ко мнѣ края я могъ видѣть на противоположной окраинѣ такіе же зубцы, одинаковой высоты. Отъ этого зубчатаго вѣнца идетъ спускъ къ востоку, съ уклономъ около 25°, но онъ скоро теряется изъ вида, будучи заслоненъ ближайшею возвышенностью; западный склонъ гораздо круче. Снѣгъ лежитъ главнымъ образомъ на этой ближайшей къ намъ сторонѣ, и покрываетъ ее сплошь повсюду, гдѣ подъемъ не слишкомъ крутъ. Наибольшій участокъ, покрытый сплошнымъ снѣгомъ, простирается на 600 футовъ въ одну сторону и на 300 футовъ въ другую, и снѣгъ тамъ настолько глубокъ, что только въ двухъ мѣстахъ на его поверхности проступаютъ черные утесы. Менѣе обширныя снѣговыя пространства сходятъ и въ ложбину. Отъ нижней линіи снѣговъ до вершины пика должно быть отъ 1.000 до 1.200 футовъ. Къ востоко-сѣверо-востоку нашъ горизонтъ заслонялся отрогомъ, который проходя за самымъ мѣстомъ нашего привала и круто подымаясь, загибается затѣмъ горизонтально и примыкаетъ къ снѣжному пику. Отрогъ лежащій отъ насъ на югъ, отходитъ также отъ этихъ высочайшихъ пиковъ. Общее расположеніе горъ повидимому именно таково, что снѣговыя вершины составляютъ центръ, отъ котораго хребты расходятся радіально и постепенно спускаются въ равнины. Такое расположеніе можетъ быть причиною, что на западной сторонѣ горные потоки, исходя изъ общаго центра, постепенно расходятся другъ отъ друга, пока не дойдутъ до нижней равнины. Тамъ они поворачиваютъ на западъ-сѣверо-западъ, извиваются вдоль подножія передовой цѣпи, впадаютъ въ рѣку Семлики и съ нею дальше, въ озеро Альбертъ-Ніанзу. Другой снѣговой вершины, видѣнной нами нѣсколько разъ прежде, отсюда вовсе не было видно, потому что ее заслоняла «раздвоенная вершина». Я думаю, что та, невидная отсюда вершина, должна составлять оконечность снѣговаго хребта, видѣннаго нами изъ Кавалли, и въ такомъ случаѣ она должна быть выше того пика, на который мы пытались влѣзть. По многимъ причинамъ можно полагать, что эти пики вулканическаго происхожденія. Наиболѣе же убѣждаетъ меня въ этомъ то, что съ западной стороны вокругъ центральной массы расположено много меньшихъ конусовъ. Они произошли отъ того, что когда кратеръ центральнаго вулкана настолько загромоздился, что давленіе газовъ изнутри было уже недостаточно для изверженія накопившихся тамъ камней и лавы, газы искали выхода черезъ другія, болѣе слабыя мѣста; и тогда, прорвавъ земную кору въ нѣсколькихъ пунктахъ, они образовали тѣ самые меньшіе конусы, которые мы теперь видимъ.

Животныхъ въ этихъ горахъ мы почти вовсе не встрѣчали. Какая нибудь дичь тутъ навѣрное водится, судя по тому, что по сторонамъ

тропинки мы замѣтили много западней, т. е. ямъ, вырытыхъ для поимки звѣря, а въ мѣстныхъ горныхъ хижинахъ видѣли маленькіе силки, какіе употребляются здѣсь для ловли мелкихъ звѣрковъ.

Въ одной ложбинѣ мы слышали крикъ обезьяны, да видѣли нѣсколькихъ птицъ тусклаго, сѣро-бураго цвѣта, въ родѣ каменки; и больше ничего.

На высотѣ 10.000 футовъ—и еще выше—мы находили чернику и ежевику, и мнѣ удалось набрать нѣсколько растеній для коллекцій паши, который любезно сообщилъ мнѣ списокъ ихъ родовыхъ названій, прилагаемый ниже. Мнѣ очень жаль что намъ не удалось достигнуть снѣговой линіи и принесть съ собою хоть немного снѣгу въ доказательство того что мы совершили такой подвигъ. Но при тѣхъ обстоятельствахъ въ которыхъ мы находились, я чувствовалъ что продолжать восхожденіе было бы болѣе нежели безполезно; а потому, несмотря на то, что всѣ мы были вполнѣ бодры и намъ даже очень хотѣлось идти дальше, я велѣлъ поворачивать назадъ.

Стрѣлка большого анероида стояла тогда на 19.90. Я повернулъ верхнюю (подвижную) стрѣлку какъ разъ въ противуположную сторону и мы тронулись въ обратный путь. 7-го іюня въ 3 часа пополудни я явился къ вамъ, совершивъ переходъ отъ подножія «Раздвоенной Вершины» до лагеря въ четыре съ половиною часа.

Честь имѣю быть и проч.

У. Д. Стэрсъ».

P. S. Предлагаю ниже родовыя названія растеній, собранныхъ мною и опредѣленныхъ Эминомъ-пашою.

1) Clematis.	14) Sonchus.	27) Asplenium.
2) Viola.	15) Erica arborea.	28) Aspidium.
3) Hibiscus.	16) Landolphia.	29) Polypodium.
4) Impatiens.	17) Heliotropium.	30) Lycopodium.
5) Euphrasia.	18) Lantana.	31) Selaginella.
6) Elicyna (?).	19) Moschosma.	32) Marchantia.
7) Rubus.	20) Lissochilus.	33) Parmelia.
8) Vaccinium.	21) Luzula.	34) Dracaena.
9) Begonia.	22) Carex.	35) Usnea.
10) Peucedanum.	23) Anthistiria.	36) 1 древовидн. папоротникъ } новые.
11) Helichrysum.	24) Adiantum.	37) 1 папоротникъ } новые.
12) Gnaphalium.	25) Pellia.	38) 1 полиподіумъ } новые.
13) Senecio.	26) Pteris aquilina.	

Если-бъ возможно было отсюда разсматривать виды, то видъ на долину Семлики долженъ бы быть крайне интересенъ. Но намъ, сквозь густой бѣловатый туманъ, только и было видно что она—можетъ быть

на очень далекое пространство—покрыта густымъ лѣсомъ. Слои тумана ходили надъ нимъ то неправильными потоками, то сплошными массами, на подобіе того какъ ходятъ облака въ небѣ. Повременамъ, и то не надолго, тамъ обрисовывались блѣдные силуэты безконечнаго лѣса, за тѣмъ сквозь древесную листву вырывались клубы пара, какъ будто тамъ дымилось множество горячихъ ключей, и все опять заволакивалось новыми слоями тумана. Ближе къ намъ, на переднемъ планѣ ясно можно было различить неровности почвы, холмы и ложбины, или-же закругленныя, котлообразныя углубленія, наполненныя яркою зеленью банановыхъ рощъ.

За нѣсколько сотъ саженъ отъ лагеря одинъ изъ пиковъ «Раздвоенной Вершины» былъ видѣнъ и по точнымъ вычисленіямъ оказался на высотѣ 12.070 футовъ.

Послѣ трехдневной стоянки мы тронулись дальше, спустились по крутымъ обрывамъ въ ущелье Реми-Люлю, перебрались черезъ узкое русло и поднялись на столь-же крутой противуположный берегъ, причемъ убѣдились въ такомъ фактѣ, котораго быть можетъ и не замѣтили бы, еслибы не пришлось въ этомъ мѣстѣ спускаться и подыматься, а именно: рѣка прорыла себѣ это глубокое русло сквозь террасу, образовавшуюся отъ смытыхъ и оторванныхъ частей горнаго склона. Терраса эта вся наносная и состоитъ изъ земли, камня, валуновъ и щебня, валившагося съ горъ и сопровождавшагося такими громадными дерновинами, что теченіе рѣки должно было въ этомъ мѣстѣ прерваться и вмѣсто рѣчнаго русла съ теченіемъ времени образовался обширный и высокій уступъ; однако мало по малу рѣка Реми-Люлю прососала эти массы, пробуравила ихъ, и такъ глубоко врѣзалась, что громадная терраса разсѣлась пополамъ на глубину двухсотъ футовъ,—явленіе поучительное.

Раннимъ утромъ какой-то смѣльчакъ—туземецъ убилъ копьемъ старшину изъ племени Мади.

Не доходя одной мили до Мтареги, луговая полоса, къ которой мы предпочтительно льнули, кончилась: лѣсъ занялъ долину Семлики во всю ширину, перешелъ на склоны Руэнцори, вползъ до высоты семи тысячъ футовъ надъ нашими головами и волей, неволей—приходилось опять вступать въ его унылыя тѣни. Но зато это былъ самый настоящій, совершенный тропическій лѣсъ, по разнообразію и пышности растительныхъ формъ затмившій собою даже долину Итури. Тутъ были группы пальмъ, древовидные папоротники гигантскихъ размѣровъ, дикорастущіе бананы, высокія, стройныя деревья, сверху до низу окутанныя толстымъ слоемъ зеленаго мха; непроницаемыя чащи широколиственныхъ породъ, и все это было обрызгано каплями

влаги, между тѣмъ какъ изъ-подъ плотнаго ковра яркой зелени то и дѣло сочились и журчали мелкіе ручьи. Лучше этого образца тропической оранжереи я ничего въ жизни не видывалъ. Никакое искусство не могло-бы сдѣлать ничего лучше того, что устроила сама природа. Въ каждой развилинѣ дерева, на каждой старой, выдающейся горизонтально вѣтви росли прелестнѣйшіе папоротники и лишайники: такъ называемыя «слоновые уши», во множествѣ, тутъ же въ перемежку съ ними орхидныя, свѣтлозеленый мохъ образуетъ подъ ними мягкія, круглыя подушки; на каждой травинкѣ, на каждомъ тонкомъ волоскѣ дрожитъ прозрачная капля влаги и вся атмосфера насыщена теплыми парами. Причину всѣхъ этихъ явленій отыскать было не трудно: то были три источника горячей воды, температура которыхъ равнялась 102° по Фаренгейту (+39° по Цельсію). Кромѣ того, нашъ путь пролегалъ уютной долиной, одной изъ глубокихъ складокъ снѣговаго хребта, въ которой особенно долго сохранялась теплота отъ знойнаго экваторіальнаго солнца.

Мы нашли въ лѣсу сухое мѣсто, переночевали тутъ, а на другой день, пройдя шесть съ четвертью миль, вышли изъ лѣсу на превосходную равнину въ округѣ Улегга и стали лагеремъ въ широко раскинувшейся деревнѣ, на выстрѣлъ изъ лука отъ подъема въ горы. Банановыя рощи покрывали здѣсь склоны холмовъ, спускались въ ложбины, окаймляли подножіе горъ, и глубокими клиньями вдавались въ долину Семлики, словомъ—всюду были бананы, но однакожъ не было недостатка ни въ табакѣ, ни въ кукурузѣ, ни въ бобахъ двухъ сортовъ, ни въ ямсѣ и колоказіи.

Мы вступили въ этотъ округъ подозрительно и осторожно. Предательское убійство старшины мади показало намъ, что тутъ нужно держать ухо востро и денно и нощно быть на сторожѣ. Въ первой-же деревнѣ нашъ авангардъ столкнулся съ людьми, которые не преминули высказать неудовольствіе по поводу нашего появленія и сразу отнеслись къ намъ враждебно. Это навело насъ на мысль, что вскорѣ придется выдержать серьезную борьбу. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись селенія и если храбрость туземцевъ сколько-нибудь подъ стать ихъ численности, они могли оказать намъ упорное сопротивленіе. Мы выслали по направленію къ горамъ нѣсколько небольшихъ отрядовъ вооруженныхъ людей и тамъ произошли очень оживленныя стычки; но вотъ часа въ четыре пополудни нѣкто Матейра, уроженецъ Бари и переводчикъ въ отрядѣ Эмина-паши, ухитрился разговориться съ туземцами и склонилъ старшину на мировую. Старшина явился къ намъ въ лагерь и объявилъ, что пришелъ повергнуться къ нашимъ стопамъ и предоставляетъ намъ казнить его или миловать. Мы велѣли

трубить отбой, въ двѣ минуты пальба прекратилась и наступило мертвое молчаніе.

Этотъ старшина и его сотоварищи были первые встрѣченные нами представители округа Уконджу; отважное появленіе въ нашемъ лагерѣ старшины съ такими мирными цѣлями, сразу завоевало ему наши симпатіи и уваженіе. Впрочемъ, наружность этихъ людей меня озадачила и даже до нѣкоторой степени разочаровала; но потомъ, пораздумавъ хорошенько, я рѣшилъ, что понапрасну. Самъ не знаю, почему я думалъ что эти горцы, т. е. собственно мѣстные обитатели, знакомые съ горною природой, окажутся болѣе свѣтлокожими, чѣмъ жители лѣсовъ въ долинахъ Итури и Семлики. На дѣлѣ они оказались чернѣе самихъ занзибарцевъ. Если предположить, что у подошвы швейцарскихъ Альпъ живетъ народъ, на который нападаетъ несмѣтное полчище скандинавцевъ, туземцы конечно будутъ искать убѣжища въ горахъ; точно такимъ же образомъ и эти чернокожіе чистѣйшаго негритянскаго типа, будучи не въ силахъ противустоять напору индоафриканскаго племени Уахуэзи и нашествіямъ мѣднокожихъ лѣсныхъ дикарей, бѣжали въ горы и пріютились въ укромныхъ мѣстахъ экваторіальныхъ Альпъ. Свѣтлокожія племена плодились и наводняли окружающія равнины, а племя уаконджу обособилось, окончательно засѣвъ въ горахъ.

На другой день, на пути ко Мцорѣ, мы переходили черезъ пять рѣчекъ, которыя, исходя изъ горъ, текутъ въ Семлики. Одна изъ нихъ очень многоводная, называется Бутаху; температура ея воды $+57^0$ по Фаренгейту ($+16^0$ Ц.).

Во Мцорѣ наши новые союзники, уаконджу, сообщили намъ много интересныхъ свѣдѣній о топографіи края. Вотъ что я отъ нихъ узналъ.

Они говорили, что въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отсюда находится рукавъ того верхняго озера, о которомъ мы столько наслышались, и который я открылъ въ январѣ 1876 года. Они называютъ его Ингези, что въ Киніоро означаетъ рѣка, или болотистое мѣсто, или озерцо. Само Руэру (т. е. озеро) отсюда въ двухъ дняхъ пути на югъ.

Впрочемъ, они называли его также Ніанзой, а когда я спросилъ какъ же зовутъ эту Ніанзу, они сказали «Мута-Нзиге», причемъ оказалось, что нѣкоторымъ изъ нихъ извѣстны три Мута-Нзиги, а именно: одно въ Уніоро, другое въ Усонгорѣ, третье въ Угандѣ.

Что-же касается до Ніанзъ, то ихъ оказывалось что-то ужасно много: одна Ніанза въ Уніоро, другая въ Усонгорѣ, третья въ Уніампекѣ, четвертая въ Торо;—далѣе Семлики—Ніанза, Уніавинги—Ніанза, и

наконецъ Ніанза въ Карагуэ и Ніанза въ Угандѣ. Ніанзой, очевидно, называется каждая значительная рѣка, питающая озеро, и каждый обширный заливъ, но и озёра, какъ большія такъ и малыя, тоже Ніанзы, или «Руэру».

Тѣ полу-эѳіопскія племена, которыхъ мы знали въ Кавалли подъ именами уахумовъ, уэймовъ, уавиту, уахуэзи здѣсь извѣстны подъ названіями уайяна, уаніевинги, уасонгора и уаніанкори.

Руэнцори, лѣсными жителями уже называемый Бугомбуа, Эвирейка и Вирука, здѣсь называется Руэнцу-ру-ру или Руэнджура, судя по тому какъ туземецъ можетъ выговорить.

Рѣка Бутаху отдѣляетъ Улеггу отъ Уринги.

Уара-суры собраны надъ начальствомъ Рукеры, одного изъ военачальниковъ Кабба-Реги, короля уніорскаго. Говорятъ, что шайка этихъ свирѣпыхъ разбойниковъ стоитъ лагеремъ у переправы черезъ рѣку Уайану, за нѣсколько миль къ сѣверу отсюда. Уаконджу предлагали помочь намъ выгнать ихъ изъ этого края.

Главная квартира Рукеры, по слухамъ, въ Катуэ, городѣ близь Соленыхъ Озеръ, отсюда на югъ.

Еще намъ сказали, что на западномъ берегу Семлики живутъ племена Уакови и Уасоки, а также существуютъ пигмеи Уатуа.

Мы узнали, что Усонгоро и Торо находятся во власти Кабба-Реги; но обитатели острововъ на озерѣ отказались принять подданство, а начальникъ ихъ, Кекури, обращался къ уаніавингамъ и къ уаніанкорамъ съ просьбой помочь ему противъ Кабба-Реги. Намъ обѣщали что всѣ уасонгоры и уаконджу покорятся намъ, если мы согласимся вступить съ ними въ союзъ. Это предложеніе я принялъ.

Уаконджу—люди средняго роста, съ круглыми головами и широкими лицами. На верхнихъ частяхъ ногъ и рукъ они носятъ множество тонкихъ обручей, свитыхъ изъ волоконъ пальмы каламусъ. Старшины носятъ тяжелые браслеты изъ мѣди или изъ латуни. Ожерелья женщинъ состоятъ изъ тяжелыхъ желѣзныхъ колецъ, закрученныхъ по концамъ спиралью. Говорятъ что по склонамъ горъ находятъ много превосходнаго горнаго хрусталя.

При входѣ почти въ каждую деревню въ округѣ Уконджу стоитъ миніатюрный шалашъ съ крошечной дверкой, передъ которой туземцы кладутъ бананъ или яйцо. Существуетъ повѣрье будто бы Миконджу, родоначальникъ ихъ племени, впервые расчистившій лѣсъ и насадившій банановъ, учредилъ такой обычай ради предупрежденія воровства. Это приношеніе фетишу или мѣстному божеству должно напоминать ему, что его дѣло сторожить ихъ банановыя рощи и охранять яйца, изъ которыхъ выводится ихъ домашняя птица.

12-го іюня я послалъ лейтенанта Стэрса съ шестидесятью ружьями и нѣсколькими проводниками уаконджу на рѣку Семлики, чтобы собрать о ней самыя достовѣрныя свѣдѣнія. На другой день онъ возвратился и донесъ, что туземцы приняли его охотно, выразили покорность, сами провожали его къ рѣкѣ и объясняли ему все, что онъ пожелалъ узнать. Онъ нашелъ, что рѣка въ этомъ мѣстѣ имѣетъ двадцать саженъ ширины, десять футовъ глубины и протекаетъ между крутыми берегами вышиной отъ 50 до 60 футовъ (отъ 25 до 28 аршинъ) со скоростью теченія до трехъ миль въ часъ. Отвѣдавъ ея воды, разсмотрѣвъ ее, и разспросивъ туземцевъ, которые были потолковѣе, Стэрсъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) такъ какъ на западномъ берегу рѣки, насупротивъ хребта Руэнцори, отъ самого озера Альберта тянется горная цѣпь, повидимому непрерывная; 2) такъ какъ вода въ рѣкѣ особаго сѣроватаго цвѣта и мутная; 3) такъ какъ на вкусъ она солоновата и отличается особымъ, непріятнымъ привкусомъ, свойственнымъ и водѣ озера Альберта; 4) такъ какъ по единогласному показанію туземцевъ она течетъ сначала отклоняясь къ западу, потомъ на сѣверъ, потомъ на сѣверо-востокъ и впадаетъ въ Уніорское озеро, которое и есть озеро Альберта; 5) такъ какъ одинъ мѣстный путешественникъ, изслѣдовавшій рѣку изъ конца въ конецъ, положительно утверждаетъ, что она вытекаетъ изъ одного озера и впадаетъ въ другое; мы заключаемъ, что рѣка Семлики, вытекая изъ верхняго (т. е. южнаго) озера течетъ по извилистому руслу, сначала сильно отходя къ западной горной цѣпи, потомъ поворачиваетъ къ сѣверо-востоку, постепенно приближается къ хребту Руэнцори, протекаетъ черезъ лѣсную часть Авамбы, чрезъ Утуку, и впадаетъ въ озеро Альбертъ-Ніанзу.

Съ вершины муравейнаго холма близь Мцоры я замѣтилъ, что за милю отсюда къ западо-сѣверо-западу начинается равнина, совершенно такая-же какъ та, что обманула тогда египтянъ, заставивъ ихъ привѣтствовать себя въ качествѣ ихъ любезнаго озера; только теперешняя равнина тянется далеко на югъ и представляетъ подобіе озернаго русла, изъ котораго вода ушла недавно. Рѣка Семлики, впитавшая его до-суха, течетъ теперь на 50 или 60 футовъ (около девяти саженъ) ниже окраины его береговъ. Такъ какъ берега состоятъ изъ озерныхъ осадковъ, то есть изъ сѣраго ила и песку, они конечно не могли противустоять напору столь сильнаго теченія и если бы не подводныя скалы, залегающія ниже наноснаго слоя, нѣтъ сомнѣнія, что такая рѣка вынесла-бы всю воду и изъ верхняго (южнаго) озера. Лѣсъ занялъ долину во всю ширину, образуя поперекъ ея темную преграду, представляющую рѣзкій контрастъ съ бѣлесоватой травой,

которая ростетъ по старому руслу высохшаго озера и питается его соляными отложеніями.

Однажды вечеромъ, во время пребыванія нашего во Мцорѣ, передъ закатомъ солнца открылся великолѣпнѣйшій видъ на Руэнцори. По ту сторону передоваго хребта показались наконецъ обширныя поля снѣга, а изъ-за нихъ выставились бѣлоснѣжные пики. Во весь день мы видѣли лишь длинный рядъ темныхъ, величавыхъ стѣнъ, верхушки которыхъ скрывались за слоями свинцоваго тумана; но вотъ съ пяти часовъ пополудни верхніе гребни горъ постепенно стали разоблачаться и глазамъ нашимъ представилась торжественная линія исполинскихъ массъ; потомъ, изъ-за черныхъ тучъ начали одна за другой возникать бѣлыя вершины и наконецъ весь снѣговой хребетъ предсталъ передъ нами въ своей величавой и унылой красотѣ. Это была такая поразительная картина великолѣпія и пустынности, что мы не могли отъ нея глазъ оторвать и на всѣхъ лицахъ было написано благоговѣйное изумленіе. Туземцы говорятъ что слово «Руэнцори» означаетъ *Дѣлатель дождя* или *Царь облаковъ*.

14-го іюня мы выступили въ сопровожденіи цѣлой свиты уаконджу, и черезъ четыре съ половиною часа достигли Мухамбы, въ Усонгорѣ. Выйдя изъ Мцоры мы сошли въ травянистую равнину, еще въ не очень давнее время бывшую частью того озера, къ которому мы теперь направлялись. На полпути переправились чрезъ довольно значительный притокъ Семлики, называемый Руими, и отдѣляющій Уконджу отъ Усонгоры. Вскорѣ послѣ того переправлялись черезъ другой потокъ, исходящій изъ горячаго ключа.

На другой день, пройдя одинъ часъ дольше Мухамбы, мы покинули равнину и начали подниматься въ горы, такъ какъ къ югу хребетъ понижается и образуетъ продолговатый холмистый мысъ, раздѣляющій Усонгору на восточную и западную части, которыя когда-то обѣ были подъ водами озера. Поднявшись на высоту около 1.500 футовъ мы увидѣли передъ собою цѣлый міръ холмовъ и вѣроятно кромѣ того увидѣли-бы зрѣлище незабвенное, если бы не вѣчный туманъ, окутывающій главный хребетъ. Но видъ былъ все таки очень замѣчателенъ и несомнѣнно, въ будущія времена часто будутъ писать съ него картины, рисовать и всячески его описывать. Онъ мнѣ напомнилъ альпійскіе пейзажи, видимые изъ Берна, хотя здѣшніе африканскіе хребты гораздо выше тѣхъ; да надъ ними еще высятся эти бѣлоснѣжные пики, величавые цари, перепоясанные дымчатыми облаками.

Пройдя упомянутый высокій мысъ, мы спустились на триста футовъ ниже, перерѣзали узкую и глубокую долину и стали лагеремъ въ Карими.

15-го іюня въ 5 час. 15 мин. пополудни облака и туманы разсѣялись съ высотъ Руэнцори и открылся наилушій изъ всѣхъ видѣннымъ нами доселѣ видовъ. Описаніе его отлагаю до слѣдующей главы. Мы поспѣшили установить фотографическій аппаратъ, чтобы увѣковѣчить одно изъ рѣдчайшихъ въ мірѣ зрѣлищъ и представить самый великолѣпный изъ всѣхъ африканскихъ видовъ.

16-го іюня сдѣлали длинный переходъ въ 4³/₄ часа и пришли къ зерибѣ Рузессэ. Изъ Карими мы футовъ на семьсотъ спустились въ равнину восточной Усонгоры и черезъ часъ пришли къ рѣкѣ Руверам, имѣющей до 40 футовъ ширины при глубинѣ въ одинъ только футъ; это потокъ совершенно прозрачный и холодный какъ ледъ, такъ и видно что онъ только что покинулъ родные ледники. Все это утро Руэнцори былъ на виду,—красота и величіе несказанное. Когда мы подходили къ Рузессэ, одинъ мсонгорскій пастухъ, состоящій на службѣ у Рукеры, уарасурскаго военачальника, пришелъ къ намъ съ равнины и предложилъ, что онъ намъ укажетъ гдѣ найти одинъ изъ табуновъ, принадлежащихъ Рукерѣ. Мы воспользовались дружескою услугой этого молодца, который дѣйствовалъ такъ изъ патріотизма, въ отместку тирану, раззорявшему его родину. Мы дали ему конвой изъ пятидесяти ружей и подъ прикрытіемъ его черезъ четверть часа получили двадцать пять головъ жирнаго скота, который присоединили къ своему прежнему стаду изъ ста головъ и благополучно пригнали къ зерибѣ селенія Рузессэ. Съ вершины навозныхъ кучъ, сложенныхъ вокругъ деревни на подобіе высокаго вала или укрѣпленія, мы въ первый разъ увидѣли Альбертъ—Эдуардъ-Ніанзу, отсюда за три мили на югъ.

Глава XXIX

ИСТОКИ НИЛА. ЛУННЫЯ ГОРЫ И НИЛЬСКІЕ КЛЮЧИ.

Жеромъ Лобо о Нилѣ. — Картографы временъ Гомера. — Понятія Гекатеуса объ Африкѣ. — Африка послѣ Гиппарха. — Карта Птоломея. — Карта Эдризи. — Карта Африки изъ книги «Margarita Philosophica». — Карта Джона Рюйша. — Карта Сильвануса. — Карта Себастіана Кабо. — Своеволіе новѣйшихъ картографовъ. — Карта Констебля, изъ Эдинбурга. — Отзывъ Гуга Муррея въ книгѣ, напечатанной въ 1818 году. — Прекрасное разсужденіе о Нилѣ іезуита отца Лобо. — Выписка изъ рукописи, находящейся у его превосходительства Али-паши Мубарека. — Планъ горы Гумръ. — Хорошее описаніе Африки, сдѣланное Шіабеддиномъ. — Нилъ по свидѣтельству Абдулъ-Гассана Али. — Абу-Абдалла-Могамедъ о Нилѣ.

Каждый, прочитавшій эту главу, согласится, что правъ былъ іезуитъ, отецъ Жеромъ Лобо, писавшій въ шестнадцатомъ вѣкѣ, что «не трудно будетъ, отыскавъ истоки Нила и всѣхъ притоковъ его, рѣшить вопросъ о его происхожденіи, — вопросъ, доставившій столько хлопотъ какъ древнимъ, такъ и новымъ авторамъ, потому что они искали того, чего нельзи найти въ ихъ головахъ, и чѣмъ понапрасну только сами себя сбивали и путали».

Чтобы удовлетворить тѣхъ лицъ, которыя сами не испытали треволненій, сопряженныхъ съ подобными розысканіями, и вмѣсто странствій къ истокамъ Нила предпочитаютъ сидѣть дома у камина и при свѣтѣ лампы читать книжки объ этомъ предметѣ, я намѣренъ предложить копіи съ нѣсколькихъ старинныхъ географическихъ картъ, отъ временъ Гомера до тѣхъ учебниковъ, по которымъ насъ учили географіи. Читатель будетъ имѣть удовольствіе убѣдиться, что намъ, собственно говоря не чѣмъ похвастать; что древніе путешественники, географы и писатели имѣли довольно ясное представленіе о томъ, откуда идетъ Нилъ, что они имѣли понятіе о Лунныхъ горахъ, и о трехъ озерахъ, и объ источникахъ, дающихъ начало знаменитой египетской рѣкѣ. Мы беремъ на себя лишь пріостановить на время тѣ періодическія перестановки, которымъ подвергаются на картахъ эти

любопытныя черты африканскаго материка, переходящія отъ 10° сѣверной широты къ 20° южной широты, и съ востока Африки на западъ; мы желали-бы съ нѣкоторою точностью обозначить мѣстность нахожденія древнихъ величавыхъ «Горъ Луны» и прослѣдить Альбертъ-Нилъ и Викторію-Нилъ. Да и то лишь на время! Ибо, «какая польза человѣку отъ всѣхъ трудовъ, которые несетъ онъ подъ солнцемъ? Одно поколѣніе пройдетъ, и придетъ другое. Что было, то будетъ опять; и что совершено, то опять совершится; ибо ничто не ново подъ солнцемъ. Есть-ли что либо о чемъ можно сказать, посмотри, это новое? Оно уже было въ прежнее время, которое было до насъ. Нѣтъ памяти о прежнихъ вещахъ; также не будетъ памяти о будущихъ вещахъ, и о тѣхъ, которыя придутъ позже ихъ» *).

Всѣ географическія понятія, которыя картографы временъ Гомера изображали на своихъ картахъ, были уничтожены послѣдующими картографами и все что они, въ свою очередь, изображали, уничтожалось тѣми, которые работали позже ихъ. Тщетно работали изслѣдователи подъ жгучимъ солнцемъ, перенося труды и лишенія тяжелыхъ странствій; напрасно пытались они придать опредѣленную форму своимъ открытіямъ, потому что черезъ нѣсколько лѣтъ какой нибудь безшабашный рисовальщикъ вычеркивалъ ихъ работу. Взгляните на этотъ рядъ маленькихъ картъ и сами увидите какъ эти господа послѣдовательно уничтожали результаты каждаго открытія, доказывая тщету трудовъ и познаній. И по нынѣ здравствуетъ одинъ картографъ, котораго я считаю величайшимъ грѣховодникомъ нашего времени. Въ 1875 году я нашелъ заливъ въ сѣверо-восточномъ углу озера Викторіи. Большой, гористый островъ (настолько обширный, что 20.000 человѣкъ кормятся продуктами его почвы) блокируетъ входъ въ этотъ заливъ съ озера; однако по обоимъ концамъ его существуетъ извилистый протокъ—или проливъ—такой глубины, что по немъ вполнѣ можно пустить любой почтовый пароходъ, изъ тѣхъ что крейсируютъ въ Атлантическомъ океанѣ. И что же? На послѣднихъ картахъ этотъ заливъ стертъ съ лица земли, большой островъ куда-то перемѣщенъ, живописные притоки уничтожены, и конечно до тѣхъ поръ не появятся на позднѣйшихъ картахъ, пока другой какой нибудь путешественникъ не нанесетъ ихъ съизнова въ томъ видѣ, какъ они были нанесены въ 1875 году. И молодые путешественники бываютъ крайне довольны въ такихъ случаяхъ, и лукаво пощелкиваютъ языкомъ, позабывая старыя слова мудраго стараго Соломона, говорившаго въ старину: «Нѣтъ памяти о минувшемъ; не

*) Экклезіастъ. Глава I.

будетъ памяти о томъ что будетъ послѣ, ни о томъ что будетъ еще позднѣе».

И такъ, хотя я нахожу нѣкоторую отраду въ томъ, что до нѣкоторой степени возстановляю репутацію древнихъ географовъ, но въ концѣ цѣлаго ряда старинныхъ картъ помѣщаю въ маломъ масштабѣ и ту новѣйшую карту нильскаго бассейна, на которой нанесены черты, провѣренныя нами во время послѣднихъ нашихъ странствій. Я это дѣлаю съ печальнымъ сознаніемъ, что не пройдетъ и десяти лѣтъ какъ какой нибудь безсмысленный англійскій или нѣмецкій картографъ, отъ скуки или по невѣдѣнію передвинетъ этотъ бассейнъ на 300 или на 400 миль къ востоку или западу, къ сѣверу или югу, и тѣмъ похеритъ всю нашу работу. Но я утѣшаюсь мыслью, что на одной изъ полокъ британскаго музея всетаки будетъ-же храниться экземпляръ путешествія «въ дебряхъ Африки», и когда нибудь его найдутъ тамъ, и просмотрѣвъ рядъ приводимыхъ мною картъ, можетъ быть будутъ меня цитировать и засвидѣтельствуютъ точность моихъ показаній, въ родѣ того какъ я теперь цитирую ученыхъ географовъ древняго времени къ стыду картографовъ девятнадцатаго столѣтія.

На рисункѣ, взятомъ мною изъ драгоцѣннаго сочиненія судьи Чарльза Дэли (президента Сѣверо-Американскаго географическаго общества въ Нью-Іоркѣ) подъ названіемъ «Міръ Гомера», теченіе Нила начертано до громаднаго горнаго хребта, за которымъ обозначено мѣстожительство пигмеевъ.

Пятьсотъ лѣтъ спустя, знаменитый въ свое время путешественникъ, по имени Гекатеусъ, изобразилъ свои представленія объ Африкѣ на картѣ, приводимой ниже. Хотя онъ самъ побывалъ въ Египтѣ, но ясно, что со временъ Гомера новыхъ открытій было немного. По мнѣнію Гекатеуса, великая египетская рѣка беретъ начало въ южной оконечности Африки, тамъ, гдѣ живутъ пигмеи.

Слѣдующая, приводимая мною, карта Африки сдѣлана «величайшимъ изъ астрономовъ древности» Гиппархомъ, который жилъ за сто лѣтъ до Рождества Христова. На его рисункѣ изображены три отдѣльныхъ озера, но всѣ онѣ помѣщаются далеко на сѣверъ отъ экватора.

Затѣмъ является великій Птоломей, этотъ Равенштейнъ или Юстусъ Пэртесъ своего времени. Предшественники его пролили новый свѣтъ на извѣстные факты, а онъ провѣрилъ ихъ и украсилъ то, что ему было извѣстно. Съ научной увѣренностью, онъ перемѣстилъ истоки Нила гораздо южнѣе экватора, а наиболѣе восточное изъ трехъ озеръ назвалъ «Colve Palus».

Проходитъ тысяча лѣтъ, и мы имѣемъ дѣло съ Эдриси, арабскимъ

географомъ, жившимъ въ 1154 году христіанской эры. Въ теченіе этого тысячелѣтія люди кое-что узнали касательно темнаго материка. Горы Луны обозначены, но только на нѣсколько градусовъ южнѣе экватора. Два южныхъ озера изливаютъ излишекъ своихъ водъ въ третье, болѣе сѣверное озеро, откуда вытекаетъ Нилъ, направляющійся къ сѣверу въ Египетъ. Въ этомъ мы видимъ слѣдствіе географическихъ разспросовъ и совѣщаній съ торговцами слоновою костью.

Четыреста лѣтъ спустя, озера измѣнили свое относительное расположеніе, какъ то явствуетъ изъ прилагаемой карты 1503 года. Честолюбивые картографы добиваются точныхъ свѣдѣній отъ новѣйшихъ путешественниковъ. Повидимому, эти послѣдніе не такъ уже хорошо знакомы съ отдаленною областью нильскихъ источниковъ, какъ предшественники Эдриси. Тѣмъ не менѣе, существуетъ предположеніе, что чѣмъ свѣжѣе новости, тѣмъ онѣ достовѣрнѣе.

Однако, въ короткій промежутокъ пяти лѣтъ опять новый свѣтъ проливается на эти вопросы, или, быть можетъ, просто самъ картографъ фантазируетъ? Какъ бы то ни было, Лунныя Горы отставлены значительно ниже экватора, но озеръ на югъ отъ экватора осталось только два, третье же ушло далеко къ сѣверу.

Проходитъ еще три года, и сама Африка претерпѣваетъ рѣшительную перемѣну въ очертаніяхъ. Три озера снова придвинуты ближе другъ къ другу, и между двумя изъ нихъ начинаютъ появляться опредѣленныя формы Лунныхъ Горъ. Очевидно, эти «Горы Луны» какъ будто выростаютъ въ высь и въ ширь. Топси могла бы сказать, что онѣ «съ тѣхъ поръ, небось, подросли» *).

Слѣдующая карта показываетъ намъ работу нѣкоего Себастіана Кабо, топографа XVI столѣтія. Я не счелъ за нужное срисовывать изображенія слоновъ, крокодиловъ, императоровъ и карликовъ, которыми этотъ рисовальщикъ уснастилъ свою карту довольно страннымъ образомъ. Три озера опять стали рядомъ, а Лунныя Горы живописно поставлены во главѣ каждой изъ рѣкъ, но самый материкъ какъ будто расшатался, судя по неопредѣленности его очертаній.

Съ шестнадцатаго вѣка до половины девятнадцатаго очень мало прибавилось свѣдѣній касательно истоковъ Нила, что доказывается, между прочимъ, школьными атласами нашей юности, изъ которыхъ одинъ прилагаю ниже. На этой картѣ замѣчается уже рѣшительный регрессъ, благодаря тупоумію ея составителя. Всѣ свѣдѣнія насчетъ истоковъ Нила, собираемыя со временъ Гомера до семнадцатаго вѣка включительно, — уничтожены однимъ взмахомъ пера: всѣ озера вы-

*) „Топси“—лицо изъ романа Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома».

черкнуты, а Лунныя Горы тянутся примѣрно отъ 5° до 10° къ сѣверу отъ экватора, начинаясь у 20° долготы и кончаясь у Адена. Мы положительно обязаны картографамъ своимъ невѣжествомъ. Чуть только на картѣ появляется новая, живая черта, вѣрная дѣйствительности, какъ уже въ слѣдующемъ изданіи вы ее больше не найдете.

Своеволіе самоновѣйшихъ рисовальщиковъ ничуть не меньше того, которымъ отличались ихъ предшественники. Такъ, наприм., на одной недавней нѣмецкой картѣ, считающейся наилучшею во всей Германіи, вовсе уничтоженъ одинъ большой заливъ озера Викторіи и совершенно прямая линія, чисто изъ каприза, проведена въ такомъ мѣстѣ, гдѣ берегъ особенно зазубренъ и отличается интересными особенностями конформаціи, какъ показано мною въ 1875 году; озеро Уриги, открытое Спикомъ, сдвинуто на востокъ и отброшено къ сѣверу; Укеруэ совсѣмъ исковеркано, а на озерѣ Танганейка одинъ большой заливъ окрещенъ именемъ человѣка, который попалъ туда послѣ шестерыхъ другихъ путешественниковъ. Озеро Леопольда II чуть-чуть вовсе не стерли съ картъ, по той причинѣ, что двое нѣмцевъ, Кундъ (?) и Таппенбекъ, сбились съ дороги и никакъ не могли его найти; по счастью, на ту пору на немъ побывалъ одинъ англійскій миссіонеръ, и озеро оставили въ покоѣ. Англійскіе картографы точно также фантастичны.

Вотъ напримѣръ карта, перевернувшая вверхъ дномъ всѣ показанія Гомера, Гиппарха, Птоломея и другихъ, изданная въ 1819 году Констеблемъ: развѣ не позволительно думать, что онъ составлялъ ее въ припадкѣ остраго разлитія желчи?

Гугъ Муррей, компиляторъ путешествій по Африкѣ, издалъ въ Лондонѣ въ 1818 году книгу, озаглавленную: «Историческое описаніе открытій и путешествій по Африкѣ»; такъ какъ онъ былъ трудолюбивый собиратель всѣхъ свѣдѣній, какія могли ему доставить наилучшіе писатели двадцати вѣковъ, я намѣренъ воспользоваться его трудами. Вотъ что онъ говоритъ:

«Геродоту, повидимому, источники Нила извѣстны были до болѣе высокихъ предѣловъ нежели нынѣшнимъ европейцамъ».

«Отъ Элефантины, въ южной оконечности Египта (Ассуанѣ) до Мероэ, столицы Эѳіопіи, насчитывалось пятьдесятъ два дня ходу, да столько-же отъ Мероэ до области «Automolos», т. е. ссыльныхъ *), что составляетъ всего сто четыре дня пути. Страны, лежавшія далѣе внутрь области были ему извѣстны лишь по очень краткому разсказу о «Странствіяхъ Нассамонянъ». Рѣка, къ которой эти странники были

*) Эта область имѣла то же назначеніе и во дни Эмина-паши.

приведены, текла на востокъ, и Геродотъ полагаетъ, что это былъ Нилъ, но, по мнѣнію другихъ, то былъ Нигеръ. Въ этомъ мѣстѣ она дѣйствительно протекаетъ съ запада на востокъ и потому довольно естественно, что ее сочли однимъ изъ главныхъ рукавовъ Нила».

«Эратосѳенъ сравнивалъ Африку съ трапеціей, одну изъ сторонъ которой образуетъ Средиземное море, другую Нилъ, третьей, наиболѣе длинной стороной, считался южный берегъ, а наиболѣе короткою—западный. Древніе такъ мало были знакомы съ протяженіемъ Африки, что Плиній называетъ ее наименьшимъ изъ материковъ, считая ее меньше Европы. Они считали Нилъ предѣломъ обитаемаго міра въ Африкѣ и потому полагали этотъ предѣлъ тамъ, гдѣ кончался дальнѣйшій изъ пунктовъ рѣки, изслѣдованной путешественниками. Этотъ пунктъ считался за три тысячи стадій отъ Мероэ (отъ трехъ до четырехъ сотъ миль). Повидимому, древніе отлично знали о существованіи двухъ большихъ рѣкъ, исходящихъ отъ озеръ и называемыхъ Астаборасъ и Астапусъ, изъ коихъ послѣдняя (Бѣлый Нилъ) выходитъ изъ южнѣйшаго озера, сильно разливается во время лѣтнихъ дождей и доставляетъ тогда наибольшее количество воды въ нильское русло».

«Не менѣе географической школы Эратосѳена знаменита была школа Птоломея. Она выказываетъ даже нѣкоторое расширеніе фактическихъ знаній, хотя оно далеко не всегда сопровождалось болѣе здравыми понятіями насчетъ странъ еще не открытыхъ. Птоломей чуть-ли не первый выразилъ правильное понятіе объ общемъ теченіи Нила и отнесъ его источники къ громадному хребту Горъ Луны. Но зато онъ свою Центральную Эѳіопію (Ethiopia interior) отодвинулъ гораздо далѣе на югъ, за экваторъ, помѣстивъ ее почти на широтѣ Раптума (Кильуа?)».

Настоятель аббатства Нёвиль-ле-Дамъ (Neuville les Dames et de Prevessin), напечатавшій выдержки изъ путешествія отца Жерома Лобо, португальскаго іезуита, пускается въ длинное и толковое разсужденіе о Нилѣ, изъ котораго и мы, въ свою очередь, сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ. Онъ говоритъ:

«Величайшіе изъ людей древности страстно желали найти источники Нила, полагая, что послѣ славной боевой жизни и цѣлаго ряда побѣдъ, для полноты славы нужно бы сдѣлать еще это открытіе. Камбизъ потратилъ не мало времени и потерялъ много народу въ попыткахъ розыскать эти истоки».

«Когда Александръ Великій приходилъ вопрошать Юпитера Аммонскаго, первымъ его вопросомъ было, — откуда возникаетъ Нилъ; и когда онъ сталъ лагеремъ на берегахъ Инда, онъ думалъ, что наконецъ нашелъ искомое».

«Птоломей Филадельфъ пошелъ войной на Эѳіопію съ цѣлію подняться до верховьевъ Нила. Онъ взялъ городъ Аксумъ, какъ явствуетъ изъ надписей, сохраненныхъ Косьмою Индоплюстомъ, который копировалъ ихъ въ царствованіе императора Юстина I».

«Луканъ въ своей книгѣ «Фарсалія» влагаетъ въ уста Цезаря слова, что онъ охотно отказался бы отъ войны съ своею отчизной, если бы ему посчастливилось увидѣть первоначальные источники Нила:

«Nihil est quod noscere malim,
Quam fluvii causas per saecula tanta latentes,
Ignotumque caput: spes sit mihi certa videndi
Niliacos fontes; bellum civile relinquam».

«Неронъ былъ одушевленъ жаждою такой же славы и послалъ цѣлыя арміи на эти поиски; но получилъ донесенія въ томъ смыслѣ, что на это никакой надежды не имѣется».

«Итакъ, древніе, тщетно добиваясь открытія истоковъ Нила, пытались облечь свое невѣжество таинственностью и создали на этотъ счетъ цѣлый рядъ басенъ. Въ этомъ смыслѣ грѣшили даже истолкователи священнаго писанія; такъ какъ они знали одну только Эѳіопію, африканскую, то подъ именемъ рѣки Гихона, упоминаемой въ Книгѣ Бытія, думали видѣть Нилъ; ибо не могли же они противорѣчить словамъ Писанія, а тамъ сказано, что Гихонъ беретъ начало въ земномъ раю и орошаетъ землю страны Хузъ; поэтому полагали, что онъ протекаетъ подъ землею и подъ морями и снова появляется на поверхности земли въ Эѳіопіи. И сколько было умныхъ людей, старавшихся разрѣшить эту загадку! И сколько различныхъ системъ они насочинили! Епископъ Авраншскій въ своемъ сочиненіи «О земномъ раѣ» доказываетъ, что Гихонъ есть восточный притокъ Ефрата, текущій изъ страны Эдема чрезъ страну Хузъ, нынѣ называемую Чизъ-исламъ. Онъ прибавляетъ, что по Гомеру, эта рѣка произошла отъ Юпитера и зоветъ ее «божественнымъ даромъ». Это подало поводъ Плинію, говоря объ одной рѣкѣ, имени которой онъ впрочемъ не упоминаетъ, разсказать, что истоки ея на небесахъ, именно подъ трономъ Юпитера. Послѣ этого всѣ египетскіе, эѳіопскіе и абиссинскіе писатели и гимно-софисты, видя что это рѣка божественная, сочли себя обязанными поддерживать всѣ ходившія о ней басни, даже и самыя нелѣпыя. Поэтому, разъ что поэты приписывали Нилу божественное происхожденіе, неудивительно, что египтяне, которые ему были обязаны плодородіемъ своей почвы, строили ему храмы, воздвигали алтари, учреждали въ честь его особыя празднества и наконецъ обожали его подъ именемъ Озириса».

«Евреи и магометане, хотя далеко не язычники, считали воды

Нила священными, а племя Агавовъ, живущее близь его истоковъ, все еще приноситъ ему жертвы, хотя и приняло христіанство. Такимъ образомъ упрямство и тщеславіе поддерживаютъ суевѣрія и предразсудки, возникшіе подъ вліяніемъ невѣжества и дикости».

«Названіе Нила мѣнялось въ разное время и въ различныхъ странахъ:

«Nec ante Nilus, quam se totum aquis concordibus rursus junxit. Sic quoque etiam num Siris, ut ante, nominatus per aliquos in totum Homero AEgyptus, aliisque Triton». Плиній вовсе не говоритъ (а другіе говорили), что именемъ Египта обозначался сперва Нилъ, а говоритъ напротивъ, что сама страна называлась прежде Ниломъ и рѣка получила свое названіе отъ странъ, ею орошаемыхъ. Гезихій-же утверждаетъ, что рѣку звали прежде Египтомъ и что отъ нея пошло названіе страны (AEgyptus, Nilus fluvius à quo redio à recentioribus AEgyptus est appellata). Однакоже «Египетъ» не первое изъ присвоенныхъ рѣкѣ именъ: прежде ее звали «Океаномъ» (Оцеанусъ), затѣмъ «Этусъ» (Aetus) или «Аквиля» (Aquila) и наконецъ Египтомъ, или Тритономъ, вслѣдствіе этихъ трехъ именъ, теперь-же, какъ грекамъ, такъ и латинскимъ народамъ она извѣстна подъ именемъ Нила. Согласно Плинію, Нилъ называется «Сирисомъ» въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ протекаетъ черезъ страну Сіэну. Египтяне, полагающіе, что ихъ отчизна своимъ плодородіемъ, своими продуктами и всѣмъ благосостояніемъ обязана Нилу, называютъ его Спасителемъ, Солнцемъ, Богомъ,—иногда Отцомъ. На языкѣ эфіопскихъ ученыхъ онъ называется Гіонъ, и Плиній полагаетъ, что это названіе произошло отъ Гихона, о которомъ Моисей упоминаетъ при описаніи земнаго рая,— «Et nomen fluvii fecundi Gihon: ipse qui circumit omnem terram AEthiopiae». — Ватебль, объясняя слово «Кузэхъ» или Эѳіопія говоритъ что оно должно обозначать восточную часть Эѳіопіи, de «AEthiopia orientali intelligit». Нилъ или Гіонъ далеко не окружаетъ ни всю Эѳіопію, ни всю Абиссинію, но только часть ихъ, образующую королевство Гоямъ».

«Теперь легко будетъ доказать какъ много неправильныхъ предположеній, какъ много ложныхъ представленій составилось объ этомъ предметѣ. И однакожъ до сихъ поръ столько людей еще крѣпко держутся старины, что не хотятъ вѣрить тѣмъ, кто самъ побывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, собственными глазами все видѣлъ и доподлинно имѣетъ возможность опровергнуть то, что древніе писали. Въ старину не только трудно, но даже совсѣмъ нельзя было дойти до истоковъ Нила подымаясь вверхъ по теченію самой рѣки: каждый, кто пытался это сдѣлать, натыкался на пороги, водопады, приходилъ въ отчаяніе и полагая что ни ему, никому другому никогда не удастся добраться

до источниковъ, выдумывалъ на этотъ счетъ всякія небылицы. Позволю себѣ прибавить что ни греки, ни римляне (отъ которыхъ мы только и заимствовали всѣ наши свѣдѣнія) никогда не направляли сюда своихъ завоевательныхъ замысловъ, ничего не слыхивали о множествѣ варварскихъ народовъ, живущихъ вдоль великой рѣки; что страна въ которой Нилъ беретъ начало, и всѣ сопредѣльныя ей страны, обитаемы лишь народами дикими и невѣжественными; что добраться туда можно не иначе, какъ перейдя высочайшія горы, дремучіе лѣса и пустыни, наполненные дикими звѣрями, которые едва находятъ тамъ чѣмъ питаться. Но если бы люди, столько разъ пытавшіеся проникнуть къ источникамъ Нила, пошли туда со стороны Чернаго Моря, то съ гораздо меньшею потерей трудовъ и издержекъ они нашли-бы то, чего искали».

Зная теперь, что̀ древніе говорили и думали объ истокахъ Нила, посмотримъ, что можно узнать объ этомъ предметѣ у арабскихъ авторовъ.

Слѣдующія выписки заимствованы нами изъ рукописи, находящейся во владѣніи его превосходительства Али-паши Мубарека, нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія въ Египтѣ. Имя составителя этой рукописи неизвѣстно, на ней обозначено только время писанія—1098 годъ отъ Магомета, т. е. по нашему 1686 годъ отъ Р. Х.

Рукопись эта переведена на англійскій языкъ мистеромъ Вандикомъ, преподавателемъ англійскаго языка въ правительственныхъ школахъ, въ Каирѣ.

«Абу-эль-фадель, сынъ Кадемы, въ книгѣ своей говоритъ, что «всѣхъ рѣкъ въ предѣлахъ обитаемаго міра числомъ 228. Нѣкоторыя текутъ, подобно Нилу, съ юга на сѣверъ, другія съ востока на западъ, или съ сѣвера на югъ, а иныя текутъ еще и такъ и иначе, подобно Евфрату и Гихону». Далѣе онъ говоритъ: Что до Нила, онъ идетъ изъ горъ Гумръ (Камаръ) по ту сторону экватора, изъ такого источника, который даетъ начало десяти рѣкамъ, изъ которыхъ каждыя пять рѣкъ собираются въ одно большое озеро, а изъ каждаго изъ двухъ озеръ вытекаетъ опять по двѣ рѣки; потомъ всѣ эти четыре рѣки соединяются въ одно великое озеро, въ первой зонѣ, а изъ этого озера вытекаетъ Нилъ».

«Авторъ книги, называемой «Желаніе путника» говоритъ, что это озеро зовется озеромъ «Ликури» *), по имени одного суданскаго племени, живущаго въ его окрестностяхъ, и состоящаго изъ дикихъ вар-

---

*) Викторія-Ніанза, озеро Ликури, называется такъ по имени племени Уакури или Уакори, которое и понынѣ населяетъ сѣверное побережье Викторіи. См. „Жизнь епископа Геннигтона". Это племя Уакури вѣроятно остатокъ цѣлаго народа, некогда сильнаго и могущественнаго.

варовъ и людоѣдовъ. Изъ этого озера течетъ рѣка Гарна и абиссинская рѣка. По выходѣ изъ озера, Нилъ протекаетъ по странѣ Ликури, а потомъ по странѣ Меннанъ — другого суданскаго племени—между Хартумомъ и Нубіею».

«Дойдя до Донголы, столицы Нубіи, Нилъ поворачиваетъ на западъ и достигаетъ второй зоны. Здѣсь по берегамъ рѣки живутъ нубійцы, а на самой рѣкѣ много большихъ острововъ, хорошо обработанныхъ, съ городами и селеніями; нубійскія суда доходятъ до этого мѣста съ верховьевъ Нила, между тѣмъ какъ суда верхняго Египта доходятъ сюда вверхъ по теченію, но далѣе ни тѣ ни другія не могутъ идти, иначе какъ во время разлива рѣки, по причинѣ подводныхъ скалъ и пороговъ, заграждающихъ рѣку поперекъ. Отсюда Нилъ направляется къ сѣверу и проходитъ мимо восточной стороны Ассуана, въ Верхнемъ Египтѣ. Затѣмъ онъ течетъ между двумя горными цѣпями, окаймляющими Египетъ съ востока и запада, до города Фостата; отсюда онъ идетъ къ сѣверу еще на одинъ день пути и раздѣляется на двѣ вѣтви; изъ нихъ одна впадаетъ въ Средиземное море у Даміетты и называется восточнымъ рукавомъ, а другая, составляющая главное русло Нила, проходитъ дальше и изливается въ Средиземное море у Розетты, называясь западнымъ рукавомъ».

«Длина Нила отъ истоковъ до устья исчислена въ 3.748 парасанговъ *). Говорятъ, что онъ протекаетъ четыре мѣсяца по странамъ необитаемымъ, по суданскимъ землямъ два мѣсяца, а по мусульманскимъ одинъ мѣсяцъ. Никакая другая рѣка не прибываетъ въ то время какъ всѣ остальныя убываютъ; ибо только Нилъ разливается въ сухое время года, именно когда солнце вступаетъ въ знаки Рака, Льва и Дѣвы».

«Говорятъ, что у этой рѣки есть притоки. Разсказываютъ, что разливъ ея зависитъ отъ снѣговъ, тающихъ лѣтомъ, и насколько былъ силенъ снѣгопадъ, настолько же будетъ велика и полая вода. Иные говорятъ, будто вода въ ней прибываетъ отъ различнаго направленія вѣтровъ; такъ напримѣръ, если сильный вѣтеръ дуетъ съ сѣвера, онъ волнуетъ Средиземное море, гонитъ его воды обратно въ русло Нила, и тогда воды выступаютъ изъ береговъ; когда же вѣтеръ дуетъ съ юга, Средиземное море утихаетъ, перестаетъ подпирать собою теченіе рѣки и Нилъ снова изливаетъ въ него свои воды».

«Иные говорятъ, что поднятіе нильскихъ водъ происходитъ отъ

*) Парасанга равна протяженію около 6 километровъ (побольше пяти верстъ).

родниковъ по его берегамъ, будто-бы видѣнныхъ путешественниками, заходившими къ самымъ верховьямъ».

«Другіе утверждаютъ, что Нилъ течетъ изъ снѣговыхъ горъ того хребта, что называется Кафъ; что онъ проходитъ чрезъ Зеленое Море, течетъ черезъ золотые и серебряные рудники, черезъ залежи изумрудовъ и рубиновъ, все дальше течетъ, покуда не дойдетъ до озера Зенгъ (Занзибаръ); и еще говорятъ, что если-бы онъ не проходилъ черезъ соленое море и не смѣшивалъ съ нимъ своихъ водъ, то ихъ нельзя было-бы пить, такъ онѣ сладки».

«Существуютъ разныя предположенія на счетъ происхожденія слова «Гумръ». Иные находятъ, что его слѣдуетъ произносить «Камаръ», что означаетъ мѣсяцъ (луну); но путешественникъ Те-Тарши говоритъ, что горы получили такое названіе оттого, что «отъ великаго сіянія ихъ помрачается зрѣніе». Гора Гумръ и къ востоку и къ западу простирается очень далеко и обѣ ея стороны необитаемы. Южные склоны ея даже совершенно пустынны. Этотъ высокій хребетъ имѣетъ вершины еще болѣе высокія, а также цѣпи вершинъ болѣе низкихъ. Разсказываютъ, что какіе-то люди доходили до этихъ горъ, забирались на самый гребень хребта, смотрѣли внизъ на противоположную сторону и тамъ видѣли море съ очень мутными волнами, темное какъ ночь, а черезъ это море протекаетъ потокъ, свѣтлый какъ день, и онъ входитъ въ горы съ сѣвера и течетъ мимо могилы великаго Гермеса, а тотъ Гермесъ есть пророкъ Идриси (Энохъ).

«Говорятъ, что въ томъ мѣстѣ Идриси построилъ храмъ. И какіе-то люди взошли на гору и одинъ изъ нихъ началъ хохотать и хлопать въ ладоши *), и бросился головою внизъ по ту сторону горы. Остальные побоялись, какъ-бы и съ ними не случилось того же и потому поспѣшили уйти обратно. Очевидцы говорили, что видѣли тамъ снѣгъ, блестящій какъ бѣлое серебро при яркомъ свѣтѣ **). Кто смотрѣлъ на этотъ снѣгъ, тотъ притягивался къ нему неотразимою силой и оставался какъ-бы прикованный покуда не умиралъ. И это называютъ «человѣческимъ магнетизмомъ».

«Существуетъ сказаніе, что нѣкоторый царь послалъ экспедицію для отысканія истоковъ Нила; посланные люди пришли къ мѣднымъ горамъ и когда взошло солнце, лучи его, отражаясь отъ горъ, были такъ сильны, что сожгли тѣхъ людей. Согласно другому сказанію люди пришли къ горамъ какъ-бы изъ свѣтлаго хрусталя и когда

*) Я не слыхалъ, чтобы лейтенантъ Стэрсъ при восхожденіи на гору провинился въ подобныхъ безумствахъ.

**) Это очень сходно съ тѣмъ, какъ уахумскіе пастухи описывали то что можно видѣть на Руэнцори.

лучи солнца отразились въ нихъ, люди сгорѣли. Другіе говорятъ еще, что гора Гумръ стоитъ на островѣ того-же имени. Противъ нея простирается земля Серендибъ *), длиною на четыре мѣсяца ходу, шириною двадцать дней, а въ этихъ горахъ водится птица «гимра».

«Авторъ книги, называемой «Зеркало Вѣковъ», говоритъ такъ: Хамидъ, сынъ Бахтіаровъ, убѣдился, что источникъ всѣхъ источниковъ находится въ горѣ Гумръ. Изъ этого источника берутъ начало десять рѣкъ и одна изъ нихъ Нилъ. Говорятъ, что Нилъ проходитъ черезъ всю первую зону и черезъ вторую зону, и что длина его отъ истока до сліянія съ Средиземнымъ моремъ равняется тремъ тысячамъ парасанговъ. Нѣкоторые думали, что эти источники бываютъ причиною поднятія водъ въ Нилѣ; другіе полагаютъ—и съ большимъ вѣроятіемъ—что причиною тому великое обиліе дождей и потоковъ въ Абиссиніи и Нубіи, а разница во времени этихъ явленій съ разлитіемъ Нила въ Египтѣ опредѣляется великимъ разстояніемъ. Всѣ другія рѣки текутъ къ югу, между тѣмъ какъ Нилъ направляется къ сѣверу, равно какъ и рѣка Оронте въ сѣверной Сиріи близь Гамата».

«Те-Фарши говоритъ: астрономы считаютъ что Нилъ по ту сторону экватора простирается до $11\frac{1}{2}^{\circ}$, а по сю сторону идетъ до 30° сѣверной широты, у Даміетты. Отъ истока до устьевъ онъ занимаетъ около $41\frac{1}{3}^{\circ}$, а протяженія имѣетъ, принимая въ разсчетъ всѣ его извивы, $8.614\frac{1}{2}$ миль. Онъ весьма значительно отклоняется и на востокъ, и на западъ.

«Ахметъ, сынъ Те-Фаршіевъ, въ книгѣ: «Описаніе Нила» говоритъ: историки разсказываютъ что Адамъ даровалъ Нилъ сыну своему Сиѳу, и Нилъ остался во владѣніи сихъ чадъ пророчества и вѣры, и пришли они въ Египетъ (Каиръ), который тогда назвался Люль, и стали жить въ горахъ. Послѣ нихъ остался сынъ Кенаанъ, а потомъ его сынъ Махаліилъ, и его сынъ Ядъ, и его сынъ Хаму, и его сынъ Гермесъ, который есть пророкъ Идриси**). Идриси завелъ въ странѣ законы и порядокъ. Нилъ разливаясь затоплялъ ихъ селенія, и тогда они спасались въ горахъ, уходили на высокія мѣста и тамъ оставались покуда не сойдетъ полая вода; потомъ приходили и насаждали и засѣвали всѣ мѣста оставшіяся обнаженными (послѣ разлива). Идриси собралъ народъ египетскій и повелъ его къ первому источнику Нила***) тамъ они занялись упорядоченіемъ земли и воды, срыли высокія мѣста, подняли низкія и сдѣлали все согласно законамъ астрономіи

*) Мадагаскаръ.

**) Энохъ.

***) Интересно-бы узнать, этотъ знаменитый Идриси не тотъ-ли же самый патріархъ Кинту, о которомъ повѣствуетъ легенда Уагандовъ? См. «Черезъ темный Материкъ».

и геометріи. Идриси былъ первый человѣкъ, говорившій и писавшій объ этихъ наукахъ. Онъ отправился потомъ въ Абиссинію и Нубію, и тамъ собралъ народъ, и расширялъ или стѣснялъ теченіе Нила, судя по тому, гдѣ какъ нужнѣе было, по степени быстроты или тихости теченія. Онъ умѣлъ вычислить даже объемъ воды и скорость теченія».

Онъ первый изъ людей, устроившій теченіе Нила въ Египтѣ. Во дни Амъ-Каама, одного изъ царей египетскихъ, Идриси былъ взятъ живымъ на небо. Онъ напророчилъ людямъ потопъ, а самъ остался по ту сторону экватора и построилъ себѣ дворецъ на склонахъ горы Гумръ *). Дворецъ былъ весь изъ мѣди и было тамъ восемьдесятъ пять мѣдныхъ статуй, а воды Нилы пропущены были черезъ нихъ и изливаясь изо ртовъ этихъ статуй, текли въ большое озеро, а оттуда въ Египетъ».

«Идіаръ-Эль Уади говоритъ, что «вдоль Нила два мѣсяца пути по мусульманскимъ землямъ и четыре мѣсяца пути по странамъ необитаемымъ; что онъ беретъ начало отъ горы Гумръ, по ту сторону экватора, выходитъ на свѣтъ изъ нѣдръ потока тьмы и течетъ вдоль подножія горы Гумръ».

«Могаммедъ, пророкъ божій, гласитъ:

«Нилъ идетъ изъ садовъ Рая и если бы вы могли видѣть его тотчасъ по выхожденіи оттуда, вы бы нашли еще въ немъ райскіе листья».

«Упомянутый выше царь Амъ-Каамъ, есть Гермесъ I. Діаволы вознесли его на эту гору, именуемую Гумръ, и онъ видѣлъ оттуда какъ Нилъ выходитъ изъ Чернаго моря и входитъ въ гору Гумръ. На склонахъ горы царь Амъ-Каамъ построилъ дворецъ и въ немъ восемьдесятъ пять статуй, въ которыя онъ провелъ всю воду какая есть въ горѣ, устроивъ для этого сводчатые протоки, по которымъ вода текла въ статуи, и изъ ртовъ изливалась въ опредѣленномъ количествѣ, и заранѣе исчисленномъ кубическомъ объемѣ. Изо ртовъ статуй воды текли сначала во многія рѣки, изъ которыхъ образовалось великое Центральное озеро **). Вокругъ этого озера находится страна Суданъ и столица ея, большой городъ Гарма. Въ великомъ озерѣ стоитъ гора, которая пересѣкаетъ его и тянется изъ него къ сѣверо-западу ***). Изъ этой горы выходитъ Нилъ и течетъ на мѣсяцъ пути до страны Нубіи, гдѣ онъ раздѣляется на два рукава и одинъ изъ нихъ отходитъ далеко

*) Все это чрезвычайно похоже на сказаніе о Кинту, но только здѣсь больше подробностей.

**) Озеро Альберта.

***) Это была бы гора Эджифъ, въ тѣ времена когда уровень озера былъ на пятьдесятъ футовъ выше нынѣшняго,—Эджифъ можно описать именно такъ.

къ западу и омываетъ большую часть страны, называемой Суданъ; а другой рукавъ течетъ далѣе къ Египту, за Ассуаномъ дѣлится еще на четыре рукава и впадаетъ въ море у Даміетты и Александріи. Говорятъ, что изъ этихъ послѣднихъ рукавовъ только три вливаются въ Средиземное море, четвертый-же впадаетъ въ соленое озеро и оттуда направляется къ Александріи.

«Говорятъ что рѣки Сихонъ, Гихонъ, Нилъ и Евфратъ выходятъ изъ-подъ зеленаго яшмоваго свода, находящагося внутри горы, а та гора близь Темнаго моря *). Что воды ихъ у истоковъ слаще меда и благовоннѣе мускуса, но что далѣе по теченію онѣ измѣняются.

Шейхъ Изрединъ, сынъ Ибнъ-Гамаровъ, говоритъ въ своей книгѣ о врачебной наукѣ (я списывалъ съ его собственноручной рукописи) что истоки Нила вытекаютъ изъ горы Гумръ по ту сторону экватора на 11°20′. Изъ этой горы отъ разныхъ источниковъ исходятъ десять рѣкъ; изъ нихъ по пяти рѣкъ вливаются въ большія круглыя озера, которыя отъ крайнихъ предѣловъ необитаемой страны къ западу отстоятъ на 57°, а отъ экватора на 7° 31′ къ югу; и оба эти озера одинаковы, имѣя до 5° въ діаметрѣ. Изъ каждаго изъ этихъ двухъ озеръ течетъ по двѣ рѣки, вливающіяся въ одно большое озеро въ первомъ поясѣ. Оно отстоитъ отъ необитаемыхъ западныхъ странъ на 53°30′, а отъ экватора къ сѣверу на 2°. Каждая изъ помянутыхъ четырехъ рѣкъ отдѣльно впадаетъ въ великое озеро, изъ него же выходитъ одна только рѣка, которая есть Нилъ. Она протекаетъ чрезъ страну въ Нубію и тамъ сливается съ другою рѣкой, которая выходитъ изъ другого источника близь экватора и изъ другого большого круглаго озера, имѣющаго въ діаметрѣ 3°, а отъ западныхъ предѣловъ странъ необитаемыхъ отстоящаго на 71°.

«Пройдя черезъ великій городъ Каиръ, рѣка доходитъ до города Шетануфа, гдѣ раздѣляется на двѣ вѣтви, обѣ текущія въ соленое море; одна изъ вѣтвей называется рѣкою Розетты, другая рѣкою Даміетты. Эта дойдя до Мансуры, посылаетъ отъ себя новую вѣтвь, которая называется Эшмунъ и впадаетъ въ озеро, а другая протекаетъ въ Даміетту и тамъ впадаетъ въ соленое море; и вотъ изображеніе плана горы Гумръ.

«Историкъ Эль-Гахезъ въ своемъ описаніи странъ говоритъ, что истоки рѣки Синда **) и рѣки Нила должны быть изъ одного мѣста, и что онъ пришелъ къ этому заключенію по той причинѣ что «обѣ рѣки прибываютъ въ одно и тоже время, и въ обѣихъ одинаково во-

*) Озеро Альберта-Эдуарда?

**) Можетъ быть не Синдъ, а *Зингъ*, то есть восточное побережье, носящее названіе Зингиберъ,—Занджибаръ,—Занзибаръ.

дятся крокодилы, и по берегамъ ихъ одинаковый способъ воздѣлыванія земли». Историкъ Маши въ своей «Исторіи Египта» говоритъ, что въ области Тегале есть суданское племя того же имени, на землѣ котораго золото проступаетъ на поверхность почвы, а Нилъ тамъ дѣлится на два русла и одна вѣтвь есть Нилъ египетскій, другая же, зеленаго цвѣта, течетъ на востокъ, проходитъ черезъ соленое море до береговъ Синда и называется рѣкою Мехараамъ.

«Озеро, въ которое изливаются воды, называется Биліа *). Часть нильскихъ водъ течетъ по суданской странѣ, проходитъ на востокъ отъ Кусседа, вдоль подошвы одной изъ тамошнихъ горъ, и доходитъ до экватора; тамъ опять проходитъ черезъ озеро и поворачиваетъ на западъ въ страну Лекнуръ, а оттуда на сѣверъ до самаго великаго океана. Потомъ идетъ въ страну Абиссинію, оттуда въ страну Суданъ, на востокъ отъ Донголы, далѣе до водопадовъ Ассуана и наконецъ впадаетъ въ Средиземное море.

«Макриси говоритъ: «На этотъ счетъ всѣ мнѣнія сходятся на одномъ,— Нилъ идетъ изъ горы Гумръ». Еще Макриси говоритъ, что «Мерка-иль, сынъ Дуборъ-иля сына Гарабатова, сына Азфузанова, сына Адамова, придя въ Египетъ съ товарищами изъ племени Арабатъ, поселились въ Египтѣ, построили городъ Ассусъ и другіе города, и стали прорывать каналы, чтобы проводить по нимъ нильскую воду, потому что до того времени Нилъ имѣлъ теченіе неправильное и разливался по всей странѣ до предѣловъ Нубіи, находившейся подъ владычествомъ царя Мекронсэ. Они выправили русло Нила и провели отъ него каналы къ разнымъ построеннымъ ими городамъ. Одинъ каналъ провели они къ городу Сусану; и когда случился потопъ, и миновалъ, и земля снова обнажилась послѣ потопа, и прошло много времени и наступило царствованіе Бердашира, сына Бзара, сына Хама, сына Ноева, то нильское русло совершенно испорченное потопомъ, съизнова было выправлено въ другой разъ». Но историкъ Ибнъ-Уасифша говоритъ что «когда царствовалъ Бердаширъ — первый царь-первосвященникъ, занимавшійся магіей и постигшій искусство становиться невидимкою — онъ послалъ принца Гермеса къ великому озеру **) откуда течетъ Нилъ. И онъ-же, какъ говорятъ, привелъ въ порядокъ теченіе рѣки, ибо прежде того она однѣ мѣста затопляла, а другимъ не давала орошенія».

«Что-же до того мѣста гдѣ находятся мѣдные истуканы, то ихъ числомъ пятьдесятъ восемь и къ нимъ Гермесъ привелъ всю воду

*) Батуа (?), по имени пигмеевъ.

**) Озеро Альберта.

нильскихъ источниковъ, пропуская ее чрезъ подземные своды и водоемы, такъ что вода, исходя изъ горы Гумръ, попадала въ истуканы и выливалась изъ ихъ ртовъ. Онъ такъ распредѣлилъ и размѣрилъ количество воды, чтобы она вытекала лишь насколько нужно для Египта, то есть чтобы она поднималась никакъ не выше восемнадцати локтей, считая въ каждомъ локтѣ по тридцать два пальца. Иначе Нилъ обратилъ-бы въ болото всѣ тѣ страны, чрезъ которыя онъ протекаетъ.

«Эль-Уелиду, сыну Ромаха амалекитянина, удалось совершить походъ для розысканія истоковъ Нила. Три года онъ готовился къ этому походу, выступилъ съ многочисленнымъ войскомъ и на пути своемъ уничтожалъ всѣ встрѣченныя племена. Онъ прошелъ черезъ племена Судана и черезъ страну золота, гдѣ видѣлъ какъ золотыя палочки выростаютъ изъ почвы. Продолжая путь онъ достигъ великаго озера *), въ которое впадаетъ Нилъ, и которое образуется изъ рѣкъ, текущихъ изъ-подъ горы Гумръ. Далѣе онъ шелъ до храма Солнца, и пройдя мимо его, достигъ горы Гумръ или Камаръ, которая очень высока. Онъ говоритъ, что ее зовутъ Гумръ оттого, что луна только на нее и свѣтитъ, будучи она по ту сторону экватора **).

«Онъ видѣлъ какъ Нилъ вытекаетъ изъ-подъ горы Гумръ и образуется изъ рѣкъ, текущихъ изъ горы Кафъ. Послѣ того какъ рѣка пересѣкаетъ экваторъ, къ ней присоединяются воды потока, идущаго изъ страны Текраана ***) въ Индіи, а эти воды вытекаютъ изъ-подъ горы Гумръ и текутъ въ этомъ направленіи. Говорятъ что рѣка Текраанъ подобна Нилу: она прибываетъ и спадаетъ въ одно время съ нимъ и въ ней водятся такіе-же рыбы и крокодилы.

«Нѣкоторые люди разсказывали, что когда они были тамъ, то не видѣли ни солнца, ни луны, но весь свѣтъ исходилъ отъ Всемилосердаго Бога и былъ подобенъ сіянію солнца.

«Другіе путешественники говорили, что всѣ четыре рѣки, Гихонъ, Сихонъ, Эвфратъ и Нилъ исходятъ изъ одного источника, изъ-подъ свода въ странѣ золота, которая лежитъ за Темнымъ моремъ, и что та страна есть часть земного рая и тотъ сводъ изъ яшмы. Говорятъ также, что Гіадъ, одинъ изъ сыновъ Іиса, молилъ Бога указать ему крайній источникъ Нила. И Богъ даровалъ ему такую способность, и онъ пришелъ черезъ темную рѣку, шагая по водѣ какъ по сушѣ, и вода не приставала къ ногамъ его, покуда не пришелъ подъ сводъ. Это сказаніе я взялъ изъ книги Эль-Макриси».

---

*) Альбертъ-Ніанза.

**) По причинѣ тумановъ?

***) Турканъ?

Наилучшее описаніе я нашелъ у Шіабеддина, арабскаго географа, писавшаго около 1400 года. Онъ говоритъ такъ:

«Островъ Могребъ (т. е. Африка) стоитъ среди морей, омывающихъ его со всѣхъ сторонъ. Съ востока онъ граничитъ съ моремъ Кульзумъ (Красное море), на югъ и западъ съ океаномъ, коего протяженіе и предѣлы одному Богу извѣстны; къ сѣверу же онъ граничитъ съ моремъ Карзъ, тѣмъ самымъ, по которому франки приходили въ Святую Землю и высаживались на берегу Сиріи.

«Посреди острова Могребъ простираются пустыни негритянскія, отдѣляющія страну негровъ отъ страны берберовъ. На этомъ-же островѣ находятся истоки величайшей рѣки, которой на землѣ нѣтъ подобной. Она выходитъ изъ горъ Луны, находящихся за экваторомъ. Изъ этой горы идутъ многіе ключи и они соединяются въ большое озеро. Изъ этого озера выходитъ Нилъ, величайшая и прекраснѣйшая изъ рѣкъ на землѣ. Многія рѣки, исходящія изъ этой великой рѣки, орошаютъ Нубію, и страну Дженауа. Эта рѣка горизонтально пересѣкаетъ экваторъ, проходитъ чрезъ Абиссинію, чрезъ страну Куку, идетъ на Сіэнъ, прорѣзываетъ пополамъ Египетъ во всю его длину и впадаетъ въ море между Тунисомъ и Даміеттой».

Абдулъ-Гассанъ-Али, ибнъ-эль-Гуссейнъ, ибнъ-Али-эль-Массудэ, уроженецъ города Багдада, пришедшій въ Египетъ въ 955-мъ году христіанской эры и тамъ покончившій свои счеты съ міромъ и почившій послѣ многихъ странствованій, писалъ такъ:

«Я видѣлъ въ одномъ землеописаніи планъ Нила, текущаго изъ Горъ Луны—Джебель Кумръ.

«Воды его бьютъ изъ двѣнадцати родниковъ и сливаются въ два озера, подобныхъ бассейнамъ Бассорскимъ. Выйдя изъ этихъ озеръ, потоки сливаются во едино и текутъ по песчанымъ и гористымъ странамъ.

«Нилъ протекаетъ чрезъ ту часть Судана, которая ближе къ странѣ Зенджъ (Занзибаръ)».

Когда я окончилъ переписываніе этихъ любопытныхъ старинныхъ сказаній, я сказалъ себѣ: «Какъ было съ древними писателями, также будетъ и со мной. Къ чему же мнѣ была бóльшая мудрость? Я увидѣлъ, что всякій трудъ и всякое правое дѣло ведетъ лишь къ тому, чтобы ему позавидовалъ ближній. И потому я возненавидѣлъ жизнь, ибо трудъ, совершаемый подъ солнцемъ, тяжелъ, а въ сущности все лишь суета и досада для ума».

Слѣдующая выписка любезно переведена для меня его сіятельствомъ графомъ Ландбургомъ, шведско-норвежскимъ генеральнымъ консуломъ въ Каирѣ.

«Хамсъ-Эддинъ-Абу-Абдала-Могаммедъ-эдъ-Димашгэ (род. 1256 г.

по Р. Хр., умеръ 1336 г.) въ своей географіи «Мукбатъ эдаръ фэ Аджаибъ альбарръ уальбаръ», изданной въ 1866 году профессоромъ Мэреномъ въ С.-Петербургѣ, говоритъ (на стран. 88-й) въ главѣ о четырехъ рѣкахъ Рая:

«Ученые говорятъ на этотъ счетъ, что египетская рѣка, называемая Ниломъ, та-же, что и въ Нубіи. Она беретъ начало въ Горахъ Луны, раздѣляющихъ обитаемыя страны къ югу отъ экватора, именно съ южной ихъ стороны, изъ области неизвѣданной. Въ началѣ изъ горъ вытекаютъ десять источниковъ, стремительно бѣгущихъ по десяти долинамъ, по плотнымъ пескамъ, среди высокихъ деревьевъ. Разстояніе между наиболѣе отдаленными изъ нихъ, на западѣ, равняется почти пятнадцати днямъ, и всѣ они сливаются въ два большихъ озера, отстоящихъ одно отъ другого на четыре дня пути. Величина восточнаго озера, со всѣми его горами и островами, имѣетъ окружности четыре дня, если кто захочетъ обойти его кругомъ; а величина западнаго озера, если обойти его кругомъ, возьметъ пять дней ходу. А у обоихъ тѣхъ озеръ, и на островахъ ихъ, и по берегамъ, и въ странахъ, лежащихъ между помянутыми рѣками, живутъ дикія суданскія племена, по природѣ своей сходныя со звѣрьми. Онѣ питаются всѣмъ, что попадется, и если поймаютъ человѣка изъ другого племени, то и его убьютъ и съѣдятъ, какъ и всякую дичину. Озера эти занимаютъ пространство отъ 50° до 56° долготы, считая отъ источниковъ рѣки, и отъ 6° до 7° широты къ югу отъ экватора. Восточное озеро именуется «Куку» или «Темимъ-эсъ-Суданисъ», а западное—«Дамадимъ», или «Гальджуръ», или «Хеджеми». Далѣе, изъ каждаго изъ этихъ двухъ озеръ вытекаетъ по четыре рѣки, и онѣ текутъ по населеннымъ долинамъ, гдѣ живутъ суданцы. Эти рѣки протекаютъ близь экватора до широты 7° и всѣ вмѣстѣ впадаютъ въ одно длинное и широкое озеро, называемое «Джавасъ» и «эль-Джемія» (по арабски—«собиратель»), а также «Кури» *) суданцевъ. Окружность его занимаетъ шесть дней ходу, вмѣстѣ съ островами «Джавасъ» и «Кури», на которыхъ живутъ суданцы. Изъ того озера выходятъ три большія рѣки, и одна изъ нихъ течетъ на западъ и называется «Рана»; другая поворачиваетъ къ югу и течетъ на востокъ, и зовутъ ее «эд-Дамадимъ» или «Мегидъ-Шу негритянскій»; а третья протекаетъ въ Нубію и называется «Нилъ»: она идетъ къ сѣверу и впадаетъ въ Средиземное море, тогда какъ Дамадимъ течетъ въ Южное море, а рѣка Рана впадаетъ въ Западный Океанъ».

---

*) Отъ племени Уа-кури или Бакури, и по нынѣ живущаго на сѣверномъ побережьѣ озера Викторіи.

Глава XXX.

РУЭНЦОРИ—ЦАРЬ ОБЛАКОВЪ.

О недавнихъ путешественникахъ, проглядѣвшихъ этотъ горный кряжъ.—Его классическая исторія.—Горная цѣпь, видѣнная нами съ высоты Пизга въ 1887 году.—Раздвоенная вершина и снѣговой хребетъ, видѣнные нами въ 1888 и въ январѣ 1889 гг.—Описаніе хребта.—Долина Семлики.—Описаніе Руэнцори.—Главные стоки тающихъ снѣговъ.—Роскошная, плодородная полоса, извѣстная подъ именемъ лѣсовъ Авамбы или долины Семлики.—Равнины между Мцорой и Мухамбой.—Измѣненія климата и растительности по мѣрѣ приближенія къ холмамъ, образующимъ южныя предгорія Руэнцори.—Сѣверо-западный и западный склоны Руэнцори.—Впечатлѣніе, производимое видомъ Руэнцори.—Почему на Руэнцори такъ держится снѣгъ.—Снѣговыя поля и обширныя гряды обломковъ.—Создатель Дождя или царь облаковъ видѣнъ лишь урывками.—Какъ на всѣхъ насъ повліяло зрѣлище горныхъ высей и бѣлоснѣжныхъ пиковъ Руэнцори.

Покончивъ со старинными легендами, перейдемъ теперь къ описанію хребта Руэнцори,—какъ въ новѣйшее время называется онъ въ Африкѣ, среди главныхъ племенъ, разсѣянныхъ въ области озеръ, взамѣнъ прежняго классическаго названія «Лунныхъ Горъ», подъ которымъ онъ извѣстенъ былъ европейскимъ географамъ. Какъ мы уже видѣли, арабскіе компиляторы звали его Джебель-Кумръ, Гумръ или Каммаръ, т. е. также «Горы Луны». Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ какъ ихъ видѣлъ кто либо, способный толково передать повѣсть о своихъ изслѣдованіяхъ, и можетъ случиться, что еще много лѣтъ пройдетъ, прежде чѣмъ ихъ опять увидитъ путешественникъ, говорящій по англійски. Путь по Нилу закрытъ теперь на долго; съ запада все заполонили маньюмы, захватившіе громадную площадь земли и все подвигающіеся впередъ, на востокъ и на сѣверъ а такъ какъ они на пути своемъ только и дѣлаютъ, что жгутъ, рѣжутъ и раззоряютъ каждое малѣйшее селеніе, то если бы кто затѣялъ еще разъ послать туда экспедицію съ западнаго берега, врядъ-ли въ раззоренномъ краю нашлись бы средства къ пропитанію сколько нибудь значительнаго

персонала. Между тѣмъ Уара-Суры настолько свирѣпы и многочисленны, а Уаніоры такіе исконные предатели, что путь черезъ Торо возможенъ только для очень значительныхъ силъ. Что-же касается до Уганды, распространяющей свое вліяніе на Удду и Анкори, то все, происходящее тамъ за послѣднее время, заставляетъ предполагать, что и съ юго-востока едва-ли возможно будетъ пройти; съ востока также представляются очень серьезныя затрудненія. Все это причины сами по себѣ достаточныя; но кромѣ того слѣдуетъ принять во вниманіе, что изъ новѣйшихъ путешественниковъ рѣшительно никто,— ни сэръ Самуэль и леди Бекеръ, ни Джесси-паша, ни Мезонъ-бей въ 1877 году, ни мы сами въ 1887-мъ, ни Эминъ-паша въ 1888-мъ—не видали того, что бы слѣдовало видѣть, а потому мнѣ кажется необходимо описать хребетъ Руэнцори съ нѣкоторою подробностью.

Надо сознаться, что съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ побывалъ сэръ Самуэль Бэкеръ, Руэнцори долженъ быть также хорошо видѣнъ, какъ соборъ Св. Павла съ Уестминстерскаго моста. Съ другой стороны, когда на пароходѣ объѣзжаешь вокругъ озера Альберта, какъ дѣлали Джесси-паша и Мезонъ-бей, несомнѣнно можно увидать снѣговыя вершины, конечно въ томъ случаѣ, если онѣ не закутаны густыми облаками и слоями тумана, подъ которыми эти горныя выси скрываютъ свой величавый вѣнецъ дней до трехсотъ въ году.

Но принимая во вниманіе его классическую исторію: всѣ басни, сочиненныя на его счетъ, его близкое отношеніе къ почтенному, издревле всѣмъ любезному Нилу, рѣкѣ фараоновъ, Іосифа, Моисея, пророковъ, и то, что онъ даетъ начало столькимъ притокамъ Нила, и самому «Морю Тьмы», т. е. озеру Альберта-Эдуарда, изъ котораго вытекаютъ Семлики,—этотъ западный Нилъ, и Кафуръ, Нилъ восточный, питающіе съ одной стороны озеро Альберта, съ другой—Викторію-Нилъ; горный хребетъ, которому мечтали поклониться и Александръ Великій, и Юлій Цезарь, если вѣрить поэтамъ, и который такъ рѣдко можно увидать, по милости вѣчно кутающихъ его черныхъ тучъ, а когда наконецъ увидишь, то въ появленіи его надъ безбрежною равниной озеръ есть что-то таинственное и чудное, потрясающее новѣйшаго путешественника до глубины души; и оригинальное названіе «Лунныхъ Горъ», которыхъ столько вѣковъ тщетно розыскивали, и необычайные ихъ размѣры, и дикая, несравненная красота,—все вызываетъ меня на сколько-нибудь обстоятельное описаніе того, что мы видѣли. Кто въ первый разъ въ жизни видитъ передъ собою Бернскій Оберландъ, можетъ-ли забыть впечатлѣніе, полученное отъ этого зрѣлища? А я двадцать два года путешествовалъ по Африкѣ и не только никогда ничего подобнаго не видывалъ, но когда увидѣлъ, то это было нѣчто

совершенно неожиданное, единственное въ своемъ родѣ и настолько интересное по своей исторіи, что я не могу пройти мимо,—позволю себѣ остановиться на этомъ предметѣ и передать какъ можно яснѣе наши впечатлѣнія.

Въ декабрѣ 1887 года, когда мы шли къ озеру Альберта, съ горы Пизга мы увидѣли длинную цѣпь горъ, до вершины покрытыхъ лѣсомъ, высоту которыхъ мы тогда приблизительно опредѣлили отъ 7.000 до 8.000 футовъ. Эта цѣпь тянулась съ юго-востока на югъ. Возвращаясь съ озера въ томъ же декабрѣ, мы вдругъ замѣтили появленіе на горизонтѣ двухъ громадныхъ усѣченныхъ конусовъ къ югу отъ насъ, съ легкимъ отклоненіемъ на западъ. Намъ показалось, что высота ихъ должна быть отъ 10.000 до 12.000 футовъ. Мы окрестили ихъ «Близнецами» (раздвоенная вершина) и сильно заинтересовались ими, полагая, что по сосѣдству отъ нихъ, или между ними и горою Гордонъ-Беннетъ должна быть очень живописная мѣстность.

Возвращаясь на Ніанзу во второй разъ, въ апрѣлѣ 1888 года, мы не видѣли «Близнецовъ»; но 25-го мая 1888 года, когда мы отошли отъ озера часа на два, глазамъ нашимъ внезапно представилась громаднѣйшая бѣлоснѣжная гора, съ центральною массой почти квадратныхъ очертаній, миль на тридцать въ длину и совершенно покрытая снѣгомъ; по обѣимъ сторонамъ ея, также миль по тридцати въ длину, простирались двѣ цѣпи горъ, на 5.000 футовъ по ниже ея. Въ тотъ день все это было видно нѣсколько часовъ кряду. Но на другой-же день, когда мы перевалили за плоскогорье, видѣніе исчезло: не видать было никакихъ слѣдовъ ни «Близнецовъ» (раздвоенной вершины) ни снѣговаго хребта.

Возвращаясь на Ніанзу въ третій разъ, въ январѣ 1889 года, и потомъ живя въ Кавалли два съ половиною мѣсяца, мы ничего не видали; но въ одинъ прекрасный день, по обыкновенію вперивъ глаза въ то мѣсто гдѣ слѣдовало быть снѣговому хребту, мы дождались его; всѣ горныя цѣпи разомъ выступили изъ-за своего облачнаго покрова и тысяча паръ глазъ впились въ это дивное зрѣлище.

Верхняя часть хребта, явственно раздѣленная на множество пирамидальныхъ пиковъ съ почти кубическими основаніями, на фонѣ синихъ небесъ необычайной чистоты и прозрачности, снизу перепоясанная широкой полосой молочно-бѣлаго тумана, казалась какъ-бы плавающей въ воздухѣ, на подобіе того «Острова Блаженства», идеальнаго призрака, носящагося между небомъ и землею, о которомъ повѣствуетъ старинная легенда. По мѣрѣ того, какъ солнце склонялось къ западу, туманный поясъ исчезалъ и призрачное видѣніе оказалось

прикрѣпленнымъ къ цѣпи могучихъ предгорій и мы ясно могли разсмотрѣть въ бинокли ихъ рѣзкія очертанія и даже нѣкоторыя крупныя подробности. Хотя мы были отъ него почти за восемьдесятъ миль, но можно было разглядѣть профили лѣсовъ по гребнямъ и откосамъ и округленныя очертанія древесныхъ группъ, растущихъ то на широкихъ уступахъ, то по крутымъ скатамъ, то по краямъ обрывовъ какого-нибудь утеса, нависшаго надъ глубокою пропастью. Мы порѣшили даже, что обнаженныя скалы, освѣщенныя заревомъ заходящаго солнца и сверкавшія вдали на фонѣ безоблачной небесной лазури, должны быть изкрасно-бураго цвѣта. Отъ насъ хорошо было видно, что тотъ горный склонъ, который обращенъ къ намъ, почти отвѣсный и взойти на него вѣроятно нѣтъ никакой возможности; а снѣговыя поля, казавшіяся отсюда просто бѣлыми пятнами, во многихъ мѣстахъ сходили перистыми побѣгами гораздо ниже гребня той обнаженной цѣпи, которая тянулась между главнымъ хребтомъ и грядою холмовъ Балегга, за двѣнадцать миль отъ насъ, и надъ которой Руэнцори, на шестьдесятъ пять миль дальше, возвышалъ свои громады.

Должно думать, что прозрачность атмосферы — явленіе рѣдкое въ здѣшней мѣстности и что если-бы мы побывали тутъ мимоходомъ, какъ и другіе путешественники, то по всей вѣроятности Руэнцори еще долѣе оставался-бы въ неизвѣстности.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1889 года, пока мы шли на югъ вдоль западныхъ склоновъ горъ Мазамбони и Балегга, снѣговой хребетъ часто показывался, почти каждый день, но только не цѣликомъ, а урывками: то вдругъ въ вышинѣ очистится снѣговой пикъ, то громадное плечо выдвинется, то смутно обрисовываются ряды главъ, или-же только нижнія части хребта на виду. Снѣгъ сіялъ проблесками изъ за темныхъ облаковъ, или сами горные обрывы чернѣли, опоясанные тучами и угрожали бурей и дождемъ. Лишь изрѣдка весь хребетъ обнажался разомъ и тогда необыкновенно рѣзкія его очертанія дозволяли намъ заранѣе набрасывать на бумагу нашъ будущій маршрутъ.

И все таки мы еще плохо понимали характеръ мѣстности пока не переправились черезъ рѣку Семлики: только пройдя значительную часть густого, высокоствольнаго лѣса, ростущаго въ тепличной атмосферѣ долины Семлики, могли мы вникнуть въ дѣло какъ слѣдуетъ.

Для средняго европейскаго читателя, я полагаю, легко будетъ постигнуть характеръ долины Семлики и окаймляющихъ ее горъ, если я скажу, что средняя ширина ея равняется разстоянію отъ Дувра до Калэ, а длина такова какъ отъ Дувра до Плимута или отъ Дункир-

хена до С.-Мало, на французскомъ берегу. Со стороны Англіи, положимъ, тянутся холмы Балегга и волнистое плато, возвышающееся на 3.000 и до 3.500 футовъ надъ уровнемъ долины. На противуположномъ берегу горы высятся отъ 3.000 до 15.500 футовъ надъ долиной.

Руэнцори занимаетъ около девяноста миль протяженія на востокъ, и стоитъ неприступной твердыней, съ сѣверо-востока стерегущей пути къ Альбертъ-Ніанзѣ и къ долинѣ Семлики, а съ юга защищающей своими гигантскими бастіонами весь бассейнъ озера Альберта-Эдуарда. Если мы вообразимъ себя пассажирами, плывущими на пароходѣ по озеру Альберта къ югу (въ ясную погоду); то намъ хребетъ Руэнцори представится стѣною, идущею съ востока на западъ; путешественнику, смотрящему на него съ южной стороны, онъ покажется неодолимою преградой къ сѣверу. Если же смотрѣть на него съ западнаго плато, отъ Балегга, то плоскогорье Уніоро, постепенно подымающееся, будетъ казаться гласисомъ этой крѣпости, нижнимъ скатомъ хребта. Западный склонъ страшно крутъ и обрывистъ, повидимому неприступенъ, а съ юга хребетъ посылаетъ массу отроговъ и горныхъ цѣпей, постепенно спускающихся въ бассейнъ озера Альберта-Эдуарда. Съ восточной стороны хребетъ представляетъ наиболѣе прерывистыхъ и такъ сказать шероховатыхъ линій: онъ посылаетъ отъ себя уже болѣе низкія гряды скалъ и отроговъ, и кромѣ того съ этой стороны разбросаны, на подобіе сторожевыхъ башенъ, одинокія вершины, какъ напримѣръ гора Гордонъ-Беннетъ, отъ 14 до 15.000 футовъ высоты, и почти такая же высокая гора Меккинконъ. Такова общая топографія области Руэнцори.

Главные стоки снѣжнаго хребта обращены къ западу, въ долину Семлики, и на югъ, въ озеро Альберта-Эдуарда. Рѣки Катонга, текущая въ озеро Викторіи, и Кефуръ, впадающая въ Викторію-Нилъ, берутъ начало съ восточной стороны Руэнцори. Рѣка Мисисси, впадающая въ озеро Альберта, выходитъ съ сѣвернаго склона горъ.

Идя на югъ долиною Семлики и потомъ берегами озера Альберта-Эдуарда, я насчиталъ шестьдесятъ двѣ рѣчки, истекающія изъ одного Руэнцори; изъ нихъ наиболѣе значительныя Рами, Рубуту, Сенгири, Рамилюлю, Бутаху, Русируби, Руими, впадающія въ Семлики; и Рувераи, Нямагасани, Уніамуамби, Рукоки, Нсонги и Русанго, текущія въ озеро Альберта-Эдуарда.

Высота уровня озеръ, опредѣляемая точкою кипѣнія, оказалась для верхняго озера (Альбертъ-Эдуардъ) на 3.307 футовъ выше уровня моря, а для озера Альберта на 2.350 футовъ.—Такимъ образомъ, на протяженіи около 150 миль рѣчной долины, является разница уровня

въ 957 футовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, помимо очень сильнаго теченія и замѣченныхъ нами пороговъ, на рѣкѣ Семлики должно быть нѣсколько большихъ водопадовъ на пути отъ одного озера къ другому.

Долина Семлики носитъ тепличный характеръ лишь на протяженіи какихъ нибудь сорока миль. Та часть ея, которая подвергается бурнымъ вѣтрамъ съ озера Альберта, повидимому покрыта тощею почвой, потому что ничего не производитъ кромѣ жидкой акаціи и горькой травы, отъ которой даже скотъ отворачивается. Но между этою полосой и мѣстностью, подходящей къ берегамъ верхняго озера, залегаетъ такая плодородная и жирная почва, какихъ немного найдется на земномъ шарѣ. Этотъ фактъ давно уже извѣстенъ туземцамъ, судя по тому какое множество разныхъ народцевъ налѣзло сюда для расчистокъ по лѣснымъ чащамъ и для разведенія банановъ, простыхъ и фиговыхъ. Невозможно здѣсь пройти ни одной мили, въ какомъ бы то ни было направленіи, чтобы не наткнуться на великолѣпнѣйшую рощу фиговыхъ банановъ, ломящуюся подъ тяжестью превосходныхъ плодовъ. Ни въ одной части Африки, ни даже въ Угандѣ, я не встрѣчалъ такого обилія пищи. Здѣсь можно бы прокормить до отвалу хоть десять такихъ каравановъ, какой я велъ за собой. Фиговые бананы, достигая полной зрѣлости, были отъ двѣнадцати до восемнадцати дюймовъ въ длину, а толщиною въ верхнюю часть руки здороваго человѣка.

Мы шли шестнадцать дней по этому роскошному лѣсу, общее названіе котораго Авамба, по имени преобладающаго племени. За это время выпало на насъ десять отдѣльныхъ дождей, изъ которыхъ нѣкоторые продолжались болѣе девяти часовъ кряду, а громъ былъ слышенъ всякій день. Когда мы, выйдя изъ лѣсу, пошли по травянистымъ лугамъ предгорья, вдоль передовой цѣпи горъ, то съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ намъ видно было что лѣсъ сплошной массой простирается во всѣ стороны, насколько можно было охватить глазомъ, и темная зелень его разнообразилась лишь болѣе свѣтлыми тонами банановыхъ плантацій. Мѣстами замѣтны были узкіе перерывы, обозначавшіе теченіе горныхъ потоковъ, но мѣстность была почти ровная, изрѣдка слегка холмистая, и надъ всею долиной медленно ходили широкія волны бѣлоснѣжнаго тумана: онѣ то сливались, то клубились, то образовали сплошной покровъ, точно какъ облака на небѣ. Все это было очень досадно для насъ, жаждавшихъ разсмотрѣть какъ можно больше видовъ и поближе узнать окружавшій насъ своеобразный міръ; но въ тоже время мы догадывались о причинахъ непомѣрнаго обилія растительности съ одной стороны и необычайной

застѣнчивости Руэнцори—съ другой. Въ этой части долины совсѣмъ не было вѣтровъ, нечему отгонять паровъ, нечѣмъ расчищать атмосферу: благодаря длинѣ и высотѣ горнаго хребта, цѣлая четверть компаснаго круга во весь годъ оставалась защищенною отъ всякаго дуновенія съ востока на югъ: вѣчные туманы и пары скоплялись въ долинѣ, медленно, подымались кверху, и достигая холоднаго пояса верхнихъ слоевъ атмосферы, падали оттуда обильными дождями. Съ сѣвера на западъ горный хребетъ загораживаетъ долину отъ сѣверныхъ вѣтровъ и способствуетъ поддержанію въ ней того ровнаго тепла, которое благопріятствуетъ произведенію всякихъ чудесъ растительности. Когда мы располагались лагеремъ въ этихъ мѣстахъ, дымъ отъ нашихъ костровъ положительно выѣдалъ намъ глаза и душилъ насъ, потому что стлался по землѣ, а вверхъ ему никакого ходу не было. Долина Семлики представляетъ собою естественную оранжерею: непрерывно исходящіе изъ почвы теплые пары окутываютъ ее круглый годъ и что же удивительнаго что растительность, находя здѣсь всѣ условія, потребныя для своего наилучшаго питанія и развитія, достигаетъ тутъ полнѣйшаго обилія и красоты. Тамъ, гдѣ гумусъ залегаетъ глубоко, выростаетъ высокоствольный лѣсъ съ непроницаемою чащей подлѣска, причемъ деревья перевиты, связаны и перепутаны между собою, а иногда совсѣмъ спрятаны въ массѣ вьющихся и лазящихъ ліанъ и деревянистыхъ кустарниковъ; тамъ, гдѣ слой гумуса потоньше, какъ напримѣръ у подошвы предгорій, выростаютъ цѣлыя трущобы тростниковъ, вышиною отъ десяти до пятнадцати футовъ, роскошно цвѣтущихъ и совершенно непроницаемыхъ. Каждый древесный стволъ одѣтъ сплошною зеленью нѣжныхъ мховъ, унизанныхъ каплями росы; каждый древовидный папоротникъ, всякая горизонтально-выступающая вѣтка покрыта орхидеями и широкими листьями «слоновыхъ ушей». Каждый утесъ, каждый камень устланъ лишайниками, и если въ немъ есть хоть малѣйшая щель или впадина, она тотчасъ наполняется цѣлымъ міромъ мелкихъ тропическихъ растеній. Словомъ сказать—повсюду, кромѣ развѣ отвѣсной стѣны недавняго обвала, растительная жизнь проявляетъ изумительную силу и разнообразіе оттѣнковъ, зелени, формъ и характера.

За день до окончательнаго выхода изъ лѣсу мы съ удивленіемъ замѣчали разныя любопытныя и новыя подробности, производимыя этою натуральною теплицей. Такъ, напримѣръ, между селеніями Мтарега и Улегга насъ поразила толщина стволовъ у дикихъ банановъ, доходившая до восемнадцати дюймовъ въ діаметрѣ, на два фута отъ земли. Листья, собранные пучкомъ на верхушкѣ ствола, распадались оттуда граціознымъ зонтикомъ, образую тѣнистый шатеръ; каждый

листъ въ два фута ширины и десять футовъ длины; мягко отгибаясь во всѣ стороны, они окружали соцвѣтіе, расположенное на самой верхушкѣ на подобіе розетокъ, изъ которыхъ свѣшивались крупныя кисти тычинокъ. Я не знаю, гдѣ кончается линія распространенія этихъ дикихъ банановъ; однако замѣчалъ, что выше 8.000 футовъ надъ ур. моря они становятся рѣже. Древовидные папоротники, вышиною до тридцати футовъ, узкими рощами выполняли собою влажныя лощины и берега ручьевъ, между тѣмъ какъ безчисленное множество травянистыхъ папоротниковъ всевозможныхъ фасоновъ росло вездѣ по сторонамъ, какъ бы въ доказательство своего близкаго родства съ гигантскими представителями семейства папоротниковъ. Далѣе обращали на себя вниманіе длиннѣйшіе каламусы, цѣплявшіеся съ одного дерева за другое. По сосѣдству съ зарослями папоротниковъ росли особенно высокія деревья, и въ развѣтвленіяхъ ихъ сидѣло особенно много орхидей; горизонтальныя вѣтви были густо усажены «слоновыми ушами» всѣ деревья задрапированы мягкими зелеными мхами, которые казались насквозь промокшими отъ чрезмѣрной влажности и на концѣ каждой шелковистой былинки несли по прозрачной капелькѣ.

Лѣсная область собственно кончается при входѣ въ Улеггу, но все пространство между нею и Мцорой такъ хорошо обработано и занято такою густой растительностью, что только пройдя Мцору, мы догадались, что окончательно вышли изъ лѣсу и вступили въ страну другой формаціи. Глядя на западъ-сѣверо-западъ, мы замѣчаемъ начало буроватой луговой равнины, совершенно похожей на ту, что окаймляетъ озеро Альберта съ южной стороны. Это мѣсто на видъ совсѣмъ плоское, представляется какъ бы дномъ только что высохшаго озера и такъ продолжается вплоть до самаго озера Альбертъ-Эдуардъ-Ніанзы.

Отъ Мцоры до Мухамбы мы шли краемъ низменной равнины, или прежняго дна сѣверной части южной Ніанзы; но за Мухамбой стали забирать въ гору, во избѣжаніе длинной, извилистой дороги, огибающей мысъ Сангуэ-Мирембэ.

По мѣрѣ того какъ мы подвигались къ юго-западу по этимъ холмамъ, мы стали замѣчать, что не только долина Семлики измѣнила свой характеръ, но и склоны Руэнцори тоже измѣнились. Вмѣсто густыхъ лѣсовъ, покрывавшихъ передніе склоны и лощины, вмѣсто банановыхъ рощъ, зарости папоротниковъ, и общаго обилія и сочности растительной жизни, холмы и откосы одѣлись нѣжными луговыми травами, а въ лицо намъ повѣяло здоровымъ, свѣжимъ вѣтромъ,—и какъ мы благодарили судьбу за то, что выбрались наконецъ изъ этой горячей бани!

Но дня черезъ два настала еще другая перемѣна. Воздухъ былъ

гораздо суше, а общій видъ пейзажа производилъ впечатлѣніе страны бездождной, какъ будто почва истощилась и выгорѣла. Трава пошла сухощавая и непитательная, а по откосамъ закругленныхъ холмовъ росли какіе-то бурые кусты кирпичнаго оттѣнка. Деревья стали рѣдки, да и тѣ какія то уродливыя, съ искривленными вѣтвями и блѣдною, некрасивою зеленью оливковаго цвѣта. Все показывало, что почва истощена или выжжена ежегодными степными пожарами, и что не взирая на обильные періодическіе дожди, растительность не находитъ здѣсь условій благопріятныхъ для своего развитія. Какъ эти холмы, образующіе южныя покатости Руэнцори, такъ и равнина, тянущаяся между ихъ подошвой и озеромъ Альберта-Эдуарда, имѣютъ видъ тощій, безлѣсный и непривлекательный. Хотя растительность ихъ различна, но и здѣсь и тамъ она указываетъ на безплодную почву пропитанную солью и производящую лишь сухощавые молочаи, да акаціи, источающія камедь. Таковъ общій характеръ бывшаго русла Ніанзы.

Словомъ, сѣверо-западная и западная сторона Руэнцори, орошаемыя почти ежедневными дождями и освѣжительными росами, пользуются вѣчною весной и одѣты вѣчною зеленью; южная и юго-западная стороны имѣютъ рѣзко опредѣленные періоды дождей и засухи, и если застать ихъ въ сухое время года, то трудно себѣ вообразить болѣе полный контрастъ чѣмъ эти два состоянія пышности и истощенія природы.

Я думаю не мало найдется людей и помимо меня, которые согласятся съ тѣмъ, что видъ какого нибудь древняго зданія или памятника,—будь то пирамида, сфинксъ, аѳинскій парѳенонъ, пальмирскій храмъ солнца, дворецъ въ Персеполисѣ или просто старинный англійскій замокъ, — возбуждаетъ въ душѣ совершенно особыя чувства. Эта почтенность подобныхъ зданій, которую можетъ придать только давность ихъ, а также воспоминанія о людяхъ, которые ихъ строили, созидали, жили тутъ, дѣйствовали, и такъ давно отошли къ праотцамъ, и всѣми позабыты,—все это дѣйствуетъ на воображеніе и невольно будитъ симпатіи. Хочется узнать исторію этихъ мѣстъ и въ душѣ трепещетъ смутная и радостная гордость, что вотъ и мы, смертные, можемъ созидать вещи, которыя такъ долго живутъ... Но во сколько же разъ сильнѣе и возвышеннѣе то волненіе, которое возбуждается зрѣлищемъ древнихъ твердынь Руэнцори, существующихъ въ теченіе неисчислимыхъ тысячелѣтій! Подумать только, сколько нужно было времени на то, чтобы тающіе снѣга проточили себѣ сквозь скалистые гребни хребта всѣ эти лощины и ущелья, глубиною въ сотни саженъ; или сколько понадобилось вѣковъ на то, чтобы съ высотъ и склоновъ накопилось столько обломковъ и наносовъ, высти-

лающихъ напримѣръ долину Семлики и равнины Ніанзъ; мысль теряется въ этой безднѣ вѣковъ, протекшихъ со времени поднятія Руэнцори изъ нѣдръ земли и въ отвѣтъ на внутренній голосъ, какъ бы говорящій мнѣ: «а ты гдѣ былъ, когда создавалась земля? Отвѣчай, коли ты разумное существо!»—я проникаюсь глубочайшимъ благоговѣніемъ и радостною благодарностью за то, что мнѣ довелось все это увидѣть.

Иного рода чувства, но тоже сильныя, поднимаются въ душѣ при мысли о томъ, что въ одномъ изъ наиболѣе глухихъ угловъ земного шара, вѣчно окутанный туманами, опоясанный грозовыми тучами, въ таинственномъ полумракѣ скрывался до нынѣ одинъ изъ величайшихъ горныхъ гигантовъ, снѣжныя главы котораго вотъ уже пятьдесятъ вѣковъ составляютъ главный источникъ жизни и благосостоянія египетскихъ народовъ. Можно себѣ представить какъ набожныя племена первобытнаго человѣчества боготворили бы эту гору, которая изъ дальнихъ краевъ такъ обильно пополняетъ ихъ священный и благодѣтельный Нилъ. И при мысли о его благодѣтельныхъ свойствахъ во мнѣ рождается еще другая: я переношусь въ воображеніи вдоль излучистой линіи серебристой рѣки внизъ по ея теченію, за 4.000 миль отсюда, туда, гдѣ уже очевидно ея жизненное значеніе, къ подножію пирамидъ, гдѣ помимо арабовъ, коптовъ, феллаховъ, негровъ, копошатся еще толпы турокъ, грековъ, итальянцевъ, французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, американцевъ, которые хлопочутъ, суетятся, или просто наслаждаются жизнью; и думаю, что мнѣ простительно ощущать нѣкоторую гордость, зная что я теперь могу имъ сказать, впервые и навѣрное: «господа, вамъ нравится вкусъ нильской воды и вы не разъ ее хвалили, такъ знайте же, что большая часть ея вытекаетъ изъ глубокихъ и обширныхъ снѣговыхъ залежей хребта Руэнцори или Руэнджуры—«Царя Облаковъ».

Хотя отъ ближайшаго къ намъ пункта центральнаго хребта мы находились за восемь англійскихъ миль по птичьему полету, но въ тѣ краткіе промежутки времени, когда мы имѣли возможность разсмотрѣть его при полной чистотѣ атмосферы, въ особенности отъ Бекокоро, въ хорошій бинокль можно было разрѣшить вопросъ, почему на Руэнцори задерживается такъ много снѣговъ. Какъ видно изъ многочисленныхъ снимковъ его профиля, гребень хребта разсѣченъ на множество треугольныхъ пиковъ или же рѣзко заостренныхъ вершинъ, формой похожихъ на узкія сѣдла. Каждая такая вершина, разсмотрѣнная въ отдѣльности, представляетъ миніатюрную копію всего остального хребта; зазубренная вліяніемъ стихій, времени и климата, вѣтра и дождя, мороза и снѣга, каждая изъ вершинъ Руэнцори повторяетъ

всѣ тѣ шероховатости, всѣ тѣ выступы, зубцы и иныя неровности, которыми отличаются и ближайшія къ намъ горы той-же системы, болѣе низкія и вполнѣ ясно видныя простымъ глазомъ. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти пики и заостренныя главы на столько круты и обрывисты, что не взирая на безпрестанный тамъ снѣгопадъ и вѣчные морозные вѣтры, заставляющіе снѣгъ крѣпнуть и леденѣть, на самыхъ верхушкахъ снѣгъ однакоже почти не держится. Но за то, примѣрно на 300 футовъ ниже, покатости становятся болѣе отлогими, слѣдовательно болѣе удобными для задержанія снѣга и тутъ образуются громадныя сплошныя снѣговыя поля. Очень часто, однакожь, непосредственно за такимъ полемъ гора обрывается отвѣсною пропастью, стѣны которой обнажены и рѣзко чернѣютъ, а у подножія обрыва снова разстилается снѣговое поле, и къ нему мѣстами примыкаютъ отлогіе скаты сосѣднихъ горъ. Вотъ почему этотъ высокій хребетъ не вездѣ одинаково покрытъ снѣгомъ, а представляетъ лишь отдѣльные участки снѣга (хотя и очень обширные), то прерываемые темнобурыми обрывами, то испещренные какъ-бы островками черныхъ скалъ. На 3.000 футовъ ниже главной вершины, какъ это особенно ясно видно на фотографіи, снятой въ Карими, образовался цѣлый снѣговой материкъ, изъ котораго тамъ и сямъ выставляется множество темныхъ островковъ.

Тамъ, гдѣ гребни горъ такъ обрывисты и обнажены, а самыя стѣны скалъ и пропастей такъ высоки, онѣ подвергаются особенно рѣзкому климату и потому вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ онѣ сильно вывѣтриваются и крошатся. Обломки камня, щебень и массы каменной пыли валятся съ верху на площадки обледенѣлаго снѣга, который подтаиваетъ снизу и будучи подтачиваемъ сбѣгающими ручьями, медленно сползаетъ въ нижнія долины, за многія версты отъ мѣста своего отправленія. По мѣрѣ того какъ лавина спускается ниже, таяніе усиливается, скорость движенія увеличивается, пока наконецъ, дойдя до предѣла тропическаго зноя, или будучи снизу обдаваема горячими парами долины, снѣгъ растаиваетъ внезапно и тогда обломки скалъ, валуны и щебень, принесенные лавиною, стремительно обрушиваются внизъ, съ трескомъ перескакивая черезъ ложбины, и далѣе летя по склонамъ, до тѣхъ поръ пока не встрѣчаютъ въ долинѣ какой нибудь преграды и тогда образуютъ у входа въ ущелье завалы, а тамъ, гдѣ горные склоны отлоги, они разбрасываются по нимъ на протяженіи многихъ десятинъ.

Иногда сползаніе такихъ обледенѣлыхъ снѣговыхъ массъ совершается съ такой необычайной силой и быстротой, что онѣ сдвигаютъ передъ собою большіе участки земли, вмѣстѣ съ ростущими на нихъ

деревьями и кустами, и все это вмѣстѣ съ питающею ихъ почвой слѣзаетъ внизъ, до самаго подножія горъ. Изъ этого можно себѣ представить какія массы всякаго матеріала — валуновъ, скалистыхъ обломковъ, гальки, щебня, песку, деревьевъ и дерновинъ попадаетъ въ долину Семлики съ безчисленныхъ горныхъ скатовъ и ложбинъ.

Нѣчто подобное очевидно совершилось когда-то противъ истоковъ рѣки Рами-Люлю: тутъ былъ громадный обвалъ, и притомъ такой внезапный, что теченіе рѣки совершенно было преграждено и вся мѣстность завалена обломками на пространствѣ около шести квадратныхъ миль. Но съ тѣхъ поръ Рами-Люлю снова пробила себѣ прежнее русло и течетъ теперь по своему первоначальному твердому скалистому дну, но только берега ея почти отвѣсны и имѣютъ до 200 футовъ высоты. Это даетъ намъ нѣкоторое представленіе о томъ, какова бываетъ толща такихъ обваловъ.

Между Угарамой и Букоко мы проходили удивительно плодоносными мѣстами, у самой подошвы горъ; насъ поразило тамъ чрезвычайное обиліе дынь, арбузовъ, сахарнаго тростника и проса. Подпочва состоитъ преимущественно изъ щебня и песку съ примѣсью жирнаго чернаго ила; но главная характерная черта,. это несмѣтное множество валуновъ, на половину вросшихъ въ землю, что указываетъ на дѣятельность ледниковъ.

Между Букоко и подошвами горъ, на разстояніи трехъ миль въ ширину и отъ пяти до шести миль въ длину, къ югу тянется точно такая же наносная гряда, состоящая преимущественно изъ отдѣльныхъ, не связанныхъ между собою частей камня; но съ теченіемъ времени дожди и ее настолько размыли, что она представляетъ довольно гладкую поверхность, расположенную уступами.

Принимая во вниманіе, что всѣ эти обстоятельства періодически повторяются съ тѣхъ поръ, какъ изъ нѣдръ земли совершилось поднятіе хребта Руэнцори и связанныхъ съ нимъ цѣпей; — припомнивъ также какая масса матеріала потрачена имъ на образованіе глубокаго и пространнаго залива, занимаемаго нынѣ озеромъ Альберта-Эдуарда, долиною Семлики и озеромъ Альберта, — мы не слишкомъ удивимся тому, что Руэнцори въ настоящее время представляетъ лишь скелетъ того, чѣмъ онъ былъ когда-то. «Ты прахъ, и въ прахъ обратишься». Его великолѣпная глава потеряла уже значительную часть своего объема; верхніе склоны изрыты и сточены, нижнія покатости изборождены сотнями глубокихъ потоковъ и хотя онѣ теперь не обнажены, а одѣты растительностью, но носятъ явные слѣды невзгодъ, претерпѣнныхъ съ той поры, какъ онѣ возникли изъ пламени. Медленно, постепенно, но неминуемо великая гора возвращается къ

своему первоначальному виду. Пройдетъ нѣсколько вѣковъ и Ніанза-Альбертъ-Эдуарда обратится въ обширную равнину; нѣсколько позднѣе тоже будетъ и съ Альбертъ-Ніанзой. И географы тогдашнихъ временъ въ изумленіи будутъ протирать себѣ глаза, если случайно нападутъ на карты обѣихъ Ніанзъ, въ томъ видѣ какъ онѣ описаны въ 1889 году.

Въ ранніе утренніе часы большею частью горы представлялись длинною, высокою, громадною черною массой, высшія точки которой какъ бы упирались въ безоблачное, предразсвѣтное сѣрое небо. Но по мѣрѣ того, какъ наступившая заря превращала на востокѣ этотъ сѣрый фонъ въ золотистый, въ вышинѣ показывались тонкія черточки бѣлыхъ облаковъ, опоясывающихъ вершины, а по всей линіи хребта отъ подножія вверхъ по склонамъ начинали ползти вверхъ клочковатые слои тумана. Эти клочки то втягивало въ лощины, то въ глубокія горныя ущелья, гдѣ ихъ подхватывалъ вѣтеръ и они начинали клубиться, не переставая подниматься по извилистымъ долинамъ, всползать на кручи, каждую минуту мѣняя форму и расположеніе и постепенно увеличиваясь въ объемѣ. Справа и слѣва вылѣзали новые клубы тумана, захватывали по пути отдѣльные клочья, стремившіеся изъ глубокихъ щелей, соединялись въ одну длинную сплошную гряду, окутывали верхи передовыхъ цѣпей; выше навстрѣчу имъ выходили еще новые клочья, срывавшіеся съ каждаго углубленія, изъ каждой складки камня, и вся эта масса паровъ строилась правильными рядами, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ сознавала надобность сомкнуться вкругъ бѣлыхъ исполиновъ. По мѣрѣ поднятія въ верхніе предѣлы атмосферы туманъ, достигшій уже значительной плотности, двигался все быстрѣе, мѣнялъ формы все чаще и внезапнѣе, соединялся съ клубами новыхъ бѣлыхъ паровъ, выступившихъ изъ верхнихъ разсѣлинъ, и все это неудержимо рвалось вверхъ, передовые смѣло указывая путь къ небесамъ.

Къ тому времени какъ солнце на четверть часа поднялось надъ восточнымъ горизонтомъ и начало играть свѣтовыми эфектами, ударяясь о поверхности снѣговыхъ полей на вершинахъ, вкругъ верхнихъ зубцовъ образуются какъ бы сіянія всѣхъ цвѣтовъ радуги, а поднявшійся до тѣхъ же предѣловъ туманъ соперничаетъ со снѣгами ослѣпительной бѣлизной и даже, когда пронижутъ его лучи могучаго солнца, превосходитъ снѣговыя вершины яркостью своихъ оттѣнковъ и переливовъ и, наконецъ, вознесясь надъ сіяющими снѣгами и алѣющими пиками, торжествуетъ надъ ними полную побѣду. Но съ минуты на минуту масса паровъ, изрыгаемыхъ неистощимою долиной Семлики, становится все гуще; они спѣшатъ слиться съ верхними

слоями, неподвижно облегающими склоны и гордые пики горъ, мало по малу туманъ теряетъ свой блескъ, сіяющія краски его тухнутъ, а скопленіе такъ велико, что принявъ сначала лишь тусклый оловянный цвѣтъ, онъ постепенно переходитъ въ сизый и почти черный, и въ видѣ страшной грозовой тучи остается такъ во весь день, а иногда и на ночь. Но случается, что за полчаса до заката вѣтеръ сгоняетъ тучи и тогда одинъ пикъ за другимъ появляются въ синемъ небѣ, одна за другой обнажаются мощныя вершины, бѣлоснѣжныя поля, и вся волнистая громада сіяетъ въ полномъ своемъ великолѣпіи пока не сгустятся сумерки и темная ночь не покроетъ ее еще болѣе темнымъ шатромъ.

Эти короткія — слишкомъ короткія — минуты, когда смотришь на великолѣпнаго «Создателя дождя» или «Царя Облаковъ», какъ уаконджу величаютъ свою укутанную туманами гору, наполняютъ зрителя такимъ чувствомъ, какъ будто онъ сподобился заглянуть въ отверстыя небеса. Покуда длилось это дивное зрѣлище, не было лица— бѣлаго или чернокожаго—которое не было бы поднято ему навстрѣчу; всѣ глаза съ благоговѣйнымъ и радостнымъ изумленіемъ устремлялись кверху, къ тѣмъ высокимъ предѣламъ, гдѣ сіяла эта холодная красота, исполненная такого глубокаго мира и тишины, такой чистоты и недосягаемаго блеска, что нѣтъ словъ для ихъ выраженія. И какой разительный контрастъ! Внизу мы были окружены знойной экваторіальной температурой, вѣчно-зеленой, пышной и сочной растительностью, воинственными племенами, вѣчно жаждущими крови,—а тамъ этотъ горный исполинъ, царь облаковъ одѣтый въ бѣлоснѣжную ризу, окруженный толпою темныхъ вершинъ, преклоняющихся передъ престоломъ своего монарха, а на его холодномъ бѣломъ челѣ какъ будто начертано «Безконечность—Вѣчность!»

Такія минуты восторженнаго созерцанія остаются врѣзанными въ душу, въ особенности потому, что онѣ такъ не похожи ни на что мелкое и суетное, интересующее насъ въ обычное время, такъ захватываютъ умъ, ставя его въ дѣйствительное присутствіе чего-то несказанно возвышеннаго, невыразимо величественнаго, передъ чѣмъ не только благоговѣешь и восторгаешься, но безмолвно поклоняешься ему, какъ отблеску самого Создателя. Никогда человѣкъ не бываетъ такъ близокъ къ небу какъ въ подобныя минуты, потому что каковъ бы онъ ни былъ самъ по себѣ, въ частной своей жизни, какъ бы ни кичился своимъ разумомъ и какъ бы ни были дерзки его помыслы въ обыденное время,—тутъ онъ становится какъ малое дитя, исполненное удивленнаго восхищенія передъ тѣмъ великолѣпіемъ, которое онъ видитъ и считаетъ божественнымъ.

Мы давно уже были чужды впечатлѣніямъ этого порядка. Всѣ наши чувства, отъ того часа какъ мы просыпались и до того когда снова засыпали, наполнены были настоятельными заботами о нуждахъ каждаго часа, о насущныхъ потребностяхъ, вызывавшихъ самый бдительный надзоръ и напряженное вниманіе. Правда, насъ очень расшевелилъ тогда видъ, открывавшійся съ высотъ горы Пизга на безконечный міръ дремучихъ лѣсовъ, тянущихся на многія сотни миль въ разныя стороны. И въ другой разъ мы чуть не дошли до истерики отъ восторга, когда послѣ пятимѣсячнаго заключенія подъ сводами лѣсныхъ дебрей мы ступили опять на зеленую мураву, дохнули вольнымъ воздухомъ просторныхъ полей и увидѣли кругомъ на далекія пространства роскошныя пастбища, укромныя долины, волнующіеся холмы и равнины, на которыхъ высокая весенняя трава стройно колыхалась подъ струями набѣгавшаго прохладнаго вѣтра. Не мало любовались мы и на широкую гладь серебристыхъ водъ Альбертъ-Ніанзы, радуясь притомъ, что достигли наконецъ желаннаго предѣла столь долгихъ и мучительныхъ странствій; но всѣ эти впечатлѣнія не вызывали въ насъ невольнаго молитвеннаго порыва, потребности поклониться Творцу, и никогда мы не были потрясены такъ глубоко, какъ въ то мгновеніе, когда однажды взглянувъ вверхъ мы внезапно увидѣли на недосягаемой высотѣ заоблачный хребетъ и бѣлоснѣжную грудь Руэнцори, показавшіеся намъ идеальнымъ осуществленіемъ сказочныхъ представленій о небесномъ замкѣ съ неприступными башнями и безконечной чередой исполинскихъ стѣнъ.

Глава XXXI.

РУЭНЦОРИ И ОЗЕРО АЛЬБЕРТА-ЭДУАРДА.

Значеніе картъ при книгахъ о путешествіяхъ.—Сколько времени я потратилъ на свои карты.—Дно высохшаго озера, найденное близъ Карими; предположительная величина его.—Чему научаешься въ этой дивной странѣ.—Отношеніе долины Семлики къ бассейнамъ обѣихъ озеръ.—Обширная равнина между Рузессэ и Катуэ.—Зерибы изъ молочая у уасонгоровъ.—Набѣгъ уагандовъ, восемнадцать лѣтъ назадъ.—Свойства травы и воды на низкихъ мѣстахъ плоской равнины.—Южная сторона Руэнцори и послѣдній взглядъ на него.—Городъ Катуэ.—Альбертъ-Эдуардъ-Ніанза.—Анализъ разсола изъ Соляного озера у Катуэ.—Окрестности Соляного озера.—Кровавый отливъ его водъ. — Большое Соляное озеро у Катуэ, иногда называемое озеромъ Мкійо.—Лестная репутація здѣшней соли.—Обитатели прибрежья на озерѣ Альберта-Эдуарда.—Бевуа завязываетъ, въ нашу пользу, дружескія сношенія съ туземцами. — Приходитъ Какури и съ нимъ нѣсколько уасонгорскихъ старшинъ. — Изслѣдованіе Большого озера Катуэ.—Поселеніе Кайюры.—Заливъ Катуэ.—Черный леопардъ.—Туземныя хижины Мукунгу.—Огибаемъ длинный заливъ озера, названный заливомъ Беатрисы, и останавливаемся въ Мухокія.—Уара-суры устраиваютъ противъ насъ засаду близъ Рукоки,—мы обращаемъ ихъ въ бѣгство,—и беремъ въ плѣнъ мхумскую женщину.—Капитанъ Нельсонъ съ отрядомъ преслѣдуютъ арріергардъ Рукары.—Лагерь въ Буруди. Наши союзники уаконджу и уасонгоры покидаютъ насъ.—Мы заболѣваемъ отъ плохой воды. Переправа черезъ рѣку Нсонги.—Взятіе въ плѣнъ одного уара-сура.—Болѣзни и смерть между египтянами и чернокожими.—Наше послѣднее столкновеніе съ уара-сурами въ ущельѣ Кавендарэ.—Булемо-Руиги предоставляетъ въ наше распоряженіе подвластную ему страну.—Списокъ людей Эмина-паши.—Въ селеніи Катари я и другіе заболѣваемъ лихорадкой.—Южная сторона озера Альберта-Эдуарда и впадающіе въ него притоки.—Первый и послѣдній видъ на озеро,—какого оно цвѣта.—Что было-бы намъ отсюда видно, если-бы день былъ ясный.

Критики имѣютъ обыкновеніе не обращать почти никакого вниманія на географическія карты, прилагаемыя къ путешествіямъ. Я нахожу, что это довольно несправедливо. Мои карты, напримѣръ, стоили мнѣ гораздо больше труда чѣмъ всѣ мои замѣтки, литературная обработка ихъ, рисованіе и фотографическіе снимки, вмѣстѣ взятые. Если все сочесть, то ежедневная провѣрка трехъ хронометровъ въ теченіе почти трехъ лѣтъ, опредѣленіе трехсотъ пунктовъ, вычисленія всѣхъ

этихъ опредѣленій, нанесеніе ихъ на карту, вычерчиваніе теченія рѣкъ, оттѣненіе горныхъ цѣпей, безчисленныя провѣрки по компасу, опредѣленіе точекъ кипѣнія по термометрамъ, записываніе варіацій анероидовъ, вычисленіе высотъ, отмѣтки температуръ, словомъ все то, что необходимо для составленія хорошей карты, заняло у меня 780 часовъ усидчивой работы; такъ что если положить на этотъ трудъ по шести часовъ въ сутки, выходитъ, что на однѣ только карты я потратилъ 130 дней работы. Если къ книгамъ этого рода не прилагать картъ, то во-первыхъ едва-ли возможно взять въ толкъ то что описываютъ, а во-вторыхъ самое изложеніе становится невыносимо сухо. Между тѣмъ, прилагая карты я вполнѣ избавляю себя отъ необходимости вдаваться въ сухія описанія, и въ тоже время разсказъ мой получаетъ такую вразумительность, такую ясность и доказательность, что я считаю карты не только украшеніемъ, но и наиболѣе интересною и необходимою принадлежностью своей книги. И я увѣренъ, что читателю стóитъ лишь взглянуть на прилагаемый профиль Руэнцори, долины Семлики и озеръ Альберта-Эдуарда и Альберта, чтобы гораздо больше узнать о главныхъ чертахъ физическаго строенія этихъ мѣстъ, чѣмъ напримѣръ объ окрестностяхъ озера Мичигана.

Спускаясь изъ Карими къ бассейну озера Альберта-Эдуарда, мы тотчасъ догадались, что идемъ по высохшему озерному руслу, — для такой догадки не нужно даже особенныхъ геологическихъ познаній. Если бы уровень воды въ озерѣ повысился только на пять футовъ, оно раздалось-бы на пять миль къ сѣверу и на пять миль къ югу; а если бы вода поднялась на пятьдесятъ футовъ, то озеро возвратилось бы къ тому самому состоянію, въ какомъ оно было во времена сѣдой древности, когда волны его бились о галешникъ своихъ береговъ подъ тѣнью дремучихъ лѣсовъ близь Мцоры. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ необходимо было посѣтить берега Альбертъ-Эдуарда, чтобы вполнѣ постигнуть тѣ физическія измѣненія, вслѣдствіе которыхъ это озеро, нѣкогда столь обширное уменьшилось до настоящихъ своихъ ограниченныхъ размѣровъ. Я конечно не рѣшусь сколько нибудь точно опредѣлить то время, когда озеро Альберта примыкало къ лѣсамъ Авамбы съ сѣвера, а озеро Альберта-Эдуарда простиралось поперекъ округа Макара и доходило до южнаго края лѣсовъ. Но не надо быть особенно свѣдущимъ математикомъ чтобы вычислить, во сколько лѣтъ рѣка Семлики прорыла себѣ русло такой глубины, чтобы высушить равнину Макара. Это сообразить не трудно. Различныя соли, осѣдавшія на равнинѣ по мѣрѣ усыханія озера, и до сихъ поръ еще не совсѣмъ вымыты и остались въ почвѣ. Трава настолько питательна, что ею пробавляется кое-какой невзыскательный скотъ, а по краямъ

равнины накопился тонкій слой гумуса (отъ гніющей травы), на которомъ растутъ черные молочаи, акаціи, колючій кустарникъ; но девять десятыхъ равнины остаются всетаки подъ травой и тропическіе лѣса Авамбы ни на шагъ не переступаютъ ея границъ. Тоже самое явленіе замѣчается и у южной оконечности озера Альберта: сначала плоская равнина миль на двадцать длиною, поросшая грубой травой, которой и скотъ не ѣстъ; затѣмъ пространство въ восемь миль, съ жидкими рощами плакучей акаціи, изрѣдка перемѣшанными съ черными молочаями, и непосредственно за этою полосой начинается лѣсъ, старинный дремучій лѣсъ.

Въ каждую свободную минуту я раздумывалъ обо всемъ, чему учила меня природа этого дивнаго края. Было время, когда хребта Руэнцори не существовало. Вся страна, отъ Уніоро до плато Балегга представляла сплошные холмистые луга. Потомъ когда нибудь очень давно произошло поднятіе земли, Руэнцори возсталъ изъ праха, вознесся за облака, а у подножія его образовалась зіяющая бездна на 250 миль въ длину и на тридцать миль въ ширину, съ направленіемъ отъ юга запада къ сѣверо-востоку. Тропическіе дожди проливались въ теченіе многихъ вѣковъ; они наполнили бездну, затопили ее, и современемъ прорыли себѣ истокъ чрезъ тѣ мѣста, которыя нынѣ извѣстны намъ подъ именемъ Экваторіи. Вода по пути размывала берега, промыла свое русло до самаго камня и въ продолженіе безчисленныхъ столѣтій каждую секунду уносила за собою земляныя частицы къ сѣверу гдѣ изъ нихъ образовался Нижній Египетъ и побережье Средиземнаго моря. Между тѣмъ дно бездны постепенно повышалось обломками и розсыпями склоновъ Руэнцори, остатками неисчислимыхъ поколѣній рыбъ и отжившихъ растеній, и когда мало по малу сточились и выкрошились утесы и камни, разсѣянные по теченію Бѣлаго Нила, образовалось два озера; между ними почва также постепенно возвышалась, сначала представляя группы обнаженныхъ островковъ, потомъ, съ теченіемъ времени, острова слились между собою, покрылись землей и щебнемъ, принесенными обвалами горъ и сползающихъ ледниковъ; почва ихъ окрѣпла, одѣлась травой, потомъ лѣсомъ и такимъ образомъ возникла долина, обросшая великолѣпною тропическою растительностью.

У обоихъ концовъ этого лѣса разстилаются равнины, подверженныя медленному процессу кристаллическаго перерожденія, а по берегамъ озеръ и по нынѣ можно наблюдать переходное состояніе: постоянные наплывы ила, съ густою примѣсью животныхъ и растительныхъ остатковъ, постепенно скопляясь у береговъ возвышаютъ ихъ, высыхая крѣпнутъ и образуютъ прочную и сухую почву. Если опустить

шестъ гдѣ нибудь у отмелей въ южномъ концѣ озера Альберта, шестъ уйдетъ на пять футовъ въ тину. Эта тина образовалась изъ осадковъ и розсыпей увлеченныхъ притоками со склоновъ Руэнцори въ русло Семлики, а потомъ сама рѣка Семлики несетъ ихъ въ тихія воды озера. Если такой-же шестъ погрузить на дно озера Альберта, онъ пройдетъ черезъ четыре или пять футовъ сѣраго ила, въ которомъ попадаются тысячи тонкихъ листочковъ слюды, мельчайшихъ чешуекъ, измельченныхъ рыбьихъ костей, издающихъ отвратительный и сильнѣйшій запахъ. Теченіе Семлики постепенно размываетъ и уноситъ частицы коренныхъ горныхъ породъ между лѣсомъ Авамбы и озеромъ Альберта-Эдуарда, и нѣтъ сомнѣнія что мало по малу это озеро окончательно уйдетъ, высохнетъ и середи его окрѣпшаго дна будетъ извиваться лишь рѣчное русло Семлики, которое вберетъ въ себя всѣ притоки съ Руэнцори, и изъ высокихъ плоскогорій Анкори и Руанды. И когда, со временемъ, почва равнины достаточно будетъ вымыта, когда всѣ озерные осадки, всѣ соли и щелочи окончательно изъ нея удалятся, а слой гумуса будетъ потолще, тогда и лѣса Авамбы начнутъ понемногу подвигаться впередъ, и почва будетъ производить деревья, источающія масло и смолы и приносящія плоды, полезные для человѣка. Вотъ чему научаютъ насъ наблюденія надъ долиною Семлики, надъ бассейномъ обѣихъ озеръ, и что должно подтвердиться дальнѣйшимъ осмотромъ слѣдовъ озернаго дна, лежащаго между селеніемъ Рузессэ и округомъ Уніампака.

Отъ Рузессэ до Катуэ обширная равнина, покрытая травой, сходитъ цѣлымъ рядомъ низкихъ уступовъ къ рѣкѣ Ніама-Газани. По этимъ уступамъ помимо травы растутъ замѣчательные своей гущиной и своими необыкновенными размѣрами экземпляры молочая, издавна разводимаго тутъ племенемъ уасонгоровъ, которое строитъ изъ этого сорта молочая свои зерибы, для защиты скота отъ хищныхъ звѣрей и ради собственной обороны отъ стрѣлъ и копій враждебныхъ сосѣдей. Между такими молочаями, густо разросшимися вокругъ хижинъ, попадалось много настоящихъ патріарховъ, которымъ насчитывается отроду до пятисотъ лѣтъ.

Отсюда явствуетъ, какъ давно уже въ этомъ краю поселились уасонгоры и какъ они были могущественны въ старину, пока уаганды и уаніоры не начали тревожить ихъ своими періодическими набѣгами съ помощью ружей и мушкетовъ, доставляемыхъ арабами. Читатели моей книги «Черезъ темный материкъ» можетъ быть помнятъ разсказъ о набѣгахъ Катекиры, случившійся лѣтъ восемнадцать назадъ, и обо всѣхъ чудесахъ, которыя его шайка повстрѣчала на своемъ пути: какъ они шли по обширной равнинѣ, усѣянной гейзерами, изрыгавшими то жидкую грязь, то горячіе ключи, какъ страдали отъ

невыносимой жажды, какъ туземные дикари сражались съ уагандами, какъ утоляли жажду плохою водой и оттого умирали сотнями. Въ настоящую минуту мы находились какъ разъ въ той самой мѣстности, гдѣ происходила эта стычка съ уагандами, которые угнали тогда отсюда всѣ великолѣпныя стада. Съ тѣхъ поръ Кабба-Рега, съ помощью своихъ уарасуровъ, вооруженныхъ мушкетами, овладѣлъ краемъ, забралъ въ свои руки управленіе страной и отнялъ у жителей всѣхъ до одной коровъ. Капитанъ Казати разсказывалъ, что онъ былъ однажды свидѣтелемъ возвращенія шайки изъ Уасонгоры и самъ видѣлъ какъ они гнали многія тысячи скота, добытаго разбоемъ.

Эти обширныя низины, съ проступающими на поверхность почвы бѣлыми солями, эти дымящіеся горячіе ключи, и грязные источники оказались совершеннѣйшимъ миѳомъ: они существовали лишь въ пылкомъ воображеніи юнаго разсказчика и мы ровно никакихъ ужасовъ тутъ не видали, кромѣ развѣ ужасающаго однообразія плоской равнины, покрытой изсохшею травой и группами торчащаго бураго молочая, изобличающаго до крайности тощую почву. Глубокая тишина, беззвучность этихъ мѣстъ происходитъ отъ того, что всѣ жители поголовно выселились отсюда; жажду здѣсь можно испытывать оттого, что по мѣрѣ приближенія къ озеру притоки его отстоятъ дальше другъ отъ друга, а болѣзни слѣдуетъ приписать обычаю туземцевъ пить стоячую воду, находимую въ ямахъ и впадинахъ.

Пока мы проходили черезъ равнину, намъ пришлось не мало пострадать отъ свойства мѣстныхъ травъ: онѣ выростаютъ на три фута отъ земли, густо усажены шипами и колючками, которыя проникаютъ даже чрезъ самыя плотныя ткани, царапаютъ, цѣпляются за одежду и вообще страшно надоѣдаютъ путешественнику.

Всего лучше и яснѣе мы видѣли Руэнцори два раза: въ первый разъ въ Карими, изъ узкой и длинной долины, а во второй съ равнины близь рѣки Ніама-Газани. Послѣдній былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прощальнымъ видомъ на великолѣпную гору, внезапно совлекшую свои облачные покровы чтобы еще разъ порадовать насъ несравненнымъ зрѣлищемъ. Одна за другою вставали передъ нами мощныя цѣпи горъ, увѣнченныя вершинами Руэнцори. Съ южной стороны хребетъ представляется тянущимся миль на тридцать въ длину, и имѣетъ до тридцати притупленныхъ пиковъ, раздѣленныхъ между собою глубокими перерывами. До сихъ поръ мы опредѣляли высоту главной вершины въ 17.000 футовъ, но видъ южныхъ склоновъ, покрытыхъ низко спущенными полянами глубокаго, чистаго снѣга, заставилъ насъ заключить, что Руэнцори еще на полторы тысячи футовъ выше чѣмъ мы предполагали. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы еще разъ

снять фотографію и тѣмъ дать возможность другимъ людямъ увидѣть этотъ видъ, хотя бы только въ главныхъ чертахъ. Здѣсь, также какъ и на рисункахъ карандашемъ, видны темныя пятна, обозначающія наиболѣе крутые обрывы склоновъ, на которыхъ снѣгъ уже не держится. Большая поверхность снѣговъ, замѣчаемая съ южной стороны зависитъ отъ того, что здѣсь передовыя цѣпи гораздо ниже тогда какъ съ сѣверной стороны онѣ почти заслоняютъ собою снѣговой хребетъ.

Рѣка Ніама-Газани, шириною въ сорокъ футовъ, а глубиною не болѣе одного, прозрачна какъ хрусталь и очень холодна; за нею въ нѣсколькихъ миляхъ расположенъ городокъ Катуэ, главная квартира Рукары, военачальника уара-суровъ. Онъ со своимъ войскомъ убрался отсюда наканунѣ нашего прихода и притомъ очевидно такъ спѣшилъ что не успѣлъ убрать своихъ продовольственныхъ запасовъ.

Городокъ Катуэ вѣроятно многолюденъ, въ немъ могутъ помѣститься двѣ тысячи человѣкъ. Такъ какъ въ окрестностяхъ невозможно никакое хозяйство исключая скотоводства, то мѣстные жители промышляютъ исключительно солью, которую добываютъ изъ ближайшихъ соляныхъ озеръ и продаютъ сосѣднимъ племенамъ. Селеніе представляетъ настоящій лабиринтъ зерибъ, сплетенныхъ изъ молочаевъ и соединенныхъ между собою путанными тропинками, окаймленными плетнями и частоколами изъ тростника.

Селеніе расположено на узкомъ гребнѣ поросшихъ травою холмовъ, тянущихся отъ соляного озера Катуэ къ обширной бухтѣ озера Альбертъ-Эдуарда. Длина этой гряды двѣ мили, ширина полъ-мили, то есть ровно отъ берега одного озера до другого.

Судя по точкѣ кипѣнія, Ніанза-Альберта-Эдуарда на 3.307 футовъ выше уровня моря; высота упомянутыхъ травянистыхъ холмовъ Катуэ—3.461 футъ, а уровень Соляного озера 3.265 футовъ надъ уровнемъ моря.

Слѣдовательно, вершина холмовъ на 154 фута выше Соляного озера и на 112 футовъ выше озера Альберта-Эдуарда, и уровень воды въ озерахъ уклоняется одинъ отъ другого на 42 фута. Городокъ (или селеніе) Катуэ лежитъ подъ 0°8′15″ къ югу отъ экватора.

Распорядившись раздачею зерна, я пошелъ поперекъ холма и спустившись по крутому склону, въ верхней части своей почти скалистому, сошелъ съ высоты 154 футовъ на песчаный, темный берегъ Соляного озера Катуэ, и очутился въ такомъ мѣстѣ, гдѣ грудами были навалены соляныя глыбы. Температура воды въ озерѣ = 78,4° Фаренгейта (25,5° по Цельсію); а въ узкомъ протокѣ сѣрнистой воды

оказалось 84° (29° по Цельсію). Вкусомъ она похожа на самый крѣпкій разсолъ *). Тамъ, гдѣ въ пескѣ вырыты ямы и въ нихъ пропущена озерная вода, которая дѣйствіемъ солнца испаряется, въ ямѣ осаждаются толстые слои кристаллической соли, твердой какъ камень и съ виду похожей на грубый кварцъ.

Издали такія ямы съ солью имѣютъ сходство съ замерзшими лу-

---

*) Я послалъ бутылку этого разсола въ Каиръ, въ химическую лабораторію хедива, гдѣ его анализировали правительственные химики и вотъ результатъ ихъ изслѣдованій:

«Химическая лабораторія хедива.

Каиръ, 25 марта 1890 г.

Составъ этой воды слѣдующій:

Поташъ КОН			2,667
Сода, NaOH			13,94
Безводная сѣрная кислота (несвободная),		SO_3	3,17
» углекислота	»	CO_2	2,36
Хлоръ	»	Cl	11,33
Сѣрнистый водородъ	»	SH_2	0,02
Известь и магнезія			Слѣды.
Кремнеземъ			0,01
Вода			68,77
			102,26
За вычетомъ кислорода, соотвѣтствующаго хлору			2,55
			99,71

По основнымъ окисламъ составъ распредѣляется такимъ образомъ:

Хлористый натръ	18,67
Сѣрнокислый натръ	5,63
Углекислый натръ	2,72
Углекислое кали	3,87
Сѣроводородное кали	0,04
Кремнеземъ	0,01
Известь и магнезія	Слѣды.
Вода	68,77
	99,71

Разница между итогомъ и сотнею зависитъ безъ сомнѣнія отъ легкой примѣси органическихъ веществъ.

Плотность равняется 1,2702. Согласно этому, цифры, выраженныя гранами на литръ, приходятся въ слѣдующей пропорціи:

Натръ хлористый	237,15
» сѣрнокислый	61,51
» углекислый	34,55
Углекислое кали	49,16
Сѣроводородное кали	51
Кремнеземъ	12
Итого солей на 1 литръ	383,00 грана.

жами. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ солепромышленники не тревожутъ почву, берега окружены пальмами «Укинду», деревянистымъ кустарникомъ, камышомъ, молочаями, алойниками. Въ Мкійо, деревушкѣ, обитаемой торговцами солью, есть даже маленькая банановая роща и небольшія плантаціи кукурузы и элевзины (Eleusine coracana). Эта узкая по-

---

Когда мы получили образчикъ, жидкость издавала запахъ сѣрнистаго водорода и имѣла слегка розовый оттѣнокъ, благодаря постороннимъ примѣсямъ. Количество матеріала было такъ незначительно, что мы не рѣшились тратить его еще на изслѣдованіе этихъ примѣсей, а также находящагося въ немъ небольшого количества органическихъ веществъ.

Вода, представляющая собою почти вполнѣ насыщенный растворъ, есть явленіе очень замѣчательное, такъ какъ натуральная вода подобнаго состава до крайности рѣдко встрѣчается. Присутствіе сѣрнистыхъ соединеній объясняется дѣйствіемъ организмовъ.

Бутылка, содержавшая подверженную анализу жидкость, была совершенно полна и прочно закупорена нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

А. Паппе
Г. Друпъ Ричмондъ } химики».

«Лондонъ, 1 мая 1890 г.

Дорогой мистеръ Стэнли,

Вотъ результаты количественнаго анализа той натуральной кристаллической соли, которую вы намъ прислали:

	На сто
Воды	0,82
Окиси желѣза (Fe_2O_3)	0,15
Поташа (K_2O)	4,56
Соды (Na_2O)	47,68
Углекислоты (CO_2)	1,02
Сѣрной кислоты (SO_3)	6.87
Хлора	50,42
	111,52
За вычетомъ кислорода, соотвѣтствующаго хлору	11,36
	100,16

Нахожу совершенно невозможнымъ опредѣлить навѣрное, какимъ образомъ соединены основанія и кислоты, но если судить по законамъ ихъ взаимнаго сродства, онѣ должны распредѣлиться въ слѣдующемъ порядкѣ:

Сѣрнокислый поташъ	8,43
Сѣрнокислый натръ	5,32
Углекислый натръ	2,46
Хлористый натръ	82,71
Окись желѣза	0,15
Вода	0,82
	99,89

Въ надеждѣ, что это можетъ вамъ пригодиться, остаюсь искренно преданный вамъ

Генри С. Уелькомъ».

лоска зелени до нѣкоторой степени оживляетъ видъ уединеннаго озера, имѣющаго въ общемъ очень печальный и мертвенный характеръ. Но непосредственно за этой рамкой скудной зелени начинаются отвѣсные обрывы цѣлаго ряда уступовъ, состоящихъ изъ сѣраго осажденнаго ила, мѣстами бѣлѣющаго тонкими слоями кристаллизованной соли; мѣстами пятна совсѣмъ бѣлыя и тусклыя, какъ бы мѣловыя, но по ближайшемъ разсмотрѣніи оказались сталагмитовыми. Въ одномъ изъ нихъ я нашелъ большой слоновій клыкъ, кости мелкихъ звѣрей, зубы, а также раковины величиною съ обыкновенную улитку. Такихъ сталагмитовыхъ залежей было довольно много вокругъ озера.

Озеро имѣетъ ту замѣчательную особенность, что воды его отличаются кровавымъ отблескомъ, благодаря какому то красному осадку въ нихъ. Глядя въ воду я увидѣдъ, что на поверхности ея и ниже, подъ водою, плаваютъ эти осадки, похожіе на сгустки крови. По моей просьбѣ одинъ изъ людей вошелъ въ озеро, на удачу: вода оказалась ему только по колѣна. Нагнувшись и пошаривъ на днѣ онъ вскорѣ вытащилъ и принесъ мнѣ большой комокъ грубо-кристаллизованной, твердой соли, снизу какъ бы окрашенной темнокраснымъ цвѣтомъ. Это липкое красное вещество придаетъ всему озеру пурпуровый оттѣнокъ, такъ что когда смотришь на него съ высоты Катуэ, то кажется будто къ водѣ примѣшана алая краска.

По берегу валялись сотни мертвыхъ бабочекъ всевозможныхъ цвѣтовъ. Въ водѣ не видно было ни одной рыбы, хотя берега озера повидимому охотно посѣщаются цаплями, аистами, пеликанами.

Наибольшее изъ соляныхъ озеръ Катуэ, называемое иногда Мкійо, по имени селенія, имѣетъ въ длину три мили, въ ширину отъ полумили до трехъ четвертей мили, глубины около трехъ футовъ. Меньшее озерцо лежитъ въ кругломъ бассейнѣ мили на двѣ восточнѣе перваго, очень мелко, имѣетъ всего полмили въ поперечникѣ, круглую форму и окружено травянистою поляной.

Изъ этихъ фактовъ сразу понятно, что оба эти соляные бассейна составляютъ часть первоначальнаго озернаго дна, въ которомъ были ямины, когда же воды Ніанзы-Альберта-Эдуарда сбыли, эти ямины остались наполненными водою, постепенно испаряющейся и изъ обыкновенной прѣсной воды превращенной, чрезъ это испареніе, въ крѣпчайшій разсолъ.

Соль здѣсь товаръ очень цѣнный и всѣ окрестныя племена охотно мѣняютъ на нее свои продукты. Молва о здѣшнемъ промыслѣ проникла до Кавалли, гдѣ я въ первый разъ услышалъ о существованіи большого соляного озера подъ именемъ «Катто». Изъ Макары, Уконджу, Уніампеки, Анкори и Руанды приходятъ цѣлыя флотиліи челноковъ

съ зерномъ, для обмѣна на соль. Сухопутные караваны являются изъ восточнаго Уконджу, изъ сѣверной Усонгоры, изъ Торо и Ухайяны и мѣняютъ на соль свое просо, рогожи, бобы, горохъ, туллабунъ (Eleusine), кунжутъ, желѣзныя издѣлія, оружіе и проч. и проч. Обитатели островов, разсѣянныхъ по озеру Альберта-Эдуарда, нагружаютъ свои мелкія суда солью и сушеною рыбой и находятъ выгоднымъ сбывать этотъ товаръ у западныхъ и южныхъ береговъ на мѣстные продукты. Обладаніе городкомъ Катуэ, который расположенъ на полпути между обоими озерами, считается настолько завиднымъ, что возбуждаетъ постоянныя распри. Сначала имъ владѣли уасонгоры, потомъ Антари, царь области Анкори; отъ него селеніе по наслѣдству перешло къ владѣтелю островов, Какури, и наконецъ Кабба-Рега, прослышавшій о богатой поживѣ, прислалъ своего Рукару прибрать къ рукамъ Катуэ.

Когда мы вступили въ Уконджу, уара-суры немедленно очистили равнину Макары, а когда подошли къ Катуэ, то и Рукара со своими мушкетерами и копьеносцами поспѣшилъ убраться подальше. 150 воиновъ изъ племени уаконджу присоединились къ нашему лагерю, а за ними и уасонгоры вступили съ нами въ союзъ и даромъ доставляли намъ всякія драгоцѣнныя свѣдѣнія.

Въ первый же день прибытія нашего въ Катуэ послѣ полудня мы увидѣли флотилію челноковъ, которая отдѣлилась отъ острова миляхъ въ трехъ отъ берега и направилась въ нашу сторону. Впрочемъ, экипажъ на судахъ былъ настолько остороженъ что къ самому берегу не подошелъ, а остановился на такомъ разстояніи, чтобы можно было разговаривать. Оказалось, что ихъ прислалъ Какури узнать, что за народъ изгналъ изъ страны Рукару и его уара-суровъ, ибо сдѣлавшіе это чужестранцы заслужили благодарность Какури и «всего міра». Мы отвѣтили, какъ того требовали приличія, но гости притворились, что не вѣрятъ намъ. Въ концѣ концовъ они объявили, что если мы согласимся поджечь селеніе Катуэ, то это имъ докажетъ, что мы не уара-суры. Мы тотчасъ подожгли оба селенія у береговъ и люди на челнокахъ принялись восторженно рукоплескать намъ.

Ораторъ сказалъ:

— Теперь я вижу, что вы уаніавинги. Спите спокойно, завтра къ вамъ придетъ самъ Какури и принесетъ привѣтственные дары.

Тогда Бевуа, старшина бывшихъ съ нами уаконджу, всталъ въ челнокѣ, спущенномъ у берега, и закричалъ:

— О, вы, сыны Какури, великаго властителя озера! Помните ли вы Куару-Куанзи, который своими копьями помогалъ сынамъ Какури оборонять страну противъ разбойниковъ уара-суровъ? И вотъ, Куара-Куанзи, истинный сынъ уаніавинговъ, опять съ вами. Радуйтесь, друзья

мои, Рукара и его грабители бѣжали и вся земля встанетъ какъ одинъ человѣкъ и устремится за ними въ погоню.

На челнокахъ опять захлопали въ ладоши и стали бить въ полдюжины маленькихъ барабановъ. Потомъ главный ораторъ островитянъ сказалъ:

— Какури такой человѣкъ, у котораго еще всѣ зубы цѣлы и онъ не дастъ какому нибудь Мра-суру вырвать у себя хоть одинъ. Мы поймали двѣнадцать человѣкъ уара-суровъ, когда они побѣжали отъ чужестранцевъ черезъ Макару. Какури распорядится, чтобы ихъ предали смерти до заката солнца и завтра придетъ, чтобы лицомъ къ лицу встрѣтиться съ начальникомъ пришельцевъ.

Когда они отплыли во свояси, я обратился къ Бевуа и сталъ разспрашивать его о уаніавингахъ: что такое уаніавинги? Составляютъ ли они отдѣльное племя?

Бевуа пристально посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Зачѣмъ ты спрашиваешь? Развѣ не знаешь, что мы тебя считаемъ уаніавингомъ? Кто же, кромѣ уаніавинговъ и уачуэзовъ бываетъ такого цвѣта?

— Какъ, развѣ они такіе же бѣлокожіе какъ и мы?

— У нихъ нѣтъ такой одежды, какая у васъ, и на ногахъ они не носятъ ничего такого; но они высокаго роста, крупные люди съ длинными носами и блѣдной кожей. Мы слыхали отъ стариковъ, что они приходили изъ-за Руэнцори; съ той же стороны пришли и вы; стало быть вы тоже уаніавинги.

— А гдѣ они живутъ?

— Въ Руандѣ. Руанда великая страна, она простирается къ югу отсюда полукругомъ, съ юго-востока на юго-юго-западъ. Ихъ копьямъ нѣтъ числа, а луки ихъ выше меня. Царь Уасонгорскій, Найика, родомъ Міавингъ. Въ здѣшней сторонѣ есть люди, которыхъ Кабба-Рега не въ силахъ одолѣть и эти люди въ Руандѣ. Туда не сунется даже король Уганды.

На другое утро явился Какури и принесъ въ даръ рыбы, козъ, банановъ и бобовъ. Вмѣстѣ съ нимъ пришли нѣсколько уасонгорскихъ старшинъ, которые вызвались сопровождать насъ, въ надеждѣ, что на пути къ Торо и Ухайянѣ мы встрѣтимся съ шайками разбойниковъ и имъ удастся подраться съ ними. Властитель острововъ красивый человѣкъ отличнаго тѣлосложенія, но цвѣтомъ кожи нисколько не свѣтлѣе самыхъ черныхъ уаконджу; между тѣмъ какъ уасонгоры и цвѣтомъ и чертами лица такъ живо напоминаютъ наилучшіе образцы сомалійскаго и уагальскаго типа, какъ будто принадлежатъ къ одному съ ними племени.

Мы предложили Какури послѣ полудня привести свои челноки,

нагрузить ихъ солью и переправить на свой островъ, такъ какъ дня черезъ два мнѣ необходимо трогаться въ дальнѣйшій путь на востокъ. Поэтому во весь остальной день сотня островитянъ дѣятельно занялась перевозкой соли на островъ Какури, въ чемъ не мало помогли имъ сопровождавшіе насъ уаконджу. Они входили въ озеро саженъ на пятьдесятъ отъ берега,—вода была имъ не выше колѣнъ—и погружая руки въ воду вытаскивали оттуда большіе комья кристаллизованной соли, которую носили сначала на берегъ, а потомъ черезъ гряду холмовъ къ челнокамъ на Ніанзѣ-Альберта-Эдуарда.

19-го іюня, найдя довольно большой челнокъ, впрочемъ очень тяжелый и неуклюжій, я взялъ съ собой двѣнадцать человѣкъ гребцовъ и отправился на развѣдки. Къ 11 часамъ утра мы прошли около восьми миль и стали противъ селенія Кайюра, состоявшаго изъ восьмидесяти одной просторной хижины и богатаго стадами козъ и овецъ. Кайюра родомъ изъ мсонгорскаго племени, до сихъ поръ не покореннаго уара-сурами. Наше суденышко было такъ тяжело и неповоротливо, что я не рѣшился заходить слишкомъ далеко отъ береговъ: при малѣйшемъ вѣтрѣ вода плескалась черезъ бортъ и угрожала затопить челнокъ. Однако мы довольно долго шли въ разстояніи цѣлой мили отъ берега и безпрестанно бросали лотъ для измѣренія глубины; но глубже пятнадцати футовъ нигдѣ не было, да и то снизу на три фута глубины залегалъ сплошной мягкій илъ. За двѣсти саженъ отъ берега я опускалъ на дно длинный шестъ и каждый разъ, какъ его вынимали, на немъ оказывалось снизу на четыре фута ила, издававшаго нестерпимую вонь, точно изъ помойной ямы.

Съ утра поверхность озера гладка какъ зеркало, зеленовато-сѣраго цвѣта. По берегамъ замѣчается необыкновенное множество бабочекъ, да и на водѣ плаваютъ онѣ мертвыя въ громадномъ количествѣ.

Посреди бухты Катуэ лежатъ два острова, каждый вышиною около ста футовъ надъ поверхностью воды. На одномъ изъ нихъ мы замѣтили утесъ, бѣлый какъ мѣлъ. Оба острова повидимому густо населены и застроены большими деревнями.

На обратномъ пути къ Катуэ я видѣлъ большого чернаго леопарда который былъ отъ насъ не болѣе какъ за 300 шаговъ и очевидно только что утолялъ жажду у озера. Но онъ исчезъ изъ вида прежде чѣмъ мы успѣли повернуть въ ту сторону нашу неуклюжую лодку.

Потерявъ цѣлый день на эту прогулку я успѣлъ изслѣдовать одинъ только заливъ, да заглянулъ по ту сторону мыса за островомъ Кайюры, гдѣ впрочемъ ничего почти не видалъ кромѣ хаотическаго пространства: туманъ стоялъ тамъ густымъ облакомъ и дальше трехъ миль впереди ровно ничего не было видно.

20-го іюня экспедиція выступила изъ Катуэ въ сопровожденіи многочисленной свиты уасонгорскихъ старшинъ и пастуховъ, и новыхъ друзей нашихъ уаконджу; мы пошли на востокъ по тропинкѣ, вьющейся берегомъ большого Соляного озера и спустились оттуда въ круглую котловину меньшаго озера, наполненнаго густымъ разсоломъ и окруженнаго травными лугами. Перейдя горный кряжъ къ востоку отъ котловины, мы сошли въ обширную равнину, очевидно въ недавнее еще время бывшую подъ водами Ніанзы-Альберта-Эдуарда. Мѣстами попадались еще залитыя водою впадины и узкія болотца. Пройдя восемнадцать съ половиною миль такими низинами, мы пришли въ селеніе Мукунгу, въ округъ Уніампеке провинціи Торо; мѣстнымъ старшиною оказался тотъ самый Касессэ, о которомъ я былъ наслышанъ въ бытность мою въ этихъ краяхъ въ январѣ 1876 года.

Деревня Мукунгу, состоящая изъ полудюжины зерибъ, расположена насупротивъ длиннаго, низкаго острова, называемаго Ирангара. Узкій протокъ озера, шириной не болѣе семидесяти саженъ, извивался вокругъ него и между островами Катеро, Катерибба, и четырьмя или пятью другими, восточнѣе Ирангары. На поверхности протока во множествѣ плавали листья пистіи. Вдали, по ту сторону островов, сквозь туманъ рисовалось высокое плоскогорье Ухайяны, а на югѣ едва замѣтно обозначался профиль Китагуэнды, округа управляемаго старшиною Руиги. Установивъ эти факты, я безошибочно зналъ, что стою на западномъ берегу той длинной озерной бухты, которую въ 1876 году я окрестилъ заливомъ Беатрисы.

Весь скотъ отсюда перегнали на островъ Ирангару, всѣ цѣнные предметы убрали подальше, и еще на дняхъ изъ Мукунгу второпяхъ угнали громадное стадо въ Бурули, изъ опасенія, чтобы оно не досталось въ добычу Рукарѣ и его отступающей арміи. Судя по хижинамъ старшинъ, надо думать, что жители Мукунгу навострились по части орнаментальнаго зодчества. Жилище, которое отвели пашѣ, было до нельзя изукрашено: это была хижина вышиною въ двадцать футовъ и до двадцати пяти футовъ въ поперечникѣ, съ воротами ярко раскрашенными, на подобіе той штукатурки, которая была въ употребленіи у древнихъ египтянъ. Входъ просторный, шесть футовъ вышины и столько же ширины, сверху очень аккуратно выведенный полукругомъ. Внутренность хижины раздѣлялась перегородками, также обмазанными глиной и росписанными различными фигурами: тутъ были и треугольники, и ромбы, и круги, и прямыя полоски, и точки, и все раскрашено краснымъ и чернымъ цвѣтомъ. Прямо противъ дверей поперечная перегородка, очень пестро отдѣланная, должна была

представлять пріемную, за нею помѣщалась семейная спальня, а на право нѣсколько перегородокъ предназначались для дѣтей.

Каждая зериба, помимо непроницаемой ограды колючаго кустарника, была выложена изнутри кольцеобразнымъ валомъ изъ коровьяго навоза, вышиною въ пять футовъ. Такіе высокіе навозные валы, выведенные въ формѣ круга часто встрѣчаются въ Усонгорѣ и могутъ продержаться еще сто лѣтъ, обозначая собою мѣста прежнихъ поселеній, долго спустя послѣ того, какъ самая деревня исчезла и нѣсколько поколѣній ея обитателей вымерло.

У озерныхъ рукавовъ и протоковъ, очень похожихъ на русла рѣкъ и также то расширенныхъ, то съуженныхъ, водится несмѣтное множество всякой водяной птицы: утки, гуси, ибисы, цапли, аисты, бакланы, кулики, рыболовы, нырки и проч.

21-го іюня мы пошли по слѣдамъ Рукары, его войска и табуновъ, и направляясь сначала на западъ, потомъ на сѣверъ, обогнули длинную бухту озера, названную заливомъ Беатрисы. Не такъ давно эта бухта должна была простираться гораздо дальше. Равнина совершенно плоская и длинныя отмели вдаются въ нее съ озера узкими языками. Черезъ такія мелководья намъ пришлось нѣсколько разъ переправиться. По мѣрѣ движенія нашего къ сѣверу, вдали показались холмы провинціи Торо. Подойдя къ нимъ мы свернули на сѣверо-востокъ и сдѣлавъ переходъ въ одиннадцать миль остановились въ Мухокіи, небольшой деревушкѣ въ равномъ разстояніи отъ озера и горъ. Развѣдчики, шныряя по окрестности, взяли въ плѣнъ дезертира изъ арміи Рукары, сообщившаго намъ что уара-суры находятся въ Буруди.

22-го іюня продолжали путь. Справа, футовъ на сорокъ ниже уступа, по которому мы шли, разстилалась равнина, гладкая какъ столъ, а слѣва юго-восточныя предгорія Руэнцори вдавались въ равнину длинными отрогами, завершавшимися по большей части коническими холмами; плоское дно равнины образовало между ними широкія бухты. Мы перешли поперекъ трехъ ручьевъ и двухъ порядочныхъ рѣкъ, называемыхъ Уніамуамби и Рукоки, изъ которыхъ первая загромождена громадными круглыми гальками, гладко отполированными отъ тренія въ быстринѣ чрезвычайно бурливой рѣки.

Подходя къ Рукоки, берега которой замаскированы высокими камышами, нашъ авангардъ встрѣченъ былъ неожиданнымъ залпомъ изъ множества мушкетовъ, засѣвшихъ въ чащѣ камышей. Впереди шли у насъ, къ сожалѣнію, уасонгоры и уаконджу, служившіе проводниками. Испугавшись, они сплошной кучей повалились въ рѣку и въ наступившей суматохѣ ихъ острыя копья надѣлали гораздо больше вреда намъ, чѣмъ скрытому въ засадѣ непріятелю.

Однакоже наши наскоро сложили вьюки и въ нѣсколько минутъ сформировали два цѣлыхъ отряда, которые съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ пошли въ аттаку на камыши и подоспѣли какъ разъ въ ту минуту, когда арріергардъ уара-суровъ вышелъ изъ прикрытія. Завязалась оживленная перестрѣлка; но для войны съ дикарями нужно имѣть кавалерію, потому что они дерутся всѣ въ разбродъ и все время перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто. Часть уара-суровъ бѣжала на югъ, часть устремилась въ горы, спасаясь отъ нашихъ выстрѣловъ. Убѣдившись въ томъ, что они точно бѣжали, отряды наши прекратили преслѣдованіе, люди разобрали свои вьюки и мы продолжали путь къ Бурули. Вскорѣ мы завидѣли обширныя банановыя плантаціи этого селенія и расположились тамъ возобновить наши запасы, такъ какъ плодовъ было множество.

Передъ тѣмъ, какъ подойти къ упомянутой засадѣ на рѣкѣ Рукоки, мы замѣтили, что поперекъ тропинки положена зарѣзанная коза и вокругъ нея десятка два желтыхъ плодовъ, похожихъ на томаты и ростущихъ здѣсь во множествѣ на кустахъ. Всѣ мы очень хорошо знали, что это обозначаетъ воинственный вызовъ со стороны уара-суровъ, или же угрожаетъ намъ возмездіемъ; но туземцы до такой степени вѣровали въ наше могущество, что безъ малѣйшаго колебанія шли впередъ и были до крайности изумлены, когда имъ пришлось поплатиться за свою отвагу.

Послѣ полудня развѣдчики отправились выслѣживать уара-суровъ и донесли, что различныя партіи ихъ, разбѣжавшіяся по сторонамъ, опять соединяются и идутъ черезъ равнину къ востоко-сѣверо-востоку. Развѣдчики не могли противустоять искушенію и таки послали имъ въ догонку нѣсколько выстрѣловъ, отчего тѣ побѣжали еще шибче; по дорогѣ они бросали свой багажъ и наши видѣли, какъ они принялись палками подгонять своихъ плѣнныхъ; но тогда плѣнные, окончательно доведенные до отчаянія и страхомъ, и побоями, кинули свои вьюки и со всѣхъ ногъ бросились бѣжать подъ защиту нашихъ развѣдчиковъ. Въ числѣ разбросаннаго багажа оказалось много предметовъ, которые намъ очень пригодились, а въ числѣ плѣнныхъ была молодая женщина, мхумка, весьма пріятной наружности, доставившая намъ кучу драгоцѣнныхъ свѣдѣній насчетъ Рукары и его табуновъ рогатаго скота

На другой день, рано утромъ, капитанъ Нельсонъ взялъ сотню ружей и полсотни уаконджу и уасонгоровъ, вооруженныхъ копьями, и отправился по слѣдамъ арріергарда Рукары, съ намѣреніемъ, если возможно, нагнать непріятеля. Пройдя двѣнадцать миль и нигдѣ не видя слѣдовъ непріятеля, онъ воротился въ Бурули, куда и мы пришли послѣ заката солнца, сдѣлавъ въ этотъ день отличный переходъ.

Мнѣ говорили, что неподалеку отсюда есть два горячихъ источника, одинъ близь селенія Иванды, къ сѣверо-востоку отъ Бурули, другой—«настолько горячій, что въ немъ можно варить бананы», еще восточнѣе, близь Люаджимбы.

Совершивъ нѣсколько очень значительныхъ переходовъ по равнинѣ, мы остановились въ Бурули отдохнуть дня два. Тропинки намъ попадались все прямыя, ровныя, широкія и не было на нихъ ни кольевъ, ни корней, ни камушковъ, ни красныхъ муравьевъ, и вообще никакихъ препятствій. Притомъ же въ Бурули было рѣдкое обиліе съѣстныхъ припасовъ и я находилъ, что нечего особенно торопить людей. Передъ выступленіемъ изъ этого цвѣтущаго селенія наши союзники, уаконджу и уасонгоры, попросили позволенія уйти по домамъ. Каждый изъ начальниковъ и старшинъ получилъ отъ насъ подарки и мы разстались, къ нашему сожалѣнію. Бевуа со своими уаконджу были теперь за восемьдесять пять миль отъ своей родины; ихъ крайнее благодушіе, усердіе и деликатность успѣли расположить къ нимъ всѣ сердца.

25-го шли двѣнадцать миль по плоской равнинѣ, сначала гладкой и зеленой какъ садовая лужайка, пересѣченной пятью рѣчками и широкими участками болотистаго грунта; потомъ, примѣрно на половинѣ этого пространства, равнина начала слегка холмиться, представляя то легкія возвышенія, то мягкія зеленыя луговины. По холмамъ росли густыя рощи акацій, а на краю склоновъ мы замѣтили три вида молочая, коренастыя вѣерныя пальмы, а также изрѣдка пальмы Borassus и Ukindu. Послѣ полудня мы стали лагеремъ въ лѣсу, за часъ пути до рѣки Нсонги.

На этомъ мѣстѣ очевидно нерѣдко располагались лагеремъ шайки уара-суровъ и караваны, ходившіе изъ Торо за солью къ Солянымъ озерамъ; рѣчки по близости не было, и потому наши повара, утомленные длиннымъ переходомъ, воспользовались для стряпни тою водой, которую нашли въ колодцахъ, вырытыхъ здѣсь туземцами. Отъ этой воды намъ очень не поздоровилось.

На другой день перешли рѣку Нсонги, имѣющую пятьдесятъ футовъ ширины и тридцать дюймовъ (около 17-ти вершковъ) глубины. Тотчасъ за рѣкой начался подъемъ на высокое плоскогоріе Ухайяны, которое, вмѣстѣ съ Торо, Китагуэндой и Анкори, образуютъ восточный водораздѣлъ бассейна Ніанзы-Альберта-Эдуарда. Въ полдень стали лагеремъ на широкомъ уступѣ у селенія Кевандарэ, въ Ухайянѣ, на высотѣ 3.990 футовъ надъ уровнемъ моря и 680 футовъ выше уровня озера.

Уара-суры уже поджидали насъ и тотчасъ начали стрѣлять съ окрестныхъ холмовъ, но когда авангардъ бросился въ аттаку, они

убѣжали, оставивъ въ нашихъ рукахъ здоровеннаго плѣнника: онъ только что собирался кинуть копье, какъ одинъ изъ нашихъ развѣдчиковъ, подкравшійся сзади, повалилъ его и взялъ въ плѣнъ.

Передъ подъемомъ на уступъ, мы прошли черезъ селеніе Каконія, окруженное роскошными нивами бѣлаго проса, кунжута, бобовъ и бататовъ. За-часъ ходу отсюда на сѣверо-востокъ лежитъ очень значительное поселеніе Карамулли.

Вскорѣ послѣ разбивки лагеря одинъ изъ египетскихъ чиновниковъ, Юсуфъ-Эффенди, умеръ отъ отвердѣнія печени. Это былъ уже, если не ошибаюсь, шестой покойникъ изъ числа египтянъ. Они вели у себя въ экваторіальной провинціи такую невоздержную жизнь и такъ истаскались, что почти ни одного не было между ними крѣпкаго человѣка, и тотъ физическій трудъ, который занзибарцы переносили почти шутя, для египтянъ оказывался совершенно не подъ силу.

Дѣйствіе колодезной воды, употребленной въ пищу наканунѣ, начало оказываться ровно черезъ сутки, когда мы расположились на ночлегъ 26-го іюня. Болѣе тридцати занзибарцевъ заразъ заболѣли лихорадкой, двое европейскихъ офицеровъ слегли и я самъ чувствовалъ себя очень дурно. Слуги наши не могли держаться на ногахъ и носился слухъ, что нѣкоторые совсѣмъ не дошли до лагеря; не досчитывались также нѣсколькихъ маньюмовъ.

27-го дневали. Я послалъ лейтенанта Стэрса съ его отрядомъ обратно по той же дорогѣ, чтобы попытаться розыскать пропавшихъ людей. Нѣсколькихъ онъ встрѣтилъ по дорогѣ: они все еще плелись впередъ, въ надеждѣ догнать колонну. Одну женщину, невольницу въ штатѣ паши, нашли на дорогѣ заколотую копьемъ. Одного маньюма также чуть не закололи, еслибъ Стэрсъ не подоспѣлъ во время и не спасъ его отъ такой участи. Эти беззаботные люди нашли способъ укрываться отъ бдительности арріергарда: они бросаются ничкомъ въ высокую траву и лежатъ смирно до тѣхъ поръ, пока офицеръ съ отрядомъ пройдетъ мимо.

Тѣмъ временемъ болѣзненные случаи все умножались и дошли до двухсотъ. Египтяне, чернокожіе занзибарцы, суданцы и маньюмы стонали, метались и жаловались на свои страданія. У самого паши, у доктора Пэрка, у мистера Джефсона также были очень сильные припадки.

28-го іюня сдѣлали короткій переходъ черезъ горную цѣпь Кавендарэ; проводникомъ послужилъ намъ одинъ изъ плѣнныхъ уарасуровъ. Авангардъ и средняя часть колонны благополучно миновали ущелье, но авангардъ подвергся яростному нападенію. Однако, когда наши ружья-револьверы серьезно принялись за дѣло, непріятель опять

разбѣжался и съ тѣхъ поръ мы больше ни разу не имѣли дѣла съ разбойничьими шайками Кабба-Реги, такъ называемыми уара-сурами.

На другой день мы спустились на плоскій уступъ у подножія восточной стѣны бассейна Альберта-Эдуарда и пришли въ Чамлирикуа, а 1-го іюля достигли Косунга-Ніанзы въ восточномъ Уніампеке, мѣста хорошо мнѣ извѣстнаго по прежнимъ путешествіямъ. Въ январѣ 1876 г. я отсюда посылалъ партію уагандовъ отыскать мнѣ челноковъ, на которыхъ намѣренъ былъ переправиться черезъ озеро, тогда только что открытое. Здѣшній король Булемо-Руига, наслушавшись хвалебныхъ отзывовъ о насъ отъ островитянъ Какури (которые тѣмъ временемъ успѣли переплыть озеро и опередили насъ), прислалъ къ намъ гонцовъ съ заявленіями, что весь его округъ къ нашимъ услугамъ и онъ проситъ насъ не стѣсняясь пользоваться плодами садовъ, полей и плантацій, какія намъ попадутся, но только объ одномъ осмѣливается покорнѣйше просить насъ: не можемъ ли мы съѣдать его бананы не срубая стволовъ? На такую скромную просьбу мы отвѣчали полнѣйшимъ согласіемъ.

Паша прислалъ мнѣ въ этотъ день, для начала мѣсяца, списокъ наличнаго состава своей свиты, оказавшейся въ слѣдующемъ видѣ:

Офицеровъ, чиновниковъ, главъ семейства . .	44	чел.
Замужнихъ женщинъ и наложницъ	90	»
Дѣтей обоего пола	107	»
Солдатъ, денщиковъ, стражей, слугъ	223	»
Различной прислуги	91	»
Итого . . .	555	чел.

3-го іюля мы пришли въ Катари, селеніе на берегу озера, въ области Анкори. Въ лагерѣ 28-го іюня приступы лихорадки обнаружились у многихъ и, между прочимъ, меня свалили съ ногъ. Точно чума распространилась въ нашей средѣ и перебрала рѣшительно всѣхъ, не разбирая ни чиновъ, ни возраста, ни цвѣта кожи, ни пола, такъ что до 2-го іюля я пролежалъ какъ пластъ. Подъ конецъ заболѣлъ и капитанъ Нельсонъ, который теперь считался самымъ крѣпкимъ изъ насъ. Словомъ, каждый человѣкъ въ нашемъ караванѣ, по-очередно, испыталъ ознобъ, тошноту, сильнѣйшій жаръ, не уступавшій никакимъ лѣкарствамъ,—все это было очень мучительно, но продолжалось не долѣе четырехъ суъокъ, по прошествіи которыхъ субъектъ оставался еще нѣкоторое время въ какомъ-то ошеломленномъ и разбитомъ состояніи. Однако же, хотя всѣ пострадали, но никто не умеръ отъ этой эпидеміи.

Отъ лагеря 28-го іюня, изъ котораго открывался къ востоку видъ на гору Эдвинъ-Арнольдъ, мы пошли вдоль подножія горъ и черезъ два дня вступили въ округъ Китагуэнду. Подъ именемъ восточнаго

Уніампеке, я разумѣю прибрежную область Китагуэнды. Отсюда вплоть до Катари (въ Анкори) по всему берегу озера непрерывно тянутся плантаціи банановъ, а за ними, далѣе внутрь страны, поля кукурузы, сахарнаго тростника, элевзины и дурры, принадлежащія владѣльцамъ полудюжины соляныхъ рынковъ, разсѣянныхъ по берегу озера. Высокое плоскогорье тянется параллельно озеру, мѣстами посылая къ нему смѣлые отроги, длиною отъ трехъ до шести миль.

Такимъ образомъ мы обошли вдоль сѣвернаго, сѣверо-западнаго и восточнаго береговъ озера Альберта-Эдуарда. Мы не пренебрегали случаями разузнавать какъ можно больше подробностей касательно южной и западной его сторонъ и тщательно нанесли на карту все, что намъ извѣстно. Южное побережье озера, значительная часть котораго хорошо видна съ нѣкоторыхъ высокихъ пунктовъ, напримѣръ изъ Китетэ, носитъ тотъ же характеръ, какъ и плоскія равнины Усонгоры; эта равнина занимаетъ полосу шириною отъ двадцати до тридцати миль, идущую между озеромъ и плоскогорьями Мпороро съ юга и Усонгоры на сѣверѣ. Островитяне Какури часто отправляются въ челнокахъ къ различнымъ портамъ Руанды и западныхъ округовъ, и вообще бываютъ вокругъ всего озера. Отъ нихъ я узналъ, что все побережье очень плоско, равнина простирается гораздо дальше на югъ, чѣмъ на сѣверъ, и дальше на западъ, чѣмъ на востокъ. Большихъ притоковъ, питающихъ озеро Альберта-Эдуарда, совсѣмъ нѣтъ, хотя есть притоки шириною отъ двадцати до пятидесяти футовъ (отъ трехъ до пяти саженъ) и глубиной около четырнадцати вершковъ. Самыми значительными притоками считаются рѣки Мпанга и Нсонги. Если такъ, то наиболѣе значительная изъ этихъ южныхъ рѣчекъ не можетъ быть длиннѣе шестидесяти миль, какъ бы извилисто ни было ея теченіе, и слѣдовательно дальнѣйшій источникъ Альбертъ-Нила не можетъ быть отнесенъ далѣе 1°10′ южной широты.

Видъ на озеро Альберта-Эдуарда съ начала до конца былъ не похожъ ни на одинъ изъ видовъ, какъ сухопутныхъ, такъ и водяныхъ пространствъ, когда либо мною наблюдаемыхъ впервые. Когда я открывалъ другія страны, онѣ представлялись мнѣ обыкновенно сквозь атмосферу, болѣе или менѣе прозрачную, и любоваться ими можно было при различныхъ эфектахъ солнечнаго освѣщенія, дальнихъ и ближайшихъ плановъ. Здѣсь же, напротивъ того, на все смотришь сквозь слои слегка клубящихся паровъ неизвѣстной толщины, и чрезъ это густое покрывало поверхность озера похожа на запыленную ртуть или на пластину матоваго серебра, обрамленнаго тусклыми и неясными очертаніями желтовато-бураго материка. Это было и досадно и неудобно во всѣхъ отношеніяхъ. При такихъ обстоятельствахъ невоз-

можно было опредѣлить ни разстояній, ни формъ, ни рельефа,—нельзя вычислить ни высотъ твердой земли надъ уровнемъ озера, ни глубины его водъ. Только наугадъ можно было отмѣчать предѣлы его распространенія и наугадъ приходилось рѣшать, къ которому типу причислить это озеро,—есть ли оно цѣлое внутреннее море или просто мелкая лужа. Туманы, или лучше сказать облака, окутывали его сѣрымъ саваномъ. Мы все ждали, не будетъ-ли благодѣтельнаго дождя, который бы очистилъ атмосферу, и дождались: пошелъ дождь, но тогда вмѣсто тумана пары превратились въ густой кисель, въ родѣ того, что бываетъ въ Лондонѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Цвѣтъ воды въ озерѣ по настоящему свѣтло-зеленый, такъ называемый аквамариновый, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега этотъ постылый туманъ превращаетъ его въ свѣтло-сѣрый. Ни блеска солнечныхъ лучей, ни переливовъ свѣта и тѣни не видать на этомъ матовомъ фонѣ: только мертвенная тусклость, тонущая въ необъятной безднѣ тумана. Когда пытаешься проникнуть взглядомъ чрезъ нее, или подъ ней разглядѣть водяную поверхность, воображенію представляются картины первобытнаго хаоса, такъ эта блѣдная вода неподвижно стоитъ подъ густою тѣнью колышащихся испареній. Поневолѣ вспоминаются слова изъ Книги Бытія, что «вначалѣ земля была невидима и неустроена, и надъ поверхностью бездны стояла тьма»... Такое понятіе еще подтверждается, когда всмотришься въ эту клубящуюся дымку и захочешь рѣшить, какъ лучше назвать ее,—паромъ, туманомъ или мглой? Глазъ неотразимо приковывается къ этимъ фантастическимъ, безформеннымъ облакамъ, постоянно клубящимся и расходящимся то въ легкіе, призрачные силуеты, то въ клочки, свертки, длинныя нити, мелкіе пузыри, прозрачныя ткани,—и все это плаваетъ, путается и дрожитъ въ воздухѣ такими безконечными массами, что кажется можно ловить ихъ горстями.

Въ бреду горячки чудятся иногда такіе призраки, фантастическія, неуловимыя существа, которыя быстрѣе мысли мѣняютъ свои очертанія и мчатся передъ глазами цѣлымъ вихремъ странныхъ фигуръ. Говоря безъ преувеличенія, атмосфера все время кажется наполненною какими-то блѣдными, удлиненными фигурами, всего чаще напоминающими кишащихъ головастиковъ.

Глядя на туманныя очертанія одного острова, лежащаго миляхъ въ трехъ отъ берега (около пяти верстъ), я замѣтилъ, что силуэтъ его становился явственнѣе или окончательно тускнѣлъ, судя по тому, насколько густы становились горизонтальныя наслоенія помянутыхъ фигуръ и спускались ли онѣ внизъ или приподымались кверху. Слѣдя за ними очень пристально, не спуская глазъ, я могъ уловить ихъ

вибрацію также ясно, какъ если бы смотрѣлъ на снопъ солнечныхъ лучей. Съ высокой береговой луговины, съ высоты значительнаго холма, съ печальнаго побережья смотрѣлъ я въ ту сторону, тщетно стараясь уловить взоромъ, что̀ виднѣется тамъ, за пять верстъ впереди, бурая ли почва твердой земли, или сѣрое зеркало водъ, или пепельно-блѣдныя небеса,—но напрасно! Если бы до меня донеслись издали звуки унылой пѣсни, я бы могъ принять вонъ тотъ челнокъ, что скользитъ по неподвижному озеру, за погребальную ладью, медленно влекущую трупы умершихъ путниковъ къ угрюмымъ берегамъ, съ которыхъ ни одинъ путникъ не возвращался.

А если бы выдался на наше счастье хоть одинъ ясный, солнечный день, съ синѣющими небесами и той поразительной прозрачностью воздуха, которая такъ часто бываетъ въ Нью-Іоркѣ,—что̀ бы мы увидѣли! Тогда мы дали бы міру такую картину неизвѣданныхъ странъ, какой не изображалъ еще ни одинъ художникъ. На первомъ планѣ было бы у насъ нѣжно-голубое озеро, широко раскинувшееся во всѣ стороны и обхватившее своими сверкающими протоками группы тропическихъ островов; серебристыя воды его то вдаются длинными бухтами въ зеленыя луговины, то закругляются заливами и плещутъ въ извилистые берега, надъ которыми высятся обрывы плоскогорья, между тѣмъ какъ цѣлыя флотиліи челноковъ оживляли бы его тихую поверхность, а широкія полосы зеленыхъ камышей, пальмы, банановыя рощи, волнующіяся плантаціи сахарнаго тростника и тѣнистые шатры деревьевъ украшали бы побережье. И со всѣхъ сторонъ мы могли бы указать на обрамляющую его ломаную линію гористаго плато, тамъ и сямъ посылающаго къ прозрачнымъ небесамъ свои гордыя вершины; оно то мощными отрогами вдается въ озерной бассейнъ, то, образуя глубокія складки, укрываетъ живописныя долины; съ крутыхъ скалъ устремляются въ нихъ серебристые источники; далѣе яркая зелень луговыхъ травъ чередуется съ темною зеленью лѣсовъ, съ сѣрыми или бѣлыми обрывами утесовъ, а тамъ вдали, на сѣверѣ, высятся вѣковыя громады Руэнцори; онѣ на пять верстъ (въ вертикальномъ направленіи) подымаются надъ уровнемъ озера, блистая бѣлизной своихъ снѣговъ и восхищая взоры чудной красотой своихъ многочисленныхъ пиковъ и цѣлымъ баталіономъ высокихъ предгорій, рисующихся на фонѣ кристально-чистаго неба.

Но увы, увы! Тщетно мы обращали въ ту сторону свои умоляющіе и жадные взоры: Лунныя Горы непробудно дремали подъ сѣнью своихъ облачныхъ шатровъ, а озеро, дающее начало Альбертъ-Нилу, такъ и осталось окутано безжалостнымъ, непроницаемымъ туманомъ.

Глава XXXII.

ЧРЕЗЪ АНКОРИ ДО АЛЕКСАНДРА-НИЛА.

Пути къ морю чрезъ Уганду, чрезъ Анкори, на Руанду и оттуда на Танганейку; мы выбираемъ дорогу на Анкори.—Остановка въ Китетэ: насъ привѣтствуютъ отъ имени короля Антари.—Масакума и его жены угощаютъ насъ. — Пріятный сюрпризъ отъ матери короля Антари. — Двое христіанъ уагандовъ, по имени Захарія и Самуилъ, приходятъ въ лагерь: Захарія разсказываетъ удивительныя вещи о происшествіяхъ въ Угандѣ.—Муанга, король Уганды; что онъ продѣлывалъ.—Наши люди оправляются отъ повальной лихорадки. — Переходъ черезъ долину между горными цѣпями Иванды и Денни.—Лагерь въ Уамагангѣ.—Мѣстные жители.—Переправа черезъ рѣку Руизи. — Подарокъ отъ матери короля. — Туземцы возмущены скандальнымъ поведеніемъ нѣкоторыхъ изъ моихъ людей.—Примѣръ того, какъ различно можно смотрѣть на вещи.—Остановка въ долинѣ Рузуссу.—Выписки изъ моего дневника.—Продолжаемъ путь черезъ долину Наміанджи.—Мирные туземцы возстаютъ противъ насъ, но ихъ усмиряютъ воины принца Учунку.—Я подвергаюсь церемоніи братанья кровью съ принцемъ Учунку.—Его изумленіе при видѣ пушки „Максимъ".—Христіане во второй разъ присылаютъ депутацію; я имѣю съ депутатами продолжительное объясненіе; выписки изъ дневника. Мой отвѣтъ христіанамъ.—Вступаемъ въ долину Мевоны.—Въ виду долины Александры.—Александра-Нилъ.

Вечеромъ 3-го іюля я пригласилъ офицеровъ Экспедиціи въ свою палатку, для обсужденія вопроса о томъ, который путь лучше избрать къ морю. Я сказалъ слѣдующее:

— Господа, мы собрались для рѣшенія вопроса, какимъ путемъ лучше будетъ пройти къ морю. Вы имѣете право голоса въ этомъ дѣлѣ, и потому я попытаюсь безпристрастно изложить вамъ все, что мнѣ извѣстно за и противъ каждаго изъ путей.

Во-первыхъ, можно идти на Уганду, прежней моею дорогой до устьевъ Катонги. Если тамошній царь по прежнему благоволитъ ко мнѣ, я могу провести Экспедицію въ Думо, на озеро Викторіи, а тамъ какимъ нибудь способомъ добыть челноковъ и на нихъ пробраться въ Кевирондо. Оттуда, запасшись живымъ скотомъ и зерномъ, можно направиться въ Кикуйю и далѣе въ Момбазу. Но Муанга не то что

Мтеза: убійца епископа Геннингтона не можетъ быть намъ другомъ. Если мы пойдемъ на Уганду, придется выбирать одно изъ двухъ: драться, или сложить оружіе. Что-бы мы ни выбрали, всѣ наши прежніе труды оказались бы напрасными и мы все равно были бы вынуждены безполезно погубить людей, порученныхъ нашимъ попеченіямъ.

Во-вторыхъ, существуетъ южная дорога, прямо черезъ Анкори. Въ 1876 году тамошній король Антари платилъ дань королю Уганды. По всей вѣроятности онъ и теперь состоитъ его данникомъ. Въ его столицѣ должно быть не мало проживаетъ уагандовъ и они настолько смышлены, что конечно догадаются какъ благодаренъ будетъ имъ Муанга, если они ему доставятъ нѣсколько сотенъ ружей и всѣ снаряды къ нимъ. Если имъ не удастся завладѣть этимъ добромъ хитростью, они могутъ попытать силу. Задолго до того, какъ мы достигнемъ береговъ Александра-Нила, мы встрѣтимся со значительными партіями уагандовъ и уаніанкори и должны будемъ бороться съ ними не на жизнь, а на смерть. Да и самъ Антари имѣетъ полнѣйшую возможность загородить намъ дорогу черезъ свои владѣнія, потому что по моему разсчету у него, на случай вторженія, имѣется въ распоряженіи до двухсотъ тысячъ копій. Но и десяти тысячъ заглаза довольно, чтобы остановить нашу маленькую армію. Какъ онъ себя поведетъ—невозможно предвидѣть. Будь я одинъ, съ полусотней занзибарцевъ, я-бы прошелъ чрезъ какія угодно пустыни. Но съ шестью стами такого народа какъ у паши, намъ въ пустыню и соваться нечего. Поэтому, приготовимся къ худшему.

«Въ-третьихъ—двѣ первыя дороги, какъ видите, ведутъ прежде всего вверхъ по ближайшимъ обрывамъ, на вершину плато. Третій и послѣдній путь на одинъ день ходу идетъ вдоль подошвы ихъ, потомъ поворачиваетъ къ югу на Руанду, оттуда на Узигэ и на Танганейку, откуда мы могли бы послать гонцовъ въ Уджиджи или въ Кавалле за челноками или лодками. Затѣмъ мы могли бы идти домой изъ Уджиджи на Уніаніембэ въ Занзибаръ; или на южный берегъ Танганейки и оттуда на Ніассу, на Ширъ и Замбезе къ Килимэну. Но чтобы добраться до Танганейки придется пустить въ ходъ всѣ наши средства, все искусство. Я знаю, напримѣръ, арабскую поговорку, что въ Руанду легче войти, чѣмъ изъ нея выбраться. Лѣтъ восемнадцать тому назадъ туда пошелъ одинъ арабскій караванъ, но оттуда никто не воротился. Братъ Типпу-Тиба Могаммедъ пытался проникнуть въ Руанду съ шестью сотнями ружей, но не проникъ. Я не думаю, чтобы въ Руандѣ было теперь столько силъ, чтобы остановить насъ; не будь другихъ путей, нечего

было бы и разговаривать объ этомъ, и мы просто пошли бы на Руанду. Страна очень интересная, и мнѣ было-бы очень любопытно познакомиться съ тамошнимъ королемъ и народомъ. Но путь-то очень ужь дальній.

И такъ, самый короткій путь нашъ на озеро Викторіи, въ Кевирондо, но съ условіемъ, чтобы драться съ Уагандами. Слѣдующій кратчайшій путь чрезъ Анкори на Карагуэ, съ тѣмъ, чтобы имѣть дѣло и съ уагандами и съ анкорійцами. И наконецъ третій, дальнѣйшій путь, на Руанду.

Послѣ оживленныхъ обсужденій рѣшено было предоставить выборъ на мое усмотрѣніе и я избралъ дорогу на Анкори.

Тотчасъ отдано было приказаніе готовить провіантъ на пять дней, съ тѣмъ, чтобы съ помощью обильныхъ припасовъ, добытыхъ у Ніанзы, мы могли зайти довольно далеко въ предѣлы Анкори, прежде чѣмъ начнемъ раздавать бусы и ткани каравану въ тысячу человѣкъ. Съ этой минуты я распорядился также, чтобы никто больше не смѣлъ самовольно брать съ полей и плантацій даровую провизію и послалъ глашатаевъ объявить по всему лагерю, на разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, что всякій, провинившійся и уличенный въ кражѣ плодовъ и живности по деревнямъ подвергается публичному наказанію.

Утромъ, 4-го іюля, мы повернули на юго-востокъ отъ Ніанзы-Альберта-Эдуарда и пошли черезъ равнину. Черезъ часъ ходу плоская мѣстность начала превращаться въ холмистую, тамъ и сямъ поросшую группами кустовъ и рѣдкими деревьями. Еще одинъ часъ ходьбы привелъ насъ къ подножію первой гряды холмовъ и тутъ начался рядъ подъемовъ, приведшій насъ около полудня въ Китетэ, на тысячу футовъ выше озера. Насъ приняли очень радушно и привѣтствовали отъ имени короля Антари. Почти одновременно съ нами пришли гонцы отъ Масакумы, правителя приозерной области Анкори, которые принесли въ Китетэ приказаніе, чтобы насъ принимали съ почестями, оказывали намъ всякое гостепріимство, и проводили-бы къ нему. И таково было могущество этихъ агентовъ высшаго начальства, что жителямъ деревни велѣно было немедленно очистить свои жилища. Раздались понуканія и крики: «Пропустите гостей Антари! Дайте мѣсто друзьямъ Масукумы! Эй вы, мелкота, не слышите что-ли? Прочь отсюда, убирайся вонъ со своимъ хламомъ!» И такъ далѣе. Выкрикивая подобныя повелѣнія, посланцы украдкой поглядывали на насъ, чтобы посмотрѣть насколько мы чувствительны къ ихъ усердію. Вскорѣ мы отлично поняли суть мѣстныхъ отношеній. Анкори разсматривается какъ личная собственность короля, его «вотчина». Мы будемъ имѣть дѣло только съ правящимъ классомъ,

изъ племени уакунгу, то есть съ королемъ, его матерью, братьями, сестрами, дядьями, тетками и т. д. Ясно, что Анкори есть второй экземпляръ Уганды.

Изъ Китетэ видна была значительная часть юго-восточнаго конца озера Альберта-Эдуарда. Мы находились на высотѣ 1.000 футовъ надъ нимъ. Солнце сіяло очень ярко и на этотъ разъ миль на десять впередъ мы могли кое-что разсмотрѣть сквозь туманъ. Отъ 312½° до 324° (по магниту) нижняя равнина была разсѣчена длинными рукавами и протоками озера, окружавшими множество низкихъ островковъ. На 17½° (магн.) гора Нсинда подымалась на 2.500 футовъ надъ уровнемъ озера; за нами въ разстояніи трехъ миль возвышалась горная цѣпь Кинія-Магара, а на востокъ отъ глубокой долины, отдѣлявшей ее отъ высокаго плато Анкори, виднѣлись крутые обрывы и мрачныя скалы западныхъ склоновъ хребта Денни.

На переходѣ 5-го іюля мы шли къ востоко-сѣверо-востоку, все время слегка поднимаясь вплоть до селенія Кибунга, у подошвы хребта Денни. Гора Нсинда приходилась отъ насъ теперь на сѣверо-сѣверо-западъ, а прямо противъ селенія высилась Кинія-Магара. Въ треугольной долинѣ между этихъ горъ увидѣли мы первыя стада уаніанкорійцевъ.

7-го іюля, мы въ величайшемъ порядкѣ и стараясь держаться какъ можно тѣснѣе, поднялись на перевалъ между хребтами Кинія-Магара и Денни и достигнувъ вершины Кинія-Магары, на высотѣ 6.160 футовъ сильно перезябли отъ царствующаго тамъ холоднаго вѣтра. Затѣмъ спустились по восточному склону на 800 футовъ ниже и очутились въ главной резиденціи Масукумы, губернатора приозерной области королевства Анкори.

Масукума оказался превеселымъ и любезнымъ старикомъ. Онъ много наслышался о насъ, зналъ на перечетъ обо всѣхъ нашихъ стычкахъ съ уара-сурами и непремѣнно пожелалъ, чтобы на большомъ торжественномъ собраніи, состоявшемся подъ вечеръ, мы подробно разсказали ему все сначала, «для того,—прибавилъ онъ,—чтобы всѣ наши старшины могли узнать, какъ вы били уаніоровъ въ Мбогѣ, въ Утуку, въ Авамбѣ, въ Уконджу, въ Усонгорѣ, и какъ ихъ до чиста выгнали изъ Торо.»—Когда мы исполнили его желаніе, онъ промолвилъ: «Вотъ такъ-то нужно бы выгнать уніорскихъ разбойниковъ изо всѣхъ мѣстъ, гдѣ они грабили. Ахъ, еслибы мы знали какія вы тамъ дѣла дѣлаете, мы бы пошли вамъ на подмогу, до Мрули пошли бы вамъ на встрѣчу!»—На что вся компанія отозвалась громкимъ выраженіемъ сочувствія.

Затѣмъ явились къ намъ съ визитомъ жены губернатора и мѣст-

ныя дамы, украшенныя шапочками изъ бусъ, множествомъ ожерельевъ, кисточекъ и широкими нагрудниками, также сплетенными изъ нанизанныхъ бусъ. Онѣ осыпали насъ тонкими комплиментами за совершенные нами подвиги и просили принять заявленіе ихъ признательности, говоря: «Отнынѣ Анкори ваша страна, ни одинъ подданный короля Антари не откажется подать вамъ правую руку пріязни, ибо вы показали себя настоящими уаніавингами».

Послѣ нихъ подошли старѣйшины, сѣдовласые, хилые старики, совсѣмъ впадающіе въ ребячество; они протянули намъ руки ладонями кверху и сказали: «Привѣтствуемъ васъ съ радостью. Сегодня мы въ первый разъ видимъ то, чего отцы наши никогда не видали, настоящихъ уачуэзовъ, истинныхъ уаніавинговъ. Смотрите на нихъ, вы всѣ! Это они, тѣ самые, которые обратили въ бѣгство Кабба-Регу. Тѣ самые, о которыхъ мы слышали, что при видѣ ихъ уара-суры поворачиваются спиной и бѣгутъ такъ прытко, какъ будто на ногахъ у нихъ выростаютъ крылья!»

Словомъ, не ожидали мы такого пріема въ Анкори, когда обсуждали вопросъ о дальнѣйшемъ своемъ маршрутѣ, вечеромъ 3-го іюля; и хотя названія «уачуэзы» и «уаніавинги» казались намъ не очень красивыми, но очевидно это были очень почетные титулы, и произносились съ величайшимъ благоговѣніемъ какъ самимъ Масакумой, такъ и полуобнаженными невольницами, которыя цѣлый день носили намъ воду и распѣвали пѣсни хоромъ.

На другой день намъ принесли триста гроздьевъ бананов и нѣсколько сосудовъ съ банановымъ виномъ, для угощенія на время нашего пребыванія у Масакумы. Явились депутаціи изъ сосѣднихъ селеній; Масакума взялъ на себя повторить имъ повѣсть о побіеніи уара-суровъ и объ отбитіи у нихъ Соляныхъ озеръ, что вызвало новыя изъявленія намъ благодарности за важныя услуги. И въ самомъ дѣлѣ, если взять въ разсчетъ, какое множество племенъ заинтересовано было въ успѣхѣ нашего оружія, неудивительно, что всѣ они такъ обрадовались. Мы нашли ключъ къ сердцамъ этихъ дикарей.

Скороходы, посланные въ столицу государства, воротились на закатѣ солнца съ привѣтствіемъ отъ королевы-матери. Оно составлено было очень дипломатично, но мы однакожъ уразумѣли его тайный смыслъ. Вотъ что тамъ было сказано:

«Масакума дастъ вамъ проводниковъ, которые укажутъ дорогу въ Карагуэ. Пищу будутъ вамъ давать въ каждомъ мѣстѣ вашего ночлега все время, пока вы въ предѣлахъ Анкори. Козъ и быковъ получите сколько угодно. Ступайте съ миромъ. Королева-мать нездорова, но надѣется выздоровѣть и лично принять васъ въ слѣдующій разъ,

когда вы опять придете въ нашу землю. Ибо съ этого дня страна ваша, со всѣмъ, что въ ней есть. Король Антари въ отсутствіи, онъ на войнѣ, а такъ какъ мать его больна и лежитъ въ постели, то некому васъ принять достойнымъ образомъ».

Надо полагать, что со словъ Бевуа и Какури наши подвиги и численность экспедиціи сильно были преувеличены въ столицѣ: наша длинная колонна, тянущаяся вереницей, показалась имъ слишкомъ величественной. Очень вѣроятно, что и страшная механическая пушка «Максимъ» также возымѣла на нихъ свое дѣйствіе; въ нашу пользу конечно говорило и то, что уаніоры или уара-суры дѣйствительно изгнаны изъ многихъ округовъ, и Руиги, король Китагуэнды, восхвалялъ насъ; да наконецъ для нихъ серьезную важность имѣло то обстоятельство, что по нашей милости они имѣли возможность за дешевую цѣну достать множество соли. Все это рекомендовало насъ съ выгодной стороны, и королевское семейство было пожалуй искренно расположено оказывать намъ всякія любезности; но съ другой стороны они всетаки опасались, какъ-бы караванъ, побѣдоносно прошедшій чрезъ южный конецъ Уніоро, не вздумалъ какъ нибудь повредить и Анкори.

Бѣдная королева-мать! Если бы она знала до чего я втайнѣ радовался ея посланію,—наипріятнѣйшему изъ всѣхъ, полученныхъ мною въ Африкѣ,—она бы не безпокоилась о томъ, какъ я приму ея слова. Въ сущности, хотя у насъ оставалось еще довольно товаровъ для мѣновой торговли съ туземцами, но вовсе не было такихъ богатыхъ предметовъ, которые прилично было-бы принесть въ даръ царственной особѣ.

Разсказывали, будто въ странѣ много бѣдъ причиняютъ львы и леопарды, однако по ночамъ мы ихъ не слыхали. Только въ первую ночь, проведенную у Масакумы, гіена проникла въ лагерь и утащила козу.

Два короткихъ дневныхъ перехода, одинъ въ $4^3/_4$ часа, другой трехчасовой, привели насъ 11-го іюля въ Катару. Дорога вилась по длинной, извилистой долинѣ, между горною цѣпью Денни по правую руку и Ивендой—по лѣвую. Переправлялись черезъ горные потоки, образующіе истоки Русанго, рѣки, текущей къ сѣверу, къ горѣ Эдвина-Арнольда, и тамъ впадающей въ рѣку Мпангу, которая течетъ на югъ изъ горъ Гордонъ-Беннеттъ и Меккиннонъ. Черезъ Мпангу мы переправлялись прежде, когда шли параллельно восточному берегу озера Альберта-Эдуарда.

Вскорѣ послѣ прибытія нашего на ночлегъ, явились двое уагандовъ-христіанъ, по имени Самуэль и Захарія, съ значительною сви-

той, съ дозволенія короля Антари. Послѣ первыхъ привѣтствій они заявили, что желаютъ нѣчто сообщить мнѣ, если я могу удѣлить имъ часъ времени. Ожидая услышать обычныя восхваленія королю Муангѣ, что̀ каждый порядочный мганда, насколько мнѣ извѣстно, непремѣнно дѣлаетъ, я отложилъ бесѣду до вечера. Они вручили мнѣ мѣшокъ пороху и патроновъ, принадлежавшихъ одному маньюму и поднятыхъ ими на дорогѣ. Такой поступокъ дѣлалъ имъ честь; я взялъ мѣшокъ и положилъ его на полъ у своего стула; но черезъ нѣсколько минутъ какой-то искусный сынъ ислама уже стибрилъ его.

Насталъ вечеръ и Захарія принялся разсказывать мнѣ про удивительныя вещи, случившіяся въ Угандѣ въ теченіе прошлаго года. Король Муанга, сынъ короля Мтэзы, велъ себя такъ непозволительно и притомъ день ото дня хуже, что мѣстные магометане сговорились съ христіанами (которыхъ здѣсь называютъ «амазія»), чтобы общими силами свергнуть тирана, выводившаго ихъ изъ терпѣнія своими жестокими казнями. Христіане поголовно соединились съ магометанами (прозелитами арабскихъ купцовъ) и не только потому, что Муанга казнилъ безпрестанно ихъ единовѣрцевъ, а потому, что онъ порѣшилъ наконецъ уничтожить ихъ всѣхъ до одного. Для этого онъ повелѣлъ отвезти стадо козъ на одинъ островъ и пригласилъ христіанъ отправиться туда на его собственныхъ челнокахъ и переловить этихъ козъ. Еслибы они приняли его предложеніе, онъ распорядился, чтобы высадивъ ихъ на островъ, челноки тотчасъ привесть обратно, а христіанамъ предоставить сперва съѣсть всѣхъ козъ, а потомъ умереть съ голоду. Но одинъ изъ его пажей (малолѣтнихъ прислужниковъ) узналъ объ этомъ, втайнѣ предупредилъ христіанскихъ старшинъ о намѣреніи короля и они отказались отправляться на островъ.

Союзъ магометанъ съ христіанами въ королевствѣ Уганда вскорѣ обнаружился въ томъ, что они возстали противъ короля и низложили его. Муанга, окруживъ себя горстью людей, оставшихся ему преданными, держался еще нѣсколько времени, но когда обѣ его столицы, Рубага и Улегалла, были взяты приступомъ, онъ принужденъ былъ покинуть страну. Сѣвъ на челноки со своею свитой, онъ отправился на южный берегъ озера Викторіи и нашелъ пристанище у Сеида-бенъ-Сеифа, иначе именуемаго Кипанда, прежняго моего знакомца по экспедиціи 1871 года, купца, проживающаго въ Усукумѣ. Однакоже этотъ арабъ, Сеидъ, такъ скверно обращался съ низвергнутымъ королемъ, что Муанга отъ него бѣжалъ и сталъ искать покровительства у французскихъ миссіонеровъ въ Букумби. Въ прежнее время, какъ оказывается, Муанга изгналъ изъ Уганды какъ англійскихъ, такъ и французскихъ миссіонеровъ и отнялъ все ихъ иму-

щество, исключая нижняго бѣлья. Французы поселились тогда въ Букумби, а англичане въ Маколо, въ Усамбиро, у самой южной оконечности озера Викторіи.

Изгнавъ Муангу изъ Уганды, побѣдоносные мусульмане и христіане избрали королемъ Кіуеву. Сначала все шло хорошо, но потомъ оказалось, что мусульмане стараются возстановить новаго короля противъ христіанъ. По слухамъ, они внушали ему, что такъ какъ англичане управляются королевою, то христіане и здѣсь замышляютъ возвести на престолъ, занимаемый Кіуевою, одну изъ дочерей Мтэзы. Тогда король отвернулся отъ христіанъ и рѣшительно обратилъ всѣ свои милости на мусульманъ, которые однако же стали выражать сомнѣнія насчетъ искренности его расположенія къ нимъ, ихъ вѣроисповѣданію и требовали, чтобы въ доказательство своей съ ними солидарности, онъ подвергъ себя церемоніи обрѣзанія. Но Кіуева притворился, что не видитъ въ этомъ надобности и тогда мусульмане рѣшили насильно принудить его къ этому и выбрали двѣнадцать уатонголовъ (полковниковъ) для произведенія операціи. Въ числѣ полковниковъ находился и мой старый знакомый, Сабаду, который разсказывалъ мнѣ преданія объ исторіи Уганды. Кіуева, предупрежденный о ихъ намѣреніяхъ, наполнилъ свое жилище вооруженными людьми, такъ что когда полковники пришли, ихъ всѣхъ по одиночкѣ закололи копьями. По всей столицѣ поднялся гвалтъ, дворецъ и королевскій дворъ взяли приступомъ и въ суматохѣ убили короля.

Послѣ этого мятежники избрали въ короли Карему, брата убитаго Кіуевы, и изгнаннаго Муанги; онъ и царствуетъ теперь въ Угандѣ.

Христіане не разъ уже нападали на войска Каремы, держались стойко, иногда одерживали побѣду; но въ четвертомъ сраженіи ихъ сильно побили и оставшіеся въ живыхъ бѣжали въ Анкори, ища покровительства у Антари, который, какъ они полагали, не прочь будетъ принять помощь такихъ хорошихъ воиновъ для своихъ частыхъ передѣлокъ съ жителями Мпороро и Руанды. Въ настоящее время въ столицѣ Анкори до двухъ съ половиною тысячъ христіанъ, да тысячи двѣ разсѣяны по области Удду.

Прослышавъ, что Муанга принялъ христіанство и окрещенъ французскими миссіонерами въ Букумбѣ, христіане присягнули на вѣрность ему и онъ приходилъ повидаться съ ними въ Удду, въ сопровожденіи англійскаго торговца Стокса; но такъ какъ силы ихъ незначительны и мало шансовъ съ помощью ихъ завоевать потерянный тронъ, Муанга завладѣлъ пока островомъ неподалеку отъ залива Мурчисона и тамъ проживаетъ теперь, подъ защитою 250 ружей; между тѣмъ Стоксъ, какъ полагаютъ, возвратился къ морю съ партіей слоновой кости,

чтобы въ Занзибарѣ закупить оружіе и боевые снаряды и обратить ихъ на помощь Муангѣ. До сей минуты вся сухопутная область Уганды повинуется Каремѣ, но острова признали королемъ Муангу, въ рукахъ котораго находится и вся флотилія Уганды, числомъ въ нѣсколько сотъ челноковъ.

Далѣе Самуэль и Захарія объявили мнѣ, что пришли въ нашъ лагерь потому, что слышали въ столицѣ о появленіи въ здѣшнихъ мѣстахъ бѣлокожихъ и соотечественники послали ихъ просить насъ, не поможемъ ли мы имъ возвратить Муангѣ угандскій престолъ.

Принимая во вниманіе скверную репутацію этого короля, его распутную жизнь, жестокость, предательское избіеніе христіанъ и то, что по его настоянію Люба въ Усогѣ казнилъ епископа Геннингтона и съ нимъ болѣе шестидесяти несчастныхъ занзибарцевъ, я подумалъ, что хотя повѣствованіе Захаріи и Самуэля очень правдоподобно и вполнѣ ясно, но съ другой стороны мудрено повѣрить, чтобы такой негодяй какъ Муанга искренно покаялся и обратился въ настоящаго христіанина, да и разсказу я не совсѣмъ довѣрялъ. Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстны были двоедушіе и лукавство уагандовъ, ихъ замѣчательный талантъ притворяться, и потому я не могъ сразу кинуться въ такое рискованное предпріятіе; да къ тому же, даже въ томъ случаѣ, если бы я захотѣлъ взять на себя завоеваніе престола для Муанги, мои обязанности относительно паши, его друга Казати, египтянъ и ихъ свиты, исключали всякую возможность думать объ этомъ. Но африканскимъ дикарямъ трудно растолковать причины, почему нельзя удовлетворить ихъ пылкимъ желаніямъ и если эти хоть сколько нибудь похожи на тѣхъ, съ которыми приходилось мнѣ имѣть дѣло въ 1876 году, то нѣтъ сомнѣнія, что уаганды способны были стакнуться съ Антари, чтобы задержать меня въ странѣ. Въ этомъ, я полагаю, не усомнится ни одинъ изъ моихъ читателей, знакомый съ моею книгой «Чрезъ темный материкъ» (см. главы о уагандахъ). Поэтому я отвѣчалъ Захаріи и Самуэлю что подумаю объ ихъ предложеніи и дамъ имъ окончательный отвѣтъ съ береговъ Александра-Нила, изъ какого нибудь такого селенія, гдѣ найду достаточно провіанту для продовольствія тѣхъ, кого принужденъ буду на время покинуть, въ томъ случаѣ, если соглашусь исполнить ихъ желаніе; имъ же совѣтую пока отправиться къ уагандамъ, узнать навѣрно гдѣ теперь находится Муанга и нѣтъ ли какихъ извѣстій о мистерѣ Стоксѣ.

Въ Катарѣ умеръ еще одинъ египетскій чиновникъ, Могаммедъ-Керъ. Другой египтянинъ, Абдулъ-Уехидъ-эффенди захотѣлъ отстать отъ каравана еще прежде и остался въ Китегѣ; а Ибрагимъ-Тельбасъ со своими домочадцами хотя и вышелъ съ нами изъ Китеги, но вскорѣ

запрятался въ высокой травѣ и вѣроятно воротился назадъ, предпочитая оставаться со своимъ больнымъ соотечественникомъ.

Наши люди начинали оправляться послѣ повальной лихорадки, перебравшей насъ чуть не поголовно. Однако паша, капитанъ Казати, лейтентъ Стэрсъ и мистеръ Джефсонъ все еще были больны. Предыдущій нашъ ночлегъ пришелся на высотѣ 5.750 футовъ надъ уровнемъ моря, а длинная горная цѣпь Денни была еще на 700 футовъ выше; утромъ 10-го іюля я замѣтилъ на землѣ иней, а на походѣ въ этотъ день мы находили на кустахъ по сторонамъ дороги спѣлую ежевику, которой я не видалъ уже лѣтъ двадцать.

На третьемъ переходѣ вверхъ по долинѣ, между хребтами Иванды и Денни, мы достигли ея верхняго конца, перевалили черезъ узкій гребень и спустились въ бассейнъ рѣки Руизи. Туманная атмосфера постепенно прояснялась, впереди стало видно на разстояніи около пяти миль и мало по малу вдали начали обрисовываться пасторальные пейзажи Анкори. Въ настоящее время они представились намъ далеко не въ выгодномъ свѣтѣ, потому что въ эту пору тамъ всегда бываетъ засуха, начавшаяся уже два мѣсяца тому назадъ. Всѣ холмы, обрывы, пригорки и луга были покрыты грубой травой, которую пора было сжигать. Скота вездѣ множество и все такого жирнаго, точно его откармливаютъ на выставку. Идя по долинѣ между горами Иванды и Денни, мы насчитали болѣе 4.000 скота съ характерными длинными рогами. Бассейнъ рѣки Руизи, образующій самое сердце Анкори, питаетъ многіе десятки громадныхъ стадъ.

11-го мы остановились въ Уамагангѣ. Жители раздѣляются на пастуховъ—уатузовъ и на уаніанкоровъ—земледѣльцевъ. Весь народъ анкорійскій дѣлится на эти два сословія, равно какъ и всѣ вообще племена пастушескихъ странъ, отъ полянъ на берегахъ Итури до Уніаніембэ, и отъ западныхъ береговъ озера Викторіи до Танганейки. Женщины уатузовъ носятъ ожерелья изъ мѣдныхъ колокольчиковъ, а на ногахъ узкіе обручи съ прикрѣпленными къ нимъ мелкими, желѣзными колокольчиками. Говорятъ здѣсь на томъ же языкѣ какъ въ Уніоро, съ легкими измѣненіями и, кромѣ того, въ ихъ словарѣ есть выраженіе «касинги», которое они часто употребляютъ и которое равносильно изъявленію благодарности.

Тутъ одинъ изъ нашихъ слугъ, къ великому нашему прискорбію, скончался отъ долгой болѣзни, окончившейся параличемъ, а другой—нубіецъ, скрылся въ высокой травѣ и пропалъ.

12-го іюля шли берегомъ Руизи и черезъ полтора часа переправились черезъ рѣку, превратившуюся теперь въ обширное болото до одной мили шириною, густо обросшее непроницаемою чащей папируса.

При переходѣ черезъ болото мы лишились двадцати четырехъ головъ своего скота. Стали лагеремъ по ту сторону болота, за часъ ходу, и расположились въ селеніи Казари.

Королева-мать прислала намъ четырехъ быковъ, а король трехъ быковъ и великолѣпный слоновій клыкъ и при этомъ любезное привѣтствіе, въ которомъ онъ выразилъ надежду, что я не откажусь отъ союза съ нимъ посредствомъ братанья кровью. Въ числѣ присланныхъ отъ него депутатовъ находился одинъ принцъ королевской крови, изъ Усонгоры, сынъ короля Найика, чистѣйшій образецъ эѳіопскаго типа. Депутаціи поручено было проводить насъ со всякимъ почетомъ и во всю дорогу заботиться о доставленіи намъ припасовъ и развлеченій.

Хотя быть гостемъ могущественнаго африканскаго царька чрезвычайно выгодно въ экономическомъ отношеніи, однако же есть и невыгодныя стороны. Такъ, напримѣръ, подданные его, удручаемые постоянными поборами, становятся очень сердиты и безпрестанно пристаютъ къ намъ съ жалобами, иногда даже вовсе несправедливыми. Да и наши люди, съ своей стороны, слишкомъ широко пользуются дарованными имъ льготами и берутъ гораздо больше того, что заслуживаютъ или на что имѣютъ право, по справедливости. Напримѣръ, они забрали все молоко уаніанкоровъ, а у нихъ считается позорнымъ когда человѣкъ, питающійся растеніями, не подноситъ къ губамъ сосудъ съ молокомъ; а если кто варитъ свою пищу, того считаютъ недостойнымъ прикасаться къ нему, потому что отъ этого скотъ можетъ околѣть и приключатся еще другія бѣды. Семеро нашихъ людей провинились въ этихъ ужасныхъ преступленіяхъ и пастухи, которые здѣсь такіе же сутяги какъ аденскіе сомали, совсѣмъ разъяренные пришли ко мнѣ со своими жалобами. Мнѣ немалаго труда стоило это судилище, во время котораго я старался успокоить оскорбленныя чувства туземцевъ, возмущавшихся подобными скандальными поступками.

14-го іюля пришли въ Ніаматозо, обширное и цвѣтущее селеніе, расположенное у сѣвернаго подножія хребта Руампары. Видя по окрестностямъ необычайное обиліе банановъ, я распорядился, чтобы люди наготовили банановой муки на семь дней.

Отсюда къ юго-юго-западу лежитъ Мпороро. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Антари проникъ въ эту страну, занялъ ее и послѣ цѣлаго ряда кровавыхъ стычекъ народъ и король признали себя его данниками. Руанда начинается отсюда на западъ-юго-западъ и короля ея зовутъ Кигери. Объ Руандѣ я могъ узнать очень немногое, говорятъ только, что эта страна обширная, пространствомъ равная разстоянію отъ Ніаматозо до Кафурро; народъ тамъ многочисленный, воинствен-

ный, не допускаютъ къ себѣ никого чужаго, а если кого впустятъ, то уже не выпустятъ.

Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, ослабѣвшій отъ долговременной лихорадки, горько жаловался мнѣ сегодня на уаніанкоровъ, и я упоминаю объ этомъ случаѣ только затѣмъ, чтобы показать какъ различно люди смотрятъ на вещи и какихъ пустяковъ иногда достаточно, чтобы возстановить человѣка противъ цѣлаго племени. Онъ говорилъ мнѣ такъ:—Вчера, какъ вамъ извѣстно, солнце палило немилосердно и я, усталый отъ жары, отъ длиннаго перехода, и еще въ легкомъ пароксизмѣ лихорадки, чувствовалъ что готовъ все на свѣтѣ отдать за стаканъ свѣжей воды. Пришли мы въ ту маленькую деревню, что тамъ на равнинѣ, и я подошелъ къ человѣку, стоявшему у входа въ свою хижину и нахально глазѣвшаго на насъ, и попросилъ дать мнѣ напиться воды. Какъ вы думаете, что онъ сдѣлалъ? Онъ указалъ мнѣ на болото, а концемъ своего копья на черную тину, какъ бы желая сказать «пришелъ, такъ самъ и бери что тебѣ нужно!» Удивляюсь, какъ вы можете говорить, что это хорошій народъ! Не могу понять даже, изъ чего вы могли это заключить? Ну развѣ это хорошо, напримѣръ, что онъ мнѣ глотка воды не далъ? Кабы съ нимъ обойтись-то по заслугамъ, такъ вѣдь... Да ну, что объ этомъ толковать!

— Милый человѣкъ,—отвѣчалъ я,—выслушайте терпѣливо, я вамъ сейчасъ покажу другую сторону медали. На людей можно смотрѣть различно. Есть у васъ карманное зеркальце? Коли вы его потеряли, вотъ возьмите мое и посмотрите, на что вы похожи. Видите вы это угрюмое, исхудавшее лицо, съ шершавыми признаками давнишняго бритья, изможденное, болѣзненное. Глаза у васъ стали совсѣмъ маленькіе и утратили свой блескъ. Платье виситъ какъ на вѣшалкѣ и притомъ все въ лохмотьяхъ. Когда я васъ въ первый разъ встрѣтилъ въ Лондонѣ, я былъ восхищенъ: Адонисъ, да и только! А теперь,—извините, теперь вѣдь и всѣ мы, увы! до крайности плохи съ виду. А ужь вы, когда у васъ пароксизмъ начинается!.. Взгляните въ зеркало, полюбуйтесь. И вотъ этотъ дикарь увидѣлъ эту самую физіономію, подходящую къ нему съ угрюмымъ видомъ. Вы къ нему какъ обратились? Навѣрное не подарили его одною изъ тѣхъ очаровательныхъ улыбокъ, которыя могли бы остановить буйвола на всемъ скаку. Такъ, вѣдь? Вы устали, у васъ былъ ознобъ, хотѣлось пить, и вы повелительно промолвили: «дай мнѣ воды напиться!» а выраженіе вашего лица добавило: «да проворнѣе поворачивайся, не то»... Съ какой стати ему, свободному человѣку, стоящему у своего собственнаго дома, для васъ безпокоиться? До той минуты онъ васъ

сроду не видывалъ, а наружность ваша показалась ему, можетъ быть, не располагающей къ ближайшему знакомству. И неужели вы способны съ одного этого случая примкнуть къ партіи тѣхъ путешественниковъ, которые никогда ничего хорошаго не видятъ ни въ Африкѣ, ни въ африканцахъ? Къ вящшему вашему конфузу, несчастный, я вамъ разскажу, что случилось, не далѣе какъ вчера, съ вашимъ-же закадычнымъ другомъ. А тотъ дикарь, о которомъ будетъ рѣчь, по всей вѣроятности родной братъ или вообще родственникъ того, на котораго вы изволите такъ страшно гнѣваться.

Такъ вотъ, на походѣ съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ сдѣлался приступъ сильной лихорадки; голова у него закружилась, и онъ упалъ въ траву, у дороги. Командиръ арріергарда не замѣтилъ этого и прошелъ мимо, не подозрѣвая что такъ близко отъ него лежитъ больной товарищъ, почти въ обморокѣ. По счастью, тою-же дорогой шелъ туземецъ, воинъ, вооруженный копьемъ, лукомъ и стрѣлами. Онъ тотчасъ замѣтилъ, что въ травѣ что-то есть; пошелъ и увидѣлъ нашего офицера, безпомощно лежащаго на землѣ. Будь онъ безчувственнымъ скотомъ, онъ-бы прикололъ его своимъ острымъ копьемъ и у насъ было-бы однимъ товарищемъ меньше. Но нѣтъ, этотъ человѣкъ не такъ поступилъ. Замѣтьте, онъ не слыхивалъ притчи о благодѣтельномъ самаритянинѣ, но пошелъ къ себѣ домой, черезъ полчаса воротился съ бутылью изъ выдолбленной тыквы, наполненной свѣжимъ молокомъ и напоилъ имъ страждущаго; вскорѣ нашъ другъ, подкрѣпленный и оправившійся, могъ встать, пришелъ въ лагерь и разсказалъ мнѣ эту трогательную исторію. А вѣдь туземецъ-то не членъ краснаго креста; онъ понятія не имѣетъ о тѣхъ правилахъ добродѣтели и милосердія, которыми вотъ уже шестнадцать вѣковъ какъ прожужжали уши англичанамъ. Не похожъ онъ и на того англійскаго миссіонера, о которомъ, помните, разсказывали, что онъ не далъ воды напиться голландскому капитану. Ну какъ-же не сказать послѣ этого, что этотъ народъ—хорошій народъ, способный къ гуманному развитію. Вы можетъ быть сомнѣваетесь въ подлинности моего анекдота? Такъ ступайте и сами спросите у своего друга.

И кромѣ того, подумайте, какое намъ оказываютъ гостепріимство. Шутка-ли прокормить даромъ тысячу человѣкъ, доставлять вдоволь банановъ, бобовъ, проса, бататовъ, да еще табаку въ придачу, и всѣ пути намъ открыты,—скатертью дорога!—Нигдѣ ни заставъ, ни пошлинъ. Да знаете-ли, можетъ быть передъ тѣмъ, какъ вы къ нему подошли, этотъ человѣкъ уже былъ чѣмъ-нибудь раздосадованъ. Могло случиться, что наши люди, проходя мимо, издѣвались надъ нимъ, или перешарили у него весь домъ, или угрожали его семьѣ. А вы по-

пробуйте еще разъ. Подите въ которую нибудь изъ ближайшихъ деревень и попросите вѣжливо, съ улыбкой, чего угодно: молока, масла, табаку,—все равно, и я ручаюсь, что отказа не будетъ.

И то сказать: давно-ли Антари завоевалъ эту страну? А вы слышали, что онъ отнялъ у здѣшнихъ старшинъ сорокъ женщинъ, раздарилъ ихъ наилучшимъ изъ своихъ воиновъ, а главныхъ непріятельскихъ начальниковъ потомъ казнилъ. Послѣ этого неудивительно, что когда король наложилъ на нихъ такую тяжкую контрибуцію, заставивъ кормить даромъ всю нашу ватагу, они недовольны. Притомъ вы сами видѣли какъ грубо и надменно обращаются съ ними королевскіе посланцы, а это конечно не способствуетъ къ тому, чтобы они на насъ смотрѣли особенно ласково.

14-го іюля экспедиція продолжала путь по зеленымъ, горнымъ долинамъ цѣпи Руампара, упирающейся, если не ошибаюсь, своимъ западнымъ концомъ въ ту гряду холмовъ, которая огибаетъ бассейнъ Альберта-Эдуарда, и образующей водораздѣлъ между бассейнами рѣкъ Руизи и Александра-Нила. Переваливъ черезъ нѣсколько горныхъ вершинъ, обвѣваемыхъ свѣжимъ вѣтромъ, мы спустились въ котловину Рузуссу, изъ которой вытекаетъ рѣка Наміанджа. Тутъ мы на три дня остановились отдохнуть, послѣ стольких странствій по горамъ.

Отъ 20-го іюля нахожу въ своемъ дневникѣ слѣдующую замѣтку:

«Сегодня утромъ прошла лихорадка, столько времени мучившая меня. Я немного поторопился, сказавъ, что мы оправляемся отъ болѣзни, причиненной намъ колодезною водой въ Усонгорѣ. Едва выздоравливаетъ одинъ изъ насъ, какъ другой заболѣваетъ. Паша и я уже три раза испытали возобновленіе лихорадочныхъ пароксизмовъ, и оба въ одно время. Стэрсъ только вчера избавился отъ лихорадки. У Бонни уже два дня температура нормальная. Казати заболѣлъ 17-го, пролежалъ весь день 18-го, а 19-го опять всталъ. Такъ и живемъ, со дня на день: то и дѣло лихорадка возвращается, потомъ дня на два отпуститъ, и опять тоже. Камисъ-Уади-Нессибъ умеръ отъ паралича; еще одинъ нубіецъ пропалъ безъ вѣсти.

«Четверо египтянъ, у которыхъ страшно разболѣлись нарывы, просили позволенія остаться въ Анкори. Разсудивъ, что и безъ того у насъ много больныхъ, и бѣлыхъ и египтянъ, да еще довольно старухъ и ребятъ, я сочелъ за благо согласиться на ихъ просьбу и они, со всѣми чадами и домочадцами, остаются здѣсь. Такъ какъ я здѣсь съ часу на часъ ожидаю прибытія наслѣднаго принца, чтобы съ нимъ побрататься кровью, то надѣюсь, что послѣ этой церемоніи мнѣ удастся устроить ихъ довольно сносно.

Удивительный климатъ въ Анкори. Сильные холодные вѣтры, дующіе съ востока, юго-востока и сѣверо-востока, вредно отзываются на дыхательныхъ путяхъ. То и дѣло слышишь о грудныхъ болѣзняхъ, о кашлѣ, катаррахъ и головныхъ боляхъ. Безпрестанныя крайности температуры, быстро переходящей съ максимума на минимумъ, располагаютъ къ лихорадкамъ. Однако я очень хорошо помню, что когда я въ январѣ 1876 года шелъ черезъ сѣверный Анкори, и я и спутники мои были совершенно здоровы и въ тогдашнемъ моемъ дневникѣ вовсе не было тѣхъ отмѣтокъ о заболѣваніяхъ, которыя теперь ежедневно приходится заносить. Рѣшительно не знаю, чему приписать это обстоятельство, тому-ли что настоящее время года неблагопріятно, или злокачественной водѣ усонгорскихъ колодцевъ, или наконецъ тому, что наши повара берутъ воду изъ рѣки Руизи, которая совсѣмъ черная отъ накопляемыхъ по берегамъ гніющихъ навозныхъ кучъ. Здѣсь теперь зима, въ январѣ-же бываетъ весна.

Отдаленность опасности часто дѣлаетъ ее для глазъ настолько привлекательною, что о ней и слушать не хотятъ. Правда, что разсказы часто бываютъ преувеличены безъ всякой мѣры невоздержными языками, между тѣмъ какъ туманная даль, скрадывающая непривлекательность обваловъ, недоступность горъ, глубину пропастей, нерѣдко закругляетъ ихъ рѣзкія очертанія и придаетъ имъ обманчивую мягкость и прелесть контуровъ. Наша экспедиція много разъ испытала это на себѣ и я боюсь что египтяне, отставшіе отъ насъ по доброй волѣ, встрѣтятъ на своемъ пути еще худшія опасности чѣмъ всѣ тѣ, о которыхъ мы ихъ столько разъ тщетно предупреждали.

21-го іюля мы пошли горной долиной, идущей параллельно теченію рѣки Наміанджи. По сторонамъ тропинки росли гигантскіе репейники, попадались подсолнечники и кусты ежевики. Рѣка образуется изъ трехъ источниковъ: одного маленькаго ручья прѣсной воды, вытекающаго изъ впадины, обросшей папоротниками,—небольшаго озерца съ солоновато-сѣрнистой водой и другого, еще меньшаго, съ водой обильно-насыщенной щелочами. Черезъ три часа ходу рѣчка достигаетъ пяти футовъ ширины, но вода въ ней все такая же невкусная. По берегамъ банановыя плантаціи чередуются съ ложбинами, въ которыхъ пасутся стада.

На другой день мы вышли на разсвѣтѣ и продолжали путь долиною Наміанджи, которая узка, извилиста, мѣстами лишь расширяясь въ просторный и гладкій горный уступъ. Пройдя одинъ часъ, мы съ сѣверо-востока круто повернули на юго-востокъ и потомъ на югъ, вдоль другой долины. Намъ то и дѣло попадались великолѣпныя стада жирнаго и крупнаго скота, выгоняемаго изъ зерибъ на

пастбища, больше похожія на поля сухого сѣна, чѣмъ на свѣжій дернъ; впрочемъ въ сырыхъ мѣстахъ онѣ довольно зелены. Вскорѣ долина опять повернула къ востоку и привела насъ къ ущелью, въ которое мы вступили и чрезъ полчаса начали подниматься по обнаженному склону скалистой горы. Дойдя до ея вершины, мы перевалили черезъ узкій гребень и по южному откосу спустились въ котловину, изобилующую банановыми рощами, пастбищами и стадами; солнце жгло немилосердно и мы поспѣшили укрыться отъ него въ селеніи Віаруха.

Покидая долину Наміанджи, нашъ арріергардъ былъ нѣсколько сконфуженъ неожиданнымъ обстоятельствомъ: туземцы, до сихъ поръ относившіеся къ намъ такъ мирно и дружелюбно, вдругъ точно взбѣленились, собрались толпой и начали испускать воинственные клики, сопровождая ихъ угрожающими жестами. Два раза они какъ будто шли въ аттаку, ограничиваясь однако тѣмъ, что грозно подымали копья и замахивались ими; наконецъ въ третій разъ, полагая что арріергардъ долженъ быть страшно напуганъ ихъ численностью, они послали ему вслѣдъ восемь или десять стрѣлъ. Тогда командиръ приказалъ сдѣлать по нимъ нѣсколько выстрѣловъ холостыми зарядами и этого оказалось вполнѣ достаточно, чтобы обратить ихъ въ бѣгство: съ громкими криками они поспѣшно полѣзли на горы.

Тотчасъ вслѣдъ за нами (но мы объ этомъ ничего не знали) шелъ принцъ Учунку, наслѣдникъ анкорійскаго престола, со своею свитой мушкетеровъ и копьеносцевъ и со вторичною депутаціей отъ угандскихъ христіанъ. Принцъ, по волѣ своего родителя, направлялся въ нашъ лагерь, чтобы побрататься кровью со мною и заключить дружественный союзъ. Слыша выстрѣлы принцъ пожелалъ узнать причину, и нѣсколько уахумскихъ пастуховъ, бывшихъ свидѣтелями нападенія на насъ туземцевъ, объяснили ему въ чемъ дѣло. Тогда принцъ послалъ за ними въ догонку своихъ мушкетеровъ, которые двоихъ уаніанкоровъ убили, а двадцатерыхъ обезоружили.

Въ 2 часа дня принцъ Учунку со свитой пришелъ въ Віаруху и тотчасъ попросилъ свиданія. Это былъ мальчикъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати, съ очень милымъ, кроткимъ лицомъ чистаго абиссинскаго типа, настоящій мхума. При немъ состоялъ воспитатель или попечитель, онъ-же и начальникъ принцевыхъ тѣлохранителей, вооруженныхъ копьями и карабинами. Онъ привелъ намъ въ подарокъ двухъ огромныхъ быковъ, но одинъ былъ до того жиренъ и съ такими непомѣрно-длинными, тяжелыми рогами, что путешественникъ изъ него вышелъ бы очень неудобный, а потому мы велѣли зарѣзать его на мясо. Мы обмѣнялись обычными дружелюбными при-

вѣтствіями и когда принцъ до нѣкоторой степени насытился зрѣлищемъ всѣхъ диковинъ нашего лагеря, мы сговорились назначить церемонію на завтрашній день.

23-го іюля состоялось торжество, обставленное всевозможною пышностью. Занзибарцы, маньюмы, суданцы подъ ружьемъ выстроились по скату холма, саженъ за двѣсти отъ насъ, готовые по первому знаку салютовать принцу холостыми зарядами. Пушку мы тоже зарядили и поставили, для вящшаго эффекта.

Церемоніалъ начался съ того, что разостлали персидскій коверъ, на который мы съ принцемъ сѣли поджавъ ноги потурецки, взявъ другъ друга за лѣвую руку и опираясь ими на колѣна. Искусные операторы подошли и каждому изъ насъ сдѣлали на лѣвой рукѣ надрѣзъ; потомъ они взяли по кусочку масла, положили ихъ на два листочка, служившихъ вмѣсто тарелокъ, смѣшали масло съ нашею кровью и обмѣнявшись листочками помазали смѣсью намъ по лбу. Такимъ образомъ церемонія обошлась безъ той отвратительной формальности, которая обязательна между племенами бассейна Конго. Принцъ, приходившійся мнѣ теперь младшимъ братомъ, взялъ меня за руку, повелъ въ мою хижину и сталъ улыбаться съ самымъ радостнымъ видомъ. Я порадовалъ его юную душу тѣмъ, что подарилъ ему нѣсколько кусковъ отборныхъ каирскихъ тканей, а паша и египетскія дамы прислали ему ожерелье изъ крупныхъ, красивыхъ бусъ, что сразу завоевало намъ его сердце. Воспитателю мы подарили корову, а тѣлохранителямъ быка, на угощеніе мясомъ; въ свою очередь и принцъ долженъ былъ подарить крупную козу нашему искусному оператору, такъ какъ даже и въ области Конго эта должность считается чрезвычайно почетной и за подобныя услуги всегда принято отдаривать щедро.

По данному знаку наши люди пять разъ дали залпъ изъ ружей, къ великому восхищенію принца; но когда пушка пошла стрѣлять картечью и онъ увидѣлъ какія облака пыли подымаются на противоположномъ холмѣ отъ ударяющихъ въ него пуль, онъ пришелъ въ неописанный восторгъ и вѣроятно, чтобы удержаться отъ слишкомъ яростныхъ криковъ, крѣпко зажалъ себѣ ротъ рукою. У насъ мнѣнія раздѣлились касательно того, зачѣмъ онъ зажималъ себѣ ротъ, но я нахожу, что даже и въ шутку не слѣдуетъ говорить неправды. Утверждали, что онъ боялся, какъ-бы не растрескались его прекрасные зубы, которые со страху будто-бы слишкомъ сильно стучали; но я убѣжденъ, что это было просто ребяческое движеніе, выражавшее чрезвычайное удовольствіе и удивленіе.

Какъ-бы то ни было, я теперь публично признанъ гражданиномъ

Анкори; отнынѣ я имѣю право отправляться куда мнѣ угодно по всему лицу владѣній Антари, останавливаться и селиться гдѣ захочу и пользоваться плодами всякой плантаціи, какая мнѣ приглянется. Мало того, принцъ поклялся, именемъ своего отца и по его порученію, что всякій бѣлокожій человѣкъ, который придетъ въ Анкори съ рекомендаціею отъ меня, будетъ принятъ также хорошо какъ бы я самъ. Только рогатый скотъ, козы и оружіе разсматриваются здѣсь какъ частная собственность, на которую даже король не имѣетъ права, исключая тѣхъ случаевъ, когда они принадлежатъ преступникамъ, имущество которыхъ поступаетъ въ распоряженіе короля.

Вмѣстѣ съ принцемъ пришла вторая депутація отъ христіанъ уагандовъ. Результатъ моихъ продолжительныхъ съ ними совѣщаній занесенъ въ моемъ дневникѣ, изъ котораго предлагаю еще выписку:

«Когда въ первый разъ до меня дошли слухи объ изгнаніи миссіонеровъ изъ Уганды, я опасался, что они, можетъ быть, вели себя безтактно, дѣйствовали напроломъ, не соображаясь съ обстоятельствами, и хотя безъ сомнѣнія были вполнѣ искренни и правы съ своей точки зрѣнія, но на столько узки, прямолинейны и такъ мало понимали окружающее, что могли надѣлать большихъ ошибокъ. Однако новообращенные христіане отзывались объ нихъ съ наилучшей стороны и дословно повторили мнѣ благіе совѣты, преподанные имъ мистеромъ Меккэемъ, что доказывало, что какъ ни тяжко имъ приходилось подъ игомъ Муанги, но миссіонеры избѣгали вмѣшательства во внутреннюю политику страны. Съ тѣхъ поръ какъ основана эта миссія, на нее должно быть истрачено не менѣе пяти сотъ тысячъ рублей. Если бы изложить вполнѣ правдиво и методически ея исторію, она могла бы послужить поучительнымъ руководствомъ для всѣхъ, заинтересованныхъ въ подобныхъ вопросахъ. Тутъ и трагическая кончина Смиса, О'Нейля, Пенроза, епископа Геннингтона, и эпидемическія болѣзни, отъ которыхъ преждевременно погибли докторъ Смисъ и еще двое другихъ (изъ которыхъ одинъ былъ тоже епископъ, какъ утверждаетъ Захарія), и почти безплодное проживаніе въ Угандѣ господъ Уильсона, Пирсона, Фелькина, и необычайный успѣхъ пропаганды мистера Меккэя, и усердные, самоотверженные труды Эша и Гордона. Исторію подвиговъ, успѣховъ и неудачъ всѣхъ этихъ лицъ слѣдовало бы изложить не иначе, какъ съ точнымъ обозначеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, такъ чтобы видно было почему иные восторжествовали и выказали мудрость, а другіе поторопились и погубили свое дѣло.

«Взявшійся за плугъ и оборачивающійся назадъ, не достоинъ царствія небеснаго. Принявъ на себя извѣстныя обязанности, чело-

вѣкъ съ честью обязанъ выполнить ихъ и до тѣхъ поръ не уклоняться съ пути, пока дѣло не будетъ сдѣлано. Такъ какъ сигналъ къ отступленію прозвучалъ уже прежде, нежели я покинулъ Африку, боюсь какъ бы Совѣтъ Общества Христіанскихъ Миссій не прислалъ мистеру Меккэю приказанія уходить тотчасъ-же. Надѣюсь, что они этого не сдѣлаютъ. Изгнаніе миссіонеровъ и разсѣяніе во всѣ стороны ихъ паствы, напротивъ того каждому, смотрящему на дѣло со стороны, внушаетъ мысль о близости торжества. Да не смущаютъ ихъ побѣдные клики мусульманъ, завоевавшихъ себѣ временное главенство: это-то и должно вдохновить миссіонеровъ на дальнѣйшіе, благородные подвиги и научить ихъ дѣйствовать впередъ осторожнѣе, но не терять терпѣнія и настойчивости. Ни одно серьезное предпріятіе, ни одно великое дѣло никогда не можетъ удасться безъ твердой вѣры въ то, что оно стоитъ нашихъ трудовъ и усилій.

«Изъ числа тѣхъ четырехъ или пяти тысячъ новообращенныхъ христіанъ, которые, по словамъ Захаріи и Самуэля, разсѣяны теперь по Анкори и въ Удду, положимъ, что только двѣ тысячи приняли христіанство благодаря мистеру Меккэю и его достойнымъ сотрудникамъ. Считая стоимость ихъ миссіи въ 500 тысячъ, оказывается, что каждый изъ крещеныхъ обошелся обществу въ 250 рублей. Я вовсе не принадлежу къ числу тѣхъ, которые въ такихъ случаяхъ всегда взываютъ о помощи къ правительству; но богачамъ, имѣющимъ возможность удѣлять часть своихъ избытковъ на дѣла благотворительности и говорящимъ, что прежде надо подумать о ближайшихъ бѣднякахъ, я отвѣчу словами мудрой евангельской женщины: «Такъ, Господи, но и псы питаются крохами со стола своего хозяина».

«Блестящій успѣхъ миссіонерскаго дѣла въ Ніанзѣ доказывается тѣмъ, какія жертвы приносятъ новообращенные, какъ стойко они противустояли своему тирану и какъ удачно свергли его съ престола. Я гдѣ-то читалъ, что права враждующихъ сторонъ признаются только съ той минуты, какъ они доказали, что способны ихъ поддерживать. Если такъ, то уаганды-христіане неопровержимо доказали правоспособность миссіи. Не мало труда положили миссіонеры на то, чтобы добраться до глубины этихъ человѣческихъ душъ: но за то, когда дорылись до дна, источникъ хлынулъ вверхъ обильною струей. Послѣ многихъ годовъ неблагодарной работы, люди вдругъ со всѣхъ сторонъ стали стекаться къ новой церкви экваторіальной Африки. Царственныя особы и поселяне, старшины и воины приходили учиться христіанской любви,выучивались читать, писать, и становились гордыми обладателями печатныхъ книгъ, въ которыхъ на ихъ собственномъ языкѣ имъ передавали исторію Спасителя и Его страданій ради спасенія человѣчества.

«Быстрое распространеніе христіанства испугало магометанъ и ихъ туземныхъ единомышленниковъ, но пока живъ былъ умный Мтэза, они не рѣшались оказывать явной враждебности миссіонерамъ. Восшествіе на престолъ короля-мальчика и наклонность его къ различнымъ порокамъ, страсть къ куренію *банги*, пьянство, развратъ, надоумили мусульманъ какими средствами лучше всего дѣйствовать противъ христіанъ. И они пустили въ ходъ самыя низкія, самыя подлыя мѣры, чтобы добиться своего. Не взирая на превосходную репутацію, какою христіане бѣлокожіе издавна пользовались во всѣхъ классахъ населенія, молодой король неиначе смотрѣлъ на нихъ какъ сквозь призму самой безпощадной клеветы. Извращенныя понятія заставляли его видѣть въ миссіонерахъ корпорацію, задавшуюся цѣлью подорвать его авторитетъ, искоренить въ сердцахъ подданныхъ чувства преданности и любви къ своему монарху и мало по малу занять всю Уганду. Мусульмане нашептывали ему, что всѣ тѣ различныя экспедиціи, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, то и дѣло проходили чрезъ страну, направляясь то въ землю Масаи, то въ Усогу, то въ Усукуму или въ Уніамуэзи, всѣ распри на морскомъ берегу, между Сеидомъ Баргашемъ и нѣмцами, и появленіе у Занзибара военной эскадры, и распространеніе по береговой линіи цѣлаго ряда германскихъ колоній, все клонилось только къ тому, чтобы въ концѣ концовъ завоевать Африку. И вотъ юный король издаетъ повелѣніе жечь и рѣзать: начинается рядъ избіеній, *ауто дафэ* въ Угандѣ, убійство епископа Геннингтона, уничтоженіе цѣлаго каравана въ Усого; та же участь постоянно виситъ надъ головой долготерпѣливаго и неизмѣннаго Меккэя, которому все время угрожаютъ запрещеніемъ миссіонерскаго дѣла. Но вотъ христіане разсѣялись по отдаленнымъ угламъ, мусульмане успокоились, такъ какъ больше некому было завидовать и тутъ-то молодой король развернулся вполнѣ; настало время невыносимаго деспотизма и жестокихъ казней, безъ всякаго разбора. Многія значительныя лица въ государствѣ пали жертвами его подозрительности и по его повелѣнію до смерти забиты дубинами, либо удавлены. Тогда магометане, страшась за собственную безопасность, обратились за помощью къ христіанамъ: они изгнали короля и тотъ, странствуя по озеру, на досугѣ одумался, раскаялся и, какъ слышно, тоже обратился въ христіанство» *).

*) Изъ письма мистера Стокса, писаннаго 21-го ноября 1889 года изъ Букумби, на южномъ берегу озера Викторіи, я узналъ, что онъ благополучно добрался до острова Муанги. По прибытіи туда онъ нашелъ, что хотя мѣстность выбрана довольно благопріятная, но продовольствіе самое скудное и въ лагерѣ много больныхъ. Онъ рѣшился однако-же прямо идти на

Я объяснилъ Захарію и Самуэлю, что нахожу совершенно невозможнымъ покинуть порученный мнѣ караванъ, а потому посовѣтовалъ имъ лучше обратиться къ мистеру Стоксу и къ мистеру Меккэю, а если можно изложить это дѣло доброжелателямъ ихъ въ Англіи, то за это я съ удовольствіемъ возьмусь. Тогда, видя что я рѣшительно намѣренъ идти дальше, пятеро христіанъ стали просить позволенія вмѣстѣ съ нами идти къ морю, на что мы охотно согласились.

24-го іюля, прошли цѣлой вереницей извилистыхъ долинъ, съ обѣихъ сторонъ тѣснимыхъ горными пастбищами, почернѣвшими отъ недавняго огня, между тѣмъ какъ травы всюду совсѣмъ побѣлѣли отъ времени и засухи; войдя въ долину Мавоны мы стали постепенно спускаться въ котловину черезъ рѣдкій лѣсъ акацій тамъ и сямъ перемѣшанныхъ съ молочаями, репейниками и высокими алойниками. Селеніе Мавона изобилуетъ огородами, производящими много всякой всячины, какъ-то: гороху, бобовъ, бататовъ, маніока, огурцовъ, баклажановъ и банановъ, простыхъ и фиговыхъ.

На другой день, пройдя четыре съ половиною часа по долинѣ Мавоны, мы вдругъ очутились въ виду долины Александры и убѣдились, что длинная линія холмовъ на юго-юго-востокъ отсюда тянется уже по ту сторону рѣки, въ области Карагуэ. Въ это время года оба берега одинаково непривлекательны на видъ: ландшафтъ не представляетъ ни одного зеленаго уголка, ни одной плантаціи, а недавніе огни превратили каждую ложбину, холмъ и поляну въ оголенную пустыню, посыпанную чернымъ пепломъ.

26-го и 27-го іюля переправлялись черезъ рѣку въ четыре пріема, на самыхъ неуклюжихъ челнокахъ какіе можно себѣ представить.

столицу и далъ знать христіанскому старшинѣ въ Уддѣ, чтобы и они туда-же шли сухимъ путемъ. Въ разстояніи одного дня ходу отъ столицы христіане подверглись энергическому нападенію и находились въ величайшей опасности, но мистеръ Стоксъ, Муанга и преданные ему воины поспѣшили имъ па выручку и разбили Карему съ его магометанами. 4-го октября произошло другое сраженіе около столицы Рубага, въ которомъ Карему съ его арабскими союзниками окончательно обратили въ бѣгство и 5-го октября Муанга снова занялъ столицу вмѣстѣ съ мистеромъ Стоксомъ. Карема и его союзники арабы пытались укрыться въ Уніоро, но Кабба-Рега, король уніорскій, отказался пріютить бывшаго короля, пока онъ не разстанется со своими друзьями арабами. Тогда Карема овладѣлъ позиціею близь сѣверной границы Уганды и тамъ остался. По послѣднимъ извѣстіямъ, у него въ распоряженіи теперь 500 ружей. Такъ кончилась эта романическая исторія, по крайней мѣрѣ на время. Муанга опять царствуетъ въ Угандѣ и миссіонеры, какъ англійскіе, такъ и французскіе, снова водворились на своихъ прежнихъ мѣстахъ.

Тутъ мы распростились съ провожатыми анкорійцами, съ новообращенными угандами, наградивъ и короля Антари и каждаго изъ пріятелей такими дарами, которые вызвали съ ихъ стороны выраженія живѣйшей благодарности.

Въ этомъ мѣстѣ Александра-Нилъ имѣетъ до 53 саженъ ширины, средняя глубина его равняется девяти футамъ (около 4 аршинъ), сила теченія—три узла въ часъ, посрединѣ русла.

Глава XXXIII.

ПЛЕМЕНА, НАСЕЛЯЮЩІЯ ЛУГОВУЮ ОБЛАСТЬ.

Уахумы, составляющіе прямую противуположность Пигмеямъ.– Ихъ потомки.—Племена, состоящія въ близкомъ родствѣ съ чистымъ негритянскимъ типомъ.—Племена Нильскаго бассейна.—Пастушескіе народы.—Уніорскія преданія.—Мои наблюденія относительно уахумовъ въ бытность нашу въ Кавалли.—Общій видъ страны, окружавшей нашъ лагерь въ Кавалли.—Какъ старшины Кавалли, Катто и Гавира жаловались мнѣ на свои обиды.—Воспоминанія стараго Ругуджи.—Пастбища, лежащія между озеромъ Альберта и лѣсомъ.—Скотъ въ окрестностяхъ Кавалли.—Сколько молока даютъ мѣстныя коровы.—Три тяжебныхъ дѣла, имѣвшія отношеніе къ скоту.—Мои постановленія на судебномъ разбирательствѣ.—Хозяйственныя занятія женщинъ.—Одежда уахумовъ.—Древне-египетскія и эѳіопскія черты, сохранившіяся у народовъ луговой области.—Нравы, обычаи и религія племенъ.—Бѣдный Гаддо обвиненъ въ злыхъ умыслахъ противъ своего начальника, Кавалли: смерть его.—Чѣмъ питаются уахумы.—Климатъ луговой области.

Послѣ пигмеевъ, самый интересный народъ въ центральной Африкѣ—уахумы. Съ легкой руки какихъ-то недоучекъ-филологовъ тѣ и другіе извѣстны подъ общимъ именемъ «банту», и каждый путешественникъ, стремящійся сопричислить себя къ лику ученыхъ, старается своими показаніями подтвердить правильность этого далеко не научнаго термина. «Банту» средне-африканское слово, которое въ переводѣ значитъ «люди». А насъ торжественно приглашаютъ принять за истину, во имя науки, что уахумы и пигмеи суть люди.

Уахумы составляютъ полнѣйшую противуположность пигмеямъ. Пигмеи—карлики, кочующее племя, вполнѣ приспособленное къ жизни въ лѣсу; уахумы—высокаго роста, красиво сложенные люди, съ чертами лица почти европейскаго типа, съ незапамятныхъ временъ привыкшіе жить только въ луговой области. Перемѣните ихъ мѣстами, они захирѣютъ и перемрутъ. Если взять пигмея, увести его изъ вѣчнаго сумрака его родныхъ трущобъ, отнять у него растительную

пищу, поселить среди луговъ, доступныхъ солнцу и вѣтру, кормить мясомъ, хлѣбомъ, молокомъ, какъ мы питаемся, онъ весь съежится, будетъ зябнуть на вольномъ воздухѣ, перестанетъ ѣсть и зачахнетъ. Съ другой стороны, если уахума водворить въ лѣсу и кормить до отвалу самыми отборными растительными яствами, онъ вскорѣ пріобрѣтаетъ какой-то унылый, подавленный видъ, его здоровый, темно-коричневый цвѣтъ переходитъ въ пепельно-сѣрый, гордая осанка пропадаетъ, видъ дѣлается самый жалкій, угнетенный и онъ буквально умираетъ съ тоски. И эти двѣ крайности человѣческой расы величаютъ именемъ «банту», то есть, попросту зовутъ людьми, что хотя и справедливо, но довольно некстати. Въ сѣверной Америкѣ живутъ въ настоящее время эскимосы, англичане, ирландцы, нѣмцы, французскіе и испанскіе американцы, индѣйцы, но пожалуй ихъ можно тоже, по ученому, называть «банту». Только едва-ли они отъ этого станутъ интереснѣе.

Уахумы прямые потомки семитическихъ племенъ или общинъ, пришедшихъ изъ Азіи черезъ Красное море и поселившихся по берегамъ его и въ горныхъ округахъ Абиссиніи, называемой въ тѣ времена Эѳіопіей. Изъ этого великаго центра произошло болѣе трети всего населенія внутренней Африки. По мѣрѣ того какъ они подвигались на югъ и завоевывали разсѣянныя негритянскія племена, между ними произошло смѣшеніе расъ: семиты приняли окраску негровъ, потомъ эти метисы опять переженились съ остатками примитивнаго туземнаго племени, мало по малу собственныя ихъ черты и цвѣта исказились этимъ обмѣномъ крови и они постепенно почти утратили слѣды своего азіатскаго происхожденія. Если путешественникъ, имѣя въ виду это обстоятельство, начнетъ свои наблюденія отъ мыса Доброй Надежды, то направляясь къ сѣверу ему легко будетъ отличить пришлыя племена менѣе искаженнаго типа отъ тѣхъ племенъ, которыя настолько уже смѣшались съ коренными неграми, что ихъ нельзя иначе назвать какъ негроидами. Шерстистые, курчавые волосы всѣмъ имъ свойственны, но и въ этомъ признакѣ бываютъ переходы отъ жесткихъ и грубыхъ волосъ, въ родѣ конскихъ, до тонкихъ и мягкихъ какъ шелкъ. Вопросъ о волосахъ, впрочемъ, мы оставимъ въ сторонѣ и займемся преимущественно изученіемъ лицъ кавказскаго типа подъ шапкой негритянскихъ волосъ.

Если изъ среды кафровъ, зулусовъ, матабеле, басутовъ, бечуановъ или какихъ угодно другихъ свирѣпыхъ и превосходно сложенныхъ племенъ южной Африки, которымъ неизвѣстно почему присвоено общее названіе негровъ, выбрать одинъ экземпляръ средняго человѣка, поставить его рядомъ съ другимъ экземпляромъ, взятымъ изъ западной Африки, все

равно съ Конго или изъ Габона, а между ними поставить индуса, то при такой правильной постановкѣ дѣла мы тотчасъ увидимъ въ чертахъ кафра тончайшую смѣсь типовъ индусскаго съ западно-африканскимъ. Но если вмѣсто Кафра взять пожилаго мхума, сходство съ индусомъ будетъ еще разительнѣе. Перейдя черезъ Замбезе къ водораздѣлу между бассейнами Конго и Лоангуэ, мы замѣчаемъ необыкновенное смѣшеніе типа, который можно одинаково причислить и къ западно-африканскому, и къ кафрскому,—это нѣчто среднее: лучше перваго, но еще не доросшее до послѣдняго. Отсюда въ которую-бы сторону мы не обратились, вездѣ тоже самое: этотъ типъ распространенъ на очень далекое разстояніе и обнимаетъ собою на западѣ округа бабизовъ, баруа, балунда и всѣ вообще племена бассейна Конго; на востокъ это будутъ уачунги, уафипы, уакауэнди, уакононги, уаніамуэзи и уасукумы. Среди нихъ попадаются иногда отдѣльныя общины, воспроизводящія собою лучшіе типы зулусовъ, а у восточнаго побережья мы опять увидимъ типъ западно-африканскихъ негроидовъ въ лицѣ уайо, уазагаровъ, уангиндовъ и чернокожихъ занзибарцевъ. Если теперь отъ восточнаго побережья мы повернемъ къ высокому плоскогорью, обрамляющему Танганейку, и далѣе на сѣверъ къ Уджиджи, то увидимъ, что ростъ, осанка и черты лица становятся все красивѣе. Чрезъ Уджиджи проникаемъ въ Урунди и замѣчаемъ еще большее улучшеніе типа. Черезъ нѣсколько дней ходу на востокъ мы придемъ въ Уху и тутъ встрѣтимъ чуть-ли не родныхъ братьевъ зулусскаго племени, высокаго роста, молодцоватыхъ воиновъ съ головами и лицами кавказскаго очертанія, но окрашенными чернымъ пигментомъ. Еще немного дальше на востокъ видимъ помѣсь чистаго негра съ кафромъ древняго типа Укалаганзы, нынѣ называемаго Усумбуа, и среди нихъ попадается вдругъ высокій, стройный пастухъ съ граціозной фигурой и пріятной физіономіей европейскаго типа, но только темнокожій. Если спросить его, кто онъ такой, онъ отвѣтитъ, что занимается скотоводствомъ, а родомъ мтузи, изъ племени уатузи. На вопросъ «есть-ли такая страна, которая называется Утузи?» Онъ скажетъ «нѣтъ, такой страны нѣтъ; мы пришли съ сѣвера».—Идемъ дальше на сѣверъ и очутимся на вершинѣ луговаго плоскогорья. Это бассейнъ Нила. Каждый ручей стремится къ востоку въ обширное внутреннее море, нынѣ называемое Викторія-Ніанза,—либо къ западу, въ Ніанзу-Альберта-Эдуарда. Въ это плоскогорье входятъ Руанда, Карагуэ, Мпороро, Анкори, Іангиро, Ухайя и Усонгора, и жители всѣхъ этихъ областей обладаютъ стадами; но не всѣ скотоводы, многіе занимаются и воздѣлываніемъ земли. Исходивъ страну вдоль и поперекъ, мы убѣждаемся въ томъ, что всѣ, занимающіеся скотоводствомъ, при-

надлежатъ къ типу того миловиднаго мтузи, котораго мы встрѣтили въ Усумбуѣ и который, неопредѣленно указавъ на сѣверъ, сказалъ, что они родомъ оттуда; а всѣ земледѣльцы отличаются негритянской физіономіей, сродни любому толстогубому африканцу съ Западнаго Берега. Поживъ среди ихъ, мы узнаемъ еще, что пастухи смотрятъ на земледѣльцевъ съ такимъ-же пренебреженіемъ, съ какимъ напримѣръ, клеркъ банкирской конторы въ Лондонѣ взираетъ на батрака съ какой-нибудь фермы. Подвинемся еще на сѣверъ и увидимъ передъ собою гигантскій снѣговой хребетъ: это преграда неодолимая, поэтому мимо его уклоняемся на западъ и находимъ многочисленныя повторенія типа мтузи, который распространенъ отъ самаго подножія горъ до опушки непроницаемыхъ лѣсовъ, гдѣ нѣтъ болѣе пастбищъ; тутъ-же кончается и кавказскій типъ населенія: опять мы видимъ негроидовъ мѣдно-желтаго, чернаго или смѣшаннаго оттѣнка, съ плоскимъ носомъ, вдавленной переносицей, выдающеюся челюстью, что доказываетъ, что здѣсь прекратилось распространеніе высшихъ расъ. Возвратимся тѣмъ-же путемъ къ подножію снѣговаго хребта, обойдемъ его съ южной стороны, поднимемся къ востоку на высокое плоскогорье, чрезъ великолѣпные луга пастушескихъ областей, называемыхъ Торо, Ухайяна, Уніоро, и снова увидимъ громадныя стада, за которыми присматриваютъ все тѣ-же мтузи съ тонкими чертами лица, между тѣмъ, какъ рядомъ съ ними черные, плосконосые негроиды заступами воздѣлываютъ почву, совершенно на тотъ-же ладъ какъ тѣ, которыхъ мы видѣли южнѣе.

Обойдя снѣговой хребетъ до сѣверной его оконечности, направляемся къ западу, черезъ плоскую травянистую долину Семлики, и находимъ другое высокое плоскогорье, параллельное уніорскому, но отдѣленное отъ него Альбертъ-Ніанзой; и въ этой луговой странѣ также живутъ въ перемежку, но строго придерживаясь своихъ исключительныхъ спеціальностей, племена пастушескія и племена земледѣльческія. Но только, съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ Усумбуэ, скотоводы стали называться не мтузи (или уатузи), а уаніамбу, уахума, уэйма, уавиту и уачуэзами. Можетъ быть въ прежнія времена они заимствовали эти названія отъ мѣстнаго земледѣльческаго населенія, но теперь, гдѣ-бы то ни было, среди балегговъ-ли или въ Анкори, среди бавировъ, уагандовъ, или въ Уніоро, они продолжаютъ называться не иначе какъ уатузы, уахумы или уачуэзы. Въ Карагуэ, Анкори или Усонгорѣ они составляютъ высшіе классы населенія. Потомки ихъ властвуютъ въ Ихангиро, Ухайѣ, Угандѣ, въ Уніоро; но населеніе этихъ странъ состоитъ изъ смѣси зулусовъ съ западноафриканскими племенами и потому занимается преимущественно зем-

ледѣліемъ. Когда такія племена какъ уаганды, уасоги и уакури, предоставленныя собственнымъ силамъ, крѣпнутъ, процвѣтаютъ и размножаются, то для уразумѣнія причинъ такого факта, стоитъ лишь взглянуть на широкіе размѣры Викторія-Ніанзы: некуда было идти дальше, и волна переселенцевъ, перешагнувъ черезъ коренныхъ обитателей, направилась въ обходъ, къ западу и востоку, а по пути на югъ заронила тамъ и сямъ немногихъ своихъ представителей, которые съ теченіемъ времени на столько смѣшались съ земледѣльческими племенами, что утратили всѣ свои исконные признаки.

Уніорское преданіе гласитъ, что уачуэзы пришли съ восточнаго берега Викторіи-Нила; переходимъ за рѣку и видимъ, что между нами и Абиссиніею нѣтъ ни великихъ озеръ, ни непрерывныхъ горныхъ цѣпей, такъ что ничто не мѣшало здѣсь варварскимъ ордамъ двигаться къ югу; почва тощая, климатъ сухой, пастбища скудныя, все населеніе поголовно занимается скотоводствомъ; но первоначальныя племена, некогда заселявшія эти страны и подобныя тѣмъ, что населяютъ бассейнъ Конго и восточное побережье, были задержаны въ своемъ стремленіи распространяться на югъ наплывомъ пришлыхъ элементовъ и до такой степени подавлены высшею индо-африканскою расой, что все громадное плоскогорье отъ Викторіи-Нила до залива Адена заселено народами, просто повторяющими издавна установившійся типъ, который можно назвать галла, абиссинскимъ, эѳіопскимъ или индо-африканскимъ *). Этого бѣглаго очерка, надѣюсь, будетъ достаточно для того, чтобы нѣсколько подготовить читателя къ дальнѣйшему разсказу объ уахумахъ, прямыхъ потомкахъ тѣхъ самыхъ эѳіоповъ, которые вотъ уже пять тысячъ лѣтъ, какъ наводняютъ Африку на востокъ и на западъ отъ Викторія-Ніанзы, въ поискахъ

*) Поэтому, когда дѣло идетъ о цвѣтныхъ расахъ внутренней Африки, необходимо имѣть въ виду, что онѣ распадаются нынѣ на пять явственныхъ типовъ, которые можно назвать: пигмей, негръ, полу-эѳіопъ, эѳіопъ и берберъ или мавръ; и что среди ихъ встрѣчается еще много переходныхъ формъ, образовавшихся отъ смѣшенія одного типа съ другимъ. Такъ напримѣръ, помѣсь пигмея съ негромъ производитъ племена, въ которыхъ взрослый мужчина бываетъ ростомъ до 5 футовъ съ двумя дюймами; помѣсь негра съ арабами Омани населяетъ восточное побережье; эѳіопа съ арабомъ—вдоль морскихъ береговъ въ окрестностяхъ Джуба; бербера съ негромъ—въ Дарфурѣ, Кордофанѣ, среди пастуховъ Верхняго Нила и на востокъ отъ Сіерра-Леоне.

Сожалѣю, что время не позволяетъ мнѣ изобразить все сказанное выше на картѣ, такъ чтобы каждому читателю было ясно съ перваго взгляда, что именно происходило въ теченіе пятидесяти вѣковъ послѣдовательныхъ и періодическихъ переселеній изъ Азіи въ Африку.

за пастбищами перегоняя свои стада съ мѣста на мѣсто и въ тоже время образуя изъ своей среды высшія племена и цѣлые народы, которые отъ залива Адена до мыса Доброй Надежды населили страну людьми несравненно лучшаго типа, чѣмъ были первоначальные обитатели Африки.

Я намѣренъ поговорить объ уахумахъ на основаніи того, что мы видѣли и слышали въ бытность нашу среди подданныхъ Кавалли.

На западъ отъ высотъ Кавалли передъ нами разстилалось пространство болѣе чѣмъ на тысячу квадратныхъ миль. Хотя мѣстами оно было населено довольно густо, но видъ былъ до того обширенъ, что присутствіе человѣка было почти незамѣтно, исключая самыхъ ближайшихъ къ намъ плановъ. По сравненію съ горными хребтами и мощными изгибами почвы, что значили какія-нибудь кучки хижинъ соломеннаго цвѣта, раздѣленныя между собою широкими пространствами, на которыхъ мѣстами пестрѣли участки воздѣланной земли, взрытой трудолюбивыми бавирами?

Въ первое время житья въ Кавалли мы искренно наслаждались этимъ открытымъ пейзажемъ, безконечною далью луговъ, волнующеюся линіей холмовъ, смѣлыми очертаніями горныхъ кряжей и отдѣльныхъ высотъ, уютныхъ долинъ и широкихъ полей. Сваливъ съ плечъ тяжелую заботу о насущномъ пропитаніи, зная, что тутъ привольныя мѣста, гдѣ вдоволь всякихъ яствъ, хлѣба и мяса, я отъ всей души любовался созерцаніемъ этихъ спокойныхъ картинъ и наблюдалъ, какъ порывами свѣжаго вѣтра съ Ніанзы клонитъ сочную траву, какъ она трепещетъ, волнуется и выказываетъ при этомъ безконечное разнообразіе своихъ зеленыхъ оттѣнковъ. Послѣ нашего долгаго странствія по лѣсамъ, это было зрѣлище необыкновенно успокоительное для нервовъ.

Зериба, въ которую каждый вечеръ загоняли стада Кавалли, расположена на мягкомъ склонѣ холма, покрытаго густымъ дерномъ. Постоянно подстригаемая пасущимися стадами самого Кавалли, а также и уахумскихъ пастуховъ, трава не отростаетъ высоко, а потому не закрываетъ видовъ и не мѣшаетъ гулять на просторѣ въ какомъ угодно направленіи. Въ разстояніи выстрѣла изъ лука, все такъ хорошо видно, что можно пересчитать цыплятъ, бѣгающихъ вокругъ клохчущей насѣдки. Тамъ и сямъ муравьиныя кучи возвышаются отъ трехъ до двѣнадцати футовъ въ вышину, что очень удобно для пастуховъ, которые влѣзая на нихъ могутъ наблюдать за скотомъ, за стадами овецъ и козъ; ближайшія-же къ жилью муравьиныя кучи служатъ обыкновенно мѣстомъ сборища стариковъ, любящихъ потолковать о текущихъ событіяхъ. Вотъ тутъ-то, мирно бесѣдуя съ са-

мимъ Кавалли и съ другими мѣстными сторожилами, я могъ узнать много интереснаго касательно исторіи окрестныхъ поселковъ и ихъ обитателей. Трудно было-бы выдумать болѣе подходящее для этого мѣсто, такъ какъ передъ нами страна разстилалась на такое далекое пространство, что отсюда, какъ на картѣ, можно было видѣть до шестидесяти округовъ.

Вдали, на западѣ, гора Пизга одиноко возвышалась надъ сотнями верстъ сплошнаго, темнаго лѣса, и каждая подробность ея очертаній рѣзко рисовалась на фонѣ алаго заката. Темная масса этой величавой, уединенной вершины обращала на себя взоры каждый разъ, какъ бесѣда становилась лѣнивѣе и старшины вперяли глаза на отдаленный горизонтъ. Послѣ этой горы, опредѣлявшей для друга моего Кавалли предѣлъ видимаго міра, по ту сторону котораго все было окутано мракомъ неизвѣстности и миѳическихъ сказаній,—онъ обращалъ мое вниманіе на коническія вершины Кимберри, на одинъ день ходу къ сѣверо-сѣверо-востоку, и на выставляющійся изъ-за нихъ высокій пикъ Кука; далѣе на сѣверѣ высится тяжелая масса квадратныхъ очертаній,—это гора Дуки, а у подножія ея разстилаются равнины, населяемыя племенемъ балюнгуа, у которыхъ такое множество скота, что Кавалли не могъ объ этомъ наговориться. А для Кавалли, мимоходомъ сказать, не могло быть предмета болѣе интереснаго чѣмъ скотъ, и все что до него относится. На юго-западѣ тянется гряда зеленѣющихъ горъ, подвластная Мазамбони; почти непрерывною цѣпью онѣ простираются вплоть до глубокой котловины, занимаемой озеромъ Альберта, соприкасаясь съ окружающими его низинами, уступами и ложбинами. Западная часть этой страны принадлежитъ Мазамбони, восточная другому правителю, Комуби. Вся равнина отъ Кавалли до подошвы горъ называется Узанза и занята земледѣльцами бавирами, которые первоначально пришли изъ-за горы Дуки, по сосѣдству отъ вершины Кука. Между Кавалли и Кимберри порядочный участокъ равнины принадлежитъ воинственному Музири и подвластному ему народу.

Передавъ мнѣ въ главныхъ чертахъ топографію края, Кавалли перешелъ къ разсказамъ болѣе интимнаго характера. Жизнь его въ опасности со стороны нѣкоего Кадонго, союзника Кабба-Реги, да кромѣ того и Катонза—его лютый врагъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ Кавалли владѣлъ деревней у самой Ніанзы, гдѣ жили его рыбаки. Кадонго сильно завидовалъ ему въ этомъ и, подговоривъ съ собою Катонзу и еще нѣсколькихъ разбойниковъ изъ Уніоро, напалъ на Кавалли, сжегъ его деревушку, перерѣзалъ множество его подданныхъ и въ одну ночь угналъ весь его скотъ. Самъ Кавалли бѣжалъ

тогда въ Мелиндву и когда воротился, сталъ жить между бавирами. Съ тѣхъ поръ онъ успѣшно хозяйничалъ, торговалъ, копилъ и въ настоящую минуту опять владѣетъ стадомъ почти изъ восьмидесяти головъ. Впрочемъ, Кадонго уже грозился, что снова на него нападетъ.

Едва Кавалли закончилъ повѣсть о претерпѣнныхъ бѣдствіяхъ, какъ уже Катто и Каленге (одинъ родной, другой двоюродной братъ Мазамбони) начали пересчитывать обиды, которыя причиняетъ имъ Музири. Одинъ братъ, одна сестра, нѣсколько родственниковъ и многіе друзья ихъ пали отъ руки безжалостнаго Музири. Съ величайшими подробностями и соотвѣтственными жестами передаютъ они исторію его злодѣйствъ и жестокаго поведенія.

Послѣ ихъ Гавира принимается излагать повѣсть о томъ, чего онъ натерпѣлся отъ того же Музири и отъ балегговъ, подъ предводительствомъ Мутунду. По его словамъ, чего не успѣли отнять кровожадные уара-суры, то прибираютъ къ рукамъ Мутунду и Музири, которые взяли привычку грабить его поочередно и притомъ по ночамъ.—«Да, да!»—вздыхаетъ Гавира—«нынче уара-суры, завтра Музири, послѣ завтра Мутунду; только и дѣлаемъ что отъ кого-нибудь удираемъ въ горы».

Глядя на миловидный пейзажъ, разстилавшійся предъ нами, на эти идиллическіе луга, зеленыя пастбища, безоблачное небо и общій видъ мирнаго покоя и тишины, кто-бы могъ подумать, что и въ этой Аркадіи случаются распри, борьба и кровавая расправа?

Большинство уахумовъ, нынѣ живущихъ на западѣ отъ Альбертъ-Ніанзы, пришли сюда изъ Уніоро, спасаясь отъ скаредной жадности и хищничества тамошнихъ королей.

Такъ напримѣръ, ближайшій сосѣдъ Кавалли, престарѣлый Ругуджи, тотъ самый, которому мы вернули изъ Мелиндвы угнанныя у него сорокъ головъ скота, родился въ Уніоро и помнитъ своего прадѣда, который должно быть родился около 1750 года. Когда ему было 10 лѣтъ (это было въ 1829 году), Ругуджи помнитъ какъ Чуамби, отецъ Кемрази, отца Кабба-Реги, присылалъ къ его прадѣду за скотомъ. «Въ то время рѣка Семлики вливалась въ широкую лагуну, называемую Катера и бывшую въ юго-восточномъ концѣ озера. Случалось, что изъ-за разлива такихъ лагунъ уаганды не могли проникнуть въ страну балегговъ; но съ тѣхъ поръ лагуны затянуло иломъ, Семлики впадаетъ теперь въ озеро, а такъ какъ Кемрази то и дѣло присылалъ за скотомъ, все ему было мало, и одинъ разъ взялъ да и угналъ разомъ всѣ наши табуны; то я забралъ своихъ женъ и дѣтей, да и ушелъ сюда. Я тогда былъ еще молодой».

— Ну, что-же, удалось тебѣ прожить мирно, Ругуджи?

— Посмотри на эти рубцы на моемъ тѣлѣ: мнѣ есть чѣмъ помянуть и балегговъ и Мелиндву, Музири и уара-суровъ. Вотъ тоже бавиры пришли изъ земли Кука, видятъ что мы пасемъ свои стада, и стали просить, чтобы мы имъ позволили жить среди насъ; но только вижу я, что они все хотятъ повернуть по своему и рано или поздно, не миновать намъ съ ними ссоры.

Пастбища, лежащія между линіей лѣсовъ и озеромъ Альберта сильно оголены дождями. Хотя вершины всѣхъ холмовъ, возвышенностей и горныхъ грядъ этой мѣстности приблизительно одинаковой высоты; но пространства, заключенныя между ними, очень неровны: выше остальныхъ конечно тѣ, что подходятъ къ озеру Альберта, а самыя низкія къ рѣкѣ Итури, въ которую впадаютъ чуть-ли не всѣ здѣшнія рѣчки. Хотя съ перваго взгляда кажется будто бы мѣстность ровная, но нъ сущности не найдется ни одной луговины, которая была бы дѣйствительно плоскою. Вся страна представляетъ безконечно волнистую поверхность, изборожденную десятками ручьевъ, потоковъ и рѣчекъ, впадающихъ въ какой-то значительный притокъ Итури.

Рыхлая почва, состоящая изъ песчанистой глины и насквозь пробуравленная во всѣхъ направленіяхъ жуками, которые исправляютъ здѣсь должность кротовъ и земляныхъ червей, легко осыпается отъ дѣйствія частыхъ, бурныхъ и продолжительныхъ дождей, такъ какъ корни травъ недостаточно ее связываютъ. Стóитъ взглянуть на одинъ изъ мѣстныхъ ручьевъ тотчасъ послѣ бури, чтобы увидѣть какъ быстро совершается процессъ разрушенія; а если прослѣдить теченіе этого ручья до его впаденія въ притокъ, то окажутся такіе перевороты и видоизмѣненія мѣстности, на видъ какъ будто ровной, какихъ трудно даже ожидать послѣ нѣсколькихъ часовъ дождливой погоды.

По моему разсчету, во всемъ округѣ, ближайшемъ къ Кавалли, не больше четырехъ тысячъ головъ скота. Размѣрами здѣшнія коровы сходны съ англійскими, безъ горбовъ, совсѣмъ иной породы, чѣмъ тѣ, что водятся на югъ и на востокъ отъ озера Викторіи. Рога вообще небольшіе, хотя встрѣчаются особи съ рогами очень длинными. Быки, впрочемъ, съ хорошо развитыми горбами. Въ Усонгорѣ и въ Уніоро скотъ безрогій и безгорбый, большею частью желтоватой, верблюжьей масти, тогда какъ въ Анкори весь скотъ пестрый и рога у него непомѣрной длины. Говорятъ, что для доставленія скоту возможности проникать въ чащу джонглей, стараются лишить его роговъ и для этого выжигаютъ рога у молодыхъ особей. Каждый хозяинъ мѣтитъ свою скотину, дѣлая ей на ушахъ надрѣзы, просверливая дырки или подстригая ухо зубцомъ

Кавалли разсказывалъ мнѣ, что когда скотъ пригоняютъ въ новое

для него пастбище, случается что многія коровы отравляются незнакомыми растеніями. Многократное выжиганіе травы въ данной мѣстности дѣлаетъ ее вполнѣ безвредною для скота. Равнины, непосредственно прилегающія къ озеру, гибельны для животныхъ: черезъ двѣ недѣли пастбища въ такой мѣстности у коровъ развивается болѣзнь, которая начинается съ насморка, изъ ноздрей течетъ, молоко пропадаетъ, потомъ шерсть вылѣзаетъ, животное перестаетъ ѣсть и умираетъ.

Очень можетъ быть что у стариковъ уахумовъ образовались коекакія дѣльныя понятія о ветеринарномъ искусствѣ, но въ практикѣ ихъ попадаются такія подробности, которыя лишены всякаго смысла. Изъ той порціи молока, которую мнѣ отпускали, мнѣ захотѣлось сбить себѣ масла и я послалъ попросить у нихъ взаймы долбленую тыкву, въ какихъ они обыкновенно сбиваютъ масло. Когда операція была кончена, я велѣлъ хорошенько выполоскать сосудъ водою, но этимъ навлекъ на себя цѣлую бурю упрековъ. По мѣстнымъ понятіямъ, если налить воды въ посуду, то это очень вредно для скота. Они ни за что не позволяютъ также человѣку, питающемуся вареннымъ кушаньемъ, прикоснуться губами къ горшку, чашкѣ или вообще какой-либо посудѣ, имѣющей отношеніе къ ихъ коровамъ.

Звукъ сбиваемаго масла всякій день слышенъ былъ въ хижинѣ, сосѣдней съ моею палаткой. Сосудъ съ молокомъ подвѣшиваютъ для этого къ одной изъ перекладинъ потолка, и раскачиваютъ на подобіе того какъ въ Индіи вертятъ пунку (для освѣженія воздуха).

По сравненію съ крупными размѣрами коровъ удивительно какъ мало онѣ даютъ молока, да еще при такомъ обильномъ кормѣ. Отъ самой лучшей коровы надоиваютъ въ день никакъ не больше трехъ бутылокъ молока. Нашихъ коровъ доили мальчики и молодые люди изъ Кавалли. Они непремѣнно связываютъ имъ для этого заднія ноги, а теленка держутъ у головы матки. Держа подойникъ одной рукой, другой доятъ корову и должно быть немного оставляютъ на долю голоднаго теленка. Часто одна коза даетъ молока не меньше средней коровы, но я не замѣчалъ, чтобы туземцы доили козъ; повидимому они вовсе не цѣнятъ козьяго молока.

Несмотря на то, что женщина считается здѣсь такою-же собственностью своего мужа, какъ и всякая хозяйственная утварь, да и цѣна ей назначается отъ одной до пяти коровъ, однако нельзя сказать, чтобы женщинъ не уважали: имъ оказываютъ знаки внѣшняго почтенія и кромѣ того онѣ пользуются нѣкоторыми правами, которыми пренебрегать отнюдь не слѣдуетъ. Сосватавъ невѣсту, женихъ выплачиваетъ за нее тестю скотомъ; но если мужъ дурно обращается съ

женою, она во всякое время можетъ воротиться къ родителямъ и онъ получитъ ее обратно не иначе какъ купивъ ее съизнова; а такъ какъ скотъ цѣнится дорого, то мужья стараются не давать воли своему буйному нраву. Къ тому-же въ отсутствіе жены дома безпріютно, холодный очагъ и пустое жилище пугнутъ хоть кого.

Меня пригласили разсудить одно дѣло касавшееся свадебныхъ обычаевъ, возникшее между старшиной Кавалли съ одной стороны и Катонзой, мхускимъ старшиной—съ другой. Катонза высваталъ за себя дѣвушку, принадлежавшую Кавалли, и отдалъ за нее двухъ коровъ, третью-же не соглашался отдать, хотя и былъ долженъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы опасался, что Кавалли возьметъ коровъ, а дѣвушку не отдастъ. Кавалли дѣйствительно не отдавалъ дѣвушку, требуя сначала третью корову, по уговору; тогда Катонза пожаловался мнѣ, прося разсудить ихъ. Я предложилъ представить корову въ судъ, тогда и невѣсту выдали и все кончилось къ общему удовольствію.

Кавалли повергалъ на мое усмотрѣніе еще другое дѣло, тоже брачное. Онъ былъ женатъ уже пять разъ, но пожелалъ взять шестую жену. Онъ купилъ ее въ семьѣ изъ племени Бугомбы, но родители, на основаніи какихъ-то предосудительныхъ о немъ слуховъ, потребовали двойной платы, иначе не соглашались выдать ему невѣсту. Я посовѣтовалъ дать имъ въ придачу корову съ теленкомъ и дѣло уладилось.

Слѣдующій случай оказался нѣсколько сложнѣе. Однажды, когда старшина Мпигуа пришелъ къ намъ въ бардзу (или дурбаръ), вслѣдъ за нимъ изъ толпы вышелъ человѣкъ и пожаловался мнѣ, что Мпигуа задерживаетъ двухъ коровъ, принадлежащихъ его общинѣ. Мпигуа объяснилъ, что человѣкъ изъ той общины женился на дѣвушкѣ его племени и отдалъ за нее двухъ коровъ; въ свое время дѣвушку выдали, она жила съ мужемъ довольно долго, родила ему троихъ дѣтей, послѣ чего мужъ умеръ. Тогда его община обвинила жену, говоря что она уморила мужа колдовствомъ, и прогнали ее къ родителямъ. Мпигуа принялъ ее съ дѣтьми обратно въ свою общину, и вотъ теперь родня мужа требуетъ себѣ обратно двухъ коровъ. «Развѣ справедливо», разсуждалъ Мпигуа, «требовать назадъ коровъ, когда женщина жила какъ слѣдуетъ со своимъ мужемъ, родила общинѣ троихъ дѣтей, а когда мужъ умеръ, они ее сами выгнали, и съ ребятами?» Я нашелъ, что Мпигуа правъ и поддержалъ его въ этомъ дѣлѣ, потому что притязанія истца показались мнѣ нетолько низкими и жестокими, но и прямо противорѣчащими стародавнимъ обычаямъ, установившимся относительно брачныхъ сдѣлокъ.

Женщины распоряжаются всѣмъ домашнимъ обиходомъ, а также продуктами молочнаго скота и нивы. Мужъ обязанъ строить домъ. ходить за скотиной, доить коровъ, чинить загородку, доставлять одежду (признаться, довольно скудную); но въ полѣ работаютъ женщины и женскимъ дѣломъ считается также сбиваніе масла и веденіе торговли. Что-бы вы ни пожелали купить, молока, масла или иную провизію, вы должны обращаться за этимъ къ женщинамъ. Такова ихъ неоспоримая привилегія во всей Африкѣ.

Одежда мужчинъ состоитъ обыкновенно изъ козьей шкурки, укрѣпленной на лѣвомъ плечѣ. Иногда шкурка бываетъ отъ антилопы, и тогда всю шерсть тщательно сцарапываютъ, оставляя только койму вершка на два ширины кругомъ всей шкурки. Замужнія женщины носятъ коровьи шкуры, превосходно выдѣланныя и даже дубленыя. Женщины-невольницы надѣваютъ ременный поясъ съ привѣшеннымъ къ нему сзади и спереди лоскуткомъ рогожи, или просто узкій передникъ. Дѣвушки до самаго замужества ходятъ безъ всякихъ одеждъ; но мальчики съ десятилѣтняго возраста почти всегда уже надѣваютъ шкуру козленка, конечно стараясь во всемъ обезьянничать со взрослыхъ. Во время какихъ нибудь торжествъ или веселыхъ пировъ каждая женщина непремѣнно воткнетъ себѣ за поясъ пучокъ зеленыхъ листьевъ и притомъ не спереди, а сзади. Листья для этого выбираются длинные, отъ кукурузы или отъ сахарнаго тростника, либо банановыя почки.

Любимыя жены старшинъ и начальниковъ, а также «лѣкарки» или «знахарки» (колдуньи), подобно знатнѣйшимъ старшинамъ, имѣютъ право носить шкуру леопарда, а за неимѣніемъ ея—кошачью или обезьяныю шкурку. И здѣсь, повидимому, распространено то мнѣніе, что шкуры леопарда или льва обозначаютъ знатность и величіе. Если чужестранецъ выразитъ сомнѣніе въ томъ, что выдающій себя за начальника можетъ быть человѣкъ низкаго званія, то этотъ послѣдній гордо указываетъ на шкуру леопарда и говоритъ: «А это что-же?»

На дняхъ, разсматривая «Древнихъ египтянъ» Уилькинсона, я былъ пораженъ постоянствомъ африканскихъ модъ, потому что на таблицѣ № 459 увидѣлъ изображеніе людей, одѣтыхъ совершенно также какъ теперь одѣваются уахумы, уатузи, уаніамбу, уаххи, уарунди и уаніаринги, а между тѣмъ картинка представляетъ моды, общепринятыя три тысячи пятьсотъ лѣтъ тому назадъ среди чернокожихъ, платившихъ дань фараонамъ. На таблицахъ 135 и 136 изображены также тѣ самые музыкальные инструменты (образцы ихъ хранятся теперь въ британскомъ музеѣ), которые мы нашли у ба-

легговъ, уахумовъ, а въ 1876 году я встрѣчалъ у племени басога. Фасонъ ножей, особая форма ручекъ, желобки на лезвіяхъ; глиняные треугольники, украшающіе ихъ дома и щиты, ткани изъ плетеныхъ древесныхъ волоконъ, шкатулки, кухонная посуда; фасонъ оружія, копій, луковъ, дубинъ; ихъ «мунду», формою вполнѣ сходные съ древне-египетскими сѣкирами; ихъ вогнутыя изголовья, костяныя и деревянныя ложки, сандаліи съ ушками, безъ которыхъ ни одинъ мхума не пустится въ дорогу; ихъ пристрастіе къ нѣкоторымъ цвѣтамъ, именно къ черному, красному и желтому; корзины, приспособленныя къ перетаскиванію дѣтей; ихъ тростниковыя флейты, длинные посохи; способъ выраженія печали стонами и біеніемъ себя въ грудь, жесты, обозначающіе неутѣшную скорбь; грустныя пѣсни, меланхолическіе напѣвы, и сотни другихъ обычаевъ и привычекъ ясно показываютъ, что племена и общины луговыхъ областей Африки все еще придерживаются древне-эѳіопской и египетской старины.

Игры мальчиковъ напоминаютъ наши игры въ кегли, въ лапту и въ шашки. Въ такихъ кувшинахъ, въ которыхъ древніе носили воду для поливки своихъ полей, нынѣшніе уахумы приносятъ молоко своимъ старшинамъ. До сихъ поръ сохраняется обычай натирать тѣло касторовымъ или коровьимъ масломъ. Въ знакахъ почтенія, оказываемыхъ теперешнею средне-африканскою молодежью старшинамъ и начальству, мы видимъ проявленіе все того-же уничиженія, которое считалось обязательнымъ въ старину. Эти народы, не имѣющіе литературы и не вѣдающіе никакихъ высшихъ вліяній, научаются только тому, чему учатъ ихъ отцы и дѣды, а эти въ свою очередь знаютъ лишь нѣсколько общихъ правилъ и обычаевъ, служащихъ цѣлямъ самосохраненія и отличія одного племени отъ другого. Только такимъ путемъ и могло случиться, что безграмотные обитатели странъ, доселѣ неизвѣстныхъ, пробавляются тѣми самыми обычаями, правилами и формами общежитія, которыя соблюдались въ доисторическія времена среди праотцовъ, людей, строившихъ египетскія пирамиды.

У уахумовъ совсѣмъ нѣтъ никакой религіи. Они твердо вѣрятъ только въ существованіе злого духа, въ образѣ человѣка, живущаго въ глухихъ трущобахъ, напримѣръ, въ темной лощинѣ, заросшей лѣсомъ, или въ чащѣ густого камыша; но это существо можно задобрить подарками, а потому охотникъ, которому на охотѣ посчастливилось убить звѣря, отрѣзываетъ кусокъ мяса и кидаетъ его (вродѣ того какъ-бы кинулъ собакѣ), либо кладетъ яйцо, или небольшой бананъ, или наконецъ шкуру козленка, у дверцы той маленькой конуры, которая непремѣнно ставится у входа въ каждую зерибу.

У каждаго уахума есть амулетъ, или талисманъ, который онъ носитъ на шеѣ или на рукѣ, или на поясѣ. Они вѣрятъ въ «дурной глазъ» и въ предвѣстія, но не такъ суевѣрны какъ уаганды, можетъ быть потому, что живутъ больше въ разбродъ. Колдовства они очень боятся и если кого заподозрятъ въ волхвованіи, тому не сдобровать.

Бѣдный Гаддо, красивый и милый юноша, служившій мистеру Джефсону лоцманомъ во время его плаванія въ Мсуа, вскорѣ по возвращеніи въ Кавалли былъ обвиненъ въ зломъ умыслѣ противъ самого старшины. Гаддо пришелъ ко мнѣ, объявилъ, что его собственная жизнь въ опасности и я посовѣтовалъ ему оставаться у насъ въ лагерѣ до нашего ухода. Между тѣмъ старики взяли пѣтуха, унесли его саженъ за пятьдесятъ за черту лагеря, зарѣзали, вынули внутренности, долго шептались и совѣщались относительно того, что тамъ нашли и на основаніи какихъ-то признаковъ признали Гаддо виновнымъ въ коварныхъ замыслахъ противъ Кавалли,—что равносильно приговору къ смертной казни. Такъ какъ Гаддо былъ неповиненъ ни въ чемъ подобномъ, я послалъ сказать старшинѣ, что если Гаддо обидятъ, Кавалли за это несетъ отвѣтственность передо мной. Однако Гаддо чувствовалъ себя такъ скверно по близости отъ своей деревни, гдѣ общественное мнѣніе было рѣшительно противъ него, что рѣшился укрыться у Катонзы и бѣжалъ къ озеру. Но на краю плато судьба таки настигла его. Разсказывали съ большими подробностями какъ онъ, стоя на утесѣ, свалился въ пропасть и сломалъ себѣ шею. Жалко было слушать какъ по немъ выли и причитали его молоденькая жена, дѣти и сестры; а Кавалли сдѣлался вдругъ со всѣми особенно ласковъ и любезенъ.

Уахумы питаются преимущественно молокомъ. Въ обмѣнъ за свое масло и кожи они могутъ иногда доставать бататовъ, проса и банановъ, но всегда съ особенною гордостью говорятъ, что они не «пахари». Сорго, разводимое сосѣдними земледѣльческими племенами, не бѣлое, а красное. Кукуруза здѣсь не лучшаго сорта. Ее сѣютъ въ концѣ февраля, въ тоже время какъ и бобы; но бобы годятся въ пищу уже черезъ два мѣсяца, тогда какъ кукуруза образуетъ початки только на третьемъ мѣсяцѣ, а спѣетъ на четвертомъ. Въ сентябрѣ сѣютъ просо, а собираютъ его въ февралѣ. При каждомъ селеніи обширные участки полей засажены бататами, а вдоль опушки банановыхъ рощъ разводятъ «колоказію» или «гельмію»; но эти послѣднія овощи для чужестранцевъ не имѣютъ значенія: не умѣя приготовлять ихъ какъ слѣдуетъ, мы не могли сдѣлать ихъ для себя безвредными.

«Мальуа», то есть мѣстное пиво, приготовляется изъ квашенаго

пшена со спѣлыми бананами. Оно въ большомъ спросѣ, и главная цѣль жизни каждаго старшины кажется въ томъ и состоитъ, чтобы отправляться въ гости къ пріятелямъ и опустошать ихъ пивные сосуды. Къ счастію это напитокъ не очень крѣпкій и дѣйствіе его возбуждаетъ лишь легкую веселость и общительность, безъ тяжелыхъ послѣдствій.

Климатъ здѣшнихъ странъ очень пріятенъ. Часовъ пять въ день можно работать, даже на открытомъ воздухѣ, не страдая отъ излишней жары, а дня три въ недѣлю даже во весь день, по причинѣ облачности, составляющей здѣсь заурядное явленіе. Но въ ясные дни солнце печетъ немилосердно, такъ что люди спасаются отъ зноя подъ тѣнь своихъ прохладныхъ хижинъ. Высшія точки луговой области, напримѣръ, округъ Кавалли, холмы Балегга, верхнее плато пастбищъ въ Анкори,—находятся на высотѣ отъ 4.500 до 6.500 футовъ надъ уровнемъ моря, въ Торо и въ южномъ Уніоро луговыя мѣстности доходятъ до высоты 10.000 футовъ и по всей вѣроятности окажутся особенно удобными для европейскихъ переселенцевъ, когда туда будутъ проложены безопасные пути. Когда настанетъ это время, европейцы найдутъ привѣтливыхъ, мирныхъ и доброжелательныхъ сосѣдей въ лицѣ той красивой расы, лучшими представителями которой служатъ уахумы. Съ этимъ народомъ мы во все время не обмѣнялись ни однимъ грубымъ словомъ, и глядя на нихъ я часто вспоминалъ легенду о тѣхъ непорочныхъ человѣкахъ, къ которымъ благоволили боги и разъ въ годъ сходили пиршествовать вмѣстѣ съ ними на горныхъ вершинахъ Эѳіопіи.

Глава XXXIV.

ДО АНГЛІЙСКОЙ МИССІОНЕРСКОЙ СТАНЦІИ У ЮЖНАГО КОНЦА ОЗЕРА ВИКТОРІИ.

Анкори и Карагуэ въ двухъ различныхъ видахъ.—Карагуэ и Александра-Нилъ.—Горячіе ключи Мтагеты.—Малолѣтній носорогъ, пойманный нубійцами, буянитъ въ лагерѣ.—Исчезновеніе Уади-Асмани.—Эминъ-паша и капитанъ Казати.—Докторъ Пэркъ и пигмейская дѣвица.—Мальчикъ пигмей.—Каббо-бора оплакиваетъ смерть своей жены.—Прибытіе экспедиціи въ Куффаро.—Перечень недавнихъ правителей Карагуэ.—Кіенго пораженъ сходствомъ Нельсона со „Спикомъ".—Какъ въ Карагуэ боятся короля Уганды.—Ндегара не позволяетъ намъ оставить своихъ больныхъ въ его государствѣ.—Лагерь въ Утенгѣ: люди гибнутъ отъ холода.—Мы бросаемъ лишнюю поклажу въ озеро Уриги и несемъ на рукахъ больныхъ.—Вступаемъ въ округъ Ихангиро: отнынѣ все продовольствіе будетъ покупное.—Озеро Уриги.—Въ селеніи Мутара, Фатъ-эль-Мулла грабитъ туземцевъ и по ихъ жалобѣ выданъ имъ головой.—Плата Уніамитунду.—Остановка въ Нготи; старшина Муенги.—Владѣнія Кеджумбы.—Обширный видъ на озеро Викторіи.—Мѣстность вокругъ Кисао.—Львы и человѣческіе черепа вблизи нашего лагеря.—Происшествія 1888 года разсчистили намъ путь для мирнаго слѣдованія къ морскому берегу.—Приходимъ въ Амранду и Буангу.—Французскіе миссіонеры и ихъ селенія въ Усамбиро.—Прибытіе въ селеніе англійскихъ миссіонеровъ.—Мистеръ Меккей и его книги.—Мы отдыхаемъ, возобновляемъ свои запасы и проч.—Передъ нашимъ уходомъ Меккей и Диксъ даютъ намъ великолѣпный обѣдъ.—Послѣднее письмо мистера Меккея отъ 5-го января 1890 года.

Чужеземецъ, впервые попадающій въ Анкори или въ Карагуэ въ періодъ ежегодной засухи и со всѣхъ сторонъ—куда ни взглянетъ—видящій лишь громадныя поляны, почернѣвшія отъ огня, сѣрыя оголенныя скалы, длинныя цѣпи горъ, толпящихся одна за другою въ унылом однообразіи своихъ спаленныхъ склоновъ,—навѣрное воскликнетъ въ нетерпѣніи:—«Да гдѣ-же тутъ красота? Покажите мнѣ хоть одно красивое мѣсто!»

Этого чужеземца я давно знаю: онъ мой старый знакомый, скучающій, недовольный, ворчливый человѣкъ, малокровный и страдающій разстройствомъ печени. Поѣдетъ онъ на Конго, или въ Вос-

точную Африку, или въ землю Бечуановъ, встанетъ на муравейникъ и начнетъ издѣваться! «Ну, гдѣ-же ваша хваленая Африка? Это?! Фу..!» и т. д. И тѣмъ не менѣе, черезъ три недѣли послѣ того какъ вся сухая трава выжжена паломъ, что придаетъ странѣ такой пустынный видъ, повсюду выступаетъ молодая зелень: свѣжая трава радостно колышется на вѣтру, одѣвая собою горные склоны, и долины, и тогда обѣ эти пастушескія страны, знаменитыя своими роскошными пастбищами и обиліемъ крупнаго скота, въ самомъ дѣлѣ очаровательны. Я видѣлъ ихъ обѣ, и въ томъ, и въ другомъ видѣ, и отдаю предпочтеніе Анкори. Именно тамъ видишь эти громадныя пространства слегка волнующихся полей съ мягкоокругленными линіями холмовъ, и грядами невысокихъ горъ, раздѣленныхъ притоками Александра-Нила, въ родѣ Руизи, или-же рѣчками, впадающими въ озеро Альберта-Эдуарда, какъ напр. Русанго. И все это обрамлено величавыми скатами зеленѣющихъ горныхъ цѣпей, отдѣляющихъ одинъ отъ другого обширные бассейны значительныхъ рѣкъ. Такъ и кажется, что эта страна нарочно такъ хитро устроена, чтобы служить потребностямъ извѣстнаго народа. Впрочемъ, хитрость тутъ ни къ чему ни послужила, потому что не взирая на гористыя преграды теперь одинъ Антари нераздѣльно царствуетъ и на Руизи, и на Наміанджи, и на берегахъ Русанго и мало-ли какихъ еще рѣкъ, а въ послѣдніе годы присоединилъ къ своимъ владѣніямъ и Мпороро. Будь его могущество равно его честолюбію, онъ-бы по всей вѣроятности завоевалъ и Карагуэ, и Коки, и Удду, вплоть до озера Викторіи.

Мы теперь въ Карагуэ. Александра-Нилъ, съ запада имѣющій притоки изъ Руанды и Мпороро, съ сѣвера изъ провинціи Ухха, съ сѣверо-востока изъ Урунди и Кишекки,—Александра-Нилъ течетъ къ сѣверу вдоль западной границы Карагуэ, достигнувъ Анкори круто поворачиваетъ на востокъ и стремится далѣе чтобы излить свои воды въ Викторія-Ніанзу. Выйдя изъ узкой рѣчной долины мы постепенно подымались по косогору, вдоль одной изъ тѣхъ узкихъ ложбинъ, которыя составляютъ характерную черту этой части центральной Африки. Располагаемся лагеремъ въ селеніи Уніакатера, у подошвы горы этого имени. Видъ, открывающійся съ высоты этой самой горы, можно считать типическимъ для всей остальной области Карагуэ: это безконечная система глубокихъ и узкихъ лощинъ, пролегающихъ между длинными рядами узкихъ, горныхъ кряжей. Куда ни посмотри— въ предѣлахъ этой области вездѣ одно и тоже. Въ сѣверной части Карагуэ на днѣ каждой лощины протекаетъ ручей, и всѣ они впадаютъ въ Александру-Нилъ.

На другой день шли до горячихъ ключей Мтагеты уже описанныхъ мною прежде (см. «Чрезъ Темный Материкъ»).

По приходѣ въ лагерь нубійцы отправились на охоту за носорогами, которые водятся здѣсь во множествѣ; будучи отличными стрѣлками, они убили четырехъ громадныхъ звѣрей, а маленькаго носорога изловили и притащили въ лагерь живьемъ. Мы привязали къ дереву этого малютку, ростомъ съ крупнаго медвѣдя, и онъ высказалъ при этомъ чрезвычайно воинственныя наклонности. Принимая дерево за своего лютаго врага, онъ съ яростью на него кидался стараясь пробить его своимъ рогомъ; но видя что дерево упрямится и не трогается съ мѣста, онъ пріостанавливался въ раздумьѣ, какъбы измышляя иныя средства къ его погибели. Въ это время шаловливые мальчики-занзибарцы тыкали его сзади камышевыми тросточками и звѣрь, испуская пронзительный визгъ, бросался въ ихъ сторону, на сколько позволяли веревки, которыми онъ былъ привязанъ. Кажется я во всю жизнь не видывалъ скотины болѣе глупой, сердитой и упрямой. Чувствуя себя на привязи, онъ кажется былъ убѣжденъ, что всѣ обиды причиняетъ ему дерево и потому все съ новымъ остервененіемъ бросался на него, такъ что съ размаху падалъ на колѣни; камышевыя трости опять дразнили его сзади, онъ кидался назадъ съ изумительной быстротой и перевертывался на спину, ногами вверхъ. Видя что онъ понапрасну мучится и что довести его до морского берега будетъ слишкомъ хлопотливо, я велѣлъ призвать нашего мясника и его помощниковъ и отдалъ носорога на закланіе.

31-го іюля, на походѣ въ Кирурумо, одинъ изъ занзибарскихъ старшинъ Уади-Асмани, положилъ поперекъ тропинки свое ружье и ящикъ, и не сказавъ никому ни слова на прощанье,—скрылся; онъ былъ совершенно здоровъ, со всѣми въ дружбѣ, и въ добавокъ я остался ему долженъ жалованье почти за тридцать мѣсяцевъ службы.

Капитанъ Казати такъ ослабѣлъ, что его положили въ гамакъ и понесли на рукахъ. Паша приходилъ ко мнѣ и выразилъ мнѣніе, что Казати прекурьезный человѣкъ. Паша сказалъ: «Сейчасъ я навѣстилъ моего друга Казати: нашелъ его лежащимъ на травѣ подъ жгучимъ солнцемъ, съ непокрытой головой, тогда какъ меня и сквозь мою феску пропекало невыносимо. При немъ четыре женщины, двое маньюмовъ, да еще его молодой слуга изъ нашей провинціи. Я спрашиваю, отчего онъ не приказалъ своей прислугѣ поставить себѣ хоть шалашъ изъ банановыхъ листьевъ, потому что бананы ростутъ тутъ-же, саженъ за двадцать отъ него; онъ говоритъ: «Какая-же у меня прислуга?» Я говорю: «Зачѣмъ-же вы не прислали за ванной, которую я вамъ предлагалъ? отлично могли-бы воспользо-

ваться здѣшними горячими ключами».—«Правда, отвѣчаетъ онъ, только у меня людей-то нѣтъ».—«Какъ нѣтъ людей! При васъ, на сколько мнѣ извѣстно, четыре здоровенныя женщины».—«Такъ-то такъ, говоритъ,—да не люблю я просить у нихъ услугъ, чтобы не сказали еще, что я заставляю ихъ работать какъ невольницъ. Вѣдь онѣ вдовыя, знаете-ли, мужья-то всѣ умерли» и т. д. и т. д.

Пигмейская дѣвица, уже больше году состоявшая при насъ, начала проявлять признаки серьезной хронической болѣзни и мы рѣшили покинуть ее у старшины Кирурумо. Бѣдная дѣвочка служила вѣрой и правдой доктору Пэрку, который своимъ ласковымъ голосомъ и мягкимъ обращеніемъ совсѣмъ завоевалъ ее сердце; и немудрено, кто-же заслыша этотъ голосъ не начиналъ съ своей стороны привѣтливо улыбаться навстрѣчу нашему доктору? Она прикомандировалась къ его палаткѣ и когда докторъ уходилъ по обязанностямъ службы, она садилась у двери какъ собаченка и никого посторонняго не подпускала къ его жилищу. Она прислуживала ему самымъ деликатнымъ образомъ, никогда не надоѣдала и была вообще единственнымъ существомъ женскаго пола не употреблявшимъ во зло тѣ маленькія льготы, которыя мы предоставляемъ женщинамъ въ нашемъ лагерѣ. На походѣ она несла сумку доктора, а приближаясь къ ночлегу начинала прилежно набирать топлива и тотчасъ по приходѣ на стоянку хлопотала о томъ, чтобы скорѣе приготовить доктору чашку чая, такъ какъ по опыту убѣдилась, что это всего нужнѣе для его здоровья. При одномъ изъ офицеровъ состоялъ еще другой экземпляръ того же мелкаго племени, мальчикъ, который никогда не обмѣнялся ни единымъ словомъ ни съ кѣмъ, кромѣ своего хозяина, впереди всѣхъ приходилъ лагерь, прежде всѣхъ набиралъ топлива и разводилъ огонь. На походѣ онъ также несъ вьюкъ, но никогда не уставалъ, даже не казался недовольнымъ и не доставлялъ ни малѣйшихъ хлопотъ. Иногда, когда ему удавалось набрать большой запасъ топлива, какой нибудь грубый лѣнтяй приходилъ и отнималъ у него заразъ всю кучу, тогда на лицѣ его выражалось глубокое горе, но онъ не говоря ни слова тотчасъ съ новымъ рвеніемъ принимался за работу и натаскивалъ новую кучу, какъ бы находя, что время дорого и нечего по пустякамъ тратить его на перекоры. Такимъ поведеніемъ пигмеи довольно ясно доказывали, что имъ не чужды лучшія и благороднѣйшія побужденія человѣческой природы.

У горячихъ ключей умерла жена Киббо-боры, маньюмскаго старшины. Бѣдный малый былъ въ такомъ отчаяніи, что пришлось удерживать его отъ самоубійства. Цѣлые сутки, сидя въ лощинѣ Мтагеты, онъ плакалъ, рыдалъ и вылъ, а прислуга его хоромъ ему вторила.

Ночью они никому не давали спать и такимъ образомъ поневолѣ мы всѣ принимали участіе въ его печали. Только по прошествіи нѣсколькихъ дней, несчастный вдовецъ началъ приходить въ себя и покорился судьбѣ.

Продолжая путь вдоль травянистыхъ горныхъ цѣпей, идущихъ параллельно глубокимъ и узкимъ долинамъ, тянущимся съ юго-юго-востока къ сѣверо-сѣверо-западу, во всю ширину областей Карагуэ и Руанды на западѣ, мы въ три перехода пришли къ Кафурро, селеніе, въ старину не рѣдко посѣщаемое арабскими торговцами.

Какъ и въ Угандѣ, мы застали большія перемѣны въ Карагуэ. Мтеза, съ которымъ впервые познакомили меня капитаны Спикъ и Грантъ, отошелъ къ праотцамъ и въ теченіе четырнадцати послѣднихъ лѣтъ на престолѣ его перебывали Муанга, Кіуева, Карема и опять Муанга. Руменика, благодушный язычникъ, типическій представитель мхумскаго племени, также отошелъ въ вѣчность, и умеръ также мирно какъ жилъ. Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его, Кіензи, но царствовалъ только девять мѣсяцевъ: другой братъ, Кекоко, отбилъ у него тронъ, продержался на царствѣ три года и за это время успѣлъ умертвить семнадцать братьевъ и выкололъ глаза меньшому своему брату Люеджумбѣ. Но однажды, въ ту пору, когда Кекоко упившись *мальвой* лежалъ на постели, пришелъ Ке-чиконджу, дважды вонзилъ острое копье въ грудь жестокаго короля и тѣмъ избавилъ страну отъ деспота. Въ тотъ же мѣсяцъ Хамидъ-бенъ-Ибрагимъ, много лѣтъ жившій въ Карагуэ ради торговли слоновою костью, былъ умерщвленъ сыномъ своимъ, Сеидъ-бенъ-Хамидомъ. Нынѣшній король, царствующій въ Карагуэ, родной сынъ и законный наслѣдникъ Кіензи: ему только пятнадцать лѣтъ отроду и зовутъ его Ндегара или Уніагумбуа, потому что у него два имени.

Гостепріимство, оказанное намъ въ Анкори, сопровождало насъ и во все время слѣдованія черезъ Карагуэ. По дорогѣ къ Кафурро намъ предоставляли рвать сколько угодно банановъ, и какъ только Ндегара получилъ оффиціальное извѣстіе о нашемъ прибытіи, онъ прислалъ въ лагерь достаточное количество банановъ, быка, куръ, пива, бобовъ, сладкихъ бататовъ и кукурузы. Я отдарилъ его, пославъ винчестерское ружье и двѣ связки мѣдной проволоки.

Кіенго, бывшій некогда проводникомъ Спика и Гранта и ходившій съ ними изъ Уніаніембэ въ Уніоро, прислалъ намъ въ подарокъ быка, банановъ, куръ, молока; а капитану Нельсону, за то что онъ будто-бы похожъ на «Спики», онъ подарилъ жирнаго барана съ широкимъ хвостомъ. И никакихъ пошлинъ и повинностей съ насъ никто не требовалъ, если не считать того, что старый Кіенго испытывалъ наше

терпѣніе своими безконечными воспоминаніями и росказнями все о томъ-же «Спики».

Въ Карагуэ сильно побаиваются короля Уганды. До своего изгнанія, Муанга не позволялъ ни одному чужестранцу проникать въ страну иначе какъ по особому отъ него дозволенію. По смерти Руменики, уаганды начали забирать такую силу, что даже съ арабскихъ гостей Ндегары стали требовать такой-же дани, какъ отъ купцовъ, заходившихъ въ Уганду. За два года до нашего прихода уаганды были настолько могущественны въ столицѣ Ндегары и въ Кинтагулэ, что забрали въ руки всѣ переправы чрезъ Александру-Нилъ. Въ Кафурро, на мѣстѣ Хамида-бенъ-Ибрагима они застали Бэкери, приморскаго купца, и потребовали съ него двадцать штукъ ружей и двадцать боченковъ пороху; но Бэкери отказался платить имъ такую дань, на томъ основаніи, что онъ въ гостяхъ у короля Карагуэ, а не у властителя Уганды; за это они немедленно разстрѣляли его и главныхъ его товарищей. Принимая во вниманіе такое положеніе дѣлъ, мнѣ кажется, что если бы мы избрали этотъ путь для похода на выручку Эмина, врядъ-ли намъ удалось бы благополучно пройти черезъ Карагуэ съ такимъ количествомъ оружія и пороху, какое мы пронесли; я думаю, что Уганда тогда была бы еще несговорчивѣе и съ королемъ ея невозможно было бы сладить иначе какъ съ помощью значительнаго войска.

Насколько область Карагуэ подчинена вліянію Уганды, явствуетъ изъ слѣдующаго случая. Тридцать шесть человѣкъ изъ свиты паши просили меня исходатайствовать имъ у Ндегары позволеніе оставаться въ странѣ, до заживленія ихъ язвъ и нарывовъ. Я послалъ къ королю доложить, что у насъ въ экспедиціи столько-то людей не могутъ дальше идти, измучены болѣзнью и желаютъ тутъ отдохнуть. Ндегара прислалъ сказать мнѣ на это, что ни подъ какимъ видомъ не можетъ согласиться на мою просьбу, ибо если до короля Уганды дойдетъ слухъ, что онъ допустилъ чужестранцевъ въ свою страну, то не только король пришлетъ тотчасъ уничтожить всѣхъ иностранцевъ, но и раззоритъ въ конецъ всю область Карагуэ. Я передалъ этотъ отвѣтъ пашѣ, а онъ въ свою очередь долго объяснялъ и толковалъ его своимъ измученнымъ и расхворавшимся слугамъ; но они, по его словамъ, все таки порѣшили не идти дальше и остаться на авось, потому что такъ или иначе имъ предстояло умирать. А такъ какъ у насъ и безъ нихъ слишкомъ многихъ проходилось нести на рукахъ, мы махнули рукой и согласились ихъ предоставить судьбѣ.

7-го августа изъ Кафурро пришли въ Розаку, а на другой день шли пустынными полями, долинами и горными склонами, однообразно

поросшими грубой, сухощавой травой. Утро было сѣрое, нависшія тучи грозили дождемъ, холодный вѣтеръ дулъ намъ навстрѣчу и пронизывалъ насквозь. Длинной вереницей пробирались мы вдоль цѣпи высокихъ горъ, когда наконецъ пошелъ частый и мелкій дождь, окончательно приведшій въ оцѣпенѣніе людей паши. Нашъ арріергардъ, замѣтивъ что иные падаютъ уже замертво, сдѣлалъ привалъ, и капитанъ Нельсонъ отрядилъ своихъ людей поскорѣе набрать топлива и разводить костры. Многіе изъ замерзающихъ уже не въ силахъ были дотащиться до огней, занзибарцы подбирали ихъ совсѣмъ окоченѣвшихъ, приносили къ кострамъ, оттирали руками и такимъ образомъ приводили въ чувство. Однакоже пятеро успѣли умереть отъ холода прежде чѣмъ сбившійся съ ногъ арріергардъ могъ до нихъ добраться. Передовой отрядъ колонны, ушедшій на пять миль дальше арріергарда, тѣмъ временемъ ничего не подозрѣвая спѣшилъ укрыться въ банановыхъ рощахъ бассейна Утенги. Всѣ мы знали, что египтяне и ихъ челядинцы непремѣнно отстанутъ по дорогѣ и мили на двѣ будутъ идти позади носильщиковъ, которые съ своей стороны продолжительнымъ опытомъ убѣдились, что самое лучшее дѣло какъ можно скорѣе придти на мѣсто и сложить вьюки.

10-го августа вышли изъ Утенги, перевалили черезъ двѣ горныя цѣпи и, спустившись на 800 футовъ, очутились въ узкомъ бассейнѣ, въ верховьяхъ озера Уриги. Перейдя черезъ прежнее его русло, мы направились вдоль восточнаго берега и расположились лагеремъ противъ такого мѣста, гдѣ озеро было шириною не болѣе одной мили. Тутъ мы закололи девять головъ скота на мясныя порціи и затопили въ озерѣ два ящика патроновъ Ремингтона. Еще прежде того мы понемногу разставались съ разными рѣдкостями, вынесенными изъ лѣсныхъ предѣловъ, и бросали по дорогѣ все, безъ чего можно было обойтись. Наконецъ пришлось бросать и боевые снаряды, чтобы тащить на рукахъ больныхъ бѣглецовъ изъ экваторіальной провинціи.

11-го августа окончательно покинули область Карагуэ и, благодаря лестной рекомендаціи со стороны короля Ндегары, насъ очень хорошо приняли въ области Ихангиро; провожая насъ отъ одной деревни до другой, насъ привели въ селеніе Кавари, и тутъ насталъ конецъ нашего привольнаго житья: отнынѣ каждое зерно кукурузы и каждый бананъ придется покупать или вымѣнивать. Отъ береговъ Альбертъ-Ніанзы вплоть до перваго важнаго округа въ Ихангиро, то есть на протяженіи шестисотъ миль, экспедицію все время кормили безвозмездно и притомъ очень щедро. Предстояло выдавать теперь на каждаго мужчину, женщину и ребенка извѣстное количество бусъ стеклянныхъ и фарфоровыхъ, красныхъ, бѣлыхъ, голубыхъ и иныхъ

цвѣтовъ, съ тѣмъ чтобы съ помощью этого ходячаго товара каждый членъ экспедиціи могъ себѣ вымѣнивать пищу, какую хочетъ. Людямъ, способнымъ съѣдать въ одинъ день пять суточныхъ порцій провизіи, было бы неосторожно выдавать за разъ больше чѣмъ на пять дней бусъ. Если бы мы выдали сразу по одному мѣсячному запасу бусъ на каждаго человѣка, это составило бы не малое облегченіе для нашихъ несчастныхъ, измученныхъ носильщиковъ и пожалуй могло бы продлить жизнь нѣкоторыхъ хворыхъ — потому что тогда можно бы положить ихъ въ гамаки и тоже нести на рукахъ, — но за то въ такомъ случаѣ девять десятыхъ нашихъ молодцовъ закупали бы на свой пай понемногу кукурузы, а остальныя средства потратили бы на пріобрѣтеніе пива, куръ, козъ, такъ что черезъ десять дней они опять приступили бы ко мнѣ съ просьбою дать имъ еще запасъ бусъ или тканей, и экспедиція вскорѣ совсѣмъ обнищала бы и не могла бы идти впередъ.

Озеро Уриги очень миловидно, еели смотрѣть на него отъ Узени или изъ Кавари. Въ это время года окаймляющіе его холмы совсѣмъ бурые, съ разсѣянными по берегамъ пятнами темнозеленаго кустарника. Вода въ озерѣ совсѣмъ голубая, благодаря отраженію въ ней безоблачнаго неба. Постоянно усыхающія воды оставляютъ обширныя плоскія пространства по бокамъ и вокругъ длинныхъ бухтъ, вдающихся въ долины. По берегамъ видны цѣлыя стаи птицъ: журавли, цапли, бакланы, маленькія черныя африканскія Parra africana и голенастыя находятъ обильную пищу въ изгибахъ мелкихъ заливовъ и бухтъ, такъ густо покрытыхъ плавучими листьями пистіи, что издали онѣ похожи на зеленыя лужайки. Бегемотовъ здѣсь великое множество, но къ несчастію также цѣлыя тучи черныхъ мошекъ. Восточное побережье усѣяно костями убитыхъ животныхъ: говорятъ что львы и гіены истребляютъ здѣсь много дичи. Въ озерѣ пропасть рыбы, но она просто кишитъ глистами; по крайней мѣрѣ таково было свойство всей той рыбы которую приносили намъ продавать; по этой причинѣ мы ее огульно забраковали и не признали съѣдобной. Озеро Уриги длиною около двадцати пяти миль, а ширина его колеблется между одною и тремя милями; оно лежитъ на 1.200 футовъ ниже средняго уровня холмовъ, его окружающихъ. Мѣстность кругомъ безлѣсная, пустынная, покрытая травой.

Изъ Кавари мы шли берегомъ озера до Мутары. Какъ только мы стали лагеремъ, явилась толпа туземныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и стали предлагать намъ купить всякой всячины: кукурузы, меду, рыбы, пива, куръ и банановъ. Партія тупоголовыхъ суданцевъ, совершенно позабывъ все что на этотъ счетъ было имъ сказано на-

канунѣ, при раздачѣ бусъ, отправились въ селеніе Мутару, за милю отъ лагеря, и принялась шарить по жилищамъ, налегая преимущественно на пиво и бобы. Въ странѣ, гдѣ никто не мѣшаетъ путешественникамъ покупать на чистыя деньги всякіе мѣстные продукты, такое поведеніе возбудило не меньшее изумленіе, какъ если бы въ Каирѣ или въ Лондонѣ среди бѣлаго дня толпа вздумала грабить магазины. Туземцы возмутились и пожелали узнать, что значитъ подобный пріемъ? Вмѣсто отвѣта одинъ изъ суданцевъ, по имени Фетъ-эль-мулла зарядилъ свое ружье и давай стрѣлять: одного туземца убилъ на поваль, другому размозжилъ челюсть, третьему ногу. Такого способа обращенія мѣстные жители никакъ не могли взять въ толкъ, однако вмѣсто того, чтобы отомстить тутъ же, они выбрали отъ себя депутацію изъ пятидесяти человѣкъ, и прислали ее ко мнѣ, для объясненій. Разсказъ ихъ показался мнѣ до такой степени невѣроятнымъ, что я послалъ одного изъ офицеровъ къ нимъ въ деревню разузнать, что случилось и возвратившійся офицеръ донесъ, что все это такъ и было. Я велѣлъ собрать всѣхъ людей экспедиціи, выстроить занзибарцевъ, суданцевъ, маньюмовъ и египтянъ и сдѣлать имъ перекличку. Потомъ пригласилъ туземцевъ обойти всѣ ряды и указать мнѣ того человѣка, который приходилъ грабить въ ихъ деревню, покуда женщины торговали у насъ въ лагерѣ. Туземцы, внимательно вглядываясь во всѣ лица, указали на Фетъ-эль-муллу. Такъ какъ этого показанія было недостаточно, я сталъ допрашивать суданца. Тогда одинъ изъ его товарищей, Серуръ, вышелъ изъ рядовъ и разсказалъ, какъ въ деревнѣ хозяинъ хижины пытался отнять у Фетъ-эль-муллы сосудъ съ пивомъ, и какъ обвиняемый, обозвавъ хозяина *абидъ* и *кельбъ* (рабомъ и собакой) застрѣлилъ его въ упоръ, и потомъ еще раза три или четыре выстрѣлилъ въ другихъ, безъ разбора.

— Онъ виноватъ и я отдаю его вамъ; но если вы согласны продать его за скотъ, или ткани, за проволоку или бусы, или за что хотите, я его куплю.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Мы не продаемъ людей. А этого человѣка не уступимъ и за сто быковъ.

— На что вамъ его кровь? Вѣдь вы его ѣсть не станете, а работать на васъ онъ не будетъ. Промѣняйте мнѣ его на пять коровъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Намъ его надо, потому что онъ убилъ у насъ старшину, да и другіе пожалуй не выживутъ отъ ранъ. Мы возьмемъ его.

— Берите. Онъ не изъ моихъ людей и въ моемъ лагерѣ ему нѣтъ больше мѣста.

Суданца увели и о дальнѣйшей его участи мы ничего не слыхали.

На другой день пошли на востокъ отъ Уриги, по безводной, пустынной, каменистой равнинѣ, усѣянной муравейниками съ растущими на нихъ чахлыми, низкорослыми кустами. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись жалкія акаціи, лишенныя листьевъ, совсѣмъ высохшія. Черезъ два часа пришли къ подножію плато Уніаматунду, и такъ какъ время было еще раннее, полѣзли на его вершину, на 1.200 футовъ выше уровня озера Уриги. Еще часъ шли по холмистымъ лугамъ и пастбищамъ, мимо роскошныхъ нивъ и исправныхъ селеній и черезъ четыре съ половиною часа остановились въ селеніи Нготи.

Мѣстный старшина Муэнги, юный гигантъ мхумскаго племени ростомъ съ фланговаго солдата, съ виду очень тихій и спокойный, держалъ однако же своихъ подчиненныхъ въ струнѣ, потому что его слушались съ пол-слова. Мы пріостановились тутъ, чтобы запастись провіантомъ. За десять мѣдныхъ монетокъ *(Каури)* давали большую кисть банановъ, а такъ какъ суточный расходъ на каждаго человѣка полагался у насъ въ восемь *каури*, никто не могъ пожаловаться, что его плохо кормятъ.

Выйдя изъ Нготи, черезъ часъ пути мы начали спускаться по восточному склону плато; сойдя на 900 футовъ ниже пошли по слегка волнистой равнинѣ, поросшей чахлою, безлиственной акаціей и очутились въ области Узинджа.

Черезъ пять часовъ ходу пришли въ Кимуани или Кизингу, во владѣнія старшины Кеджумба. Этотъ старшина опять былъ рослый представитель мхумскаго племени, на ту пору страдавшій болѣзнью глазъ. Въ прошломъ году, когда уаганды напали на его страну, онъ бѣжалъ въ Уніа-Руэмбу (ближайшій къ озеру Уриги округъ области Ихангиро) и укрылся на озерномъ островкѣ; однакожь когда онъ уплатилъ королю Уганды дань скотомъ, ему дозволено было возвратиться въ свои владѣнія, но уже въ качествѣ данника Муанги. Воротясь домой, онъ засталъ свои банановыя рощи вырубленными и всѣ вообще свои угодья раззоренными до тла. Между тѣмъ владѣтель Ихангиро, за покровительство, оказанное бѣглецу, тоже заявилъ претензію на причисленіе Кимуани къ области Ихангиро. Съ другой стороны Касассура, король Усуи, также вторгался въ предѣлы Кимуани, два мѣсяца держалъ Каджумбу въ плѣну и тоже считаетъ себя въ правѣ требовать отъ него дани.

Однако къ намъ Каджумба былъ очень щедръ, онъ прислалъ намъ козу, восемьдесятъ гроздьевъ банановъ и два горшка пива. Стар-

шина былъ уже крайне старъ, ворчливъ и деспотиченъ, и очень вѣроятно, что если бы нашъ караванъ былъ не такъ великъ, онъ поступилъ бы съ нами не такъ любезно.

Взявъ проводниковъ изъ Кимуани, мы направились къ югу и за три мили отъ селенія Кеджумбы намъ представился чудный видъ на озеро Викторіи, на острова Икуту, Меджингу, Сосуа, Румондъ, и на дальній островъ Мейсомэ. Въ полдень стали лагеремъ въ Ніамагоджу, у юго-западной оконечности длинной бухты, въ которую впадаетъ рѣчка Лоугэти, принимающая въ себя всѣ воды восточнаго Усуи, но въ свою очередь пересыхающая ежегодно.

На другой день, 16-го августа, шли равниной, простирающейся отъ Ніамагоджу до другой длинной озерной бухты, и стали лагеремъ въ селеніи Кисао. Слѣдующіе дни шли все плоскими пространствами, лѣтъ двадцать пять тому назадъ еще бывшими подъ водами озера и съ тѣхъ поръ постепенно высыхающими. Онѣ покрыты низкимъ кустарникомъ, въ настоящее время года лишеннымъ листьевъ. Почва сухая, потрескавшаяся, твердая, никакихъ родниковъ не видать, мѣстами только бѣлѣютъ пятна осажденнаго натра. Вправо отъ насъ берегъ начинаетъ подниматься футовъ на пятьдесятъ надъ озеромъ и тамъ уже появляются жидкіе перелѣски. На высотѣ ста футовъ надъ озеромъ попадаются порядочныя деревья, и травы становятся болѣе питательными.

20-го августа мы пересѣкаемъ нѣчто въ родѣ широкаго мыса и отъ бухты Кисао переходимъ къ бухтѣ у селенія Итари. Здѣсь, съ вершины высокой горной гряды, я замѣтилъ что какъ по компасу, такъ и по солнечному измѣренію мы находимся гораздо южнѣе той линіи, которую я нанесъ, въ качествѣ крайней юго-западной оконечности береговъ, на карту, приложенную къ моей книгѣ «Чрезъ Темный Материкъ». Съ этихъ высотъ ясно былъ видѣнъ цѣлый рядъ острововъ, которыхъ мы не въ состояніи были изслѣдовать въ 1875 году, когда безъ веселъ спасались отъ разъяренныхъ дикарей въ Бумбирэ, почему я тогда и принялъ эти острова за продолженіе материка.

Оказывается, что уазинджи зовутъ Викторію-Ніанзу «Мута-Нзиге», также какъ уаніоры называютъ Альбертъ-Ніанзу «Мута-Нзиге», а уасонгоры и уаніанкорійцы тѣмъ же именемъ обозначаютъ озеро Альберта-Эдуарда.

Уходя изъ Итари, мы убѣдились, что по сосѣдству отъ лагеря побывали львы, потому что нашли зебру, только что убитую. Насъ удивило, между прочимъ, большое количество человѣческихъ череповъ, валявшихся на землѣ; мы спрашивали проводниковъ о причи-

нѣ такого явленія и намъ отвѣтили что въ Итари было побоище, уазинджи пытались противустоять нашествію уагандовъ. Очень можетъ быть, что уазинджи заслужили постигшее ихъ бѣдствіе. Всѣмъ извѣстно, что такой урокъ былъ бы далеко не лишнимъ, напримѣръ, въ Усуи. Послѣдній капризъ Касасуры состоялъ въ томъ, что онъ взялъ да и не пропустилъ каравана съ полутора сотнями ружей.

Раздумывая о различныхъ событіяхъ, приключившихся въ здѣшнемъ краю въ 1887 году, и о послѣдующихъ происшествіяхъ, какъ напримѣръ о нашествіи уагандовъ на Карагуэ, о ихъ жестокости и дерзости, о томъ какъ они разстрѣливали арабскихъ торговцевъ, раззорили Узинджу и всю страну—отъ Кишакки до озера Викторіи—пропитали ужасами и кровью, мнѣ пришло въ голову, что послѣдовавшія за тѣмъ событія 1888 года, изгнаніе Муанги, государственный переворотъ и возстановленіе его на престолѣ послужили только къ тому, чтобы расчистить намъ путь и дать возможность благополучно добраться до морского берега.

Чѣмъ дальше мы подвигались по этимъ безводнымъ, сухимъ равнинамъ, пустынность которыхъ едва скрашивалась низкорослыми акаціями и жесткими молочаями, тѣмъ больше убѣждались, что нельзя безнаказанно уводить лѣсныхъ уроженцевъ изъ ихъ родныхъ трущобъ. Половину пигмеевъ, захваченныхъ нами въ лѣсу, пришлось уже намъ покинуть въ разныхъ мѣстахъ по дорогѣ, хотя ни въ пищѣ, ни въ водѣ они никогда не испытывали недостатка. Точно также сомали, суданцы, мади или бари, которые ходили съ нами по лѣсамъ, вскорѣ утрачивали всякую бодрость, тосковали, хирѣли и умирали.

А я гдѣ-то читалъ — и несомнѣнно въ ученыхъ книгахъ — что Африка годится только для африканцевъ!

21-го августа, придя въ Амранду, мы убѣдились къ великому моему изумленію—а также и восторгу—что озеро Викторіи доходитъ до 2° 48′ южной широты. Съ тѣхъ поръ какъ мы вышли изъ Ніамагоджу, мѣстность поднималась не выше пятидесяти футовъ надъ уровнемъ озера: громадныя пространства побережья, пока еще тощія и плоскія, представляютъ недавнее озерное дно, оголившееся по мѣрѣ усыханія водъ, — и до тѣхъ поръ пока многіе годы періодическихъ дождей не очистятъ почву отъ насыщающихъ ее солей, она останется все такою же низкой и безплодной.

Къ югу отъ Амранды грунтъ постепенно подымается и черезъ нѣсколько миль приводитъ насъ изъ некрасивой равнины недавняго происхожденія въ другую полосу, гдѣ земля производитъ уже деревья лучшаго качества. Не успѣли мы подняться на сто футовъ надъ озеромъ, какъ въ окружающемъ пейзажѣ произошло замѣтное измѣ-

неніе: акація исчезла и вмѣсто нея появилось *майомбо*, крупное дерево, очень полезное для туземцевъ; изъ коры они приготовляютъ свои мочальныя ткани и коробки, а стволы пригодны для выдѣлки челноковъ. Въ слѣдующемъ селеніи, Буангѣ, не слышно болѣе уахумскаго нарѣчія, которое отъ самой Альбертъ-Ніанзы сопровождало насъ повсюду: пришлось звать переводчиковъ уніамуэзовъ, и это обстоятельство было съ восторгомъ принято моими скептическими занзибарцами, какъ вѣрный знакъ того, что мы дѣйствительно подвигаемся къ пуани, т. е. къ морскому берегу.

И вотъ настала пора окончательно повернуть на востокъ, прямо къ станціи миссіонеровъ, которые, какъ слышно, поселились въ Усамбиро. Отъ Буанги $6^3/_4$ часовъ пути приводятъ насъ въ Уйомби; оттуда черезъ пять часовъ приходимъ въ Камуагу, еще черезъ пять часовъ въ Умпетэ, и черезъ 6 часовъ передъ нами открывается заброшенная французская миссія въ Усамбиро. Среди круглой ограды стоитъ хорошенькая церковь и на крышѣ ея простой крестъ, сразу возбуждающій въ душѣ мысли о Христѣ и о цивилизаціи, — мысли, большинству изъ насъ пожалуй давно уже бывшія чуждыми.

Справедливость требуетъ признать, что лучше французскихъ миссіонеровъ никто не умѣетъ выстроить такой поселокъ и придать ему изящный и уютный видъ, пользуясь для этого самыми неприглядными матеріалами. Кто мысленно слѣдовалъ за нами на протяженіи послѣднихъ трехъ или четырехсотъ миль, тому извѣстно какъ мало я отмѣчалъ красивыхъ мѣстъ. Притомъ же мы шли во время засухи, когда изъ милліона десятинъ трудно выбрать хоть одну, достойную вниманія; и все таки скажу, что не встрѣчалъ еще мѣста хуже того, на которомъ расположена эта прекрасная миссіонерская станція. Три ряда низкихъ строеній, крытыхъ землей, составляли три стороны обширнаго четвероугольника; каждый рядъ состоялъ изъ четырехъ или пяти отдѣльныхъ комнатъ, чистенько вымазанныхъ изнутри и снаружи сѣрою глиной. По серединѣ, на одинаковомъ разстояніи отъ всѣхъ домовъ, стояла церковь, превосходно построенная изъ мѣстнаго матеріала. Внутренняя ограда окружала кварталъ цивилизованной части населенія; другая, наружная ограда защищала поселокъ, предназначенный для новообращенныхъ. Принимая во вниманіе что для построекъ подъ рукою ничего не было кромѣ дерева майобо, да почвы подъ ногами, невозможно было выдумать ничего проще, лучше и удобнѣе того что сдѣлано. Такъ и видно, что на работу положена бездна терпѣнія, любви. Во всей затѣѣ, однакоже, было два недостатка, которые они могли-бы предвидѣть и погодить постройкою, если бы не пламенная вѣра въ свое дѣло, очевидно одушевлявшая ихъ. Во первыхъ, они

задумали селиться среди самаго продувного, жестокосердаго и чувственнаго племени, т. е. среди yaнiамуэзовъ, а во вторыхъ, въ окрестностяхъ нѣтъ воды, а потому миссiонеры не успѣли еще достроить своей станцiи, какъ получили приказъ уходить отсюда.

Чтобы не застать въ расплохъ мистера Меккея, агента Общества англиканскихъ миссiй, я послалъ впередъ гонцовъ, предупредить его о нашемъ прибытiи. На другой день мы подошли къ миссiонерскому селенiю, расположенному среди какого-то сѣраго пустыря, на легкой покатости, увѣнчанной любопытными нагроможденiями крупнаго булыжника или громадныхъ скалистыхъ обломковъ, образующихъ довольно высокiй холмъ; у подножiя этой покатости растилается плоское зеленѣющее болото, поросшее густыми зарослями папируса, а за нимъ вдали виднѣлась полоса воды, которая оказалась потомъ одною изъ длинныхъ бухтъ Викторiя-Нiанзы. Мы приближались къ миссiи по торной дорогѣ и вскорѣ встрѣтили на ней экипажъ, то есть попросту дроги на деревянныхъ колесахъ, приспособленныя для перевозки строеваго лѣса. За исключенiемъ болота, кругомъ не видно было никакой зелени; вообще видъ былъ унылый и непривлекательный, вся трава высохла, деревья завяли, съежились или вовсе вымерли, покрайней мѣрѣ никакихъ признаковъ свѣжихъ почекъ нигдѣ не было, что конечно слѣдуетъ приписать перiодической засухѣ. За пол-мили отъ станцiи мы увидѣли джентльмена небольшого роста, съ густой темной бородой и темными волосами, одѣтаго въ бѣлый полотняный костюмъ и тирольскую шляпу, шедшаго намъ навстрѣчу.

— Такъ это вы, мистеръ Меккей? Значитъ, на сей разъ Муанга васъ не тревожитъ? Воображаю, чего вы натерпѣлись отъ этого человѣка! Но видъ у васъ очень здоровый; должно быть вы недавно побывали въ Англiи?

— О, нѣтъ, я уже двѣнадцатый годъ въ Африкѣ, безвыѣздно. Муанга позволилъ мнѣ уйти и мое мѣсто занялъ достопочтенный Кириллъ Гордонъ; но только не долго онъ тамъ пробылъ, потому что почти тотчасъ всѣхъ ихъ выслали изъ Уганды.

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы вошли въ ограду изъ высокихъ шестовъ, окружавшую миссiонерскую станцiю. Тутъ на всемъ былъ отпечатокъ труда, постоянства, неустаннаго терпѣнiя, работы въ потѣ лица подъ жгучимъ солнцемъ, твердой рѣшимости во что бы то ни стало что нибудь дѣлать, чтобы и умъ, и руки были заняты, чтобы не было ни одной минуты праздности и нельзя было задумываться надъ неприглядностью этой жизни и поддаться искушенiю какъ нибудь изъ нея выйти. Среди двора выстроена обширная мастерская, наполненная машинами и инструментами; кузнецы были заняты отдѣл-

кою паровика для локомотива, за оградой нѣсколько человѣкъ чинили челнокъ; были тутъ и ямы для пилки досокъ, и склады громадныхъ бревенъ изъ твердаго лѣса, и большія кучи запасныхъ жердей для ограды; въ углу одного изъ внѣшнихъ дворовъ устроенъ былъ навѣсъ для рогатаго скота и хлѣвъ для козъ, десятки куръ клевали мельчайшее зерно, а изнутри европейскаго квартала высыпала толпа маленькихъ мальчиковъ и другая толпа мальчиковъ побольше, и всѣ они имѣли замѣчательно здоровый и веселый видъ. Вслѣдъ за ними подошли къ намъ степенные пахари и, снимая шляпы, желали намъ «добраго утра!»

По моему, хотя трудъ самъ по себѣ рѣшительно можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ, но есть еще нѣчто лучшее, отъ чего счастье бываетъ еще полнѣе, — это сознаніе оконченнаго дѣла. По этому, вступая въ колонію англійской миссіи, я чувствовалъ себя очень счастливымъ: хотя мое дѣло было еще не кончено, но я зналъ, что тутъ по крайней мѣрѣ, насъ примутъ такъ, что можно будетъ отдохнуть по настоящему.

Меня ввели въ комнату съ прочными глинобитными стѣнами въ два фута толщиною, гладко оштукатуренными и украшенными картинами обычнаго въ пасторскихъ домахъ содержанія. Четыре шкафа были набиты избранными, полезными книгами.—«Книги?» отозвался занзибарецъ Гассанъ, старшій слуга мистера Меккея. — «Господи помилуй! Да у насъ тысячи книгъ, и въ столовой, и въ спальнѣ, и въ церкви, и вездѣ. Книги! Цѣлые вороха, цѣлые возы книгъ!»

Я сидѣлъ, прихлебывалъ изъ чашки настоящій кофе, ѣлъ домашній хлѣбъ съ настоящимъ масломъ, которыхъ уже тридцать мѣсяцевъ не видывалъ, и отъ всей души сочувствовалъ пристрастію мистера Меккея къ книгамъ. Для меня становится ясно почему среди такого множества книгъ и ребятишекъ, и работъ на чистомъ воздухѣ, мистеру Меккею въ голову не приходитъ тосковать, задумываться и жаловаться на однообразіе, глушь, скуку и одиночество. Недавно одинъ умный человѣкъ написалъ книгу о другомъ, проводившемъ многіе годы въ Африкѣ, и вся эта книга отъ начала до конца представляетъ одно непрерывное нытье. Я думаю, что еслибы и авторъ и герой посмотрѣли какъ живетъ Меккей, это излѣчило бы ихъ отъ унынія. Ему рѣшительно недосугъ предаваться стенаніямъ и воплямъ, хотя Богу извѣстно, что онъ имѣлъ на своемъ вѣку довольно причинъ горевать и отчаяваться; чувствовать себя одинокимъ и заброшеннымъ, когда Муанга, умертвивъ его епископа, началъ сожигать его учениковъ, давить новообращенныхъ, до смерти забивать дубинами его чернокожихъ пріятелей и наконецъ устремилъ свое зловѣщее око лично на

него. Однако же маленькій человѣкъ выдержалъ этотъ смертоносный взглядъ совершенно спокойно и даже не моргнулъ своими чистыми голубыми глазами. Да, стоило издалека придти чтобы посмотрѣть на такого человѣка, изо дня въ день двѣнадцать лѣтъ кряду работающаго въ этой глуши, безъ унынія и безъ жалобы; стоило послушать какъ онъ по утрамъ внушаетъ своей маленькой паствѣ понятія о божіей благости, а по вечерамъ толкуетъ о вѣрѣ. Глядя на подобнаго дѣятеля чувствуешь приливъ нравственной бодрости и глубокаго удовлетворенія.

Мы пробыли на миссіонерской станціи съ 28-го августа по 17-ое сентября и любо было посмотрѣть какое отличное дѣйствіе на всѣхъ европейскихъ членовъ экспедиціи произвели правильная жизнь, хорошая пища, любезное общество и полный отдыхъ.

Теперь мы всѣмъ разбогатѣли, потому что мистеръ Меккей держалъ у себя на сохраненіи привезенные мистеромъ Стоксомъ въ 1888 году и адрессованные на имя экспедиціи, увѣсистые ящики, содержавшіе около двухсотъ вьюковъ всякой всячины, да сорокъ вьюковъ различныхъ консервовъ. Мы тотчасъ роздали людямъ тридцать вьюковъ тканей въ счетъ жалованья, по номинальной расцѣнкѣ, съ тѣмъ чтобы каждый могъ во время отдыха вознаградить себя за пережитыя лишенія. У насъ оказалось также четырнадцать вьючныхъ ословъ, которыхъ мы предоставили свитѣ паши, а намъ съ пашою и Казати удалось купить верховыхъ ословъ у французскихъ миссіонеровъ изъ Букумби, которые были такъ любезны, что навѣстили насъ и одарили драгоцѣнными продуктами своихъ садовъ. Изъ ихъ складовъ наши офицеры могли наконецъ накупить себѣ необходимыхъ вещей, какъ-то сапоговъ, туфель, рубашекъ, шляпъ, что сразу придало имъ опять приличный видъ.

Кромѣ того, мы добыли до двадцати свѣжихъ носильщиковъ для переноски товаровъ, съ тѣмъ, чтобы какъ можно больше занзибарцевъ употреблять на тасканіе слабосильныхъ въ гамакахъ; и все таки, черезъ девятнадцать дней отличнаго житья, въ теченіе которыхъ люди ѣли до отвалу всего что здѣсь можно было достать (и никакъ нельзя сказать чтобы пища была однообразная), когда я собралъ ихъ наканунѣ выступленія изъ Маколо и сдѣлалъ имъ смотръ, болѣе ста человѣкъ жаловались кто на одышку, кто на боль въ груди, кто страдалъ печенью, а кто поясницей, заявляя что дальше идти не могутъ.

Наканунѣ нашего выступленія къ морю мистеръ Меккей и Диксъ единственные оставшіеся въ Маколо миссіонеры (гг. Уокеръ и Гордонъ только что передъ нашимъ приходомъ отправились въ Уганду)

задали намъ великолѣпный пиръ: ростбифъ, жареная птица, соуса, рисъ, керри, пуддингъ съ изюмомъ и бутылка вина, изъ врачебныхъ запасовъ. По обычаю всѣхъ цивилизованныхъ странъ, обѣдъ закончился рѣчами. Я провозгласилъ тостъ за здоровье Эмина-паши, а мистеръ Меккей пилъ за мое здоровье, и не было ни одного члена нашей компаніи, который не получилъ-бы на свою долю отъ каждаго изъ присутствующихъ кучи благихъ пожеланій, и конечно вполнѣ искреннихъ.

Послѣднее письмо ко мнѣ мистера Меккея изъ Усамбиро.

«5-го января 1890 г.

«Мой дорогой сэръ,

«У меня отъ васъ цѣлыхъ три драгоцѣнныхъ письма, два изъ Усонго, да одно изъ Угого. Послѣднее я получилъ 1-го декабря прошлаго года.

«Съ тѣхъ поръ какъ французскіе патеры проѣзжали мимо насъ, въ догонку за вашей экспедиціей, я не отсылалъ къ морскому берегу ни одной почты.

«Съ большимъ удовольствіемъ узналъ о томъ, что ваше путешествіе совершается благополучно. Теперь, по всей вѣроятности, вы находитесь уже въ цивилизованныхъ странахъ и наслаждаетесь вожделеннымъ отдохновеніемъ послѣ всѣхъ трудовъ и лишеній, испытанныхъ во время странствій по Африкѣ. Несомнѣнно, что если есть человѣкъ, достойный привѣтствій и поздравленій всей Европы, то это именно вы. По всей вѣроятности вамъ скоро прискучитъ это повсемѣстное празднованіе въ честь вашего возвращенія и вы запрячетесь въ какой нибудь укромный уголокъ, чтобы собраться съ мыслями и изложить обстоятельно всѣ ваши замѣчательныя приключенія. Нечего и говорить, какъ одиноко и пустынно показалось намъ здѣсь—и въ физическомъ, и въ нравственномъ смыслѣ—когда вы ушли. Ожидаемая почта не пришла; только носильщики пришли обратно изъ Кисокуэ 23-го октября, но никакихъ писемъ изъ-за моря не принесли. 1-го декабря мы получили кучу писемъ, но ни газетъ, ни журналовъ не было. Когда нибудь, авось, и ихъ получимъ.

«Диксъ довольно долго былъ серьезно боленъ, но теперь выздоровѣлъ; между тѣмъ какъ только начались дожди, у меня въ Бугандѣ чуть не вся колонія переболѣла медлительною лихорадкой. Вашъ прежній спутникъ, Али-бенъ-Сеидъ, умеръ 27-го сентября, а одинъ изъ бѣлокожихъ слугъ Эмина-паши, Могаммедъ-Араби, умеръ 20-го октября. Остальные, числомъ восемь человѣкъ, выздоровѣли совершенно и уже ходятъ на работу.

«Я совсѣмъ установилъ свою паровую машину, окончилъ насосъ,

собралъ и свинтилъ также котелъ, то есть не только наружныя его стѣнки, но и самую топку. Съ котломъ было намъ не мало хлопотъ, такъ какъ за четырнадцатилѣтнюю вѣрную службу всѣ его составныя части помялись, измѣнили форму, да и желѣзо, когда-то «наилучшаго сорта», съ теченіемъ времени сдѣлалось такъ хрупко, что съ каждымъ ударомъ молотка давало трещины. Однако, тщательно переливъ каждую часть съизнова, мнѣ удалось сладить съ этимъ дѣломъ. Теперь я занятъ устройствомъ паровой лѣсопильной мельницы, для выдѣлки досокъ на новую лодку. Та лодка, передѣланная изъ челнока, которую вы застали у насъ въ дѣлѣ, теперь почти готова; ее слѣдовало-бы окончить и раньше, да мнѣ недосугъ было заниматься этимъ, благодаря скопленію другихъ занятій, въ томъ числѣ и типографскихъ: нужно было кое-что напечатать для Буганды.

«Вы конечно уже слышали что послѣ кровопролитной стычки христіане одержали побѣду надъ Каремой и его арабскими союзниками и снова возвели на престолъ Муангу. Они завладѣли всѣми начальническими должностями, распредѣливъ ихъ по ровну между католиками и протестантами. Одинъ изъ моихъ собственныхъ воспитанниковъ, очень дѣятельный юноша по имени Аполлонъ Кагуа, занимаетъ тамъ въ настоящее время должность *катекиро*.

«Новые христіанскіе старшины окончательно прибрали Муангу къ рукамъ и врядъ-ли допустятъ его отнынѣ своевольничать. Французовъ (въ томъ числѣ и епископовъ) теперь тамъ пять человѣкъ, а представителями отъ нашей миссіи только Уокеръ и Гордонъ.

«Ничего не могъ узнать насчетъ Британскаго императорскаго восточно-африканскаго общества, кромѣ того что было о немъ извѣстно въ прошедшемъ февралѣ чрезъ Занзибаръ, т. е. что они находятся въ Улу. Мнѣ кажется, что во главѣ ихъ нуженъ-бы былъ человѣкъ искусный и рѣшительный; какъ-бы я порадовался, если-бы услышалъ что вы взяли на себя поставить это дѣло на ладъ! Очень пріятно было узнать, что мистеръ Меккиннонъ получилъ титулъ баронета! онъ вполнѣ достоинъ этой чести. Писалъ я его агентамъ въ Занзибаръ, доказывалъ имъ какъ нелѣпо было соглашаться съ желаніями нѣмцевъ и проводить границу къ западу отъ нашего озера, вдоль первой параллели южной широты: это значитъ какъ разъ раздѣлить пополамъ королевство Буганду, потому что и Карагуэ, и Усуи, и Усинджа, до самаго Серомбо на югѣ, составляютъ часть Буганды, будучи ея данниками. Какія ни росписывай демаркаціонныя линіи на бумагѣ, въ Лондонѣ или въ Берлинѣ, а ужь эти провинціи непремѣнно будутъ платить дань Бугандѣ. Такъ что ссориться изъ за этого рѣшительно не стоитъ. По моему, единственно-возможная,

осмысленная граница должна проходить отъ конца нашей продолговатой бухты (заливъ Смиса) діагонально на юго-западъ, до пересѣченія 4-й параллели съ 32° восточной долготы, а оттуда прямо на западъ до Бикани на озерѣ Танганейкѣ.

«Многіе старшины съ юго-западныхъ округовъ лично перебывали у меня здѣсь, другіе присылали гонцовъ. Настоящія письма я намѣреваюсь послать черезъ нихъ до Уйина, потому что хищный народъ изъ Ниндо не внушаетъ мнѣ ни малѣйшаго довѣрія.

«Я посылалъ въ Ниндо тканей и проч., чтобы выкупить у нихъ ваше ружье, отобранное у вашего гонца; но эти негодяи взяли выкупъ, а ружья не отдали, подъ предлогомъ какихъ-то несогласій со Стоксомъ За то отнынѣ я съ ними связываться больше не хочу.

«Я слышалъ—изъ вѣрныхъ источниковъ—что баніоры, которыхъ вы побили, вовсе не были случайно встрѣченная вами шайка, а цѣлая армія, нарочно посланная Кабба-Регою, съ тѣмъ, чтобы заградить вамъ путь. Онъ пришелъ въ такой ужасъ послѣ того какъ вы разсѣяли его войско, что спасся на островъ на озерѣ Альберта. Черезъ мѣсяцъ послѣ вашего ухода Муанга присылалъ сюда депутацію, просить вашего содѣйствія.

«Арабы повидимому совсѣмъ сконфужены и бѣжали изъ Пегу. Люди Муанги захватили дху (барку) Сеида-бенъ-Сеифа (т. е. Кипанды), нагруженную ружьями и боченками пороху, грузъ взяли, а барку затопили. Тоже сдѣлали и съ лодкою Сенгуру. Теперь на всемъ озерѣ только и есть одно судно, принадлежащее Стоксу. Нашу „*Элеонору*“ я сломалъ, она была такъ стара, что никуда больше не годилась; но надѣюсь вскорѣ спустить другую лодку, которая можетъ послужить до тѣхъ поръ, пока я буду въ состояніи спустить свой паровой баркасъ.

«Съ морского берега никакихъ опредѣленныхъ извѣстій не имѣю. Слышалъ только, что нѣмцы опять основались въ Мпуапуа. Со временемъ, конечно, и они будутъ умнѣе, но покуда они все только путаютъ. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что они и англичане отнынѣ обойдутся безъ пороху. Иначе никогда имъ не добиться никакого авторитета и не уладить никакихъ дѣлъ со старшинами внутренней Африки.

«Быть, или не быть; вотъ въ чемъ вопросъ!» Будетъ проложена дорога къ озеру, или не будетъ? На васъ вся надежда, въ томъ смыслѣ что вы одинъ можете заставить сэръ Уильяма Меккиннона посмотрѣть на дѣло какъ слѣдуетъ. Что-бы ни задумала предпринимать Восточно-Африканская Компанія въ слѣдующія пятьдесятъ лѣтъ, все будетъ вздоръ и пустяки; пока не соединятъ морского берега съ

Ніанзой посредствомъ постоянной дороги, на первый разъ хотя-бы и плохой. Съ того дня какъ проложутъ такую дорогу, сразу нанесутъ смертельный ударъ туземной дикости.

«Большое спасибо вамъ за любезное предложеніе оставить для меня теодолитъ въ Кисокуэ. Надѣюсь, что онъ и сюда будетъ доставленъ въ сохранности. Вдвойнѣ буду цѣнить его, какъ память о васъ.

«Съ пожеланіемъ вамъ всего наилучшаго остаюсь, дорогой сэръ

Искренно вамъ преданный

А. М. Меккэй».

Къ величайшему моему прискорбію я узналъ, что мистеръ Меккэй, лучшій изъ миссіонеровъ послѣ Ливингстона, скончался въ началѣ февраля. Подобно Ливингстону, онъ рѣшительно отказался уйти вмѣстѣ съ нами къ морскому берегу, какъ я ни уговаривалъ его.

Глава XXXV.

ОТЪ ВИКТОРІЯ-НІАНЗЫ ДО ЗАНЗИБАРА.

Миссіонерская дѣятельность по берегамъ Викторія-Ніанзы и вдоль рѣки Конго.—Дорога отъ колоніи Меккэя.—Видъ мѣстности близъ Генгэ.—Какъ трудно было поддерживать миръ въ Кунгу.—Начало враждебныхъ дѣйствій въ Икомѣ.—Беремъ въ плѣнъ Монангуэ и потомъ отпускаемъ его.—Воины Усукумы нападаютъ на насъ,—ихъ отступленіе.—Измѣна.—Туземцы слѣдуютъ за нами отъ Неры до Секэ.—Вступаемъ въ округъ Сеніангу;—жители завязываютъ дружбу съ нашими людьми.—Туземцы продолжаютъ относиться враждебно.—Тяжкіе поборы.—Уничтоженный караванъ.—Округъ Усонго и его начальникъ Миттингинейя.—Его сосѣди и окрестности.—Насъ нагоняютъ двое французскихъ миссіонеровъ.—Человѣческіе черепа въ Икунгу.—Встрѣчаемъ одинъ изъ каравановъ Типпу-Тиба, идущій изъ Занзибара.—Волненія въ Угого.—Поручикъ Шмидтъ привѣтствуетъ насъ въ нѣмецкомъ поселеніи Мпуапуа.—Эминъ-паша отправляется съ визитомъ къ патерамъ французской миссіи Св. Духа.—Патеры оказываются невѣждами, не слыхивали о знаменитомъ Эминѣ.—Какъ африканская почта попадаетъ не по адресу.—Содержаніе нѣкоторыхъ газетныхъ статей.—Баронъ фонъ-Гревенрейтъ и другіе встрѣчаютъ насъ въ Мсуа.—Прибытіе въ нашъ лагерь экспедиціи, доставившей намъ европейскіе консервы, платье и обувь.—Маіоръ Виссманъ.—Онъ и Шмидтъ увозятъ Эмина-пашу и меня въ Багамойо.—Обѣдъ и гости въ офицерской столовой у нѣмцевъ.—Маіоръ Виссманъ предлагаетъ тостъ за гостей.—Отвѣтные тосты Эмина и мои.—Несчастный случай съ Эминомъ.—Я навѣщаю Эмина въ лазаретѣ.—Рапортъ доктора Пэрка.—Общественное мнѣніе въ Багамойо.—Отплытіе въ Занзибаръ.—Разставанье съ Эминомъ-пашой,—послѣдній разговоръ съ нимъ.—Болѣзнь доктора Пэрка.—Эминъ-паша поступаетъ на службу германскаго правительства.—Письмо Эмина-паши къ сэръ-Джону Кирку.—Эминъ-паша внезапно порываетъ знакомство со мною.—Три случая, при которыхъ я очевидно обидѣлъ Эмина.—Опасенія Эмина что онъ останется безъ мѣста.—Британская восточно-африканская компанія и Эминъ.—Любезность и гостепріимство въ Занзибарѣ.—Денежные долги оставшимся въ живыхъ членамъ экспедиціи вспомоществованія.—Джафаръ-Тарія, агентъ Типпу-Тиба въ Занзибарѣ.—Консульство утверждаетъ мой искъ противъ Джафара-Тарія.—Въ Каирѣ.—Заключеніе.

Ровно пятнадцать лѣтъ назадъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1874 года я въ первый разъ увидѣлъ озеро Викторіи, спустилъ на него свою лодку и началъ объѣзжать берега, заглядывая въ каждый заливъ и бухту, и все нанося на карту. Полгода спустя двѣ газеты—«Daily Telegraph» и «New York Herald» возвѣстили каждому, имѣвшему возможность купить себѣ номеръ газеты за 1 пенни, что величайшее изъ

африканскихъ озеръ изслѣдовано, что у сѣвернаго конца его есть государство съ трехмиліоннымъ населеніемъ, что люди тамошніе хорошо сложены и довольно опрятны, но души ихъ бродятъ во тьмѣ и требуютъ свѣта. Нашлись добрые люди, внявшіе ихъ нуждамъ и отозвавшіеся на нихъ прекрасно. Они послали къ тамошнему королю миссіонеровъ, которые много лѣтъ учили его и его подданныхъ, вначалѣ довольно безуспѣшно, но мало по малу брошенное сѣмя попадало въ добрую почву, укоренилось, расцвѣло и не взирая на репьи и плевелы, наводнявшіе дѣвственную почву, жатва была обильная.

Направляясь къ морю я раздумывалъ о томъ, что и на Конго, за 1.400 миль отъ западнаго океана, мнѣ-же довелось пустить первые пароходы по рѣкѣ, и основать по берегамъ ея станціи, которыя въ 1887 году оказали важныя услуги мнѣ и моимъ спутникамъ, дозволили намъ проплыть по великой рѣкѣ на большомъ протяженіи, и доставляли намъ гостепріимные пріюты, гдѣ насъ встрѣчали и провожали съ неменьшимъ радушіемъ и почетомъ, чѣмъ въ той миссіонерской станціи, изъ которой мы только что ушли. И припомнилось мнѣ метафорическое изреченіе мудраго Соломона, что «хлѣбъ, брошенный мною на воду, по прошествіи многихъ дней возвратился мнѣ сторицею».

Я не намѣренъ распространяться на счетъ странъ, лежащихъ между озеромъ Викторіи и Багамойо: все это я уже описывалъ въ другомъ мѣстѣ и не желаю повторять.

Изъ миссіи мистера Меккэя приходится идти на юго-востокъ, чтобы переправиться черезъ рѣчку, которая по мѣрѣ своего приближенія къ юго-восточному углу озера Викторіи (куда она впадаетъ), образуетъ болото шириною въ двѣсти пятьдесятъ саженъ. Оттуда дорога заворачиваетъ къ сѣверу, нѣкоторое время идетъ параллельно маленькой бухтѣ, и потомъ уже прямо на востокъ, чрезъ низкую равнину съ такой тощей почвой, что трава на ней не выше обыкновеннаго мха, выростающаго на камняхъ. Болото шириной въ 250 саженъ напомнило мнѣ фактъ, засвидѣтельствованный французскими миссіонерами, что со времени ихъ поселенія въ Букумби (одиннадцать лѣтъ назадъ), уровень озера Викторіи понизился на три фута и что вслѣдствіе того Укереуэ, бывшій тогда островомъ, превратился теперь въ полуостровъ. Если это правда (а сомнѣваться я не вижу причинъ), и если убыль воды въ озерѣ равномѣрна и постоянна, то пониженіе уровня на пятьдесятъ футовъ должно было совершиться въ теченіе ста восьмидесяти трехъ лѣтъ. Въ тѣ времена когда Фридрихъ Великій короновался королемъ Пруссіи, озеро Викторіи занимало пространство въ сорокъ тысячъ квадратныхъ миль. Теперь-же, на основаніи этого

послѣдняго открытія у юго-западной оконечности озера, оно занимаетъ, по моимъ вычисленіямъ, около 26.900 квадр. миль.

Глядя на окрестности округа Генгэ, замѣтно улучшавшіяся по мѣрѣ нашего удаленія отъ рѣчки Маколо, наши чернокожіе стали говорить, что миссіонеры очень неудачно избрали мѣстомъ своего пребыванія округъ Усамбиро. Они не приняли въ соображеніе того обстоятельства, что чѣмъ населеннѣе данный округъ въ Усукумѣ, или въ Уніамуэзи, тѣмъ труднѣе въ немъ держаться бѣднымъ миссіонерамъ, что грубые старшины обложили бы ихъ такими непомѣрными пошлинами, взятками и поборами, что съ одной стороны ихъ бы раззорили до чиста, а съ другой измучили деспотизмомъ.

Такъ, напримѣръ, 20-го сентября пришли мы въ Икому. Какъ въ Генгэ, такъ и въ Кунгу намъ очень трудно было поддержать миръ. По дорогѣ провожала насъ многочисленная толпа крикуновъ, которые вокругъ насъ плясали и скакали, испуская воинственные вопли. Это-бы еще ничего, но вдругъ какой нибудь чертенокъ заводилъ громкій споръ о томъ, не людоѣды-ли мы. Они приняли рубцы на лицахъ суданцевъ за вѣрный признакъ того, что мы людоѣды, а людоѣдовъ они въ свою страну не пускаютъ. Наконецъ стали мы устраивать лагерь, что было тѣмъ затруднительнѣе, что кусты попадались очень рѣдко, а травы и вовсе не было; какъ вдругъ является слуга одного изъ египетскихъ чиновниковъ, въ самомъ зловѣщемъ видѣ: рука у него прострѣлена стрѣлой, голова порублена топоромъ, и отняли у него рѣшительно все: платье, ружье и запасъ ткани, выданный ему для мѣны на продовольствіе до Занзибара. Довольно было выговорить два слова, чтобы сейчасъ отомстить за него. Но мы проглотили эту обиду, и еще многія другія, полученныя въ этотъ день, а на слѣдующій пошли въ резиденцію самого начальника Икомы, которая, въ качествѣ мѣстной столицы, была конечно еще вчетверо многолюднѣе.

Въ Икомѣ мы намѣревались обдѣлать одно очень простое дѣло, а именно, мистеръ Меккэй сообщилъ намъ, что Стоксъ, англійскій торговецъ слоновою костью, имѣетъ здѣсь свои склады, что главный мѣстный начальникъ — Мелисса — ему другъ и пріятель, и что въ складѣ у мистера Стокса есть бисквиты, масло, ветчина и проч., которые онъ желалъ бы поскорѣе продать. Насъ было въ экспедиціи десять человѣкъ европейцевъ, и всѣхъ насъ Богъ благословилъ волчьимъ аппетитомъ. Мы порѣшили непремѣнно зайдти въ Икому, закупить у Стокса всю его провизію, чего бы это ни стоило, и мистеръ Меккэй далъ намъ двухъ занзибарцевъ въ провожатые. Въ Кунгу туземцы вели себя крайне нахально и враждебно, но зато въ Икомѣ, думалось намъ, пріятель Стокса — Мелисса — не дастъ насъ въ обиду, и еще

пожалуй извинится за непріятности, претерпѣнныя нами, сославшись на пылкость необузданной молодежи.

Среди равнины, которая лѣтъ за триста или четыреста назадъ была можетъ быть подъ водами озера Викторіи, возвышалось нѣчто въ родѣ гористаго острова; но съ тѣхъ поръ почва постепенно и безслѣдно унесена водою, а остался одинъ скелетъ острова, состоящій изъ сѣрыхъ утесовъ, расположенныхъ грядами, разбросанныхъ между ними обломковъ скалъ и громадныхъ кучъ валуновъ и монолитовъ. Въ тѣни этихъ камней и на днѣ узкихъ проходовъ между ними ютится населеніе около пяти тысячъ душъ; а кругомъ, этой естественной цитадели, на такомъ разстояніи, что бы можно было ясно разслышать выстрѣлъ изъ мушкета, или звуки роговъ, или даже громкіе крики, разбросаны деревушки, изъ которыхъ каждая окружена своею собственной оградой изъ молочая. Къ Западу отъ скалистой кучи, похожей на островъ, въ обширной равнинѣ я насчиталъ двадцать три отдѣльныхъ табуна рогатаго скота, помимо безчисленныхъ стадъ овецъ и козъ, изъ чего мы заключили, что Икома очень богатое и цвѣтущее поселеніе, сильное своимъ многолюдствомъ и неприступностью своихъ каменистыхъ укрѣпленій.

Когда мы подошли ближе, на встрѣчу намъ попались десятки стройныхъ и веселыхъ юношей и дѣвушекъ, которые смѣясь, перебрасываясь шутками и играя, прошли мимо насъ, произведя на насъ впечатлѣніе здоровой и безхитростной молодежи, вполнѣ наслаждающейся жизнью. Мы шли вверхъ по ровной и отлогой покатости между двумя рядами скученныхъ, каменистыхъ обломковъ, вышиною доходившихъ до двухсотъ футовъ; проходъ нѣсколько съуживался по мѣрѣ приближенія къ резиденціи главнаго старшины. Какъ вдругъ оттуда высыпала громадная толпа воиновъ и бѣгомъ бросилась намъ на встрѣчу: блестя остріями копій, съ развѣвающимися перьями, плащами, она внезапно остановилась передъ нами развернутымъ фронтомъ и загородила намъ дорогу. Слышно было какъ они кричали и ругали нашихъ проводниковъ и какъ эти послѣдніе объясняли имъ что мы не враги, а просто мирный караванъ, друзья Стокса и Мелиссы: бѣшеные туземцы знать ничего не хотѣли и заглушали рѣчи проводниковъ и передовыхъ людей колонны своими возгласами и угрозами. Я прошелъ впередъ, узнать въ чемъ дѣло, и меня въ мигъ окружило нѣсколько человѣкъ, ринувшихся на меня съ поднятыми копьями. Одинъ изъ нихъ ухватился за мое ружье, но двое занзибарцевъ подскочили и вырвали ружье изъ ихъ рукъ: дикари стали натягивать луки, махать копьями, ранили двоихъ изъ нашихъ и тутъ ужь мы принуждены были погнать ихъ. Въ наступившей затѣмъ

рукопашной схваткѣ десять человѣкъ убито и одинъ монангуе попался къ намъ въ плѣнъ. Послѣ такой передѣлки нечего было помышлять о покупкѣ провизіи; между тѣмъ изъ-за всѣхъ камней стали выглядывать воины, вооруженные луками и мушкетами, а потому мы поскорѣе убрались, очистили узкій проходъ и пошли поискать мѣста, гдѣ-бы можно было хоть какъ нибудь укрѣпиться, прежде чѣмъ на насъ нападутъ.

Мы нашли небольшой прудъ не подалеку отъ конца упомянутой гряды камней. На берегу пруда два громадныхъ монолита стояло торчмя, на подобіе друидическихъ камней. Отъ этого мѣста мы, наскоро сложивъ ограду изъ тюковъ и ящиковъ и нѣсколькихъ травяныхъ шалашей, образовали изъ нихъ кругъ, внутри котораго расположились лагеремъ и стали ждать, что будетъ.

Изъ лагеря намъ видно было старое русло высохшаго озера, тянувшееся на многія мили. На разстояніи полумили одна отъ другой расположены были деревушки, обнесенныя оградами изъ молочайника. Свободное пространство между ними служило очевидно общимъ выгономъ, на которомъ голодный скотъ обглодалъ траву вплотную. По дорогѣ къ лагерной стоянкѣ одно стадо мы захватили съ собой, но я велѣлъ сейчасъ выпустить его обратно въ поле, потомъ позвалъ плѣннаго монангуе и сталъ его допрашивать, съ чего имъ вздумалось съ нами воевать. Но онъ не могъ — а можетъ быть не хотѣлъ — ничего сказать. Мы одѣли его въ лучшее платье и отослали домой, поручивъ сказать Мелиссѣ, что мы бѣлокожіе люди, друзья Стокса, что, у насъ въ караванѣ не мало носильщиковъ уасукумовъ, что ни съ кѣмъ драться мы не желаемъ, а стремимся какъ можно скорѣе добраться до морского берега. Плѣнника проводили изъ лагеря и въ разстояніи четверти мили отъ селенія въ утесахъ отпустили съ миромъ. Онъ не возвращался, но въ теченіе дня нѣсколько разъ дѣлались попытки раздразнить насъ, а въ 4 часа пополудни съ сѣвера востока и юга разомъ показались три отдѣльныхъ скопища, и не съ добрыми намѣреніями. Тогда я распорядился выставить пушку.

Уасукумы подходили все ближе, но осторожно и, какъ мнѣ показалось, нехотя. Впереди толпы, направлявшейся съ юга, нѣсколько человѣкъ все выскакивали впередъ и прыгали саженяхъ въ полутораста отъ насъ. Одного изъ нихъ мы подстрѣлили на поваль, и вслѣдъ за тѣмъ выстрѣлили изъ пушки въ ихъ сторону, выпустивъ до полутораста патроновъ за разъ. Ни одного туземца даже не задѣли, но этого широко разлетѣвшагося выстрѣла и града пуль было достаточно: они бѣжали. Я послалъ одинъ отрядъ на встрѣчу толпѣ шедшей съ востока, другой отрядъ направился пригрозить надвигавшимся

съ сѣвера, и уасукумы отступили по всей линіи. Только одного воина у нихъ убили во время этой демонстраціи, въ которой принимали участіе вѣроятно 2.000 человѣкъ.

Намъ недосугъ было воевать съ уасукумами и потому 21-го сентября мы выступили дальше. Нечего дѣлать, не удалось намъ раздобыться ветчиной и бисквитами, но за то и Мелисса не получилъ того краснаго сукна, которое мы было для него приготовили.

Не успѣли мы отойти нѣсколькихъ миль, какъ уже все населеніе Уримы начало собираться по сторонамъ и въ 8 часовъ утра на насъ напали. На этотъ разъ нечего было уговаривать египтянъ и ихъ челядинцевъ, чтобы не расползались въ сторону: они вели себя отлично для нашихъ цѣлей, сбились всѣ въ кучу и крѣпко держались другъ за друга. Впереди ихъ шли два отряда, а въ арріергардѣ Бонни съ суданцами и Шукри-Ага со своимъ отрядомъ. Уасукумы, будь они даже втрое многочисленнѣе, не могли бы нанести намъ серьезнаго вреда, однако имъ вѣроятно казалось, что насъ можно чѣмъ нибудь пронять и они продолжали намъ сопутствовать, то подскакивая съ боку, то преслѣдуя арріергардъ. Но мы невозмутимо шли впередъ и къ полудню пришли въ Муанзу, расположенную на краю такъ называемой Іорданской «нулли», т. е. извилистаго сухого оврага, шириной въ двадцать саженъ, глубиной до тридцати футовъ, образующаго русло одного изъ старыхъ притоковъ озера, промытое въ толщѣ озерныхъ осадковъ. На днѣ этого оврага достаютъ воду, вырывая въ пескѣ ямы.

Туземцы все еще вились вокругъ насъ и мы захотѣли еще разъ попытаться склонить ихъ къ миру. Для этого мы послали «Поли-Поли», старшаго изъ уасухумскихъ проводниковъ, поговорить съ ними. Поли-Поли въ переводѣ означаетъ потихоньку, полегоньку. Цѣлый часъ онъ издали перекрикивался съ ними и наконецъ одинъ монангуе съ четырьмя товарищами рѣшился подойдти поближе, и даже вошелъ въ лагерь. Ихъ обступили и всячески старались показать имъ доброе расположеніе и внимательное гостепріимство, искренно желая мирнаго разрѣшенія этой «войны». Покуда мы обмѣнивались знаками пріязни и начали отрѣзывать имъ куски тканей въ подарокъ, толпа уасукумовъ подошла совсѣмъ близко. Монангуе со своими пріятелями ушелъ изъ моей палатки, по всѣмъ признакамъ крайне довольный, но не прошло и пяти минутъ какъ я услышалъ залпъ изъ пятидесяти ружей. Выскочивъ изъ палатки, я увидѣлъ что непріятель уже среди лагеря: одинъ изъ моихъ людей лежитъ пронзенный копьемъ, наши козы скачутъ какъ угорѣлыя, на бѣгу угоняемыя изъ ограды, а на днѣ «нулли» уже кишатъ дикари. Положеніе было критическое, но къ счастію обошлось безъ серьезныхъ потерь: семе-

рыхъ туземцевъ убили за пять саженъ отъ лагеря, измѣннику монангуе размозжили плечо пулей, полученные отъ насъ подарки онъ по дорогѣ растерялъ, а козъ нашихъ мы всѣхъ собрали и привели назадъ.

На другой день въ обычный часъ выступили въ дальнѣйшій путь; по обѣимъ сторонамъ дороги селенія тянулись безпрерывно, и обитатели южной Нэры поголовно высыпали на дорогу. Однако они ограничились тѣмъ, что, растянувшись сплошною толпой мили на двѣ, слѣдовали за нами по пятамъ и отъ времени до времени стрѣляли по насъ изъ своихъ до верху заряженныхъ мушкетовъ. Это продолжалось битыхъ три часа; наконецъ, когда мы выходили изъ предѣловъ Нэры и вступали въ предѣлы Мамары, они вдругъ испустили нѣсколько воинственныхъ воплей и кинулись на насъ. Сбросивъ вьюки мы обернулись имъ на встрѣчу и черезъ минуту они уже бѣгомъ разбѣжались во всѣ стороны. Мы подняли вьюки, пошли дальше, но туземцы опять собрались, снова пошли по обѣимъ сторонамъ нашего каравана и такимъ образомъ мы шли вплоть до Секэ,—это былъ утомительный, шести-часовой переходъ.

23-го сентября изъ сѣвернаго Секэ мы шли до Секэ Кункуру, т. е. до главнаго Секэ (столицы), и во все время по бокамъ сопровождали насъ громадныя толпы. Хотя мы знали, что наша сдержанность и разные знаки доброжелательства съ нашей стороны рѣдко производятъ желаемое дѣйствіе на дикія племена, разгорѣвшіяся желаніемъ борьбы, однако все-таки не хотѣли подливать масла на огонь и останавливались на нѣсколько минутъ и отбивались лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они открыто нападали на насъ.

Всѣмъ намъ до крайности нужно было отдохнуть и освѣжиться. Весь скотъ и верховые ослы уже два дня ничего не пили, а въ Секэ воды мало, и та солоноватая. Солнце пекло нестерпимо: кожа на нашихъ лицахъ была темнобураго цвѣта и давала трещины. Трава въ полѣ такъ коротка что скоту нечего захватить, и мы вырывали коренья для прокормленія своихъ животныхъ.

22-го сентября дневали. Туземцы показались саженъ за 400 отъ лагеря, но мы отогнали ихъ нѣсколькими выстрѣлами и послѣ семидневнаго похода съ безпрестанными перестрѣлками могли наконецъ хоть немного отдохнуть.

25-го числа вступили въ округъ Синіангу и женщины встрѣтили насъ привѣтственнымъ лю-лю-люканьемъ; оказалось, что тутъ уже прослышали о нашей «маленькой войнѣ» съ уасухумами и каждый встрѣчный старшина выражалъ надежду что мы хорошенько проучили этотъ скверный народъ, который всегда притѣсняетъ проѣзжихъ и чужестранцевъ, да и всѣмъ сосѣдямъ надоѣлъ.

Переходя изъ одного мелкаго округа въ другой и всюду встрѣчая совершенно отдѣльное, обособленное правительство, со своимъ царькомъ или начальникомъ, съ совѣтомъ старшинъ, съ присущими мѣстнымъ обывателямъ нравами и обычаями, намъ приходилось считаться еще съ личными особенностями главы каждаго изъ этихъ крошечныхъ государствъ и мѣнять свой способъ обращенія съ ними согласно возрасту, смышленности и личнымъ вкусамъ всякаго изъ нихъ. Вращаясь въ этихъ мелкихъ сферахъ, мы были вынуждены приноравливаться къ нимъ и повсюду удовлетворять предъявляемымъ требованіямъ. Вотъ, напримѣръ, маленькій округъ Синіанга, съ населеніемъ никакъ не больше двухъ тысячъ душъ, а между тѣмъ начальникъ его и старшины гордятся своими порядками ни чуть не меньше того, чѣмъ иной монархъ со своимъ сенатомъ гордятся настоящею имперіей. Здѣшній правитель самъ чувствовалъ себя не очень сильнымъ и отлично сознавалъ, что хорохориться ему не пристало, а излишняя навязчивость можетъ быть даже опасна; и тѣмъ не менѣе онъ настойчиво требовалъ съ насъ пошлинъ, въ тѣхъ размѣрахъ какіе считалъ правильными. Мы уплатили все сполна, сопровождая свою дань привѣтливыми словами. Мѣстный владыка не захотѣлъ остаться въ долгу и съ неменьшею любезностью прислалъ отдарить насъ; тогда и его подданные поспѣшили къ намъ въ лагерь и натащили кукурузы и прочей провизіи, на промѣнъ за наши ткани и бусы. Во время этого мѣнового базара они дружились и братались съ нашими людьми.

И всетаки въ Уримѣ и въ Нерѣ на насъ кидались какъ волки, до самыхъ границъ провожая насъ воинственными воплями и обидными демонстраціями. Съ обѣихъ сторонъ насъ тѣснили и приставали къ намъ воины съ устрашающими криками, мальчики съ насмѣшками и дѣвушки съ различными гримасами и хихиканьемъ. Они надоѣдали намъ жестами и терзали слухъ пронзительнымъ вскрикиваньемъ, визгомъ, и дерзкими, дикими выходками. Все это, конечно, можно вынести не выходя изъ себя. Слова ихъ не оскорбляли насъ, но поневолѣ мы были на сторожѣ, въ постоянно напряженномъ и сдержанномъ состояніи. Только что придешь въ лагерь, туземцы обступаютъ толпами. Группы длинноногихъ, нахальныхъ парней останавливаются у самыхъ палатокъ и то размахиваютъ своимъ оружіемъ, то дуютъ въ свои пронзительныя дудки, то какъ нибудь иначе стараются вывесть изъ терпѣнія. И все это благодаря тому, что нашу умѣренность принимаютъ за страхъ. Они озираются вокругъ, видятъ что ихъ вчетверо больше чѣмъ насъ, и начинаютъ шептаться и перебрасываться замѣчаніями, точно въ деревнѣ на ярмаркѣ: «Какая

жалость что ихъ не проймешь ничѣмъ! Не хотятъ драться. А кабы затѣять драку, я бы сейчасъ завладѣлъ вонъ той тканью, или ружьемъ, или вотъ этими штуками, что лежатъ въ ящикахъ», и т. д. до безконечности. Иногда и старшина проникается такими же стремленіями и одобряемый увѣреніями, что тутъ ничѣмъ не рискуешь, ступай въ драку, предлогъ послѣ найдемъ, — онъ также пускается въ какое нибудь рискованное предпріятіе, и потерпѣвъ неудачу сожалѣетъ о ней, а не о томъ что попытался ограбить прохожихъ. Здѣшніе дикари не могутъ при этомъ оправдываться своимъ невѣжествомъ, какъ туземцы центральной Африки. Пятнадцать лѣтъ назадъ я ходилъ черезъ Усукуму и также платилъ пошлины, но тогда я ни одному правителю не давалъ больше десяти или двѣнадцати кусковъ тканей, да еще самъ получалъ за это добраго быка или хоть пару козъ. Съ тѣхъ поръ въ здѣшней сторонѣ перебывало много народу: миссіонеры французскіе и англійскіе, и многочисленные арабскіе караваны превратили Усукуму въ торный путь къ озеру Викторіи. Мало по малу пошлины возросли до трехсотъ *доти* тканей, стоимостью на 900 руб. на каждый изъ маленькихъ округовъ. Проходя черезъ три такихъ округа, французскіе миссіонеры вынуждены были уплатить 900 *доти* тканей, слѣдовательно за три дня ходу они выплатили на двѣ тысячи семьсотъ рублей товарами! На эти ткани туземцы въ свою очередь накупятъ ружей и боевыхъ снарядовъ и помощью ихъ сдѣлаются еще страшнѣе для бѣдныхъ миссіонеровъ; въ концѣ концовъ черезъ нѣсколько лѣтъ дѣло будетъ такъ поставлено, что каждое мелкое племя со своимъ старшиной во главѣ будетъ останавливать всякій проходящій караванъ и задерживать его до тѣхъ поръ, пока не оберетъ до чиста, какъ то уже случилось въ Усуи, гдѣ былъ задержанъ караванъ, сопровождаемый конвоемъ изъ 150 ружей.

Нѣкто Кемби Мбайя (прозвище одного араба, бывшаго въ Нерѣ два года тому назадъ) шелъ домой изъ Уганды, съ грузомъ слоновой кости. Онъ уплатилъ дань кому слѣдовало и былъ совершенно спокоенъ, но на пути вышло маленькое недоразумѣніе: у колодца одна изъ женщинъ его каравана поспорила съ туземнымъ пастухомъ, кому прежде напиться, ей или его коровамъ. Пастухъ поднялъ крикъ, его сограждане сбѣжались и кончилось тѣмъ, что перерѣзали поголовно весь караванъ,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Мнѣ говорили что и господъ Эша и Уокера, миссіонеровъ Общества Христіанскихъ Миссій, задержалъ старшина одного изъ мелкихъ округовъ и до тѣхъ поръ не отпускалъ, покуда мистеръ Меккэй ихъ не выкупилъ. Мистеръ Стоксъ, по самому свойству своей торговли (онъ промышляетъ слоновою костью) долженъ былъ горькимъ опытомъ

убѣдиться, что для его дѣла необходимо выработать въ себѣ безграничное терпѣніе и стойкость, отличающія и арабскихъ промышленниковъ; можно себѣ представить какія онъ переживалъ минуты, когда на его караванъ нападали крикливые и назойливые дикари, а устрашенные носильщики, побросавъ свои вьюки, разбѣгались во всѣ стороны. Французскіе миссіонеры покинули свою колонію въ Усамбиро и поселились въ Букомби; мистеръ Меккэй тоже ушелъ изъ Мсалала и построилъ себѣ другую станцію у рѣчки Маколо. Будь у этихъ дикарей хоть капля здраваго смысла, или хоть на столько совѣсти, чтобы понять, что нельзя-же притѣснять людей, которые все время обращались съ ними такъ мягко и великодушно,—они конечно не стали бы своею жадностью и деспотизмомъ доводить миссіонеровъ до необходимости переселяться съ мѣста на мѣсто.

4-го октября мы пришли къ *бомѣ* мистера Стокса, расположенной на землѣ его пріятеля Миттингинейя. Столица короля отсюда почти за версту, къ юго-востоку; она обнесена квадратною стѣной изъ плетня и глины, въ которую можно стрѣлять пулями нѣсколько недѣль кряду, не причинивъ особаго вреда осажденнымъ; такъ что, будь у нихъ достаточный запасъ топлива, пищи и воды, да притомъ довольно бдительные караульщики, такія укрѣпленія можно считать почти неуязвимыми, иначе какъ пушками ихъ не проймешь. Весь округъ Усонго, состоящій подъ начальствомъ Миттингинейи, усѣянъ такими прочными постройками, а растительность между поселками почти отсутствуетъ: единственныя растенія, тамъ и сямъ виднѣющіяся въ равнинѣ, это— упрямые старые баобабы.

Здѣшній властитель умудряется постоянно ссориться со своими сосѣдями, или сосѣди у него особенно безпокойнаго нрава; какъ-бы то ни было, ни тотъ, ни другіе не могутъ усидѣть спокойно и то и дѣло пускаютъ въ ходъ свои сердитые мушкеты. На сѣверѣ отсюда живетъ враждебный вождь, поимени Симба, на западѣ племя Уйогу, за ними Капфа и его союзники уатуты или уангони,—экваторіальные зулусы; на югѣ хищные уататуры, потомки сомальцевъ; съ сѣверо-востока Уандуи; мы нечаянно попали въ настоящее гнѣздо враждующихъ шаекъ, наслышавшись о необыкновенномъ добродушіи Миттингинейи и въ тайной надеждѣ достать здѣсь еще нѣсколькихъ носильщиковъ, для перетаскиванія въ носилкахъ нашихъ вѣчно завывающихъ египтянъ.

Для вящшаго развитія безпокойнаго духа, котораго здѣсь кажется и безъ того довольно, Миттингинейя пригласилъ на помощь орду дикарей племени Масаи изъ округа Лейтери, лежащаго на западъ отъ Килима-Нджаро. Эти масаи уже отличались въ войнѣ съ уатута-

зулусами и довели уандуевъ до полнаго смиренія. Видя что пришли мирные чужестранцы, которые никого не задѣваютъ, масаи преспокойно взяли четырехъ нашихъ ословъ и увели; однако вскорѣ они поняли, что напрасно такъ распорядились и привели ихъ обратно. Мы прожили восемь дней въ этомъ осиномъ гнѣздѣ и въ концѣ концовъ не только безъ всякихъ непріятностей разстались съ пріятелемъ Стокса, но таки добыли у него двадцать человѣкъ свѣжихъ носильщиковъ для несчастныхъ египтянъ, страдавшихъ язвами и нарывами.

17-го октября пришли въ Икунгу и тутъ насъ нагнали два французскихъ миссіонера, отцы Жиро и Шинце *), которые по болѣзни уволились изъ миссіи, отправлялись домой и пожелали воспользоваться нашимъ караваномъ, чтобы безопасно пройти къ морю.

Резиденція главнаго старшины, обнесенная оградой изъ молочайника, окружена была поляной, по которой во множествѣ разсѣяны обломки человѣческихъ костей, а у самой ограды мы видѣли болѣе сотни череповъ. Я сталъ разспрашивать, что за бѣдствія тутъ приключались, и мнѣ сказали, что это все остатки племени уаніатуровъ, которые въ числѣ четырехсотъ человѣкъ бѣжали сюда изъ Итуру, спасаясь отъ голодной смерти. Все, что принесли съ собой добра, они вымѣнивали на пищу, и когда у нихъ не осталось больше никакихъ вещей, они стали продавать за провіантъ своихъ дѣтей, потомъ женъ, и наконецъ сами перемерли. Я видѣлъ этихъ дѣтей: они свѣтло-коричневаго цвѣта, вродѣ мулатовъ, и во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ породу гораздо болѣе благородную чѣмъ мѣстные ребятишки, черные какъ уголь.

*) Патеръ Жиро и печатно и въ частной жизни, какъ мнѣ извѣстно, не нахвалится пріемомъ, какой они встрѣтили у насъ, между тѣмъ какъ патеръ Шинце, къ сожалѣнію, относительно насъ усвоилъ себѣ какой-то враждебный тонъ. Мы приняли ихъ съ распростертыми объятіями, и всякій день какъ ихъ, такъ и ихъ прислугу снабжали мясными порціями, вплоть до морского берега. Мы уплатили за нихъ дань уагогамъ. Ихъ приглашали на всѣ обѣды, которые задавались намъ въ Багамойо и въ Занзибарѣ, а британскій генеральный консулъ, полковникъ Э. Смисъ, оказалъ имъ широчайшее гостепріимство. Тѣмъ временемъ патеръ Шинце, по собственнымъ его показаніямъ, услыхавъ нѣсколько сердитыхъ замѣчаній, вырвавшихся у Эмина-паши въ минуту сильной усталости, воспользовался именно этимъ его непріятнымъ настроеніемъ, чтобы сообщить ему критическія замѣчанія нашихъ офицеровъ насчетъ египетскихъ переселенцевъ, показавшіяся до нельзя щепетильному пашѣ настолько обидными, что съ этой минуты онъ рѣшительно надулся на насъ. Этотъ патеръ Шинце съ первой минуты знакомства не внушалъ мнѣ довѣрія и, какъ видно, мои предчувствія на его счетъ оправдались.

Въ этомъ мѣстѣ намъ попался на встрѣчу шедшій изъ Занзибара караванъ, принадлежащій Типпу-Тибу, и маньюмы сообщили намъ, что нѣмцы все еще воюютъ съ приморскими арабами, но что въ послѣднее время нѣмцы начинаютъ одолѣвать арабовъ.

26-го октября мы пришли въ Муаляля, а 8-го ноября прошли чрезъ Угого. Ни одна страна въ Африкѣ не возбуждала во мнѣ такого интереса какъ Угого. Нигдѣ я не испытывалъ столько хлопотъ и непріятностей и всякому путешественнику, побывавшему здѣсь, извѣстно какое скопище мельчайшихъ, досадныхъ помѣхъ осаждаетъ каждаго проѣзжаго. Здѣшнее населеніе особенно понаторѣло въ искусствѣ мучить путешественниковъ. Можно подумать, что въ Угого гдѣ-нибудь заведена такая школа, въ которой обучаютъ старшинъ самымъ низкимъ хитростямъ, самымъ злобнымъ уловкамъ и звѣрскому коварству. Девятнадцать лѣтъ назадъ я съ вожделѣніемъ взиралъ на эту страну и на этотъ народъ. Мнѣ казалось что на этомъ поприщѣ стоитъ хорошенько поработать, чтобы получить великолѣпные результаты. Въ полгода времени, думалось мнѣ, можно-бы Угого привесть въ порядокъ, сдѣлать ее миловидною страной, удобною и для мѣстныхъ обитателей, и для чужестранцевъ, и даже безъ затраты большихъ капиталовъ и труда; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ преставлялось вполнѣ возможнымъ обратить ее въ торный путь для постоянныхъ, дружелюбныхъ сношеній съ отдаленными народами, въ источникъ обогащенія для туземцевъ и всевозможныхъ удобствъ для каравановъ. Нынѣ, придя въ Угого, я узналъ, что на это мнѣ больше нѣтъ никакой надежды: судьба опредѣлила нѣмцамъ озаботиться осуществленіемъ моихъ плановъ и я имъ въ этомъ искренно завидую. Для меня было настоящимъ ударомъ, когда я узналъ, что не мнѣ суждено укротить эти низкія страсти, не мнѣ положить конецъ нахальству уагогскихъ старшинъ, не мнѣ очищать, оздоровлять эту область и заботиться о ея красотѣ. Искренно желаю нѣмцамъ всяческихъ успѣховъ на этомъ поприщѣ, но мнѣ сдается почему-то, что эта страна никогда не будетъ тѣмъ милымъ центромъ всеобщаго отдохновенія и пріязненныхъ отношеній, о которомъ я мечталъ.

Черезъ два дня пути отъ Угого мы достигли германской станціи Мпуапуа. Насъ встрѣтилъ поручикъ Рохъ Шмидтъ, прибывшій сюда мѣсяцъ тому назадъ вмѣстѣ съ маіоромъ Виссманомъ, который, говорятъ, назначенъ имперскимъ коммиссаромъ германскихъ владѣній въ Восточной Африкѣ. Поручикъ Шмидтъ успѣлъ уже обнести каменнымъ брустверомъ лагерь своего маленькаго гарнизона, состоящаго изъ сотни зулусовъ, расположивъ свой поселокъ на высокомъ пунктѣ, обвѣваемомъ сильнѣйшими вѣтрами, что̀ должно гибельно отозваться

на здоровье тѣхъ бѣлокожихъ офицеровъ, которымъ на свою бѣду доведется командовать военнымъ поселеніемъ Мпуапуа.

Здѣсь посѣтилъ насъ достопочтенный мистеръ Прайсъ. Въ числѣ прочихъ удовольствій, доставленныхъ намъ его визитомъ, оказалось иллюстрированное изданіе «*Weekly Times*» за цѣлый годъ. Перелистывая эту увѣсистую хронику всемірной исторіи за прошедшій годъ, я былъ особенно пораженъ гладкимъ и мирнымъ теченіемъ всѣхъ событій, занесенныхъ въ эту лѣтопись. Точно будто сидишь въ тихій лѣтній день въ одномъ изъ англійскихъ помѣщичьихъ домовъ, въ сторонѣ отъ уличной суеты и отъ суматохи курьерскихъ поѣздовъ, и прислушиваешься къ сонному жужжанію, едва-колеблющему окружающій воздухъ. Изрѣдка лишь раздается глухой шумъ вагоновъ, катящихся по рельсамъ, и знаешь по этому что тамъ на свѣтѣ, все благополучно идетъ своимъ чередомъ, безъ сучка и задоринки. Англія крѣпко стоитъ на якорѣ среди серебристыхъ морей; имперія покоится все тамъ-же, гдѣ ей слѣдуетъ быть; Европа забавляется муштрованіемъ солдатъ, Америка собираетъ роскошныя жатвы со своихъ полей и набиваетъ казенные подвалы слитками золота и серебра.

13-го ноября экспедиція, числомъ до 700 человѣкъ, въ сопровожденіи поручика Шмидта тронулась изъ Мпуапуа къ морю; чрезъ пять дней изсохшіе пейзажи и колючій бурьянъ центральныхъ степей смѣнились свѣжею весеннею зеленью и ароматомъ цвѣтущихъ лилій. Изъ Муини-Усагоры черезъ два часа ходу мы миновали долину Мукондокуа и вышли на равнину Макате: видъ трявянистыхъ зеленыхъ луговъ, тѣнистыхъ деревьевъ и многочисленныхъ деревень привелъ въ восхищеніе каждаго изъ моихъ офицеровъ, истомленныхъ четырехмѣсячною засухой и созерцаніемъ выжженной пустыни. Близь Ферагани французская миссія, поселившаяся у подножія горъ, прислала къ намъ добродушнаго патера съ милыми подарками и выраженіемъ своего сочувствія и благихъ пожеланій.

Еще два перехода до Віанзи. Тутъ пришелъ къ намъ чуть не цѣлый караванъ провизіи отъ маіора Виссмана. Въ выборѣ продуктовъ для нашего потребленія замѣтна была опытная рука бывалаго путешественника и, кромѣ того, всего было такое множество, что съ того дня вплоть до морского берега мы плавали въ роскоши.

23-го ноября прибыли въ Симбамуэнни, городокъ состоящій изъ четырехъ сотъ коническихъ домовъ, обнесенныхъ землянымъ валомъ. На другой день мы отдыхали, а Эминъ-паша, въ сопровожденіи поручика Шмидта, отправился съ визитомъ къ добрѣйшимъ патерамъ французской миссіи Св. Духа, которые уже начали трудиться въ Морогоро съ тѣмъ-же усердіемъ и настойчивостью, какъ и въ знаме-

нитой багамойской миссіи, получившей столь почетную извѣстность. Они насадили у себя апельсинныхъ, манговыхъ деревьевъ, развели фиговые бананы, ваниль, корицу, кофейное деревцо и всевозможные плоды, свойственные тропическому климату, и провели черезъ свои владѣнія обильный потокъ чистой и прозрачной воды.

Поручикъ Шмидтъ разсказывалъ мнѣ послѣ, что его не мало сконфузило то обстоятельство что святые отцы, столь ревностно относившіеся къ своимъ религіознымъ обязанностямъ, не имѣли никакого понятія о томъ, какого знаменитаго гостя онъ имъ привезъ. Одинъ изъ отцовъ, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на пашу, шепотомъ спросилъ у Шмидта, «знаетъ ли онъ какой нибудь языкъ кромѣ арабскаго?» и былъ до крайности изумленъ когда поручикъ, со свойственною ему юношескою пылкостью и прямотой возразилъ: что Эминъ знаетъ не только по арабски, но по французски, по англійски, по нѣмецки, по турецки, по итальянски, по гречески говоритъ совершенно свободно, а родомъ изъ нѣмцевъ.

— Вотъ какъ! а что-же экспедиція-то его, торговая, ученая или военная?

Тутъ ужь поручикъ Шмидтъ, въ свою очередь изумленный младенческимъ невѣдѣніемъ благочестиваго патера, разсказалъ ему всю нашу исторію, и монахъ узналъ наконецъ, зачѣмъ я въ третій разъ пришелъ въ эту страну.

Разсказъ объ этомъ случаѣ очень разсмѣшилъ пашу, а я въ утѣшеніе ему разсказалъ еще, какъ одинъ изъ канониковъ Вестминстерскаго аббатства представляя меня нѣкоему, очень извѣстному епископу, отозвался обо мнѣ какъ о человѣкѣ, успѣшно поработавшемъ на Конго. Епископъ поколебался съ минуту и затѣмъ сказалъ, очень привѣтливо: «Въ самомъ дѣлѣ, какъ это интересно! Только сдѣлайте одолженіе скажите мнѣ, гдѣ-же это—Конго?»—Но впрочемъ, относительно Африки и свѣтскіе люди иногда не далеко ушли отъ духовныхъ лицъ. Мнѣ вспомнился при этомъ одинъ изъ англійскихъ министровъ, къ которому явилась депутація отъ манчестерскихъ негоціантовъ съ жалобою на какіе-то непорядки на Нигерѣ. Министръ спокойно указалъ оратору на карту Африки и попросилъ его, не будетъ-ли онъ такъ любезенъ, показать ему рѣку, въ которой, повидимому, такъ заинтересованъ славный городъ Манчестеръ.

27-го ноября пришли въ Унгеренгери и въ первый разъ получили нѣсколько писемъ. Никогда еще африканскія почты не были такъ неисправны какъ тѣ, которыя были адресованы на имя нашей экспедиціи за эти годы. Три раза я умолялъ нашихъ друзей посылать намъ письма не иначе какъ адресуя въ Мсалала «до востребованія».

Цѣлые вороха писемъ посылались намъ, и всѣ, — за исключеніемъ одного, единственнаго пакета, заключавшаго въ себѣ три письма,— затерялись, то въ Уніоро, то въ Угандѣ, и наконецъ остальныя перехватилъ Бушири, противникъ маіора Виссмана.

Въ числѣ множества полученныхъ вырѣзокъ изъ газетъ мнѣ попалась одна, въ которой все сряду было переврано. Это было, повидимому, свѣдѣніе, посланное по телеграфу изъ Занзибара какимъ-то туземнымъ писцомъ или чиновникомъ, и гласившее вотъ что:

«Занзибаръ, 12 іюня 1889. По слухамъ, Стэнли пришелъ на Урури, гдѣ отдохнулъ нѣсколько дней. Возвращаясь къ озеру Викторіи, онъ оставилъ пятьдесятъ шесть больныхъ и сорокъ четыре ружья. Многіе больные умерли. Потомъ приходилъ Митчель и взялъ ружья. Говорятъ, что Стэнли потерпѣлъ большія потери отъ болѣзней и голода. Позднѣе пришелъ самъ Стэнли. По слухамъ, Эминъ-паша въ Уніарѣ, къ сѣверо-востоку отъ озера Викторіи, за пятнадцать дней ходу. Стэнли подобралъ всѣхъ оставшихся живыми и воротился къ Эмину, поручивъ составителю сего доставить отъ него письмо къ генеральному агенту Компаніи».

Вѣроятно доставленныя свѣдѣнія поручили изложить какому нибудь мѣстному писакѣ и онъ съумѣлъ такъ выразиться, чтобы ужъ ничего нельзя было понять. Между тѣмъ свѣдѣнія получены были въ Занзибарѣ агентомъ Угарруэ, торговца слоновою костью и атамана разбойничьей шайки, и состояли въ слѣдующемъ:

«Стэнли пришелъ на Итури. Отправился къ озеру Альберта, оставивъ у меня пятьдесятъ шесть человѣкъ больныхъ и сорокъ четыре ружья. Большинство больныхъ вскорѣ перемерло.

«Мазинга (лейтенантъ Стэрсъ) приходилъ и отобралъ ружья. Мнѣ говорили что Стэнли претерпѣлъ серьезныя потери черезъ болѣзни и голоданіе. Потомъ онъ самъ приходилъ сюда.

«Говорятъ, что Эминъ-паша въ Уніоро, на сѣверо-востокѣ, пятнадцать дней ходу отсюда (т. е. отъ Угарруэ). Собравъ всѣхъ людей (арріергарда) оставшихся живыми, Стэнли возвратился къ Эмину, а мнѣ далъ письмо для доставленія генеральному консулу». (Послѣдній параграфъ объясняется тѣмъ, что Угарруэ очень меня просилъ дать ему рекомендательное письмо къ консулу, потому что онъ извѣстенъ въ Занзибарѣ подъ именемъ Уледи-Баліуза, т. е. консульскаго Уледи, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ Уледи, которые здѣсь также распространены какъ въ Англіи Смиты).

Если сопоставить эти свѣдѣнія съ сенсаціонными извѣстіями о жестокостяхъ на Арухуими, о смерти Стенли, пронзеннаго семнадцатью стрѣлами; съ сообщеніями одного чиновника независимой об-

ласти Конго; съ письмами миссіонеровъ и инженеровъ; съ донесеніемъ Османа-Дигмы о томъ какъ онъ взялъ въ плѣнъ Эмина-пашу и еще другого бѣлокожаго; съ нашествіями на Суданъ какого-то бѣлаго паши, и т. д., и т. д.,—англійскимъ газетчикамъ было отъ чего сбиться съ толку и стать въ тупикъ. А впрочемъ,—все хорошо что хорошо кончается.

Во время нашей остановки въ Мсуа, туда пришелъ баронъ фонъ-Гревенрейтъ съ сотнею солдатъ. Баронъ—типъ молодцоватаго военнаго, охотника до боевыхъ схватокъ; въ войнѣ съ побережными арабами и въ нападеніяхъ на ихъ зерибы онъ выказалъ замѣчательное искусство. Но мнѣ забавно было слушать его разсказы, какъ онъ когда-то въ прежнія времена обращался ко мнѣ за совѣтами касательно сборовъ въ африканскій походъ и умѣнья держать себя въ Африкѣ, и какъ я тогда отечески посовѣтовалъ ему почитать мою книгу «О Конго и объ основаніи его независимой Области».

— А вѣдь я послѣдовалъ вашему совѣту,—говорилъ Гревенрейтъ,—и могу сказать, что мнѣ не пришлось раскаяваться въ этомъ.

Вскорѣ затѣмъ явились два газетныхъ корреспондента изъ Америки, мистеръ Томасъ Стивенсъ и мистеръ Эдмондъ Визетелли, представители журнала «New-York Herald». Послѣдній изъ этихъ господъ привезъ мнѣ нѣсколько вещей, предназначенныхъ для моего личнаго комфорта, а также гастрономическихъ припасовъ. Все это прислалъ мнѣ въ подарокъ издатель помянутаго журнала, мистеръ Джемсъ Гордонъ Беннетъ, на средства котораго я предпринималъ два прежнихъ своихъ путешествія въ Африку, сопровождая сэръ Роберта Непира въ Абиссинію въ 1867—68 гг., а сэръ Гарнета Уольсли—въ область Ашанти, въ 1873 и 1874 гг.

За два перехода отъ Мсуа въ нашъ лагерь пришла экспедиція имперско-британской восточно-африканской компаніи, принесшая собственно для насъ 170 вьюковъ риса и двадцать пять ящиковъ европейской провизіи, платья и обуви, такъ что каждый человѣкъ нашей колонны получилъ на свой пай по двадцать два фунта рису, помимо соли, сахару, сухарей и варенья.

Вечеромъ 3-го декабря, бесѣдуя въ лагерѣ при лунномъ свѣтѣ, мы вдругъ услышали пушечный выстрѣлъ. То была вечерняя пушка въ Занзибарѣ и занзибарцы мои разразились пронзительными криками восторга при этомъ доказательствѣ того, что долгому странствію поперекъ материка дѣйствительно приходитъ конецъ. Египтяне и ихъ челядинцы тоже изъявили шумную радость, когда имъ сказали, что черезъ сутки они увидятъ океанъ, по которому со всѣми удобствами и безъ хлопотъ будутъ препровождены на египетскую землю, гдѣ отнынѣ и останутся навсегда.

Когда мы подошли къ переправѣ черезъ рѣку Кингени, самъ маіоръ Виссманъ вышелъ намъ на встрѣчу и тутъ я въ первый разъ имѣлъ честь познакомиться съ сослуживцемъ: маіоръ впервые отличился на службѣ Международной Ассоціаціи при главной квартирѣ на рѣкѣ Касаи, въ то самое время какъ я строилъ станціи вдоль ея береговъ. Перебравшись на правый берегъ Кингени, мы нашли тамъ готовыхъ осѣдланныхъ лошадей. Я передалъ командованіе своею колонной лейтенанту Стэрсу, а самъ съ Эминомъ-пашой, маіоромъ Виссманомъ и поручикомъ Шмидтомъ отправился въ Багамойо. Въ этомъ городѣ улицы были красиво убраны пальмовыми вѣтвями и на всемъ пути мы получали поздравленія гражданъ—баніановъ и индусовъ, а также многихъ бравыхъ нѣмецкихъ офицеровъ, раздѣлявшихъ всѣ труды и опасности тяжелаго похода съ маіоромъ Виссманомъ, который съ такимъ заслуженнымъ успѣхомъ велъ войну съ недовольными арабами германскаго побережья восточной Африки. Обогнувъ уголъ какой-то улицы мы очутились близь гауптвахты, расположенной какъ разъ противъ оконъ главной квартиры Виссмана, а влѣво, совсѣмъ близко, разстилалась тихо волнующаяся лазурь необъятнаго Индійскаго океана.

— Ну вотъ, паша,—сказалъ я,—мы и дома!

— Да, слава Богу!—отвѣчалъ онъ. Въ ту же минуту съ батареи пушки грянули салютъ въ честь его, возвѣщая военнымъ судамъ, стоявшимъ на якорѣ, что Эминъ, губернаторъ Экваторіи прибылъ въ Багамойо.

Мы сошли съ коней у дверей офицерской столовой и насъ повели наверхъ, на широкую и длинную веранду, сорокъ пять футовъ длины и 25 футовъ ширины, превращенную въ изящный павильонъ, красиво разубранный пальмовыми вѣтвями и германскими флагами. По всей верандѣ накрыто было нѣсколько круглыхъ столовъ, а у громаднаго буфета приготовленъ великолѣпный завтракъ, къ которому мы, благодаря своимъ аппетитамъ, тотчасъ-же и приступили безтрепетно; но когда дѣло дошло до шампанскаго, то я сильно усомнился въ пригодности его для себя послѣ столь продолжительнаго воздержанія, а потому усердно разбавлялъ его водой Зауербрунненъ. Въ этотъ день паша былъ необыкновенно веселъ: окруженный единоплеменниками, друзьями, которые съ жаромъ разспрашивали о его жизни и приключеніяхъ въ теченіе долгихъ мытарствъ по Африкѣ, онъ отвѣчалъ имъ чрезвычайно охотно и былъ крайне оживленъ.

Въ четыре часа подошла и наша колонна, въ совершенномъ порядкѣ и вполнѣ бодро. Людей отвели въ хижины, нарочно выстроенныя на берегу, и когда они сняли съ плечъ свои вьюки и въ послѣдній разъ опустили на землю длинную вереницу гамаковъ и но-

силокъ, въ которыхъ тащили больныхъ мужчинъ, женщинъ и бѣдныхъ ребятишекъ, воображаю какъ они радовались и какое почувствовали облегченіе! Да, по всей вѣроятности они не меньше моего понимали что̀ значитъ для насъ наконецъ придти къ морскому берегу.

Въ семь съ половиною часовъ назначенъ былъ въ честь насъ банкетъ. Поднимаясь по лѣстницѣ на широкую веранду, мы встрѣтили пашу, который только еще всталъ изъ за стола и шелъ одѣваться къ обѣду. Собрались мы опять подъ сѣнь пальмовыхъ вѣтвей и сѣли за столъ въ числѣ тридцати четырехъ человѣкъ, въ томъ числѣ англійскій вице-консулъ мистеръ Черчиль, германскій консулъ, итальянскій консулъ, капитаны Брекенбери, флота Ея Величества командиръ парохода «Turquoise» и Меккензи Фрэзеръ, командиръ «Сомали»; судья при консульствѣ, капитаны Фоссъ и Гиршбергъ, командиры германскихъ военныхъ судовъ «Шперберъ» и «Швальбе», офицеры изъ штаба имперскаго коммиссара, Эминъ-паша, капитанъ Казати, капитанъ Нельсонъ, лейтенантъ Стэрсъ, докторъ Пэркъ, мистеръ Джефсонъ, мистеръ Бонни, отцы Этьенъ и Шмидтъ изъ багамойской миссіи, отцы Жиро̀ и Шинце изъ алжирской миссіи, члены германской восточно-африканской компаніи, баронъ Сенъ-Поль Илэръ и другіе, мистеръ Николь, командиръ флотиліи англійской восточно-африканской компаніи, и т. д. и т. д. Тутъ-же былъ и оркестръ съ парохода «Швальбе», что придавало еще больше блеску этому небывалому въ Багамойо торжеству.

Гости собрались и маіоръ Виссманъ повелъ насъ въ длинную залу пиршества, на-скоро приспособленную для этой цѣли въ центральной части зданія; пока мы пировали подъ самыми окнами столовой наши занзибарцы,—народъ повидимому неутомимый,—усердно праздновали окончаніе своихъ тяжкихъ трудовъ веселой пляской и хоровымъ пѣніемъ. Обѣдъ состоялъ изъ обычнаго числа блюдъ· какъ они назывались и изъ чего были приготовлены я рѣшительно не могъ бы сказать. Скажу только, что для Багамойо все показалось мнѣ неожиданно великолѣпнымъ. Изъ деликатности я не спрашивалъ Виссмана откуда онъ взялъ такого повара и какъ ухитрился достать такую провизію. Безъ всякаго преувеличенія, обѣдъ вышелъ превосходный. Вина были высшихъ сортовъ, искусно выбраны и нѣкоторыя даже заморожены, такъ что не будь подъ рукою достаточнаго количества воды заурбрунненъ, посредствомъ которой я щедро разбавлялъ свои кубки, я вскорѣ не былъ бы въ состояніи судить объ относительныхъ достоинствахъ всѣхъ этихъ напитковъ. Я совсѣмъ позабылъ церемоніалъ, сопровождающій подобные банкеты; но когда къ девяти часамъ вечера музыка умолкла и маіоръ Виссманъ всталъ, я предчувствовалъ что онъ, благодушно позабывъ нѣко-

торые недочеты, сопровождавшіе нашу миссію, предложитъ своимъ товарищамъ выпить за здоровье гостей, — Эмина-паши, капитана Казати, мистера Стэнли и его сотрудниковъ, которые закончили труды своей экспедиціи прибытіемъ сегодня въ германскій портъ восточной Африки. Именно это и случилось: храбрый маіоръ произнесъ свою рѣчь мѣрно и внятно, съ искреннимъ дружелюбіемъ и врожденною привѣтливостью, и вся компанія вставъ на ноги подхватила его рѣчь дружнымъ «ура»!

Въ моей отвѣтной рѣчи въ главныхъ чертахъ высказано было во первыхъ, что когда мы предложили свои услуги Эмину-пашѣ, мы не знали что онъ нѣмецъ; что мы имѣли въ виду главнымъ образомъ доблестнаго правителя, который храбро, упорно, и мудро отстаивалъ ввѣренную ему провинцію отъ нашествія кровожадныхъ фанатиковъ, успѣвшихъ уже искоренить въ Суданѣ всякіе слѣды цивилизаціи. Во вторыхъ, такъ какъ по прежнимъ экспедиціямъ, намъ уже было извѣстно, что успѣхъ зависитъ всего болѣе отъ доброй воли, твердаго стремленія и неустанныхъ усилій и я и товарищи мои единодушно рѣшили посвятить всѣ силы своей души и тѣла на достиженіе предположенной цѣли. Въ третьихъ, такъ какъ живя на свѣтѣ научаешься равнодушно относиться и къ похваламъ и къ порицанію свѣта; такъ какъ ни личныхъ совершенствъ, ни личной преданности недостаточно для стяжанія всеобщаго одобренія; такъ какъ неуспѣхъ порождаетъ презрѣніе, а успѣхъ возбуждаетъ зависть и ненависть; и хотя возможно привязать къ себѣ одного человѣка важными услугами, но никто ни настолько богатъ, ни на столько хорошъ что бы угодить на всѣ вкусы,—то всего вѣрнѣе искать одобренія своей собственной совѣсти. И наконецъ, въ четвертыхъ, мы сами предполагали, а располагалъ за насъ Богъ, какъ было Ему угодно. «Эминъ здѣсь, и Казати здѣсь. И мои друзья также всѣ здѣсь; а потому мы признаемся отъ чистаго сердца, что до нельзя счастливы и довольны сознаніемъ того, что—хотя на время—кончился нашъ дальній походъ и завершились наши тяжкіе труды.»

Рѣчь паши, прекрасно задуманная и превосходно произнесенная звучнымъ басомъ, яснымъ, правильнымъ, изящнымъ языкомъ, доставила всему обществу величайшее и неожиданное удовольствіе. Она состояла почти исключительно изъ выраженій горячей признательности великодушному англійскому народу, который о немъ позаботился,— германскимъ соотечественникамъ, которые его такъ хорошо приняли, и его величеству императору Вильгельму II, который почтилъ его столь милостивымъ привѣтомъ и поздравленіемъ.

Шумная радость овладѣла всѣмъ собраніемъ. Сердца однихъ пере-

полнялись весельемъ при мысли что съ завтрашняго дня начинается періодъ настоящаго отдыха,—другіе-же радовались по сочувствію съ нами, чисто по добротѣ сердечной. Но паша былъ искренно и невыразимо счастливъ. Онъ бродилъ между столами, подходя то къ одному столу, то къ другому,—я видѣлъ какъ онъ то наклонялся къ отцу Этьену, то обмѣнивался безобидными шутками съ докторомъ Пэркомъ и со многими другими, покуда я слушалъ интересные разсказы Виссмана о кампаніи на восточномъ берегу. Какъ вдругъ мой молодой слуга, Сали, подходитъ ко мнѣ и шепчетъ на ухо: «Паша упалъ!»— Я понялъ это извѣстіе въ томъ смыслѣ, что паша можетъ быть задѣлъ за стулъ или поскользнулся; но Сали, видя что я его сообщенія не принимаю въ сурьезъ, прибавилъ: «Онъ упалъ изъ окна веранды, прямо на улицу, и сильно расшибся».

Банкетъ сразу вылетѣлъ у меня изъ головы. Сали повелъ меня съ лѣстницы на улицу и я увидѣлъ на землѣ, саженяхъ въ трехъ отъ того мѣста куда свалился Эминъ, двѣ лужицы крови. Повидимому паденіе случилось чрезъ четверть часа послѣ того какъ онъ произнесъ свою рѣчь, да еще нѣсколько минутъ прошло прежде чѣмъ мнѣ сказали, потому что пашу успѣли уже поднять, обливали ему голову холодной водой и безчувственнаго унесли въ нѣмецкій госпиталь, послѣ чего народъ на улицѣ продолжалъ пѣть и веселиться.

Подавленный такимъ внезапнымъ переходомъ отъ радости къ печали, отъ веселья къ унынію, представляя себѣ Эмина только-что стоявшаго такъ бодро и прямо, говорившаго такъ оживленно и съ такимъ счастливымъ выраженіемъ во всѣхъ чертахъ, а теперь уже неподвижнаго, безмолвнаго и опасно-больного,—я спѣшилъ за своимъ путеводителемъ и придя въ госпиталь встрѣтился съ однимъ изъ нѣмецкихъ офицеровъ, который поднявъ руки къ небу подѣлился со мною только что испытаннымъ, ужаснымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него видомъ несчастнаго паши.

Меня провели наверхъ къ кровати, окруженной группою встревоженныхъ людей. Подойдя ближе я увидѣлъ пашу на половину раздѣтаго, распростертаго на постели, съ мокрой повязкой, закрывавшей правый глазъ и правую половину головы. Приподнявъ уголъ мокраго компресса я увидѣлъ что правый глазъ закрытъ громадною опухолью, повязка пропитывается кровью, которая сочится изъ уха. Никто не былъ въ состояніи въ точности передать, какъ именно все это случилось, но общій смыслъ показаній былъ таковъ, что паша, который вотъ уже два года какъ слѣпнетъ, слишкомъ быстро прошелъ на веранду, т. е. на тотъ широкій балконъ, украшенный пальмовыми вѣтвями, на которомъ мы утромъ завтракали, и желая по-

любоваться на веселую пляску, происходившую на улицѣ при лунномъ свѣтѣ, не разсчиталъ ни высоты балюстрады, ни разстоянія, и внезапно облокотившись на нее, слишкомъ высунулся впередъ, потерялъ равновѣсіе, свалился сначала на цинковый выступъ крыши, а затѣмъ и на улицу. Объ этомъ тотчасъ предупредили поручика Шмицта; онъ прибѣжалъ, засталъ пашу въ обморокѣ, попробовалъ привести его въ чувство обливъ голову холодной водой, но не успѣвъ въ этомъ, распорядился отнести его въ госпиталь.

На другой день докторъ Пэркъ донесъ мнѣ, что паша оставался въ безсознательномъ состояніи вплоть до разсвѣта и что, хотя случай несомнѣнно серьезный, однако опасности для жизни не представляетъ: онъ осматривалъ его и нашелъ черепъ неповрежденнымъ, кровь-же изъ уха происходитъ отъ поврежденія артерій; по его мнѣнію, лишь-бы не сдѣлалось воспаленія, дней черезъ десять пашу можно будетъ перевезти. Докторъ прибавилъ, что паціентъ страдаетъ очень сильно и у него весь правый бокъ и спина расшибены.

Однако-же двое нѣмецкихъ хирурговъ, съ военныхъ кораблей, объявили что по тщательномъ изслѣдованіи они признаютъ положеніе паши въ высшей степени опаснымъ, что черепъ у основанія несомнѣнно треснулъ и что въ такихъ случаяхъ изъ ста паціентовъ выживаютъ только двадцать.

Все европейское населеніе Багамойо искренно опечалилось этимъ событіемъ, сразу помрачившимъ всеобщее радостное настроеніе. Общія чувства были конечно несравненно глубже, нежели люди военнаго сословія позволяютъ себѣ обнаруживать. Собственно говоря, внѣшнихъ проявленій даже вовсе не было; но въ душѣ всѣ были поражены тѣмъ, что это случилось въ первый-же день его свиданія съ соотечественниками послѣ четырнадцатилѣтней разлуки. Чего не могли совершить ни эмиръ Карамалла со своими фанатиками, ни сотня варварскихъ племенъ, ни дикіе заговорщики, ни взбунтовавшееся войско, ни даже четырнадцать лѣтъ житья въ знойной, экваторіальной атмосферѣ, то едва не случилось благодаря искреннему гостепріимству угостительныхъ друзей. Въ ту самую минуту какъ у него, можно сказать, душа радовалась, на него вдругъ повѣяло могильнымъ холодомъ. Такой внезапный поворотъ судьбы на всѣхъ присутствующихъ подѣйствовалъ удручающимъ образомъ: всѣ какъ-то примолкли и торжественно затихнувъ, ждали что-то будетъ?

6-го декабря нашихъ людей посадили на англійскій корабль «Сомали» и на три парохода изъ флотиліи маіора Виссмана, а въ 9 часовъ утра мы образовали цѣлую эскадру: флота ея британскаго величества пароходъ «Тюркуазъ», капитанъ Брекенбери принялъ на

бортъ лейтенанта Стэрса, маіора Виссмана, господъ Джефсона и Бонни; германскій пароходъ «Шперберъ», капитанъ Фоссъ, взялъ меня, капитана Нельсона и четырехъ патеровъ католической миссіи; далѣе пароходъ «Швальбе», капитанъ Гиршбергъ, «Сомали», капитанъ Фрезеръ, и три паровыхъ судна флотиліи маіора Виссмана подняли якори, выстроились въ рядъ и отплыли къ острову Занзибару. Свѣтлая синева океана переходившая въ блѣднозеленоватую лазурь надъ подводными рифами, окаймляющими фарватеръ, была очаровательна; мы полною грудью вдыхали струи, чистаго воздуха нагоняемаго намъ на встрѣчу легкимъ вѣтромъ. О, какое глубокое чувство облегченія и отрады наполняло мою душу въ сознаніи, что вмѣстѣ съ утреннимъ разсвѣтомъ не будутъ больше будить меня сотни стонущихъ и плачущихъ голосовъ, просящихъ о помощи; что прошла эта тяжкая година ежедневнаго созерцанія болѣзней, страданій и безпомощности, которымъ изо дня въ день подвергался нашъ несчастный караванъ въ теченіе, какъ мнѣ теперь казалось, цѣлаго ряда годовъ, преисполненныхъ такими ужасами, возможности которыхъ мы и не подозрѣвали, когда съ легкимъ сердцемъ брали на себя порученіе идти на выручку губернатора Экваторіи.

Здѣсь да позволено мнѣ будетъ говорить съ нѣкоторою гордостью. Зная все то, что мы знаемъ, я и товарищи мои питаемъ твердую увѣренность, что что-бы ни говорили о насъ люди, движимые завистью, злобой или ревностью, но если-бы мы предстали передъ строжайшимъ судилищемъ, то никакому прокурору не удалось-бы вывѣдать на нашъ счетъ ничего, кромѣ самого искренняго самопожертвованія, самого горячаго и неустаннаго стремленія подать помощь Эмину пашѣ, капитану Казати и нѣсколькимъ сотнямъ ихъ подчиненныхъ, и все это вполнѣ безкорыстно и добровольно. Мы всѣмъ жертвовали, деньгами, временемъ, годами, силами, здоровьемъ, жизнью,—отъ всего сердца, горячо и преданно жертвовали, безъ всякой задней мысли, нисколько не думая о наградахъ, да и какія награды могутъ достойно вознаградить за все то, что я перечислилъ? Для такого человѣка какъ я, напримѣръ, что значутъ банкеты? Ломоть хлѣба, котлетка и чашка чаю составляютъ пиршество для меня, который вотъ уже двадцать три года рѣдкій день съѣдаю провизіи на сорокъ копѣекъ. Многолюдные пріемы? Они очень почетны, но я всего охотнѣе бѣгу отъ нихъ, потому что ненаходчивъ на словахъ и такъ уже созданъ, что не нахожу въ нихъ никакого удовольствія. Ордена? Я не умѣю ихъ носить, а частыя отлучки и продолжительныя путешествія лишаютъ меня возможности даже любоваться на нихъ. Какія же еще награды? Ровно никакихъ. Никакія оваціи и знаки отличія не сравнятся съ

тѣмъ чувствомъ душевнаго удовлетворенія, которое человѣкъ ощущаетъ когда можетъ сказать: «Я обѣщалъ вамъ честно и добросовѣстно исполнить такое то дѣло, положивъ на него всѣ свои силы и способности, и вотъ, съ Божіею помощью, оно исполнено. Посмотрите и скажите, хорошо-ли оно сдѣлано?“ И если тотъ, кто задавалъ задачу, чистосердечно отвѣтитъ: «Да, это сдѣлано вполнѣ хорошо и добросовѣстно»,—то выше этой награды не можетъ быть на свѣтѣ.

Утромъ передъ отправленіемъ въ путь я побывалъ у Эмина-паши. Онъ очень страдалъ и мучился. «Ну, паша», сказалъ я ему,—«надѣюсь что вы ни минуты не допускаете мысли, что можете здѣсь умереть, не правда-ли»?—«О, нѣтъ, до этого еще не дошло»! отвѣтилъ онъ и отрицательно замоталъ головой.

— Ну, теперь я и самъ вижу что не дошло. Если-бы у васъ въ черепѣ была трещина, вы-бы не были въ состояніи дѣлать такихъ движеній головою *).

Прощайте; докторъ Пэркъ останется при васъ, пока вы сами его не прогоните, и я надѣюсь каждый день получать чрезъ него добрыя вѣсти о васъ». Мы пожали другъ другу руки и я ушелъ.

Какъ это ни покажется страннымъ, но вполнѣ точно. Эминъ-паша, который живя въ центральной Африкѣ высказывалъ самые широкіе взгляды и былъ завзятымъ космополитомъ, черезъ нѣсколько дней сталъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ. За день до того, какъ мы пришли въ Богамойо, я ему говорилъ: «Вотъ скоро вы очутитесь среди своихъ единоплеменниковъ, паша; но какая-бы гордая радость не наполняла тогда вашу душу, не забывайте что англійскій народъ прежде всѣхъ разслышалъ ваши призывные крики въ годину бѣдствій; и на англійскія-же деньги всѣ эти молодые англичане отправились къ вамъ на выручку и таки спасли васъ отъ Хартума».

«Никогда я этого не забуду, не безпокойтесь»! отвѣчалъ паша.

Я слышалъ, что доктору Пэрку пришлось выдержать много непріятностей. Наконецъ онъ самъ заболѣлъ и съ опасностью для своей жизни былъ отправленъ во французскій госпиталь въ Занзибарѣ, гдѣ лежалъ въ неменѣе отчаянномъ состояніи чѣмъ самъ Эминъ-паша непосредственно послѣ своего паденія. Къ счастію онъ выздоровѣлъ отъ тяжкаго недуга, нажитаго во время дежурства у постели паши.

Съ тѣхъ поръ извѣстія изъ Багамойо стали приходить все рѣже и не удовлетворяли меня, такъ что наконецъ я послалъ туда за справками своего слугу Сали; мальчикъ отправился къ пашѣ, узнать о

*) Эминъ-паша прибылъ въ Занзибаръ въ началѣ марта мѣсяца 1890 года совершенно здоровый.

здоровье; но его оттуда выпроводили, пригрозивъ въ другой разъ поступить съ нимъ построже, если онъ опять сунется въ Багамойо. Послѣ этого ни одного письма, ни привѣта я больше не получалъ отъ Эмина, бывшаго губернатора Экваторіи.

Пока я писалъ эту заключительную главу, стало извѣстно что Эминъ-паша поступилъ на службу германскаго правительства въ восточной Африкѣ. Мысль, что онъ на это совершенно способенъ, именно заставила меня напоминать ему 4-го декабря, что мы на англійскія деньги снаряжали экспедицію, которая его выручила и освободила. То̀, что онъ, въ концѣ концовъ, все-таки предпочелъ служить Германіи, а не Англіи, пожалуй довольно естественно; но тѣмъ не менѣе, когда въ газетахъ появилось это извѣстіе, оно повергло въ искреннее изумленіе многихъ изъ его наиболѣе горячихъ и безкорыстныхъ почитателей, въ томъ числѣ и меня.

Ибо, въ числѣ копій съ различныхъ документовъ, касающихся Эмина-паши и цѣлой нашей экспедиціи, британское министерство иностранныхъ дѣлъ доставило мнѣ копію съ письма самого Эмина къ сэръ-Джону Киркъ, въ которомъ онъ предлагаетъ сдать свою провинцію Англіи, даже прежде чѣмъ хедивъ предоставилъ ему право распоряжаться ею. Появленіе въ печати этого документа сильнѣйшимъ образомъ его раздосадовало, такъ какъ изъ письма явствуетъ, что онъ измѣнялъ интересамъ того правительства, которому предполагался такимъ вѣрнымъ слугою. А между тѣмъ, вмѣсто ожидаемаго агента англійскаго правительства, съ которымъ онъ намѣревался вести переговоры о сдачѣ провинціи, съ условіемъ, чтобы его самого назначили ея губернатомъ, но только подъ британскимъ флагомъ,— ему докладываютъ, что египетское правительство, по совѣту англійскаго посла въ Каирѣ, воспользовалось услугами нашей экспедиціи, дабы довести до его свѣдѣнія свое желаніе, чтобы онъ немедленно уходилъ изъ Экваторіи съ тою частью войска, которая того пожелаетъ, а въ противномъ случаѣ пусть остается въ Экваторіи на свой собственный страхъ.

Послѣ этого неудивительно, что онъ такъ долго мялся и не могъ ни на что рѣшиться, когда я приставалъ къ нему съ вопросами о его дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Для него въ высшей степени неожиданны и непріятны были оффиціальныя депеши хедива и Нубара-паши, заявлявшія о твердомъ ихъ рѣшеніи отказаться отъ провинціи; но съ другой стороны не менѣе непріятно и неожиданно показалось ему абсолютное молчаніе британскаго кабинета, британскихъ филантроповъ, да наконецъ и коммерческихъ компаній касательно будущности этой страны, гдѣ онъ уже столько лѣтъ проживалъ въ

полномъ довольствѣ, хотя, положимъ, и не очень мирно. Вмѣсто всего, чего онъ ожидалъ, я могъ передать ему только предложеніе бельгійскаго короля, да и то обставленное такими условіями, которыя въ его глазахъ рѣшительно обезцѣнивали самое предложеніе. Онъ не въ состояніи былъ гарантировать никакихъ доходовъ, потому что ему лучше всѣхъ извѣстно было, что въ сущности никакого правительства, и даже никакой провинціи тутъ не имѣется, а потому взиманіе доходовъ неосуществимо. Тогда я предложилъ ему—и притомъ по собственному почину, чисто подъ своей отвѣтственностью—поступить на службу британской ассоціаціи восточной Африки, и то потому только, что судя по его письму къ сэръ-Джону Киркъ, эта комбинація казалась мнѣ болѣе для него подходящею. Но такъ какъ я не былъ уполномоченъ трактовать съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, а могъ только обѣщать, что употреблю все свое вліяніе для осуществленія своей мысли, то ничего отъ него не добился, кромѣ нерѣшительнаго заявленія, что это предложеніе пожалуй болѣе ему по вкусу нежели возвращеніе въ Египетъ или служба въ области Конго. Впрочемъ, какъ намъ извѣстно, онъ въ сущности не могъ окончательно принять ни того ни другого, потому что самъ не зналъ согласны-ли будутъ его подчиненные уйти изъ провинціи, хотя-бы не далѣе какъ на озеро Викторіи. А такъ какъ мое дѣло состояло только въ томъ чтобы доставить Эмину боевые снаряды и всячески помогать ему, насколько для него это было нужно и удобно, то я настолько-же воленъ былъ передавать ему предложенія со стороны Бельгіи какъ и со стороны всякаго другого государства, будь то Италія, Германія, Россія, Португалія или Греція. Но Эмину не хотѣлось идти въ Египетъ, не хотѣлось принять и великодушнаго плана короля Леопольда; а заводить переговоры о службѣ въ англійской компаніи онъ не смѣлъ, пока не былъ увѣренъ, что хоть нѣкоторые изъ его подчиненныхъ пойдутъ за нимъ; поэтому онъ прежде всего вынужденъ былъ воротиться въ свою провинцію, чтобы вывѣдать настроеніе офицеровъ и чиновниковъ, но какъ только онъ туда сунулся, такъ его лишили власти и взяли въ плѣнъ. Когда-же мятежники дозволили ему уйти въ нашъ лагерь, онъ тотчасъ сталъ подъ нашу охрану и съ нашею помощью добрался до морского берега, съ горстью слугъ, которыхъ мы-же принудили служить ему на походѣ.

Выполнивъ такимъ образомъ наши обязательства относительно Эмина, оказавъ ему должное уваженіе и почтеніе покуда онъ былъ губернаторомъ значительной провинціи, а затѣмъ оказывая нѣжнѣйшія попеченія и преданное вниманіе ему и его семейству все время пока мы шли, на протяженіи тысячи четырехъ сотъ миль, вплоть до

той минуты какъ сдали его съ рукъ на руки соотечественникамъ, мы вправѣ были не только удивиться, но и негодовать, когда убѣдились что несчастный случай на банкетѣ въ Багамойо послужилъ къ внезапному разрыву сношеній между нами; онъ не потрудился даже сказать намъ спасибо.

Насколько мнѣ извѣстно, я три раза обидѣлъ Эмина. Въ первый разъ это случилось 5-го апрѣля, когда убѣдившись, что онъ ни на что не можетъ рѣшиться, не въ состояніи самъ придумать никакой комбинаціи, на мои предложенія не согласенъ, а я ждалъ его рѣшенія уже пятьдесятъ два дня, и наконецъ терпѣніе мое лопнуло и я вышелъ изъ себя. Даже и теперь, какъ вспомню объ этомъ—во мнѣ закипаетъ гнѣвъ. Если бы на ту пору попался мнѣ мальчишка такого возраста, въ которомъ сѣкутъ ребятъ, боюсь что жестоко отодралъ-бы бѣднягу. Во второй разъ пашѣ очень не понравилось мое рѣшеніе относительно жены машиниста Могаммеда; но будь онъ мнѣ хоть братъ родной или личный благодѣтель, я и тогда не могъ-бы по совѣсти постановить иного рѣшенія.

Въ третій разъ это было въ Мцорѣ, когда Эминъ пришелъ извиниться въ нѣкоторыхъ неумѣренныхъ выраженіяхъ, имъ употребленныхъ, а я воспользовался этимъ случаемъ, что-бы сдѣлать ему маленькое внушеніе насчетъ того, какъ прилично себя держать пашѣ и джентльмену. — «Чистосердечно принимаю ваше извиненіе, паша», сказалъ я ему: «но съ этой минуты и до той когда мы придемъ къ морю, постарайтесь-же чтобы мы не забывали, что вы все еще губернаторъ экваторіальной провинціи, а не избалованное, капризное дитя.

«Намъ прискорбно видѣть ваши ребяческія вспышки, зная что вы то самое лицо, за которое всѣ мы во всякую минуту готовы сложить свои головы. Для насъ этотъ способъ выказывать свое неудовольствіе за воображаемыя обиды, весьма повидимому обыкновенный между вами и Казати, совершенно новъ. Мы никакъ не можемъ понять почему, послѣ каждаго малѣйшаго спора, вы считаете за нужное прерывать сношенія? Мы всѣ привыкли довольно откровенно выражать свои мнѣнія, но въ случаѣ несогласій никогда и не думаемъ обижаться и переваривать въ душѣ воображаемыя оскорбленія. Если вы все это примете къ свѣдѣнію, то поймете, что ваше упорное уединеніе въ палаткѣ и насильственное пребываніе въ одиночествѣ можетъ казаться въ нашихъ глазахъ только страннымъ, ребяческимъ капризомъ».

— Ахъ, мистеръ Стэнли, я чрезвычайно сожалѣю что пошелъ съ вами и, если позволите, какъ только мы дойдемъ до миссіонерской колоніи мистера Меккея, я ужь попрошу васъ оставить меня у него!— говорилъ онъ.

«Но отчего-же, паша?» добивался я: «скажите мнѣ отчего, и объясните мнѣ вообще, чего вы желаете? Развѣ кто обидѣлъ васъ? Мнѣ извѣстно рѣшительно все что творится въ лагерѣ но, признаюсь, я не слыхивалъ, чтобы кто-либо преднамѣренно причинилъ вамъ какое либо огорченіе. Всѣ и каждый, отъ мала до велика, искренно желаютъ вамъ угодить. Кстати ужь, если на то пошло, позвольте мнѣ пояснить вамъ, наконецъ, какъ и почему ваше поведеніе удивляло насъ.

«Когда мы добровольно вызвались пойти вамъ на помощь, вы были героемъ въ нашихъ глазахъ. Вы, послѣдній изъ сподвижниковъ Гордона, находились на ту пору въ великой опасности: вамъ угрожала таже судьба, которая преслѣдовала всѣхъ дѣятелей въ Суданѣ и мы рѣшились пустить въ ходъ свои силы и способности, чтобы выпутать васъ изъ такого рокового стеченія обстоятельствъ. Мы не спрашивали откуда вы родомъ, не справлялись о вашей прежней дѣятельности: для насъ вы были Эминъ, героическій правитель Экваторіи. И Фелькинъ, и Юнкеръ, и Алленъ (отъ общества уничтоженія рабства) своими письмами и рѣчами во всѣхъ сердцахъ зажгли горячее сочувствіе къ Эмину, послѣднему намѣстнику Гордона. Намъ сказали, что вамъ нужны только боевые снаряды, и вотъ, съ того дня, какъ я отплылъ изъ Нью-Іорка для принятія начальства надъ этой экспедиціей, я только о томъ и думалъ, чтобы пробираясь къ вамъ, какъ-нибудь не опоздать.

«Я писалъ вамъ изъ Занзибара что мы выбрали дорогу черезъ Конго, что пойдемъ прямо на Кавалли, къ юго-западному концу озера Альберта и просилъ васъ, чтобы приготовить туземцевъ къ нашему приходу, зная что у васъ въ распоряженіи два парохода и спасательныя лодки, помимо челноковъ. Пришли мы въ Кавалли 14-го декабря 1887 года. Вы-же надумались заглянуть туда только въ мартѣ 1888-го. Такая небрежность съ вашей стороны стоила жизни одному молодому англичанину, да сотнѣ слишкомъ нашихъ вѣрныхъ слугъ, и кромѣ того задержала насъ ровно на четыре мѣсяца. Пришлось возвращаться въ фортъ Бодо и притащить нашу лодку на Ніанзу, чтобы васъ розыскивать. Мы провели съ вами двадцать шесть дней и за все это время ничего не могли узнать навѣрное, исключая того, что вы подождете пока подойдетъ маіоръ Бартлотъ съ колонной арріергарда. Я поспѣшилъ отправиться за ними обратно, но лишь затѣмъ чтобы узнать что маіоръ убитъ, а колонна чуть не вся уничтожена. Всего этого можно бы избѣжать, если бы вы во время побывали въ Кавалли и хоть немножко посодѣйствовали намъ въ дѣлѣ вашего собственнаго спасенія. Когда мы воротились къ вамъ въ январѣ 1889 года, вы были уже лишены власти, сами находились въ плѣну у мя-

тежниковъ и рисковали быть отведеннымъ въ Хартумъ. Затѣмъ вы написали мнѣ, что лишь бы дать вамъ нѣсколько времени на сборы, вы и Казати и многіе изъ египтянъ рѣшились уходить. Мы дали вамъ довольно времени, но и черезъ пятьдесятъ шесть дней терпѣливаго выжиданія, вы все еще ни на что не рѣшились. Я заболѣлъ, и это обстоятельство еще на двадцать восемь дней оттянуло срокъ нашего выступленія; но и тогда вы все еще мялись и все чего-то выжидали, чего я не могъ понять, а вы не хотѣли высказать. До нынѣшняго числа мы потеряли ради васъ маіора Бартлота и триста человѣкъ прислуги; если понадобится, мы готовы и собственной жизнью вамъ пожертвовать. Чего же еще хотите вы? Потрудитесь формулировать письменно свои нужды и требованія и тогда сами увидите, что наши увѣренія не ограничиваются пустыми словами».

Съ того дня до нашего прощанья въ госпиталѣ, 6-го декабря, не случилось ровно ничего, чтобы могло помутить наши дружелюбныя отношенія. Было впрочемъ одно обстоятельство, которое лично меня сильно затрудняло, и состояло въ томъ, что приходилось безпрестанно писать донесенія Комитету Вспомоществованія, и при этомъ не показывать виду, что насъ самихъ до нельзя изумляетъ необычайная шаткость и нерѣшительность поведенія паши. Конечно, гораздо пріятнѣе было бы поддерживать до конца тѣ иллюзіи, подъ вліяніемъ которыхъ мы уѣхали изъ Англіи, но это оказывалось неисполнимымъ. То что мы узнали въ Кавалли, каждому изъ офицеровъ экспедиціи было вполнѣ очевидно, а потому ясно, что въ каждую данную минуту та маска, посредствомъ которой мы старались, изъ дружескаго расположенія, прикрыть необъяснимыя странности паши, могла упасть. Поэтому необходимо было по возможности мягко сказать правду, такъ чтобы даже завзятые критики могли приписать кажущуюся нерѣшительность Эмина много что чрезмѣрной добротѣ и любезности.

Но съ той минуты какъ паша былъ принесенъ въ нѣмецкій госпиталь въ Багамойо, поведеніе его было таково, что и я не могъ дольше выставлять его въ любезномъ свѣтѣ. Чрезвычайная грубость по отношенію къ моему бѣдному мальчику Сали, чтеніе всѣми вообще нѣмецкими офицерами моихъ частныхъ писемъ къ пашѣ, въ которыхъ я уговаривалъ его поберечь свое доброе имя и позаботиться о своей репутаціи; странная неблагодарность Эмина относительно доктора Пэрка, у котораго въ цѣломъ мірѣ не должно быть ни одного недоброжелателя; наконецъ внезапный и необъяснимый разрывъ съ каждымъ изъ членовъ нашей экспедиціи,—все это вмѣстѣ взятое побуждаетъ меня, заканчивая эту книгу, упомянуть еще о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ.

Еще въ центральной Африкѣ Эминъ выражалъ опасенія какъ бы его, по возвращеніи въ Египетъ, не оставили за штатомъ. По пріѣздѣ въ Каиръ я тотчасъ же взялъ на себя смѣлость внушить хедиву, что слѣдуетъ какъ можно скорѣе послать Эмину успокоительное увѣдомленіе о непремѣнномъ оставленіи его на дѣйствительной службѣ. Хедивъ тотчасъ согласился на это и черезъ тридцать шесть часовъ Эминъ отвѣчалъ по телеграфу: «Благодарю моего великодушнаго повелителя».

Четыре недѣли спустя онъ опять телеграфировалъ хедиву, прося разрѣшить ему кредитъ на 400 фунтовъ (4.000 рублей) въ Занзибарѣ. Египетское правительство просило полковника И. Смиса, англійскаго консула въ Занзибарѣ, выдать эту сумму Эмину, и вслѣдъ затѣмъ Эминъ по телеграфу-же послалъ въ Каиръ такое заявленіе: «Если вы не можете обращаться со мною лучше этого, я подаю въ отставку».

Такъ какъ онъ предлагалъ Англіи свои услуги, британская восточно-африканская компанія входила съ нимъ въ переговоры и я въ Каирѣ слышалъ, что ему предложены чрезвычайно выгодныя условія. И вдругъ всѣ были поражены извѣстіемъ, что онъ поступилъ на германскую службу въ восточной Африкѣ и первымъ дѣломъ конечно долженъ былъ заявить своимъ новымъ хозяевамъ, какъ дорого британская компанія оцѣнила его административный геній. Говорятъ, что онъ изъявилъ свое согласіе на службу Германіи за мѣсяцъ до того какъ вступилъ въ переговоры съ британской компаніею. Изъ этого довольно ясно, съ какою цѣлью онъ затѣвалъ эти переговоры.

Я уже говорилъ, что въ его желаніи служить нѣмцамъ ничего не было удивительнаго; но нельзя не удивляться той безпечности, съ которою онъ подрывалъ собственную репутацію, и еще тому, что ему, повидимому совсѣмъ недоступно чувство деликатности. Большинству нашихъ читателей покажется вполнѣ натуральнымъ, что онъ выказалъ предпочтеніе своей родинѣ, своимъ единоплеменникамъ, но едва-ли они найдутъ столь же натуральнымъ то, что онъ такъ небрежно покинулъ знамя, подъ которымъ (по собственному его заявленію въ Кавалли) прослужилъ тридцать лѣтъ; такъ безцеремонно простился съ египетскимъ хедивомъ, «своимъ великодушнымъ повелителемъ», который потратилъ 140.000 рублей на его выручку; или наконецъ такъ холодно разстался съ сэръ Уильямомъ Меккиннонъ и прочими своими англійскими друзьями, которые собрали по подпискѣ 160.000 рублей и такъ горячо устремились ему на помощь. Кромѣ того для насъ непостижимо, какъ онъ скоро позабылъ думать о своихъ «дорогихъ подчиненныхъ», за которыхъ съ такимъ благородствомъ всту-

пался въ маѣ 1888 года, въ февралѣ и мартѣ 1889-го, а когда они отплыли въ Каиръ, онъ четыре мѣсяца ни разу объ нихъ не вспомнилъ. Докторъ Вита Гассанъ, аптекарь и самый преданный его почитатель, за нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Каира получилъ отъ него письмо съ заявленіемъ, что какъ онъ, Вита Гассанъ, такъ и прочіе его бывшіе сослуживцы, пусть сами объ себѣ помышляютъ какъ знаютъ, а Эминъ порвалъ всякія сношенія съ Египтомъ и потому пусть они отнынѣ его больше не безпокоятъ. Бѣдный Шукри-Ага, до конца ему вѣрный, со слезами на глазахъ приходилъ ко мнѣ спрашивать, что это можетъ означать? Чѣмъ онъ провинился, что съ нимъ такъ презрительно обращаются. Такъ и остались вѣрные слуги паши, за восемь лѣтъ службы совсѣмъ не получавшіе жалованья, въ размышленіи, за что бывшій начальникъ такъ сурово оттолкнулъ ихъ отъ себя.

Въ Занзибарѣ насъ столько чествовали и угощали, что однимъ перечисленіемъ данныхъ намъ обѣдовъ можно-бы наполнить нѣсколько страницъ. Маіору Виссману я безконечно обязанъ за широкое гостепріимство и считаю за честь знакомство съ такимъ благороднымъ образцомъ германскаго воинства. Великою благодарностью обязаны мы также капитанамъ Фоссу и Гиршбергу за постоянную ихъ доброту; генеральному консулу И. Смису и его супругѣ за безконечную любезность, за гостепріимство столь-же великолѣпное, какъ и безкорыстное, а также за безчисленныя услуги и знаки вниманія, за которые я навѣки состою у нихъ въ неоплатномъ долгу и могу лишь въ этихъ немногихъ словахъ засвидѣтельствовать, какъ глубоко я имъ обязанъ. Вообще говоря, въ Занзибарѣ не было ни одного значительнаго лица,— германскаго, англійскаго, итальянскаго или индійскаго происхожденія,— который тѣмъ или другимъ способомъ, или хотя-бы зваными обѣдами и отборными винами, не выказалъ мнѣ и моимъ спутникамъ своего сочувствія за тѣ услуги, которыя мы оказали Эмину-пашѣ, капитану Казати и ихъ подчиненнымъ.

Агентъ восточно-африканской компаніи, въ сотрудничествѣ съ лейтенантомъ Стэрсомъ, составили примѣрный разсчетъ суммъ, подлежащихъ къ уплатѣ оставшимся въ живыхъ членамъ Экспедиціи Вспомоществованія и выплатили ихъ сполна. Послѣ этого по подпискѣ собранъ былъ капиталъ въ 10.000 рупій, изъ которыхъ 3.000 рупій пожертвовалъ египетскій хедивъ, 3.000 рупій поступило изъ фонда Вспомоществованія Эмину, 3.000 лично отъ меня и 1.000 отъ Сеида, халифа занзибарскаго,—что дало намъ возможность выдать каждому уцѣлѣвшему носильщику отъ сорока до шестидесяти рупій награжденія, судя по заслугамъ. Генералъ Ллойдъ Мэтьюсъ задалъ имъ

великолѣпный банкетъ и отъ имени добрѣйшаго султана различными способами наградилъ ихъ за подвиги. Кромѣ того, изъ фонда Вспомоществованія отчисленъ особо капиталъ въ 10.000 рупій для раздачи вдовамъ и сиротамъ погибшихъ въ Ямбуйскомъ лагерѣ и на походѣ съ колонной авангарда.

Въ числѣ моихъ гостей въ Занзибарѣ былъ нѣкій Джафаръ-Тарія, остъиндскій мусульманинъ и богатый купецъ изъ Бомбея, служащій агентомъ многихъ занзибарскихъ и арабскихъ купцовъ, посылающихъ караваны. Между прочимъ онъ-же состоитъ агентомъ Гамида-бенъ-Могаммеда, Типпу-Тиба тожъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что нѣкій поручикъ Беккеръ только-что вручилъ ему для передачи Типпу-Тибу 100.000 руб. золотомъ, за слоновую кость, купленную у Типпу-Тиба правительствомъ Независимой Области Конго. Этимъ Джафаръ-Тарія, самъ того не зная, доставилъ мнѣ возможность когда нибудь притянуть Типпу-Тиба къ отвѣту передъ консульскимъ судомъ въ Занзибарѣ, за провинности противъ британскихъ подданныхъ,—т. е. господъ членовъ Комитета Вспомоществованія, — и заставить его уплатить убытки и неустойку по дѣлу о поставкѣ носильщиковъ для Экспедиціи Вспомоществованія; поставку эту онъ принялъ на себя оффиціально, въ присутствіи генеральнаго консула Гольмвуда. Въ свое время, во вниманіе къ принятому имъ на себя обязательству доставить экспедиціи 600 носильщиковъ, данъ былъ безплатный проѣздъ на пароходѣ, на полномъ содержаніи отъ экспедиціи, ему и его свитѣ изъ девяноста шести человѣкъ, изъ Занзибара до Банана-Пойнта на рѣкѣ Конго, что обошлось намъ въ 19.400 рублей, да отъ Банана-Пойнта до Стэнлеевыхъ Пороговъ еще 19.400 рублей. Кромѣ того, въ Ямбуйѣ онъ получилъ сорокъ семь тюковъ тканей, около пятидесяти ящиковъ пороху, столько же ящиковъ съ патронами, ремингтоновскихъ ружей, винтовокъ для битья слоновъ, револьверовъ, да еще на 1.280 рублей разнаго товара выдано его подручному, старшинѣ Муини-Сомаи, подъ условіемъ, что онъ доставитъ носильщиковъ для сопровожденія маіора Бартлота до того мѣста, гдѣ маіоръ встрѣтится со мной или съ Эминомъ-пашою, что̀ и было сдѣлано, но только на протяженіи около девяноста миль, что̀ заставило насъ опоздать почти на цѣлый годъ и уплатить за двѣнадцать мѣсяцевъ экстренной работы двумъ стамъ пятидесяти носильщикамъ-занзибарцамъ. Однимъ словомъ, по точнымъ вычисленіямъ всѣхъ убытковъ, мы имѣли право предъявить къ нему искъ на 100.000 рублей. А потому я подалъ въ судъ заявленіе, чтобы наложили запрещеніе на 100.000 рублей, находящихся въ рукахъ англійскаго подданнаго Джафара-Тарія, до тѣхъ поръ, пока въ англійской судебной палатѣ будетъ разсмотрѣно это дѣло и пока палата

не рѣшитъ, имѣетъ-ли право Комитетъ Вспомоществованія Эмину-пашѣ оставить этотъ капиталъ за собою, въ видѣ справедливаго возмѣщенія за понесенные убытки. Отобравъ всѣ нужныя показанія, консульскій судъ утвердилъ мой искъ и принялъ заявленіе. И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что если это дѣло пустить въ ходъ своимъ порядкомъ и наказать хитраго плута по его заслугамъ, комитетъ можетъ получить по суду такой капиталъ, который поставитъ его въ возможность выдать каждому изъ оставшихся въ живыхъ занзибарцевъ премію въ 300 рупій, да на каждаго изъ нашихъ офицеровъ придется еще по 10.000 рублей чистыми деньгами, чего я имъ отъ всей души желаю.

16-го января 1890 года, прибывъ въ Каиръ и передавъ съ рукъ на руки египетскимъ властямъ 260 человѣкъ переселенцевъ, я сталъ искать внаймы какого нибудь уединеннаго домика, чтобы поселившись въ немъ написать этотъ отчетъ о трехлѣтнихъ странствіяхъ «по Дебрямъ Африки, о поискахъ за Эминомъ-пашой, губернаторомъ Экваторіи, о его освобожденіи и отступленіи». Именно такой домикъ отыскался въ Виллѣ-Викторіи и 25-го января я взялся за перо и сѣлъ за работу. Но я не зналъ, съ чего начать. Голова моя трещала подъ бременемъ накопившагося матеріала, и я жаждалъ поскорѣе изложить его на бумагѣ, чтобы облегчить свой умъ и освѣжиться; но не находилъ исхода мыслямъ. Правая рука моя позабыла свое дѣло и отъ долгой отвычки даръ изложенія изсякъ. Однако я постарался взять себя въ руки, давалъ твердый отпоръ обступавшимъ меня воспоминаніямъ и выпускалъ ихъ въ міръ по порядку одно за другимъ, строго сортируя ихъ пригодность, такъ что одинъ день случалось мнѣ наполнять до девяти страницъ въ часъ, а въ другое время я не въ состояніи былъ написать и сотни словъ. Но вотъ наконецъ, проработавъ пятьдесятъ дней кряду, подъ вліяніемъ неотразимой потребности высказаться, я дошелъ и до этой—903-й страницы своей рукописи, успѣвъ за это время написать кромѣ того до 400 писемъ и отправить до 100 телеграммъ, и такъ усталъ, что вынужденъ просить позволенія закончить мою книгу.

Нѣкоторые изъ дивныхъ видовъ центральной Африки, по которой мы вмѣстѣ путешествовали, должны на вѣкъ запечатлѣться въ нашей памяти. Куда-бы ни послала насъ судьба, непремѣнно будетъ мелькать въ нашемъ воображеніи одна изъ сценъ въ тѣни великаго лѣса. Вѣчно будемъ мы представлять себѣ эти лѣса, такъ далеко отъ насъ одиноко дремлющіе въ своемъ уныломъ величіи. Какъ и прежде, такъ и на многіе вѣка впередъ будутъ цвѣсти и разрушаться неисчислимыя поколѣнія безмолвныхъ гигантовъ, сѣрѣющія подобно призракамъ въ своемъ вѣчномъ сумракѣ, но безостановочно и беззвучно стремящіеся

все дальше въ высь, къ небесамъ и къ солнцу. Нерѣдко будетъ намъ чудиться этотъ грохотъ громовъ, съ трескомъ катящихся по вершинамъ въ тишинѣ и во тьмѣ ночи; свинцовые туманы, подымающіеся на разсвѣтѣ, и яркій солнечный лучъ, пронизывающій окропленную росою листву, и блестящую поверхность зелени, и сладкій ароматъ дивныхъ цвѣтовъ.

А по временамъ—неизбѣжное горе!—въ памяти нашей будутъ скользить блѣдныя тѣни людей, скорченныхъ въ сумракѣ дождливаго дня, дрожащіе отъ холода, изможденные голодомъ, съ печальными глазами и въ полномъ отчаяніи среди чуждой обстановки; намъ будутъ слышаться стоны умирающихъ, чудиться окостенѣлые трупы умершихъ, и мы также безнадежно отшатнемся отъ нихъ... Потомъ, какъ проблески яснаго утра, мелькнутъ въ воспоминаніи широкое приволье травянистыхъ луговъ, ряды зеленѣющихъ холмовъ, яркая поверхность шелковистыхъ пастбищъ, радостно колеблемая напоромъ освѣжительнаго вѣтра; мягкія линіи темныхъ рощъ по долинамъ, и безконечныя перспективы волнующейся почвы, холмами и пригорками уходящей вдаль, до самаго подножія горныхъ исполиновъ, блѣдными силуэтами рисующихся на фонѣ лазурнаго неба и покрытыхъ дымкою синѣющей дали. И часто, часто окрыляясь быстрѣе птицы, мысль будетъ перелетать черезъ обширныя пустыни и голубыя воды, чрезъ зеленыя поля и серебристыя озера, минуя длинный рядъ мощныхъ предгорій, толпящихся надъ долиной Семлики, и вокругъ собранія бѣлоснѣжныхъ главъ, сіяющихъ высоко надъ африканскимъ міромъ; и будетъ она прислушиваться къ журчанію водъ, ниспадающихъ по извилистымъ ущельямъ Руэнцори серебристыми струями; вмѣстѣ съ нависшими тучами и прозрачными шариками бѣлыхъ паровъ витать надъ неизвѣданными безднами, стремиться сквозь вѣчныя туманы Усонгоры вверхъ въ ясную и свѣжую атмосферу плоскогорьевъ Анкори и Карагуэ, и оттуда прямо черезъ триста миль плоскихъ пастбищъ, мимо жидкихъ перелѣсковъ и колючаго кустарника, обратно туда, къ очаровательной лазури чуднаго Индійскаго океана.

Прощайте, паша, и вы, капитанъ Казати! Прочитавъ эти страницы вы узнаете наконецъ сколькихъ человѣческихъ жизней, сколькихъ страданій стоило ваше освобожденіе. Мнѣ жалѣть не объ чемъ. То, что я далъ вамъ, то давалъ добровольно и отъ чистаго сердца; тоже могутъ сказать и всѣ мои сподвижники.

Прощайте, господа члены Комитета Вспомоществованія! Три года прошло съ тѣхъ поръ какъ вы благодушно отрядили насъ помочь несчастнымъ и спасти погибающихъ. 260 человѣкъ мы воротили на родину; еще около ста пятидесяти безопасно размѣщены въ другихъ мѣстахъ.

Прощайте и вы, мои товарищи! Пусть сыпятся на васъ вполнѣ заслуженныя вами почести. Поручаю васъ горячимъ сердцамъ вашихъ соотечественниковъ. Если-бы кто вздумалъ омрачить хотя-бы тѣнью сомнѣнія ваше мужество, вашу честь и благородство, пусть-же мой правдивый разсказъ о томъ, какъ вы себя держали во всѣ эти годы, въ такихъ тяжелыхъ и безнадежныхъ обстоятельствахъ, какимъ трудно найти подобныхъ, покажетъ всему міру съ какой благородной твердостью вы все переносили.

Прощайте Стэрсъ, Джефсонъ, Нельсонъ, Пэркъ,—и вы, Бонни,— прощайте, теперь на долго!

И за все—благодареніе Богу, отнынѣ и во вѣки. Аминь.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Послѣдній рапортъ маіора Бартлота о стоянкѣ въ Ямбуйѣ.

Адресовано на имя сэра Уильяма Мэккиннона, предсѣдателя Комитета Вспомоществованія.

Лагерь въ Ямбуйѣ, 4 іюня 1888 г.

Сэръ, честь имѣю донести, что мы на дняхъ выступаемъ хотя съ гораздо меньшими силами, чѣмъ я предполагалъ вначалѣ. Типпу-Тибъ доставилъ наконецъ, и очень неохотно, 400 человѣкъ. Отъ другого араба, по имени Муини-Сомаи, удалось получить еще тридцать носильщиковъ. Выступимъ не ранѣе 9-го іюня и составъ каравана будетъ слѣдующій: суданцевъ 22, при 22-хъ ружьяхъ; занзибарцевъ 110, при 110 ружьяхъ и 90 вьюкахъ; маньюмовъ 430, при 300 мушкетахъ и 380 вьюкахъ. Изъ офицеровъ: маіоръ Бартлотъ, командующій всѣмъ отрядомъ; мистеръ У. Бонни; Шейхъ-Муини-Сомаи начальникъ маньюмовъ.

Шейхъ-Муини-Сомаи, арабъ изъ Кибонгэ, добровольно вызвался сопровождать экспедицію въ качествѣ главы маньюмовъ, но подъ моимъ начальствомъ.

8-го мая бельгійскій пароходъ «А. I. А.» прибылъ сюда съ начальникомъ поселенія Бангала, мистеромъ ванъ-Керкговеномъ, и съ провожавшими мистера Уарда тридцатью занзибарцами и четырьмя суданцами. Одинъ изъ суданцевъ умеръ въ Бангалѣ.

11-го мая они отплыли къ Порогамъ Стэнли.

14-го мая я самъ отправился къ Порогамъ Стэнли сухимъ путемъ; въ Ялласула, на Конго, нагналъ пароходъ и вмѣстѣ съ бельгійцами прибылъ къ Порогамъ 22-го мая.

Мистеръ Джемсонъ и Типпу-Тибъ съ четырьмя сотнями людей воротились изъ Касонго.

Мистеръ Джемсонъ писалъ вамъ изъ Касонго о своихъ дѣйствіяхъ тамъ. Придя сюда онъ разсказалъ мнѣ, что Типпу-Тибъ обѣ-

щалъ ему 800 человѣкъ, но письменнаго обязательства дать не захотѣлъ.

23-го мая имѣлъ крупный разговоръ съ Типпу-Тибомъ: говоритъ, что можетъ доставить только четыреста человѣкъ, изъ нихъ 300 понесутъ вьюки по 40 фунтовъ, а 100 по 20 фунтовъ; люди, будто бы, готовы и могутъ выступить, какъ только наши вьюки будутъ передѣланы. Я ему говорилъ о томъ, что онъ обѣщалъ Джемсону въ Касонго, но онъ сказалъ, что о восьмистахъ и рѣчи быть не могло, а обѣщалъ онъ четыреста; что больше людей набрать невозможно, у него и такъ большой недочетъ въ Касонго и въ Ніангуэ, что приходится столько воевать въ разныхъ мѣстахъ, что теперь все, что было можно набрать народу, уже взято и больше взять неоткуда. Я принужденъ былъ подчиниться необходимости, надѣясь однако же, что еще сотню людей можно набрать въ Ямбуйѣ и окрестностяхъ.

Типпу спросилъ, нуженъ ли старшина и прибавилъ, что по прежнимъ уговорамъ съ мистеромъ Стэнли, когда берутъ старшину, то платятъ ему особо. Я отвѣчалъ, что конечно, старшина нуженъ. Тогда онъ мнѣ привелъ одного араба, Муини-Сомаи, который согласился идти съ нами. Посылаю вамъ копію съ заключеннаго съ нимъ условія.

30-го мая я возвратился къ лагерю въ Ямбуйѣ.

4-го іюня пришли пароходы «Стэнли» и «А. I. А.»; первый везетъ къ Порогамъ бельгійскихъ чиновниковъ, а на второмъ прибылъ самъ Типпу-Тибъ.

5-го у меня опять былъ крупный разговоръ съ Типпу-Тибомъ: я спрашивалъ у него, гдѣ же тѣ 250 человѣкъ, которыхъ онъ мнѣ выслалъ? Онъ говоритъ, что они разбѣжались, а когда пробовали ихъ вновь собрать, отказались идти, благодаря дурнымъ слухамъ, распускаемымъ обо мнѣ дезертирами. Онъ прибавилъ, что такъ какъ они его подданные, а не рабы, онъ не можетъ ихъ принуждать. Потому-то онъ и привелъ намъ изъ Касонго 400 человѣкъ свѣжихъ.

Однако же онъ сказалъ, что у Муини-Сомаи можно достать еще человѣкъ тридцать. А такъ какъ мнѣ въ людяхъ крайняя необходимость, я и на то согласился.

Муини-Сомаи человѣкъ, повидимому, усердный и очень старается угодить. Онъ самъ вызвался послужить намъ. Надѣюсь, что вы не найдете назначенное ему жалованье чрезмѣрнымъ: его присутствіе въ отрядѣ избавитъ насъ отъ множества хлопотъ и безпокойствъ, потому что на его отвѣтственности будутъ не только всѣ маньюмы, но и каждый изъ вьюковъ, которые они понесутъ. Такимъ образомъ онъ избавляетъ насъ, бѣлыхъ офицеровъ, отъ значительной доли труда и заботъ, которыя мы можемъ обратить на другія статьи.

Лишнія тяжести мы отсылаемъ въ Бангалу. 8-го іюня онѣ будутъ сданы на «А. I. А» или на «Стэнли»; мистеръ ванъ-Керкговенъ выдастъ росписку въ ихъ полученіи, съ литерою Б. на заголовкѣ, и отошлетъ ее къ вамъ. Ему же я вручу письменную инструкцію для мистера Уарда. Будьте такъ любезны, сдѣлайте нужныя распоряженія касательно этихъ вьюковъ и двухъ челноковъ, купленныхъ въ мартѣ мѣсяцѣ для перевозки мистера Уарда, а также относительно товаровъ, купленныхъ мистеромъ Уардомъ за счетъ экспедиціи; очень вѣроятно, что я больше не пойду въ ту сторону и слѣдовательно не нуждаюсь болѣе ни въ нихъ, ни въ немъ. Мистеръ Трупъ, совсѣмъ больной и дошедшій до крайней степени изнуренія, по собственному его желанію возвращается на родину. Прилагаю свидѣтельство о его болѣзни, данное мистеромъ Бонни, и прошеніе объ отпускѣ, самого мистера Трупа, подъ литерой Э., равно какъ и письма, относящіяся до его перевозки, къ мистеру Фонтэну (подъ литерой Ф.) Я обезпечилъ ему даровой проѣздъ на родину, за счетъ экспедиціи, будучи увѣренъ, что какъ вы сами, такъ и комитетъ, сочтете это приличнымъ.

Я отсылаю также на родину переводчика, Ассадъ-Фаррана. Онъ для меня совершенно безполезенъ, а здоровье его сильно пошатнулось, я знаю, что если захвачу съ собой, то черезъ нѣсколько переходовъ придется или бросить его по дорогѣ, или нести на рукахъ, а у меня и такъ слишкомъ мало носильщиковъ. Поэтому я отпускаю его домой съ билетомъ 3-го класса до Каира; я написалъ уже о немъ каирскому генеральному консулу, а также послалъ ему, во-первыхъ, копію съ условія, заключеннаго съ Ассадъ-Фарраномъ касательно его доставки на родину, и во-вторыхъ, документы другого переводчика, Александра Хадада, умершаго 24-го іюня 1887 г.; оба конверта помѣчены литерою Г.

Эти переводчики не заключали съ нами никакихъ условій относительно своего жалованья, сроковъ службы и т. п., они прикомандированы къ экспедиціи въ февралѣ прошедшаго 1887 года, и вы, я надѣюсь возьмете на себя обязательный трудъ увѣдомить объ этомъ кого слѣдуетъ. Если бы они служили переводчиками при англійскихъ войскахъ въ Египтѣ, они получали бы никакъ не болѣе 60 рублей въ мѣсяцъ, на казенномъ продовольствіи. Какъ переводчики оба были очень плохи.

На родину отправляется также одинъ суданскій солдатъ, съ поврежденной ногой. Кромѣ того, еще четыре суданца и двадцать девять занзибарцевъ на столько больны, что не могутъ идти съ нами. Типпу-Тибъ взялъ на себя доставить ихъ какъ нибудь въ Занзибаръ. Полный списокъ ихъ, суммы жалованья и проч. будетъ представленъ

нашему консулу въ Занзибарѣ, къ которому я обратился также съ просьбою переслать суданцевъ въ Египетъ.

Покидая этотъ лагерь я намѣренъ, по мѣрѣ возможности слѣдовать путемъ, проложеннымъ мистеромъ Стэнли; если по дорогѣ не получу о немъ извѣстій, пройду до Кавалли; если и тамъ о немъ нѣтъ слуховъ, пойду въ Киберо. Если въ Кавалли или въ Киберо узнаю гдѣ онъ, постараюсь догнать его, какъ бы это ни было далеко. Если онъ гдѣ нибудь задержанъ и не можетъ двинуться, сдѣлаю всевозможное для его освобожденія. Если ни въ Кавалли, ни въ Киберо ничего о немъ не узнаю, пойду въ Уаделаи, и если Эминъ-паша еще тамъ, отъ него постараюсь узнать, что ему извѣстно о мистерѣ Стэнли, а также каковы его собственныя намѣренія, т. е. остается-ли онъ, или уходитъ. Буде возможно, уговорю его уйдти вмѣстѣ со мною, а если понадобится, попрошу помочь мнѣ отыскать мистера Стэнли. Если бы паче чаянія оказалось, что о мистерѣ Стэнли долѣе заботиться нечего, я предоставляю себя и своихъ спутниковъ въ распоряженіе паши, предложу проводить его по такой дорогѣ, которая покажется наиболѣе удобною, лишь бы это не было черезъ Уганду, въ каковомъ случаѣ маньюмы со мной не пойдутъ и я заранѣе далъ слово Типпу-Тибу не водить ихъ туда, обѣщавъ ему что по достиженіи мною цѣли я приведу ихъ назадъ или пришлю обратно съ однимъ изъ бѣлыхъ офицеровъ, кратчайшимъ и скорѣйшимъ путемъ. Это предполагается въ томъ случаѣ, если найду Эмина-пашу и онъ захочетъ уйти. Можетъ статься, что онъ и самъ желалъ бы уйти, но задержанъ отсутствіемъ боевыхъ снарядовъ: тогда я по всей вѣроятности могъ бы его снабдить таковыми, и послалъ бы съ нимъ три четверти своихъ занзибарцевъ и двухъ офицеровъ, а самъ съ остальными занзибарцами проводилъ бы маньюмовъ обратно къ Типпу-Тибу, а оттуда кратчайшимъ путемъ отправился бы къ морскому берегу, то есть на Мута-зиге, чрезъ Танганейку и на Уджиджи. Этою же дорогой намѣренъ я пройти, если нигдѣ не найду Стэнли, а также въ томъ случаѣ, если не найду Эмина-пашу, или же онъ откажется уходить.

Нечего говорить, что мы приложимъ всѣ старанія чтобъ предпріятіе наше увѣнчалось успѣхомъ и надѣюсь, что Комитетъ одобритъ мои усилія, или по крайней мѣрѣ подождетъ произнесть свое сужденіе о моихъ дѣйствіяхъ до тѣхъ поръ, пока я, или мистеръ Джемсонъ возвратимся на родину.

Относительно мистера Стэнли ходитъ много слуховъ, но ничего неизѣстно въ точности. По моему мнѣнію онъ не умеръ, тоже думаютъ и арабы, какъ здѣшніе, такъ и въ Касонго. Я сочелъ за нужное вскрыть сундуки и ящики мистера Стэнли, потому что не могу

же я таскать съ собой весь этотъ хламъ, а иначе нельзя было узнать что въ нихъ содержится. Между прочимъ ему было прислано два ящика мадеры. Одинъ изъ нихъ я отсылаю назадъ, а изъ другого половину отдамъ мистеру Трупу, остальную половину мы пьемъ какъ лекарство, для укрѣпленія силъ. На счетъ Типпу-Тиба могу сказать только что онъ не сдержалъ обѣщанія, обманулъ насъ; но почему онъ такъ оттягиваетъ и отчего такъ туго даетъ намъ людей объ этомъ можно дѣлать лишь приблизительныя предположенія, на основаніи случайныхъ обстоятельствъ.

Считаю своею непремѣнною обязанностью продолжать начатое дѣло, въ чемъ усердно поддерживаютъ меня гг. Джемсонъ и Бонни. Откладывать далѣе было бы безполезно и даже преступно такъ какъ Типпу-Тибъ не имѣетъ больше ни малѣйшей охоты помогать намъ, а отступать отъ нашего предпріятія я не хочу, потому что это было бы и малодушно и, я увѣренъ, противно вашимъ желаніямъ и видамъ Комитета.

Я разчелъ что до озеръ мнѣ придется идти отъ трехъ до четырыхъ мѣсяцевъ, а до морского берега еще отъ семи до девяти мѣсяцевъ.

Если вы найдете, и Комитетъ согласится съ вами, что мы назначили черезъ-чуръ большое вознагражденіе Муини Сомаи и не можете уплатить такую сумму, или согласны дать мнѣ на это только часть назначенной суммы, то мы съ Джемсономъ готовы взять эту издержку на себя, всю-ли сполна, или только недостающую часть, такъ какъ этотъ старшина нанятъ исключительно для нашего удобства и облегченія, хотя съ другой стороны мы должны имѣть въ виду, что намъ слѣдуетъ идти къ цѣли съ возможно большимъ числомъ вьюковъ, а сладить съ носильщиками-маньюмами, самимъ безъ посторонней помощи, для насъ немыслимо. Если вы согласны предоставить эту сумму въ мое распоряженіе, прошу васъ сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія; если согласны дать часть этой суммы, то хоть часть пришлите, потому что нѣкоторое количество онъ уже получилъ въ задатокъ, въ видѣ пороха, сукна, бусъ и мѣдной монеты, всего на 1.280 рублей. Въ случаѣ-же если вовсе не согласны на эту издержку, прошу васъ извѣстить объ этомъ сэра Вальтера Бартлота, въ Карльтонъ-Клубъ. Упоминаю объ этомъ, потому что необходимо, чтобы эта сумма непремѣнно была здѣсь въ наличности, когда придетъ срокъ уплаты, потому что арабы и всѣ вообще восточные люди въ высшей степени аккуратны на счетъ денежныхъ сдѣлокъ.

Считаю пріятнымъ долгомъ заявить, что со стороны всѣхъ чиновниковъ области Конго, съ которыми приходилось сталкиваться или

просить ихъ помощи, я встрѣчалъ полнѣйшую готовность услужить, что было чрезвычайно отрадно. Упомяну въ особенности капитана ванъ-Керкговена, начальника Бангалы, и лейтенанта Либрехтса, начальника Стэнли-Пуля, въ надеждѣ, что они будутъ достойно награждены.

6-го іюня. Сегодня утромъ Типпу-Тибъ присылалъ за мной и спрашивалъ, думаю-ли я, что ему заплатятъ за людей? Я отвѣчалъ, что ручаться за это не могу. Тогда онъ сказалъ, что ему необходимо поручительство, каковое мы съ Джемсономъ и дали ему. Прилагаю копіи съ условія и поручительства. Всѣ росписки, договоры и проч., состоявшіеся между арабами и мною и ими подписанные, я отослалъ мистеру Гольмвуду, а копіи вамъ.

8-го іюня. Сегодня всѣ вьюки, назначенные для людей Типпу-Тиба и Мунни Сомаи, были готовы и Типпу-Тибъ самъ пришелъ осматривать ихъ передъ раздачей людямъ. Онъ началъ тотчасъ же браковать ихъ, утверждая, что для его носильщиковъ они слишкомъ тяжелы (наиболѣе тяжелый вѣсилъ 45 фунтовъ) и они не могутъ ихъ тащить. Третьяго дня онъ одобрялъ вѣсъ тѣхъ самыхъ вьюковъ, которые забраковалъ сегодня. Я объяснилъ ему, да онъ впрочемъ и самъ знаетъ это не хуже меня,—что трудно уложить всѣ вьюки въ опредѣленную форму и уравнять въ точности ихъ вѣсъ, и притомъ тѣ вьюки, что его люди для него таскаютъ, бываютъ гораздо тяжелѣе установленныхъ 60 фунтовъ. Мы назначили выступленіе на завтра, а теперь приходится снова перевѣшивать всѣ тяжести и приводить къ сорока фунтамъ, такъ что прежде 11-го или 12-го іюня не успѣемъ выступить.

Отчасти мы сами виноваты, что недовольно точно соблюдали условленный вѣсъ. Наши вьюки были среднимъ числомъ на 2 фунта тяжелѣе сорока, а иные были и на два фунта легче. Но тутъ дѣло вовсе не въ тяжести, а въ томъ, что имъ ужасно не хочется приниматься за это дѣло. Мистеръ Гольмвудъ своими письмами почти насильно заставилъ Типпу-Тиба помогать намъ, тогда какъ и ему и его арабамъ это въ высшей степени противно: самъ онъ преисполненъ такихъ широкихъ и честолюбивыхъ замысловъ, что наша затѣя кажется ему сущимъ пустякомъ, такъ что даже изъ дружбы къ Стэнли, которою онъ похваляется, ему трудно превозмочь свое отвращеніе отъ этого предпріятія. Изъ того, какъ небрежно онъ сегодня обращался съ нами, это довольно ясно. Но если онъ не выполнитъ своего обязательства какъ слѣдуетъ, надѣюсь, что это будетъ принято во вниманіе при окончательномъ разсчетѣ. Въ настоящую минуту онъ насъ прижимаетъ, и очень сильно, но вѣдь это не всегда же такъ будетъ.

На нашемъ пути будетъ много арабскихъ поселеній, которыя

кончаются лишь въ тридцати дняхъ ходу отъ озера Альбертъ-Ніанза; впрочемъ, онѣ разбросаны довольно далеко другъ отъ друга, а туземное населеніе очень воинственно. При каждомъ удобномъ случаѣ я буду принанимать носильщиковъ, если не на все время, то хоть отъ одного поселка до другого, ибо слѣдуетъ принимать въ разсчетъ могущіе послѣдовать случаи смерти, увѣчья, дезертирства, а вьюки должно стараться въ цѣлости доставить къ мѣсту назначенія.

При этомъ особенно полезны будутъ услуги Муини-Сомаи. Съ перваго взгляда кажется, что мы назначили ему чрезмѣрно дорогую плату; но вѣдь за то онъ не первый встрѣчный, а значительное лицо: соразмѣрно его личному величію будетъ и его вліяніе на маньюмовъ, онъ будетъ держать ихъ въ рукахъ, не станетъ распускать, предупредитъ воровство, дезертирство и т. д. Менѣе важный арабъ обошелся бы дешевле, но и вліяніе его было бы слабѣе, а слѣдовательно и наши вьюки постепенно таяли бы, а въ этихъ вьюкахъ залогъ здоровья, жизни, успѣха, а потому нельзя цѣнить ихъ слишкомъ высоко. Мы пойдемъ съ легкими грузами и въ началѣ будемъ дѣлать небольшіе переходы, но когда выйдемъ въ чистое поле, въ Угандѣ я намѣренъ ихъ подогнать.

Мы перевѣшивали вьюки въ присутствіи одного изъ старшинъ Типпу-Тиба и онъ пропустилъ безъ замѣчаній нѣсколько тюковъ, только что передъ тѣмъ забракованныхъ, что доказываетъ, что дѣло не въ тяжести, а въ томъ, что такъ или иначе, онъ непремѣнно хочетъ насъ задержать, зачѣмъ—неизвѣстно.

9-го іюня. Мы вполнѣ можемъ выступить въ походъ 11-го, но къ сожалѣнію я долженъ замѣтить, что черезъ облегченіе вьюковъ мы лишаемся громаднаго запаса боевыхъ снарядовъ, потому что при перевѣшиваніи тяжестей главнѣйшее вниманіе обращалось на отбавленіе пороха и патроновъ.

Сегодня утромъ оба парохода, А. І. А и «Стэнли» отплыли къ порогамъ, но Типпу-Тибъ и его секретарь бельгіецъ остались, равно какъ и четыре корабельныхъ плотника, которыхъ капитаны Вангель и ванъ-Киркговенъ оставили въ помощь намъ. Вообще бельгійцы были къ намъ крайне внимательны, любезны и оказали существенную помощь при сборахъ въ походъ.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы заявить, что мистеръ Джемсонъ былъ, есть и будетъ для меня неоцѣненнымъ помощникомъ. За все время нашей совмѣстной службы я не слыхалъ отъ него ни одного слова жалобы. Его дѣятельность, исполнительность и способность къ труду неограниченны, а веселый и добродушный нравъ располагаютъ къ нему всѣ сердца.

На случай полученія отъ васъ телеграммъ, я дамъ всѣ нужныя указанія Уарду, а Типпу-Тибъ обѣщалъ въ случаѣ надобности послать за мною въ догонку нарочнаго, лишь бы это случилось не позднѣе одного мѣсяца со дня нашего выступленія въ походъ.

Типпу-Тибъ остается здѣсь до моего ухода.

Посылаю вамъ телеграмму съ извѣщеніемъ о нашемъ выступленіи въ путь, а въ предѣлахъ области Конго постараюсь посылать вамъ извѣстія по мѣрѣ возможности; но не удивлюсь, если черезъ нѣкоторое время пути къ Конго окажутся блокированными.

Не посылалъ вамъ копіи съ письма Гольмвуда, потому что оно было не оффиціальное; копіи съ остальныхъ препровождаю. Кажется упомянулъ обо всемъ, о чемъ возможно писать. Обо многомъ еще хотѣлось бы поговорить, но это отлагаю до того времени, когда мнѣ можно будетъ возвратиться на родину.

Наши боевые снаряды (ремингтоновскіе) въ слѣдующемъ составѣ: ружей 128; запасныхъ патроновъ, на каждое ружье—279; при ружьяхъ выдано по 20; всего 35.580.

10-го іюня. Вьюки свѣшены и сданы по рукамъ; отряду маньюмовъ выданы порохъ и капсюли; мы вполнѣ готовы въ путь и выступаемъ завтра поутру. Я сообщилъ вамъ обо всемъ, что могъ придумать; но въ заключеніе еще разъ обращаю ваше вниманіе на то, что Типпу-Тибъ обманулъ насъ и не выполнилъ своего обязательства.

Напротивъ того, Муини-Сомаи, повидимому, человѣкъ дѣльный и потому я надѣюсь, что все пойдетъ ладно.

Честь имѣю и проч.

Эдмондъ М. Бартлотъ, маіоръ.

Мистеру Уильяму Меккиннону, предсѣдателю Комитета Вспомоществованія Эмину-пашѣ.

Походный журналъ арріергарда *).

11-го іюня 1888 г.—Вышли изъ Ямбуйи въ 7 ч. утра. Сначала люди были немножко возбуждены, стрѣляли изъ ружей и т. п., но вскорѣ успокоились. Впереди всѣхъ пошелъ отрядъ занзибарцевъ, при нихъ во главѣ отряда мистеръ Джемсонъ, въ центрѣ мистеръ Бонни, въ замкѣ маіоръ Бартлотъ. Маньюмы подъ начальствомъ

*) Этотъ журналъ вначалѣ не представляетъ ничего особеннаго, но интересъ его возрастаетъ постепенно и его стоитъ прочесть всякому кто раздѣлялъ наши опасенія на счетъ судебъ арріергарда.

Г. М. Стэнли.

Муини Сомаи выступили позднѣе, но вскорѣ догнали занзибарцевъ; отсталые пришли къ полудню въ лагерь, расположившійся въ селеніи Суди, въ округѣ батуковъ; одного захворавшаго оставили на дорогѣ, но къ вечеру и онъ пришелъ. Всѣ вьюки въ порядкѣ.

Колонна арріергарда вышла изъ Ямбуйи въ слѣдующемъ составѣ:

Маіоръ Эдмондъ М. Бартлотъ, командующій колонною.

Мистеръ Джемсъ С. Джемсонъ, его помощникъ.

Мистеръ Уильямъ Бонни, начальникъ занзибарскаго отряда.

Отрядъ занзибарцевъ	108	человѣкъ.
Мальчиковъ занзибарцевъ . . .	7	»
Суданскихъ солдатъ	22	»
Сомали	1	»
Носильщиковъ-маньюмовъ . .	430	»
Итого .	568	человѣкъ.

Переходъ около 5 миль.

Дорога исправная, черезъ кусты и плантаціи; идти всего пріятнѣе вдоль ручьевъ.

Общее направленіе—на юго-востокъ. (Подписалъ: Э. М. Бартлотъ).

23-го іюня.—Дневали въ лагерѣ, въ ожиданіи возвращенія партіи сыщиковъ, которые пришли къ 3 часамъ пополудни, не розыскавъ ничего. Маіоръ Бартлотъ отправился осмотрѣть дорогу, шелъ пять миль на сѣверо-востокъ. Мальчикъ Суди, прислужникъ маіора, бѣжалъ съ его револьверомъ, поясомъ и 85 патронами, изъ-за того, вѣроятно что маіоръ его побилъ, и конечно, за дѣло. Поэтому у всѣхъ занзибарцевъ отобраны ружья. Завтра маіоръ Бартлотъ отправляется къ Порогамъ, условиться съ Типпу-Тибомъ касательно дезертировъ и, если можно, достать свѣжихъ людей и съ помощью ихъ отыскать пропавшіе вьюки и ружья. Онъ напишетъ къ мистеру Джемсону, прося его придти сюда, захвативъ съ собой побольше маньюмовъ, чтобы сдать имъ ружья и патроны и проводить занзибарцевъ до Абдалла-Карони (въ Баналіи), гдѣ они должны дождаться Маіора. Маіоръ Бартлотъ и мистеръ Бонни находятъ этотъ планъ наиболѣе практичнымъ, потому что если смотрѣть сквозь пальцы на дезертирство, то скоро ни одного вьюка въ отрядѣ не останется. Съ занзибарцами все время обращались очень мягко, а переходы были все короткіе.

Погода хорошая. Вечеромъ дождь. (Подписалъ Э. М. Бартлотъ).

24-го іюня.—Сегодня по утру маіоръ Бартлотъ отправился къ Порогамъ Стэнли въ сопровожденіи четырнадцати занзибарцевъ, трехъ суданцевъ и мальчиковъ. Занзибарецъ по имени Кучу, получившій

приказаніе сопровождать маіора, убѣжалъ; но въ 8 часовъ вечера воротился въ лагерь. Его связали и посадили подъ арестъ.

Копія съ приказа мистеру Бонни, отъ 23-го іюня 1888 г.

1. Примите начальство надъ лагеремъ до возвращенія мистера Джемсона.

2. Обратите особое вниманіе на ружья и патроны занзибарцевъ.

3. Когда тронетесь въ путь, смотрите, чтобы всѣ вьюки, заключающіе боевые снаряды, ввѣрены были попеченію суданцевъ.

4. Всякую попытку къ мятежу наказывать смертію.

5. Постарайтесь изслѣдовать окрестности.

6. Передайте командованіе мистеру Джемсону, когда онъ возвратится, и не идите далѣе поселенія Абдалла-Кіямира (Баналія).

Эдмондъ М. Бартлотъ.

Вы попрежнему будете начальствовать надъ занзибарцами.

Былъ случай заболѣванія натуральной оспой; я распорядился выселить зараженнаго подальше отъ лагеря.—Погода хорошая. (Подписалъ У. Бонни).

Записка отъ мистера Джемсона:

«Дорогой Бонни, я только что пришелъ сюда: кажется эта деревня называется Нассуръ-бенъ-Саифи. Встрѣтилъ Кучу, нѣсколько солдатъ и невольниковъ. Они говорятъ, что маіоръ четыре дня назадъ ушелъ къ Порогамъ. Удивляются, какъ могло случиться что мы не встрѣтились. Розыскалъ шестнадцать ружей, двухъ человѣкъ, но только остатки двухъ вьюковъ. Лекарства не оказалось. Постараюсь придти къ вамъ въ лагерь завтра утромъ, какъ можно раньше.

Вашъ Д. С. Джемсонъ».

2-го іюля. Вышли въ 7 ч. утра и шли до полудня. Остановились въ деревнѣ Мкуагоди, принадлежащей племени Бабуру; общее направленіе на сѣверо-востокъ, переходъ почти восемь миль. Дорога скверная, много болотъ и заброшенныхъ плантацій. Ни по дорогѣ, ни ночью изъ лагеря побѣговъ не было. Здѣсь нашелъ людей Типпу-Тиба, которые берутся доставить письмо къ Порогамъ. Они знаютъ дорогу на Конго, которая возьметъ всего 4 дня ходу. Рѣка Аруxуими отсюда не болѣе трехъ часовъ пути. Люди Типпу-Тиба говорятъ, что отсюда до ставки Абдалла-Кіамира (Баналія) три дня ходу, а по ту сторону этого селенія на деревьяхъ по всей дорогѣ еще свѣжія помѣтки.— Погода хорошая.—(Подписалъ Джемсонъ).

6 часовъ пополудни.—Мистеръ Бонни доноситъ, что не пришли

двое занзибарцевъ; у обоихъ было по ружью, одно изъ нихъ заряженное.

3-го іюля. Возвратился въ лагерь Уджели за оставшимися вьюками, пришелъ въ часъ пополудни. Муини Сомаи-донесъ что получилъ письма, съ приказаніемъ воротиться всѣмъ къ Стэнлеевымъ Порогамъ. Я-же получилъ отъ маіора Бартлота два письма отъ 25 іюня, въ обоихъ проситъ поскорѣе идти въ Баналію. Муини-Сомаи говоритъ, что приказъ ему переданъ въ письмѣ отъ Саля-Саля, присланномъ съ нарочнымъ, и что по полученіи его онъ послалъ остановить людей и вьюки, шедшихъ сюда отъ селенія Нассуръ-бенъ-Саифи. Я возразилъ ему, что маіоръ всетаки приказалъ поспѣшать въ Баналію. Тогда онъ тотчасъ послалъ гонцовъ къ людямъ, сказать чтобы шли скорѣе сюда.—Онъ донесъ о нѣсколькихъ случаяхъ заболѣванія оспой, около шестидесяти человѣкъ въ его отрядѣ уже негодныхъ для дальнѣйшаго похода, а семеро бѣжали.—Встрѣтилъ обоихъ занзибарцевъ, которыхъ вчера не досчитались: они дорогой захворали и переночевали въ сосѣднемъ селеніи.—Погода хорошая. Д. Джемсонъ.

4-го іюля.—Объявилъ Муини Сомаи рѣшительный приказъ, чтобы немедленно собралъ всю свою команду и какъ можно скорѣе шелъ къ моему лагерю. Обѣщалъ завтра тронуться въ путь. Вскорѣ послѣ моего выступленія пошелъ проливной дождь, но мы все-таки шли впередъ и въ полдень дошли до Мпунгу; тутъ небо прояснилось и день разгулялся. До полудня дождь былъ сильнѣйшій.

Двойные вьюки несутъ замѣчательно легко. Д. С. Джемсонъ.

5-го іюля.—Въ полдень пришли въ Мкуагоди, къ лагерю мистера Бонни. Дожди сильно попортили дороги. Безъ насъ въ лагерѣ все было спокойно. Одинъ занзибарецъ умеръ. Мои письма отправлены къ Стэнлеевымъ Порогамъ 3-го числа около 9 часовъ утра. Люди Типпу-Тиба принесли на продажу нѣсколько куръ. Погода хорошая.

Д. С. Джемсонъ.

6-го іюля.—Послалъ мистера Бонни въ слѣдующее селеніе, по слухамъ очень значительное и отсюда недалеко, съ приказаніемъ завтра прислать за добавочными вьюками партію носильщиковъ, подъ конвоемъ изъ суданцевъ. Здѣсь деревня очень маленькая, для насъ слишкомъ тѣсная, потому рѣшился перейти въ слѣдующую и тамъ подождать ихъ. Люди воротились отъ мистера Бонни къ 2 часамъ.

Д. С. Джемсонъ.

7-го іюля. Со всѣми добавочными вьюками добрались до Сипулэ, почти за пятнадцать миль. Очень плохая дорога, много наваленнаго лѣсу и густыя заросли маніока. Бонни донесъ, что занзибарецъ, несшій наши походные консервы, вчера отсталъ и разбилъ ящикъ. Его пой-

мали съ поличнымъ. Недоставало одной жестянки съ солониной, одной съ сгущеннымъ молокомъ, и еще одна жестянка найдена въ ящикѣ початой. Воръ вызвался показать, куда онъ дѣвалъ жестянки; его послали назадъ подъ присмотромъ суданца: принесли обѣ жестянки уже вскрытыя. Вчера по дорогѣ уронили сундукъ доктора Пэрка и разбили его въ дребезги. Я вынулъ его платье и распредѣлилъ въ сундуки Стэрса и Нельсона, которые вѣсятъ меньше условленной нормы; боевые снаряды выбросили, чтобы не затруднять еще носильщика. Собравъ всѣ патроны, бывшіе у занзибарцевъ, и сложивъ ихъ въ тюки велѣлъ нести какъ поклажу; мистера Бонни посылаю въ Баналію. Дорога безопасна вполнѣ и пищу вездѣ можно достать. Между маньюмами свирѣпствуетъ оспа и мнѣ хочется предупредить заразу у себя въ отрядѣ. Баналія отсюда на четыре дня ходу, и мистеръ Бонни пойдетъ съ проводниками. Послалъ сказать Муини-Сомаи, чтобы завтра шелъ ко мнѣ сюда. Погода хорошая.

Д. С. Джемсонъ.

8-го іюля.—Мистеръ Бонни ушелъ въ Баналію. Муини Сомаи пришелъ сюда и съ нимъ почти всѣ маньюмы. Муини Сомаи говоритъ, что Саля опять писалъ ему, чтобы всѣ возвращались къ Порогамъ Стэнли. По справкамъ оказалось, что самъ Соля узналъ объ этомъ отъ людей Селима-бенъ-Могаммеда, послѣ того какъ пароходъ отплылъ изъ Ямбуйи и пришелъ къ Порогамъ: Селимъ пустилъ этотъ слухъ между своими людьми, а они передали его людямъ Сали.

9-го іюля.—Вчера вечеромъ, точно по уговору, всѣ люди въ лагерѣ начали разряжать свои ружья; нѣкоторые стрѣляли возлѣ самой своей палатки. Я вскочилъ съ постели, послалъ за Муини-Сомаи, взялъ свое ружье и сказалъ ему при всѣхъ, что застрѣлю перваго, кто осмѣлится стрѣлять около моей палатки. Больше не стрѣляли.

Сегодня около полудня нѣкоторые изъ людей Бонни пришли въ лагерь и сказали мнѣ, что онъ потерялъ дорогу. Я пошелъ къ его лагерю. По дорогѣ встрѣтилъ посланнаго отъ него, съ запиской: пишетъ, что вчера проводники завели его совсѣмъ не туда и потомъ бѣжали. Онъ зашелъ слишкомъ далеко къ сѣверу, держась теченія Арухуими. Расположился ночевать въ деревнѣ за полчаса отсюда. Ходилъ съ нимъ искать дорогу и нашелъ ее: направляется къ востоку и явственно помѣчена на стволахъ деревьевъ. Въ сумерки воротились въ его лагерь. Погода хорошая. У Бонни пропала одна коза.

10-го іюля.—Рано утромъ выступили и присоединились къ мистеру Бонни. Я шелъ впереди, направляясь къ юго-востоку, по той самой дорогѣ, по которой онъ шелъ вчера. Только что хотѣлъ пройти на мѣсто его вчерашней стоянки, какъ пришли арабы изъ Баналіи.

Старшина сказалъ, что они доставили съ Пороговъ Стэнли въ Баналію запасныя капсюли и четыре письма. Онъ передалъ мнѣ трехъ дезертировъ изъ отряда мистера Стэнли,—Муза-Уади-Комбо, Регани-Уади-Мабруки и Джума-Уади-Чанди. (Примѣчаніе мистера Стэнли: Эти трое бѣжали изъ авангарда около 28-го августа, на полдорогѣ отъ Ямбуйи къ озеру Альберта). Они заявили, что и не думали бѣжать, а были больны и оставлены по дорогѣ; принадлежали къ отряду Стэрса. Я велѣлъ имъ проводить насъ на настоящую дорогу и они провели насъ въ ту самую деревню, гдѣ Бонни со своимъ отрядомъ ночевалъ третьяго дня, на самомъ берегу Арухуими, и изъ которой онъ повернулъ назадъ. Сегодня онъ опять ночевалъ тамъ-же и завтра выступаетъ дальше. Абдалла-Кіамира передалъ мнѣ 40.000 ружейныхъ капсюлей, за которыя мы должны уплатить Типпу-Тибу 480 рублей

Погода хорошая.

11-го іюля.—Сегодня Муини-Сомаи сказалъ мнѣ, что до послѣзавтра никакъ не можетъ продолжать путь. Я предупредилъ его, что чѣмъ дальше мы пробудемъ въ пути, тѣмъ меньше времени останемся въ Баналіи, потому что должны будемъ выступать какъ только маіоръ Бартлотъ придетъ туда. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на остальныхъ старшинъ.—Послѣ полудня сильный и постоянный дождь

12-го іюля.—Муини-Сомаи потребовалъ раздачи его людямъ ружейныхъ капсюль. Сказалъ ему, чтобы обратился къ маіору Бартлоту когда онъ придетъ. Опять нашелъ отговорку, чтобы не выступать завтра: не хочется ему покинуть бѣлаго человѣка. Но на это я ему сказалъ, что это не его дѣло, а мое, и чтобы завтра чѣмъ свѣтъ ни одного человѣка и ни одного вьюка въ лагерѣ не оставалось. Погода облачная, но пріятная

13-го іюля.—Муини Сомаи и маньюмы пошли сегодня въ Баналію. Одинъ больной старшина потихоньку также пошелъ вслѣдъ за своими. Въ деревнѣ оставлено нѣсколько человѣкъ, умирающихъ отъ оспы. Вокругъ всего селенія невыносимая вонь; но это во всѣхъ здѣшнихъ деревняхъ обычное явленіе. Погода хорошая.

14-го іюля.—Послалъ за людьми Типпу-Тиба въ Мампуйю и сказалъ имъ, что мы здѣсь остаемся еще на нѣсколько дней. Они еще не слыхали о томъ, чтобы маіоръ Бартлотъ былъ уже въ дорогѣ. Вечеръ очень дождливый.

15-го іюля.—Все еще сижу въ Сипулэ, поджидая возвращенія людей изъ Баналіи.

16-го іюля.—Люди Типпу-Тиба пришли изъ Мампуйи и принесли на продажу банановъ. Купилъ немного для больныхъ. Не могу понять, отчего люди не идутъ изъ Баналіи.

17-го іюля.—Ніомби, старшина въ Мампуйѣ, приходилъ сегодня въ лагерь. Говоритъ, что воротились люди, относившіе письма къ Порогамъ Стэнли. Видѣлъ маіора Бартлота, онъ ушелъ въ Баналію кратчайшимъ путемъ. Сегодня будетъ на мѣстѣ. А люди такъ и не идутъ изъ Баналіи за добавочными вьюками. Они просрочили уже ровно двое сутокъ. Погода хорошая.

18-го іюля.—Въ четвертомъ часу пополудни пришли наконецъ люди изъ Баналіи. Велѣлъ имъ тотчасъ же нарвать запасъ банановъ и маніока, потому что завтра выступаемъ. Сильно ворчатъ, недовольны.

От мистера Бонни получилъ слѣдующую записку:

Лагерь Абдаллы (Баналія)
15 іюля 1888 г.

«Дорогой Джемсонъ, я пришелъ сюда сегодня въ 10 часовъ утра. Занзибарцы плохо знали дорогу и мнѣ пришлось самому вести отрядъ почти все время. Когда придете къ моему первому лагерю на берегу рѣки, совѣтую на три дня запастись маніокомъ, потому что дальше не будетъ маніока въ теченіе трехъ дней. Суданцы, которымъ порученъ былъ надзоръ за штрафованнымъ занзибарцемъ, прозѣвали и допустили его бѣжать на второй день нашего странствія. Вы его можетъ быть встрѣтите? (Слѣдуютъ примѣты). Двадцать три человѣка дезертировали. Провожавшіе насъ маньюмы вывели на ложную дорогу и на другой день на разсвѣтѣ ушли; настоящую-же дорогу они въ нѣсколькихъ мѣстахъ нарочно завалили. Я не видалъ туземцевъ по дорогѣ, хотя увѣренъ, что они всегда высматриваютъ и настигаютъ отсталыхъ. На четвертый день похода бѣжалъ Фераджи-Уади-Саидъ, а вьюкъ свой бросилъ на дорогѣ. Говорятъ, что еще Селенги не досчитываются,—онъ былъ боленъ и не пришелъ. Вьюки въ порядкѣ. Погода хорошая. Весь вашъ У. Бонни».

19-го іюля.—Выступили въ 7 часовъ утра и дошли до перваго лагеря мистера Бонни. Рѣка Арухуими отсюда въ пяти или шести миляхъ, общее направленіе къ сѣверо-востоку. Прошли пять деревень и черезъ двѣ рѣчки. Дорога недурная, хотя частыя насажденія маніока чередуются съ участками первобытнаго лѣса. Остановились, чтобы дать время людямъ набрать маніока про запасъ.—Вдали громъ, угрожающій бурей, но пока погода хорошая.

20-го іюля.—Вышли изъ лагеря до семи часовъ утра и къ 11 часамъ дошли до лагеря мистера Бонни на берегу рѣки Арухуими. Переходъ 5—6 миль. Общее направленіе на востокъ. Дорога плохая, идетъ все берегомъ, который изрѣзанъ глубокими выемками и черезъ эти выемки приходится переходить по топкой грязи. Послѣдняя часть

пути черезъ старыя становища очень большихъ селеній. Теперь всѣ туземцы переселились на противоположный берегъ. Громадныя плантаціи маніока и фиговыхъ банановъ.—Погода хорошая.

21-го іюля. — Мы собирались выступать, какъ вдругъ пошелъ сильнѣйшій дождь и я не велѣлъ убирать палатку; вскорѣ, однакожь, небо прояснилось и мы выступили, но тутъ опять хлынулъ дождь, не прекращавшійся все время, пока мы шли къ первому лагерю мистера Бонни въ лѣсу; тумъ мы остановились ночевать. Не доходя одной мили до лагеря встрѣтили гонцовъ отъ мистера Бонни съ письмомъ ко мнѣ; пока я разрывалъ конвертъ, мнѣ послышалось, что люди говорятъ, будто маіоръ Бартлотъ умеръ. Это оказалось сущая правда: въ полученномъ письмѣ была печальная вѣсть о томъ, что рано утромъ 19-го числа, въ Баналіи, онъ убитъ изъ ружья, а Муини-Сомаи и всѣ маньюмы бѣжали.

Вотъ записка мистера Бонни:

19-го іюня 1888 г.

«Дорогой Джемсонъ, маіоръ Бартлотъ убитъ наповалъ сегодня утромъ; маньюмы, Муини-Сомаи и Абдалла-Кіамира ушли. Я написалъ Типпу-Тибу, черезъ г. Барта.—Идите скорѣе. Вашъ Бонни».

22-го іюля.—Осмотрѣвъ вьюки и приведя въ порядокъ носильщиковъ, выступилъ черезъ часъ послѣ восхода солнца и пришелъ въ Баналію за часъ до заката. Переходъ былъ длинный и тяжелый, дорога—одна изъ худшихъ въ здѣшней мѣстности. Придя на мѣсто, засталъ все спокойнымъ, мистеръ Бонни сдѣлалъ все, что было возможно при существующихъ обстоятельствахъ. Онъ вытребовалъ обратно около 300 вьюковъ, бывшихъ у маньюмовъ, и ему удалось умиротворить тѣхъ изъ нихъ, которые расположились не вдалекѣ отъ лагеря. Утромъ, 19-го числа, Муини-Сомаи никому не сказавъ ни слова, ушелъ къ Стэнлеевымъ Порогамъ. Остальные старшины, подчиненные ему, за исключеніемъ двухъ — трехъ, стоящихъ по близости, ушли подальше въ лѣсъ и тамъ расположились. — Маіоръ Бартлотъ похороненъ 19-го. Привожу ниже подробное донесеніе мистера Бонни объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его кончину.

23-го іюля.—Составилъ опись вещей маіора Бартлота и уложилъ все, что мы считаемъ за нужное отправить къ нему домой; сэръ Вальтеръ Бартлотъ обо всемъ получитъ подробный отчетъ. — Объявилъ награду тому, кто поймаетъ человѣка, убившаго маіора Бартлота.

24-го іюля.—Составилъ списокъ всѣхъ возвращенныхъ вьюковъ. Многіе старшины маньюмовъ сами приходили въ лагерь и отъ нихъ я узналъ слѣдующее:

По близости отсюда стоятъ еще лагеремъ 193 носильщика-маньюма; но Муини-Сомаи, шесть старшинъ и Санга—убійца маіора—находятся теперь у Стэнлеевыхъ Пороговъ. По дорогѣ къ Порогамъ я встрѣчу другихъ старшинъ, которые отдадутъ мнѣ отчетъ о своихъ людяхъ и вьюкахъ. Я имъ сказалъ, что завтра же иду къ Порогамъ, повидаю Типпу-Тиба и постараюсь такъ устроиться, чтобы намъ было возможно продолжать экспедицію; пробуду тамъ недолго и когда возвращусь, скажу имъ навѣрное, пойдемъ ли мы дальше или нѣтъ. Уговаривалъ ихъ держаться смирно и располагаться гдѣ хотятъ, только не въ нашей деревнѣ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ столкновеній съ моими людьми. Они отвѣчали полнѣйшимъ согласіемъ. Мнѣ возвращено 298½ вьюковъ, значитъ не достаетъ 47½.

Передъ выступленіемъ изъ Ямбуйи я всѣ письма передалъ маіору Бартлоту. По дорогѣ найдены два вьюка, принадлежащихъ экспедиціи. Полагаютъ, что ихъ потерялъ одинъ изъ слугъ маіора (Хамедъ-бенъ-Даудъ), который бѣжалъ съ ними послѣ его возвращенія со Стэнлеевыхъ Пороговъ. Д. С. Джемсонъ.

Путевой журналъ мистера Бонни.

11-го іюля.—Рано снялись съ лагеря и пошли берегомъ Аруху-ими. Я вскорѣ догадался, почему не пошелъ этимъ путемъ: всѣ до одной деревни сожжены и все вокругъ нихъ уничтожено.—Слоновъ здѣсь множество. Старыя дороги завалены, новыя проложены; однакоже черезъ часъ мнѣ удалось выйти на старую дорогу мистера Стэнли.

12-го іюля.—Сдѣлалъ большой переходъ, взявъ съ собой трехдневный запасъ маніока для похода по лѣсамъ. Арабы, приставшіе къ занзибарцамъ, цѣлый часъ вели насъ по ложнымъ тропинкамъ, а настоящую дорогу въ нѣсколькихъ мѣстахъ загородили и сами убѣжали отъ насъ. Я розыскалъ таки настоящую и продолжалъ идти до полудня. Ночевали въ лѣсу.

15-го іюля.—Пришли въ Баналію въ 10 ч. утра, пройдя 4 дня и 4 часа отъ того мѣста, гдѣ въ послѣдній разъ разстались съ мистеромъ Джемсономъ. 13-го и 14-го ничего замѣчательнаго не случилось. Абдалла, здѣшній старшина, встрѣтилъ меня очень ласково, отвелъ просторный домъ, прислалъ рису, рыбы, банановъ. Въ лагерѣ спокойно.

16-го іюля.—Сегодня пришли нѣсколько маньюмовъ отъ Муини-Сомаи.

Примѣчаніе мистера Стэнли: Журналъ 17-го, 18-го и 19-го іюля напечатанъ уже раньше въ XX-й главѣ, подъ названіемъ «Печальная исторія колонны арріергарда».

20-го іюля.—Послалъ къ старшинамъ просить, чтобы возвратили остальные вьюки. У меня не достаетъ слѣдующихъ: 8 тюковъ съ бу-

сами, 3¾ мѣдной проволоки, 10 тюковъ съ платками, 9 тюковъ занзибарскаго сукна, 5 вьюковъ пороху, 10 мѣшковъ рису, 1 мѣшокъ мѣдной монеты, итого 47 вьюковъ.

Оказалось, что человѣка, убившаго маіора, зовутъ Санга, онъ тоже старшина и ему порученъ былъ надзоръ за десятью вьюками. Онъ бѣжалъ къ Стэнлеевымъ порогамъ вмѣстѣ съ Муини-Сомаи.

22-го іюля.—Вотъ уже 36 часовъ какъ идетъ проливной дождь. Джемсонъ пришелъ сегодня. Въ лагерѣ все спокойно.

25-го іюля.—Джемсонъ ушелъ къ Стэнлеевымъ Порогамъ, взявъ съ собою вещи покойнаго маіора.

27-го іюля.—Суданцы выстроились какъ на парадъ и прислали сказать, что желаютъ поговорить со мною. Они сказали: «Мы хотимъ драться съ маньюмами; ждемъ только приказаній, и готовы сразиться съ ними...» Мнѣ кажется они устыдились своего поведенія 19-го числа, когда не послушались меня и не пришли, когда я ихъ звалъ.

Отъ мистера Джемсона получилъ слѣдующее письмо:

«Ночлегъ въ лѣсу, 26-го іюля, 1888.

Дорогой Бонни, мы подвигаемся исправно, вчера шли восемь часовъ, сегодня девять съ половиной... Встрѣтилъ Муини-Сомаи: идетъ обратно въ Баналію, на что уговорили его другіе арабы, шедшіе съ Пороговъ. Муини-Сомаи разсказываетъ, что одна изъ женъ Санги била въ барабанъ, когда маіоръ вышелъ, и, направляясь къ его дому, сказалъ: «Это кто?»—Санга говоритъ, будто думалъ, что маіоръ хочетъ бить эту женщину, какъ вчера побилъ того,—онъ и выстрѣлилъ въ него. Санга у пороговъ Стэнли. Вашъ Джемсонъ».

1-го августа.—Сегодня дѣлалъ обыскъ въ жилищахъ занзибарцевъ; нашелъ десять кусковъ сукна.

2-го августа.—Въ лѣсу нашли пустой ящикъ отъ ремингтоновскихъ снарядовъ. У одного занзибарца оказалось сорокъ восемь платковъ,—очевидно, это часть вьюковъ, разграбленныхъ 19-го іюля.

6-го августа.—Ночью приходили туземцы и похитили челнокъ, стоявшій у самой нашей калитки, въ трехъ шагахъ отъ часового суданца. Всѣхъ трехъ часовыхъ суданцевъ я оштрафовалъ по 10 руб. за неисправность по службѣ.

8-го августа.—Около 10-ти часовъ вечера я услыхалъ какой-то странный шумъ, всталъ съ постели и убѣдился, что онъ происходитъ отъ множества челноковъ (отъ 100 до 150), которые, переплывая черезъ рѣку, сталкиваются. Дикари въ значительномъ числѣ переправлялись на нашу сторону. Я тотчасъ началъ разставлять своихъ людей въ оборонительную позицію; туземцы, замѣтивъ это, вороти

лись назадъ. Ни одного выстрѣла не было. Я хочу подружиться съ ними.

12-го августа.—Маньюмы, чрезъ старшину Сади, прислали мнѣ въ подарокъ 15 фунтовъ кабаньяго мяса. Я съ 25-го іюля мяса не видалъ.

14-го августа.—Получилъ письмо отъ мистера Джемсона, со Стенлеевыхъ Пороговъ. Онъ пишетъ, что мое письмо, отъ 19-го іюля 1888 года, пропало. Оно было адресовано на Стэнлеевы пороги, мистеру Барту, и въ немъ было извѣщеніе Типпу-Тибу о смерти маіора Бартлота и вложено письмо къ сэръ Вальтеру Бартлоту, баронету и члену парламента.

Типпу-Тибъ отдалъ подъ судъ Муини-Сомаи, призналъ его виновнымъ и разорвалъ заключенное съ нимъ условіе. Муини-Сомаи обязанъ возвратить всѣ ружья и проч. Мистеръ Уардъ въ Бангалѣ съ письмами отъ комитета, которыя мистеръ Джемсонъ велѣлъ прислать сюда. Типпу-Тибъ согласился выдать Сангу, убійцу маіора, мистеру Джемсону, для суда надъ нимъ. Правительственные чиновники предъявляютъ свои права на производство этого дѣла и сами будутъ его судить, такъ какъ Баналія приходится въ предѣлахъ Области Конго.

17-го августа.—Мистеръ Стэнли прибылъ сегодня, въ 11 часовъ утра; здоровъ, но исхудалъ. Пришелъ водою въ тридцати челнокахъ, съ нимъ около двухсотъ человѣкъ. Въ числѣ ихъ нѣсколько туземцевъ изъ свиты Эмина-паши.

Я вкратцѣ передалъ мистеру Стэнли положеніе дѣлъ, отдалъ ему одиннадцать писемъ на его имя и четыре на имя Эмина-паши.

Идетъ дождь.

18-го августа.—Одинъ маньюмъ сознался мистеру Стэнли, что у него два тюка занзибарскаго сукна и онъ знаетъ человѣка, укрывающаго мѣшокъ съ бусами, утащенный у меня 19-го іюля. Мистеръ Стэнли посовѣтовалъ старшинѣ возвратить мнѣ тюки. Киманга принесъ два полу-тюка занзибарскаго сукна, украденнаго изъ склада 19-го іюля. Ему выдали росписку въ полученіи. Я получилъ отъ мистера Джемсона со Стэнлеевыхъ Пороговъ письмо, отъ 12-го августа. Муини-Сомаи приходилъ и имѣлъ свиданіе съ мистеромъ Стэнли.

19-го августа.—Муини-Сомаи возвратилъ въ цѣлости всѣ ружья, револьверы, патроны и походную палатку.

20-го августа.—Сегодня суданцы и занзибарцы, по собственному желанію, устроили парадъ передъ мистеромъ Стэнли и жаловались ему, что съ ними дурно обращались.

Уильямъ Бонни.

Вотъ письмо Джемсона къ мистеру Бонни:

«Стэнлеевы пороги, 12-го августа, 1888.

«Дорогой Бонни, экспедиція наша чуть жива, съ чѣмъ вѣроятно и вы теперь согласитесь. Ни одинъ старшина не соглашается принять на себя отвѣтственность за маньюмовъ, хотя я все на свѣтѣ сдѣлалъ, чтобы залучить хоть одного. Типпу-Тибъ говорилъ, что самъ пойдетъ, если ему отсчитаютъ впередъ 20.000 фунтовъ (200.000 рублей) и не поставятъ никакихъ условій, а потомъ самъ же сказалъ, что въ случаѣ если на пути повстрѣчаетъ значительную вражескую силу или какъ-нибудь иначе его людямъ будетъ угрожать явная опасность, то онъ воротится. Мало вѣроятно, чтобы комитетъ на это согласился. Но за ту-же цѣну онъ предлагаетъ, во первыхъ, доставить всѣ вьюки черезъ Нвангуэ и Танганейку въ Киберо, въ Уніоро; за цѣлость вьюковъ онъ отвѣчаетъ и за каждую пропажу заплатитъ деньгами. Во-вторыхъ, представить вьюки въ Киберо (въ Уніоро) ровно черезъ шесть мѣсяцевъ со дня отправки. Въ третьихъ, сдавъ вьюки въ Киберо, берется розыскивать мистера Стэнли.

Но если между жителями Уганды и Уніоро существуетъ вражда, онъ не отвѣчаетъ за доставку вьюковъ въ Киберо. Вчера вечеромъ у меня съ нимъ было рѣшительное объясненіе. Я ему сказалъ, что мистеръ Стэнли до конца приказывалъ намъ идти проложенною имъ дорогой. Маіоръ Бартлотъ, даже въ день своей смерти, имѣлъ намѣреніе идти этимъ самымъ путемъ; онъ уже далъ знать мистеру Меккиннону, что выступили именно по этой дорогѣ. Комитетъ едва-ли могъ приказать ему избрать иной путь; а если бы приказалъ, то мы бы объ этомъ узнали. Эминъ-паша писалъ въ послѣдній разъ въ такомъ смыслѣ, что если вскорѣ не подадутъ ему помощи, онъ станетъ во главѣ своихъ людей и попытается пробиться съ ними черезъ Конго. Мистеръ Стэнли, съ своей стороны, писалъ ему изъ Занзибара, что пойдетъ къ нему по Конго; и самъ онъ, если вздумаетъ уходить, конечно пойдетъ тѣмъ же путемъ. Въ виду этого мнѣ нельзя идти иной дорогой, пока я не получу на то особаго приказанія. Типпу-Тибъ сказалъ:—Это правда!—Я сталъ ему говорить, что нечего разсуждать о путяхъ, пока онъ ни за какую цѣну не-можетъ мнѣ найти старшину для начальства надъ маньюмами. Онъ отвѣчалъ, что и самъ бы пошелъ, за 20.000 фунтовъ, но непремѣнно возвратится вспять, если его людямъ станетъ угрожать серьезная опасность. Я сказалъ ему:—«Хочешь получить не меньше двадцати тысячъ фунтовъ, а условій заключать не хочешь! Твои люди теперь же говорятъ, что если я пойду безъ старшины отъ твоего имени, они пройдутъ со мной сколько нибудь и какъ дойдутъ до хорошаго селенія, сейчасъ вьюки побро-

саютъ, а сами отправятся добывать слоновую кость. (Это-то правда!— замѣчаетъ Типпу-Тибъ). Слѣдовательно, если я вздумаю выступить безъ отвѣтственнаго старшины, пропадетъ вся экспедиція!

«Мнѣ теперь остается одно: достать лодки и немедленно плыть въ Бангалу; прочесть отвѣтъ Комитета и, если такъ приказано, выступать дальше во всякомъ случаѣ. Тогда я взялъ бы тридцать или сорокъ вьюковъ, роздалъ бы ихъ тѣмъ носильщикамъ, которыхъ Типпу-Тибъ долженъ дать мнѣ взамѣнъ людей Муини-Сомаи, взялъ бы съ собой мистера Уарда, на случай, чтобы было кого послать съ донесеніемъ, если маньюмы побросаютъ свои вьюки, а старшины не возьму. Мнѣ самому довольно будетъ хлопотъ съ маньюмами. Я тотчасъ вернусь сюда на пароходѣ «Стэнли», который будетъ въ Бангалѣ, какъ только я туда прибуду, и въ ту же ночь пойдетъ обратно. Если Комитетъ отвѣтитъ такъ, что остановитъ меня, то я, зная то, пошлю Уарда съ телеграммой въ Банану на тѣхъ самыхъ лодкахъ, на которыхъ приплыву отсюда, самъ ворочусь на пароходѣ «Стэнли», поспѣшу къ вамъ, и мы всѣхъ людей съ вьюками пошлемъ въ Ярукомбэ, на Конго. Типпу-Тибъ обязался распустить своихъ людей, но держать ихъ по близости, у береговъ Арухуими, такъ что если комитетъ велитъ отправляться дальше по какой бы ни было дорогѣ, онъ въ нѣсколько дней соберетъ людей съизнова. Кромѣ меня въ Банану идти некому. Если бы я здѣсь дожидался отвѣтной телеграммы Комитета, и мы выступили бы тотчасъ, у меня не было бы вьюковъ взамѣнъ потерянныхъ въ Баналіи, а Уардъ не могъ бы идти съ нами; притомъ, если бы я считалъ нужнымъ остаться и послать телеграмму, то была бы еще бóльшая задержка оттого, что Уарду пришлось бы ее отправлять.

«Что касается до васъ, то по моему вамъ всего лучше оставаться въ Баналіи и подождать извѣстій обо мнѣ, которыя получите вѣроятно черезъ три или четыре недѣли.

«Если придется идти на Ярукомбэ, надо чтобы занзибарцы думали что мы направляемся въ Занзибаръ, тогда меньше будетъ побѣговъ. Типпу-Тибъ узналъ гдѣ укрываются наши дезертиры,—они въ Ятукѣ, селеніи старшины Сеида-бенъ-Хебиба. Типпу-Тибъ послалъ людей схватить всѣхъ, укрывшихся тамъ. Дауда поймали въ Ямбуйѣ, и нашли при немъ чемоданъ маіора. Различныя части нашего туалета приносятъ Типпу-Тибу изъ деревень и поселеній со всѣхъ концовъ страны.

«Вчера происходилъ судъ надъ Сангой, убійцей маіора, на судѣ присутствовали Типпу-Тибъ и бельгійскій резидентъ. Санга признанъ виновнымъ и немедленно разстрѣлянъ.

«Иногда надежды мои возбуждаются до высочайшей степени, а вслѣдъ затѣмъ разбиваются въ прахъ. Когда Типпу-Тибъ сказалъ, что за двадцать тысячъ фунтовъ самъ пойдетъ въ главѣ маньюмовъ, я замѣтилъ ему, что такихъ денегъ Комитетъ ему не дастъ; но если онъ представитъ мнѣ нѣкоторыя гарантіи, то половину этой суммы я готовъ самъ заплатить ему, въ видѣ пожертвованія въ пользу Экспедиціи.

«Но послѣ того, что онъ отвѣтилъ, конечно никто-бы его не взялъ.

«Вы помните, что въ лагерѣ я, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, серьезно подумывалъ не призывать Уарда; но теперь если мы выступимъ безъ старшины, необходимо, чтобы насъ было трое. Увѣряю васъ, что онъ ничуть не помѣшаетъ вамъ командовать занзибарцами. А теперь, старый другъ, прощайте, и да благословитъ васъ Богъ.

Всею душою вашъ Джемсъ С. Джемсонъ».

Копія съ замѣтокъ и выкладокъ набросанныхъ карандашемъ въ присутствіи маіора Бартлота 24-го іюня 1887 г., когда онъ просилъ разъяснить ему его обязанности и опредѣлить, что за человѣкъ Типпу-Тибъ. Спустя 14 мѣсяцевъ послѣ того какъ они были переданы маіору Бартлоту, эти замѣтки возвращены мнѣ мистеромъ Бонни. Я снялъ копію съ этого документа, а оригиналъ отдалъ ему обратно.

Пароходъ «Стэнли», положимъ, придетъ сюда (въ Ямбуйю) въ августѣ, мистеръ Стэнли, надѣется быть на Ніанзѣ около того же времени. Двѣ недѣли онъ пробудетъ съ Эминомъ-пашой, скажемъ по 1 Сентября. На обратный путь сентябрь и октябрь.

Такимъ образомъ у васъ семьдесятъ четыре дня времени, а вьюковъ 550. Носильщиковъ у васъ 155, помимо двухъ гарнизоновъ по 50 человѣкъ, долженствующихъ занимать оба конца вашихъ суточныхъ переходовъ.

Проходя по 6 миль въ день . . 155 вьюковъ
» » 6 » » . . 155 »
» » 6 » » . . 155 »
» » 6 » » . . 155 »

4 перехода подвинутъ васъ на 6 миль впередъ, 8 переходовъ составятъ 1 день пути обыкновеннаго каравана.

Слѣдовательно, въ семьдесятъ четыре дня вы подвинетесь къ намъ на девять цѣлыхъ дневныхъ переходовъ.

Если Типпу-Тибъ пришлетъ 400 человѣкъ, да вашихъ 208, то можете со всѣми вьюками идти къ Мута-Нзигэ. Тогда я васъ встрѣчу за тринадцать дней пути отъ Мута-Нзигэ.

Списокъ товаровъ, доставленныхъ изъ Леопольдвиля въ лагерь при Ямбуйѣ, на пароходѣ «Стэнли», 14-го августа 1887 г.:

100 ящиковъ съ порохомъ.
129 » ружейныхъ патроновъ Ремингтона.

10 ящиковъ запасныхъ ружейныхъ капсюлей.
7 » морскихъ сухарей.
2 » вина мадеры.
2 » разныхъ мелочей.
114 тюковъ суконъ (отборныхъ).
33 мѣшка съ бусами.
13 » съ мѣдною монетой.
20 » рису.
8 » соли.
1 » пустыхъ мѣшковъ.
26 вьюковъ мѣдныхъ прутьевъ.
27 » мѣдной и желѣзной проволоки.
1 ящикъ жестяныхъ издѣлій.

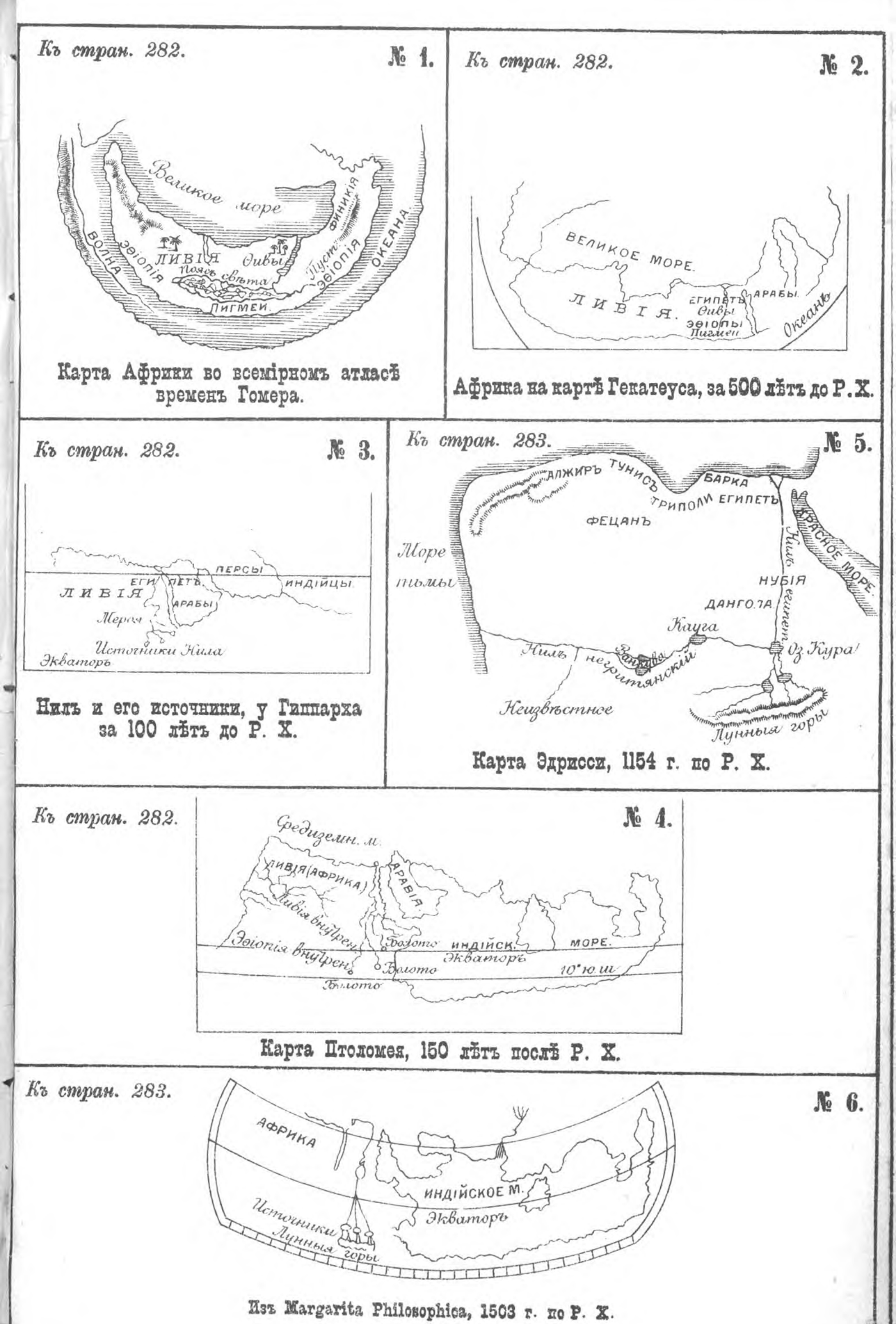
Всего 493 мѣста.

Списокъ запасовъ, оставленныхъ въ Ямбуйѣ на попеченіи маіора Бартлота, 28-го іюня 1887 г.:

12 ящиковъ личнаго багажа мистера Стэнли.
29 » ружейныхъ патроновъ Ремингтона.
38 » » » винчестерскаго образца.
24 » » » системы Максимъ.
24 » европейскихъ консервовъ.
10 вьюковъ офицерскаго багажа.
15 » мѣдныхъ прутьевъ.
1 » табаку.
1 » мѣдной монеты.
12 » рису.
7 » сухарей.
1 » соли.
3 » походныя палатки.

177 мѣстъ.

КОНЕЦЪ.



Карта Африки во всемірномъ атласѣ временъ Гомера.

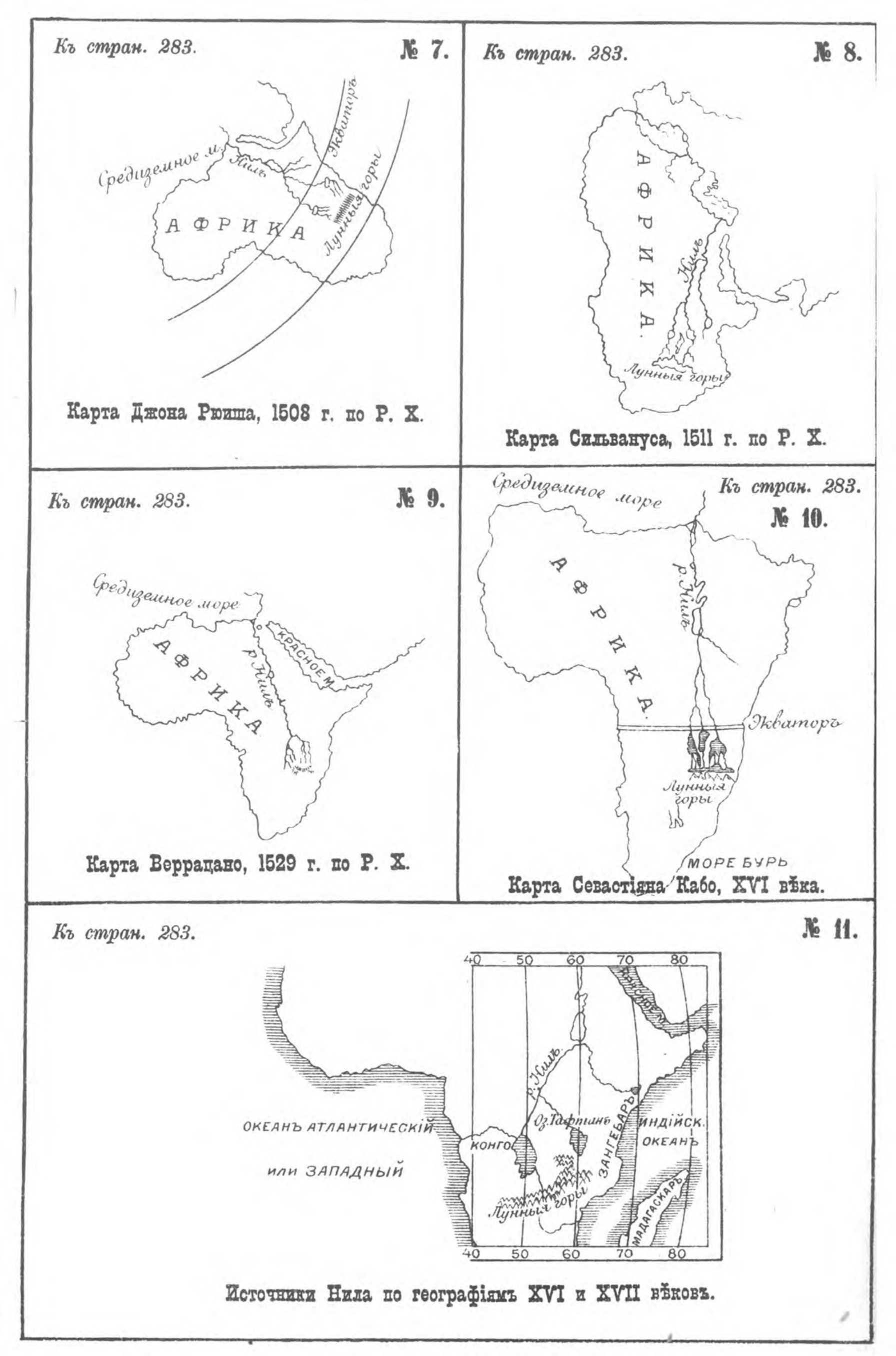
Африка на картѣ Гекатеуса, за 500 лѣтъ до Р. Х.

Нилъ и его источники, у Гиппарха за 100 лѣтъ до Р. Х.

Карта Эдриссі, 1154 г. по Р. Х.

Карта Птоломея, 150 лѣтъ послѣ Р. Х.

Изъ Margarita Philosophica, 1503 г. по Р. Х.



Карта Джона Рюиша, 1508 г. по Р. Х.

Карта Сильвануса, 1511 г. по Р. Х.

Карта Веррацано, 1529 г. по Р. Х.

Карта Севастіяна Кабо, XVI вѣка.

Источники Нила по географіямъ XVI и XVII вѣковъ.

№ 12. *Къ стран. 284.*

20 25 30 35

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Кипръ

Кандія

СИРІЯ

АРАВІЯ

КАИРЪ

АССУАНЪ

АРАВІЙСКІЙ ЗАЛИВЪ

р. Нилъ

ДОНГОЛА

СЕННААРЪ

КОРДОФАНЪ

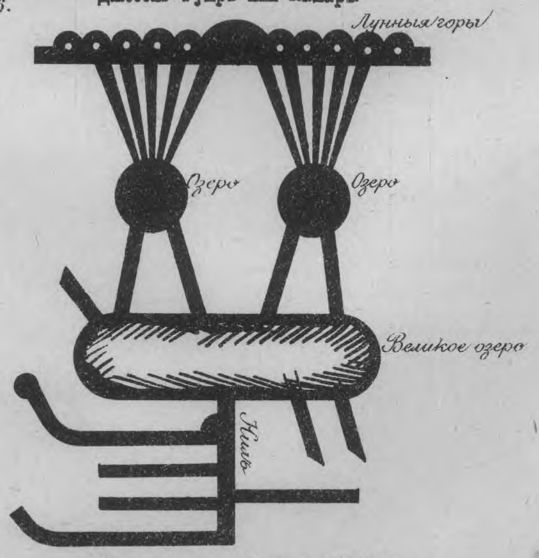
р. Нигеръ

р. Нилъ

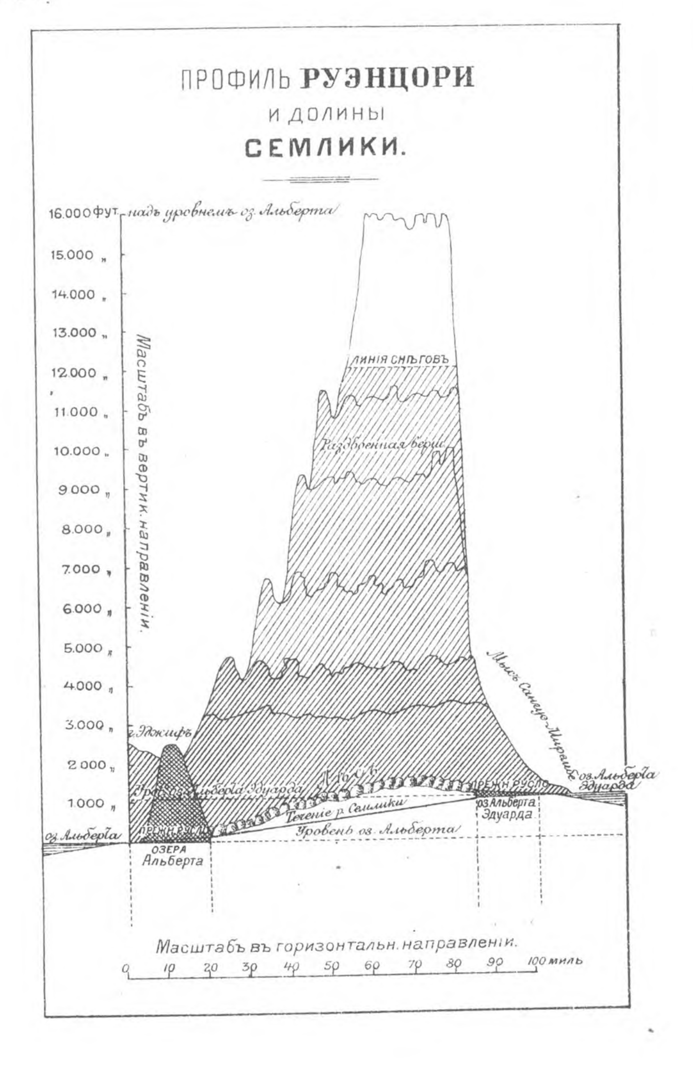
Джебель Кумри или Лунныя горы.

Карта Констебля, Эдинбургъ, 1819 г.

Къ стран. 296. **Джебель Гумръ или Камаръ.** **№ 13.**



Лунныя горы. — Массуди, XI вѣка.


ПРОФИЛЬ РУЭНЦОРИ
И ДОЛИНЫ
СЕМЛИКИ.
16.000 фут. надъ уровнемъ оз. Альберта
15.000 „
14.000 „
13.000 „
12.000 „
11.000 „
10.000 „
9.000 „
8.000 „
7.000 „
6.000 „
5.000 „
4.000 „
3.000 „
2.000 „
1.000 „
Масштабъ въ вертик. направлении.
ЛИНІЯ СНѢГОВЪ
Мысъ Санго-Ширавъ
г. Эджифъ
оз. Альберта
ПРЕЖН. РУСЛО
ОЗЕРА
Альберта
Течение р. Семлики
Уровень оз. Альберта
ПРЕЖН. РУСЛО
оз. Альберта
Эдуарда
оз. Альберта
Эдуарда
Масштабъ въ горизонтальн. направлении.
0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100 миль